This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

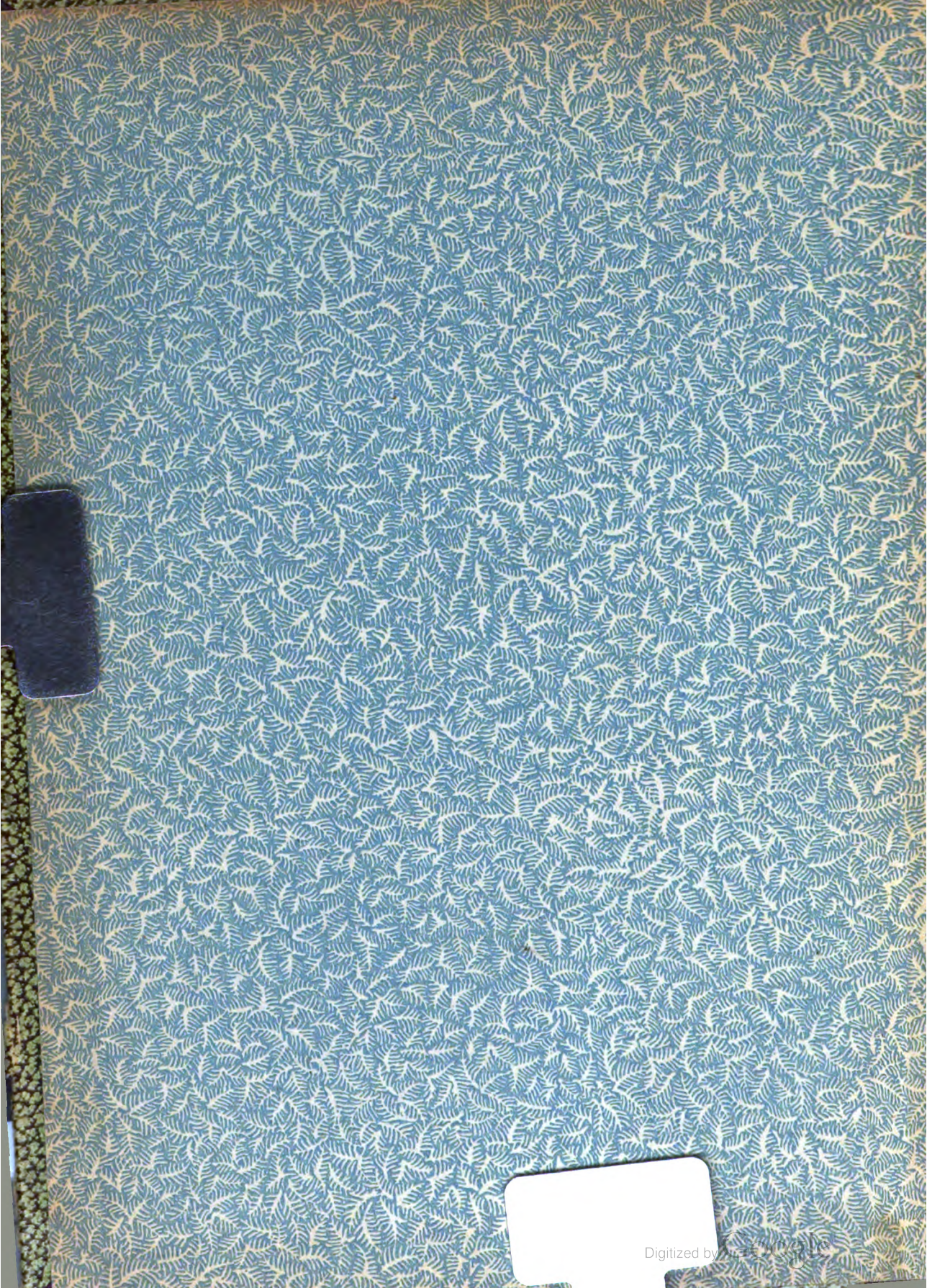
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

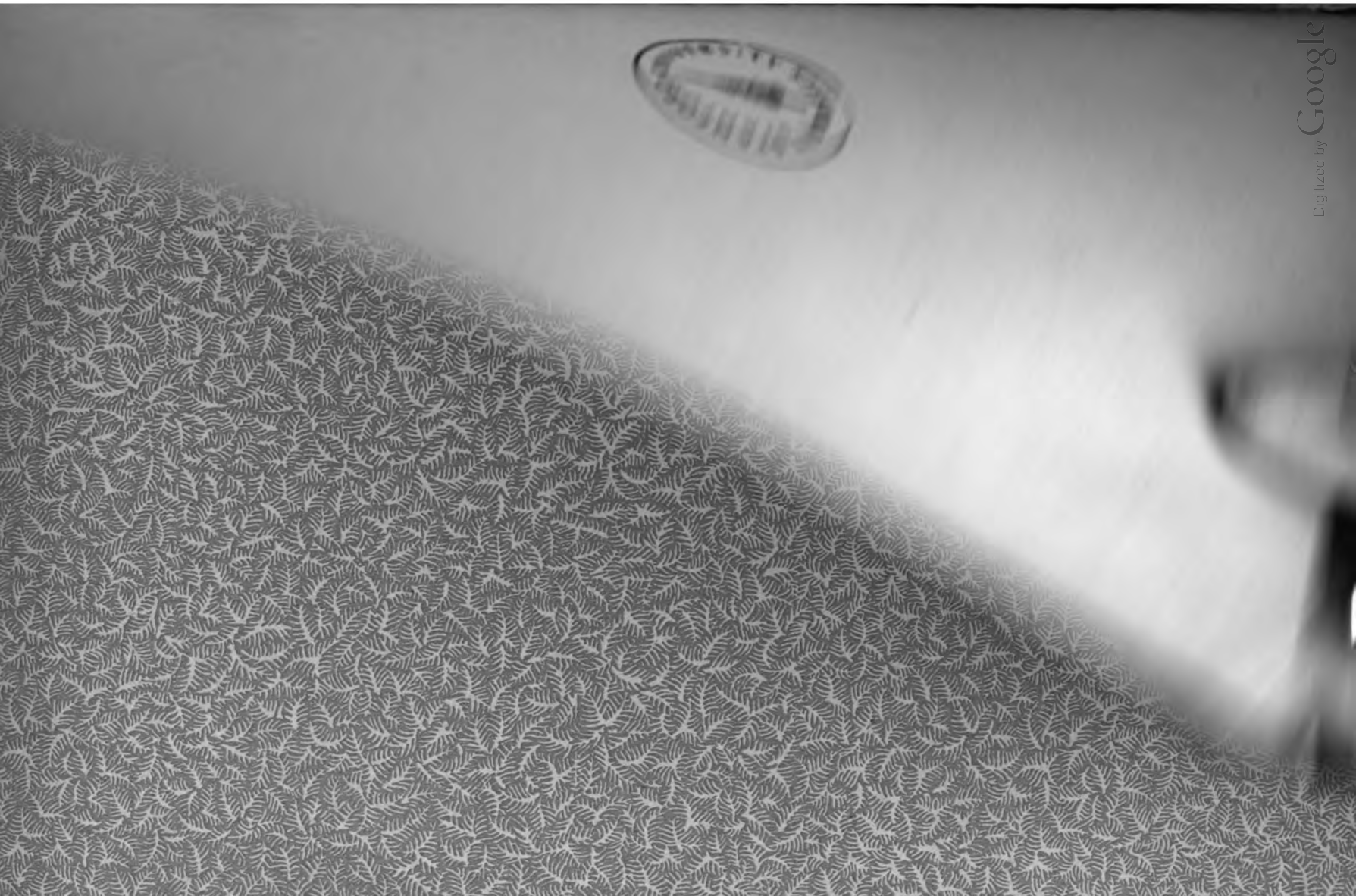
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Digitized by Google


Digitized by Google

Digitized by Google


Digitized by Google

Sokolov, M.

ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ

СЪ ПРИСОЕДИНЕНІЕМЪ ОБРАЗЦОВЪ.

(Опытъ аналитико-историческаго курса.)

Составилъ

примѣнительно къ программамъ среднихъ учебныхъ заведеній

М. Соколовъ.

Выпускъ первый: Общая теорія словесности и теорія прозы.

Изданіе третье, вновь исправленное.

Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи по учрежденіямъ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ книга эта въ первомъ изданіи допущена къ употребленію въ качествѣ пособія при преподаваніи русской словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Вѣдомства учрежденій ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ и Учебнымъ Комитетомъ и Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ одобрена къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія по теоріи словесности въ первомъ классѣ духовныхъ семинарій и во второклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ.

Тула.
Типографія И. Д. Фортунатова насл:.
1904.

Digitized by Google

Дозволено цензурой. Москва. 29 мая 1904 года.

PN584
S6
1904

Digitized by Google

ВВЕДЕНІЕ.

Понятіе о словесности, какъ наукѣ о словесныхъ произведеніяхъ. Каждый народъ выражаетъ свою дѣятельность въ разнаго рода произведеніяхъ, которыя бываютъ тѣмъ важнѣе и совершеннѣе, чѣмъ образованнѣе самъ народъ. Обыкновенно, наивысшими памятниками народнаго творчества признаются сочиненія, такъ какъ въ нихъ полнѣе и всесторонніе отражается человѣческая жизнь. Обнимая собою послѣднюю въ ея всевозможныхъ проявленіяхъ, словесныя произведенія, естественно, измѣняются вмѣстѣ съ ея постепеннымъ движеніемъ, разнообразясь еще болѣе отъ того, что всякій народъ живетъ по-своему. Отсюда, при помощи сочиненій, содержащихъ въ себѣ послѣдовательное развитіе общественной мысли, можно основательно познакомиться, какъ съ историческою жизнію того или другого народа, такъ и съ ея особенностями у разныхъ народовъ. Изученіе наиболѣе цѣнныхъ сочиненій, которыя особенно запечатлѣны умомъ и чувствомъ и въ которыхъ сильнѣе и ярче отражается духовная жизнь народа, въ историческомъ порядкѣ, въ связи съ самою народною жизнію, составляетъ первую основную задачу словесности, какъ особой науки, и можетъ быть названо исторіею словесныхъ произведеній или исторіею словесности. Такъ какъ у каждаго народа своя жизнь и свои особыя сочиненія, то и исторія словесности бываетъ различна: есть исторія словесности русской, греческой, латинской и проч. Но развиваясь и совершенствуясь вмѣстѣ съ народною жизнію, словесныя произведенія въ то же время содержатъ въ себѣ нѣчто постоянное и неизмѣняемое. Выдѣленная и обобщенная въ отдѣльную группу, эта сторона словесныхъ произведеній представляетъ собою тѣ правила или законы словесности, которые въ извѣстной мѣрѣ свойственны всякому хорошему сочиненію и подъ которые поэтому можно подвести каждое изъ нихъ. Изученіе образцовыхъ сочиненій въ отношеніи законовъ ихъ построенія образуетъ вторую существенную задачу словесности, какъ особой науки. Законы словесности общи словеснымъ произведеніямъ всѣхъ народовъ и потому словесность, понимаемая въ данномъ значеніи, у всѣхъ народовъ одинакова. Такимъ образомъ, *словесностью называется такая наука о словесныхъ произведеніяхъ, которая разсматриваетъ наилучшія изъ нихъ, какъ въ постепенномъ, историческомъ развитіи, въ связи съ народною жизнію, такъ и съ точки зрѣнія законовъ ихъ построенія.*

Digitized by Google

Различіе между произведеніями устной народной и книжной искусственной словесности. Первоначально словесныя произведенія возникаютъ у людей безъ посредства наукъ, искусствъ и образованія и очень долгое время остаются незаписанными, переходя устно отъ отцовъ къ дѣтямъ, отъ дѣтей къ внучатамъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Поэтому они называются сочиненіями безыскусственными, устными. При передачѣ по памяти, безыскусственныя словесныя произведенія неминуемо дополняются позднѣйшими народными взглядами и такимъ образомъ становятся достояніемъ не одного какого-либо опредѣленнаго времени, а нѣсколькихъ эпохъ. При этомъ нужно замѣтить, что позднѣйшія воззрѣнія народа въ его сочиненіяхъ не противорѣчатъ его воззрѣніямъ болѣе раннимъ, но образуютъ между собою одно цѣлое. Это единство простирается даже и на самую внѣшность: въ своихъ твореніяхъ народъ вездѣ употребляетъ одинаковыя слова, сходные обороты рѣчи и пр., такъ что одинаковость языка и слога служитъ отличительною принадлежностью безыскусственныхъ словесныхъ произведеній. Первобытная жизнь каждаго народа носитъ на себѣ ясные слѣды однообразія: люди живутъ и руководствуются одними и тѣми же стремленіями, слѣдуютъ общимъ преданіямъ и вѣрованіямъ; между ними нѣтъ ни рѣзко выдающейся розни сословной, ни большой разницы по состоянію; они близки другъ другу, они какъ-бы родственны между собой. Благодаря этому, и словесныя безыскусственныя произведенія, какъ выражающія жизнь народа въ данный періодъ ея развитія, запечатлѣны бываютъ общенародностью: они создаются на общенародной почвѣ, самимъ народомъ, а не отдѣльными, замѣтно выдающимися личностями, иногда выступающими лишь хранителями и выразителями народнаго творчества, и заключаютъ въ себѣ понятія, вѣрованія и убѣжденія цѣлаго народа. Какъ такія, безыскусственныя устныя словесныя произведенія носятъ наконецъ названіе народныхъ или общенародныхъ. Такъ какъ всякій народъ въ пору своего младенчества и юности живетъ преимущественно чувствомъ и воображеніемъ, то и словесныя его произведенія за это время видимо обнаруживаютъ въ себѣ вліяніе этихъ способностей: они всѣ почти безъ исключенія принадлежатъ къ поэзіи. Таковъ характеръ первоначальныхъ словесныхъ произведеній,—но время идетъ впередъ, а вмѣстѣ съ нимъ измѣняется и жизнь народная. Въ народѣ появляются науки, искусства, образованіе; возникаютъ сословія, обнаруживается неравенство по состоянію; выдвигаются на первый планъ отдѣльныя личности; прежніе общественные интересы уступаютъ мѣсто частнымъ и даже личнымъ; старыя убѣжденія, воззрѣнія и вѣрованія теряютъ ха-

Digitized by Google

рактеръ всеобщности, нисходятъ на степень личнаго пониманія и все это окрашивается цвѣтомъ просвѣщенія,—словомъ, наступаетъ періодъ условности, искусственности. Такая перемѣна въ жизни народа неизбѣжно ведетъ за собою и соотвѣтствующую перемѣну въ его сочиненіяхъ. Послѣднія создаются теперь по опредѣленнымъ образцамъ, съ опредѣленными пріемами, по предписываемымъ наукою и искусствомъ правиламъ; они не передаются устно, какъ произведенія безыскусственныя, а записываются или печатаются и уже въ такомъ видѣ распространяются среди народа, не будучи доступны каждому; творцами ихъ является не цѣлый народъ, а—отдѣльныя личности, часто высоко стоящія надъ народомъ по своему развитію; самое содержаніе ихъ по большей части затрогиваетъ вопросы частные, и все это переполняется личными понятіями составителя; личность автора неизбѣжно выступаетъ здѣсь и очень часто на первое мѣсто: она сквозитъ даже и во внѣшнихъ пріемахъ—въ языкѣ и слогѣ, которые у различныхъ писателей бываютъ далеко неодинаковы; рядомъ съ поэзіей здѣсь зарождается проза и быстро беретъ перевѣсъ надъ первою. По всѣмъ указаннымъ признакамъ словесныя произведенія этого второго періода народной жизни рѣзко отличаются отъ произведеній періода перваго и потому носятъ названіе сочиненій ненародныхъ, искусственныхъ, письменныхъ, книжныхъ. Такимъ образомъ, *всѣ словесныя произведенія,* составляющія содержаніе науки словесности, *по своему характеру раздѣляются на произведенія безыскусственныя, устныя, народныя и произведенія искусственныя, книжныя, письменныя.*

Теорія словесности и исторія литературы,—въ частности исторія литературы русской. Обнимая всѣ сочиненія, наука словесности, какъ уже замѣчено, разсматриваетъ ихъ или со стороны законовъ ихъ построенія, или въ порядкѣ ихъ историческаго возникновенія и развитія. Отсюда она распадается на два большіе отдѣла: теорію словесности и исторію словесности, иначе называемую исторіею литературы. Если послѣдняя имѣетъ своимъ предметомъ словесныя произведенія народа русскаго, она называется исторіею словесности русской или исторіею русской литературы.

Теорія словесности.

Понятіе о теоріи словесности. Раздѣленіе ея на двѣ части: I) общую—объ основныхъ формахъ и общихъ свойствахъ сочиненій и II) частную—о разныхъ родахъ и видахъ словесныхъ произведеній. Каждое сочиненіе непремѣнно содержитъ въ себѣ, какъ нѣкоторое

Digitized by Google

существенное сходство съ другими словесными произведеніями, такъ и болѣе или менѣе значительное отъ нихъ отличіе. Въ разнообразныхъ словесныхъ твореніяхъ оба эти качества выступаютъ въ неодинаковой степени. Путемъ внимательнаго разбора извѣстнаго числа лучшихъ сочиненій различныхъ народовъ, нагляднѣе другихъ отражающихъ въ себѣ упомянутыя сходство и различіе, можно подвести итогъ этимъ послѣднимъ качествамъ словесныхъ произведеній, въ извѣстной мѣрѣ свойственный и всѣмъ другимъ сочиненіямъ. Въ такомъ случаѣ возникаютъ общіе законы или правила, подъ которыя можно подвести всякое сочиненіе, и правила или законы частные, подъ которые подойдутъ не всѣ словесныя произведенія, а только нѣкоторыя. Въ каждомъ, напр., сочиненіи мы неминуемо найдемъ тѣ или иныя мысли, такъ или иначе выраженныя въ словѣ, расположенныя въ опредѣленномъ порядкѣ, связанныя какимъ-либо единствомъ,—это общая принадлежность всякаго сочиненія,—но, съ другой стороны,—одни сочиненія касаются только того, что есть на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности, другія изображаютъ то, что можетъ быть, возможное; одни разсказываютъ о какомъ-либо событіи, лицѣ, другія описываютъ какой-либо предметъ, иныя не касаются ни разсказа, ни описанія, а просто передаютъ какія-либо отвлеченныя мысли объ извѣстномъ предметѣ, лицѣ, или событіи; одни изображаютъ міръ внѣшній, другія—міръ внутренній, иныя тотъ и другой вмѣстѣ въ ихъ взаимномъ отношеніи и т. п. Отсюда происходятъ различные роды и виды словесныхъ произведеній. *Систематическое, связное изложеніе всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ правилъ или законовъ словесныхъ произведеній, добытыхъ посредствомъ надлежащаго разбора образцовъ, и служитъ существеннымъ содержаніемъ теоріи словесности, какъ особаго отдѣла науки словесности.* Самое названіе „теорія словесности“ строго соотвѣтствуетъ ея основному характеру: теорія словесности разсматриваетъ образцовыя словесныя произведенія и дѣлаетъ изъ нихъ общіе выводы, становящіеся правилами, законами и для всѣхъ прочихъ словесныхъ произведеній того же рода, а слово теорія (отъ греческаго θεωρία) и значитъ по-русски разсматриваніе, изслѣдованіе, обобщеніе, выводъ. Такъ какъ правила или законы словесныхъ произведеній, какъ сказано, касаются или общей стороны сочиненій, или частныхъ ихъ особенностей, то и теорія словесности, какъ учащая объ этихъ законахъ или правилахъ, раздѣляется на двѣ неравныя части: на теорію словесности общую—объ основныхъ формахъ и общихъ свойствахъ словесныхъ произведеній и частную—о разныхъ родахъ и видахъ послѣднихъ.

Digitized by Google

Общая теорія словесности.

Общія формы изложенія мыслей о предметахъ—предложеніе и періодъ. Понятіе о сочиненіи. Разборъ сочиненія Аксакова „Лѣсъ". Тема или предметъ, идея, содержаніе, планъ и слогъ сочиненія. То, о чемъ человѣкъ мыслитъ и о чемъ онъ говоритъ, называется предметомъ. Въ мірѣ весьма много разнообразныхъ предметовъ. Каждый изъ нихъ, при извѣстныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, можетъ производить на человѣка то или другое дѣйствіе, вызывать въ немъ какія-либо мысли. Часто эти мысли навсегда остаются въ душѣ человѣка, но бываетъ, когда послѣдній желаетъ передать ихъ другимъ, желаетъ подѣлиться ими. Въ такомъ случаѣ на помощь ему является даръ слова—умѣнье говорить. Посредствомъ слова человѣкъ и излагаетъ устно или письменно свои мысли о предметѣ. Если предметъ возбудилъ въ насъ только одну мысль о себѣ, мы можемъ передать ее коротко, въ немногихъ словахъ, въ одномъ простомъ предложеніи. Но иногда у насъ являются двѣ, три и болѣе мыслей о предметѣ; тогда одного, даже распространеннаго простого предложенія бываетъ недостаточно; мы принуждены бываемъ прибѣгнуть къ нѣсколькимъ распространеннымъ предложеніямъ, простымъ или сложнымъ—къ періоду. Предложеніе и періодъ и служатъ самымъ первымъ, простымъ средствомъ для передачи мыслей о предметѣ. Наконецъ, весьма часто у человѣка накопляется столько мыслей о предметѣ, что для передачи ихъ не хватаетъ и періода; тогда онъ употребляетъ нѣсколько періодовъ, нѣсколько предложеній, располагая ихъ въ томъ или иномъ порядкѣ, соотвѣтственно естественному ходу мыслей о предметѣ въ его умѣ, и связуя ихъ одною главною мыслію. Такъ образуется послѣдняя, высшая форма словесной передачи мыслей о предметѣ—сочиненіе, по отношенію къ которому предложеніе и періодъ служатъ только формами общими, элементарными—начальными. Слѣдовательно, чтобы составить какое-бы-то-ни-было сочиненіе, нужно прежде всего избрать, какъ обыкновенно говорятъ, тему (греч. θέμα положеніе, основа), или иначе какой-либо предметъ; затѣмъ пріобрѣсти о немъ нѣсколько мыслей, или изучить его. Пріобрѣтенныя объ избранномъ предметѣ мысли должно расположить въ строгой, по возможности, послѣдовательности, объединяя ихъ главною, проходящею чрезъ все сочиненіе, мыслію и такъ или иначе выражая все это въ словѣ устно или письменно. Такимъ образомъ, *сочиненіемъ называется систематическое изложеніе, или послѣдовательная передача мыслей о какомъ-либо предметѣ въ словѣ, устно или пись-*

Digitized by Google

менно, посредствомъ простыхъ, нераспространенныхъ предложеній и сложныхъ,—распространенныхъ—періодовъ. Часто сочиненія называются еще словесными произведеніями или произведеніями слова и, обыкновенно, въ громадномъ большинствѣ хранятся печатно и письменно. Для болѣе яснаго и нагляднаго пониманія дѣла, разсмотримъ, напр. сочиненіе Аксакова—„Лѣсъ".

Я сказалъ о водѣ, что она „краса природы"; почти то же можно сказать о лѣсѣ. Полная красота всякой мѣстности состоитъ именно въ соединеніи воды съ лѣсомъ. Природа такъ и поступаетъ: рѣки, рѣчки, ручьи и озера почти всегда обростаютъ лѣсомъ или кустами. Исключенія рѣдки. Въ соединеніи лѣса съ водою заключается другая, великая цѣль природы. Лѣса—хранители водъ: деревья закрываютъ землю отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца, отъ изсушительныхъ вѣтровъ; прохлада и сырость живутъ въ ихъ тѣни и не даютъ изсякнуть текучей или стоячей влагѣ. Убыль рѣкъ, въ цѣлой Россіи замѣчаемая, происходитъ, по общему мнѣнію, отъ истребленія лѣсовъ.

Всѣ породы деревъ смолистыхъ, какъ-то: сосна, ель, пихта и пр., называются „краснымъ лѣсомъ" или „краснолѣсьемъ". Отличительное ихъ качество состоитъ въ томъ, что, вмѣсто листьевъ, онѣ имѣютъ иглы, которыхъ зимою не теряютъ, а перемѣняютъ ихъ исподоволь, постепенно, весною и въ началѣ лѣта; осенью же онѣ становятся полнѣе, свѣжѣе и зеленѣе, слѣдовательно встрѣчаютъ зиму во всей красѣ и силѣ. Лѣсъ, состоящій исключительно изъ однѣхъ сосенъ, называется „боромъ". Всѣ остальныя породы деревъ, теряющія свои листья осенью и возобновляющія ихъ весною, какъ-то: дубъ, вязъ, осокорь, липа, береза, осина, ольха и другія, называются „чернымъ лѣсомъ" или „чернолѣсьемъ". Къ нему принадлежатъ ягодныя деревья: черемуха и рябина, которыя достигаютъ иногда значительной вышины и толщины. Къ чернолѣсью же надобно причислить всѣ породы кустовъ, которыя также теряютъ зимой свои листья: калину, орѣшникъ, жимолость, волчье лыко, шиповникъ, чернотѣлъ, обыкновенный тальникъ и проч.

Красный лѣсъ любитъ землю глинистую, иловатую, а сосна преимущественно песчаную; на чистомъ черноземѣ встрѣчается она въ самомъ маломъ числѣ, развѣ гдѣ-нибудь по горамъ, гдѣ обнажился суглинокъ и каменный плитнякъ. Я не люблю краснаго лѣса, его вѣчной однообразной и мрачной зелени, его песчаной или глинистой почвы, можетъ быть оттого, что я съ малыхъ лѣтъ привыкъ любоваться веселымъ, разнолистнымъ чернолѣсьемъ и тучнымъ черноземомъ. Въ тѣхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи, гдѣ прожилъ я большую половину своего вѣка, сосна—рѣдкость. Итакъ я стану говорить объ одномъ чернолѣсьѣ.

По большей части чернолѣсье состоитъ изъ смѣшенія разныхъ древесныхъ породъ, и это смѣшеніе особенно пріятно для глазъ; но иногда попадаются мѣста отдѣльными гривами или „колками", гдѣ преобладаетъ какая-нибудь одна порода: дубъ, липа, береза или осина,

Digitized by Google

растущія гораздо въ большемъ числѣ въ сравненіи съ другими древесными породами и достигающія объема строеваго лѣса. Когда разнородныя деревья растутъ вмѣстѣ и составляютъ одну зеленую массу, то всѣ кажутся равно хороши, но въ отдѣльности одни другимъ уступаютъ. Хороша развѣсистая, бѣлоствольная, свѣтлозеленая, веселая береза, но еще лучше стройная, кудрявая, круглолистая, сладко-душистая во время цвѣта, не ярко, а мягко-зеленая липа, прикрывающая своими лубьями и обувающая своими лыками православный русскій народъ. Хорошъ и кленъ съ своими лапами-листами (какъ сказалъ Гоголь); высокъ, строенъ и красивъ бываетъ онъ, но его мало растетъ въ знакомыхъ мнѣ уѣздахъ Оренбургской губерніи, и не достигаетъ онъ тамъ своего огромнаго роста. Коренастъ, крѣпокъ, высокъ и могучъ, въ нѣсколько обхватовъ толщины у корня, бываетъ многостолѣтній дубъ, рѣдко попадающійся въ такомъ величавомъ видѣ; мелкій же дубнякъ не имѣетъ въ себѣ ничего особенно привлекательнаго: зелень его темна или тускла, вырѣзные листья, плотные и добротные, выражаютъ только признаки будущаго могущества и долголѣтія. Осина и по наружному виду, и по внутреннему достоинству считается послѣднимъ изъ строевыхъ деревъ Незамѣчаемая никѣмъ, трепетнолистная осина бываетъ красива и замѣтна только осенью: золотомъ и багрянцемъ покрываются ея рано увядающіе листья, и, ярко отличаясь отъ зелени другихъ деревъ, придаетъ она много прелести и разнообразія лѣсу во время осенняго листопада.

„Заросль“ или „поросль“, то есть молодой лѣсъ, пріятенъ на взглядъ, особенно издали. Зелень его листьевъ свѣжа и весела, но въ немъ мало тѣни: онъ тонокъ и такъ бываетъ частъ, что сквозь него не пройдешь. Со временемъ большая часть деревъ посохнетъ отъ тѣсноты, и только сильнѣйшія овладѣютъ всею питательностью почвы и тогда начнутъ расти не только въ вышину, но и въ толщину.

Чернѣя издали, стоятъ высокіе, тѣнистые, старые „темные лѣса“; но подъ словомъ старый не должно разумѣть состарѣвшійся, дряхлый, лишенный листьевъ: видъ такихъ деревъ во множествѣ былъ бы очень печаленъ. Въ природѣ все идетъ постепенно. Большой лѣсъ всегда состоитъ изъ деревъ разныхъ возрастовъ; отживающія свой вѣкъ и совершенно сухія во множествѣ другихъ, зеленыхъ и цвѣтущихъ, незамѣтны. Кое-гдѣ лежатъ по лѣсу огромные стволы сначала высохшихъ, потомъ подгнившихъ у корня, наконецъ сломленныхъ бурею дубовъ, липъ, березъ и осинъ. При своемъ паденіи они согнули и поломали молодыя, сосѣднія деревья, которыя, не смотря на свое уродство, продолжаютъ расти и зеленѣть, живописно искривясь на бокъ, протянувшись по землѣ или скорчась въ дугу. Трупы лѣсныхъ великановъ, тлѣя внутри, долго сохраняютъ наружный видъ; кора ихъ обростаетъ мохомъ и даже травою. Мнѣ нерѣдко случалось въ торопяхъ вскочить на такой древесный трупъ и—провалиться ногами до земли сквозь его внутренность: облако гнилой пыли, похожей на пыль сухаго дождевика, обхватывало меня на нѣсколько секундъ.... Но это нисколько не нарушаетъ общей красоты зеленаго, могучаго

Digitized by Google

лѣснаго царства, свободно растущаго въ свѣжести, сумракѣ и тишинѣ. Отраденъ видъ густаго лѣса въ знойный полдень, освѣжителенъ его чистый воздухъ, успокоительна его внутренняя тишина и пріятенъ шелестъ листьевъ, когда вѣтеръ порой пробѣгаетъ по его вершинамъ! Его мракъ имѣетъ что-то таинственное, неизвѣстное; голоса звѣря, птицы и человѣка измѣняются въ лѣсу, звучатъ другими, странными звуками. Это какой-то особый міръ, и народная фантазія населяетъ его сверхъестественными существами: „лѣшими“ и „лѣсными дѣвками“, также какъ рѣчные и озерные омута—„водяными чертовками“, но жутко въ большомъ лѣсу во время бури, хотя внизу и тихо: деревья скрипятъ и стонутъ, сучья трещатъ и ломаются. Невольный страхъ нападаетъ на душу и заставляетъ человѣка бѣжать на открытое мѣсто.

На вѣтвяхъ деревъ, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ, и вообще въ лѣсу живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечно разнообразныя породы птицъ, токуютъ глухіе и простые тетерева, пищатъ рябчики, хрипятъ на тягахъ вальдшнепы, воркуютъ, каждая по-своему, всѣ породы дикихъ голубей, взвизгиваютъ и чокуютъ дрозды, заунывно-мелодически перекликаются иволги, стонутъ рябыя кукушки, постукиваютъ, долбя деревья, разноперые дятлы, трубятъ желны, трещатъ сойки, свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски и все многочисленное, крылатое, мелкое пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ. На сучьяхъ и въ дуплахъ деревъ птицы вьютъ свои гнѣзда, кладутъ яйца и выводятъ дѣтей; для той же цѣли поселяются въ дуплахъ куницы и бѣлки, враждебныя птицамъ, и шумные рои дикихъ пчелъ. Травъ и цвѣтовъ мало въ большомъ лѣсу: густая постоянная тѣнь неблагопріятна растительности, которой необходимы свѣтъ и теплота солнечныхъ лучей; чаще другихъ виднѣются зубчатый папортникъ, плотные и зеленые листья ландыша, высокіе стебли отцвѣтшаго лѣснаго левкоя, да краснѣетъ кучками зрѣлая костяника; сырой запахъ грибовъ носится въ воздухѣ, но всѣхъ слышнѣе острый и, по моему, очень пріятный запахъ груздей, потому—что они родятся семьями, „гнѣздами“, и любятъ моститься (какъ говорятъ въ народѣ) въ мелкомъ папоротникѣ, подъ согнившими прошлогодними листьями.

Въ такомъ чернолѣсьѣ живутъ, болѣе или менѣе постоянно, медвѣди, волки, зайцы, куницы и бѣлки. Между бѣлками попадаются очень бѣлесоватыя, почти бѣлыя, называемыя почему-то „горлянками“, и „бѣлки-летяги“: послѣднія имѣютъ съ обѣихъ сторонъ, между переднею и заднею лапою, кожаную тонкую перепонку, которая, растягиваясь, помогаетъ имъ прыгать съ дерева на дерево на весьма большое разстояніе. Во время такого прыжка, похожаго на полетъ, я убилъ однажды летягу на воздухѣ, и вышло, что я застрѣлилъ „звѣря въ летъ“. Хищныя птицы также въ лѣсахъ выводятъ дѣтей, устроивая гнѣзда въ главныхъ сучьяхъ у самаго древеснаго ствола: большіе и малые ястреба, луни, бѣлохвостики, кобчики и другія. Въ густой тѣни лѣсныхъ трущобъ таятся и плодятся совы, сычи и длинноухіе

Digitized by Google

филины, плачевный, странный, дикій крикъ которыхъ въ ночное время испугаетъ и непугливаго человѣка, запоздавшаго въ лѣсу. Что же мудренаго, что народъ считаетъ эти крики „ауканьемъ“ и „хохотомъ“ лѣшаго?

Изъ всего растительнаго царства дерево болѣе другихъ представляетъ видимыхъ явленій органической жизни и болѣе возбуждаетъ участія. Его огромный объемъ, его медленное возрастаніе, его долголѣтіе, крѣпость и прочность древеснаго ствола, питательная сила его корней, всегда готовыхъ къ возрожденію погибающихъ сучьевъ и къ молодымъ побѣгамъ отъ погибшаго уже пня, и наконецъ многосторонняя польза и красота его должны бы, кажется, внушать уваженіе и пощаду; но топоръ и пила промышленника не знаютъ ихъ, а временныя выгоды увлекаютъ и самихъ владѣльцевъ. Я никогда не могъ равнодушно видѣть не только вырубленной рощи, но даже паденія одного большаго подрубленнаго дерева. Въ этомъ паденіи есть что-то невыразимо грустное: сначала звонкіе удары топора производятъ только легкое сотрясеніе въ древесномъ стволѣ; оно становится сильнѣе съ каждымъ ударомъ и переходитъ въ общее содроганіе каждой вѣтви и каждаго листа; по мѣрѣ того, какъ топоръ прохватываетъ до сердцевины, звуки становятся глубже, больнѣе.... еще ударъ, послѣдній: дерево осядетъ, надломится, затрещитъ, зашумитъ вершиною, на нѣсколько мгновеній какъ-будто задумается, куда упасть, и наконецъ начнетъ склоняться на одну сторону сначала медленно, тихо, и потомъ съ возрастающей быстротою и шумомъ, подобнымъ шуму сильнаго вѣтра, рухнетъ на землю!... Многіе десятки лѣтъ достигало оно полной силы и красоты—и въ нѣсколько минутъ гибнетъ, нерѣдко отъ пустой прихоти человѣка.

Въ этомъ произведеніи авторъ избралъ своею темою или предметомъ лѣсъ вообще. Очевидно, что, прежде чѣмъ говорить о лѣсѣ вообще, Аксакову необходимо было предварительно изучить лѣса, или посредствомъ чтенія различныхъ сочиненій о нихъ, или путемъ собственныхъ наблюденій и опытовъ, или, наконецъ, тѣмъ и другимъ способомъ вмѣстѣ. Авторъ воспользовался преимущественно своею личною опытностію, на что и ссылается неоднократно въ своемъ сочиненіи. Какъ истый охотникъ, онъ часто посѣщалъ лѣса, бывалъ и въ красномъ лѣсу и особенно въ черномъ, и въ молодомъ и въ старомъ,—бывалъ тамъ въ каждое время дня и года и при всякой погодѣ; видалъ тамъ разныя породы деревъ: сосну, ель, пихту, березу, липу, кленъ, дубъ и пр., наблюдалъ свойства и особенности каждой породы, встрѣчалъ тамъ многихъ птицъ и звѣрей, замѣчалъ растительность, почву и пр., словомъ, полно и всесторонне изучилъ лѣсъ. Теперь ему можно было подѣлиться своими свѣдѣніями о лѣсѣ съ другими людьми, но для этого нужно было предварительно опредѣлить, съ какой именно стороны разсматривать лѣсъ, или иначе—установить точку зрѣнія на лѣсъ, указать основную мысль, которую писателю хотѣлось бы вы-

Digitized by Google

сказать о лѣсѣ и сообразно съ которою онъ могъ бы воспользоваться добытыми о немъ познаніями. Такою мыслію явилось у Аксакова положеніе: лѣсъ, какъ и вода,—краса природы, которое и проходитъ чрезъ все его разсматриваемое сочиненіе. *Основная или главная мысль о предметѣ* составляетъ первую необходимую принадлежность каждаго сочиненія *и называется*, обыкновенно, *идеею сочиненія*, отъ греческаго слова—εἶδος—видъ, образъ, мысль. Избравши для своего сочиненія тему, намѣтивши для него идею, Аксаковъ могъ уже приступить къ самому сочиненію, къ словесной передачѣ своихъ мыслей о лѣсѣ, какъ красѣ природы; при этомъ ему было необходимо передавать о лѣсѣ только тѣ мысли, которыя прямо относились къ его основной идеѣ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Высказавъ сначала общее положеніе, что лѣсъ, какъ и вода, составляетъ красу природы, и указавъ на виды лѣса и на свою нелюбовь къ краснолѣсью, онъ переходитъ къ чернолѣсью и начинаетъ говорить о красотѣ его. Авторъ находитъ, что чернолѣсье—краса природы—и по своему общему виду, и по виду каждой породы деревьевъ, его составляющихъ, въ частности, въ молодомъ и старомъ возрастѣ, въ знойный полдень при всеобщей тишинѣ и во время бури. Разныя породы животныхъ и птицъ, населяющія лѣсъ, еще болѣе увеличиваютъ красу его, а бѣдная растительность и та имѣетъ свою прелесть. Поэтому-то, заключаетъ писатель, невыразимо грустно намѣренное истребленіе лѣса, какъ красы природы. Какъ видно само собою, всѣ указанныя мысли прямо относятся къ идеѣ даннаго сочиненія и служатъ лишь подробнымъ ея развитіемъ. *Мысли второстепенныя, общія и частныя, подробно развивающія, объясняющія и доказывающія мысль главную, называются въ сочиненіи содержаніемъ*, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; въ общемъ же значеніи, содержаніе обнимаетъ и самую идею и тему или предметъ сочиненія. Безъ содержанія сочиненіе немыслимо: оно составляетъ необходимую принадлежность всякаго словеснаго произведенія. Разсматривая далѣе данное сочиненіе Аксакова, мы замѣчаемъ, что второстепенныя—общія и частныя мысли, развивающія и доказывающія основное положеніе лѣсъ—краса природы, расположены у него не какъ-попало, а въ опредѣленномъ порядкѣ, послѣдовательно. Такъ, сначала высказывается общая мысль, что лѣсъ, какъ и вода, краса природы; затѣмъ эта мысль суживается положеніемъ, что „полная красота всякой мѣстности состоитъ именно въ соединеніи воды съ лѣсомъ, въ чемъ замѣтна великая цѣль природы“. Послѣ этого писатель переходитъ еще къ болѣе частной мысли: говоритъ только о лѣсѣ: указываетъ виды его—краснолѣсье и чернолѣсье, опредѣляетъ составъ и особенности

Digitized by Google

того и другаго. Высказавъ далѣе посредствующую мысль, что краснолѣсье по „вѣчной своей однообразной и мрачной зелени“ непривлекательно, Аксаковъ останавливается на одномъ только чернолѣсьѣ и начинаетъ доказывать, что чернолѣсье, дѣйствительно, краса природы эта мысль опять болѣе частная, чѣмъ предыдущая. Въ развитіи частныхъ мыслей о чернолѣсьѣ замѣчается тотъ же переходъ отъ болѣе общихъ положеній къ болѣе частнымъ.—Красиво чернолѣсье вообще, красива каждая порода деревьевъ его въ отдѣльности: „хороша развѣсистая, бѣлоствольная береза; еще лучше круглолистая, сладко-душистая липа; высокъ и строенъ кленъ съ своими листами-лапами; могучъ и коренастъ многостолѣтній дубъ; красива осенью трепетнолистная осина; пріятенъ на взглядъ молодой лѣсъ или заросль; высокъ, могучъ и тѣнистъ старый темный лѣсъ; отраденъ видъ густаго лѣса въ полдень, успокоительна его тишина, таинственненъ его мракъ, но страшенъ лѣсъ во время бури“. Хороша и природа лѣса: птицы, растительность и звѣри дополняютъ красу его. Такимъ образомъ, во всемъ сочиненіи, при развитіи общихъ мыслей частными, авторъ соблюдалъ *строгую постепенность, переходя отъ положеній общихъ къ положеніямъ болѣе и болѣе частнымъ. Порядокъ, въ какомъ располагаются мысли въ сочиненіи, будетъ-ли онъ состоять въ послѣдовательномъ переходѣ отъ положеній общихъ къ положеніямъ частнымъ, какъ въ данномъ примѣрѣ, или наоборотъ, называется планомъ или изложеніемъ сочиненія и составляетъ третье существенное свойство всякаго хорошаго словеснаго произведенія.* Наконецъ, въ своемъ изложеніи или передачѣ мыслей о лѣсѣ другимъ Аксаковъ, естественно, позаботился и о томъ, чтобы подобрать такіе слова и обороты рѣчи, которые бы полно, ясно и отчетливо выражали его мысли. *Складъ рѣчи, устной или письменной, обстоятельно передающій мысли автора, называется выраженіемъ или слогомъ сочиненія* и также общъ, необходимъ и важенъ, какъ и всѣ остальныя общія свойства словесныхъ произведеній. Такъ-то создаются и всѣ вообще произведенія слова и таковы общія свойства каждаго изъ нихъ. Содержаніе и планъ составляютъ внутреннюю сторону каждаго сочиненія, выраженіе же или слогъ—сторону внѣшнюю. Разборъ словесныхъ произведеній съ обѣихъ этихъ сторонъ и служитъ главнымъ предметомъ первой—общей части теоріи словесности.

Требованія относительно содержанія сочиненія: a) важность предмета; b) единство основной идеи; c) полнота, обнимающая идею со всѣхъ сторонъ; d) истинность, какъ главной мысли, такъ и всѣхъ общихъ и частныхъ, развивающихъ и доказывающихъ

Digitized by Google

идею и е) занимательность. Разборъ со стороны содержанія описанія Днѣпра по географіи Кузнецова. Чтобы познакомиться съ существенными требованіями словесности относительно содержанія сочиненій, остановимся, напр., на произведеніи Кузнецова: „Днѣпръ".

Днѣпръ (у древнихъ Boresthenes, Danaprіs) есть самая главная рѣка южной покатости и наиболѣе важная въ торговомъ отношеніи. Теченіе его можно раздѣлить на три части: верхнее, среднее и нижнее. Верхнее теченіе Днѣпра начинается его истокомъ изъ лѣсистыхъ пригорковъ, лежащихъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи, и оканчивается у города Орши. На этомъ разстояніи Днѣпръ течетъ въ юго-западномъ направленіи и орошаетъ губерніи Смоленскую и часть Могилевской. Плаваніе по верхнему теченію Днѣпра затрудняется мелководіемъ и ограничивается сплавомъ лѣса въ весеннее полноводіе. Среднее теченіе отъ Орши до города Кременчуга. На этомъ протяженіи въ Днѣпръ впадаютъ многіе важные притоки, которые своими водами увеличиваютъ ширину и глубину рѣки; но, не смотря на то, судоходство и по этой части Днѣпра встрѣчаетъ препятствіе отъ мелей. Отъ Орши Днѣпръ поворачиваетъ на югъ и течетъ въ этомъ направленіи по губерніи Могилевской и по границѣ Минской губерніи съ Черниговскою; въ Кіевской, при городѣ Кіевѣ, поворачиваетъ на юго-востокъ и въ этомъ направленіи протекаетъ между губерніями Кіевскою и Полтавскою. На всемъ протяженіи средняго теченія Днѣпра, правый его берегъ, особенно начиная отъ Межигорской фаянсовой фабрики (близъ Кіева), постоянно до предѣловъ Херсонской губерніи, значительно выше лѣваго. Нижнее—отъ Кременчуга до устьевъ. На этомъ пространствѣ до Екатеринослава Днѣпръ течетъ въ юго-восточномъ направленіи, ниже этого города поворачиваетъ на югъ, потомъ, не доходя мѣстечка Никополя, принимаетъ юго-западное направленіе и сохраняетъ оное до своего впаденія, при городѣ Херсонѣ, въ Черное море. Все протяженіе Днѣпра, до впаденія его въ Черное море, простирается до 1540 верстъ. Ширина его въ нижней части доходитъ до 500 саж.; глубина—до 20 саж. Устье Днѣпра образуетъ обширный заливъ, Днѣпровскій лиманъ—длиною до 50 верстъ, шириною отъ 9 до 15 верстъ. Особенное богатство нижнихъ частей Днѣпра составляетъ необыкновенное изобиліе камыша, растущаго по плавнямъ и низменнымъ островамъ. Камышъ этотъ служитъ топливомъ и матеріаломъ для построекъ. Отличительную черту нижняго теченія Днѣпра составляютъ заборы (скалы, занимающія большую или меньшую часть русла рѣки) и пороги (тоже скалы, но пересѣкающія русло рѣки или въ косьвенномъ, или прямомъ направленіи, отъ одного берега до другаго); они образовались отъ пересѣченія русла рѣки каменною грядой Карпатовъ. Пороги чрезвычайно затрудняютъ судоходство, которое производится только въ низъ, и то преимущественно въ полую воду. Всѣхъ пороговъ 13, и они тянутся на протяженіи 70 верстъ; самый опасный есть Ненасытецкій, имѣющій

Digitized by Google

паденіе 12 футовъ 2 дюйма. Для обхода его устроенъ шлюзный каналъ. Общее паденіе пороговъ составляетъ до 16 саж. Въ промышленномъ отношеніи Днѣпръ приноситъ важную пользу для большей части западной и южной Россіи. По нему сплавляются въ южныя губерніи лѣсные матеріалы, пенька, льняное сѣмя, а взамѣнъ ихъ привозятъ оттуда соль и разный зерновый хлѣбъ.

Темою даннаго произведенія Кузнецовъ избралъ рѣку Днѣпръ. По общему признанію и по словамъ самого Кузнецова, „Днѣпръ" это—„самая главная рѣка южной покатости и наиболѣе важная въ торговомъ отношеніи". Описаніе такого предмета, естественно, должно быть очень важнымъ: какъ такое, оно скорѣе можетъ обратить на себя вниманіе и принести гораздо болѣе пользы, чѣмъ описаніе какого-либо второстепеннаго, или даже совсѣмъ ничего незначащаго предмета, въ родѣ, напр., какого-нибудь извѣстнаго намъ маленькаго, ничтожнаго ручейка. Значитъ, для того, *чтобы сочиненіе по своему содержанію вышло удовлетворительно, нужно прежде всего, чтобы предметъ его былъ важенъ и вообще достоинъ вниманія.* Задавшись цѣлью описать Днѣпръ, Кузнецовъ рѣшился провести во всемъ произведеніи одну основную мысль: свойства Днѣпра и его значеніе въ торговомъ отношеніи, какъ самой главной и важной рѣки южной покатости. И дѣйствительно, во всемъ его сочиненіи, сначала и до конца, ясно просвѣчиваетъ эта идея: она видится при описаніи верхняго теченія Днѣпра по губерніямъ Смоленской и части Могилевской, гдѣ Днѣпръ служитъ для сплава лѣса въ весеннее полноводье; ярко проглядываетъ въ указаніи особенностей Днѣпра въ его среднемъ теченіи—отъ Орши до Кременчуга, гдѣ Днѣпръ отъ впаденія въ него многихъ важныхъ притоковъ становится гораздо глубже, хотя по причинѣ мелей и не бываетъ еще вполнѣ удобенъ для судоходства; наглядно отражается, наконецъ, и при перечисленіи особенностей нижняго теченія Днѣпра отъ Кременчуга до устьевъ, гдѣ особенно много камыша, встрѣчаются заборы и пороги, затрудняющіе судоходство. Благодаря такому единству главной идеи, читатель получаетъ полную возможность сосредоточиться на избранномъ авторомъ предметѣ и составить о немъ ясное понятіе. Ничего подобнаго не было-бы, если бы писатель, сказавши, напр., о верхнемъ теченіи Днѣпра и указавши его значеніе, вдругъ заговорилъ, положимъ, о хорошей погодѣ, когда онъ былъ при Днѣпрѣ, о томъ, какъ при солнцѣ плавали по Днѣпру рыбы и т. п.; здѣсь было бы явное отступленіе отъ принятой задачи, нарушеніе ея единства, и въ головѣ читателя образовался бы какой-то туманъ. Слѣдовательно, *чтобы сочиненіе вышло хорошо по содержанію, необходимо еще, чтобы идея его отличалась характеромъ единства, проникала бы*

Digitized by Google

начала и до конца все произведеніе. Свою указанную основную идею Кузнецовъ развиваетъ слѣдующими частными мыслями: дѣленіе теченія Днѣпра на три части: верхнее, среднее и нижнее; направленіе и мелководье Днѣпра въ верхнемъ теченіи; сплавъ лѣса по верхнему теченію Днѣпра въ весеннее полноводье; среднее теченіе Днѣпра отъ Орши до Кременчуга; увеличеніе ширины и глубины Днѣпра въ этомъ теченіи; мели, препятствующія свободному судоходству по среднему теченію Днѣпра; направленіе Днѣпра въ среднемъ теченіи и губерніи, орошаемыя имъ; особенность праваго берега Днѣпра въ этомъ теченіи; направленіе Днѣпра въ нижнемъ теченіи; длина, ширина и глубина Днѣпра; Днѣпровскій лиманъ; изобиліе камыша; заборы и пороги на нижнемъ теченіи Днѣпра; судоходство по этой части Днѣпра; значеніе Днѣпра въ промышленномъ отношеніи. Всѣ эти второстепенныя мысли прямо относятся къ главной и всецѣло обнимаютъ ее; послѣдняя поэтому не нуждается болѣе ни въ какомъ дополненіи: она ясно выступаетъ передъ читателемъ. *Такое свойство содержанія сочиненій, по которому частныя мысли раскрываютъ идею всесторонне и въ надлежащей степени, называется полнотою содержанія и составляетъ третье существенное условіе достоинства словесныхъ произведеній въ отношеніи ихъ содержанія.* Въ разбираемомъ произведеніи, какъ главная мысль или идея—свойства и значеніе Днѣпра въ торговомъ отношеніи, такъ и всѣ частныя, второстепенныя мысли, объясняющія эти свойства и значеніе, вполнѣ согласны съ дѣйствительностію, совершенно вѣрны, истинны: Днѣпръ на самомъ дѣлѣ такъ именно и течетъ, такія имѣетъ свойства и особенности въ своемъ теченіи и настолько важенъ въ торговомъ отношеніи, какъ это представлено у Кузнецова. *Согласіе главной и второстепенныхъ мыслей въ сочиненіи съ дѣйствительностію или истинность—четвертое требованіе отъ содержанія всякаго хорошаго словеснаго произведенія.* Наконецъ, разсматриваемое сочиненіе Кузнецова, представляя собою совокупность мыслей, основательно и всесторонне продуманныхъ авторомъ и всецѣло соотвѣтствующихъ сущности затрогиваемой серьезной темы, невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе каждаго любознательнаго читателя, возвышая его надъ уровнемъ обычнаго пониманія и отношенія къ данному предмету. Отсюда вытекаетъ *пятое и послѣднее основное условіе хорошаго содержанія сочиненій — занимательность.* Занимательность содержанія сочиненій зависитъ вообще сколько отъ самой важности и новизны избранной темы, столько же, если не болѣе, и отъ умѣнья писателя представить взятый имъ предметъ въ новомъ освѣщеніи, придать разъ высказаннымъ о немъ мыслямъ и

Digitized by Google

сдѣланнымъ выводамъ новую форму, другую окраску, изложить ихъ въ иномъ порядкѣ и проч., во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ содержаніе сочиненія неизбѣжно получитъ соотвѣтствующую степень занимательности. Такимъ образомъ, *отъ содержанія сочиненій требуется: a) со стороны предмета или темы—важность* b) *со стороны идеи—единство, c) отъ общихъ и частныхъ мыслей, развивающихъ идею, полнота и* d) *отъ всего вообще содержанія—истинность или согласіе содержанія съ дѣйствительностію и занимательность.*

Разборъ со стороны плана сочиненія Аксакова „Лебедь". Требованія отъ плана сочиненій: a) строгая послѣдовательность и связь въ изложеніи мыслей; b) предпочтеніе мыслей главныхъ второстепеннымъ; c) соразмѣрность частей сочиненій и d) гармоничность или стройность. Второе общее, существенное свойство словесныхъ произведеній со стороны внутренней—планъ, или порядокъ, въ какомъ передаются мысли въ сочиненіи. И здѣсь теорія словесности указываетъ нѣкоторыя правила, отъ исполненія и нарушенія которыхъ зависятъ достоинства и недостатки сочиненій со стороны плана. Возьмемъ, напр. „Лебедь" Аксакова.

Лебедь, по своей величинѣ, силѣ, красотѣ и величавой осанкѣ, давно и справедливо названъ царемъ всей водяной или водоплавающей птицы. Бѣлый, какъ снѣгъ, съ блестящими, прозрачными небольшими глазами, съ чернымъ носомъ и черными лапами, съ длинною, гибкою и красивою шеей, онъ невыразимо прекрасенъ, когда спокойно плыветъ между зеленыхъ камышей, по темносиней, гладкой поверхности воды. Но и всѣ его движенія исполнены прелести: начнетъ ли онъ пить и, зачерпнувъ носомъ воды, подниметъ голову вверхъ и вытянетъ шею; начнетъ ли купаться, нырять и плескаться, своими могучими крыльями далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся съ пушистаго тѣла; начнетъ ли потомъ охорашиваться, легко и свободно закинувъ дугою назадъ свою бѣлоснѣжную шею, поправляя и чистя носомъ на спинѣ, бокахъ и хвостѣ смятыя или замаранныя перья; распуститъ ли крыло по воздуху, какъ—будто длинный, косой парусъ, и начнетъ также носомъ перебирать въ немъ каждое перо, провѣтривая и суша его на солнцѣ,—все живописно и великолѣпно въ немъ.

Главною мыслію этого небольшаго отрывка служитъ—красота лебедя. Это общее положеніе развивается слѣдующими двумя частными: A) красота лебедя при спокойномъ плаваніи по водѣ и B) красота его движеній. Относясь къ основной идеѣ, какъ части къ цѣлому, обѣ данныя мысли въ свою очередь содержатъ въ себѣ еще болѣе частныя положенія. Такъ, красота лебедя при спокойномъ плаваніи по водѣ проявляется въ слѣдующемъ: a) въ общей

Digitized by Google

бѣлизнѣ его фигуры; b) въ блестящихъ, прозрачныхъ глазахъ; c) въ черномъ носѣ и черныхъ лапахъ; d) въ длинной и гибкой шеѣ; красота же движеній обнаруживается: a) когда лебедь пьетъ, b) когда купается, c) когда охорашивается и d) когда сушитъ крылья на солнцѣ. Отсюда видно, что въ расположеніи или планѣ общихъ и частныхъ мыслей, развивающихъ идею даннаго сочиненія, Аксаковъ соблюдалъ строгую постепенность или послѣдовательность, переходя шагъ-за-шагомъ отъ одной общей мысли ко многимъ частнымъ и единичнымъ. Съ другой стороны, общія и частныя мысли стоятъ у него въ самой тѣсной и неразрывной зависимости между собой. Красота, напр. лебедя при спокойномъ плаваніи по водѣ зависитъ отъ общей его бѣлизны, отъ красоты глазъ, носа, лапъ и шеи и, при отсутствіи этихъ качествъ, была бы невозможна. Точно также и безъ красоты въ движеніяхъ лебедя во время питья, купанья, охорашиванья и просушиванья крыльевъ на солнцѣ нельзя было-бы сказать, что всѣ движенія лебедя исполнены прелести; а если бы лебедь не былъ красивъ по своимъ свойствамъ и дѣйствіямъ, тогда невозможно было бы говорить и о красотѣ его, значитъ, красота лебедя вообще происходитъ отъ красоты его фигуры и прелести его движеній. Авторъ поставилъ на первомъ мѣстѣ красоту фигуры лебедя и потомъ уже прелесть его движеній, очевидно, потому, что первая мысль гораздо важнѣе второй. Красота какого-бы-то-ни-было предмета прежде всего и главнымъ образомъ проявляется во внѣшнемъ видѣ его: мы называемъ, напр. человѣка, животное, какое-либо зданіе красивымъ потому, что находимъ ихъ такими по наружности, по внѣшнему виду: человѣка, напр. по лицу, животное—по общей фигурѣ, зданіе—по формѣ и пр., безъ этого красота въ общемъ смыслѣ была бы немыслима. Если бы лебедь не былъ красивъ по своему наружному устройству, его нельзя было бы назвать красивою птицею; отъ красоты фигуры лебедя происходитъ уже красота въ его движеніяхъ: ловко, красиво сложенный одушевленный предметъ ловчѣе и красивѣе другаго неуклюжаго можетъ и дѣйствовать: ему помогаетъ сама природа, тогда какъ послѣднему она препятствуетъ. Наконецъ, въ самомъ раскрытіи двухъ частныхъ положеній красоты лебедя у автора соблюдена строгая соразмѣрность: каждая изъ двухъ мыслей—красота лебедя при спокойномъ плаваніи по водѣ и красота его движеній—доказывается четырьмя еще болѣе частными мыслями. Обобщая теперь все сказанное, необходимо придти къ слѣдующему выводу: *отъ плана или хорошаго изложенія сочиненія требуется: во первыхъ, послѣдовательность и строгая связь въ изложеніи мыслей; во вторыхъ, постановка на первомъ мѣстѣ мыслей болѣе важныхъ*

Digitized by Google

или предпочтеніе мыслей главныхъ менѣе важнымъ второстепеннымъ и въ третьихъ,—строгая по возможности соразмѣрность составныхъ частей сочиненія. Взятыя всѣ вмѣстѣ эти качества придаютъ изложенію сочиненія особое, высшее свойство—гармоничность или стройность, проявляющуюся въ совершенной правильности построенія сочиненія.

Составныя части сочиненія: приступъ или вступленіе, изслѣдованіе и заключеніе. Разсматриваемое произведеніе Аксакова „Лебедь“ начинается слѣдующими словами: „Лебедь, по своей величинѣ, силѣ, красотѣ и величавой осанкѣ, давно и справедливо названъ царемъ всей водяной, или водоплавающей птицы.“ Здѣсь, какъ видно, авторъ высказываетъ общій взглядъ на лебедя, какъ на царя всѣхъ водоплавающихъ птицъ, и ничего еще не говоритъ о главномъ своемъ положеніи—красотѣ лебедя; такая часть сочиненій называется *приступомъ или вступленіемъ.* Далѣе писатель раскрываетъ уже самую идею—красота лебедя,—это главная часть сочиненія, называемая *изслѣдованіемъ.* Объединяя всѣ высказанныя мысли о красотѣ лебедя, Аксаковъ говоритъ: „все живописно и великолѣпно въ немъ,“—здѣсь выводъ изъ всего предыдущаго, или *заключеніе.* Отсюда *по построенію въ сочиненіяхъ различаются, обыкновенно, три составныя части—приступъ или вступленіе, изслѣдованіе и заключеніе.* Приступъ и заключеніе не составляютъ еще неотъемлемой принадлежности каждаго словеснаго произведенія: есть много сочиненій или безъ приступа, или безъ заключенія, или даже безъ того и другаго вмѣстѣ; они необходимы бываютъ только въ большихъ сочиненіяхъ; за то безъ главной части сочиненіе рѣшительно не можетъ быть. Если бы Аксаковъ, задавшись мыслію описать красоту лебедя, сказалъ-бы только: „лебедь, по своей величинѣ, силѣ, красотѣ и величавой осанкѣ, давно и справедливо названъ царемъ всей водяной, или водоплавающей птицы... все живописно и великолѣпно въ немъ,“—тогда у него не была бы раскрыта основная идея, не было бы содержанія, а слѣдовательно, не было бы и сочиненія. Какъ самая главная и существенная часть сочиненія, изслѣдованіе и развивается всегда полнѣе и подробнѣе и потому неизбѣжно бываетъ обширнѣе вступленія и заключенія. Въ разбираемомъ, напр. сочиненіи въ приступѣ и заключеніи проводятся всего по одной мысли, тогда какъ въ главной части или изслѣдованіи ихъ указывается двѣ, съ подраздѣленіемъ каждой на четыре еще болѣе частныя. Изъ этого вытекаетъ правило, чтобы приступъ и заключеніе необходимо были короче самого изслѣдованія; уклоненіе отъ этого требованія неизбѣжно ведетъ за собою нарушеніе общей гармоніи или

Digitized by Google

стройности въ построеніи сочиненія. Приступъ, изслѣдованіе и заключеніе можно и пожалуй должно назвать внѣшнею стороною изложенія или плана сочиненій.

Формы изложенія сочиненій—монологическая и діалогическая. Раскрывая свои мысли о красотѣ лебедя, Аксаковъ передаетъ ихъ отъ своего собственнаго лица, безъ всякаго посредства другихъ постороннихъ лицъ; такой способъ передачи мыслей о предметѣ называется, *монологическимъ* отъ греческихъ словъ μόνος—одинъ только и λέγω—говорю. Но иногда въ сочиненіи выводятся два или нѣсколько дѣйствующихъ лицъ, которыя, вступая между собою въ разговоры и дѣйствія, и передаютъ въ нихъ тѣ или другія мысли автора; такъ появляется другой способъ или пріемъ изложенія мыслей о какомъ-либо предметѣ, называемый *діалогическимъ*, отъ греческаго же слова διαλέγομαι — разговариваю. Монологическій и діалогическій способы или пріемы передачи мыслей о предметѣ, иначе называемые формами изложенія, далеко не во всѣхъ сочиненіяхъ, встрѣчаются въ чистомъ своемъ видѣ: въ большинствѣ сочиненія излагаются тою и другою формою вмѣстѣ, хотя въ прозаическихъ сочиненіяхъ (особенно разсужденіяхъ, хріяхъ и посланіяхъ) преобладаетъ форма монологическая, въ поэтическихъ же,—(преимущественно драматическихъ)—діалогическая.

Выраженіе мыслей въ сочиненіи (стилистика). Понятіе о слогѣ. Различіе между слогомъ и языкомъ. Двѣ стороны слога: логическая и художественная. Кромѣ стороны внутренней, въ словесныхъ произведеніяхъ, какъ упомянуто выше, слѣдуетъ еще различать сторону внѣшнюю, или слогъ. Предъ нами три стихотворенія, касающіяся одного и того же предмета—наступленія зимы, но принадлежащія тремъ различнымъ авторамъ: Державину, Пушкину и Кольцову. У Державина зима представляется въ образѣ чародѣйки, производящей своими волшебными дѣйствіями всѣ тѣ явленія, какія мы замѣчаемъ при наступленіи зимы: въ воздухѣ—холодъ, по рѣкамъ—ледъ, на поляхъ—снѣгъ, на деревьяхъ—иней. Сообразно съ этимъ поэтъ подбираетъ такія именно слова и обороты рѣчи, которые болѣе всего рисуютъ образъ зимы, какъ чародѣйки:

„Идетъ сѣдая чародѣйка,
Косматымъ машетъ рукавомъ:
И снѣгъ, и градъ, и иней сыплетъ,
И воды претворяетъ въ льды.
Отъ хладнаго ея дыханья
Природы взоръ оцѣпенѣлъ:
На мѣсто радугъ испещренныхъ
Виситъ по небу мгла вокругъ,
И на коврахъ полей зеленыхъ
Лежитъ разсыпанъ бѣлый пухъ“.*)

*) Изъ оды Державина: „Осень во время осады Очакова“.

Digitized by Google

Пушкинъ точно также изображаетъ наступающую зиму въ видѣ волшебницы и приписываетъ ей тѣже самыя явленія, но онъ надѣляетъ свою волшебницу болѣе естественными свойствами и потому выражается о ней гораздо проще, яснѣе и правдоподобнѣе:

„Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ, и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.
Пришла, разсыпалась, клоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ..."*)

Наконецъ Кольцовъ представляетъ наступленіе зимы въ самомъ незатѣйливомъ образѣ и потому говоритъ о ней простонароднымъ обще-употребительнымъ складомъ рѣчи:

„Вслѣдъ за нею (осенью) зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ". **)

Такимъ образомъ, у каждаго изъ названныхъ писателей, при тождествѣ главнаго предмета и одинаковости существенныхъ мыслей о немъ, употребляются, однако, свои особыя, болѣе соотвѣтствующія составленному имъ представленію о предметѣ, слова и выраженія. *Строй рѣчи, основывающійся на томъ или другомъ представленіи предмета и соотвѣтственно этому представленію проявляющійся въ выборѣ, расположеніи и сочетаніи отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ предложеній, называется стилемъ — слогомъ.* Названіе „стиль" произошло отъ латинскаго слова—stylus, первоначально обозначавшаго особый металлическій грифель для письма на вощанныхъ дощечкахъ „tabulae cerатae", затѣмъ самое изображеніе буквъ и наконецъ—способъ выраженія мыслей въ письмѣ и вообще въ словахъ. Отсюда и самое ученіе о слогѣ стало называться стилистикой. Русское слово—„слогъ"—отъ глагола—слогать указываетъ на образованіе слога изъ сочетанія словъ въ ихъ разнообразныхъ взаимныхъ отношеніяхъ. Въ этомъ смыслѣ слогъ существенно отличается отъ языка, какъ общей совокупности словъ, принадлежащихъ тому или другому народу. Понимаемый въ такомъ значеніи, языкъ является только матеріаломъ, изъ котораго образуется тотъ или другой слогъ каждаго человѣка. Такъ, Державинъ, Пушкинъ и Кольцовъ изобразили наступленіе зимы однимъ и тѣмъ же русскимъ языкомъ, но каждый изъ нихъ передалъ свои мысли о данномъ предметѣ своимъ особымъ слогомъ. Послѣднее обстоятельство ясно показываетъ, что слогъ бываетъ весьма разнообразенъ. Тѣмъ

---

*) Изъ романа „Евгеній Онѣгинъ".
**) Изъ пѣсни „Что ты спишь мужичокъ".

Digitized by Google

не менѣе существуютъ нѣкоторыя общія условія, отъ соблюденія или нарушенія которыхъ зависятъ свойства хорошаго или дурнаго слога словесныхъ произведеній. Эти условія, указаніе которыхъ составляетъ задачу стилистики, вполнѣ опредѣляются особенностями самыхъ сочиненій. Они распадаются на двѣ неравныя группы: на условія, общія всѣмъ словеснымъ произведеніямъ, и на условія, составляющія необходимую принадлежность только нѣкоторыхъ изъ нихъ. Сравнивая выше три стихотворенія—Державина, Пушкина и Кольцова, мы замѣтили, что каждый изъ упомянутыхъ авторовъ, представляя наступающую зиму въ образѣ живаго существа, подбираетъ именно такія слова и обороты рѣчи, которые бы болѣе всего соотвѣтствовали составленному имъ представленію о зимѣ. Поэтому, напр. Державинъ, желая представить наступающую зиму въ образѣ чародѣйки, говоритъ, что она—зима идетъ, машетъ своимъ косматымъ рукавомъ и сыплетъ изъ него снѣгъ, градъ и иней; дыханіе ея разитъ холодомъ: оно оцѣпенило всю природу; вмѣсто радугъ испещренныхъ по небу распространилась мгла, а на поляхъ, вмѣсто зеленыхъ ковровъ, виднѣется лишь бѣлый пухъ. Все это, какъ нельзя лучше, рисуетъ намъ образъ зимы-чародѣйки: мы какъ-бы видимъ ее проходящею передъ нами и совершающею всѣ приписываемыя ей Державинымъ дѣйствія; мы можемъ даже все это изобразить на полотнѣ, если бы отъ насъ того потребовали. Такое представленіе предмета, при которомъ онъ является предъ нами, какъ-бы нарисованнымъ на картинѣ, называется конкретнымъ (лат. concreho), картиннымъ, образнымъ, художественнымъ; а потому и самый слогъ, способствующій образованію такого представленія, получаетъ соотвѣтствующія названія—слога образнаго, художественнаго. Но есть очень много сочиненій, которыя только даютъ намъ тѣ или иныя мысли о предметѣ, но нисколько не рисуютъ предъ нами его образа. Въ разсмотрѣнномъ, напр. произведеніи Кузнецова мы узнаемъ только величину рѣки Днѣпра, его теченіе, губерніи, орошаемыя имъ, значеніе Днѣпра для торговли, но каковъ наружный видъ Днѣпра, каковъ онъ, напр. бываетъ въ тихую, ясную погоду, или во время бури, ночью, или днемъ, по упомянутому сочиненію мы вовсе не можемъ представить; поэтому, если бы насъ попросили нарисовать на полотнѣ или бумагѣ видъ Днѣпра по описанію его у Кузнецова, мы были бы поставлены въ затруднительное положеніе и принуждены были бы совершенно отказаться отъ даннаго предложенія. Такое представленіе предмета, по которому мы пріобрѣтаемъ только мысли о немъ, а не получаемъ наглядной обрисовки его образа, называется небразнымъ или безобразнымъ, абстрактнымъ (лат. abstraho—

Digitized by Google

отвлекаю) или отвлеченнымъ, логическимъ. Оно проявляется въ такомъ же абстрактномъ, отвлеченномъ слогѣ, состоящемъ изъ словъ и выраженій, не дающихъ наглядnаго изображенія предмета. Поэтому такой слогъ и называется абстрактнымъ или отвлеченнымъ. Такимъ образомъ, *слогъ, какъ выраженіе мыслей въ сочиненіи, имѣетъ двѣ стороны: логическую и художественную.* Отсюда возникаютъ и двоякаго рода свойства слога—логическія и художественныя. Первыя составляютъ неотъемлемую принадлежность каждаго словеснаго произведенія, такъ какъ каждое слово, а слѣдовательно, и каждый оборотъ рѣчи—необходимо выражаютъ ту или другую мысль, вторыя же встрѣчаются въ словесныхъ произведеніяхъ только нѣкоторыхъ, такъ какъ не каждое сочиненіе имѣетъ своею цѣлію нарисовать наглядный образъ того или другаго предмета.

Разборъ со стороны слога сочиненія Аксакова—„Оренбургскія степи". Чистота рѣчи и погрѣшности противъ нея: барбаризмы, архаизмы, неологизмы и провинціализмы. Примѣры. Чтобы опредилить логическія свойства слога, разберемъ, напр. произведеніе „Оренбургскія спепи" С. Аксакова. Основная задача даннаго сочиненія—указать особенности Оренбургскихъ степей. Сообразно съ этимъ первоначально авторъ устанавливаетъ общее понятіе объ Оренбургскихъ степяхъ, какъ только о „степныхъ мѣстахъ", несогласное съ обычнымъ значеніемъ слова „степь",—затѣмъ слѣдуетъ описаніе Оренбургскихъ степей по временамъ года—весною, лѣтомъ и осенью. Первое общее положеніе передается такъ: Слово „степь" имѣетъ у насъ особенное значеніе и, обыкновенно, представляетъ воображенію обширное пространство голой, ровной, безводной земной поверхности,—и многія степи таковы дѣйствительно; но въ Оренбургской губерніи, въ уѣздахъ Уфимскомъ, Стерлитамакскомъ, Белебеевскомъ, Бугульминскомъ, Бугурусланскомъ и Бузулукскомъ, степи совсѣмъ не таковы: поверхность земли въ нихъ по большей части неровная, волнистая, мѣстами довольно лѣсная, даже гористая, пересѣкаемая оврагами съ родниковыми ручьями, степными рѣчками и озерами. Всякое пространство ковылистой „нови" никогда непаханной земли, иногда на нѣсколько сотъ верстъ въ окружности, а иногда небольшое, зовутъ тамъ степью, что слѣдуетъ по настоящему назвать степнымъ мѣстомъ".

Прежде всего изъ этого отрывка видно, что для передачи своей мысли объ Оренбургскихъ степяхъ, какъ только о степныхъ мѣстахъ, авторъ употребилъ слова и обороты исключительно русскіе. Далѣе, изъ самыхъ русскихъ словъ и оборотовъ рѣчи онъ выбралъ только общепонятные: нѣтъ у него ни словъ и выраженій устарѣлыхъ, вышедшихъ теперь изъ общаго употребленія—архаизмовъ,

Digitized by Google

ни вновь имъ самимъ составленныхъ и потому еще не сдѣлавшихся общимъ достояніемъ—неологизмовъ, ни, наконецъ, словъ и оборотовъ, которые бы встрѣчались только въ одной какой-либо мѣстности—провинціализмовъ. Такое *свойство слога, по которому онъ состоитъ изъ общеупотребительныхъ и общепонятныхъ словъ и выраженій, свойственныхъ тому языку, на которомъ написано сочиненіе, называется чистотою рѣчи и составляетъ первое необходимое условіе хорошаго слога со стороны логической.* Чистота рѣчи нарушается противоположнымъ свойствомъ - нечистотою рѣчи, когда слогъ бываетъ переполненъ или словами и выраженіями иностранными—барбаризмами, или архаизмами, неологизмами, провинціализмами; таковы, напр., слѣдующіе отрывки:

„Генералъ-адмиралъ или аншефъ командующій есть репрезентація своего государя, которому должны быть всѣ послушны во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, которыя къ пользѣ государя и государства касаются, съ достойнымъ респектомъ его персоны. Ему подобаетъ быть храбру и добраго кондуиту, котораго бы квалитеты съ добродѣяніемъ были связаны. Ибо командующій не точію твердыми указы людей въ добрый порядокъ приводитъ, но паче образомъ своего житія, ежели благо поступитъ. Его храбрость сочиняетъ всѣхъ храбрыхъ. Его справедливость страшитъ всѣмъ поползновеніе, умножаетъ послушаніе. Его ревность сочиняетъ всѣхъ ревнительныхъ". (Морской уставъ 1720 года. Ист. Христ. Гал. 1, 11).

„Всякій галантомъ, а особливо кто былъ во Франціи, не можетъ парировать, чтобъ онъ въ жизнь свою не имѣлъ никогда дѣло съ такимъ человѣкомъ, какъ вы, слѣдовательно, не можетъ парировать и о томъ, чтобъ онъ никогда битъ не былъ. А вы, ежели вы зайдете въ лѣсъ и удастся вамъ наскочить на медвѣдя, то онъ съ вами также поступитъ, какъ вы меня трактовать хотите" (Бригадиръ Фопъ-Визина).

„Въ Малороссіи 1-го января, передъ литургіей мальчики ходятъ по хатамъ „засивать". Они набираютъ въ мѣшокъ или рукавицу смѣшанныхъ зеренъ: ржи, пшеницы, гороху и пр. и въ каждомъ домѣ обсыпаютъ этими зернами хозяина и хату, приговаривая: „На счастье, на здоровье, та на ново лито; роди, Боже, жито, пшеницю и всяку пашницю; добри день, будьте здорови зъ новымъ годомъ". Иногда посѣвальники водятъ за собою паробка, переодѣтаго козою, съ ушами, сдѣланными изъ колосьевъ".

Впрочемъ, барбаризмы, неологизмы, а особенно архаизмы и провинціализмы иногда бываютъ необходимы въ сочиненіяхъ и тогда они уже не нарушаютъ чистоты рѣчи. Если авторъ, затрогивая прошлую жизнь народа, желаетъ, какъ можно точнѣе воспроизвести ея особенности, то онъ неминуемо прибѣгаетъ въ своемъ сочиненіи къ характернымъ словамъ и оборотамъ рѣчи этого прошлаго, хотя бы они и вышли уже изъ употребленія. Послѣднее чаще всего бываетъ въ сочиненіяхъ съ историческимъ содержа-

Digitized by Google

ніемъ. Такъ, Пушкинъ въ своемъ лучшемъ произведеніи „Борисъ Годуновъ“ неоднократно пользуется архаизмами для болѣе полной характеристики времени царствованія Годунова. Подобными побужденіями руководствуются иногда писатели и при употребленіи въ своихъ произведеніяхъ провинціализмовъ. Провинціализмы особенно бываютъ неизбѣжны въ сочиненіяхъ, касающихся только одной опредѣленной мѣстности, напр.

„Крестьянинъ, постучавшись въ окно знакомой избы, попросилъ высокую кичку, высунувшуюся въ окно, припоромить (пріютить) и, войдя въ избу, тотчасъ же принялся пить, оправдавшись тѣмъ, что онъ сильно бажаетъ; кружку квасу онъ при этомъ назвалъ ручкой“, (Максимовъ).

Въ большинствѣ случаевъ сами писатели тутъ же и объясняютъ значеніе приведенныхъ ими провинціализмовъ. Такъ, Тургеневъ въ своемъ извѣстномъ произведеніи: „Записки охотника“ неоднократно употребляетъ провинціализмы и почти всегда съ указаніемъ ихъ смысла. У него, напр. встрѣчаются такія выраженія: „я никогда не видывалъ болѣе проницательныхъ и умныхъ глазъ, какъ его крошечныя, лукавыя глядѣлки (въ разск. „Пѣвцы“). Поставщики на бумажныя фабрики поручаютъ закупку тряпья особеннаго рода людямъ, которые въ иныхъ уѣздахъ называются „орлами“ (въ разск. „Хорь и Калинычъ“). „Рѣчка Росота, верстъ за пять отъ Льгова, превращается въ широкій прудъ, по краямъ и кое-гдѣ по срединѣ заросшій густымъ тростникомъ, по орловскому „майеромъ.“ Утки шумно поднимались „срывались съ пруда“ (въ разск. Льговъ) и др. Наконецъ барбаризмы и неологизмы могутъ быть употребляемы въ сочиненіяхъ тогда, когда у того или другаго народа не находится своихъ собственныхъ словъ для передачи какой-либо мысли. Это бываетъ при ознакомленіи народа съ новыми предметами, для которыхъ въ его отечественномъ языкѣ нѣтъ еще соотвѣтствующихъ названій, при столкновеніи съ другими народами, преимущественно болѣе развитыми и потому имѣющими много новаго—особеннаго. Такимъ путемъ у насъ, напр. появилось много иностранныхъ словъ и словъ вновь составленныхъ, которыя теперь уже стали почти или даже совсѣмъ общеупотребительными и общепонятными. Такъ, Тредяковскій ввелъ новыя слова: естественность, разумность, подлежащее, провидѣніе, искусство, самостоятельный и др., Карамзинъ придумалъ слова: предметъ, развитіе, промышленность, переворотъ, общеполезный, человѣчный, трогательный, усовершенствовать и др. Изъ иностранныхъ словъ у насъ употребляются, напр. евангеліе, ангелъ, гвардія, университетъ, академія, семинарія, школа, классъ, идея и др. Здѣсь слѣдуетъ стараться только о томъ, чтобы барбаризмы и неологизмы

Digitized by Google

вполнѣ обозначали извѣстный предметъ и вводились лишь по настоятельной нуждѣ. Подобныя, напр., слова, какъ: дебаты, инициатива, фрагменты, эмансипація, регрессивный, пассивный—совершенно у насъ излишни: они вполнѣ удобно могутъ быть переданы соотвѣтствующими русскими словами: споры, починъ, отрывки, освобожденіе, обратный, страдательный, а потому употребленіе ихъ въ русскихъ произведеніяхъ вредитъ чистотѣ рѣчи.

Правильность рѣчи и ошибки противъ нея. Солецизмы. Вторую общую мысль—Оренбургскія степи весною—Аксаковъ излагаетъ слѣдующими словами:

„Такія степныя мѣста, какъ слѣдуетъ по настоящему назвать ихъ (Оренбургскія степи), бываютъ чудно хороши весной своей роскошною, свѣжею растительностію. Сочными, пышными, высокими травами и цвѣтами покрыта ихъ черноземная почва, особенно по долинамъ и равнинамъ, между перелѣсками. Въ благопріятный годъ степные сѣнокосы обильнѣе и лучше заливныхъ луговъ. Только по скатамъ величавыхъ горныхъ хребтовъ, которые вдоль по рѣкамъ, рѣчкамъ и суходоламъ перерѣзываютъ иногда степные сырты и увалы, попадаются горныя породы мелкорослыхъ травъ: особеннаго вида приземистый, разсыпчатый ковыль, сизый горный шалфей, бѣлая низенькая полынь, чаберъ и богородская трава. Особеннымъ ароматомъ наполняютъ онѣ воздухъ, и кто не ночевалъ лѣтомъ въ нашихъ степяхъ, на покатостяхъ горныхъ кряжей, тотъ не можетъ имѣть понятія о благорастворенномъ, мягкомъ, живительномъ ихъ воздухѣ, который здоровѣе даже лѣснаго. Цѣлебныя качества степныхъ травъ и степнаго воздуха очевидно доказываются удивительнымъ возстановленіемъ тѣлесныхъ силъ кочевыхъ башкирцевъ, которые каждую весну выѣзжаютъ въ свои степныя „кочи“ исхудалые, изможденные голодною зимою, и также исцѣленіемъ множества больныхъ, уже приговоренныхъ къ смерти врачами. Да не приписываютъ этого исцѣленія употребленію одного кумыса: онъ мало оказываетъ пользы безъ степнаго корма для кобыльихъ матокъ, безъ степнаго воздуха, безъ жизни въ степи“.

Разсматривая этотъ отрывокъ со стороны этимологической и синтаксической, мы находимъ, что въ томъ и другомъ отношеніи онъ составленъ вполнѣ правильно. Какъ во всѣхъ отдѣльныхъ предложеніяхъ каждое слово стоитъ на своемъ мѣстѣ, передано въ надлежащей формѣ склоненія и спряженія, такъ и въ сочетаніи и разстановкѣ самыхъ предложеній строго соблюдена ихъ законная, взаимная зависимость. Такъ, въ первомъ предложеніи „такія степныя мѣста бываютъ чудно хороши весною своею роскошною, свѣжею растительностью“—на первомъ мѣстѣ поставлено подлежащее и затѣмъ сказуемое, согласованное съ своимъ подлежащимъ въ числѣ, падежѣ и родѣ; дополнительныя слова, отно-

Digitized by Google

сящіяся къ подлежащему, поставлены при подлежащемъ, а относящіяся къ сказуемому—при сказуемомъ, при чемъ опять строго соблюдены правила согласованія. Тоже самое проходитъ и чрезъ всѣ остальныя предложенія съ тою небольшою разницею, что нѣкоторыя изъ нихъ начинаются не подлежащимъ, а словами дополнительными съ сказуемымъ, какъ такими, на которыя слѣдуетъ обратить большее вниманіе, таково, напр. второе предложеніе: „сочными, пышными, высокими травами и цвѣтами покрыта ихъ (степей) черноземная почва, особенно по долинамъ и равнинамъ, между перелѣсками", гдѣ дополнительныя слова—сочными, пышными и пр. гораздо важнѣе по смыслу всего остальнаго, такъ какъ указываютъ на особенность Оренбургскихъ степей весною, и потому помѣщены на первомъ планѣ. Въ сочетаніи и расположеніи предложеній предложенія придаточныя находятся рядомъ съ тѣми частями главнаго, къ которымъ они относятся въ качествѣ опредѣленія или дополненія, какъ, напр. въ слѣдующемъ мѣстѣ: „Цѣлебныя качества степныхъ травъ и степнаго воздуха очевидно доказываются удивительнымъ возстановленіемъ тѣлесныхъ силъ кочевыхъ башкирцевъ, которые каждую весну выѣзжаютъ въ свои степныя „кочи" исхудалые, изможденные голодною зимой, и также исцѣленіемъ множества больныхъ, уже приговоренныхъ къ смерти врачами". Здѣсь придаточное предложеніе, начинающееся словомъ „которые", опредѣляетъ дополненіе главнаго „башкирцевъ" и потому поставлено непосредственно за этимъ послѣднимъ. *Соблюденіе грамматическихъ (этимологическихъ и синтаксическихъ) правилъ языка называется правильностію рѣчи и составляетъ второе необходимое условіе хорошаго слога въ логическомъ отношеніи.* Также, какъ и чистота рѣчи, правильность – нарушается противоположнымъ качествомъ—неправильностію рѣчи, проявляющеюся или въ неправильномъ употребленіи склоняемыхъ и спрягаемыхъ грамматическихъ формъ, въ невѣрномъ согласованіи и разстановкѣ словъ въ предложеніи, въ неправильномъ управленіи падежей, или въ ошибочномъ расположеніи и сочетаніи цѣлыхъ предложеній. Ошибки послѣдняго рода, обыкновенно, называются солецизмами отъ древняго Сицилійскаго города Σόλοι, жители котораго говорили неправильнымъ греческимъ языкомъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ неправильности рѣчи: „преподавая два или болѣе языковъ, имѣя при томъ ежедневно одинъ или болѣе частныхъ уроковъ, мнѣ не достаетъ времени къ занятію тобой; будучи на родинѣ, мнѣ вздумалось посѣтить старыхъ знакомыхъ. Подъѣзжая къ отцовскому дому, у меня болѣе и болѣе разросталось желаніе видѣть родныхъ. Люди лошадьми дивились, которыя не успѣли убѣжать.

Digitized by Google

Входя въ комнату, предъ моими глазами чрезъ масляныя краски писанный, бросился большой портретъ".

Точность рѣчи и противоположное ей свойство слога. Синонимы и омонимы. Указывая отличительныя свойства Оренбургскихъ степей лѣтомъ, Аксаковъ говоритъ:

„Если лѣто дождливо, то роскошная растительность сохраняетъ свою свѣжесть до начала іюля и достигаетъ великолѣпныхъ размѣровъ; но если іюнь сухъ, то къ концу его травы начинаютъ сохнуть, а ковыль развиваетъ понемногу свои путевыя нити. Къ концу же іюня, къ Петрову дню, поспѣваетъ ранняя полевая клубника, но самый ростъ ея бываетъ около лѣтней Казанской, 8 іюля. Эта чудная, ароматная, превосходная вкусомъ и цѣлебная для здоровья ягода родится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ удивительномъ изобиліи: въ голой, чистоковылистой степи ея мало, но около перелѣсковъ, по долинамъ и залежамъ, когда онѣ покинуты уже года три или четыре и начинаютъ уже лужать, клубника родится сплошная и, когда созрѣетъ, точнымъ краснымъ сукномъ покрываетъ цѣлые загоны. Въ іюлѣ поспѣваетъ полевая вишня; мѣста, гдѣ растетъ она, называются вишенными садками; они занимаютъ иногда огромное пространство и сначала еще ярче краснѣютъ издали, чѣмъ клубника, но спѣлая ягода темнѣетъ и получаетъ свой собственный, вишневый цвѣтъ".

Главная мысль даннаго отрывка—особенности Оренбургскихъ степей лѣтомъ. Она раскрывается слѣдующими частными положеніями: a) роскошная растительность Оренбургскихъ степей въ дождливое лѣто; b) менѣе роскошная растительность во время засухи; c) созрѣваніе къ Петрову дню ранней полевой клубники; d) изобиліе поспѣвающей клубники и мѣста, на которыхъ она преимущественно родится; e) видъ степи отъ созрѣвающей клубники; f) созрѣваніе полевой вишни; g) мѣста, гдѣ растетъ полевая вишня; h) обширность этихъ мѣстъ; i) видъ степей отъ зрѣющей вишни. Сравнивая каждую изъ этихъ частныхъ мыслей съ выше приведенными словами автора, ее выражающими, необходимо признать между ними полное соотвѣтствіе: авторъ подобралъ такіе слова и обороты рѣчи, которые выражаютъ именно то и при томъ такъ, что и какъ хотѣлось сказать ему объ особенностяхъ Оренбургскихъ степей въ лѣтнее время. Поэтому всякая попытка передать мысли писателя какими-либо другими болѣе соотвѣтствующими имъ словами и выраженіями была бы совершенно напрасною. Такъ, первое частное положеніе, выраженное въ словахъ: „если лѣто дождливо, то роскошная растительность сохраняетъ свою свѣжесть до начала іюля и достигаетъ великолѣпныхъ размѣровъ," можно, пожалуй, передать и такимъ образомъ: „при сыромъ лѣтѣ великолѣпная растительность удерживаетъ свою свѣжесть до начала іюля и доходитъ до значительныхъ размѣровъ",—но послѣднее выра-

Digitized by Google

женіе нисколько не выигрываетъ сравнительно съ первымъ въ логическомъ отношеніи,—даже болѣе: оно не такъ строго опредѣленно, какъ первое. Слово сырой, напр., ни само по себѣ, ни въ примѣненіи къ лѣту не обозначаетъ именно того, что выражаетъ слово дождливый: сырымъ можетъ быть всякій предметъ и отъ всякой влаги—жидкости, дождливымъ—только время года и отъ одного дождя; поэтому говорятъ: „сырое дерево, сырая комната, сырой человѣкъ," но никогда не скажутъ: „дождливое дерево, дождливая комната, дождливый человѣкъ." Съ другой стороны, и лѣто можетъ быть сырымъ и отъ дождей, и отъ сильныхъ росъ, тумановъ, частыхъ пасмурныхъ дней при умѣренныхъ дождяхъ,—въ томъ и другомъ случаѣ мы можемъ назвать лѣто сырымъ, тогда какъ дождливымъ можно назвать его только при первомъ условіи,—оттого, напр. говорятъ: „сырая зима"—но никогда, „дождливая зима." Слѣдовательно, выраженіе „при сыромъ лѣтѣ" далеко не тоже, что выраженіе „если лѣто дождливо." Точно также слова „великолѣпная растительность" не выражаютъ того, что „роскошная растительность:" великолѣпный собственно значитъ весьма красивый, прекрасный, роскошный же означаетъ обильный, богатый; поэтому, напр. и незначительную растительность и очень маленькій цвѣтокъ можно назвать прекраснымъ, великолѣпнымъ, но никогда роскошнымъ. Наконецъ, слова „удерживаетъ—сохраняетъ, доходитъ—достигаетъ," при одинаковомъ общемъ значеніи, также разнятся между собою въ частныхъ оттѣнкахъ: удерживать собственно можно то, что такъ или иначе стремится удалиться отъ удерживающаго и потому отъ послѣдняго требуется болѣе или менѣе значительное напряженіе;—тогда какъ сохраненіе не предполагаетъ обязательно того и другаго. Отсюда говорятъ: „бережливый сохраняетъ вещи," но никогда—„бережливый удерживаетъ вещи;" поэтому выраженіе: „сохраняетъ свѣжесть" много лучше соотвѣтствующаго „удерживаетъ свѣжесть." „Доходить" указываетъ по большей части на извѣстный предѣлъ вещественный, видимый или осязаемый, словомъ, существующій въ окружающемъ насъ мірѣ, къ которому приводитъ та или другая дорога,—„достигать" же можно и предѣловъ невидимыхъ: умственныхъ, нравственныхъ, путемъ внутренней дѣятельности. Поэтому выраженіе—„онъ дошелъ до рѣки" гораздо правильнѣе подобозначащаго „онъ достигъ рѣки," и, наоборотъ, выраженіе: „человѣкъ этотъ достигъ своихъ цѣлей"—вѣрнѣе сходнаго съ нимъ оборота—„дошелъ до своихъ цѣлей." Подобныя *слова, сходныя по общему своему смыслу, но различающіяся между собою нѣкоторыми частностями, называются синонимами, а составленные изъ нихъ обороты рѣчи—синонимическими,* отъ греческаго

Digitized by Google

συνώνυμος — соименный, одинаковый по значенію. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, выборъ тѣхъ или другихъ синонимовъ и синонимическихъ оборотовъ рѣчи имѣетъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ соотвѣтствія мысли передающимъ ее словамъ и выраженіямъ. Аксаковъ умѣлъ воспользоваться такими словами и оборотами и потому-то рѣчь его отличается строгою опредѣленностію. *Свойство слога, по которому онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ содержащимся въ немъ мыслямъ, т. е. передаетъ о предметѣ именно то, что хотѣлось передать о немъ автору, и при томъ такъ, какъ хотѣлось передать ему, называется точностью рѣчи и составляетъ третье условіе хорошаго слога со стороны логической.* Высшей степени точности рѣчь достигаетъ тогда, когда всякая попытка замѣнить слова и выраженія автора другими — повидимому равносильными — нарушаетъ смыслъ его рѣчи. Наибольшею точностію отличаются, обыкновенно, слова и выраженія техническія, такъ называемые термины, служащіе для обозначенія предметовъ, свойственныхъ той или другой наукѣ или искусству, напр. въ грамматикѣ — подлежащее, сказуемое, предложеніе, періодъ, въ теоріи словесности — синонимъ, тропъ, эпитетъ, фигура, въ математикѣ — теорема, проблемма, возвышеніе въ квадратъ, извлеченіе корней, въ исторіи — эпоха, эра и т. п. Употребленіе подобныхъ словъ въ сочиненіяхъ требуетъ, однако, большой осторожности, такъ какъ они не всегда могутъ быть понятны для людей, не занимающихся тѣмъ или другимъ предметомъ. Поэтому лучшіе писатели въ своихъ произведеніяхъ, предназначенныхъ для всеобщаго чтенія, употребляя технически слова или выраженія, стараются тутъ-же уяснить и значеніе ихъ. Такъ, Тургеневъ въ томъ же сочиненіи — „Записки Охотника," сказавши:

„Вечеромъ мы съ охотникомъ Ермолаемъ отправились на „тягу", прибавляетъ: „но, можетъ быть, не всѣ мои читатели знаютъ, что такое тяга. Слушайте-же, господа", и затѣмъ пишетъ: „За четверть часа до захожденія солнца, весной, вы входите въ рощу съ ружьемъ, безъ собаки. Вы отыскиваете себѣ мѣсто гдѣ-нибудь подлѣ опушки, оглядываетесь, осматриваете пистонъ, перемигиваетесь съ товарищемъ. Четверть часа прошло. Солнце сѣло, но въ лѣсу еще свѣтло: воздухъ чистъ и прозраченъ, птицы болтливо лепечутъ; молодая трава блеститъ веселымъ блескомъ изумруда. .. вы ждете. Внутренность лѣса постепенно темнѣетъ; алый свѣтъ вечерней зари медленно скользитъ по корнямъ и стволамъ деревьевъ, поднимается выше и выше, переходитъ отъ нижнихъ почти еще голыхъ вѣтокъ къ неподвижнымъ, засыпающимъ верхушкамъ. Вотъ и самыя верхушки потускнѣли; румяное небо синѣетъ. Лѣсной запахъ усиливается; слегка повѣяло теплой сыростью; влетѣвшій вѣтеръ около васъ замираетъ. Птицы засыпаютъ, не всѣ вдругъ — по породамъ: вотъ затихли зяблики, черезъ нѣсколько мгновеній малиновки, за ними овсянки. Въ лѣсу все темнѣй да темнѣй. Деревья

Digitized by Google

сливаются въ большія чернѣющія массы; на синемъ небѣ робко выступаютъ первыя звѣздочки. Всѣ птицы спятъ. Горихвостки, маленькіе дятлы одни еще сонливо посвистываютъ.... Вотъ и они умолкли. Еще разъ прозвенѣлъ надъ вами звонкій голосокъ пѣночки; гдѣ-то печально прокричала иволга, соловей щелкнулъ въ первый разъ. Сердце ваше томится ожиданіемъ, и вдругъ—но одни охотники поймутъ меня—вдругъ въ глубокой тишинѣ раздается особаго рода карканье и шипѣнье, слышится мѣрный взмахъ проворныхъ крылъ,—и вальдшнепъ, красиво наклонивъ свой длинный носъ, плавно вылетаетъ изъ-за темной березы на встрѣчу вашему выстрѣлу. Вотъ что значитъ „стоять на тягѣ".

Противоположное точности рѣчи свойство слога называется неточностью, неопредѣленностію, сбивчивостію рѣчи. Оно состоитъ въ подборѣ такихъ словъ и выраженій, которыя не соотвѣтствуютъ вполнѣ мысли автора: для читателя остается возможность понимать и толковать слова писателя по-своему. Послѣднее обстоятельство чаще всего бываетъ тогда, когда авторъ, при изложеніи своихъ мыслей о предметѣ, мало или совсѣмъ не обращаетъ вниманіе на самый подборъ словъ и оборотовъ рѣчи и безразлично употребляетъ такіе изъ нихъ, которые можно понимать двусмысленно. Въ этомъ случаѣ кромѣ неразборчивости въ употребленіи синонимовъ много могутъ повредить точности рѣчи—омонимы. *Такъ называются слова и выраженія, имѣющія при одинаковомъ произношеніи* (ὁμοῦ вмѣстѣ—ὄνομα имя, ὁμώνυμος одноименный), *совершенно различное значеніе.* Слово ключъ, напр. означаетъ и источникъ и тотъ предметъ, которымъ запираютъ и отпираютъ замокъ; поэтому выраженіе: „гуляя за городомъ, я нашелъ ключъ" — можно понимать и въ смыслѣ: я нашелъ источникъ и въ значеніи: я нашелъ ключъ отъ замка. Слово „провести" означаетъ и указать дорогу и обмануть; отсюда выраженіе: „этотъ человѣкъ провелъ меня" можно понять и въ значеніи: обманулъ меня и въ смыслѣ: указалъ мнѣ дорогу. Очевидно, что неразборчивое пользованіе подобными словами и оборотами далеко небезразлично для точности рѣчи. Вообще, для соблюденія строгой точности въ рѣчи слѣдуетъ, какъ можно больше, вдумываться въ смыслъ и значеніе употребляемыхъ словъ и оборотовъ и это тѣмъ болѣе, что погрѣшности противъ точности встрѣчаются въ сочиненіяхъ даже и лучшихъ, опытнѣйшихъ писателей. У Лермонтова, напр. есть такое выраженіе:

„То былъ пустыни вѣчный гость—
Могучій барсъ" („Мцыри"),—

здѣсь выраженіе—„вѣчный гость" не точно, такъ какъ гость всегда бываетъ временнымъ, а не вѣчнымъ; Лермонтову слѣдовало передать свою мысль такъ:

„То былъ пустыни вѣчный житель—
Могучій барсъ".

Digitized by Google

Ясность рѣчи и погрѣшности противъ нея. Послѣднее общее положеніе—Оренбургскія степи осенью Аксаковъ передастъ слѣдующимъ образомъ:

„Осенью ковылистыя степи совершенно измѣняются и принимаютъ свой особенный, самобытный, ни съ чѣмъ несхожій, чудный видъ: выросшія во всю свою длину и вполнѣ распустившіяся, перловосизыя волокна ковыля, при легкомъ дуновеніи вѣтерка, уже колеблются и струятся мелкою, слегка серебристою зыбью. Но сильный вѣтеръ, безгранично властвуя степью, склоняетъ до пожелтѣвшихъ корней слабые, гибкіе кусты ковыля, треплетъ ихъ, хлещетъ, разсыпаетъ направо и налѣво, бьетъ объ увядшую землю, несетъ по своему направленію и взору представляется необозримое пространство, все волнующееся и все какъ будто текущее въ одну сторону. Для непривычныхъ глазъ такое зрѣлище сначала ново и поразительно, никакое теченіе воды на него не похоже; но скоро своимъ однообразіемъ оно утомляетъ зрѣніе, у иныхъ производитъ даже головокруженіе и наводитъ какое-то уныніе на душу. Степныя же мѣста нековылистыя, въ позднюю осень, имѣютъ видъ еще болѣе однообразный, безжизненный и грустный, кромѣ выкошенныхъ луговинъ, на которыхъ, около круглыхъ стоговъ потемнѣвшаго отъ дождя сѣна, выростаетъ молодая зеленая отава: станицы тудаковъ и стрепетовъ любятъ бродить по ней и щипать молодую траву; даже гуси, огромными вереницами перемѣщаясь съ одной воды на другую, опускаются на такія мѣста, чтобы полакомиться свѣжею травкой".

Основное положеніе разсматриваемаго отрывка—Оренбургскія степи осенью. Оно раскрывается слѣдующими второстепенными мыслями: a) особенный, самобытный видъ оренбургскихъ ковылистыхъ степей осенью при легкомъ вѣтеркѣ; b) состояніе и видъ Оренбургскихъ ковылистыхъ степей осенью при сильномъ вѣтрѣ; c) тяжелое впечатлѣніе, получаемое отъ Оренбургскихъ степей при этомъ послѣднемъ ихъ видѣ; d) однообразный, грустный видъ Оренбургскихъ степныхъ мѣстъ нековылистыхъ въ позднюю осень; e) небольшое разнообразіе нековылистыхъ Оренбургскихъ степей въ позднюю осень отъ выкошенныхъ луговинъ; j) особенности послѣднихъ: молодая зеленая трава около круглыхъ стоговъ чернаго отъ дождя сѣна, станицы бродящихъ тудаковъ и стрепетовъ, вереницы дикихъ гусей. Если сопоставить теперь всѣ данныя мысли съ вышеприведенными словами автора, то нельзя не замѣтить, что каждая изъ нихъ самымъ очевиднымъ образомъ выражается въ соотвѣтствующихъ ей оборотахъ рѣчи: читатель безъ всякаго умственнаго напряженія, легко и свободно понимаетъ, что именно говоритъ авторъ въ томъ или другомъ мѣстѣ своего приведеннаго отрывка: *Такое свойство слога называется ясностію рѣчи и составляетъ четвертое и послѣднее условіе хорошаго слога въ логическомъ*

Digitized by Google

отношеніи. Римскій писатель Квинтилліанъ очень мѣтко и точно опредѣляетъ это логическое качество слога. „Рѣчь, пишетъ онъ, должна быть ясна и понятна даже и невнимательнымъ слушателямъ и такъ дѣйствовать на ихъ умъ, какъ солнечный свѣтъ дѣйствуетъ на зрѣніе, безъ всякаго напряженія съ нашей стороны. Поэтому должно стараться не о томъ, чтобы всякій понималъ насъ, но чтобы нельзя было не понять". (Inst. orator LXVIII). Противоположное ясности рѣчи свойство слога называется темнотою рѣчи и бываетъ въ слѣдующихъ случаяхъ: A) при нарушеніи чистоты рѣчи, когда слогъ нашъ безъ всякой необходимости изобилуетъ архаизмами, неологизмами, барбаризмами, провинціализмами, какъ въ вышеуказанныхъ примѣрахъ. B) При несоблюденіи грамматической правильности рѣчи. Сюда относятся: a) неправильная разстановка словъ въ предложеніи, напр. „скажи мнѣ, почему считаетъ всякій другихъ себя несчастнѣе"; это выраженіе неясно: его можно понять и такъ, что всякій считаетъ другихъ несчастнѣе себя, и такъ, что всякій считаетъ себя несчастнѣе другихъ; для надлежащей ясности слѣдовало-бы выразиться такъ: „скажи мнѣ, почему всякій считаетъ себя несчастнѣе другихъ"; b) употребленіе въ одномъ и томъ же предложеніи подлежащаго и прямаго дополненія съ одинаковымъ окончаніемъ безъ всякаго ихъ разграниченія,—напр. любитъ мать дочь; неясно: кто и кого любитъ—мать ли свою дочь, дочь—ли свою мать; для надлежащей ясности слѣдовало бы сказать: мать любитъ свою дочь, или—дочь любитъ свою мать; c) недостаточно ясное указаніе отношеній между предложеніями, напр. „Мой пріятель разсказывалъ, что одинъ мельникъ, вставъ ночью, во снѣ мололъ муку, и это продолжалось до зари", непонятно, что продолжалось до зари,—разсказъ-ли пріятеля, или занятіе мельника; для полной ясности должно было-бы выразиться или такъ: „Мой пріятель разсказывалъ (и это продолжалось до зари), что одинъ мельникъ, вставъ ночью, во снѣ мололъ муку", или: „мой пріятель разсказывалъ, что одинъ мельникъ, вставъ ночью, во снѣ мололъ муку и что это занятіе мельника продолжалось до зари;" наконецъ d) отсутствіе или невѣрная разстановка знаковъ препинанія,—такъ выраженіе: „одному наслѣднику завѣщано было поставить статую золотую пику держащую" при отсутствіи знака препинанія можно понимать двояко: и въ смыслѣ завѣщано было поставить статую всю золотую, и въ значеніи статую только съ золотою пикою, при чемъ тотъ и другой смыслъ будутъ совершенно вѣрны, а потому для избѣжанія неясности въ пониманіи слѣдуетъ поставить запятую или послѣ слова золотую, если всему обороту рѣчи нужно придать первый смыслъ, или послѣ слова статую, если всю фразу

Digitized by Google

нужно понимать во второмъ значеніи. С) Вредятъ ясности рѣчи слишкомъ длинные періоды, содержащіе въ себѣ такое множество придаточныхъ предложеній, что у читателя ускользаетъ изъ виду главная связь между ними и затемняется ихъ отношеніе къ предложенію главному. У Ломоносова, напр. въ „Словѣ похвальномъ Петру 1“ читаемъ:

„Войско (шведское) къ регулярству давно пріобыкшее, изъ областей непріятельскихъ дерзостію къ бою приведенное, подъ предводительствомъ славныхъ начальниковъ, въ воинскомъ упражненіи все время положившихъ; войско, всякими снарядами преизобильно снабженное, уклоняется отъ сраженія съ новыми россійскими полками, числомъ много меньшими. Но они, не дая сопротивнымъ отдохновенія, быстрымъ теченіемъ постигли, сразились, побѣдили; и главный ихъ предводитель съ малыми остатками едва плѣненія избылъ, чтобы принести своему государю плачевныя вѣсти, которыми хоть онъ сильно возмутился, однако мужественнымъ и стремительнымъ духомъ бодрствуя, еще поощрялся противъ Россіи; еще не могъ увѣриться, чтобы малолѣтнее войско Петрово могло устоять противъ его возмужавшей силы, наступающей подъ его самого предводительствомъ, и на дерзостныя обнадеживанія безсовѣстнаго Россіи измѣнника, не усомнился вступить въ украинскіе предѣлы нашего отечества.“

Д) Слишкомъ краткая рѣчь также не совсѣмъ удобна для пониманія; такъ, Карамзинъ пишетъ про св. Ольгу: „Сдѣлавшись ревностною христіанкою, Ольга,—денница и луна спасенія,—служила убѣдительнымъ примѣромъ для Владиміра“; (Ист. Госуд. Рос. т. 1, гл. VII). выраженіе – „денница и луна спасенія“ непонятно для читателя. Е) Мѣшаетъ ясному пониманію рѣчи употребленіе безъ надлежащихъ объясненій словъ и оборотовъ техническихъ, какъ, напр. „Матросы поползли вверхъ по вантамъ, какъ мухи облѣпили реи... Онъ провелъ меня въ каютъ компанію, просторную комнату, внизу, на кобрикѣ, безъ оконъ, но съ люкомъ наверху... Посрединѣ насквозь проходила бизанъ-мачта „(Гончаровъ)“. Волна, ударивъ въ бортъ, разбила старнъ-постъ, расшатала ахтеръ-штевенъ. Пора было подумать о помпахъ, такъ какъ въ трюмѣ было на 4 фута воды“. (Соч. Лорда Байрона, изд. Н. Гербеля, перев. А. Соколовскаго. Спб. 1874, т. 11, стр. 43). F) Наконецъ, изысканные, неестественные обороты рѣчи затемняютъ мысль писателя или говорящаго, заставляя читателя или слушателя съ трудомъ отыскивать ее въ туманѣ вычурныхъ словъ и выраженій, таково, напр. слѣдующее мѣсто изъ десятой похвальной оды Ломоносова:

„Въ земное нѣдро ты, химія,
Проникни взора остротой,
И, что содержитъ въ немъ Россія,
Драги сокровища открой.
Отечества умножить славу,
И вящще укрѣпить державу
Спѣши за хитрымъ естествомъ,
Подобнымъ облекаясь свѣтомъ,
И, что прекрасно только лѣтомъ,
Ты вѣчно сдѣлай мастерствомъ“.

Digitized by Google

Послѣднія строки совсѣмъ непонятны; или напр. у Бенедиктова въ стихотвореніи „Тостъ“ находимъ слѣдующее довольно темное мѣсто:

„И взлелѣяны любовью
Ихъ питомцы, ихъ сыны
Да кипятъ душей, и кровью
Въ честь родимой стороны,—
Сей страны, что съ горизонта
Вскинувъ глыбою крутой
Отъ полярныхъ льдовъ до Понта
Мостъ Рифея золотой,
Какъ слезу любви изъ ока,
Какъ холодный потъ съ чела,
Изъ Тверской земли широко
Волгу въ Каспій пролила“.

Вообще, для соблюденія ясности рѣчи необходимо напередъ самому хорошо уяснить себѣ предметъ, о которомъ желаешь говорить или писать: безъ должнаго пониманія предмета нельзя и говорить о немъ яснымъ образомъ; поэтому-то попытки писателей уяснить и передать другимъ предметы, недоступные пониманію, всегда оказывались напрасными; такъ, напр., Державинъ, желая изобразить недоступный наглядному пониманію образъ созданія міра, употребилъ для этого слѣдующія темныя выраженія:

„Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ себѣ самомъ Ты основалъ.
Себя собою составляя,
Собою изъ Себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ“
(Изъ оды—„Богъ“).

Художественныя свойства слога. Разборъ со стороны слога сочиненія Гоголя „Южно-русская степь“. Изобразительность или живописность рѣчи. Чистота, правильность, точность и ясность рѣчи служатъ хорошими качествами слога въ логическомъ отношеніи и должны быть предъявляемы ко всякому хорошему сочиненію, но слогъ можетъ быть разсматриваемъ и со стороны художественной. Въ этомъ случаѣ существуютъ особыя требованія, составляющія сущность слога художественнаго, который, какъ извѣстно, является принадлежностію только нѣкоторыхъ словесныхъ произведеній. Для надлежащаго уясненія дѣла разберемъ напр., сочиненіе Гоголя „Южно-русская степь“.

„Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣй. Тогда весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самого Чернаго моря, было зеленою дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній. Одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничто въ природѣ не могло быть лучше ихъ. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны различныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубые, синіе, и лиловые волошки, желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесен-

Digitized by Google

ный, Богъ знаетъ откуда, колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свою шею. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли цѣлою тучею ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался, Богъ знаетъ, въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою. Вонъ она перевернулась крылами и блеснула предъ солнцемъ. Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!... Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнилась. Все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по немъ, и она становилась темнозеленою; испаренія поднималися гуще, каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру и вся степь курилась благовоніемъ. По небу изголуба-темному, какъ-будто исполинскою кистью, наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія и прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался къ щекамъ. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и смѣнялась другою. Пестрые овражки выползали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ".

Все содержаніе этого сочиненія распадается прежде всего на два большіе отдѣла: южнорусская степь днемъ и южнорусская степь вечеромъ. Обоимъ этимъ отдѣламъ предшествуетъ вступленіе, въ которомъ авторъ проводитъ двѣ главныя мысли: a) обширность южнорусскихъ степей и b) ихъ пустынность. Первое положеніе высказывается въ словахъ: „тогда весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію до самаго Чернаго моря, было зеленою, дѣвственною пустынею,"—второе же—пустынность южнорусскихъ степей раскрывается двумя болѣе частными мыслями: 1) „никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній" и 2) „одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ." Выраженіе: ничто въ природѣ не могло быть лучше ихъ" служитъ связующею нитью между вступленіемъ и главной частью или изложеніемъ. Послѣднее касается природы южнорусскихъ степей. Въ своемъ первомъ отдѣлѣ оно содержитъ двѣ общія и главныя мысли: 1) растительность южнорусскихъ степей и 2) птицы, въ нихъ обитающія. Указанію растительности южнорусскихъ степей авторъ предпосылаетъ замѣчаніе объ общемъ видѣ южнорусскихъ степей днемъ въ словахъ: „вся поверхность земли представлялась зелено-

Digitized by Google

золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ", и затѣмъ уже перечисляетъ эти цвѣты или растительность степей: a) „сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубые, синіе и лиловые волошки; b) желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; c) бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; d) занесенный, Богъ знаетъ откуда, колосъ пшеницы наливался въ гущѣ." Всѣ эти частныя мысли и составляютъ содержаніе одной общей—растительность южнорусскихъ степей. Второе общее положеніе—птицы, обитающія въ южнорусскихъ степяхъ, въ свою очередь состоитъ изъ слѣдующихъ частныхъ мыслей: a) „подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свою шею; b) воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ; c) въ небѣ неподвижно стояли цѣлою тучею ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву; d) крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался, Богъ знаетъ, въ какомъ дальнемъ озерѣ," и e) „изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха." Заключеніемъ и вмѣстѣ переходомъ отъ первой части содержанія ко второй служатъ слова, выражающія впечатлѣніе автора при видѣ южнорусскихъ степей днемъ,—„чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!"... Затѣмъ уже слѣдуетъ перечисленіе природныхъ особенностей южнорусскихъ степей вечеромъ; въ частности здѣсь указываются слѣдующія мысли: общее положеніе—„вечеромъ вся степь совершенно перемѣнилась: a) все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по немъ, и она становилась темнозеленою; b) испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовоніемъ; c) по небу изголуба-темному, какъ будто исполинскою кистью, наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли легкія и прозрачныя облака; d) самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался къ щекамъ" и e) „вся музыка, наполнявшая день, утихла и смѣнилась другою. Пестрые овражки"... и т. д. Таковъ ходъ мыслей въ произведеніи Гоголя—„Южнорусская степь," но тотъ же самый планъ можно выполнить, напр. и такимъ образомъ:

„Южнорусская степь простиралась до самаго Чернаго моря и занимала нынѣшнюю Новороссію. Она никогда не пахалась и была покрыта высокою травою, въ которой скрывались одни только кони. Днемъ степь представлялась зелено-золотою поверхностью,

Digitized by Google

покрытою разнаго рода цвѣтами—волошками, дроками, кашкой, а по мѣстамъ колосьями пшеницы. Въ степи обитали куропатки, ястребы, дикіе гуси, чайки и множество мелкихъ птицъ. Вообще днемъ южнорусская степь производила очень пріятное впечатлѣніе. Вечеромъ та же степь становилась другою: при закатѣ солнца она принимала темнозеленый оттѣнокъ. Атмосфера наполнялась испареніями, благовоніемъ отъ травъ, и воздухъ дѣлался значительно свѣжѣе. На небѣ виднѣлись широкія, розовыя полосы и изрѣдка прозрачныя облака. Слышались звуки овражковъ, кузнечиковъ и по-временамъ крикъ лебедя."

Если теперь сравнимъ оба данныя произведенія, описывающія одинъ и тотъ же предметъ тождественными мыслями и при томъ расположенными въ совершенно одинаковомъ порядкѣ, то окажется, что по своему характеру они далеко не походятъ другъ на друга. Южнорусская степь у Гоголя изображена до того наглядно, что читатель какъ-бы видитъ ее передъ собою со всѣми ея мельчайшими подробностями; картина степи является для него на столько очевидною, что онъ при нѣкоторомъ умѣньи легко можетъ перевести ее и на полотно или бумагу. Совсѣмъ другое въ составленномъ нами произведеніи: здѣсь читатель знакомится только съ особенностями южнорусской степи днемъ и вечеромъ, но никакого нагляднаго представленія ея у него не получается. Очевидно, вся разница между разсматриваемыми сочиненіями зависитъ отъ различія слога. Гоголь живо и наглядно представилъ себѣ картину южнорусской степи днемъ и вечеромъ и, сообразно съ этимъ, употребилъ слогъ художественный, тогда какъ въ нашемъ произведеніи для выраженія тѣхъ же мыслей и въ томъ же порядкѣ взятъ слогъ отвлеченный. *Свойство слога, по которому онъ состоитъ изъ словъ и выраженій, живо и наглядно изображающихъ,* такъ сказать, *рисующихъ предметъ, называется изобразительностію или живописностію рѣчи. Живописность или образность рѣчи составляетъ первое существенное условіе хорошаго слога со стороны художественной.*

Средства изобразительности рѣчи: а) эпитеты. Для достиженія изобразительности рѣчи Гоголь въ своемъ произведеніи „Южнорусская степь" въ частности воспользовался нѣкоторыми особыми средствами. Прежде всего, раскрывая положеніе—пустынность степи, онъ между прочимъ говоритъ: „тогда весь югъ, все то пространство было зеленою, дѣвственною пустынею." Слова—„зеленый" и особенно „дѣвственный" приведены здѣсь не столько для опредѣленія степи, сколько для указанія того впечатлѣнія, какое произвела она на писателя. Для опредѣленія

Digitized by Google

предмета, обыкновенно, берутся такіе признаки, какими онъ отличается отъ другихъ сходныхъ съ нимъ предметовъ. Мы, напр. говоримъ: столъ желтый, доска черная, церковь бѣлая, комната свѣтлая, человѣкъ умный и т. п. и этимъ самымъ выдѣляемъ данные предметы изъ другихъ сходныхъ съ ними: столъ желтый, напр. отъ стола чернаго, черную доску отъ бѣлой, бѣлую церковь отъ красной, свѣтлую комнату отъ темной, умнаго человѣка отъ глупаго. Между тѣмъ слова—„зеленою, дѣвственною пустынею“ нисколько не выдѣляютъ южнорусскую степь изъ другихъ степей, напр. оренбургской, африканской, потому что и оренбургская степь бываетъ зеленою и степь африканская дѣвственною пустынею; напротивъ, прилагательныя—„зеленый и дѣвственный“ просто обозначаютъ здѣсь только то, что прежде всего бросилось въ глаза автору-наблюдателю, и служатъ лишь для наглядной обрисовки южнорусской степи. Такія *слова, которыя присоединяютъ къ предметамъ не для точнаго ихъ опредѣленія, но для наглядная изображенія самыхъ предметовъ, выражая собою полученное отъ нихъ впечатлѣніе, называются эпитетами* отъ греческаго ἐπίθετον—прилаженный, приспособленный, разумѣется, къ наглядному пониманію предмета, къ передачѣ полученнаго отъ него впечатлѣнія. Отсюда ясно, что эпитетъ далеко не то же, что обыкновенное прилагательное, всегда служащее для опредѣленія предмета. Ихъ взаимное отношеніе можно вкратцѣ обозначить такъ: всякое качественное прилагательное при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть эпитетомъ, но не всякій эпитетъ бываетъ обязательно прилагательнымъ. Поэтому-то эпитетами бываютъ наравнѣ съ прилагательными и имена существительныя, согласуемыя въ падежѣ съ тѣмъ словомъ, при которомъ они служатъ эпитетомъ, напр. въ слѣдующихъ стихахъ Кольцова:

„Что предъ ней (его суженой) ты утро майское,
Ты, дуброва—*мать* зеленая,
Степь *трава-парча* шелковая,
Заря—*вечеръ*, ночь волшебница!“

И имена существительныя вмѣстѣ съ прилагательными, всегда употребляющіяся въ именительномъ падежѣ, напр.

„Обвивается лютый змѣй около чебота—*зеленъ-сафьянъ*.
Ко третей-то мудрости учился Волхъ
Обертываться гнѣдымъ туромъ—*золотые рога*“ (изъ былины: „Волхъ Всеславьевичъ“) и родительный опредѣленія, напр. кровать *слоновыхъ костей*, покрышка *съдыхъ бобровъ* и наконецъ нарѣчія, напр. *непостижимо* тайное *нечувствительно* руководствуетъ. По своему характеру и употребленію эпитеты бываютъ постоян-

Digitized by Google

ные и украшающіе. Первые обозначаютъ постоянное и существенное свойство предмета, безъ котораго онъ не можетъ быть нами представленъ, и потому всегда соединяются съ этимъ послѣднимъ; они встрѣчаются, главнымъ образомъ, въ произведеніяхъ народныхъ, какъ напр.

„Ужъ какъ палъ туманъ на *синє* море,
А *злодѣй тоска* въ *ретиво* сердце (народная пѣсня).
Засѣдлаетъ Святогоръ—добра коня
И ѣдетъ по *чисту* полю (изъ былины „Святогоръ").
Онъ скачетъ выше дерева *стоячаго*,
Что ниже облака *ходячаго*.
У того ли шатра спитъ Добрыня-молодецъ,
Очи *ясныя* закатилися,
Руки *сильныя* опустилися".

Эпитеты украшающіе берутся исключительно для украшенія извѣстнаго предмета, безъ всякаго разграниченія въ указаніи главныхъ—существенныхъ и второстепенныхъ—несущественныхъ признаковъ этого предмета, напр. Владиміръ—*красное солнышко, старый казакъ*—Илья Муромецъ. Кромѣ прилагательныхъ „зеленый" и „дѣвственный" въ „Южнорусской степи" Гоголя есть и еще много эпитетовъ, напр. зелено-золотой океанъ, пирамидальная верхушка, зонтикообразная шапка, мѣрный взмахъ, роскошно купались, синія волны, яркій отблескъ и др.

b) **Тропы: метафора**. Развивая далѣе свою мысль—пустынность южнорусской степи, Гоголь выражается такъ: „Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній". Этотъ оборотъ рѣчи по мысли совершенно равносиленъ слѣдующему: никогда южнорусская степь не пахалась и была покрыта дикой растительностію, но Гоголь предпочелъ ему первый, какъ наиболѣе картинный способъ передачи своей мысли. Картинность или изобразительность мысли получается въ данномъ случаѣ отъ того, что авторъ употребляетъ нѣкоторыя слова не въ буквальномъ ихъ значеніи: о плугѣ онъ высказывается глаголомъ не проходилъ, тогда какъ проходить собственно можетъ только предметъ одушевленный, а не вещественный, какъ плугъ,—вмѣсто по степи, покрытой травою, говоритъ: „по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній," между тѣмъ какъ волны въ точномъ смыслѣ бываютъ лишь на водѣ. *Подобныя слова, а иногда и цѣлыя выраженія называются тропами* (отъ греческаго τρέπω—обращаю, превращаю, перемѣняю), *т. е. переносными, несобственными, небуквальными.* Въ разсматриваемомъ мѣстѣ Гоголь приписываетъ плугу дѣйствіе предмета одушевленнаго и растительности степи свойство волнуемой воды на основаніи нѣкотораго сходства между тѣми и другими: растительность степи своею не вездѣ ровною поверхностію,

Digitized by Google

особенно при вѣтрѣ, когда она наклоняется въ извѣстномъ направленіи, много походитъ на волнуемую поверхность воды, а плугъ своимъ движеніемъ и слѣдами отъ него напоминаетъ соотвѣтствующее изъ жизни и дѣятельности человѣка. Такой *тропъ, въ которомъ свойства или дѣйствія одного предмета придаются другому на основаніи того или иного ихъ сходства, называется метафорою* (отъ греческаго μεταφορά—перенесеніе). Перенесеніе здѣсь можетъ быть отъ признаковъ и дѣйствій предметовъ—одушевленнаго къ одушевленному, неодушевленному и отвлеченному и отъ неодушевленнаго къ неодушевленному. Въ „Южнорусской степи“ Гоголя встрѣчаются и другіе метафоры, напр. „вся поверхность земли представлялась океаномъ, по которому *брызнули* милліоны разныхъ цвѣтовъ, желтый дрокъ *выскакивалъ*, колосъ пшеницы *наливался*, воздухъ *былъ наполненъ* тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ, въ небѣ неподвижно стояли цѣлою *тучею* ястребы, крикъ двигавшейся въ сторонѣ *тучи* гусей, чайка роскошно *купалась въ синихъ волнахъ воздуха*,“ и проч. Другимъ прекраснымъ примѣромъ метафорическихъ выраженій можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ сочиненія Лермонтова „Демонъ:“

„И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ,
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ,
И, глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьялъ,
И Терекъ, прыгая, какъ львица,
Съ косматой гривой на хребтѣ,
Ревѣлъ, и горный звѣрь и птица,
Кружась въ лазурной высотѣ,
Глаголу водъ его внимали;
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали.
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы:
У вратъ Казбека на часахъ
Сторожевые великаны!“

Сравненія. Метафора, какъ видно изъ предыдущаго, всецѣло основывается на сравненіи, только сравненіе это всегда бываетъ сокращенное, но очень часто писатели для живописности рѣчи пользуются и сравненіями полными. Въ томъ же самомъ сочиненіи Гоголь при дальнѣйшемъ развитіи мысли—пустынность южнорусской степи—говоритъ: „одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, *какъ въ лѣсу*, вытаптывали ихъ“.—Здѣсь растительность степи для болѣе нагляднаго представленія высоты и густоты ея сравнивается съ лѣсомъ. Съ тою же цѣлью картинности рѣчи употреблены Гоголемъ и слѣдующія сравненія: „По небу изголуба—темному, *какъ-будто исполинскою кистью*, наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; самый свѣжій, обольстительный, *какъ морскія*

Digitized by Google

волны, вѣтерокъ; иногда слышался крикъ лебедя и, *какъ серебро*, отдавался въ воздухѣ". Часто въ сочиненіяхъ встрѣчаются и сравненія довольно распространенныя, рисующія предъ читателемъ цѣлую, полную картину. Въ особенности богаты такими сравненіями произведенія греческаго писателя Гомера, напр.

„Словно какъ пчелы, изъ горныхъ пещеръ вылетая роями,
Мчатся густыя всечасно за купою новая купа,
Бъ образѣ гроздій онѣ надъ цвѣтами весенними вьются
Или, то здѣсь, неизсчетной толпой, то тамъ пролетаютъ:
Такъ Аргивянъ племена, отъ своихъ кораблей и отъ кущей,
Вдругъ по безмѣрному брегу несчетныя къ сонму тянулись."
(Иліада, пѣснь 11, 87—92).

Или еще:

„Рѣялъ (Діомедъ) по бранному полю, подобно рѣкѣ наводненной,
Бурному въ осень разливу, который мосты разсыпаетъ:
Бѣга его укратить—ни мостовъ укрѣпленныхъ раскаты,
Ни зеленыхъ полей удержать изгороды не могутъ,
Если незапный онъ хлынетъ, дождемъ отягченный Зевеса:
Вдругъ отъ него разсыпаются юношей красныхъ работы:
Такъ отъ Тидида (Діомеда) кругомъ волновались густыя фаланги
Трои сыновъ, и стоять не могли, превосходныя силой."

Въ подобномъ, чисто Гомеровскомъ духѣ, не рѣдко попадаются сравненія и у нашихъ писателей, напр. Пушкина, Гоголя:

„Лишь одна телѣга,
Убогимъ крытая ковромъ,
Стояла въ полѣ роковомъ.
Такъ иногда передъ зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подъемлется съ полей
Станица позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдаль на югъ несется,
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ,
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ".
(Пушкинъ).

„Какъ плавающій въ небѣ ястребъ, давши много круговъ сильными крыльями, вдругъ останавливается распластанный среди воздуха на одномъ мѣстѣ и бьетъ оттуда стрѣлой на раскричавшагося у самой дороги самца перепела: такъ Тарасовъ сынъ, Остапъ, налетѣлъ вдругъ на хорунжаго и съ разу накинулъ на шею веревку".

„Тихо склонился онъ (казакъ Кукубенко) на руки подхватившихъ его казаковъ, и хлынула ручьями молодая кровь, подобно дорогому вину, которое несли въ стеклянномъ сосудѣ изъ погреба неосторожные слуги и, поскользнувшись тутъ же у входа, разбили дорогую сулею: разлилось на землю вино,—и схватилъ себя за голову прибѣжавшій хозяинъ, сберегавшій его про лучшій случай жизни".

Или еще изъ сочиненія „Мертвыя Души":

„Маленькіе глазки (Плюшкина) еще не потухнули и бѣгали изъ подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ востренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ

Digitized by Google

высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ".

Особенную прелесть и картинность представляютъ сравненія отрицательныя. Въ нихъ отрицается то, съ чѣмъ сравнивается предметъ, напр.

„Не звѣзда блеститъ далече въ чистомъ полѣ:
Курится огонекъ малешенекъ".—

Смыслъ этого сравненія такой: можно подумать, что это блеститъ далече въ чистомъ полѣ звѣзда, но это не звѣзда, а огонечекъ малешенекъ.—Здѣсь въ одно и то же время указывается и сходство между сравниваемыми предметами и ихъ различіе, и потому-то такія сравненія отличаются особенною живостію и наглядностію. Отрицательныя сравненія чаще всего встрѣчаются въ произведеніяхъ народныхъ, хотя иногда они попадаются и въ сочиненіяхъ искусственныхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ такихъ сравненій: изъ произведеній народныхъ—

„Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталася безпріютная головушка....
Что не ласточки, не касаточки
Вкругъ тепла гнѣзда увиваются:
Увивается тутъ родная матушка;
Она плачетъ—какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ,—какъ ручей течетъ,
Молода жена плачетъ,—какъ роса падетъ.....
Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются,
Разстилается сынъ передъ батюшкомъ;
Онъ и проситъ себѣ благословеньица".

Изъ произведеній искусственныхъ:

„Не стая вороновъ слеталась
На груды тлѣющихъ костей:
За Волгой, ночью, вкругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась".
(„Братья разбойники"—Пушкина).

„Тѣ лѣса, что стоятъ на холмахъ, не лѣса: то волосы, поросшіе на косматой головѣ лѣснаго дѣда.... Тѣ луга не луга: то зеленый поясъ, перепоясавшій по серединѣ круглое небо".... (Гоголь).

Кромѣ эпитетовъ, метафоръ и сравненій къ средствамъ изобразительности рѣчи относятся, еще виды троповъ: аллегорія, иронія съ сарказмомъ, метонимія, синекдоха, гипербола и, такъ называемыя, выраженія фигуральныя или фигуры.

Аллегорія. Чтобы составить наглядное понятіе объ аллегоріи, вникнемъ, напр., въ произведеніе Крылова—„Оселъ и соловей".

„Оселъ увидѣлъ соловья
И говоритъ ему: „Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:

Digitized by Google

Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Великоль подлинно твое умѣнье?“
Тутъ соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры:
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры
И прилегли стада....
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
„Изрядно“, говоритъ: „сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Ещебъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немного поучился.“—
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ и полетѣлъ за тридевять полей.
Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей“.

Очевидно, данный разсказъ Крылова совсѣмъ нельзя понимать въ смыслѣ буквальномъ. Оселъ и соловей надѣляются здѣсь такими способностями, которыя имъ вовсе не свойственны. Оселъ, наслышавшись о мастерскомъ пѣніи соловья, самъ желаетъ послушать это пѣніе, чтобы затѣмъ составить о немъ свое сужденіе. Съ этою цѣлію онъ проситъ соловья показать ему—ослу свое искусство. Надѣясь услышать о себѣ справедливый приговоръ и со стороны осла и исполняя просьбу послѣдняго, соловей „являть свое искусство сталъ“, но вмѣсто должной похвалы услышалъ невѣрный судъ. Все это можетъ быть только между людьми,—поэтому Крыловъ и добавляетъ, какъ-бы выводя слѣдствіе изъ всего разсказа,— „избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей“. Такимъ образомъ, во всемъ произведеніи проходитъ смыслъ аллегорическій или иносказательный: оселъ, произносящій невѣрный приговоръ, является представителемъ тѣхъ людей, которые, воображая себя знатоками, берутся судить то, о чемъ не имѣютъ ни малѣйшаго знанія. Слѣдовательно, *аллегоріею называется такой тропъ, въ которомъ цѣлая мысль и даже рядъ мыслей употребляются въ смыслѣ переносномъ, изображая свойства и дѣйствія однихъ предметовъ подъ образомъ другихъ.* Сообразно съ общимъ переноснымъ смысломъ цѣлаго и каждое отдѣльное выраженіе получаетъ въ аллегоріи значеніе мета-

Digitized by Google

фическое. Отсюда аллегорія очень близко соприкасается съ метафорой и иногда даже называется распространенною метафорой. Другимъ прекраснымъ образцомъ аллегоріи можетъ служить произведеніе Пушкина „Пророкъ“. Здѣсь авторъ, подъ образомъ иносказанія, проводитъ ту глубокую мысль, что высокое общественное служеніе требуетъ отъ человѣка особаго призванія—высокаго нравственнаго и умственнаго совершенства, какъ особыхъ даровъ Божіихъ.—

„Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился.
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы;
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содраганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ, въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.“

Иронія. Сарказмъ. Сравненіе, метафора и частію аллегорія основываются на сходствѣ предметовъ между собою, но часто предметъ, который мы видимъ или представляемъ, вызываетъ въ нашемъ умѣ совершенно противоположный себѣ предметъ: при видѣ, напр. слишкомъ маленькаго человѣка, намъ можетъ придти въ голову образъ человѣка очень большаго, котораго мы когда-то видѣли, и который поразилъ насъ своимъ ростомъ. Такъ появляются въ нашей душѣ совершенно противоположные образы и, естественно, отливаются въ соотвѣтствующія имъ формы—слова. Смотря на человѣка маленькаго, мы невольно восклицаемъ: „ахъ какой великанъ!“ и наоборотъ. Отсюда происходятъ особые тропы: иронія и сарказмъ. Такъ, напр. у Дмитріева мы читаемъ о плохихъ лѣкаряхъ:

„Мнѣ лѣкарь говорилъ: нѣтъ, ни одинъ больной
Не скажетъ обо мнѣ, что недоволенъ мной!
Конечно—думалъ я—никто того не скажетъ:
Смерть всякому языкъ завяжетъ“...

Здѣсь слова лѣкаря, что всѣ больные, которыхъ онъ лѣчитъ, довольны имъ, приняты съ насмѣшкой и поняты въ совершенно противоположномъ смыслѣ: ни одинъ больной не выскажетъ своего недовольства на лѣкаря потому, что тотъ никого не вылѣчилъ, но

Digitized by Google

наоборотъ, всякій, лѣчившійся у него, умиралъ. Такой *тропъ, въ которомъ въ видѣ насмѣшки словамъ и выраженіямъ придается смыслъ совершенно противоположный ихъ значенію прямому, буквальному, и называется ироніей* (отъ греческаго εἰρωνεία притворство, насмѣшка). *Если при этомъ съ насмѣшкой соединяется еще гнѣвъ, презрѣніе, негодованіе, то иронія получаетъ названіе сарказма* (отъ греческаго σαρξ—плоть, σαρκίζειν—срывать мясо съ костей), таковы, напр. слѣдующія слова Шуйскаго къ боярину Воротынскому въ сочиненіи Пушкина „Борисъ Годуновъ".

„Какая честь для насъ, для всей Руси!
Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ
Возьметъ вѣнецъ и бармы (*) Мономаха"...

Или еще обращеніе Марины къ самозванцу:

„Клянешься ты, и такъ должна я вѣрить...
О, вѣрю я! Но чѣмъ, нельзя-ль узнать,
Клянешься ты? Не именемъ-ли Бога,
Какъ набожный пріемышъ іезуитовъ?
Иль честію, какъ витязь благородный?
Иль, можетъ быть, единымъ царскимъ словомъ,
Какъ царскій сынъ?"....

Изъ другихъ примѣровъ ироніи и сарказма можно указать на слѣдующіе:

У Пушкина въ „Евгеніи Онѣгинѣ":

„Мы всѣ учились понемногу Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
Чему-нибудь и какъ—нибудь, У насъ не мудрено блеснуть".

У Лермонтова въ „Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова" Грозный говоритъ Калашникову:

„А ты самъ ступай, дѣтинушка, Въ большой колоколъ прикажу звонить,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку. Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Я топоръ велю наточить-навострить, Что и ты не оставленъ моей милостью".
Палача велю одѣть-нарядить,

У Крылова въ басняхъ:

„Услуга въ дружбѣ вещь святая!
Вотъ еслибъ дѣло шло о деньгахъ—рѣчь иная:
Тутъ дружба въ сторону, и можно-бъ отказать,
А бочки для чего не дать"? (Бочка).

„Ты все пѣла—это дѣло,
Такъ поди-же попляши". (Стрекоза и Муравей).

---

*) Бармы: оплечье изъ дорогой матеріи съ пятью изображеніями святыхъ возлагавшееся на плеча Государя.

Digitized by Google

Изъ народной пѣсни:

„Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать,
Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими,—
Что *двумя ли столбами съ перекладиной*".

Метонимія. Какъ отдѣльное слово, такъ и цѣлое выраженіе можно замѣнять другимъ не только на основаніи сходства или противоположности между извѣстными предметами, но и по качественнымъ и количественнымъ ихъ отношеніямъ. Въ первомъ случаѣ происходитъ метонимія, во второмъ—синекдоха. Метонимія (отъ греческаго μετωνυμία, μετά – ὄνομα именованіе-переименованіе), перенося названіе одного предмета на другой по ихъ качеству, бываетъ въ слѣдующихъ случаяхъ: а) *при названіи слѣдствія вмѣсто причины и наоборотъ*, напримѣръ: „онъ носитъ смерть въ груди"; здѣсь слово смерть, которая бываетъ слѣдствіемъ болѣзни, поставлено вмѣсто болѣзнь—причины, отъ которой происходитъ смерть,—или еще:

„Ихъ (хазаръ) села и нивы за буйный набѣгъ
Обрекъ онъ (Олегъ) мечамъ и пожарамъ."—
(Пушкинъ: „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ)".

Мечи и пожары, какъ причина раззоренія, употреблены вмѣсто раззоренія, какъ своего слѣдствія;

b) *при названіи матеріала вмѣсто сдѣланной изъ него вещи*, напр.—

„Не то на серебрѣ, на золотѣ ѣдалъ" (Грибоѣдовъ),

вмѣсто ѣдалъ не только на серебряныхъ, но и на золотыхъ блюдахъ;

c) *при употребленіи имени автора вмѣсто названія его сочиненій, государя вмѣсто подданныхъ, полководца вмѣсто войска, владѣльца вмѣсто его собственности, знака вмѣсто означеннаго имъ*, напр.

„На полкѣ, *за Вольтеромъ*,
Виргилій, Тассъ съ *Гомеромъ*
Всѣ вмѣстѣ предстоятъ.
Въ часъ утренній досуга
Я часто другъ отъ друга
Люблю ихъ отрывать."

„Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно *Апулея*,
А Цицерона проклиналъ".
(Пушкинъ).

Петръ первый основалъ Петербургъ; *Суворовъ* всегда побѣждалъ враговъ; *сосѣдъ* горитъ и др., и

d) *при употребленіи названія содержащаго вмѣсто названія содержимаго* напр.

„*Ковши* круговые, запѣнясь, *шипятъ*".
(Пушкинъ: „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ").
„*Я три тарелки* съѣлъ".
(Крыловъ: „Демьянова уха").

Digitized by Google

Синекдоха. *Если мы берем единственное число вмѣсто множественнаго, множественное вмѣсто единственнаго, опредѣленное число вмѣсто неопредѣленнаго, часть вмѣсто цѣлаго, родъ вмѣсто вида, или общее названіе вмѣсто частнаго и наоборотъ, отвлеченный предметъ вмѣсто вещественнаго, то такой тропъ, всецѣло основывающійся на количественномъ отношеніи данныхъ предметовъ, называется синекдохой* отъ греческаго συνεκδέχομαι, συνεκδοχή принимаю, обнимаю, приниманіе, обниманіе, обобщеніе, догадка. Вотъ нѣсколько примѣровъ синекдохи: единственное число вмѣсто множественнаго:

„*Шведъ, Русскій* колетъ, рубитъ, рѣжетъ“
(изъ „Полтавы“ Пушкина).

„Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана“? („Бородино“ Лермонтова).

„Чуденъ Днѣпръ при теплой лѣтней ночи, когда все засыпаетъ—*и человѣкъ, и звѣрь, и птица*“. („Днѣпръ“ Гоголя).

Множественное число вмѣсто единственнаго:

„У насъ *Пожарскіе* сіяли, и *Долгорукіе* дерзали Петру отъ сердца говорить“. (Карамзинъ).

Опредѣленное число вмѣсто неопредѣленнаго:

„Вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули *милліоны разныхъ цвѣтовъ*.... Воздухъ былъ наполненъ *тысячью разныхъ* птичьихъ свистовъ“ (Гоголь).

Часть вмѣсто цѣлаго:

„Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ“. (Пушкинъ).

„Бѣлѣетъ *парусъ* одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ“. („Парусъ“—Лермонтова).

Родъ вмѣсто вида и наоборотъ:

„Не мнитъ лишь *смертный* умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ“....
(Державинъ: „На смерть кн. Мещерскаго“).

„Береги *копейку* (вмѣсто деньги) на черный день“.

Отвлеченный предметъ вмѣсто вещественнаго:

„Гадаетъ *старость* сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо“ (Пушкинъ).

Гипербола. Послѣдній видъ троповъ—гипербола (отъ греческаго ὑπέρ чрезъ, пере, и βάλλω бросаю — перебрасываніе, преувеличеніе), по своему основному свойству стоитъ въ тѣсной связи съ синекдохой. Въ ней также, какъ въ синекдохѣ, основаніемъ служитъ количественное, числовое отношеніе; только *въ гиперболѣ предметъ, его свойства, дѣйствія или чрезмѣрно преувеличиваются*

Digitized by Google

или наоборотъ—сверхъ должнаго уменьшаются. Вотъ нѣсколько гиперболическихъ примѣровъ:

У Пушкина въ драмѣ „Скупой рыцарь:“

„Если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь (въ сундукахъ) хранится,
Изъ нѣдръ земли всѣ выступили вдругъ,
То былъ-бы вновь потопъ“.

У Крылова въ басняхъ:

„Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ:
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? *ну, право, былъ онъ съ гору*“. (Лжецъ).

„Пріятель дорогой! здорово, гдѣ ты былъ“?
„Въ Кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;
Все видѣлъ, высмотрѣлъ, отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа торовата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки!
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другіе какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки“!
„А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ!
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ“?
„Да развѣ тамъ опъ“?—„Тамъ“—ну, братецъ, виноватъ:
Слова-то я и не примѣтилъ“. (Любопытный).

У Державина въ одѣ: „На взятіе Варшавы“ Суворовъ изображается такъ:

„Черная туча, мрачныя крыла
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла;
Вихрь полунощный—летитъ богатырь;
Тьма отъ чела его, съ посвиста пыль,
Молніи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступитъ на горы—горы трещатъ;
Ляжетъ на море—бездны кипятъ;
Граду коснется—градъ упадаетъ;
Башни рукою за облакъ кидаетъ“.

Изъ былины объ Ильѣ Муромцѣ:

„Ретивый его (Ильи Муромца) конь осержается,
Прочь отъ земли отдѣляется,
Онъ и скачетъ выше *дерева стоячаго*,
Чуть пониже облака ходячаго“.

Digitized by Google

Фигуры. Вмѣстѣ съ эпитетами, сравненіями и тропами средствами изобразительности рѣчи служатъ еще фигуры или выраженія фигуральныя (отъ латинскаго figura, соотвѣтствующаго греческому σχῆμα—т. е. figura dicendi—видъ, форма рѣчи). *Такъ называются особые, отступающіе отъ обыкновеннаго строя обороты рѣчи, основывающіеся на усиленной дѣятельности чувства и воображенія автора и имѣющіе своею цѣлію, какъ можно яснѣе, живѣе и картиннѣе, представить тѣ или другіе предметы съ ихъ свойствами и дѣйствіями* Для лучшаго выясненія дѣла возьмемъ, напр. сочиненіе Державина: „На смерть кн. Мещерскаго“, особенно изобилующее фигуральными выраженіями.

„Глаголъ временъ—металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ—и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещетъ,
Какъ молніей, косою блещетъ
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.
Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никая тварь не убѣгаетъ;
Монархъ и узникъ—снѣдь червей,
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ время славу стерть.
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаетъ царства алчна смерть.
Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою;
На то, чтобъ умереть, родимся.
Безъ жалости все смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.
Не мнитъ лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ:
Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапно похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ горнымъ вышинамъ.
Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся!
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился;
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣжъ онъ?--Онъ тамъ.-Гдѣ тамъ?—
Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!
Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.
Глядитъ на всѣхъ и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы;
Глядитъ на разумъ возвышенный;
Глядитъ на силы дерзновенны,
И точитъ лезвіе косы.
Смерть, трепетъ естества и страхъ!
Мы—гордость, съ бѣдностью совмѣстна:
Сегодня богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра—гдѣ ты, человѣкъ!
Едва часы протечь успѣли,
Хаоса въ бездну улетѣли,
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ.

Digitized by Google

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость:
Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ;
Желаніемъ честей разлученъ...
Зоветъ, я слышу, славы шумъ!
Но такъ и мужество пройдетъ
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
Богатствъ стяжаніе минетъ,
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою.
Подите счастьи прочь возможны!
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны:
Я въ дверяхъ вѣчности стою.
Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ! должно намъ конечно:
Почто-жь терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть небесъ мгновенный даръ:
Устрой ее себѣ къ покою
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ".

Обращеніе. Получивъ вѣсть о смерти своего друга князя Мещерскаго въ то самое время, когда на церковной башнѣ пробили часы, Державинъ, подъ вліяніемъ сильно потрясеннаго этимъ извѣстіемъ чувства, обращается въ формѣ восклицанія къ бою часовъ, какъ къ чему-то отдѣльно существующему и даже какъ-бы одушевленному. При этомъ, вмѣсто обыкновеннаго, простаго оборота рѣчи, что съ каждымъ часомъ человѣкъ становится ближе къ смерти, онъ употребляетъ совершенно своеобразное выраженіе, наглядно рисующее передъ нами ту же самую мысль:

„Глаголъ временъ—металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ и къ гробу приближаетъ".

Такой оборотъ рѣчи называется фигурой обращенія. Иногда въ формѣ вопроса или восклицанія авторъ обращается къ Богу, къ людямъ, хотя бы отсутствующимъ, къ самому себѣ, къ предметамъ и явленіямъ природы. Вотъ примѣры подобныхъ обращеній:

Обращеніе къ Богу:

„О ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени предвѣчный,
Безъ лицъ въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ, всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ Богъ"!
(Изъ сочиненія Державина—„Богъ").

Digitized by Google

„Всесильный! съ трепетомъ младенца
Цѣлую я священный край
Твоей молніецвѣтной ризы
И исчезаю предъ тобой".
(Дмитріевъ).

„О Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба,—
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба"!
(Майковъ).

Обращеніе къ отсутствующимъ людямъ:

„Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся!.
Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ! должно намъ конечно:
Почто-жъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно"?..

„О чемъ шумите вы, народные витіи?..
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ славянъ между собою"...
(Изъ произведенія Пушкина „Клеветникамъ Россіи").

Обращеніе къ самому себѣ:

„Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньѣ голубомъ;
Что-же мнѣ такъ больно и такъ трудно?
Жду-ль чего? жалѣю-ли о чемъ"?.
(„Выхожу одинъ я на дорогу" Лермонтова).

„—Нѣтъ, тише, тише,
Моя душа! О, не старѣйте, нервы!
Держите".
(Шекспиръ).

Обращеніе къ предметамъ и явленіямъ природы:

„...Здравствуй племя
Молодое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій, поздній возрастъ."—
(„Опять на родинѣ"—Пушкина).

„Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой!
(„Къ морю"—Пушкина).

Digitized by Google

„Простите вы, холмы, поля родныя,
Пріятно-мирный, ясный долъ, прости;
Съ Іоанной вамъ ужъ больше не видаться,
Навѣкъ она вамъ говоритъ: прости!
Друзья луга, древа мои питомцы,
Вамъ безъ меня и цвѣсть и доцвѣтать!
Ты, сладостный долины голосъ, эхо,
Такъ часто здѣсь игравшее со мной,
Прохладный гротъ, потокъ мой быстротечный,
Иду отъ васъ, и не приду къ вамъ вѣчно.“
(Изъ сочиненія—„Орлеанская дѣва“—Шиллера, въ переводѣ Жуковскаго).

Повтореніе. Мысль о постепенномъ, ежечасномъ приближеніи человѣка къ смерти особенно сильно подѣйствовала на Державина: онъ останавливается на возникшемъ вслѣдствіе этой мысли въ душѣ его впечатлѣніи и, желая всецѣло высказать послѣднее, невольно повторяется, употребляя для этого одно и то же слово:

„Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ и къ гробу приближаетъ.“—

Такой оборотъ рѣчи носитъ названіе фигуры повторенія. Въ томъ же произведеніи „На смерть князя Мещерскаго“ Державинъ допускаетъ и еще нѣсколько фигуръ повторенія:

„И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.
Глядитъ на всѣхъ: и на царей...
Глядитъ на пышныхъ богачей...
Глядитъ на прелесть и красы...
Глядитъ на разумъ возвышенный...
Глядитъ на силы дерзновенны...

Сегодня богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра—гдѣ ты, человѣкъ!
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ....

И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою.“

Олицетвореніе. Раскрывая затѣмъ общее положеніе о неизбѣжности и всеобщности смерти, Державинъ, подъ вліяніемъ того же сильно потрясеннаго чувства и усиленной дѣятельности воображенія, рисуетъ передъ читателемъ цѣлую картину смерти: онъ изображаетъ смерть какимъ-то живымъ, самостоятельнымъ существомъ, съ блѣднымъ лицомъ, скрежещущими зубами, роковыми когтями и съ блещущей на подобіе молніи косой. Это страшное чудовище—трепетъ и страхъ естества—все разрушаетъ безъ сожалѣнія: глотаетъ царства, сокрушаетъ звѣзды, тушитъ солнцы; съ злорадствомъ, точа лезвее своей молніеносной косы, глядитъ она на всѣхъ—и на царей, на пышныхъ богачей, на прелесть и красы, на разумъ возвышенный, на силы дерзновенны и, какъ тать,

Digitized by Google

подкрадывается къ нимъ. Такое *представленіе отвлеченнаго понятія существомъ отдѣльнымъ, самостоятельнымъ, надѣленнымъ свойствами предметовъ одушевленныхъ, называется прозопопеею* (отъ греческаго προσωποπία —πρόσωπον лицо и ποιέω (дѣлаю) *или олицетвореніемъ*. Олицетвореніе основывается на свойственномъ всѣмъ людямъ стремленіи видѣть свои собственныя качества во всемъ ихъ окружающемъ. Поэтому въ олицетвореніи наравнѣ съ отвлеченными понятіями являются живыми, разумными существами и предметы и явленія природы неодушевленной и неразумныя животныя. Такъ, Кольцовъ представляетъ лѣсъ въ образѣ богатыря Бовы, Пушкинъ надѣляетъ коня способностью говорить, Некрасовъ изображаетъ морозъ подъ видомъ воеводы.—

„Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился?
Что Бова-силачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,
Ты стоишь поникъ
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею?
Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ
И разсѣялъ въ прахъ.
Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался....
Ты стоишь, поникъ
И не ратуешь.
Гдѣжъ дѣвалася,
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?
У тебя-ль было—
Въ ночь безмолвную,
Заливная пѣснь
Соловьиная....
У тебя-ль было—
Въ дни роскошества,
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются...
У тебя-ль было—
Поздно вечеромъ,
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ.
Распахнетъ она
Тучу черную,
Обоймётъ тебя
Вѣтромъ—холодомъ.
И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
„Вороти назадъ,
Держи около!..“
Закружитъ она,
Разыграется ...
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатается...
Встрепенувшися,
Разбушуешься—
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ.
Буря сплачется
Лѣшимъ-вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за море...
Гдѣ-жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился....
Одичалъ, замолкъ—
Только въ непогодь
Воешь жалобу
На безвременье.
Такъ-то темный лѣсъ,
Богатырь Бова!
Всю ты жизнь свою
Маялъ битвами.

Digitized by Google

Не осилили
Тебя сильные—
Такъ подрѣзала
Осень черная.
Знать, во время сна,
Къ безоружному
Понахлынули
Силы вражія...
Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову—
Не большой горой,
А соломенкой"...

„Отвѣчаетъ конь печальный:
Оттого я присмирѣлъ,
Что я слышу топотъ дальній,
Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ."
„Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
Не съ горъ побѣжали ручьи:
Морозъ-воевода дозоромъ
Обходитъ владѣнья свои.
Глядитъ—хорошо ли мятели
Лѣсныя тропы занесли,
И нѣтъ ли гдѣ трещины, щели,
И нѣтъ ли гдѣ голой земли.
Пушисты ли сосенъ вершины,
Красивъ ли узоръ на дубахъ
И крѣпко ли скованы льдины
Въ великихъ и малыхъ водахъ.
Идетъ—по деревьямъ шагаетъ,
Трещитъ по замерзлой водѣ,
И яркое солнце играетъ
Въ косматой его бородѣ".

Противоположеніе. Наконецъ по тѣмъ же побужденіямъ и съ тою же цѣлію—нагляднѣе представить все-сокрушающее дѣйствіе смерти и тѣмъ усилить впечатлѣніе читателя, Державинъ сопоставляетъ явленія совершенно противоположныя; въ этомъ отношеніи самымъ лучшимъ является слѣдующее мѣсто:

„Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ".—

Здѣсь здоровье съ его спутниками любовью, радостью и утѣхами противополагается смерти съ ея неизбѣжными почти послѣдствіями—ужасомъ и печалью; вслѣдствіе этого дѣйствіе смерти представляется еще разительнѣе и ужаснѣе. Такой *оборотъ рѣчи, въ которомъ для большей живости и наглядности поставляются рядомъ два совершенно противоположные предмета или явленія, называется антитезомъ* (отъ греческаго ἀντίθεσις—ἀντιτίθημι—противоположность), *контрастомъ* (латинское contrarius противный), *или фигурою противоположенія.* Изъ другихъ примѣровъ противоположенія въ томъ же сочиненіи Державина можно указать на слѣдующіе:

„Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещетъ"....
„Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;

Digitized by Google

Пріемлемъ съ жизнью смерть свою;
На то, чтобъ умереть, родимся".
„Не мнитъ лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ;
Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапно похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе"....
„Смерть, трепетъ естества и страхъ!
Мы—гордость, съ бѣдностью совмѣстна:
Сегодня богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра—гдѣ ты, человѣкъ!
Едва часы протечь успѣли,
Хаоса въ бездну улетѣли,
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ".

Иногда на контрастахъ построяются даже цѣлыя сочиненія. Какъ примѣръ, сюда можно отнести прекрасное произведеніе Пушкина: „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ", гдѣ авторъ говоритъ, что его вездѣ преслѣдуетъ мысль о приближеніи смерти; при этомъ указываются такіе предметы, напоминающіе о смерти, которые, повидимому, должны были бы вызвать совершенно противоположное.—

„Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ:
Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды—
И чей-нибудь ужъ близокъ часъ.
Гляжу-ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.
Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебя я мѣсто уступаю,—
Мнѣ время тлѣть, тебѣ—цвѣсти.
День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.
И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою-ль, во странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?
И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать.
И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять!"

Опущеніе и умолчаніе. Двѣ послѣднія *фигуры—эллипсисъ или опущеніе и умолчаніе состоятъ въ томъ, что, слѣдствіе усиленной дѣятельности чувства или воображенія, писатель или опускаетъ одну иногда изъ главныхъ частей предложенія (эллипсисъ) или, не докончивъ извѣстную мысль, прямо переходитъ къ другой (умолчаніе).* Такъ, Жуковскій въ стихотвореніи „Цѣвецъ въ

Digitized by Google

станѣ русскихъ воиновъ", подъ вліяніемъ сильно возбужденнаго отечественною войною двѣнадцатаго года патріотическаго чувства, говоритъ:

„Сокровищъ нѣтъ у насъ въ домахъ!
Тамъ стрѣлы и колчуги!
Мы села—въ пепелъ, грады—въ прахъ,
Въ мечи—серпы и плуги, т. е. превратимъ.

Или, напр. Пушкинъ, увлекшись изображеніемъ Полтавской битвы, употребляетъ такой оборотъ:—

„Шведъ, Русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ,
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,—
И смерть и адъ со свѣхъ сторонъ".

У Пушкина же въ сочиненіи „Борисъ Годуновъ" встрѣчается и прекрасный примѣръ фигуры умолчанія. Басмановъ, пораженный успѣхами Лжедимитрія, по поводу предложенія пристать къ самозванцу—быстро переходя отъ одной мысли къ другой, въ волненіи произноситъ:

„Онъ правъ, онъ правъ, вездѣ измѣна зрѣетъ:
Что дѣлать мнѣ? ужели буду ждать,
Чтобъ и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше-ль
Предупредить разрывъ потока бурный,
И самому.... Но измѣнить присягѣ!
Но заслужить безчестье въ родъ и родъ!
Довѣренность младаго Вѣнценосца
Предательствомъ ужаснымъ заплатить!...
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятежъ и заговоръ,
Но мнѣ ли, мнѣ, любимцу Государя....
Но смерть!.. но власть!. но... бѣдствія народа"!..

Другимъ хорошимъ образцомъ фигуры умолчанія можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ произведенія Шиллера—„Орлеанская дѣва":

„Ахъ! почто за мечъ воинственный
Я мой посохъ отдала,
И тобою, дубъ таинственный,
Очарована была?
Мнѣ, Владычица, являла Ты
Свѣтъ небеснаго лица;
И вѣнецъ мнѣ обѣщала Ты....
Недостойна я вѣнца.
Зрѣла я небесъ сіяніе,
Зрѣла Ангеловъ въ лучахъ....
Но души моей желаніе
Не живетъ на небесахъ.
Грозной силы повелѣніе
Мнѣ ль безсильной совершить?
Мнѣ ли дать ожесточеніе
Сердцу, жадному любить?
Нѣтъ, изъ чистыхъ небожителей
Избирай Твоихъ свершителей,

Digitized by Google

Съ неприступныхъ облаковъ
Призови Твоихъ духовъ,
Безмятежныхъ, не желающихъ,
Не скорбящихъ, не теряющихъ....
Дѣву съ нѣжною душой
Да минуетъ выборъ Твой.
Мнѣ ль свирѣпствовать въ сраженіи?
Мнѣ ль рѣшить судьбу царей?—
Я пасла въ уединеніи
Стадо родины моей...
Бурный путь мнѣ указала Ты,
Въ домъ царей меня ввела;
Но... лишь гибель мнѣ послала Ты...
Я-ль сама то избрала?"

Необходимыя условія для достиженія живописности рѣчи: 1) естественность изображенія и 2) цѣльность картины. Эпитеты, тропы и фигуры, служа средствами живописности рѣчи, достигаютъ своей цѣли только при полномъ своемъ соотвѣтствіи изображаемому ими предмету. Отъ нихъ требуются главнымъ образомъ два условія: естественность изображенія и цѣльность картины. Если образъ предмета, нарисованный авторомъ, не противорѣчитъ природѣ предмета, то такое изображеніе будетъ естественнымъ, а употребленныя для этого средства изобразительности—дѣйствительными, каковы почти всѣ вышеприведенные примѣры. Но если авторъ въ погонѣ за картинностію выраженія будетъ подбирать такія слова и обороты, которые совсѣмъ или мало согласуются съ природою изображаемаго имъ предмета, то нарисованный имъ образъ предмета будетъ неестественъ, а самые слова и обороты рѣчи, рисующіе данный предметъ, натянуты, уродливы, таково, напр., слѣдующее мѣсто:

„Пляшутъ горы, скачутъ долы,
Веселится темный лѣсъ",

гдѣ горы, долы и лѣсъ надѣлены совершенно противорѣчущими ихъ природѣ свойствами. Отъ естественности изображенія предмета зависитъ и цѣльность картины или образа. Цѣльность картины состоитъ въ томъ, чтобы всѣ отдѣльныя черты созданнаго авторомъ образа предмета представляли собою стройное цѣлое, гдѣ самый образъ предмета выступалъ бы со всею отчетливостію и опредѣленностію, такъ, чтобы легко можно было изобразить его на полотнѣ, бумагѣ и т. п. Въ противномъ случаѣ произойдутъ—отрывочность, сбивчивость, неясность, разрозненность, и читатель не въ состояніи будетъ представить нарисованный авторомъ образъ предмета. Такъ, напр., у Бенедиктова кудри дѣвы чародѣйки являются то блескомъ и ароматомъ, то волнами, кольцами, змѣйкой, шелковой каскадой; или корабль представляется царемъ, храмомъ, алтаремъ, конемъ, геніемъ, такъ что читателю положительно нѣтъ никакой возможности остановиться на чемъ-либо опредѣленномъ. Вотъ эти примѣры въ подлинникѣ:

„Кудри дѣвы—чародѣйки!
Кудри—блескъ и ароматъ!
Кудри—волны, кольца, змѣйки,
Кудри—шелковый каскадъ".

Digitized by Google

„Кто-жъ идетъ на валъ гремучій?
Это онъ—пучины царь,
Это онъ—корабль могучій,
Волноборецъ, храмъ пловучій,
Бѣлопарусный алтарь!
Онъ летитъ ширококрылый,
Рѣжетъ моря крутизны,
Въ битвѣ вервіи, какъ жилы,
У него напряжены.
И, какъ конь, отваги полный,
Выбиваетъ онъ свой путь,
Давитъ волны, топчетъ волны,
Гордо вверхъ заноситъ грудь,
И съ упорною стѣною,
Съ неизмѣнною кормой,
Онъ, какъ геній надъ толпою,
Торжествуетъ надъ волной".

Въ обоихъ данныхъ отрывкахъ почти нѣтъ ни одного удачно рисующаго оборота: все неестественно, натянуто, искусственно, и потому подобныя сочиненія не могутъ произвести и должнаго впечатлѣнія на читателя. Никогда не слѣдуетъ забывать, что „фигуры, метафоры, образы, выраженія, — все это, какъ говоритъ Карамзинъ (*), трогаетъ и плѣняетъ тогда, когда *одушевляется чувствомъ*", и что „блистательный и пестрый слогъ нѣкоторыхъ писателей дѣлаетъ, по выраженію Квинтилліана (**), слабыми самыя мысли, которыя украшаются означеннымъ подборомъ словъ." Отсюда прямое слѣдствіе: прежде всего и главнымъ образомъ заботиться о мысляхъ и потомъ уже о соотвѣтствующемъ имъ слогѣ.

Благозвучіе и музыкальность рѣчи.

Благозвучіе въ строеніи рѣчи вообще. Логическія и художественныя качества слога составляютъ принадлежность его, какъ особаго способа или пріема передачи мыслей о предметѣ. Но слогъ въ то же время можетъ быть разсматриваемъ и въ отношеніи сочетанія словъ, какъ звуковъ, или съ звуковой стороны. Въ этомъ случаѣ отъ него требуется во-первыхъ,—евфонія или благозвучіе (гармонія звуковъ), зависящее отъ надлежащаго соединенія отдѣльныхъ звуковъ въ словахъ и словъ въ предложеніяхъ, и во-вторыхъ, евритмизмъ или музыкальность, проявляющаяся въ построеніи рѣчи изъ предложеній. Всматриваясь ближе въ отдѣльныя слова того или другаго языка, мы замѣчаемъ, что одни изъ нихъ, напр., столъ, перо, чернила—содержатъ въ себѣ удачный подборъ звуковъ и потому легко выговариваются и пріяты для слуха, другія, какъ—бездна, взрывъ, зіяющій—наоборотъ. Изъ сочетанія тѣхъ и другихъ словъ образуются, конечно, соотвѣтствующія предложенія, а изъ предложеній цѣлая рѣчь; такъ, выраженіе: „перо и чернила на столѣ" гораздо удобнѣе для произношенія и пріятнѣе для слуха,

*) Въ статьѣ: „Что нужно автору?"
**) Institutiones Oratoriae. L. 16. VIII.

Digitized by Google

чѣмъ, напр., выраженіе: „отъ взрыва зданій сдѣлалась зіяющая бездна“. *Употребленіе въ слогѣ звуковъ, словъ и предложеній, легкихъ для произношенія и пріятныхъ для слуха, и называется евфоніею или благозвучіемъ, а вытекающее отсюда свойство рѣчи — евритміею или музыкальностію.* Благозвучіе и музыкальность рѣчи достигаются соблюденіемъ прежде всего слѣдующихъ условій:

А) для избѣжанія слишкомъ большого стеченія согласныхъ — *измѣненіемъ окончанія нѣкоторыхъ словъ, вставкою особаго гласнаго звука, — или опущеніемъ звука согласнаго,* напр. вмѣсто — „въ всей книгѣ, изъ дня въ день, къ кресту, объ мнѣ, подъ всѣмъ домомъ, съ стола, умнъ, свѣтлъ, хитръ, обвлако, обвычай, обвыкновенный“, употребляемъ — „во всей книгѣ, изо дня въ день, ко кресту, обо мнѣ, подо всѣмъ домомъ, со стола, уменъ, свѣтелъ, хитеръ, облако, обычай, обыкновенный“;

В) *вставкою согласнаго звука между гласными для уничтоженія большого стеченія гласныхъ,* напр. „говаривалъ я и при немъ объ этомъ“, вмѣсто — „говаривалъ я и при емъ о этомъ“;

С) *вообще удаленіемъ нѣсколькихъ рядомъ стоящихъ одинаковыхъ звуковъ,* — поэтому, напр. не будутъ благозвучными выраженія: „бываю я и у отца ея и у ея дяди; не тлитъ ли тля сребра и злата? неужъ-ли таки ты сестрица не устанешь?“ и др.

D) *правильнымъ чередованіемъ словъ односложныхъ и многосложныхъ;* поэтому благозвучіе много страдаетъ отъ большого стеченія подрядъ односложныхъ или многосложныхъ словъ, напр.:

„Пусть говорятъ галломаны, что мы не имѣемъ спондеевъ!
Мы ихъ найдемъ, исчисляя подробно дѣянія Россовъ:
Галлъ, Персъ, Пруссъ, Финъ, Венгръ, Турокъ, Сарматъ и Саксонецъ, —
Всѣхъ побѣдили мы, всѣхъ мы спасли и всѣхъ охраняемъ.
Мы ихъ найдемъ, исчисляя прекрасныя свойства Монарха:
Царь Александръ щедръ, мудръ, храбръ, твердъ, быстръ, скроменъ и смѣтливъ.
Хочешь ли видѣть поле сраженья? Пыль, дымъ, огнь, громъ,
Щитъ въ щитъ, мечъ въ мечъ, ядра жужжатъ и летаютъ бомбы“;

„Я встрѣчался съ нѣкоторыми извѣстнѣйшими и ученѣйшими кругосвѣтными путешественниками“; — „глубокомысленнѣйшіе естествоиспытатели неопровержимыми доказательствами подтвердили совершенную справедливость разсматриваемаго положенія“;

Е) *правильнымъ построеніемъ предложеній, особенно правильно составленными періодами.* Отсюда сильно вредятъ благозвучію, какъ предложенія, между членами которыхъ нѣтъ надлежащаго равновѣсія, напр. не на мѣстѣ стоитъ сказуемое, или оно надѣляется всевозможными дополненіями, такъ и обиліе предложеній придаточныхъ при одномъ главномъ и преимущественно такихъ, которыя поясняютъ другъ друга; напр.

Digitized by Google

„Мы все долговременными трудами и неусыпнымъ бдѣніемъ пріобрѣтенное богатство знанія дѣтямъ нашимъ преподадимъ въ наслѣдство".

„Какъ можетъ (добрый семьянинъ) не уклоняться отъ зла, когда онъ долженъ приходить невиннымъ передъ судилище безпристрастное для него, драгоцѣнное и святое, предъ судилище своего семейства, гдѣ обитаетъ его неизмѣненный товарищъ, который вмѣстѣ съ нимъ, одною дорогою, стремится къ одной и той же цѣли—къ счастію, основанному на совершенствѣ нравственномъ, который не узнаетъ его, унизившагося порокомъ, котораго довольный, ободряющій взоръ есть самая утѣшительная для него награда". („Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ" Жуковскаго);

наконецъ, F) *надлежащимъ чередованіемъ въ рѣчи самыхъ предложеній;* поэтому противорѣчитъ музыкальности чрезмѣрно большое накопленіе подрядъ предложеній или чревычайно короткихъ или слишкомъ распространенныхъ. При несоблюденіи указанныхъ условій происходитъ противоположное свойство слога, называемое какофоніею, или неблагозвучіемъ.

Стихотворная рѣчь.

Понятіе о стихосложеніи. Высшая степень музыкальности достигается въ рѣчи стихотворной. Возьмемъ, напр. произведеніе Лермонтова „Молитва".

„Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится-ль въ сердцѣ грусть,—
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышетъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.
Съ души, какъ бремя скатится
Сомнѣнье далеко—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко!...

Разсматривая это сочиненіе со стороны построенія, мы замѣчаемъ, что рѣчь въ немъ не течетъ обыкновеннымъ, свободнымъ порядкомъ, а подчинена опредѣленному музыкальному размѣру или ритму. Этотъ музыкальный размѣръ или ритмъ проявляется въ особой разстановкѣ словъ: каждое изъ нихъ поставлено такъ, что даетъ полную возможность совершенно правильно чередоваться между собою слогамъ ударяемымъ или повышаемымъ и неударяемымъ или понижаемымъ:

Въ мину|ту жи|зни тру|дную,
Тѣснит|ся-ль въ сер|цѣ гру|сть,—
Одну|молит|ву чу|дную
Твержу|я наизусть" и т. д.

Digitized by Google

Такая *рѣчь, которая въ своемъ строеніи слѣдуетъ музыкальному размѣру или ритму, называется рѣчью* мѣрною, ритмованною, *стихотворною*. Названіе стихотворный, отъ словъ стихъ (греческое στιχός—рядъ, порядокъ, строй) и славянскаго глагола творю, дѣлаю, указываетъ на существенную особенность этого рода рѣчи, т. е. на то, что въ ней изъ словъ творится, дѣлается опредѣленный рядъ, порядокъ, строй иначе, что слова въ ней располагаются по извѣстному порядку, строю, размѣру; отсюда слово стихосложеніе, какъ составленіе, сложеніе стиха по тому или другому размѣру.

Разные виды стихосложенія. Стихосложеніе метрическое. Порядокъ или размѣръ, на которомъ основывается стихотворная рѣчь, не во всѣхъ языкахъ одинаковъ, а потому и стихосложеніе бываетъ различно: метрическое, силлабическое и тоническое. Метрическое стихосложеніе свойственно языкамъ классическимъ—греческому и латинскому. Въ этихъ языкахъ существуютъ двоякаго рода гласные звуки—долгіе и короткіе. Первые для своего произношенія требуютъ вдвое больше времени, чѣмъ вторые. Долгіе и короткіе звуки бываютъ такими или по природѣ, напр. у грековъ η и ω, или по положенію, т. е. по тому мѣсту, которое они занимаютъ въ рѣчи. Въ послѣднемъ случаѣ очень часто и долгіе звуки дѣлаются короткими, напр. въ греческомъ долгіе гласные предъ слѣдующими словами, начинающимися съ гласныхъ же, какъ-то: μοι ἔννεπε, гдѣ долгое по природѣ οι считается однако краткимъ по положенію, потому что далѣе слѣдуетъ слово ἔννεπε, начинающееся съ гласной ε. Отсюда является возможность расположить въ рѣчи слова такъ, что долгіе и короткіе звуки будутъ совершенно правильно чередоваться между собою. На этомъ и основывается метрическое стихосложеніе. Образцомъ его служатъ классическія произведенія греческаго поэта Гомера „Иліада“ и „Одиссея“. Вотъ начало „Одиссеи.“

„Ἄνδρα μοι ἔννεπε, Μοῦσα, πολύτροπον, ὃς μάλα πολλα“
Πλάγχθη, ἐπεὶ Τροίης ἱερὸν πτολιέθρον ἔπερσεν“

Обозначивъ долготу звуковъ чертою а краткость ковычкой, мы получимъ слѣдующее чередованіе звуковъ долгихъ и короткихъ въ данномъ стихѣ:

„Ἄνδρᾰ μοῖ ἔννεπε, Μοῦσα, πολύτροπον ὃς μάλᾰ πόλλᾰ

Πλάγχθῆ ἐπεὶ Τροίης ἱερὸν πτολιέθρον ἔπερσεν.“

Какъ видно, во всемъ примѣрѣ слова разставлены такъ, что долгіе звуки, начиная съ ἄν въ словѣ Ἄνδρα первой строки и Πλαγ

Digitized by Google

въ словѣ Πλάγχθη второй, совершенно правильно повторяются чрезъ два звука короткіе. *Каждый гласный звукъ долгій съ слѣдующими двумя короткими или однимъ долгимъ называется стопою,*—слѣдовательно, въ разсматриваемомъ примѣрѣ та и другая строка имѣютъ по шести стопъ, при чемъ послѣднія стопы обязательно состоятъ только изъ двухъ слоговъ. Отъ числа стопъ—шести и самый стихъ называется гекзаметромъ (ἕξ—шесть и μέτρον мѣра), т. е. шестимѣрнымъ, шестистопнымъ. Въ каждой отдѣльной стопѣ гекзаметра первый слогъ обязательно произносится съ повышеніемъ голоса или удареніемъ, хотя бы на немъ и не полагалось грамматическаго ударенія.

Стихосложеніе силлабическое. Стихосложеніе силлабическое употребляется въ тѣхъ языкахъ, которые во всѣхъ словахъ имѣютъ удареніе на одномъ и томъ же мѣстѣ. Сюда принадлежатъ, напр. языки: французскій съ постояннымъ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ въ словахъ, польскій—на предпослѣднемъ. Основывается силлабическое стихосложеніе на одинаковомъ количествѣ слоговъ въ каждомъ стихѣ. Отсюда самое названіе силлабическій (лат. syllaba—слогъ,—syllabicus—слоговой), т. е. стихъ, состоящій, изъ извѣстнаго числа слоговъ. Примѣромъ можетъ служить начало сочиненія, „Къ уму своему“ Кантемира, который пытался ввести силлабическое стихосложеніе и въ русскомъ языкѣ:

„Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ, летящи дни вѣка проводити
Можно, и славу достать, хоть творцомъ не слыти“.

Здѣсь каждая отдѣльная строка состоитъ изъ тринадцати слоговъ; но силлабическій стихъ можетъ имѣть и менѣе тринадцати слоговъ: двѣнадцать, одиннадцать и т. д до четырехъ включительно; меньше четырехъ и больше тринадцати слоговъ въ силлабическомъ стихѣ не бываетъ. Такъ какъ силлабическое стихосложеніе не отличается особенною звучностію, то для достиженія послѣдней въ немъ всегда употребляются риѳмы или созвучныя окончанія ближайшихъ другъ къ другу стиховъ, напр. науки—руки, проводити—слыти. Съ тою же цѣлію большей музыкальности въ силлабическомъ стихѣ, имѣющемъ отъ тринадцати до девяти слоговъ включительно, употребляется еще цезура. *Цезура* (отъ латинскаго caesura: caedo, рублю, разсѣкаю) *состоитъ въ разсѣченіи, раздѣленіи стиха для удобства произношенія на два полустиха или полустишія;* на цезурѣ голосъ читателя не надолго прерывается, пресѣкается, останавливается и потому цезура въ дальнѣйшемъ смыслѣ означаетъ пресѣченіе, остановку голоса, отдыхъ въ извѣстномъ мѣстѣ стиха при его произношеніи. Въ силлаби-

Digitized by Google

чоскомъ стихѣ изъ девяти слоговъ цезура ставится послѣ пятаго слога, въ тринадцати-сложномъ—послѣ седьмого. Приведенный силлабическій стихъ Кантемира раздѣляется цезурою слѣдующимъ образомъ:

„Уме недозрѣлый плодъ‖недолгой науки!
Покойся не понуждай‖къ перу мои руки:
Не писавъ летящи дни‖вѣка проводити
Можно, и славу достать,‖хоть творцомъ не слыти".

Цезура непремѣнно должна совпадать съ окончаніемъ слова, какъ въ данномъ примѣрѣ. Цезура бываетъ и въ стихосложеніи метрическомъ, напр. въ греческомъ гекзаметрѣ—преимущественно въ третьей стопѣ:

Ἄνδρα μοι ἔννεπε, Μοῦσα, ‖ πολύτροπον, ὃς μάλα πόλλα
Πλάγχθη, ἐπεὶ Τροίης ‖ ἱερὸν πτολίεθρον ἔπερσεν".

Стихосложеніе тоническое. Въ русскомъ языкѣ нѣтъ долгихъ и короткихъ гласныхъ, какъ въ языкахъ классическихъ, нѣтъ въ немъ и навсегда опредѣленнаго во всѣхъ словахъ одного и того же мѣста для ударенія, какъ у Французовъ и Поляковъ; поэтому русскому языку совершенно несвойственны ни стихосложеніе метрическое, ни силлабическое. Подобно нѣмецкимъ, греческимъ и латинскимъ—русскія слова имѣютъ удареніе на разномъ мѣстѣ; вслѣдствіе этого ихъ можно расположить въ рѣчи такимъ образомъ, что слоги ударяемые или съ повышеніемъ голоса будутъ совершенно правильно чередоваться между собою и съ слогами неударяемыми или безъ повышенія голоса, напр.

„Ни злáто *ни* чины ко *счастью не* ведýтъ".

На правильномъ чередованіи между собою слоговъ съ удареніемъ и безъ ударенія и основывается русское стихосложеніе. Такъ какъ ударяемый слогъ отличается отъ неударяемаго повышеніемъ голоса, усиленіемъ тона, тономъ отъ греческаго τόνος, (τείνω тяну, замедляю) тонъ, усиленіе голоса, удареніе, то и *стихосложеніе, основывающееся на чередованіи слоговъ съ удареніемъ и безъ ударенія, называется тоническимъ.* Оно было введено у насъ Ломоносовымъ около половины XVIII го столѣтія (въ 1739 г.) и съ тѣхъ поръ твердо продолжаетъ существовать до настоящаго времени. Въ тоническомъ стихосложеніи также различаются стопы, риѳма и цезура.

Понятіе о стопѣ. Возьмемъ, напр. стихъ Лермонтова:

„Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную".

Digitized by Google

Разставивъ ударенiе надъ словами въ первой и второй строкахъ, мы получимъ слѣдующее:

Тучки небесныя, *вѣчные странники*!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною,"

т. е. каждый ударямый слогъ повторяется чрезъ два неударяемые или имѣетъ около себя, соединяется съ двумя неударяемыми. *Правильное соединенiе ударяемаго слога съ неударяемымъ или неударяемыми и называется въ тоническомъ стихосложенiи стопою (отъ греческаго ποῦς,* латинское pes, нога, собственно то мѣсто ноги, которымъ ступаютъ, стопа *). Слѣдовательно, въ данныхъ двухъ строкахъ стопы должно обозначить такъ:

Тучки не | *бесныя*, | *вѣчные* | *странники*! |
Степью ла | *зурною*, | *цѣпью* жем | *чужною*"... |

Продолжая разставлять ударенiя въ третьей строкѣ, мы получимъ:

Мчитесь вы *будто какъ я* же *изгнанники*,"

т. е. ударенiя не чередуются такъ правильно, какъ въ двухъ предыдущихъ строкахъ: однако и эта строка отличается не меньшею музыкальностью. Послѣднее происходитъ отъ того, что грамматическое ударенiе надъ словами: „вы, какъ, же" совершенно теряется предъ остальными ударенiями и, такимъ образомъ, дѣлается незамѣтнымъ, нечувствительнымъ. Поэтому въ тоническомъ стихосложенiи иногда должно имѣть въ виду вмѣстѣ съ ударенiемъ грамматическимъ и, такъ называемое, стихотворное, ритмическое. Ритмическое ударенiе вызывается музыкальною необходимостiю: въ русскомъ языкѣ очень много словъ, имѣющихъ болѣе трехъ слоговъ, многосложныхъ, но по правиламъ стопы болѣе трехъ слоговъ содержать не могутъ, иначе стихъ вышелъ бы тяжелъ, немузыкаленъ. Слѣдовательно, всѣ многосложныя слова неизбѣжно должны входить въ составъ двухъ- трехъ стопъ. Въ такомъ случаѣ они обязательно принимаютъ кромѣ своего грамматическаго ударенiя еще другiя—для стиха, которыя потому и называются стихотворными, напр. въ стихѣ:

„Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна"—

слово „невидимкою" входитъ въ составъ трехъ стопъ и потому съ грамматическимъ ударенiемъ надъ слогомъ *„дим"* имѣетъ еще ударенiя ритмическiя, стихотворныя надъ слогами *не* и *ю:*

„Мчатся | *тучи*, | *вьются* | *тучи*;
*Не*види | *димко* | *ю* луна".

(*) Такое названiе дано указанной части стиха потому, что греки и римляне, при чтенiи стиховъ, отбивали ногою каждую изъ составныхъ частей стиха.

Digitized by Google

Стопы двухсложныя и трехсложныя. Въ приведенномъ стихѣ Лермонтова каждая стопа состоитъ изъ трехъ слоговъ; въ стихѣ же „Мчатся тучи“—изъ двухъ; первыя называются трехсложными, вторыя—двухсложными; болѣе трехъ и менѣе двухъ слоговъ стопы въ тоническомъ стихосложеніи, какъ и въ метрическомъ, имѣть не могутъ. Ударнемымъ слогомъ въ тоническомъ стихосложеніи можетъ быть каждый изъ слоговъ двухсложной и трехсложной стопы, т. е. первый или второй двухсложной, первый или второй или третій трехсложной. Отсюда происходятъ пять разныхъ видовъ стопъ, которыя, смотря потому, изъ скольких слоговъ состоятъ и на какомъ изъ нихъ стоятъ ударенія, получаютъ и соотвѣтствующія названія. Разсмотримъ прежде всего стихотвореніе Пушкина—„Бѣсы“.

„Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь—динь—динь...
Страшно, страшно по неволѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!
Эй, пошелъ, ямщикъ!.. „Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ видно,
Да кружитъ по сторонамъ.
„Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ—теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой.“
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали.... Что тамъ въ полѣ?—
„Кто ихъ знаетъ: пень иль волкъ!“
Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вотъ ужъ онъ далече скачетъ;
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь—динь—динь....
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.
Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ....
Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронятъ?
Вѣдьму-ль замужъ выдаютъ?
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ“...

Разставивъ ударенія и раздѣливъ на стопы, мы получимъ:

Мча́тся | *ту́чи,* | *вью́тся* | *ту́чи;*
Неви | *ди́мко* | *ю́* *лу* | *на*

Digitized by Google

*Ос*вѣ | *ща*стъ | снѣгъ ле | *ту*чій;
*Мут*но | *не*бо, | *но*чь мут | на“ и т. д.,

т. е. каждая стопа состоитъ изъ двухъ слоговъ и имѣетъ удареніе надъ первымъ изъ нихъ. Такія двухсложныя стопы называются хореемъ (отъ греческаго χορεῖος—χορός—хоръ, пляска, хорный, танцовальный), а самый стихъ, состоящій изъ нихъ, хореическимъ. Противоположная хорею *двухсложная стопа съ удареніемъ* не на первомъ, а *на второмъ* слогѣ *называется ямбомъ*, отъ имени греческаго миѳическаго существа Ямба, сына Эхо и Пана. Стихъ, образующійся изъ ямбовъ, носитъ названіе ямбическаго. Прекраснымъ образцомъ ямба можетъ служить стихотвореніе Лермонтова „Пророкъ“.

„Съ тѣхъ *поръ*, | какъ вѣч | ный *Су* | дія
Мнѣ *дал*ъ | всевѣ | дѣнье | *про*ро | ка,
Въ *очах*ъ | людей | *чита* | ю *я*
Стран*и* | цы зло | бы *и* | поро | ка.

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.
Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,—
И вотъ въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы, даромъ Божьей пищи.
Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.
Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
Тамъ старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:
„Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами,
Слѣпецъ хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!
„Смотрите жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!“

Приведенный выше отрывокъ изъ стихотворенія Лермонтова „Тучи“, начинающійся словами:

„Тучки небесныя, вѣчные странники!“ содержитъ въ себѣ стопы трехсложныя съ удареніемъ на первомъ слогѣ. Такія трехсложныя стопы называются дактилемъ, а составленный изъ нихъ стихъ—дактилическимъ. Слово дактиль (съ греческаго δάκτυλος) означаетъ палецъ на рукѣ, одинъ составъ котораго длиннѣе каждаго изъ двухъ прочихъ. Сообразно съ этимъ и стопа трехсложная съ удареніемъ на первомъ слогѣ носитъ названіе дактиля, такъ какъ первый слогъ ея съ удареніемъ и потому произносится съ большимъ напряженіемъ голоса, нежели два остальные.

„Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною

Digitized by Google

Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.
Кто же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшеніе?
Зависть ли тайная? Злоба-ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?
Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя....
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно-холодныя, вѣчно-свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія".

Приведемъ еще стихотвореніе Пушкина „Туча".

„Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась, и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ".

Подобно произведенію Лермонтова „Тучи", и въ данномъ стихотвореніи Пушкина стопы состоятъ изъ трехъ слоговъ:

„Послѣдня | я *ту*ча | разсѣян | ной *бу*ри!
Одна ты | несешься | по ясной | *лазу*ри" и т. д.,

только каждая изъ нихъ имѣетъ ударепіе не на первомъ слогѣ, а на второмъ. Такія *трехсложныя стопы съ ударепіемъ на второмъ слогѣ называются амфибрахіемъ* (отъ ἀμφίβραχύς—ἀμφί около, вокругъ, обоюду и βραχύς—короткій, обоюдократкій), т. е. стопа, имѣющая съ обѣихъ сторонъ ударяемаго слога слоги неударяемые. Амфибрахическія стопы придаютъ соотвѣтствующее названіе амфибрахическаго и образованному изъ нихъ стиху.

Наконецъ, трехсложная стопа можетъ имѣть удареніе и на третьемъ отъ начала слогѣ. Въ такомъ случаѣ она называется анапестомъ (отъ греческаго ἀνάπαιστος —ἀνά—пазадъ,—обратно и παίειν — ударять, обратно ударять), а стихъ, состоящій изъ анапестовъ,—анапестическимъ. Какъ примѣръ можно привести стихотвореніе Плещеева „Весна".

„Въ старый садъ выхожу я, росинки,
Какъ алмазы, на листьяхъ горятъ;
И цвѣты мнѣ головкой киваютъ,
Разливая кругомъ ароматъ.
Все влечетъ, веселитъ мои взоры:
Золотая пчела на цвѣткѣ,
Разноцвѣтныя бабочки крылья,
И прыжки воробья на пескѣ.
Какъ ярка эта зелень деревьевъ,
Куполъ неба такъ чистъ и глубокъ!
И брожу я, восторгомъ объятый,
И слеза застилаетъ врачекъ.
За оградой садовой чернѣетъ
Полоса взбороненной земли,
И покрытыя соснами горы
Поднимаются къ небу вдали.

Digitized by Google

Какъ любовью и радостью дышитъ
Вся природа подъ вешнимъ лучемъ,
И душа благодарная чуетъ
Здѣсь присутствіе Бога во всемъ!
Снова крѣпнутъ дремавшія силы;
Новой жизни приходитъ пора,
И становится все такъ возможнымъ,
Что мечтою казалось вчера!
Здѣсь, при взглядѣ на праздникъ созданья,
Затихаетъ вражда и печаль,...
И того, кто не любитъ, не вѣритъ,
Напритворно становится жаль.
Поневолѣ дивишься, что люди
Часто злобы другъ къ другу полны,
Иль не всѣмъ одинаково свѣтитъ
Это теплое солнце весны?
Какъ прекрасна весна! Милліоны
Ей навстрѣчу звучатъ голосовъ,
И въ моемъ воскрешающемъ сердцѣ
Ей привѣтъ вдохновенный готовъ!“

Хорей, ямбъ, дактиль, амфибрахій и анапестъ далеко не во всѣхъ стихахъ встрѣчаются въ своемъ чистомъ видѣ; часто эти стопы соединяются между собою и тогда образуются стихи смѣшанные. Здѣсь необходимо имѣть въ виду то общее правило, что соединяться между собою въ одномъ и томъ же стихѣ могутъ лишь стопы однородныя, т. е. или начинающіяся слогомъ ударяемымъ, какъ хорей и дактиль, или неударяемымъ, каковы ямбъ и анапестъ; иначе ударяемые слоги могли бы сойтись рядомъ, и тогда не было бы ихъ правильнаго чередованія съ неударяемыми, не было бы стопъ и стиха; только одинъ амфибрахій можетъ встрѣчаться въ одномъ и томъ же стихѣ съ каждою изъ четырехъ стопъ, потому что только при немъ немыслима встрѣча рядомъ двухъ ударяемыхъ слоговъ. Смотря по тому, какія стопы соединяются между собою, и самый смѣшанный стихъ получаетъ соотвѣтствующее названіе: при соединеніи дактиля и хорея—дактило-хореическаго, при анапестѣ и ямбѣ—анапесто-ямбическаго, при дактилѣ и амфибрахіи—дактило-амфибрахическаго и проч.

Число стопъ въ стоящихъ рядомъ стихахъ одного и того же произведенія иногда бываетъ различно. Примѣромъ можетъ служить стихотвореніе Никитина „Дѣдушка“, гдѣ первый, третій и вообще нечетные стихи имѣютъ по четыре хореическихъ стопы, а четные—по двѣ:

„Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидитъ;
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.
Бѣлъ, какъ лунь, на лбу морщины,
Съ испитымъ лицомъ;
Много видѣлъ онъ кручины
На вѣку своемъ.
Все прошло: пропала сила,
Притупился взглядъ;
Смерть въ могилу уложила
Дѣтокъ и внучатъ.
Съ нимъ въ избушкѣ закоптѣлой
Котъ одинъ живетъ:
Старъ и онъ, и спитъ день цѣлый,
Съ печки не спрыгнетъ.
Старику немного надо:
Лапти сплесть, да сбыть—
Вотъ и сытъ. Его отрада—
Въ Божій храмъ ходить.
Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ, кряхтя,
И за скорби славитъ Бога,
Божіе дитя.

Digitized by Google

Радъ онъ жить, не прочь въ могилу,—
Въ темный уголокъ....

Гдѣ ты черпалъ эту силу
Бѣдный мужичекъ?“

Количество стопъ въ различныхъ стихотвореніяхъ точно также бываетъ неодинаково. Въ этомъ отношеніи стихи бываютъ:

a) одностопные, напр.

„Тихій Донъ,
Синій Донъ
И широкъ,
И глубокъ;

Казаковъ
Удальцовъ
И поилъ,
И носилъ“.

Впрочемъ, одностопные стихи по большей части встрѣчаются въ соединеніи съ другими стихами; цѣлое произведеніе пишется ими весьма рѣдко.

b) Двухстопные,—напр. „Молитва“—Кольцова:

„Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламень молитвы;
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна!
Что слухъ мой замѣнитъ?
Потухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?
Что будетъ жизнь духа
Безъ этого сердца?,..
На крестъ, на могилу,
На небо и землю,
На точку начала
И цѣли твореній
Творецъ всемогущій
Накинулъ завѣсу,
Печать наложилъ....
Печать та на вѣки:
Ея не расторгнутъ
Міры, разрушаясь,
Огонь не растопитъ,
Не смоетъ вода.
Прости жъ мнѣ, Спаситель,
Слезу моей грустной
Вечерней молитвы:
Во тьмѣ она свѣтитъ
Любовью къ Тебѣ“.

c) Трехстопные:—

„Явленіе Невѣдомаго“.

„И было, то было въ Виѳарѣ—
Креститель подъ пальмой стоялъ.
А желтый песокъ Іордана
Кипѣлъ, и шумѣлъ, и сіялъ.
Собралося много народу:
И отрокъ, и старецъ сѣдой
Стремились, изъ жажды спасенья,
Живой окатиться водой.

Digitized by Google

Изъ дальнихъ пустынь на верблюдѣ,
Изъ ближнихъ—на статномъ конѣ—
И рабъ, и свободные люди
Спѣшили къ іорданской волнѣ.
Радушно снимая одежды,
Всякъ сердце хотѣлъ обнажать:
И голосъ пустыни—пустыннымъ
Душамъ возвѣщалъ благодать.
Какъ многое тутъ пробудилось!
Всѣ тайны раскрылись сердецъ:
То мытарь блѣднѣлъ и молился,
То въ латахъ смирялся боецъ.
И слезы текли по ланитамъ,
И вздохи кипѣли въ устахъ,
И всѣ торопились омыться
Въ купельныхъ іорданскихъ волнахъ.
Но вдругъ вдохновенный Креститель,
Воскликнулъ во уши всѣхъ:
„Глядите! се Агнецъ есть Божій,
Отъ міра взимающій грѣхъ!“
И взоры всѣхъ ищутъ кого-то,
Какъ-будто видѣнія словъ;
Глядятъ, вопрошаютъ съ заботой:
„Гдѣ-жъ дивный взиматель грѣховъ?“
И путникъ вдали показался
Величественъ, тихъ, сановитъ;
И шелъ Онъ, какъ Божія дума,
Высокою тайной покрытъ.
Такъ ходятъ алмазныя звѣзды
По синимъ своимъ высотамъ,
Сіяньемъ земныхъ обливая,
Не дань ствуя ихъ суетамъ.
И вспыхнули разныя чувства
На лицахъ людей и въ очахъ:
То вѣра боролась съ невѣрьемъ,
То съ сладкой надеждою страхъ.
Пытливость лукаво глядѣла,
И кротость смиренно ждала:
Что скажетъ невѣдомый путникъ,
Какія проявитъ дѣла?
Отъ путника-жъ вѣяло жизнью,
Зане—Онъ и жизнь и любовь:
И будетъ такъ вѣять, доколѣ
Погаснетъ лампада вѣковъ“.

Ѳ. Н. Глинка.

Digitized by Google

d) Четырехстопные:—

„Молитва“.

„Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью, иль покаяніемъ,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго,—
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой Заступницѣ міра холоднаго.
Окружи счастіемъ счастья достойную;
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному миръ упованія.
Срокъ-ли приблизится часу прощальному
Въ утро-ли шумное, въ ночь-ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела душу прекрасную“.

Лермонтовъ.

c) Пятистопные:—

„Кремлевская заутреня на Пасху“.

„Въ безмолвіи, подъ ризою ночною,
Москва ждала, и часъ святой насталъ:
И мощный звонъ промчался надъ землею,
И воздухъ весь, гудя, затрепеталъ.
Пѣвучіе, серебряные громы
Сказали вѣсть святаго торжества,
И, слыша гласъ, ея душѣ знакомый,
Подвиглася великая Москва.
Все тотъ же онъ: ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественныхъ заботъ
Не знаетъ онъ и, вѣстникъ искупленья,
Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поетъ,—
Побѣды пѣснь, пѣснь конченнаго плѣна!
Мы слушаемъ; но какъ внимаемъ мы?
Сгибаются-ль упрямыя колѣна?
Смиряются-ль кичливые умы?
Откроемъ ли радушныя объятья
Для страждущихъ, для меньшей братьи всей?
Хоть вспомнимъ ли, что это слово „братья“
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй?“

А. Хомяковъ.

Digitized by Google

f) и шестистопные: –

Молитва.

„Отцы—пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные Великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
„Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже! прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи".

А. С. Пушкинъ.

Болѣе шести стопъ въ тоническомъ стихосложеніи почти не встрѣчается.

Стихъ александрійскій. Гекзаметръ. *Стихъ, состоящій изъ шести стопъ ямбическихъ, называется александрійскимъ,* отъ имени Александра Великаго, жизнь котораго была изображена въ первомъ стихотвореніи, написанномъ шестистопнымъ ямбомъ. Какъ на примѣръ александрійскаго стиха, можно указать на только что приведенное стихотвореніе Пушкина—„Молитва"

Шестистопный смѣшанный стихъ, состоящій изъ дактилей и хореевъ, по своему нѣкоторому сходству съ гекзаметромъ метрическаго стихосложенія, носитъ также названіе гекзаметра. Послѣдняя стопа въ немъ обязательно должна быть хорей, въ соотвѣтствіе послѣдней стопѣ греческаго гекзаметра спондею, а предпослѣдняя—дактиль; остальныя стопы могутъ быть и дактилическими и хореическими. Чаще всего въ тоническомъ гекзаметрѣ первыя пять стопъ бываютъ дактилическія. Примѣромъ гекзаметра можетъ служить любое мѣсто изъ Иліады.

Цезура. Пятистопные и шестистопные стихи для удобства въ произношеніи допускаютъ цезуру, то же—что и цезура въ метрическомъ и силлабическомъ стихосложеніи. Въ шестистопномъ хореѣ и ямбѣ она ставится послѣ третьей стопы, въ пятистоп-

Digitized by Google

ныхъ же хореическихъ и ямбическихъ стихахъ—послѣ второй или въ половинѣ ея, напр.

„Отцы—пустынники || и жены непорочны...
Въ безмолвіи || подъ ризою ночною
Москва ждала || и часъ святой насталъ“...

Въ гекзаметрѣ употребляется или одна цезура и въ такомъ случаѣ она находится въ первой половинѣ третьей стопы, или двѣ, и тогда одна ставится въ первой половинѣ второй стопы, а другая въ первой половинѣ четвертой, напр.

„...Гекторъ стремительно изъ дому вышелъ
Прежней дорогой назадъ || по красно устроеннымъ стогнамъ...
Въ Ѳивахъ Плакійскихъ || мужей киликіянъ || властитель державный.“

Риѳмы. Дальнѣйшую, впрочемъ необязательную, принадлежность тоническаго стихосложенія составляютъ риѳмы. Этимъ именемъ, какъ и въ силлабическомъ стихосложеніи, называются одинаковыя или сходныя по произношенію окончанія различныхъ близко стоящихъ другъ къ другу стиховъ, напр.

„Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится-ль въ сердцѣ грусть,—
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.“

Здѣсь слова: „трудную“ и „чудную“, „грусть“ и „наизусть“ имѣютъ одинаковыя по звукамъ окончанія. Первоначально риѳма появилась въ западной Европѣ въ средніе вѣка, когда нужно было придать большую музыкальность неблагозвучному стиху языка романскаго или испорченнаго римскаго, и затѣмъ оттуда перешла и къ намъ. Риѳмы много способствуютъ музыкальности стиха; необходимое для нихъ условіе состоитъ въ томъ, чтобы риѳмуемыя окончанія словъ имѣли и одинаковыя ударенія, напр. чудную, трудную, иначе риѳмы не могутъ быть хорошими, напр. слова ла́ской—доско́й, зо́лото—боло́то, хотя и имѣютъ одинаковыя окончанія, но при различныхъ удареніяхъ не могутъ составить сколько-нибудь порядочной риѳмы. Смотря по тому, какое мѣсто занимаетъ въ риѳмуемыхъ словахъ удареніе, и самыя риѳмы получаютъ различныя названія. Возьмемъ, напр., стихотвореніе Лермонтова — „Вѣтка Палестины.“

„Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?
У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ?
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?
Молитву-ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?
И пальма та жива-ль понынѣ?
Все также-ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Digitized by Google

Или въ разлукѣ безотрадной
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?...
Повѣдай, набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?
Иль, Божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и Божествомъ?...
Заботой тайною хранима,
Передъ иконою святой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣчный часовой!
Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой".

Во всемъ этомъ произведеніи риѳмуемыя слова четныхъ стиховъ—„цвѣла—была, ласкалъ—колыхалъ" и пр., имѣютъ ударенія на послѣднихъ слогахъ, а риѳмуемыя слова нечетныхъ—„Палестины—долины, Іордана—Ливана" и пр. на предпослѣднихъ или вторыхъ отъ конца слогахъ. Первыя риѳмы называются мужскими, вторыя—женскими. Иногда въ риѳмующихся словахъ встрѣчаются ударенія и на третьемъ отъ конца слогѣ, и тогда риѳма получаетъ названіе дактилической. Таковы, напр. дактилическія риѳмы: „*тру*дную—*чуд*ную, благо*дат*ная—непоня*тн*ая, *ска*тится—*пла*чется" въ вышеприведенномъ стихотвореніи Лермонтова „Молитва". Въ большей части стихотворныхъ произведеній риѳмы: особенно мужская и женская—такъ или иначе чередуются между собою, но бываютъ произведенія, написанныя и одною только какою-либо риѳмою,—такъ напр. стихотвореніе Майкова „Осень" написано одною мужскою риѳмою, стихотвореніе „Нива" Жадовской—женскою, а стихотвореніе Никитина „Соха"—дактилическою. Вотъ эти произведенія:

Осень.

„Кроетъ ужъ листъ золотой
Влажную землю въ лѣсу....
Смѣло топчу я ногой
Вешнюю лѣса красу.
Съ холоду щеки горятъ....
Любо въ лѣсу мнѣ бѣжать,
Слышать, какъ сучья трещатъ,
Листья ногой загребать!
Нѣтъ мнѣ здѣсь прежнихъ утѣхъ!
Лѣсъ съ себя тайну совлекъ:
Сорванъ послѣдній орѣхъ,
Свянулъ послѣдній цвѣтокъ;
Мохъ не приподнятъ, не взрытъ
Грудой кудрявыхъ груздей,
Около пня не виситъ
Пурпуръ брусничныхъ кистей;
Долго на листьяхъ лежитъ
Ночи морозъ, и сквозь лѣсъ
Холодно какъ-то глядитъ
Ясность прозрачныхъ небесъ"...

Нива.

„Нива моя, нива,
Нива золотая!
Зрѣешь ты на солнцѣ,
Колосъ наливая.
По тебѣ отъ вѣтра,
Словно въ синемъ морѣ,

Digitized by Google

Волны такъ и ходятъ,
Ходятъ на просторѣ.
Надъ тобою съ пѣснью
Жаворонокъ вьется,
Надъ тобою туча
Грозно пронесется.
Зрѣешь ты и спѣешь,
Колосъ наливая,
О людской заботѣ
Ничего не зная".

Соха.

„Ты соха ли наша матушка,
Горькой бѣдности помощница,
Неизмѣнная кормилица,
Вѣковѣчная работница!
По твоей ли, соха, милости
Съ хлѣбомъ гумны пораздвинуты,
Сыты злые, сыты добрые,
По полямъ ковры раскинуты.
Про тебя и вспомнить некому.
Чтожъ молчишь ты, безпривѣтная,
Что не въ славу тебѣ трудъ идетъ,
Не въ честь служба безотвѣтная?....
Ахъ, крѣпка, не знаетъ устали
Мужичка рука желѣзная,
И покоитъ соху—матушку
Одна ноченька беззвѣздная!..
На межѣ трава зеленая,
Полынь дикая качается,
Не твоя ли доля горькая
Въ ея сокѣ отзывается?
Ужъ и кѣмъ-же ты придумана,
Къ дѣлу на-вѣки приставлена?
Кормишь малаго и стараго,
Сиротой сама оставлена"....

Въ различныхъ произведеніяхъ стихи риѳмуются неодинаково: или подрядъ, или черезъ стихъ, или чрезъ два стиха и т. д. Иногда различная риѳмовка встрѣчается даже въ одномъ и томъ же стихотворномъ призведеніи.

А) Риѳмованіе стиховъ подрядъ:

Нищій.

„Зналъ я нищаго: какъ тѣнь,
Съ утра, бывало, цѣлый день
Старикъ подъ окнами бродилъ
И подаянія просилъ;
Но все, что въ день ни собиралъ,
Бывало, къ ночи раздавалъ
Больнымъ, калѣкамъ и слѣпцамъ—
Такимъ же нищимъ, какъ и самъ.
Въ нашъ вѣкъ таковъ иной поэтъ:
Утративъ вѣру юныхъ лѣтъ,
Какъ нищій старецъ, изнуренъ,
Духовной пищи проситъ онъ;
И все, что жизнь ему ни шлетъ,
Онъ съ благодарностью беретъ,
И душу дѣлитъ пополамъ
Съ такими-жъ нищими, какъ самъ".

Я. Полонскій.

В) Риѳмы чрезъ стихъ:

Нищій.

„И вечерней, и ранней порою
Много старцевъ, и вдовъ, и сиротъ
Подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа-ради на помощь зоветъ.

Digitized by Google

Надѣваетъ ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за трудъ,—
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!
Не откажутъ тебѣ въ подаяньи,
Не умрешь ты безъ крова зимой—
Жаль разумное, Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой!
Но бѣднѣе и хуже есть нищій;
Не пойдетъ онъ просить подъ окномъ,
Цѣлый вѣкъ, изъ одежды да пищи,
Онъ работаетъ ночью и днемъ.
Спитъ въ лачужкѣ, на грязной соломѣ,
Богатырь въ безысходной бѣдѣ,
Крѣпче камня въ несносной истомѣ,
Крѣпче мѣди въ кровавой нуждѣ.
По смерть зерна онъ въ землю бросаетъ,
По смерть жнетъ, а нужда продаетъ;
О немъ облако слезы роняетъ,
Про тоску его буря поетъ".

Никитинъ.

С) Различная риѳмовка въ одномъ и томъ же произведеніи:

Церковь.

„Въ сторонѣ отъ большихъ городовъ,
Посреди безконечныхъ луговъ,
За селомъ, на горѣ невысокой,
Вся бѣла, вся видна при лунѣ,
Церковь старая чудится мнѣ,—
И на бѣлой церковной стѣнѣ
Отражается крестъ одинокій.
Да! я вижу тебя, Божій домъ!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла съ мечемъ,
Облаченнаго въ свѣтлую ризу.
Поднимается сторожъ старикъ
На свою колокольню руину;
На тѣни онъ громадно великъ:
Пополамъ пересѣкъ всю равнину.
Поднимись! и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гудѣнье!
Въ тишинѣ деревенскихъ ночей
Этихъ звуковъ властительно пѣнье:
Если есть въ околодкѣ больной,
Онъ при нихъ встрепенется душой
И, считая медлительно звуки,
Позабудетъ на мигъ свои муки;
Одинокій ли путникъ ночной
Ихъ заслышитъ—бодрѣе шагаетъ;
Ихъ заботливый пахарь считаетъ
И, крестомъ осѣнясь въ полуснѣ,
Проситъ Бога о ведряномъ днѣ".

Некрасовъ.

Стихи бѣлые. Риѳмы, какъ уже замѣчено, не составляютъ неизбѣжной необходимости тоническаго стиха; очень многія стихотворенія бываютъ безъ риѳмъ; *нериѳмованные стихи называются бѣлыми*, т. е. чистыми, свободными отъ риѳмъ. Какъ примѣръ, приведемъ стихотвореніе Майкова:

Digitized by Google

Христосъ воскресе.

„Подъ солнцемъ вьются жавронки,
Поютъ: Христосъ воскресе!
Во всѣ окошки ласточки
Кричатъ: Христосъ воскресе!

Сердца у дѣвъ, у юношей
Поютъ: Христосъ вокресе!
И всѣмъ въ отвѣтъ могилушки:
Во истину воскресе!“

Строфы. Куплеты. Обыкновенно, въ стихотворныхъ произведеніяхъ отдѣльные стихи, соединяясь между собою, образуютъ особыя части стихотворенія, однообразно между собою риѳмующіяся и содержащія какую-либо опредѣленную, часто законченную мысль. Такіе отдѣлы называются строфами, а въ пѣсняхъ — куплетами. Слово строфа (отъ греческаго στροφὴ—στρέφω вращаю—обращеніе) указываетъ именно на извѣстную группу стиховъ, постоянно вращающуюся, обращающуюся по одному и тому же размѣру. Почти то же означаетъ и куплетъ (отъ французскаго couplet, couple—чета, наборъ), т. е. наборъ извѣстнаго числа стиховъ — строкъ. По количеству стиховъ строфы бываютъ различны: отъ двухъ до шестнадцати стиховъ. Куплеты состоятъ изъ двухъ, а чаще изъ четырехъ стиховъ, риѳмующихся или подрядъ, или чрезъ стихъ, или чрезъ два, и обычно назначаются для музыкальнаго исполненія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ различныхъ строфъ.

А) Строфы, состоящія изъ двухъ стиховъ:

Несжатая полоса.

„Поздняя осень. Грачи улетѣли.
Лѣсъ обнажился. Поля опустѣли.
Только несжата полоска одна...
Грустную думу наводитъ она.
Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
„Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу,—
Скучно склоняться до самой земли,
Тучныя зерна купая въ пыли!
Насъ, что ни ночь, разоряютъ станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,
Заяцъ насъ топчетъ, и буря насъ бьетъ...
Гдѣ же нашъ пахарь? Чего еще ждетъ?
Или мы хуже другихъ уродились?
Или недружно цвѣли—колосились?
Нѣтъ! мы не хуже другихъ и давно
Въ насъ налилось и созрѣло зерно.
Не для того же пахалъ онъ и сѣялъ,
Чтобы насъ вѣтеръ осенній развѣялъ?“....

Digitized by Google

Вѣтеръ несетъ имъ печальный отвѣтъ:
„Вашему пахарю моченьки нѣтъ.
Зналъ, для чего и пахалъ онъ и сѣялъ,
Да не по силамъ работу затѣялъ.
Плохо бѣднягѣ—не ѣстъ и не пьетъ,
Червь ему сердце больное сосетъ.
Руки, что вывели борозды эти,
Высохли въ щепку, повисли, какъ плети.
Очи потухли и голосъ пропалъ,
Что заунывную пѣсню пѣвалъ,
Какъ, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шелъ полосою".

Некрасовъ.

B) Трехстишныя строфы:

Драконъ.

„Одна купель близъ входа тамъ стоитъ,
Старинная, изъ камня изсѣчена:
Крылатымъ столбъ чудовищемъ обвитъ.
На землю я упалъ въ изнеможеньи,
И осѣнилъ меня глубокій сонъ,
И низашло мнѣ на душу забвенье".

C) Пятистишныя строфы:

Къ дѣтямъ.

„Бывало, въ глубокій, полуночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ;
Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться, да будетъ на васъ благодать—
Любовь Вседержителя Бога.
Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,
Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней
Для васъ, беззаботныхъ и милыхъ дѣтей.
Какъ сладко, какъ радостно было!
Теперь прихожу я—вездѣ темнота;
Нѣтъ въ комнатѣ жизни, кроватка пуста,
Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ...
Мнѣ грустно: малютокъ моихъ уже нѣтъ!
И сердце такъ больно сожмется!
О дѣти! въ глубокій, полуночный часъ
Молитесь о томъ, кто молился о васъ,
О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать,—
Молитесь, да будетъ и съ нимъ благодать—
Любовь Вседержителя Бога".

А. Хомяковъ.

Digitized by Google

D) Строфы изъ шести стиховъ:

Кавказъ.

„Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже—мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.
А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ;
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣснистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи,
Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной,
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады“.

А. С. Пушкинъ.

A) Куплеты изъ двухъ стиховъ:

Пѣла, пѣла пташечка.

„Пѣла, пѣла пташечка—
И затихла;
Знало сердце радости—
И забыло.
Что, пѣвунья-пташечка,
Замолчала?
Какъ ты, сердце, свѣдалось
Съ чернымъ горемъ?
Ахъ, убили пташечку
Злыя вьюги!
Погубили молодца
Злые толки!
Полетѣть бы пташечкѣ
Къ синю морю!
Убѣжать бы молодцу
Въ лѣсъ дремучій!
На морѣ валы шумятъ,
А не вьюги;
Въ лѣсѣ звѣри лютые,
Да не люди!“.

Дельвигъ.

Digitized by Google

В) Куплеты изъ четырехъ стиховъ:

Пѣсня пахаря.

„Ну, тащися, сивка!
Пашней, десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.
Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большаго лѣса
Солнышко выходитъ!
Весело на пашнѣ!
Ну! тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.
Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю;
Ну! тащися, сивка!
Пашеньку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его вспоитъ вскормитъ
Мать земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка—
Ну! тащися, сивка!
Выйдетъ въ полѣ травка—
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы:
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.
Ну! тащися, сивка!
Накормлю до-сыта,
Напою водою,
Водой ключевою.
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство!“

Кольцовъ.

Различныя названія строфъ и стихотвореній по количеству, составу и риѳмовкѣ стиховъ. Количество, составъ и та или иная риѳмовка стиховъ сообщаютъ иногда различныя названія, какъ самымъ строфамъ, такъ и образующимся изъ послѣднихъ цѣлымъ стихотвореніямъ. Сюда относятся: терцины, секстины, октава, стансы, канцона, тріолетъ, рондо и сонетъ. Вотъ нѣсколько образцовъ:

Терцины (лат. tertius—третій):

„Здѣсь мною входятъ въ скорбный градъ къ мученьямъ,
Здѣсь мною входятъ къ мукѣ вѣковой,
Здѣсь мною входятъ къ падшимъ поколѣньямъ.
Подвигнутъ правдой вѣчный зодчій мой:
Господня сила, разумъ всемогущій
И первыя любови духъ святой—
Меня создали прежде твари сущей,
Но послѣ вѣчныхъ и мнѣ вѣка нѣтъ.
Оставь надежду всякъ сюда идущій!“

Данте.

Digitized by Google

Здѣсь каждая строфа - изъ трехъ стиховъ, при чемъ первый — риѳмуется съ третьимъ, а второй — съ первымъ и третьимъ дальнѣйшаго трехстишія.

Секстины (лат. sex—шесть) —

„Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ“ и т. д.

Строфа — изъ шести стиховъ; первый — имѣетъ риѳму съ четвертымъ, — остальные — подрядъ, т. е. второй — съ третьимъ, пятый — съ шестымъ.

Октава (лат. octavus—восьмой):

„Четырехстопный ямбъ мнѣ надоѣлъ:
Имъ пишетъ всякій. Мальчикамъ въ забаву
Пора-бъ его оставить. Я хотѣлъ
Давнымъ давно приняться за октаву.
А въ самомъ дѣлѣ: я бы овладѣлъ
Съ тройнымъ созвучіемъ. Пущусь на славу!
Вѣдь риѳмы за-просто со мной живутъ:
Двѣ придутъ сами, третью—приведутъ.“
Пушкинъ.

Строфа—изъ восьми стиховъ; первые шесть - риѳмуются чрезъ стихъ, два послѣдніе—другъ съ другомъ.

Стансы (итал. stanza—пребываніе, стоянка на одномъ мѣстѣ):

„Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни,
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни;
Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
При немъ отличенъ Долгорукій.
Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.“
Пушкинъ.

„Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня невольно поражалъ.
Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.
И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.
Твоимъ огнемъ душа палима
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ“.
Пушкинъ.

Digitized by Google

Строфы—изъ четырехъ стиховъ, риѳмующихся черезъ стихъ; при этомъ каждая изъ нихъ содержитъ вполнѣ развитую и законченную мысль.

Тріолетъ (франц. triolet—тройной):

„Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ!“ | Умомъ зрѣла въ весеннемъ цвѣтѣ;“
Вздохнувъ, я самъ себѣ сказалъ: | Когда же злость ея узналъ:
„Красой подобныхъ нѣтъ Лизетѣ; | „Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ!“
Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ: | Вздохнувъ, я самъ себѣ сказалъ.“

Карамзинъ.

Стихотвореніе—изъ восьми стиховъ и на двѣ риѳмы; стихъ четвертый служитъ повтореніемъ перваго, седьмой и восьмой—повторяютъ первый и второй.

Сонетъ (итал. sonetto—отъ sonare звучать)—звучное стихотвореніе:

Мадонна.

„Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.
Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ Божественный Спаситель—
Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ—
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ,
Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою Сіона.
Исполнились мои желанія: Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадонна,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ“!

Пушкинъ.

Стихотвореніе—изъ четырнадцати стиховъ, распадающихся на четыре куплета; два первые—по четыре стиха, два другіе—по три.

Рондо (франц. rond—круглый) состоитъ изъ тринадцати стиховъ съ припѣвомъ, повторяющимъ первый стихъ.

Канцона (итал. conzona—пѣсня)—стихотвореніе изъ нѣсколькихъ неравныхъ строфъ.

Народное тоническое стихосложеніе. Отдѣльный видъ тоническаго стихосложенія составляютъ стихи народные. Такъ называются стихотворныя произведенія, сложившіяся въ народѣ подъ вліяніемъ музыкальнаго такта или точнѣе пѣнія. Сравнительно

Digitized by Google

съ стихами ненародными или литературными они имѣютъ нѣсколько особенностей. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ—народная пѣсня:

„Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталася безпріютная головушка,
Безпріютная головушка молодецкая.
Ужъ куда я, добрый молодецъ, ни кинуся,
Что по лѣсамъ, по деревнямъ все заставы,
На заставахъ ли все крѣпки караулы:
Они меня ловятъ, стерегутъ.
Что куда-то ни пойду, братцы, ни поѣду,
Что ни въ чемъ-то мнѣ, добру молодцу, нѣтъ счастья.
Я съ дороженьки, добрый молодецъ, ворочуся,
Государынѣ своей матушкѣ спрошуся:
„Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздой породила?
Ты какимъ меня и счастіемъ надѣлила?“

Разставивъ грамматическія ударенія, получимъ:

„Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталася безпріютная головушка,
Безпріютная головушка молодецкая.
Ужъ куда я, добрый молодецъ, ни кинуся“ и т. д.,

т. е. *ударенія не чередуются такъ правильно*, какъ въ литературномъ тоническомъ стихѣ, а потому *нѣтъ* и *правильнаго чередованія стопъ*; это первая отличительная принадлежность народнаго стиха. Далѣе, раздѣливши стихи на стопы, находимъ:

„Не были|нушка въ чи|стомъ полѣ | зашата|лася,
Зашата|лася | безпріют|ная | голо|вушка,
Безпріют|ная | голо|вушка | молодец|кая,
Ужъ ку|да я, | добрый | моло|децъ, ни | кинуся“...

или въ первомъ стихѣ двѣ начальныя и предпослѣдняя стопы—анапестъ, третья – амфибрахій и послѣдняя—ямбъ; во второмъ стихѣ первая и третья стопы—анапестъ, остальныя—ямбъ; въ третьемъ—анапестъ первая и пятая, остальныя—ямбъ; въ четвертомъ—всѣ стопы хореическія, за исключеніемъ послѣдней, которая является дактилемъ и т. д. Словомъ, во всемъ стихотвореніи нѣтъ и строгой выдержанности въ употребленіи стопъ однородныхъ, какъ въ одномъ и томъ же стихѣ, такъ и въ стихахъ рядомъ стоящихъ. Въ этомъ

Digitized by Google

отношеніи народные стихи походятъ нѣсколько на, такъ называемые, смѣшанные литературные стихи, но тамъ допускается соединеніе въ одномъ и томъ же стихѣ только опредѣленныхъ стопъ, хорея, напр., съ дактилемъ и т. п. и при томъ съ большимъ или меньшимъ однообразіемъ въ стихахъ рядомъ стоящихъ. *Разнообразіе стопъ одного и того же стиха и стиховъ, рядомъ стоящихъ, служитъ второю отличительною чертою народнаго стиха.* Продолжая раздѣлять данное произведеніе на стопы, мы видимъ, что первый стихъ состоитъ изъ пяти стопъ, второй, третій, четвертый, пятый и шестой—содержатъ по шести стопъ, седьмой—четыре и т. д., т. е. *въ народныхъ стихотвореніяхъ не выдерживается строгая размѣренность стиха, правильное чередованіе стиховъ по количеству стопъ.* Первые девять стиховъ разбираемой пѣсни и стихъ двѣнадцатый—

„Ты скажи, скажи, моя матушка родная“

не имѣютъ риѳмъ; стихи же десятый и одиннадцатый—

„Я съ дороженьки, добрый молодецъ, ворочуся,
Государынѣ своей матушкѣ спрошуся“

равно—тринадцатый и четырнадцатый:

„Подъ которой ты меня звѣздой породила?
Ты какимъ меня и счастіемъ надѣлила?“

риѳмуются подрядъ, значитъ, *въ народныхъ стихотворныхъ произведеніяхъ не соблюдается и правильное риѳмованіе стиховъ.* Большинство народныхъ стиховъ вовсе не имѣетъ риѳмъ, но иногда встрѣчаются между ними тѣ или иныя риѳмы даже и въ началѣ или въ срединѣ стиха, напр.

„*Уходили* всѣ рыбы въ синія моря,
Улетали всѣ птички за облака“....

„Накладывалъ-то *стрѣлочку* каленую
И натягивалъ *тетивочку* шелковеньку“....

При чтеніи каждаго стиха пѣсни: „Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася“, нѣкоторыя слова произносятся съ болѣе сильнымъ удареніемъ, такъ сказать, особенно выдѣляются изъ ряда другихъ стоящихъ около нихъ словъ:

„*Не былинушка* въ чистомъ полѣ *зашаталася*,
Зашаталася безпріютная *головушка*,
Безпріютная головушка, *молодецкая*.
Ужъ *куда* я, добрый молодецъ, *ни кинуся*“ и т. д.

Повышеніе и протяженіе голоса не на отдѣльномъ слогѣ извѣстнаго слова, что образуетъ грамматическое, слоговое удареніе, *а на цѣломъ словѣ, которому желаютъ почему-либо придать осо-*

Digitized by Google

бенную цѣну, называется удареніемъ логическимъ, смысловымъ, (греч. λόγος—слово, мысль), т. е. удареніемъ, выдѣляющимъ то или другое слово сообразно значенію послѣдняго въ рѣчи. Логическое ударѐніе не уничтожаетъ грамматическаго, но еще болѣе усиливаетъ его, а потому слова съ логическимъ удареніемъ невольно обращаютъ на себя наибольшее вниманіе слушающихъ. *Логическое ударѐніе составляетъ самое главное и существенное свойство народнаго стихосложенія: на равномѣрномъ чередованіи этого ударенія въ народномъ стихѣ основывается вся музыкальность послѣдняго.* Въ разсматриваемой пѣснѣ *каждый* отдѣльный стихъ имѣетъ *по два* логическихъ ударенія, но бываютъ народные стихи и въ одно и въ три логическихъ ударенія.

Въ одно логическое удареніе:

„Какъ твоя-то мать
Мнѣ родная дочь,
Семи лѣтъ она
Во полонъ взята!“

„Не буйные вѣтры
Навѣяли,
Незваные гости
Наѣхали:

Подломили
Сѣни новыя,
Подломили
Съ переходами“.

Въ три логическихъ ударенія:

„Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати,
Какъ заутра мнѣ, доброму молодцу, во допросъ идти
Передъ грознаго судью, самого царя.
Еще станетъ меня царь—государь спрашивати:
„Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
Еще много ли съ тобой было товарищей?“
Я скажу тебѣ, надежа, православный царь
Всю правду я скажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Ужъ какъ первый мой товарищъ—темная ночь,
А второй мой товарищъ—булатный ножъ,
А какъ третій товарищъ мой—добрый конь,
А четвертый мой товарищъ—тугой лукъ,
Что разсыльщики мои—калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежа, православный царь:
„Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ!
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать;
Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиной“.

Количествомъ логическихъ удареній опредѣляется въ народномъ стихосложеніи и число составныхъ частей каждаго стиха: при двухъ логическихъ удареніяхъ стихъ раздѣляется цезурою на

Digitized by Google

два отдѣла, при трехъ—на три,—при чемъ въ каждомъ отдѣлѣ обязательно находится слово съ логическимъ удареніемъ, напр.—

„*Не былинушка* въ чистомъ полѣ || *зашаталася*,
Зашаталася безпріютная || *головушка*."
„*Не шуми* мати | *зеленая* || *дубровушка*,
Не мѣшай мнѣ || доброму *молодцу* | думу *думати*"....

„Ужъ какъ *палъ* туманъ | на *сине* море,
А *злодѣй* тоска | *въ ретиво* сердце"....

Ученіемъ о стихосложеніи и заканчивается общая теорія словесности.

Частная теорія словесности:

о родахъ и видахъ словесныхъ произведеній.

Каждое словесное произведеніе, вмѣстѣ съ общими свойствами, принадлежащими ему наравнѣ со всѣми прочими сочиненіями, имѣетъ еще въ себѣ и тѣ или другія особенности. Въ разнообразныхъ словесныхъ твореніяхъ эти отличительные ихъ признаки часто совпадаютъ между собою. Отсюда является возможность обобщить различныя сочиненія въ особые ряды и группы. Такъ возникаютъ правила или законы, служащіе основаніемъ для дѣленія всѣхъ сочиненій на роды и виды. Поясним это примѣромъ. Положимъ, нѣсколько словесныхъ произведеній содержатъ въ себѣ изложеніе того, что есть на самомъ дѣлѣ. Разсмотрѣвши ихъ съ этой стороны, мы заключаемъ, что есть цѣлая группа сочиненій, знакомящихъ насъ только съ дѣйствительностію. Группѣ этой мы даемъ соотвѣтствующее названіе сочиненій о дѣйствительности или, какъ принято говорить, прозаическихъ. Встрѣтивши потомъ сочиненіе съ подобнымъ содержаніемъ, мы и относимъ его къ разряду или роду сочиненій прозаическихъ. Разбирая далѣе ту же группу прозаическихъ сочиненій, мы, напр. замѣчаемъ, что одни изъ нихъ касаются дѣйствительныхъ предметовъ, другія дѣйствительныхъ событій, третьи отвлеченныхъ положеній. На этомъ основаніи мы говоримъ, что прозаическія сочиненія или описываютъ дѣйствительный предметъ, или разсказываютъ о дѣйствительномъ событіи, или разъясняютъ истинную мысль, и потому дѣлимъ ихъ на описанія, повѣствованія и сочиненія философскія, которыя и составятъ по отношенію къ прозаическимъ сочиненіямъ вообще ихъ виды. Читая потомъ какое-либо новое прозаическое произведеніе, мы уже прямо причисляемъ его или къ описаніямъ, или къ повѣствованіямъ, или къ сочиненіямъ философскимъ. То же самое должно замѣтить и о другаго рода произведеніяхъ—поэтическихъ

Digitized by Google

съ ихъ видами. *Указаніе характерныхъ особенностей въ построеніи различныхъ родовъ и видовъ словесныхъ произведеній и составляетъ содержаніе частной теоріи словесности—о родахъ и видахъ сочиненій.*

Раздѣленіе словесныхъ произведеній на два рода—прозу и поэзію. Существенное различіе между прозаическими и поэтическими сочиненіями на основаніи разбора образцовъ: изъ лѣтописи Нестора о смерти Олега и „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ"—Пушкина. Всѣ словесныя произведенія по своему основному характеру раздѣляются на два рода: на прозаическія или прозу и поэтическія или поэзію. Существенное между ними различіе легко можно вывести путемъ сопоставленія поэтическихъ и прозаическихъ сочиненій, касающихся одного и того же предмета. Сравнимъ два разсказа о смерти Олега: прозаическій — изъ лѣтописи Нестора и поэтическій—„Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ" Пушкина.

„И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, бѣ бо въпрошалъ волъхвовъ кудесникъ: „отъ чего ми есть умрети?" и рече ему кудесникъ одинъ: „княже! конь, его же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети". Олегъ же пріимъ въ умѣ, си рече: „николи же всяду пань, ни вижу его болѣ того;" и повелѣ кормити и не водити его къ нему, и пребы нѣколико лѣтъ не видѣ его, дондеже на Грекы иде И пришедшу ему Кыеву и пребывшу 4 лѣта, на пятое лѣто помяну конь, отъ него же бяхуть рекли волсви умрети, и призва старѣйшину конюхомъ, рече: „кдѣ есть конь мой, его же бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его?" Онъ же рече: „умерлъ есть." Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, река: „то ти не право глаголютъ волъсви, но все лжа есть: конь умерлъ есть, а я живъ". И повелѣ осѣдлати конь: „а то вижу кости его". И приидѣ на мѣсто, идеже бѣша лежаще кости его голы, и лобъ голъ, и ссѣде съ коня, и посмѣяся рече: „отъ сего ли лъба смерть было взяти мнѣ?" и въступи ногою на лобъ, и выникнувши змѣя изо лба, уклюну и въ ногу, и съ того разболѣся и умре. И плакашася людие вси плачемъ великимъ и несоша и погребоша его на горѣ, еже глаголется Щековица; есть же могила его и до сего дни словеть могила Ольгова. И бысть всѣхъ лѣтъ его княженія 33. *Сеже дивно есть, яко отъ волхвованія сбывается чародѣйствомъ*".

Передавая то же событіе, Пушкинъ говоритъ:

„Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хазарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.
Изъ темнаго лѣса на встрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,

Digitized by Google

Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ,
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.
„Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро-ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любаго возьмешь ты коня".
„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ!
А княжескій даръ имъ не нуженъ:
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ,
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.
Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава—отрада;
Побѣдой прославлено имя твое,
Твой щитъ на вратахъ Цареграда,
И волны и суша покорны тебѣ,
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.
И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ...
Щадятъ побѣдителя годы....
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ:
Незримый хранитель могучему данъ.
Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю;
И холодъ и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего".
Олегъ усмѣхнулся, однако чело
И взоръ омрачилися думой;
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой,
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой.
„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай, ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!
Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ уздцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите".
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.
Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана;
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.
„А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ,
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все также-ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же-ль онъ бурный, игривый?"
И внемлетъ отвѣту: „на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ".
Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: „что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня".

Digitized by Google

И хочетъ увидѣть онъ кости коня.
Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видитъ: на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.
Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: „Спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ;
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь....
Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!“
Изъ мертвой главы гробовая змѣя
Шипя, между тѣмъ, выползала:
Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась,
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.
Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега.
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они“.

Лѣтописецъ, говоря о смерти Олега, старается главнымъ образомъ о томъ, чтобы передать это событіе такъ, какъ было оно на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности. Съ этою цѣлію онъ беретъ народное преданіе о смерти Олега и излагаетъ его со всѣми тѣми подробностями, съ какими сохранилось оно до его времени. Вполнѣ вѣря въ справедливость разсказываемаго въ преданіи, онъ говоритъ въ заключеніе: „Се же дивно есть, яко отъ волхвованія сбывается чародѣйствомъ“, и тѣмъ сообщаетъ переданному имъ обстоятельству значеніе удивительной и замѣчательной истины. Совершенно иначе смотритъ на то же самое происшествіе Пушкинъ: онъ не даетъ народному преданію о смерти Олега того серьезнаго значенія, какое придаетъ ему лѣтописецъ, а видитъ въ немъ лишь доказательство прежняго, стариннаго суевѣрія народа. Сообразно съ этимъ изъ сказанія лѣтописца онъ оставляетъ только фактъ смерти Олега отъ коня чрезъ укушеніе змѣи по предсказанію кудесника: „княже! конь, его же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети,“ все же остальное разсказываетъ вполнѣ своеобразно и самостоятельно. Такъ, Пушкинъ придумываетъ походъ Олега на Хазаръ, встрѣчу и разговоръ его съ кудесникомъ, прощаніе Олега съ конемъ, пиръ Олега и рѣчь его при посѣщеніи могилы коня. *Такимъ образомъ, прозаическое сочиненіе знакомитъ насъ только съ тѣмъ, что, по убѣжденію автора, было или есть на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности, произведеніе же поэтическое сверхъ того допускаетъ вымыселъ, который и составляетъ первую и самую главную особенность поэзіи въ сравненіи съ прозою.*

Имѣя въ виду передать затрогиваемое событіе во всей его дѣйствительности, лѣтописецъ заботится исключительно о вѣрности

Digitized by Google

и точности своего разсказа: онъ говоритъ о случившемся такъ, какъ происходило оно по его мнѣнію – въ порядкѣ времени, перечисляя только тѣ существенныя обстоятельства, изъ которыхъ сложилось цѣлое излагаемое происшествіе. *Отсюда читатель* легко усвояетъ лѣтописное повѣствованіе и *пріобрѣтаетъ о смерти Олега лишь полное и ясное понятіе, надлежащее, отчетливое знаніе.* Совсѣмъ инымъ образомъ ведетъ то же дѣло Пушкинъ. Не придавая словамъ лѣтописца серьезнаго значенія и многое придумывая отъ себя, онъ старается главнымъ образомъ о томъ, чтобы дать читателю наглядное представленіе воспроизводимаго имъ историческаго факта. Съ этою цѣлію онъ рисуетъ предъ нами цѣлый рядъ картинъ. Первая—изображаетъ Олега одѣтымъ въ цареградскую броню и, въ сопровожденіи своей свиты, ѣдущимъ верхомъ на конѣ по полю къ темному лѣсу, противъ Хазаръ. Навстрѣчу изъ лѣса идетъ мудрый и вдохновенный старикъ-кудесникъ. Вторая картина: Олегъ останавливается и, сидя на конѣ, спрашиваетъ кудесника о своемъ будущемъ; тотъ, съ полнымъ спокойствіемъ и сознаніемъ своего достоинства, предсказываетъ ему смерть отъ любимаго коня. Третья картина: на лицѣ Олега показывается улыбка—знакъ недовѣрія кудеснику, и т. д. до самаго конца произведенія. Вся эта группа картинъ до того живо воспроизводитъ обстоятельства смерти Олега, что *мы пріобрѣтаемъ о нихъ не только точное понятіе, какъ по разсказу лѣтописца, но и наглядное представленіе;* мы знакомимся со смертью Олега не просто, какъ съ совершившимся фактомъ, но какъ-бы съ событіемъ, происходящимъ со всѣми его мельчайшими подробностями на нашихъ глазахъ, и потому переживаемъ и всѣ тѣ впечатлѣнія, какія могло бы оно вызвать въ насъ—очевидцахъ въ свое время. *Это второй признакъ поэзіи, отличающій ее отъ прозы,* безъ котораго опять-таки немыслимо ни одно истинно—поэтическое произведеніе.

Наконецъ, со стороны слога, мы замѣчаемъ, что у лѣтописца слова и выраженія употребляются нерисующія, дающія лишь понятіе объ излагаемомъ имъ происшествіи, тогда какъ въ сочиненіи Пушкина на каждомъ почти шагу попадаются слова и обороты образные; отсюда *третья характерная черта поэзіи—образность или художественность слога, что вовсе не обязательно для прозы, составляемой по большей части языкомъ точнымъ, отвлеченнымъ.* Образность языка поэзіи и отвлеченность прозы всецѣло зависятъ отъ того свойства поэзіи и прозы, по которому—первая старается дать наглядное представленіе изображаемаго ею предмета въ связи съ получаемыми отъ него впечатлѣніями, а послѣдняя—знакомитъ лишь съ свойствами избраннаго ею предмета, даетъ лишь понятіе

Digitized by Google

о немъ: для картиннаго изображенія чего-бы-то-ни-было и слогъ нуженъ художественный, а для яснаго пониманія предмета достаточенъ и слогъ отвлеченный. Итакъ, существенное различіе между прозаическими и поэтическими сочиненіями заключается въ слѣдующемъ:

А) *въ отношеніи содержанія: въ прозаическихъ произведеніяхъ передается только то, что было или есть на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности, въ поэтическихъ же—сверхъ того допускается вымыселъ;*

В) *со стороны цѣли: прозаическія сочиненія имѣютъ главнымъ образомъ своею задачею дать ясное и отчетливое понятіе объ избранномъ ими предметѣ, затрогивая лишь самый предметъ, поэтическія же наглядно изобразить данный предметъ, вызвать о немъ живое представленіе, живой образъ, касаясь болѣе впечатлѣній, получаемыхъ отъ предмета, чѣмъ самого предмета;*

С) *по способу выраженія: слогъ прозаическихъ произведеній простой, отвлеченный, слогъ же поэтическихъ—образный, художественный.* Сообразно двоякаго рода произведеніямъ—прозаическимъ и поэтическимъ и частная теорія словесности распадается на два большіе отдѣла: изложеніе особенностей въ построеніи сочиненій прозаическихъ или теорію прозы и ученіе о произведеніяхъ поэтическихъ или теорію поэзіи.

Теорія прозы.

Названіе проза (греч. πρόσω—впередъ, далѣе) происходитъ отъ латинскаго prosa, образовавшагося изъ prorsa, proversa, т. е. proversa oratio. Прилагательное proversa состоитъ изъ двухъ словъ: pro-za, вмѣсто и versa отъ vertor, versus – стихъ. Отсюда проза по буквальному смыслу означаетъ рѣчь, произведеніе, изложенное не стихами, вмѣстостишіе. Такое опредѣленіе прозы не указываетъ, однако, существеннаго ея признака: въ большинствѣ случаевъ и поэтическія произведенія составляются не стихами, равно какъ наоборотъ— сочиненія прозаическія пишутся иногда стихотворною рѣчью. Поэтому буквальное значеніе слова „проза“ скорѣе касается внѣшней, часто случайной особенности этого рода словесныхъ произведеній. По внутреннему же своему характеру прозаическія сочиненія представляютъ главнымъ образомъ ту отличительную и вмѣстѣ съ тѣмъ существенную черту, что, какъ уже сказано выше, своимъ содержаніемъ обнимаютъ только міръ дѣйствительный, доставляя о немъ, по возможности, правильное, ясное и точное понятіе. Предметы и явленія міра дѣйствительнаго весьма разнообразны и

Digitized by Google

изслѣдуются съ разныхъ сторонъ и различнымъ образомъ, а потому и прозаическія произведенія, касающіяся ихъ, точно также въ значительной степени разнообразятся. Тѣмъ не менѣе, основываясь на самыхъ прозаическихъ сочиненіяхъ, можно указать такія общія правила, подъ которыя подойдутъ всѣ вообще прозаическія произведенія, и которыя поэтому могутъ быть названы законами строенія прозы. Указаніе этихъ законовъ и служитъ содержаніемъ теоріи прозы.

Элементы прозаическихъ сочиненій на основаніи разбора образцовъ: „Бѣжинъ лугъ“ Тургенева и „Значеніе Куликовской битвы“ Соловьева. Раздѣленіе прозаическихъ произведеній на роды. Всматриваясь внимательно въ содержаніе прозаическихъ произведеній, нельзя не замѣтить, что, касаясь предметовъ и явленій міра дѣйствительнаго, они затрогиваютъ ихъ или со стороны внѣшней, или со стороны внутренней, а иногда и съ той и другой вмѣстѣ. Возьмемъ прежде всего начало статьи „Бѣжинъ лугъ“ Тургенева.—

„Былъ прекрасный іюльскій день, одинъ изъ тѣхъ дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. Съ самаго ранняго утра небо ясно, утренняя заря не пылаетъ пожаромъ: она разливается крѣпкимъ румянцемъ. Солнце, не огнистое, не раскаленное, какъ во время знойной засухи, не тускло-багровое, какъ передъ бурей, но свѣтлое и привѣтно-лучезарное—мирно всплываетъ изъ-подъ узкой и длинной тучки, свѣжо просіяетъ и погрузится въ лиловый туманъ. Верхній, тонкій край растянутаго облака засверкаетъ змѣйками; блескъ ихъ подобенъ блеску кованнаго серебра... Но вотъ опять хлынули играющіе лучи,—и весело, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее свѣтило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглыхъ высокихъ облаковъ, золотисто-сѣрыхъ, съ нѣжными, бѣлыми краями, подобно островамъ, разбросаннымъ на безконечно разлившейся рѣкѣ, обтекающей ихъ глубоко—прозрачными рукавами ровной синевы. Они почти не трогаются съ мѣста; далѣе, къ небосклону, они сдвигаются, тѣснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они также лазурны, какъ небо: они всѣ насквозь проникнуты свѣтомъ и теплотой. Цвѣтъ небосклона, легкій, блѣдно-лиловый, не измѣняется во весь день и кругомъ одинаковъ; нигдѣ не темнѣетъ, не густѣетъ гроза, развѣ кой-гдѣ протянутся сверху внизъ голубоватыя полосы: то сѣется едва замѣтный дождь. Къ вечеру эти облака исчезаютъ; послѣднія изъ нихъ, черноватыя и неопредѣленныя, какъ дымъ, ложатся розовыми клубами напротивъ заходящаго солнца; на мѣстѣ гдѣ оно закатилось, также спокойно, какъ спокойно взошло на небо, алое сіяніе стоитъ недолгое время надъ потемнѣвшей землей и, тихо мигая, какъ бережно несомая свѣчка, затеплится на немъ вечерняя звѣзда. Въ такіе дни краски всѣ смягчены, свѣтлы, но не ярки; на всемъ лежитъ

Digitized by Google

печать какой-то трогательной кротости. Въ такіе дни жаръ бываетъ иногда весьма силенъ, иногда даже „паритъ“ по скатамъ полей; но вѣтеръ разгоняетъ, раздвигаетъ накопившійся зной, и вихри-круговороты, несомнѣнный признакъ постоянной погоды, высокими бѣлыми столбами гуляютъ по дорогамъ черезъ пашню. Въ сухомъ и чистомъ воздухѣ пахнетъ полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за часъ до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желаетъ земледѣлецъ для уборки хлѣба...

Въ такой точно день охотился я однажды за тетеревами въ Чернскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Я нашелъ и настрѣлялъ довольно много дичи; наполненный ягдташъ *) немилосердно рѣзалъ мнѣ плечо; но уже вечерняя заря погасала, и въ воздухѣ, еще свѣтломъ, хотя не озаренномъ болѣе лучами закатившагося солнца, начинали густѣть и разливаться холодныя тѣни, когда я рѣшился, наконецъ, вернуться къ себѣ домой. Быстрыми шагами прошелъ я длинную „площадь“ кустовъ; взобрался на холмъ и, вмѣсто ожидаемой знакомой равнины съ дубовымъ лѣсомъ направо и низенькой бѣлой церковью въ отдаленіи, увидалъ совершенно другія, неизвѣстныя мнѣ мѣста. У ногъ моихъ тянулась узкая долина; прямо напротивъ крупной стѣной возвышался частый осинникъ. Я остановился въ недоумѣніи—оглянулся.... „Эге!“ подумалъ я, „да это я совсѣмъ не туда попалъ, я слишкомъ забралъ вправо“ и, самъ дивясь своей ошибкѣ, проворно спустился съ холма. Меня тотчасъ охватила непріятная, неподвижная сырость — точно я вошелъ въ погребъ; густая, высокая трава на днѣ долины, вся мокрая, бѣлѣла ровной скатертью; ходить по ней было какъ-то жутко. Я поскорѣе выкарабкался на другую сторону и пошелъ, забирая влѣво, вдоль осинника. Летучія мыши уже носились надъ его заснувшими верхушками, таинственно дрожа и кружась на смутно-ясномъ небѣ; рѣзко и прямо пролетѣлъ въ вышинѣ запоздалый ястребенокъ, спѣша въ свое гнѣздо. „Вотъ какъ только я выйду на тотъ уголъ“, думалъ я про себя—„тутъ сейчасъ и будетъ дорога; а съ версту крюку я далъ!“

Я добрался до угла лѣса—но тамъ не было никакой дороги: какіе-то некошенные низкіе кусты широко разстилались передо мной, а за ними далеко—далеко виднѣлось пустынное поле. Я опять остановился.—„Что за притча? да гдѣ же я!“ Я сталъ припоминать, какъ и куда я ходилъ въ теченіе дня.... „Э! да это Парахинскіе кусты“, воскликнулъ я наконецъ: „точно! вотъ это, должно-быть, Синдѣевская роща. Да какъ же это я сюда зашелъ—такъ далеко? Странно. Теперь опять нужно вправо взять“.

Я пошелъ вправо, черезъ кусты. Между тѣмъ ночь приближалась и росла, какъ грозная туча; казалось, вмѣстѣ съ вечерними парами, отовсюду подымалась и даже съ вышины лилась темнота. Мнѣ попалась какая-то неторная, заросшая дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая впередъ. Все кругомъ быстро чернѣло и ути-

*) Охотничья сумка.

Digitized by Google

хало, одни перепела изрѣдка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своихъ мягкихъ крыльяхъ, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула въ сторону. Я вышелъ на опушку кустовъ и побрелъ по полю межой. Уже я съ трудомъ различалъ отдаленные предметы, поле неясно бѣлѣло вокругъ; за нимъ, съ каждымъ мгновеньемъ подвигаясь, громадными клубами вздымался угрюмый мракъ. Глухо отдавались мои шаги въ застывшемъ воздухѣ. Побѣднѣвшее небо стало опять синѣть, но то уже была синева ночи. Звѣздочки замелькали, зашевелились въ немъ.

Что я было принялъ за рощу, оказалось темнымъ и круглымъ бугромъ.—„Да гдѣ же это я?“ повторилъ я опять вслухъ, остановился въ третій разъ и вопросительно посмотрѣлъ на свою англійскую желто-пѣгую собаку Діану, рѣшительно умнѣйшую изъ всѣхъ четвероногихъ тварей. Но умнѣйшая изъ четвероногихъ тварей только повиляла хвостикомъ, уныло моргнула усталыми глазками и не подала мнѣ никакого дѣльнаго совѣта. Мнѣ стало совѣстно передъ ней, и я отчаянно устремился, словно вдругъ догадался, куда слѣдовало идти, обогнулъ бугоръ и очутился въ неглубокой, кругомъ распаханной лощинѣ. Странное чувство тотчасъ овладѣло мной. Лощина эта имѣла видъ почти правильнаго котла съ плоскими боками; на днѣ ея торчало стойма нѣсколько большихъ бѣлыхъ камней—казалось, они сползались туда для тайнаго совѣщанія—и до того въ ней было нѣмо и глухо, такъ плоско, такъ уныло висѣло надъ нею небо, что сердце у меня сжалось. Какой-то звѣрокъ слабо и жалобно пискнулъ между камней. Я поспѣшилъ выбраться назадъ на бугоръ. До сихъ поръ я все еще не терялъ надежды сыскать дорогу домой; но тутъ я окончательно удостовѣрился въ томъ, что заблудился совершенно, и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестныя мѣста, почти совсѣмъ потонувшія во мглѣ, пошелъ себѣ прямо, по звѣздамъ—наудалую! Около получаса шелъ я такъ, съ трудомъ переставляя ноги. Казалось, отъ роду не бывалъ я въ такихъ пустыхъ мѣстахъ: нигдѣ не мерцалъ огонекъ, не слышалось никакого звука; одинъ пологій холмъ смѣнялся другимъ; поля безконечно тянулись за полями; кусты словно вставали вдругъ изъ земли передъ самымъ моимъ носомъ. Я все шелъ и уже собрался было прилечь гдѣ-нибудь до утра, какъ вдругъ очутился надъ страшной бездной.

Я быстро отдернулъ занесенную ногу и сквозь едва прозрачный сумракъ ночи увидалъ далеко передъ собою огромную равнину. Широкая рѣка огибала ее уходящимъ отъ меня полукругомъ; стальные отблески воды, изрѣдка и смутно мерцая, обозначали ея теченіе. Холмъ, на которомъ я находился, спускался вдругъ, почти отвѣснымъ образомъ; его громадныя очертанія отдѣлились, чернѣя, отъ синеватой воздушной пустоты и прямо подо мною, въ углу, образованномъ тѣмъ обрывомъ и равниной, возлѣ рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ стояла неподвижнымъ, темнымъ зеркаломъ, подъ самой кручей холма, краснымъ пламенемъ горѣли и дымились другъ возлѣ дружки два огонька. Вокругъ нихъ копошились люди, колебались тѣни, иногда ярко освѣщалась передняя половина маленькой кудрявой головы.

Digitized by Google

Я узналъ, наконецъ, куда я зашелъ. Этотъ лугъ славится въ нашихъ околодкахъ подъ названіемъ „Бѣжина луга".

Какъ показываетъ само содержаніе, Тургеневъ передаетъ здѣсь то, что было съ нимъ въ дѣйствительности. Онъ начинаетъ свое сочиненіе перечисленіемъ особенностей хорошаго іюльскаго дня, „когда погода установилась на-долго". Въ такой день утренняя заря разливается крѣпкимъ румянцемъ. Солнце бываетъ свѣтлое; оно восходитъ изъ-подъ узкой и длинной тучки, отражаясь въ верхнемъ краѣ растянутаго облака. На небѣ чисто; но около полудня появляются круглыя облачка съ бѣлыми краями, которыя на небосклонѣ скучиваются, сдвигаются, хотя и остаются прозрачными. Цвѣтъ небосклона блѣдно-лиловый. Къ вечеру эти облака пропадаютъ, только нѣсколько изъ нихъ съ розоватымъ оттѣнкомъ ложатся напротивъ заходящаго солнца. На мѣстѣ солнечнаго заката не надолго образуется алое сіяніе, и вскорѣ появляется на немъ вечерняя звѣзда. Днемъ бываетъ жаръ, иногда весьма сильный. По дорогамъ, черезъ пашни носятся вихри-круговороты. Воздухъ сухой, полный запаха полынью, сжатой рожью, гречихой. По всѣмъ этимъ особенностямъ мы, обыкновенно, узнаемъ или иначе признаемъ погодливые іюльскіе дни, а потому отличительныя свойства предмета называются еще его признаками.—Значитъ, Тургеневъ начинаетъ свое произведеніе перечисленіемъ признаковъ хорошаго іюльскаго дня. Указать всѣ признаки предмета въ одно опредѣленное время то же, что описать данный предметъ со всѣхъ его сторонъ; отсюда перечисленіе признаковъ предмета называется въ теоріи словесности описаніемъ. За описаніемъ хорошаго іюльскаго дня у Тургенева слѣдуетъ изложеніе того, какъ въ одинъ изъ такихъ дней онъ охотился за тетеревами въ Чернскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи и какъ вечеромъ, возвращаясь съ охоты, сбился съ дороги и, вмѣсто дома, попалъ на Бѣжинъ лугъ. Здѣсь авторъ уже передаетъ то, что съ нимъ случилось, и передаетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ времени: цѣлый день онъ охотился и настрѣлялъ много дичи; вечеромъ направился домой, быстро прошелъ длинную „площадь" кустовъ, взобрался на холмъ, но, очутившись въ неизвѣстномъ мѣстѣ, проворно спустился съ него на дно долины; затѣмъ также быстро перешелъ онъ на другую сторону долины, направился влѣво вдоль осинника и т. д. Изложеніе событія въ порядкѣ времени, а также болѣе или менѣе подробное указаніе перемѣнъ, происшедшихъ въ извѣстный промежутокъ времени съ тѣмъ или другимъ предметомъ, носитъ названіе разсказа, повѣствованія, исторіи въ широкомъ смыслѣ этого послѣдняго слова. Такимъ образомъ, начало сочиненія Тургенева „Бѣжинъ лугъ" имѣетъ

Digitized by Google

дѣло съ внѣшнею стороною избраннаго авторомъ предмета и состоитъ изъ описанія и разсказа или исторіи; описаніе и разсказъ составляютъ здѣсь самое существенное и необходимое, безъ чего данное произведеніе было бы въ этомъ родѣ совершенно немыслимо; какъ такіе — они носятъ названіе элементовъ, отъ латинскаго elementum — начало, стихія, основа, т. е. начала, основы, изъ которыхъ слагаются словесныя произведенія съ описательно-историческимъ содержаніемъ. Сообразно своему описательно-историческому характеру, этотъ элементъ прозаическихъ произведеній получаетъ и соотвѣтствующее названіе описательно-историческаго или описательно-повѣствовательнаго элемента.

Какъ образецъ произведеній, имѣющихъ дѣло съ внутреннею стороною дѣйствительности, можно взять, напр. сочиненіе Соловьева —

„Значеніе Куликовской битвы."

„Лѣтописцы говорятъ, что такой битвы, какъ Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; отъ подобныхъ битвъ давно уже отвыкла Европа. Побоища подобнаго рода происходили и въ западной ея половинѣ въ началѣ такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ, во время великаго переселенія народовъ, во время страшныхъ столкновеній между европейскими и азіатскими ополченіями: таково было побоище Каталонское, гдѣ полководецъ римскій спасъ Западную Европу отъ Гунновъ; таково было побоище Турское, гдѣ вождь франкскій спасъ Западную Европу отъ Аравитянъ. Западная Европа была спасена отъ азіатцевъ, но восточная ея половина надолго еще оставалась открытою для ихъ нашествій; здѣсь въ половидѣ IX в. образовалось государство, которое должно было служить оплотомъ для Европы противъ Азіи; въ XIII в. этотъ оплотъ былъ, повидимому, разрушенъ; но основы европейскаго государства спаслись на отдаленномъ сѣверо-востокѣ; благодаря сохраненію этихъ основъ, государство и въ полтораста лѣтъ успѣло объединиться, окрѣпнуть,—Куликовская побѣда послужила доказательствомъ этой крѣпости; она была знакомъ торжества Европы надъ Азіею. Она имѣетъ въ исторіи Восточной Европы точно такое же значеніе, какое побѣды Каталонская и Турская имѣютъ въ исторіи Европы Западной, и носитъ одинаковый съ ними характеръ, характеръ страшнаго, кроваваго побоища, отчаяннаго столкновенія Европы съ Азіею, долженствовавшій рѣшить великій въ исторіи человѣчества вопросъ,—которой изъ этихъ частей свѣта восторжествовать надъ другою?—Таково всемірноисторическое значеніе Куликовской битвы; собственно въ русской исторіи она служила освященіемъ новому порядку вещей, начавшемуся и утвердившемуся на сѣверо-востокѣ.

Полтораста лѣтъ назадъ татарскія полчища встрѣтились впервые съ русскими князьями въ степи на берегахъ Калки; здѣсь была въ сборѣ южная Русь, которая носила преимущественно названіе Руси,

Digitized by Google

здѣсь было много храбрыхъ князей и богатырей, здѣсь былъ самый храбрый изъ князей—Мстиславъ Мстиславовичъ Торопецкій, но этотъ самый Мстиславъ завелъ распрю (котору) съ братьею и погубилъ войско. На сѣверѣ исполнилось то, чего такъ боялся отецъ Мстиславовъ: младшіе братья стали подручниками старшаго, великаго князя, и когда этотъ князь вывелъ ихъ противъ татаръ на берега Дона, то не было между ними никакихъ которъ, и побѣда осталась за Русью".

Содержаніе этой статьи ясно свидѣтельствуетъ, что авторъ ея задался цѣлію опредѣлить значеніе Куликовской битвы, совершившейся подъ предводительствомъ великаго князя Московскаго Димитрія Іоанновича Донскаго, на берегу Дона, въ 1380 году. На этомъ чисто отвлеченномъ положеніи Соловьевъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе, нисколько не касаясь самаго сраженія, какъ внѣшняго событія, происшедшаго въ указанное время. Сравнивая Куликовскую битву съ Каталонскимъ и Турскимъ сраженіями, онъ находитъ, что, какъ послѣднія спасли отъ азіатцевъ Европу Западную, такъ первая—избавила отъ нихъ Европу Восточную и тѣмъ доставила Европѣ окончательное господство надъ Азіею. Въ этомъ и заключается всемірно-историческое значеніе Куликовской битвы. Въ частности для Россіи Куликовское сраженіе имѣло то значеніе, что „служило освященіемъ новому порядку вещей", по которому „младшіе братья князья стали подручниками старшаго", т. е. способствовало объединенію Россіи подъ единодержавною властію московскаго великаго князя. Эти двѣ частныя, отвлеченныя мысли—всемірно-историческое значеніе Куликовской битвы и значеніе ея для Россіи и служатъ развитіемъ одной общей мысли—значеніе Куликовской битвы вообще. Такимъ образомъ, все данное произведеніе Соловьева имѣетъ дѣло исключительно съ внутренней стороною Куликовской битвы и состоитъ въ опредѣленіи помощью отвлеченныхъ соображеній ея значенія. Такой элементъ словесныхъ прозаическихъ сочиненій называется философскимъ отъ греческаго φιλοσοφικός—любомудрый, т. е. элементъ, стремящійся къ выясненію посредствомъ всевозможныхъ соображеній сущности того или другого предмета или явленія. Этимъ философскій элементъ существенно отличается отъ элемента описательно-историческаго, затрогивающаго преимущественно внѣшнюю сторону дѣйствительности. Такъ какъ міръ дѣйствительный всецѣло ограничивается сторонами внутреннею и внѣшнею, то и содержаніе прозы вполнѣ исчерпывается двумя упомянутыми элементами. Оба они рѣдко встрѣчаются въ прозаическихъ сочиненіяхъ въ своемъ чистомъ видѣ; обыкновенно же одинъ изъ нихъ только преобладаетъ надъ другимъ; на этомъ основывается дѣленіе прозаическихъ произведеній на двѣ большія группы: а) на сочиненія описательно-повѣствова-

Digitized by Google

тельныя съ преимуществомъ элемента описательно-повѣствовательнаго и b)—философскія съ господствующимъ элементомъ философскимъ. Есть, впрочемъ, и еще цѣлый разрядъ прозаическихъ твореній, извѣстный подъ именемъ сочиненій ораторскихъ, но послѣднія, какъ увидимъ ниже, отличаются отъ другихъ подобныхъ— главнымъ образомъ своею цѣлію, по характеру же содержанія они совмѣщаютъ въ себѣ, только въ гораздо большей степени, тѣ же описательно-повѣствовательный и философскій элементы прозы.

1. Описательно-историческія сочиненія.

Описательно-историческія сочиненія имѣютъ своимъ основаніемъ описаніе и разсказъ. Обыкновенно, обѣ эти стороны описательно-историческаго элемента соединяются въ одномъ и томъ же произведеніи, но непремѣнно съ преобладаніемъ той или другой изъ нихъ. Встрѣчаются и такія сочиненія, въ которыхъ почти исключительно господствуетъ описаніе—или разсказъ. Въ силу всего этого описательно-историческія произведенія распадаются на два отдѣла: a) описанія въ собственномъ, полномъ смыслѣ и b) собственно разсказъ или повѣствованіе.

Описаніе и его виды.

Понятіе объ описаніи на основаніи разбора сочиненія Карамзина „Рейнскій водопадъ“. Примѣромъ описанія въ собственномъ смыслѣ можетъ служить сочиненіе Карамзина:

Рейнскій водопадъ.

„Представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростію, и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разновидныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростію летящихъ одна за другою, міріадами подымаются вверхъ и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки ниспадающихъ волнъ: ревущій концертъ, оглушающій душу. Феноменъ дѣйствительно величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію, давало ей чувство и голосъ: она вѣщала мнѣ о чемъ-то неизглаголанномъ! Я наслаждался.... Долѣе часа стояли мы въ сей галереѣ, но это время по-

Digitized by Google

казалось мнѣ минутою. Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли, что составляетъ прекрасное, великолѣпное зрѣлище. Послѣ сильныхъ движеній, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на Цюрихскомъ берегу и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ срединѣ сего паденія возвышаются двѣ скалы, или два огромные камня, изъ которыхъ одинъ, не смотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимъ (подобно великому мужу, скажетъ стихотворецъ, непреклонному среди бѣдствій и щитомъ душевной твердости отражающему всѣ удары злаго рока), а другой камень едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крутомъ берегу представлялись мнѣ старый замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады и деревья: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ".

Основная мысль этого произведенія—видъ Рейнскаго водопада въ связи съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ имъ на автора. Она раскрывается съ трехъ сторонъ, по числу тѣхъ мѣстъ, съ которыхъ писатель наблюдалъ водопадъ: 1) видъ Рейнскаго водопада съ галлереи на лѣвомъ берегу рѣки Рейна, 2) видъ его при переѣздѣ черезъ Рейнъ и 3) видъ съ праваго Цюрихскаго берега. Сообразно съ этимъ и все сочиненіе раздѣляется на три соотвѣтствующія части. Указаніе впечатлѣнія, полученнаго авторомъ отъ Рейнскаго водопада, помѣщено вслѣдъ за первымъ отдѣломъ сочиненія, потому-что видъ водопада съ лѣваго берега рѣки вызвалъ въ душѣ Карамзина особенно сильныя движенія. Каждая изъ трехъ частей произведенія состоитъ въ перечисленіи признаковъ даннаго вида водопада; въ частности признаки эти слѣдующіе: во-первыхъ,—съ лѣвой стороны рѣки при мѣстечкѣ Лауфенъ—1) быстрота и шумъ паденія воды съ высочайшей гранитной преграды внизъ; 2) превращеніе ея при своемъ паденіи въ бѣлую кипящую пѣну; 3) млечныя облака влажной поднимающейся вверхъ пыли отъ брызговъ быстро летящихъ одна за другою волнъ; во-вторыхъ,—при переѣздѣ черезъ Рейнъ—безчисленныя радуги въ водяной пыли отъ солнечныхъ лучей; и въ-третьихъ,—съ праваго Цюрихскаго берега рѣки: 1) высота каменной стѣны, съ которой низвергается Рейнъ, 2) два огромные камня въ срединѣ паденія и 3) окрестные предметы: старый замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады и деревья. Всѣ эти признаки, группируясь по тремъ указаннымъ пунктамъ, вполнѣ исчерпываютъ особенности Рейнскаго водопада. Такимъ образомъ, въ разсматриваемомъ произведеніи Карамзина во-первыхъ—исчислены всѣ признаки Рейнскаго водопада, исчерпывающіе его со всѣхъ сторонъ, а во вторыхъ—признаки эти рас-

Digitized by Google

положены въ опредѣленномъ порядкѣ, соотвѣтственно тѣмъ точкамъ зрѣнія, съ которыхъ Карамзинъ наблюдалъ водопадъ. Подобнымъ образомъ можно исчислить и отличительныя свойства того или иного явленія. Слѣдовательно, *описаніемъ называется такое сочиненіе, въ которомъ указываются признаки предмета или свойства явленія, расположенные въ строго послѣдовательномъ порядкѣ, сообразно съ точкою зрѣнія автора на самый предметъ или явленіе.*

Главная и второстепенная части описанія. Описывая Рейнскій водопадъ, Карамзинъ говоритъ и о томъ впечатлѣніи, какое произвелъ на него видъ этого водопада, равно какъ и объ окрестныхъ предметахъ, дополняющихъ прекрасную картину водопада. По отношенію къ свойствамъ самого водопада то и другіе составляютъ нѣчто менѣе важное, безъ чего водопадъ самъ по себѣ нисколько не измѣнился-бы. Такіе признаки предмета называются несущественными, второстепенными, а потому и часть сочиненія, содержащая въ себѣ ихъ перечень, носитъ названіе части второстепенной. Отсюда *въ содержаніи описанія необходимо различать двѣ части: главную,—описывающую самый предметъ, и второстепенную,—указывающую на отношеніе его къ предметамъ окружающимъ, къ мѣсту и времени, къ личности автора.*

Порядокъ расположенія признаковъ въ описаніи. Перечисляя признаки Рейнскаго водопада, Карамзинъ ставитъ ихъ въ зависимость отъ тѣхъ мѣстъ, съ которыхъ ему приходилось наблюдать водопадъ На этомъ у него и основывается порядокъ описанія. Но часто послѣдовательность описанія обусловливается и другими точками зрѣнія. Такъ, указываютъ свойства предмета, руководясь порядкомъ времени—года или дня: состояніе предмета весною, лѣтомъ, осенью и зимою; утромъ, днемъ, вечеромъ и ночью, таково, напримѣръ, вышеприведенное сочиненіе Тургенева, гдѣ авторъ беретъ утро, полдень и вечеръ погодливаго іюльскаго дня. Излагаютъ признаки предмета въ порядкѣ слѣдованія самыхъ частей его, такъ, напр. поступилъ Кузнецовъ, описавъ Днѣпръ сообразно съ его теченіемъ. Наконецъ, слѣдуютъ своимъ личнымъ воззрѣніямъ на предметъ, разсматривая его со стороны пользы, вреда, красоты и т. п., каково, напр. произведеніе „Лѣсъ“ Аксакова, гдѣ писатель говоритъ о лѣсѣ, какъ о красѣ природы.

Описанія ученыя и художественныя и различіе между ними на основаніи сравненія образцовъ—„Днѣпръ“ Кузнецова и „Днѣпръ“ Гоголя. Различными точками зрѣнія автора на описываемый предметъ объясняется разнообразный характеръ описаній, но содержаніе послѣднихъ много

Digitized by Google

зависитъ и отъ способа или пріема при указаніи признаковъ предметовъ или явленій, опредѣляемаго тою или другою цѣлію писателя. Сравнимъ съ этой стороны два описанія: „Днѣпръ“ по географіи Кузнецова и „Днѣпръ“ Гоголя. Какъ извѣстно, Кузнецовъ, избравши предметомъ своего сочиненія „Днѣпръ“, задался мыслію познакомить читателя со всѣми главными свойствами Днѣпра. Онъ указываетъ на дѣленіе Днѣпра на три части или теченія—верхнее, среднее и нижнее, на ихъ отличительныя особенности, на длину всей рѣки, на ея ширину и глубину въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на заборы и пороги, затрудняющіе судоходство по Днѣпру, и, наконецъ, на особенно важное значеніе Днѣпра для большей части западной и южной Россіи. Все это существенные признаки Днѣпра, безъ которыхъ онъ въ своемъ настоящемъ состояніи былъ бы совершенно немыслимъ, и которые поэтому даютъ о немъ вѣрное, ясное и точное понятіе, какъ о самой важной рѣкѣ южной покатости. *Такое описаніе, которое знакомитъ лишь съ существенными свойствами предметовъ или явленій, доставляя о тѣхъ и другихъ возможно вѣрное, ясное и точное понятіе, называется ученымъ, научнымъ, простымъ.*

Иной отпечатокъ носитъ описаніе Днѣпра у Гоголя.

„Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ. Глядишь и не знаешь—идетъ или не идетъ его величивая ширина, и чудится, будто весь вылитъ изъ стекла и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стекляныхъ водъ и прибрежнымъ лѣсамъ ярко освѣтиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся, вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами, къ водамъ и, наклонившись, глядятъ на нихъ и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются къ нему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями. Въ средину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть; никто, кромѣ солнца и голубаго неба, не глядитъ въ него. Рѣдкая птица долетитъ до средины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ.

Чуденъ Днѣпръ и при теплой лѣтней ночи, когда все засыпаетъ: и человѣкъ, и звѣрь, и птица, а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды. Звѣзды горятъ и свѣтятся надъ міромъ и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ. Ни одна не убѣжитъ отъ него; развѣ погаснетъ на небѣ. Черный лѣсъ, унизанный спящими воронами, и древле-разломанныя горы, свѣсясь, силятся закрыть его хотя длинною тѣнью своей, напрасно! Нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ. Синій, синій, ходитъ онъ плавнымъ разливомъ и средь ночи, какъ средь дня, виденъ за столько въ даль, на сколько видѣть можетъ человѣчье око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ

Digitized by Google

отъ ночнаго холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской сабли, а онъ, синій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ и нѣтъ рѣки, равной ему въ мірѣ!

Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ, и молнія, взламываясь между тучъ разомъ освѣтитъ цѣлый міръ—страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются въ дали. Такъ убивается старая мать казачка, провожая своего сына въ войско. Разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбоченившись и молодецки заломивъ шапку, а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки, и заливается горючими слезами."

При тождествѣ описываемаго предмета, Гоголь задался совсѣмъ другою цѣлію—представить Днѣпръ подъ вліяніемъ полученнаго отъ него впечатлѣнія. Вслѣдствіе этого все описаніе Гоголя состоитъ изъ указанія чисто случайныхъ, внѣшнихъ признаковъ Днѣпра, общихъ ему съ очень многими рѣками, но такихъ, которые, всецѣло передавая впечатлѣніе автора, вмѣстѣ съ тѣмъ рисуютъ передъ нами цѣлую художественную картину Днѣпра въ разное время и при различныхъ условіяхъ: днемъ въ тихую, ясную погоду, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, въ теплую лѣтнюю ночь при звѣздномъ небѣ и во время бури. *Такое описаніе, которое знакомитъ съ предметомъ или явленіемъ подъ вліяніемъ вызываемыхъ ими впечатлѣній, представляя, какъ можно живописнѣе, самые предметы или явленія и при томъ безъ строгаго разграниченія ихъ существенныхъ и несущественныхъ признаковъ, называется художественнымъ.* Этимъ оно и отличается отъ описанія научнаго или простого, какъ полагающаго своею задачею дать о предметѣ или явленіи возможно правильное, ясное и точное понятіе и потому имѣющаго дѣло преимущественно съ ихъ существенными качествами. Слѣдовательно, *по способу или пріему при указаніи признаковъ предметовъ и явленій описанія бываютъ научныя или простыя и художественныя.*

Понятіе о путешествіяхъ на основаніи разбора „Путешествія въ Арзерумъ" Пушкина. Къ разряду описаній, составляющихъ впрочемъ переходную ступень къ собственно повѣствованіямъ, относятся путешествія. Остановимъ свое вниманіе на отрывкѣ изъ „Путешествія въ Арзерумъ" Пушкина.

„Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за десять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это снѣжныя вершины кавказской цѣпи.

Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ я большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, наскоро построенныхъ. Источники, большею частію въ первобытномъ

Digitized by Google

своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпныя ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липами, проведенъ по склоненію Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленыя лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. Ключи обдѣланы, выложены камнемъ; на стѣнахъ ваннъ прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, красивость....

Признаюсь, Кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей, но мнѣ было жаль ихъ прежняго, дикаго состоянія: мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми, бывало, я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усѣялось милліонами звѣздъ; я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь, бывало, сиживалъ со мною А. Р., прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бештy чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ...

На другой день мы отправились далѣе и прибыли въ Екатериноградъ, бывшій нѣкогда намѣстническимъ городомъ.

Съ Екатеринограда начинается военная грузинская дорога; почтовый трактъ прекращается. Нанимаютъ лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю, и проѣзжіе къ ней присоединяются: это называется оказіей. Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро въ 9 часовъ мы были готовы отправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ пятисотъ человѣкъ или около. Пробили въ барабанъ. Мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжающихъ изъ одной крѣпости въ другую; за ними заскрипѣлъ обозъ двуколесныхъ аробъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали ногайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился, и солдаты раскуривали имъ трубки. Медленность нашего похода (въ первый день мы прошли только 15 верстъ), несносная жара, недостатокъ припасовъ, безпокойные ночлеги, наконецъ, безпрерывный скрипъ ногайскихъ аробъ выводили меня изъ терпѣнія. Татары тщеславятся этимъ скрипомъ, говоря, что они разъѣзжаютъ, какъ честные люди, не имѣщіе нужды укрываться. На сей разъ пріятнѣе было бы мнѣ путешествовать не въ столь почетномъ обществѣ. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба—вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнулъ бы въ старину не разбѣгаясь, съ пушками, не стрѣлявшими со временъ графа Гудовича, съ валомъ, по которому бродитъ гарнизонъ куриць и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока.

Digitized by Google

Первое замѣчательное мѣсто есть крѣпость Минаретъ. Приближаясь къ ней, нашъ караванъ ѣхалъ по прелестной долинѣ, между курганами, обросшими липой и чинаромъ. Это могилы нѣсколькихъ тысячъ умершихъ чумою. Пестрѣлись цвѣты, порожденные зараженнымъ пепломъ. Справа сіялъ снѣжный Кавказъ; впереди возвышалась огромная лѣсистая гора; за нею находилась крѣпость; кругомъ ея видны слѣды разореннаго аула, называвшагося Татартубомъ и бывшаго нѣкогда главнымъ въ большой Кабардѣ. Легкій, одинокій минаретъ свидѣтельствуетъ о бытіи исчезнувшаго селенія. Онъ стройно возвышается между грудами камней, на берегу изсохшаго потока; внутренняя лѣстница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, съ которой уже не раздается голосъ муллы. Тамъ нашелъ я нѣсколько неизвѣстныхъ именъ, нацарапанныхъ на кирпичахъ славолюбивыми путешественниками.

Дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тянулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползали чуть видныя стада и казались насѣкомыми. Мы различали и пастуха, быть можетъ, русскаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и состарѣвшагося въ неволѣ. Мы встрѣтили еще курганы, еще развалины. Два-три надгробныхъ памятника стояло на краю дороги. Тамъ, по обычаю Черкесовъ, похоронены ихъ наѣздники. Татарская надпись, изображеніе шашки, танга, изсѣченная на камнѣ, оставлены хищнымъ внукамъ въ память хищнаго предка.

Черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ, аулы ихъ разорены, цѣлыя племена уничтожены. Они часъ отъ часу далѣе углубляются въ горы и оттуда направляютъ свои набѣги. Дружба мирныхъ Черкесовъ ненадежна: они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. Духъ дикаго ихъ рыцарства замѣтно упалъ. Они рѣдко нападаютъ въ равномъ числѣ на казаковъ, никогда на пѣхоту и бѣгутъ, завидя пушку. За то никогда не пропустятъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. Здѣшняя сторона полна молвой объ ихъ злодѣйствахъ. Почти нѣтъ никакого способа ихъ усмирить, пока ихъ не обезоружатъ, какъ обезоружили Крымскихъ татаръ, что чрезвычайно трудно исполнить, по причинѣ господствующихъ между ними наслѣдственныхъ распрей и мщенія крови. Кинжалъ и шашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели лепетать. У нихъ убійство— простое тѣлодвиженіе. Плѣнниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ ними съ ужаснымъ безчеловѣчіемъ: заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, когда вздумается, и приставляютъ къ нимъ для стражи своихъ мальчишекъ, которые за одно слово въ правѣ ихъ изрубить своими дѣтскими шашками. Недавно поймали мирнаго Черкеса, выстрѣлившаго въ солдата. Онъ оправдывался тѣмъ, что ружье его слишкомъ долго было заряжено. Что дѣлать съ таковымъ народомъ? Должно однакожъ надѣяться, что пріобрѣтеніе восточнаго края Чернаго моря, отрѣзавъ Черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудитъ ихъ съ нами сблизиться. Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укрощенію: самоваръ былъ

Digitized by Google

бы важнымъ нововведеніемъ. Есть средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе Евангелія. Черкесы очень недавно приняли магометанскую вѣру. Они были увлечены дѣятельнымъ фанатизмомъ апостоловъ корана, между коими отличался Мансуръ, человѣкъ необыкновенный, долго возмущавшій Кавказъ противу русскаго владычества, наконецъ схваченный нами и умершій въ Соловецкомъ монастырѣ. Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ. Но тщетно въ замѣну слова живаго выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не знающимъ грамоты.

Мнѣ предстоялъ переходъ чрезъ невысокія горы, естественную границу Карскаго пашалыка. Небо покрыто было тучами; я надѣялся, что вѣтеръ, который часъ отъ часу усиливался, ихъ разгонитъ. Но дождь сталъ накрапывать и шелъ все крупнѣе и чаще. Отъ Пернике до Гумровъ считается 27 верстъ. Я затянулъ ремни моей бурки, надѣлъ башлыкъ на картузъ и поручилъ себя провидѣнію.

Прошло болѣе двухъ часовъ. Дождь не переставалъ. Вода ручьями лилась съ моей отяжелѣвшей бурки и съ башлыка, напитаннаго дождемъ. Наконецъ холодная струя начала пробираться мнѣ за галстухъ, и вскорѣ дождь меня промочилъ до послѣдней нитки. Ночь была темная; казакъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу. Мы стали подыматься на горы. Между тѣмъ дождь пересталъ, и тучи разсѣялись. До Гумровъ оставалось верстъ десять. Вѣтеръ, дуя на свободѣ, былъ такъ силенъ, что въ четверть часа высушилъ меня совершенно. Я не думалъ избѣжать горячки. Наконецъ я достигнулъ Гумровъ около полуночи. Казакъ привезъ меня прямо къ посту. Мы остановились у палатки, куда спѣшилъ я войти. Тутъ нашелъ я двѣнадцать казаковъ, спящихъ одинъ возлѣ другаго. Мнѣ дали мѣсто: я повалился на бурку, не чувствуя самъ себя отъ усталости. Въ этотъ день проѣхалъ я 75 верстъ. Я заснулъ, какъ убитый.

Казаки разбудили меня на зарѣ. Первою моею мыслію было, не лежу-ли я въ лихорадкѣ, но почувствовалъ, что, слава Богу, былъ здоровъ; не было слѣда не только болѣзни, но и усталости. Я вышелъ изъ палатки на свѣжій утренній воздухъ. Солнце восходило. На ясномъ небѣ бѣлѣла снѣговая, двуглавая гора. Что за гора? спросилъ я, потягиваясь, и услышалъ въ отвѣтъ: это Араратъ. Какъ сильно дѣйствіе звуковъ! Жадно глядѣлъ я на библейскую гору, видѣлъ ковчегъ, причалившій къ ея вершинѣ съ надеждой обновленія и жизни, и врана и голубицу излетающихъ, символы казни и примиренія.

Лошадь моя была готова. Я поѣхалъ съ проводникомъ. Утро было прекрасно. Солнце сіяло. Мы ѣхали по широкому лугу, по густой зеленой травѣ, орошенной росою и каплями вчерашняго дождя. Передъ нами блистала рѣчка, черезъ которую должны мы были переправиться. Вотъ и Арпачай! сказалъ мнѣ казакъ. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное; съ дѣтскихъ лѣтъ путешествія были моею люби-

Digitized by Google

мою мечтою. Долго велъ я потомъ жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по сѣверу, и никогда еще не вырывался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело въѣхалъ въ завѣтную рѣку, и добрый конь вынесъ меня на турецкій берегъ. Но этотъ берегъ былъ уже завоеванъ: я все еще находился въ Россіи!"

Въ этомъ отрывкѣ авторъ касается цѣлаго ряда разнородныхъ предметовъ. Сначала онъ указываетъ видъ изъ Ставрополя снѣжныхъ вершинъ кавказской цѣпи, сравнивая ихъ съ облаками, затѣмъ описываетъ Горячія воды близъ Георгіевска, проводя параллель между теперешнимъ и прежнимъ ихъ состояніемъ, на возвратномъ пути въ Георгіевскъ упоминаетъ о звѣздной ночи, о величавомъ Бешту, прекрасно рисовавшемся въ отдаленіи съ окружавшими его горами, о нѣкоемъ А. Р., когда-то прежде часто сиживавшемъ съ нимъ на берегу рѣки Подкумка и прислушивавшемся къ мелодіи ея водъ. Съ Екатериноградa начинается военная грузинская дорога, и Пушкинъ знакомитъ читателя съ этой дорогой: объясняетъ, что называется оказіей, какъ она совершается, и какъ ею тщеславятся татары, находя въ скрипѣ аробъ доказательство того, „что они разъѣзжаютъ, какъ честные люди, не имѣющіе нужды укрываться," перечисляетъ попадавшіяся на пути крѣпости, особенно останавливаясь на первой замѣчательной крѣпости Минаретъ. Увидавши въ горахъ два-три надгробныхъ черкесскихъ памятника и пастуха съ стадами, Пушкинъ допускаетъ предположеніе, что пастухъ этотъ, можетъ быть, русскій, нѣкогда взятый въ плѣнъ черкесами и состарѣвшійся въ неволѣ. По этому поводу онъ распространяется о черкесахъ, объ отношеніи ихъ къ русскимъ, объ ихъ нравахъ и обычаяхъ, о суровомъ обращеніи ихъ съ плѣнными, о жестокости ихъ вообще, приводя въ подтвержденіе послѣдній недавній случай, какъ одинъ мирный черкесъ, выстрѣлившій въ солдата и пойманный, оправдывался тѣмъ, что ружье его слишкомъ долго было заряжено. При этомъ Пушкинъ предлагаетъ и средство къ украшенію черкесовъ: это пріобрѣтеніе восточнаго края Чернаго моря и проповѣданіе Евангелія, прибавляя, что черкесы недавно приняли магометанство, чему особенно способствовалъ проповѣдникъ магометанства Мансуръ. Наконецъ, онъ говоритъ о своемъ путешествіи отъ Пернике до Гумровъ и о впечатлѣніи при видѣ священной горы Арарата и прежде бывшей пограничной рѣки Арпачая. Всѣ эти предметы, разнообразясь между собою, придаютъ и содержанію путешествія въ высшей степени разнообразный характеръ. Отсюда *разнообразіе содержанія составляетъ первую отличительную черту путешествія*: въ немъ авторъ можетъ касаться природныхъ особенностей той или другой страны, ея жителей, промысла, нравовъ, обычаевъ и степени ихъ развитія, отношенія ихъ къ сосѣднимъ

Digitized by Google

народамъ, ихъ прежней жизни, можетъ передавать свои впечатлѣнія, вызванныя тѣмъ или другимъ предметомъ, и т. п., необходимо только, чтобы все это было запечатлѣно строгою истинностію. *По разнообразію своего содержанія путешествія называются еще сложными описаніями.*

Затрогивая различные предметы, случайно попадавшіеся на пути, и говоря многое лишь по тому или другому поводу, Пушкинъ, естественно, не могъ представить полное, основательное изложеніе всего, что занимало его. Объ однихъ предметахъ онъ только упоминаетъ, напр. о Ставрополѣ, Георгіевскѣ, Екатериноградѣ, о другихъ говоритъ какъ бы вскользь, напр. о горѣ Бешту съ окружающими его горами, о вершинахъ Кавказа, о придорожныхъ надгробныхъ памятникахъ черкесовъ, объ иныхъ же распространяется подробнѣе и обстоятельнѣе, напр. о Горячихъ водахъ близъ Георгіевска, объ оказіи по военной грузинской дорогѣ, о жизни черкесовъ и т. п. Вслѣдствіе этого у него нѣтъ строгой обстоятельности, полноты и законченности при указаніи особенностей отдѣльныхъ предметовъ и соразмѣрности при описаніи различныхъ. *Отсутствіе строгой обстоятельности, полноты и законченности при перечисленіи признаковъ отдѣльныхъ предметовъ и соразмѣрности при описаніи различныхъ—второе отличительное свойство путешествій. По данному признаку путешествія часто носятъ названіе очерковъ* Исключеніемъ являются здѣсь путешествія, предпринимаемыя съ какою-либо научною цѣлію. Они содержатъ въ себѣ подробное и обстоятельное изложеніе избранныхъ предметовъ, таковы, напр. „Путешествіе въ Китай“. 1853 г. Е. П. Кавалевскаго, отличающееся научнымъ характеромъ; „Италія. Письма изъ Венеціи, Рима и Неаполя“ Яковлева. Спб. MDCCCLX,“ обозрѣвающія преимущественно памятники искусства; „Путешествіе по Сѣверо-Американскимъ штатамъ“ А. Лакіера. Спб. 1859, главнымъ образомъ описывающее учрежденія и внутренній бытъ страны, и др., но какъ такія, путешествія съ подобнымъ содержаніемъ скорѣе должны быть отнесены къ разряду сочиненій ученыхъ.

Въ разсматриваемомъ произведеніи Пушкинъ не слѣдуетъ одному строго выдержанному плану. Предметы чередуются у него сообразно съ временемъ и мѣстомъ самаго путешествія. Находится авторъ въ Ставрополѣ и заводитъ рѣчь о снѣжныхъ вершинахъ Кавказской цѣпи, замѣчаемыхъ изъ Ставрополя, посѣщаетъ Горячія воды и говоритъ о Горячихъ водахъ, ѣдетъ по военной грузинской дорогѣ и описываетъ эту дорогу и т. д. Въ этомъ отношеніи путешествіе Пушкина *представляетъ видъ дневника*, гдѣ авторъ въ самой простой, общедоступной формѣ записываетъ все видѣнное,

Digitized by Google

слышанное и испытанное имъ въ извѣстный день. При этомъ описанія прерываются разсказами, размышленіями, историческими замѣчаніями, личными впечатлѣніями писателя и т. п. *Хронологическій и мѣстный порядокъ описанія, отсутствіе строгой—логической послѣдовательности и простота формы изложенія служатъ третьею выдающеюся особенностію путешествій.* На основаніи послѣдняго признака путешествія и получили свое названіе путешествій, т. е. изложеній въ общедоступной формѣ всего того, что встрѣчается человѣку при его шествіи по пути. Въ этомъ смыслѣ путешествія называются путевыми записками. Часто путешествія составляются еще въ формѣ писемъ и тогда получаютъ соотвѣтствующее названіе, напр. „Письма русскаго путешественника" Карамзина, гдѣ авторъ въ письмахъ излагаетъ все видѣнное, слышанное и испытанное имъ во время поѣздки въ Германію, Швейцарію, Францію и Англію.

Такимъ образомъ, *путешествіемъ называется такое описательно-повѣствовательное сочиненіе, въ которомъ авторъ сжато и сокращенно, въ порядкѣ времени и мѣста и при томъ въ общедоступной формѣ передаетъ все видѣнное, слышанное и испытанное имъ во время своего пути.*

Значеніе путешествій. Изъ всѣхъ видовъ прозаическихъ сочиненій путешествія даютъ самое образовательное и занимательное чтеніе. Разнообразныя по содержанію и общедоступныя по изложенію, они доставляютъ богатѣйшій матеріалъ для громаднаго большинства всякаго рода читателей.—И человѣкъ научно образованный и обыкновенный смертный, берущійся за книгу изъ одной любознательности, найдутъ въ нихъ многое для себя подходящее. Вмѣстѣ съ историческими очерками, касающимися той или другой страны, личности, того или иного событія, съ указаніемъ быта, нравовъ и вѣрованій извѣстнаго народа, съ описаніемъ памятниковъ науки, искусства и тому подобными чисто научными данными, важными преимущественно для ученаго изслѣдователя, въ путешествіяхъ часто попадаются и прекрасныя описанія природы, политическія замѣтки, торговыя и промышленныя свѣдѣнія, впечатлѣнія автора, анекдотическіе разсказы и многое другое въ такомъ родѣ, интересное для самой пестрой толпы людей заурядныхъ. Все это, чередуясь между собою въ различной послѣдовательности, доставляетъ читающему самыя разнообразныя знанія. Постоянно переходя отъ одного предмета къ другому и встрѣчая на каждомъ шагу все новое и новое, читатель невольно увлекается содержаніемъ и въ то же время не утомляетъ и своего вниманія. Вотъ почему путешествія всегда читаются съ большею охотою и большимъ числомъ

Digitized by Google

читателей, чѣмъ другія серьезныя сочиненія, какъ это видимъ, напр. изъ отчетовъ публичныхъ библіотекъ Англіи, Франціи и Германіи. По тому же самому путешествія съ давнихъ поръ составляли любимѣйшее чтеніе и нашихъ соотечественниковъ. Древнѣйшимъ памятникомъ путешествій у насъ въ Россіи считается „Паломникъ (названный такъ отъ пальмовой вѣтви, приносимой, обыкновенно, путешественниками изъ святой земли) или хожденіе въ Іерусалимъ Игумена Даніила," относящійся къ XII в. и отличающійся исключительно религіознымъ характеромъ, гдѣ авторъ излагаетъ все видѣнное, слышанное и испытанное имъ во святой землѣ—Палестинѣ.

Повѣствованіе и его виды.

Понятіе о повѣствованіи на основаніи разбора сочиненія Карамзина „Битва на Куликовомъ полѣ."

Предметы и явленія міра дѣйствительнаго, существуя въ данное время, имѣютъ свое начало и конецъ. Человѣкъ, животное, растеніе рождаются, живутъ извѣстный періодъ времени, претерпѣваютъ тѣ или другія перемѣны и умираютъ, уступая мѣсто другому человѣку, другому животному, другому растенію. То же повторяется съ цѣлыми человѣческими обществами, съ цѣлыми народами. Все, такимъ образомъ, измѣняется, развивается, имѣетъ свою исторію. Подобно тому, какъ состояніе предмета и явленія въ одинъ опредѣленный моментъ служитъ содержаніемъ сочиненій описательныхъ, и перемѣны, происходящія съ предметомъ и явленіемъ, подлежатъ изслѣдованію. Указаніе этихъ перемѣнъ и составляетъ сущность произведеній собственно-повѣствовательныхъ. Вотъ, напр. повѣствованіе Карамзина: „Битва на Куликовомъ полѣ".

„6-го сентября войско наше приблизилось къ Дону, и князья разсуждали съ боярами, тамъ ли ожидать моголовъ или идти далѣе. Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій шведовъ. Еще и другое, важнѣйшее обстоятельство было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ. Великій князь рѣшился и, къ одобренію своему, получилъ отъ св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ татарскими и гнали ихъ. Димитрій собралъ воеводъ и, сказавъ имъ: „часъ суда Божія наступаетъ!" 7-го сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго брода для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся;

Digitized by Google

войско перешло за Донъ и стало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Димитрій устроилъ всѣ полки къ битвѣ. Стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, слыша всеобщія громогласныя восклицанія: „Боже, даруй побѣду государю нашему!“ и вообразивъ, что многія тысячи сихъ добрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна и, простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на черномъ знамени великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію, сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами, милыми братьями, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцомъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ друга и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностью служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку; усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. „Долгъ князя“, говорили они, „смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть, а ты, государь любимый, живи и передай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды“. Но Димитрій отвѣтствовалъ: „Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу-ли сказать вамъ: братья! умремъ за отечество! Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ“. Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію: громогласно читая псаломъ: „Богъ намъ прибѣжище и сила“, первый ударилъ на враговъ и бился мужественно, какъ рядовой воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилась кровь христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ россіяне тѣснили моголовъ, индѣ моголы россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ, нѣкоторые московскіе неопытные юноши, думая, что все погибло, обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ большимъ или княжескимъ знаменамъ и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. Насталъ десятый часъ дня: сей Димитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечъ и сказалъ Владиміру: „теперь наше время!“ Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на моголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги, изумленные, разсѣянные, не могли противиться новому строю войска, свѣжаго, бодраго, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на

Digitized by Google

кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: „великъ Богъ христіанскій!“ и бѣжалъ вслѣдъ за другими. Полки россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями.

Мужественный князь Владиміръ, герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ на костяхъ, или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: „гдѣ братъ мой и первоначальникъ нашей славы?“ Никто не могъ дать о немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ, воеводы разсѣялись искать его, живаго или мертваго; долго не находили; наконецъ два воина увидѣли великаго князя, лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ, но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, князья, чиновники, преклонили колѣна, воскликнувъ единогласно: „Государь! ты побѣдилъ враговъ!“ Димитрій всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена христіанскія надъ трупами моголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность Небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа и не чувствуя изнуренія силъ. Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровію невѣрныхъ: Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостію подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій, провожаемый князьями и боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество россіянъ, но вчетверо болѣе непріятелей, такъ что, по сказанію нѣкоторыхъ историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухъ сотъ тысячъ. Князья бѣлозерскіе Ѳедоръ и сынъ его Іоаннъ, тарусскіе Ѳедоръ и Мстиславъ, дорогобужскій Димитрій Монастыревъ, первостепенные бояре: Симеонъ Михайловичъ, сынъ тысяцкаго Николай Васильевичъ, внукъ Акинѳовъ Михаилъ, Андрей Серкизъ, Волуй, Бренко, Левъ Морозовъ и многіе другіе положили головы за отечество, а въ числѣ ихъ и Сергіевъ инокъ, Александръ Пересвѣтъ, о коемъ пишутъ, что онъ еще до начала битвы палъ въ единоборствѣ съ печенѣгомъ, богатыремъ Мамаевымъ, сразивъ его съ коня и вмѣстѣ съ нимъ испустивъ духъ; кости его и другаго Сергіева священновитязя, Ослаби, покоятся донынѣ близъ монастыря Симонова. Останавливаясь надъ трупами мужей знаменитѣйшихъ, великій князь платилъ имъ дань слезами умиленія и хвалою; наконецъ, окруженный воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за оказанное мужество, обѣщая наградить каждаго по достоинству, и велѣлъ хоронить тѣла россіянъ. Послѣ въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ, онъ уставилъ праздновать вѣчно ихъ память въ субботу Дмитровскую, доколѣ существуетъ Россія“.

Digitized by Google

Въ этомъ сочиненіи Карамзинъ разсказываетъ о битвѣ и побѣдѣ русскихъ надъ татарами въ 1380-мъ году на Куликовомъ полѣ. Сначала онъ излагаетъ то, что было раньше сраженія— шестого, седьмого и утромъ восьмого сентября. Здѣсь указаны слѣдующія обстоятельства: а)—шестого сентября: приближеніе Русскаго войска къ Дону, совѣтъ князей съ боярами относительно перехода черезъ Донъ, рѣшеніе великаго князя перейти Донъ,— б) седьмого сентября: приготовленіе къ переходу черезъ Донъ; с) восьмого сентября: переправа войска черезъ Донъ, расположеніе его на берегахъ Непрядвы и устройство къ битвѣ, молитва великаго князя за христіанъ и Россію и его смотръ войскамъ передъ сраженіемъ, появленіе непріятеля на Куликовомъ полѣ, постепенное сближеніе враждебныхъ войскъ, великодушіе великаго князя, рѣшившагося лично начать бой въ передовомъ полку. Далѣе говорится о главныхъ обстоятельствахъ—самомъ сраженіи: начало битвы великимъ княземъ Димитріемъ, поперемѣнный успѣхъ татаръ и русскихъ, минутная робость москвичей, перевѣсъ на сторонѣ татаръ: стремленіе ихъ завладѣть княжескими знаменами и защита послѣднихъ велико-княжескою дружиною; положеніе засаднаго отряда подъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича и нападеніе этого отряда въ рѣшительную минуту на непріятелей, пораженіе татаръ, ихъ бѣгство и преслѣдованіе русскими войсками до рѣки Мечи. Наконецъ слѣдуетъ разсказъ о происшествіяхъ, случившихся непосредственно послѣ сраженія: съѣздъ князей и полководцевъ къ князю Владиміру Андреевичу, отсутствіе великаго князя Димитрія Іоанновича, поиски и обрѣтеніе его живымъ подъ срубленнымъ деревомъ, всеобщая радость войска и полководцевъ, осмотръ Куликовскаго поля (поля сраженія) Димитріемъ въ сопровожденіи князей и бояръ, павшіе въ битвѣ, благодарность великаго князя воинамъ за оказанное мужество и обѣщаніе наградить каждаго по достоинству, погребеніе павшихъ въ сраженіи русскихъ и установленіе въ знакъ признательности къ убіеннымъ вѣчнаго празднованія ихъ памяти въ Дмитровскую субботу. Такимъ образомъ, все повѣствованіе Карамзина представляетъ собою рядъ обстоятельствъ или происшествій, случившихся въ цѣлый промежутокъ времени (отъ шестого до восьмого сентября включительно) и проявившихся въ различнаго рода дѣйствіяхъ. *Изложеніе обстоятельствъ или происшествій, какъ цѣлаго ряда смѣняющихся въ извѣстный промежутокъ времени дѣйствій, первая и вмѣстѣ главная особенность повѣствовательныхъ сочиненій.*

Передавая обстоятельства Куликовской битвы, Карамзинъ прежде всего располагаетъ ихъ въ томъ порядкѣ времени, въ какомъ они

Digitized by Google

произошли въ дѣйствительности. Сначала онъ говоритъ о событіяхъ, предшествовавшихъ сраженію, затѣмъ о самомъ сраженіи и наконецъ о томъ, что было послѣ сраженія. При изложеніи происшествій, предшествовавшихъ сраженію, прежде указано то, что было шестого сентября, потомъ седьмого и наконецъ утромъ восьмого,—та же послѣдовательность соблюдена и далѣе—до самаго конца повѣствованія *Такой способъ передачи обстоятельствъ, при которомъ имѣется въ виду послѣдовательность ихъ во времени, называется хронологическимъ* (отъ греческаго χρόνος время и λόγος слово), т. е. слово, повѣствованіе о чемъ-либо по порядку времени. Развивая далѣе подробности Куликовской битвы Карамзинъ ставитъ ихъ и въ другого рода соотношеніе. Переходу, напр. русскихъ войскъ черезъ Донъ у него предшествуетъ подробный разсказъ о совѣтѣ князей съ боярами относительно переправы. Совѣщаніе имѣло рѣшающее значеніе: отъ того или иного его постановленія зависѣло перейти или неперейти Донъ,—переходъ русскаго войска за Донъ является поэтому слѣдствіемъ предыдущаго совѣта, а самый совѣтъ—его причиною,—значитъ, оба данныя обстоятельства находятся между собою и въ причинной зависимости. Послѣдняя, именно, и состоитъ въ указаніи внутренней связи между событіями, въ объясненіи условій, вызвавшихъ то или другое обстоятельство, въ опредѣленіи слѣдствій, къ которымъ привело или могло привести оно, словомъ—въ обстоятельномъ уясненіи истиннаго смысла затрогиваемаго происшестія. *Хронологическая и причинная послѣдовательность изложенія обстоятельствъ или происшествій—вторая существенная принадлежность сочиненій повѣствовательныхъ.*

Причинною связью или послѣдовательностію, обыкновенно, въ повѣствованіи опредѣляется выборъ частныхъ происшествій по отношенію къ главному и степень ихъ подробности. Такъ, Карамзинъ особенно долго останавливается на совѣщаніи князей съ боярами относительно переправы черезъ Донъ, на поведеніи великаго князя Димитрія Іоанновича, на общемъ религіозномъ настроеніи и храбрости русскаго войска, на дѣятельности засаднаго отряда, какъ на обстоятельствахъ, бывшихъ главною причиною побѣды русскихъ надъ татарами, тогда какъ, напр. о приготовленіи русскихъ къ переходу черезъ Донъ, о самомъ переходѣ, хотя въ дѣйствительности и потребовавшихъ много времени, говоритъ вкратцѣ, такъ какъ для побѣды было важно то, что русскіе своевременно успѣли перейти Донъ, а не то, какъ они приготовлялись къ переправѣ и какъ переходили.

Итакъ, *повѣствованіемъ называется такое сочиненіе, въ которомъ въ хронологической и причинной, а иногда въ одной хроноло-*

Digitized by Google

ической послѣдовательности излагаются обстоятельства или происшествія, какъ цѣлый рядъ дѣйствій, смѣняющихся въ извѣстный промежутокъ времени.

Различіе между повѣствованіемъ и описаніемъ. Если теперь сопоставить повѣствованіе съ описаніемъ, то между ними откроется значительная разница. Повѣствованіе имѣетъ своимъ содержаніемъ изложеніе обстоятельствъ или происшествій, описаніе—указаніе признаковъ предмета или явленія. Для своего осуществленія обстоятельства или происшествія, проявляющіяся въ цѣломъ рядѣ дѣйствій, требуютъ извѣстнаго промежутка времени, признаки же существуютъ въ предметѣ или явленіи въ одинъ опредѣленный моментъ. Отсюда, повѣствованіе есть изложеніе того, что совершается во времени, описаніе—указаніе предмета или явленія въ томъ видѣ, въ какомъ находятся они въ данный моментъ на извѣстномъ мѣстѣ—въ пространствѣ. Такъ какъ все въ мірѣ существуетъ на томъ или другомъ мѣстѣ и опредѣленное время, то описаніе и повѣствованіе, объединенныя между собою, могутъ дать полное понятіе о дѣйствительности.

Виды повѣствовательныхъ сочиненій. Хронологическою и причинною послѣдовательностію въ изложеніи обстоятельствъ или происшествій обусловливается раздѣленіе повѣствованій на виды. Если авторъ въ своемъ произведеніи исключительно или преимущественно останавливается на перечнѣ происшествій въ порядкѣ хронологическомъ, опуская изъ виду ихъ зависимость причинную, то *такое повѣствованіе называется фактическимъ* отъ латинскаго factum—дѣло, обстоятельство, происшествіе, но если при хронологической послѣдовательности въ повѣствованіи соблюдена и связь причинная, то *оно получаетъ названіе прагматическаго* отъ греческаго πράγμα—дѣло, важное обстоятельство, т. е. повѣствованіе, въ которомъ обращается вниманіе на главныя, важныя и второстепенныя обстоятельства и на ихъ взаимное отношеніе. Къ фактическимъ повѣствованіямъ относятся лѣтописи, къ прагматическимъ—мемуары или записки современниковъ, біографія съ ея подраздѣленіями на автобіографію и некрологъ, характеристика и исторія.

Лѣтопись.

Приведемъ примѣры лѣтописи.—„Въ лѣто 6463. Иде Ольга въ Греки и т. д. Въ лѣто 6464. Въ лѣто 6465. Въ лѣто 6466. Въ лѣто 6467 и т. д. до 6471 года включительно. Въ лѣто 6495. Созъва Володимеръ бояры своя и старца градскыя".... говорится объ испытаніи Владиміромъ вѣроисповѣданій, а затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о крещеніи Руси:

Digitized by Google

„Володимеръ поемъ царицю, и Настаса[1]) и попы Корсуньски, съ мощами святаго Климента и Фива, ученика его, поима—съсуды церковьныя, иконы на благословенье себѣ. Постави же церковь въ Корсунѣ на горѣ, юже съсыпаша средѣ града, крадуще приспу[2]), яже церкы стоитъ и до сего дне. Взя же ида (идя) мѣдянѣ двѣ капищи (истукана, кумира), и 4 конѣ мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею; якоже невѣдуще мнять я мрамаряны суща. Вдасть же за вѣно (вмѣсто вѣно, какъ вѣно, вѣно—цѣна, выкупъ) Грекамъ Корсунь опять царицѣ дѣля, а самъ приде Кіеву[3]). Яко приде повелѣ кумиры испроврещи, овы осѣчи, а другія огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту, и влещи съ горы по Боричеву[4]) на Ручай[5]), 12 мужа пристави тети[6]) жезльемъ. Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше симъ образомъ человѣкы, да възмездье пріиметъ отъ человѣкъ. Велій еси, Господи, чюдная дѣла твоя! вчера чтимъ отъ человѣкъ, а днесь поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю къ Днѣпру, плакахуся его невѣрніи люды, еще бо не бяху пріяли святаго крещенья; и привлекше, вринуша и въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: „аще кдѣ пристанетъ вы, то отрѣвайте[7]) его отъ берега, дондеже порогы проидетъ; то тогда охабитеся его“. Они же повелѣнная створиша. Яко пустиша и проиде сквозѣ порогы, изверже и вѣтръ на рѣнѣ[8]) и оттолѣ прослу Перунина рѣнь, яко же и до сего дне словетъ. По семъ же Володимеръ посла по всему граду, глаголя: „аще не обрящеться кто рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будетъ“. Се слышавше людье, съ радостью идяху, радающеся и глаголюще: „аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре пріяли“. Наутріа же изиде Володимеръ съ попы царицыны и съ Корсуньскыми на Днѣпръ, и снидесе безъ числа людій: влезоша въ воду и стояху овы до шіе, а друзіи до персій, младіи же отъ берега, друзіи же млади[9]) держаще, свершеніи же бродяху[10]); попове же стояще молитвы творяху. И бяше си вѣдѣти радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемыхъ: а дьяволъ стеня глаголаше: „увы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь!

---

[1]) Анастасъ, помогшій Владиміру взять греческій городъ Корсунь.

[2]) Персть, землю.

[3]) т. е. опять отдалъ (возвратилъ) Грекамъ Корсунь, какъ выкупъ ради царицы—за царицу.

[4]) Боричевъ—Кіевское урочище.

[5]) На Ручай—на ручей, т. е. на Почайку, впадающую въ Днѣпръ.

[6]) Тети—бить, сѣчь.

[7]) Отрѣвайте—отгоняйте, отталкивайте.

[8]) На рѣнѣ—рѣнь—песчаная полоса, холмъ, мысъ.

[9]) Младенцевъ.

[10]) Свершеніи же бродяху—стояли въ бродъ.

Digitized by Google

сдѣ бо мняхъ жилище имѣти, яко сдѣ не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ; и се уже побѣженъ есмь отъ невѣгласъ, а не отъ апостолъ, ни отъ мученикъ, не имамъ уже царствовати въ странахъ сихъ." Крестившимъ же ся людемъ, идоша кождо въ домы своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье его, възрѣвъ на небо рече: „Боже, сотворивый небо и землю! призри на новыя люди сіи, и дажъ имъ, Господи, увѣдѣти тобѣ, истиньнаго Бога, яко же увѣдѣша страны хрестьяньскыя; утверди и вѣру въ нихъ праву и несовратьну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его." И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумири; и постави церковь святаго Василья на холмѣ, идѣже стояше кумиръ Перунъ и прочіи, идѣже творяху потребы князь и людье; и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селамъ. Послявъ нача поимати у нарочнтое чади дѣти*), и даяти нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвецы плакахуся. Симъ же раздаяномъ на ученье книгамъ, събыться пророчество на Русьстѣй земли, глаголюща: „во оны дніи услышать глусіи словеса книжная, и яснъ будетъ языкъ гугнивыхъ". Сіи бо не бѣша преди слышали словесе книжного, но по Божью строю (строенію), и по милости своей помилова Богъ".

„Въ лѣто 6585. Родися 3-й сынъ Ярославу, и нарече имя ему Святославъ.

Въ лѣто 6536. Знаменье змиево явися на небеси, яко видѣти всей земли.

Въ лѣто 6537. Мирно бысть по всей землѣ Рустѣй отвсюду.

Въ лѣто 6538. Ярославъ Белзы взялъ. И родися Ярославу 4-й сынъ, и нарече имя ему Всеволодъ. Въ семъ же лѣтѣ иде Ярославъ на Чюдь и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ, и пріиде къ Новугороду, и собравъ отъ старостъ и отъ презвитеровъ дѣтей 300 и повелѣ учити книгамъ. Того же лѣта преставися архіепископъ Новгородскій Акимъ, и бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше. Въ се же лѣто умре Болеславъ Великій въ Лясѣхъ, и бысть въ нихъ мятежь.

Въ лѣто 6572. Въ си же времена бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучи имущи акы кровавы, въсходящи съ вечера на заходѣ солнечнѣмъ и пребысть за 7 днiй.... Се же проявляше не на добро: по семъ же быша усобщѣ много и пашествіе поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи кровопролитье.

Въ лѣто 6600. Предивно бысть въ Полотьскѣ, въ нощи стеняше по улици, яко человѣци рищюще бѣси; аще кто вылѣзаше изъ хоромины, хотя видѣти, абіе уязвенъ будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою и съ того умираху; посемъ же начаше въ дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта, и таку уяз-

*) У лучшихъ гражданъ дѣтей.

Digitized by Google

вляху люди Полоцкии. Въ си же времена мнози человѣци умираху различными недугы. Се же бысть за грѣхи наша „яко умножися грѣси наши и неправды; се же наведе на ны Богъ, веля намъ имѣти покаяніе и востягнутися отъ грѣха, и отъ зависти и отъ прочихъ злыхъ дѣлъ неприязненныхъ".

По своему содержанію данные лѣтописные отрывки представляютъ рядъ происшествій самаго разнообразнаго характера: тутъ встрѣчаются и событія *церковныя:* крещеніе Ольги, испытаніе вѣроисповѣданій Владиміромъ, крещеніе Руси, и *гражданскія:* „Родися Ярославу 3, 4-й сынъ, постави Ярославъ градъ Юрьевъ и пріиде къ Новугороду, и собравъ отъ старостъ и отъ презвитеровъ дѣтей 300 и повелѣ учити книгамъ," и *военныя:* „въ лѣто 6538 Ярославъ Белзы взялъ... Въ семъ же лѣтѣ иде Ярославъ на Чюдь и побѣди я," и явленія природы: „Въ лѣто 6536 знаменье змиево явися на небеси, яко видѣти всей земли;" вмѣстѣ съ фактами дѣйствительными приводятся обстоятельства вымышленныя, заимствованныя изъ сказаній народныхъ и принимаемыя безъ научной провѣрки ихъ за достовѣрныя, таковъ разсказъ о дѣйствіяхъ бѣсовъ, записанный подъ 6600 годомъ. *Разнохарактерность событій при отсутствіи надлежащей оцѣнки ихъ достовѣрности — первое отличительное свойство лѣтописи.*

На ряду съ содержаніемъ приведенные образцы лѣтописи имѣютъ особенность и со стороны изложенія. Событія слѣдуютъ въ нихъ другъ за другомъ главнымъ образомъ въ порядкѣ хронологическомъ,—по годамъ: въ какомъ году что случилось, подъ тѣмъ годомъ то и записано. Если въ извѣстномъ году произошло нѣсколько, по мнѣнію лѣтописца, замѣчательныхъ обстоятельствъ, то они и помѣщаются рядомъ, хотя бы между ними не было ничего общаго. Такъ, подъ 6538-мъ годомъ лѣтописецъ говоритъ о совершенно различныхъ происшествіяхъ: о рожденіи у Ярослава четвертаго сына Всеволода, о военныхъ походахъ Ярослава, объ основаніи имъ города Юрьева и объ учрежденіи школы въ Новгородѣ, о смерти новгородскаго епископа Акима и объ ученикѣ его Ефремѣ, о смерти польскаго короля Болеслава и о смутахъ въ Польшѣ. Годы, ничѣмъ не выдающіеся, выставляются безъ всякой записи, или съ какимъ-либо краткимъ замѣчаніемъ, въ родѣ: „Мирно бысть по всей землѣ Рустѣй отвсюду." Отъ расположенія событій по годамъ лѣтописи получили и свое названіе—„лѣтопись," т. е. запись чего-либо по лѣтамъ, годамъ. *Такимъ образомъ, лѣтописью называется такое повѣствованіе, которое содержитъ въ себѣ безыскусственную запись разнохарактерныхъ событій, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ — по годамъ.*

Digitized by Google

Историческое развитіе лѣтописи. По своему происхожденію лѣтописи относятся къ самой глубокой древности. Онѣ появились едва-ли не раньше всѣхъ другихъ письменныхъ литературныхъ произведеній. У евреевъ, напр. существовали лѣтописи царей и родословныя записки, послужившія источниками для ветхозавѣтныхъ книгъ священнаго писанія, да и нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ представляютъ собою не что иное, какъ лѣтописи, таковы: „Книги царствъ“ и преимущественно „Паралипоменонъ.“ То же самое было и въ мірѣ языческомъ. Римляне имѣли „Annales pontificum“ или „Annales maximi.“ Но особенно широкое развитіе получили лѣтописи въ эпоху христіанскую и главнымъ образомъ въ средніе вѣка. У христіанъ онѣ выродились изъ, такъ называемыхъ, „пасхальныхъ таблицъ.“ Для опредѣленія времени празднованія Пасхи и зависящихъ отъ нея подвижныхъ праздниковъ при церквахъ и монастыряхъ имѣлись особыя записи съ обозначеніемъ, когда именно въ какомъ году должно праздновать Пасху и другіе подвижные праздники. Впослѣдствіи на поляхъ этихъ записей начали кратко отмѣчать подъ извѣстнымъ годомъ выдающіяся почему-либо событія, а затѣмъ трудолюбивые монахи стали вести по годамъ и отдѣльныя замѣтки. Такъ образовались лѣтописи. Первоначально онѣ содержали обстоятельства, современныя лѣтописцу, которыхъ тотъ былъ самъ очевидцемъ или о которыхъ слышалъ отъ другихъ, но со временемъ начали помѣщать въ нихъ и происшествія ранѣйшія, заимствованныя изъ устныхъ преданій и другихъ источниковъ. Счетъ годовъ въ большинствѣ велся отъ сотворенія міра, и самыя лѣтописи начинались библейскими разсказами отъ раздѣленія земли между сыновьями Ноя послѣ потопа У грековъ лѣтописи назывались хрониками, хронографами, (χρονικὸς — временный, χρόνος — время, γράφω — пишу, т. е. записи по времени, по годамъ), у западныхъ народовъ—анналами — отъ annus годъ, annalis — годичный. Замѣчательными греческими лѣтописцами были: Іоаннъ Малала, Георгій Амартолъ, патріархъ Никифоръ и др. Къ намъ лѣтописи перешли изъ Греціи. Первымъ нашимъ лѣтописцемъ былъ преподобный Несторъ, инокъ Кіево-Печерскаго монастыря, жившій въ концѣ XI и въ началѣ XII в. Въ подлинникѣ его лѣтопись не сохранилась, но дошла до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ.—Самый древній изъ нихъ — „Лаврентьевскій,“ названный такъ отъ имени суздальскаго монаха Лаврентія, списавшаго и дополнившаго лѣтопись Нестора въ 1377 году. По Лаврентьевскому списку лѣтопись Нестора носитъ такое заглавіе: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду Русская земля стала есть;“ она начинается крат-

Digitized by Google

кимъ разсказомъ о раздѣленіи земли сыновьями Ноя, о Вавилонскомъ столпотвореніи и разсѣяніи людей и затѣмъ — прямо переходитъ къ разселенію Славянъ. Правильный и послѣдовательный счетъ годовъ ведется съ 6360 года и по 6618, слѣдовательно, лѣтопись излагаетъ событія съ 852 года — отъ начала Руси и до 1110 года. Кромѣ списковъ лѣтописи Нестора извѣстны еще: „Лѣтописецъ Новгородскій," начинающійся 6525 или 1017 и оканчивающійся 6860 или 1352 годами, — „Софійскій временникъ" или „Русская лѣтопись" — съ 862 по 1534 г. и „Псковская лѣтопись" — съ 862 по 1645. Далѣе 1645 года лѣтописи уже болѣе не встрѣчаются.

Понятіе о мемуарахъ на основаніи разбора отрывковъ изъ „Записокъ Порошина" и „Писемъ объ Отечественной войнѣ" Глинки. Образцами мемуаровъ или записокъ современниковъ могутъ, напр. служить слѣдующіе отрывки изъ „Записокъ Порошина, воспитателя императора Павла I," и „Писемъ объ Отечественной войнѣ" Глинки.

„27 октября 1764 г. Государь Великій Князь (Павелъ Петровичъ) изволилъ встать въ осьмомъ часу. Одѣвшись, сѣлъ было учиться, но вдругъ занемогъ: сдѣлалась дрожь и позѣвота. Его Превосходительство Никита Ивановичъ, пришедъ въ это время съ половины отъ Ея Величества, приказалъ Великаго Князя раздѣть. Изволилъ Его Высочество надѣть шлафрокъ и лечь въ опочивальню на канапе. Читалъ я ему проектъ Михаила Васильевича Ломоносова о монументѣ для Государя Петра Великаго, поданный имъ въ 1758 году въ Правительствующій Сенатъ. Его преподобіе отецъ Платонъ *) при томъ былъ, и тутъ происходили нѣкоторыя разсужденія о изложенныхъ въ семъ проектѣ надписяхъ изъ Священнаго писанія. Потомъ читали Евангеліе: его преподобіе отецъ Платонъ, Степанъ Васильевичъ Перфильевъ **) и я. Его Высочество слушать изволилъ, и послѣ, взявши Евангеліе, самъ прочелъ все первое зачало отъ Матѳея. Потомъ читалъ я Его Высочеству приношеніе къ грамматикѣ г. Ломоносова, приношеніе весьма хорошо сложено, и можетъ подать высокое мнѣніе о языкѣ Россійскомъ... Его Высочество изволилъ слушать со вниманіемъ, а какъ дошло до авторскихъ желаній въ концѣ сего приношенія, то отецъ Платонъ еще побуждалъ Его Высочество, чтобы изволилъ вслушиваться и желаніями самъ соотвѣтствовать. Кушать Великій Князь изволилъ одинъ въ опочивальнѣ за маленькимъ столикомъ. Послѣ обѣда зашла у насъ рѣчь о крестьянскомъ житьѣ, и я Его Высочеству разсказывалъ, какъ живутъ наши крестьяне, какъ они между собою въ невинности увеселяются и какіе между ими есть разные обряды. Его Высо-

*) Впослѣдствіи митрополитъ Московскій.

**) Генералъ-маіоръ; къ нему Державинъ написалъ свою оду: „На смерть князя Мещерскаго".

Digitized by Google

чество прилежно просить меня изволилъ, чтобы я разсказалъ ему это подробно. Такого желанія удовольствовать не нашелъ я ни малой противности; напротивъ, почелъ еще за нужное, чтобы Его Высочеству свѣдомо было, какъ люди въ разныхъ званіяхъ жизнь проводятъ и чѣмъ обязаны очечеству. Потомъ пошелъ я на верхъ въ казенную, осмотрѣть разные математическіе инструменты, дѣланные прежъ сего Академіи Наукъ мастеромъ Чижовымъ. Сошедши къ Великому Князю, показывалъ я работы г. Чижова: математическую готовальню, въ которой всѣ инструменты серебряные. Его Высочество изволилъ смотрѣть ее и любоваться, что очень хорошо инструменты выдѣланы....

28. По окончаніи утренней молитвы, примѣтилъ я, что Его Высочество молитву изволилъ читать нѣсколько скоро, говорилъ ему, съ какимъ благочиніемъ и умиленіемъ надобно приносить Богу приношенія и благодаренія. Отвѣтъ Его Высочества былъ: „*конечно, братецъ, такъ; мнѣ очень жаль, что я о томъ не подумалъ, какъ молился.*“ Во время одѣванія читалъ я Его Высочеству нѣкоторыя главы изъ Ломоносова грамматики....

2 ноября 1764 г. Государь изволилъ встать въ семь часовъ. Прежде нежели успѣлъ еще я войтить къ Его Высочеству, изволилъ онъ прибѣжать ко мнѣ и, бросаясь на шею и цѣлуя меня, говорилъ: „голубчикъ, я передъ тобою виноватъ; впередъ никогда уже ссориться не будемъ; вотъ тебѣ рука моя.“ Я расцѣловалъ руку Его Высочества и по нѣкоторыхъ изъясненіяхъ, постановивши твердый миръ, пошелъ за нимъ чай пить. За чаемъ разговаривали мы между прочимъ о Ростовой французской грамматикѣ, также о Ломоносовской русской. Тутъ разсказывалъ я Его Высочеству о падежахъ, какъ всѣ они по-русски называются и что который падежъ значитъ. За обуваніемъ прочелъ я Его Высочеству изъ Вольтеровой исторіи о Государѣ Петрѣ Великомъ два мѣста. Первое, гдѣ Вольтеръ говоритъ, что Карлъ XII достоинъ быть въ арміи Петра Великаго первымъ солдатомъ, другое мѣсто, гдѣ Вольтеръ разсуждаетъ, что надобно, чтобы Россія еще имѣла Петровъ Великихъ, дабы всѣ въ ней заведенія приведены были къ совершенству, и она порядочно выстроенными городами и людствомъ жителей такъ-бы изобиловала, какъ прочія европейскія государства. Какъ первое мѣсто прочелъ я, то сказать изволилъ Его Высочество: „вишь этта то льститъ онъ“. На сіе отвѣчалъ я, что Вольтеръ тоже почти самое и въ исторіи своей о Карлѣ XII упоминаетъ, гдѣ бы конечно Государю Петру Великому не сталъ ласкательствовать.—Въ другомъ мѣстѣ прочитавъ разсужденіе Вольтерово, говорилъ я, что это и до Его Высочества касается, что для чего ему не быть въ числѣ великихъ Государей, что способы всѣ къ тому имѣетъ и прочее! Потомъ подробно разсуждалъ я, какъ его Высочеству поступать надобно, чтобы заслужить истинную славу и у будущихъ родовъ благодарность и почтеніе. Я весьма доволенъ былъ вниманіемъ, съ какимъ Его Высочество слушать меня изволилъ и все утро чрезвычайно былъ ласковъ....

4 ноября.... обѣдали (у Государя Павла Петровича) Его Превосходительство Петръ Ивановичъ, графъ Иванъ Григорьевичъ и князь

Digitized by Google

Александръ Михаиловичъ вице-канцлеръ. Графъ Иванъ Григорьевичъ читалъ рапортъ, полученный отъ капитана Плещеева, который на фрегатѣ поѣхалъ въ Средиземное море. Тамъ описано, какіе г. Плещеевъ терпѣлъ штурмы и въ какихъ былъ опасностяхъ, по большей части отъ незнанія датскаго штурмана, который не умѣлъ провесть въ каналъ между Франціей и Англіей, что Па-де-кале называется. Плещеевъ прошелъ однакожъ, принявъ въ помощь собственное свое искусство, предпріимчивостью подкрѣпленное. Графъ Иванъ Григорьевичъ очень выхвалялъ г. Плещеева и говорилъ, что до того уже мы дожили, что нынѣ русскіе на морѣ передъ Датчанами преимуществуютъ.... Разговорились о Ломоносовѣ и о Сумароковѣ.... Объ обоихъ сихъ сочинителяхъ россійскихъ съ похвалою разсуждали.... Разсказывалъ я Его Высочеству, какъ блаженныя памяти великій его прадѣдъ ѣздилъ въ портъ Балтійскій, что весь заливъ приказалъ при себѣ вымѣривать... Изволилъ тутъ припомнить Его Высочество, что я нѣкогда ему разсказывалъ, какимъ образомъ Государь Петръ Великій въ одно время маршировалъ съ Преображенскимъ полкомъ по площади между бывшей Исакіевской церковью и синимъ мостомъ. Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна на площади стоять тогда изволила; каждый офицеръ, поравняясь съ плутонгомъ *) своимъ противъ Ея Величества, останавливался и подходилъ къ ручкѣ, при чемъ Государыня изъ своихъ рукъ каждому чарку водки подносить изволила. Самъ Государь также поравняясь остановился и, выкушавъ чарку водки, передъ народомъ изволилъ поцѣловать Государыню. Я слышалъ это отъ отца своего, а онъ тому былъ самовидѣцъ".

Изъ „Записокъ о 1812 годѣ" С. Н. Глинки.

Іюля 11-го 3 часа утра.

„Въ достопамятный и бурный 1812 годъ жилъ я въ переулкѣ Тишинѣ близъ Драгомиловскаго моста. 11 іюля на ранней зарѣ утренней разбудилъ меня внезапный приходъ хозяйки дома. Едва вышелъ я къ ней, она со слезами вскричала: „мы пропали!" и подала мнѣ печатный листъ. То было воззваніе къ первопрестольной столицѣ Москвѣ отъ 6-го іюля изъ Полоцка. Прочитавъ воззваніе, я сказалъ: „Благодарите Бога, сударыня! Гдѣ заранѣе предвидятъ опасность, тамъ примутъ и мѣры къ отвращенію ея. Будьте спокойны и молитесь Богу!"

Іюля 11-го, 5 часовъ утра.

Наскоро одѣвшись, полетѣлъ я въ Сокольники на дачу къ графу Ѳедору Васильевичу Растопчину, поступавшему вмѣсто графа Гудовича на чреду московскаго генералъ-губернатора. Не слыша еще громкой вѣсти о грозной опасности, исполинская Москва объята была сномъ и безмолвіемъ. Тишина владычествуетъ на поверхности океана до воскипѣнія волнъ; тоже нерѣдко бываетъ и съ областями земными. Изъ нѣдръ глубокаго безмолвія вылетаетъ роковой ударъ грома; смотримъ:

---

*) Маленькій отрядъ войска для послѣдовательной стрѣльбы.

Digitized by Google

откуда онъ грянулъ? Слышимъ новые удары и теряемся въ недоумѣніи. Поэтъ сказалъ:

Кто дышетъ, не дремли!

Это теперь излилось изъ души моей. А тогда спѣшилъ я съ одною мыслію: съ мыслію—отдать себя отечеству за отечество. Къ графу пріѣхалъ я въ пять часовъ утра. Все уже въ домѣ было въ движеніи. Передъ кабинетомъ графа засталъ я тогдашняго губернскаго предводителя Василія Дмитріевича Арсеньева и Аркадія Павловича Рунича, секретаря графа. Говорю Аркадію Павловичу, что мнѣ нужно видѣться съ графомъ. „Нельзя", отвѣчалъ онъ: „графъ занятъ теперь совѣщаніемъ съ преосвященнымъ Августиномъ и съ Петромъ Степановичемъ Валуевымъ" *).—„Позвольте-же мнѣ по крайней мѣрѣ оставить записку". Привѣтливо Аркадій Павловичъ подалъ мнѣ бумагу, перо, и я написалъ: „Хотя у меня нигдѣ нѣтъ помѣстья, хотя у меня нѣтъ въ Москвѣ никакой недвижимой собственности и хотя я не уроженецъ московскій: но гдѣ кого застала опасность отечества, тотъ тамъ и долженъ стать подъ хоругви отечественныя. Обрекаю себя въ ратники московскаго ополченія и на алтарь отечества возлагаю триста рублей серебра".

Такимъ образомъ 1812-го года 11-го іюля мнѣ первому удалось записаться въ Москвѣ въ ратники и принесть первую жертву усердія.

Пишу объ этомъ не изъ тщеславія, но для сохраненія связи въ ходѣ обстоятельствъ моихъ. Самоотреченіе есть порывъ, вызываемый изъ души необычайными событіями. Не вѣрить этому значитъ уничижать и уничтожать благородныя движенія сердца человѣческаго.

Въ этотъ мигъ показалось мнѣ, что съ груди моей спало бремя гробовой тоски, налегшее на нее съ 1808 года. Въ Сокольникахъ блеснуло солнце въ полномъ сіяніи на свѣтломъ лазурномъ небосклонѣ. „Какъ очаровательна природа и какъ злобны люди!" говорилъ Жанъ Жакъ Руссо. И я въ юности моей, воспоминая о томъ, что съ оживленіемъ весенней природы загораются битвы кровопролитныя, сказалъ, обращаясь къ людямъ, вооруженнымъ противъ людей:

Иль кровь амврозія для васъ?

Мирите человѣчество съ человѣчествомъ, и менѣе будетъ злобныхъ и менѣе будетъ жажды къ крови!

Увлекаясь красотами загородной природы, я какъ будто-бы забылъ, что въ то самое мгновенье гремѣли битвы и за Днѣпромъ и у Днѣпра, и на Двинѣ и за Двиною.

Іюля 11-го, 9 часовъ утра въ Москвѣ.

Вскорѣ улицы закипѣли жизнію и движеніемъ. Страхъ и боязнь не витали по стогнамъ градскимъ. Вѣсть о прибытіи государя отдалила мысль о бурѣ, мчавшейся къ Москвѣ. Вездѣ сходились и вездѣ сговаривались идти и спѣшить на встрѣчу государю.

---

* Петръ Степановичъ Валуевъ тогдашній начальникъ кремлевской экспедиціи.

Digitized by Google

Лица гражданъ и жителей сіяли веселіемъ сердечнымъ. Казалось, что всѣ ожидали какого-то пира торжественнаго. Тотъ пиръ былъ пиръ любви народной, и любовь на крыльяхъ душевныхъ порывалась къ нему. Замѣтить должно, что тутъ не проявлялись никакія хвастливыя выходки. Не слышно было удалыхъ поговорокъ: „мы закидаемъ шапками; мы постоимъ за себя!“ Довѣренность безмятежная обладала умами. Никакое слово ненависти и негодованія противъ враговъ не исторгалось изъ устъ. Всѣ мысли, всѣ слова слились въ одно чувство любви. Въ обширныхъ московскихъ рядахъ лавки запирались ранѣе обыкновеннаго. Замкнувъ товары и осѣнясь крестомъ, добрые граждане говорили: „пойдемъ въ храмы Господни: помолимся за царя—государя, а оттуда за заставу“. Встрѣчался ли кто съ кѣмъ на улицѣ, первый вопросъ: „куда идешь?“ И общій отвѣтъ: „на встрѣчу государя, за заставу!“

Іюля 11-го, 3 часа пополудни.

Народъ за Драгомиловскою заставою.

Около трехъ часовъ пополудни, надѣвъ въ петлицу золотую мою медаль, чтобы свободнѣе протѣсниться сквозь безчисленные сонмы народа, пошелъ я вслѣдъ за ними, желая прислушаться къ мнѣнію народному и прибавить новую статью въ Русскій Вѣстникъ.

Не вмѣщая въ стѣнахъ своихъ радости и восторга, казалось, что вѣковая Москва, сдвинувшись съ исполинскаго основанія своего, летѣла на встрѣчу государя. Всѣ сердца ликовали; на всѣхъ лицахъ блистало веселіе. Духъ народный всего торжественнѣе высказывается въ годину рѣшительнаго подвига. Въ часы грозной, въ часы явной опасности, народъ русскій подрастаетъ душою и крѣпчаетъ мышцею отважною.

Размышляя о дивномъ полетѣ духа русскаго, часу въ шестомъ вечера очутился я на Поклонной горѣ, гдѣ тогда была дубовая роща. Земля какъ будто бы исчезала подъ сонмами народа; иные читали воззваніе къ первопрестольной столицѣ Москвѣ; другіе спокойно и съ братскимъ радушіемъ перелавали другъ другу мысли свои. Подъ шумомъ бурь исчезаетъ личность и сердца сродняются союзомъ общей опасности. Рѣчи лились рѣкою и пламенѣли рвеніемъ любви. Вмѣшивался и я въ разговоры, но еще охотнѣе прислушивался къ живымъ и, такъ сказать, самороднымъ изреченіямъ духа русскаго.

Порывъ духа народнаго.

Между тѣмъ донеслась въ рощу молва, что у заставы Драгомиловской народъ намѣренъ выпрячь лошадей изъ государевой коляски и нести ее на плечахъ до Кремля. Сонмы народа, сидѣвшіе на Поклонной горѣ, безъ всякаго посторонняго возбужденія и какъ будто бы смолвясь душами и мыслію, воскликнули: „не уступимъ! мы впереди; мы скорѣе поспѣемъ; мы на себѣ понесемъ коляску государеву оттуда, гдѣ ее встрѣтимъ.“ Потомъ, оборотясь ко мнѣ, сказали: „а вы, ваше благородіе, ведите насъ!“ Я провозгласилъ: ура! впередъ! И тысячи голосовъ повторили: ура! впередъ! Все быстро двинулось. Воз-

Digitized by Google

духъ огласился звуками родныхъ пѣсенъ; шапки и шляпы летѣли вверхъ. Въ это время душевнаго разгула народнаго Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ возвращался изъ Подмосковной. Увидя меня и за мною народъ, онъ приказалъ остановиться коляскѣ и спросилъ: Сергѣй Николаевичъ! куда идешь?—„Веду къ государю народъ," отвѣчалъ я. 1812 года іюля 11-го порывистый духъ народа сдѣлалъ меня вождемъ своего усердія. Начинало смеркаться. Пѣсни и ура! не умолкали. На закатѣ солнца мы были уже на семнадцатой верстѣ. Останавливая всѣхъ проѣзжихъ, народъ спрашивалъ: скоро-ли будетъ государь? Наконецъ около десяти часовъ услышали, что государь остается въ Перхушковѣ, гдѣ находился тогда и графъ Растопчинъ.

Полночь на 12-ое іюля.

Первая встрѣча государю.

Все дремало и въ домахъ, и на улицахъ, и въ окрестностяхъ Москвы: но не дремала любовь. Подмосковные крестьяне деревни Филей или села Покровскаго, нетерпѣливо ожидая проѣзда государя, отправили двухъ гонцевъ въ село Перхушково, которые, быстро прискакавъ оттуда, успѣли извѣстить причетъ церковный о выѣздѣ государя. Немедленно изъ села Покровскаго, перешедшаго въ родъ Нарышкинъ отъ царицы Натальи Кирилловны, священникъ Григорій Гавриловъ поспѣшилъ въ облаченіи на Поклонную гору съ серебрянымъ блюдомъ, на которомъ возлежалъ крестъ Господень, а престарѣлый дьяконъ держалъ свѣчу, разливавшую трепетное сіяніе въ ночь безлунную и беззвѣздную. Поровнявшись съ причтомъ, государь вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и съ глубокимъ вздохомъ облобызалъ крестъ Господень. Священникъ изъ стиховъ пасхи возглашалъ: да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!

12 іюля. Красная площадь.

Побѣда первая—побѣда надъ сердцами.

Іюля двѣнадцатаго, съ первымъ мельканіемъ зари утренней, народъ волнами кипящими стекался на Красную площадь. Старцы, опираясь на костыли, матери съ грудными младенцами — все шло, все спѣшило. Надъ Кремлемъ сіяло солнце въ полномъ блескѣ роскошнаго дня лѣтняго. Въ девять часовъ утра явился на Красномъ крыльцѣ Александръ Первый; явился, какъ ангелъ Божій подъ осѣненіемъ щита небеснаго. На довѣренность царя громко откликнулась довѣренность народа. Со звономъ колокольнымъ сливались сотни тысячъ голосовъ: ура! да здравствуетъ царь-государь! веди насъ, куда хочешь! веди насъ, нашъ отецъ! умремъ или побѣдимъ! Такъ восклицало душевное ополченіе русскаго народа, и Александръ Первый однимъ мановеніемъ руки своей могъ бы двинуть съ Красной площади сотни тысячъ подъ знамена ратныя. Въ сердцѣ царства русскаго, въ стѣнахъ Москвы, іюля двѣнадцатаго, императоръ Александръ убѣдился, что Россія устоитъ въ Россіи; онъ видѣлъ, что, и подъ полетомъ вѣсти объ общей опасности, духъ русскій воскипѣлъ двухвѣковою жизнію

Digitized by Google

завѣтныхъ временъ гражданина Минина и князя Пожарскаго. Въ день іюля двѣнадцатаго не утварью царскою, не блескомъ вѣнца,—Александръ украшался любовью народною, взиравшею на него очами сердца и души. То былъ въ полномъ смыслѣ именинный день Александра Перваго. На алтарь любви чистой, любви безкорыстной, любви пламенной, народъ и отечество радостно возлагали и достояніе и жизнь свою. И такъ приносимая тогда дань, говоря словами В. А. Жуковскаго, была:

„Не власти, не вѣнцу, а человѣку дань!“

Благовѣстъ продолжался. Государь двинулся съ Краснаго крыльца. Двинулось и общее усердіе. На другой ступени, со всѣхъ сторонъ, сотни торопливыхъ рукъ хватались за ноги государя, за полы мундира, цѣловали и орошали ихъ слезами. Одни кричали: Отецъ! отецъ нашъ! дай намъ на тебя наглядѣться! Другіе восклицали: Отецъ нашъ! ангелъ нашъ! А съ площади, отъ воротъ Спасскихъ до соборовъ, отъ прибрежнаго Кремлевскаго возвышенія до воротъ Троицкихъ, съ кровли арсенала, съ кровлей домовъ, отовсюду, откуда, казалось, что услышится голосъ душевный, неслись, летѣли клики: ура! да здравствуетъ царь-государь! Веди насъ, куда хочешь!

На ступеняхъ крыльца государь часъ отъ часу болѣе стѣснялся быстрымъ приливомъ народа. Чиновники его порывались раздвигать ряды. Государь, кланяясь на всѣ стороны, говорилъ: „не троньте ихъ! не троньте ихъ! Я пройду!“ И онъ прошелъ сквозь ряды сердецъ, пылавшихъ усердіемъ. До паперти, до вратъ собора Успенскаго гремѣли отклики: Отецъ нашъ! ангелъ нашъ! Да хранитъ тебя Господь Богъ!

Въ день іюля двѣнадцатаго торжество любви народной сочеталось съ благодарнымъ молебствіемъ по случаю заключенія мира съ Турціей.

Звонъ колокольный продолжался, и когда государь сходилъ съ крыльца, народъ цѣловалъ его одежду и раздавались восклицанія: Отецъ нашъ! ангелъ нашъ! Да сохранитъ тебя Богъ!....

Въ дивный 1812 годъ миръ и война шли рядомъ“.

Оба писателя—Порошинъ и Глинка—въ приведенныхъ отрывкахъ затрогиваютъ только то, въ чемъ непосредственно принимали участіе, что видѣли, слышали и испытали сами. Семенъ Андреевичъ Порошинъ въ числѣ другихъ былъ воспитателемъ государя Павла Петровича, которому преподавалъ военныя науки, Русскую исторію и Р. географію. Находясь почти неотлучно при своемъ воспитанникѣ и отличаясь даромъ наблюдательности, онъ замѣчалъ многое, вокругъ происходившее, и ежедневно, по вечерамъ, записывалъ то, что, по его мнѣнію, заслуживало вниманія: поведеніе государя, учебныя и внѣ-учебныя его занятія, состояніе его здоровья, свои и другихъ съ нимъ разговоры, личныя впечатлѣнія и т. п.; все это и составило содержаніе его записокъ. Точно также и Сергѣй Николаевичъ Глинка былъ прямымъ участникомъ Отечественной

Digitized by Google

войны 1812 года и въ своихъ „Письмахъ объ Отечественной войнѣ“ передалъ личныя впечатлѣнія и наблюденія. Слѣдовательно, *первою отличительною чертою мемуаровъ или записокъ современниковъ является то, что авторъ передаетъ въ нихъ испытанное, видѣнное и слышанное имъ самимъ, свои личныя впечатлѣнія и наблюденія надъ современнымъ ему обществомъ.* Отсюда и самое названіе „мемуаровъ“ (франц. memoire—воспоминаніе, memoires—достопамятности), т. е. памятныхъ записей всего видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго авторомъ, и „записокъ современниковъ,“ какъ записей того, чему авторъ былъ современникомъ.

Излагая собственныя впечатлѣнія и наблюденія надъ современнымъ обществомъ, Порошинъ и Глинка, естественно, вносятъ въ свои записи много личнаго. Часто каждый изъ нихъ по поводу того или другого обстоятельства приводитъ свои замѣчанія, высказываетъ собственныя сужденія, передаетъ личныя впечатлѣнія. Такъ, Порошинъ, упомянувъ о просьбѣ Павла Петровича сообщить ему подробнѣе о жизни и обычаяхъ крестьянъ, прибавляетъ: „Такого желанія удовольствовать не нашелъ я ни малой противности; напротивъ того, почелъ еще за нужное, чтобы Его Высочеству свѣдомо было, какъ люди въ разныхъ званіяхъ жизнь проводятъ, и чѣмъ обязаны отечеству“; или еще, по поводу замѣчанія Павла Петровича, что Вольтеръ польстилъ Петру Великому въ своей исторіи, говоритъ: „на сіе отвѣчалъ я, что Вольтеръ то же почти самое и въ исторіи своей о Карлѣ XII упоминаетъ, гдѣ бы, конечно, Государю Петру Великому не сталъ ласкательствовать.“ Подобнымъ образомъ и Глинка, сказавъ, напр. о тишинѣ и безмолвіи, господствовавшихъ въ Москвѣ въ 5 часовъ утра 11-го іюля 1812 года, приводитъ отъ себя сравненіе: „Тишина владычествуетъ на поверхности океана до воскипѣнія волнъ: тоже нерѣдко бываетъ и съ областями земными. Изъ нѣдръ глубокаго безмолвія вылетаетъ роковой ударъ грома; смотримъ: откуда онъ грянулъ? Слышимъ новые удары и теряемся въ недоумѣніи. Поэтъ сказалъ: „кто дышитъ, не дремли!“ или немного ниже, по поводу своей записи въ ратники: „Самоотреченіе есть порывъ, вызываемый изъ души необычайными событіями. Не вѣрить этому значитъ уничижать и уничтожать благородныя движенія сердца человѣческаго. Въ этотъ мигъ показалось мнѣ, что съ груди моей спало бремя гробовой тоски, налегшее на нее съ 1808 г.,“ и далѣе: „Въ Сокольникахъ блеснуло солнце въ полномъ сіяніи на свѣтломъ лазуревомъ небосклонѣ. „Какъ очаровательна природа и какъ злобны люди!“ говорилъ Жанъ-Жакъ-Руссо. И я въ юности моей, вспоминая о томъ, что съ оживленіемъ весенней природы загараются

Digitized by Google

битвы кровопролитныя, сказалъ, обращаясь къ людямъ, вооруженнымъ противъ людей: Иль кровь амврозія для васъ? мирите человѣчество съ человѣчествомъ, и менѣе будетъ злобныхъ и менѣе будетъ жажды къ крови!“ Такого рода замѣчанія и сужденія вездѣ выдвигаютъ на первый планъ личности авторовъ съ ихъ понятіями и убѣжденіями, а самымъ запискамъ придаютъ *характеръ*—личныхъ воззрѣній или иначе *субъективности*.

Свои впечатлѣнія и наблюденія надъ окружающимъ Поропшинъ и Глинка излагаютъ въ порядкѣ времени—по днямъ, а Глинка даже и по часамъ, но хронологическая связь не является у нихъ единственною и даже главною; она скорѣе имѣетъ значеніе второстепенное; напротивъ, въ запискахъ того и другаго всюду проглядываетъ и часто выступаетъ на видное мѣсто связь внутренняя; она проявляется въ объясненіи тѣхъ или иныхъ происшествій, въ передачѣ личныхъ впечатлѣній по поводу того или другаго обстоятельства, въ характеристикѣ общества и отдѣльныхъ личностей, словомъ, во всемъ томъ, въ чемъ высказывается субъективная сторона записокъ. *Соединеніе съ хронологическою послѣдовательностію изложенія связи внутренней, при которой болѣе имѣются въ виду причины и слѣдствія событій, ихъ значеніе, характеристика лицъ и общества, короче,—внутренній смыслъ событій, нежели самыя событія,—третья и послѣдняя особенность мемуаровъ.*

Итакъ, мемуарами или записками современниковъ называются такія повѣствованія, которыя содержатъ въ себѣ впечатлѣнія и наблюденія какого-либо лица надъ современнымъ ему обществомъ, отличающіяся субъективнымъ характеромъ и изложенныя въ хронологической и причинной послѣдовательности.

Отличіе мемуаровъ отъ лѣтописи. Сравнивая мемуары съ лѣтописью, мы замѣчаемъ глубокое между ними различіе. Лѣтописецъ передаетъ намъ не только происшествія настоящія, но и прошедшія, не только то, что видѣлъ самъ, но и что узналъ отъ другихъ, между тѣмъ авторъ мемуаровъ ограничивается одними личными наблюденіями и впечатлѣніями. Лѣтопись по большей части приводитъ событія кратко и такъ, что лицо составителя становится совершенно незамѣтнымъ, иначе—приводитъ событія объективно, тогда какъ мемуары касаются событій подробнѣе и всюду выдвигаютъ на первый планъ личность самого автора, иначе отличаются субъективностію. Наконецъ, при изложеніи обстоятельствъ въ лѣтописяхъ соблюдается почти исключительно порядокъ хронологическій, въ мемуарахъ же или запискахъ современниковъ, при хронологической послѣдовательности изложенія, имѣется въ виду и преимущественно связь между событіями внутренняя.

Digitized by Google

Значеніе мемуаровъ. Какъ замѣтки современника, непосредственно видѣвшаго, слышавшаго или даже принимавшаго во многомъ участіе, мемуары имѣютъ большое значеніе: они сообщаютъ такія подробности прошлаго, которыя безъ того остались бы совершенно неизвѣстными и которыя, какъ наблюденія очевидца, носятъ характеръ большей достовѣрности. Въ нихъ часто отражается цѣлая эпоха со всѣми своими выдающимися особенностями, съ воззрѣніями, понятіями и убѣжденіями извѣстнаго общества, или отдѣльнаго класса его, съ передовыми своими дѣятелями, съ частной жизней и домашнимъ бытомъ, съ общественными отношеніями и т. п. Такъ, записки Порошина воскрешаютъ передъ нами вѣкъ Екатерины съ его высокими понятіями о воспитаніи. Мы какъ-бы присутствуемъ на урокахъ и ежедневныхъ занятіяхъ наслѣдника престола, видимъ, какъ для правильнаго его воспитанія и образованія призваны были всѣ лучшіе люди того времени: будущій митрополитъ Платонъ, знаменитый педагогъ Иванъ Ивановичъ Бецкій, лучшій дипломатъ Никита Ивановичъ Панинъ, славившійся своею храбростію, умомъ и возвышенностію характера Петръ Ивановичъ Панинъ, графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ и другіе; каждый изъ нихъ бесѣдовалъ съ наслѣдникомъ престола о тѣхъ или другихъ предметахъ, необходимыхъ для правильнаго и всесторонняго его развитія. Записки Глинки знакомятъ насъ съ великимъ патріотическимъ духомъ русскаго народа въ тяжкую годину двѣнадцатаго года и съ подробностями такихъ замѣчательныхъ событій, какъ взятіе Смоленска, Бородинская битва и т. п. Впрочемъ, какъ записи лицъ, часто непосредственно принимавшихъ участіе въ записанномъ и потому лично въ томъ заинтересованныхъ, мемуары не всегда бываютъ свободны отъ преувеличиванія. Въ нихъ часто высказываются неправильныя понятія, пристрастныя сужденія, ложныя умозаключенія. Такимъ характеромъ отличаются, напр. записки Курбскаго, гдѣ онъ проводитъ односторонній взглядъ на царствованіе Ивана Васильевича Грознаго. Поэтому къ мемуарамъ слѣдуетъ относиться съ особенною осторожностію, по возможности провѣряя сообщаемыя ими свѣдѣнія другими данными.

Историческое возникновеніе мемуаровъ и замѣчательнѣйшіе изъ нихъ. Въ исторіи развитія словесныхъ произведеній мемуары появляются значительно позднѣе лѣтописей. Они возникаютъ въ пору большей умственной зрѣлости народа, когда тотъ достигаетъ нѣкоторой степени образованности и уже не удовлетворяется одною лѣтописью, когда на ряду съ духовными—въ письменности начинаютъ принимать участіе и люди свѣтскіе. Разъ появившись, мемуары уже не прекращаютъ своего существованія,

Digitized by Google

и чѣмъ образованнѣе народъ, тѣмъ больше встрѣчается у него этого рода литературныхъ памятниковъ. Древнѣйшими изъ записокъ считаются сочиненія Юлія Цезаря: „De bello gallico“ и „De bello civili“, гдѣ онъ разсказываетъ о галльской и гражданской войнахъ, въ которыхъ самъ лично участвовалъ, и Саллюстія Криспа— „Libri duae de conjuratione Catilinae et de bello Jugurtino“, въ которыхъ говорится о заговорѣ Катилины и Югуртинской войнѣ. Въ нашей литературѣ первыми по времени произведеніями этого рода были: „Исторія Князя Великаго Московскаго о дѣлахъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей, и яже видѣхомъ очима нашими“ князя Андрея Курбскаго, излагающая событія изъ царствованія Іоанна Васильевича Грознаго отъ его дѣтства до 1578 года; „Сказаніе объ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ Поляковъ и Литвы и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ“ Авраамія Палицына и „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“—Котошихина. Изъ позднѣйшихъ мемуаровъ болѣе другихъ замѣчательны: „Памятныя записки княгини Н. Б. Долгоруковой,“ характеризующія времена Бирона и передающія печальную жизнь самой Натальи Борисовны Долгоруковой; „Записки статсъ-секретаря Екатерины II“ Грибовскаго, рисующія свѣтлый образъ великой государыни; „Воспитаніе великаго князя Павла Петровича“ Порошина; „Письма русскаго офицера о войнѣ 12-го года“ С. Глинки и др.

Понятіе о біографіи на основаніи разбора біографіи Плетнева „Крыловъ“. Прекраснымъ и несомнѣнно достойнымъ образцомъ біографіи признается сочиненіе Плетнева „Крыловъ“. Для наилучшаго усвоенія приведемъ его въ сокращенномъ пересказѣ по книгѣ А. В. Семенова „Русское чтеніе.“—

„У насъ въ Россіи много было баснописцевъ, но лучшимъ изъ нихъ признанъ всѣми Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Онъ родился въ Москвѣ, 2 февраля 1768 года. Отецъ его, Андрей Прохоровичъ, тогда находился въ военной службѣ и вскорѣ принужденъ былъ отправиться съ семействомъ въ Оренбургъ. Величайшая опасность ожидала тамъ маленькаго Крылова и мать его. Въ этомъ краю появился самозванецъ Пугачевъ, противъ котораго и послано было войско. Отецъ Крылова былъ храбрый капитанъ и распоряжалъ свои дѣйствія умно и счастливо. Бунтовщикъ, въ досадѣ на него, отдалъ приказаніе, чтобы все его семейство было повѣшено, лишь только его соумышленникамъ удастся взять Оренбургъ. Къ счастію, не такъ случилось. Пугачевъ самъ былъ пойманъ и отвезенъ въ Москву на казнь. Тогда и капитанъ Крыловъ покинулъ военную службу и перешелъ въ гражданскую. Онъ поселился въ Твери, гдѣ опредѣлили его въ предсѣдатели губернскаго магистрата. Едва исполнилось сыну одиннадцать лѣтъ, какъ отецъ скончался.

Мать Крылова называлась Марья Алексѣевна. Онъ ей обязанъ

Digitized by Google

былъ воспитаніемъ и всѣмъ, чему удалось ему выучиться въ дѣтствѣ. Оттого до самой смерти своей Крыловъ вспоминалъ о ней съ благодарностію и любовію. Жили они въ бѣдности и нуждѣ; но мать успѣла сама научить сына своего читать и писать по-русски, а для французскаго языка посылала его къ гувернеру губернаторскихъ дѣтей и послѣ заставляла при себѣ повторять выученное тамъ

У дѣтей часто недостаетъ терпѣнія и вниманія, когда начинаютъ ихъ учить чему-нибудь. Мать Крылова испытала тоже на своемъ сынѣ. Придумывая разныя средства, какъ бы заставить его охотнѣе учиться, она рѣшилась всякій разъ ему давать по нѣсколько копеекъ въ награду, когда онъ исправно просиживалъ съ нею за урокомъ. Сынъ очень радъ былъ тому и пряталъ деньги. Привычка къ накопленію денегъ безъ опредѣленной цѣли зарождаетъ въ дѣтяхъ дурную страсть, извѣстную подъ именемъ скупости. Мать стала бояться, чтобы не случилось того и съ ея сыномъ. Тогда она растолковала ему, какъ онъ можетъ на свои деньги покупать для себя такія вещи, которыя ему необходимы, напр. перчатки, картузъ и т. п. Онъ былъ очень радъ, что могъ наряжаться по своему вкусу изъ собственныхъ денегъ.

Послѣ отца Крылова остался цѣлый сундукъ съ книгами. Въ мальчикѣ врожденная была наклонность къ чтенію. Онъ и занимался имъ безпрестанно. Въ головѣ его бродили разныя приключенія, о которыхъ узналъ онъ въ книгахъ. Особенно нравились ему вымыслы о волшебникахъ, которыхъ часто выводили на сцену въ старинныхъ операхъ. Онъ даже почувствовалъ охоту сочинить что-нибудь въ этомъ родѣ. Такимъ образомъ, будучи только четырнадцати лѣтъ, онъ написалъ свою оперу, подъ названіемъ „Кофейница“. Хорошо, что ея не напечатали. Это былъ ребяческій наборъ незанимательныхъ явленій и смѣшныхъ арій.

Въ то время, какъ сынъ проводилъ время въ любимыхъ забавахъ своихъ, мать его предавалась заботамъ, чѣмъ содержать себя и ребенка. У нихъ не было ни собственнаго состоянія, ни пенсіи. Она рѣшилась, какъ это часто дѣлаютъ бѣдные родители, опредѣлить мальчика въ службу, хоть онъ ничему еще порядочно не научился и могъ только кое-какъ переписывать бумаги. Крылова приняли писцомъ въ тотъ же магистратъ, гдѣ служилъ отецъ его. Но это не принесло имъ значительнаго пособія. Крайняя бѣдность и надежда на пенсію за службу мужа заставили мать отправиться съ сыномъ изъ Твери въ Петербургъ. Они прибыли сюда въ 1782 году и жили въ большой нуждѣ. Хоть Крылову и дали здѣсь мѣсто въ службѣ, но онъ получалъ жалованія только 25 рублей въ годъ. Ему удалось между тѣмъ продать свою „Кофейницу“ одному книгопродавцу Брейткопфу, который былъ вмѣстѣ и хорошій музыкантъ. Вмѣсто 60 рублей, которые покупщикъ согласился дать ему за рукопись, мальчикъ выбралъ у него для себя нѣсколько французскихъ книгъ, въ томъ числѣ сочиненія Расина, Мольера и Буало. Онъ не могъ довольно начитаться ихъ—и самъ рѣшился писать трагедіи. Страсть къ театру усилилась въ немъ еще болѣе тогда, когда удалось ему познакомиться съ знаменитымъ въ то время трагикомъ нашимъ Княжнинымъ и славнымъ актеромъ Дмитревскимъ.

Digitized by Google

Только шесть лѣтъ прожила въ Петербургѣ мать Крылова. По смерти ея, онъ долженъ былъ самъ заботиться о своемъ существованіи и счастіи.

Двадцатилѣтній молодой человѣкъ, по неопытности своей, много потерялъ времени на занятія безполезныя, прежде нежели дошелъ до того, что было согласно съ его силами и способностями. Онъ родился съ необыкновенными дарованіями къ умственной работѣ и былъ въ ранней молодости очень дѣятелепъ; но ему не доставало тѣхъ знаній, которыя пріобрѣтаются порядочнымъ воспитаніемъ и ученіемъ. Что узналъ онъ—все было неполно, безъ связи, перемѣшано. Самое чтеніе книгъ, чему онъ предавался больше всего, увлекало его къ пустымъ предпріятіямъ, потому что никто не руководилъ его въ этомъ дѣлѣ, никто не указывалъ ему на необходимое и не предостерегалъ отъ вреднаго. Онъ получилъ отъ природы умъ острый и проницательный. Вмѣсто того, чтобы обращать его дѣятельность на изученіе наукъ, онъ только занимался сочиненіемъ то тяжелыхъ трагедій, то смѣшныхъ и колкихъ разсказовъ. Изъ неудачныхъ первыхъ опытовъ его особенно извѣстны двѣ трагедіи: „Клеопатра“ и „Филомела“.—Первая не попала въ печать. Дмитревскій, съ которымъ Крыловъ совѣтовался, изъяснилъ ему, что это сочиненіе, какъ слабо обдуманное, не заслуживаетъ быть изданнымъ. Другая трагедія, не смотря на то, что напечатана, совсѣмъ не занимательна. Видно, Крыловъ еще не зналъ тогда, что, въ сочиненіе, для котораго берется содержаніе изъ исторіи, должны войти самыя вѣрныя черты жизни, правовъ и прочихъ историческихъ особенностей.

По смерти матери, Крыловъ еще два года оставался на службѣ. Не чувствуя въ себѣ особенной наклонности къ должностнымъ занятіямъ, онъ съ 1789 года, вышедши въ отставку, исключительно началъ трудиться, какъ журналистъ. Съ этимъ знаніемъ онъ соединилъ и другое, а именно—званіе типографщика, чѣмъ надѣялся упрочить способы независимой жизни. Такъ провелъ онъ двѣнадцать лѣтъ. Если бы удалось ему въ первой молодости запастись основательными и разнообразными свѣдѣніями въ наукахъ, безъ сомнѣнія онъ, при способностяхъ своихъ, съ 20-ти до 30-ти лѣтъ жизни, успѣлъ бы произвести что-нибудь болѣе замѣчательное, нежели трагедіи и мелкія стихотворенія.

Теперь первымъ предпріятіемъ Крылова въ литературѣ было изданіе „Почты духовъ“, сатирическаго журнала, выходившаго въ продолженіе 1789 г. Въ составленіи его участвовалъ капитанъ гвардіи Рахмановъ. Собственно Крылова сочиненія, помѣщенныя тутъ, представляются въ видѣ переписки, бывшей будто бы между адскими духами: Зоромъ, Буристономъ, Вѣстодавомъ и Маликульмулькомъ. Письма ихъ содержатъ изображеніе всего, что въ тогдашнемъ вѣкѣ казалось сочинителю страннымъ, смѣшнымъ, глупымъ, порочнымъ и вреднымъ. Особенно осмѣиваетъ онъ безразсудное пристрастіе русскихъ къ неумѣстному употребленію французскаго языка въ разговорахъ, также дурное воспитаніе и пренебреженіе ко всему отечественному.

Digitized by Google

Въ слѣдующіе за тѣмъ два года ничего не явилось изъ-подъ пера Крылова. Онъ до пристрастія полюбилъ театръ и посѣщалъ его неизмѣнно. Въ 1792 году онъ рѣшился опять издавать журналъ, подъ названіемъ „Зритель". Участникомъ его въ новомъ изданіи былъ литераторъ Клушинъ, извѣстный впослѣдствіи времени какъ писатель для театра. Сочиненія Крылова въ Зрителѣ были разнообразны. Много между ними есть и мелкихъ его стихотвореній, впрочемъ не очень замѣчательныхъ. Сатирическое направленіе оставалось и здѣсь господствующимъ, какъ было въ Почтѣ духовъ.

Издатели, по истеченіи года, прекратили этотъ журналъ, начавъ другой, который назывался: „Санктпетербургскій Меркурій". Здѣсь Крыловъ напечаталъ множество мелкихъ своихъ стихотвореній и нѣсколько замѣчаній на театральныя піесы, тогда игравшіяся, не переставая нападать съ колкостію на слабости и глупости современниковъ. Въ этомъ же году онъ написалъ комическую оперу „Бѣшеная семья" и комедію „Проказники", которыя представлены были обѣ на театрѣ, а напечатаны въ старинномъ сборникѣ русскихъ театральныхъ піесъ, изданномъ Академіею Наукъ, подъ заглавіемъ: „Россійскій Ѳеатръ". Тоже произошло и въ 1794 году съ новою его комедіею: „Сочинитель въ прихожей". Впрочемъ, въ нихъ мало видно правдоподобія дѣйствительной жизни, или характеровъ, обдуманно составленныхъ. Крыловъ ихъ писалъ въ подраженіе тому, что видѣлъ въ театрѣ, тогда еще новомъ у насъ и бѣдномъ хорошими образцами.

Въ продолженіе слѣдующихъ шести лѣтъ (съ 1795 по 1801) Крыловъ и въ службѣ не былъ и ничего не сдѣлалъ для литературы; по крайней мѣрѣ, нѣтъ изъ его сочиненій ни одного, которое бы видимо относилось къ этому времени. Можно подумать, что съ двадцати пяти лѣтъ до тридцать втораго года жизни своей онъ и не думалъ о прежнихъ любимыхъ своихъ занятіяхъ. Бываетъ нерѣдко, что люди въ этомъ возрастѣ предаются праднымъ удовольствіямъ и разсѣянности. Къ сожалѣнію, Крыловъ не избѣжалъ общей участи. Онъ любилъ тогда забавы, посѣщалъ для своего развлеченія общество и раздѣлялъ безплодное его препровожденіе времени. Но какъ поэтъ, онъ много отсюда взялъ и добраго запаса на будущее время. Онъ ближе ознакомился съ людьми, началъ понимать различныя ихъ обязанности, ихъ склонности и страсти, и такимъ образомъ приготовился къ будущимъ своимъ трудамъ. Онъ успѣлъ пополнить воспитаніе свое, привыкнувъ къ чтенію на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, выучившись по-итальянски, также рисовать и играть на скрипкѣ. Въ послѣднемъ искусствѣ онъ довелъ себя до такого совершенства, что съ лучшими виртуозами того времени разъигрывалъ самые трудные квартеты. Но онъ не употреблялъ особенныхъ усилій на то, чтобы свободно говорить на французскомъ языкѣ, хотя легко читалъ и даже могъ писать по французски.

Первые два года прошлаго столѣтія Крыловъ находился въ службѣ, состоя секретаремъ у рижскаго военнаго губернатора, князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына, который особенно покровительствовалъ

Digitized by Google

его. Изъ Риги начальникъ его, взявъ отставку, переѣхалъ въ Саратовскую свою деревню, куда пригласилъ жить и Крылова. Тамъ онъ провелъ три года, какъ другъ семейства князя, и занимаясь по временамъ, какъ учитель, съ его дѣтьми. Жизнь въ чужомъ домѣ рѣшительно подѣйствовала на его умъ и характеръ. Онъ пріобрѣлъ навыкъ соображаться съ разными обстоятельствами, обдумывать не только поступки свои, но и каждое слово, предвидѣть хорошее и худое изъ того положенія, въ которомъ находишься, и быть постоянно благоразумнымъ, даже крайне осторожнымъ въ отношеніи ко всѣмъ людямъ. Можно сказать, что здѣсь только кончился періодъ его воспитанія, который судьба повидимому длила до тридцати семи лѣтъ его жизни. Дальнѣйшія литературныя занятія Крылова были по большей части уже достойны этого знаменитаго между нами имени. Какъ ни медленно подвигался онъ на пути славы, какъ ни трудно было ему самому дойти до того, что другіе получаютъ отъ своевременнаго воспитанія и счастливыхъ обстоятельствъ жизни, но онъ побѣдилъ всѣ затрудненія и до такихъ успѣховъ довелъ данный ему природою талантъ, что сдѣлался предметомъ удивленія, любви и благодарности своихъ соотечественниковъ.

Въ сочиненіи басенъ Крыловъ показалъ образецъ совершеннѣйшій. Повидимому, онъ создалъ для насъ свою поэзію, одушевившись единственно нашею природою, нашею жизнію и нашими нравами. Умъ, воображеніе и языкъ въ его басняхъ представляютъ одно отличительное, замѣчательное и прекрасное въ томъ видѣ, какъ оно свойственно русскому народу и какъ оно должно являться истинному поэту, особенно въ этомъ родѣ. Отъ прежнихъ своихъ занятій къ баснямъ Крыловъ перешелъ, можно сказать, случайнымъ образомъ. Въ 1806 году онъ былъ въ Москвѣ, гдѣ и познакомился съ И. И. Дмитріевымъ, котораго басни не менѣе уважаются, какъ и прочія его стихотворенія. Крылову вздумалось перевести для опыта двѣ басни Лафонтена: „Дубъ и Трость“ и „Разборчивую Невѣсту.“ Онъ показалъ переводъ свой Дмитріеву. Опытный баснописецъ тотчасъ почувствовалъ, какой талантъ скрывается въ его будущемъ соперникѣ, и присовѣтовалъ ему не покидать новаго рода занятій. Крыловъ тогда же перевелъ еще изъ Лафонтена басню: „Старикъ и трое молодыхъ“. Такимъ образомъ онъ добрымъ совѣтомъ выведенъ былъ на дорогу, которая довела его до безсмертія.

Между тѣмъ старинная страсть къ театральнымъ сочиненіямъ не совсѣмъ покинула его. Въ 1807 году онъ напечаталъ двѣ комедіи: „Модную лавку“ и „Урокъ дочкамъ“, а также волшебную оперу—„Илья Богатырь“, которыя всѣ играны были и на театрѣ. Первыя двѣ долго нравились всѣмъ и потому долго оставались на сценѣ. Въ нихъ есть явленія, по которымъ можно узнать остроумнаго и насмѣшливаго Крылова. Но это было послѣднею его данью театру. Онъ предался теперь исключительно баснямъ. Не надобно впрочемъ думать, что ихъ сочиненіе составляло для него трудъ непрерывный и постоянный. Онъ отъ времени до времени пользовался какимъ-нибудь случаемъ, который

Digitized by Google

давалъ ему содержаніе басни. Заготовивъ ее вчернѣ, онъ долго прочитывалъ и переправлялъ новое сочиненіе свое, нѣсколько разъ переписывая его на особомъ листкѣ. Почеркъ его былъ старинный и до такой степени неразборчивый, что Крыловъ подъ старость и самъ не могъ читать своихъ рукописей. Когда онъ читалъ свои басни другимъ, его чтеніе было такъ же пріятно, естественно и выразительно, какъ и стихи его. Въ первый разъ особою книжкою напечатаны были Крылова басни въ 1808 году. Ихъ было только 23. Не смотря на столь малое число ихъ, сочинитель скоро сдѣлался самымъ замѣчательнымъ лицомъ. Особенно полюбили его графъ А. С. Строгоновъ и А. Н. Оленинъ, люди, умѣвшіе цѣнить таланты во всѣхъ родахъ. Императоръ Александръ Павловичъ успѣхи Крылова въ поэзіи признавалъ какъ бы заслугою передъ отечествомъ и щедро награждалъ его. Государыня Марія Ѳеодоровна удостоила его даже личнаго своего участія и, приглашая иногда къ себѣ, любила слушать то, что ему удавалось написать новаго.

Совершенно однообразная и покойная жизнь началась для Крылова, когда онъ опредѣлился на службу въ Императорскую Публичную Библіотеку, куда переселился и на житье, что было въ 1812 году. Онъ здѣсь провелъ всю остальную половину жизни своей, за исключеніемъ только четырехъ послѣднихъ лѣтъ.

Разбирая внимательно характеръ мыслей Крылова, зрѣлость его поучительности и постоянное заступничество за правила мудрой умѣренности во всѣхъ случаяхъ, какіе только представлялись ему въ жизни и современной исторіи, надобно согласиться, что онъ высоко цѣнилъ отвѣтственность писателя и случайно дошелъ до тѣхъ совершенствъ, которымъ всѣ въ немъ удивляются. Его внѣшняя жизнь, столь обманчивая для приговора, прикрывала невидимую дѣятельность души, жизнь внутреннюю, постоянно бодрствовавшую для общаго блага. Въ самомъ обработываніи своихъ сочиненій Крыловъ оставилъ намъ прекрасный примѣръ. Все у него доведено до выраженія, столь безъискусственнаго и согласнаго съ природою, что повидимому онъ находилъ въ умѣ своемъ уже готовые на все стихи. Гоголь говоритъ о Крыловѣ слѣдующимъ образомъ: „Его басни—достояніе народное и составляютъ книгу мудрости самого народа... Всякая басня его имѣетъ историческое происхожденіе. Не смотря на свою неторопливость и, повидимому, равнодушіе къ событіямъ современнымъ, поэтъ однако же слѣдилъ всякое событіе внутри государства: на все подавалъ свой голосъ, и въ голосѣ этомъ слышалась разумная середина, примиряющій, третейскій судъ, которымъ такъ силенъ русскій умъ, когда достигаетъ до своего полнаго совершенства. Строго взвѣшаннымъ и крѣпкимъ словомъ такъ разомъ онъ и опредѣлитъ дѣло, такъ и означитъ, въ чемъ его истинное существо... Вообще его занимали вопросы важные. Въ книгѣ его всѣмъ есть уроки, всѣмъ степенямъ въ государствѣ, начиная отъ высшаго сановника и до послѣдняго труженика, работающаго въ низшихъ рядахъ государственныхъ.... Ни одинъ изъ поэтовъ не умѣлъ сдѣлать свою мысль такъ ощутительною и выражаться такъ доступно всѣмъ, какъ Крыловъ. Поэтъ и мудрецъ слились въ немъ воедино. У

Digitized by Google

него живописно все, начиная отъ изображенія природы плѣнительной, грозной и даже грязной, до передачи малѣйшихъ оттѣнковъ разговора, выдающихъ живьемъ душевныя свойства. Все такъ сказано мѣтко, такъ найдено вѣрно и такъ усвоено крѣпко, что даже и опредѣлить нельзя, въ чемъ характеръ пера Крылова. У него не поймаешь его слога. Предметъ, какъ бы не имѣя словесной оболочки, выступаетъ самъ собою, натурою передъ глаза. Стиха его также не схватишь. Никакъ не опредѣлишь его свойства: звученъ онъ? легокъ ли? тяжелъ ли? Звучитъ онъ тамъ, гдѣ предметъ у него звучитъ; движется, гдѣ предметъ движется; крѣпчаетъ, гдѣ крѣпнетъ мысль, и становится вдругъ легкимъ, гдѣ уступаетъ легковѣсной болтовнѣ дурака. Его рѣчь покорна и послушна мысли и летаетъ, какъ муха, то являясь вдругъ въ длинномъ шестистопномъ стихѣ, то въ быстромъ одностопномъ; разсчитаннымъ числомъ слоговъ выдаетъ она ощутительно самую невыразимую ея духовность".

Оканчивался семидесятый годъ жизни Крылова, когда прошло пятьдесятъ лѣтъ со времени появленія въ печати сочиненія его: „Филомела". Русскіе литераторы пожелали торжественно отпраздновать наступившій день рожденія Крылова вмѣстѣ съ юбилеемъ авторской его жизни. Министръ Народнаго Просвѣщенія испросилъ соизволеніе Его Императорскаго Величества на предполагавшееся празднество. 2 февраля 1838 года оно совершено было здѣсь въ Петербургѣ съ полнымъ великолѣпіемъ. Не было почти ни одного человѣка, какимъ-нибудь талантомъ замѣчательнаго, кто бы не содѣйствовалъ успѣху этого народнаго праздника. Государь Императоръ, въ изъявленіе Высочайшаго благоволенія своего къ баснописцу, пожаловалъ ему въ этотъ день орденъ святаго Станислава со звѣздою второй степени. Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ пріѣзжали поздравить Крылова. Министръ Народнаго Просвѣщенія, Оленинъ, Жуковскій и друг. литераторы привѣтствовали его за обѣдомъ (гдѣ находилось до 300 человѣкъ) приготовленными на этотъ случай рѣчами и стихотвореніями. Жуковскій, между прочимъ, выразился слѣдующимъ образомъ: „Мы благодаримъ васъ, во первыхъ—за самихъ себя, за столь многія счастливыя минуты, проведенныя въ бесѣдѣ съ вашимъ геніемъ; благодаримъ за нашихъ юношей прошлаго, настоящаго и будущихъ поколѣній, которые съ вашимъ именемъ начали и будутъ начинать любить отечественный языкъ, понимать изящное и знакомиться съ чистою мудростію жизни; благодаримъ за русскій народъ, которому въ стихотвореніяхъ своихъ вы такъ вѣрно высказали его умъ и съ такою прелестію дали столько глубокихъ наставленій; наконецъ, благодаримъ васъ и за знаменитость вашего имени: оно сокровище отечества и внесено имъ въ лѣтописи его славы". Въ стихахъ князя Вяземскаго о Крыловѣ сказано въ одномъ мѣстѣ:

„Забавой онъ людей исправилъ,
„Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
„Онъ баснями себя прославилъ,
„И слава эта—наша быль.
„И не забудутъ этой были,
„Пока по-русски говорятъ:
„Ее давно мы затвердили,
„Ее и внуки затвердятъ".

Digitized by Google

Въ заключеніе торжества, присутствовавшіе на праздникѣ согласились участвовать, чтобы въ память этого событія выбита была медаль съ изображеніемъ Крылова. Когда было доведено о семъ до свѣдѣнія Государя Императора, Его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ медаль выбить на счетъ казны, а подписку открыть для составленія постояннаго капитала, котораго процентами могли бы въ учебныхъ заведеніяхъ содержаться молодые люди, подъ названіемъ Крыловскихъ стипендіатовъ. Крылову, еще при жизни его, удѣлено было судьбой счастіе помѣстить двухъ сиротъ въ здѣшнія гимназіи на счетъ суммы, собранной въ прославленіе его имени.

Съ 1841 года Крыловъ покинулъ навсегда службу и переѣхалъ жить изъ библіотеки на Васильевскій островъ. Высочайше повелѣно было производить ему пенсіи 11,700 р. асс. Онъ, усыновивъ семейство крестницы своей, находилъ забаву въ обученіи грамотѣ дѣтей ея и въ повтореніи съ ними уроковъ музыки. Крыловъ прожилъ до 1844 г. и скончался 9 ноября. Государь Императоръ на погребеніе знаменитаго поэта приказалъ отпустить изъ казны 9,000 р. асс. Санктпетербургскій университетъ и Академія наукъ приняли участіе на изъявленіе послѣдней почести Крылову, какъ члену своему. Знатнѣйшія особы государства и люди самаго простаго званія съ равнымъ чувствомъ прискорбія провожали тѣло его до Александро-Невской лавры, гдѣ оно погребено на тамошнемъ кладбищѣ. Голову Крылова украшалъ лавровый вѣнокъ, которымъ онъ былъ увѣнчанъ въ день своего юбилея. На груди его лежали цвѣты, которые получилъ онъ отъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и хранилъ, какъ святыню. При закрытіи гроба его, положена туда медаль, выбитая въ память бывшаго въ честь его празднества.

Признательность соотечественниковъ къ великому баснописцу не охладѣла съ его кончиною. Въ слѣдъ за почестями, оказанными ему при жизни и при погребеніи, всѣ пожелали воздвигнуть памятникъ ему и тѣмъ увѣковѣчить славу его въ самомъ отдаленномъ потомствѣ. И это общее желаніе удостоено было Всемилостивѣйшаго соизволенія Государя Императора. Подписка на памятникъ Крылову, производившаяся по всей Россіи, дала возможность украсить Петербургъ изображеніемъ того, кто своими тихими трудами увѣковѣчилъ славу нашего отечества. Колоссальная бронзовая статуя баснописца, на гранитномъ пьедесталѣ, украшенномъ бронзовыми же изображеніями главныхъ лицъ его басенъ, вылѣплена и отлита нашимъ извѣстнымъ скульпторомъ, барономъ Клодтомъ, и поставлена въ Лѣтнемъ саду, близъ главной аллеи".

Во всемъ произведеніи авторъ подробно говоритъ о знаменитѣйшемъ русскомъ баснописцѣ Крыловѣ. Въ частности здѣсь указано слѣдующее: время рожденія и смерти Ивана Андреевича, домашнее и внѣдомашнее его воспитаніе, частныя, общественныя и служебныя занятія, литературная дѣятельность, отношеніе къ нему современниковъ и уваженіе потомства. Все это передано

Digitized by Google

главнымъ образомъ въ логической, внутренней связи и при томъ на столько отчетливо, что личность Крылова живо выступаетъ предъ читателемъ со всѣми ея выдающимися особенностями. Послѣднее еще болѣе зависитъ отъ того, что писатель постарался подобрать такія происшествія, которыя несравненно лучше другихъ выдвигаютъ замѣчательнѣйшаго баснописца съ той или иной стороны. Въ этомъ случаѣ Плетневу много помогло личное знакомство съ Крыловымъ, хотя у него были подъ руками и посторонніе письменные источники.

Итакъ, *біографіею* (греч. βίος—жизнь и γράφω—пишу) *называется такое повѣствованіе, въ которомъ, на основаніи различнаго рода источниковъ, подробно излагаются важнѣйшія обстоятельства жизни какого-либо замѣчательнаго человѣка, расположенныя преимущественно въ строго-логической послѣдовательности.*

Образцы біографіи. Изъ древнихъ біографовъ извѣстны: у грековъ Плутархъ (50 — 120 по Р. Хр.) и у римлянъ Корнелій Непотъ (ум. въ 32 г. до Р. Хр.). Плутархъ оставилъ „Сравнительныя жизнеописанія мужей Греціи и Рима", изъ которыхъ уцѣлѣло 50 біографій, затеряно 10. Корнелій Непотъ написалъ „De vita excellentium imperatorum", содержащее 25 разсказовъ „о жизни великихъ государственныхъ мужей и полководцевъ". У насъ біографіи появляются довольно рано. Такъ, въ XI в. Іаковъ Мнихъ составилъ житія св. Владиміра и Бориса и Глѣба, пр. Несторъ—житіе Ѳеодосія Печерскаго; къ XII в. относится житіе Антонія Римлянина, къ XIII—цѣлый сборникъ житій Печерскихъ подвижниковъ. Изъ позднѣйшихъ біографій болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія—Фонъ-Визина, составленная княземъ Вяземскимъ, Карамзина—Погодинымъ, Жуковскаго—Зейдлицемъ, Грибоѣдова—Булгаринымъ, Кольцова—Бѣлинскимъ и др.

Виды біографіи: автобіографія и некрологъ. Если кто самъ излагаетъ свою жизнь, то такая біографія получаетъ названіе автобіографіи (греч.—αὐτός—самъ). Таковы, напр. „Записки о моей жизни" Державина, „Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ" Фонъ-Визина, „Взглядъ на мою жизнь" Дмитріева, „Поэзія и правда моей жизни" Гете и др. Автобіографіи могутъ служить превосходнымъ матеріаломъ для біографій; необходимо только, чтобы онѣ обладали по возможности искренностію и безпристрастіемъ, а такъ какъ откровенно говорить о себѣ очень трудно, то и къ автобіографіямъ слѣдуетъ относиться съ особенною осторожностію, всячески провѣряя ихъ показанія другими данными.

Краткій біографическій очеркъ важнѣйшихъ событій изъ жизни

Digitized by Google

какого-либо извѣстнаго лица, иногда съ перечнемъ заслугъ его, помѣщаемый, обыкновенно, по поводу его смерти въ газетахъ и журналахъ, называется некрологомъ (греч. νεκρὸς — мертвый и λόγος—слово,—слово, рѣчь о только что умершемъ). При составленіи некрологовъ нужно твердо помнить латинскую пословицу: „De mortuis aut bene aut nihil," т. е. о мертвыхъ или говорятъ хорошо или не говорятъ ничего. Подобно автобіографіямъ, некрологи даютъ матеріалъ для біографій.

Понятіе о характеристикѣ на основаніи разбора сочиненія Карамзина: „Іоаннъ III". Какъ образецъ характеристики, разберемъ сочиненіе Карамзина: „Іоаннъ III".

„Іоаннъ, рожденный и воспитанный данникомъ степной орды, подобной нынѣшнимъ киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей въ Европѣ, чтимый, ласкаемый, отъ Рима до Царяграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни императорамъ, ни гордымъ султанамъ; безъ ученія, безъ наставленій, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ политикѣ внѣшней и внутренней; силою и хитростію возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокрушая вольность новгородскую, захватывая удѣлы, расширяя владѣнія московскія до пустынь сибирскихъ и норвежской Лапландіи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣренности основанную для насъ систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить величіе государства. Бракосочетаніемъ съ Софіею обративъ на себя вниманіе державъ, раздравъ завѣсу между Европой и нами, съ любопытствомъ обозрѣвая престолы и царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя: принималъ союзы, но съ условіемъ ясной пользы для Россіи; искалъ орудій для собственныхъ замысловъ и не служилъ никому орудіемъ, дѣйствуя всегда, какъ свойственно великому, хитрому монарху, не имѣющему никакихъ страстей въ политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего народа. Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ держава независимая, величественно возвысила главу свою на предѣлахъ Азіи и Европы, спокойная внутри и не боясь враговъ внѣшнихъ.

Онъ не только учредилъ единовластіе, до времени оставивъ права князей владѣтельныхъ однимъ украинскимъ или бывшимъ литовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ, но былъ и первымъ истиннымъ самодержавцемъ Россіи, заставилъ благоговѣть предъ собою вельможъ и народъ, восхищая милостію, ужасая гнѣвомъ, отмѣнивъ частныя права, несогласныя съ полновластіемъ вѣнценосца. Князья племени Рюрикова и св. Владиміра служили ему наравнѣ съ другими подданными и славились титломъ бояръ, дворецкихъ, окольничихъ, когда знаменитою, долговременною службою пріобрѣтали оное. Предсѣдательствуя на соборахъ церковныхъ, Іоаннъ всенародно являлъ себя главою духовенства; гордый въ сношеніяхъ съ царями, величавый въ пріемѣ ихъ посольствъ, любилъ пышную

Digitized by Google

торжественность; уставилъ обрядъ цѣлованія монаршей руки, въ знакъ лестной милости; хотѣлъ и всѣми наружными способами возвышаться предъ людьми, чтобы сильно дѣйствовать на воображеніе; однимъ словомъ, разгадавъ тайны самодержавія, сдѣлался какъ-бы земнымъ богомъ для россіянъ, которые съ сего времени начали удивлять всѣ иные народы своею безпредѣльною покорностію волѣ монаршей. Ему первому дали въ Россіи имя Грознаго, но въ похвальномъ смыслѣ: грознаго для враговъ и строптивыхъ ослушниковъ. Впрочемъ, не будучи тираномъ, подобно своему внуку Іоанну Васильевичу Четвертому, онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ природную жестокость во нравѣ, умѣряемую въ немъ силою разума. Рѣдко основатели монархій славятся нѣжною чувствительностію, и твердость, необходимая для великихъ дѣлъ государственныхъ, граничитъ съ суровостью. Пишутъ, что робкія женщины падали въ обморокъ отъ гнѣвнаго, пламеннаго взора Іоаннова, что просители боялись идти къ трону, что вельможи трепетали и на пирахъ во дворцѣ не смѣли шепнуть слова, ни тронуться съ мѣста, когда государь, утомленный шумною бесѣдою, разгоряченный виномъ, дремалъ по цѣлымъ часамъ за обѣдомъ: всѣ сидѣли въ глубокомъ молчаніи, ожидая новаго приказа веселить его и веселиться.

Іоаннъ, какъ человѣкъ, не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха, ни Донскаго, но стоитъ, какъ государь, на высшей степени величія. Онъ казался иногда боязливымъ, нерѣшительнымъ, ибо хотѣлъ всегда дѣйствовать осторожно. Сія осторожность есть вообще благоразуміе; она не плѣняетъ насъ, подобно великодушной смѣлости, но успѣхами медленными, какъ-бы неполными, даетъ своимъ твореніямъ прочность. Что оставилъ міру Александръ Македонскій? Славу. Іоаннъ оставилъ государство, удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ правленія, то, которое нынѣ съ любовію и гордостію именуемъ нашимъ любезнымъ отечествомъ. Россія Олегова, Владимірова, Ярославова погибла въ нашествіе моголовъ: Россія нынѣшняя образована Іоанномъ; а великія державы образуются не механическимъ сцѣпленіемъ частей, какъ тѣла минеральныя, но превосходнымъ умомъ державныхъ. Уже современники первыхъ счастливыхъ дѣлъ Іоанновыхъ возвѣстили въ исторіи славу его: знаменитый лѣтописецъ польскій Длугошъ въ 1480 году заключилъ свое твореніе хвалою сего непріятеля Казимирова. Нѣмецкіе, шведскіе историки шестагонадесять вѣка согласно приписали ему имя Великаго; а новѣйшіе замѣчаютъ въ немъ разительное сходство съ Петромъ Первымъ; оба, безъ сомнѣнія, велики, но Іоаннъ, включивъ Россію въ общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованныхъ народовъ, не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ; не видимъ также, чтобы пекся о просвѣщеніи умовъ науками: призывая художниковъ для украшенія столицы, для успѣховъ воинскаго искусства, хотѣлъ единственно великолѣпія, силы; и другимъ иноземцамъ не заграждалъ пути въ Россію, но единственно такимъ, которые могли служить ему орудіемъ въ дѣлахъ посольскихъ или торговыхъ; любилъ изъявлять

Digitized by Google

имъ только милость, какъ пристойно великому монарху, къ чести, не къ униженію собственнаго народа. Не здѣсь, но въ исторіи Петра должно изслѣдовать, кто изъ сихъ двухъ вѣнценосцевъ поступилъ благоразумнѣе или согласнѣе съ истинною пользою отечества".

Въ этомъ произведеніи Карамзинъ выставляетъ Іоанна III-го, какъ знаменитѣйшаго государя Европы. Сначала онъ говоритъ о внѣшней политикѣ Іоанна III-го или объ отношеніи его къ государямъ сосѣднимъ, затѣмъ о политикѣ внутренней, иначе о дѣятельности Іоанна III-го въ предѣлахъ государства собственнаго. Въ томъ и другомъ случаѣ въ сочиненіи выступаютъ на первый планъ природныя свойства, выдѣлившія Іоанна III-го изъ ряда другихъ европейскихъ государей и доставившія ему видное мѣсто между ними. Основною чертою духовной природы Іоанна является, по словамъ Карамзина, сильный врожденный умъ, руководившій государемъ во всей его многосложной дѣятельности. Подъ неотразимымъ вліяніемъ сильнаго природнаго ума соединились и дѣйствовали въ государѣ слѣдующія силы души: хитрость, „добродѣтельная любовь къ прочному благу своего народа", милость и гнѣвъ въ отношеніяхъ къ подданнымъ, наклонность къ пышной торжественности, „жестокость, умѣряемая силою разума" и граничившая съ суровостію, и боязливость и нерѣшительность,—какъ слѣдствія благоразумной осторожности. Взятыя вмѣстѣ, всѣ эти способности души придали личности Іоанна III особый, своеобразный отпечатокъ, то, что составило сущность его духовной природы. Указаніе *внутренней природы какого-либа лица, какъ совокупности его душевныхъ качествъ, служитъ первою принадлежностію характеристики.* Впрочемъ, характеристика можетъ имѣть своимъ предметомъ племена, общества, цѣлый народъ, событія, эпохи, мѣстности и проч. Въ такомъ случаѣ въ ней имѣется въ виду вообще внутренняя сторона характеризуемыхъ предметовъ. Отсюда же самое названіе —характеристика (греч. χαρακτήρ, отъ χαράσσω—изображаю, вырѣзываю, чеканю, даю предмету выпуклый видъ,—черта, примѣта, отличительное свойство), т. е. сочиненіе, указывающее черты, примѣты, отличительныя свойства предметовъ. Какъ перечисленіе внутреннихъ существенныхъ качествъ характеризуемаго предмета, характеристика напоминаетъ описанія и въ этомъ смыслѣ причисляется часто къ сочиненіямъ описательнымъ.

Перечисляя душевныя качества Іоанна III-го, Карамзинъ вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ и самыя дѣйствія, въ которыхъ проявилась его духовная природа. „Руководствуемый только природнымъ умомъ, безъ ученія, безъ наставленій, Іоаннъ третій далъ себѣ мудрыя правила въ политикѣ внѣшней и внутренней". Во внѣшней политикѣ, благодаря силѣ и хитрости, онъ во-первыхъ, возстановилъ свободу и цѣлость Россіи по отношенію къ Татарамъ,

Digitized by Google

Литвѣ, Новгородцамъ и удѣльнымъ князьямъ, во-вторыхъ, „изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣренности основанную систему войны и мира“, въ третьихъ, „бракосочетаніемъ съ Софіею раздралъ завѣсу между Европою и нами“; въ четвертыхъ, „принималъ союзы лишь съ условіемъ ясной пользы для Россіи“; словомъ, дѣйствовалъ всегда такъ, „какъ свойственно великому, хитрому монарху, не имѣющему никакихъ страстей въ политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего народа“. Въ дѣлѣ управленія собственнымъ государствомъ или политикѣ внутренней Іоаннъ третій учредилъ единовластіе и былъ первымъ истиннымъ самодержавцемъ Россіи, отмѣнивъ частныя права удѣльныхъ князей за исключеніемъ украинскихъ и дѣйствуя на вельможъ и народъ то милостію, то гнѣвомъ. „Предсѣдательствуя на соборахъ, Іоаннъ всенародно являлъ себя главою духовенства“; любя пышную торжественность, онъ гордъ былъ въ сношеніяхъ съ царями, величавъ въ пріемѣ ихъ посольствъ и даже установилъ въ знакъ лестной милости обрядъ цѣлованія монаршей руки; вообще, „разгадавъ тайны самодержавія, сдѣлался какъ-бы земнымъ богомъ для Россіянъ“. Іоаннъ третій имѣлъ природную жестокость, но жестокость его, сдерживаемая великимъ умомъ, переходила въ суровость. Послѣдняя проявлялась въ страхѣ, который государь наводилъ на своихъ подданныхъ: „робкія женщины отъ гнѣвнаго, пламеннаго взора Іоаннова падали въ обморокъ, просители боялись идти къ трону, а вельможи на пирахъ во дворцѣ не смѣли и шепнуть слова“ безъ воли государя. Иногда государь казался боязливымъ и нерѣшительнымъ, но и это вытекало изъ разсчетовъ его сильнаго ума: онъ всегда хотѣлъ дѣйствовать съ благоразумною осторожностію. Слѣдствіемъ всего этого было то, что „Іоаннъ оставилъ государство, удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ правленія“. Вотъ почему, прибавляетъ Карамзинъ въ заключеніе своей характеристики, современные и новѣйшіе историки относились съ большою похвалою къ Іоанну третьему, и затѣмъ приводитъ мнѣнія объ Іоаннѣ третьемъ тѣхъ и другихъ историковъ; при этомъ онъ высказываетъ и свое личное соображеніе по поводу найденнаго новѣйшими историками сходства между дѣятельностію Іоанна третьяго и Петра Великаго. По отношенію къ духовной природѣ Іоанна третьяго всѣ поступки и дѣйствія его служатъ стороною внѣшнею. Слѣдовательно, *указаніе внѣшней стороны характеризуемыхъ предметовъ, какъ обнаруженія ихъ природы внутренней* (разумѣется, насколько первая выражаетъ послѣднюю) *составляетъ вторую особенность характеристики.* Такъ какъ внѣшняя сторона характе-

Digitized by Google

ризуемыхъ предметовъ по большей части содержитъ въ себѣ обстоятельства или происшествія, какъ, напр. въ данномъ произведеніи, то, понимаемая въ этомъ значеніи, характеристика относится къ сочиненіямъ повѣствовательнымъ.

Излагая внѣшнюю дѣятельность Іоанна третьяго, Карамзинъ не прибѣгаетъ къ подробному ея раскрытію: онъ вкратцѣ перечисляетъ дѣйствія государя во внѣшней и внутренней политикѣ. Вмѣстѣ съ событіями первостепенной важности, каковы—возстановленіе свободы и цѣлости Россіи, учрежденіе единовластія и самодержавія и др., приводятся у него и обстоятельства повидимому совершенно незначительныя, какъ обморокъ робкихъ женщинъ отъ одного гнѣвнаго взора Іоанна, отношеніе къ нему просителей и страхъ вельможъ во время дворцовыхъ пировъ, но подобные факты особенно наглядно выражаютъ природную жестокость государя. Отсюда вытекаетъ правило: *не вдаваться при характеристикѣ въ слишкомъ подробное изложеніе внѣшней стороны характеризуемыхъ предметовъ и не пренебрегать фактами повидимому мелочными, но на дѣлѣ очень характеристичными.*

Всѣ обстоятельства изъ внѣшней и внутренней политики Іоанна третьяго Карамзинъ располагаетъ не въ хронологической послѣдовательности, а соотвѣтственно тѣмъ чертамъ духовной природы государя, выраженіемъ которыхъ они являются. Такъ, отношенія государя къ Татарамъ, Литовцамъ, Новгородцамъ и удѣльнымъ князьямъ, изобрѣтеніе имъ новой системы войны и мира, бракъ съ Софіею и полезные союзы для Россіи приведены рядомъ, какъ событія однохарактерныя, свидѣтельствующія о хитрости и любви Іоанна третьяго къ прочному благу своего народа, проявившихся во внѣшней его политикѣ, хотя все это случилось въ различное время; учрежденіе единовластія и самодержавія и предсѣдательство на церковныхъ соборахъ поставлены вмѣстѣ, какъ факты, говорящіе о сильномъ умѣ Іоанна въ политикѣ внутренней; гордость въ сношеніяхъ съ царями, величавый пріемъ посольствъ и обрядъ цѣлованія монаршей руки указываютъ на любовь Іоанна третьяго къ пышной торжественности и т. д. Въ самомъ перечисленіи внутреннихъ качествъ Іоанна точно также соблюдена логическая послѣдовательность: сначала указано общее и главное свойство души Іоанна—сильный умъ, и затѣмъ—его проявленіе и дѣйствія на другія силы души въ политикѣ внѣшней и внутренней. *Логическая послѣдовательность изложенія—третье и послѣднее свойство характеристики.*

Такимъ образомъ, *характеристикою называется такое описательно-повѣствовательное сочиненіе, въ которомъ, въ строго-логи-*

Digitized by Google

ческой послѣдовательности указывается внутренняя природа какого либо предмета въ связи съ общимъ проявленіемъ ея во внѣшности.

Какъ отдѣльныя, самостоятельныя произведенія, характеристики встрѣчаются очень рѣдко; въ большинствѣ онѣ входятъ въ составъ мемуаровъ, біографій, исторіи и проч.

Понятіе объ исторіи на основаніи разбора отрывка изъ исторіи Соловьева—„Крещеніе Ольги“. Послѣдній видъ прозы повѣствовательной представляетъ исторія. Первоначально подъ именемъ исторіи (греч. ἱστορία отъ ἱστορέω—стараюсь разузнать) разумѣлось разузнаваніе, изслѣдованіе, вообще повѣствованіе о томъ, что такъ или иначе узнано. Отсюда еще въ древности возникло названіе „Historia naturalis—естественная исторія“ въ смыслѣ изученія существенныхъ свойствъ природы. Въ дальнѣйшемъ, уже болѣе тѣсномъ и собственномъ значеніи подъ исторіей стали понимать лишь то, что относится къ событіямъ и явленіямъ, происшедшимъ въ жизни одного или нѣсколькихъ народовъ, или всего человѣчества. Наконецъ, въ наше время съ понятіемъ исторіи соединяется мысль и объ усвоеніи чего-бы-то-ни-было вообще, основывающемся прежде всего на данныхъ прошлаго и имѣющемъ своею главною и существенною задачею ознакомленіе съ происхожденіемъ затрогиваемыхъ предметовъ и ихъ видоизмѣненіями; таковы, напр., исторія языка, исторія права, исторія философіи и проч. Для надлежащаго уясненія важнѣйшихъ особенностей исторіи, какъ особой формы повѣствовательныхъ произведеній и при томъ въ собственномъ и общеупотребительномъ пониманіи, разсмотримъ небольшой отрывокъ изъ „Исторіи Россіи“ Соловьева—„**Крещеніе Ольги**“. „Какъ женщина, Ольга была способнѣе къ принятію христіанства. Въ 955 году, по счету лѣтописца, вѣрнѣе 957 *) отправилась Ольга въ Константинополь и крестилась тамъ при императорахъ Константинѣ Багрянородномъ и Романѣ и патріархѣ Поліевктѣ. При описаніи этого событія, лѣтописецъ основывается на томъ преданіи, въ которомъ характеръ Ольги остается до конца одинакимъ: въ Константинополѣ, во дворцѣ императорскомъ, какъ подъ стѣнами Коростеня, Ольга отличается ловкостію, находчивостью, хитростію; перехитряетъ императора, какъ прежде перехитрила Древлянъ. Императоръ, говоритъ преданіе, предложилъ Ольгѣ свою руку; та не отреклась, но прежде требовала, чтобъ онъ былъ ея воспріемникомъ; императоръ согласился, но когда послѣ таинства повторилъ свое предложеніе, то Ольга напомнила ему, что, по христіанскому закону, воспріемникъ не можетъ жениться на своей крестницѣ. „Ольга! ты меня перехитрила“! воскликнулъ изумленный импера-

*) Истор. Христ. ц. арх. Макар. стр. 312.

Digitized by Google

торъ и отпустилъ ее съ богатыми дарами. Императоръ Константинъ Багрянородный *) оставилъ намъ описаніе пріемовъ, сдѣланныхъ русской княгинѣ при византійскомъ дворѣ; церемоніи, соблюденныя при этихъ пріемахъ, не могли польстить честолюбію Ольги: въ нихъ слишкомъ рѣзко давали чувствовать то разстояніе, которое существовало между особами императорскаго дома и русскою княгинею.

О побужденіяхъ, которыя заставили Ольгу принять христіанство, и принять его именно въ Константинополѣ, не находимъ ничего ни въ извѣстныхъ спискахъ нашей лѣтописи, ни въ извѣстіяхъ иностранныхъ. Очень легко могло быть, что Ольга отправилась въ Царьгородъ язычницею, безъ твердаго еще намѣренія принять новую вѣру, была поражена въ Константинополѣ величіемъ греческой религіи и возвратилась домой христіанкою. Мы видимъ, что вездѣ въ Европѣ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ, варвары, не смотря на то, что опустошали области Имперіи и брали дань съ повелителей обоихъ Римовъ, питали всегда благоговѣйное уваженіе къ Имперіи, къ блестящимъ формамъ ея жизни, которыя такъ поражали ихъ воображеніе; таковы бываютъ постоянно отношенія народовъ необразованныхъ къ образованнымъ. Это уваженіе варваровъ къ Имперіи способствовало также распространенію между ними христіанства. Не одна надежда корысти могла привлекать нашу Русь въ Константинополь, но также и любопытство посмотрѣть чудеса образованнаго міра; сколько дивныхъ разсказовъ приносили къ своимъ очагамъ бывальцы въ Византіи! Какъ вслѣдствіе этого возвышался тотъ, кто былъ въ Константинополѣ, и какъ у другихъ разгоралось желаніе побывать тамъ! Послѣ этого странно было бы, чтобъ Ольга, которая считалась мудрѣйшею изъ людей, не захотѣла побывать въ Византіи. Она отправилась туда. Что же прежде всего должно было обратить ея вниманіе? Разумѣется то, что всего рѣзче отличало Грековъ отъ Руси—религія: извѣстно, что Греки обыкновенно сами обращали вниманіе варварскихъ князей и пословъ на свою религію, показывали имъ храмы, священныя сокровища; разумѣется, при этомъ основные догматы вѣры были объясняемы искусными толковниками. Если многіе изъ мужчинъ, воиновъ русскихъ, принимали христіанство въ Греціи, то нѣтъ ничего удивительнаго, что обратилась къ нему Ольга, во первыхъ, какъ женщина, въ характерѣ которой было менѣе къ тому препятствій, чѣмъ въ характерѣ князей-воиновъ; во вторыхъ, какъ мудрѣйшая изъ людей, могшая, слѣдовательно, яснѣе другихъ понять превосходство греческой вѣры предъ русскою. Но кромѣ этого, трудно отвергать, что Ольга была уже въ Кіевѣ знакома съ христіанствомъ и предубѣждена въ его пользу: это предубѣжденіе въ пользу христіанства могло сильно содѣйствовать къ принятію его въ Царѣградѣ; но отъ предубѣжденія въ пользу до рѣшительнаго шага еще далеко. Есть извѣстіе **), что Ольга еще въ Кіевѣ была располо-

*) Memor. popul. II, 976—979.
**) Татищ. II, стр. 41, прим. 130.

Digitized by Google

жена къ христіанству, видя добродѣтельную жизнь исповѣдниковъ этой религіи, даже вошла съ ними въ тѣсную связь и хотѣла креститься въ Кіевѣ, но не исполнила своего намѣренія, боясь язычниковъ. Принимая первую половину извѣстія, мы не можемъ допустить второй: опасность отъ язычниковъ не уменьшалась для Ольги и въ томъ случаѣ, когда она принимала крещеніе въ Константинополѣ; утаить обращеніе, по пріѣздѣ въ Кіевъ, было очень трудно, и притомъ Ольга, какъ видно, вовсе не хотѣла таиться: это было несовмѣстно ни съ ревностію новообращенной, ни съ характеромъ Ольги; не хотѣла она таиться и равнодушно смотрѣть, какъ сынъ ея, вся семья и весь народъ остаются въ язычествѣ, слѣдовательно, лишаются вѣчнаго спасенія. Такъ, по возвращеніи въ Кіевъ, Ольга начала уговаривать сына Святослава къ принятію христіанства, но онъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ; впрочемъ, кто хотѣлъ креститься, тому не запрещали, а только смѣялись надъ нимъ. Въ этомъ извѣстіи мы находимъ прямое указаніе, что христіанство распространялось въ Кіевѣ, тогда какъ прежніе христіане изъ Варяговъ могли принимать греческую вѣру въ Константинополѣ. Надъ принимавшими христіанство начали смѣяться въ Кіевѣ; но на прежнихъ христіанъ при Игорѣ, какъ видно, не обращали вниманія; слѣдовательно, хотя не было явнаго преслѣдованія, однако насмѣшки были уже началомъ преслѣдованія и знакомъ усиленія христіанства, чего обращеніе Ольги могло быть и причиною и слѣдствіемъ; можно замѣтить, что новая религія начала принимать видное положеніе, обратила на себя вниманіе древней религіи, и это враждебное вниманіе выразилось насмѣшками. Борьба начиналась: славянское язычество, принятое и Руссами, могло противопоставить христіанству мало положительнаго, и потому должно было скоро преклониться передъ нимъ; но христіанство, само по себѣ, безъ отношенія къ славянскому язычеству, встрѣтило сильное сопротивленіе въ характерѣ сына Ольгина, который не могъ принять христіанства по своимъ наклонностямъ, а не по привязанности къ древней религіи. Ольга, по свидѣтельству лѣтописи, часто говорила ему: Я узнала Бога и радуюсь; если и ты узнаешь Его, то также станешь радоваться". Святославъ не слушался и отвѣчалъ на то: „Какъ мнѣ одному принять другой законъ? Дружина станетъ надъ этимъ смѣяться." Ольга возражала: „Если ты крестишься, то и всѣ станутъ то же дѣлать". Святославу нечего было отвѣчать на это; не насмѣшекъ дружины боялся онъ, но собственный характеръ его противился принятію христіанства: онъ не послушался матери, говоритъ лѣтописецъ, и жилъ по обычаю языческому (творилъ норовы поганскіе). Эта самая невозможность отвѣчать на возраженіе матери должна была раздражать Святослава, о чемъ свидѣтельствуетъ и лѣтопись, говоря, что онъ сердился на мать. Ольга даже ожидала большихъ опасностей со стороны язычниковъ, что видно изъ ея словъ патріарху: „народъ и сынъ мой въ язычествѣ: дай мнѣ Богъ уберечься отъ всякаго зла!"

Здѣсь Соловьевъ говоритъ о крещеніи русской княгини Ольги, бывшемъ въ 955-мъ или по другому счету въ 957-мъ году. Въ основу

Digitized by Google

своего повѣствованія онъ полагаетъ свидѣтельства о данномъ событіи русскаго лѣтописца Нестора и греческаго императора Константина Багрянороднаго, а также изслѣдованія Макарія и Татищева. Такъ какъ эти писатели говорятъ о крещеніи Ольги неодинаково и съ различною степенью подробности, то Соловьевъ выбираетъ у нихъ только то, что, по его мнѣнію, можно признать за болѣе характерное, достовѣрное и истинное. У Макарія онъ заимствуетъ время крещенія Ольги 957-й годъ, признавая 955-й годъ по счисленію лѣтописца не совсѣмъ точнымъ. Изъ разсказа русской лѣтописи приводятся два случая, характеризующіе Ольгу какъ язычницу и какъ христіанку. Первый—о томъ, какъ Ольга—язычница перехитрила греческаго императора, упросивъ его быть ея воспріемникомъ и пообѣщавъ выдти за него замужъ послѣ своего крещенія, второй—о томъ, какъ она, будучи христіанкою, уговаривала принять христіанство своего сына Святослава; на Константина Багрянороднаго сдѣлана ссылка при упоминаніи о пріемѣ русской княгини въ Византіи. Наконецъ, у Татищева взято извѣстіе, что Ольга еще въ Кіевѣ была расположена къ христіанству, но что не приняла его здѣсь, боясь язычниковъ; изъ послѣдняго свидѣтельства признано за истину только то, что Ольга, дѣйствительно, была склонна къ христіанству еще въ Кіевѣ, но то, что она не приняла его здѣсь, боясь язычниковъ, отвергнуто, какъ несогласное ни съ характеромъ самой Ольги, ни съ дальнѣйшимъ ходомъ событій. Весь этотъ выборъ фактовъ Соловьевъ сдѣлалъ путемъ тщательнаго изученія названныхъ писателей, сравнивая между собою и взаимно дополняя ихъ показанія, провѣряя разсказы одного разсказами другихъ и такимъ образомъ отыскивая истину. Такое чисто *научное изслѣдованіе историческихъ данныхъ, съ цѣлію, по-возможности, найти истину, называется критическою провѣркою историческаго матеріала или историческою критикою,* отъ греческаго глагола κρίνω—отдѣляю, выбираю, полагаю, считаю, т. е. отдѣляю, выбираю, полагаю, считаю что-либо изъ общей массы, какъ болѣе справедливое, истинное. *Историческая критика составляетъ первую существенную принадлежность исторіи.*

Выбранныя изъ общаго числа помощію исторической критики обстоятельства крещенія Ольги Соловьевъ располагаетъ не въ одномъ хронологическомъ порядкѣ; напротивъ, онъ старается указать между ними и связь внутреннюю, объяснить ихъ смыслъ и значеніе, найти ихъ причины и слѣдствія, прибѣгая для этого къ различнаго рода соображеніямъ и къ болѣе или менѣе вѣроятнымъ предположеніямъ. Разсказъ изъ лѣтописи о хитрости Ольги приводится у него для объясненія характера Ольги, отличавшейся по

Digitized by Google

преданію ловкостью, находчивостью и хитростію или тѣми качествами, которыя встарину придавали человѣку званіе мудраго. Изъ сказанія Константина Багрянороднаго о пріемѣ Ольги при византійскомъ дворѣ сдѣлано заключеніе, что церемоніи эти, какъ полагавшія слишкомъ большое разстояніе между особами императорскаго дома и русскою княгинею, не могли польстить ея честолюбію. Но особенно много мѣста отведено уясненію причинъ, заставившихъ Ольгу принять христіанство и именно въ Константинополѣ. Такъ какъ ни русскія лѣтописи, ни иностранныя извѣстія ничего не говорятъ объ этомъ, то авторъ допускаетъ здѣсь очень правдоподобное предположеніе, что Ольга отправилась въ Константинополь, просто какъ любознательная путешественница, безъ твердаго еще намѣренія принять новую вѣру, но что „была поражена тамъ величіемъ греческой религіи и возвратилась домой христіанкою.“ Основаніемъ для такого предположенія служатъ, съ одной стороны, общія отношенія народовъ необразованныхъ къ образованнымъ, изъ которыхъ первые всегда подчиняются вліянію послѣднихъ, съ другой, личный характеръ Ольги, какъ женщины, славившейся мудростію и еще въ Кіевѣ предубѣжденной въ пользу христіанства; къ тому же греки всегда сами старались обращать вниманіе варварскихъ князей и пословъ на свою религію. Какъ бы-то-ни было, только изъ Константинополя Ольга возвратилась христіанкою. Этотъ фактъ Соловьевъ выставляетъ причиною и слѣдствіемъ усиленія христіанства въ Кіевѣ, знакомъ же усиленія христіанства считаетъ насмѣшки кіевлянъ надъ принимавшими христіанство, тогда какъ на прежнихъ христіанъ при Игорѣ, по ихъ незначительности, не обращали и вниманія. Насмѣшки надъ христіанами, по словамъ лѣтописи, были причиною и того, что Святославъ, сынъ Ольги, несмотря на всѣ убѣжденія матери, отказался принять христіанство: „Какъ мнѣ одному принять другой законъ? Дружина станетъ надъ этимъ смѣяться“ говорилъ онъ, но Соловьевъ видитъ причину отказа Святослава въ другомъ: „Не насмѣшекъ дружины боялся онъ, но собственный характеръ его противился христіанству.“ *Указаніе внутренней связи между историческими явленіями, объясненіе ихъ взаимнаго отношенія и вліянія другъ на друга, иначе—прагматизмъ—вторая отличительная черта исторіи.*

Итакъ, исторіею въ собственномъ смыслѣ называется такое повѣствованіе, въ которомъ, на основаніи того или другого матеріала, тщательно провѣреннаго при помощи исторической критики, во внутренней и хронологической послѣдовательности и при томъ всесторонне раскрываются разнообразныя событія и явленія изъ жизни отдѣльныхъ народовъ или всего человѣчества вообще.

Digitized by Google

Источники исторіи. По своему содержанію исторія является самымъ крупнымъ и сложнымъ видомъ прозаическихъ сочиненій. Она, какъ замѣчено выше, создается на основаніи разнообразнаго матеріала, который получаетъ названіе источниковъ исторіи. Историческіе источники бываютъ трехъ родовъ: устные, монументальные или вещественные и письменные. Къ устнымъ — относятся: пословицы, сказки, пѣсни и вообще народныя преданія. Касаясь прошлаго, часто довольно отдаленнаго, народныя сказанія въ большинствѣ неправильно передаютъ имена историческихъ личностей, смѣшиваютъ происшествія, дополняютъ событія вымышленными подробностями и пр., за то они очень вѣрно и мѣтко характеризуютъ историческихъ дѣятелей и самыя историческія явленія. Какъ такія, народныя преданія служатъ прекраснымъ поясненіемъ и дополненіемъ источниковъ письменныхъ, но безъ нихъ не имѣютъ достовѣрности. Къ монументальнымъ или вещественнымъ источникамъ исторіи принадлежатъ зданія, гробницы, курганы, оружіе, монеты, картины, остатки домашней утвари и т. п. Все это даетъ возможность историку составить приблизительно точное понятіе о прошедшей жизни извѣстнаго народа, его нравахъ, обычаяхъ, домашнихъ и общественныхъ отношеніяхъ и пр., но полученныя такимъ образомъ свѣдѣнія, отличаясь характеромъ достовѣрности, не имѣютъ надлежащей полноты и законченности. Послѣднія качества получаетъ исторія отъ источниковъ письменныхъ, которые поэтому и составляютъ главный ея матеріалъ. Важнѣйшіе письменные историческіе источники слѣдующіе: лѣтописи, мемуары или записки современниковъ, біографіи историческихъ лицъ, грамоты, акты, указы, путешествія и ученыя изслѣдованія по отдѣльнымъ историческимъ вопросамъ Дѣятельность историка въ отношеніи къ даннымъ литературнымъ произведеніямъ состоитъ въ опредѣленіи степени достовѣрности, какъ ихъ самихъ, такъ и сообщаемыхъ ими свѣдѣній. Въ первомъ случаѣ историку необходимо рѣшить, къ какому времени относится письменный историческій памятникъ и принадлежитъ-ли онъ тому лицу, которому приписывается; во второмъ,— въ содержаніи памятника должно отдѣлить истинное отъ ложнаго, вполнѣ достовѣрное отъ болѣе или менѣе вѣроятнаго, правдоподобное отъ вымышленнаго. Какимъ образомъ историки пользуются письменными источниками, видно, напр. изъ только что приведеннаго разсказа Соловьева—„Крещеніе Ольги.“

Вмѣстѣ съ историческими источниками необходимую принадлежность исторіи составляютъ и самостоятельныя вспомогательныя науки, особенно хронологія и географія. Благодаря хронологіи историкъ располагаетъ историческія явленія въ ясномъ, правиль-

Digitized by Google

номъ и раздѣльномъ хронологическомъ порядкѣ, а при помощи географіи, понимаемой въ широкомъ смыслѣ, опредѣляетъ могущественное вліяніе природы на ходъ историческихъ событій и наоборотъ. Наглядным поясненіемъ послѣдняго можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ той же „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ Соловьева:

„Задолго еще до начала нашего лѣтосчисленія, знаменитый Грекъ, котораго зовутъ Отцомъ Исторіи, посѣтилъ сѣверные берега Чернаго моря. Вѣрнымъ взглядомъ взглянулъ онъ на страну, на племена, въ ней жившія, и записалъ въ своей безсмертной книгѣ, что племена эти ведутъ образъ жизни, какой указала имъ природа страны. Прошло много вѣковъ, нѣсколько разъ племена смѣнялись одни другими, образовалось могущественное государство, но явленіе, замѣченное Геродотомъ, остается по прежнему въ силѣ: ходъ событій постоянно подчиняется природнымъ условіямъ. Предъ нами обширная равнина: на огромномъ пространствѣ, отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго до Каспійскаго, путешественникъ не встрѣтитъ никакихъ, сколько-нибудь значительныхъ, возвышеній, не замѣтитъ ни въ чемъ рѣзкихъ переходовъ. Однообразіе природныхъ формъ исключаетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность занятій производитъ одинаковость въ нравахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ; одинаковость нравовъ, обычаевъ, вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія; одинакія потребности указываютъ и одинакія средства къ ихъ удовлетворенію,—и равнина, какъ бы ни была обширна, какъ бы ни было разноплеменно ея народонаселеніе, рано или поздно станетъ областью одного государства: отсюда понятна обширность Русской государственной области, однообразіе ея частей и крѣпкая связь между ними“.

Здѣсь авторъ сначала указываетъ общій законъ, замѣченный еще Геродотомъ, что природа Русскаго государства всегда вліяла на ходъ его историческихъ событій, а затѣмъ въ частности объясняетъ, какъ подъ вліяніемъ природы образовались „обширность Русской государственной области, однообразіе ея частей и крѣпкая связь между ними.“

Виды исторіи. Какъ самая крупная и сложная форма прозаическихъ сочиненій, исторія имѣетъ нѣсколько видовъ: она дѣлится—по предмету, по объему и по цѣли и способу изложенія фактовъ. Если исторія передаетъ событія изъ церковной жизни народа, она получаетъ названіе исторіи церкви, напр. „Церковная исторія“ митрополитовъ московскихъ—Платона, Филарета, „Исторія Русской церкви“ митрополита Макарія, Голубинскаго. Указаніе постепеннаго развитія литературы даетъ исторію литературы, напр. „Исторія русской словесности“ С. Шевырева, Порфирьева, „Всеобщая исторія литературы“ Шерра. Изложеніе послѣдовательнаго

Digitized by Google

хода промышленности, торговли, мореплаванія служитъ содержаніемъ исторіи промышленности, торговли, мореплаванія и пр. По объему исторія распадается на общую или всемірную и частную. Первая—знакомитъ насъ съ жизнію всѣхъ народовъ, имѣвшихъ и имѣющихъ самостоятельное политическое существованіе, и потому представляетъ развитіе цѣлаго человѣчества, вторая—касается жизни одного или только нѣсколькихъ народовъ. Примѣромъ всемірной исторіи могутъ быть: „Всеобщая исторія“ Беккера, Вебера, Лоренца, Стасюлевича, Шлоссера, Шульгина и др., образцами исторіи частной: „Исторія Государства Россійскаго“ Карамзина, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ Соловьева, „Исторія Малороссіи“ Бантышъ-Каменскаго, „Исторія войска Донскаго“ Броневскаго и др. Наконецъ, по цѣли и способу передачи событій исторія бываетъ художественная и философская или учёная. Вотъ по одному примѣру той и другой.

Великодушіе Митрополита Филиппа. (Изъ исторіи Карамзина). „Среди хладныхъ волнъ Бѣлаго моря, на островѣ Соловецкомъ, въ пустынѣ дикой, но знаменитой въ Россіи святостію своихъ первыхъ тружениковъ, Савватія и Зосимы, сіялъ добродѣтелями Игуменъ Филиппъ, сынъ Боярина Колычева, возненавидѣвъ суету міра въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ юности и служа примѣромъ строгой жизни для Иноковъ—отшельниковъ. Государь слышалъ о Филиппѣ: дарилъ его монастырю сосуды драгоцѣнные, жемчугъ, богатыя ткани, земли, деревни; помогалъ ему деньгами въ строеніи каменныхъ церквей, пристаней, гостинницъ, плотинъ: ибо сей Игуменъ былъ не только мудрымъ наставникомъ братіи, но и дѣятельнымъ хозяиномъ острова, дотолѣ дикаго, неприступнаго: очистилъ лѣса, проложилъ дороги, осушилъ болота каналами; завелъ оленей, домашній скотъ, рыбныя ловли, соляныя варницы; украсилъ, сколько могъ, пустыню; смягчилъ суровость климата, сдѣлавъ воздухъ благорастворенніе. Безсмертный Сильвестръ кончилъ дни свои въ монастырѣ Соловецкомъ, любимый, уважаемый Филиппомъ. Вѣроятно, что они вмѣстѣ сѣтовали о перемѣнѣ Іоаннова нрава; вѣроятно, что первый открывалъ Игумену свою душу, нѣкогда блаженную исправленіемъ юнаго Царя, устройствомъ и счастіемъ Царства: сіи бесѣды могли приготовить Филиппа къ великому его подвигу, хотя онъ, ревностію труженика удаленный на край вселенныя, и не могъ ожидать такой славы. Никто безъ сомнѣнія не мыслилъ о немъ, кромѣ Іоанна; отвергнувъ Германа, Царь вздумалъ—мимо Святителей, мимо всѣхъ архимандритовъ—возвести Филиппа на Митрополію, желая изъявить тѣмъ свое особенное уваженіе къ христіанскимъ добродѣтелямъ и показать, что самыя отдаленныя пустыни не скрываютъ ихъ отъ глазъ его. Филиппъ, Царскою милостивою грамотою призываемый въ Москву для совѣта духовнаго, отслужилъ Литургію, причастилъ всю братію, и со слезами выѣхалъ изъ своей любимой обители, какъ бы предчувствуя, что одно мертвое тѣло его туда воз-

Digitized by Google

вратится. За три версты отъ Новгорода встрѣтили смиреннаго Соловецкаго Игумена всѣ жители сей древней столицы съ привѣтствіемъ, съ дарами и съ моленіемъ, да ходатайствуетъ за нихъ предъ тономъ: ибо носился слухъ, что Іоаннъ угрожаетъ имъ гнѣвомъ.

Царь принялъ Филиппа съ отмѣнною честью, обѣдалъ, бесѣдовалъ съ нимъ дружелюбно, и наконецъ объявилъ, что ему быть Митрополитомъ. Пустынникъ Инокъ изумился, плакалъ, не хотѣлъ сей блестящей тягости; убѣждалъ его не ввѣрять бремени великаго ладіи малой. Царь былъ непреклоненъ. Тогда Филиппъ предложилъ условіе; сказалъ Царю: „Повинуюся твоей волѣ; но умири же совѣсть мою: да не будетъ Опричнины! да будетъ только единая Россія! ибо всякое раздѣленное Царство, по глаголу Всевышняго, запустѣетъ. Не могу благословлять тебя искренно, видя скорбь отечества.“ Іоаннъ имѣлъ власть надъ собою: остановилъ движеніе гнѣва въ сердцѣ своемъ: отвѣтствовалъ тихо: „Развѣ не знаешь, что мои хотятъ поглотить меня: что ближніе готовятъ мнѣ гибель?“ и доказывалъ необходимость сего учрежденія; но скоро, выведенный изъ терпѣнія смѣлыми возраженіями старца, велѣлъ ему умолкнуть. Всѣ думали, что Филиппъ, подобно Герману, будетъ удаленъ съ безчестіемъ; увидѣли противное. Іоаннъ на сей разъ не хотѣлъ дать ему славы гонимаго за добродѣтель: желалъ склонить его къ безмолвію, явить слабымъ въ глазахъ Россіи, сдѣлать какъ бы соучастникомъ въ новыхъ правилахъ своего царствованія. Главные Пастыри Церковные служили для этого орудіемъ. Повинуясь волѣ Іоанновой, они убѣждали Филиппа принять санъ Митрополита безъ всякаго условія, думать единственно о благѣ Церкви, не гнѣвить Государя дерзостію, но утолить гнѣвъ его и перемѣнить въ милосердіе кротостію: доказывали, что мнимая твердость Филиппова въ семъ случаѣ будетъ дѣйствіемъ гордости, несогласной съ духомъ истиннаго слуги Христова; что долгъ Святителя есть молиться и наставлять Царя единственно во спасеніи души, а не въ дѣлахъ Царства. Нѣкоторые изъ Святителей внутренно одобряли Филиппову смѣлость, но сами не имѣли се; другіе—именно, Пименъ Новгородскій, Филоѳей Рязанскій—искали мірской чести и раболѣпствовали страстямъ Іоанновымъ. Убѣжденія ихъ поколебали Филиппа, не устрашеннаго Царскимъ гнѣвомъ, не ослѣпленнаго блескомъ Архипастырства, какъ доказало слѣдствіе, но, можетъ быть, смятеннаго мыслію отвергнуть сей верховный санъ дѣйствительно, по внушенію тайной гордости, по упрямству и недовѣренности къ Провидѣнію, которое властвуетъ надъ Царями и не даетъ имъ выступать за черту Его вышнихъ уставовъ, безъ сомнѣнія мудрыхъ, хотя и неизъяснимыхъ для ума человѣческаго; Филиппъ отвѣтствовалъ: „да будетъ, что угодно Государю и Церковнымъ Пастырямъ!“

Написали грамоту, въ коей сказано, что новый избираемый Митрополитъ далъ слово Архіепископамъ и Епископамъ не вступаться въ Опричнину Государеву и не оставлять Митрополіи подъ тѣмъ предлогомъ, что Царь не исполнялъ его требованія и запретилъ ему мѣшаться въ дѣла мірскія. Святители утвердили сію хартію своими под-

Digitized by Google

писями, и Филиппъ, заявленный врагъ Опричнины, былъ немедленно возведенъ на Митрополію, къ общему удовольствію народа, къ досадѣ развратныхъ любимцевъ Іоанновыхъ. Казалось, что Государь одержалъ счастливую побѣду надъ собою, воздавъ честь добродѣтели. Митрополитъ уступилъ, но обнаруживъ свою важную мысль: Россіяне узнали, что онъ желаетъ, и могли надѣяться на будущее, имѣя такого Первосвятителя. Всѣ добрые слушали съ восторгомъ привѣтственную рѣчь новаго Митрополита къ Іоанну, истинно пастырскую: о долгѣ Державныхъ быть отцами подданныхъ, блюсти справедливость, уважать заслуги; о гнусныхъ льстецахъ, которые тѣснятся къ престолу, ослѣпляютъ умъ Государей, служатъ ихъ страстямъ, а не отечеству,—хвалятъ достойное хулы, порицаютъ достохвальное; о тлѣнности, земнаго величія; о побѣдахъ невооруженной любви, которыя пріобрѣтаются государственными благодѣяніями и еще славнѣе побѣдъ ратныхъ. Казалось, что самъ Іоаннъ внималъ съ умиленіемъ гласу наставника, уже давно молчавшему въ семъ храмѣ; что сей нѣкогда любезный для него гласъ напомнилъ ему время счастливое и далъ вкусить сладость, имъ забвенную.—Первые дни и мѣсяцы протекли въ мирѣ, въ надеждахъ для столицы. Затихли жалобы на Кромѣшниковъ; чудовище вздремало. Царь ласкалъ Митрополита; а сей добродѣтельный старецъ, какъ бы опасаясь забыть Соловецкую пустыню и строгій обѣтъ своей юности, началъ строить въ Москвѣ церковь во имя ея святыхъ, Зосимы и Савватія.

Но сія тишина, дѣйствіе или угрызеній совѣсти или притворства Іоаннова, была предтечею новой бури. Тиранъ изъ Слободскаго вертепа своего свирѣпо глядѣлъ на Москву".

(Далѣе Карамзинъ излагаетъ „третью эпоху убійствъ", т.-е. рядъ казней, совершенныхъ Іоанномъ, и—неистовствъ, произведенныхъ опричниками. Казни и опричники навели ужасъ на Москву; „граждане боялись выходить изъ домовъ. Въ безмолвіи Москвы тѣмъ страшнѣе раздавался свирѣпый вопль палачей Царскихъ").

„Безмолвствовалъ идобродѣтельный Митрополитъ для гражданъ и Бояръ отчаянныхъ; но Богъ видѣлъ его сердце, а Царь слышалъ тайныя увѣщанія, самыя жестокія укоризны, къ несчастію безполезныя: убѣгалъ, не хотѣлъ видѣть его. Добрые вельможи приходили къ Филиппу, рыдали, указывали ему на окровавленныя стогны: онъ утѣшалъ горестныхъ именемъ Отца Небеснаго; далъ имъ слово не щадить своей жизни для спасенія людей, и сдержалъ оное.

Однажды, въ день Воскресный, въ часъ Обѣдни, Іоаннъ, сопровождаемый нѣкоторыми Боярами и множествомъ Опричниковъ, входитъ въ Соборную Церковь Успенія: Царь и вся дружина его были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ; Іоаннъ приблизился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ Бояре сказали: „Святый Владыко! се Государь: благослови его!" Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: „Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи странномъ не узнаю Царя православнаго;

Digitized by Google

не узнаю и въ дѣлахъ Царства.... О Государь! мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за Олтаремъ льется невинная кровь Христіанская. Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ не видано, не слыхано, чтобы Цари благочестивые возмущали собственную Державу столь ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ Царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ,—а въ Россіи нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства—и совершаются именемъ Царскимъ! Ты высокъ на тронѣ; но есть Всевышній, Судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его? обагренный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? ибо самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести!... Государь! вѣщаю, яко Пастырь душъ. Боюся Господа единаго!“ Іоаннъ трепеталъ отъ гнѣва; ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: „Чернецъ! доселѣ я излишне щадилъ васъ, мятежниковъ: отнынѣ буду, каковымъ меня нарицаете!“ и вышелъ съ угрозою.—На другой день были новыя казни.

Убѣгая Митрополита, Царь однакожъ видѣлъ его въ церкви. Въ день Свв. Апостоловъ Прохора и Никанора, 28 іюля, Филиппъ служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и ходилъ по стѣнѣ съ крестами; тутъ былъ и Царь съ Опричниками, изъ коихъ одинъ шелъ за нимъ въ тафьѣ; Митрополитъ, увидѣвъ сіе безчиніе, остановился и съ негованіемъ сказалъ о томъ Государю; но Опричникъ уже спряталъ свою тафью. Царя увѣрили, что Филиппъ выдумалъ сказку, желая возбудить народъ противъ любимцевъ Государевыхъ. Іоаннъ забылъ всю пристойность; торжественно ругалъ Митрополита, называлъ лжецомъ, мятежникомъ, злодѣемъ; клялся, что уличитъ его во всемъ—и приступилъ къ дѣлу, по совѣту съ коварнымъ Духовникомъ своимъ, Благовѣщенскимъ Протоіереемъ Евстафіемъ, тайнымъ Филипповымъ ненавистникомъ. Немедленно отправились въ Соловки Епископъ Суздальскій Пафнутій, Архимандритъ Андроникovскій Ѳеодосій и Князь Василій Темкинъ, прежде воинъ именитый, тогда ревностный слуга тиранства, подобно Басмановымъ и другимъ. Надлежало ли такъ далеко искать клеветниковъ гнусныхъ? Но Царь хотѣлъ омрачить добродѣтель въ самомъ ея свѣтломъ источникѣ: гдѣ Филиппъ прославился ею, тамъ открыть мнимое лицемѣріе и нечистоту душевную; сія мысль казалась Іоанну искусною хитростію. Послы царскіе то ласкали, то ужасали монаховъ Соловецкихъ, требуя, чтобы они безстыдно лгали на своего бывшаго Игумена; всѣ говорили, что Филиппъ святъ дѣлами и сердцемъ; но сыскался одинъ, который дерзнулъ утверждать противное: ихъ Глава, Игуменъ Паисій, въ надеждѣ сдѣлаться Епископомъ. Изобрѣли доносы, улики, представили Іоанну, и велѣли Митрополиту явиться на судъ. Царь, Святители, Бояре сидѣли въ молчаніи, Игуменъ Паисій стоялъ и клеветалъ на святаго мужа съ неслыханною дерзостью. Вмѣсто оправданія безполезнаго, Митрополитъ тихо сказалъ Паисію, что злое сѣяніе не принесетъ ему плода вожделѣннаго; а Царю: „Государь, Великій Князь! ты думаешь, что я боюся тебя или смерти: нѣтъ! достигнувъ глубокой старости безпорочно, не знавъ въ пустынной жизни ни мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, желаю

Digitized by Google

такъ и предать духъ свой Всевышнему, моему и твоему Господу, Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ Митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно. Се жезлъ Пастырскій; се бѣлый клобукъ и мантія, коими ты хотѣлъ возвеличить меня. А вы, Святители, Архимандриты, Игумены и всѣ служители Олтарей! пасите вѣрно стадо Христово; готовьтесь дать отчетъ, и страшитеся Небеснаго Царя еще болѣе, нежели земнаго". Онъ хотѣлъ удалиться: Царь остановилъ его; сказалъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судьею; принудилъ его взять назадъ утварь Святительскую и еще служить обѣдню въ день Архангела Михаила (8 ноября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ предъ Олтаремъ въ храмѣ Успенія, явился тамъ Бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ Опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ. Народъ изумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу: услышали, что Филиппъ Соборомъ Духовенства лишенъ сана Пастырскаго. Воины вступили въ Олтарь, сорвали съ Митрополита одежду Святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви метлами и повезли на дровняхъ въ Обитель Богоявленія. Народъ бѣжалъ за Митрополитомъ, проливая слезы: Филиппъ съ лицомъ свѣтлымъ, съ любовью благословлялъ людей и говорилъ имъ: „молитеся!" На другой день привели его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Іоаннъ, для выслушанія приговора: Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и въ волшебствѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи. Тутъ онъ простился съ міромъ, великодушно, умилительно; не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ молилъ Іоанна сжалиться надъ Россіею, не терзать подданныхъ,—вспомнить, какъ царствовали его предки, какъ онъ самъ царствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки предалъ Филиппа воинамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ узахъ; былъ перевезенъ въ Обитель Св. Николая Стараго, на берегу Москвы-рѣки; терпѣлъ голодъ и питался молитвою. Между тѣмъ Іоаннъ истреблялъ знатный родъ Колычевыхъ: прислалъ къ Филиппу отсѣченную голову его племянника, Ивана Борисовича, и велѣлъ сказать: „се твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!" Филиппъ всталъ, взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви гражданъ Московскихъ ко сверженному Митрополиту, слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ Обители Николаевской, смотря на келлію заключеннаго, и разсказываютъ другъ другу о чудесахъ его святости, Царь велѣлъ отвести страдальца въ Тверскій монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго Митрополита, Троицкаго Архимандрита, именемъ Кирилла, къ досадѣ Пимена, имѣвшаго надежду заступить мѣсто Филиппа.

Въ декабрѣ 1569 года онъ съ Царевичемъ Іоанномъ, со всѣмъ дворомъ, со всею любимою дружиною выступилъ изъ Слободы Александровской, миновалъ Москву и пришелъ въ Клинъ, первый городъ бывшаго Тверскаго Великаго Княженія. Думая, вѣроятно, что всѣ жители сей области, покоренной его дѣдомъ, суть тайные враги Московскаго

Digitized by Google

Самодержавія, Іоаннъ велѣлъ смертоносному Легіону своему начать войну, убійства, грабежъ тамъ, гдѣ никто не мыслилъ о непріятелѣ, никто не зналъ вины за собою; гдѣ мирные подданные встрѣчали Государя, какъ отца и защитника. Домы, улицы наполнялись трупами; не щадили ни женъ, ни младенцевъ. Отъ Клина до Городни и далѣе истребители шли съ обнаженными мечами, обагряя ихъ кровію бѣдныхъ жителей, до самой Твери, гдѣ въ уединенной тѣсной келліи Отроча-монастыря еще дышалъ Св. старецъ Филиппъ, молясь (безъ услышанія!) Господу о смягченіи Іоаннова сердца; тиранъ не забылъ сего сверженнаго имъ Митрополита и послалъ къ нему своего любимца Малюту Скуратова, будто бы для того, чтобы взять у него благословеніе. Старикъ отвѣтствовалъ, что благословляютъ только добрыхъ и на доброе. Угадывая вину посольства, онъ съ кротостію промолвилъ: „я давно ожидаю смерти: да исполнится воля Государева!“ Она исполнилась: гнусный Скуратовъ задушилъ Св. мужа; но, желая скрыть убійство, объявилъ игумену и братіи, что Филиппъ умеръ отъ несноснаго жара въ его келліи. Устрашенные Иноки вырыли могилу за Олтаремъ, и въ присутствіи убійцы погребли сего великаго Іерарха Церкви Россійской, украшеннаго вѣнцомъ мученика и славы: ибо умереть за добродѣтель есть верхъ человѣческой добродѣтели, и ни Новая, ни Древняя Исторія не представляютъ намъ героя знаменитѣйшаго. Черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1584 году) святыя мощи его были перенесены въ Обитель Соловецкую, а послѣ (въ 1652 году) въ Москву въ храмъ Успенія Богоматери, гдѣ мы и нынѣ съ умиленіемъ имъ покланяемся“. (т. IX гл. II и III).

Митрополитъ Филиппъ (изъ исторіи Соловьева). „Духовенство Русское могущественно содѣйствовало утвержденію единовластія, но когда Московскіе единовластители вступили въ послѣднюю борьбу съ остатками старины, съ притязаніями князей и дружины; то духовенство приняло на себя обязанность—среди этой борьбы сдерживать насиліе, не допускать торжествующее начало употреблять во зло свою побѣду; усердно помогая Московскому государю сломить притязанія князей и членовъ дружины, духовенство въ то же время брало этихъ князей и членовъ дружины подъ свой покровъ, блюло надъ ихъ жизнію, какъ членовъ церкви: такъ утвердился обычай, что митрополитъ и вообще духовенство печаловались за опальныхъ и брали ихъ на поруку. Митрополитъ Макарій, получившій митрополію вслѣдствіе торжества Шуйскихъ, являлся, по просьбѣ молодаго Іоанна, ходатаемъ предъ Шуйскими за Воронцова, причемъ подвергался оскорбленіямъ; онъ пережилъ Шуйскихъ, пережилъ волненія, послѣдовавшія за ихъ паденіемъ, умѣлъ не сталкиваться съ Сильвестромъ и, если вѣрить Курбскому, защищалъ послѣдняго при его паденіи, видѣлъ возобновленіе казней и умеръ въ 1563 году; онъ хотѣлъ нѣсколько разъ оставить митрополію, но былъ удерживаемъ царемъ и владыками. Преемникомъ Макарія былъ монахъ Чудова монастыря Аѳанасій, бывшій прежде духовникомъ государевымъ. Выговаривая себѣ неограниченное право казнить лиходѣевъ, учреждая опричнину, Іоаннъ жаловался на духовенство, что оно покрывало винов-

Digitized by Google

ныхъ, и требовалъ у него отреченія отъ обычая печаловаться. Аѳанасій былъ свидѣтелемъ учрежденія опричнины, получилъ позволеніе отпечаловать боярина Яковлева, князя Воротынскаго, и въ 1566 году оставилъ митрополію по болѣзни. Въ преемники Аѳанасію былъ назначенъ Германъ, архіепископъ Казанскій; но бесѣды его, по словамъ Курбскаго, не понравились любимцамъ Іоанновымъ; Германа отстранили и вызвали Соловецкаго Игумена Филиппа, сына боярина Колычева. Филиппъ объявилъ, что онъ согласится быть митрополитомъ только подъ условіемъ уничтоженія опричнины; Іоаннъ разсердился; наконецъ Филиппъ уступилъ убѣжденіямъ, что его обязанность нейти прямо противъ воли, но утолять гнѣвъ государя при каждомъ удобномъ случаѣ. Филиппъ далъ запись: „въ опричнину ему и въ царскій домовой обиходъ не вступаться, а послѣ постановленья, за опричнину и за царскій домовой обиходъ митрополіи не оставлять". Но, отказавшись отъ вмѣшательства въ опричнину, Филиппъ не отказался отъ права печаловаться. Начались казни; опричнина буйствовала; вельможи, народъ умоляли митрополита вступиться въ дѣло: онъ зналъ, что народъ привыкъ видѣть въ митрополитѣ печальника, и не хотѣлъ молчать. Тщетно Іоаннъ избѣгалъ свиданій съ митрополитомъ, боясь печалованій; встрѣчи были необходимы въ церквахъ, и здѣсь-то происходили страшныя сцены заклинаній: „Только молчи, одно тебѣ говорю: молчи, отецъ святый!" говорилъ Іоаннъ, сдерживая духъ гнѣва, который овладѣлъ имъ; „молчи и благослови насъ!"—Филиппъ: „Наше молчаніе грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ."—Іоаннъ: „Ближніе мои встали на меня, ищутъ мнѣ зла; какое дѣло тебѣ до нашихъ царскихъ совѣтовъ?"—Филиппъ: „Я пастырь стада Христова!"—Іоаннъ: „Филиппъ! не прекословь державѣ нашей, чтобъ не постигъ тебя гнѣвъ мой; или лучше оставь митрополію!"—Филиппъ: „Я не просилъ, не искалъ чрезъ другихъ, не подкупомъ дѣйствовалъ для полученія сана: зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни?"—Царь выходилъ изъ церкви въ большомъ раздумьѣ; это раздумье было страшно опричникамъ, они рѣшили погубить Филиппа, нашли сообщниковъ между духовными, во владыкахъ Новгородскомъ, Суздальскомъ, Рязанскомъ, Благовѣщенскомъ протопопѣ, духовникѣ царскомъ: послѣдній явно и тайно носилъ рѣчи неподобныя Іоанну на Филиппа; отправились въ Соловецкій монастырь, привезли оттуда преемника Филиппова, игумена Паисія, доносы котораго легли въ основаніе обвиненій на судѣ соборномъ; защитниковъ Филиппу не было, все молчало. 8-го ноября 1568 года опричники съ безчестіемъ вывели Филиппа изъ Успенскаго собора; народъ бѣжалъ за нимъ со слезами. Мѣстомъ изгнанія для Филиппа назначенъ былъ Тверской Отрочь монастырь. Въ 1569 году, проѣзжая Тверь въ походѣ на Новгородъ, Іоаннъ заслалъ къ Филиппу одного изъ самыхъ приближенныхъ опричниковъ, Малюту Скуратова, взять благословеніе; но Филиппъ не далъ его, говоря, что благословляютъ только добрыхъ и на доброе: опричникъ задушилъ его. Такъ палъ непобѣжденнымъ великій пастырь Русской церкви, мученикъ за священный обычай печалованія." (т. VI, гл. IV).

Digitized by Google

Несмотря на совершенную одинаковость главнаго предмета, оба данные разсказа заключаютъ въ себѣ много особенностей. Между тѣмъ какъ Карамзинъ съ мельчайшими подробностями приводитъ почти всю жизнь митрополита Филиппа, начиная съ его дѣятельности въ качествѣ игумена Соловецкой обители, Соловьевъ вкратцѣ упоминаетъ лишь о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ изъ жизни Филиппа, какъ митрополита. Тогда какъ первый главнымъ образомъ имѣетъ своею задачею—наглядное воспроизведеніе событія, со всѣми его частными оттѣнками, послѣдній стремится преимущественно, если не исключительно, къ уясненію внутренняго смысла разсматриваемаго историческаго явленія. Поэтому Соловьевъ прямо начинаетъ съ указанія значенія духовенства въ древней Руси, какъ содѣйствовавшаго утвержденію единодержавія и въ то же время сдерживавшаго насиліе московскихъ великихъ князей въ ихъ неравной борьбѣ съ князьями удѣльными и дружиною, и эту главную мысль проводитъ до конца своего произведенія. Отсюда, изъ жизни и дѣятельности митрополита Филиппа онъ приводитъ только тѣ случаи, въ которыхъ яснѣе отразилась упомянутая основная мысль. По тому же самому онъ указываетъ и на дѣятельность относительно удѣльныхъ князей и бояръ предшественниковъ Филиппа—митрополитовъ Макарія и Аѳанасія. *Уясненіе внутренняго смысла историческихъ явленій, раскрытіе фактовъ со стороны ихъ значенія въ жизни извѣстнаго народа или общества и составляетъ особенность ученой или философской исторіи.* Вотъ почему историкъ—мыслитель зорко слѣдитъ за причинами и слѣдствіями событій, и послѣднія получаютъ въ его глазахъ значеніе лишь на столько, на сколько выражаютъ извѣстную идею или мысль. По тому же самому и планъ ученой исторіи отличается бо́льшею логическою послѣдовательностію, а слогъ—отвлеченностію. Наоборотъ, *сторона фактическая—принадлежность исторіи художественной.* Карамзинъ въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ излагаетъ жизнь митрополита Филиппа; онъ не опускаетъ изъ нея ни одного факта, ни одной повидимому незначительной черты, но все объединяетъ и передаетъ въ яркихъ и живыхъ образахъ, въ цѣльной, художественной картинѣ, какъ-бы живописуя событія и лица. Сообразно съ этимъ, и слогъ его повѣствованія носитъ въ себѣ яркіе слѣды художественности: эпитеты, метафоры, сравненія и другія подобныя средства изобразительности рѣчи встрѣчаются здѣсь чуть не на каждомъ шагу. (Указать средства изобразительности рѣчи у Карамзина и логическія свойства въ разсказѣ Соловьева).

Требованія отъ исторіи. Всякая исторія, будетъ ли она гражданскою, военною, церковною, литературы, промышленности,

Digitized by Google

мореплаванія, всемірною или частною, философскою или художественною, прежде всего должна удовлетворять требованіямъ истинности. Событія необходимо излагать такъ, какъ они произошли на самомъ дѣлѣ, и съ тѣмъ смысломъ и значеніемъ, какіе имѣли въ дѣйствительности. Все сомнительное, противорѣчивое и недосказанное особенно неумѣстно въ исторіи. Историкъ обязанъ критически разсмотрѣть по возможности весь историческій матеріалъ и путемъ сравненія выбрать изъ него одно положительно достовѣрное. Для этого, приступая къ изслѣдованію историческихъ явленій, не нужно заранѣе составлять на нихъ опредѣленнаго воззрѣнія. *Совершенное безпристрастіе и полное отсутствіе предвзятыхъ мыслей — вотъ главное, руководящее правило истиннаго историка;* иначе факты будутъ подбираться и соединяться по напередъ составленному взгляду, при чемъ менѣе важные могутъ выдвинуться на первый планъ, а болѣе существенные отойти на второе мѣсто или совсѣмъ быть опущены, и историческія явленія получатъ ложное освѣщеніе. Съ тою же цѣлію—исторической истины—не слѣдуетъ въ прошедшее переносить взглядовъ настоящаго и оцѣнивать его по этой мѣркѣ. Пусть лица и происшествія говорятъ сами за себя, въ духѣ своего времени; *мысли, чувства, стремленія и разсужденія автора не должны заслонять ихъ, словомъ,—необходима полная объективность изложенія.* Въ этомъ случаѣ большую услугу историку могутъ оказать языкъ и слогъ историческихъ памятниковъ. Часто одно мѣткое слово, одинъ оборотъ послѣднихъ вполнѣ вѣрно и живо воспроизводятъ прошедшее. Поэтому лучшіе историки всегда вносятъ въ свои произведенія характерныя слова, выраженія и даже цѣлыя статьи изъ историческихъ источниковъ. Въ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ Соловьева, напр. каждый вѣкъ, каждая эпоха выступаютъ съ своимъ собственнымъ, имъ только свойственнымъ языкомъ. Точно также и въ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина встрѣчается множество старинныхъ словъ и оборотовъ рѣчи, прекрасно отображающихъ духъ и характеръ различныхъ эпохъ. *Наконецъ, отъ хорошей исторіи требуется связь между фактами и событіями логическая и хронологическая,* т. е. чтобы были указаны причины и слѣдствія событій и при томъ въ порядкѣ времени. Нарушеніе хронологической послѣдовательности событій называется въ исторіи анахронизмомъ, отъ греческихъ словъ ἀνὰ и χρόνος—сверхъ времени, т. е. изложеніе не по порядку времени.

Постепенное развитіе Исторіи. Въ своемъ постепенномъ развитіи исторія пережила нѣсколько перемѣнъ. Первымъ историкомъ былъ грекъ Геродотъ, жившій въ половинѣ пятаго вѣка до Р. Хр., котораго поэтому и называютъ „Отцемъ исторіи.“ Геродотъ

Digitized by Google

оставилъ послѣ себя произведеніе—„О Персидскихъ войнахъ,“ состоящее по числу девяти греческихъ музъ изъ девяти книгъ, названныхъ пѣснями. Каждая пѣснь содержитъ изложеніе жизни того или другаго народа (Египтянъ, Персовъ, Скиѳовъ, Ливійцевъ и др.) и составляетъ отдѣльное цѣлое. Въ основѣ всего повѣствованія лежитъ мысль о враждѣ Азіи съ Европой, которая и служитъ связующею нитью между отдѣльными частями исторіи. По своему характеру исторія Геродота представляетъ хронологическій разсказъ о событіяхъ, безъ указанія ихъ внутренней связи и послѣдовательности. Сымыя происшествія излагаются безъ критической провѣрки ихъ. Единственное достоинство исторіи—живой, увлекательный языкъ и художественная передача событій. Поэтому, когда Геродотъ читалъ свою исторію на Олимпійскихъ играхъ, восторгамъ и рукоплесканіямъ не было конца. Другимъ почти современнымъ Геродоту историкомъ въ Греціи былъ Ѳукидидъ (род. за 470 лѣтъ до Р. Хр.). Отъ Ѳукидида дошло сочиненіе: „О войнѣ Пелепонезцевъ съ Аѳинянами“ въ восьми книгахъ. Оно отличается прагматизмомъ. Факты и событія представлены вмѣстѣ съ хронологическимъ порядкомъ и во внутренней между собою зависимости. Темнота изложенія—главный недостатокъ исторіи. Изъ историковъ римскихъ замѣчательны: Титъ Ливій (въ первомъ вѣкѣ до Р. Хр.) и Тацитъ (въ первомъ вѣкѣ по Р. Хр.). Въ XVIII-мъ столѣтіи, при общемъ философскомъ направленіи, появилась *исторія философская*, иначе называемая *философіею исторіи*. Она имѣетъ своею задачею указать на основаніи событій общіе законы развитія жизни человѣческой. Таковы сочиненія: „Исторія гражданственности во Франціи и Европѣ“ Гизо, „Идеи о философіи исторіи человѣчества“ Гердера и др. Въ концѣ того же XVIII столѣтія и въ началѣ XIX возникла исторія *критическая*. Послѣдняя главнымъ образомъ стремится къ уясненію подлинности и достовѣрности историческихъ источниковъ, на основаніи которыхъ опредѣляетъ и достовѣрность самыхъ событій,—напр. „Исторія Рима“ Нибура. Въ нашей литературѣ первымъ историкомъ считается Н. М. Карамзинъ (1766—1826). До Карамзина у насъ были только попытки создать Русскую исторію. Сюда относятся историческія произведенія Хилкова, Ломоносова, Щербатова, Елагина, Татищева, Богдановича и др. Исторія Карамзина въ двѣнадцати томахъ обнимаетъ періодъ времени отъ начала Русскаго государства до 1611 года. Она создалась на основаніи добросовѣстнаго изученія Русскихъ и иностранныхъ историческихъ источниковъ и отличается художественностію. Религія, законы, войны, политическія дѣла, образованіе, литература, обычаи, суевѣрія и домашній бытъ нашихъ предковъ все это пере-

Digitized by Google

дано у Карамзина въ одной цѣльной, стройной и живой картинѣ. Съ особенною живостію и картинностію выступаютъ характеристики нѣкоторыхъ историческихъ лицъ, напр. Владиміра Мономаха, Димитрія Донскаго, Іоанна III (любимый герой Карамзина), Іоанна IV, Митрополита Филиппа, Бориса Годунова и др. Многія отдѣльныя событія, какъ крещеніе Руси, Куликовская битва, покореніе Казани, убіеніе царевича Димитрія и пр. разсказаны съ увлекательностію поэта. Вся исторія—отъ первыхъ и до послѣднихъ страницъ ея, проникнута глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, которое съ наибольшею силою проявляется при разсказѣ о смутныхъ эпохахъ государства. Языкъ и слогъ исторіи признаются для того времени образцовыми.—Множество кстати употребленныхъ архаизмовъ придаетъ рѣчи замѣчательную выразительность, а правильно составленные періоды сообщаютъ ей важность, силу и музыкальность. Послѣ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина выдающимися сочиненіями по Русской исторіи являются: „Исторія Русскаго народа“ Н. Полевого, доведенная до Іоанна Грознаго и обладающая философскимъ характеромъ; „Русская Исторія“ Устрялова, прагматически, яснымъ, чистымъ и живымъ слогомъ излагающая переходъ Русскаго государства изъ одного состоянія въ другое; „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ С. Соловьева, принадлежащая къ разряду исторіи ученой и др.

Философскія и вообще ученыя сочиненія.

Понятіе о философскихъ и вообще ученыхъ сочиненіяхъ на основаніи разбора произведенія Карамзина: „О любви къ отечеству.“ Аналитическій и синтетическій методы изслѣдованій въ ученыхъ сочиненіяхъ. Описательно-историческія сочиненія затрогиваютъ внѣшнюю, видимую сторону міра дѣйствительнаго. Но каждый дѣйствительный предметъ, каждое явленіе существуютъ по извѣстнымъ причинамъ, для какихъ-либо цѣлей, которыхъ и достигаютъ тѣми или другими средствами. Домъ, напр. строится плотникомъ или каменщикомъ, предназначается для жилища людямъ, чего и достигаетъ большимъ или меньшимъ удобствомъ помѣщенія. Причины, цѣли и средства служатъ внутреннею, невидимою стороною предметовъ и явленій и составляютъ законы ихъ существованія. Подобно сторонѣ видимой—и законы существованія предметовъ и явленій подлежатъ изслѣдованію. Указаніемъ ихъ занимаются философскія и вообще ученыя сочиненія. Для примѣра разберемъ произведеніе Карамзина: „О любви къ отечеству.“

Digitized by Google

„Любовь къ отечеству можетъ быть физическая, нравственная и политическая.

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ, есть дѣло природы и должна быть названа физическою. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружащими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни: она есть первое счастіе, а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ, нѣжные друзья освѣщаютъ въ памяти первый день дружбы своей. Лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, не смотря на то, любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество!

Самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ медики совѣтуютъ иногда больнымъ лечиться ея воздухомъ; не даромъ житель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію, а возвращаясь въ дикій Унтервальденъ, въ суровый Гларисъ, оживаетъ. Всякое растеніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ природы и для человѣка не измѣняется. Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкоторыя земли, обогащенныя природою, могутъ быть тѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ отечеству, ибо она не была бы тогда общею.

Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ сообразуется съ нашею, дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ, служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая, или нравственная любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная, или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе, ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ; ибо въ характерѣ единоземцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колецъ, или звеньевъ. На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ богатой натурѣ, случилось мнѣ встрѣтить голландскаго патріота, который, по ненависти къ штат-

Digitized by Google

гальтеру и оранистамъ, выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи между Ніона и Роля. У него былъ прекрасный домикъ, физическій кабинетъ, библіотека; сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ передъ собою великолѣпнѣйшую картину природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не знавъ его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ и сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ голландскаго флегматика удивилъ меня своею живостію: „Никто не можетъ быть счастливъ внѣ своего отечества, гдѣ сердце его выучилось разумѣть людей и образовало свои любимыя привычки. Никакимъ народомъ нельзя замѣнить согражданъ. Я живу не съ тѣми, съ кѣмъ жилъ 40 лѣтъ, и живу не такъ, какъ жилъ 40 лѣтъ: трудно пріучить себя къ новостямъ и мнѣ скучно".

Но физическая и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе натуры и свойствъ человѣка, не составляютъ еще той великой добродѣтели, которою славились греки и римляне. Патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія—и потому не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности человѣка на его счастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его тишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ, любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе гордость народную, которая служитъ опорою патріотизма. Такъ, греки и римляне считали себя первыми народами, а всѣхъ другихъ варварами; такъ, англичане, которые въ новѣйшія времена болѣе другихъ славятся патріотизмомъ, болѣе другихъ о себѣ мечтаютъ."

Въ этомъ сочиненіи Карамзинъ старается объяснить, почему всякій изъ насъ любитъ свое очечество. Наблюдая и изслѣдуя данное общечеловѣческое явленіе, онъ нашелъ, что любовь къ отечеству коренится въ тѣсной связи человѣка—во-первыхъ, съ мѣстомъ его рожденія, во-вторыхъ, съ людьми, окружавшими его съ дѣтства, или съ согражданами, и въ-третьихъ, съ благомъ и славою отечества. Отсюда, любовь къ отечеству раздѣляется у него на физическую, нравственную и политическую, иначе патріотизмъ. Любовь физическая, по мнѣнію Карамзина, состоитъ въ привязанности человѣка къ мѣсту своего рожденія и воспитанія, основывается на самой природѣ человѣка и потому обща всѣмъ людямъ. Каждый любитъ свою родину: *) за первыя воспоминанія дѣтства—

*) Здѣсь родина смѣшивается съ отечествомъ. „Подъ отечествомъ разумѣется та страна, къ которой человѣкъ принадлежитъ, какъ гражданинъ, какъ подданный, въ какомъ-бы мѣстѣ этой страны онъ ни родился, подъ родиною—только мѣсто его рожденія"—слова Галахова.

Digitized by Google

причина душевная,—и потому, что самое расположеніе нервовъ человѣка образовано по климану родины—причина тѣлесная. Доказательствомъ служатъ—съ одной стороны, общій взглядъ автора на жизнь, что „она есть первое счастіе, а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть“, взглядъ, подкрѣпляемый сравненіемъ изъ воспоминаній друзей и примѣромъ Лапландца, съ другой—благотворное дѣйствіе роднаго климата на человѣка и растенія по общему для всѣхъ закону природы, оправдываемое совѣтами медиковъ больнымъ лѣчиться воздухомъ родины и примѣромъ Швейцарца, увядающаго вдали отъ родины. Любовь нравственная проявляется въ расположеніи „къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ“, происходитъ изъ привычки, вслѣдствіе которой „душа гражданъ сообразуется съ нашею душою“, и, будучи, какъ и любовь физическая, общею, усиливается вмѣстѣ съ лѣтами. Въ подтвержденіе приводятся два примѣра: встрѣча въ чужой землѣ совершенно незнакомыхъ единоземцевъ, съ любовью „обнимающихъ другъ друга и спѣшащихъ излить душу въ искреннихъ разговорахъ“, и свидѣтельство голландскаго патріота: „никто не можетъ быть счастливъ внѣ сво го отечества.... Никакимъ народомъ нельзя замѣнить согражданъ“.... Наконецъ, „патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ“. Онъ имѣетъ своимъ источникомъ собственное благо и гордость народную и такъ какъ требуетъ разсужденія, то и не всѣ люди обладаютъ имъ. Такимъ образомъ, стараясь уяснить общечеловѣческое явленіе—любовь къ отечеству, Карамзинъ указываетъ на сущность, причины и проявленія этого чувства въ человѣкѣ, т. е. опредѣляетъ, въ чемъ состоитъ любовь человѣка къ отечеству, на чемъ она основывается и въ чемъ проявляется. При этомъ, въ подтвержденіе своихъ положеній, онъ приводитъ различнаго рода доводы, такъ или иначе обосновывающіе его мысль. *Изслѣдованіе предметовъ или явленій въ ихъ сущности, причинахъ и внѣшнемъ обнаруженіи, иначе—въ отношеніи законовъ ихъ существованія, подтверждаемое тѣми или другими доказательствами, служитъ главною отличительною чертою философскихъ и вообще ученыхъ сочиненій со стороны содержанія.*

Въ развитіи мыслей, объясняющихъ любовь человѣка къ отечеству, Карамзинъ употребляетъ слѣдующее построеніе. Сначала онъ высказываетъ общее положеніе, что у человѣка есть любовь къ отечеству и что она бываетъ физическая, нравственная и политическая, а затѣмъ переходитъ къ раскрытію каждаго изъ трехъ частныхъ видовъ любви. Говоря о любви физической, авторъ прежде

Digitized by Google

всего указываетъ, въ чемъ состоитъ этого рода привязанность человѣка къ отечеству, т. е. приводитъ общую мысль о физической любви человѣка къ отечеству: „человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія“. Это общее соображеніе объясняется далѣе двумя частными: указаніемъ душевной и тѣлесной причинъ физической любви человѣка къ отечеству: „Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества“—причина душевная; „самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ“ -причина тѣлесная. Каждая изъ двухъ данныхъ причинъ физической любви къ отечеству въ свою очередь подтверждается еще болѣе частными доводами и примѣрами. Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія за плѣнительныя воспомнанія своего дѣтства потому, что „въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое счастіе, а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть“. Послѣднее видно изъ отношенія друзей, „освящающихъ въ памяти первый день дружбы своей“. Примѣръ Лапландца, стремящагося на свою родину—во гробъ природы изъ счастливой Италіи, также свидѣтельствуетъ, что „родина мила сердцу не мѣстными красотами, а плѣнительными воспоминаніями“. Вторая причина физической любви къ отеству—тѣлесная доказывается авторитетомъ докторовъ, совѣтующихъ больнымъ лѣчиться воздухомъ родины, частнымъ примѣромъ „жителя Гельвеціи, увядающаго вдали отъ родины“, и сравненіемъ человѣка съ растеніемъ. Въ подобномъ же порядкѣ, переходя отъ общихъ положеній къ болѣе частнымъ и единичнымъ, раскрываетъ Карамзинъ любовь нравственную и политическую. *Правильный пріемъ дѣятельности, ведущій къ достиженію какой-либо цѣли вообще, а въ сочиненіяхъ правильный способъ расположенія мыслей называется методомъ, отъ* греч μετά и ὁδός—путь дѣятельности, путь мышленія. Въ данномъ случаѣ методъ Карамзина состоитъ, слѣдовательно, въ постепенномъ переходѣ отъ мыслей и положеній общихъ къ частнымъ и единочнымъ. Такой методъ носитъ названіе *синтетическаго,* (отъ греч. συντίθημι—слагаю вмѣстѣ, соединяю, подвожу подо что), т. е. метода, состоящаго въ сложеніи, соединеніи, подведеніи частныхъ мыслей и единичныхъ примѣровъ подъ общее положеніе. Синтетическій методъ, подводя частныя мысли и примѣры подъ одно общее правило, тѣмъ самымъ способствуетъ объединенію нашихъ знаній и придаетъ имъ характеръ законченности, необходимости, прочности; но имъ однимъ не ограничивается дѣятельность нашего ума въ философскихъ и вообще

Digitized by Google

ученыхъ сочиненіяхъ. Свои познанія о предметахъ мы пріобрѣтаемъ первоначально помощію другаго метода *аналитическаго*: мы изучаемъ и наблюдаемъ сначала отдѣльные факты и явленія, и сравниваемъ ихъ между собою, находимъ между ними общіе прзнаки и свойства, раздѣляемъ сходныя явленія и факты по группамъ и такимъ образомъ обобщаемъ ихъ; въ этомъ и состоитъ сущность аналитическаго метода. Слѣдовательно, по *аналитическому методу умъ нашъ начинаетъ съ частныхъ явленій, случаевъ, примѣровъ и, путемъ постепеннаго ихъ объединенія, доходитъ до ихъ общихъ правилъ и законовъ*, т. е. кончаетъ тѣмъ, съ чего только начинаетъ методъ синтетическій. Отсюда, оба метода взаимно дополняютъ другъ друга,—отсюда же, и самое названіе аналитическій (греч. ἀναλύω—разлагаю, разъединяю, раздѣляю), т. е. методъ. заключающійся въ разложеніи, разъединеніи, раздѣленіи наблюденій съ цѣлію найти ихъ общее—законы и правила. *Синтетическій и аналитическій методы изслѣдованія законовъ существующаго составляютъ вторую необходимую принадлежность философскихъ и вообще ученыхъ сочиненій — со стороны ихъ построенія — и встрѣчаются въ нихъ или оба вмѣстѣ, или по-одиночкѣ.*

Наконецъ, слогъ даннаго произведенія Карамзина отличается отвлеченностію, точностію и опредѣленностію. Въ немъ нѣтъ ни метафоръ, ни троповъ, ни фигуръ. *Это — третье и послѣднее свойство ученыхъ сочиненій.* Оно прямо и необходимо вытекаетъ изъ характера ихъ содержанія: о законахъ существующаго—предметѣ совершенно отвлеченномъ—можно и говорить только языкомъ отвлеченнымъ, точнымъ и опредѣленнымъ.

Такимъ образомъ, философскими и вообще учеными сочиненіями называются словесныя произведенія, излагающія точнымъ, отвлеченнымъ слогомъ, синтетическими или аналитически или тѣмъ и другимъ методомъ вмѣстѣ—законы существованія предметовъ и явленій міра дѣйствительнаго.

Формы философскихъ сочиненій. Разсужденіе. Понятіе о разсужденіи на основаніи разбора сочиненія Карамзина: „О счастливѣйшемъ времени жизни“. Самою простою формою философскихъ и вообще ученыхъ сочиненій являются разсужденія. Для образца остановимся на разсужденіи Карамзина: **„О счастливѣйшемъ времени жизни“.**

„Человѣколюбіе, безъ сомнѣнія, заставило Цицерона хвалить старость; однакожъ не думаю, чтобы трактатъ его въ самомъ дѣлѣ утѣшилъ старцевъ: остроумію легко плѣнить разумъ, но трудно побѣдить въ душѣ естественное чувство.

Можно ли хвалить болѣзнь! а старость—сестра ея. Перестанемъ обманывать себя и другихъ; перестанемъ доказывать, что всѣ дѣйствія

Digitized by Google

натуры и всѣ феномены ея для насъ благотворны. Въ общемъ планѣ, можетъ быть; но какъ онъ извѣстенъ одному Богу, то человѣку и нельзя разсуждать о вещахъ въ семъ отношеніи. Оптимизмъ есть не философія, а игра ума. Философія занимается только ясными истинами, хотя и печальными, отвергаетъ ложь, хотя и пріятную. Творецъ не хотѣлъ для человѣка снять завѣсы съ дѣлъ своихъ, и догадки наши никогда не будутъ имѣть силы удостовѣренія. Вопреки Жанъ-Жаку Руссо, младенчество, сіе всегдашнее бореніе слабой жизни съ алчною смертію, должно казаться намъ жалкимъ; вопреки Цицерону, старость печальна; вопреки Лейбницу и Попу, здѣшній міръ остается училищемъ терпѣнія. Не даромъ всѣ народы имѣли древнее преданіе, что земное состояніе человѣка есть его паденіе или наказаніе: сіе преданіе основано на чувствѣ сердца. Болѣзнь ожидаетъ насъ здѣсь при входѣ и выходѣ; а въ срединѣ, подъ розами здоровья, кроется змѣя сердечныхъ горестей. Живѣйшее чувство удовольствія имѣетъ въ себѣ какой-то недостатокъ; возможное на землѣ счастіе, столь рѣдкое, омрачается мыслію, что или мы оставимъ его, или оно оставитъ насъ.

Однимъ словомъ, вездѣ и во всемъ окружаютъ насъ недостатки. Однакожъ слова: благо и счастіе, справедливо занимаютъ мѣсто свое въ лексиконѣ здѣшняго свѣта. Сравненіе опредѣляетъ цѣну всего: одно лучше другаго—вотъ благо; одному лучше, нежели другому—вотъ счастіе!

Какую же эпоху жизни можно назвать счастливѣйшею по сравненію? Не ту, въ которую мы достигаемъ до физическаго совершенства въ бытіи (ибо человѣкъ не есть только животное); но послѣднюю степень физической зрѣлости—время, когда всѣ душевныя способности дѣйствуютъ въ полнотѣ своей, а тѣлесныя силы еще не слабѣютъ примѣтно: когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отношенія къ намъ, игру страстей, цѣну удовольствій и законъ природы, для нихъ уставленный; когда разумъ нашъ, богатый идеями, сравненіями, опытами, находитъ истинную мѣру вещей, соглашаетъ съ нею желанія сердца и даетъ жизни общій характеръ благоразумія. Какъ плодъ дерева, такъ и жизнь бываетъ всего сладостнѣе передъ началомъ увяданія.

Сія истина доказываетъ мнѣ благородство человѣка. Если бы умная нравственность была случайною принадлежностью существа нашего (какъ нѣкоторые утверждали) и только слѣдствіемъ общественныхъ связей, въ которыя мы зашли, уклонясь отъ путей натуры: то она не могла бы своими удовольствіями замѣнять для насъ живости и пылкости цвѣтущихъ дней молодости; не только замѣнять ихъ, но и несравненно возвышать цѣну жизни; ибо человѣкъ за тридцать пять лѣтъ, безъ сомнѣнія, не пылаетъ уже такъ страстями, какъ юноша, а въ самомъ дѣлѣ можетъ быть гораздо еще счастливѣе.

Въ сіе время люди по большей части бываютъ уже супругами, отцами и наслаждаются въ жизни самыми вѣрнѣйшими радостями—семейственными. Мы ограничиваемъ сферу бытія своего, чтобы не бѣгать вдаль за удовольствіями; перестаемъ странствовать по туманнымъ

Digitized by Google

областямъ мечтанія; живемъ дома, живемъ болѣе въ самихъ себѣ; требуемъ менѣе отъ людей и свѣта: менѣе огорчаемся неудачами, ибо менѣе ожидаемъ благопріятныхъ случайностей. Жребій брошенъ: состояніе избрано, утверждено; стараемся возвеличить его достоинство пользою для общества; хотимъ оставить въ мірѣ благодѣтельные слѣды бытія своего; воспитаніе дѣтей, хозяйство, государственныя должности обращаются для насъ въ душевное удовольствіе, а дружба и пріязнь въ сладкое отдохновеніе. Поля, нашими трудами обогащенныя, садикъ, нами обработанный, земледѣльцы, насъ благодарящіе, лица домашнихъ спокойныя, сердца ихъ къ намъ привязанныя — радуютъ мирную душу опытнаго человѣка болѣе, нежели сіи шумныя забавы, сіи призраки воображенія и страстей, которые обольщаютъ молодость. Здоровье, столь мало уважаемое въ юныхъ лѣтахъ, дѣлается въ лѣтахъ зрѣлости истиннымъ благомъ; самое чувство жизни бываетъ гораздо милѣе тогда, когда уже пролетѣла ея быстрая половина. Такъ, остатки ясныхъ осеннихъ дней располагаютъ насъ живѣе чувствовать прелесть натуры: думая, что скоро все увянетъ, боимся пропустить минуту безъ наслажденія! Юноша неблагодаренъ: волнуемый темными желаніями, безпокойный отъ самаго избытка силъ своихъ, съ небреженіемъ ступаетъ онъ на цвѣты, которыми природа и судьба украшаютъ стезю его въ мірѣ; человѣкъ, искушенный опытами, въ самыхъ горестяхъ любитъ благодарить Небо со слезами за малѣйшую отраду.

Въ сіе же время дѣйствуетъ и торжествуетъ геній. Ясный взоръ на міръ открываетъ истину; воображеніе сильное представляетъ ея черты живо и разительно, вкусъ зрѣлый украшаетъ ее простотою, и творенія ума человѣческаго являются въ совершенствѣ, и творецъ дерзаетъ наконецъ простирать руку къ потомству, быть современникомъ вѣковъ и гражданиномъ вселенной. Молодость любитъ въ славѣ только шумъ, а душа зрѣлая—справедливое, основательное признаніе ея полезной для свѣта дѣятельности. Истинное славолюбіе не волнуетъ, не терзаетъ, но сладостно покоитъ душу среди монументовъ тлѣнія и смерти, открывая ей путь безсмертія талантовъ и разума: мысли утѣшительныя для существа, которое столько любитъ жить, дѣйствовать, но столь недолговѣчно своимъ бытіемъ физическимъ!

Дни цвѣтущей юности и пылкихъ желаній! не могу жалѣть о васъ. Помню восторги, но помню и тоску свою: помню восторги, но не помню счастія: его не было въ сей бурной стремительности чувствъ къ безпрестаннымъ наслажденіямъ, которая бываетъ мукою; его нѣтъ и теперь для меня въ свѣтѣ; но не въ лѣтахъ кипѣнія страстей, а въ полномъ дѣйствіи ума, въ мирныхъ трудахъ его, въ тихихъ удовольствіяхъ жизни единообразной, успокоенной, хотѣлъ бы я сказать солнцу: остановися! если бы въ тоже время могъ сказать и мертвымъ: возстаньте изъ гроба!“

Въ этомъ произведеніи Карамзинъ пытается опредѣлить, какое время въ жизни человѣка можно назвать счастливѣйшимъ и почему. По своему характеру данное положеніе представляетъ со-

Digitized by Google

вершенно частный, хотя и очень серьезный, вопросъ изъ жизни человѣческой. Рѣшеніе его Карамзинъ начинаетъ съ опроверженія мнѣній—Цицерона, хвалившаго старость, Ж. Ж. Руссо, считавшаго самымъ счастливымъ временемъ жизни младенчество, и Лейбница и Поппа, полагавшихъ, что все въ мірѣ прекрасно и ведетъ къ лучшему. На основаніи различнаго рода соображеній, авторъ не соглашается съ мнѣніями названныхъ мыслителей, а напротивъ, приходитъ къ мысли, что счастіе на землѣ относительно и заключается въ сравненіи съ несчастіемъ: „одно лучше другаго—вотъ благо; одному лучше, нежели другому—вотъ счастіе". Далѣе слѣдуетъ вопросъ: „Какую же эпоху жизни можно назвать счастливѣйшею по сравненію?" На это Карамзинъ отвѣчаетъ—сначала отрицательно—не юность, а потомъ положительно—мужество. О младенчествѣ и старости болѣе не упоминается, такъ какъ уже показано, что ихъ нельзя назвать счастливѣйшею порою жизни. Относительное счастіе возмужалаго возраста подтверждается слѣдующими тремя основаніями: 1) въ возрастѣ мужества „люди по большей части наслаждаются самыми вѣрнѣйшими радостями—семейственными; 2) здоровье, столь мало уважаемое въ юныхъ лѣтахъ, дѣлается въ лѣтахъ зрѣлости истиннымъ благомъ и 3) въ сіе же время дѣйствуетъ и торжествуетъ геній." Наконецъ въ заключеніе писатель съ чувствомъ горести снова обращается къ юности, не давшей ему счастія, и высказываетъ желаніе, если бы то было возможно, продлить свою жизнь въ возмужалости, какъ наиболѣе счастливомъ возрастѣ. Такимъ образомъ, во всемъ сочиненіи проводится одна частная и вмѣстѣ главная мысль: мужество—самый счастливый по сравненію возрастъ въ жизни, что и доказывается отрицательно и положительно, посредствомъ правильной постановки различнаго рода доводовъ. Очень часто въ разсужденіяхъ имѣется еще въ виду возможно полное выясненіе внутренней связи или причинной зависимости между тѣми или другими однородными явленіями, сходными предметами и даже отдѣльными ихъ признаками. Отсюда, *разсужденіемъ называется такое философское сочиненіе, въ которомъ, при помощи правильно и послѣдовательно приведенныхъ доказательствъ, или раскрывается какое—либо частное и по большей части отвлеченное положеніе, или же выясняется причинная зависимость между признаками, предметами и явленіями.*

По расположенію мыслей разсужденія, какъ особый видъ философскихъ сочиненій, слѣдуютъ или одному изъ указанныхъ выше методовъ—аналитическому или синтетическому, предпочитая впрочемъ послѣдній, или—тому и другому вмѣстѣ. Въ данномъ случаѣ произ-

Digitized by Google

веденіе Карамзина составлено сначала по методу аналитическому, гдѣ авторъ путемъ разбора мнѣній Цицерона, Ж. Ж. Руссо, Лейбница и Поппа приходитъ къ убѣжденію, что здѣшній міръ есть училище терпѣнія и что на землѣ есть только счастіе относительное, а потомъ по методу синтетическому, гдѣ утверждается, что счастливѣйшій возрастъ по сравненію — мужество. Со стороны внѣшняго построенія разсужденіе „О счастливѣйшемъ времени жизни“ состоитъ изъ слѣдующихъ частей:

A) **Вступленія**, въ которомъ Карамзинъ разсматриваетъ мнѣнія Цицерона, Ж. Ж. Руссо, Лейбница и Поппа и высказываетъ свое положеніе объ относительномъ счастіи на землѣ. Вступленіе оканчивается вопросомъ, отвѣтъ на который даетъ тема разсужденія, и который поэтому называется вопросомъ *тематическимъ*: „какую же эпоху жизни можно назвать счастливѣйшею по сравненію?“

B) **Предложенія**, содержащаго главную мысль разсужденія, что счастливѣйшею эпохою жизни по сравненію должно считать не юность, а мужество. (*)

C) **Изложенія** или главной части, гдѣ приводятся доказательства основной мысли разсужденія, и

D) **Заключенія**, въ которомъ Карамзинъ еще разъ обращается къ юности и возмужалости.

Самую важную и обширную часть разсужденія составляетъ, конечно, изложеніе: въ немъ приводятся основанія или доказательства главной мысли разсужденія. Въ разбираемомъ сочиненіи Карамзина такими доказательствами служатъ доводы или причины, по которымъ мужество признается счастливѣйшимъ возрастомъ жизни по сравненію, но часто въ разсужденіяхъ употребляются и другія доказательства. Сюда относятся:

1) *Сравненіе доказываемой мысли или предмета съ мыслями или предметами сходными;* такъ, Карамзинъ въ разсужденіи „О любви къ отечеству“ сравниваетъ воспоминанія о началѣ жизни, какъ первомъ счастіи, съ воспоминаніями друзей о первомъ днѣ дружбы своей.

2) *Примѣры,* подтверждающіе доказываемую мысль; таковы въ томъ же разсужденіи примѣры Лапландца и жителя Гельвеціи, доказывающіе основное положеніе о любви физической: „Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріят-

---

(*) Иногда въ разсужденіи указывается и порядокъ развитія главной мысли. Это называется *раздѣленіемъ*. Съ раздѣленія, напр. начинаетъ Карамзинъ свое разсужденіе „О любви къ отечеству.“

Digitized by Google

нымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества".—

3) *Постороннія свидѣтельства писателей, сочиненій, очевидцевъ и пр., а также личные опыты и наблюденія автора,* напр. въ томъ же разсужденіи свидѣтельство голландскаго патріота: „Никто не можетъ быть счастливъ внѣ своего отечества, гдѣ сердце его выучилось разумѣть людей и образовало свои любимыя привычки" и т. д., объясняющее сущность и происхожденіе любви нравственной.

Наконецъ, 4) *отрицаніе мыслей противоположныхъ;* такимъ способомъ Карамзинъ между прочимъ оправдываетъ свою мысль, что мужество наиболѣе счастливый возрастъ жизни, такъ какъ ни вся вообще жизнь, ни старость, ни младенчество, ни юность не могутъ быть признаны таковымъ.

Хріи. Всѣ указанные выше способы обоснованія главной, доказываемой мысли были извѣстны еще древнимъ классическимъ риторамъ. У послѣднихъ существовалъ даже особый планъ для упражненія въ составленіи разсужденій, совмѣщавшій въ себѣ слѣдующія восемь частей:

1) **Exordium** или приступъ, вступленіе, въ которомъ обозначалось происхожденіе темы, иногда съ похвалою автору, если темою было изреченіе извѣстнаго лица; такой приступъ назывался „exordium dictum cum laude auctoris."

2) **Expositio**—изложеніе, изъясненіе смысла темы, которая при этомъ и высказывалась вообще.

3) **Causae**—причины, доводы, собственныя основанія, на которыхъ авторъ утверждалъ свою главную мысль.

4) **Contrarium**—противное, указаніе и опроверженіе мнѣнія, противоположнаго истинѣ, содержащейся въ темѣ.

5) **Simile aut comparatio**—подобіе или сравненіе,—объясненіе истины путемъ сравненія ея съ другою сходною истиною.

6) **Exemplum**—примѣръ, доказательство основной мысли примѣромъ изъ исторіи, жизни, природы.

7) **Testimonium**—свидѣтельство—подтвержденіе доказанной истины словами Св. Писанія, извѣстнаго писателя, народной пословицы, и вообще свидѣтельствомъ какого-либо авторитета.

8) **Conclusio**—заключеніе—обобщеніе, состоявшее или въ краткомъ повтореніи темы или выводѣ изъ всего сказаннаго какого—либо нравственнаго правила съ указаніемъ его житейскаго примѣненія.

Разсужденіе, составлявшееся по такому плану, называлось хріею (отъ греч. χρεία,—обычай, употребленіе, необходимость), т. е.

Digitized by Google

сочиненіемъ, написаннымъ по обычнымъ правиламъ риторики и совершенно необходимымъ, какъ упражненіе для занимающихся словесностью. Сущность и цѣль хріи заключается въ надлежащемъ развитіи и уяспеніи изреченія писателя, народной пословицы, вообще какой-либо истины, по своей отрывочности или поэтической формѣ выраженія представляющейся на первый разъ не совсѣмъ понятною и опредѣленною. Для этого данное положеніе разъясняется, обставляется всевозможными доказательствами и наконецъ примѣняется къ дѣйствительности. Изъ классической древности хріи перешли потомъ и въ наши риторики. Вотъ нѣсколько примѣровъ хріи.—

А) „Дурное общество гибельно для молодаго человѣка."

1. „Умные люди, присматриваясь къ жизни и обсуждая ея явленія, составили въ назиданіе намъ много безспорныхъ сужденій, слѣдуя которымъ, мы всегда жили бы благополучно. Но люди пренебрегаютъ этими изреченіями мудрости, какъ не новыми, всѣмъ извѣстными азбучными нравоученіями, и только тогда чувствуютъ всю ихъ правдивость, когда опытомъ убѣдятся въ горькой истинѣ. Къ такимъ изреченіямъ относится и данное.

2. Смыслъ его ясенъ: хочешь быть счастливымъ,—избѣгай дурнаго общества; только въ союзѣ съ людьми добрыми, честными ты проживешь благополучно.

3. Причины понятны: характеръ молодаго человѣка еще не установился; онъ только складывается и всегда зависитъ отъ окружающихъ примѣровъ. Дурное общество хорошему не научитъ. Въ силу привычки, подражая другимъ, человѣкъ сдѣлается эгоистомъ, порочнымъ; а этимъ самымъ жизнь навсегда испорчена, разбита; совѣсть всегда будетъ тревожить его себялюбивый покой и вселитъ въ душѣ недовольство самимъ собою. А гдѣ нѣтъ душевнаго покоя, гдѣ нѣтъ нравственнаго довольства собою, тамъ нѣтъ счастья: ни знанія, ни богатства, ни изысканныя наслажденія не возвратятъ, не замѣнятъ человѣку утраченнаго мира душевнаго. „Кая-бо польза человѣку, аще весь міръ пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ? Или что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою?"

4. Человѣкъ, не зараженный порочными привычками, съ чистою душою, будь даже бѣднымъ и невѣжественнымъ, счастливѣе и почтеннѣе безнравственнаго умника и богача.

5. Какъ цѣлому яблоку не сохраниться между гнилыми, какъ не выйти чистымъ и здоровымъ изъ зачумленнаго дома,—такъ не избѣжать порчи человѣку, связавшемуся съ порочными людьми: порокъ, зло всегда заразительнѣе добра.

6. Такъ, русскіе много грубаго переняли когда-то у татаръ; такъ, модные воспитатели-французы XVIII вѣка извратили своимъ вліяніемъ нѣсколько поколѣній высшаго русскаго общества.

7. Разбираемую истину подтверждаетъ своимъ вѣковымъ опытомъ

Digitized by Google

и нашъ народъ, именно въ своихъ пословицахъ, въ родѣ слѣдующихъ: „съ кѣмъ поживешь, тѣмъ и прослывешь. — Между волками жить, по волчью и выть". А обратное вліяніе добраго общества наглядно уясняетъ намъ нашъ писатель Дмитріевъ въ баснѣ „Полевой цвѣтокъ и гвоздика".

8. Жизнь человѣческая коротка; до всего своимъ опытомъ дойти невозможно; мы должны слѣдовать иногда поневолѣ готовымъ мудрымъ совѣтамъ и указаніямъ, не прибѣгая къ трудному опыту. Но особенно неразумно подвергать себя опыту, завѣдомо вредному: такой опытъ не умудритъ насъ, не дастъ ничего новаго, а между тѣмъ, пожалуй, на всегда разрушитъ наше счастіе".*)

В) „Dulce et decorum est pro patria mori.—
Прекрасно и славно умереть за отечество.
Horat. Od. Lib. III, 2, 13."

Приступъ. „Прекрасно и славно умереть за отечество", говоритъ римскій поэтъ Горацій, коего произведенія полны изреченій, продиктованныхъ ему жизненной мудростью.

Разъясненіе. Когда отечество въ опасности, то высшая слава и лучшее украшеніе для его сыновъ—отдать за него драгоцѣннѣйшее изъ благъ, свою жизнь.

Прямое доказательство. а) Отечество для человѣка то же, что родная семья; тамъ все для него драгоцѣнно—

„Тамъ родшихъ милый домъ — И предковъ прахъ священный.
И сонмъ друзей безцѣнный, — За нихъ, друзья, всю нашу кровь!"**)
И царскій тронъ, и прахъ царей,

Слѣдовательно, защищая отечество, мы охраняемъ наше собственное благосостояніе. б) Величайшій подвигъ—смерть за отечество достойно вознаграждается признательностію современниковъ, славою въ исторіи, безсмертіемъ въ потомствѣ.

Доказательство отъ противнаго. Кто не внемлетъ призыву отечества, кто считаетъ свои потери, когда обстоятельства сулятъ общую гибель, кто малодушно боится за свою жизнь, кто изъ личныхъ выгодъ служитъ врагу: тотъ заслуживаетъ всеобщее презрѣніе и навсегда покрываетъ свое имя позоромъ.

Подобіе. Неразумныя животныя и насѣкомыя защищаютъ гнѣздо свое, если ему угрожаетъ опасность.

Примѣръ. Русскій народъ во всѣ времена твердо стоялъ за честь своей родины. Русская исторія представляетъ множество примѣровъ геройскаго самоотверженія и славной смерти въ борьбѣ съ врагами отечества: вспомнимъ Сусанина, войну 1812 года, защитниковъ Севастополя, героевъ послѣдней войны за освобожденіе Болгаръ.

---

* Общій курсъ словесности—Краснова.
** Жуковскій.

Digitized by Google

Свидѣтельство. Тысячелѣтіе прошло, но мы слышимъ голосъ князя Святослава, гремящій передъ дружиной, готовящейся къ бою: „Не посрамимъ земли русскія, но ляжемъ костьми, мертвіи бо срама не имутъ“.

Петръ Великій, объѣзжая полки передъ Полтавскимъ сраженіемъ, говорилъ войску: „Воины! пришелъ часъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за отечество....а о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога, лишь бы жила Россія въ славѣ и благоденствіи!“

Поэтъ сказалъ:

„Слава тѣхъ не умираетъ,
Кто за отечество умретъ:
Она такъ въ вѣчности сіяетъ,
Какъ въ морѣ ночью лунный свѣтъ.
Временъ въ глубокомъ отдаленьи
Потомство тѣхъ увидитъ тѣни,
Которыхъ мужественъ былъ духъ;
Съ гробовъ ихъ въ души огнь польется,
Когда по рощамъ разнесется
Безсмертной лирой дѣлъ ихъ звукъ“.[1])

„Хвала имъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды;
„Отъ нихъ учитесь умирать!“
Такъ скажутъ внукамъ дѣды.“ [2])

Заключеніе. Итакъ, умереть за отечество есть подвигъ великій и прекрасный!“

С) „Москва.... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!“ [3])

Приступъ съ похвалой автору. Великій нашъ поэтъ, въ сердцѣ котораго находили вдохновенный откликъ всѣ завѣтныя стремленія русскаго народа, подъѣзжая къ Москвѣ, сказалъ:

„Но вотъ ужъ близко; передъ нами
Ужъ Бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ, крестами золотыми
Горятъ старинныя главы.
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!“

Изъясненіе темы. Не только величественный, живописный видъ этого историческаго города, пребываніе въ краснорѣчивыхъ стѣнахъ его, но самое имя Москва, какъ благовѣстный гулъ, много говоритъ русскому сердцу, пробуждая въ немъ рой глубокихъ думъ, сладостныхъ чувствъ и подъемлющихъ русскій духъ воспоминаній.

---

[1]) Державинъ. [2]) Жуковскій. [3]) Пушкинъ.

Digitized by Google

Доказательства. Москва по географическому положенію—срединный городъ Россіи, средоточіе промышленности, торговли, народности; въ историческомъ и политическомъ отношеніи—первопрестольная столица,—зерно, изъ котораго расцвѣло древо государственнаго могущества, такъ какъ исторія Москвы есть исторія всей Россіи. Московскіе князья и цари собрали воедино разрозненныя русскія земли, возвеличили и прославили Русь. Твердыня русской земли, носительница мощнаго русскаго духа, Москва своею грудью не разъ защищала отечество отъ многочисленныхъ враговъ въ самыя тяжелыя времена. Въ нравственномъ отношеніи Москва—сердце Россіи: недаромъ русскій человѣкъ называетъ ее „Матушка—Москва".

Сравненіе. Москва для русскаго народа то же, чѣмъ были для древнихъ грековъ—Аѳины, для латинянъ—Римъ, для израильтянъ—Іерусалимъ; въ Москвѣ высится свой Акрополь, свой Капитолій и свой Сіонъ—это славный Кремль. Кремль—великій ковчегъ всенародной русской святыни—

„Кремль—алтарь нашъ и твердыня! Онъ—наша сила и святыня,
Онъ собралъ Русь, скрѣпилъ, воздвигъ, Молельникъ и Архистратигъ!"[1]).

Противное. Еслибы нашелся такой русскій человѣкъ, котораго сердцу имя Москвы не говоритъ ничего, то можно смѣло назвать его недостойнымъ сыномъ русской земли; мѣсто такому человѣку въ станѣ враговъ Россіи, въ станѣ завистниковъ славы и величія нашего отечества, по слову поэта:

„Развѣ пасынки Россіи не поклонятся Москвѣ?...."[2]).

Примѣръ. Славное имя Москвы съ древнѣйшихъ временъ было названіемъ всей Россіи: прежде (въ XV—XVI вѣк.) въ странахъ Европы и Азіи не было извѣстно имя Россіи, но знали Московію; и до сихъ поръ не только въ Азіи, но и въ Европѣ Москва, Москаль, подобно тому какъ Римъ и Римлянинъ, обозначали цѣлое всемірное государство и многомилліонныхъ его гражданъ.

Свидѣтельство. Русскій народъ въ своихъ пѣсняхъ, пословицахъ величаетъ Москву „родимой", „дорогой", „златоглавой", „бѣлокаменной", „первопрестольной столицей", „сердцемъ Россіи", „Матушкой"; русскіе духовные проповѣдники, историки, поэты оставили въ своихъ сочиненіяхъ свидѣтельства о великомъ значеніи Москвы для Россіи. Погодинъ пишетъ: „Москва сохраняетъ еще свою народность, со всѣми ея добродѣтелями и, если угодно, недостатками. Вотъ почему она можетъ назваться представительницей Святой Руси. Вотъ почему всякій русскій питаетъ сыновнее благоговѣніе къ этому первопрестольному граду своихъ предковъ. Здѣсь святыня отечества, здѣсь почиваютъ Великіе Угодники и Чудотворцы, теплыми своими молитвами заступники родины предъ престоломъ Вышняго. Здѣсь покоятся тлѣнные останки великихъ основателей и благотворителей Россіи. Здѣсь памятники всѣхъ

---

[1]) Кн. Вяземскій. [2]) Ѳ. Глинка.

Digitized by Google

важныхъ событій. Здѣсь цари принимаютъ вѣнецъ свой и клянутся блюсти уставы отечества. Здѣсь вѣрный народъ ихъ въ эту великую минуту молится за ихъ благополучное царствованіе. Словомъ, здѣсь земля историческая, здѣсь русскій духъ во-очію совершается. Вотъ почему, въ важныя и рѣшительныя эпохи, русская преданность Вѣрѣ, Государю, Отечеству является въ Москвѣ во всемъ своемъ блескѣ и величіи. Если Петербургъ называется главою Россіи, то Москва, безъ сомнѣнія, есть ея сердце—сердце горячее, пылающее любовью къ отечеству, которое живо бьется при всякой его радости, которое тяжко ноетъ при всякомъ бѣдствіи, которое готово на всякія пожертвованія, на труды и болѣзни, на раны и смерть для его счастія, которое свято дорожитъ его славою и которое пламенно, искренно любитъ добрыхъ, великихъ царей, посылаемыхъ ей Богомъ."

Батюшковъ говоритъ: „Кто, стоя въ Кремлѣ, холодными глазами смотрѣлъ на исполинскія башни, на древніе монастыри, на величественное Замоскворѣчье, не гордился своимъ отечествомъ и не благословлялъ Россіи,—для того (и я скажу это смѣло) чуждо все великое, ибо онъ безжалостно ограбленъ природою при самомъ своемъ рожденіи".

Лермонтовъ обращается къ Москвѣ:

„Москва, Москва! люблю тебя, какъ сынъ,
Какъ русскій—сильно, пламенно и нѣжно!
Люблю священный блескъ твоихъ сѣдинъ
И этотъ Кремль зубчатый, безмятежный".

Имя Москвы на поляхъ сраженій воспламеняло духъ русскихъ воиновъ. Передъ Бородинскою битвою полководцы русскихъ войскъ,—разсказываетъ старый воинъ,—объѣзжая ряды войскъ, говорили:

„Ребята! не Москва-ль за нами? —И умереть мы обѣщали,
Умремте-жъ подъ Москвой. И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой!"

Не только для русскихъ, но и для всего славянства Москва—дорогой, родной, любимый, священный городъ. Чешскіе, хорватскіе, сербскіе, черногорскіе поэты, вдохновленные именемъ первопрестольной русской столицы, не разъ выражали ей свой сердечный привѣтъ:

„Златоглавый городъ
Мать—Москва родная!
Слышишь?—этотъ голосъ
Съ береговъ Дунал.
Городъ, вѣчно юный,
Дорогой и милый—
Ты—что сонъ отрадный,
Навѣянный Вилой [1]).

Всѣ къ тебѣ мы съ юга
Устремляемъ очи,
Дивная невѣста
Свѣтлой полуночи!
Шибко бьется сердце,
Кровь вскипаетъ въ жилахъ,
Чуть тебѣ вспомянешь,
Мать намъ братьевъ милыхъ!

*) Вила—добрая фея, по народному вѣрованію Сербовъ, живущая въ лѣсахъ.

Digitized by Google

Славиться, гордиться
Можешь ты по праву,
Искони добывши
Честь себѣ и славу!
Ты въ крови купалась
И въ слезахъ горючихъ,
Истинная гордость
Россіянъ могучихъ!
Такъ услышь же, мати,
Этотъ голосъ съ юга,
Голосъ братьевъ вѣрныхъ
Кличъ ко другу друга!“ [1])
„Москва золотая,
Полсвѣта столица!
Всѣмъ ты градамъ русскимъ
Матушка-царица.
На тебя Россія
Цѣлая взираетъ,
Все къ тебѣ славянство
Длани простираетъ“. [2])

Заключеніе. Если сыны отдаленныхъ славянскихъ земель восторгаются Москвой, мудрено ли, что въ груди великаго нашего роднаго поэта, избраннаго и помазаннаго сына русской земли, какъ въ чуткой, полногласной, златострунной арфѣ, ими Москвы отозвалось полнымъ дивной гармоніи гимномъ, рокочущимъ славу первопрестольной столицѣ...

Юноши русскіе! поклонъ до земли Москвѣ бѣлокаменной! ея всенародной святынѣ—древнему Кремлю, его стражу—исполину Ивану Великому, златоглавымъ соборамъ, царскимъ чертогамъ и теремамъ! Будемъ прилежно изучать священныя достопамятности Москвы; станемъ внимать вѣковымъ глаголамъ, которые, вмѣстѣ съ благовѣстнымъ гуломъ колоколовъ, несутся съ заоблачныхъ высотъ Ивана Великаго, и подъ ихъ наитіемъ воспитывать въ себѣ русскій духъ, русскій разумъ, и до конца жизни нашей пребудемъ вѣрны завѣтамъ, живущимъ въ сердцѣ Россіи...

„Процвѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ,
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной россійскій градъ!“ [3])

Монографіи. Дальнѣйшую, болѣе сложную по содержанію ступень ученыхъ сочиненій составляютъ монографіи. Такъ *называются сочиненія, имѣющія своимъ содержаніемъ возможно полное, всестороннее и основательное изслѣдованіе одного или даже нѣсколькихъ однородныхъ предметовъ и явленій изъ области природы, жизни, науки и искусства.* Въ большинствѣ случаевъ монографіи имѣютъ дѣло со вновь открываемыми или мало разработанными предметами, а если иногда и касаются предметовъ хорошо извѣстныхъ, то разбираютъ ихъ или съ новой какой-либо стороны, или съ большею подробностію и основательностію. Главная задача монографіи—установить на основаніи прежнихъ и новыхъ данныхъ истинное понятіе о разсматриваемомъ предметѣ, указать законы его существованія. Для этого весь матеріалъ по затрогиваемому вопросу подвергается самому строгому и тщательному изученію.

---

[1]) „Привѣтъ Москвѣ“ Субботина, въ переводѣ Н. Берга.
[2]) Кукольникъ-Сакинскій. [3]) Глинка.

Digitized by Google

Отсюда, аналитическій методъ изслѣдованія является необходимою и вмѣстѣ отличительною принадлежностію монографій Открывая законы существованія новыхъ предметовъ и проводя новые взгляды на предметы уже извѣстные, монографіи тѣмъ самымъ много способствуютъ развитію человѣческихъ знаній и потому имѣютъ огромное значеніе въ дѣлѣ развитія науки вообще. Очень часто монографіи пишутся для полученія какой-либо ученой степени: магистра или доктора и тогда онѣ называются диссертаціями отъ латинскаго dissero—излагаю, подробно говорю, разсуждаю, dissertatio—подробное изложеніе, разсужденіе. Образцами монографій и диссертацій могутъ, напр. служить: „О славянскомъ языкѣ“ Востокова; „О видахъ русскихъ глаголовъ“ Болдырева; „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка“ Каткова; „О Ломоносовѣ“ Аксакова; „О Сумароковѣ“ Булича; „Объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ“ Соловьева и др.

Система или наука. Разсужденія и монографіи даютъ богатый матеріалъ для третьяго высшаго вида ученыхъ сочиненій—науки. *Содержаніе науки, обнимая цѣлую область однородныхъ предметовъ и явленій, выясняетъ правила или законы ихъ существованія.* Грамматика, напр. указываетъ законы языка, разсматривая его со стороны словообразованія, словоизмѣнія и словосочиненія. Словесность опредѣляетъ правила построенія и постепеннаго развитія различныхъ родовъ и видовъ сочиненій. Математика излагаетъ законы величинъ и т. п. Распредѣленіе матеріала въ наукѣ совершается прежде всего помощью научной или естественной классификаціи, которая состоитъ въ правильномъ расположеніи предметовъ или явленій извѣстной области по классамъ или группамъ. Въ основѣ каждой научной классификаціи всегда лежитъ какой-либо существенный признакъ, свойственный цѣлому ряду однородныхъ предметовъ или явленій; такъ, родъ человѣческій дѣлятъ *по типу* на племена—кавказское, монгольское, негрское и др., *по національности*—на русскихъ, нѣмцевъ, французовъ и пр., *по религіи*—на христіанъ, мусульманъ и язычниковъ; произведенія литературныя *по содержанію* дѣлятся на прозаическія и поэтическія, *по происхожденію*—на народныя и книжныя и т. п. Раздѣленные на группы однородные предметы и явленія необходимо затѣмъ привести къ единству, расположивъ ихъ, по возможности, путемъ подчиненія частнаго и единичнаго общему, во внутренней связи и логической послѣдовательности. Такъ образуется высшее и необходимое свойство истинной науки—*система или порядокъ*, безъ чего наука обратилась-бы въ простой словарь и даже сборникъ разнообразнаго содержанія. *Отсюда, наукою называется*

Digitized by Google

систематическое изложеніе правилъ или законовъ, касающихся цѣлой области однородныхъ предметовъ и явленій. Сначала въ Греціи была только одна наука—философія, заключавшая въ себѣ всю совокупность человѣческихъ знаній, но, съ теченіемъ времени, изъ нея начали выдѣляться и обособляться въ особыя, самостоятельныя науки составныя части ея—физика, метафизика, діалектика, риторика, математика и др. Какъ родоначальница всѣхъ наукъ, философія получила у древнихъ названіе „Mater omnium artium, studium studiorum—мать всѣхъ наукъ, наука наукъ." Въ наше время число наукъ продолжаетъ увеличиваться; такъ, недавно возникли и образовались науки—геологія, физіологія и др.

Критика. Въ тѣсной, внутренней связи съ наукою находится четвертый и послѣдній видъ ученыхъ сочиненій—*критика* (отъ греч. κρίνω—сужу, оцѣниваю, κριτικός—способный судить, взвѣшивать, оцѣнивать). По отношенію къ наукѣ критика служитъ отчасти матеріаломъ, на основаніи котораго наука между прочимъ строитъ свое содержаніе, отчасти могущественнымъ и надежнымъ средствомъ, много способствующимъ ея правильному развитію. Для болѣе нагляднаго ознакомленія съ этою отраслью философскихъ произведеній, приведемъ, напр. критическую статью А. С. Пушкина на романъ „Юрій Милославскій" М. И Загоскина.

„Въ наше время подъ словомъ романъ разумѣемъ историческую эпоху, развитую въ вымышленномъ повѣствованіи. Валтеръ Скоттъ увлекъ за собою цѣлую толпу подражателей. Но какъ они всѣ далеки отъ шотландскаго чародѣя!... Въ вѣкъ, въ который хотятъ они перенести читателя, перебираются они сами съ тяжелымъ запасомъ домашнихъ привычекъ, предразсудковъ и дневныхъ впечатлѣній. Подъ беретомъ, осѣненнымъ перьями, узнаете вы голову, причесанную вашимъ парикмахеромъ; сквозь кружевную фрезу a la Henri IV проглядываетъ накрахмаленный галстухъ нынѣшняго dandy... Государственные люди XVI столѣтія читаютъ Times и Journal des Débats. Сколько несообразностей, ненужныхъ мелочей, важныхъ упущеній! Сколько изысканности, а сверхъ всего—какъ мало жизни! Однакожъ сіи блѣдныя произведенія читаются въ Европѣ. Потому ли, что люди, какъ утверждала madame de Staël, знаютъ только исторію своего времени и, слѣдственно, не въ состояніи замѣтить нелѣпости романическихъ анахронизмовъ? Потому ли, что изображеніе старины, даже слабое и невѣрное, имѣетъ неизъяснимую прелесть для воображенія, притупленнаго однообразной пестротою настоящаго, ежедневнаго?

Спѣшимъ замѣтить, что упреки сіи вовсе не касаются „Юрія Милославскаго". Г. Загоскинъ точно переноситъ насъ въ 1612 годъ. Добрый нашъ народъ, бояре, казаки, монахи, буйные шиши—все это угадано, все это дѣйствуетъ, чувствуетъ, какъ должно было дѣйствовать, чувствовать въ смутныя времена Минина и Авраамія Палицына. Какъ живы, какъ занимательны сцены старинной русской жизни, сколько

Digitized by Google

истины и добродушной веселости въ изображеніи характеровъ Кирши, Алексѣя Бурнаша, Ѳедьки Хомяка, пана Копычинскаго, батьки Еремѣя! Романическое происшествіе безъ насилія входитъ въ раму обширнѣйшую происшествія историческаго. Авторъ не спѣшитъ своимъ разсказомъ, останавливается на подробностяхъ, заглядываетъ и въ сторону, но никогда не утомляетъ вниманія читателя. Разговоръ (живой, драматическій вездѣ, гдѣ онъ простонароденъ) обличаетъ мастера своего дѣла. Но неоспоримое дарованіе г. Загоскина замѣтно измѣняетъ ему, когда онъ приближается къ лицамъ историческимъ. Рѣчь Минина на Нижегородской площади слаба: въ ней нѣтъ порывовъ народнаго краснорѣчія. Боярская дума изображена холодно. Можно замѣтить два, три мелкихъ анахронизма и нѣкоторыя погрѣшности противъ языка и костюма, напр. новѣйшее выраженіе: столбовой дворянинъ употреблено въ смыслѣ человѣка знатнаго рода (мужа честна, какъ говорятъ лѣтописцы); охотиться вмѣсто: ѣздить на охоту; пользовать вмѣсто: лѣчить. Эти два послѣднія выраженія не простонародныя, какъ видно, полагаетъ авторъ, но просто принадлежатъ языку дурнаго общества. Быть въ отвѣтѣ значило въ старину: быть въ посольствѣ. Нѣкоторыя пословицы употреблены авторомъ не въ ихъ первобытномъ смыслѣ: изъ сказки слова не выкинешь, вмѣсто изъ пѣсни. Въ пѣснѣ слова составляютъ стихъ, и слова не выкинешь, не испортивъ склада; сказка— дѣло другое. Но сіи мелкія погрѣшности и другія не могутъ вредить блистательному, вполнѣ заслуженному успѣху „Юрія Милославскаго.“

Авторъ начинаетъ свою критику съ общаго, установившагося между его современниками понятія о романѣ: „Въ наше время подъ словомъ романъ разумѣемъ историческую эпоху, развитую въ вымышленномъ повѣствованіи“. Это основное положеніе прилагается затѣмъ въ видѣ руководящаго начала или правила, какъ вообще къ романамъ позднѣйшаго времени, такъ въ частности къ роману „Юрій Милославскій“ Загоскина. Разсматривая первые, Пушкинъ находитъ, что они далеко не соотвѣтствуютъ приведенному опредѣленію романа: вмѣсто того, чтобы изображать взятую эпоху по возможности въ ея собственныхъ особенностяхъ, они переносятъ въ нее современные обычаи, привычки, предразсудки, занятія, костюмы. „Сколько несообразностей, ненужныхъ мелочей, важныхъ упущеній! Сколько изысканности, а сверхъ всего—какъ мало жизни!“ Не таковъ „Юрій Милославскій“ Загоскина. Здѣсь читатель, дѣйствительно, знакомится съ русскими 1612 года, съ ихъ тогдашними дѣйствіями и чувствами; предъ нимъ проходятъ живыя, полныя истины сцены старинной русской жизни; разсказъ отличается подробностями и однако неутомителенъ, разговоръ живой и по мѣстамъ драматическій. Но при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, романъ Загоскина не во всемъ удовлетворяетъ высказанному требованію. Историческія лица представлены слабо и

Digitized by Google

холодно, „попадаются анахронизмы, а также погрѣшности противъ языка и костюма.“ Впрочемъ, говоритъ авторъ въ заключеніе: „сіи мелкія погрѣшности и другія не могутъ вредить блистательному, вполнѣ заслуженному успѣху „Юрія Милославскаго.“ Такимъ образомъ, во всѣмъ произведеніи, на основаніи общаго понятія о романѣ, Пушкинъ указываетъ достоинства и недостатки романа „Юрій Милославскій“ Загоскина, а сопоставляя этотъ романъ съ другими подобными, тѣмъ самымъ опредѣляетъ мѣсто его между послѣдними. *Философскія сочиненія, указывающія на основаніи какого либо общаго руководящаго начала достоинства и недостатки чего-бы то-ни-было, и называются критикою, а самое руководящее начало или основаніе критики-критеріумомъ* Въ данномъ случаѣ такимъ критеріумомъ выступаетъ, слѣдовательно, положеніе: „Въ наше время подъ словомъ романъ разумѣемъ историческую эпоху, развитую въ вымышленномъ повѣствованіи.“ *Существенное условіе основательной критики—полное безпристрастіе.* Истинный критикъ крѣпко долженъ помнить и строго исполнять слѣдующее классическое правило: „amicus Plato, sed magis amica veritas“. Такъ какъ предметы, подлежащіе оцѣнкѣ, весьма разнообразны (можно, напр. критиковать сочиненія, зданія, статуи, картины и т. п.), то и критическія сочиненія бываютъ различны. Самую важную группу ихъ составляетъ критика литературная, занимающаяся оцѣнкою литературныхъ произведеній. Она распадается на критику историческую и эстетическую. Первая старается опредѣлить подлинность извѣстнаго литературнаго памятника, достовѣрность сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, положеній его между другими произведеніями одного и того же времени, отношеніе къ нему современниковъ и его вліяніе на нихъ и т. п., вторая—указываетъ степень соотвѣтствія того или другаго сочиненія общимъ законамъ построенія: какая основная мысль проводится въ произведеніи, какими частными положеніями она раскрывается, с отвѣтствуютъ-ли образы тому, что хотѣлось выразить автору, полно-ли представлены созданные имъ типы, каковъ языкъ и слогъ сочиненія и пр. Часто литературная критика ограничивается самымъ общимъ сужденіемъ о достоинствахъ и недостаткахъ произведенія, передавая скорѣе простое впечатлѣніе по поводу прочитаннаго Въ этомъ случаѣ она называется *рецензіей* отъ латинскаго—recenseo—разсматриваю, обсуждаю. *Критика на критику низывается антикритикой.*

Историческое развитіе критики. Какъ отдѣльный, самостоятельный видъ ученыхъ сочиненій, критика возникла на Западѣ. Лучшимъ представителемъ ея является Лессингъ, замѣчательный ученый Германіи, жившій въ XVIII-мъ столѣтіи (отъ 1724 по

Digitized by Google

1781). Отъ него осталось два образцовыхъ критическихъ сочиненія: „Драматургія“—сборникъ критическихъ статей о Французской трагедіи, и „Лаокоонъ“—о границахъ между поэзіею и живописью. Въ нашей литературѣ первымъ по времени критикомъ былъ Сумароковъ (1718—1777), но его критическія произведенія представляютъ простой отчетъ, что нравится писателю и что ему не нравится. Разбирая оды Ломоносова, Сумарковъ дѣлитъ ихъ на прекраснѣйшія, прекрасныя, очень хорошія, хорошія и такія, о которыхъ онъ ничего не можетъ сказать. Съ Карамзина начинается болѣе правильное направленіе въ критикѣ.—Имъ составлено на основаніи теоріи Батте критическое произведеніе „О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ“. Съ 1812 года Мерзляковъ внесъ въ критику психологическое начало Эшенбура. Мерзляковъ разбиралъ поэтовъ ложно-классическаго періода: Ломоносова, Сумарокова, Петрова, Державина, Княжнина, Озерова, Хераскова и др. Съ двадцатыхъ годовъ XIX ст. учеными и профессорами Московскаго университета Давыдовымъ, Шевыревымъ, Веневитяновымъ положено начало критики историко-теоретической. Жуковскій въ своихъ критическихъ статьяхъ: „О баснѣ и басняхъ Крылова, О сатирѣ и сатирахъ Кантемира“ первый въ литературѣ воспользовался этого рода критикою. Такъ, въ статьѣ „О сатирѣ и сатирахъ Кантемира“ Жуковскій сначала излагаетъ теорію и исторію сатиры вообще, останавливаясь особенно на характеристикѣ Горація и Ювенала, какъ на лучшихъ сатирикахъ, а затѣмъ переходитъ къ сатирамъ Кантемира и, раздѣливъ ихъ на философскія и живописныя, разсматриваетъ въ частности тѣ и другія. Послѣ Жуковскаго замѣчательными критиками были: Надеждинъ (1805—1856 г.), прежде другихъ показавшій русскимъ различіе между классицизмомъ и романтизмомъ, и Бѣлинскій (1810—1848), утвердившій критику эстетическую. Отъ Бѣлинскаго осталось 12 томовъ критическихъ статей, изъ которыхъ лучшія: о народныхъ Русскихъ пѣсняхъ т. V, о сочиненіи Котошихина т. IV, о дѣтскихъ книгахъ т. II и III, о дѣленіи поэзіи на роды и виды т. XII, о Пушкинѣ т. VIII, о Лермонтовѣ т. III и IV, о Гоголѣ т. I и VI.

3. Ораторскія сочиненія.

Понятіе о сочиненіяхъ ораторскихъ на основаніи разбора „Слова въ великій пятокъ“ Иннокентія. Сочиненія ораторскія представляютъ переходную ступень отъ прозы къ поэзіи. Отличительныя ихъ свойства легко вывести изъ разбора, напр. образцоваго ораторскаго произведенія архіепископа Иннокентія — **„Слово въ великій пятокъ“.**

Digitized by Google

„Паки Голгоѳа и крестъ! Паки гробъ и плащаница! И такъ есть еще фарисеи и книжники, убіеніемъ невинныхъ мнящіеся службу приносити Богу (Іоан. 16, 2)! есть еще Іуды, лобызающіе устами и предающіе руками! есть еще Пилаты и Ироды, ругающіеся истинѣ и омывающіе руки въ крови праведниковъ! Но, братія, есть-ли между нами еще вѣрные и мужественные Іоанны, для принятія божественнаго всыновленія со креста? есть-ли благоразумные сотники, достойные стоять на стражѣ у гроба Сына Божія? есть-ли Іосифы и Никодимы, дерзающіе внити къ Пилату и просить тѣла Іисусова? есть-ли Саломіи и Магдалины, для принятія первой вѣсти о воскресеніи? Господь, по свидѣтельству Псалмопѣвца, приниче нѣкогда съ небеси на сыны человѣческіе видѣти, аще есть разумѣваяй или взыскаяй Бога, и не узрѣлъ ни единаго; вси уклонишася, неключими быша; нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго (Псал. 13, 2). Теперь, братія, чтобы ближе видѣть, Господь приникаетъ не съ неба, не съ престола славы, а со креста, изъ гроба; приникаетъ видѣти уже не на сыны человѣческіе, а на сыны благодати Своея: аще есть разумѣваяй силу смерти Его, распинаяйся ему въ духѣ. Что-же, Господи, зришь ты теперь между нами? Болѣе-ли, лучше-ли прежняго? Видишь многократныя поклоненія, слышишь многочисленныя величанія; но и на Голгоѳѣ Ты видѣлъ покиванія головою, и въ преторіи Пилата Ты слышалъ: радуйся, царю Іудейскій! Видишь на очахъ нѣкоторыхъ слезы, слышишь изъ устъ нѣкоторыхъ воздыханія; но и съ Голгоѳы многіе возвращались, біюще въ перси своя (Лук. 23, 48), и, не смотря на сіе, Твои перси оставались на крестѣ для уязвленія ихъ копіемъ.

Нѣтъ, братія, не то потребно для Господа и Спасителя нашего; не для поклоненія и величаній, даже самыхъ усердныхъ, не для вздоховъ и слезъ, даже самыхъ горькихъ, благоволитъ Онъ являться намъ висящимъ на крестѣ и лежащимъ во гробѣ. У гроба сего должно быть большему: здѣсь судъ міру (Іоан. 12, 31),—судъ нашимъ мыслямъ, нравамъ и дѣяніямъ. Здѣсь, въ настоящее время, долженъ происходить расчетъ домовладыки съ рабами, Спасителя съ душами, искупленными Его кровію. Пріидите, вѣщаетъ Онъ намъ чрезъ пророка, пріидите и истяжимся (Ис. 1. 18)!

Смотрите, что Я сдѣлалъ для васъ! у Меня была ваша глава, и она въ терновомъ вѣнцѣ; у Меня были ваши руки и ноги, и онѣ прободены; у Меня было ваше сердце, и оно отверсто для васъ копіемъ; у меня была ваша плоть и кровь, и Я отдалъ ее за всѣхъ и доселѣ питаю ими васъ въ причащеніи. Единъ духъ Мой я предалъ со креста—не вамъ, ибо въ сіи минуты вы не умѣли бы сохранить его, а Отцу; но, по вознесеніи Моемъ на небо, Я ниспослалъ вамъ и Духа Св. отъ Отца. Вотъ что я сдѣлалъ для васъ: Я весь вашъ! Явите, что вы сдѣлали для Меня или паче для себя, ибо все Мое для васъ: пріидите и истяжимся!

Можемъ-ли, братія, уклоняться отъ сего призванія? И такъ, служитель алтаря, стань у гроба сего и дай отчетъ. Чтобы раздрать завѣсу церковную, закрывавшую отъ тебя святое святыхъ, и содѣлать

Digitized by Google

тебѣ свободнымъ доступъ къ престолу благодати, Спаситель твой взошелъ на крестъ. Какъ пользуешься ты драгоцѣннымъ правомъ и какъ предстоишь у престола благодати? Низводишь-ли благословеніе на себя и предстоящихъ? возвѣщаешь-ли имъ пути живота? предходишь-ли примѣромъ благой жизни? Если ты право правишь слово истины и спасенія; если для тебя нѣтъ большей радости, какъ видѣть или слышать, что духовныя чада твои ходятъ во истинѣ (3 Іоан. 1. 4) Христовой; если, въ случаѣ нужды, ты, по примѣру великаго Пастыреначальника, готовъ душу свою положить за овцы своя: то благо тебѣ; ты іерей по чину Іисусову; приступай къ сему гробу съ дерзновеніемъ, лобызай сіи язвы и вдыхай изъ нихъ новый духъ мужества и любви на новые подвиги. По окончаніи чреды служенія на землѣ, ты внидешь въ нерукотворенную скинію на небеси, идѣже Предтеча о насъ вниде Іисусъ (Евр. 6. 20). Но если руки твои подъемлются горѣ, а сердце постоянно вращается долу; если очіамъ восходитъ къ небу, а мысли всегда блуждаютъ по землѣ; если, предстоя трапезѣ Господней и преломляя хлѣбъ жизни для другихъ, ты самъ гладенъ духомъ и, вмѣсто манны, ищешь мясъ египетскихъ: то удались отъ сего гроба; здѣсь земля святая; твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Каіафы!

Властелинъ судьбы ближнихъ, коему дано право вязать и рѣшить, стань у гроба сего и дай отчетъ. И ты не имѣешь власти никоеяже, аще не бы ти дано свыше (Іоан. 19. 11); и ты творишь судъ Божій. Помятуешь-ли сіе и со страхомъ-ли Божіимъ держишь вѣсы правды? Чтобы ты не страшился за истину потерять, въ случаѣ нужды, имя друга кесарева, пріязнь сильныхъ земли, голгоѳскій Страдалецъ пріобрѣлъ для тебя имя друга Божія; чтобы ты всегда умѣлъ отличать невинность отъ преступленія, слабость отъ злонамѣренности, Онъ, въ помощь мерцанію твоей совѣсти, придалъ свѣтильникъ слова Своего: пользуешься-ли ты симъ средствомъ во благо ближнихъ и твердо-ли идешь путемъ закона и долга? Если ты не зришь на лица, побораешь по истинѣ, какъ-бы она ни была презрѣна другими; если твой лиѳостротонъ не омытъ ни кровію, ни слезами неправедно осужденныхъ: то приступи къ будущему Судіи своему и Господу, лобызай язвы Его и вдыхай изъ нихъ новую силу къ побѣжденію лжи и лукавства, къ сраженію съ искушеніями и соблазнами, къ священнодѣйствію правды. Тамъ, на всемірномъ судѣ, и ты станешь одесную, пріимешь милость и будешь увѣнчанъ вѣнцемъ правды. Но если ты, имѣя власть пустить невиннаго и зная невинность его, тѣмъ не менѣе готовъ предать его въ руки враговъ, чтобы не оскорбить ихъ гордости; если, вмѣсто суда и защиты невинности, ты глумишься надъ ея несчастіями, заставляешь ее влачиться изъ одного судилища въ другое; если твоя правда состоитъ только въ омовеніи рукъ предъ народомъ: то удались отъ гроба сего; твое мѣсто не здѣсь, а въ преторіи Пилата!

Наперсникъ мудрости, ты, который всю жизнь проводишь въ изысканіи истины, въ познаніи тайнъ природы, стань у гроба сего и дай отчетъ. Чтобы тебѣ не блуждать напрасно по лабиринту человѣческихъ заблужденій и не исчезать въ суетныхъ помышленіяхъ о началѣ и

Digitized by Google

концѣ вещей и человѣка, для сего Самъ Единородный Сынъ Божій, сый въ лонѣ Отчи (Іоан. 1. 18), пріиде въ міръ и далъ есть намъ разумъ и свѣтъ, да познаемъ Бога истиннаго и да будемъ во истиннѣмъ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ (1 Іоан. 5. 20). Въ пользу-ли тебѣ сіе снисхожденіе и руководство? Послѣ толикихъ трудовъ и усилій, позналъ-ли ты, что есть истина? увѣрился-ли, что ея нѣтъ ни на землѣ, ни на небѣ, какъ токмо въ Томъ, кто есть истина и источникъ всякія истины по самому существу Своему, въ Единородномъ Сынѣ и Словѣ Божіемъ? Увѣрившись въ семъ, памятуешь-ли что есть истина во Христѣ (Еф. 4. 21); что она состоитъ не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа (1. Кор. 2. 4) и силы; не въ высокоумныхъ мечтаніяхъ, а въ томъ, чтобы отложить ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ и облещися въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины (Еф. 4. 22—24)? Если ты право правишь слово истины, не сокрывая ее въ неправдѣ (Рим. 1. 18) ни своего, ни общественнаго мнѣнія; если на служеніе истинѣ взираешь, какъ на служеніе Самому Богу; если слава Божія и благо ближнихъ, а не самолюбіе и корысть, движутъ и руководятъ тебя въ твоихъ изысканіяхъ: то приступай съ дерзновеніемъ къ сему гробу величайшаго Свидѣтеля и Творца истины, лобызай язвы, понесенныя за истины, и почерпай мужество на новые подвиги для истины. Любя ее здѣсь, ты пріимешь за нее и отъ нея все на небѣ; будешь представленъ туда, гдѣ одна истина, одинъ свѣтъ, одна радость. Но если святая истина въ занятіяхъ твоихъ служитъ токмо средствомъ къ достиженію другихъ, земныхъ цѣлей; если ты съ равнымъ усердіемъ готовъ защищать ложь, для тебя выгодную; если плодомъ твоихъ изысканій были одни сомнѣнія, превращеніе умовъ, возмущеніе совѣстей; если ты готовъ издѣваться надъ истиною, потому что она, какъ Іисусъ предъ Иродомъ, кажется тебѣ странною: то удались отъ сего гроба— святое буйство (1 Кор. 1. 23) креста не по тебѣ: твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Ирода!

Нужно-ли глашать всѣхъ по имени? Каждый, кто носитъ имя христіанина, стань у гроба сего и дай отчетъ. Ты крестился въ смерть Христову; ты облекся въ бѣлую одежду заслугъ Христовыхъ; ты пріялъ обрученіе святаго Духа; сочетался навѣки Христу, отрекшись міра, діавола и всего служенія его. Какъ исполняешь все сіе? Гдѣ невинность и духъ? Гдѣ вѣра и вѣрность? Яви теперь у гроба сего, что ты: ученикъ или предатель, другъ или навѣтникъ? Если ты всю жизнь проводишь такъ, какъ-бы не вступалъ ни въ какое обязательство съ своимъ Спасителемъ; если дѣйствуешь во всѣхъ случаяхъ, какъ бы для тебя не было ни суда, ни вѣчности: то зачѣмъ являешься теперь здѣсь? Для чего возмущаешь смертный покой Божественнаго Страдальца? Кое причастіе сему кресту и твоему Веліару? Кое общеніе сему гробу и твоей мамонѣ? У тебя есть другія божества,—иди, покланяйся имъ; у тебя есть другія язвы,—иди, лобызай ихъ.

Такъ, братія, у гроба Христова мѣсто токмо невинности или покаянію. Души вѣрныя Господу, Іосифы, Никодимы, Саломіи, Магда-

Digitized by Google

лины, явитесь! се ваше мѣсто, се вашъ часъ! Божественному Страдальцу нужна плащаница: облеките Его вашими святыми помыслами; Ему нужна смирна: представьте ваши молитвы. АнгелыБожіи, явитесь и смѣните насъ, недостойныхъ стрещи велику стражбу!

Но, братія, земные ангелы, подобно небеснымъ, всегда на божественной стражѣ: они всегда носятъ на себѣ язвы своего Господа (Гал. 6. 17); самый животъ ихъ всегда сокровенъ со Христомъ въ Богѣ (Кол. 3. 3). Что речемъ о самихъ себѣ? Какъ согласимъ нашу нечистоту съ неприступностію сего священнаго мѣста? Дерзнемъ-ли приблизиться къ гробу Жизнодавца? Но лобызаніе нечистыми устами не будетъ ли новою язвою для пречистаго тѣла? Дерзнемъ-ли, гонимые неправдами нашими, оставить лежащаго во гробѣ Господа? Но къ кому идемъ (Іоан. 6. 68)? Нѣсть инаго подъ небесемъ, о немъ-же подобаетъ спастися (Дѣян. 4. 12), кромѣ имени Его всеосвящающаго. Что-же сотворимъ, братія? Сотворимъ то, что сдѣлалъ Петръ, отвергшійся Господа. Исшедши изъ сего храма, удалившись отъ сего гроба, въ какомъ-либо святомъ уединеніи, омоемъ горькими слезами прежнія неправды наши и дадимъ обѣтъ не отвергаться впредь отъ Господа и святаго закона Его. Послѣ таковаго покаянія, Господь не отвергнетъ и насъ, и если не предастъ намъ, какъ покаявшемуся апостолу, ключей, то не заключитъ, по крайней мѣрѣ, отъ насъ дверей царствія.... Аминь."

Поводомъ къ произнесенію этого слова послужило для оратора церковное обстоятельство - воспоминаніе о Голгоѳскихъ страданіяхъ Спасителя. Хорошо зная общее настроеніе по данному случаю молящихся, Иннокентій рѣшился воспользоваться имъ, чтобы побудить послѣднихъ къ искреннему покаянію и отреченію отъ прежней грѣховной жизни. Руководясь такою чисто житейскою задачею, онъ начинаетъ свое слово картиннымъ изображеніемъ воспоминаемаго событія, представляя его какъ бы вновь совершающимся и проводя параллель между отношеніями къ Божественному Страдальцу современниковъ Іудеевъ и теперешнихъ присутствующихъ во храмѣ христіанъ *(приступъ)*. Сравненіе оканчивается выводомъ, что въ настоящую минуту Господь и Спаситель нашъ „благоволитъ являться висящимъ на крестѣ и лежащимъ во гробѣ не для поклоненія и величаній, даже самыхъ усердныхъ, не для вздоховъ и слезъ, даже самыхъ горькихъ", но что „у гроба сего должно быть большему: здѣсь судъ міру,—судъ нашимъ мыслямъ, нравамъ и дѣяніямъ" *(предложеніе)*. Судъ надъ христіанами при гробѣ Спасителя и является основнымъ положеніемъ всей дальнѣйшей рѣчи, но авторъ не тотчасъ переходитъ къ раскрытію своей идеи. Въ видахъ болѣе сильнаго воздѣйствія на слушателей, онъ предварительно рисуетъ въ высшей степени трогательную картину страданій и жертвъ Спасителя, употребляя величественное олицетвореніе. Христосъ, какъ бы обращаясь изъ гроба къ присутствующимъ, перечисляетъ

Digitized by Google

свои благодѣянія людямъ и въ свою очередь требуетъ отчёта въ ихъ дѣятельности: „явите что вы сдѣлали для Меня или паче для себя; ибо все Мое для васъ: пріидите и истяжимся!“ *(часть описательно-повѣствовательная)*. Теперь, когда слушатели достаточно были подготовлены, проповѣдникъ приступаетъ къ изложенію *главной части* своего слова—къ произнесенію надъ ними самаго суда. Сначала онъ приглашаетъ стать у гроба Христа и дать отчётъ въ своей дѣятельности служителя алтаря. Путемъ вопросовъ указывается полный кругъ главныхъ обязанностей, предначертанный Самимъ Спасителемъ священнослужителю. Если послѣдній честно, совѣстливо и свято исполнилъ свое служеніе, онъ можетъ приблизиться къ сему гробу, лобызать язвы Іисусовы и вдыхать изъ нихъ новый духъ мужества и любви на новые подвиги; въ противномъ случаѣ, онъ долженъ удалиться отъ гроба: его мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Каіафы. Подобнымъ же образомъ, путемъ подведенія частныхъ явленій: мыслей, нравовъ и дѣяній христіанъ подъ общее начало—опредѣленный для каждаго Богомъ законъ и подъ тѣмъ же условіемъ исполненія или нарушенія этого закона, произносится оправдательный или обвинительный приговоръ надъ властелиномъ судьбы ближняго *(вторая часть изложенія)*, наперсникомъ мудрости *(часть третья)* и надъ каждымъ, кто носитъ имя христіанина *(часть четвертая)*. Судъ произведенъ. Рѣшеніе высказано: „у гроба Христова мѣсто токмо невинности или покаянію“, и вотъ ораторъ обращается къ душамъ благочестивыхъ и ангеламъ Божіимъ и призываетъ ихъ явиться и смѣнить „недостойныхъ стрещи великую стражбу“: „Души вѣрныя Господу, Іосифы, Никодимы, Соломіи, Магдалины, явитесь! се ваше мѣсто, се вашъ часъ! Божественному Страдальцу нужна плащаница: облеките Его вашими святыми помыслами; Ему нужна смирна: представьте ваши молитвы. Ангелы Божіи, явитесь и смѣните насъ, недостойныхъ стрещи великую стражбу!“ Подъ вліяніемъ всего предыдущаго, такое обращеніе, яркими и живыми чертами выражающее сознаніе каждымъ изъ предстоящихъ у гроба Спасителя своего недостоинства, производитъ особенно сильное, потрясающее впечатлѣніе на душу истиннаго христіанина и невольно располагаетъ его къ искреннему покаянію - *(часть патетическая)*. Къ мысли о необходимости чистосердечнаго покаянія, какъ къ главной цѣли всего своего слова, и переходитъ авторъ въ *заключеніи*. Если „у гроба Христова мѣсто токмо невинности или покаянію“, то „какъ согласимъ нашу нечистоту съ неприступностію сего священнаго мѣста?“ Исходъ одинъ: „Сотворимъ то, что сдѣлалъ Петръ, отвергшійся Господа. Исшедши изъ сего храма, удалившись отъ сего гроба, въ какомъ

Digitized by Google

либо святомъ уединеніи, омоемъ горькими слезами прежнія неправды наши и дадимъ обѣтъ не отвергаться впредь отъ Господа и святаго закона Его". Итакъ, разсматриваемое произведеніе заключаетъ слѣдующія характерныя особенности:

A) оно было вызвано частнымъ случаемъ—воспоминаніемъ церкви о Голгоѳскихъ страданіяхъ Спасителя;

B) было произнесено предъ извѣстнымъ кругомъ слушателей; отсюда самое названіе—ораторская рѣчь, витійство—отъ словъ вѣщать, возвѣщать;

C) произнесено съ практическою, житейскою задачею: побудить молящихся къ чистосердечному покаянію и отреченію отъ прежней грѣховой жизни;

D) сообразно съ указанною цѣлію и обстоятельствомъ самого происхожденія, въ содержаніе его вошли всѣ элементы прозы: описательно-историческій, когда авторъ проводитъ сравненіе между отношеніями къ Спасителю современниковъ Іудеевъ и присутствующихъ въ храмѣ христіанъ, или когда отъ лица Спасителя перечисляетъ благодѣянія Божественнаго Страдальца роду человѣческому, и философскій - при объявленіи христіанамъ приговора суда, гдѣ частныя явленія: мысли, нравы и дѣянія каждаго подводятся подъ общее начало - предначертанный Богомъ законъ, и все это для того, чтобы тронуть сердце, воспламенить чувство и преклонить волю слушателей на сторону оратора;

E) со стороны состава: въ сочиненіи находятся двѣ особыя части: описательно-повѣствовательная, непосредственно слѣдующая за предложеніемъ и содержащая указаніе того, что сдѣлано Іисусомъ Христомъ роду человѣческому (въ другихъ рѣчахъ она излагаетъ вообще обстоятельства, подлежащія дальнѣйшему обсужденію оратора) и патетическая, помѣщенная (и всегда помѣщаемая) предъ заключеніемъ съ цѣлію сильнѣе подѣйствовать на слушателей, вызвать въ нихъ усиленное желаніе, страсть (греческое πάθος страсть, отсюда названіе патетическій) къ осуществленію на дѣлѣ преслѣдуемой ораторомъ цѣли, наконецъ—

F) языкъ слова отличается образностію, граничащею съ поэтичностію, что производитъ неотразимо-увлекающее впечатлѣніе на душу и невольно склоняетъ въ пользу проповѣдника.

Все это въ большей или меньшей степени встрѣчается и въ другихъ хорошихъ ораторскихъ рѣчахъ. Отсюда, *ораторскими произведеніями называются прозаическія сочиненія, вызванныя какимъ-либо частнымъ случаемъ и произнесенныя или лучше предназначенныя для произнесенія предъ извѣстнымъ собраніемъ слушателей съ цѣлію побудить послѣднихъ помощію слова* (разнообразное

Digitized by Google

соединеніе элементовъ прозы, особыя описательно-повѣствовательная и патетическая части, живой образный языкъ) *поступать въ своей жизни по желанію оратора или по крайней мѣрѣ сдѣлать практическую мысль оратора своимъ жизненнымъ убѣжденіемъ.*

Краснорѣчіе у древнихъ Грековъ и Римлянъ Ораторскія произведенія возникли и достигли высокой степени своего развитія у древнихъ Грековъ и Римлянъ, благодаря особому политическому строю этихъ народовъ Древне-греческое, а по временамъ и римское государства представляли республики, управлявшіяся народомъ или его представителями. Каждое дѣло: государственное, общественное и даже частное—личное рѣшалось многолюднымъ собраніемъ на площади (ἀγορά) или въ форумѣ, сенатѣ (senatus). Изъ ряда другихъ здѣсь выступали отдѣльныя личности, чѣмъ-либо выдававшіяся, которыя съ особенною настойчивостію высказывали по данному вопросу свои соображенія, стараясь, путемъ различнаго рода доводовъ, а также увлекательностію слова, склонить по возможности всѣхъ прочихъ въ пользу своего мнѣнія. Часто они вступали въ словесное состязаніе съ подобными себѣ; возгорался споръ, иногда на очень долгое время, послѣ котораго слушатели принимали сторону побѣдителя. Такіе люди у Грековъ назывались риторами (отъ ῥέω—говорю), а у Римлянъ—ораторами (отъ ого—говорю публично, въ собраніи). Какъ особый классъ людей, риторы появились послѣ Перикла, но ясные слѣды ораторскихъ рѣчей замѣтны еще въ совѣщаніяхъ троянскихъ героевъ относительно военныхъ и гражданскихъ предпріятій. Такъ какъ ораторы руководили народными собраніями, они пользовались всеобщимъ уваженіемъ и часто достигали высшихъ государственныхъ должностей. Писистратъ, современникъ Солона (въ VI вѣкѣ до Р. Хр.), за свое краснорѣчіе получилъ верховную власть между Аѳинянами; Периклъ, сорокъ лѣтъ управлявшій Аѳинянами, немало обязанъ своимъ возвышеніемъ дару слова; Демосѳенъ, исправлявшій высокія государственныя обязанности, имѣлъ на своей сторонѣ одно преимущество—силу ораторства; Цицеронъ, благодаря ораторству, сдѣлался римскимъ консуломъ, а за рѣчи противъ Катилины былъ провозглашенъ „отцемъ отечества“. Первоначально ораторство считалось исключительно даромъ природы, врожденнымъ талантомъ и достигалось практически: путемъ произнесенія рѣчей въ народномъ собраніи, иногда обдуманныхъ заранѣе, чаще же вызванныхъ случайно, неожиданно, но со времени Пелопоннесской войны (431—404) на него стали смотрѣть, какъ на особое занятіе, требующее предварительнаго изученія. Основаны были ораторскія школы, въ которыхъ риторы или софисты систематически излагали

Digitized by Google

правила краснорѣчія, составившія новую науку — риторику; тамъ получало образованіе юношество, предназначавшее себя общественному служенію — политической и судебной дѣятельности. Изъ такихъ школъ замѣчательны: школа ритора Исократа (436 – 338), воспитавшая многихъ знаменитыхъ ораторовъ, между прочимъ Демосѳена, и ораторская школа Эсхина, основанная на островѣ Родосѣ въ третьемъ вѣкѣ до Р. Христова, гдѣ слушалъ уроки краснорѣчія Цицеронъ. Вмѣстѣ съ школами время отъ времени появлялись и сочиненія, всецѣло посвященныя краснорѣчію; между послѣдними болѣе другихъ извѣстны: Риторика Аристотеля, раздѣленная на три книги и содержащая въ себѣ ученіе о доводахъ и родахъ краснорѣчія (книга первая), о происхожденіи, силѣ и свойствахъ страстей и способѣ изобрѣтенія (книга вторая), о слогѣ и составныхъ частяхъ ораторской рѣчи (книга третья); „Оцѣнка древнихъ писателей (Censura veterum scriptorum), Риторическое искусство (Ars rhetorica), О составленіи рѣчей (De compositione verborum), Комментаріи о древнихъ ораторахъ (De oratoribus antiquis commentarii)“ Діонисія Галикарнасскаго; „Двѣ книги о риторическомъ изобрѣтеніи (De inventione rhetorica libri duo), три разговора объ ораторѣ (De oratore), Брутъ или о знаменитыхъ ораторахъ (Brutus seu de claris oratoribus), Ораторъ или о наилучшемъ родѣ ораторства (Orator seu de optimo genere dicendi), О дѣленіи ораторскомъ, О тропахъ“ — Цицерона; „Правила ораторства (institutiones oratoriae)“ Квинтиліана и др. Въ этихъ и подобныхъ произведеніяхъ раскрывали древніе свое ученіе объ ораторствѣ, а въ лучшихъ рѣчахъ многочисленныхъ знаменитыхъ ораторовъ представили прекрасные образцы краснорѣчія. Чтобы дать общее понятіе о характерѣ древней ораторской рѣчи, возьмемъ, напр. сущность рѣчей Цицерона за поэта Архія и за Росція Америна. Въ рѣчи за Архія Цицерону нужно было доказать, что Архій, какъ поэтъ, заслуживаетъ званіе римскаго гражданина. Сначала ораторъ опредѣляетъ тѣ условія, которыя необходимы для полученія правъ римскаго гражданства; разсматривая потомъ дѣятельность Архія, онъ находитъ, что, какъ поэтъ и ученый, Архій вполнѣ удовлетворяетъ указаннымъ требованіямъ, слѣдовательно, Архій достоинъ римскаго гражданства. Въ другой рѣчи — за Росція Америна Цицеронъ оправдываетъ Росція, обвиненнаго въ убійствѣ отца: для Росція не было ни причинъ, ни возможности убить своего отца; то и другое напротивъ имѣли враги и обвинители Росція; значитъ, не Росцій, а его враги и обвинители совершили данное преступленіе. Въ обѣихъ рѣчахъ авторъ подводитъ разсматриваемое явленіе подъ общее начало и на основаніи

Digitized by Google

согласія или несогласія между ними дѣлаетъ соотвѣтствующее заключеніе. Выводъ того или иного слѣдствія изъ взаимнаго отношенія двухъ другихъ положеній называется силлогизмомъ, умозаключеніемъ; отсюда, въ основѣ древней ораторской рѣчи лежитъ умозаключеніе, что и служитъ отличительною ея особенностію.

Составныя части древнихъ ораторскихъ рѣчей. Со стороны внѣшняго построенія ораторская рѣчь, по теоріи древнихъ, должна была имѣть слѣдующія части, которыя, впрочемъ, не во всѣхъ древнихъ рѣчахъ встрѣчаются въ полномъ составѣ:

A) **Exordium** — *приступъ или вступленіе.* Лучшая рѣчь Демосѳена „О вѣнкѣ (Περὶ τοῦ στεφάνου)" начинается, напр. такими словами:

„Прежде всего, Аѳиняне, приношу я мольбу всѣмъ богамъ и богинямъ о томъ, чтобы вы оказали мнѣ въ настоящемъ состязаніи такую же любовь, какую я всегда питалъ къ этому городу и ко всѣмъ вамъ; потомъ, чтобы боги внушили вамъ то, что наиболѣе послужитъ къ вашей славѣ и заявитъ вашу совѣстливость,—чтобы вы не съ противникомъ моимъ совѣтовались о томъ, какъ надлежитъ вамъ меня слушать (это было бы невыносимо-тяжело), а съ законами и съ вашей присягою, въ которой, кромѣ всего прочаго, написано: „одинаково выслушивать обоихъ". Это значитъ: не только не составлять заранѣе сужденія, не только выражать къ обоимъ соперникамъ равное расположеніе, но даже позволять имъ слѣдовать тому порядку и пользоваться тѣми средствами, какія они сами изберутъ и пожелаютъ".—

Ораторъ обращается къ богамъ и богинямъ съ мольбою, чтобы они возбудили въ Аѳинянахъ сочувствіе, какъ къ нему самому, такъ и къ тому, что будетъ сказано въ его рѣчи. Captatio benevolentiae—пріобрѣтеніе благосклонности, благожеланія слушателей къ оратору и къ предмету его рѣчи и служитъ главною задачею приступа. „Приступъ, говоритъ Цицеронъ, состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать слушателя благосклоннымъ, внимательнымъ, воспріимчивымъ—Exordium est, ut auditorem habeas benevolum, attentum, docilem." Древніе различали трояkаго рода приступы: естественный, искусственный и внезапный (ex abrupto). Если ораторская рѣчь начиналась прямымъ ознакомленіемъ съ ея предметомъ, то такой приступъ назывался естественнымъ. Въ приступѣ искусственномъ слушатели постепенно подготовлялись къ основной идеѣ всей рѣчи, какъ въ приведенномъ примѣрѣ изъ Демосѳена; наконецъ, если ораторъ былъ чѣмъ-либо особенно пораженъ, взволнованъ, онъ вдругъ, неожиданно обращался къ собранію и прямо начиналъ свою рѣчь съ того, что вызвало въ немъ сильное, потрясающее впечатлѣніе—приступъ внезапный. Такъ, Цицеронъ, при появленіи Катилины въ Сенатъ, произнесъ рѣчь, начинающуюся внезапнымъ обращеніемъ къ заговорщику: „Долго ли еще будешь ты,

Digitized by Google

Катилина, употреблять во зло наше терпѣніе? Долго ли еще въ твоемъ неистовствѣ будешь издѣваться надъ нами?“ и т. д. Необходимое условіе хорошаго приступа—тѣсная связь его съ главнымъ предметомъ рѣчи: „онъ, по мнѣнію Цицерона, долженъ развиваться изъ предмета, какъ цвѣтъ изъ растенія.“

B) **Propositio**—*предложеніе.* Въ той же рѣчи „О вѣнкѣ“ Демосѳенъ вслѣдъ за вступленіемъ объявляетъ Аѳинянамъ, что въ настоящій разъ онъ намѣренъ говорить имъ о своихъ прежнихъ дѣйствіяхъ, насколько это нужно для оправданія въ возведенныхъ на него Эсхиномъ обвиненіяхъ. Дѣйствительно, во всей дальнѣйшей рѣчи подробно и обстоятельно раскрывается данное положеніе, которое поэтому служитъ ея идеею. *Указаніе главнаго содержанія всей рѣчи, идеи ея и составляетъ сущность предложенія.*

C) **Partitio**—*раздѣленіе,* въ которомъ авторъ, съ цѣлію облегчить для слушателей усвоеніе рѣчи, раздѣляетъ ее на части или иначе—заранѣе указываетъ порядокъ, въ которомъ онъ будетъ говорить.

D) **Narratio facti**—*повѣствованіе.* Въ рѣчи за Милона Цицеронъ разсказываетъ объ убійствѣ Клодія:

„Въ этотъ день (т. е. когда совершилось убійство) Милонъ вышелъ изъ сената, по окончаніи всѣхъ дѣлъ, пришелъ домой, переодѣлся и ожидалъ, пока супруга его собиралась въ дорогу; наконецъ отправился въ путь въ ту пору, когда Клодій могъ бы возвратиться въ Римъ, если бы онъ хотѣлъ прибыть въ этотъ день. Милонъ встрѣчаетъ Клодія, легко одѣтаго, верхомъ, безъ повозки, безъ свиты, даже безъ жены, которая обыкновенно ѣзжала съ нимъ, между тѣмъ какъ тотъ, который обвиняется въ злоумышленіи противъ него, и будто предпринялъ путешествіе нарочно съ тѣмъ, чтобы умертвить его, въ повозкѣ, съ тяжелымъ обозомъ, съ многолюдною свитою и семействомъ“. Тутъ же говорится, какъ служители Клодея напали на людей Милона и одного изъ нихъ убили, какъ самъ Милонъ принужденъ былъ защищаться отъ нападенія и какъ въ общемъ смятеніи люди Милона, безъ его вѣдома, только спасая свою жизнь, умертвили Клодія.

Весь разсказъ представляетъ подробное изложеніе обстоятельствъ, при которыхъ совершилось убійство Клодія, и которыя дали поводъ къ обвиненію Милона въ насильственной смерти Клодія. Рѣшившись оправдать Милона въ возведенномъ на него подозрѣніи, Цицеронъ и знакомитъ слушателей съ подробностями защищаемаго имъ дѣла, чтобы побудить ихъ къ соотвѣтствующему рѣшенію; при этомъ самый разсказъ ведется настолько искусно, что Милонъ оказывается вовсе непричастнымъ смерти Клодія. Обстоятельная, согласно цѣли оратора, передача случая, подавшаго поводъ къ рѣчи и нуждающагося въ извѣстной оцѣнкѣ, таково обычное содержаніе повѣствованія. Здѣсь требовалось главнымъ обра-

Digitized by Google

зомъ соблюденіе одного условія—ясности рѣчи, чтобы слушатели отчетливо могли представить весь ходъ дѣла и легко быть убѣждены послѣдующими доказательствами.

E) **Disputatio**—*часть доказательная.* Въ упомянутой рѣчи „О вѣнкѣ" Демосѳенъ послѣ предложенія раскрываетъ предъ Аѳинянами свою дѣятельность, на каждомъ шагу опровергая неоспоримыми доводами возведенныя на него Эсхиномъ обвиненія: то ссылается онъ на документы письменные—народныя постановленія, письма Филиппа и т. п., свидѣтельствующіе о его несомнѣнныхъ заслугахъ отечеству,--доказательства положительныя, (прямыя), то на характеръ дѣятельности самого Эсхина, всегда направленной въ пользу врага Аѳинянъ—Филиппа, и оттого не разъ противодѣйствовавшаго ему—Демосѳену—доказательства отрицательныя (косвенныя). Подробное развитіе основной мысли всей рѣчи путемъ различнаго рода доводовъ (argumentatio) съ присоединеніемъ, въ случаѣ надобности, опроверженія мнѣній противоположныхъ (refutatio)—вотъ содержаніе части доказательной. Она построяется на убѣжденіяхъ разума, имѣетъ своею задачею подѣйствовать главнымъ образомъ на умъ слушателей и потому составляетъ философскій элементъ рѣчи. Древніе различали въ доводахъ три стороны: a) изобрѣтеніе доказательствъ, b) расположеніе и c) выраженіе ихъ. Особенное вниманіе обращалось на изобрѣтеніе мыслей: придуманы были такъ называемые *топики,* или общія мѣста—loci communes, sedes argumentorum, въ которыхъ указывались общія мысли, годныя для каждаго отдѣльнаго случая, напр. родъ и видъ, причина и слѣдствіе, подобіе и противоположеніе и пр. Слѣдуя этимъ общимъ положеніямъ, можно было говорить въ рѣчи о родѣ и видѣ извѣстнаго предмета, о причинѣ и слѣдствіи того или другаго явленія, о сходствѣ и различіи между ними и т. п. Расположеніе доказательствъ совершалось по одному изъ двухъ методовъ: аналитическому—отъ частнаго къ общему и синтетическому—отъ общаго къ частному.

F) *Патетическая часть.* Указавъ на свои заслуги отечеству и опровергнувъ обвиненія Эсхина, Демосѳенъ, еще разъ обращаясь къ Аѳинянамъ, говоритъ:

„Порядочному гражданину (такъ скромнѣе о себѣ мнѣ выразиться) слѣдуетъ, Аѳиняне, имѣть два свойства: во время могущества отчизны заботиться о чести и значеніи ея и во всякое время—любить ее; послѣднее въ его волѣ, сила же и могущество не отъ него зависятъ. Что я всегда питалъ любовь къ вамъ, это не трудно доказать. Смотрите. Меня вытребовалъ отъ васъ Александръ, меня подвергали суду Амфиктіонскому, на меня напускали этихъ людей, словно звѣрей,—а я никогда не ослабѣвалъ въ любви моей къ вамъ. Съ самаго начала,

Digitized by Google

по прямому и честному пути, хлопоталъ я о чести, могуществѣ, славѣ отчизны, всегда былъ за нее. При удачахъ враговъ ея я не хожу по площади со свѣтлымъ, веселымъ лицемъ, не протягиваю руки, не сообщаю пріятныхъ вѣстей тѣмъ, которые имѣютъ частыя сношенія съ ними; а объ удачахъ отчизны не слушаю съ ужасомъ, съ воплями, опустивъ голову, какъ дѣлаютъ эти. Они издѣваются надъ отчизною, будто, поступая такъ, можно не издѣваться надъ самимъ собою; они смотрятъ вонъ изъ отчизны, хвалятъ успѣхи вражескаго могущества надъ бѣдными Еллинами; говорятъ, что такіе порядки должно и впередъ всегда поддерживать".

Здѣсь ораторъ, изображая вновь кратко, но живо, наглядно и разительно свои и противниковъ своихъ отношенія къ согражданамъ и отечеству, тѣмъ самымъ старается, какъ можно сильнѣе, подѣйствовать на слушателей, вызвать въ нихъ къ себѣ сочувствіе, привлечь ихъ на свою сторону. Это и входитъ въ содержаніе части патетической; краткость, живость, картинность и увлекательность— таковы ея отличительныя особенности.

G) **Conclusio**—*заключеніе.* Рѣчь „О вѣнкѣ" Демосѳенъ оканчиваетъ молитвою къ богамъ:

„Но да никто изъ васъ безсмертные боги, не благословитъ ихъ желаній; даруйте и этимъ людямъ лучшія мысли; если же они неизлѣчимы, то погубите ихъ съ корнемъ на сушѣ и на морѣ; а насъ избавьте скорѣе отъ грозящихъ намъ опасностей и ниспошлите намъ спасеніе вѣрное".

Кромѣ молитвы, въ заключеніи употреблялось краткое повтореніе сущности всей рѣчи съ цѣлію воспроизвести въ памяти слушателей высказанные ранѣе ораторомъ доводы въ пользу его мнѣнія, или же дѣлался согласный съ основной задачей рѣчи выводъ изъ всего предыдущаго; иногда ораторъ просто обращался къ народу съ просьбою принять его рѣшеніе.

Условія, необходимыя для оратора и его рѣчи по ученію древнихъ. Чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на слушателей, древніе указывали нѣкоторыя условія, необходимыя для оратора и его рѣчи. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія.—По мнѣнію Цицерона, истинному оратору прежде всего необходимо быть человѣкомъ *добродѣтельнымъ и при томъ высокообразованнымъ:* онъ долженъ знать всѣ великія науки и искусства. Далѣе, отъ оратора и его рѣчи требовалось *искренность,* т. е. глубокое убѣжденіе въ томъ, о чемъ и что говорилъ ораторъ въ своей рѣчи предъ собраніемъ. „Когда хотимъ выразить страсть другаго, говоритъ Квинтиліанъ, мы должны поставить самихъ себя на мѣсто того, кого изображаемъ; пусть рѣчь наша изливается изъ того же чувства, какое вдохновляемъ въ слушателей. Ужели они будутъ соболѣзновать тому, о чемъ мы говоримъ хладнокровно? Ужели заставимъ плакать, если сами

Digitized by Google

равнодушны? Я самъ бывало умилялся до того, что не только проливалъ слезы, но измѣнялся въ лицѣ, и скорбѣлъ непритворно, чистосердечно.“ Съ искренностію слѣдовало соединять *воодушевленіе*: ораторъ, по словамъ Цицерона, долженъ быть „силенъ, какъ буря, быстръ, какъ потокъ, воспламененъ, какъ молнія (Vehemens ut procella, excitatus ut torrens, incensus ut fulmen, tonat, fulgurat, ut rapides eloquentiae fluctibus cuncta proruit et proturbat)“. Наконецъ, со стороны слога ораторская рѣчь должна была отличаться *простотою и естественностію*, а не изысканностію и напыщенностію. „Что можетъ быть, пишетъ Цицеронъ, чудовищнѣе пустаго звона словъ, хотя бы самыхъ красивыхъ, если только не соединено съ ними никакой мысли, никакого знанія?“ „Высшее витійство въ политическихъ преніяхъ, по словамъ Діонисія Галикарнасскаго, близко подходитъ къ природѣ, а природа требуетъ, чтобы слово повиновалось мысли, а не мысль слову. Не знаю, къ чему могутъ служить эти украшенія, сценическая декламація, всѣ эти мелочи для совѣтодателя, говорящаго о войнѣ и мирѣ, или для человѣка частнаго, защищающаго свою жизнь въ судилищѣ. Напротивъ, знаю, что они могутъ вредить, потому что украшенія излишнія въ дѣлахъ важныхъ всегда бываютъ некстати и охлаждаютъ чувство состраданія.“ *Добродѣтель, образованность, искренность, воодушевленіе и простоту и естественность слога слѣдуетъ имѣть въ виду и теперь каждому, желающему быть истиннымъ ораторомъ.*

Виды свѣтскаго краснорѣчія. Рѣчи политическія. По характеру содержанія древне-ораторскія произведенія были трехъ родовъ.—

А) Γένος συμβουλευτικόν, genus deliberativum—*Рѣчи совѣщательныя*. Для образца приведемъ въ общемъ три рѣчи Димосѳена: первую и третью противъ македонскаго царя Филиппа и рѣчь, сказанную имъ по поводу желанія Аѳинянъ нарушить заключенный ими при посредствѣ Филократа миръ съ Филиппомъ. Въ первой рѣчи противъ Филиппа Демосѳенъ говоритъ слѣдующее:

„Конечно, Аѳиняне, вамъ плохо приходится, и вы имѣете полное основаніе быть печальными. Дѣла ваши довольно плохи, но въ сущности лишь потому, что вы не сдѣлали того, что было необходимо, и въ этомъ заключается утѣшеніе, котораго вамъ не доставало бы, исполни вы свою обязанность и будь вы однако все также несчастны, какъ и теперь. Если вы измѣнитесь, тогда, быть можетъ, измѣнится и счастіе, такъ какъ оно всегда сопровождаетъ храбраго и неусыпно дѣятельнаго. Вѣдь могущество Македонянъ, такъ высоко выросшее изъ столь ничтожныхъ началъ, не божеское же могущество; оно подвержено всѣмъ людскимъ случайностямъ, — мало того, поддерживающая его опора очень слаба. Худшій врагъ, угрожающій Аѳинамъ, не македон-

Digitized by Google

скій царь, а ваша собственная вялость, и умри сегодня Филиппъ, она привела-бы вамъ завтра другаго Вы хотите имѣть Амфиполь и такъ мало вооружены, что если-бы счастіе предоставило вамъ этотъ городъ, вы не были бы даже готовы и принять его. Слѣдовательно, надо создать военную силу, соотвѣтствующую нашимъ средствамъ. Эта сила можетъ быть невелика (вѣдь мы слишкомъ слабы для того, чтобы идти противъ царя съ цѣлой сухопутною арміей), но она должна быть всегда наготовѣ, чтобы намъ не приходилось терять времени дѣйствованія на сборы. Теперь съ вами при ополченіяхъ происходитъ тоже, что съ варваромъ въ кулачномъ бою: тотъ постоянно хватается за то мѣсто, куда его только что ударили, такъ что если противникъ направитъ ударъ въ другое мѣсто, руки его обращаются опять туда-же; а чтобы укрыться отъ удара и вычитать намѣреніе изъ глазъ своего противника, для этого онъ слишкомъ тупъ и неловокъ. Потому намъ необходимо нуженъ операціонный корпусъ, который пребывалъ бы въ сѣверныхъ водахъ, въ Лемносѣ или Ѳавосѣ, и посредствомъ мелкихъ нападеній могъ-бы очень серьезно вредить врагу, а, главное, мѣшать его прибыльнымъ хищническимъ набѣгамъ. Но это войско ни подъ какимъ видомъ не должно состоять изъ ненадежныхъ военныхъ солдатъ: изъ 2000 должно быть по крайней мѣрѣ 500, а изъ 200 всадниковъ 50 гражданъ, которымъ было бы поручено наблюденіе. Куда пойдутъ аѳинскіе граждане, туда отправятся за ними и боги нашего города. Для этого войска достаточно десяти скороходныхъ судовъ, и всѣ издержки на корабли, пѣхоту и конницу составятъ какихъ-нибудь девяносто талантовъ (около 140,000 тал.); такія вооруженія не превышаютъ вашихъ средствъ. Главное въ томъ, чтобы все, что дѣлается, дѣлалось дѣйствительно и хорошо. Ибо если я спрошу васъ, какимъ образомъ бываетъ такъ, что ваши Діонисіи и Панаѳенеи празднуются ежегодно въ одинаковое время, вы приведете ту причину, что все заготовь опредѣлено закономъ, и всякій знаетъ напередъ, гдѣ его мѣсто. Потому и важнѣйшее изъ дѣлъ не должно быть предоставлено безпорядочному произволу".*)

Ораторъ указываетъ на вялость и легкомысленность Аѳинянъ по отношенію къ македонскому царю Филиппу и, стараясь пробудить ихъ отъ духовной спячки, предлагаетъ подробную программу дальнѣйшей государственной дѣятельности. Онъ совѣтуетъ Аѳинянамъ устроить постоянное войско, состоящее не изъ однихъ только наемниковъ, но, въ качествѣ наблюдателей надъ наемниками, и изъ извѣстнаго числа гражданъ, расположенное въ Лемносѣ или Ѳавосѣ; оно посредствомъ мелкихъ нападеній могло-бы серьезно препятствовать хищническимъ набѣгамъ Филиппа. Для передвиженія войска необходимо завести десять скороходныхъ судовъ, а на содержаніе кораблей, пѣхоты и конницы—назначить девяносто

*) Исторія Греціи Эрнеста Курціуса въ переводѣ М. Корсакъ т. III, стр. 576—577.

Digitized by Google

талантовъ—сумму, не превышающую средствъ государства. Все это заранѣе должно быть опредѣлено строгимъ закономъ, а не предоставлено безпорядочному произволу.

Въ рѣчи по поводу желанія Аѳинянъ нарушить Филократовъ миръ съ Филиппомъ Демосѳенъ обращается къ нимъ приблизительно съ такими словами:

„Заключенный вами миръ не можетъ быть названъ ни хорошимъ, ни достойнымъ васъ; но каковъ бы онъ ни былъ, всетаки должно навѣрное сказать, что лучше было-бы не заключать его никогда, чѣмъ нарушить его теперь; благодаря ему, мы потеряли много такого, что существенно пригодилось бы намъ для успѣха войны. Во вторыхъ, мужи Аѳинъ, мы должны остерегаться, чтобы государства, называющіяся нынѣ амфиктіонами, не были вынуждены начать противъ насъ войну сообща. Если бы намъ пришлось снова воевать съ Филиппомъ за такое дѣло, которое касалось бы ни Ѳессалійцевъ, ни Аргивянъ, ни Ѳиванцевъ, мнѣ кажется, что ни одно изъ этихъ государствъ не взялось бы тогда за оружіе противъ насъ, такъ какъ у самыхъ тупоумныхъ изъ нихъ хватило бы настолько ума, чтобы понять, что въ подобной войнѣ всѣ тягости падутъ на нихъ, выгоды же достанутся другому, поджидающему добычи въ сторонѣ. Наличныя обстоятельства сложилися для насъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Часть пелопонезцевъ враждуетъ противъ насъ, думая, что мы держимъ противъ нихъ руку Спарты; Ѳиванцы гнѣваются болѣе чѣмъ когда-либо, такъ какъ мы приняли у себя бѣглыхъ Беатійцевъ; Ѳессалійцы ненавидятъ насъ, какъ друзей Фокеянъ, а Филиппъ негодуетъ на насъ за то, что мы медлимъ признать его амфиктіонское положеніе. Слѣдовательно, надо опасаться, что всѣ они, каждый по особой причинѣ, послѣдуютъ своему раздраженію и, подъ предлогомъ амфиктіонскихъ рѣшеній, устремятся на насъ общею войною, имѣя каждый въ виду лишь полезное для себя, что уже и случилось съ Фокейцами. „Значитъ, мы должны изъ страха дѣлать то, что намъ приказываютъ? И ты требуешь этого отъ насъ, Демосѳенъ?“ Нисколько: мы не должны соглашаться ни съ чѣмъ, что не достойно насъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ должны стараться пріобрѣсти славу благоразумнаго государственнаго управленія. Тѣмъ же, кто не хочетъ слышать объ осторожности, я предлагаю взвѣсить, какъ поступалъ нашъ городъ прежде. Мы оставили Ѳиванцамъ Оропъ, Филиппу Амфиполь, дали оторвать Кардію отъ Херсонеса, карійскому князю мы предоставили Хіосъ, Косъ, Родосъ и просмотрѣли похищеніе Византійцами аттическихъ кораблей. Почему допустили мы все это? Только потому, что надѣялись пріобрѣсти большія выгоды для нашей общины, сохраняя миръ, вмѣсто того чтобы затѣвать по этимъ поводамъ войну. Слѣдовательно, если вы мирились съ одиночными врагами, когда дѣло шло о вашихъ собственныхъ и самыхъ важныхъ интересахъ, то было-бы непростительнымъ безуміемъ, вздумай вы теперь начать войну противъ всѣхъ за пустяки, за одну тѣнь Дельфъ!“ *)

*) Исторія Греціи Эрнеста Курціуса въ переводѣ М. Корсакъ стр. 622–623

Digitized by Google

Демосѳенъ настаиваетъ здѣсь на необходимости продолжать съ Филиппомъ мирныя отношенія въ силу затруднительнаго положенія Аѳинскаго государства, со всѣхъ сторонъ окруженнаго врагами; къ тому же интересы Аѳинянъ почти не затронуты и потому война съ Филиппомъ и другими противниками за пустяки, за одну тѣнь Дельфъ, была-бы со стороны Аѳинянъ непростительнымъ безуміемъ.

Въ третьей рѣчи противъ Филиппа Демосѳенъ говоритъ:

„Уже почти тринадцать лѣтъ Филиппъ безустанно хлопочетъ съ неограниченнымъ насиліемъ проводить свои властолюбивые планы всюду, гдѣ живутъ Эллины. Во Ѳракіи онъ уничтожилъ слишкомъ тридцать эллинскихъ городовъ такъ, что нельзя даже признать мѣста, гдѣ они стояли; въ Дельфахъ онъ присвоилъ себѣ предсѣдательство и посылаетъ туда представлять себя одного изъ своихъ рабовъ; Ѳермопилы заняты его войсками, Фокида уничтожена совершенно, Ѳессалія растерзана и порабощена, въ Эвбеѣ онъ насажалъ тирановъ и угрожалъ Мегарѣ такъ же, какъ Амвракіи и Левкаду. Элида и прочіе пелопонескіе города находятся уже въ его власти, Навпактъ обѣщанъ Этолійцамъ, Эхинъ, Ѳеотійское пограничное мѣстечко, онъ отнятъ у Ѳиванцевъ безъ дальнѣйшихъ размышленій, и подобно тому, какъ онъ дѣлаетъ захваты по направленію къ Іоническому морю, съ другой стороны онъ протягиваетъ руку къ Геллеспонту, занимаетъ Кардію гарнизономъ, выступаетъ противъ Византіи — и на такіе повсемѣстные захваты Эллины смотрятъ спокойно, какъ будто дѣло идетъ о какой нибудь силѣ природы, о какой-нибудь тучѣ съ градомъ, относительно которой каждый желаетъ, чтобы она пощадила его поля! Тѣ самые Эллины, которые обнаруживали нѣкогда такую щекотливость и зависть всякій разъ, какъ какой-нибудь эллинскій городъ показывалъ превосходство своихъ силъ, выносятъ теперь величайшій позоръ отъ недостойнаго Македонца!“

„Отчего прежде Эллины были страшны для варваровъ, теперь же это выходитъ наоборотъ? Виною тому не недостатокъ средствъ, а недостатокъ духа, побѣдоносно защищавшаго нѣкогда свободу Эллады противъ превосходной силы Персовъ! Въ то время всякій, вступившій въ соглашеніе съ варварами, считался безчестнымъ, а подкупленный деньгами былъ предметомъ всеобщаго презрѣнія. Это чувство чести исчезло: теперь измѣною играютъ и даже не имѣютъ силы ненавидѣть зло. Вѣдь приглашаютъ же извѣстныхъ всему городу измѣнниковъ говорить передъ гражданами, хотя, судя по Олинѳу и другимъ городамъ, можно видѣть, что выходитъ изъ того, когда граждане слушаютъ измѣнниковъ и даютъ себя опутывать сѣтью лжи! Если-бы Олинѳійцы могли еще теперь совѣщаться, они высказали бы много такого, что спасло бы ихъ отъ гибели, — усмотри и прими они это къ сердцу во время. То же самое можно сказать о гражданахъ Ореоса, Фокейцахъ и другихъ жертвахъ Филиппова властолюбія. Все это уже слишкомъ поздно. Но до тѣхъ поръ, пока судно — будь оно велико или мало —

Digitized by Google

можетъ еще держаться на водѣ, корабельщики, кормчій и всѣ другіе должны стараться, чтобы никто не опрокинулъ его умышленно или неварочно. Потому, аѳинскіе мужи, пока мы еще невредимы и обладаемъ величайшимъ городомъ и многочисленными вспомогательными средствами и пользуемся полнѣйшимъ уваженіемъ, мы должны дѣлать свое. Мы должны стать въ оборонительное положеніе и рѣшиться въ случаѣ, если бы даже всѣ остальные Эллины согласились попасть въ рабство, съ своей стороны бороться за свободу. Мы должны всенародно заявить это и извѣстить о нашемъ рѣшеніи черезъ посольства въ Пелопоннезъ, Родосъ, Хіосъ и Сузу, такъ какъ и для персидскаго царя будетъ нехорошо, если Македонянину удастся все ниспровергнуть. Но прежде всего надо твердо стоять на своемъ рѣшеніи, потому что безумно заботиться о другихъ, оставляя на произволъ судьбы свое собственное; слѣдовательно, надо сначала исполнить свою собственную обязанность, а потомъ уже собрать и ободрить остальныхъ Эллиновъ. Вотъ что прилично такому городу, какъ нашъ. Если же вы, Аѳиняне, хотите дожидаться, пока Халкидяне или Мегаряне спасутъ Элладу, въ то время какъ вы сами будете трусливо уклоняться отъ своей задачи, то вы судите неправильно. Всѣ они будутъ довольны, если уцѣлѣютъ сами; но способствовать этому обязаны вы. Это почетное призваніе снискали для васъ ваши предки и съ величайшей опасностью сумѣли удержать его для передачи вамъ въ наслѣдство.“ *)

Властолюбивые замыслы Филиппа простерлись уже далеко: онъ успѣлъ завладѣть многими городами Эллиновъ и его притязаніямъ не было границъ. Греки спокойно смотрѣли, какъ падали ихъ единоплеменники, и каждый заботился только о себѣ. Демосѳенъ взываетъ къ ихъ прежнему мужеству и, сравнивая его съ настоящимъ малодушіемъ, старается пробудить въ нихъ стремленіе къ усиленной, единодушной защитѣ греческой независимости; онъ побуждаетъ Аѳинянъ заключить съ остальными свободными греками и царемъ персидскимъ оборонительный союзъ противъ Филиппа и даже, въ случаѣ отказа послѣднихъ, до конца бороться съ общимъ врагомъ единоличными своими средствами; Аѳиняне должны прежде другихъ отстаивать свободу Греціи: это почетное призваніе пріобрѣтено и завѣщано имъ ихъ предками.

Правильное, закономъ опредѣленное устройство постояннаго войска, мирныя отношенія къ сосѣдямъ, усиленная защита народной свободы — всѣ эти вопросы, затронутые Демосѳеномъ, касаются общественной, государственной жизни; ихъ то и обсуждали древніе ораторы въ своихъ совѣщательныхъ рѣчахъ. *Отсюда, разсмотрѣніе общественныхъ, государственныхъ дѣлъ служитъ главнымъ содержаніемъ древне-ораторскихъ совѣщательныхъ рѣчей; какъ такія,*

*) Исторія Греціи Эрнеста Курціуса въ переводѣ М. Корсакъ, т. III, стр. 661—662.

Digitized by Google

онъ могутъ быть названы еще рѣчами государственными, политическими. Политическое краснорѣчіе особенно было развито между Греками, благодаря ихъ стремленію къ общественности и частому столкновенію другъ съ другомъ изъ-за гегемоніи. Замѣчательнѣйшими греческими ораторами-политиками были Эсхинъ и Демосѳенъ; оба они жили въ эпоху Филиппа Македонскаго и послѣдней борьбы Греціи за независимость. Эсхинъ принадлежалъ къ партіи Македонянъ и всюду поддерживалъ интересы Филиппа. Онъ способствовалъ Филиппу заключить Филократовъ миръ съ Аѳинянами на болѣе выгодныхъ условіяхъ, уговоривъ пословъ— своихъ сотоварищей ждать царя въ Пеллѣ и предоставивъ тѣмъ возможность послѣднему завоевать и оставить за собою прибрежныя крѣпости Серрей, Дорискъ, Гіэронъ-Оросъ и городъ Кардію. По возвращеніи на родину, онъ въ собраніи аѳинскаго народа произнесъ блестящую рѣчь объ успѣхѣ посольства, при чемъ говорилъ, что Филиппъ — истинный другъ Аѳинянъ и любитъ ихъ всей душой; аѳиняне повѣрили Эсхину, а Филиппъ успѣлъ пріобрѣсти два голоса въ союзѣ Амфиктіоновъ. Эсхинъ былъ главнымъ виновникомъ священной войны противъ Амфиссы (339 г.), которою ловко воспользовался Филиппъ, чтобы завладѣть Элатіею (338 г.), что повело затѣмъ къ гибельной для всѣхъ Грековъ битвѣ при Херонеѣ (338 г.). Демосѳенъ былъ представителемъ партіи, боровшейся за независимость Греціи. Онъ всячески старался отстоять права своего народа и потому на каждомъ шагу разоблачалъ предъ аѳинянами коварные замыслы Филиппа. Памятникомъ его чисто патріотической, добросовѣстной дѣятельности служатъ десять политическихъ рѣчей противъ Филлипа, извѣстныя подъ общимъ именемъ „Филиппикъ.“ Въ нихъ Демосѳенъ объясняетъ афинянамъ истинный смыслъ военныхъ плановъ и намѣреній Филиппа, строго и открыто порицаетъ подкупленныхъ имъ ораторовъ, называя ихъ безстыдными, дерзкими и измѣнниками, жалуется на равнодушіе своихъ соотечественниковъ и другихъ Грековъ къ гибельнымъ предпріятіямъ Филиппа, пытается поднять среди соотечественниковъ единодушное стремленіе къ независимости и указываетъ вполнѣ разумныя, надежныя и единственно возможныя средства для борьбы съ македонской монархіей. Къ сожалѣнію, аѳиняне не воспользовались во-время совѣтами мудраго и дальновиднаго оратора и тѣмъ погубили свою самостоятельность. Въ отношеніи литературномъ „Филиппики,“ какъ и всѣ вообще рѣчи Демосѳена, представляютъ образецъ совершенства: онѣ отличаются глубиною и силою мыслей, строгою логичностію и убѣдительностію, правильнымъ, стройнымъ и въ то же время совершенно естественнымъ расположеніемъ, простымъ,

Digitized by Google

ясным, отрывистым выраженіемъ, со множествомъ удачныхъ метафоръ, неожиданныхъ сравненій, полныхъ неподдѣльнаго, искренняго чувства и сильнаго воодушевленія. Какъ противникъ и врагъ Филиппа, Демосѳенъ не разъ сталкивался съ Эсхиномъ, но самымъ наглядным и сильнымъ образомъ борьба между обоими ораторами произошла по слѣдующему случаю. За разныя услуги Демосѳена отечеству, особенно за приготовленіе имъ во время войны съ Македонянами хлѣбнаго запаса для Аѳинъ и возобновленіе стѣнъ города, аѳиняне постановили наградить его золотымъ вѣнкомъ, что считалось величайшею почестью въ государствѣ. Противъ этого рѣшенія и возсталъ Эсхинъ. Въ прекрасной, очень искусно составленной рѣчи онъ доказывалъ аѳинянамъ, что Демосѳенъ принесъ не мало вреда соотечественникамъ и потому вовсе не заслуживаетъ такой высокой награды. Тогда выступилъ Демосѳенъ и въ отвѣтъ на обвиненія Эсхина произнесъ свою знаменитую рѣчь „О вѣнкѣ—περὶ τοῦ στεφάνου", представляющую собой самый подробный отчетъ въ его государственной дѣятельности. Побѣда осталась на сторонѣ Демосѳена. Рѣчь„ О вѣнкѣ" считается лучшею рѣчью Демосѳена.

В) **Рѣчи судебныя**—Γένος δικανικόν, genus judiciale—*рѣчи судебныя*; примѣрами могутъ служить—первая рѣчь противъ Катилины Цицерона и его же рѣчь за Милона. Честолюбивый юноша Катилина поставилъ своею задачею ниспровергнуть общественные порядки съ цѣлію при общей смутѣ захватить въ свои руки управленіе государствомъ. Все было уже подготовлено, и два всадника напали на домъ Цицерона-консула, чтобы убіеніемъ послѣдняго начать возмущеніе. Къ счастію, Цицеронъ зналъ заранѣе злыя намѣренія Катилины и потому успѣлъ отразить нападеніе, окруживъ предварительно свой домъ сильною стражею. На слѣдующій день, когда сенатъ собрался въ самомъ безопасномъ мѣстѣ: въ храмѣ Юпитера—Остановителя, туда явился и Катилина. Тогда Цицеронъ, пораженный такою дерзкою и наглою выходкою заговорщика, произнесъ полную силы и карающаго воодушевленія рѣчь. Въ ней передъ собраніемъ сената ораторъ раскрываетъ всѣ крупные замыслы и злодѣянія Катилины противъ отечества. По волѣ Катилины „въ самомъ сердцѣ Италіи, въ ущельяхъ Эгруріи, враги отечества стали лагеремъ. Въ пятый день передъ календами ноябрьскими—Катилина назначилъ избіеніе лучшихъ людей въ государствѣ, а въ самыя ноябрьскія календы думалъ овладѣть Пренестою;" то и другое было предупреждено Цицерономъ. Въ прошедшую ночь въ домѣ Лекки въ собраніи заговорщиковъ Катилина „дѣлилъ Италію на участки, назначая, куда и кому изъ его

Digitized by Google

сообщниковъ слѣдуетъ ѣхать, отобралъ изъ нихъ тѣхъ, которые должны были послѣдовать за нимъ, и тѣхъ, которымъ надлежало остаться въ Римѣ, назначилъ, какія части города предать огню," и тайно подослалъ убійцъ въ домъ Цицерона, умертвить котораго замышлялъ еще, но неудачно, на прошедшихъ консульскихъ выборахъ; на январскія календы, въ консульство Лепида и Тулла, онъ, во время выборовъ, стоялъ съ кинжаломъ въ рукѣ, чтобы при случаѣ „вонзить его въ консула и именитѣйшихъ гражданъ," и потомъ не разъ пытался убить Цицерона; словомъ, „въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, если были противъ отечества злодѣйскіе замыслы, ихъ виновникомъ былъ Катилина, и нѣтъ такого преступленія, котораго нельзя было-бы неожидать отъ него." Поэтому Цицеронъ настаиваетъ на необходимости изгнать Катилину изъ Рима и тѣмъ избавить государство отъ угрожающей ему опасности. Сенатъ единогласно принялъ предложеніе Цицерона, и Катилина принужденъ былъ бѣжать изъ города. Рѣчь за Милона была вызвана обвиненіемъ Милона въ убіеніи Клодія. Клодій и Милонъ постоянно враждовали между собою. Въ тринадцатый день передъ февральскими календами Милонъ, въ сопровожденіи жены и большой толпы рабовъ, отправился въ Ланувій, для назначенія тамъ фламина *). Не много далѣе Бовиллъ, на Аппіевой дорогѣ, близъ часовни „Доброй башни," около десятаго часа ночи съ нимъ встрѣтился Клодій, возвращавшійся въ Римъ послѣ переговоровъ съ декуріонами Ариціанъ. Клодій ѣхалъ на конѣ и съ нимъ было до тридцати рабовъ, опоясанныхъ мечами. Между рабами того и другаго завязалась ссора, которая, при ожесточеніи противниковъ, и окончилась убійствомъ Клодія. Тѣло Клодія, привезенное въ Римъ, было сожжено народомъ въ Куріѣ, при чемъ охватило огнемъ и самое зданіе сената. Разсвирѣпѣвшая чернь, которой постоянно потворствовалъ Клодій, бросилась потомъ осаждать дома междуцаря М. Лепида и Милона, но была отбита стрѣлками. Два племянника убитаго, оба носившіе имена Аппіевъ Клавдіевъ, сыновья К. Клавдія—брата Клодіева, потребовали Милона на судъ. Дѣло по новому закону, только что изданному консуломъ Помпеемъ, разбиралось внѣ очереди; слѣдствіе производилъ не преторъ, какъ обыкновенно, а избранный народными голосами бывшій консулъ Л. Домицій Асенобарбъ; подавали мнѣніе выбранные изъ лучшихъ и честнѣйшихъ людей: 18 сенаторовъ, 17 всадниковъ и 16 трибуновъ казначейства. Для соблюденія большаго порядка, на форумѣ

*) Фламинъ—служитель отдѣльнаго бога, напр., фламинъ Юпитера, Марса, Квирина и пр.

Digitized by Google

и по концамъ всѣхъ ведшихъ къ форуму улицъ Помпей поставилъ вооруженныхъ воиновъ. Цицеронъ, которому Милонъ оказалъ ранѣе большую услугу, помогши ему послѣ изгнанія возвратиться въ отечество, рѣшился защищать подсудимаго. Когда ораторъ выступилъ съ рѣчью, сторонники Клодія подняли глухой, но сильный шумъ. Пораженный этимъ шумомъ, а также непривычною формою суда, Цицеронъ сконфузился; защита не имѣла успѣха, и Милонъ принужденъ былъ удалиться изъ отечества. Впослѣдствіи Цицеронъ обработалъ свою рѣчь и въ такомъ видѣ общее содержаніе ея слѣдующее:

„Опасаюсь, судьи, какъ бы, защищая храбрѣйшаго Т. Аннія, болѣе озабоченнаго сохраненіемъ дѣла общественнаго, чѣмъ своею безопасностію, не оказаться мнѣ слабѣе его мужества. Небывалая форма новаго суда, всюду окруженнаго вооруженными отрядами, устрашаетъ глаза; впрочемъ, меня ободряетъ обдуманный образъ дѣйствія Кнея Помпея, пригласившаго сюда войска не для противодѣйствія Милону, но для охраны общественнаго спокойствія; изъ остальныхъ, здѣсь присутствующихъ,—граждане обнаруживаютъ столько же расположенія къ доблести Милона, сколько и пониманіе, что въ настоящій разъ рѣшается участь самого Милона, его дѣтей, отечества и состоянія. Враждебны намъ только тѣ, которыхъ Клодій питалъ грабежами, пожарами и всѣми общественными бѣдствіями, но вы не страшитесь ихъ, судьи. Вамъ, избраннымъ изъ первыхъ слоевъ общества, представляется теперь полная возможность высказать свое мнѣніе и участіе къ добрымъ, твердымъ и заслуженнымъ дѣятелямъ и отъ того или другаго вашего рѣшенія зависитъ наше дальнѣйшее состояніе—тревожное или спокойное.

Хотя Милонъ и высказывался постоянно за благонамѣренныхъ противъ недобросовѣстныхъ, но мы не станемъ для защиты отъ даннаго обвиненія злоупотреблять его общественными заслугами: если вы не убѣдитесь, что Клодій устраивалъ засаду Милону, то мы и не будемъ умолять васъ о прощеніи въ силу прежнихъ заслугъ его; въ противномъ случаѣ, пусть по крайней мѣрѣ будетъ оставлена намъ возможность безнаказанно защищать жизнь отъ дерзости и оружія враговъ.

Но прежде еще для ясности разбираемаго дѣла необходимо опровергнуть то, что было высказано недругами и въ сенатѣ, и въ народныхъ собраніяхъ и не задолго передъ тѣмъ обвинителями: говорятъ, что не долженъ жить тотъ, кто сознался въ убіеніи человѣка. Но храбрѣйшій М. Горацій былъ освобожденъ въ собраніи народа Римскаго, хотя сознался, что собственноручно убилъ сестру. Когда дѣло идетъ объ убійствѣ, то, обыкновенно, или вовсе отрицается, что оно совершено, или защищаютъ его, какъ правильное и законное. Развѣ безумный былъ П. Африканъ, когда на вопросъ трибуна К. Карбона, какого онъ мнѣнія о смерти Т. Гракха, отвѣчалъ: по моему—умерщвленъ справедливо. Если бы беззаконно было умерщвлять преступныхъ гражданъ, то слѣдовало бы считать беззаконными и Агала Сервилія, и П. Назику, и Л. Опимія, и К. Марія и самый сенатъ въ бытность мою консуломъ.

Digitized by Google

Поэтому-то и въ вымышленныхъ разсказахъ передается, что умертвившій мать въ отмщеніе за отца былъ освобожденъ мнѣніемъ даже самой мудрѣйшей богини. Да и закономъ двѣнадцати таблицъ опредѣлено умертвить безнаказанно ночного вора, защищающагося какимъ-бы-то ни-было образомъ, а дневного—съ оружіемъ въ рукахъ. Если же по праву позволяется иногда даже умертвить человѣка, то не только справедливо, но и необходимо всячески защищаться отъ насилія. Военный трибунъ въ войскѣ К. Марія погибъ отъ того, коему причинилъ насиліе, и однако былъ оправданъ въ преступленіи и освобожденъ отъ опасности. Что означали бы ваши провожатые и мечи, если бы недозволено было пользоваться ими ни въ какомъ случаѣ? Существуетъ, судьи, неписанный, но врожденный самою природою законъ, по которому, если жизнь наша попала на какіе-либо коварные замыслы, на насиліе-ли, или на оружіе разбойниковъ или враговъ, честенъ всякій способъ обезпечить себѣ безопасность. Поэтому запомните, что злоумышленника можно умерщвлять по праву. Далѣе, враги Милона говорятъ, что сенатъ призналъ убійство Клодія направленнымъ противъ государственнаго порядкано, это только потому, что въ свободномъ гражданскомъ обществѣ всякое вообще злоумышленіе противорѣчитъ порядку государственному. Съ своей стороны сенатъ одобрилъ убійство Клодія, какъ своими мнѣніями, такъ и неоднократнымъ сочувствіемъ. Если же Кней Помпей и предложилъ внѣ очереди по новому порядку произвести слѣдствіе объ убійствѣ на дорогѣ Аппіевой, то, мнѣ кажется, потому, что видѣлъ возможность, путемъ изслѣдованія поводовъ къ убійству, законно оправдать подсудимаго. Смерть, нанесенная преступленіемъ, должна быть подчинена однимъ и тѣмъ же наказаніямъ и законамъ. Когда народный трибунъ М. Друзъ, благороднѣйшій мужъ, защитникъ сената, былъ умерщвленъ въ своемъ домѣ, о его смерти и съ народомъ не совѣтывались, и сенатъ не опредѣлилъ никакого изслѣдованія. Объ убійствѣ П. Африкана, пользовавшагося всеобщимъ глубокимъ уваженіемъ, было-ли предложено какое изслѣдованіе? Никакого. Когда самъ Клодій на той же Аппіевой дорогѣ умертвилъ одного изъ почтеннѣйшихъ всадниковъ Римскихъ М. Папирія, или когда покушался на жизнь Кнея Помпея, отъ котораго зависѣло государственное благосостояніе, сдѣлано-ли какое предложеніе?—Опредѣлено ли новое изслѣдованіе? Преступленія его не нужно было наказывать. Сколько разъ я лично спасался отъ стрѣлъ и окровавленныхъ рукъ Клодія! Если бы не сохранило меня мое или общественнаго порядка счастіе, кто бы сталъ производить изслѣдованіе о моей гибели? Но то все было терпимо, смерть же Клодія равнодушно никто перенести не можетъ,... Нѣтъ, не та была причина! Не могъ Помпей, какъ человѣкъ мудрый, одаренный какимъ-то божественнымъ пониманіемъ, сдѣлать предложеніе объ убійствѣ Клодія, если-бы не руководился указаннымъ соображеніемъ. Потому-то и для разбирательства назначилъ онъ людей благонамѣренныхъ и лучшихъ, а во главѣ ихъ поставилъ тебя, Домицій, извѣстнаго своею справедливостію и мудростію.

Теперь, судьи, остается вамъ изслѣдовать, кто кому сдѣлалъ зло-

Digitized by Google

умышленіе; для этого я предварительно изложу вкратцѣ случившееся, прошу, выслушайте внимательно. (Далѣе передаются уже извѣстныя намъ обстоятельства смерти Клодія). Какъ изложилъ я, судьи, такъ это и было. Никто изъ васъ конечно не скажетъ, что Милонъ поступилъ нечестно, защищая свою жизнь отъ насилія, иначе вы присудите, что всѣ, наткнувшіеся на разбойниковъ, необходимо должны погибнуть или отъ ихъ оружія, или отъ вашихъ приговоровъ, а если такъ, то поступаетъ на обсужденіе вопросъ: по праву ли умерщвленъ Клодій или неправильно (законно или незаконно)? Что было злоумышленіе—вѣрно, и сенатъ объявилъ его дѣломъ противъ государственнаго порядка, но кто приготовилъ это злоумышленіе,—подлежитъ спору, и объ этомъ-то состоялось предложеніе Кнея Помпея. Такимъ образомъ, чѣмъ можно доказать, что Клодій устроилъ злой умыселъ противъ Милона?

Прежде всего для Клодія смерть Милона была очень выгодна: убіеніемъ Милона онъ достигалъ преторства при такихъ консулахъ, которые, даже если-бы и хотѣли, не могли бы препятствовать его своевольной дѣятельности. На этотъ случай имъ уже были приготовлены многіе законы, прямо направленные къ нарушенію справедливости. Я изложу одинъ изъ нихъ. Чтобы пріобрѣсти себѣ больше голосовъ и разбоями приготовиться къ военнымъ дѣйствіямъ, Клодій предполагалъ издать законъ, дававшій полную свободу и Римское гражданство съ подачею голосовъ въ сельскихъ трибахъ всѣмъ вольноотпущеннымъ. Сколько вреда могло бы быть отъ этого! Напротивъ, почему Милонъ могъ бы желать смерти Клодія? Являлся де Клодій ему противникомъ въ стремленіи къ консульству.—Тотъ, дѣйствительно, боролся противъ Милона, но своею борьбою онъ скорѣе помогалъ послѣднему: всѣ понимали, что только одинъ Милонъ въ званіи консула въ состояніи обуздать своевольную претуру Клодія и потому кто же усумнился бы подать свой голосъ за Милона? Но теперь съ исчезновеніемъ Клодія, Милонъ потерялъ свою прежнюю славу, поддержку голосовъ на консульство и ему нужны такія усилія, чтобы только отстоять свое достоинство. Ясно, что смерть Клодія, не только не приноситъ никакой пользы Милону, но даже вредитъ ему. Не могъ умертвить Милонъ Клодія и по ненависти: кромѣ общей всѣмъ гражданамъ ненависти къ людямъ неблагонамѣреннымъ, за что Милону было ненавидѣть Клодія—главнаго виновника своей славы? Между тѣмъ Клодій ненавидѣлъ Милона и какъ моего защитника, и какъ стѣснителя его неистовства, наконецъ даже какъ своего обвинителя. Клодій во всемъ слѣдовалъ насилію: по его стараніямъ, рабы едва не убили К. Гортензія,—свѣтъ и украшеніе общественнаго порядка, когда тотъ принималъ во мнѣ участіе, а сенаторъ К. Вибіенъ, человѣкъ отличнѣйшій,—поплатился жизнію; Клодій угрожалъ Помпею засадою; Клодій окровавилъ дорогу Аппіеву умерщвленіемъ Папирія; Клодій недавно, какъ вы знаете, чуть не поразилъ меня у царственнаго зданія. Ничего подобнаго не было никогда со стороны Милона; всѣ его стремленія были направлены къ тому, чтобы Клодій не угнеталъ гражданъ насиліемъ. Если бы Милонъ

Digitized by Google

хотѣлъ убить Клодія, сколько онъ имѣлъ для этого удобныхъ и вполнѣ законныхъ поводовъ! Клодій могъ погибнуть отъ Милона и при своемъ нападеніи на домъ Милона, и когда былъ раненъ П. Секстій, и при жестокомъ побоищѣ на форумѣ по поводу предложенія К. Фабриція о моемъ возвращеніи въ отечество, и во время приступа къ дому Л. Цецилія, и въ тотъ день, когда былъ предложенъ законъ обо мнѣ, и при нападеніи на Помпея, говорившаго за Милона, когда послѣдняго обвинялъ П. Клодій, и недавно, когда Клодій принужденъ былъ спасаться въ потемкахъ лѣстницъ, и нѣсколько разъ во время выборовъ на полѣ. Такимъ образомъ, кого Милонъ не захотѣлъ умертвить при всеобщемъ сочувствіи, безнаказанно, по праву, въ удобномъ мѣстѣ и въ благопріятное время, того дерзнулъ убить при жалобѣ нѣкоторыхъ, съ уголовною опасностію, несправедливо (?), въ неблагопріятной мѣстности, въ неудобное время и при томъ при наступленіи выборовъ, когда всякій особенно дорожитъ хорошимъ о себѣ мнѣніемъ каждаго,—до какой степени это невѣроятно въ немъ!

Но что-же я привожу доказательства? Ссылаюсь на васъ К. Петилій и М. Катонъ: вы слышали отъ М. Фавонія, что Клодій сказалъ ему: Милонъ погибнетъ въ три дня,—послѣ третьяго дня и совершилось, о чемъ онъ говорилъ. Зная тотъ день, въ который Милону необходимо было отправиться въ Лануій (а это узнать было не трудно), Клодій предупредилъ его, выѣхавши раньше. Тогда какъ для Милона была неотложная необходимость ѣхать въ Ланувій, чтобы поставить тамъ фламина, Клодію, если бы онъ не спѣшилъ на задуманное преступленіе, необходимо было оставаться въ Римѣ, гдѣ у него въ этотъ день было созвано собраніе народныхъ трибуновъ. Когда Милонъ отправился изъ Рима, Клодій долженъ былъ находиться въ Альбанѣ, но вдругъ онъ получаетъ извѣстіе о смерти архитектора Цира и немедленно спѣшитъ въ Римъ. Развѣ могъ Милонъ знать объ этомъ неожиданномъ рѣшеніи Клодія, чтобы на дорогѣ сдѣлать засаду послѣднему? Да и вѣсть, принесенная Клодію изъ Рима, сдается мнѣ, касалась не смерти Цира, а скорѣе приближенія Милона. Вѣдь еще отправляясь изъ Рима, Клодій оставилъ Цира совсѣмъ умирающимъ. Но пусть это такъ и было,—почему же Клодій такъ торопился, что поѣхалъ въ Римъ тотчасъ же, ночью, не дождавшись даже утра? Что такое онъ могъ бы потерять только за одну ночь? Скорѣе ему слѣдовало избѣгать ночнаго возвращенія въ городъ. Наоборотъ, если Милонъ злоумышлялъ противъ Клодія и зналъ о его ночномъ возвращеніи въ Римъ, ему естественно было поджидать Клодія въ глухой мѣстности Этруріи, гдѣ собирались и скрывались разбойники, гдѣ много было враговъ Клодія, ограбленныхъ и изгнанныхъ имъ изъ своихъ имѣній, и гдѣ поэтому Милонъ могъ бы умертвить Клодія совершено безнаказанно. Самое мѣсто, на которомъ совершено убійство Клодія, кому изъ двухъ было болѣе выгодно? Но нужно-ли, судьи, сомнѣваться еще и въ этомъ? Передъ помѣстьемъ Клодія, гдѣ, по случаю большихъ пристроекъ, могла находиться тысяча здоровенныхъ людей, гдѣ противникъ занималъ возвышенное мѣсто, могъ-ли Милонъ разсчитывать

Digitized by Google

на успѣхъ и потому начать сраженіе? Не скорѣе-ли здѣсь, въ надеждѣ на самую мѣстность, поджидалъ его Клодій, чтобы сдѣлать на него нападеніе? Само дѣло вполнѣ подтверждаетъ послѣднее: Милонъ ѣхалъ на дорожной повозкѣ, въ дорожномъ плащѣ, вмѣстѣ съ женою; съ нимъ противъ обыкновенія были мальчики — пѣвчіе жены и толпы горничныхъ; между тѣмъ Клодій, постоянно съ женою, тутъ безъ нея, всегда на повозкѣ, — тогда на конѣ, прежде съ пестрою, шутовскою толпою провожатыхъ—мужчинъ и женщинъ,—теперь съ одними только отборными мужчинами. А что и при такихъ подготовленіяхъ Клодій былъ побѣжденъ, такъ это зависѣло отчасти отъ постоянной внимательности къ себѣ Милона, который, зная враждебное отношеніе къ нему Клодія, всегда болѣе или менѣе готовъ былъ дать отпоръ своему противнику, отчасти отъ случайности и общаго Марса, часто отнимающаго побѣду у мысленно торжествующаго, отчасти и отъ неумѣнья самого Клодія, оставшагося сзади Милона и напавшаго на разгнѣванныхъ и отчаявшихся уже въ жизни своего господина рабовъ его. Милонъ послѣ отпустилъ своихъ рабовъ на волю и это онъ сдѣлалъ не потому, чтобы опасался ихъ показаній,—но дарованіемъ свободы Милонъ хотѣлъ съ одной стороны достойно наградить своихъ защитниковъ, съ другой—избавить ихъ отъ предстоящихъ напрасныхъ пытокъ палачей. Чтоже касается допросовъ въ атріумѣ *) свободы, они ничего не говорятъ противъ Милона. Кого допрашивали? Рабовъ П. Клодія. Боги благіе, какъ можно дѣйствовать строже? О рабахъ относительно рабовъ не допускается никакого изслѣдованія, кромѣ дѣлъ о нарушеніи религіозныхъ церемоній. Да и какъ допрашивали? подъ угрозою смерти въ случаѣ показаній за Милона и съ обѣщаніемъ свободы при свидѣтельствованіи въ пользу Клодія.—Что можетъ быть вѣрнѣе и правильнѣе такого изслѣдованія!

Если вы изъ самаго столь яснаго дѣла недостаточно еще усматриваете невинность Милона, то вспомнимъ, съ какою быстротою и величіемъ духа возвратился онъ въ Римъ и вступилъ на форумъ? Не побоялся онъ ввѣрить себя не только народу, сенату, вооруженнымъ общественнымъ силамъ, но даже власти того, кому сенатъ препоручилъ все общественное дѣло, всю молодежь Италіи, всѣ военныя силы народа римскаго (разумѣется Кней Помпей). Велика сила совѣсти, и Милонъ никогда не сдѣлалъ-бы этого, если-бы сознавалъ себя неправымъ, и не безъ вѣрнаго основанія дѣло его всегда было одобряемо сенатомъ. Мудрѣйшіе люди видѣли присутствіе духа, твердость, постоянство защиты. Или вы, судьи, забыли, какъ, при только что полученномъ извѣстіи о смерти Клодія, враги Милона и нѣкоторые неопытные увѣряли, что Милонъ и въ Римъ не вернется; многіе даже утверждали, что, подобно Катилинѣ, онъ начнетъ войну противъ отечества,—а что впослѣдствіи на него свалено? Говорили, что нѣтъ въ Римѣ ни одной улицы, ни одного закоулка, гдѣ не былъ бы напятъ домъ Милона;

*) Атріумъ—большой залъ.

Digitized by Google

оружіе сплавлено по Тибру въ Окрикуланскую виллу; домъ на Капитолійскомъ склонѣ наполненъ щитами, все полно горючихъ стрѣлъ для зажженія города; какой-то трактирщикъ Лициній доносилъ, что рабы Милона, напившись у него, сознались въ заговорѣ относительно убійства Кн. Помпея; ночью было получено извѣстіе, что дѣлаютъ приступъ къ дому К. Цезаря, знаменитѣйшаго и энергичнѣйшаго человѣка; недавно въ самомъ многолюдномъ собраніи сената въ Капитоліѣ нашелся сенаторъ, который сказалъ, что Милонъ—съ оружіемъ, — все вызывало подозрѣнія и требовало изслѣдованія, но все оказалось ложнымъ и коварно-придуманнымъ. И теперь мы боимся не обвиненія въ убійствѣ Клодія, а скорѣе твоихъ, Помпей, подозрѣній, если только вся здѣшняя обстановка направлена противъ усилій Милона,—но кто же не понимаетъ, что все это поручено тебѣ для упроченія общественнаго благосостоянія? Что касается Милона, онъ постояннымъ состязаніемъ за твою славу и пренебрежительнымъ отношеніемъ ко всѣмъ за твое достоинство опасностямъ ясно доказалъ, что никто никогда не былъ для него такъ дорогъ, какъ ты. Посмотри, какъ разнообразны и склонны къ перемѣнѣ жизненныя отношенія: наступитъ время, когда и ты почувствуешь и недостатокъ въ благосклонности искреннѣйшаго друга и нужду въ вѣрности основательнѣйшаго и энергичнѣйшаго человѣка.

Меня, судьи, волнуетъ не обвиненіе въ убійствѣ Клодія: не настолько я безразсуденъ, чтобы не знать вашего мнѣнія о его смерти, но то, что нужно было опасаться, какъ приметъ общество смерть такого человѣка, который совершилъ всевозможныя преступленія, для котораго не было никакого закона, никакого гражданскаго права, ничего запретнаго. Милонъ имѣлъ основанія даже хвалиться убійствомъ Клодія; онъ могъ совершенно безнаказанно во всеуслышаніе говорить: убилъ я, убилъ того, кто былъ обличенъ въ преступной связи съ знатнѣйшею женщиной и даже родною сестрой, того, кто оружіемъ рабовъ выгналъ изъ отечества сохранителя города и жизни гражданъ, кто давалъ и отнималъ царство, дѣлилъ кругъ земной, съ кѣмъ хотѣлъ, кто послѣ многихъ убійствъ на форумѣ силою оружія загналъ домой единственной доблести и славы человѣка (Африканъ, сдѣлавшій о возвращеніи Цицерона предложеніе), кто предалъ огню храмъ Нимфъ, кто оружіемъ пытался изгнать К. Варія, энергичнѣйшаго и лучшаго гражданина, изъ его владѣній, кто проходилъ сады и виллы многихъ съ архитекторами и межевыми цѣпями, кто самовольно выстроилъ зданіе въ помѣстьѣ блистательнѣйшаго и твердаго всадника Т. Пакавія, кто угрожалъ Т. Фурфанію и Апонію смертію, если не уступятъ ему сады свои, кто подъ тою же угрозою смерти осмѣлился требовать денегъ у Фурфанія, кто лишилъ помѣстья брата Аппія, а сестру передней и входа. Все это было перенесено съ невѣроятною силою терпѣнія. Если-бы Клодій достигъ власти, свидѣтельствуюсь богомъ, онъ не воздержалъ бы свои необузданныя пожеланія ни отъ владѣній, ни отъ имуществъ, ни даже отъ дѣтей и женъ вашихъ! Онъ хотѣлъ набрать въ городѣ войско изъ рабовъ и при посредствѣ его захватить

Digitized by Google

въ свои руки, какъ всѣ общественныя дѣла, такъ и частное достояніе каждаго. А теперь кто изъ васъ не сознаетъ, что Милонъ оказалъ величайшую услугу отечеству? Благодаря ему, сломлены дурныя страсти, возстановлены законы и права, спасена справедливость, уцѣлѣла свобода.

Не опасаюсь, судьи, что, говоря такъ о Клодіи, я преувеличиваю: не возможно не только достаточно высказать, даже и придумать, какъ много было въ немъ преступнаго. Но допустите, что я могъ бы сдѣлать, чтобы вы оправдали Милона подъ условіемъ, если-бы ожилъ А. Клодій. Что же страхъ изобразился на вашихъ лицахъ? Какъ обошелся бы съ вами тотъ, если бы остался живъ, кто и мертвый пустымъ изображеніемъ и то такъ поразилъ васъ? Если-бы самъ Кн. Помпей могъ, какъ онъ предложилъ изслѣдованіе о смерти Клодія, такъ и вызвать его изъ преисподней: какъ вы полагаете, что предпочелъ бы онъ? Для общественнаго блага, конечно, не сдѣлалъ бы послѣдняго. Слѣдовательно, вы являетесь мстителями за смерть того, кому сами не пожелали бы возвратить жизнь, если бы это отъ васъ зависѣло, и въ убійствѣ того предложено изслѣдованіе, кто если бы могъ ожить по тому же закону, такой законъ никогда не былъ бы изданъ. Кто бы ни былъ убійцею Клодія, долженъ ли онъ послѣ этого опасаться наказанія отъ тѣхъ, кого освободилъ? Греки осыпали подобныхъ людей почти божескими почестями, а вы сохранителя столь великаго народа, мстителя столь великаго преступленія не только не надѣляете никакими почестями, но даже допустите, чтобы онъ повлеченъ былъ на казнь.

Не случайно, судьи, не совѣтомъ человѣческимъ, но заботою безсмертныхъ боговъ совершилось дѣло Милона. Только тотъ можетъ отрицать это, кто не признаетъ силы и промысла божественныхъ,—такого человѣка не трогаютъ ни громадность вашего владычества, ни солнце, ни движеніе неба и свѣтилъ, ни перемѣны предметовъ и порядки, ни мудрость вашихъ предковъ, завѣщавшихъ священнодѣйствія, церемоніи, предсказанія по птицамъ. Та сила, которая часто доставляла превышающія вѣроятія—благополучіе и богатства этому городу, внушила Клодію мысль напасть на энергичнѣйшаго мужа, чтобы быть побѣжденнымъ имъ. Клянусь Геркулесомъ, самыя религіозныя вѣрованія явились мстителями Клодію! На васъ, Албанскіе холмы, ссылаюсь: ваши рощи и жертвенники повалилъ Клодій; тобою, священный Юпитеръ возвышенной горы Лаціевъ, свидѣтельствуюсь: твои озера, рощи и границы запятналъ Клодій всякимъ беззаконнымъ развратомъ и преступленіемъ! Да и не тотъ же ли гнѣвъ боговъ вселилъ въ товарищей Клодія такое безуміе, что они лишили Клодія даже честнаго погребенія со всѣми приличными обрядами и его трупъ, облитый кровью и грязью, сожгли съ презрѣніемъ. Я вѣрю, что и не должно было все это совершиться иначе.

Тяжка, свидѣтельствуюсь богомъ, и жестока казалась уже для меня судьба народа Римскаго, которая терпѣла столько лѣтъ, какъ Клодій издѣвался надъ дѣломъ общественнымъ. Онъ осквернилъ распутствомъ самыя священныя религіозныя дѣйствія, сломилъ самыя важныя опре-

Digitized by Google

дѣленія сената, явно откупался отъ судей деньгами, въ званіи трибуна тѣснилъ сенатъ, ниспровергъ совершенное единодушіемъ всѣхъ сословій для сохраненія общественнаго порядка, выгналъ меня изъ отечества, разграбилъ имущество, сжегъ домъ, тѣснилъ мою жену, дѣтей, объявилъ беззаконную войну Кнею Помпею, убивалъ должностныхъ и частныхъ лицъ, предалъ огню домъ моего брата, опустошилъ Этрурію, многихъ лишилъ жилищъ и имуществъ, готовилъ законы, которые подчинили бы насъ рабамъ нашимъ, все считалъ своею собственностію: никто, кромѣ Милона, не противился его замысламъ. Тутъ-то боги безсмертные, какъ я выше сказалъ, дали мысль Клодію устроить для Милона засаду; иначе зло это погибнуть не могло: все подавилъ бы Клодій, всѣмъ завладѣлъ бы, и мы вовсе не имѣли бы теперь порядка общественнаго. Могъ-ли тотъ при жизни не дѣлать дурнаго, кто и мертвый вызывалъ такое волненіе въ народѣ и произвелъ пожаръ въ зданіи сената? И находятся люди, которые, умалчивая о сенатѣ, сострадаютъ надъ Аппіевою дорогою!... Но довольно!

Остается молить и заклинать васъ, судьи, чтобы вы оказали состраданіе самому твердому дѣятелю. Не уменьшайте, прошу васъ, своего снисхожденія къ Милону вслѣдствіе того, что не видали на лицѣ его ни слезъ, ни перемѣнъ, что голосъ и рѣчь его постоянны. Если въ сраженіяхъ гладіаторовъ и въ самомъ низкомъ положеніи и судьбѣ рода человѣческаго мы сочувствуемъ людямъ твердымъ, полнымъ присутствія духа, и ненавидимъ робкихъ и малодушныхъ, не тѣмъ ли болѣе должны мы оказать помощь человѣку самому энергичному? Лично меня ободряютъ тѣ слова Милона, которыя я слышу отъ него ежедневно: „Прощайте, прощайте, говоритъ онъ, сограждане мои, будьте невредимы, процвѣтайте, благоденствуйте! Пусть стоитъ этотъ знаменитѣйшій городъ и драгоцѣннѣйшее для меня отечество, какимъ бы образомъ оно не обошлось со мной! Пусть мои сограждане и безъ меня, но чрезъ меня наслаждаются спокойнымъ дѣломъ общественнымъ, я уступлю и удалюсь! Если не дозволено мнѣ наслаждаться тѣмъ же, то не буду испытывать и дурного и какъ только достигну общества гражданъ свободнаго и хорошей нравственности, на немъ успокоюсь. О, тщетны мои труды, ложны надежды, безплодны помышленія! Полагалъ-ли я, что когда-нибудь не найду себѣ сочувствія среди благонамѣренныхъ гражданъ и что мнѣ не будетъ мѣста въ отечествѣ?“ И это все, судьи, Милонъ высказываетъ спокойно, съ тѣмъ же лицомъ, съ какимъ видите его теперь. Припоминаетъ онъ и то, что чернь и низшаго разбора многолюдство, угрожавшія подъ руководствомъ П. Клодія общественному благосостоянію, смягчилъ не только своими добрыми качествами, но и тремя своими наслѣдствами, а васъ не могъ задобрить своими заслугами дѣлу общественному, что недоставало ему только голоса глашатая, всѣми же голосами народа объявленъ онъ консуломъ, что вредитъ ему подозрѣніе въ преступленіи, а не обвиненіе въ совершенномъ; присоединяетъ еще, и конечно вѣрно, что люди, твердые и мудрые, гонятся не столько за наградами за хорошія дѣла, сколько за самыми хорошими дѣлами, что нѣтъ ничего для гражда-

Digitized by Google

нина превосходнѣе, какъ освободить отечество отъ опасностей, и что единственною самою высокою и утѣшительною наградою является для него вѣчная, славная память о немъ въ потомствѣ. Такое мужество составляетъ скорѣе добродѣтель божественную и тѣмъ съ большею скорбію, Милонъ, я отрываюсь отъ тебя; для меня не остается и утѣшенія жалобы: не враги наши отнимутъ тебя у меня, но самые первые друзья; одно только меня поддерживаетъ,—это то, что, съ моей стороны, Т. Анній, не было по отношенію къ тебѣ недостатка ни въ какой услугѣ, любви, расположеніи; все, что я могъ, все сдѣлалъ для тебя. Что же вы, судьи? Съ какимъ, наконецъ, расположеніемъ духа будете? Память Милона удержите, а его извергнете? И будетъ на землѣ какое-либо мѣсто достойнѣе отечества принять Милона? Къ вамъ обращаюсь, сотники и воины, къ вамъ, пролившимъ много крови за дѣло общественное, вы не только присутствовали на этомъ судѣ зрителями, но даже вооруженными и предсѣдательствующими, допустите ли вы, что такая доблесть будетъ удалена изъ города? О бѣдный я и несчастный! Того-ли, кто возвратилъ меня въ отечество, я не удержу въ отечествѣ? Что я отвѣчу моимъ дѣтямъ, которыя считаютъ Милона за другаго родителя? Что скажу брату Квинту, вмѣстѣ со мною принимавшему участіе въ Милонѣ? Зачѣмъ возвратили меня въ отечество? Умоляю васъ, не допустите, чтобы мое возвращеніе было для меня прискорбнѣе самого удаленія! Какъ могу я полагать, что я возстановленъ, когда отрываютъ отъ меня тѣхъ, которые возстановили меня? Лучше бы мнѣ было видѣть Клодія не только живымъ, но даже преторомъ, консуломъ, диктаторомъ, лишь бы при безопасности отечества, чѣмъ это зрѣлище! И этотъ человѣкъ, рожденный для отечества, умретъ гдѣ-либо внѣ отечества! О, блаженна та земля, которая приметъ его, и достойна жалости та, которая извергнетъ! Но довольно!... отъ слезъ я уже не могу говорить, а Милонъ запрещаетъ защищать его слезами! Умоляю и заклинаю васъ, судьи, чтобы вы, при подачѣ мнѣній, осмѣлились высказать то, что чувствуете! Кто при назначеніи судей остановилъ свой выборъ на людяхъ самыхъ лучшихъ, самыхъ мудрыхъ и твердыхъ, тотъ, повѣрьте мнѣ, наиболѣе одобритъ вашу доблесть, справедливость, вѣрность!“

Вся рѣчь направлена къ тому, чтобы оправдать Милона по дѣлу объ убійствѣ Клодія. Въ основѣ ея лежитъ прирожденное каждому „jus naturae“ или „naturale— право законной самозащиты“ отъ какого-бы-то-ни-было насилія. Съ одной стороны, посредствомъ искусной группировки и выясненія обстоятельствъ, при которыхъ совершилось убійство Клодія, съ другой,—путемъ подбора фактовъ изъ жизни Клодія и Милона, Цицеронъ старается внушить судьямъ убѣжденіе, что Клодій палъ жертвою своего коварнаго противъ Милона замысла и что поэтому Милонъ, какъ законно защищавшій себя отъ насилія Клодія, нисколько не виновенъ въ смерти послѣдняго. *На основаніи извѣстнаго закона оправданіе или обвиненіе подсудимаго въ возведенномъ на него преступленіи и составляетъ существенное содержаніе судебно-ораторскихъ рѣчей.*

Digitized by Google

Судебное краснорѣчіе, появившись первоначально въ Греціи, перешло затѣмъ въ Римъ и здѣсь достигло высокой степени процвѣтанія. Римляне отличались практическимъ характеромъ: все свое вниманіе они сосредоточивали на жизни дѣйствительной, стараясь извлечь изъ нея, какъ можно больше, выгоды; чтобы обезопасить себя въ такого рода стремленіяхъ, они изобрѣли различные законы, строго опредѣлявшіе каждый шагъ ихъ дѣятельности. При всеобщемъ увлеченіи житейскими выгодами, между гражданами неминуемо происходили столкновенія, и законы нарушались; тогда начинались тяжбы или судебные процессы; естественно, каждый изъ тяжущихся желалъ имѣть перевѣсъ на своей сторонѣ, но для этого необходимы были знаніе законовъ и умѣнье вести дѣло, чѣмъ обладали далеко немногіе; къ тому же богатые граждане очень часто и не хотѣли подвергать себя всевозможнымъ судебнымъ тревольненіямъ. Отсюда возникла потребность въ такихъ людяхъ, которые на извѣстныхъ условіяхъ могли бы вести тяжебныя дѣла; такъ образовался въ Римѣ особый классъ адвокатовъ, т. е. людей призванныхъ (advoco - призываю къ чему), посвятившихъ себя судебнымъ занятіямъ. Защищая или обвиняя подсудимаго во имя тѣхъ или другихъ законовъ, они искусно составленными рѣчами старались склонить судей въ пользу своего мнѣнія. Благодаря частымъ тяжбамъ, адвокаты скоро пріобрѣли большое значеніе и заняли въ государствѣ такое же положеніе, какое въ Греціи имѣли ораторы политики, т. е. сдѣлались людьми государственными; вмѣстѣ съ рѣчами судебными, они стали составлять и рѣчи политическія. Самымъ замѣчательнымъ изъ Римскихъ ораторовъ былъ Маркъ Туллій Цицеронъ (въ I в. до Р. Хр.). Болѣе или менѣе въ полномъ видѣ отъ Цицерона дошло до нашего времени 56 рѣчей, хотя всѣхъ рѣчей было составлено имъ гораздо болѣе. Изъ нихъ лучшія—четыре рѣчи противъ Катилины, которыми ораторъ подавилъ угрожавшій государству бѣдствіями заговоръ Катилины, 14 рѣчей противъ Антонія, обличающія властолюбіе Антонія и по своему страстному, патріотическому тону извѣстныя подъ именемъ „Филиппикъ“, рѣчь противъ Верреса, правителя Сициліи, защищающая права римскаго гражданина и человѣка вообще, и рѣчи за Милона и Росція Америна. Во всѣхъ рѣчахъ Цицеронъ отличается необыкновеннымъ умѣньемъ облекать свои мысли въ самыя красивыя выраженія; его слогъ служитъ образцомъ совершенства, но за то у него нѣтъ той простоты и естественности, которыя составляютъ отличительное достоинство рѣчей Демосѳена. Кромѣ Цицерона извѣстны римскіе ораторы: Катонъ, Крассъ, Антоній, Цезарь и другіе.

Digitized by Google

C) **Рѣчи похвальныя** —Λόγος πανηγυρικὸς, panegyricus, laudativa oratio—*панегирики или похвальныя слова.* Лучшимъ изъ древнихъ панегириковъ считается похвальная рѣчь Императору Трояну, произнесенная въ сенатѣ 1-го сентября сотаго (100) года, Плиніемъ при его вступленіи въ должность консула. Вотъ вкратцѣ содержаніе нѣкоторой части этой рѣчи:

„Знаменитѣйшіе отцы!

Весьма мудро учредили предки наши начинать всякое дѣло молитвою: безъ помощи боговъ мы не можемъ предпринять ничего благоразумнаго. Кому-же особенно должно соблюдать это, какъ не консулу, и при томъ, когда сенатомъ и именемъ всего государства поручено ему приносить благодареніе государю добродѣтельному, справедливому и самимъ богамъ подобному? Хотя до сего времени еще не было сомнительно, по случаю-ли или божественнымъ промысломъ ниспосылаются обладатели царствъ, но теперь необходимо признаться, что нашъ государь поставленъ богомъ: избраніе его совершилось предъ священными алтарями Юпитера. Тѣмъ законнѣе для меня призывать на помощь тебя всещедраго и всемогущаго Юпитера, чтобы слово мое было прилично консулу, всему сенату и столь великому государю, чтобы во всемъ, говоренномъ мною, господствовала свобода, достовѣрность и истина, и чтобы въ приносимой мною похвалѣ также мало имѣло участія ласкательство, какъ мало участвуетъ въ томъ принужденіе. Не только одному консулу, но и каждому гражданину слѣдуетъ стараться не говорить о нашемъ государѣ ничего такого, что можно было-бы сказать о другомъ; поэтому оставимъ все, что вызывается страхомъ, не чувствуя себя болѣе невольниками, перестанемъ всенародно восхвалять въ нашемъ государѣ то, что иногда прославляли въ другихъ; не будемъ нигдѣ льстить ему, какъ существу высочайшему: мы говоримъ не о тиранѣ, но о гражданинѣ, не о государѣ, но объ отцѣ отечества; онъ самъ считаетъ себя равнымъ съ нами и знаетъ, что смертенъ и владычествуетъ надъ смертными....

Иногда, знаменитѣйшіе отцы, я размышлялъ, какія свойства необходимы обладателю царствъ; представляя себѣ такого, который имѣлъ бы власть по достоинству, я не могу желать государя лучше нынѣшняго: тогда какъ другіе при нѣкоторыхъ добродѣтеляхъ омрачены были и какими-либо пороками, въ нашемъ государѣ соединились всѣ хорошія качества: здоровье при древнихъ лѣтахъ, величественный наружный видъ, веселый нравъ, снисхожденіе, непритворные поступки; таковъ и долженъ быть государь, дарованный богами, и этимъ отличается онъ отъ правителя, только народомъ избраннаго.

Божій промыселъ и его къ тебѣ, великій государь, милосердіе обнаружились уже тогда, когда ты въ званіи полководца готовился къ отъѣзду въ войско: при твоемъ входѣ въ Капитолій, тѣснившійся у дверей храма народъ, думая поклониться Юпитеру, поклонился тебѣ, какъ-бы своему императору. Это предзнаменованіе всѣми было замѣ-

Digitized by Google

чено; одинъ ты не хотѣлъ понять его, потому что не желалъ управлять государствомъ. Дѣйствительно, ты не принялъ-бы на себя бремя правленія, если-бы не угрожала неминуемая опасность отечеству. Единственно для того, чтобы преобороть твое смиренномудріе, боги допустили мятежъ въ войскѣ: императоръ былъ осажденъ, взятъ въ плѣнъ, заключенъ и при старости своей лишенъ возможности спасать жизнь согражданъ своихъ; отнята была власть самодержавія; господство клонилось къ гибели; тогда-то государь, обремененный правленіемъ, возложилъ его на плечи твои, объявивъ тебя своимъ сыномъ и наслѣдникомъ. Ни родство, ни дружба не имѣли здѣсь участія; содѣйствовали тому твои добродѣтели. Съ трудомъ склонили тебя согласиться на предложенное, зная, что нѣтъ никого достойнѣе тебя для этого, и такимъ образомъ ты былъ избранъ не по примѣру прочихъ, но по достоинству. Воля боговъ руководила Нервою и тобою и во время самаго твоего усыновленія: оно совершилось не во внутреннихъ царскихъ чертогахъ, но во храмѣ, не предъ брачнымъ ложемъ государя, но предъ священнымъ алтаремъ всесильнаго и всемилосерднаго Юпитера. Изъ Панноніи было получено извѣстіе о побѣдѣ, даруя которую, боги желали прославить начало твоего правленія. Положивъ побѣдоносные знаки на лоно Юпитера, императоръ Нерва торжественно предъ богами и народомъ вдругъ объявилъ тебя сыномъ своимъ, и въ государствѣ немедленно водворилось всеобщее спокойствіе, лучшее доказательство, что всѣ граждане довольны были твоимъ назначеніемъ. Вслѣдъ за усыновленіемъ ты былъ объявленъ соправителемъ и, управляя Германіею, получилъ изъ Рима наименованіе Германика. Не желая и не домогаясь быть императоромъ, ты теперь съ особеннымъ усердіемъ старался во всемъ исполнять волю государя, и чѣмъ болѣе власть Нервы приходила въ колебаніе, тѣмъ большую признавалъ ты надъ собою силу ея. Зная, что твое избраніе состоялось не по желанію только одного Нервы, но и по единодушной волѣ сената и народа, ты однако во всемъ поступалъ согласно съ своимъ смиренномудріемъ: по титуламъ, надписямъ, статуямъ и знаменамъ, въ честь тебя устроеннымъ, ты былъ императоромъ, но по снисхожденію, трудамъ и своей ревности казался еще намѣстникомъ, полководцемъ и простымъ воиномъ: какъ и прежде, ты шелъ пѣшій предъ знаменами и, пока другой былъ съ тобою императоромъ, не считалъ себя иначе, какъ человѣкомъ частнымъ. Такъ было до смерти Нервы, который вскорѣ и скончался, совершивъ божественное и незабвенное навѣки дѣло твоего усыновленія. Оплакавъ умершаго, какъ своего отца, ты построилъ ему потомъ храмы и опредѣлилъ жрецовъ, но при этомъ не слѣдовалъ соображеніямъ своихъ предшественниковъ: не для устрашенія гражданъ, какъ Тиверій посвятилъ храмы Августу, не для посрамленія боговъ, какъ Неронъ обожалъ Клавдія, не для собственнаго почтенія, какъ Титъ поставилъ въ число боговъ Веспасіана, а Домиціанъ Тита, но исключительно за достойныя божескихъ почестей добродѣтели ты почтилъ своего отца божескимъ поклоненіемъ, нисколько не гордясь его обожаніемъ.

Сдѣлавшись единодержавнымъ, ты, по примѣру древнихъ и слав-

Digitized by Google

ныхъ полководцевъ, принудилъ смириться нашихъ непріятелей. Тогда какъ еще недавно они стремились поработить насъ своей власти, заключали съ нами перемиріе только на выгодныхъ для себя условіяхъ, предписывали намъ свои законы, прежде чѣмъ желали принять наши, теперь наоборотъ, мы даемъ и отказываемъ имъ по силѣ и власти нашего государства, и получающіе милость благодарятъ насъ, а неполучающіе не ропщутъ. Да и возможно-ли иначе, когда имъ извѣстно, что ты побѣждалъ свирѣпыхъ варваровъ даже зимою—въ самое удобное время для набѣговъ дикихъ народовъ? А какое удивленіе произвелъ ты между своими воинами, перенося вмѣстѣ съ ними голодъ и жажду? Во время военныхъ подвиговъ ты былъ среди нихъ, какъ равный, покрытый пылью и потомъ, и отличался отъ другихъ только искусствомъ и силою. На предварительныхъ упражненіяхъ ты вступалъ въ состязаніе съ солдатами, дѣйствуя оружіемъ и отражая отъ себя ихъ удары; хвалилъ храбрыхъ и самъ для опыта металъ дротики, казавшіеся кому либо тяжелыми; ты ободрялъ обремененныхъ, презиралъ болящихъ, никогда не возвращался въ свой шатеръ, не посѣтивъ палатокъ прочихъ, и всегда успокоивался послѣднимъ. Не такъ удивляло бы меня, если бы такой полководецъ былъ во времена Фабриціевъ, Сципіоновъ и Камилловъ: тогда его воспламеняло бы желаніе подражать примѣрамъ послѣднихъ, но теперь,—когда военное дѣло было въ упадкѣ, не славно ли, что одинъ изъ всѣхъ находитъ свое утѣшеніе въ древнихъ обычаяхъ? Первымъ опытомъ твоей храбрости было усмиреніе Парѳянъ, совершеное тобою еще въ юности и прославившее твое имя отъ береговъ Ефратскихъ до Рейна. Будучи въ молодыхъ лѣтахъ трибуномъ, ты мужественно прошелъ отдаленнѣйшія области, въ десяти походахъ научился распознавать нравы народовъ, положенія и выгоды странъ и привыкъ къ различнымъ водамъ и воздуху. Настанетъ время, когда нашимъ потомкамъ будутъ показывать мѣста, тобою посѣщенныя, а теперь каждый старый воинъ почитается только за то, что прежде служилъ съ тобой. Обладая такими военными доблестями, ты однако отличаешься строгою умѣренностію и, не ужасаясь никакихъ войнъ, любишь въ то же время спокойствіе. Непріятели добровольно признаютъ твое преимущество, и ты, не вступая съ ними въ сраженіе, покоряешь ихъ своему могуществу. Намъ остается побѣждать только презрителей нашей власти, но рѣшится-ли кто изъ варварскихъ царей подвергнуть себя твоему гнѣву, зная, что для тебя ни рѣки, ни моря, ни горы не составляютъ препятствія и что самое многочисленное войско принуждено будетъ уступить твоей силѣ и мужеству? Ты возстановилъ военный порядокъ, уничтоживъ развившіяся было въ войскахъ лѣность, упорство и ослушаніе. Теперь каждый полководецъ не опасается уже того, какъ относятся къ нему воины, смѣло требуетъ отъ нихъ строгаго исполненія своихъ обязанностей. Своимъ присутствіемъ въ войскахъ ты не умалялъ значенія прочихъ начальниковъ, и всѣ они при тебѣ, какъ и безъ тебя, были въ почтеніи, которое еще болѣе увеличивалось твоимъ къ нимъ снисхожденіемъ: будучи между ними главнымъ, ты велъ себя, какъ простой воинъ, и, самъ снося тяжкіе труды,

Digitized by Google

пріучалъ всякаго къ ревности и усердію. Потому одинаково горячо и любили тебя всѣ.

Вызванный по желанію Римлянъ въ отечество для управленія государствомъ, ты возвращался спокойно и смиренно: не было въ твоемъ путешествіи ни насильнаго требованія подводъ, ни упорства въ выборѣ ночлеговъ, ни разборчивости въ пищѣ; находившіеся при тебѣ слѣдовали въ порядкѣ, повинуясь твоимъ приказаніямъ. Какая разница между твоимъ возвращеніемъ и проѣздомъ Домиціана, разорявшаго подданныхъ, отнимавшаго у хозяевъ ихъ собственность, принуждавшаго ихъ вдобавокъ за собою слѣдовать и непріятельски опустошавшаго проѣзжаемыя имъ страны!... Противъ обыкновенія своихъ предшественниковъ, въѣзжавшихъ въ столицу на колесницѣ, запряженной бѣлыми конями, или вносимыхъ на плечахъ человѣческихъ, ты вошелъ въ Римъ пѣшій, къ величайшей радости всего народа, густыми толпами встрѣчавшаго тебя по всѣмъ улицамъ и даже усѣявшаго собою крыши домовъ. Всѣмъ было пріятно видѣть, что ты принялъ сенатъ цѣлованіемъ, оказалъ честь знаменитѣйшимъ вельможамъ, называя ихъ при встрѣчѣ по имени, и говорилъ съ своими прислужниками, подавая имъ особые знаки милости. Ты нарочно шелъ тихо и не имѣлъ вокругъ себя тѣлохранителей, чтобы каждый легко могъ видѣть тебя. Предъ тобою несли знаки начальства служители, и твое войско не отличалось отъ прочаго народа въ одеждѣ, скромности и благонравіи. При всеобщихъ радостныхъ восклицаніяхъ, ты посѣтилъ прежде всего Капитолій, гдѣ было принесено множество жертвъ, и гдѣ всякій молился о твоемъ здравіи, и затѣмъ отправился въ чертоги императорскіе, а народъ разошелся по домамъ своимъ, чтобы тамъ свободно повторять искреннюю радость свою.

Съ каждымъ днемъ ты былъ лучше и удивленія достойнѣе и прошедшее и настоящее время дѣлаютъ тебя достохвальнымъ и великимъ. Ты соединилъ въ себѣ безопасность долго владѣющаго и скромную умѣренность вступающаго на престолъ императора. Государственнымъ чинамъ ты не дозволяешь припадать къ стопамъ твоимъ для доказательствъ ихъ къ тебѣ преданности и не даешь намъ цѣловать руку свою, самъ снисходительно цѣлуя насъ, какъ будто ты находишься еще въ прежнемъ достоинствѣ; попрежнему ты ходишь пѣшій, попрежнему съ удовольствіемъ сносишь труды и тягости. При императорскихъ выходахъ всякому вольно останавливаться и проходить мимо; ты дозволяешь намъ говорить съ тобой не изъ милости и подошедшему къ тебѣ сопровождать тебя, сколько ему желательно. Хотя мы и подчинены твоему владычеству, но ты во всемъ поступаешь съ нами согласно съ законами. Твои предмѣстники, опасаясь быть съ нами равными, носимы были на плечахъ рабовъ своихъ, но тебя возвышаютъ надъ ними до небесъ слава, вѣрная любовь твоихъ подданныхъ и слѣды твои по землѣ съ нашими смѣшанные. Войску и народу ты раздалъ щедрыя милости, а дѣтей бѣдныхъ родителей приказалъ принимать и записывать, чтобы, получивъ на твои средства воспитаніе и считая тебя всеобщимъ отцемъ своимъ, они могли потомъ поступать на твою службу

Digitized by Google

и получать жалованье. Такими дарами и благодѣяніями ты не имѣлъ въ виду загладить какое-либо свое преступленіе, смягчить огорченный чѣмъ-либо и бунтующій народъ, какъ иногда прежде поступали императоры, но все это было сдѣлано тобою добровольно, непорочно, вслѣдствіе одного лишь милосердія и человѣколюбія.

Своею мудростію и неусыпными стараніями ты возстановилъ правильныя торговыя сношенія и доставилъ государству вполнѣ достаточный запасъ привознаго хлѣба, ежегодно наполняя имъ казенныя хлѣбохранилища. Когда Египетъ, всегда славившійся своимъ плодородіемъ, потерпѣлъ неурожай отъ слабаго разлитія Нила и просилъ у тебя помощи, ты немедленно отправилъ туда необходимое количество хлѣба и тѣмъ избавилъ страну отъ бѣдствія. Сама судьба привела его въ такое состояніе, чтобы въ полной силѣ могла проявиться твоя благодѣтельность. Гордость Египта, привыкшаго считать себя питателемъ побѣдителей, была подавлена; Римъ выплатилъ ему совершенно за все прежнее и даже сдѣлалъ его должникомъ своимъ. Какое послѣ этого счастіе для всѣхъ провинцій, что онѣ находятся подъ покровительствомъ такого государя, который постояннымъ подвозомъ съѣстныхъ припасовъ кормитъ Востокъ и Западъ и повсюду возстановляетъ плодородіе!

При устроенныхъ тобою въ Римѣ состязаніяхъ бойцовъ ты проявилъ милость и правосудіе: каждый изъ зрителей могъ свободно высказывать о нихъ свое мнѣніе, нисколько не опасаясь подвергнуться за это наказанію, какъ бы за оскорбленіе величества, что было при другихъ императорахъ. Несправедливыхъ доносчиковъ, безсовѣстно клеветавшихъ на невинныхъ съ цѣлію такъ или иначе завладѣть ихъ имуществомъ, ты навсегда изгналъ изъ отечества: посаженные на корабли, они преданы были свирѣпымъ волнамъ и вѣтрамъ, и, куда занесла ихъ морская буря, тамъ принуждены были доканчивать жизнь свою. Теперь въ государственномъ казнохранилищѣ попрежнему тихо и спокойно: не отнимаются тамъ у гражданъ сокровища и не хранится добыча, пріобрѣтенная кровію, но во всемъ соблюдаются только одни самые строгіе законы. Ты учредилъ судъ, которому можно жаловаться на твоего казначея или главнаго пріемщика; судьи выбираются по жребію, и каждый изъ тяжущихся — вправѣ заявлять, согласенъ ли онъ признать своимъ судьей такого-то, или желаетъ имѣть другаго. Большіе расходы государства, вызвавшіе различнаго рода подати, были причиною между прочимъ сбора двадцатой доли съ наслѣдствъ, но ты, по своему великодушію, отмѣнилъ этотъ обременительный налогъ при полученіи наслѣдствъ ближайшими родственниками, оставивъ его только за дальнѣйшими, да и то, когда послѣдніе наслѣдуютъ большое имѣніе. Тѣмъ не менѣе, вопреки своимъ предшественникамъ, и при увеличенныхъ доходахъ терпѣвшимъ недостатокъ, ты и при сокращеніи ихъ во всемъ имѣешь изобиліе, и это потому, что загражденъ къ тебѣ путь лихоимцамъ и особенно льстецамъ. Уничтоженіемъ доносовъ объ оскорбленіи императорскаго величества ты возстановилъ вѣрность между друзьями, обязанности и любовь дѣтей къ родителямъ

Digitized by Google

и должное отношеніе рабовъ къ господамъ своимъ; наши завѣщанія остаются непоколебимыми, и ты не являешься однимъ у всѣхъ наслѣдникомъ. Ты любишь постоянство въ своихъ государственныхъ чиновникахъ и не стараешься, какъ прочіе, притѣснять людей честныхъ, а напротивъ, замѣчаешь и возвышаешь ихъ: честнымъ и добродѣтельнымъ людямъ ты поручаешь намѣстничества въ провинціяхъ, ихъ ты жалуешь чинами, имъ даешь достоинства, ихъ почитаешь своими лучшими друзьями, о нихъ только говоришь съ похвалой и думаешь. Такого рода дѣятельностію ты подаешь наилучшій примѣръ своимъ подданнымъ и тѣмъ дѣлаешь многихъ изъ нихъ добродѣтельными. Продолжай, великій императоръ, начатое, и твои дѣйствія вполнѣ докажутъ всю силу и могущество твоего благотворнаго нравственнаго вліянія на подданныхъ!“...

Яркими красками обрисовываетъ Плиній привлекательную личность императора Трояна, характеризуя его, какъ человѣка вообще и какъ полководца и правителя въ частности. Траянъ соединяетъ въ себѣ всѣ лучшія свойства человѣка: благородство, справедливость, честность, человѣколюбіе и другія добродѣтели; онъ представляетъ собою образецъ хорошаго полководца: непріятели боятся его и, по первому его требованію, уступаютъ ему преимущество; въ войскѣ его царитъ самый строгій порядокъ: онъ самъ смотритъ за всѣмъ, но и ведетъ себя, какъ равный со всѣми; поэтому каждый солдатъ искренно любитъ его и готовъ для него всѣмъ пожертвовать; слава о немъ распространилась далеко за предѣлы Римскаго государства, и никто изъ сосѣдей не осмѣлится противостоять ему. Въ дѣлѣ управленія государствомъ Траянъ поступаетъ согласно съ своими добрыми качествами, ни въ чемъ не подражая предшественникамъ: онъ просто обращается съ подданными, старается обезпечить дѣтей бѣдныхъ родителей, возобновляетъ правильную торговлю, доставляетъ государству необходимый запасъ хлѣба, изгоняетъ изъ отечества клеветниковъ—доносчиковъ, учреждаетъ справедливый судъ, отмѣняетъ обременительный сборъ двадцатой доли съ наслѣдствъ, замѣчаетъ и награждаетъ честныхъ дѣятелей, словомъ,—во всемъ подаетъ хорошій примѣръ каждому, дѣлая чрезъ то многихъ добродѣтельными. Все это взятое вмѣстѣ составляетъ истинныя достоинства императора и потому ораторъ прославляетъ Трояна, какъ за его личныя хорошія качества, такъ и за оказанныя имъ услуги своему отечеству. *Похвала тому или другому замѣчательному лицу за его извѣстныя достоинства въ связи съ указаніемъ послѣднихъ и служитъ отличительною принадлежностію панегириковъ; отсюда самое названіе ихъ*: „laudativa oratio“—*похвальная рѣчь, слово*. Въ Греціи похвальныя рѣчи произносились во время празднествъ и торжественныхъ игръ предъ собраніемъ всего присутствовавшаго при

Digitized by Google

этомъ народа, отъ чего и произошло названіе „λόγος πανηγυρικός, πανηγυρική (πᾶν—все и ἄγυρις собраніе, πανήγυρις полное народное собраніе) панегирикъ“, т. е. всенародное слово, всенародная рѣчь. Образцомъ греческихъ панегириковъ признается рѣчь Перикла: „Въ честь павшихъ на Марѳонскомъ полѣ.“ Своимъ содержаніемъ панегирики во многомъ напоминаютъ характеристику лицъ, но отличаются отъ нея тѣмъ, что ограничиваются только хорошими сторонами восхваляемаго лица, тогда какъ характеристика касается и недостатковъ выводимой ею личности.

Политическія, судебныя и похвальныя рѣчи извѣстны подъ общимъ именемъ свѣтскаго краснорѣчія. Изъ древнихъ Греціи и Рима свѣтское краснорѣчіе перешло и къ новѣйшимъ народамъ. Въ настоящее время рѣчи политическія особенно развиты въ тѣхъ странахъ, гдѣ государственныя дѣла обсуждаются и рѣшаются выборными представителями государства, напр. въ Англіи въ парламентѣ, въ Америкѣ на конгрессахъ и пр. Въ нашемъ государствѣ отголоскомъ политическаго краснорѣчія служатъ Высочайшіе манифесты, въ которыхъ Государь объявляетъ народу о важнѣйшихъ дѣлахъ, касающихся отечества, напр. манифесты: Александра I-го о вторженіи Наполеона I-го въ Россію въ 1812-мъ году и Александра II-го 19 февраля 1861-го года объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и др. Рѣчи судебныя существуютъ у народовъ, имѣющихъ открытое или гласное судопроизводство; въ наиболѣе цвѣтущемъ состояніи онѣ находятся во Франціи; изъ ораторовъ Франціи замѣчательны: Дюпенъ, Берье, Шексъ-д'Эстъ Анжъ, Лярошъ, Жюль-Фавръ, Кремье. У насъ въ Россіи судебное краснорѣчіе появилось со времени введенія гласнаго судопроизводства 20 ноября 1864-го года. Панегирики или рѣчи похвальныя встрѣчаются сравнительно рѣдко; въ большинствѣ онѣ произносятся на юбилейныхъ праздникахъ въ честь того или другаго выдающагося общественнаго дѣятеля; таковы, напр. похвальныя рѣчи разныхъ лицъ по случаю столѣтнихъ юбилеевъ: Ломоносова въ 1865 году, Карамзина въ 1866, Крылова въ 1868-мъ и др. Изъ прежнихъ панегириковъ болѣе другихъ замѣчательны: „Похвальное слово Петру Великому и Елисаветѣ Петровнѣ“ Ломоносова и „Похвальное слово Императрицѣ Екатеринѣ II-й“ Карамзина, составленныя по образцу Плиніева панегирика императору Трояну.

Краснорѣчіе духовное. Понятіе о проповѣди на основаніи разбора „Поученія предъ св. Причастіемъ“ Путятина. Другой видъ ораторскихъ сочиненій—*краснорѣчіе духовное или церковное, извѣстное по большей части подъ именемъ проповѣди.* Прекраснымъ примѣромъ проповѣди можетъ служить „Поученіе предъ св. Причастіемъ“ протоіерея Родіона Путятина.

Digitized by Google

„Св. Пророкъ Моисей однажды на горѣ увидѣлъ купину, которая горѣла и не сгорала. Онъ хотѣлъ подойти къ ней поближе, чтобы разсмотрѣть столь чудное явленіе, но вдругъ услышалъ голосъ, изъ купины къ Нему говорящій: Моисее, Моисее! не приближайся сѣмо; иззуй прежде сапоги отъ ногъ твоихъ (Исх. 3. 4—5).

Слушатели благочестивые! купина, видѣнная Моисеемъ, подлинно было явленіе чудное и страшное: ибо горѣла и не сгорала, ибо изъ купины говорилъ самъ Богъ. Не столь же ли чудна и страшна св. чаша, которой вы предстоите и къ которой приступаете? Здѣсь, въ этой св. чашѣ, подъ видомъ хлѣба, преподается вамъ истинное тѣло Господа нашего Іисуса Христа, а подъ видомъ вина—истинная кровь Его. Здѣсь, въ этой св. чашѣ, огонь Божественный—чудный, страшный огонь, достойныхъ очищающій и оживляющій, а недостойныхъ попаляющій и сожигающій. И потому отъ лица Бога, нѣкогда говорившаго изъ купины и теперь таинственно здѣсь присутствующаго, говорю всякому приближающемуся къ св. чашѣ: не приближайся сѣмо; иззуй прежде сапоги отъ ногъ твоихъ; развяжи прежде всѣ грѣховныя узы, связующія твою душу.

Время еще не ушло; еще можно сдѣлать то, чего ты не могъ или не хотѣлъ, а долженъ бы сдѣлать прежде. Благоразумный разбойникъ, и на крестѣ вися, успѣлъ приготовить себя въ рай. Не удерживай въ душѣ твоей болѣзненныхъ вздоховъ: съ этими вздохами вылетаютъ грѣхи. Не стыдись твоихъ сердечныхъ слезъ: это бальзамъ на раны грѣховныя. Забудь все земное, тебя окружающее: на тебя теперь смотритъ Іисусъ Христосъ; на тебя теперь смотритъ твой Ангелъ-хранитель; на тебя теперь смотритъ все воинство небесное. Ты теперь какъ бы на страшномъ судѣ; теперь рѣшается твоя участь на цѣлую вѣчность; ты причастишься или въ жизнь вѣчную, или въ осужденіе вѣчное. И такъ скажи въ душѣ своей: я грѣшникъ, первый въ мірѣ грѣшникъ, но я впередъ уже не хочу быть таковымъ; я хочу исправиться, хочу бросить худыя дѣла, оставить порочныя намѣренія; только сподоби меня, Господи, теперь достойно причаститься пречистыхъ Твоихъ таинъ. Вѣрую Господи,—только помози моему невѣрію,—вѣрую, яко Ты воистинну Христосъ, сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти; еще вѣрую—и еще молю Тебя, помози моему невѣрію,—еще вѣрую, яко сіе есть самое пречистое тѣло Твое, и сія есть самая честная кровь Твоя. Не даю Тебѣ лобызанія Іудина—нѣтъ, я уже не промѣняю Тебя ни на какія удовольствія, ни продамъ Тебя ни за какую цѣну, только помилуй меня и сподоби неосужденно причаститься пречистыхъ Твоихъ таинъ.

Съ такою вѣрою, съ такимъ намѣреніемъ приступающій къ сей св. чашѣ чистъ отъ грѣховъ; онъ разрѣшается отъ грѣховныхъ узъ, связующихъ его душу, и потому причастится пречистыхъ таинъ не въ судъ или осужденіе, но въ отпущеніе грѣховъ и жизнь вѣчную. Дай Господи такъ причаститься всѣмъ намъ не только нынѣ, но и всегда. Аминь“.

Digitized by Google

Проповѣдникъ сначала и до конца старается внушить слушателямъ слѣдующее руководящее начало: каждый христіанинъ долженъ присупать ко святому причащенію съ одной стороны съ твердою вѣрою, что изъ святой чаши подъ видомъ хлѣба и вина преподается ему истинное тѣло и истинная кровь Іисуса Христа, съ другой—съ искреннимъ раскаяніемъ въ прежнихъ грѣхахъ своихъ и неизмѣннымъ намѣреніемъ исправиться. Это главное положеніе, *всецѣло относящееся къ существу христіанской вѣры и нравственности,* раскрывается на основаніи священнаго писанія и ученія православной церкви. Помощію уподобленія святой чаши неопалимой купинѣ, видѣнной Моисеемъ въ пустынѣ, ораторъ наглядно выясняетъ христіанамъ православное ученіе о таинственномъ присутствіи во святой чашѣ самого Господа и о необходимости предъ святымъ причастіемъ чистосердечнаго покаянія, а примѣромъ покаявшагося на крестѣ разбойника доказываетъ, что „время покаянію еще не ушло," что „еще можно сдѣлать то, чего кающійся не могъ или не хотѣлъ, а долженъ бы сдѣлать прежде." То же православное ученіе подтверждается далѣе двумя церковными молитвами, произносимыми предъ святымъ Причащеніемъ: „Вѣрую, Господи и исповѣдую"... и „Вечери твоея тайныя"... Такимъ образомъ, во всемъ сочиненіи *на основаніи священнаго писанія и ученія церкви уясняется одна изъ существенныхъ истинъ христіанской вѣры и нравственности съ цѣлію побудить слушателей къ жизни по духу христіанства;* подобное содержаніе и является отличительною принадлежностію духовнаго краснорѣчія вообще.

Начало духовнаго краснорѣчія и замѣчательнѣйшіе проповѣдники. Духовное краснорѣчіе возникло съ появленіемъ христіанства и первоначально было вызвано потребностію распространенія между людьми новой христіанской религіи. Первыми проповѣдниками христіанства были Самъ основатель христіанской вѣры Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Его святые Апостолы. Примѣромъ проповѣди евангельской можетъ служить „Нагорная бесѣда," а—проповѣди апостольской—рѣчь апостола Павла въ Аѳинскомъ Ареопагѣ. Новизна и глубина содержанія, запечатлѣннаго Духомъ истины и божественности, простота, ясность и общедоступность изложенія и неотразимая, увлекающая сила убѣдительности—таковы отличительныя качества евангельской и апостольской проповѣди. Въ ряду ближайшихъ къ апостоламъ проповѣдниковъ слова Божія самое видное мѣсто занимаютъ вселенскіе великіе святители и учители—Василій Великій (329—379), Григорій Богословъ (328—389), Іоаннъ Златоустъ (353—407). Названіе „Златоустъ" сдѣлалось даже нарицательнымъ именемъ всякаго выдаю-

Digitized by Google

щагося оратора. Сравнительно съ проповѣдями евангельской и апостольской, какъ въ самомъ содержаніи, такъ и въ болѣе искусственномъ построеніи ораторскихъ произведеній трёхъ поименованныхъ святителей уже замѣтно обнаруживаются слѣды чисто человѣческаго творчества. Въ эпоху схоластики, когда проповѣдь сдѣлалась предметомъ классныхъ упражненій будущихъ церковныхъ ораторовъ, она лишалась своей прежней простоты и естественности: все свое вниманіе схоластическіе проповѣдники сосредоточивали исключительно на одной формѣ съ явнымъ ущербомъ содержанію; отсюда, крайняя бѣдность и однообразіе содержанія и чрезмѣрная вычурность формы составляютъ существенную особенность схоластической проповѣди. Въ XVII и XVIII-мъ вѣкахъ французскіе ораторы сообщили своимъ проповѣдямъ богатство содержанія и изящество слога, удержавъ въ нихъ при этомъ и искусственные пріемы схоластики. Въ нашемъ отечествѣ особенно прославились даромъ церковнаго краснорѣчія: Филаретъ—митрополитъ московскій (1782—1867), Иннокентій, архіепископъ херсонскій (1800—1857) и протоіерей Рыбинскаго собора Родіонъ Путятинъ (1807—1869). Проповѣди Филарета отличаются глубокою сосредоточенностію мысли на изслѣдуемомъ предметѣ, неотразимою силою доказательствъ, дѣйствующихъ на разумъ слушателя или читателя, строго-логическою послѣдовательностію въ развитіи основного положенія и отвлеченностію выраженія; онѣ требуютъ значительной подготовленности для всесторонняго ихъ пониманія и потому доступны не каждому. Инымъ характеромъ запечатлѣны духовно-ораторскія произведенія Иннокентія: при своей простотѣ, ясности и общедоступности, они проникнуты глубиною искренняго чувства и изобилуютъ художественною прелестію картинъ и образовъ; отеческая трогательность и живописность рѣчи Иннокентія также сильно дѣйствуютъ на чувство и воображеніе каждаго, какъ у Филарета неотразимая логическая доказательность - на разумъ. Проповѣди протоіерея Родіона Путятина кратки, ясны, просты, искренни и въ полномъ смыслѣ *народны*. Изъ древнихъ русскихъ проповѣдниковъ извѣстны: Новгородскій архіепископъ Лука Жидята, Кіевскій митрополитъ Иларіонъ, игуменъ Кіевопечерскаго монастыря Ѳеодосій (XI в.), епископъ Туровскій Кириллъ, прозванный вторымъ златословеснымъ витіею, т. е. русскимъ Златоустомъ (XII в.) и др.

Формы церковнаго краснорѣчія. Понятіе о бесѣдѣ на основаніи разбора проповѣди митрополита Филарета – „Въ день Вознесенія Господня и обрѣтенія мощей святителя Алексія.“ Главными и вмѣстѣ основными формами церковнаго краснорѣчія являются бесѣда и слово. Какъ

Digitized by Google

образецъ первой, разсмотримъ бесѣду митрополита Московскаго Филарета—„Въ день Вознесенія Господня и обрѣтенія мощей святителя Алексія.“

„Никто изъ живущихъ въ тѣлѣ не видалъ воскресенія Христова въ то тайное мгновеніе ночи или глубокаго утра, когда оное совершилось. Такъ было, можетъ быть, по самому свойству сего дѣйствія, въ которомъ и видимое Христово тѣло, преобразуясь въ духовное и прославленное, выступало за предѣлы міра видимаго. Но при томъ, такъ устроено было, вѣроятно, и потому, что еще не созрѣла вѣра для сего высокаго созерцанія: ибо явленіе небесное и Божественное для приготовленнаго къ нему вѣрою, чистотою, боголюбіемъ, смиреніемъ есть свѣтъ просвѣщающій и животворящій, а для неприготовленнаго и неочищеннаго есть молнія поражающая. Такъ устроено было, вѣроятно, и для того, чтобы дать мѣсто возвышенному подвигу вѣры и высшему за него воздаянію, по суду Христову: блажени не видѣвшіи и вѣровавшіи (Іоан. 20, 29).

Напротивъ того, вознесеніе Господа многіе собственными очами видѣли, когда оно совершалось Такъ было, конечно, потому, что теперь уже созрѣла вѣра многихъ для сего Божественнаго созерцанія. Такъ было, конечно, и для того, чтобы и немощнымъ въ вѣрѣ, какимъ въ день воскресенія Христова видѣнъ былъ Ѳома, дать подкрѣпленіе очевиднымъ удостовѣреніемъ.

Святый Евангелистъ Лука свидѣтельствуетъ, что Господа воскресшаго,—кажется, и возносящагося,—видѣли не одни одиннадцать Апостоловъ, но и другіе, иже бяху съ ними (Лук. 24, 33, 50).

Если Самъ Господь благоизволилъ, чтобы такъ доступно было Его Божественное зрѣлище: подвигнемъ и мы нашу мысль въ слѣдъ очевидцамъ онаго, дабы, по возможности, ближе и яснѣе видѣть то, на что небеса смотрѣли съ такимъ же удивленіемъ, какъ и земля. Путемъ да будетъ намъ Евангельское повѣствованіе, и путеводителемъ святой Евангелистъ Лука.

Онъ пишетъ: *изведъ ихъ вонъ до Виѳаніи.* То-есть, въ четыредесятый изъ дней, въ продолженіи которыхъ воскресшій Господь *являлся* Апостоламъ, *и глаголалъ яже о царствіи Божіи,* Онъ явился имъ въ Іерусалимѣ; потомъ, предшествуя имъ, велъ ихъ по улицамъ города, и вышелъ изъ него вратами, чрезъ которыя лежалъ путь къ горѣ Елеонской.

Чтоже Іерусалимъ? Видѣлъ ли онъ въ сіе время Распятаго Воскресшаго и въ ожесточеніи своемъ не вѣрилъ глазамъ своимъ? Или видѣлъ Его, но, за невѣріе, не удостоенъ былъ узнать Его, какъ нѣкогда и съ вѣрующими, но колеблемыми сомнѣніемъ, на время случилось на пути въ Эммаусъ? Или, въ ослѣпленіи невѣрія, совсѣмъ не видалъ Того, Котораго вѣрующіе въ то же время видѣли, слышали и осязали? Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ какое страшное ослѣпленіе! Какая жалкая участь! Христосъ является среди христоубійственнаго города еще не какъ Судія, но какъ Спаситель; Онъ готовъ внять покаянію

Digitized by Google

и помиловать; но самоосужденный городъ *не разумѣваетъ времене посѣщенія своего* (Лук. 19, 44), и Спаситель проходитъ по его стогнамъ, и выходитъ изъ его вратъ только для того, чтобы очевидно исполнить Свое предварительное слово: *се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (Матѳ. 23, 38).

Братія! Да страшимся невѣрія. Берегитесь невнимательности къ благодатнымъ Божіимъ посѣщеніямъ, которая можетъ наконецъ обратиться въ бѣдственное ослѣпленіе. Можетъ быть, скажутъ: къ чему сіи подозрѣнія и опасенія? Развѣ мы Іудеи? Къ какому благодатному посѣщенію были мы невнимательны? Правда, мы не ветхозавѣтные Іудеи: по благодати Божіей, мы новый израиль. Но мы знаемъ, что древній израиль, по вѣрѣ и благодати избранный, за невѣріе послѣ вѣры, за грѣхи послѣ закона, то болѣе частные, то болѣе общественные, неоднократно былъ исправительно наказанъ, и наконецъ, какъ непринявшій исправленія, отверженъ: кто сказалъ намъ, что новому израилю не можетъ угрожать ничего подобное? Благодатныя же посѣщенія не такъ рѣдки, какъ нѣкоторымъ кажется. Когда вы слышите въ церкви чтеніе Евангелія: тогда не проходитъ-ли Христосъ Спаситель предъ вами? не бесѣдуетъ-ли съ вами? не чудодѣйствуетъ-ли предъ вами? И если послѣ сего нѣкоторые выходятъ изъ церкви такъ, какъ бы ничего такого не видали и не слыхали; продолжаютъ жить по своимъ страстямъ и чувственнымъ желаніямъ, какъ будто Христосъ, и Его ученіе, и Его примѣръ принадлежатъ къ иному міру, а не къ тому, въ которомъ они живутъ: то такіе люди не походятъ-ли на оныхъ іерусалимлянъ, мимо которыхъ прошелъ Христосъ, непостигнутый ихъ вниманіемъ и вѣрою, *и оставилъ имъ домъ ихъ пустъ?* И кто знаетъ, долго ли еще Онъ, по милосердію Своему, восхощетъ сихъ невнимательныхъ и непослушныхъ благодати Его дѣтей новаго Іерусалима *собирать, якоже кокошь собираетъ птенцы своя подъ крылы* (Матѳ. 23, 37), и удержится ли отъ суднаго слова: *се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ.*

Возвратимся къ Евангелисту, и послѣдуемъ за нимъ далѣе. *Изведъ же ихъ вонъ до Виѳаніи, и возвелъ руцѣ Свои, и благослови ихъ.*

Воскресшій Господь являлся ученикамъ Своимъ не только въ Іерусалимѣ, но и на пути въ Эммаусъ, и въ Галилеѣ на горѣ, и на берегу озера Тиверіадскаго: почему же наконецъ Онъ явился имъ не прямо на мѣстѣ, которое избралъ для Своего вознесенія, но въ Іерусалимѣ и вывелъ ихъ изъ него вонъ? Нѣтъ сомнѣнія, что какъ всякое дѣйствіе Божественной мудрости Его, такъ и сіе исполнено глубокаго знаменованія. Это значитъ, что благодать отступаетъ отъ ветхаго Іерусалима, который обѣтованнаго ему Христа, *во своя пришедшаго, не принялъ* (Іоан. 1, 11), изліянную для спасенія міра кровь Его самъ на себя принялъ къ своему осужденію, своимъ невѣріемъ и христоубійствомъ самъ себѣ приготовилъ оставленіе и разрушеніе. И какъ пришедшій не погубить души человѣковъ, но спасти изъ среды погибающихъ, началъ уже избирать Себѣ спасаемыхъ, взялъ изъ ветхаго града лучшіе камни, и художествомъ небеснаго архитекторства — словомъ истины и спасенія, очистилъ и приготовилъ ихъ для новаго зданія: то, дабы

Digitized by Google

показать, что Онъ не ветхому, отжившему служитъ, не къ ветхой ризѣ новый платъ приставляетъ, не въ ветхіе мѣхи вино новое вливаетъ, а устрояетъ новую ризу спасенія, новые сосуды благодати, новый живой градъ небеснаго царствія на земли, Онъ несетъ избранные Имъ живые камни изъ ветхаго града на свободное, чистое, высокое мѣсто, дабы здѣсь благословить новосозидаемую Церковь Свою, подобно какъ нѣкогда благословилъ Свое новое райское твореніе. Изведъ ихъ вонъ до Виѳаніи, и воздвигъ руцѣ Свои, и благослови ихъ. Воздвигъ руцѣ на небо, и простеръ ихъ на благословляемыхъ, въ знаменіе, что преподаетъ благословеніе небесное и пренебесное, и такъ обширное, какъ далеко досязаютъ Его руцѣ, въ которыхъ *всѣ концы земли* (Псал. 94,4). Какими словами благословилъ? — Сего не написалъ святый Лука: но вѣруемъ, что то былъ потокъ Божественной благодати, жизни и силы, который не только исполнилъ предстоящіе сосуды, но простерся и простирается и на всю Церковь Христову, до послѣдняго истиннаго христіанина предъ вторымъ пришествіемъ Христовымъ. Болѣе, нежели вѣроятно, что къ сему благословенію принадлежатъ преданныя святымъ Матѳеемъ слова Христовы: *се Азъ съ вами во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. 28, 20).

И бысть, егда благословляше ихъ, отступи отъ нихъ, и возношашеся на небо. Примѣтьте, что Евангелистъ не говоритъ: *егда благослови*, когда окончилъ благословеніе; *но егда благословляше*, когда еще продолжалъ благословлять. Какой чудный образъ дѣйствія! Господь благословляетъ, и еще не оканчиваетъ благословенія, а продолжаетъ благословлять, и между тѣмъ возносится на небо. Что это значитъ? То, что Онъ не хощетъ прекратить Своего благословенія, но продолжаетъ безъ конца благословлять Свою Церковь и всѣхъ вѣрующихъ въ Него. Помыслимъ, братія, что, аще вѣруемъ, и нынѣ, и надъ нами простерты руцѣ Его, и взоръ Его, и благословеніе Его. Какая радость для любящихъ Его! Какой стыдъ и страхъ для тѣхъ, которые въ суетѣ мірской забываютъ Его!

Предѣлъ, отъ котораго начинается вознесеніе Господа, есть гора Елеонская. Почему она избрана для сего, а не иное мѣсто? — Можно думать, потому, что и прежде она была у Него избраннымъ мѣстомъ, которое освятилъ Онъ многократнымъ Своимъ пребываніемъ и моленіемъ, особенно же потому, что здѣсь начались Его спасительныя для насъ страданія, равною смерти скорбію душевною, и многотрудною молитвою, простертою до произліянія кроваваго пота. Обративъ мѣсто начавшихся страданій въ мѣсто совершившагося прославленія, Онъ чрезъ сіе ознаменовалъ то, что Его страданія и прославленіе составляютъ одинъ стройный составъ спасительнаго для насъ домостроительства Божія, одну златую цѣпь, выработанную въ горнилѣ премудрости Божіей, для возвлеченія на небо падшаго изъ рая человѣчества.

Христіанинъ! Если судьба приведетъ и тебя, въ нощи темныхъ и смутныхъ обстоятельствъ, на мѣсто скорбей и туги: старайся усмотрѣть здѣсь нѣкій слѣдъ пути Христова. Если Онъ, безвинный, за наши вины, соизволилъ перенести скорбь и тугу смертную: ты ли не покоришься

Digitized by Google

понести безъ сравненія меньшую скорбь, безъ сомнѣнія, за нѣкія вины твои предъ Богомъ, хотя, можетъ быть, и безвинно предъ человѣками? Послѣдуя, хотя издалеча, Христу, молись молитвою крѣпкою и въ волю Божію преданною; и надѣйся, что не вдали отъ твоей скорби явится твое спасеніе, если только удержишься на пути Христовомъ,—на пути непорочности и преданнаго Богу терпѣнія. *Претерпѣвый до конца той спасенъ будетъ* (Марк. 13, 13).

А гдѣ предѣлъ, до котораго простирается вознесеніе Господа? Если возможенъ для слова человѣческаго нѣкоторый на сіе отвѣтъ: то его можно найдти въ семъ изреченіи Апостола: *сшедый Той есть и возшедый превыше всѣхъ небесъ, да исполнитъ всяческая.* (Ефес. 4. 10). Присоединимъ къ сему слова Евангелиста, что вознесшійся Господь *сѣде одесную Бога* (Марк. 16, 19); при чемъ слышащій не долженъ представлять въ умѣ ничего тѣлеснаго и чувственнаго. Ты слышишь иногда, что человѣкъ говоритъ о другомъ человѣкѣ: онъ моя правая рука, и не думаешь, чтобы человѣкъ сдѣлался рукою, а разумѣешь сіе такъ, что онъ близокъ къ другому, подобно какъ его собственная рука, и по волѣ его превосходно дѣйствуетъ, подобно какъ правая рука превосходно дѣйствуетъ въ сравненіи съ лѣвою. Кольми паче не долженъ ты прилагать тѣлесныхъ понятій къ безтѣлесному, и ограничивать мѣстомъ невмѣстимаго и вездѣсущаго. Слыша, что Христосъ *сѣдитъ одесную Бога Отца,* помышляй, что Онъ имѣетъ единую со Отцемъ вседержительную власть, единую съ нимъ славу, единое царственное промышленіе о всемъ мірѣ, и особенно о Церкви спасаемыхъ. Вообще, не устремляй дерзновенно полета испытующей мысли въ сію безмѣрную высоту: тамъ *свѣтъ неприступный* (1 Тим. 6, 16). Если предъ сотвореннымъ свѣтомъ видимаго солнца изнемогаетъ твое око: какъ не изнеможетъ неочищенное отъ бренія око ума твоего предъ свѣтомъ вѣчнаго Солнца духовъ, предъ Которымъ и высшіе изъ ангеловъ закрываютъ лица? И апостольскіе взоры недалеко могли слѣдовать за возносившимся Господомъ: облакъ подъялъ Его и скрылъ отъ нихъ. И какъ они въ сіе время *поклонишася Ему:* такъ и ты, послѣ скромнаго взора вѣры на небо, падн, сынъ праха, смиренно въ прахъ, и неизреченное веселіе почти безмолвнымъ благоговѣніемъ.

Неожиданнымъ показаться можетъ засвидѣтельствованное Евангелистомъ дѣйствіе вознесенія Господня на Апостоловъ: *возвратишася въ Іерусалимъ съ радостію великою.* Можно бы подумать, что они будутъ очень опечалены разлученіемъ съ Своимъ Божественнымъ Учителемъ и Спасителемъ: но они очень радуются. Почему это? Радуются потому, что теперь совершенна вѣра ихъ, и отверзстъ умъ ихъ къ разумѣнію таинъ Христовыхъ; они вѣруютъ и знаютъ, что Христосъ, какъ воскресеніемъ Своимъ сокрушилъ двери ада и открылъ вѣрующихъ исходъ изъ него, такъ вознесеніемъ Своимъ отверзаетъ двери неба и открываетъ вѣрующимъ входъ въ него. Радуются потому, что совершенна ихъ любовь: сладостно для нихъ то, что возлюбленный Спаситель восходитъ на небо въ блаженство и славу, хотя сами они остаются на землѣ для подвиговъ и страданій. Радуются потому, что совершенна

Digitized by Google

ихъ надежда: они чаютъ и предчувствуютъ, что вознесшійся Господь, по обѣщанію Своему, вскорѣ пошлетъ имъ иного утѣшителя, Святаго Духа; и что наконецъ, по предвѣстію ангельскому, *сей Іисусъ, вознесыйся на небо, такожде пріидетъ* (Дѣян. 1, 11); и пріидетъ для того, чтобы исполнить Свое другое обѣщаніе: *паки пріиду и поиму вы къ Себѣ* (Іоан. 14, 3).

О блаженные прежде небеснаго блаженства! Но если, братія, вожделѣнно и намъ подобное блаженство: да вѣдаемъ, что въ немъ не отказано и намъ. Послушайте, что говоритъ апостолъ Петръ вообще о вѣрующихъ во Христа и любящихъ Его: *Его же не видѣвше, любите и на Него же нынѣ не зряще, вѣрующе же, радуйтеся радостію неизглаголанною и прославленною* (1 Петр. 1, 8). Итакъ, храните живую вѣру во Христа, возгрѣвайте въ себѣ къ Нему любовь, утверждайтесь въ надеждѣ на Него; и вы, по мѣрѣ вѣрности въ семъ подвигѣ, еще на земли будете *радоваться радостію неизглаголанною и прославленною.*

Наконецъ, не оставимъ безъ вниманія, но примемъ къ нашему наставленію и къ подражанію то, какимъ образомъ Апостолы сохраняли и питали благодатное чувство, дарованное имъ въ вознесеніи Господнемъ. Они *бяху выну въ Церкви, хваляще и благословяще Бога.* Наслѣдники неба! Для чего такъ много скитаются по земли наши помыслы и желанія? Да собираемъ ихъ въ преддверіе неба, да будемъ выну въ церкви, неразлучнымъ соединеніемъ съ нею въ вѣрѣ, прилежнымъ общеніемъ въ ея молитвахъ и таинствахъ, дѣятельнымъ послушаніемъ ея уставамъ и ученію жизни. Сей есть и нашъ путь къ нему, и нѣтъ инаго.

Настави насъ *Господи на путь Твой*, и да *ходимъ выну во истинѣ Твоей* (Псал. 85, 11), предводящу насъ молитвами своими безсмертному пастырю нашему святителю Алексію. Аминь".

Сначала проповѣдникъ, сравнивая между собою воскресеніе Господне и вознесеніе, показываетъ, почему „никто изъ живущихъ въ тѣлѣ не видалъ воскресенія Христова въ то тайное мгновеніе почи или глубокаго утра, когда оное совершилось," и почему очевидцами вознесенія Господня были многіе. Высказавъ по данному поводу болѣе или менѣе вѣроятныя соображенія, онъ переходитъ затѣмъ къ слѣдующему выводу: „Если самъ Господь благоизволилъ, чтобы такъ доступно было Его божественное зрѣлище: подвигнемъ и мы нашу мысль въ слѣдъ очевидцамъ онаго, дабы, по возможности, ближе и яснѣе видѣть то, на что небеса смотрѣли съ такимъ же удивленіемъ, какъ и земля." Подробное раскрытіе обстоятельствъ вознесенія Господня въ связи съ нравственнымъ назиданіемъ слушателямъ и проходитъ чрезъ все дальнѣйшее содержаніе проповѣди. Въ основу объясненія полагается евангельскій разсказъ о вознесеніи, который вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ основаніемъ и для порядка или послѣдовательности изложенія мыслей. Ораторъ начинаетъ со словъ: „изведъ ихъ (т. е. учениковъ) вонъ до Виѳаніи"

Digitized by Google

и объясняетъ, какимъ образомъ Іисусъ Христосъ вывелъ изъ Іерусалима учениковъ своихъ, въ какомъ ужасномъ ослѣпленіи находились въ то время жители Іерусалима и какъ опасна невнимательность къ благодатнымъ Божіимъ посѣщеніямъ для истинно-вѣрующихъ христіанъ. Далѣе приводятся тѣ же слова „Изведъ же ихъ вонъ до Виѳаніи“ только въ связи съ послѣдующими „и воздвигъ руцѣ свои, и благослови ихъ.“ Здѣсь указывается, почему Господь явился ученикамъ своимъ не прямо на мѣстѣ вознесенія, но въ Іерусалимѣ и вывелъ ихъ изъ него вонъ, что означаетъ „воздвигъ руцѣ Свои и благослови“ и какими словами „благослови.“ Въ подобномъ же родѣ идетъ объясненіе и остальныхъ мѣстъ евангельскаго сказанія о вознесеніи: проповѣдникъ останавливается на каждомъ евангельскомъ стихѣ, разъясняетъ почти каждое слово и по мѣстамъ преподаетъ христіанамъ нравственныя наставленія. Отсюда, вся проповѣдь *отличается разнообразіемъ содержанія, отсутствіемъ внутренняго единства между отдѣльными мыслями и строго-аналитическимъ пріемомъ построенія; таковы именно отличительные признаки бесѣды, какъ особой формы церковной проповѣди.* Первопачально бесѣда имѣла буквальное значеніе: она отвѣчала на вопросы, по желанію предлагавшіеся въ общемъ христіанскомъ собраніи каждымъ изъ присутствовавшихъ; чувствовавшій себя способнымъ говорить по данному поводу вставалъ и произносилъ рѣчь; часто послѣдняя прерывалась другими вопросами, такъ что въ концѣ концовъ представляла собою рядъ вопросовъ и отвѣтовъ самаго разнообразнаго содержанія. Впослѣдствіи, когда право проповѣдничества перешло къ представителямъ церквей, и міряне утратили возможность непосредственнаго участія въ проповѣди, бесѣда потеряла свой прежній характеръ живой, разговорной рѣчи, удержавъ за собою разнообразіе содержанія. Впрочемъ, нѣкоторые слѣды бесѣды въ первоначальномъ смыслѣ сохранились въ такъ называемыхъ катихизическихъ поученіяхъ (отъ греческаго κατηχέω оглашаю, наставляю), гдѣ содержаніе раскрывается также путемъ вопросовъ и отвѣтовъ, только вопросы и отвѣты принадлежатъ здѣсь одному и тому же лицу—проповѣднику. Таковы, напр. катихизическія поученія Кирилла Іерусалимскаго и др.

Понятіе о словѣ на основаніи разбора слова митрополита Филарета „О безсмертіи души.“ Вторая форма церковнаго краснорѣчія—слово по своему характеру составляетъ совершенную противоположность бесѣдѣ. Для примѣра разберемъ слово того же митрополита московскаго Филарета: „О безсмертіи души.“

Тече ко гробу, и приникъ видѣ ризы
едины лежащя. Лук. XXIV, 12.

„Евангеліе, повѣствуя о воскресеніи Господа Іисуса, излагаетъ

Digitized by Google

между прочимъ сіи обстоятельства, что камень отъ гроба Его былъ отваленъ Ангеломъ, котораго сошествіе для сего съ неба сопровождаемо было землетрясеніемъ; что жены Мироносицы нашли сей гробъ открытымъ; что Петръ, и послѣ него Іоаннъ, посмотрѣвъ во гробъ, увидѣли лежащія ризы Господа, то-есть, плащаницу, которою при погребеніи обвито было тѣло Его, сударь или платъ, который былъ на главѣ Его, и, вѣроятно, препоясаніе, которое было на Немъ во время Его распятія. Петръ же вставъ тече ко гробу, и приникъ видѣ ризы едины лежащя.

Что значитъ, что Евангельское повѣствованіе такъ занимается ризами Господа, которыя уже не нужны Воскресшему? Что значитъ, что и Воскресшій оставилъ и сохранилъ ризы Свои во гробѣ, чтобы ихъ видѣли?—Сіе значитъ то, что и ризы Господа долженствовали быть въ числѣ свидѣтелей Его воскресенія. Если скажутъ Іудеи, что тѣло Господа украдено учениками; если бы самые ученики подумали, какъ на время думала Магдалина, что тѣло Господа перенесено кѣмъ то: ризы Его вопіютъ противъ клеветниковъ, и вразумляютъ погрѣшающихъ. Время-ли похищающему тѣло развивать съ него плащаницу и сударь, и опять свивать ихъ, и укладывать порознь въ порядкѣ? Какая нужда переносящему тѣло погребенное обнажать оное, когда, напротивъ, и обнаженное одѣть надлежало, какъ для удобнѣйшаго перенесенія, такъ и сообразно съ мнѣніемъ Іудеевъ о прикосновеніи къ мертвымъ? Такимъ образомъ и безжизненныя ризы Господа проповѣдывали Его воскресеніе.

И мы, собравшіеся здѣсь нынѣ, притекли ко гробу Христова служителя и подражателя. И сей гробъ открытъ въ слѣдствіе потрясенія, которое трудно вообразить сбывшимся безъ содѣйствія руки Ангельской: ибо древянный храмъ, подъ которымъ нѣсколько десятилѣтій скрытъ былъ гробъ сей, внезапно палъ во время священнослуженія, но симъ паденіемъ никто не пораженъ, а только данъ случай къ открытію гроба сего. И что видимъ мы въ открытомъ гробѣ семъ?—Не погрѣшимъ, если скажемъ, что видимъ ризы лежащя, не ризы тѣла, но самое тѣло видимъ, какъ ризы только, какъ облаченіе безсмертнаго духа, которое онъ оставилъ здѣсь, восходя въ жизнь небесную; видимъ ризы, лежащія благочинно, не поверженныя и не раздранныя, то-есть видимъ тѣло, неподверженное тлѣнію и разрушенію, но невредимо и мирно почивающее.

Что же значитъ, что подражатель Христу въ жизни подражаетъ Ему и по смерти въ томъ, что и гробъ Свой открытый, и нетлѣнную ризу плоти Своея видимую намъ представляетъ?—Какъ безмолвныя ризы Господа возвѣщали Его воскресеніе: такъ безмолвные нетлѣнные останки сего подражателя Христова, не какъ неизвѣстное возвѣщаютъ, но какъ въ суетѣ настоящей жизни не рѣдко забываемое, приводятъ намъ на память будущее наше воскресеніе.

О безсмертіи души человѣческой и о будущемъ воскресеніи самаго тѣла человѣческаго, если бы надлежало говорить къ незнающимъ: то для составленія понятія о безсмертіи можно было бы обратить вни-

Digitized by Google

маніе на самое существо и естество того, что въ человѣкѣ живетъ, и что умираетъ. То, что видимъ умирающимъ, есть видимое, грубое тѣло: а то, что живетъ въ человѣкѣ, есть невидимая, тонкая сила, которую обыкновенно называемъ душею. Тѣло само изъясняетъ свою смертность, поелику очевидно на части дѣлится и разрушается: душа не только не показываетъ въ себѣ никакихъ признаковъ дѣлимости, разрушимости, но являетъ совершенно противоположное тому свойство въ способности разсужденія, которая раздѣленныя понятія о вещахъ представляетъ въ нераздѣльномъ и несліянномъ единствѣ, никакъ несовмѣстномъ со свойствами дѣлимаго вещества. Тѣло еще въ продолженіи жизни умираетъ, и конечно нѣсколько разъ, по частямъ, ежедневно отдѣляя отъ себя часть своего вещества мертвую: между тѣмъ душа, во все продолженіе жизни, чувствуетъ въ себѣ одно постоянное бытіе. Тѣло участвуетъ въ жизни, какъ бы по неволѣ, будучи приводимо въ движеніе силою души, и всегда болѣе или менѣе тяготя ее своею лѣностію: душа и въ то время, когда дѣятельность тѣла воспящается сномъ или болѣзнію, продолжаетъ свою, независимую отъ тѣла, жизнь и дѣятельность.

Свидѣтелями безсмертія души человѣческой можно бы поставить лучшую и наибольшую часть рода человѣческаго, и цѣлые народы, отъ наиболѣе просвѣщенныхъ до наименѣе образованныхъ, такъ что въ семъ случаѣ самыя заблужденія могутъ нѣкоторымъ образомъ свидѣтельствовать о истинѣ. Сколь ни чувственны понятія о будущей жизни у послѣдователей Магомета; сколь ни грубы сказанія объ оной у язычниковъ; сколь ни поразительна власть духа тьмы и злобы надъ нѣкоторыми изъ сихъ, у которыхъ почитается за добродѣтель живому отдать себя на сожженіе для умершаго; но и въ семъ превращеніи и смѣшеніи понятій и чувствованій, и въ семъ преобладаніи скотскихъ и звѣрскихъ свойствъ надъ человѣческими, еще, какъ искра въ грудѣ пепла, не совсѣмъ угасла истина,—та истина, что послѣ настоящей есть для человѣка жизнь будущая. Если древніе, или новые Саддукеи силятся отвергать сію истину: то потому только, что она препятствуетъ имъ быть Саддукеями, то есть безпечно наслаждаться чувственными удовольствіями, поелику мысль о безсмертіи требуетъ и смертной жизни, сообразной съ будущею безсмертною.

Можно бы, для удостовѣренія будущей жизни человѣка, заставить говорить даже безсловесную и безжизненную природу. Ибо въ цѣломъ мірѣ нельзя найти никакого примѣра, никакого признака, никакого доказательства уничтоженія какой бы то ни было ничтожной вещи; нѣтъ прошедшаго, которое бы не приготовляло къ будущему; нѣтъ конца, который бы не велъ къ началу; всякая особенная жизнь, когда сходитъ въ свойственный ей гробъ, оставляетъ въ немъ только прежнюю, обветшавшую одежду тѣлесности, а сама восходитъ въ великую, невидимую область жизни, дабы паки явиться въ новой, иногда лучшей и совершеннѣйшей одеждѣ. Солнце заходитъ, чтобы взойти опять; звѣзды утромъ умираютъ для земнаго зрителя, а вечеромъ воскресаютъ; времена оканчиваются и начинаются; умирающіе звуки воскре-

Digitized by Google

саютъ въ отголоскахъ; рѣки погребаются въ морѣ и воскресаютъ въ источникахъ; цѣлый міръ земныхъ прозябеній умираетъ осенью, а весною оживаетъ; умираетъ въ землѣ сѣмя, воскресаетъ трава или дерево; умираетъ пресмыкающійся червь, воскресаетъ крылатая бабочка; жизнь птицы погребается въ бездушномъ яйцѣ, и опять изъ него воскресаетъ. Если твари низшихъ степеней разрушаются для возсозданія, умираютъ для новой жизни, человѣкъ ли, вѣнецъ земли и зеркало неба, падетъ во гробъ для того только, чтобы разсыпаться въ прахъ, безнадежнѣе червя, хуже зерна горчицы?

Можно бы еще отъ внѣшнихъ вещей обратить человѣка въ глубину сердца его, и тамъ дать услышать ему предвѣстіе о жизни по смерти. Все живущее на землѣ, кромѣ человѣка, по внушенію природы, печется только о настоящей жизни, кромѣ того случая, когда дѣйствуетъ предчувствіе жизни будущей, какъ напримѣръ, въ червѣ, который устрояетъ себѣ шелковый или паутинный гробъ, въ надеждѣ воскреснуть бабочкою: отъ чего происходитъ, что человѣкъ даже тогда, какъ забываетъ о собственной будущей жизни, многое дѣлаетъ для, такъ называемаго, безсмертія въ потомствѣ? Сіе стремленіе человѣческаго сердца не есть ли отрасль отъ корня истиннаго безсмертія,— отрасль неправильная, но обнаруживающая силу корня?—Также, всякое сердце человѣческое признаетъ, а чѣмъ оно благороднѣе, тѣмъ сильнѣе любитъ добро и правду, не смотря на то, что въ настоящей жизни добро и правда очень часто страждутъ отъ зла и неправды: откуда же происходитъ сіе глубокое въ естествѣ человѣческомъ признаніе достоинства добра и правды, или совѣсть, если не отъ глубочайшаго, сокровеннаго ощущенія царства добра и правды, которое граничитъ съ настоящею жизнію посредствомъ гроба?

Но, можетъ быть, погрѣшаю я и въ томъ, что мимоходомъ говорю сіе предъ Христіанами, для которыхъ будущее воскресеніе не требуетъ никакихъ изслѣдованій и удостовѣреній, какъ дѣло вѣрнаго, засвидѣтельствованнаго и признаннаго опыта. Аще бо вѣруемъ, говоритъ Апостолъ Павелъ, яко Іисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершія во Іисусѣ приведетъ съ Нимъ (1 Сол. IV, 14). Христосъ воста отъ мертвыхъ начатокъ умершимъ бысть (1 Кор. XV, 26). Если кто, имѣя сей опытъ воскресенія, вздумаетъ самъ себя затруднять сомнѣніемъ, какъ можетъ оно совершиться, когда образъ разрушенія многихъ умершихъ тѣлъ, по видимому, не оставляетъ мѣста для мысли о ихъ возобновленіи: тотъ же Апостолъ уполномочиваетъ меня не только разрѣшить сіе затрудненіе разсужденіемъ, основаннымъ на естествѣ извѣстныхъ вещей, но при томъ изъявить негодованіе за сомнѣніе, которое и вѣру оскорбляетъ, и разуму, его изобрѣтшему, чести не приноситъ. Безумне, ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ: и еже сѣеши, не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно, аще случится, пшеницы, или иного отъ прочихъ: Богъ же даетъ ему тѣло, яко же восхощетъ, и коемуждо сѣмени свое тѣло (1 Кор. XV, 36).

Думаю, что не изъяснять, или доказывать нужно намъ безсмертіе, воскресеніе и жизнь будущаго вѣка: но напоминать о сихъ важ-

Digitized by Google

ныхъ предметахъ, которые, какъ можно примѣчать, многихъ, въ продолженіи многаго времени, меньше занимаютъ, нежели самыя мелочи.

Апостолы называютъ себя свидѣтелями воскресенія (Дѣян. II, 32) Христова, хотя должность ихъ была свидѣтельствовать не о воскресеніи только, но о всемъ ученіи Его. Такъ важною почитаютъ они истину воскресенія. И подлинно, какъ скоро утверждена сія истина, то симъ самымъ утверждена истина всего, что творилъ, и чему поучалъ Господь нашъ. Но какъ важна истина воскресенія Христова для вѣры: такъ истина воскресенія нашего важна для жизни. Какъ скоро утверждена сія истина, то симъ самымъ непоколебимо утверждены всѣ правила жизни святой и Богоугодной.

Да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ (1 Кор. XV, 32). Сіе правило, которое Апостолъ, отъ лица незнающихъ, или не хотящихъ знать воскресенія мертвыхъ, произнесъ въ поруганіе имъ, которое очень годилось бы для нравственной философіи безсловесныхъ, если бы они имѣли преимущество философствовать, въ самомъ дѣлѣ составило бы и у людей всю мудрость, всю нравственность, всѣ законы, если бы удалить отъ нихъ мысль о будущей жизни. Тогда не прогнѣвайся, ближній и братъ, если и ты сдѣлаешься пищею людей, которые любятъ ясти и пити: ибо если не стоитъ труда благоучреждать собственную жизнь, потому что утрѣ умремъ; то также не стоитъ труда щадить и жизнь другаго, которую завтра безъ остатка поглотитъ могила. Такъ забвеніе о будущей жизни ведетъ къ забвенію всѣхъ добродѣтелей и обязанностей, и превращаетъ человѣка въ скота, или звѣря.

О человѣкъ, непремѣнно безсмертный, хотя бы ты о томъ не думалъ, хотя бы и не хотѣлъ того! Берегись забывать твое безсмертіе, чтобы забвеніе о безсмертіи не сдѣлалось смертоносною отравой и для смертной жизни твоей, и чтобъ забываемое тобою безсмертіе не убило тебя на вѣки, если оно тебѣ, не ожидающему его, и не готовому, внезапно явится.

Не говори отчаянно: утрѣ умремъ, чтобы необузданнѣе устремляться за наслажденіями смертной жизни; говори съ надеждою и страхомъ: утрѣ умремъ на землѣ и родимся или на небесахъ, или во адѣ; и такъ надобно поспѣшать, чтобы положить, надобно подвизаться, чтобы питать и укрѣплять въ себѣ начало къ небесному, а не къ адскому рожденію.

Что есть начало къ небесному рожденію?—Слово, и духъ, и сила воскресшаго Христа, Который есть и наше воскресеніе и жизнь. Принимай сіе Божественое сѣмя вѣчной жизни вѣрою; полагай оное въ сердцѣ любовію; углубляй смиреніемъ; согрѣвай молитвою и Богомысліемъ; питай или напояй слезами умиленія; укрѣпляй подвигами добродѣтели.

Чтобъ истребить въ себѣ плевельныя сѣмена жизни адской, и жить наконецъ чистою и полною жизнію Воскресшаго: умирай всему, кромѣ Его жизни, то есть, не дѣйствуй ни въ какомъ качествѣ, Ему противномъ; не живи міру и плоти, страстямъ и похотямъ; не при-

Digitized by Google

лагай сердца къ богатству: не возносись гордостію житейскою. Съ Павломъ вѣнай вся уметы быти, да Христа пріобрящеши, то есть, яко вѣрою Іисусъ Христовою, сущую отъ Бога правду, или праведность, въ вѣрѣ, еже разумѣти Его, и силу воскресенія Его и сообщеніе страстей Его, сообразуяся смерти Его, дабы достигнуть къ воскресеніе мертвыхъ (Филип. III, 8—11) Если такъ поживешь и умрешь: то и ты, оставивъ во гробѣ обветшавшія ризы земныя, получишь на небесахъ новыя, убѣленныя въ крови Агнца, и въ день брака Его облечешься въ виссонъ чистъ и свѣтелъ: виссонъ бо оправданія святыхъ есть (Апок. XIX, 8). Аминь."

Въ основу данной проповѣди Филаретъ полагаетъ слова евангелиста Луки: „Тече ко гробу, и приникъ видѣ ризы едины лежащя." Передавъ вкратцѣ нѣкоторыя обстоятельства изъ исторіи воскресенія Спасителя, онъ останавливается на приведенномъ текстѣ Евангелія, показывая, что „и безжизненныя ризы Господа проповѣдывали Его воскресеніе." Затѣмъ слѣдуетъ примѣненіе упомянутой въ началѣ евангельской исторіи о воскресеніи Спасителя ко гробу святителя Алексѣя *), послѣ чего проповѣдникъ выводитъ слѣдующее заключеніе: „какъ безмолвныя ризы Господа возвѣщали Его воскресеніе, такъ безмолвные нетлѣнные останки сего подражателя Христова, не какъ неизвѣстное возвѣщаютъ, но какъ въ суетѣ настоящей жизни не рѣдко забываемое, приводитъ намъ на память будущее наше воскресеніе." Мысль, что человѣкъ безсмертенъ и непремѣнно воскреснетъ и служитъ идеею слова. Послѣдняя раскрывается посредствомъ пяти доказательствъ, съ различныхъ сторонъ подтверждающихъ ея истинность. О безсмертіи души человѣка и будущемъ его воскресеніи свидѣтельствуютъ: *во—первыхъ*, „самое существо и естество того, что въ человѣкѣ живетъ, и что умираетъ," т. е. свойства души и тѣла, *во—вторыхъ*, „наибольшая часть рода человѣческаго и цѣлые народы отъ наиболѣе просвѣщенныхъ до наименѣе образованныхъ," признающіе, „что послѣ настоящей—есть для человѣка жизнь будущая," *въ—третьихъ*, „безсловесная и безжизненная природа, гдѣ нельзя найти никакого примѣра, никакого признака, никакого доказательства уничтоженія какой бы то ни было ничтожной вещи," *въ—четвертыхъ*, „стремленіе человѣческаго сердца къ такъ называемому безсмертію въ потомствѣ и глубокое въ естествѣ человѣческомъ признаніе достоинства добра и правды, или совѣсть," наконецъ *въ—пятыхъ*, собственно христіанамъ, „для которыхъ будущее воскресеніе не требуетъ никакихъ изслѣдованій

*) Слово „О безсмертіи души" было произнесено Филаретомъ въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ почиваютъ мощи святителя Алексѣя.

Digitized by Google

и удостовѣреній, какъ дѣло вѣрнаго, засвидѣтельствованнаго и признаннаго опыта," само слово Божіе — священное писаніе. Указавъ далѣе важность истины Христова воскресенія для вѣры, а нашего— для жизни, проповѣдникъ обращается къ слушателямъ съ наставленіемъ никогда не забывать своего безсмертія, но всегда помнить о своемъ будущемъ воскресеніи, при чемъ вкратцѣ напоминаетъ и средства, необходимыя для этого. Такимъ образомъ, *во всемъ словѣ съ начала до конца проходитъ одна главная, руководящая мысль, сообщающая произведенію характеръ строгаго единства и внутренней логической послѣдовательности; это первое и самое существенное отличительное свойство слова, какъ особой формы церковнаго краснорѣчія*

Въ изложеніи содержанія своего слова „О безсмертіи души" Филаретъ переходитъ отъ общей мысли — человѣкъ безсмертенъ и непремѣнно воскреснетъ — къ пяти частнымъ подтверждающимъ ее положеніямъ, слѣдовательно, употребляетъ пріемъ синтетическій. *Синтетическій методъ въ развитіи содержанія — вторая характеристическая черта слова. Итакъ, словомъ называется такая церковная проповѣдь, гдѣ синтетически, въ строгой логической послѣдовательности развивается одна какая-либо основная мысль объ истинахъ христіанской вѣры и нравственности* Краткое слово носитъ еще названіе поученія, напр. поученія Родіона Путятина: предъ св. причастіемъ, въ день Покрова Богородицы и др.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе.

	Стр.		Стр.
Понятіе о словесности, какъ наукѣ о словесныхъ произведеніяхъ	1.	ной, искусственной словесности. Теорія словесности и исторія литературы, — въ частности исторія литературы русской	2. 3.

Теорія словесности.

Понятіе о теоріи словесности. Раздѣленіе ея на двѣ части: 1) общую — объ основныхъ формахъ и общихъ свойствахъ сочиненій и II) частную—о разныхъ родахъ и видахъ словесныхъ произведеній	3.

1. Общая теорія словесности.

Общія формы изложенія мыслей о предметахъ — предложеніе и періодъ. Понятіе о сочиненіи. Разборъ сочиненія Аксакова „Лѣсъ". Тема или предметъ, идея, содержаніе, планъ и слогъ сочиненія . .	5.	ность и связь въ изложеніи мыслей; b) предпочтеніе мыслей главныхъ второстепеннымъ; c) соразмѣрность частей сочиненія и d) гармоничность или стройность	15.
Разборъ со стороны содержанія описанія Днѣпра по географіи Кузнецова. Требованія относительно содержанія сочиненія: a) важность предмета; b) единство основной идеи; c) полнота, обнимающая идею со всѣхъ сторонъ или только съ одной избранной; d) истинность, какъ главной мысли, такъ и всѣхъ общихъ и частныхъ, развивающихъ и доказывающихъ идею, и e) занимательность	11.	Составныя части сочиненія: приступъ, изслѣдованіе и заключеніе. . . . . Формы изложенія сочиненій: монологическая и діалогическая Выраженіе мыслей въ сочиненіи (стилистика). Понятіе о слогѣ. Различіе между слогомъ и языкомъ. Двѣ стороны слога: логическая и художественная. . . . . Разборъ со стороны слога сочиненія Аксакова — „Оренбургскія степи". Чистота рѣчи и погрѣшности противъ нея: барбаризмы, архаизмы, неологизмы и провинціализмы. Примѣры	17. 18. 18. 21.
Разборъ со стороны плана сочиненія Аксакова „Лебедь". Требованія отъ плана сочиненій: a) строгая послѣдователь-			

Digitized by Google

	Стр.
Правильность рѣчи и ошибки противъ нея. Солецизмы . .	24.
Точность рѣчи и противоположное ей свойство слога. Синонимы и омонимы . . .	26.
Ясность рѣчи и погрѣшности противъ нея	30.
Художественныя свойства слога. Разборъ со стороны слога сочиненія Гоголя—„Южно-русская степь". Изобразительность или живописность рѣчи . .	33.
Средства изобразительности рѣчи: эпитеты.	36.
Тропы: метафора	38.
Сравненія	39.
Аллегорія	41.
Иронія. Сарказмъ. . . .	43.
Метонимія	45.
Синекдоха	46.
Гипербола	46.
Фигуры	48.
Обращеніе	49.
Повтореніе	51.
Олицетвореніе	51.
Противоположеніе . . .	53.
Опущеніе и умолчаніе . .	54.
Необходимыя условія для достиженія живописности рѣчи: 1) естественность изображенія и 2) цѣльность картины . .	56.
Благозвучіе и музыкальность рѣчи. Благозвучіе въ строеніи рѣчи вообще	57.
Стихотворная рѣчь. Понятіе о стихосложеніи	59.
Разные виды стихосложенія: стихосложеніе метрическое .	60.
Стихосложеніе силлабическое	61.
Стихосложеніе тоническое.	62.
Понятіе о стопѣ	62.
Стопы двухсложныя и трехсложныя.	64.
Стихъ александрійскій. Гекзаметръ	71.
Цезура	71.
Риѳмы.	72.
Стихи бѣлые	75.
Строфы. Куплеты. . . .	76.
Различныя названія строфъ и стихотвореній по количеству, составу и риѳмовкѣ стиховъ .	79
Народное тоническое стихосложеніе.	81.

II. Частная теорія словесности:

О родахъ и видахъ словесныхъ произведеній	85.
Раздѣленіе словесныхъ произведеній на два рода—прозу и поэзію. Существенное различіе между прозаическими и поэтическими сочиненіями на основаніи разбора образцовъ: изъ лѣтописи Нестора о смерти Олега и „Пѣсни о Вѣщемъ Олегѣ"—Пушкина	86.

Теорія прозы.

Элементы прозаическихъ сочиненій на основаніи разбора образцовъ: „Бѣжинълугъ" Тургенева и „Значеніе Куликовской битвы" Соловьева. Раздѣленіе прозаическихъ произведеній на роды	91.

1. Описательно-историческія сочиненія.

Понятіе объ описаніи на основаніи разбора сочиненія Карамзина — „Рейнскій водопадъ".	97.
Главная и второстепенныя части описанія	99.
Порядокъ расположенія признаковъ въ описаніи . . .	99

Digitized by Google

	Стр.
Описанія ученыя и художественныя и различіе между ними на основаніи сравненія образцовъ—„Днѣпръ“ Кузнецова и „Днѣпръ“ Гоголя	99.
Понятіе о путешествіяхъ на основаніи разбора „Путешествія въ Арзерумъ“ Пушкина	101.
Значеніе путешествій	107.
Понятіе о повѣствованіи на основаніи разбора сочиненія Карамзина—„Битва на Куликовомъ полѣ“	108.
Различіе между повѣствованіемъ и описаніемъ	113.
Виды повѣствовательныхъ сочиненій. Лѣтопись	113.
Историческое развитіе лѣтописи	117.
Понятіе о мемуарахъ на основаніи разбора отрывковъ изъ „Записокъ Порошина“ и „Писемъ объ Отечественной войнѣ“—Глинки	118.
Отличіе мемуаровъ отъ лѣтописи	126.
Значеніе мемуаровъ	127.
Историческое возникновеніе мемуаровъ и замѣчательнѣйшіе изъ нихъ	127.
Понятіе о біографіи на основаніи разбора біографіи Плетнева—„Крыловъ“	128.
Образцы біографій	136.
Автобіографія. Некрологъ	136.
Понятіе о характеристикѣ на основаніи разбора сочиненія Карамзина—„Іоаннъ III“	137.
Понятіе объ исторіи на основаніи разбора отрывка изъ исторіи Соловьева—„Крещеніе Ольги“	142.
Источники исторіи	147.
Виды исторіи	148.
Требованія отъ исторіи	156.
Постепенное развитіе исторіи	157.

2. Философскія и вообще ученыя сочиненія.

	Стр.
Понятіе о философскихъ и вообще ученыхъ сочиненіяхъ на основаніи розбора произведенія Карамзина „О любви къ отечеству“. Аналитическій и синтетическій методы изслѣдованій въ ученыхъ сочиненіяхъ	159.
Формы философскихъ сочиненій. Разсужденіе. Понятіе о разсужденіи на основаніи разбора сочиненія Карамзина „О счастливѣйшемъ времени жизни“	164.
Хріи	169.
Монографіи	175.
Система или наука	176.
Критика	177.
Историческое развитіе критики	179.

3. Ораторскія сочиненія.

	Стр.
Понятіе о сочиненіяхъ ораторскихъ на основаніи разбора „Слова въ великій пятокъ“ архіепископа Иннокентія	180.
Свѣтское краснорѣчіе. Краснорѣчіе у древнихъ Грековъ и Римлянъ	187.
Составныя части древнихъ ораторскихъ рѣчей	189.
Условія, необходимыя для оратора и его рѣчи по ученію древнихъ	192.

Digitized by Google

	Стр.
Виды свѣтскаго краснорѣчія. Рѣчи политическія	193.
Рѣчи судебныя.	199.
Рѣчи похвальныя. . . .	211.
Краснорѣчіе духовное. Понятіе о проповѣди на основаніи разбора „Поученія предъ св. Причастіемъ протоіерея Путятина“	217.
Начало духовнаго краснорѣчія и замѣчательнѣйшіе проповѣдники	219.
Формы церковнаго краснорѣчія. Понятіе о бесѣдѣ на основаніи разбора проповѣди митрополита Филарета — „Въ день Вознесенія Господня и обрѣтенія мощей святителя Алексія“	220.
Понятіе о словѣ на основаніи разбора слова — „О безсмертіи души“ митрополита Филарета	226.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строк.	Напечатано:	Должно быть:
14	св. 1	начала	сначала
23	сн. 8	Тредяковскій	Тредьяковскій
26	св. 16	точнымъ	точно
37	св. 15	присоединяютъ	присоединяются
52	св. 4	προσωποπία	προσωποποία
59	св. 7	неизмѣненный	неизмѣнный
90	св. 13	и изобразить	изобразить
164	св. 3	и сравниваемъ	сравниваемъ
169	сн. 5	выводѣ	въ выводѣ
179	св. 5	всѣмъ	всёмъ
—	сн. 17	положеній	положеніе
190	сн. 15	Клодея	Клодія
192	сн. 7	требовалось	требовалась
198	сн. 15	афинянамъ	аѳинянамъ
202	св. 18	порядкано,	порядка, но
219	св. 3	присупать	приступать.

Digitized by Google

ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ

СЪ ПРИСОЕДИНЕНІЕМЪ ОБРАЗЦОВЪ.

(Опытъ аналитико-историческаго курса.)

Составилъ

примѣнительно къ программамъ среднихъ учебныхъ заведеній

М. Соколовъ.

Выпускъ второй: Общая теорія поэзіи и теорія эпоса.

Изданіе третье, вновь исправленное и дополненное.

Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи по учрежденіямъ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ книга эта въ первомъ изданіи допущена къ употребленію въ качествѣ пособія при преподаваніи русской словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Вѣдомства учрежденій ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ и Учебнымъ Комитетомъ и Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ одобрена къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія по теоріи словесности въ первомъ классѣ духовныхъ семинарій и во второклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ.

Тула.
Типографія И. Д. Фортунатова насл:.
1904.

Digitized by Google

Дозволено цензурой. Москва. Іюля 17-го дня 1904 года.

Digitized by Google

Теорія поэзіи.

Понятіе о поэзіи на основаніи разбора стихотвореній: Кольцова—„Что ты спишь, мужичокъ“ и Пушкина—„Туча“. Слово „поэзія“ (отъ греч. ποίησις твореніе, ποιέω—дѣлаю, творю), въ буквальномъ смыслѣ означаетъ творчество. Такое названіе вполнѣ соотвѣтствуетъ самому существу поэтическихъ произведеній. Возьмемъ, напр. стихотвореніе Кольцова: „**Что ты спишь, мужичокъ?**“

„Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ,
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.
Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ, и что сталъ,
И что есть у тебя?
На гумнѣ—ни снопа;
Въ закромахъ—ни зерна;
На дворѣ—по травѣ
Хоть шаромъ покати.
Изъ клѣтей—домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ.
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ,
И, погнувшись, изба,
Какъ старушка, стоитъ.
Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой.
Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ.
И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое.
А теперь—подъ окномъ
Ты съ бѣдою сидишь
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь;
А въ поляхъ сиротой
Хлѣбъ некошенъ стоитъ;
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!
Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ;
Вслѣдь за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,—
Бражку ковшикомъ пьютъ.“

Сопоставляя жизнь мужика облѣнившагося съ его прежнею жизнію дѣятельною, поэтъ показываетъ, до чего можетъ довести крестьянина бездѣятельность, и чему наоборотъ способствуетъ трудолюбіе. Тогда какъ сосѣди-крестьяне прилежно работаютъ, лѣнивый мужикъ предается безпечности: онъ мало занимается весною, когда только что начинаются сельскія работы, плохо трудится лѣтомъ и осенью, когда онѣ продолжаются; отсюда въ его хозяйствѣ неизбѣжныя упущенія, а за ними неминуемыя бѣдность и нищета. Совсѣмъ другое представляетъ жизнь того же крестьянина при надлежащемъ отношеніи его къ своему дѣлу: у себя въ домѣ

Digitized by Google

онъ наслаждается полнымъ довольствомъ, въ обществѣ пользуется почетомъ и уваженіемъ. Слѣдовательно, матеріальное и нравственное благосостояніе крестьянина тѣсно связано съ его трудолюбіемъ. Это—основная мысль или идея всего даннаго произведенія. Какъ такая, она всецѣло принадлежитъ поэту, явилась у него вслѣдствіе наблюденія надъ жизнію крестьянъ и составляетъ плодъ дѣятельности его ума. Для выраженія ея Кольцовъ употребляетъ цѣлый рядъ мастерски нарисованныхъ картинъ. Весна. Сосѣди крестьяне прилежно работаютъ, лѣнивый мужикъ бездѣйствуетъ; въ его домѣ царитъ полное разореніе: „на гумнѣ—ни снопа; въ закромахъ—ни зерна“, на дворѣ растетъ трава, которую некому и примять; покати по ней хоть шаромъ, не встрѣтишь никакого препятствія: нѣтъ тамъ ни телѣги, ни саней, ни сохи, ни грабель, ничего подобнаго; въ клѣтяхъ до того пусто, что не найдешь и сору: его вымелъ метлою самъ домовой, который вмѣстѣ съ тѣмъ за долги развелъ по сосѣдямъ и лошадей безпечнаго хозяина; подъ лавкой лежитъ пустой сундукъ, а изба, какъ сгорбившаяся старушка, погнулась и готова упасть отъ ветхости. Иное было въ жизни крестьянина, когда онъ трудился, какъ и прочіе. Поэтъ рисуетъ это прошлое въ образѣ золотой рѣки, катившей свои богатыя воды

„По полямъ и лугамъ, По селамъ, городамъ,
По дорожкѣ большой, По торговымъ людямъ“

и отовсюду собиравшей богатства заботливому крестьянину. Богачу—крестьянину вездѣ растворяли двери и его мѣсто было въ почетномъ углу; теперь же онъ съ бѣдою, то сидитъ подъ окномъ, то весь день безъ просыпу лежитъ на печи; между тѣмъ въ поляхъ, какъ сирота, стоитъ и гніетъ некошенный хлѣбъ:

„Вѣтеръ точитъ зерно, Птица клюетъ его!“

Но вотъ прошла страдная пора—лѣто; на дворъ черезъ прясло глядитъ уже осень, а за ней идетъ въ теплой шубѣ зима, порошитъ путъ снѣжкомъ, хруститъ подъ санями; сосѣди-труженики по первому снѣгу везутъ на нихъ свой хлѣбъ, продаютъ его, собираютъ казну и, возвратившись домой, „Бражку ковшикомъ пьютъ“. Всѣ эти картины въ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ созданы фантазіею, воображеніемъ поэта. Въ дѣйствительности нѣтъ и не было такого крестьянина—лѣнивца, съ котораго Кольцовъ цѣликомъ списалъ бы свою пѣсню, какъ фотографъ снимаетъ портреты. Поэтъ, хорошо знакомый съ жизнію и бытомъ крестьянъ, подмѣтилъ между ними только то общее явленіе, что трудъ доставляетъ крестьянину и матеріальное обезпеченіе и почетное положеніе въ обществѣ, тогда какъ лѣность отнимаетъ у него и то и

Digitized by Google

другое. Чтобы нагляднѣе представить данное явленіе, онъ и создалъ образъ крестьянина—лѣнивца со всѣми грустными послѣдствіями безпечности, собирая по возможности въ одно цѣлое все видѣнное имъ въ жизни лѣнивыхъ крестьянъ, дополняя недостающее своимъ воображеніемъ и противопоставляя безпечной жизни лѣнивца—крестьянина жизнь дѣятельную. Отсюда отвлеченная сама по себѣ мысль—значеніе труда въ жизни крестьянина—получаетъ непосредственную очевидность: она, какъ живая картина, стоитъ предъ воображеніемъ читателя и своею образностью производитъ на него неотразимое впечатлѣніе.

Приведемъ другой примѣръ—уже знакомое намъ стихотвореніе Пушкина: „Туча"; здѣсь подъ образомъ послѣдней тучи, оставшейся послѣ разсѣянной бури, Пушкинъ передаетъ непонятное чувство грусти, особенно сильно овладѣвшее имъ подъ конецъ жизни: какъ послѣдняя туча разсѣянной бури, несущаяся по ясной лазури, напоминая о недавно бывшей грозѣ, тѣмъ самымъ наводитъ унылую тѣнь и печалитъ ликующій день, почему хотѣлось бы, чтобы она скорѣе скрылась съ небосклона, такъ точно въ минуты духовнаго торжества и наслажденія тяжело и грустно на душѣ поэта при воспоминаніи всѣхъ перенесенныхъ въ жизни треволненій и желательно поскорѣе избавиться отъ такой душевной тревоги. Образъ тучи опять-таки созданъ воображеніемъ поэта, придуманъ имъ самимъ для живой, наглядной передачи своего душевнаго настроенія. *Созданіе, посредствомъ слова, образовъ, наглядно выражающихъ идеи или чувства поэта, и составляетъ сущность поэзіи*; поэтому поэзію должно опредѣлять такъ: *она есть выраженіе идей или чувствъ поэта въ живыхъ, созданныхъ его фантазіею, словесныхъ образахъ.* Какъ такая, поэзія относится къ области изящныхъ искусствъ.

Понятіе объ искусствѣ. Искусства механическія и изящныя. *Искусствомъ вообще называется все то, что человѣкъ творитъ собственными силами, въ чемъ онъ испытываетъ, искушаетъ свои тѣлесныя и духовныя способности*, напр. приготовленіе пищи, одежды, проведеніе желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, устройство жилищъ и т. п. *Но въ болѣе тѣсномъ значеніи подъ именемъ искусства разумѣется созданіе человѣкомъ такого произведенія, въ которомъ онъ живо, ясно, и наглядно выражаетъ ту или другую занимающую его мысль или какое-либо овладѣвшее всѣмъ существомъ его чувство*, напр. построеніе красивыхъ зданій, вырѣзываніе статуй, рисованіе картинъ, составленіе духовныхъ или свѣтскихъ пьесъ, сочиненіе повѣстей, романовъ и пр. Понимаемое въ послѣднемъ смыслѣ искусство требуетъ отъ художника глубокой любви къ создава-

Digitized by Google

емымъ имъ произведеніямъ, а также свободы и самостоятельности въ самомъ творчествѣ; безъ этихъ существенныхъ качествъ созданія искусства неизбѣжно останутся холодными, безжизненными и не произведутъ должнаго впечатлѣнія на другихъ людей. Отсюда, основная задача искусства въ собственномъ, тѣсномъ смыслѣ этого слова состоитъ, какъ въ доставленіи каждому духовнаго наслажденія, такъ еще болѣе въ томъ, чтобы заставить человѣка заражаться чувствами другихъ людей, сдѣлать доступнымъ для него въ области ума и чувства всё то, что пережило ранѣе человѣчество, внушить и усвоить всякому мысли и чувства, испытанныя и передаваемыя другими людьми. Вотъ почему значеніе искусства столько же благодѣтельно для человѣчества, какъ и дѣятельность рѣчи; искусства также распространены и важны для людей, какъ и языкъ. *Такого то рода искусства* въ отличіе отъ тѣхъ, которыя главнымъ образомъ преслѣдуютъ житейскую пользу, удобства, напр., ремёсла, рукодѣлія, и которыя извѣстны подъ именемъ *механическихъ, техническихъ, называются изящными, художественными.* Названія: „изящный, художественный“ образовались отъ древнеславянскихъ словъ—„изящный“ отъ глагола „изъяти“, т. е. изъятый изъ обыкновеннаго, повседневнаго житейскаго употребленія, лучшій изъ ряда однородныхъ предметовъ, и „художественный“ отъ „худогій“—искусный, красиво сдѣланный. Отъ прилагательнаго „художественный“, примѣняемаго къ изящнымъ искусствамъ, произошло уже соотвѣтствующее наименованіе „художникъ“, каковымъ именемъ и обозначаются обыкновенно творцы изящныхъ искусствъ. Главныхъ и основныхъ видовъ изящнаго искусства—пять:

1) *Построеніе изъ какого-либо матеріала: камня, дерева и пр. различныхъ сооруженій, выражающихъ ту или другую мысль строителя—архитектура* греч. ἀρχιτεκτονέω быть строителемъ, таковы, напр. средневѣковыя колокольни съ постепенно суживающимися вверхъ башнями, означавшія стремленіе людей въ высшій таинственный міръ, отъ земли къ небу. Область архитектуры весьма ограничена: она не можетъ передать ни разнообразія внѣшняго міра, ни тѣмъ болѣе различныхъ сторонъ духовной жизни человѣка.

2) *Выдѣлываніе изъ мрамора, металла, дерева, кости, глины статуй, бюстовъ, группъ и т. п., скульптура или ваяніе.* Посредствомъ различныхъ позъ (положеній) скульптура можетъ передать и внутреннее состояніе затрогиваемыхъ ею предметовъ, напр. духовное настроеніе человѣка, но только въ одинъ опредѣленный моментъ и при томъ далеко не вполнѣ: ей вовсе недоступно выраженіе взгляда, въ которомъ преимущественно и высказывается духовная сторона каждаго живаго существа и особенно человѣка;

Digitized by Google

поэтому-то глаза въ скульптурныхъ произведеніяхъ, обыкновенно, дѣлаются безъ зрачковъ.

3) *Изображеніе посредствомъ красокъ всевозможныхъ видимыхъ предметовъ, явленій природы, а также и человѣка въ его разнообразныхъ положеніяхъ и душевныхъ состояніяхъ—живопись.* Живопись обладаетъ средствами и для передачи взгляда—глазъ, равно и душевныхъ движеній, насколько послѣднія отражаются въ чертахъ лица и во взглядѣ, тѣмъ не менѣе она не въ силахъ выразить переходъ отъ одного душевнаго настроенія къ другому и по необходимости ограничивается однимъ избраннымъ моментомъ.

4) *Извѣстное сочетаніе звуковъ или тоновъ, передающихъ то или другія душевныя состоянія радость, печаль, покой, смущеніе, недоумѣніе, ужасъ, страданіе и т. п.— музыка.* Путемъ послѣдовательной смѣны и разнообразія звуковъ или тоновъ, музыка въ состояніи передать и переходы отъ одного душевнаго движенія къ другому, за то у нея нѣтъ средствъ къ живописному изображенію міра внѣшняго: она не можетъ, напр. представить формы предмета, изобразить наружный видъ человѣка, наглядно передать выраженіе его лица и т. п. 5) *Поэзія.*

Мѣсто поэзіи въ ряду изящныхъ искусствъ. Выражая тѣ или другія идеи или чувства въ живыхъ, созданныхъ фантазіею, словесныхъ образахъ, поэзія одна и при томъ въ высшей мѣрѣ и степени совмѣщаетъ въ себѣ все то, что свойственно каждому изъ остальныхъ изящныхъ искусствъ въ отдѣльности: подобно архитектурѣ, скульптурѣ и живописи, только не ограничиваясь исключительно однимъ моментомъ, какъ послѣднія, она изображаетъ всевозможные предметы и явленія міра видимаго, а по примѣру музыки, лишь въ болѣе наглядной и понятной для всѣхъ формѣ, пользуясь иногда гармоніей звуковъ—стихотворною рѣчью, передаетъ различныя чувства и душевныя движенія;—словомъ, поэзіи одинаково доступны, какъ весь міръ внѣшній, видимый, такъ равно и самыя разнообразныя душевныя состоянія со всѣми ихъ мельчайшими перемѣнами и оттѣнками—міръ внутренній, или, какъ отчасти высказываютъ ту же мысль сами поэты:

„И неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подземный ходъ,
И дольней лозы прозябанье".
(Пушкинъ).

„Мечтою по волѣ проникнуть онъ
(поэтъ) могъ
И въ нищую хату, и въ царскій
чертогъ,
Съ природой одною онъ жизнью
дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна".
(Баратынскій).

Digitized by Google

Въ силу такого преимущества и *всеобъемлемости поэзія, естественно, занимаетъ первое мѣсто въ ряду остальныхъ изящныхъ искусствъ.*

Поэтическій вымыселъ—естественный и фантастическій и его значеніе въ области поэзіи. Создаваемые фантазіею поэта наглядные, живые образы представляютъ собою такъ называемый *поэтическій вымыселъ* Послѣдній не во всѣхъ произведеніяхъ поэзіи бываетъ съ одинаковымъ характеромъ. Въ извѣстномъ, напр. сочиненіи—„Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“ все придуманное Пушкинымъ содержаніе является совершенно правдоподобнымъ дополненіемъ заимствованнаго имъ событія изъ лѣтописи. Задавшись цѣлію представить въ живописномъ видѣ древнеславянское народное вѣрованіе въ судьбу, поэтъ прежде всего создалъ соотвѣтствующую, вполнѣ возможную въ дѣйствительности мрачную обстановку: предсказаніе происходитъ предъ темнымъ лѣсомъ, а исполненіе его—среди не менѣе печальной степи; на всемъ дѣйствіи лежитъ гнетущая воля рока; оба главныя дѣйствующія лица—Олегъ и волхвъ выступаютъ роковыми орудіями неизбѣжной судьбы: одинъ, какъ ея злополучная жертва, другой,—какъ глашатай. Мельчайшія дополнительныя подробности, ярко выдвигая на видное мѣсто самый духъ суроваго сѣвернаго сказанія и чувства людей, вѣрившихъ въ непреодолимую силу судьбы, вмѣстѣ съ тѣмъ во всемъ согласуются съ характерными особенностями затрогиваемаго прошлаго. Такъ, вымышленный походъ Олега на хазаръ легко могъ произойти и на самомъ дѣлѣ, особенно, если принять во вниманіе воинственность русскаго князя и частые набѣги хазаръ на нашу землю. Какъ по большей части случается со всякимъ человѣкомъ въ важныхъ обстоятельствахъ, предпринятый походъ, естественно, могъ навести Олега на мысль узнать свое будущее. Чтобы сдѣлать это желаніе еще болѣе возможнымъ, Пушкинъ вывелъ навстрѣчу Олегу кудесника, котораго надѣлилъ качествами, всецѣло согласными съ исторіей. Совершенно въ духѣ нашихъ предковъ Олегъ вѣритъ прорицателю, но, удаляя своего коня, тѣмъ самымъ пытается избѣжать предсказанной участи, что опять-таки строго соотвѣтствуетъ исторической личности Олега, который прослылъ среди народа за „вѣщаго“, т. е. вѣдущаго, знающаго многое такое, что сокрыто отъ обыкновенныхъ смертныхъ. Прощаніе Олега съ конемъ, пиръ съ дружиною, какъ поводъ къ воспоминанію о прежнемъ товарищѣ—конѣ, и рѣчь при посѣщеніи могилы послѣдняго также подходятъ къ дѣйствительности, если припомнимъ, что встарину копь считался священною собственностію славянина—воина, такъ что его часто клали даже въ могилу съ умершимъ хозяиномъ, и что древніе славяне непрочь были попи-

Digitized by Google

ровать и повеселиться при всякомъ удобномъ случаѣ. Такъ-то исторически вѣрно отразились въ поэтическомъ вымыслѣ Пушкина нравы, обычаи, понятія и вѣрованія русскаго народа временъ князя Олега. Не менѣе согласны съ окружающей дѣйствительностію и образъ крестьянина—лѣнивца у Кольцова, равно какъ и поэтическій образъ тучи у Пушкина. *Такой поэтическій вымыселъ, который согласуется и съ исторіей, и съ видимой нами природой, и съ законами нашего духа, называется, обыкновенно, возможнымъ, правдоподобнымъ, естественнымъ и* служитъ наилучшею чертою поэзіи. Но есть немало сочиненій, въ которыхъ допускается вымыселъ иного рода. Предъ нами произведеніе Лермонтова: **„Воздушный корабль“.**

„По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.
Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И молча въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.
Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы, и тайныя мели,
И бури ему ни по-чемъ.
Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.
Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.
И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.
Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.
Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ онъ къ рулю и садится,
И быстро пускается въ путь.
Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника—сына
И старую гвардію онъ.
И только что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ,
И очи пылаютъ огнемъ.
На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.
Но спятъ усачи—гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.
И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.
И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ:
Зоветъ онъ любезнаго сына,
Опору въ превратной судьбѣ,
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только—себѣ.
Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И, долго его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ.—

Digitized by Google

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь."

Здѣсь корабль является воздушнымъ и обладаетъ волшебными свойствами: онъ несется только ночью и по синимъ волнамъ воздушнаго океана; нѣтъ на немъ ни капитана, ни матросовъ, которые бы управляли имъ, и, какъ воздушному плавателю, ему не представляютъ преградъ ни скалы, ни тайныя морскія мели, ни бури. На волшебномъ кораблѣ находится и необыкновенный плаватель— это императоръ, погребенный безъ всякихъ почестей въ сыпучемъ пескѣ одного острова. Въ полночный часъ зарытый государь встаетъ изъ могилы, изъ—подъ лежащаго на ней тяжелаго камня, садится на волшебный корабль и отправляется во Францію. Тамъ пытается онъ собрать свои войска, зоветъ своего любезнаго сына, но ни войскъ, ни сына уже болѣе нѣтъ,—и вотъ на зарѣ онъ на томъ же воздушномъ кораблѣ пускается въ обратный путь. Всего этого въ точномъ, буквальномъ смыслѣ не только не было въ дѣйствительности, но и не могло быть: ни законы природы, ни законы духа человѣческаго не допускаютъ возможности существованія воздушнаго, самодвижущагося и самоуправляющагося корабля; тѣмъ болѣе немыслимо возстаніе изъ могилы мертваго и его путешествіе. Значитъ, весь данный разсказъ является *невозможнымъ, неправдоподобнымъ, неестественнымъ вымысломъ, который и называется фантастическимъ.* Фантастическій вымыселъ составляетъ однако достоинство поэзіи, пока онъ не достигаетъ крайности. Въ основѣ, напр., приведеннаго фантастическаго вымысла Лермонтова лежатъ строго историческія происшествія: ссылка французскаго императора Наполеона перваго послѣ войны двѣнадцатаго года на островъ Эльбы, бѣгство его оттуда во Францію и вторичное его заключеніе на островѣ св. Елены. Сопоставляя эти факты съ фантастическимъ вымысломъ Лермонтова, мы находимъ между ними нѣкоторое соотношеніе: Наполеонъ, лишенный императорской власти и заточенный на островѣ Эльбы, какъ-бы умеръ для всего міра и былъ погребенъ; никто не ожидалъ его возвращенія во Францію, какъ не ожидаютъ и оживленія погребеннаго мертвеца; но вотъ, сверхъ ожиданія, онъ снова является во Францію и такимъ образомъ какъ-бы оживаетъ, встаетъ изъ могилы и чудодѣйственно возвращается въ свое отечество. Снова его побѣждаютъ и опять ссылаютъ въ заточеніе—и это какъ-бы походитъ на обратный путь воздушнаго корабля съ императоромъ. Слѣдовательно, фантастическій вымыселъ Лермонтова становится уже не пустою, ни на

Digitized by Google

чемъ неосновапною выдумкою поэта, а напротивъ, глубоко коренится въ указанныхъ историческихъ обстоятельствахъ, наглядно изображая ихъ предъ читателемъ, и потому имѣетъ значеніе поэтической истины. Если же авторъ въ своемъ твореніи преслѣдуетъ исключительно неестественное, нисколько не заботясь о смыслѣ и значеніи своего вымысла, то послѣдній только унизитъ само произведеніе, низведя его на степень безсмысленнаго фантазерства. Таково, напр. большинство сочиненій ложноклассическихъ писателей, которые безъ разбору пересаживали на отечественную почву все отжившее греческое и римское.

Идеальный элементъ поэтическихъ произведеній и отношеніе его къ міру дѣйствительному. Во всякомъ поэтическомъ произведеніи, какъ видно изъ предыдущаго, необходимо различать двѣ стороны: лежащую въ основѣ сочиненія идею или чувство поэта и воплощающій ихъ художественный поэтическій образъ. Обѣ эти стороны, соединяясь между собою въ одно стройное цѣлое, образуютъ особый міръ, который составляетъ существенное содержаніе поэзіи. Этотъ-то *созданный по извѣстной идеѣ или на основаніи какого-либо чувства новый міръ и носитъ*, обыкновенно, *названіе идеальнаго, вымышленнаго, возможнаго*, въ отличіе отъ міра дѣйствительнаго, который еще называется реальнымъ (лат. res—вещь, дѣйствительный предметъ). Въ своемъ первоисточникѣ идеальный міръ поэтическихъ твореній неизбѣжно коренится на тѣхъ или иныхъ данныхъ дѣйствительности, живо и наглядно отражая изъ нея что-либо основное, существенное, безъ чего положительно теряетъ всякій смыслъ и значеніе. Въ приведенной выше пѣснѣ Кольцова „Что ты спишь, мужичокъ“ основная идея - значеніе труда въ крестьянскомъ быту выведена авторомъ изъ собственныхъ наблюденій надъ жизнію крестьянъ и представляетъ собою одно изъ существенныхъ явленій не только этой жизни, но и всякой другой: трудъ на столько же важенъ и необходимъ и для каждаго человѣка, на сколько у Кольцова онъ выставляется таковымъ для крестьянина. Точно также и въ стихотвореніи Пушкина „Туча“ чувство грусти выражаетъ дѣйствительное настроеніе поэта и можетъ быть испытано каждымъ въ подобныхъ условіяхъ. Для передачи своей идеи— значеніе труда въ жизни крестьянина—Кольцовъ создалъ и соотвѣтствующую художественную форму: онъ объединилъ свои наблюденія надъ жизнію лѣнивыхъ и дѣятельныхъ крестьянъ и помощію воображенія нарисовалъ изъ этихъ данныхъ такую картину крестьянской жизни, гдѣ каждая мельчайшая черта цѣликомъ взята изъ послѣдней и въ то же время ясно и живо передаетъ главную мысль произведенія. Подобнымъ же характеромъ запечат-

Digitized by Google

лѣна и „Туча“ Пушкина: и въ ней образъ тучи вполнѣ вѣренъ дѣйствительности и не менѣе наглядно изображаетъ грустное чувство автора. Таково взаимное отношеніе идеальнаго міра поэтическихъ произведеній и реальнаго, дѣйствительнаго міра природы и жизни: послѣдній, какъ видно, лишь служитъ необходимымъ матеріаломъ, изъ котораго поэтъ-художникъ, при помощи своей творческой фантазіи и неподдѣльнаго, искренняго чувства, создаетъ живые, цѣльные образы, ярко выдвигая въ нихъ на первый планъ что-либо важное, существенное, обычно разсѣянное въ дѣйствительности по разнымъ явленіямъ и потому чаще всего вовсе нами незамѣчаемое. Отсюда поэзія, какъ обнимающая собою дѣйствительность, только въ переработанной и болѣе усовершенствованной формѣ, получаетъ такое же, если не большее, значеніе, какъ и проза. Отсюда же сами собою вытекаютъ *и общія необходимыя условія художественности поэтическаго произведенія:* это, *во-первыхъ, полное, гармоническое соединеніе идеи или чувства съ формою, во-вторыхъ, истина и правдоподобіе, т. е. вѣрность поэтическаго вымысла дѣйствительной природѣ и жизни и, въ-третьихъ,* самое главное— *живое и трогательное изображеніе дѣйствительности и способность поэта не продумать только, а и прочувствовать въ своей душѣ затрогиваемую имъ нравственную идею.* Только такое поэтическое сочиненіе и должно считать художественнымъ.

Художественные образы. Тѣсная, внутренняя связь между идеальнымъ содержаніемъ поэтическихъ произведеній и реальнымъ, дѣйствительнымъ міромъ природы и жизни проявляется въ частности въ созданіи художественныхъ образовъ, художественныхъ идеаловъ, типовъ и характеровъ, которые и служатъ выраженіемъ міра идеальнаго. Въ пѣснѣ Кольцова „Что ты спишь, мужичокъ?“ основная идея—значеніе труда въ жизни крестьянина—нашла свое полное выраженіе въ живомъ, созданномъ фантазіею поэта образѣ когда-то очень дѣятельнаго, но потомъ облѣнившагося крестьянина, а въ стихотвореніи Пушкина „Туча“ чувство грусти передано подъ образомъ тучи. Въ обоихъ случаяхъ матеріаломъ для поэтовъ послужила дѣйствительность, и каждый изъ нихъ въ своемъ образѣ выразилъ нѣчто существенное. Такіе *поэтическіе образы, которые создаются на основаніи дѣйствительности и наглядно отражаютъ въ себѣ серьезную, важную мысль или общечеловѣческое чувство, называются художественными.* Къ художественнымъ идеаламъ, типамъ и характерамъ они въ огромномъ большинствѣ относятся также, какъ, напр., сочиненія вообще—къ прозѣ и поэзіи, или проза—къ описаніямъ, повѣствованіямъ и разсужденіямъ.

Digitized by Google

Художественные идеалы и ихъ значеніе. Примѣромъ художественнаго идеала можетъ служить Петръ Великій въ сочиненіи Пушкина: „**Полтава.**“

„Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ нежданный и кровавый
Задалъ ей шведскій паладинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.
Вѣнчанный славой безполезной,
Отважный Карлъ скользилъ надъ бездной.
Онъ шелъ на древнюю Москву.
. . . . . .
Украйна глухо волновалась,
Давно въ ней искра разгоралась;
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтобъ гетманъ узы ихъ расторгъ.
. . . . . .
Но старый гетманъ оставался
Послушнымъ подданнымъ Петра;
Храня суровость обычайну,
Спокойно вѣдалъ онъ Украйну“...

Между тѣмъ въ душѣ Мазепы сложился уже полный планъ измѣны Московскому царю:

„Издавна умыселъ ужасный
Взлелѣялъ тайно злой старикъ
Въ душѣ своей. Но взоръ опасный,
Враждебный взоръ—его проникъ“.

Кочубей и Искра донесли объ этомъ замыслѣ Мазепы государю:

„И озабоченный войной,
Гнушаясь мнимой клеветой,
Доносъ оставя безъ вниманья,
Самъ царь Іуду утѣшалъ
И злобу шумомъ наказанья
Смирить надолго обѣщалъ!“
Доносчики были выданы гетману и казнены имъ.

„Но время шло. Москва напрасно
Къ себѣ гостей ждала всечасно,
Средь старыхъ вражескихъ могилъ
Готовя шведамъ тризну тайну,
Незапно Карлъ поворотилъ
И перенесъ войну въ Украйну.
И день насталъ. Встаетъ съ одра
Мазепа, сей страдалецъ хилый,
Сей трупъ живой, еще вчера
Стонавшей слабо надъ могилой,
Теперь онъ мощный врагъ Петра.
. . . . . .
И вѣсть на крыльяхъ полетѣла;
Украйна смутно зашумѣла:
„Онъ перешелъ, онъ измѣнилъ,
Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
Бунчукъ [1]) покорный.“ Пламя пышетъ.
Встаетъ кровавая заря
Войны народной. Кто опишетъ
Негодованье, гнѣвъ царя?
Гремитъ анаѳема въ соборахъ;
Мазепы ликъ терзаетъ катъ [2]);
На шумной радѣ, въ вольныхъ спорахъ
Другаго гетмана творятъ.

---

[1]) Знакъ гетманскаго достоинства.

[2]) Малороссійское слово. По-русски палачъ. 1708 г. ноября 9-го дня предали клятвѣ Мазепу... и персону (куклу) онаго измѣнника Мазепы вынесли, и, снявъ кавалерію (которая на ту персону была надѣта съ бантомъ), оную персону бросили въ палачовскія руки, которую палачъ, взявъ и прицѣпя за веревку, тащилъ по

Digitized by Google

Съ береговъ пустынныхъ Енисея
Семейство Искры, Кочубея
Поспѣшно призваны Петромъ.
Онъ съ ними слезы проливаетъ;
Онъ ихъ, лаская, осыпаетъ
И новой честью, и добромъ.
Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій
Старикъ Палѣй изъ мрака ссылки
Въ Украйну ѣдетъ, въ царскій станъ.
Трепещетъ бунтъ осиротѣлый.
На плахѣ гибнетъ Чечель [3]) смѣлый
И запорожскій атаманъ.
И ты, любовникъ бранной славы,
Для шлема кинувшій вѣнецъ,
Твой близокъ день,—ты валъ Полтавы
Вдали завидѣлъ наконецъ.
И царь туда-жъ помчалъ дружины.
Онѣ, какъ буря, протекли,—
И оба стана средь равнины
Другъ друга хитро облегли.
. . . . . .
И злобясь, видитъ Карлъ могучій
Ужъ не разстроенныя тучи
Несчастныхъ нарвскихъ бѣглецовъ,
А нить полковъ блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ незыблемый штыковъ.
Но онъ рѣшилъ: заутра бой.
Горитъ востокъ зарею новой;
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули;
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки;
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ;
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлиппенбахъ;
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.
Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло, съ Богомъ!“ Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ,
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки;
Ровняясь, строятся полки;
Молчитъ музыка боевая;
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,

улицѣ и по площади даже до висѣлицы, а потомъ повѣсили. [3]) Въ Глуховѣ же, 10-го дня казнили Чечеля и прочихъ измѣнниковъ. Примѣчанія Пушкина. (Изд. литерат. фонда т. III, стр. 189).

Digitized by Google

Прервали свой голодный ревъ;
И се—равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могучъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ во слѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земного,
Въ трудахъ державства и войны—
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.
. . . . . .
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ; гнутся шведы;
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.
Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его,
И царскій пиръ его прекрасенъ:
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ."

Поэтъ надѣляетъ здѣсь Русскаго монарха самыми хорошими и привлекательными качествами: вмѣстѣ съ нимъ, „въ бореньяхъ силы напрягая", мужаетъ и крѣпнетъ молодая Россія. Онъ безъ-завѣтно довѣряется Мазепѣ и безъ всякаго изслѣдованія выдаетъ ему доносчиковъ—Искру и Кочубея, потому что считаетъ службу малороссійскаго гетмана безусловно полезною для Русскаго государства; когда же Мазепа перешелъ на сторону Карла XII-го шведскаго и тѣмъ оправдалъ доносъ Искры и Кочубея, Петръ открыто сознается въ своей ошибкѣ и спѣшитъ загладить ее: быстро предаетъ онъ поруганію имя и изображеніе Мазепы, предписываетъ казакамъ избрать новаго гетмана, поспѣшно возвращаетъ „съ береговъ пустынныхъ Енисея семейство Искры, Кочубея," вмѣстѣ съ ними проливаетъ слезы, лаская, осыпаетъ ихъ „и новой честью, и добромъ", освобождаетъ врага Мазепы—Палѣя и казнитъ измѣнника Чечеля. Подъ Полтавою—въ бою за независимость и честь Россіи—онъ является настоящимъ героемъ, душою сраженія:

„. . . . . Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ.
Онъ весь, какъ Божія гроза."

Сопровождаемый приближенными—„товарищами-сынами въ трудахъ державства и войны", онъ проносится предъ полками „могучъ и радостенъ, какъ бой", не дорожа своею жизнію, и всюду производитъ неотразимо-воодушевляющее впечатлѣніе. Свѣтло празднуетъ онъ и свою счастливую побѣду; ласково, какъ гостей, принимаетъ у себя въ шатрѣ своихъ и чужихъ вождей,—признаетъ славныхъ плѣнниковъ своими учителями и пьетъ за

Digitized by Google

ихъ здоровье. Всѣ эти черты, взятыя вмѣстѣ, дѣлаютъ Петра Великаго государемъ—правителемъ, исключительно преданнымъ своему отечеству, который все усиліе и труды употреблялъ на служеніе общественному, государственному благу Россіи. Дѣйствительно, Петръ Великій неусыпно заботился о благосостояніи русскаго государства и въ высшей степени обладалъ указанными свойствами, но у него были и другія черты въ характерѣ, напр., излишняя иногда жестокость, неразборчивость въ средствахъ для достиженія извѣстной цѣли и т. п., поэтъ намѣренно опустилъ эти послѣднія особенности: онъ имѣлъ лишь въ виду представить русскаго государя *образцомъ истиннаго монарха, слуги своему государству* и потому *выставилъ въ немъ только такія качества, которыя всецѣло воплощаютъ задуманную идею,* дополнивъ ихъ воображеніемъ и удаливъ все то, что могло затемнить его главную мысль. *Подобнаго рода поэтическіе образы, живо и наглядно выражающіе лучшую сторону предмета, то, чѣмъ онъ долженъ быть по своей идеѣ, называются художественными идеалами.* Художественные идеалы бываютъ и вымышленные, но они обязательно должны удовлетворять необходимому условію художественности—правдоподобію. Созданіе ихъ основывается на прирожденномъ человѣку стремленіи къ совершеннѣйшей правдѣ, добру и красотѣ: не находя иногда въ дѣйствительномъ мірѣ соотвѣтствія своей данной потребности, часто наталкиваясь въ немъ на ложь, зло и безобразіе, человѣкъ создаетъ помощію воображенія новый міръ, гдѣ и выражаетъ свои высшія стремленія; по этимъ идеальнымъ образамъ онъ оцѣниваетъ окружающую дѣйствительность, съ ними по возможности старается сообразовать жизнь свою; отсюда, художественные идеалы имѣютъ громадное значеніе: они способствуютъ развитію и усовершенствованію человѣчества.

Художественные типы и ихъ значеніе. Отъ художественныхъ идеаловъ слѣдуетъ отличать типы. Разберемъ, напр. отрывокъ: „Келья въ Чудовомъ монастырѣ (1603 г.)“ изъ произведенія Пушкина—„Борисъ Годуновъ“.—

„**Отецъ Пименъ, Григорій** (спящій).
Пименъ (пишетъ передъ лампадой).“

„Еще одно, послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя;
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ, грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безыменный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду

Digitized by Google

И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ...
На старости я сызнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною...
Давно-ль оно неслось, событій полно,
Волнуяся, какъ море—океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!...
Но близокъ день—лампада догораетъ—
Еще одно, послѣднее сказанье
(Пишетъ).

Григорій (пробуждается).

Все тотъ же сонъ! Возможно-ль?
Въ третій разъ!
Проклятый сонъ!.. А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ, да пишетъ—и дремотой,
Знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ! и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ-ли владычествѣ татаръ?
О казняхъ-ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ-ли Новогородскомъ вѣчѣ?
О славѣ-ли отечества? Напрасно:
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ смиренный, величавый..
Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ. Проснулся братъ.

Григорій. Благослови меня, Честный отецъ.

Пименъ. Благослови Господь Тебя и днесь, и присно, и во-вѣки.

Григорій. Ты все писалъ, и сномъ не позабылся,
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось,
И, падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

Пименъ. Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ—если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой въ ночи—
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Digitized by Google

Григорій. Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! а я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.
Пименъ. Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ наслаждался;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь—игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
„Отцы мои, желанный день придетъ:
Предстану здѣсь алкающій спасенья;
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный:
Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши.“
Такъ говорилъ державный государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной...

Digitized by Google

А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобразилъ въ молитвенную
келью;
Тамъ тяжкія державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
И Русь при немъ во славѣ безмя-
тежной
Утѣшилась; а въ часъ его кон-
чины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать
Ѳеодоръ
И называть великимъ патріар-
хомъ...,
И всѣ кругомъ объяты были стра-
хомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый владыка предъ ца-
ремъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, па-
латы
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его, какъ солнце, просіялъ.
Ужъ не видать такого намъ царя...
О, страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Григорій. Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о
смерти
Димитрія—царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ?

Пименъ. Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злодѣ-
янье,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ даль-
ній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. На утро, въ
часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ
набатъ:
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ ца-
рицы. Я
Спѣшу туда жъ—а тамъ уже весь
городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царе-
вичъ;
Царица—мать въ безпамятствѣ
надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, воло-
читъ
Безбожную предательницу—мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ
злости блѣденъ,
Является Іуда—Битяговскій.
„Вотъ, вотъ злодѣй!“ раздался об-
щій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ на-
родъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ
тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
и привели предъ теплый трупъ
младенца,
И чудо—вдругъ мертвецъ затре-
петалъ!
„Покайтеся!“ народъ имъ завопилъ:
У въ ужасѣ, подъ топоромъ, зло-
дѣи
Покаялись—и назвали Бориса.

Григорій. Какихъ былъ лѣтъ царе-
вичъ убіенный?

Пименъ. Да лѣтъ семи; ему бы
нынѣ было—
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ...
нѣтъ больше:
Двѣнадцать лѣтъ)—онъ былъ бы
твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ
иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ
я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ
Григорій,

Digitized by Google

Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ:
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы,
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны—
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонятъ
Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!.. Подай костылъ, Григорій.
(Уходитъ.)

Григорій. Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ.
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда."

Поэтъ выводитъ старца—монаха Пимена. Пименъ отличается глубокою набожностію, умилительною кротостію, младенческимъ и вмѣстѣ мудрымъ простодушіемъ, искреннею преданностію власти царя и любовію къ отечеству. Онъ многое видѣлъ и испыталъ на вѣку своемъ, но только съ тѣхъ поръ чувствуетъ себя совершенно счастливымъ, какъ Господь сподобилъ его принять монашество; къ послѣднему старается онъ склонить и своего послушника—Григорія. Покончивъ вполнѣ со всѣми житейскими волненіями и расчетами и посвятивъ себя всецѣло на служеніе Богу, Пименъ свободные отъ духовныхъ подвиговъ часы и минуты удѣляетъ записи пережитаго. Долго ночью предъ лампадою, иногда до самой заутрени, сидитъ онъ въ своей кельѣ за лѣтописью и съ спокойнымъ, смиреннымъ, величавымъ видомъ, погруженный душою въ минувшее, записываетъ по памяти послѣднее. Всѣ событія имѣютъ для него одинаковое значеніе, и онъ просто, не мудрствуя лукаво, вноситъ ихъ на страницы своей лѣтописи. Онъ завѣщаетъ и Григорію описывать въ томъ же духѣ все, чему будетъ онъ свидѣтелемъ въ жизни:

„Войну и миръ, управу государей, Пророчества и знаменья небесны".
Угодниковъ святыя чудеса,

Пименъ смотритъ на свою лѣтопись, какъ на долгъ, завѣщанный ему отъ Бога, и весьма доволенъ тѣмъ, что успѣлъ исполнить его. Онъ надѣется, что его лѣтописаніе принесетъ пользу въ будущемъ: недаромъ Господь поставилъ его свидѣтелемъ многихъ лѣтъ „и книжному искусству вразумилъ." Когда-нибудь такой же, какъ и онъ, трудолюбивый монахъ найдетъ его усердный, безыменный трудъ и, засвѣтивъ подобно ему свою лампаду, перепишетъ его „правдивыя сказанья" для памяти и назиданія потомства:

Digitized by Google

„Да вѣдаютъ потомки православныхъ За ихъ труды, за славу, за добро—
Земли родной минувшую судьбу, А за грѣхи, за темныя дѣянья,
Своихъ царей великихъ поминаютъ Спасителя смиренно умоляютъ"...

Такими чертами надѣлилъ Пушкинъ старца—монаха Пимена, но тѣ же самыя качества одинаково свойственны и всѣмъ древнерусскимъ лѣтописцамъ. Самъ поэтъ сознается, что въ образѣ Пимена онъ объединилъ то, чего доискался и до чего додумался путемъ внимательнаго изученія русскихъ лѣтописей: „Характеръ Пимена, говоритъ онъ, не есть мое изобрѣтеніе. Въ немъ собралъ я черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ." Дѣйствительно, древнерусскіе лѣтописцы принадлежали къ духовенству монашествующему. Они вели свои лѣтописи въ свободное отъ монашескихъ занятій время и смотрѣли на это, какъ на подвигъ послушанія и благочестія. Отличаясь строгою религіозностію и искреннею любовью къ отечеству, лѣтописцы придавали соотвѣтствующій характеръ и своимъ произведеніямъ: въ нихъ по порядку лѣтъ вписывали они самыя разнохарактерныя событія, оцѣнивая послѣднія исключительно съ религіозной точки зрѣнія; такимъ характеромъ запечатлѣна, наприм. наша первая лѣтопись, приписываемая монаху Кіево-Печерскаго монастыря преподобному Нестору. Заканчивая свой трудъ, большею частію длившійся въ теченіе многихъ лѣтъ, лѣтописцы, естественно, испытывали глубокое удовольствіе отъ сознанія исполненнаго долга. Вотъ, напр. какими словами заключаетъ свою лѣтопись въ 1377-мъ году Лаврентій, монахъ Суздальскаго монастыря: „Радуется купецъ прикупъ створивъ и кормчій въ отишье приставъ и странникъ въ отечьство свое пришедъ; также радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ, тако же и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій Лаврентій мнихъ"..... *Черты, свойственныя не одному какому либо опредѣленному лицу, по цѣлому ряду лицъ извѣстнаго круга, называются типическими, а самый поэтическій образъ, содержащій въ себѣ эти черты,— типовъ,* (греч. τύπος—отпечатокъ, образъ, т. е. образъ цѣлаго рода людей или даже явленій). Въ лицѣ Пимена Пушкинъ показалъ лучшія, привлекательныя свойства древнерусскаго лѣтописца; подобные типы носятъ названіе *положительныхъ;* по своему содержанію они близко подходятъ къ художественнымъ идеаламъ; но есть типы и другаго рода, представляющіе собою дурныя, отталкивающія стороны; они называются *отрицательными* и къ художественнымъ идеаламъ стоятъ въ совершенно противоположномъ отношеніи. Таковъ, напр. типъ скупого помѣщика и крѣпостника, выведенный Гоголемъ въ образѣ Плюшкина. Типы, какъ видно изъ предыдущаго, не выдумываются поэтомъ, но со-

Digitized by Google

здаются имъ на основаніи дѣйствительности: одинаковыя условія жизни и быта извѣстнаго мѣста и времени способствуютъ образованію одинаковыхъ свойствъ въ людяхъ; поэтъ подмѣчаетъ эти свойства и, объединяя, передаетъ ихъ въ создаваемомъ имъ художественномъ образѣ. Отсюда, въ каждомъ истинно художественномъ типѣ необходимо имѣть въ виду сторону національную, опредѣляемую временемъ и мѣстомъ; въ Пименѣ, напр. мы видимъ именно лѣтописца русскаго и при томъ древняго періода, а не позднѣйшаго времени. Строгимъ соотвѣтствіемъ національнаго элемента дѣйствительности измѣряется жизненное достоинство каждаго типа. Такъ какъ типы содержатъ въ себѣ черты общія цѣлому ряду лицъ, то собственныя имена послѣднихъ получаютъ въ нихъ значеніе нарицательныхъ; каждаго скрягу, напр. называютъ Плишкинымъ, всякаго лѣниваго и изнѣженаго человѣка—Обломовымъ (главное лицо сочиненія Гончарова „Обломовъ“) и т. п. Выражая собою общія характерныя свойства извѣстнаго круга людей, типы тѣмъ самымъ уничтожаютъ дробность явленій человѣческаго міра и даютъ возможность изучать человѣческую жизнь не по отдѣльнымъ членамъ того или другаго общества, но по его представителямъ. Имѣя предъ собою типъ древнерусскаго лѣтописца въ образѣ Пимена, мы живо и наглядно представляемъ отличительныя черты этихъ русскихъ людей и потому не чувствуемъ никакой надобности для знакомства съ ними разсматривать каждаго древнерусскаго лѣтописца въ отдѣльности. Слѣдовательно, типы облегчаютъ намъ ознакомленіе съ человѣческою жизнію; этимъ и опредѣляется ихъ существенное значеніе.

Художественные характеры. Какъ отъ художественныхъ идеаловъ необходимо отличать типы, такъ точно съ художественными идеалами и типами не должно смѣшивать характеровъ. Для надлежащаго уясненія дѣла вникнемъ, напр., въ характеръ Василія Шибанова по сочиненію Алексѣя Толстого того же имени.—

„Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ,
Съ нимъ Васька Шибановъ стремянной.
Дороденъ былъ князь. Конь измученный палъ.
Какъ быть среди ночи туманной?
Но, рабскую вѣрность Шибановъ храня,
Своего отдаетъ воеводѣ коня:
„Скачи, князь, до вражьяго стану,
Авось я пѣшой не отстану.“

И князь доскакалъ. Подъ литовскимъ шатромъ
Опальный сидитъ воевода;
Стоятъ въ отдаленьи литовцы кругомъ,—
Безъ шапокъ толпятся у входа;
Всякъ русскому витязю честь воздаетъ,
Не даромъ дивится литовскій народъ,
И ходятъ ихъ головы кругомъ:
„Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ.“

Digitized by Google

Но князя не радуетъ новая честь,
Исполненъ онъ желчи и злобы;
Готовится Курбскій царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:
„Что долго въ себѣ я таю и ношу,
То все я пространно царю напишу;
Скажу напрямикъ, безъ изгиба,
За всѣ его ласки спасибо.“
И пишетъ бояринъ всю ночь напролетъ,
Перо его местію дышитъ,
Прочтетъ—улыбнется, и снова прочтетъ,
И снова безъ отдыха пишетъ;
И злыми словами язвитъ онъ царя,
И вотъ ужъ, когда занялася заря,
Поспѣло ему на отраду
Посланіе, полное яду.
Но кто жъ дерзновенныя князя слова
Отвезть Іоанну возьмется?
Кому не люба на плечахъ голова?
Чье сердце въ груди не сожмется?
Невольно на князя сомнѣнья нашли...
Вдругъ входитъ Шибановъ въ поту и въ пыли:
„Князь, служба моя не нужна-ли?
Вишь, наши меня не догнали!“
И въ радости князь посылаетъ раба,
Торопитъ его въ нетерпѣньѣ:
„Ты тѣломъ здоровъ и душа не слаба,
А вотъ и рубли въ награжденье!“
Шибановъ въ отвѣтъ господину:
„Добро!
Тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро,
А я передамъ и за муки
Письмо твое въ царскія руки.“
Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой;
Царь въ смирной одеждѣ трезвонитъ;
Зоветъ-ли обратно онъ прежній покой,
Иль совѣсть навѣки хоронитъ?
Но часто и мѣрно онъ въ колоколъ бьетъ,
И звону внимаетъ московскій народъ,
И молится, полный боязни,
Чтобъ день миновался безъ казни.
Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема,
Звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый,
Звонитъ всей опрични кромѣшная тьма,
И Васька Грязной и Малюта,
И тутъ же, гордяся своею красой,
Съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой,
Любимецъ звонитъ Іоанновъ,
Отверженный Богомъ Басмановъ.
Царь кончилъ: на жезлъ опираясь, идетъ,
И съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье.
Вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигая народъ,
Надъ шапкою держитъ посланье,
И спрянулъ съ коня онъ поспѣшно долой,
Къ царю Іоанну подходитъ пѣшой
И молвитъ ему, не блѣднѣя:
„Отъ Курбскаго князя Андрея!“
И очи царя разгорѣлися вдругъ:
„Ко мнѣ? отъ злодѣя лихова?
Читайте же, дьяки, читайте мнѣ вслухъ
Посланье отъ слова до слова!
Подай сюда грамоту, дерзкій гонецъ!“
И въ ногу Шибанова острый конецъ
Жезла своего онъ вонзаетъ,
Налегъ на костыль и внимаетъ:
„Царю, прославляему древле отъ всѣхъ,
Но тонущу въ сквернахъ обильныхъ.

Digitized by Google

Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ
Побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?
Отвѣтствуй, не ими-ль, средь тяжкой войны,
Безъ счету твердыни враговъ сражены?
Не ихъ ли ты мужествомъ славенъ?
И кто имъ бысть вѣрностью равенъ?
Безумный! Иль мнишись безсмертнѣе насъ,
Въ небытную ересь прельщенный?
Внимай же! Пріидетъ возмездія часъ,
Писаніемъ намъ предреченный,
И азъ, иже кровь въ непрестанныхъ бояхъ
За тя, аки воду, ліяхъ и ліяхъ,
Съ тобой предъ судьею предстану!"
Такъ Курбскій писалъ къ Іоанну.
Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги
Кровь алымъ струилася токомъ,
И царь на спокойное око слуги
Взиралъ испытующимъ окомъ.
Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ;
Былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ,
Какъ будто исполненъ печали;
И всѣ въ ожиданьи молчали.
И молвилъ такъ царь: „Да, бояринъ твой правъ
И нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной.
Кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ,
Я песъ недостойный и смрадный.
Гонецъ, ты не рабъ, а товарищъ и другъ,
И много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ,
Что выдалъ тебя за безцѣнокъ!
Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ."

Пытаютъ и мучатъ гонца палачи,
Другъ другу приходятъ на смѣну:
„Товарищей Курбскаго ты уличи,
Открой ихъ собачью измѣну!"
И царь вопрошаетъ: „Ну что же гонецъ?
Назвалъ ли онъ князя друзей наконецъ?"
—Царь, слово его все едино:
Онъ славитъ слово господина!
День меркнетъ, приходитъ ночная пора,
Скрипятъ у застѣнка ворота,
Заплечные входятъ опять мастера,
Опять зачалася работа.
„Ну что же, назвалъ ли злодѣевъ гонецъ?"
—Царь, близокъ ему ужъ приходитъ конецъ,
Но слово его все едино:
Онъ славитъ свово господина!—
„О князь! ты, который предать меня могъ
За сладостный мигъ укоризны,
О князь, я молюсь, да проститъ тебѣ Богъ
Измѣну твою предъ отчизной!
Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
Языкъ мой нѣмѣетъ, и взоръ мой угасъ,
Но въ сердцѣ любовь и прощенье,—
Помилуй... мои прегрѣшенья!..
Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ!
Прости моего господина!
Языкъ мой нѣмѣетъ, и взоръ мой угасъ,
Но слово мое все едино:
За Грознаго, Боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь,
И твердо жду смерти желанной!"
Такъ умеръ Шибановъ стремянной."

Василій Шибановъ, главное дѣйствующее лицо даннаго произведенія, является стремяннымъ князя Курбскаго. Когда Курбскій,

Digitized by Google

спасаясь отъ Грознаго, бѣжалъ въ Литву, Шибановъ послѣдовалъ за нимъ туда же. Уже въ этомъ ясно проглядываетъ основное свойство Шибанова—его глубокая преданность своему господину, но далѣе оно высказывается еще опредѣленнѣе, дополняясь другими, не менѣе существенными, качествами. На дорогѣ у Курбскаго падаетъ конь, и Шибановъ уступаетъ русскому воеводѣ свою лошадь:

„Скачи, князь, до вражьяго стану. Авось я пѣшой не отстану."

Рабская вѣрность вызываетъ въ Шибановѣ геройскую неустрашимость: онъ не боится попасть въ руки преслѣдующихъ ихъ русскихъ и рѣшается самъ подвернуться опасности, только бы спасти жизнь Курбскаго. Но вотъ Курбскій – въ Литвѣ. Желая отмстить Грозному, онъ пишетъ русскому царю суровое, „полное яду" посланіе. Съ кѣмъ же однако переслать его?—и князь невольно поддается сомнѣнію. Въ это время прямо съ дороги, „въ поту и въ пыли", входитъ Шибановъ:

„Князь, служба моя не нужна-ли? Вишь, наши меня не догнали!"

Та же рабская вѣрность, та же неостанавливающаяся ни предъ чѣмъ готовность къ услугамъ звучатъ въ этихъ словахъ Шибанова: несмотря на сильную усталость, онъ отдаетъ себя въ полное распоряженіе Курбскому, и тотъ спѣшитъ воспользоваться этимъ для исполненія своего желанія и даже предлагаетъ своему вѣрному слугѣ въ награду деньги. „Добро!"

отвѣчаетъ на предложеніе князя Шибановъ,

„Тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро, Письмо твое въ царскія руки."
А я передамъ и за муки

Опять новая черта души Шибанова—его безкорыстіе, вытекающее изъ той же рабской преданности. Съ письмомъ Курбскаго Шибановъ немедля отправляется къ Грозному и мужественно, при словахъ:

„Отъ Курбскаго князя Андрея!"

вручаетъ его послѣднему. Исполненный гнѣва, Грозный вонзаетъ острый конецъ своего жезла въ ногу Шибанова и, налегши на костыль, выслушиваетъ посланіе Курбскаго. Кровь струится алымъ токомъ изъ пронзенной ноги, но Шибановъ стоитъ молча и спокойно какъ будто и не чувствуетъ никакой боли. Это еще болѣе раздражаетъ царя, и онъ приказываетъ Малютѣ пытать и мучить дерзкаго гонца съ цѣлію вывѣдать отъ него имена сообщниковъ Курбскаго. Здѣсь геройство Шибанова достигаетъ высшей степени своего развитія. Несмотря на продолжительныя и всевозможныя пытки палачей, онъ продолжаетъ хвалить своего господина и передъ самою смертію возноситъ сердечную, трогательную мо-

Digitized by Google

литву къ Богу; въ ней видны: и глубокая религіозность Шибанова, и его всепрощающая привязанность къ главному виновнику своихъ страданій и, наконецъ, его сильный, неподдѣльный патріотизмъ или искренняя любовь къ царю и отечеству; съ словами:

„За Грознаго, Боже, царя я молюсь, И твердо жду смерти желанной"—
За нашу святую, великую Русь,

Шибановъ встрѣчаетъ свою смерть. Такимъ образомъ, въ лицѣ Шибанова соединились слѣдующія привлекательныя черты: полная, доходящая до самопожертвованія, преданность своему господину, безкорыстіе, геройская неустрашимость и мужество, глубокая религіозность, всепрощающая любовь къ виновнику своихъ страданій и сильный, искренній патріотизмъ. Взятыя сами по себѣ, всѣ эти качества представляютъ собою то, что желательно было бы видѣть въ каждомъ человѣкѣ, и потому личность Шибанова, понимаемая въ такомъ смыслѣ, является идеальною. Съ другой стороны, полная, доходящая до самозабвенія привязанность къ своему господину со всѣми происходящими изъ нея послѣдствіями составляетъ типическую черту всѣхъ древнерусскихъ слугъ-рабовъ; поэтому на Шибанова можно смотрѣть и какъ на положительный типъ древнерусскаго слуги-раба Но если тѣ же самыя качества разсматривать только по отношенію къ Шибанову, какъ его личныя душевныя черты, и при томъ въ связи съ проявленіемъ ихъ въ его данной дѣятельности, въ такомъ случаѣ они образуютъ собою характеръ Шибанова. Слѣдовательно, *характеромъ называется проявленіе извѣстныхъ душевныхъ свойствъ выводимаго поэтомъ лица въ поступкахъ или дѣйствіяхъ послѣдняго.* Опредѣлить характеръ и значитъ: изъ поступковъ дѣйствующей личности вывести ея отличительныя, душевныя качества и указать, насколько тѣ и другія согласны сами съ собой и соотвѣтствуютъ другъ другу. Отсюда ясно, что характеръ не то же, что идеалъ или типъ: каждый идеалъ и типъ обязательно содержатъ въ себѣ тѣ или иныя душевныя свойства поэтическаго лица, проявляющіяся въ его дѣятельности, и потому могутъ быть разсматриваемы, какъ характеръ, но нельзя того же сказать о каждомъ характерѣ: Плюшкинъ, напр. представляетъ собою характеръ, но его нельзя назвать ни положительнымъ типомъ, ни—тѣмъ болѣе идеаломъ. Господствующею чертою въ характерѣ Шибанова является безпредѣльная преданность своему господину; ею опредѣляются, какъ многія другія его душевныя качества, такъ равнымъ образомъ и вся его дѣятельность: сначала и до конца Шибановъ остается вѣрнымъ слугою Курбскаго и не разу не измѣняетъ ни ему, ни своимъ убѣжденіямъ;—это называется *выдержанностію характера,* которая и

Digitized by Google

слушитъ существеннымъ условіемъ его художественнаго достоинства; при этомъ, разумѣется, необходимо имѣть въ виду и *соотвѣтствіе выводимаго характера дѣйствительности*, т. е. его истинность, правдоподобіе.

Элементы поэтическихъ произведеній. Понятіе объ эпическомъ и лирическомъ элементахъ поэзіи на основаніи разбора стихотворенія Пушкина — „Осень. "Художественными образами — идеалами, типами и характерами исчерпывается все существенное въ поэзіи и ими же опредѣляется отношеніе идеальнаго элемента поэтическихъ произведеній къ дѣйствительному міру природы и жизни. Выражая ту или другую идею, или извѣстное чувство въ живыхъ словесныхъ образахъ, поэзія беретъ своимъ матеріаломъ *міръ дѣйствительный во всемъ разнообразіи его явленій и, помощію творческаго воображенія поэта, создаетъ изъ него новый, возможный міръ. Въ немъ, какъ въ зеркалѣ, только гораздо полнѣе и очевиднѣе, отражается вся дѣйствительность, со всѣми хорошими и дурными сторонами ея и при томъ не случайно какъ-нибудь, но въ самой сущности.* Поэтому поэзію опредѣляютъ еще такимъ образомъ: *она есть выраженіе посредствомъ слова въ живыхъ, наглядныхъ образахъ существеннаго, основного въ природѣ и жизни.* Здѣсь поэзія близко соприкасается съ прозой и, подобно послѣдней, распадается на составные элементы, смотря по тому, какъ и какую сторону дѣйствительности изображаетъ она. Чтобы указать эти элементы и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить въ общихъ чертахъ отличительный характеръ каждаго изъ нихъ, остановимся сначала на произведеніи Пушкина „Осень".

„Октябрь ужъ наступилъ, ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ; дорога промерзаетъ;
Журча, еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ; сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своей—
И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.
Унылая пора! очей очарованье!
Пріятная мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.
И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
Здоровью моему полезенъ русскій холодъ;
Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь;
Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ;

Digitized by Google

Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
Желанія кипятъ—я снова счастливъ, молодъ,
Я снова жизни полнъ—таковъ мой организмъ.
(Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ).
Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздоліи открытомъ,
Махая гривою, онъ всадника несетъ—
И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звенитъ промерзлый долъ и трескается ледъ.
Но гаснетъ краткій день, и въ комелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ: то яркій свѣтъ лѣтъ,
То тлѣетъ медленно, а я надъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.
И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ и звучитъ и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ.
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.
И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѳмы легкія на встрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо—къ бумагѣ,
Минута—и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ;
Но чу! матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ—и паруса надулись, вѣтра полны;
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны."

Въ первой строфѣ Пушкинъ нѣсколькими, довольно яркими чертами изображаетъ осень: онъ говоритъ о явленіяхъ и предметахъ октябрьской природы; сюда относятся: спаденіе послѣднихъ листьевъ съ обнаженныхъ деревьевъ, осенній холодъ, промерзаніе дороги, журчащій, бѣгущій за мельницу ручей, застывшій прудъ и осеннее занятіе человѣка—охота. Во второй строфѣ поэтъ высказываетъ свои чувствованія во время осени: при видѣ прощальной красы, онъ испытываетъ пріятное состояніе и любитъ пышное увяданіе природы; такое душевное настроеніе вызываютъ въ немъ слѣдующія осеннія явленія: а) одѣтые въ багрецъ и золото лѣса, б) шумъ вѣтра и свѣжесть воздуха, в) покрытое облаками небо, г) рѣдкій лучъ солнца и д) первые морозы. Всѣ эти явленія въ свою очередь дополняютъ описаніе осени, сдѣланное въ предыдущей строфѣ. Въ строфѣ третьей изображается вліяніе осенней природы на поэта: осенью онъ вновь расцвѣтаетъ, становится бодрѣе и сильнѣе, снова чувствуетъ себя совершенно счастливымъ, молодымъ и полнымъ жизни, короче,—переживаетъ полное обновленіе. Три

Digitized by Google

остальныя строфы содержатъ въ себѣ указаніе осеннихъ занятій поэта: днемъ совершаетъ онъ верховыя прогулки, по вечерамъ читаетъ или предается любимымъ мечтамъ и думамъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ забываетъ весь окружающій его міръ и живетъ только воображеніемъ: душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ и стремится передать его во внѣ; въ головѣ возникаетъ цѣлый рой знакомыхъ образовъ и мыслей, риѳмы напрашиваются сами собой,— „Минута—и стихи свободно потекутъ."

Итакъ, во всемъ стихотвореніи изображаются, съ одной стороны, осень съ ея живительными, благотворными явленіями и осен ія занятія человѣка, съ другой,—впечатлѣнія, чувства и мысли самого поэта во время осени. Первыя относятся къ тому, что окружаетъ человѣка, находится внѣ его, иначе—*къ міру внѣшнему*,—вторыя составляютъ собственное душевное достояніе поэта, то,что происходитъ въ немъ самомъ, внутри его, или *міръ душевный, внутренній*. Отсюда, въ содержаніи поэтическихъ произведеній прежде всего и главнымъ образомъ различаются два основныхъ элемента или начала: *изображеніе міра внѣшняго во всемъ разнообразіи его предметовъ и явленій—элементъ эпическій* разсказочный (греческое ἔπος—слово, разсказъ, такъ какъ преобладающею формою изложенія здѣсь является разсказъ) и *изображеніе міра внутренняго: впечатлѣній, мыслей, чувствъ, желаній и стремленій, словомъ—различныхъ душевныхъ состояній самого поэта—элементъ лирическій*—пѣсенный (греческое λύρα—струнный музыкальный инструментъ, такъ какъ душевное настроеніе человѣка легче всего высказывается въ гармоніи звуковъ—пѣніи и музыкѣ). Внутренній, душевный міръ поэта можетъ быть переданъ двоякимъ образомъ: или самимъ поэтомъ, отъ себя самого, какъ въ данномъ произведеніи, или другимъ, повидимому постороннимъ лицомъ, которое, подъ видомъ собственныхъ душевныхъ состояній, высказываетъ однако внутреннее настроеніе поэта; въ обоихъ случаяхъ господствующею формою изложенія служитъ, обыкновенно, описаніе. Слѣдовательно, эпическій и лирическій элементы существенно разнятся между собою и по содержанію и по формѣ: *на сколько эпосъ въ формѣ разсказа изображаетъ міръ внѣшній, на столько лирика въ формѣ описанія выражаетъ міръ внутренній*. Но, обнимая собою все существующее, оба названные элементы не исчерпываютъ еще всей области поэзіи: міръ внѣшній, такъ или иначе, только неизбѣжно дѣйствуетъ на человѣка и вызываетъ въ немъ извѣстное душевное настроеніе; подъ вліяніемъ послѣдняго человѣкъ совершаетъ тѣ или другія дѣйствія, въ которыхъ ясно проглядываетъ его внутреннее состояніе; такое взаимодѣйствіе міра

Digitized by Google

внѣшняго и внутренняго даетъ основаніе третьему элементу поэзіи драматическому.

Понятіе о драматическомъ элементѣ поэзіи на основаніи разбора произведенія „Кочубей въ темницѣ“ изъ „Полтавы“ Пушкина. Для выясненія сущности элемента драматическаго, разсмотримъ отрывокъ изъ „Полтавы“ Пушкина—„Кочубей въ темницѣ.“

„Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ,
И пышныхъ гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.
Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долитъ.. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть,
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье,
Утратить жизнь—и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху весть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ,
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!..
И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего?—
Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ—и пробужденъ
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной пріобщусь!
И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святого,
Онъ гостя узнаетъ иного—
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокій человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?
Орликъ. Допросъ не конченъ; отвѣчай.
Кочубей. Я отвѣчалъ уже, ступай.
Оставь меня.
Орликъ. Еще признанья
Панъ гетманъ требуетъ.
Кочубей. Но въ чемъ?
Давно сознался я во всемъ,
Что вы хотѣли. Показанья
Мои всѣ ложны. Я лукавъ,
Я строю козни. Гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣе?

Digitized by Google

Орликъ. Мы знаемъ,
Что ты несчетно былъ богатъ;
Мы знаемъ: не единый кладъ
Тобой на Диканькѣ укрываемъ. *)
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имѣніе сполна
Въ казну поступитъ войсковую—
Таковъ законъ. Я указую
Тебѣ послѣдній долгъ: открой,
Гдѣ клады, скрытые тобой?
Кочубей. Такъ, не ошиблись вы: три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада.
И первый кладъ мой—честь была:
Кладъ этотъ пытка отняла;
Другой былъ кладъ невозвратимый—
Честь дочери моей любимой,
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ;
Мазепа этотъ кладъ укралъ.
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ—святую месть:
Ее готовлюсь Богу снесть.
Орликъ. Старикъ, оставь пустыя бредни:
Сегодня покидая свѣтъ,
Питайся мыслію суровой.
Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой:
Гдѣ спряталъ деньги?
Кочубей. Злой холопъ!
Окончишь ли допросъ нелѣпый?
Повремени: дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепой
Мое наслѣдіе считать
Окровавленными перстами,
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами.
Съ собой возьмите дочь мою;
Она сама вамъ все разскажетъ,
Сама всѣ клады вамъ укажетъ;
Но, ради Господа, молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.
Орликъ. Гдѣ спряталъ деньги? укажи.
Не хочешь?—Деньги гдѣ?—скажи,
Иль выйдетъ слѣдствіе плохое.
Подумай: мѣсто намъ назначь.
Молчишь?—Ну, въ пытку. Гей, палачъ!
Палачъ вошелъ....
О, ночь мученій!"

Поэтъ начинаетъ свой разсказъ изображеніемъ чудной украинской ночи. Въ противоположность мирному, ничѣмъ невозмущаемому спокойствію въ ночной природѣ, онъ выводитъ Кочубея съ мрачнымъ, тревожнымъ настроеніемъ его духа. Заключенный по проискамъ Мазепы въ темницу и приговоренный имъ къ казни, Кочубей наканунѣ ея испытываетъ самыя противоположныя душевныя состоянія, переживаетъ борьбу мыслей и чувствъ: съ одной стороны, онъ нисколько не боится казни и охотно готовъ умереть, такъ какъ не жалѣетъ жизни, и смерть кажется ему только желаннымъ сномъ, съ другой—ему невыносимо тяжело вмѣстѣ съ своей жизнію лишиться и чести, безвинно и безъ мести пасть отъ руки царскаго злодѣя и въ то же время сдѣлаться невольнымъ виновникомъ ужасной смерти своихъ друзей. Онъ вспоминаетъ свою прежнюю счастливую жизнь въ Полтавѣ, все, чѣмъ тогда онъ насладился, что добровольно и для чего-то бросилъ, и невольно поддается дремотѣ. Въ это время въ заржавомъ замкѣ

*) Деревня Кочубея.

Digitized by Google

раздается звукъ ключа, и пробужденный несчастный снова возвращается къ своему настоящему положенію. Думая, что то идетъ священникъ дать ему послѣднее, предсмертное напутствіе, Кочубей готовится съ искреннимъ, сердечнымъ сокрушеніемъ излить предъ Господомъ „тоску мольбы своей", но, вмѣсто духовнаго врача и разрѣшителя грѣховъ, онъ видитъ передъ собою приверженца Мазепы свирѣпаго Орлика, и опять въ душѣ его поднимается буря волненій и тревогъ. Между Кочубеемъ и Орликомъ завязывается словесная борьба, борьба уже внѣшняя: Кочубей проситъ Орлика оставить его, не возмущать его послѣдняго ночлега, дать ему хоть спокойно лечь во гробъ,—Орликъ пристаетъ къ Кочубею съ требованіемъ назвать мѣста, гдѣ скрыты его деньги, и грозитъ ему въ противномъ случаѣ новою пыткою. Борьба заканчивается тѣмъ, что Орликъ зоветъ въ темницу палача; палачъ входитъ, и для Кочубея настаетъ ночь мученій. Внутренняя душевная борьба, борьба мыслей и чувствъ Кочубея, вызвана здѣсь внѣшнимъ обстоятельствомъ: несправедливымъ заключеніемъ его въ темницу и осужденіемъ на смертную казнь; въ свою очередь сама она способствовала распрѣ Кочубея съ Орликомъ и дала пищу борьбѣ между ними внѣшней; послѣдняя, какъ проявляющаяся въ словахъ и особенно поступкахъ или дѣйствіяхъ, у грековъ обозначалась словомъ δρᾶμα—дѣйствіе, отсюда—названіе драматическій. Обнаруживаясь въ словесномъ столкновеніи, борьба Кочубея съ Орликомъ представляетъ совершающееся въ дѣйствіи событіе; съ другой стороны, въ ней, а также и во взаимномъ соприкосновеніи противоположныхъ душевныхъ настроеній Кочубея наглядно высказывается характеръ этого страдальца. Отсюда, въ разсматриваемомъ произведеніи соединяются въ одно неразрывное цѣлое: внѣшнее происшествіе—пытка Кочубея Орликомъ и внутреннее развитіе въ разнообразной борьбѣ самого характера Кочубея. Слѣдовательно, *сущность драматическаго элемента состоитъ въ изображеніи, посредствомъ внутренней и внѣшней борьбы* (событіе или дѣйствіе), *духовной природы выведеннаго поэтомъ лица* (психологическое освѣщеніе или развитіе характеровъ).—Этимъ данный элементъ поэзіи существенно отличается отъ двухъ прочихъ: эпическаго, занятаго міромъ внѣшнимъ, и лирическаго,—внутреннимъ.—

Разнообразное соединеніе элементовъ поэзіи въ различныхъ сочиненіяхъ. Раздѣленіе поэтическихъ произведеній, по преобладанію въ нихъ того или другаго элемента, на три рода: эпосъ, лирику и драму. Въ стихотвореніи Пушкина „Осень" находятся два элемента—эпическій и лирическій, при чемъ господствующимъ является элементъ лирическій,—въ отрывкѣ же „Кочубей въ тем-

Digitized by Google

ницѣ“ замѣтно присутствіе всѣхъ трехъ элементовъ поэзіи съ преобладающимъ драматическимъ. Такъ бываетъ почти во всѣхъ поэтическихъ произведеніяхъ; очень немногія изъ нихъ встрѣчаются съ однимъ какимъ-либо элементомъ въ чистомъ видѣ; громадное же большинство совмѣщаетъ въ себѣ два или три элемента, изъ которыхъ одинъ какой-либо всегда занимаетъ первое мѣсто. Смотря по тому, какой изъ элементовъ имѣетъ въ произведеніи первенствующее значеніе, и самое произведеніе называется соотвѣтствующимъ именемъ. На этомъ основывается раздѣленіе поэзіи на три рода: 1) эпическую, 2) лирическую и 3) драматическую.

Поэзія эпическая.

Понятіе объ эпосѣ на основаніи разбора сочиненія Лермонтова „Бородино“. Названіе поэзіи эпической или эпоса усвояется такимъ поэтическимъ произведеніямъ, въ которыхъ преобладающимъ элементомъ является—эпическій. Существенныя свойства этого рода поэзіи легко можно опредѣлить изъ разбора, напр. стихотворенія Лермонтова: „**Бородино.**“

„Скажика-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были-жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!“
Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя;
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля....
Не будь на то Господня воля,
Не отдали-бъ Москвы!
Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
„Что-жъ мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ что-ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?“
И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ-какъ—тутъ.
Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка братъ мусью!
Что тутъ хитрить! пожалуй къ бою!
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
„Пора добраться до картечи!“
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.
Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось—

Digitized by Google

Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ....
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
„Ребята! не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!“
—И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.
Ну-жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!...
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!....
Земля тряслась—какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой....
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять....
Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать....
Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля....
Когда-бъ на то не Божья воля,
Не отдали-бъ Москвы!“

Молодой парень спрашиваетъ ветерана, стараго солдата—участника въ войнѣ 1812-года о боевыхъ схваткахъ, предшествовавшихъ оставленію Москвы Русскими, при чемъ называетъ одну изъ нихъ: битву при Бородинѣ. Вызванный на воспоминаніе, ветеранъ подробно излагаетъ обстоятельства Бородинскаго сраженія, разсматривая ихъ съ той точки зрѣнія, какую имѣли въ его время всѣ простые солдаты. Предъ Бородинской битвой Русскіе долго отступали. Солдаты были недовольны этимъ: они досадовали и ворчали на медлительность и осторожность своихъ полководцевъ. Но вотъ выбрали подходящее мѣсто, построили редуты, приготовили орудія. Къ утру явились и Французы. Русское войско готово было тотчасъ же броситься на непріятеля и до послѣдней капли крови биться съ нимъ за свою родину; однако первые два дня прошли въ пустой, не имѣвшей ничего особеннаго, перестрѣлкѣ. Повсюду открыто высказывалось желаніе рѣшительной битвы, которая и была дана на третій день. Въ ночь, наканунѣ ея, Французы ликовали до самаго разсвѣта; въ лагерѣ Русскихъ царила тишина: каждый былъ серьезно занятъ приготовленіемъ къ предстоящему бою. Рано утромъ все вдругъ зашевелилось. Полковникъ, въ отрядѣ котораго находился разсказчикъ, убѣждалъ своихъ солдатъ умереть, но не уступать

Digitized by Google

Москвы непріятелю; солдаты обѣщали и выполнили свое обѣщаніе. Битва была самая ужасная: Французы двинулись тучами; знамена носились, какъ тѣни; рука бойцовъ уставала колоть; груды тѣлъ мѣшали пролетать ядрамъ; земля тряслась; кони и люди смѣшались въ кучу; залпы тысячи орудій слились въ одинъ протяжный вой. Такъ было вплоть до вечера. Русскіе рѣшили вступить утромъ въ новый, вторичный бой и стоять до конца, но непріятель отступилъ. Какъ видно изъ переданнаго содержанія, данное сочиненіе представляетъ собою обстоятельное изложеніе Бородинскаго сраженія; событіе это стоитъ здѣсь на первомъ планѣ и наполняетъ собою все сочиненіе; то же самое бываетъ и во всѣхъ вообще эпическихъ произведеніяхъ: каждое изъ нихъ, съ большей или меньшей степенью полноты и обстоятельности, знакомитъ насъ съ какимъ—либо событіемъ или происшествіемъ изъ міра внѣшняго, будетъ—ли оно дѣйствительное, но только окрашенное извѣстною идеею поэта, дополненное его вымысломъ, какъ въ разсматриваемомъ образцѣ, или же совершенно вымышленное, какъ въ приведенномъ выше стихотвореніи Пушкина „Бѣсы“; поэтому первою и вмѣстѣ самою главною особенностію эпической поэзіи служитъ—со стороны содержанія—*изображеніе какого-либо событія или происшествія изъ міра внѣшняго.* Кромѣ событій, эпосъ затрогиваетъ и другія стороны міра внѣшняго: различнаго рода предметы, явленія природы и т. п., но всегда лишь на столько, на сколько все это уясняетъ его существенное содержаніе; по крайней мѣрѣ такъ должно быть въ истинно-эпическомъ произведеніи.

Изложеніе событія Бородинской битвы ветеранъ начинаетъ указаніемъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ сраженію: онъ говоритъ объ отступленіи русскихъ войскъ предъ сраженіемъ и о недовольствѣ и ворчаньи солдатъ на это отступленіе; далѣе рѣчь идетъ уже о самомъ сраженіи, при чемъ сначала говорится о приготовленіи къ нему, потомъ о первыхъ двухъ дняхъ битвы и наконецъ о рѣшительномъ боѣ на третій день. Такимъ образомъ, чрезъ все сочиненіе проходитъ послѣдовательный, хронологическій разсказъ; онъ вызывается естественною необходимостію, такъ какъ всякое внѣшнее событіе совершается въ порядкѣ времени и потому можетъ быть передано съ надлежащею основательностію только въ хронологической послѣдовательности. Отсюда, *по отношенію къ формѣ — послѣдовательный разсказъ составляетъ вторую характеристическую черту эпоса.* Впрочемъ, вмѣстѣ съ разсказомъ въ эпосѣ встрѣчается и описаніе: оно допускается при изображеніи предметовъ и явленій природы, дополняющихъ излагаемое событіе, и подобно имъ имѣетъ здѣсь второстепенное значеніе.

Digitized by Google

Разсказъ о Бородинскомъ сраженіи вложенъ въ уста стараго солдата; самъ авторъ остается въ сторонѣ отъ изображаемаго имъ происшествія, такъ что его личность вовсе незамѣтна. Такое чисто безучастное отношеніе поэта къ излагаемому имъ событію, какъ извѣстно, называется объективнымъ (лат. objectus отъ objicio — находящійся напротивъ к.-л., или предъ чѣмъ-л.) въ противоположность отношенію субъективному (лат. subjectus отъ subjicio — лежащій, находящійся подлѣ, внутри), при которомъ личность автора въ сочиненіи выступаетъ на первый планъ. *Объективность является третьимъ и послѣднимъ отличительнымъ свойствомъ эпоса;* по этому признаку эпическую поэзію называютъ, обыкновенно, объективною.

Итакъ, *подъ именемъ эпической поэзіи или эпоса разумѣются такія поэтическія произведенія, которыя содержатъ въ себѣ объективный, послѣдовательный разсказъ о какомъ-либо событіи или происшествіи изъ міра внѣшняго.*

1) Эпосъ народный.

Эпическая поэзія возникаетъ въ народѣ въ отдаленный, первобытный періодъ его жизни. Первоначально она проявляется исключительно въ безыскусственныхъ, народныхъ произведеніяхъ, которыя поэтому и образуютъ первый видъ эпоса. Эпосъ народный создается цѣлымъ народомъ, на почвѣ чисто народной жизни и развивается вмѣстѣ съ послѣднею. Въ началѣ своего существованія народъ находится въ самомъ непосредственномъ отношеніи къ природѣ: яркое солнце съ его животворными лучами, мрачныя тучи съ ужасающими и вмѣстѣ благотворными громомъ и молніею, живительный весенній дождикъ, губительное ненастье, темныя осеннія ночи, зимнія вьюги и т. п. естественные предметы и явленія кажутся ему такими же живыми существами, какъ и самъ онъ, дѣйствующими по тѣмъ же человѣческимъ законамъ, только надѣленными несравненно большею силою и могуществомъ. Наблюдая, напр. ежедневный восходъ и заходъ солнца, ежегодную смѣну весны и лѣта осенью и зимою, неразвитый народъ приходитъ къ убѣжденію, что солнце, подобно человѣку, работаетъ днемъ и отдыхаетъ ночью, что оно вѣчно борется съ тьмою и холодомъ: побѣждаетъ ихъ весною и лѣтомъ и само побѣждается ими осенью и зимою. Громъ, въ весеннее и лѣтнее время змѣистыми молніями разсѣкающій тучи и какъ—бы прочищающій дорогу солнцу, является въ глазахъ народа защитникомъ, оберегателемъ солнца, самыя же тучи съ часто сопровождающими ихъ бурями, стремящіяся закрыть солнце и какъ бы снова заполонить

Digitized by Google

его,— его противниками. Такъ, подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же повторяющихся впечатлѣній, въ воображеніи первобытнаго человѣка создается особый міръ, населенный какими-то высшими живыми существами, ведущими между собою непрерывную борьбу. Постоянно испытывая на себѣ ихъ дѣйствія и чувствуя полнѣйшую зависимость отъ нихъ, люди признаютъ ихъ своими богами, (зависимость отъ нихъ, люди признаютъ ихъ своими богами,) составляютъ въ честь ихъ молитвы, слагаютъ о подвигахъ ихъ различнаго рода разсказы. Это и служитъ содержаніемъ народнаго эпоса въ первую эпоху его развитія, извѣстную подъ именемъ миѳологической или миѳической (греч. μῦθος миѳъ, отъ μύω складываю, т. е. складъ, сказаніе, разсказъ о богахъ, ихъ свойствахъ и дѣйствіяхъ). Таковы греческіе миѳы Гезіода, финскіе „Калевала". У большинства народовъ миѳы, какъ отдѣльныя, законченныя сказанія о богахъ, не доходятъ до позднѣйшихъ временъ; они встрѣчаются лишь въ видѣ отрывочныхъ преданій и входятъ въ составъ различныхъ народныхъ произведеній. Особенно слѣды миѳовъ замѣтны въ сказкахъ, которыя и составляютъ вторую форму народнаго эпоса въ періодъ миѳическій.

Сказки. Происхожденіе сказокъ относится къ глубокой древности. Первоначально онѣ сложились въ отдаленной Индіи и уже оттуда, частію чрезъ посредство монголовъ, частію независимо отъ нихъ, были перенесены въ Европу. Примѣрами сказокъ могутъ служить—„Марья Моревна" и „Морозко."

„Марья Моревна." „Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоромъ государствѣ жилъ-былъ Иванъ Царевичъ; у него было три сестры: одна Марья царевна, другая Ольга царевна, третья Анна царевна. Отецъ и мать у нихъ померли; умирая, они сыну наказывали: „кто первый за твоихъ сестеръ станетъ свататься, за того и отдавай—при себѣ не держи долго!" Царевичъ похоронилъ родителей и съ горя пошелъ съ сестрами въ зеленый садъ погулять. Вдругъ находитъ на него туча черная, встаетъ гроза—страшная. „Пойдемте, сестрицы, домой!" говоритъ Иванъ царевичъ. Только пришли во дворецъ—какъ грянулъ громъ, раздвоился потолокъ и влетѣлъ къ нимъ въ горницу ясенъ-соколъ, ударился объ полъ, сдѣлался добрымъ молодцемъ и говоритъ: „здравствуй Иванъ царевичъ! прежде я ходилъ гостемъ, а теперь пришелъ сватомъ, хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать." „Коли любъ ты сестрицѣ, я ее не унимаю—пусть съ богомъ идетъ!"—Марья-царевна согласилась, соколъ женился и унесъ ее въ свое царство. Дни идутъ за днями, часы бѣгутъ за часами, цѣлаго года какъ не бывало; пошелъ Иванъ-царевичъ съ двумя сестрами въ зеленый садъ погулять. Опять встаетъ туча съ вихремъ, съ молніею. „Пойдемте, сестрицы, домой!" говоритъ царевичъ. Только пришли во дворецъ—какъ ударилъ громъ, разсыпалась крыша, раздвоился потолокъ и влетѣлъ орелъ; ударился

Digitized by Google

орелъ объ полъ и сдѣлался добрымъ молодцемъ: „здравствуй Иванъ царевичъ! прежде я гостемъ къ тебѣ ходилъ, а теперь пришелъ сватомъ.“ И посваталъ Ольгу-царевну. Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: „если ты любъ Ольгѣ-царевнѣ, то пусть за тебя идетъ; я съ нея воли не снимаю.“ Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замужъ; орелъ подхватилъ ее и унесъ въ свое царство. Прошелъ еще одинъ годъ; говоритъ Иванъ-царевичъ своей младшей сестрицѣ: „пойдемъ, въ зеленомъ саду погуляемъ!“ Погуляли немножко; опять встаетъ туча съ вихремъ, съ молніею. „Вернемся, сестрица, домой!“ Вернулись домой, не успѣли сѣсть—какъ ударилъ громъ, раздвоился потолокъ и влетѣлъ воронъ; ударился воронъ объ полъ и сдѣлался добрымъ молодцемъ: прежніе были хороши собой, а этотъ еще лучше. „Ну, Иванъ-царевичъ! прежде я гостемъ ходилъ, а теперь пришелъ сватомъ, отдай за меня Анну-царевну.“—Я съ сестрицы волю не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идетъ за тебя.“—Вышла за ворона Анна-царевна, и унесъ онъ ее въ свое государство. Остался Иванъ-царевичъ одинъ; цѣлый годъ жилъ безъ сестеръ, и сдѣлалось ему скучно. „Пойду, говоритъ, искать сестрицъ.“ Собрался въ дорогу, шелъ,—шелъ, и видитъ—лежитъ въ полѣ рать сила—побитая. Спрашиваетъ Иванъ-царевичъ: „коли есть тутъ живъ человѣкъ—отзовися! кто побилъ это войско великое?“ отозвался ему живъ человѣкъ: „все это войско великое побила Марья-Моревна, прекрасная королевна.“ Пустился Иванъ-царевичъ дальше, наѣзжалъ на шатры бѣлые, выходила къ нему на встрѣчу Марья-Моревна, прекрасная королевна: „здравствуй, царевичъ! куда тебя Богъ несетъ—по волѣ, аль по неволѣ?“ Отвѣчалъ Иванъ-царевичъ: „добрые молодцы по неволѣ не ѣздятъ!“ Ну, коли дѣло не къ спѣху, погости у меня въ шатрахъ; Иванъ-царевичъ въ шатрахъ ночевалъ, полюбился Марьѣ-Моревнѣ и женился на ней. Марья-Моревна, прекрасная королевна, взяла его съ собою въ свое государство; пожили они вмѣстѣ сколько-то времени, и вздумалось королевнѣ на войну собираться; покидаетъ она на Ивана-царевича все хозяйство и приказываетъ: „вездѣ ходи, за всѣмъ присматривай; только въ этотъ чуланъ не моги заглядывать!“ Онъ не вытерпѣлъ: какъ только Марья Моревна уѣхала, тотчасъ бросился въ чуланъ, отворилъ дверь, глянулъ, а тамъ виситъ Кощей Безсмертный, на двѣнадцати цѣпяхъ прикованъ. Проситъ Кощей у Ивана-царевича: „сжалься надо мной, дай мнѣ напиться: десять лѣтъ я мучуюсь, не ѣлъ—не пилъ—совсѣмъ въ горлѣ пересохло!“—Царевичъ подалъ ему цѣлое ведро воды; онъ выпилъ и еще запросилъ: „мнѣ однимъ ведромъ не залить жажды: дай еще!“ Царевичъ подалъ другое ведро; Кощей выпилъ и запросилъ третье, а какъ выпилъ третье ведро—взялъ свою прежнюю силу, тряхнулъ цѣпями и сразу всѣ двѣнадцать порвалъ *). „Спасибо, Иванъ-царевичъ!“ сказалъ Кощей Безсмертный, „теперь тебѣ никогда не видать Марьи

*) Вар: Глянулъ—а тамъ змѣй о двѣнадцати головахъ, о двѣнадцати хоботахъ на желѣзныхъ крюкахъ виситъ, изъ его ранъ кровь течетъ. Говоритъ змѣй Ивану

Digitized by Google

Моревны, какъ ушей своихъ!“ и страшнымъ вихремъ вылетѣлъ въ окно, нагналъ на дорогѣ Марью-Моревну, прекрасную королевну, подхватилъ ее и унесъ къ себѣ! А Иванъ-царевичъ горько-горько заплакалъ, снарядился и пошелъ въ путь—дорогу: „что ни будетъ, а розыщу Марью-Моревну!“ Идетъ день, идетъ другой, на разсвѣтѣ третьяго видитъ чудесный дворецъ, у дворца дубъ стоитъ, на дубу ясенъ соколъ сидитъ. Слетѣлъ соколъ съ дуба, ударился оземь, обернулся добрымъ молодцемъ и закричалъ: „ахъ, шуринъ мой любезный! какъ тебя Господь милуетъ?“ Выбѣжала Марья-царевна, встрѣтила Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье распрашивать, про свое житье-бытье разсказывать. Погостилъ у нихъ царевичъ три дня и говоритъ: „не могу у васъ гостить долго; я иду искать жену мою, Марью-Моревну, прекрасную королевну.“ „Трудно тебѣ сыскать ее“ отвѣчалъ соколъ; „оставь здѣсь на всякой случай свою серебряную ложку: будемъ на нее смотрѣть, про тебя воспоминать.“ Иванъ-царевичъ оставилъ у сокола свою серебряную ложку и пошелъ въ дорогу. Шелъ онъ день, шелъ другой; на разсвѣтѣ третьяго—видитъ дворецъ, еще лучше перваго; возлѣ дворца дубъ стоитъ, на дубу орелъ сидитъ. Слетѣлъ орелъ съ дерева, ударился оземь, обернулся добрымъ молодцемъ и закричалъ: „вставай, Ольга-царевна! милой нашъ братецъ идетъ.“ Ольга царевна тотчасъ прибѣжала на встрѣчу, стала его цѣловать—обнимать, про здоровье распрашивать. Иванъ-царевичъ погостилъ у нихъ три денька и говоритъ: „дольше гостить мнѣ некогда; я иду искать жену мою, Марью-Моревну, прекрасную королевну.“ Отвѣчаетъ орелъ: „трудно тебѣ сыскать ее: оставь у насъ серебряную вилку, будемъ на нее смотрѣть, тебя вспоминать.“ Онъ оставилъ серебряную вилку и пошелъ въ дорогу. День шелъ, другой шелъ; на разсвѣтѣ третьяго—видитъ дворецъ лучше первыхъ двухъ; возлѣ дворца дубъ стоитъ, на дубу воронъ сидитъ. Слетѣлъ воронъ съ дуба, ударился оземь, обернулся добрымъ молодцемъ и закричалъ: „Анна-царевна! поскорѣй выходи, нашъ братецъ идетъ.“ Выбѣжала Анна-царевна, встрѣтила его радостно, стала цѣловать—обнимать, про здоровье распрашивать, про свое житье-бытье разсказывать. Иванъ-царевичъ прогостилъ у нихъ три денька и говоритъ: „прощайте! пойду жену искать—Марью-Моревну, прекрасную королевну.“ Отвѣчаетъ воронъ: „трудно тебѣ сыскать ее: оставь-ка у насъ серебряную табакерку: будемъ на нее смотрѣть, тебя вспоминать.“ Царевичъ отдалъ ему серебряную табакерку, попрощался и пошелъ въ дорогу. *) День шелъ, другой шелъ,

---

царевичу: „ахъ добрый человѣкъ! обмокни въ мою кровь свой палецъ и дохни [дунь] на меня; за твою услугу я тебя три раза отъ смерти избавлю“. Иванъ-царевичъ обмочилъ свой палецъ въ кровь и дохнулъ на змѣя; змѣй рванулся, поломалъ крюки и улетѣлъ.

*) Вар. „Оставь у насъ свое золотое кольцо; будемъ на него смотрѣть, тебя вспоминать: если кольцо свѣтло—значитъ, ты живъ и здравъ; а если потускнѣетъ—тотчасъ увѣдаемъ, что съ тобой бѣда приключилася“. Иванъ-царевичъ отдалъ свое золотое кольцо и пошелъ въ змѣиное царство.

Digitized by Google

а на третій—добрался до Марьи-Моревны. Увидала она своего милаго, бросилась къ нему на шею, залилась слезами и промолвила: „ахъ, Иванъ-царевичъ! зачѣмъ ты меня не послушался: посмотрѣлъ въ чуланъ и выпустилъ Кощея Безсмертнаго.“ „Прости, Марья-Моревна! не поминай стараго, лучше поѣдемъ со мной, пока не видать Кощея Безсмертнаго; авось не догонитъ!“ Собрались и уѣхали. А Кощей на охотѣ былъ; къ вечеру онъ домой ворочается, подъ нимъ добрый конь спотыкается. „Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? али чуешь какую невзгоду?“ Отвѣчаетъ конь: „Иванъ-царевичъ приходилъ, Марью-Моревну увезъ.“ „А можно-ли ихъ догнать?“ „Можно пшеницы насѣять, дождаться, пока она выростетъ. сжать ее, смолотить, въ муку обратить, пять печей хлѣба *) наготовить, тотъ хлѣбъ поѣсть, да тогда въ догонь ѣхать—и то поспѣемъ!“ Кощей поскакалъ, догналъ Иванъ-царевича: „ну, говоритъ, первый разъ тебя прощаю за твою доброту, что водой меня напоилъ, и въ другой разъ прощу, а въ третій — берегись — на куски изрублю!“ Отнялъ у него Марью-Моревну и увезъ; а Иванъ-царевичъ сѣлъ на камень и заплакалъ. Поплакалъ-поплакалъ, и опять воротился назадъ за Марьей-Моревной. Кощея Безсмертнаго дома не случилося. „Поѣдемъ, Марья-Моревна!“ „Ахъ, Иванъ-царевичъ! онъ насъ догонитъ.“ „Пускай догонитъ; мы хоть часокъ—другой проведемъ вмѣстѣ.“ Собрались и уѣхали. Кощей Безсмертный домой возвращается, подъ нимъ добрый конь спотыкается. „Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? али чуешь какую невзгоду?“ „Иванъ-царевичъ приходилъ, Марью-Моревну съ собой взялъ.“ „А можно-ли догнать ихъ?“—„Можно ячменю насѣять, подождать, пока выростетъ, сжать—смолотить, пива наварить, допьяну напиться, до отвалу выспаться, да тогда въ погонь ѣхать—и то поспѣемъ!“ Кощей поскакалъ, догналъ Ивана-царевича: „вѣдь я-жъ говорилъ, что тебѣ не видать Марьи Моревны, какъ ушей своихъ! “Отнялъ ее и увезъ къ себѣ. Остался Иванъ-царевичъ одинъ, поплакалъ, поплакалъ и опять воротился за Марьей-Моревною; на ту пору Кощея дома не случилося. „Поѣдемъ, Марья-Моревна!“—„Ахъ, Иванъ-царевичъ! вѣдь онъ догонитъ, тебя въ куски изрубитъ.“ „Пускай изрубитъ! я безъ тебя жить не могу“. Собрались и поѣхали. Кощей Безсмертный домой возвращается, подъ нимъ добрый конь спотыкается. „Что ты спотыкаешься? али чуешь какую-нибудь невзгоду?“ „Иванъ-царевичъ приходилъ; Марью-Моревну съ собой взялъ.“ Кощей поскакалъ, догналъ Ивана-царевича, изрубилъ его въ мелкіе куски и поклалъ въ смоленую бочку; взялъ эту бочку, скрѣпилъ желѣзными обручами и сбросилъ въ синее море, а Марью-Моревну къ себѣ увезъ. Въ то самое время у зятьевъ Ивана-царевича серебро почернѣло. „Ахъ, говорятъ они, видно бѣда приключилася!“ Орелъ бросился въ синее море, схватилъ и вытащилъ бочку на берегъ, соколъ полетѣлъ за живой водою, а воронъ за мертвою. Слетѣлися всѣ трое въ одно мѣсто, разбили бочку, вынули куски Ивана-Царевича, перемыли и склали, какъ надобно. Воронъ брызнулъ живой водою—Иванъ

*) Вар: пироговъ.

Digitized by Google

царевичъ вздрогнулъ, всталъ и говоритъ: „ахъ! какъ я долго спалъ;“ „Еще бы дольше проспалъ, еслибъ не мы“, отвѣчали ему зятья: „пойдемъ теперь къ намъ въ гости“. „Нѣтъ, братцы! я пойду искать Марью Моревну.“ Приходитъ къ ней и проситъ: „разузнай у Кощея Безсмертнаго, гдѣ онъ досталъ себѣ такого добраго коня?“ Вотъ Марья-Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выспрашивать. Кощей сказалъ: „за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, за огненной рѣкою, живетъ Баба-Яга; у ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокругъ свѣта облетаетъ. Много у ней и другихъ славныхъ кобылицъ; я у ней три дня пастухомъ былъ, ни одной кобылицы не упустилъ, и за то Баба-Яга дала мнѣ одного жеребенка.“ „Какъ-же ты черезъ огненную рѣку переправился?“ „А у меня есть такой платокъ—какъ махну въ правую сторону три раза, сдѣлается высокой—высокой мостъ и огонь его не достанетъ!“ Марья-Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу, и платокъ унесла да ему отдала. Иванъ-царевичъ переправился черезъ огненную рѣку и пошелъ къ Бабѣ-Ягѣ. Долго шелъ онъ не пивши—не ѣвши. Попадалась ему на встрѣчу заморская птица съ малыми дѣтками. Иванъ-царевичъ говоритъ: „съѣмъ-ка я одного цыпленочка.“—„Не ѣшь, Иванъ-царевичъ!“ проситъ заморская птица; въ нѣкоторое время я пригожусь тебѣ. Пошелъ онъ дальше; видитъ въ лѣсу улей пчелъ[1]). „Возьму-ка я, говоритъ, сколько-нибудь медку,“ Пчелиная матка отзывается: „не тронь моего меду, Иванъ-царевичъ! въ нѣкоторое время я тебѣ пригожусь.“ Онъ не тронулъ и пошелъ дальше; попадаетъ ему на встрѣчу львица со львенкомъ. „Съѣмъ я хоть этого львенка: есть такъ хочется, ажно тошно стало!“—„Не тронь, Иванъ-царевичъ! проситъ львица; въ нѣкоторое время я тебѣ пригожусь.“ „Хорошо, пусть будетъ по твоему!“ Побрелъ голодный, шелъ, шелъ—стоитъ домъ Бабы-Яги, кругомъ дома двѣнадцать шестовъ, на одиннадцати шестахъ по человѣческой головѣ, только одинъ незанятый. „Здравствуй, бабушка!“—„Здравствуй, Иванъ царевичъ! почто пришелъ — по своей доброй волѣ, али по нуждѣ?“ „Пришелъ заслужить у тебя богатырскаго коня.“ „Изволь, царевичъ! у меня вѣдь не годъ служить, а всего то три дня: если упасешь моихъ кобылицъ—дамъ тебѣ богатырскаго коня, а если нѣтъ, то не гнѣвайся—торчать твоей головѣ на послѣднемъ шестѣ. Иванъ-царевичъ согласился; Баба-Яга его накормила, напоила и велѣла за дѣло приниматься. Только что выгналъ онъ кобылицъ въ поле, кобылицы задрали хвосты и всѣ врозь по лугамъ разбѣжались; не успѣлъ царевичъ глазами вскинуть, какъ онѣ совсѣмъ пропали. Тутъ онъ заплакалъ, запечалился, сѣлъ на камень и заснулъ. Солнышко уже на закатѣ, прилетѣла заморская птица и будитъ его: „вставай, Иванъ-царевичъ! кобылицы теперь дома.“ Царевичъ всталъ, воротился домой; а Баба-Яга и шумитъ, и кричитъ на своихъ кобылицъ: „зачѣмъ вы домой воротились?“ „Какъ же намъ было не воротиться? налетѣли птицы со всего

---

[1]) Вмѣсто пчелинаго улья, по другому списку, Иванъ-царевичъ встрѣчаетъ рака

Digitized by Google

свѣта, чуть намъ глаза не выклевали." „Ну, вы завтра по лугамъ не бѣгайте, а разсыптесь по дремучимъ лѣсамъ." Переспалъ ночь Иванъ царевичъ; на утро Баба-Яга ему говоритъ: „смотри, царевичъ! если не упасешь кобылицъ, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушкѣ на шестѣ!" Погналъ онъ кобылицъ въ поле; онѣ тотчасъ задрали хвосты и разбѣжались по дремучимъ лѣсамъ. Опять сѣлъ царевичъ на камень, плакалъ—плакалъ да и заснулъ. Солнышко сѣло за лѣсъ, прибѣжала львица: „вставай, Иванъ-царевичъ; кобылицы всѣ собраны." Иванъ-царевичъ всталъ и пошелъ домой; Баба-Яга пуще прежняго и шумитъ, и кричитъ на своихъ кобылицъ: „зачѣмъ домой воротились?"—„Какъ-же намъ было не воротиться? набѣжали лютые звѣри со всего свѣта, чуть насъ совсѣмъ не разорвали". „Ну, вы завтра забѣгите въ сине море." Опять переспалъ ночь Иванъ-царевичъ; на утро посылаетъ его Баба-Яга кобылицъ пасти: „если не упасешь, быть твоей буйной головушкѣ на шестѣ!" Онъ погналъ кобылицъ въ поле; онѣ тотчасъ скрылись съ глазъ и забѣжали въ сине море: стоятъ въ водѣ по шею. Иванъ-царевичъ сѣлъ на камень, заплакалъ и уснулъ. Солнышко за лѣсъ сѣло, прилетѣла пчелка и говоритъ: „вставай, царевичъ! кобылицы всѣ собраны; да какъ воротишься домой, Бабѣ-Ягѣ на глаза не показывайся, пойди въ конюшню и спрячься за яслями. Тамъ есть паршивый жеребенокъ—въ навозѣ валяется; ты украдь его и въ глухую полночь уходи изъ дому." Иванъ-царевичъ всталъ, пробрался въ конюшню и улегся за яслями; Баба-Яга и шумитъ, и кричитъ на своихъ кобылицъ: „зачѣмъ воротились?"—„Какъ-же намъ было не воротиться? налетѣло пчелъ видимо-невидимо со всего свѣта, и давай насъ со всѣхъ сторонъ жалить до крови [1])". Баба-Яга заснула, а въ самую полночь Иванъ-царевичъ укралъ у нея паршиваго жеребенка, осѣдлалъ его, сѣлъ и поскакалъ къ огненной рѣкѣ. Доѣхалъ до той рѣки, махнулъ три раза платкомъ въ правую сторону — и вдругъ, откуда ни взялся, повисъ черезъ рѣку высокой, славный мостъ. Царевичъ переѣхалъ по мосту и махнулъ платкомъ въ лѣвую сторону только два раза—остался черезъ рѣку мостъ тоненькой—тоненькой! По утру пробудилась Баба-Яга—паршиваго жеребенка видомъ не видать! бросилась въ погоню: во весь духъ на желѣзной ступѣ скачетъ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Прискакала къ огненной рѣкѣ, взглянула и думаетъ: „хорошъ мостъ!" Поѣхала по мосту; только добралась до средины—мостъ обломился, и Баба-Яга чубурахъ въ рѣку; тутъ ей и лютая смерть приключилась! Иванъ-царевичъ откормилъ жеребенка въ зеленыхъ лугахъ; сталъ ихъ него чудный конь. Пріѣзжаетъ царевичъ къ Марьѣ-Моревнѣ; она выбѣжала, бросилась къ нему на шею: „какъ тебя Богъ воскресилъ?"—„Такъ и такъ, говоритъ: поѣдемъ со мной." „Боюсь, Иванъ-царевичъ! если Кощей догонитъ, быть тебѣ опять изрублену."—„Нѣтъ, не догонитъ, теперь у меня славной бога-

---

[1]) Вар.: „Какъ намъ было не воротиться? приползли раки со всего міра, начали въ насъ впиваться, да клещами пощипывать—рады были на край свѣта бѣжать!"—

Digitized by Google

тырской конь, словно птица летитъ."—Сѣли они на коня и поѣхали. Кощей Безсмертный домой ворочается, подъ нимъ конь спотыкается. „Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? али чуешь какую невзгоду?" „Иванъ-царевичъ пріѣзжалъ, Марью-Моревну увезъ. А можно ли ихъ догнать?"—„Богъ знаетъ! теперь у Ивана-царевича конь богатырской лучше меня." „Нѣтъ, не утерплю! говоритъ Кощей Безсмертный, поѣду въ погоню." Долго ли, коротко ли—нагналъ онъ Ивана-царевича, соскочилъ наземь и хотѣлъ было сѣчь его острой саблей; въ тѣ поры конь Ивана-царевича ударилъ со всего размаху копытомъ Кощея Безсмертнаго и размозжилъ ему голову, а царевичъ доканалъ его палицей [1]). Послѣ того наклалъ царевичъ груду дровъ, развелъ огонь, спалилъ Кощея Безсмертнаго на кострѣ и самой пепелъ его пустилъ по вѣтру. Марья-Моревна сѣла на кощеева коня, а Иванъ-царевичъ на своего и поѣхали они въ гости сперва къ ворону, потомъ къ орлу, а потомъ и къ соколу. Куда ни пріѣдутъ, всюду встрѣчаютъ ихъ съ радостью: „ахъ, Иванъ-царевичъ! а ужъ мы не чаяли тебя видѣть. Ну, да не даромъ же ты хлопоталъ: такой красавицы, какъ Марья-Моревна, во всемъ свѣтѣ поискать—другой не найдешь." Погостили они, попировали и поѣхали въ свое царство; пріѣхали и стали себѣ жить-поживать, добро наживать, да медокъ попивать."

„**Морозко**". „У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сдѣлаетъ, за все ее гладятъ по головкѣ да приговариваютъ: умница! а падчерица какъ ни угождаетъ—ничѣмъ не угодитъ; все не такъ, все худо; а надо правду сказать: дѣвочка было золото, въ хорошихъ рукахъ она бы какъ сыръ въ маслѣ купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что дѣлать? Вѣтерь хоть пошумитъ да затихнетъ, а старая баба расходится—не скоро уймется, все будетъ придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать: „вези, вези, старикъ, ее, куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши объ ней не слыхали; да не вози къ роднымъ въ теплую хату, а во чисто поле на трескунъ-морозъ!" Старикъ затужилъ, заплакалъ, однако посадилъ дочку на сани; хотѣлъ прикрыть попонкой—и то побоялся; повезъ бездомную во чисто поле, свалилъ на сугробъ, перекрестилъ, а самъ поскорѣе домой, чтобъ глаза не видали дочерниной смерти. Осталась бѣдненькая, трясется и тихонько молитву творитъ. Приходитъ Морозъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: „дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ, красный носъ!"—„Добро пожаловать, Морозъ; знать Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную." Морозъ хотѣлъ ее тукнуть и заморозить, но полюбились ему ея умныя рѣчи! жаль стало! бросилъ онъ ей шубу. Одѣ-

---

[1]) Вар.: „А можно ли ихъ догнать?"—„если сейчасъ поѣдемъ, то авось нагонимъ; у Ивана-царевича конь—мой меньшой братъ." Кощей погналъ вслѣдъ за Иваномъ-царевичемъ; вотъ-вотъ нагонитъ. „Ахъ братъ! говоритъ конь Ивана-царевича коню кощееву; зачѣмъ ты служишь такому нечистому чудищу? сбрось его наземь да ударь копытомъ!" Конь послушался, сбросилъ Кощея и убилъ его до-смерти.

Digitized by Google

лась она въ шубу, подожмала ножки, сидитъ. Опять пришелъ Морозъ, красный носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: „дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ—красный-носъ!“—„Добро пожаловать, Морозъ! знать Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную.“—Морозъ пришелъ совсѣмъ не по душу, онъ принесъ красной дѣвушкѣ сундукъ высокій да тяжелый, полный всякаго приданаго. Усѣлась она въ шубочкѣ на сундучкѣ, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришелъ Морозъ, красный-носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ. Она его привѣтила, а онъ ей подарилъ платье, шитое и серебромъ и золотомъ. Надѣла она и стала какая красавица, какая нарядница! сидитъ и пѣсенки попѣваетъ. А мачеха по ней поминки справляетъ; напекла блиновъ. „Ступай, мужъ, вези хоронить свою дочь.“ Старикъ поѣхалъ. А собачка подъ столомъ: „тявъ! тявъ! старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!“ „Молчи, дура! на блинъ, скажи: старухину дочь женихи возьмутъ, а стариковой однѣ косточки привезутъ!“ Собачка съѣла блинъ да опять: „тявъ! тявъ! старикову дочь въ златѣ, серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!“ Старуха и блины давала, и била ее, а собачка все свое: „старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не возьмутъ!“

Скрипнули ворота, растворилися двери, несутъ сундукъ высокій, тяжелый, идетъ падчерица—панья паньей сіяетъ! Мачеха глянула — и руки врозь! „Старикъ, старикъ, запрягай другихъ лошадей, вези мою дочь поскорѣй! посади на то же поле, на то же мѣсто.“ Повезъ старикъ на то же поле, посадилъ на то же мѣсто. Пришелъ и Морозъ, красный носъ, поглядѣлъ на свою гостью, попрыгалъ, поскакалъ, а хорошихъ рѣчей не дождалъ; разсердился, хватилъ ее и убилъ. „Старикъ, ступай мою дочь привези, лихихъ коней запряги, да саней не повали, да сундукъ не оброни!“ А собачка подъ столомъ: „тявъ! тявъ! старикову дочь женихи возьмутъ, а старухиной въ мѣшкѣ косточки везутъ!“—„Не ври! на, пирогъ, скажи: старухину въ златѣ, въ серебрѣ везутъ!“ Растворились ворота, старуха выбѣжала встрѣчать дочь, да вмѣсто ея обняла холодное тѣло. Заплакала, заголосила, да поздно!“

Соколъ, орелъ и воронъ, зятья Ивана-царевича, Баба-Яга и Кощей Безсмертный или, по другому разсказу, змѣй двѣнадцатиглавый, враги его, заморская птица, львица и пчела, а по иному чтенію ракъ, благодѣтели царевича, Морозъ-красный носъ, собачка и чудные кони Бабы-Яги, даже отчасти самъ Иванъ-царевичъ и его жена Марья-Моревна — всѣ эти дѣйствующія лица обѣихъ сказокъ являются на первый взглядъ какими-то довольно странными, загадочными существами: большинство изъ нихъ надѣлены неестественными свойствами и подчасъ производятъ изумительныя дѣйствія; очень многія обладаютъ необыкновенными диковинками, которыми и пользуются при совершеніи своихъ поразительныхъ подвиговъ. Соколъ, орелъ и воронъ однимъ ударомъ оземь превращаются въ

Digitized by Google

добрыхъ молодцевъ; они женятся на сестрахъ Ивана-царевича, которыхъ и уносятъ въ свои царства; они же потомъ общими усиліями, при помощи мертвой и живой воды, воскрешаютъ своего шурина. Баба-Яга живетъ за огненной рѣкою, владѣетъ славными конями, ежедневно на одной кобылицѣ облетаетъ вокругъ свѣта, ѣздитъ въ желѣзной ступѣ, погоняя пестомъ и заметая слѣдъ помеломъ. Кощей Безсмертный или двѣнадцати-главый змѣй чудеснымъ образомъ получаетъ свободу, послѣ чего похищаетъ Марью-Моревну; у него замѣчательный по быстротѣ конь, говорящій человѣческимъ голосомъ и въ нѣкоторомъ родѣ провидящій; у него же чудодѣйственный платокъ: стоитъ махнуть имъ три раза въ правую сторону, и на огненной рѣкѣ дѣлается высокій мостъ; при соотвѣтствующемъ взмахѣ налѣво, мостъ уничтожается. Покровители Ивана-царевича, знаменитые кони Бабы Яги и не менѣе чудная собачка точно также мыслятъ, говорятъ и дѣйствуютъ по-человѣчески. Морозъ-красный носъ по заслугамъ награждаетъ падчерицу богатымъ приданымъ и убиваетъ дочь злой мачехи. Наконецъ, Иванъ-царевичъ и Марья Моревна принимаютъ самое живое участіе во всѣхъ сказочныхъ чудесахъ. Слѣдовательно, въ обоихъ твореніяхъ отъ начала и до конца видимо царитъ сверхъестественный, фантастическій вымыселъ. *Безграничная фантастичность содержанія составляетъ первую существенную особенность сказки.*

Въ зозданіи своихъ произведеній народъ всегда руководился тѣми или другими соображеніями и никогда не творилъ ничего по одному чистому произволу, безъ всякаго основанія и смысла. Поэтому и въ фантастическихъ образахъ и небывалыхъ приключеніяхъ сказокъ онъ выразилъ свой простой взглядъ, свои незатѣйливыя отношенія къ окружавшей его дѣйствительности. Такъ какъ послѣдняя являлась его воображенію одушевленнымъ храмомъ, полнымъ всевозможныхъ чудесъ, то онъ и запечатлѣлъ ихъ въ своихъ безыскусственныхъ сказаніяхъ. Такимъ образомъ, благодѣтельное солнце, такъ животворно дѣйствующее лѣтомъ и не настолько благотворное зимою, такъ живительное на ясномъ лѣтнемъ небѣ и нечувствительное за грозной тучей, казалось народу прекрасной королевной Марьей-Моревной (Моревна — дочь моря), похищаемой по временамъ злыми врагами—Кощеемъ Безсмертнымъ или змѣемъ двѣнадцати главымъ, воплощавшими въ себѣ зимній холодъ и грозныя тучи (*). Видимое приближеніе солнца къ природѣ лѣтомъ, появленіе его

(*) Примѣч. Самое названіе „Кощей“ образовалось отъ корня кость, отсюда окостенѣть въ смыслѣ застыть. оцѣпенѣть, сдѣлаться твердымъ, какъ кость отъ сильнаго холода.

Digitized by Google

изъ-за разсѣянной тучи понималось неразвитымъ простолюдиномъ, какъ освобожденіе очаровательной королевны изъ-подъ ненавистнаго ига враждебныхъ силъ и вступленіе ея въ брачный союзъ съ своимъ избавителемъ—тоже какимъ-то добрымъ существомъ Иваномъ-царевичемъ—богомъ Громовникомъ — Перуномъ. Постепенность при смѣнѣ зимы весною олицетворялась въ образѣ борьбы царевича ради обладанія чудесной королевной съ тѣми же зловредными Кощеемъ или змѣемъ, а то и съ Бабою-Ягою, представлявшею собою зиму съ ея ужасными холодами (костяная нога, желѣзный носъ, желѣзная грудь), мятелями и вьюгами (во весь духъ скачетъ въ желѣзной ступѣ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ). Обыкновенные спутники зимнихъ вьюгъ—вѣтеръ и лѣтнихъ грозъ—громъ и молнія, а иногда вихрь и градъ принимали въ народной фантазіи видъ выдающихся по силѣ и быстротѣ птицъ сокола, орла и ворона, или чрезвычайно быстрыхъ коней, огненной рѣки (молнія), таинственнаго платка, моста (молнія же). Закрытіе свѣтлаго солнца или луны и блестящихъ звѣздъ облаками и тучами называлось выходомъ замужъ сестеръ-царевенъ за Сокола, Орла и Ворона. Оживляющее дѣйствіе дождя или росы сближалось съ дѣйствіемъ цѣлящей и живой воды. Словомъ, въ фантастическихъ сказочныхъ герояхъ —добрыхъ и злыхъ, въ ихъ чудовищныхъ похожденіяхъ и поразительныхъ диковинкахъ наглядно отпечатлѣлись слѣды первоначальныхъ миѳическихъ воззрѣній народа на обоготворяемую природу со всѣми ея силами и явленіями. Вотъ почему сказочныя чудеса для первобытныхъ людей были вполнѣ понятными и естественными, были обыкновенными и только со временемъ, когда утратилась непосредственная связь человѣка съ природой, приняли характеръ чего-то въ полномъ смыслѣ фантастическаго, волшебнаго, небывалаго и стали казаться „складкою“, пустымъ, праздднымъ вымысломъ. Въ сказкѣ „Морозко“ замѣтна и другая черта этого рода сочиненій: и здѣсь „Морозъ—красный носъ“ выступаетъ миѳическимъ образомъ зимней стужи, но въ основѣ всего разсказа лежитъ уже чисто бытовая сторона народной жизни: нелюбовь мачехи къ падчерицѣ и желаніе всячески отдѣлаться отъ нелюбимицы. *Отраженіе миѳическихъ воззрѣній народа на природу, или—бытовыхъ явленій его жизни въ фантастическомъ вымыслѣ,—вторая характеристическая черта содержанія сказокъ.*

Оба народныя творенія „Марья—Моревна“ и „Морозко“ изложены простою, нестихотворною рѣчью; это—третья и послѣдняя отличительная принадлежность народныхъ сказокъ, касающаяся ихъ внѣшней формы или изложенія.

Итакъ, *народными сказками называются такія нестихотворныя эпическія произведенія, въ которыхъ подъ фантастическимъ*

Digitized by Google

вымысломъ отражаются или миѳическія воззрѣнія народа на природу, или бытовыя стороны его жизни, или же то и другое вмѣстѣ.

Значеніе сказокъ. Миѳическій и бытовой или нравоописательный элементы сказокъ, знакомя, хотя и отрывочно, съ прежними религіозными понятіями народа, съ его бытомъ и нравами, тѣмъ самымъ придаютъ сказкамъ серьезное историческое значеніе; но послѣднія важны и въ другомъ отношеніи. Въ сказкѣ „Морозко" несправедливое притѣсненіе добродѣтельной падчерицы злобной мачехой оканчивается побѣдою правды надъ неправдою: добрая, послушная и привѣтливая падчерица вмѣсто гибели получаетъ богатую награду, а родная дочь мачехи—ненавистницы становится жертвою зависти своей матери. То же самое торжество справедливости надъ несправедливостію, добра надъ зломъ, незлобія, добродушія, послушанія, прямоты, честности, сострадательности, любви и т. п. похвальныхъ качествъ надъ противоположными свойствами со всею очевидностію высказывается и во всѣхъ вообще сказкахъ. Если прибавить къ этому необыкновенную занимательность сказочнаго разсказа, особенно полезную въ дѣлѣ развитія воображенія, и общедоступность изложенія, совершенно понятнаго даже малолѣтнему ребенку, то станетъ вполнѣ очевиднымъ и высокое нравственно-воспитательное вліяніе сказокъ. Недаромъ еще древній греческій философъ Платонъ (V в. до Р. Хр.) совѣтовалъ матерямъ и кормилицамъ знакомить дѣтей со сказками. Недаромъ и нашъ первоклассный поэтъ Пушкинъ такъ восхищался этимъ созданіемъ народной фантазіи. „Вечеромъ, писалъ онъ брату, слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма." Потому-то и теперь сказки входятъ въ кругъ любимаго дѣтскаго чтенія, а у простого народа служатъ однимъ изъ общераспространенныхъ средствъ къ занимательному назиданію.

Животный эпосъ. Ведя на первыхъ порахъ кочевой образъ жизни, человѣкъ по—необходимости вступалъ въ непосредственное общеніе со всѣми окружавшими его животными. Пастухъ, вездѣ сопровождавшій свои стада и всячески охранявшій ихъ отъ безсловесныхъ хищниковъ, охотникъ, повсюду преслѣдовавшій дикихъ звѣрей и птицъ, мало—по—малу научались различать ихъ потребности, узнавали ихъ желанія и склонности, подмѣчали ихъ характеры и особенности. Не имѣя при этомъ достаточно опыта и смотря на все, какъ на себѣ подобное, они, естественно, считали и неразумныхъ тварей такими же человѣко-образными существами, только обладающими нѣсколько иными замѣченными свой-

Digitized by Google

ствами, и до того привыкали видѣть ихъ въ своемъ быту, до того сживались съ ними, что подчасъ охотно повѣряли имъ даже свои мысли, вполнѣ вѣря, что тѣ точно также хорошо могутъ понимать ихъ. Слагая затѣмъ различнаго рода поэтическія сказанія, люди уже неизбѣжно ввели въ нихъ и своихъ соучастниковъ—животныхъ, надѣливъ ихъ, на ряду съ другими человѣческими качествами, и даромъ слова, но въ то же время удержавъ за ними отличительные признаки ихъ собственой, личной природы. Такъ возникли въ народѣ многочисленные и разнообразные разсказы, каковы: „Лиса и Заяцъ; Мужикъ, Медвѣдь и Лиса; Котъ, Пѣтухъ и Лиса; Лиса, Волкъ, Медвѣдь и Заяцъ; Котъ, Козелъ и Баранъ и друг., извѣстные подъ именемъ *звѣринаго или животнаго эпоса*. Принадлежа по своему характеру къ тѣмъ же народнымъ сказкамъ, животный эпосъ имѣетъ то существенное значеніе, что изъ него впослѣдствіи образовался особый видъ искусственнаго эпоса—басня.

Героическія пѣсни—былины. Продолжая свою жизнь, народъ неминуемо вступаетъ въ борьбу съ различнаго рода препятствіями, стоящими на пути къ его общественному благосостоянію: съ одной стороны, окружающая природа съ своими разнообразными, часто вредными явленіями, съ другой—сосѣднія племена, стремящіяся къ самостоятельности и даже къ господству надъ другими, мѣшаютъ правильному народному развитію. Длиннымъ рядомъ подвиговъ и трудовъ удается народу восторжествовать надъ тѣми и другими затрудненіями. Разсказы объ этой борьбѣ крѣпко вкореняются въ народной памяти и съ особенною любовію передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе; воображеніе не скупится украшать ихъ всевозможными вымышленнными подробностями: то, что когда-то было сдѣлано цѣлымъ народомъ, приписывается потомъ одной или нѣсколькимъ личностямъ, въ свое время чѣмъ—либо прославившимся; появляются представители народа, главные виновники его славы, носители его идеальныхъ стремленій и взгядовъ—герои богатыри. Первоначально они надѣляются полубожескими, получеловѣческими свойствами: божественнымъ происхожденіемъ, громаднымъ ростомъ, неестественною силою и пр. и отражаютъ въ себѣ только извѣстныя эпохи народнаго быта, но затѣмъ, позднѣе принимаютъ черты болѣ дѣйствительныя, человѣческія. Герои богатыри, преимущественно позднѣйшіе, совершаютъ необыкновенные, баснословные подвиги, то выхваляясь другъ передъ другомъ своею молодецкою удалью, то вступая въ состязаніе съ сильными, часто чудовищными врагами народными. Изображеніе этихъ подвиговъ и составляетъ содержаніе народнаго эпоса во второй періодъ его развитія—*героическій*. Формою героическаго эпоса служитъ *герои-*

Digitized by Google

ческая пѣсня, замѣняемая въ нашей литературѣ *пѣснею богатырскою или былиною*. Для образца разсмотримъ двѣ былины: „Вольга Святославичъ," и „Илья Муромецъ и Поганое Идолище."

„Вольга Святославичъ."

„Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Волыга,
Молодой Вольга Святославговичъ.
Сталъ Вольга растѣть-матерѣть;
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубокіяхъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ оболка,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;
Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за оболока,
Убѣгали всѣ звѣри во темные лѣса.
Сталъ Вольга растѣть-матерѣть,
Избирать себѣ дружинушку храбрую,
Тридцать молодцовъ безъ единаго,
Самъ еще Вольга во тридцаты ихъ.
Жаловалъ его родный дядюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій,
Тремя городами со крестьянами:
Первымъ городомъ—Гурчевцомъ,
Другіимъ городомъ—Орѣховцемъ,
Третіимъ городомъ — Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Со своею дружинушкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздольице чисто поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга еще третій день,
Третій день съ утра до набѣдья;
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ:
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великіе-то всѣ каменья въ борозду валитъ.
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая клеповая,
Гужики у ратая шелковые.
Говорилъ Вольга таковы слова:
„Божья ти помочь, оратаюшко!
Орать, да пахать—крестьянствовати,
Съ края въ край бороздки пометывати,
Коренья, каменья вывертывати!"
Говорилъ оратай таковы слова:
Подитко, Вольга Святославговичъ,
Со своею со дружинушкой хороброю,
Мнѣ-ка надобна Божья помощь крестьянствовати!
Далеко-ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
Со своею со дружинушкой хороброю?
„Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
Ѣду къ городамъ за получкою:

Digitized by Google

Къ первому городу ко Гурчевцу,
Ко другому городу Орѣховцу,
Ко третьему городу ко Крестьяновцу
Говорилъ оратай таковы слова:
„Ай же, Вольга Святославговичъ!
А недавно я былъ въ городни,
третьеводни,
На своей кобылѣ соловоей,
Увезъ я оттоль соли только два мѣха,
Два мѣха соли по сороку пудъ.
И живутъ-то мужики всѣ разбойники,
Они просятъ грошевъ подорожныихъ;
А былъ я съ шалыгой подорожною,
Платилъ имъ гроши подорожные:
Который стоя стоитъ, тотъ и сидя
сидитъ,
А который сидя сидитъ, тотъ и
лежа лежитъ.“—
Говорилъ Вольга таковы слова:
„Ай же, оратай, оратаюшко,
Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!“
Этотъ оратай-оратаюшко
Гужики шелковиньки повыстегнулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова:
„Ай же, Вольга Святославговичъ!
Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
И не для-ради мужика деревенщины.
Какъ бы сошка съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земелька повытряхнути
И бросить бы сошка за ракитовъ
кустъ?“—
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ съ дружинушки
хорабрыя
Пять молодцовъ могучіихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Эта дружинушка хорабрая,
Пять молодцовъ могучіихъ,
Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки
повыдернуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлыимъ десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки
повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружинушку
хорабрую:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки
повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Къ этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ—отъ конь остается.
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати.

Digitized by Google

„Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
Этая кобылка конькомъ-бы была,—
За эту кобылку пятьсотъ-бы дали."
Говорилъ оратай таковы слова:
—„Глупый Вольга Святославговичъ!
Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей;
Эта кобылка конькомъ бы была,
За эту кобылку смѣты бы нѣтъ."—
Говорилъ Вольга Святославговичъ:
„Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
Какъ—то тебя именемъ зовутъ,
Какъ величаютъ по отчеству?"
Говорилъ оратай таковы слова:
„Ай же, Вольга Святославговичъ!
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужичковъ напою.
—Станутъ мужички меня покликивати:
„Молодой Микулушка Селяниновичъ!"—//

„Илья Муромецъ и Поганое Идолище."

„Пріѣзжалъ Идолище поганое во стольно—Кіевъ градъ,
Со грозою, со страхомъ съ великіимъ,
Къ тому князю ко Владиміру,
И становился онъ на княженецкій дворъ,
Посылалъ посла ко князю ко Владиміру,
Чтобы князь Владиміръ стольнокіевскій
Ладилъ бы онъ ему поединщика,
Супротивъ его силушки сопротивника.
Приходилъ посланникъ ко Владиміру
И говорилъ посланникъ таковы слова:
„Ты, Владиміръ, князь стольнокіевскій!
Ладь-ка ты поединщика во чисто поле,
Поединщика и супротивничка съ силушкой великою,
Чтобы могъ онъ съ Идолищемъ поправиться".
Тутъ Владиміръ князь ужахнулся,
Пріужахнулся да и закручинился.
Говоритъ Илья таковы слова:
„Не кручинься, Владиміръ, не печалуйся:
На бою-ка мнѣ смерть не написана,
Поѣду я въ раздольице чисто поле
И убью-то я Идолища поганаго".
Обулъ Илья лапотки шелковые,
Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ онъ шляпу земли греческой
И пошелъ онъ къ Идолищу къ поганому,
И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:
Не взялъ съ собой палицы булатныя
И не взялъ онъ съ собою сабли вострыя.
Идетъ-то дорожкой—пораздумался:
„Хошь иду-то я къ Идолищу поганому,
Ежели будетъ не пора мнѣ-ка не времячко,
И съ чимъ мнѣ съ Идолищемъ будетъ поправиться?"
На тую пору, на то времячко
Идетъ ему въ стрѣчу каличище Иванище,
Несетъ въ рукахъ клюху девяносто пудъ.
Говоритъ ему Илья таковы слова:
„Ай же ты, каличище Иванище!
Уступи-тко мнѣ клюхи на времячко,-
Сходить мнѣ къ Идолищу къ поганому".

Digitized by Google

Не даетъ ему каличище Иванище,
Не даетъ ему клюхи своей богатырскоей.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
„Ай же ты, каличище Иванище,
Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:
Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана,—
Я тебя убью, мнѣ клюха и достанется.“
Разсердился каличище Иванище,
Здынулъ эту клюху выше головы,
Спустилъ онъ клюху во сыру землю,
Пошелъ каличище,—заворыдалъ.
Илья Муромецъ едва досталъ клюху
изъ сырой земли.
И пришелъ онъ въ палату бѣлокаменну
Ко этому Идолищу поганому,
Пришелъ къ нему и поздравствовалъ.
Говорилъ ему Идолище поганое:
—„Ай же ты, калика перехожая!
Какъ великъ у васъ богатырь, Илья Муромецъ?“
Говоритъ ему Илья таковы слова:
„Толь великъ Илья, какъ и я.“
Говоритъ ему Идолище поганое:
—„По многу-ли Илья вашъ хлѣба ѣстъ,
По многу-ли Илья вашъ пива пьетъ?“
Говоритъ Илья таковы слова:
„По стольку ѣстъ Илья, какъ и я,
По стольку пьетъ Илья, какъ и я.“
Говоритъ ему Идолище поганое:
—„Экой вашъ богатырь Илья!
Я вотъ по семи ведръ пива пью,
По семи пудъ хлѣба кушаю“.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
„У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ,
У его была корова ѣдучая:
Она много пила-ѣла и лопнула.“
Это Идолищу не слюбилося:
Схватилъ свое кинжалище булатное
И махнулъ онъ калику перехожую
Со всея со силушки великія.
И пристранился Илья Муромецъ
въ сторонушку малешенько,
Пролетѣлъ его мимо-то булатный ножъ,
Пролетѣлъ онъ на вонную сторону
съ простѣночкомъ.
У Ильи Муромца разгорѣлось сердце:
Схватилъ съ головушки шляпу богатырскую земли греческой,
И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище на полы.
Тутъ ему Идолищу славу поютъ.“

Въ первой былинѣ народъ выводитъ двухъ богатырей—Вольгу Святославича и Микулушку Селяниновича. Оба они отличаются сверхъестественными свойствами: Вольга Святославичъ обладаетъ неестественною возможностью оборачиваться—принимать видъ щуки, сокола, волка, т. е. даромъ оборотничества,—Микулушка Селяниновичъ—громадною нечеловѣческою силою: голосъ Микулы Селяниновича слышенъ за три дня пути; сошка его до того тяжела, что вся дружина Вольги Святославича не можетъ съ ней справиться, тогда какъ самъ Микула Селяниновичъ легко и одной рукой бросаетъ ее за ракитовъ кустъ; лошадь Микулы Селяниновича на столько сильна и быстра, что богатырскій конь Вольги Святославича не поспѣваетъ за ней. Но рядомъ съ этими чисто фантастическими чертами въ былинѣ встрѣчаются и ясныя указанія на историческое прошлое русскаго народа: Вольга Святославичъ

Digitized by Google

является здѣсь роднымъ племянникомъ стольно—кіевскаго князя Владиміра; въ молодости Вольга обучается большой мудрости, а возмужавъ, набираетъ себѣ дружину хоробрую, съ которою и ѣдетъ въ подаренные ему Владиміромъ города за данью (получкою). Очевидно, это князь дружинникъ или представитель удѣльныхъ русскихъ князей, управлявшихъ народомъ совмѣстно съ дружиною. Микула Селяниновичъ, самъ себя называющій именемъ Селяниновича, т. е. поселянина, сельскаго жителя, занимается исключительно хлѣбопашествомъ и обрабатываетъ землю самымъ первобытнымъ способомъ—сохою; въ лицѣ его замѣтно отражается первоначальная эпоха осѣдлаго, земледѣльческаго быта. Сводя Вольгу Святославича съ Микулой Селяниновичемъ, народъ даетъ рѣшительное предпочтеніе послѣднему; здѣсь уже высказывается народный взглядъ на значеніе земледѣлія: оно ставится въ государствѣ выше и важнѣе всего, даже самой власти княжеской. Во второй былинѣ—„Илья Муромецъ и Поганое Идолище“ богатыри опять таки являются вымышленными образами съ фантастическою, чудовищною силою,—но съ другой стороны,—Идолище Поганое своимъ именемъ и неестественною прожорливостію напоминаетъ язычество съ его идолами и жрецами, требовавшими отъ народа постоянныхъ и огромныхъ жертвъ, а борьба Ильи Муромца съ своимъ противникомъ и побѣда надъ нимъ помощію шляпы земли греческой намекаютъ на борьбу христіанства съ язычествомъ и побѣду перваго надъ послѣднимъ путемъ распространенія въ нашемъ народѣ христіанской вѣры, заимствованной изъ Византіи или древней Греціи. Слѣдовательно, въ былинѣ съ фантастическимъ вымысломъ соединяются историческія, дѣйствительныя данныя, нѣкоторая доля были, за что былины получили и самое свое названіе. Что касается формы изложенія, оба данныя произведенія переданы мѣрною, стихотворною рѣчью.

Такимъ образомъ, богатырскими *пѣснями или былинами называются такія стихотворныя эпическія народныя произведенія, въ которыхъ подъ фантастическими образами и подвигами богатырей изображаются различныя эпохи жизни народа, его нравы, бытъ и воззрѣнія, короче,—нѣчто былое, пережитое народомъ.*

Отличіе былинъ отъ сказокъ. Основной характеръ былинъ, совмѣщающихъ въ себѣ фантастическое съ дѣйствительнымъ—историческимъ, даетъ полную возможность установить самое точное отношеніе ихъ къ сказкамъ. Какъ и въ сказкахъ, въ былинахъ дѣйствуютъ фантастическія личности, надѣленныя неимовѣрными свойствами; онѣ совершаютъ невозможные подвиги, похожіе на небывалыя похожденія героевъ сказочныхъ; мѣстомъ дѣйствія бо-

Digitized by Google

гатырей, какъ и героевъ сказокъ, часто служатъ безыменныя поля, неизвѣстные въ географіи города, рѣки и пр.; многія былины вовсе не опредѣляютъ и времени дѣйствія своихъ богатырей,—словомъ, по своему фантастическому вымыслу былины очень близко подходятъ къ сказкамъ. При всемъ томъ ихъ далеко нельзя смѣшивать между собою. Тогда какъ герои сказокъ по большей части являются безобразными миѳическими чудовищами, большинство богатырей—люди, только одаренные чрезмѣрнымъ могуществомъ, богатые силами, откуда и самое слово богатырь (корень Бог, богатый); сказочныя чудеса происходятъ, обыкновенно, „въ нѣкоторомъ царствѣ, въ тридесятомъ государствѣ, за тридевять земель,“ дѣйствія былинъ въ большинствѣ случаевъ прямо пріурочиваются къ опредѣленной землѣ, иногда съ точнымъ географическимъ указаніемъ мѣстностей (рѣки: Днѣпръ, Дунай, Донъ, Волга, Волховъ, озеро Ильмень,—города: Кіевъ, Новгородъ и пр.); наконецъ, въ происшествіяхъ сказокъ видимо царитъ полный фантастическій вымыселъ, въ событіяхъ былинъ ясно отражаются различныя эпохи и стороны изъ прошедшей жизни народа. Въ силу всего этого народъ мѣтко охарактеризовалъ былину и ея отношеніе къ сказкѣ, назвавъ первую „былью,“ а сказку „складкою“, т. е. совершеннымъ вымысломъ: „Сказка—складка, пѣсня—быль,“ говоритъ народная пословица. Что касается способа построенія, сказка представляетъ рѣчь простую, немѣрную, былина – размѣренную, стихотворную, отсюда народное выраженіе (пословица): „Изъ пѣсни (пѣсни вообще, былевой или былины въ особенности) слова не выкинешь.“

Значеніе былинъ. Если сказка, изображая прошлое въ самомъ общемъ, широкомъ смыслѣ, имѣетъ серьезное историческое значеніе, то еще съ большимъ основаніемъ должно сказать это о былинахъ, въ которыхъ „дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой“ нашли себѣ болѣе полное, ясное и опредѣленное выраженіе. Здѣсь уже съ значительною степенью отчетливости выступаютъ предъ читателемъ, какъ общественныя и порою государственныя стороны народной жизни, такъ и частныя—семейныя и сословныя особенности народнаго быта. Богатыри охраняютъ родину отъ враговъ ея, то собираясь въ одномъ стольномъ городѣ вокругъ ласковаго князя, то иногда разъѣзжая по разнымъ опаснымъ концамъ отечества. Свято соблюдая старинные завѣты и обычаи, они замѣтно обнаруживаютъ и выдающіяся черты своей сословности. Илья Муромецъ, напр., отличаясь строгою набожностію, повиновеніемъ родителямъ, прямотою и честностію, въ то же время охотно готовъ и попировать, а подгулявши,—и побуйствовать, что все особенно свойственно нашему простолюдину—кресть-

Digitized by Google

янину даже до послѣдняго времени; Алеша Поповичъ обладаетъ удальствомъ, смѣлостью, хитростью и умѣньемъ молиться Богу— свойствами сословія духовнаго и проч. Представляя собою живые, художественные типы, герои былинъ получаютъ тѣмъ большій интересъ, облегчая историку трудъ ознакомленія съ туманною далью прошедшаго. „Тамъ были духъ, тамъ былью пахнетъ"—смѣло можно сказать о былинахъ, соединяя въ одно цѣлое народное выраженіе „Пѣсня—быль" съ словами Пушкина—„Тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ."

Историческія пѣсни. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи народная жизнь становится еще болѣе опредѣленною: отдѣльные роды и разрозненныя племена, соединяясь между собою, образуютъ общества, государства; начинается жизнь общественная, государственная; наступаетъ періодъ строго-историческій. Тѣмъ не менѣе и въ это время народу приходится переносить немало бѣдъ и непріятностей: то бродячія, полудикія племена совершаютъ свои опустошительные набѣги, то сосѣдніе народы стремятся къ ограниченію возрастающаго его могущества, то наконецъ корыстолюбивые или жестокіе сограждане нарушаютъ общественное спокойствіе. Въ такихъ обстоятельствахъ въ защиту народа выступаютъ государи, полководцы, законодатели, судьи и другіе историческіе дѣятели. Жизнь и подвиги ихъ, а также дѣятельность государственныхъ недоброжелателей невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе народа и дѣлаются предметомъ его поэтическихъ сказаній, при чемъ, естественно, оцѣниваются главнымъ образомъ съ точки зрѣнія пользы или вреда общественнаго. Рядъ такихъ поэтическихъ преданій съ историческою основою даетъ содержаніе *эпосу историческому*, проявляющемуся *въ пѣснѣ исторической*. Вотъ для примѣра двѣ изъ нихъ: „Щелканъ Дудентьевичъ" и „Взятіе Казанскаго царства."

„Щелканъ Дудентьевичъ."

„А и дѣялось въ Ордѣ,
Передѣялось въ Большой,—
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ;—
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По Татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.
Шурьевъ царь дарилъ,
Азвякъ Тавруловичъ,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Одного не пожаловалъ
Любимаго шурина
Щелкана Дудентьевича.

Digitized by Google

За что не пожаловалъ?
И за то онъ не пожаловалъ,
Его дома не случилося:
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальную землю Литовскую,
За моря синія,
Бралъ онъ, младъ Щелканъ
Дани, невыходы,
Царски невыплаты;
Съ князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесятъ,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ,—
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани, выходы,
Царскіе невыплаты;
Вывелъ младъ Щелканъ
Копя во 100 рублевъ,
Сѣдло во тысячу,
Уздѣ цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тѣмъ узда дорога,
Царское жалованье,
Государево величество;
А нельзя, дескать,
Тоя узды ни продать, ни промѣнять,
И друга дарить.
Проговоритъ младъ Щелканъ,
Младъ Дудентьевичъ:
„Гой еси, царь Азвякъ,
„Азвякъ Тавруловичъ!
„Пожаловалъ ты молодцовъ
„Любимыхъ шуриновъ:
„Василья на Плесу,
„Гордѣя къ Вологдѣ,
„Ахрамея къ Костромѣ;
„Пожалуй ты, царь Азвякъ,
„Пожалуй ты меня
„Тверью старою,
„Тверью богатою,
„Двумя братцами родимыми,
„Дву удалыми Борисовичи.“
Проговоритъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
„Гой еси, шуринъ мой
„Щелканъ Дудентьевичъ!
„Заколи-тко ты сына своего,
„Сына любимаго,
„Крови ты чашу нацѣди,
„Выпей ты крови тоя,
„Крови горячія;
„И тогда я тебя пожалую
„Тверью старою,
„Тверью богатою,
„Двумя братцами родимыми,
„Дву удалыми Борисовичи.“
Втапоры младъ Щелканъ
Сына своего закололъ,
Чашу крови нацѣдилъ,
Крови горячія,
Выпилъ чашу тоя крови горячія.
А втапоры царь Азвякъ
За то его пожаловалъ
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.
И втапоры младъ Щелканъ
Онъ судьей насѣлъ
Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатую;
А немного онъ судьею сидѣлъ....
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадскіе,
Они жалобу приносили
Двумъ братцамъ родимымъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ;
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли, честными подарками—
И понесли они честные подарки—
Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
Изошли его въ домѣ у себя
Щелкана Дудентьевича;
Подарки припялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.

Digitized by Google

Втапоры младъ Щелканъ
Зачванился онъ, загординился,
И они съ нимъ раздорили—
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ его разорвали.
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалося."

„Взятіе Казанскаго царства."

„Середи было Казанскаго царства
Что стояли бѣлокаменны палаты,
А изъ спальни бѣлокаменной палаты
Ого сна тутъ царица пробуждалася,
Царица Елена Симеону царю она сонъ разсказала:
„А и ты встань, Симеонъ царь, пробудися!
„Что ночесь мнѣ царицѣ мало спалося,
„Въ сновидѣньицѣ много видѣлося:
„Какъ отъ сильнаго Московскаго царства,
„Кабы сизый орлище встрепенулся,
„Кабы грозная туча подымалась,
„Что на наше вѣдь царство наплывала."
А изъ сильнаго Московскаго царства
Подымался великій князь Московскій,
А Иванъ, сударь, Васильевичъ, прозритель,
Съ тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили подъ Казанское царство за пятнадцать верстъ,
Становились они подкопью подъ Булакъ-рѣку,
Подходили подъ другую, подъ рѣку подъ Казанку,
Съ чернымъ порохомъ бочки закатили,
А и подъ гору ихъ становили;
Подводили подъ Казанское царство;
Воску яраго свѣчу становили,
А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ:
Еще на полѣ свѣча та сгорѣла,
А въ землѣ-то идетъ свѣча тишѣе.
Воспалился тутъ великій князь Московскій,
Князь Иванъ, сударь, Васильевичъ, прозритель,
И зачалъ канонеровъ тутъ казнити,
Что начался отъ канонеровъ измѣна;
Что большой за меньшаго хоронится,
Отъ меньшаго ему князю отвѣту нѣту.
Еще тутъ ли молодой канонеръ выступался:
„Ты великій, государь, князь Московскій!
„Не вели ты насъ канонеровъ казнити:
„Что па вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе,
„А въ землѣ-то свѣча идетъ тишѣе."
Позадумался князь Московскій,
Онъ и сталъ тѣ-то рѣчи размышляти собою,
Еще какъ бы это дѣло оттянути.
Они тѣ-то рѣчи говорили,
Догорѣла въ землѣ свѣча воску яраго
До тоя-то бочки съ чернымъ порохомъ,—
Принималися бочки съ чернымъ порохомъ,
Подымало высокую гору,
Разбросало бѣлокаменны палаты.
И бѣжалъ тутъ великій князь Московскій
На тое ли высокую гору,
Гдѣ стояли царскія палаты.
Что царица Елена догадалась,

Digitized by Google

Она сыпала соли на ковригу,
Она съ радостью Московскаго
князя встрѣчала,
А того ли Ивана, сударь, Василь-
евича, прозрителя;
И за то онъ царицу пожаловалъ
И привелъ въ крещеную вѣру,
Въ монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встрѣтилъ великаго князя,
онъ
И вынялъ ясны очи со косицами;
Онъ и взялъ съ него царскую ко-
рону
И снялъ царскую порфиру.
Онъ и царской костыль въ руки
принялъ.
И въ то время князь воцарился
И насѣлъ въ Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася;
И съ тѣхъ поръ великая слава."

Подъ 1327-мъ годомъ въ исторіи Карамзина излагается слѣдующее событіе: „Въ концѣ лѣта явился въ Твери ханскій посолъ Шевкалъ, сынъ Дюденевъ и двоюродный братъ Узбека, со многочисленными толпами грабителей. Бѣдный народъ, уже привыкнувъ терпѣть насилія Татарскія, искалъ облегченія въ одпѣхъ безполезныхъ жалобахъ, но содрогнулся отъ ужаса, слыша, что Шевкалъ, ревностный чтитель Алкорана, намѣренъ обратить Россіянъ въ Магометанскую вѣру, убить князя Александра съ братьями, сѣсть на его престолѣ и всѣ города наши раздать своимъ вельможамъ. Говорили, что онъ воспользуется праздникомъ Успенія, къ коему собралось въ Тверь множество усердныхъ христіанъ, и что Моголы умертвятъ ихъ всѣхъ до единаго. Сей слухъ могъ быть неосновательнъ: ибо Шевкалъ не имѣлъ достаточнаго войска для произведенія въ дѣйство намѣренія столь важнаго... Граждане, усердные, пылкіе, единодушно требовали оружія: князь на разсвѣтѣ, 15 августа, повелъ ихъ ко двору Михайлову, гдѣ жилъ братъ Узбековъ. Общее волненіе, шумъ и стукъ оружія пробудили Татаръ: они успѣли собраться къ своему начальнику и выступили на площадь. Тверитяне устремились на нихъ съ воплемъ. Сѣча была ужасна. Отъ восхода солнечнаго до темнаго вечера рѣзались на улицахъ съ остервененіемъ необычайнымъ. Уступивъ превосходству силъ, Моголы заключились во дворцѣ: Александръ обратилъ его въ пепелъ, и Шевкалъ сгорѣлъ тамъ съ остатками ханской дружины. Къ свѣту не было уже ни одного Татарина живаго. Граждане умертвили и купцовъ Ординскихъ".

Сравнивая съ даннымъ разсказомъ содержаніе пѣсни „Щелканъ Дудентьевичъ," нельзя не замѣтить между ними самаго близкаго соотвѣтствія. Щелканъ Дудентьевичъ и царь Азвякъ—тѣ же историческіе Шевкалъ Дюденевъ и ханъ Узбекъ, только нѣсколько иначе названные народомъ, можетъ быть, въ смыслѣ иронін, а вѣроятнѣе всего по народному обычаю—упрощать произношеніе собственныхъ именъ, что дѣлается и до настоящаго времени. Какъ и въ

Digitized by Google

исторіи, Щелканъ, по распоряженію хана, отправляется въ Тверь, гдѣ начинаетъ

„Надо всѣми паругатися, Надъ домами насмѣхатися,“

т. е. всячески притѣснять жителей. Обижаемые Тверитяне первоначально пытаются отдѣлаться отъ притѣсненій мирнымъ способомъ, но потомъ, когда послѣдній оказался напраснымъ, лишаютъ Щелкана жизни. Такъ въ общемъ пѣсня и исторія сходятся между собою. Что же касается частностей, въ пѣснѣ попадаются такія подробности, о которыхъ вовсе не упоминается въ исторіи, и которыя составляютъ, несомнѣнно, плодъ народнаго вымысла. Сюда относятся разсказы: о раздачѣ царемъ Азвякомъ своимъ шурьямъ стольныхъ городовъ, о сборѣ дани Щелканомъ въ дальней землѣ Литовской, о средствахъ, которыми Щелканъ достигъ обладанія Тверью, и объ убіеніи его Тверитянами. Здѣсь уже высказывается народный взглядъ на Татаръ, какъ на свирѣпыхъ грабителей и притѣснителей, своею звѣрскою жестокостію иногда даже выводившихъ угнетенныхъ изъ терпѣнія.

Въ пѣснѣ „Взятіе Казанскаго царства“ переданы согласно съ исторіей послѣднія событія Казанской осады: подкопъ и взрывъ порохомъ городскихъ стѣнъ, взятіе Казани, плѣнъ Казанскаго царя и царицы. Грозный изображенъ подозрительнымъ, вспыльчивымъ, готовымъ по первому впечатлѣнію казнить и жаловать всякаго, какимъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Указано историческое значеніе завоеванія Казани:

„И въ то время князь воцарился И насѣлъ въ Московское царство,
Что тогда де Москва основалася,“

т. е. съ покореніемъ Казани Московскій царь прочно утвердился на Московскомъ престолѣ, а Москва получила первенствующее мѣсто и сдѣлалась единственною столицею въ ряду остальныхъ городовъ восточной Европы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Казанскій царь названъ Симеономъ вмѣсто историческаго Едигера, придуманъ зловѣщій сонъ Казанской царицы и самое столкновеніе Грознаго съ канонерами-пушкарями, въ которомъ высказался его непостоянный характеръ. Такимъ образомъ, въ историческихъ пѣсняхъ соединяются въ одно цѣлое: дѣйствительно бывшее—исторія и народный вымыселъ, почти всегда естественный. *Отсюда, историческими пѣснями называются такія стихотворныя народныя эпическія произведенія, въ которыхъ передаются тѣ или другія историческія событія, украшенныя, дополненныя, а иногда и совсѣмъ видоизмѣненныя естественнымъ народнымъ вымысломъ.*

Отношеніе историческихъ пѣсенъ къ былинамъ и ихъ значеніе. По языку и слогу, по способу построенія рѣчи, по пріемамъ

Digitized by Google

при изображеніи предметовъ, словомъ, *по формѣ* историческія пѣсни напоминаютъ былины, но далеко разнятся отъ нихъ по содержанію: въ былинахъ прошлое—былое изображается *независимо отъ того или другаго историческаго происшествія, въ смыслѣ общемъ, въ историческихъ пѣсняхъ наоборотъ: прямо излагаются опредѣленныя дѣйствительныя событія и выводятся историческія личности, съ мѣткою народною характеристикою тѣхъ и другихъ.* Вотъ почему историческія пѣсни могутъ служить для историка прекраснымъ пособіемъ при характеристикѣ затрогиваемыхъ ими историческихъ событій и личностей, а простому народу онѣ замѣняютъ отечественную исторію; поэтому совершенно справедливо называютъ ихъ *„поэтическою исторіею народа“*.

Легенды. Духовные стихи. Къ особымъ формамъ народнаго эпоса, возникшимъ уже подъ прямымъ и непосредственнымъ воздѣйствіемъ идей христіанства, принадлежатъ легенды и духовные стихи. Характеромъ своего творчества и основнымъ тономъ содержанія первыя напоминаютъ сказки, вторые—былины.

Понятіе о легендахъ. Изъ легендъ извѣстны: „О праведномъ Ноѣ“, „о Соломонѣ,“ „О хожденіи Іисуса Христа и апостоловъ,“ „Царевичъ Евстафій,“ „св. Меркурій,“ „Ангелъ“ и др. Въ разсказѣ „О праведномъ Ноѣ“ народъ передаетъ по-своему библейскія событія объ этомъ патріархѣ, внося въ нихъ нѣкоторыя, чуждыя Библіи, подробности, въ родѣ, напр. того, какъ діаволъ препятствовалъ праведнику строить ковчегъ. Сказаніе „О Соломонѣ“ изображаетъ мудрость этого государя, какъ онъ спасся изъ ада тѣмъ, что хотѣлъ выстроить тамъ монастырь. Легенды о Спасителѣ и апостолахъ содержатъ вымышленныя повѣствованія о странствованіи Спасителя по землѣ для проповѣданія людямъ вѣры и добродѣтели. „Царевичъ Евстафій, св. Меркурій“ излагаютъ придуманныя обстоятельства изъ жизни этихъ святыхъ. Въ повѣсти „Ангелъ“ выражается народный взглядъ на высшіе пути божественнаго Промысла, направляющаго все въ мірѣ и въ жизни къ благимъ цѣлямъ. Такимъ образомъ, какъ и въ сказкахъ, въ легендахъ господствуетъ народный вымыселъ, часто даже фантастическій („Царевичъ Евстафій, св. Меркурій“ и др.); какъ и въ сказкахъ, въ основѣ ихъ лежитъ мысль о торжествѣ всего добраго, хорошаго надъ злымъ, порочнымъ (о Ноѣ, о Соломонѣ и др.); но въ то же время содержаніе ихъ чисто религіозно-нравственное, покоющееся на коренныхъ началахъ христіанской религіи, а порой и прямо заимствованное, по крайней мѣрѣ со стороны главнаго предмета, изъ христіанскихъ источниковъ: Библіи, житій святыхъ и пр. Слѣдовательно, *легенды можно назвать тѣми же сказками, только сказками духовно-нравственнаго содержанія.*

Digitized by Google

Понятіе о духовныхъ стихахъ. Наилучшимъ образцемъ духовныхъ стиховъ можетъ служить „Стихъ о Егоріи Храбромъ," въ которомъ особенно замѣтно отразилось своеобразное смѣшеніе народныхъ воззрѣній съ христіанскими понятіями.

„Во градѣ было въ Іерусалимѣ,
При царѣ было при Ѳедорѣ,
Жила царица благовѣрная,
Святая Софія премудрая.
Породила она себѣ три дочери,
Четвертаго сына Егорія,
Егорія, свѣта, Храбраго:
По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорія вся жемчужная,
По всемъ Егоріи часты звѣзды.
Съ начала было свѣта вольнаго,
Не бывало на Іерусалимъ градъ
Никакой бѣды, ни погибели;
Наслалъ Господь насланіе
На Іерусалимъ градъ:
Напустилъ Господь царища Демьянища,
Безбожнаго пса бусурманища.
Побѣдилъ злодѣй Іерусалимъ городъ;
Сѣчетъ и рубитъ, и огнемъ палитъ;
Царя Ѳедора въ полонъ беретъ,
Въ полонъ беретъ, въ столбъ закладываетъ.
Полонилъ злодѣй три отроцы,
Три отроцы и три дочери,
А четвертаго чуднаго отроца,
Святаго Егорія Храбраго;
Увозилъ Егорья во свою землю,
Во свою землю во невѣрную.
Онъ и сталъ пытать, крѣпко спрашивать:
„А скажи, Егорій, какова роду,
„Какова роду, какова чину?
„Царскаго роду, аль боярскаго,
„Аль того чину княжевинскаго?
„Ты которой вѣрѣ вѣруешь?—
„Ты которому Богу молишься?
„Ты повѣруй вѣру ты ко мнѣ царю,
„Ко мнѣ царю, къ моимъ идоламъ!"
Святый Егорій свѣтъ глаголуетъ:
„Ты злодѣй, царище, бусурманище!
„Я не вѣрую вѣры твоей невѣрныя,
„Ни твоимъ богамъ, ко идоламъ,
„Ни тебѣ, царищу бусурманищу!
„Вѣрую въ вѣру крещеную,
„Во крещепую, богомольную,
„Самому Христу, Царю Небесному!
„Во мать Пресвятую Богородицу,
„Еще въ Троицу нераздѣлимую!"
Вынималъ злодѣй саблю острую,
Хотѣлъ рубить ихъ главы
Но ихъ плеча могучія:
„Ой вы гой еси, три отроцы,
„Три отроцы царя Ѳедора!
„Вы покиньте вѣру христіянскую;
„Повѣруйте мою латынскую,
„Латынскую, бусурманскую!
„Молитесь богамъ моимъ кумирскіимъ,
„Поклоняйтесь моимъ идоламъ!"
Три отроцы и три родны сестры
Сабли острой убоялися,
Царищу Демьянищу преклонилися:
Покидали вѣру христіянскую,
Начали вѣровать латынскую,
Латынскую, бусурманскую.
Царище Демьянище,
Безбожный царь—бусурманище
Возговорилъ ко святому
Егорію Хороброму:
„Ой ты гой еси, чудный отроце,
„Святый Егорій Хоробрый!
„Покинь вѣру истинную христіянскую,
„Повѣруй вѣру латынскую!
„Молись моимъ богамъ кумирскіимъ,
„Поклоняйся моимъ идоламъ!"
Святый Егорій проглаголуетъ:
„Злодѣй царище Демьянище,
„Безбожный песъ, бусурманище!
„Я умру за вѣру христіянскую;

Digitized by Google

„Не покину вѣру христіянскую!
„Не буду вѣровать латынскую,
„Латынскую, бусурманскую;
„Не буду молиться богамъ твоимъ кумирскіимъ,
„Не поклонюсь твоимъ идоламъ!“
На то царище распаляется,
Повелѣлъ Егорія—свѣта мучити
Онъ и муками разноличными.
Повелѣлъ Егорія во пилы пилить;
По Божьему повелѣнію,
По Егоріеву моленію,
Не берутъ пилы жидовскія;
У пилъ зубья позагнулися,
Мучители всѣ утомилися,
Ничего Егорью не вредилося,
Егорьево тѣло соцѣлялося;
Возставалъ Егорій на рѣзвы ноги:
Поетъ стихи херувимскіе,
Превозноситъ гласы все архангельскіе.
Возговоритъ царище Демьянище
Ко святому Егорью Хораброму:
„Ой ты гой еси, чудный отроче,
„Святой Егорій Хорабрый!
„Ты покинь вѣру истинную, христіянскую;
„Повѣруй въ вѣру латынскую!“
А святой Егорій проглаголуетъ:
„Я умру за вѣру христіянскую;
„Не покину вѣру христіянскую;
„Не буду вѣровать во латынскую,
„Латынскую, бусурманскую!“
На то царище опаляется,
Въ своемъ сердцѣ разозляется.
Повелѣлъ Егорья въ топоры рубить;
Не довлѣть Егорья въ топоры рубить:
По Божію повелѣнію,
По Егоріеву моленію
Не берутъ Егорья топоры нѣмецкіе;
По обухъ лезья приломилися,
А мучители всѣ пріутомилися,—
Ничего Егорью не вредилося;
Егорьево тѣло соцѣлялося;
Да возстаетъ Егорій на рѣзвы нози:
Онъ поетъ стихи херувимскіе,
Превозноситъ гласы архангельскіе.
Возговоритъ царище Демьянище
Ко Егорію Хораброму:
„Ой ты гой еси, отче Егорій Хорабрый!
„Повѣруй вѣру латынскую!“
А святый Егорій проглоголуетъ:
„Я умру за вѣру христіянскую;
„Не покину вѣру христіянскую;
„Не буду вѣровать латынскую!“
Царище Демьянище на него опаляется:
Повелѣлъ Егорья въ сапоги ковать,
Въ сапоги ковать, гвозди желѣзные;
Не добрѣ Егорья мастера куютъ:
У мастеровъ руки опущалися,
Ясныя очи помрачалися,—
Ничего Егорью не вредилося:
Егорьево тѣло соцѣлялося.
А злодѣй царище Демьянище
Повелѣлъ Егорья во котелъ сажать,
Повелѣлъ Егорья во смолѣ варить!
Смола кипитъ, яко громъ гремитъ,
А посверхъ смолы Егорій плаваетъ:
Онъ поетъ стихи херувимскіе,
Превозноситъ гласы все архангельскіе.
Возговоритъ царище Демьянище:
„Покинь вѣру истинную, христіянскую,
„Повѣруй мою вѣру латынскую,
„Латынскую, бусурманскую!“
Святый Егорій проглаголуетъ:
„Я не буду вѣровать вѣру бусурманскую,
„Я умру за вѣру христіянскую!“
На то царище Демьянище опаляется:
Повелѣлъ своимъ мучителямъ:
„Ой вы гой еси, слуги вѣрные!
„Вырывайте скоро глубокъ погребъ!“
Тогда же его слуги вѣрные
Вырывали глубокъ погребъ:
Глубины погребъ сорока сажень,
Ширины погребъ двадсяти сажень;
Посадилъ Егорья во глубокъ погребъ,

Digitized by Google

Закрывалъ досками желѣзными,
Задвигалъ щитами дубовыми,
Забивалъ гвоздями полуженными,
Засыпалъ песками рудожелтыми,
Засыпалъ онъ и притаптывалъ,
И притаптывалъ, и приговаривалъ:
„Не бывать Егорью на святой Руси!
„Не видать Егорью свѣта бѣлаго,
„Не обозрѣть Егорью солнца краснаго,
„Не видать Егорью отца и матери;
„Не слыхать Егорью звона колокольнаго,
Не слыхать Егорью пѣнія церковнаго!“
И сидѣлъ Егорій тридсятъ лѣтъ.
А какъ тридсятъ лѣтъ исполнилось,
Святому Егорью во снѣ видѣлось:
Да явилося солнце красное,
Еще явилася Мать Пресвятая Богородица;
Святу Егорью—свѣтъ глаголуетъ:
„Ой ты гой еси, святый Егорій, свѣтъ Храбрый!
„Ты за это ли претерпѣніе,
„Ты наслѣдуешь себѣ царство небесное!“
По Божьему повелѣнію,
По Егорія Храбраго моленію,
Отъ свята града Ерусалима
Поднималися вѣтры буйные:
Разносило пески рудожелтые,
Поломало гвозди полуженые,
Разнесло щиты дубовые,
Разметало доски желѣзныя.
Выходилъ Егорій на святую Русь;
Завидѣлъ Егорій свѣту бѣлаго,
Услышалъ звону колокольнаго,
Обогрѣло его солнце красное.
И пошелъ Егорій по святой Руси;
По святой Руси, по сырой землѣ,
Ко тому граду Ерусалиму,
Гдѣ его родима матушка
На святой молитвѣ Богу молится.—
Приходилъ Егорій во Ерусалимъ городъ:
Ерусалимъ городъ пустъ пустехонекъ:
Вырубили его и выжегли!
Нѣтъ ни стараго, нѣтъ ни малаго!
Стоитъ одна церковь соборная,
Церковь соборная, богомольная:
А во церкви во соборныей,
Во соборныей, богомольныей,
Стоитъ его матушка родимая,
Святая Софія премудрая,
На молитвахъ стоитъ на Исусовыхъ:
Она Богу молитъ объ своемъ сыну,
Объ своемъ сыну, объ Егорію.
Помолимши Богу, оглянулася;
Она узрѣла и усмотрѣла
Своно чаду, своно милаго,
Свята Егорія, свѣта Храбраго;
Святу Егорью—свѣтъ глаголуетъ:
„Ой ты еси, мое чадо милое,
„Святой Егорій,—свѣтъ Храбрый!
„Гдѣ ты былъ, гдѣ разгуливалъ?“
Святый Егорій—свѣтъ глаголуетъ:
„Ой сударыня, моя матушка,
„Святая, премудрая Софія!
„Былъ я у злодѣя царища Демьянища,
„Безбожнаго злодѣя-бусурманища;
„Претерпѣлъ я муки разныя,
„Муки разныя, разноличныя.
„Государыни моя матушка,
„Святая Софья премудрая!
„Воздай мнѣ свое благословеніе:
„Поѣду я по всей землѣ свѣтлорусской,
„Утвердить вѣру христіянскую!“
Свѣту Егорію мать глаголуетъ:
„Ты поди, чадо милое!
„Ты поди далече во чисты поля:
„Ты возьми копя богатырскаго
„Со двѣнадесять цѣпей желѣзныхъ,
„И со збруею богатырскою,
„Со вострымъ копьемъ со булатнымъ,
„И со книгою со Евангельемъ.“
Тутъ же Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,

Digitized by Google

Бусурманскую вѣру побѣждаючи,
Наѣзжалъ на лѣса на дремучіе:
Лѣса съ лѣсами совивалися,
Вѣтья по землѣ разстилалися:
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
Святой Егорій глаголуетъ:
„Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
„Встаньте и расшатнитеся,
„Расшатнитеся, раскачнитеся:
„Порублю изъ васъ церкви соборныя,
„Соборныя да богомольныя!
„Въ васъ будетъ служба Господняя!
„Зароститеся вы, лѣса,
„По всей землѣ свѣтло-русской,
„По крутымъ горамъ, по высокіимъ!“
По Божьему все повелѣнію,
По Егоріеву все моленію,
Разрослись лѣса по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтло-русской,
По крутымъ горамъ по высокіимъ;
Ростутъ лѣса, гдѣ имъ Господь повелѣлъ.—
Еще Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую вѣру побѣждаючи,
Наѣзжалъ Егорій на рѣки быстрыя,
На быстрыя, на текучія;
Нельзя Егорью проѣхати,
Нельзя святому подумати.
„Ой вы гой еси, рѣки быстрыя,
„Рѣки быстрыя, текучія!
„Протеките вы, рѣки, по всей землѣ,
„По всей землѣ свято-русской!
„По крутымъ горамъ, по высокіимъ,
„По темнымъ лѣсамъ, по дремучіимъ;
„Теките вы рѣки, гдѣ вамъ Господь повелѣлъ!“
По Божьему велѣнію,
По Егоріеву моленію,
Протекли рѣки, гдѣ имъ Господь повелѣлъ.
Святой Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую вѣру побѣждаючи,
Наѣзжалъ на горы на толкучія:
Гора съ горой столкнулася;
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
Егорій святой проглаголывалъ:
„Вы горы, горы толкучія!
„Станьте вы, горы, по старому,
„Поставлю на васъ церковь соборную;
„Въ васъ будетъ служба Господняя!“
Святой Егорій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Наѣзжалъ Егорій на стадо звѣриное,
На сѣрыхъ волковъ, на рыскучіихъ,
И пастятъ стадо три пастыря,
Три пастыря да три дѣвицы,
Егорьевы родныя сестрицы;
На нихъ тѣла, яко еловая кора,
Власъ на нихъ, какъ кавылъ-трава,
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
Егорій святой проглаголывалъ:
„Вы волки, волки рыскучіе!
„Разойдитеся, разбредитеся,
„По два, по три, по единому,
„По глухимъ степямъ, по темнымъ лѣсамъ;
„А ходите вы повременно,
„Пейте вы, ѣшьте повелѣнное,
„Отъ свята Егорія благословленія!“
По Божьему все повелѣнію,
По Егоріеву моленію,
Разбѣгалися звѣри по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтло-русскіей:
Они пьютъ, ѣдятъ повелѣнное,
Повелѣнное, благословенное
Отъ Егорія Храбраго.
Еще же Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую вѣру побѣждаючи,
Наѣзжалъ Егорій на стадо на змѣиное,
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.

Digitized by Google

Егорій святой проглаголывалъ:
„Ой вы, гой еси змѣи огненныя!
„Разсыптесь, змѣи, по сырой землѣ
„Въ мелкія, дробныя череньицы!
„Пейте и ѣшьте изъ сырой земли!“
Святой Егорій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Пріѣзжалъ Егорій
Къ тому ко городу Кіеву.
На тѣхъ вратахъ на Херсонскіихъ
Сидитъ Черногаръ-птица,
Держитъ въ когтяхъ Осетра-рыбу:
Святому Егорью не проѣхать будетъ.
Святой Егорій глаголуетъ:
„Охъ ты, Черногаръ-птица!
„Возвейся подъ небеса,
„Полети на Океанъ-море:
„Ты и пей, и ѣшь въ Океанъ-морѣ,
И дѣтей производи на Океанъ-морѣ.“
По Божьему повелѣнію,
По Егорьеву моленію,
Подымалась Черногаръ-птица подъ небеса,
Полетѣла на Океанъ-море,
Она пьетъ и ѣстъ въ Океанъ-морѣ,
И дѣтей выводитъ на Океанъ-морѣ.
Святой Егорій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Наѣзжалъ палаты бѣлы—каменны,
Да гдѣ же пребываетъ царище Демьянище,
Безбожный песъ—бусурманище.—
Увидѣлъ его царище Демьянище,
Безбожный песъ бусурманище,
Выходитъ онъ изъ палаты бѣло-каменной,
Кричитъ онъ по-звѣриному,
Визжитъ онъ по-змѣиному;
Хотѣлъ побѣдить Егорья Храбраго.
Святой Егорій не устрашился,
На добромъ конѣ пріуправился;
Вынимаетъ мечъ—саблю вострую,
Онъ ссѣкъ его злодѣйскую голову
По его могучія плечи;
Подымалъ палицу богатырскую,
Разрушилъ палаты бѣлокаменныя,
Очистилъ землю Христіянскую,
Утвердилъ вѣру самому Христу,
Самому Христу, Царю Небесному,
Владычицѣ Богородицѣ,
Святой Троицѣ нераздѣлимыя.
Онъ беретъ свои три родныхъ сестры,
Приводитъ къ Іордань-рѣкѣ:
„Ой вы, мои три родныхъ сестры!
„Вы умойтеся—окреститеся,
„Ко Христову гробу приложитеся!
„Набралися вы духу нечистаго,
„Нечистаго, бусурманскаго:
„На васъ кожа, какъ еловая кора,
„На васъ власы, какъ камышъ—трава!
„Вы повѣруйте самому Христу,
„Самому Христу, Царю Небесному,
„Владычицѣ Богородицѣ,
„Святой Троицѣ нераздѣлимыя!
Умывалися, окрещалися:
Камышъ—трава съ нихъ свалилася,
И еловая кора опустилася.
Приходилъ Егорій
Къ своей матушкѣ родимой:
„Государыня моя матушка родимая,
„Премудрая Софья!
Вотъ тебѣ три дочери,
„А мнѣ три родныхъ сестры!“
Егоріева много похожденія!
Велико его претерпѣніе!
Претерпѣлъ муки разноличныя
Все за наши души многогрѣшныя!
Поемъ славу свята Егорія!
Свята Егорія, свѣтъ Хорабраго!
Во вѣки его слава не минуется!
И во вѣки вѣковъ! Аминь!“

Черты, которыми надѣленъ Егорій Храбрый, во многомъ напоминаютъ древнихъ богатырей: подобно послѣднимъ, онъ обладаетъ неестественными свойствами:

Digitized by Google

„По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорія вся жемчужная,
По всемъ Егоріи часты звѣзды."

Мать Егорія снаряжаетъ его въ путь, какъ настоящаго богатыря:

„Ты поди далече во чисты поля:
„Ты возьми коня богатырскаго
Со двѣнадесять цѣпей желѣзныхъ,
И со сбруей богатырскою,
Съ вострымъ копьемъ съ булатнымъ."

Вооруженный по-богатырски, Егорій разъѣзжаетъ по землѣ Русской и повсюду водворяетъ въ ней порядокъ. Онъ встрѣчаетъ различнаго рода затрудненія, очень похожія на тѣ препятствія, съ которыми ведутъ борьбу герои сказокъ и преимущественно богатыри: „лѣса дремучіе, горы толкучія, рѣки текучія, звѣри рыскучіе, змѣи огненныя, Черногаръ-птицу", но ближе всего подходитъ къ былинѣ: „Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ" изображеніе встрѣчи и борьбы Егорія съ царищемъ Демьянищемъ: оно почти до буквальности воспроизводитъ соотвѣтствующее мѣсто данной былины:

„Увидалъ его царище Демьянище,
Безбожный песъ-бусурманище:
Выходитъ онъ изъ палаты бѣлокаменной,
Кричитъ онъ по-звѣриному,
Визжитъ онъ по-змѣиному;
Хотѣлъ побѣдить Егорія Храбраго.
Святой Егорій не устрашился,
На добромъ конѣ пріуправился:
Вынимаетъ мечъ—саблю вострую,
Онъ ссѣкъ его злодѣйскую голову
По его могучія плечи;
Подымалъ палицу богатырскую,
Разрушилъ палаты бѣлокаменныя".

Подобное сходство съ былинами въ большей или меньшей мѣрѣ и степени проглядываетъ и во многихъ другихъ духовныхъ стихахъ, но отъ сходства еще далеко до тождества: какъ ни близокъ Егорій Храбрый къ древнимъ богатырямъ, тѣмъ не менѣе онъ значительно отличается отъ нихъ: вмѣстѣ съ богатырскимъ вооруженіемъ при немъ имѣется книга—Евангеліе; разъѣзжая по Русской землѣ, Егорій вездѣ насаждаетъ и утверждаетъ святую вѣру христіанскую и утверждаетъ преимущественно мирнымъ способомъ, почти безъ кровопролитія: „По Божьему все велѣнію, по Егоріеву все моленію"... сначала онъ самъ даже претерпѣваетъ гоненія отъ безбожнаго царя Демьянища и является Христовымъ мученикомъ. Очевидно, это—богатырь духовный, герой христіанской вѣры и христіанскаго просвѣщенія. Вліяніе христіанства ясно сказывается во всѣхъ вообще духовныхъ стихахъ и при томъ въ позднѣйшихъ съ большею силою. Отсюда, христіанскій, религіозно-нравственный элементъ служитъ отличительною ихъ особенностію; поэтому они

Digitized by Google

могутъ быть названы *духовными былинами, съ христіанскимъ религіозно-нравственнымъ содержаніемъ.*

Значеніе легендъ и духовныхъ стиховъ. Въ своеобразномъ содержаніи легендъ и духовныхъ стиховъ ярко отразились народные взгляды на различныя событія библейской исторіи, на житія и подвиги святыхъ, на добродѣтели и пороки, на сущность вѣры и благочестія. Здѣсь вообще довольно живо и подробно рисуется картина религіозно-нравственнаго состоянія народа, уже просвѣщеннаго христіанствомъ, но въ то же время еще неуспѣвшаго окончательно отрѣшиться отъ своихъ старыхъ языческихъ понятій и убѣжденій. Въ силу этого, легенды и духовные стихи служатъ весьма вѣрнымъ историческимъ источникомъ, доставляющимъ богатый матеріалъ для изученія религіозно-нравственной жизни простого народа вслѣдъ за принятіемъ имъ христіанской религіи.

Мелкіе виды народнаго эпоса.

Къ мелкимъ видамъ народнаго поэтическаго творчества, слагавшимся въ продолженіе всѣхъ трехъ періодовъ жизни народа, относятся заклятія или заговоры и наговоры, загадки и пословицы.

Заклятія или заговоры и наговоры. Прекрасными образцами заклятій могутъ служить слѣдующіе:

„Гой еси, Солнце жаркое! не пали и не пожигай ты овощъ и хлѣбъ мой, а жги и пали куколь и полынь-траву."

„Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ,—серебряные рожки, златыя твои ножки! сойди мѣсяцъ, сними мою зубную боль, унеси боль подъ облака."

„Сажаю васъ, пчелы, не я, сажаютъ свѣтлыя звѣзды, рогоногій мѣсяцъ и красное солнышко, сажаютъ и укорачиваютъ," (т. е. укрощаютъ, чтобы пчелы не улетѣли изъ улья).

„Гой еси ты, Заря утренняя, и ты, Заря вечерняя! пади ты на мою рожь, чтобы она росла—какъ ленъ высока, какъ дубъ толста."

„Матушка, Заря вечерняя, утренняя, полунощная! какъ вы тихо потухаете-поблекаете, такъ бы и болѣзни и скорби въ рабѣ Божіемъ (имя рекъ) потухли и поблекли—денныя, ночныя и полуночныя."

„Пристаньте сему человѣку (имя рекъ) скорби, икоты; трясите и мучьте его до скончанія жизни."

„За дальнѣйшими горами есть окіанъ-море желѣзное; на томъ морѣ есть столбъ мѣдный; на томъ столбѣ мѣдномъ есть пастухъ чугунный, а стоитъ столбъ отъ земли до неба, отъ востока до запада. Завѣщаетъ и заповѣдываетъ тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ: желѣзу, укладу, булату красному и синему, стали, мѣди, проволокѣ, свинцу, олову, серебру, золоту, каменьямъ, пищалямъ и стрѣламъ, борцамъ и кулачнымъ бойцамъ, большой завѣтъ: Подите вы, желѣзо, каменья и свинецъ, въ свою мать землю отъ раба (имя рекъ), а дерево къ бе-

Digitized by Google

регу, а перья въ птицу, а птица въ небо, а клей въ рыбу, а рыба въ море, сокройтесь отъ раба (имя рекъ), а велитъ онъ ножу, топору, рогатинѣ, кинжалу, пищалямъ, стрѣламъ, борцамъ быть тихимъ и смирнымъ. А велитъ онъ недавать выстрѣливать на меня всякому ратоборцу изъ пищали, а велитъ схватить у луковъ тетивы и бросить стрѣлы въ землю. А будетъ мое тѣло крѣпче камня, тверже булату, платье и колпакъ крѣпче панцыря и колчуги. Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи подъ бѣлъ-горючъ камень Алатырь. А какъ у замковъ смычи крѣпки, такъ мои словеса крѣпки."

Въ этихъ примѣрахъ ярко выступаютъ двѣ выдающія сяособенности: первая—это обращеніе человѣка къ солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ, зарямъ, скорбямъ, ископамъ и проч., какъ къ живымъ, вполнѣ самостоятелънымъ, свободно-разумнымъ существамъ, которыя, по своему усмотрѣнію, производятъ тѣ или другія дѣйствія, и вторая: глубокая, искренняя вѣра обращающагося въ полнѣйшую возможность, при содѣйствіи такихъ существъ, такъ или иначе уладить свои разнообразныя, чисто житейскія дѣла и нужды. Ясно, что *подобнаго сорта народныя произведенія представляютъ собою* не иное что, какъ *остатокъ древнѣйшихъ языческихъ молитвъ,* дошедшихъ до насъ изъ той отдаленной эпахи, когда первобытный человѣкъ обоготворялъ еще природу со всѣми ея предметами и явленіями. Первоначально заговоры и нагаворы, какъ своего рода молитвословія, имѣли самое широкое примѣненіе: ими непосредственно пользовался каждый язычникъ въ всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда находилъ это нужнымъ, но, съ теченіемъ времени, это право незамѣтно перешло къ особымъ людямъ, которые получили названіе жрецовъ, колдуновъ (колдунъ, т. е. кладунъ, отъ кладовать или приносить жертву), знахарей, вѣдуновъ; послѣдніе съумѣли обставить заклятія нѣкоторыми строго-опредѣленными обрядами и выработали для нихъ неизмѣнныя правила. Требовалось самое точное, буквальное произнесеніе вѣщей формулы заклятія, а также присоединеніе въ концѣ его заключенія, напр., А какъ у замковъ смычи крѣпки, такъ мои словеса крѣпки; Слово мое не пройдетъ во вѣкъ; Будетъ мой приговоръ крѣпокъ и долгъ; Слово мое не пройдетъ ни въ вѣкъ, ни во вѣкъ; Будьте мои словеса крѣпки и лѣпки, тверже камня, лѣпче клея и сѣры, солонѣе соли, острѣе меча-самосѣка, крѣпче булата; что задумано, то исполнится". При выполненіи данныхъ условій, заклятіе становилось непреодолимымъ, такъ что даже сами боги не могли противиться его силѣ и поневолѣ подчинялись вліянію заговаривающаго. Отсюда становится вполнѣ понятнымъ, почему заговоры и наговоры и до сихъ поръ сильно распространены среди простого народа, а колдуны, вѣдуны, знахари окружены какимъ-то непоколебимымъ почетомъ, граничащимъ

Digitized by Google

съ благоговѣйнымъ предъ ними страхомъ, съ таинственнымъ ужасомъ. Только въ позднѣйшихъ заклятіяхъ видимо обнаруживается полнѣйшее смѣшеніе съ языческимъ міровоззрѣніемъ понятій христіанскихъ: рядомъ съ краснымъ солнышкомъ, свѣтлымъ мѣсяцемъ, частыми звѣздами, матушкой сырой землей и проч., здѣсь уже приводятся имена Спасителя, Богоматери и Святыхъ, но это опять таки усиливаетъ вѣру малоразвитаго простолюдина въ несокрушимую мощь заговоровъ и наговоровъ и лишь питаетъ въ немъ чувство благоговѣнія предъ знахаремъ.

Загадки. „Сито свито, золотомъ покрыто, кто ни взглянетъ, тотъ заплачетъ“ (солнце). „Изъ окна въ окно золото бревно,“ въ другихъ „веретено“ (солнечный лучъ). „За бабиной избушкой виситъ хлѣба краюшка“ (полумѣсяцъ). „Разсыпался горохъ по сту дорогъ, никто его не соберетъ“ (звѣзды). „Два быка бодутся, вмѣстѣ не сойдутся“ (небо и земля). „Стоитъ дубъ—стародубъ, на томъ дубѣ-стародубѣ сидитъ птица-веретеница, никто ее не поймаетъ—ни царь, ни царица, ни красная дѣвица“ (солнце на небѣ). „Бурая корова черезъ прясло глядитъ“ (мѣсяцъ). „Шли козы мостомъ, увидѣли зорю, попадали въ воду“ (звѣзды). „Конь бѣжитъ, земля дрожитъ“ (громъ). „Туръ ходитъ по горамъ, турица-то по доламъ; туръ свистнетъ, турица-то мигнетъ“ (громъ и молнія). „Махнула птица крыломъ, покрыла весь свѣтъ однимъ перомъ“ (ночь) „Черная корова весь міръ поборола, а бѣлая подняла“ (ночь и день). „Выросъ кустъ изъ четырехъ мѣстъ, на томъ кусту двѣнадцать гнѣздъ, въ каждомъ гнѣздѣ по четыре синицы, у каждой синицы по четырнадцать яицъ: семь бѣленькихъ, да семь сѣренькихъ“ (годъ, мѣсяцы, недѣли, дни и ночи). „Красная дѣвица по небу ходитъ“ (солнце). „Поле полянское, стадо лебедянское, пастухъ вышинскій“ (мѣсяцъ, пасущій звѣздное стадо). „Заря зоряница, красная дѣвица, врата запирала, по полю гуляла, ключи потеряла, мѣсяцъ видѣлъ, солнце скрало“ (роса). „Безъ крылъ летитъ, безъ ногъ бѣжитъ“ (туча). „Богатырь безъ крылъ летитъ, безъ ногъ бѣжитъ, безъ рукъ машетъ, подъ окномъ стучитъ, въ избу просится“ (вѣтеръ). „Сестра къ брату въ гости идетъ, а братъ отъ сестры пятится“ или—„въ лѣсъ прячется“ (день и ночь). „Двое стоячихъ“ (небо и земля), „двое ходячихъ“ (солнце и мѣсяцъ), „да два раздорника“ (ночь и день). „Я старъ, отъ меня родилось двѣнадцать сыновей, у каждаго изъ нихъ по тридцати сыновей красныхъ, по тридцати дочерей черныхъ“ (годъ). „Стоитъ дубъ безъ корня, безъ вѣтвей; сидитъ на немъ птица вранъ; пришелъ къ нему старикъ безъ ногъ, снялъ его безъ рукъ, закололъ безъ ножа, сварилъ безъ огня, съѣлъ безъ зубовъ“ (смѣна зимы весною).

Въ приведенныхъ образцахъ первобытный человѣкъ, совершенно еще незнакомый ни съ законами природы, ни съ законами собственнаго духа, усвояетъ разнообразнымъ предметамъ и явленіямъ міра дѣйствительнаго совсѣмъ несвойственные имъ признаки. Соотвѣтственно своему развитію, онъ, напр., представляетъ солнце

Digitized by Google

то въ формѣ покрытаго золотомъ сита, то въ видѣ особой птицы веретеницы, то въ образѣ прекрасной дѣвицы. Мѣсяцъ кажется ему въ одно время—висящею краюшкой хлѣба, въ другое—глядящею черезъ прясло бурою коровой, а гораздо позднѣе-уже какимъ-то вышинскимъ пастухомъ, пасущимъ звѣздное стадо, и т. д. Подобное отношеніе къ окружающей дѣйствительности, непосредственно выразившееся во многихъ древнѣйшихъ загадкахъ, свидѣтельствуетъ, что *послѣднія* возникли въ отдаленный періодъ народной жизни и *первоначально служили просто сокращенными словесными выраженіями, своего рода сжатыми формулами миѳическихъ воззрѣній народа на природу*. Какъ такія, онѣ на первыхъ порахъ не заключали въ себѣ ничего непонятнаго; напротивъ, содержаніе ихъ было доступно всѣмъ и каждому; только съ умноженіемъ и осложненіемъ миѳовъ, основной смыслъ этихъ краткихъ изреченій началъ мало-по-малу затемняться для обыкновеннаго простолюдина, и они наконецъ обратились въ настоящія загадки, т. е. перестали быть общедоступными, а сдѣлались достояніемъ лишь нѣкоторыхъ избранныхъ, которые, будучи знакомы съ миѳологіей, понимали ихъ истинное значеніе. Отсюда, умѣнье загадывать и разгадывать загадки стало уже въ глазахъ народа свидѣтельствовать объ особенной мудрости человѣка, вызывало къ нему почетъ и уваженіе, а иногда доставляло и чисто житейскія выгоды. Греческій царь Эдипъ спасаетъ Ѳивы отъ Сфинкса и овладѣваетъ ими, отгадавъ загадку этого чудовища. Въ нашихъ сказкахъ за разгаданную загадку добрый молодецъ получаетъ руку красавицы-царевны. Въ пѣснѣ русалка даетъ загадки тому, кто съ нею встрѣтится, и за неудачный отвѣтъ можетъ защекотать до смерти неумѣлаго отгадчика. Даже обреченный на смертную казнь можетъ, согласно народному эпосу, получить помилованіе, если съумѣетъ удачно разрѣшить предложенную ему загадку. Загадки позднѣйшаго происхожденія не имѣютъ уже миѳологической основы, а являются простой метафорой, большею частію выраженной въ стихотворной формѣ, гдѣ одинъ предметъ изображается посредствомъ другого, имѣющаго съ нимъ какое-либо сходство. Чѣмъ тоньше и незамѣтнѣе это подобіе, тѣмъ труднѣе и замысловатѣе сама загадка, и тѣмъ больше требуется умственнаго напряженія для правильнаго ея рѣшенія. Состязаніе въ послѣдняго рода загадкахъ поддерживаетъ и питаетъ остроуміе, развиваетъ смѣтливость, находчивость, сообразительность и вообще доставляетъ умственное наслажденіе. Вотъ почему до настоящаго времени нашъ народъ употребляетъ загадки, какъ одно изъ лучшихъ средствъ скоротать длинные и скучные осенніе и зимніе вечера, а дѣти очень часто съ величайшимъ стараніемъ исписываютъ ими

Digitized by Google

цѣлыя тетради. Въ заключеніе приведемъ нѣсколько такихъ загадокъ:

„Братъ съ братомъ черезъ дорожку живутъ, а другъ дружки не видятъ“ (глаза). „Стучитъ, гремитъ, вертится, никого не боится, считаетъ свой вѣкъ, самъ не человѣкъ“ (часы). „Черненькая собачка, свернувшись, лежитъ: ни лаетъ, ни кусаетъ, а въ домъ не пускаетъ“ (замокъ). „Бѣлое поле, черное сѣмя; кто его сѣетъ, тотъ разумѣетъ“ (письмо). „Не княжеской породы, а ходитъ въ коронѣ; не ратный ѣздокъ, а съ ремнемъ на ногѣ; не сторожемъ стоитъ, а всѣхъ будитъ“ (пѣтухъ). „Живетъ безъ тѣла, говоритъ безъ языка, никто его не видитъ, а всякій слышитъ“ (эхо).

Пословицы, поговорки и присловья или присказки Историческія происшествія, многочисленные частные случаи, разнообразныя положенія и обстоятельства, словомъ, всевозможныя жизненныя явленія, развивая въ народѣ разностороннюю опытность и наблюдательность, естественно приводятъ его къ тѣмъ или инымъ выводамъ и заключеніямъ. Время отъ времени народъ выражаетъ все это въ краткихъ, но весьма мѣткихъ изреченіяхъ, сообщая послѣднимъ именно тотъ отпечатокъ, который въ данный моментъ всецѣло соотвѣтствуетъ его собственному развитію. Такъ возникаютъ особаго сорта словесныя произведенія, обыкновенно извѣстныя подъ именемъ „пословицъ“. Изъ безчисленнаго множества пословицъ остановимся лишь на нѣкоторыхъ, особенно характерныхъ и потому наиболѣе уясняющихъ существенныя свойства этого вида народнаго эпоса. Въ первобытную эпоху, когда народъ еще олицетворялъ и обоготворялъ всю окружавшую его видимую природу, когда онъ не могъ дать себѣ правильнаго отчета и въ своей личной дѣятельности, онъ высказалъ суть своего міровоззрѣнія, напр. въ такихъ общихъ выраженіяхъ: „Солнце днемъ работаетъ, а ночью отдыхъ береть“; „Который богъ замочитъ, тотъ и высушитъ“; „Бойся, не бойся, а року не миновать“; „Видно, такъ на роду написано“; „Отъ притчи (судьбы) не уйдешь“. Повѣрье, что въ древняхъ дуплинахъ, горахъ, оврагахъ, лѣсахъ, болотахъ, омутахъ таится темная, враждебная человѣку сила, превратившаяся въ позднѣйшемъ народномъ представленіи въ злыхъ духовъ, нашло себѣ увѣковѣченіе въ слѣдующихъ обобщеніяхъ: „Изъ пустаго дупла—либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана“; „Горы да овраги—чортово жилье“; „Всякому чорту вольно въ своемъ болотѣ бродить“; „Въ тихомъ омутѣ черти водятся“. Въ пословицахъ: „Изъ омута въ адъ, какъ рукой подать“; „Жилъ въ лѣсу, молился пнямъ“; „Вѣчали вокругъ ели, а черти пѣли“; „Взялъ боженьку за ноженьку, да и объ полъ бухъ“—уже видно насмѣшливое отношеніе къ старымъ языческимъ божествамъ и обрядамъ, развившееся въ народѣ подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій. Нѣкоторые слѣды довольно смутныхъ воспоминаній о той отдаленной

Digitized by Google

порѣ, когда человѣкъ еще велъ кочевую—звѣроловную и пастушескую жизнь, чествуя особаго „скотьяго бога“ Волоса, котораго впослѣдствіи замѣнилъ христіанскими святыми—Власіемъ и Георгіемъ, сохранились въ народныхъ сужденіямъ: „Оброчная скотина не животина“, (т.-е. скотина, обреченная въ жертву, уже не жилица); „Моленый“, (т. е. назначенный для жертвоприношенія), „баранъ отлучился, инъ гулящій прилучился“ (разумѣется, для данной жертвы); „Егорій да Власъ всему хозяйству глазъ“; „Что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ“. Земледѣльческій бытъ, его преимущество предъ постушествомъ, вообще—важное значеніе земледѣлія, какъ главной основы народнаго благосостоянія, выражены въ положеніяхъ: „Дорогой товаръ изъ земли растетъ; Глубже пахать, больше хлѣба жевать; Чья земля, того и хлѣбъ; Земля кормитъ, а лугъ портитъ; Сѣютъ плачутъ, молотятъ скачутъ; Мужикъ, умирать собирайся, а земельку паши; Не будетъ пахотника, не будетъ и бархатника“. Черты семейной жизни, ея привлекательныя и отталкивающія стороны, имѣвшія мѣсто въ различные періоды народнаго существованія, запечатлѣлись въ заключительныхъ формулахъ: „Всякъ домъ по большу голову стоитъ; Безъ стараго пня и огнище сиротѣетъ; Жена для совѣта, теща для привѣта, а нѣтъ роднѣй родной матушки; Не надо и кладъ, коли въ семьѣ ладъ; Суженаго конемъ не объѣдешь; Не въ полонъ отдаютъ, а замужъ берутъ—не въ рабы, а въ помощницы; Человѣкъ по сердцу—половина вѣнца; Сладко—сладко женихъ прислалъ, а слаще того самъ привезетъ; Жена моя—полсела для меня; Хозяинъ въ дому—что ханъ въ Крыму; Лиха какъ свекровь да мачиха; Въ лѣсу медвѣдь, а дома мачеха; Удобрилась мачеха до пасынка—велѣла въ заговѣнье щи выхлебать; Женѣ спускать—добра не видать; Въ дѣвкахъ сижено—горе мыкано,—замужъ выдано—вдвое прибыло; Плачетъ, какъ на дѣвичникѣ; За чужую душу одна сваха божится.“ Условія общественныя, разныя состоянія, нравы, занятія, характеры людей, нравственныя правила, чисто житейскія истины и наставленія отобразились въ огромномъ числѣ многоразличныхъ остроумныхъ выводовъ: „Что міръ порядилъ, то Богъ разсудилъ; Гласъ народа—гласъ Божій; Гдѣ народъ увидитъ, тамъ и Богъ услышитъ; Коли всѣ міромъ вздохнутъ, и до царя слухи дойдутъ; Міръ зареветъ, такъ лѣса стонутъ; Міръ великъ человѣкъ; На міръ и суда нѣтъ; Деньги, что камень—тяжело на душу ложатся; Богатый совѣсти не купитъ, а свою губитъ; Залѣзетъ въ богатство, забудетъ и братство; Голъ да нагъ—передъ Богомъ правъ; Богатый бѣднаго не кормитъ, а всѣ сыты бываютъ; Ѣлъ бы богатый деньги, кабы убогій не кормилъ его хлѣбомъ; Что городъ, то норовъ,—что деревня, то обычай; Языкъ до Кіева доведетъ и до кія“ (палки); „Судья—что плотникъ: что захотѣлъ, то и вырубилъ; Что мнѣ законы? мнѣ судьи знакомы; Лошадь съ волкомъ тягалась—хвостъ да грива осталась; Не бойся суда, бойся судьи; Наказалъ Богъ народъ—послалъ воеводъ; Конь любитъ овесъ, а воевода—

Digitized by Google

приносъ; Была, сказываютъ, и правда на свѣтѣ, да по мелочамъ въ разновѣску ушла; Правда не на міру стоитъ, а по міру ходитъ; Правда въ дѣло не годится, а въ кивотъ поставить, да молиться; Правда со дна моря выпоситъ; Засыпь правду золотомъ, а она всплыветъ; На правду, что на солнце, во всѣ глаза не взглянешь; Кривдою весь свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься; У злой Натальи всѣ люди канальи; Идетъ въ сапотахъ, а слѣдъ босикомъ" (хитрый человѣкъ); „На небо посматриваетъ, а по землѣ то пошариваетъ" (разсчетливый ханжа); „Густо кадишь—святыхъ зачадишь" (лицемѣръ); „Гдѣ ни ступитъ, тутъ и стукнетъ" (увалень); „Лепечетъ, что сорока" (скороговорчатый); „Сказалъ, что отрубилъ" (говорящій отрывисто и рѣшительно); „Говоритъ, что рѣка льется" (плавно и связно); „Воркуетъ, какъ голубокъ" (ласково и нѣжно); „Что слово молвитъ, то рублемъ подаритъ" (говоритъ хорошо и дѣльно); „Безъ Бога ни до порога, а съ Богомъ хоть за море; У Бога милости много; Голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ; Богъ видитъ, кто кого обидитъ; На Бога положишься, не обложишься; Не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ; Богу молиться всегда пригодится; Коли Господь не сохранитъ града, то всуе стража и ограда; Богъ далъ, Богъ и взялъ; Богъ тому даетъ, кто правдою живетъ; Материна молитва со дна моря вынимаетъ; Церковь-палата для всѣхъ свята; На Бога уповай, а самъ не плошай; Богъ то Богъ, да и самъ не будь плохъ; Богу молись, а за работу берись; Богъ помогаетъ, а человѣкъ работаетъ; Береженаго и Богъ бережетъ; За край родной умрешь, въ рай попадешь; Нѣтъ смерти краше за то, что наше; Свой край умри—не отдавай; Не бойся богатыхъ грозъ, а бойся убогихъ слезъ; Не рой ямы ближнему—самъ попадешь; Чужое добро въ прокъ не пойдетъ; Не давши слово—крѣпись, а давши слово—держись; Въ горѣ быть—некручинну слыть, а и нагому ходить—не соромиться" (т. е. не стыдиться нищеты); „Бѣлыя руки чужіе труды любятъ; Частыя пирушки изведутъ полушки; Счастье безъ ума—дырявая сума,—гдѣ найдешь, тамъ и сгубишь; Вѣкъ живи, вѣкъ учись; Новая метла чисто мететъ; Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше; Ретивая лошадка не долго живетъ; Въ чужихъ рукахъ всегда ломоть великъ кажется, а какъ намъ достанется, такъ и малъ покажется; Отъ сумы, да отъ тюрьмы не отрекайся; Не все то перенять, что по рѣкѣ плыветъ, не все то переслушать, что люди говорятъ; Не бойся той собаки, которая лаетъ, а бойся той, которая изъподтишка кусаетъ; Въ большомъ мѣстѣ сидѣть, надо много ума имѣть." Наконецъ, въ цѣломъ, довольно длинномъ ряду народныхъ изреченій оставили о себѣ воспоминаніе и чисто-историческія явленія и лица, особенно поразившія чѣмъ-либо народъ. Сюда относятся древнѣйшіе образцы такихъ пословицъ, сохранившіеся въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" Нестора, гдѣ онѣ называются „притчами": „Погибоша, аки Обре" (особое племя); „Бѣда, аки въ Роднѣ" (голодъ 980 г.); „Родимичи Волчья Хвоста бѣгаютъ; Путята крести (Новгородцевъ) мечемъ, а Добрыня огнемъ; Сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато." Изъ другихъ

Digitized by Google

историческихъ пословицъ замѣчательны: „Съ добрымъ думцемъ“ (совѣтникомъ) „князь высока стола додумается, а съ лихимъ и малаго лишенъ будетъ“ (отъ удѣльнаго періода; взята изъ слова Даніила Заточника—памятника XII в.); „Не во время гость хуже татарина; Тутъ словно Мамай воевалъ; Каковъ ханъ, такова и орда; Хоть въ орду, такъ пойду“ (т. е. судиться); „Постой татаринъ, дай саблю вынуть“ (изъ эпохи татарщины); „Семеро пойдутъ, Сибирь возьмутъ“ (составилась послѣ покоренія Сибири небольшою шайкою Ермака); „Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день“ (указываетъ на уничтоженіе при Борисѣ Годуновѣ крестьянскихъ переходовъ отъ одного помѣщика къ другому, совершавшихся въ день св. Георгія—въ Юрьевъ день, 26-го ноября); „Въ клѣткахъ птицы—въ теремахъ дѣвицы“ (ссылка на затворничество женщинъ въ до-Петровской Руси); „Пришли казаки съ Дону, прогнали ляховъ съ дому“ (изъ Москвы и Россіи въ 1612 г.); „Пропалъ, какъ Шведъ подъ Полтавою“ (указаніе на пораженіе Карла XII); „Снявши голову, по волосамъ не плачутъ“ (намекъ на казнь невинныхъ Кочубея и Искры по клеветѣ Мазепы); „Голодный французъ и воронѣ радъ; Наполеонъ въ Москвѣ опаленъ“ (изъ войны съ французами въ 1812-мъ году).

Такимъ образомъ, своимъ содержаніемъ *пословицы* затрогиваютъ самыя разнообразныя стороны народной жизни и *представляютъ собою* не что иное, какъ *общія краткія сужденія, выведенныя народомъ изъ его собственнаго наблюденія и опыта.* Вмѣстѣ съ тѣмъ *онѣ отличаются мѣткими сравненіями, остроумными объясненіями понятій, силою и наглядностію выраженія, особымъ мѣрнымъ складомъ рѣчи и въ большинствѣ созвучіемъ словъ или въ началѣ и срединѣ, что называется аллитераціей, или въ концѣ, т. е. риѳмою.* Отсюда народныя выраженія: „Пословица заднимъ умомъ живетъ; Одна рѣчь не пословица; Голая рѣчь не пословица“. Какъ правила житейской мудрости, основанныя на самой дѣйствительности, пословицы постоянно пользовались высокимъ народнымъ вниманіемъ: народъ видитъ въ нихъ вѣрнѣйшія руководства въ жизни и потому весьма часто примѣняетъ ихъ къ своей дѣятельности: ихъ употребляетъ онъ для подтвержденія своихъ мыслей, для оправданія своихъ поступковъ, для обличенія или обвиненія другихъ. „Пословица“, говоритъ народъ, „всѣмъ дѣламъ порѣшница; На пословицу суда нѣтъ; Пословица не мимо молвится; Старинная пословица во вѣкъ не сломится“. Обладая многосторонностью содержанія и по самой своей формѣ будучи наименѣе подвержены какому-бы-то-ни-было искаженію, пословицы являются прекраснѣйшимъ памятникомъ свойственнаго народу склада ума, его характера, быта, нравовъ и обычаевъ, его понятій о Богѣ, человѣкѣ и природѣ, словомъ,—полнаго народнаго міровоззрѣнія. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны наши русскія пословицы: въ нихъ данъ краткій, но ясный и положительный отвѣтъ

Digitized by Google

на всѣ важнѣйшіе вопросы жизни и нравственности. Недаромъ великіе русскіе люди всегда высоко цѣнили народныя пословицы. Императрица Екатерина II сама составила небольшой сборникъ русскихъ пословицъ, а Богдановичу поручила собрать и напечатать всѣ русскія пословицы отдѣльной книгой. „Русскія пословицы, говоритъ она, изощряютъ разумъ и придаютъ силу рѣчамъ. Еслибы покойный Санхо зналъ русскій языкъ, онъ нашелъ бы въ немъ столько пословицъ, что прибавилось бы еще нѣсколько книжекъ къ тѣмъ шести, въ которыхъ заключается жизнеописаніе знаменитаго Донъ Кихота и его конюшаго, Санхо-Пансы". „Наши пословицы, замѣчаетъ Гоголь, значительнѣе пословицъ всѣхъ другихъ народовъ. Сверхъ полноты мыслей, уже въ самомъ выраженіи въ нихъ отразилось много народныхъ свойствъ нашихъ; въ нихъ все есть: издѣвка, насмѣшка, попрекъ— словомъ, все шевелящее и задирающее за живое. Какъ стоглазый Аргусъ, глядитъ изъ нихъ каждая на человѣка. Всѣ великіе люди, отъ Пушкина до Суворова и Петра Великаго, благоговѣли предъ нашими пословицами. Извѣстно, что ежели съумѣешь замкнутъ рѣчь ловко прибранною пословицею, то симъ объяснишь ее вдругъ народу, какъ бы сама по себѣ ни была она свыше его понятій". Впрочемъ, не всѣ пословицы запечатлѣны такимъ характеромъ; подобныя изреченія, какъ: „Всѣ люди неправдой живутъ, и намъ не лопнуть стать; Правда безъ рубахи ходитъ; Стыдъ не дымъ: глаза не выѣстъ; Пьянъ да умѣнъ два угодья въ немъ; Курица не птица, баба не человѣкъ; Бабу бей, что молотомъ, сдѣлаешь золотомъ" и др, грубы и оскорбительны для нравственнаго чувства и выражаютъ ложный, превратный взглядъ на дѣла и отношенія людей; да народъ и не считаетъ ихъ настоящими пословицами: „Не всякая рѣчь", утверждаетъ онъ, „пословица; Пень не околица, глупая рѣчъ не пословица".

Отъ пословицъ въ собственномъ смыслѣ необходимо отличать такъ называемыя поговорки и присловья или присказки. Выражаемыя чаще всего въ формѣ сравненій для сообщенія рѣчи большей наглядности, *поговорки не содержатъ въ себѣ полной, строго опредѣленной мысли*, какъ это наоборотъ бываетъ въ пословицахъ, *а заключаютъ лишь одинъ намекъ на что-либо*, напр. „Какъ снѣгъ на голову; Какъ двѣ капли воды; Одинъ, какъ перстъ" и т. п. Поэтому народъ выражается о нихъ такъ: „Поговорка-цвѣточекъ, пословица-ягодка". Въ нѣкоторыхъ поговоркахъ можно еще видѣть остатки старинныхъ народныхъ повѣрій, напр., „Вертится, какъ бѣсъ передъ заутреней" (указаніе на вѣрованіе народа, что, при первомъ ударѣ колокола къ заутренѣ, всѣ бѣсы, мертвецы, привидѣнія, обыкновенно бродящіе ночью по землѣ, проваливаются въ

Digitized by Google

тартарары, въ преисподнюю); „Еще черти въ кулачки не дрались“ (т. е. очень рано, до появленія чертей, до полуночи) и др. *Присловья или присказки употребляются* въ разсказахъ и описаніяхъ *просто для украшенія рѣчи,* напр., „Ни дать ни взять, ни вздумать ни взгадать, ни перомъ описать; Не по днямъ, по часамъ растетъ; Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается“ и проч.

Общія свойства народной эпической поэзіи.

Эпическія народныя произведенія, существенно различаясь между собою по содержанію, вмѣстѣ съ тѣмъ въ отношеніи формы весьма близко подходятъ другъ къ другу. Создаваемыя цѣлымъ народомъ, они, естественно, лишены того рѣзкаго разнообразія во внѣшней своей обработкѣ, какое неизбѣжно вносится личностью каждаго отдѣльнаго составителя; съ другой стороны, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе изустно, по памяти и при этомъ незамѣтно утрачивая все отжившее и постоянно воспринимая все новое, они чужды и тѣхъ довольно чувствительныхъ отличій, какія неминуемо налагаются печатью времени. Отсюда ведетъ свое начало *первое и самое существенное общее свойство народнаго эпоса-это совершенная одинаковость языка и слога устныхъ народныхъ произведеній:* всѣ они выражены обыденнымъ, простонароднымъ складомъ рѣчи, именно такъ, какъ обычно говоритъ самъ творецъ ихъ—народъ. Такъ какъ въ основѣ народнаго творчества обыкновенно лежатъ глубокое, искренее чувство и живое, пылкое воображеніе, то и строй рѣчи народныхъ эпическихъ твореній обладаетъ въ высшей степени художественностію. Первобытныя слова, изображающія предметы и явленія по ихъ первичнымъ впечатлѣніямъ на человѣка, своеобразныя выраженія, содержащія въ себѣ фантастическое представленіе окружающаго въ живыхъ образахъ, наконецъ частое употребленіе особаго рода грамматическихъ формъ—все это сообщаетъ языку и слогу народнаго эпоса удивительную яркость красокъ, необыкновенную простоту и привлекательность, поразительную прелесть и задушевность. Въ частности народныя эпическія созданія особенно богаты постоянными и украшающими эпитетами, положительными и отрицательными сравненіями, синонимическими и тавтологическими оборотами, тропами и фигурами, краткими, но мѣткими и выразительными описаніями (указать примѣры изъ усвоенныхъ образцовъ). Изъ грамматическихъ формъ чаще другихъ встрѣчаются: а) ласкательныя и уменьшительныя слова на—„ушка, юшка, ышко, енька, окъ, чекъ“ и увеличительныя на—„ище“; в) удлиненныя окончанія—„ыій, іихъ, іимъ“ и др. вмѣсто

Digitized by Google

„ый, ихъ, имъ“ и пр. и окончанія усѣченныя въ именахъ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ; c) приставка „ся“ къ глаголамъ, употребляющимся теперь безъ нея, и наоборотъ; d) сокращенный однократный видъ глаголовъ, замѣна настоящаго времени будущимъ, неопредѣленнымъ наклоненіемъ опредѣленнаго; e) повтореніе предлоговъ и употребленіе частицъ и f) опущеніе связи, мѣстоименій, союзовъ и многихъ другихъ словъ въ предложеніяхъ (подтвердить выдержками изъ пройденныхъ примѣровъ).

Тѣ же самыя причины, отъ которыхъ зависитъ одинаковость стиля народнаго эпоса, создали въ немъ и другую замѣчательную общую черту—*обрядность;* она состоитъ въ постоянномъ повтореніи въ извѣстныхъ случаяхъ разъ навсегда установившихся опредѣленныхъ словъ, выраженій, образовъ, картинъ, вообще описательныхъ и повѣствовательныхъ пріемовъ, которые, переходя изъ рода въ родъ по преданію, сдѣлались обычными и неизмѣнными въ своей какъ бы окончательно застывшей и отвердѣвшей формѣ. Такъ, почти всякая сказка начинается словами: „Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ“.... и оканчивается присказкой: „Я тамъ былъ, медъ, пиво пилъ“ и т. д., начало большинства былинъ также одинаково, лишь съ нѣкоторыми маленькими видоизмѣненіями:

„Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
Уласковаго сударь князя Владимира,
Было столованье, почетный пиръ:
Сходилися, собиралися къ нему могучіе богатыри.“

Въ заключеніе былины пѣвецъ часто увѣряетъ, что разсказъ его:

„То старина, то и дѣянье:
Какъ бы синему морю на утишенье,
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перенимание,
Еще намъ, добрымъ молодцамъ, на потѣшенье“ и т. п.

Наконецъ, *народныя эпическія произведенія запечатлѣны какимъ-то свѣтлымъ и торжественнымъ оттѣнкомъ, строго выдержанною ровностію и спокойствіемъ тона,* въ чемъ невольно чувствуется по-истинѣ богатырское раздолье и необъятная ширь поэтическаго розмаха. Иногда самъ пѣвецъ-разсказчикъ выражаетъ это въ словахъ:

„Высота-ль, высота поднебесная,
Глубота-ль, глубота-океанъ море;
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты днѣпровскіе!“

Такимъ образомъ, *спокойный и свѣтлый тонъ разсказа, обрядность и совершенная одинаковость языка и слога, проникнутаго удивительною яркостію красокъ, необыкновенною простотою и привлекательностію и поразительною прелестію и задушевностію, таковы общія свойства народной эпической поэзіи.* Вмѣстѣ съ глу-

Digitized by Google

бокимъ и многостороннимъ содержаніемъ они дѣлаютъ народную поэзію богатѣйшею сокровищницею народной жизни и коренной основой литературы письменной.

II) Эпосъ искусственный.

Съ осложненіемъ народной жизни, съ появленіемъ наукъ, искусствъ и образованія, народная поэзія мало-по-малу теряетъ свое прежнее значеніе и уступаетъ мѣсто эпосу искусственному. Послѣдній создается уже не цѣлымъ народомъ, а отдѣльными лицами, по своимъ природнымъ дарованіямъ и развитію часто высоко стоящими надъ народнымъ уровнемъ, и въ громадномъ большинствѣ отражаетъ въ себѣ воззрѣнія далеко необщенародныя. Эпосъ искусственный служитъ вторымъ видомъ эпической поэзіи Переходную къ нему ступень отъ эпоса чисто народнаго представляютъ *героическія поэмы или эпопеи*. Вотъ для примѣра двѣ изъ нихъ: Иліада и Одиссея, приписываемыя греческому поэту—слѣпцу Гомеру, жившему въ X вѣкѣ до Р. Хр. Первая переведена на русскій языкъ Гнѣдичемъ, вторая—Жуковскимъ.

Содержаніе Иліады. Предметъ Иліады—гнѣвъ главнаго греческаго героя Ахиллеса и послѣдствія этого гнѣва. Въ ней изображены событія нѣсколькихъ послѣднихъ мѣсяцевъ изъ десятилѣтней Троянской войны.

Хризъ, жрецъ Аполлона, приходитъ въ греческій лагерь выкупить дочь свою Хризеиду, плѣненную при разореніи Ѳивъ и доставшуюся предводителю Грековъ Агамемнону. Агамемнонъ прогоняетъ его. Оскорбленный жрецъ молитъ Аполлона о мщеніи за обиду. Богъ посылаетъ на Грековъ сильную моровую язву. Чтобы найти средство къ отвращенію бѣдствія, Ахиллесъ, по внушенію Геры—жены Зевса, собираетъ совѣтъ, на которомъ верховный жрецъ Калхасъ объявляетъ, что моровая язва прекратится только съ возвращеніемъ Хризеиды отцу и принесеніемъ богатыхъ умилостивительныхъ жертвъ Аполлону. Агамемнонъ соглашается на предложеніе Калхаса, но требуетъ себѣ вознагражденіе. Ахиллесъ упрекаетъ его въ корыстолюбіи, и между ними возгарается ссора, едва не дошедшая до открытаго боя. Является богиня Паллада и укрощаетъ гнѣвъ Ахиллеса,—но послѣдній объявляетъ, что онъ съ своимъ отрядомъ—Мирмидонянами не будетъ болѣе участвовать въ войнѣ, и удаляется въ свой станъ. Между тѣмъ Агамемнонъ отправляетъ Хризеиду къ отцу вмѣстѣ съ жертвами Аполлону, а взамѣнъ ея насильственно уводитъ къ себѣ невольницу Ахиллеса Бризеиду. Ахиллесъ проситъ мать свою богиню Ѳетиду отмстить Агамемнону. Та вступается за сына и, по ея просьбѣ, Зевсъ даетъ обѣщаніе, что Трояне до тѣхъ поръ будутъ побѣждать Грековъ, пока Агамемнонъ и Греки не удовлетворятъ Ахиллеса за оскорбленіе. Гера,—покровительница Грековъ, узнавъ о рѣшеніи супруга, приходитъ въ

Digitized by Google

негодованіе и поднимаетъ съ Зевсомъ распрю, которая нѣсколько сглаживается, благодаря только Гефесту (1-я пѣснь).

Исполняя свое обѣщаніе, Зевсъ посылаетъ Агамемнону обольстительное сновидѣніе, предвѣщающее ему быстрое завоеваніе Трои. Агамемнонъ немедленно созываетъ народное собраніе и, желая испытать, готовъ-ли народъ сразиться безъ Ахиллеса, притворно совѣтуетъ возвратиться въ отечество. Войско бросается къ кораблямъ, чтобы готовиться къ отплытію. Одиссей, возбужденный нисшедшею съ неба Палладой, угрозами возстановляетъ собраніе и снова склоняетъ народъ къ битвѣ, указывая между прочимъ на счастливое предсказаніе Калхаса, что Троя будетъ взята Греками въ десятый годъ войны. Вожди устрояютъ войска и выводятъ ихъ на поле сраженія. Трояне выходятъ къ холму Батіеи (2-я пѣснь).

Вмѣсто общаго боя рѣшаютъ покончить дѣло поединкомъ—Париса со стороны Троянцевъ и Менелая со стороны Грековъ. Менелай побѣждаетъ Париса, но богиня Киприда похищаетъ послѣдняго съ поля битвы и невредимымъ переноситъ въ его спальню (3-я пѣснь).

Боги пируютъ у Зевса, гдѣ заходитъ рѣчь о бывшемъ единоборствѣ. На рѣшеніе присутствующихъ Зевсъ предлагаетъ вопросъ,—возобновить или покончить войну Грековъ съ Троянами. Гера настаиваетъ на разрушеніи Трои, и Зевсъ, склоненный на ея убѣжденія, посылаетъ Аѳину къ Пандору побудить его пустить стрѣлу въ Менелая и тѣмъ дать новый поводъ къ распрѣ. Менелай раненъ, и война продолжается еще съ большимъ ожесточеніемъ обѣихъ сторонъ. Сами боги принимаютъ въ ней непосредственное участіе и нѣкоторые даже ранены (4—5 пѣсн.).

Утомленные Трояне готовы бѣжать въ городъ. Гекторъ воспламеняетъ ихъ мужество, а самъ, по совѣту прорицателя Гелена, уходитъ въ Трою. Здѣсь онъ убѣждаетъ мать свою Гекубу совершить вмѣстѣ съ знаменитыми Троянками торжественное моленіе о спасеніи Трои въ храмѣ Паллады, а Париса—принять участіе въ сраженіи. Затѣмъ, трогательно простившись у Скейскихъ воротъ съ супругою Андромахой и сыномъ Астіанаксомъ, онъ нагоняетъ Париса (6-я пѣснь).

Оба героя, вышедъ изъ города, немедленно вступаютъ въ сраженіе и тѣснятъ Грековъ. Гекторъ, возбужденный Палладою и Аполлономъ, вызываетъ, по совѣту Гелена, поединщика. Изъ девяти желающихъ жребій падаетъ на Аякса Теламонида Происходитъ единоборство, въ которомъ Гекторъ получаетъ рану. Противники расходятся по причинѣ наступленія ночи. Враждующія стороны заключаютъ между собою перемиріе для погребенія убитыхъ (7-я пѣснь).

Зевсъ, собравши всѣхъ боговъ и подъ жестокою карою запретивши имъ помогать сражающимся, удаляется на Иду, откуда содѣйствуетъ Троянамъ. Греки терпятъ пораженіе. Гера и Паллада негодуютъ на неправосудіе Зевса и уже устремляются на помощь Грекамъ, но послѣдній посылаетъ Ирису съ угрозами и приказаніемъ удержать ихъ и, возратясь на Олимпъ, укоряетъ непокорныхъ, грозя нанести завтра Грекамъ еще большее пораженіе (8-я пѣснь).

Digitized by Google

Пораженные Греки въ страхѣ и безпокойствѣ. Агамемномъ пытается помириться съ Ахиллесомъ, для чего отправляетъ къ нему пословъ. Ахиллесъ отвергаетъ предложеніе. Тогда Агамемнонъ посылаетъ въ непріятельскій станъ соглядатаевъ, которые успѣшно исполняютъ свое назначеніе, и на слѣдующій день выводитъ въ бой всѣ ополченія. Съ обѣихъ сторонъ сраженіе идетъ съ одинаковымъ ожесточеніемъ и успѣхомъ. Наконецъ Трояне одерживаютъ верхъ и врываются въ станъ Грековъ (9—12 пѣсн.).

Въ это время Зевсъ отвращаетъ взоры отъ поля битвы и отъ Трои. Посейдонъ пользуется случаемъ и помогаетъ Грекамъ. Ему содѣйствуетъ Гера, усыпляя Зевса. Трояне обращаются въ бѣгство (13—14 пѣсн.).

Проснувшись и видя пораженіе Троянъ и содѣйствіе Грекамъ Посейдона, Зевсъ уличаетъ въ казняхъ Геру и призываетъ ей призвать съ Олимпа Ирису и Аполлона; первую онъ посылаетъ къ Посейдону съ повелѣніемъ удалиться съ поля битвы, а второму поручаетъ возстановить силы Гектора. Поддерживаемый и руководствуемый Аполлономъ, Гекторъ оттѣсняетъ Грековъ въ ряды ихъ кораблей, и Трояне зажигаютъ одинъ изъ нихъ. Въ такомъ затруднительномъ положеніи на защиту Грековъ выступаетъ Патроклъ, другъ Ахиллеса. Съ разрѣшенія Ахиллеса вооружившись его доспѣхами и предводительствуя его отрядомъ—Мирмидонянами, онъ скоро отражаетъ Троянъ, преслѣдуетъ ихъ до самаго города и даже нѣсколько разъ пытается овладѣть городскими стѣнами. Гекторъ, при помощи Аполлона, убиваетъ Патрокла, надѣваетъ на себя его оружіе и едва не овладѣваетъ конями Ахиллеса и тѣломъ Патрокла (15—17 пѣсн.).

Извѣщенный Антилохомъ о смерти друга, Ахиллесъ предается отчаянной горести. Съ сонмомъ Нереидъ выходитъ ихъ моря Ѳетида утѣшить сына. Она обѣщаетъ принести ему оружіе отъ Гефеста, къ которому и отправляется немедленно, отпустивъ Нереидъ домой. При наступленіи ночи, которое ускоряетъ Гера, повелѣвъ преждевременно закатиться солнцу, Греки приносятъ трупъ Патрокла въ палатку Ахиллеса. Ахиллесъ даетъ клятву только тогда похоронить своего друга, когда обезображенный трупъ Гектора будетъ привлеченъ къ трупу Патрокла. Съ разсвѣтомъ Ѳетида приноситъ Ахиллесу оружіе отъ Гефеста. Торжественно въ собраніи народномъ Ахиллесъ примиряется съ Агамемнономъ и, невидимо подкрѣпленный по распоряженію Зевса при посредствѣ Аѳины нектаромъ и амброзіею, одѣвается въ новые доспѣхи, всходитъ на колесницу и устремляется въ битву (18—19.).

Зевсъ разрѣшаетъ богамъ снова принять участіе въ сраженіи по своему желанію. На сторону Грековъ становятся: Гера, Аѳина, Посейдонъ, Гермесъ, Гефестъ, за Троянъ: Арей, Аполлонъ, Ксанѳъ, Артемида, Лета и Киприда. Аполлонъ возбуждаетъ противъ Ахиллеса Энея. Герои сходятся, и Ахиллесъ побѣждаетъ Энея, котораго спасаетъ отъ смерти Посейдонъ. Вскорѣ Ахиллесъ вступаетъ въ бой съ Гекторомъ и, только благодаря Аполлону, покрывшему Гектора глубокимъ

Digitized by Google

мракомъ, не убиваетъ противника. Разгнѣванный Ахиллесъ нападаетъ на Троянъ и обращаетъ ихъ въ бѣгство. Одни спѣшатъ къ городу, другіе бросаются въ рѣку Ксанѳъ. Стѣсненный въ своемъ теченіи трупами, Ксанѳъ убѣждаетъ Ахиллеса прекратить убійство. Тотъ, не обращая вниманія, продолжаетъ свое. Тогда Ксанѳъ устремляется на Ахиллеса и едва не потопляетъ его. Ярость рѣки, по просьбѣ Геры, укрощаетъ Гефестъ, пославъ противъ ея волнъ пламя огня. Остальные боги поднимаютъ между собою распрю и возвращаются на Олимпъ. Одинъ Аполлонъ спѣшитъ защитить Трою отъ угрожающей ей опасности. Въ образѣ троянскаго героя Агенора онъ предстаетъ Ахиллесу и, преслѣдуемый имъ, тѣмъ самымъ отвлекаетъ его отъ Трои (20—21 пѣсн.).

Въ это время Трояне спасаются въ городъ. За стѣнами остается только Гекторъ, въ намѣреніи сразиться съ Ахиллесомъ. Узнавъ обманъ Аполлона, Ахиллесъ снова спѣшитъ къ Троѣ. При его приближеніи, Гекторъ бѣжитъ. Ахиллесъ преслѣдуетъ его. Когда они уже въ четвертый разъ прибѣжали къ ключамъ Скамандра, Зевсъ полагаетъ на вѣсы ихъ жребіи. Жребій Гектора преклоняется, и Аполлонъ оставляетъ своего героя. Съ помощію Аѳины, Ахиллесъ убиваетъ Гектора и обезображенный трупъ его увлекаетъ въ свой станъ. Здѣсь онъ торжественно сожигаетъ тѣло Патрокла, тѣло же Гектора предаетъ поруганію, волоча его вокругъ могилы друга, которое однако Аполлонъ сохраняетъ невредимымъ. Между богами возникаетъ разногласіе: одни изъ нихъ сочувствуютъ поруганію со стороны Ахиллеса, другіе убѣждаютъ Гермеса похитить тѣло Гектора. Зевсъ чрезъ Ѳетиду повелѣваетъ Ахиллесу оставить свирѣпство и выдать тѣло Гектора выкупающимъ, а Пріаму чрезъ Ирису—итти къ Ахиллесу съ дарами для выкупа сына. Пріамъ отправляется, встрѣчаетъ на пути подъ видомъ слуги Ахиллеса—Гермеса, который приводитъ его къ палаткѣ греческаго героя. Тронутый просьбами плачущаго старца, Ахиллесъ принимаетъ выкупъ и отпускаетъ трупъ Гектора. Гермесъ помогаетъ Пріаму выбраться изъ стана Грековъ. Возвратясь въ Трою, Пріамъ устрояетъ Гектору торжественныя похороны, чѣмъ и заканчивается Иліада (22—24).

Содержаніе Одиссеи. Въ Одиссеѣ разсказывается о десятилѣтнемъ странствованіи послѣ разоренія Трои и о прибытіи на родину царя острова Итаки—Одиссея.

Боги, за исключеніемъ Посейдона, въ общемъ собраніи опредѣляютъ, что Одиссей, несмотря на преслѣдованія Посейдона и стараніе нимфы Калипсо удержать его на островѣ Огигіи, долженъ наконецъ возвратиться на родину. Въ образѣ Ментеса Аѳина является къ одиссееву сыну Телемаку и убѣждаетъ его изгнать изъ родительскаго дома навязчивыхъ жениховъ своей матери Пенелопы и посѣтить Пилосъ и Спарту (1-я пѣснь).

Рано утромъ Телемакъ созываетъ народное собраніе, гдѣ требуетъ удаленія изъ своего дома жениховъ Пенелопы и приготовленія ему корабля для отплытія въ Пилосъ. Между гражданами происходитъ разногласіе. Леокритъ самовольно распускаетъ собраніе. Аѳина

Digitized by Google

подъ видомъ Ментора сама приготовляетъ корабль и вмѣстѣ съ Телемакомъ пускается въ море (2-я пѣснь).

Корабль благополучно пристаетъ къ Пилосу, на берегу котораго Телемакъ встрѣчаетъ Нестора, приносящаго вмѣстѣ съ народомъ жертву Посейдону. По просьбѣ Телемака, Несторъ передаетъ ему о своихъ приключеніяхъ и о томъ, что случилось съ Менелаемъ и нѣкоторыми другими греческими героями по разрушеніи Трои, и совѣтуетъ побывать у Менелая въ Лакедемонѣ. На слѣдующій день, взявъ съ собою сына Нестора Пизистрата, Телемакъ отправляется въ Лакедемонъ (3-я пѣснь).

Менелай праздновалъ свадьбу сына и дочери. Узнавъ о прибытіи новыхъ людей, онъ приглашаетъ ихъ на свадебный пиръ, во время котораго между прочимъ самъ и жена его Елена разсказываютъ о подвигахъ Одиссея. На другое утро, исполняя просьбу Телемака, Менелай сообщаетъ ему все, что слышалъ отъ прорицателя Протея о судьбѣ греческихъ героевъ и о заключеніи Одиссея у Калипсо, и убѣждаетъ его погостить нѣсколько въ его домѣ. Въ отсутствіе Телемака женихи Пенелопы замышляютъ ему гибель, рѣшивши умертвить его на возвратномъ пути, для чего одинъ изъ нихъ Антиной отправляется съ своею дружиною къ острову Астеру—навстрѣчу Телемаку (4-я пѣснь).

Между тѣмъ боги посылаютъ Эрмія къ нимфѣ Калипсо съ повелѣніемъ немедленно отпустить Одиссея. Калипсо возвѣщаетъ волю боговъ Одиссею и помогаетъ ему устроиться въ путь. Получивъ отъ нея все нужное на дорогу, Одиссей пускается въ море и семнадцать дней плыветъ благополучно, на восемнадцатый—его узнаетъ Посейдонъ и поднимаетъ страшную бурю. Судно Одиссея разбито. Онъ спасается, благодаря только покрывалу Левкотеи, на которомъ три дня носится по бурнымъ волнамъ, пока не выходитъ на берегъ феакійскаго острова Схеріи (5-я пѣснь).

Здѣсь находитъ его Навзикая, дочь феакійскаго царя Алкиноя, по внушенію Аѳины пришедшая сюда съ подругами и рабынями мыть платья, и приглашаетъ къ своему отцу (6-я пѣснь).

Одиссей идетъ въ городъ, у воротъ котораго подъ видомъ феакійской дѣвы, встрѣчаетъ Аѳину. Онъ умоляетъ незнакомку указать ему дворецъ Алкиноя. Та, окруживъ Одиссея мглою, незамѣтно приводитъ его къ царскому дому и совѣтуетъ ему прежде всего подойти къ царицѣ Аретѣ, супругѣ Алкиноя. Въ это время у Алкиноя шелъ пиръ. Никѣмъ не примѣченный Одиссей подходитъ къ царицѣ и, сначала обратясь къ ней, а потомъ къ Алкиною и гостямъ его, проситъ ихъ помочь ему возвратиться на родину. Царь усаживаетъ странника за столъ рядомъ съ собою и угощаетъ его, а когда гости разошлись по своимъ домамъ, Одиссей разсказалъ Алкиною и Аретѣ все случившееся съ нимъ на пути отъ острова Огигіи. Алкиной обѣщаетъ Одиссею отправить его на феакійскомъ кораблѣ въ Итаку (7-я пѣснь).

На другой день царь объявляетъ свое желаніе гражданамъ, сошедшимся на площадь по дѣйствію Аѳины, принявшей видъ царскаго

Digitized by Google

глашатая. Тутъ же онъ приглашаетъ къ себѣ гребцовъ, долженствующихъ отправиться съ Одиссеемъ, и вельможъ на пиршество въ честь чужеземца. Пиръ сопровождается различнаго рода играми: бѣгомъ, бросаніемъ диска, борьбою, кулачнымъ боемъ, пѣніемъ и—пляской подъ звуки лиры и пѣнія. Пѣснь Демодока о деревянномъ конѣ и подвигахъ греческихъ вождей вызываетъ у Одиссея слезы, по поводу которыхъ Алкиной проситъ его разсказать имъ о своихъ приключеніяхъ (8-я пѣснь).

Одиссей разсказываетъ все по-порядку. Изъ-подъ Трои съ своими спутниками онъ приплываетъ въ страну Киконовъ. Здѣсь, разрушивши городъ Измару и перебивши почти все мужское населеніе его, они устрояютъ пиръ. Спасшіеся бѣгствомъ Киконы призываютъ на помощь сосѣдей, нападаютъ на пирующихъ и въ происшедшей схваткѣ многихъ изъ нихъ убиваютъ; остальные уходятъ на корабли и плывутъ далѣе. Поднимается сильная буря, которая девять дней носитъ корабли по морю, а на десятый—прибиваетъ ихъ къ землѣ лотофаговъ (людей, питающихся лотосомъ). Одиссей снаряжаетъ троихъ изъ спутниковъ навести справку относительно жителей. Принятые дружелюбно послѣдними и угощенные лотосомъ, посланные выражаютъ непреклонное желаніе навсегда остаться среди лотофаговъ. Одиссей приказываетъ привязать упорныхъ къ корабельнымъ скамьямъ и поспѣшно удаляется отъ берега. Пріѣзжаютъ въ область циклоповъ-одноглазыхъ великановъ. Оставивъ прочіе корабли неподалеку—у козьяго острова (острова, гдѣ много было дикихъ козъ), Одиссей на своемъ собственномъ—пристаетъ къ берегу циклоповъ и съ двѣнадцатью выбранными корабельными товарищами входитъ въ пещеру циклопа Полифема. Полифемъ звѣрски раздѣлывается съ непрошенными посѣтителями, въ три пріема съѣдая шестерыхъ изъ нихъ. Та же участь непремѣнно постигла бы прочихъ, если бы Одиссей хитростію не ослѣпилъ свирѣпаго циклопа и не ускользнулъ незамѣтно, вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими товарищами, изъ его пещеры, уведя съ собою на корабль стадо козловъ и барановъ Полифема (9-я пѣснь).

Изъ страны Циклоповъ путники попадаютъ на островъ Эолію. Владѣтель острова и повелитель вѣтровъ Эолъ принимаетъ ихъ ласково, и они гостятъ тамъ цѣлый мѣсяцъ. При отъѣздѣ Эолъ вручаетъ Одиссею мѣхъ съ заключенными въ немъ буреносными вѣтрами и даетъ проводникомъ Зефиръ. Девять сутокъ плаваніе идетъ благополучно; на десятыя—показался уже берегъ Итаки, но Одиссей, одинъ до сихъ поръ управлявшій кормиломъ, крѣпко засыпаетъ отъ усталости. Въ это время его спутники изъ любопытства развязываютъ мѣхъ. Запертые вѣтры вырываются на волю и поднимаютъ бурю, которая приноситъ корабли обратно къ острову Эоліи. Эолъ съ гнѣвомъ приказываетъ Одиссею немедленно удалиться изъ его владѣній. Плывутъ далѣе и на седьмыя сутки вступаютъ въ пристань Ламоса, города Лестригоновъ. Царь Лестригоновъ Антифатъ съ своими людьми нападаетъ на незванныхъ гостей и истребляетъ одиннадцать кораблей. Одиссей едва успѣваетъ спасти свой послѣдній корабль, на которомъ и пристаетъ къ острову

Digitized by Google

Эи. Владѣтельница острова богиня Цирцея превращаетъ часть дружины Одиссея въ свиней, но Одиссей, съ помощію Эрмія, избѣгаетъ чаръ волшебницы и убѣждаетъ ее возвратить человѣческій образъ товарищамъ. Чрезъ годъ Одиссей покидаетъ островъ Эю, при чемъ Цирцея повелѣваетъ ему побывать у входа въ область Аида и тамъ у прорицателя Тирезія узнать судьбу свою (10-я пѣснь).

Одиссей исполняетъ волю богини: посѣщаетъ страну Киммеріянъ; здѣсь онъ видитъ тѣнь Тирезія, который предсказываетъ ему будущее, а также души многихъ знаменитыхъ женщинъ и героевъ троянскихъ, съ которыми вступаетъ въ бесѣду (11-я пѣснь).

Отсюда Одиссей снова приплываетъ на островъ Эю, гдѣ Цирцея, согласно съ предсказаніемъ Тирезія, говоритъ ему о предстоящихъ для него въ дальнѣйшемъ пути опасностяхъ. Слова прорицателя Тирезія и богини Цирцеи исполняются. Одиссей плыветъ мимо жилища Сиренъ, всѣхъ увлекавшихъ къ себѣ своимъ пѣніемъ, отъ которыхъ спасается только тѣмъ, что своимъ спутникамъ заклеиваетъ уши воскомъ, а себя приказываетъ накрѣпко привязать къ корабельной мачтѣ, съ трудомъ минуетъ утесы Харибду и Сциллу, гдѣ теряетъ шестерыхъ товарищей, и наконецъ останавливается у береговъ Тринакріи. Здѣсь его спутники, вопреки своей клятвѣ, убиваютъ быковъ Геліоса. Разгнѣванный богъ требуетъ отъ Зевса наказать святотатцевъ. Зевсъ громовою стрѣлою разбиваетъ снова вышедшій въ море корабль Одиссея. Всѣ погибаютъ. Одиссей девять дней носится на обломкахъ корабля по морю. Въ ночь на десятый день буря выбрасываетъ его на островъ Огигію—въ царство нимфы Калипсо, чѣмъ и заканчивается разсказъ (12-я пѣснь).

На слѣдующій день, щедро одаренный царемъ, царицею и вельможами, Одиссей отправляется на феакійскомъ кораблѣ въ Итаку. Корабль скоро и благополучно достигаетъ мѣста своего назначенія. Мореходцы выносятъ заснувшаго Одиссея на берегъ, оставляютъ около спящаго феакійскіе подарки и удаляются обратно домой. Все еще гнѣвающійся Посейдонъ, съ согласія Зевса, превращаетъ корабль ихъ въ виду феакійскаго острова въ утесъ, мстя за доставленіе Одиссея. Проснувшись, Одиссей не узнаетъ своей земли, которую Аѳина покрыла густымъ туманомъ. Богиня является ему подъ видомъ юноши, а потомъ въ образѣ дѣвы и даетъ наставленіе, какъ отомстить женихамъ. Превративъ его въ стараго нищаго, она приказываетъ ему итти къ царскому свинопасу Эвмею, а сама улетаетъ въ Лакедемонъ къ Телемаку (13-я пѣснь).

Одиссей посѣщаетъ Эвмея, который радушно принимаетъ странника, угощая его завтракомъ и хорошимъ ужиномъ (14-я пѣснь).

Въ то же время Аѳина побуждаетъ Телемака поспѣшить на родину. Раскрывъ предъ нимъ коварный замыселъ жениховъ, она научаетъ его, какъ избѣжать опасности. Телемакъ долженъ миновать мѣсто засады ночью, держась отъ него въ отдаленіи; подошедши къ берегу Итаки, онъ отправитъ свой корабль и людей въ городъ, а самъ переночуетъ у Эвмея, чрезъ котораго и извѣститъ Пенелопу о своемъ воз-

Digitized by Google

вращеніи. Телемакъ въ точности исполняетъ волю богини, поспѣшно покидая Лакедемомъ и не заѣхавъ даже къ Нестору (15-я пѣснь).

Возвратясь благополучно въ отечество, онъ прямо идетъ къ Эвмею, котораго вскорѣ посылаетъ къ матери съ извѣстіемъ о своемъ прибытіи. Въ отсутствіе Эвмея, Одиссей, при содѣйствіи Аѳины, принимаетъ свой настоящій видъ и открывается Телемаку. Отецъ и сынъ обдумываютъ планъ мести женихамъ, что и осуществляютъ впослѣдствіи. Послѣдніе, потерпѣвъ неудачу, въ свою очередь составляютъ новый заговоръ противъ Телемака: они рѣшаются такъ или иначе умертвить его, если только на то будетъ согласіе Зевса. Пенелопа узнаетъ о заговорѣ и упрекаетъ главнаго его виновника Антиноя. Эвримахъ лицемѣрно старается успокоить ее (16-я пѣснь).

Ночевавъ у Эвмея, Телемакъ утромъ уходитъ въ городъ, поручивъ свинопасу проводить потомъ туда же своего гостя. Пенелопа съ радостію встрѣчаетъ сына, который, спустя немного, разсказываетъ ей о своемъ путешествіи и все, что слышалъ объ отцѣ. Послѣ полудня, подъ видомъ стараго нищаго, входитъ во дворецъ Одиссей, приведенный Эвмеемъ, и, обходя жениховъ, проситъ у нихъ милостыни. Всѣ подаютъ, за исключеніемъ Антиноя, который съ бранью бросаетъ въ него подножную скамейку. Пенелопа чрезъ Эвмея приглашаетъ нищаго къ себѣ съ цѣлію узнать отъ него что-либо объ Одиссеѣ, но тотъ, подъ предлогомъ опасенія буйства жениховъ, отклоняетъ исполненіе ея просьбы до вечера (17-я пѣснь).

Въ двери входитъ другой нищій Иръ. Увидавъ сотоварища, онъ дерзко старается принудить его удалиться, грозя въ противномъ случаѣ употребить противъ него силу. Между ними возгорается ссора, которая, поддерживаемая женихами, доходитъ до открытаго боя. Одиссей легко побѣждаетъ Ира и, вытащивъ его изъ дома, снова возвращается къ дверному порогу. Антиной подаетъ въ награду побѣдителю наполненный жиромъ и кровью козій желудокъ, а Анфиномъ — два хлѣба и кубокъ вина. Одиссей совѣтуетъ Анфиному заблаговременно разстаться съ женихами, но тотъ молча отходитъ на свое мѣсто. По внушенію Аѳины, въ залу пирующихъ входитъ Пенелопа въ сопровожденіи двухъ служанокъ и, вступивъ въ разговоръ съ Эвримахомъ, подаетъ женихамъ надежду на скорый бракъ. Тѣ приносятъ ей дорогіе подарки, принявъ которые, она обратно уходитъ въ свои покои. Наступаетъ ночь. Зажигаютъ жаровни. Одиссей предлагаетъ рабынямъ свои услуги посмотрѣть за огнемъ. Одна изъ нихъ Меланто, вмѣсто благодарности, осыпаетъ его бранью. Одиссей грозитъ пожаловаться Телемаку, и устрашенныя служанки всѣ уходятъ изъ зала, оставивъ жаровни на попеченіе странника. Эвримахъ во всеуслышаніе смѣется надъ нищимъ, говоря, что за столомъ такъ свѣтло отъ его плѣши, и въ шутку, за хорошую плату зоветъ его къ себѣ работать, обзывая тутъ же лѣнивцемъ. Одиссей называетъ его гордымъ и великимъ и сильнымъ только въ обществѣ низкихъ и слабыхъ. Разгнѣванный Эвримахъ съ бранью пускаетъ въ него скамейку, которая пролетаетъ мимо и опрокидываетъ виночерпія. Между пирующими поднимается

Digitized by Google

шумъ. Телемакъ напоминаетъ имъ, что уже время спать, и они, насладившись виномъ, расходятся по домамъ (18-я пѣснь).

Остается только Одиссей. Телемакъ, съ помощію отца, выноситъ на верхъ оружіе и затѣмъ отправляется спать. Входитъ Пенелопа вмѣстѣ съ служанками, которыя начинаютъ убирать столовую. Меланто опять привязывается къ Одиссею съ бранью. Пенелопа останавливаетъ ее и, посадивъ близъ себя странника, распрашиваетъ его о немъ самомъ. Одиссей разсказываетъ о себѣ вымышленную повѣсть, въ заключеніе которой клятвою увѣряетъ Пенелопу, что мужъ ея живъ и скоро прибудетъ въ свой домъ. Старая нянька Эвриклея, омывая, по приказанію госпожи, ноги нищаго, узнаетъ въ немъ по рубцу на ногѣ своего господина, но Одиссей приказываетъ ей молчать. Снова садится онъ на свое мѣсто около жаровни, и Пенелопа передаетъ ему видѣнный ею сонъ, послѣ чего высказываетъ свое рѣшеніе вытти наконецъ замужъ за того изъ жениховъ, который побѣдитъ другихъ стрѣльбою изъ Одиссеева лука. Одиссей одобряетъ это рѣшеніе, и Пенелопа удаляется въ свои покои на ночной отдыхъ (19-я пѣснь).

Одиссей ложится въ сѣняхъ и долго не смыкаетъ глазъ, тревожимый тѣмъ, какъ ему одному сладить съ женихами. Явившаяся Аѳина обѣщаетъ ему свое содѣйствіе и, успокоенный ею, онъ наконецъ засыпаетъ. Его пробуждаетъ жалобный стонъ Пенелопы, просящей смерти у Артемиды. Вставши и убравши постель, онъ обращается съ молитвою къ Зевсу—дать ему предзнаменованіе. На безоблачномъ небѣ раздается ударъ грома, и вскорѣ послышались слова первой проснувшейся рабыни, молившей Зевса, чтобы наступающій день былъ послѣднимъ днемъ пира для жениховъ. Мало-по-малу въ домѣ начинается оживленное приготовленіе къ пиру. Сходятся и женихи, замышляя убить Телемака, но Зевсъ посылаетъ въ знаменіе орла, поднявшагося съ лѣвой стороны съ голубкою въ когтяхъ, и Анфиномъ объясняетъ прочимъ, что замыселъ ихъ не исполнится. Всѣ соглашаются съ этимъ. Во время пира Одиссей, по распоряженію Телемака, помѣщается около двери. Одинъ изъ жениховъ Ктезиппъ дерзко бросаетъ въ него коровью ногу. Телемакъ дѣлаетъ Ктезиппу строгое замѣчаніе и, обратясь ко всѣмъ остальнымъ, требуетъ отъ нихъ вести себя приличнѣе. Требованіе не исполняется, и женихи насмѣхаются даже надъ самимъ хозяиномъ, дразня его тѣмъ, что онъ принимаетъ къ себѣ въ гости негодяевъ. Телемакъ не обращаетъ на это никакого вниманія (20-я пѣснь).

Въ собраніе пирующихъ приходитъ Пенелопа, неся лукъ и стрѣлы Одиссея. Обратясь къ женихамъ, она предлагаетъ имъ такое условіе: тотъ будетъ ея мужемъ, кто согнетъ принесенный лукъ и выстрѣлитъ изъ него такъ, что стрѣла пролетитъ чрезъ двѣнадцать колецъ, незатронувъ ни одного изъ нихъ. Телемакъ устанавливаетъ для стрѣльбы жерди и сначала самъ трижды пытается натянуть тетиву. Одиссей подаетъ ему знакъ, и онъ оставляетъ лукъ. Начинаютъ состязаніе женихи. Одинъ за другимъ берутъ они лукъ Одиссеевъ и безуспѣшно стараются погнуть его. Чередъ доходитъ до сильнѣйшихъ—Эвримаха и Антиноя. Въ это мгновеніе изъ залы удаляются вмѣстѣ Эвмей и ко-

Digitized by Google

ровникъ Филотій. Одиссей слѣдуетъ за ними и, вышедши за ворота, открываетъ имъ свое имя. Обдумавши начало дальнѣйшихъ дѣйствій, они снова порознь входятъ въ столовую. Послѣ неудачной попытки Эвримаха натянуть лукъ, Антиной совѣтуетъ отложить стрѣльбу до другаго дня. Всѣ соглашаются. Тогда Одиссей проситъ позволеніе сдѣлать и ему опытъ. Женихи этому противятся, но Телемакъ настаиваетъ на исполненіи желанія странника. Эвмей подаетъ Одиссею лукъ и колчанъ со стрѣлами, потомъ, согласно обдуманному заранѣе плану, отъ лица Телемака приказываетъ Эвриклеѣ, чтобы рабыни немедленно заперли на ключъ двери въ женскія горницы и ни подъ какимъ предлогомъ не выходили оттуда; Филотій же, уйдя украдкой изъ зала, накрѣпко запираетъ выходныя ворота и опять возвращается назадъ. Одиссей беретъ лукъ и легко дѣлаетъ удачный выстрѣлъ, пропуская стрѣлу чрезъ всѣ двѣнадцать колецъ, не задѣвъ ни одного изъ нихъ (21-я пѣснь).

Затѣмъ стрѣлою изъ того же лука онъ убиваетъ Антиноя и открывается женихамъ. Эвримахъ отъ лица всѣхъ проситъ пощады, обѣщаясь вознаградить потомъ, по желанію самого Одиссея, всѣ причиненные ему женихами убытки. Одиссей отвергаетъ предложеніе Эвримаха и убиваетъ изъ лука его и нѣсколькихъ его товарищей. Тутъ же, съ согласія отца, Телемакъ приноситъ сверху оружіе для него, Эвмея, Филотія и вооружается самъ. Мелантій также снабжаетъ оружіемъ нѣкоторыхъ жениховъ, прокравшись за нимъ въ верхнюю горницу чрезъ незапертую по забывчивости Телемака дверь. Вскорѣ однако его схватываютъ Эвмей и Филотій и связаннымъ запираютъ на верху. Является въ видѣ ментора Аѳина и побуждаетъ Одиссея къ болѣе рѣшительному дѣйствію. Между противниками завязывается бой на копьяхъ. Аѳина, превратясь въ ласточку, съ потолочной перекладины наблюдаетъ за ходомъ битвы, тайно помогая Одиссею. Многіе изъ жениховъ убиты. Наклонивъ съ потолка надъ остальными страшную эгиду, богиня приводитъ ихъ въ полное замѣшательство, и они всѣ погибаютъ. По приказанію Одиссея, Телемакъ съ Эвмеемъ и Филотіемъ, при содѣйствіи двѣнадцати рабынь, убираютъ столовую, послѣ чего на дворѣ казнятъ ихъ и Мелантія за недостойное поведеніе. Одиссей посылаетъ Эвриклею за женой (22-я пѣснь).

Пенелопа сомнѣвается въ справедливости извѣстія служанки и, пришедши въ пирную палату, долго не узнаетъ Одиссея. Чтобы отклонить всякое подозрѣніе со стороны сосѣдей, послѣдній приказываетъ Телемаку созвать домашнихъ и устроить подъ звуки цитры хороводную пляску, а самъ, омывшись въ купальнѣ, объясняется съ Пенелопой, уничтожая всѣ ея сомнѣнія. Когда всѣ ложатся спать, Одиссей и Пенелопа, удалившись въ спальню, разсказываютъ другъ другу свои приключенія. Аѳина удлиняетъ ночь. Утромъ Одиссей, вооружившись, идетъ къ своему отцу Лаэрту вмѣстѣ съ Телемакомъ, Эвмеемъ и Филотіемъ, тоже вооруженными (23-я пѣснь).

Эрмій уводитъ души жениховъ въ Аидъ, гдѣ онѣ встрѣчаютъ Ахиллеса и Агамемнона, при чемъ Амфимедонъ разсказываетъ Ага-

Digitized by Google

мемнону о погибели женихов. Одиссей тѣмъ временемъ съ своими спутниками подходитъ къ жилищу отца. Отправивъ Телемака съ Эвмеемъ и Филотіемъ въ домъ, онъ идетъ прямо въ садъ и тамъ открывается отцу. Устрояютъ обѣдъ, по окончаніи котораго, Одиссей узнаетъ о приближеніи вооруженныхъ гражданъ, возмущенныхъ умерщвленіемъ женихов. Поспѣшно схвативъ оружіе, онъ и его товарищи выступаютъ противъ мятежниковъ. Завязывается бой, въ которомъ Одиссей, благодаря Аѳинѣ, явившейся въ образѣ ментора, остается побѣдителемъ. При содѣйстіи богини, между враждующими заключается миръ, чѣмъ и заканчивается Одиссея. (24-я пѣснь).

Понятіе объ эпопеѣ. Въ Троянской войнѣ, составляющей содержаніе Иліады, борются между собою Греки и Троянцы, и отъ того или другаго исхода этой борьбы всецѣло зависитъ ихъ дальнѣйшее государственное существованіе. Въ Одиссеѣ, кромѣ самого Одиссея и его спутниковъ, дѣйствуютъ жители Итаки, Феакійцы и другіе сосѣдніе цари и народы, а возвращеніемъ Одиссея на родину вполнѣ опредѣляется государственная жизнь его отечества; значитъ, въ обоихъ произведеніяхъ передаются событія, далеко выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, повседневныхъ происшествій, событія важныя, замѣчательныя, въ которыхъ участвуютъ цѣлые народы, и которыя имѣютъ общенародное значеніе. Такія событія неминуемо затрогиваютъ собою и жизнь общенародную: въ Иліадѣ и Одиссеѣ находятъ свое ясное и полное отраженіе семейный, общественный и военный бытъ Грековъ, ихъ взгляды, понятія и убѣжденія, ихъ нравы, обычаи и религіозныя воззрѣнія, словомъ, всѣ стороны древнегреческой общенародной жизни. *Изображеніе событій важныхъ, отражающихъ въ себѣ жизнь цѣлаго народа, первая и вмѣстѣ главная существенная особенность поэмы героической, относящаяся къ ея содержанію.*

Дѣйствующими лицами въ Иліадѣ и Одиссеѣ являются, съ одной стороны, сами боги, которые принимаютъ живое, непосредственное участіе при всякомъ удобномъ случаѣ, съ другой—необыкновенные люди, герои, обладающіе неестественными, нечеловѣческими свойствами. Невозможное, иногда доходящее до чудовищности *), встрѣчается здѣсь на каждомъ шагу. Отсюда, *вторая отличительная черта эпопеи, характеризующая ея содержаніе,— преобладаніе элемента сверхъестественнаго, чудеснаго.* Впрочемъ, чудесное эпопеи нельзя смѣшивать съ собственно фантастическимъ: оно было въ религіозныхъ вѣрованіяхъ тогдашняго народа и имѣло для него значеніе глубокой истины; поэтому на него должно смотрѣть только, какъ на естественное слѣдствіе народной языческой религіи.

*) Послѣднее особенно замѣтно въ поэмахъ—Персидской—„Шахъ-Наме“ и Индійскихъ—„Рамаяна“ и „Магабгарата.“

Digitized by Google

Своимъ происхожденіемъ и составомъ Иліада и Одиссея обязаны древнегреческому героическому эпосу. Онѣ возникали изъ отдѣльныхъ народныхъ пѣсенъ о Троянской войнѣ и приключеніяхъ Одиссея, называвшихся у грековъ рапсодіями и соотвѣтствовавшихъ нашимъ былинамъ. Первоначально эти пѣсни развились въ малоазійскихъ греческихъ колоніяхъ и распѣвались нищими и слѣпцами въ родѣ Демодока, выведеннаго въ Одиссеѣ на пиру у царя Алкиноя. Впослѣдствіи онѣ были собраны въ одно цѣлое по преданію слѣпцомъ поэтомъ Гомеромъ и съ его именемъ перенесены Ликургомъ въ Спарту и Солономъ въ Аѳины. Гомеръ, слѣдовательно, не былъ творцомъ самаго содержанія своихъ пѣсенъ; онъ далъ имъ только художественную обработку, создавъ изъ отдѣльнаго, разрозненнаго единое цѣлое. Это третье и послѣднее существенное свойство эпопеи, откуда и самое названіе ея поэма *героическая*. Возникая на почвѣ народнаго эпоса, героическая поэма удерживаетъ въ себѣ и всѣ особенности послѣдняго: полное отсутствіе личности поэта или строгую объективность, совершенное спокойствіе и ровный, однаковый тонъ разсказа о самыхъ разнообразныхъ событіяхъ; слабое развитіе описательнаго элемента, частыя повторенія однихъ и тѣхъ же словъ, выраженій и цѣлыхъ разъ навсегда установившихся оборотовъ рѣчи или обрядность и художественную образность слога, достигаемую употребленіемъ постоянныхъ эпитетовъ, мѣткихъ и яркихъ сравненій, троповъ и фигуръ.

Такимъ образомъ, *подъ именемъ героической поэмы или эпопеи разумѣются такія эпическія произведенія, въ которыхъ, на основаніи матеріала, представляемаго народнымъ героическимъ эпосомъ, изображаются важныя, общенародныя событія, запечатлѣнныя, согласно народному воззрѣнію, характеромъ чудесности.*

Свойства Гомеровскаго эпоса. Представляя собою въ полномъ смыслѣ образцы поэмы героической, Иліада и Одиссея въ то же время обладаютъ всѣми лучшими свойствами художественнаго эпоса. Предъ нами два отрывка: изъ шестой пѣсни Иліады — „Гекторъ и Андромаха“ и изъ восьмой пѣсни Одиссеи — „Пиръ у Феакійскаго царя Алкиноя.“

„Гекторъ и Андромаха.“

„Гекторъ стремительно изъ дому вышелъ
Прежней дорогой назадъ, по красноустроеннымъ стогнамъ.
Онъ приближался уже, протекая обширную Трою,
Къ Скейскимъ воротамъ (чрезъ нихъ былъ выходъ изъ города въ поле);
Тамъ Андромаха супруга, бѣгущая въ стрѣчу, предстала,
Отрасль богатаго дома, прекрасная дочь Гетіона;

Digitized by Google

Сей Гетіонъ обиталъ при подошвахъ лѣсистаго Плака,
Въ Θивахъ Плакійскихъ, мужей киликіянъ властитель державный;
Онаго дочь сочеталася съ Гекторомъ мѣдоподоспѣшнымъ.
Тамъ предстала супруга; за нею одна изъ прислужницъ
Сына у персей держала, безсловнаго вовсе младенца,
Плодъ ихъ единый, прелестный, подобный звѣздѣ лучезарной.
Гекторъ его называлъ Скамандріемъ; граждане Трои—
Астіанаксомъ: единый бо Гекторъ защитой былъ Трои.
Тихо отецъ улыбнулся, взглянувши на сына безмолвный.
Подлѣ него Андромаха стояла, лiющая слезы;
Руку пожала ему и такія слова говорила:
„Мужъ удивительный, губитъ тебя твоя храбрость! ни сына
Ты не жалѣешь младенца, ни бѣдной матери! скоро
Буду вдовой я, несчастная! скоро тебя аргивяне,
Вмѣстѣ напавъ, умертвятъ! а тобою покинутой, Гекторъ,
Лучше мнѣ въ землю сойти; никакой мнѣ не будетъ отрады,
Если, постигнутый рокомъ, меня ты оставишь: удѣлъ мой
Горести! Нѣтъ у меня ни отца, ни матери нѣжной!
Старца отца моего умертвилъ Ахиллесъ быстроногій
Въ день, какъ и градъ разорилъ киликійскихъ народовъ цвѣтущій,
Θивы высоковоротныя. Самъ онъ убилъ Гетіона,
Но не смѣлъ обнажить: устрашался нечестія сердцемъ;
Старца онъ предалъ сожженію вмѣстѣ съ оружіемъ пышнымъ,
Создалъ надъ прахомъ могилу, и окрестъ могилы той ульмы
Нимфы холмовъ насадили, Зевса великаго дщери.
Братья мои однородные—семь оставалось ихъ въ домѣ:
Всѣ, и въ единый день, преселились въ обитель Аида:
Всѣхъ злополучныхъ избилъ Ахиллесъ, быстроногій ристатель,
Въ стадѣ застигнувъ тяжелыхъ тельцовъ и овецъ бѣлорунныхъ.
Матерь мою, при долинахъ дубравнаго Плака царицу,
Плѣнницей въ станъ свой привелъ онъ, съ другими добычами брани;
Но даровалъ ей свободу, принявъ неисчислимый выкупъ;
Феба-жъ и матерь мою поразила въ отеческомъ домѣ!
Гекторъ, ты все мнѣ теперь: и отецъ, и любезная матерь,
Ты и братъ мой единственный, ты и супругъ мой прекрасный.
Сжалься-же ты надо мною и съ нами останься на башнѣ,
Сына не сдѣлай ты сирымъ, супруги не сдѣлай вдовою;
Воинство наше поставь у смоковницы: тамъ наипаче
Городъ приступенъ врагамъ, и восходъ на твердыню удобенъ.
Трижды туда приступая, на градъ покушались герои:
Оба Аяксы могучіе, Идоменей знаменитый,
Оба Атрея сыны и Тидидъ, дерзновеннѣйшій воинъ;
Вѣрно о томъ имъ сказалъ прорицатель какой-либо мудрый,
Или, быть можетъ, самихъ устремляло ихъ вѣщее сердце.“
Ей отвѣчалъ знаменитый, шеломомъ сверкающій Гекторъ:
„Все и меня то, супруга, не меньше тревожитъ; но страшны
Стыдъ мнѣ предъ каждымъ троянцемъ и длинноодежной троянкой,

Digitized by Google

Если, какъ робкій, останусь я здѣсь, удаляясь отъ боя.
Сердце мнѣ то запретитъ; научился быть я безстрашнымъ,
Храбро всегда, межъ Троянами первыми, биться на битвахъ,
Доброй славы отцу и себѣ самому добывая!
Твердо я вѣдаю самъ, убѣждаясь и мыслью и сердцемъ,
Будетъ нѣкогда день, и погибнетъ священная Троя,
Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.
Но не столько меня сокрушаетъ грядущее горе
Трои, Пріама родителя, матери дряхлой Гекубы,
Горе тѣхъ братьевъ возлюбленныхъ, юношей многихъ и храбрыхъ,
Кои полягутъ во прахъ подъ руками враговъ разъяренныхъ,
Сколько твое! какъ тебя аргивянинъ, мѣдью покрытый,
Слезы ліющую, въ плѣнъ повлечетъ и похититъ свободу!
И, невольница, въ Аргосѣ будешь ты ткать чужеземкѣ,
Воду носить отъ ключей Мессеиса или Гипперея,
Съ ропотомъ горькимъ въ душѣ; но заставитъ жестокая нужда!
Льющую слезы тебя кто-нибудь тамъ увидитъ и скажетъ:
Гектора это жена, превышавшаго храбростью въ битвахъ
Всѣхъ конеборцевъ Троянъ, какъ сражался вкругъ Иліона!
Скажетъ: и въ сердцѣ твоемъ пробудится новая горесть:
Вспомнишь ты мужа, который тебя защитилъ бы отъ рабства!
Но да погибну и буду засыпанъ я перстью земною
Прежде, чѣмъ плѣнъ твой увижу и жалобный вопль твой услышу!“
Рекъ—и сына обнять устремился блистательный Гекторъ;
Но младенецъ назадъ, пышноризой кормилицы къ лону
Съ крикомъ припалъ, устрашася любезнаго отчаго вида,
Яркою мѣдью испуганъ и гребень увидѣвъ косматый,
Грозно надъ шлемомъ отца всколебавшійся конскою гривой.
Сладко любезный родитель и нѣжная мать улыбнулись.
Шлемъ съ головы, не медля, снимаетъ божественный Гекторъ,
Наземь кладетъ его пышноблестящій и, на руки взявши
Милаго сына, цѣлуетъ, качаетъ его и, поднявши,
Такъ говоритъ, умоляя и Зевса и прочихъ безсмертныхъ:
„Зевсъ и безсмертные боги! о, сотворите, да будетъ
Сей мой возлюбленный сынъ, какъ и я, знаменитъ среди гражданъ;
Также и силою крѣпокъ, и въ Троѣ да царствуетъ мощно!
Пусть о немъ нѣкогда скажутъ, изъ боя идущаго видя:
Онъ и отца превосходитъ! и пусть онъ съ кровавой корыстью
Входитъ, враговъ сокрушитель, и радуетъ матери сердце!“
Рекъ,—и супруги возлюбленной на руки онъ полагаетъ
Милаго сына; дитя къ благовонному лону прижала
Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супругъ умилился душевно,
Обнялъ ее и, рукою ласкающій, такъ говорилъ ей:
„Добрая! сердце себѣ не круши неумѣренной скорбью.
Противъ судьбы человѣкъ меня не пошлетъ къ Аидесу;
Но судьбы, какъ я мню, не избѣгъ ни одинъ земнородный,
Мужъ ни отважный, ни робкій, какъ скоро на свѣтъ онъ родится.

Digitized by Google

Шествуй, любезная, въ домъ; озаботься своими дѣлами:
Тканьемъ, пряжей займися; приказывай женамъ домашнимъ
Дѣло свое исправлять; а война—мужей озаботитъ
Всѣхъ, наиболѣ-жъ меня, въ Иліонѣ священномъ рожденныхъ".
Рѣчи окончивши, поднялъ съ земли бронеблещущій Гекторъ
Гривистый шлемъ; и пошла Андромаха безмолвная къ дому,
Часто назадъ озираясь, слезы ручьемъ проливая.
Скоро достигла она устроеніемъ славнаго дома
Гектора мужегубителя; въ ономъ служительницъ многихъ,
Собранныхъ вмѣстѣ, нашла и къ плачу ихъ всѣхъ возбудила:
Всѣ о живомъ еще Гекторѣ плакали въ Гектора домѣ.
Нѣтъ, онѣ помышляли, ему изъ погибельной брани
Въ домъ не придти, не избѣгнуть отъ рукъ и свирѣпства данаевъ!"

„Пиръ у Алкиноя."

„Отведши
Легкій корабль на открытое взморье, они*) собрались
Всѣ во дворцѣ Алкиноя, царемъ приглашенные. Скоро
Всѣ переходы палатъ, и дворы, и притворы, и залы народомъ
Сдѣлались полны—тамъ были и юноши, были и старцы.
Жирныхъ двѣнадцать овецъ, двухъ быковъ криворогихъ и восемь
Остроклычистыхъ свиней Алкиной повелѣлъ имъ зарѣзать;
Ихъ ободравъ, изобильный обѣдъ приготовили гости.
Тою порой съ знаменитымъ пѣвцемъ Понтоной возвратился;
Муза его при рожденіи зломъ и добромъ одарила:
Очи затмила его, даровала за то сладкопѣнье.
Стулъ среброкованный подалъ пѣвцу Понтоной, и на немъ онъ
Сѣлъ предъ гостями, спиной прислонясь къ колоннѣ высокой.
Лиру слѣпца на гвоздѣ надъ его головою повѣсивъ,
Къ ней прикоснуться рукою ему—чтобъ ее могъ найти онъ—
Далъ Понтоной, и корзину съ ѣдою принесъ, и подвинулъ
Столъ, и вина приготовилъ, чтобъ пилъ онъ, когда пожелаетъ.
Подняли руки они къ предложенной имъ пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Муза внушила пѣвцу возгласить о вождяхъ знаменитыхъ.
Выбравъ изъ пѣсни, въ то время вездѣ до небесъ возносимой,
Повѣсть о храбромъ Ахиллѣ и мудромъ царѣ Одиссеѣ,
Какъ между ними однажды на жертвенномъ пирѣ великомъ
Распря въ ужасныхъ словахъ загорѣлась, и какъ веселился
Въ духѣ своемъ Агамемнонъ враждой знаменитыхъ ахеянъ:
Знаменьемъ добрымъ ему ту вражду предсказалъ Аполлоновъ
Въ храмѣ Пиѳійскомъ оракулъ, когда чрезъ каменный прагъ онъ
Бога спросить перешелъ—а случилось то въ самомъ началѣ
Бѣдствій, ниспосланныхъ богомъ боговъ на троянъ и данаевъ.

---

*) Гости.

Digitized by Google

Началъ великую пѣснь Демодокъ; Одиссей же, своею
Сильной рукою широкопурпурную мантію взявши,
Голову ею облекъ и лице благородное скрылъ въ пей.
Слезъ онъ своихъ не хотѣлъ показать феакійцамъ. Когда же,
Пѣнье прервавъ, сладкогласный на время умолкъ пѣснопѣвецъ,
Слезы отерши, онъ мантію снялъ съ головы и, наполнивъ
Кубокъ двудонный виномъ, совершилъ возліянье безсмертнымъ.
Снова запѣлъ Демодокъ, отъ внимавшихъ ему феакіянъ,
Гласомъ его очарованныхъ, вызванный къ пѣнью вторично;
Голову мантіей снова облекъ Одиссей, прослезяся.
Были другими его незамѣчены слезы, но мудрый
Царь Алкиной ихъ замѣтилъ и понялъ причину ихъ, сидя
Близъ Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе вздохи,
Онъ феакіянамъ веслолюбивымъ сказалъ: приглашаю
Выслушать слово мое васъ, судей и вельможъ феакійскихъ;
Душу свою насладили довольно мы вкусноообильной
Пищей и звуками лиры, подруги пировъ сладкогласной;
Время отсюда пойти намъ и въ мужескихъ подвигахъ крѣпость
Силы своей оказать, чтобъ нашъ гость, возвратяся, домашнимъ
Могъ возвѣстить, сколь другихъ мы людей превосходимъ въ кулачномъ
Боѣ, въ борьбѣ утомительной, въ прыганьи, въ бѣгѣ проворномъ.
Кончивъ, поспѣшно пошелъ впереди онъ, за нимъ всѣ другіе.
Звонкую лиру принявъ и повѣсивъ на гвоздь, Демодока
За руку взялъ Понтоной и изъ залы пиршественной вывелъ;
Вслѣдъ за другими, ведя пѣснопѣвца, пошелъ онъ, чтобъ видѣть
Игры, въ которыхъ хотѣли себя отличить феакійцы.
На площадь всѣ собрались; толпой многочисленно-шумной
Тамъ окружилъ ихъ народъ. Благородные юноши къ бою
Вышли изъ сонма его: Акроней, Окіалъ съ Элатреемъ,
Навтій, Примней, Анхіалъ, Эретмей съ Анабазіоменомъ;
Съ ними явились Понтай, Прореонъ и Ѳоонъ съ Амфіаломъ,
Сыномъ Политія, внукомъ Тектона; присталъ напослѣдокъ
Къ нимъ и младой Эвріалъ, Навболитъ, равносильный Арею:
Всѣхъ феакіянъ затмилъ бы чудесной своей красотой онъ,
Еслибъ его самого не затмилъ Лаодамъ безпорочный.
Къ нимъ подошли наконецъ Лаодамъ, Галіонтъ съ богоравнымъ
Клитонеономъ—три бодрые сына царя Алкиноя.
Первые въ бѣгѣ себя испытали они. Устремившись
Съ мѣста того, на которомъ стояли, пустилися разомъ,
Пыль поднимая, они черезъ поприще: всѣхъ былъ проворнѣй
Клитонеонъ благородный: какую по свѣжему полю
Борозду плугомъ два мула проводятъ, на столько оставивъ
Братьевъ своихъ назади, возвратился онъ первый къ народу.
Стали другіе въ борьбѣ многотрудной испытывать силу:
Всѣхъ Эвріалъ одолѣлъ, превзошедши искусствомъ и лучшихъ.
Въ прыганьи былъ Анхіалъ побѣдителемъ. Тяжкаго диска
Легкимъ бросаньемъ отъ всѣхъ Эретмей отличился. Въ кулачномъ

Digitized by Google

Боѣ взялъ верхъ Лаодамъ, сынъ царя Алкиноя прекрасный.
Тутъ, какъ у всѣхъ ужъ довольно насытилось играми сердце,
Къ юношамъ рѣчь обративши, сказалъ Лаодамъ, Алкиноевъ
Сынъ: неприлично ли будетъ спросить намъ у гостя, въ какихъ онъ
Играхъ способенъ себя отличить? Онъ не низкаго роста,
Голени, бедра и руки его преисполнены силы,
Шея его жиловата, онъ мышцами крѣпокъ, годами
Также не старъ, но превратности жизни его изнурили.
Нѣтъ ничего, утверждаю, сильнѣй и губительнѣй моря;
Крѣпость и самаго бодраго мужа оно сокрушаетъ.
Умнымъ—сказалъ, отвѣчая на то Эвріалъ Лаодаму—
Кажется мнѣ предложенье твое, Лаодамъ благородный.
Самъ подойди къ иноземному гостю и сдѣлай свой вызовъ.
Сынъ молодой Алкиноя, слова Эвріала услышавъ,
Вышелъ впередъ и сказалъ, обратяся къ царю Одиссею:
Милости просимъ, отецъ иноземецъ; себя покажи намъ
Въ играхъ, въ какихъ ты искусенъ—но вѣрно во всѣхъ ты искусенъ—
Бодрому мужу ничто на землѣ не даетъ столь великой
Славы, какъ легкія ноги и крѣпкія мышцы, яви же
Силу свою намъ, изгнавъ изъ души всѣ печальныя думы.
Путь для тебя ужъ теперь недалекъ; ужъ корабль быстроходный
Съ берега сдвинутъ и наши готовы къ отплытію люди.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Другъ, не обидѣть ли хочешь меня своимъ предложеньемъ?
Мнѣ не до игръ; на душѣ несказанное горе; довольно
Бѣдъ испыталъ и немало великихъ трудовъ перенесъ я;
Нынѣ-жъ, крушимый тоской по отчизнѣ, сижу передъ вами,
Васъ и царя умоляя помочь мнѣ въ мой домъ возвратиться.
Но Эвріалъ Одиссею отвѣтствовалъ съ колкою насмѣшкой:
Странникъ, я вижу, что ты не подобишься людямъ, искуснымъ
Въ играхъ, однимъ лишь могучимъ атлетамъ приличныхъ; конечно
Ты изъ числа промышленныхъ людей, обтекающихъ море
Въ многовесельныхъ своихъ корабляхъ для торговли, о томъ лишь
Мысля, чтобъ, сбывъ свой товаръ и опять корабли нагрузивши,
Болѣ нажить барыша: но съ атлетомъ ты вовсе несходенъ.
Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей благородный:
Слово обидно твое; человѣкъ ты, я вижу, злоумный.
Боги не всякаго всѣмъ надѣляютъ; не каждый имѣетъ
Вдругъ и плѣнительный образъ, и умъ, и могущество слова;
Тотъ по наружному виду вниманія мало достоинъ—
Прелестью рѣчи за то одаренъ отъ боговъ; веселятся
Люди, смотря на него, говорящаго съ мужествомъ твердымъ
Или съ привѣтливой кротостью; онъ украшенье собраній;
Бога въ немъ видятъ, когда онъ проходитъ по улицамъ града.
Тотъ же, напротивъ, безсмертнымъ подобенъ лица красотою,
Прелести-жъ бѣдное слово его никакой не имѣетъ.
Такъ и твоя красота безпорочна, тебя и Зевесъ бы

Digitized by Google

Краше не создалъ; за то не имѣешь ты здраваго смысла.
Милое сердце въ груди у меня возмутилъ ты своею
Дерзкою рѣчью. Но я не безопытенъ, долженъ ты вѣдать,
Въ мужескихъ играхъ; изъ первыхъ бывалъ я въ то время, когда мнѣ
Свѣжая младость и крѣпкія мышцы служили надежно;
Нынѣ-жъ мои отъ трудовъ и печалей испорчены силы;
Видѣлъ не мало я браней и долго среди бѣдоносныхъ
Странствовалъ водъ, но готовъ я себя испытать и лишенный
Силъ; оскорбленъ я твоимъ безразсудно-ругательнымъ словомъ.
Такъ отвѣчавъ, поднялся онъ и, мантіи съ плечъ не сложивши,
Камень схватилъ—онъ огромный, плотнѣй и тяжелѣ всѣхъ дисковъ,
Брошенныхъ прежде людьми феакійскими—былъ; и съ размаха,
Кинулъ его Одиссей, жиловатую руку напрягши;
Камень, жужжа, полетѣлъ, и подъ нимъ до земли головами
Веслолюбивые, смѣлые гости морей, феакійцы
Всѣ наклонились; а онъ далеко черезъ всѣ перемчался
Диски, легко улетѣвъ изъ руки; и Аѳина, подъ видомъ
Старца, отмѣтивши знакомъ его, Одиссею сказала:
Странникъ, твой знакъ и слѣпой различитъ безъ ошибки, ощупавъ
Просто рукою; лежитъ онъ отдѣльно отъ прочихъ, гораздо
Далѣе всѣхъ ихъ. Ты въ этомъ бою побѣдилъ; ни одинъ здѣсь
Камня ни далѣ, ни также далеко, какъ ты, неспособенъ
Бросить. Отъ словъ сихъ веселье проникло во грудь Одиссея.
Радуясь тѣмъ, что ему хоть одинъ благосклонный въ собраньи
Былъ судія, съ обновленной душей онъ сказалъ предстоявшимъ:
Юноши, прежде добросьте до этого камня; за вами
Брошу другой я, и стольже далеко, быть можетъ и далѣ.
Пусть всѣ другіе, кого побуждаетъ отважное сердце,
Выйдутъ и сдѣлаютъ опытъ; при всѣхъ оскорбленный, я нынѣ
Всѣхъ васъ на бой рукопашный, на бѣгъ, на борьбу вызываю;
Съ каждымъ сразиться готовъ я,—съ однимъ не могу Лаодамомъ:
Гость я его—подыму ли на друга любящаго руку?
Тотъ неразуменъ, тотъ пользы своей различать неспособенъ,
Кто на чужой сторонѣ съ дружелюбнымъ хозяиномъ выйти
Вздумаетъ въ бой; несомнѣнно себѣ самому повредитъ онъ.
Но межъ другими никто для меня не презрителенъ, съ каждымъ
Радъ я схатиться, чтобъ силу мою, грудь на грудь, испытать съ нимъ.
Знайте, что я ни въ какомъ не безопытенъ мужескомъ боѣ.
Гладкимъ лукомъ и самымъ тугимъ я владѣю свободно;
Первой стрѣлой поражу я навыборъ противника въ тѣсномъ
Сонмѣ враговъ, хоть кругомъ бы меня и товарищей много
Было и мѣткую каждый стрѣлу на врага бы нацѣлилъ.
Только однимъ Филоктетомъ бывалъ я всегда побѣждаемъ
Въ Троѣ, когда мы, ахейцы, тамъ, споря, изъ лука стрѣляли.
Но утверждаю, что въ этомъ искусствѣ со мной ни единый
Смертный, себя насыщающій хлѣбомъ, сравниться не можетъ;
Я не дерзнулъ бы однако бороться съ героями древнихъ

Digitized by Google

Лѣтъ, ни съ Иракломъ, ни съ Эвритомъ, мѣткимъ стрѣлкомъ эхалійскимъ;
Спорить они и съ богами въ искусствѣ своемъ не страшились;
Эвритъ великій погибъ отъ того; не достигъ онъ глубокой
Старости въ домѣ семейномъ своемъ; раздразивъ Аполлона
Вызовомъ въ бой святотатнымъ, онъ изъ лука былъ имъ застрѣленъ.
Далѣ копьемъ я достигнуть могу, чѣмъ другіе стрѣлою;
Можетъ случиться однако, что кто изъ людей феакійскихъ
Въ бѣгѣ меня побѣдитъ: окруженный волнами, я силы
Всѣ истощилъ, на невѣрномъ плоту не вкушая столь долго
Пищи, покоя и сна; и мои всѣ разрушены члены.
Такъ онъ сказалъ; всѣ кругомъ неподвижно хранили молчанье."

Отправляясь на поле сраженія, Гекторъ встрѣчаетъ у Скейскихъ воротъ жену Андромаху и на рукахъ кормилицы грудного младенца сына Астіанакса. Между супругами происходитъ трогательное объясненіе. Раскрывая предъ Гекторомъ всю силу своего бѣдственнаго положенія въ случаѣ несчастнаго исхода битвы, Андромаха со слезами умоляетъ его не выходить въ поле, но защищать Трою, оставаясь въ городѣ Въ душѣ героя поднимается страшная борьба: съ одной стороны, семьянина-отца, сильно любящаго свою семью, съ другой—гражданина-героя, всецѣло преданнаго своей родинѣ; вскорѣ однако послѣдняя беретъ перевѣсъ надъ первой, и Гекторъ разстается съ женою и сыномъ. Въ этой небольшой, но жизненной картинѣ вполнѣ отразились воззрѣнія Грековъ героическаго періода на семейныя и общественныя отношенія: высоко цѣнившіяся обязанности семьянина ставились у нихъ ниже интересовъ общественныхъ, семья подчинялась обществу. Въ другомъ отрывкѣ изъ восьмой пѣсни Одиссеи яркими красками рисуется древнегреческій пиръ со всѣми его особенностями. По случаю прибытія чужеземца Одиссея, Феакійскій царь Алкиной устрояетъ у себя роскошный обѣдъ, на который приглашаетъ всѣхъ своихъ вельможъ, а также гребцовъ, долженствующихъ отправиться съ Одиссеемъ. Пиръ сопровождается пѣніемъ Демодока подъ звуки лиры и различнаго рода играми: бѣгомъ, бросаніемъ диска, борьбою, кулачнымъ боемъ. Отсюда мы знакомимся съ жизнію древнихъ Грековъ въ мирное время: узнаемъ, на сколько любили они пиры и музыку, и какъ много значило у нихъ физическое развитіе. Въ подобномъ же родѣ изображаются въ Иліадѣ и Одиссеѣ и многія другія стороны древнегреческаго быта: жизнь военная, политическая, религіозная, бытовая и пр. находятъ въ нихъ, какъ замѣчено было и выше, свое полное и ясное выраженіе. *Полнота и многосторонность содержанія—первое существенное свойство гомеровскаго эпоса.*

Разсказъ о встрѣчѣ Гектора съ Андромахой переданъ Гомеромъ со всѣми мельчайшими подробностями: имъ указаны—и мѣсто гдѣ

Digitized by Google

произошла эта встрѣча, и обстоятельства, при которыхъ она совершилась, и обстановка встрѣчи, и наконецъ, самыя слова и поступки при этомъ Гектора и Андромахи. Не менѣе подробно представленъ и пиръ у Феакійскаго царя Алкиноя: тамъ говорится о множествѣ гостей, собравшихся къ Алкиною, о количествѣ животныхъ, убитыхъ для обѣда, о помѣщеніи среди другихъ гостей пѣвца Демодока и объ его пѣніи, о впечатлѣніи, какое произвело послѣднее на Одиссея, и пр. Такимъ именно характеромъ запечатлѣны и всѣ остальныя пѣсни Гомера: *подробность изложенія—второе отличительное ихъ качество.*

Оба отрывка—„Гекторъ и Андромаха“ и „Пиръ у Феакійскаго царя Алкиноя“ передаютъ излагаемыя ими событія въ дѣйствіи, т. е. не столько совершившимися въ прошедшемъ времени, сколько происходящими въ данный моментъ,—предъ глазами читателя, при чемъ дѣйствующія лица выражаютъ свои мысли и чувства по большей части въ рѣчахъ и разговорахъ. Какъ наяву вы видите предъ собою Гектора, быстро идущаго въ военныхъ доспѣхахъ по красиво устроеннымъ улицамъ Трои и приближающагося къ выходнымъ Скейскимъ воротамъ. Здѣсь предстаетъ предъ нимъ Андромаха, бѣгущая въ встрѣчу въ сопровожденіи кормилицы съ груднымъ младенцемъ Астіанаксомъ на рукахъ. Гекторъ останавливается, бросаетъ взглядъ на сына и на мгновеніе улыбается. Рядомъ стоитъ Андромаха и горько плачетъ. Пожимая руку мужу, она произноситъ сильную, трогательную рѣчь, въ которой, убѣждая его остаться въ городѣ, ярко рисуетъ свое бѣдственное положеніе въ случаѣ его смерти. Слѣдуетъ не менѣе убѣдительный, потрясающій душу отвѣтъ Гектора, послѣ чего отецъ устремляется обнять сына и т. д. Такая постановка дѣла, въ связи съ подробностію изложенія и живописью, языка, придаетъ обоимъ разсказамъ необыкновенную живость и изобразительность, доходящую до пластичности: лица являются въ нихъ какъ бы живыми изваяніями, самыя происшествія наглядными, жизненными картинами. *Живость и изобразительность или пластичность разсказа* проходитъ чрезъ все содержаніе Иліады и Одиссеи и *образуетъ третью и послѣднюю характеристическую черту поэмъ Гомера.*

Такимъ образомъ, *существенными свойствами Гомеровскаго эпоса служатъ: со стороны содержанія—полнота и многосторонность, со стороны изложенія—подробность и со стороны выраженія—живость и изобразительность или пластичность.* Взятыя вмѣстѣ всѣ эти качества сообщаютъ произведеніямъ Гомера высшее и совершеннѣйшее достоинство—художественность.

Значеніе поэмъ Гомера. Образъ Гектора, крупными чертами нарисованный въ первомъ приведенномъ отрывкѣ—„Гекторъ и

Digitized by Google

Андромаха", представляетъ собою типъ древнегреческаго героя—гражданина. Какъ ни горячо любитъ Гекторъ семью свою, интересы общественные стоятъ однако для него выше всего. Всѣми силами стремится онъ всегда первымъ среди согражданъ отстаивать свободу и независимость своего отечества, добывая добрую славу отцу и себѣ самому, и ничто такъ не страшитъ его, какъ, удаляясь отъ боя, показаться робкимъ и тѣмъ заслужить стыдъ предъ каждымъ троянцемъ и длинноодежной троянкой; сила, мужество и храбрость—вотъ первыя и главныя, по его мнѣнію, добродѣтели а постоянная слава—основная задача жизни. Руководствуясь такими убѣжденіями, онъ рѣшительно отказывается исполнить просьбу Андромахи: защищать городъ отъ непріятелей, оставаясь въ стѣнахъ его, и, несмотря на сильную привязанность къ женѣ и сыну и на темныя предчувствія близкой бѣды, остается при своемъ намѣреніи и удаляется въ поле сраженія. Андромаха, супруга Гектора, живой образецъ женщины—матери: она всецѣло предана семьѣ своей, до самозабвенія любитъ своего сына и мужа и ничѣмъ не дорожитъ такъ, какъ семейнымъ благосостояніемъ. Въ порывѣ увлеченія чувствомъ безпредѣльной любви къ мужу и сыну, она даже готова подчинить семейному благу общественное,—почему всячески убѣждаетъ Гектора остаться въ городѣ; семья и одна только семья—единственная ея святыня: выше и важнѣе ея она ничего не знаетъ и не желаетъ знать. Во второмъ отрывкѣ—„Пиръ у Феакійскаго царя Алкиноя" три главныхъ дѣйствующихъ лица—Алкиной, Одиссей и пѣвецъ Демодокъ являются носителями другихъ лучшихъ сторонъ человѣческаго духа: Алкиной—идеалъ гостепріимнаго хозяина, Одиссей—живое олицетвореніе любви и преданности отечеству, Демодокъ—типъ древнегреческаго пѣвца-рапсода. Подобнымъ образомъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ ясно отражаются и многія другія высшія идеальныя явленія человѣческой жизни: глубокая религіозность, чистота и святость семейства, любовь къ прекрасному, стремленіе къ славѣ отечества, благородство, искреннее дружество, благоразумное терпѣніе, мудрая изобрѣтательность, отеческая заботливость, старческая опытность и пр. Это обстоятельство, при художественности изображенія, сообщило произведеніямъ Гомера непреходящее общечеловѣческое значеніе. Древніе Греки почерпали въ нихъ все свое религіозное, нравственное, умственное и общественное образованіе. Воспитаніе, напр. Аѳинскаго юношества начиналось съ поэмъ Гомера, а по предписанію Солона онѣ наравнѣ съ законами читались въ общественныхъ собраніяхъ. Историки, географы и цѣлыя государства ссылались на Гомера, какъ на вполнѣ достовѣрнаго писателя; скульпторы заимствовали у него предметы для своихъ статуй;

Digitized by Google

многіе стихи изъ его поэмъ служили пословицами.—Словомъ, Иліада и Одиссея составляли для древнихъ грековъ то же, что для насъ —Библія: въ Гомерѣ они видѣли перваго и всемірнаго поэта, поэта по—преимуществу (ὁ ποιητὴς), идеалъ мудрости; о немъ говорили и пѣли:

„Если Гомеръ богъ, тогда онъ чествуется наравнѣ съ богами;
Если онъ и не богъ, то его будутъ признавать богомъ"...

поэтому многіе знали Иліаду и Одиссею наизусть. Въ христіанскую эпоху поэмы Гомера не утратили своего серьезнаго значенія. До паденія Византійской имперіи ихъ продолжали изучать въ христіанскихъ школахъ наряду съ Библіей и даже дѣлали къ нимъ рисунки, такъ называемыя „Tabulae Iliacae". Въ настоящее время онѣ точно также входятъ въ кругъ предметовъ школьнаго образованія у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ и пользуются глубокимъ заслуженнымъ вниманіемъ каждаго истинно образованнаго человѣка; вліяніе ихъ можетъ окончиться только съ прекращеніемъ человѣческаго развитія.

Энеида Виргилія. Между 29-мъ и 19-мъ годами до Р. Хр. римскій поэтъ Виргилій (70—19 г. до Р. Хр.) по образцу Иліады и Одиссеи составилъ поэму „Энеиду (Aeneis)". Въ двѣнадцати пѣсняхъ ея излагаются странствованія Троянскаго героя Энея (откуда и самое названіе поэмы) послѣ взятія Трои Греками (пѣсн. I – VI) и подвиги его въ Италіи (пѣсн. VII—XII). Изъ русскихъ переводовъ Энеиды лучшими могутъ быть названы — Шершеневича (Варшава, 1868) и Фета (Москва, 1888) оба размѣромъ подлинника. Содержаніе поэмы слѣдующее.—

Пѣснь 1-я. Отъ береговъ Сициліи Эней съ своими спутниками плыветъ къ устью рѣки Тибра, гдѣ, по предсказанію Оракула, долженъ былъ получить царство. Сестра и жена Юпитера Юнона, проситъ царя вѣтровъ Эола потопить плывущихъ. Эолъ выпускаетъ на волю вѣтры. Страшная буря разсѣеваетъ по морю флотъ Троянцевъ. Видя это, богъ моря Нептунъ быстро прекращаетъ бурю. Съ семью кораблями Эней вступаетъ въ Либійскую бухту-область Карѳагена. На слѣдующій день съ однимъ изъ своихъ спутниковъ Ахатомъ онъ отправляется развѣдать новыя мѣста. На пути въ образѣ дѣвы охотницы ихъ встрѣчаетъ Венера, сообщаетъ имъ свѣдѣнія о странѣ, въ которую они попали и совѣтуетъ итти прямо къ царицѣ Карѳагена Дидонѣ. Окруженные по дѣйствію богини туманнымъ покровомъ, Эней и Ахатъ незамѣтно пробираются въ храмъ Юноны. Вскорѣ сюда является и Дидона. Помѣстившись на высокомъ престолѣ у дверей храма, она принимается за государственныя дѣла. Въ это время среди другихъ подходятъ къ царицѣ нѣкоторые товарищи Энея, присланные съ разсѣянныхъ бурею кораблей, прося временнаго пріюта пострадавшему троянскому флоту. Дидона благосклонно выслушиваетъ просьбу пришельцевъ и даже выражаетъ намѣреніе послать непремѣнно надежныхъ людей для розы-

Digitized by Google

сковъ Энея въ предѣлахъ Либійскихъ. Вдругъ облако, дотолѣ скрывавшее Энея и Ахата, исчезаетъ, и троянскій герой неожиданно предстаетъ предъ царицей съ благодарственною рѣчью. Изумленная и обрадованная Дидона даетъ въ честь чужеземца блестящій пиръ, на который сходятся Троянцы и многіе Карѳагеняне. Пиръ сопровождается возліяніемъ въ честь боговъ вина съ молитвеннымъ къ нимъ обращеніемъ и пѣніемъ Іопа подъ звуки золоченой цитры. Дидона проситъ Энея разсказать имъ о козняхъ Грековъ и о своихъ странствованіяхъ.

Пѣснь 2-я. Слѣдуя приглашенію царицы, Эней начинаетъ свой разсказъ разореніемъ Трои. Отчаясь взять городъ приступомъ, Греки рѣшились прибѣгнуть къ хитрости. Сдѣлавъ огромнаго деревяннаго коня и помѣстивъ внутри его вооруженныхъ людей, они оставляютъ его на берегу Трои, а сами со всѣмъ войскомъ и флотомъ скрываются на островъ Тенедосъ. Трояне съ радостію выходятъ въ поле. Изумлялсь оставленной непріятелемъ громадѣ, одни изъ нихъ желаютъ поставить коня въ замкѣ, другіе, подозрѣвая со стороны Грековъ обманъ, совѣтуютъ или утопить чудовище въ морѣ, или сжечь, или, провертѣвъ пустоту живота, узнать, что тамъ скрыто. Жрецъ Нептуна Лаокоонтъ, всячески убѣждая соотечественниковъ не довѣряться кознямъ Данаевъ („Timeo Danaos et dona ferentes — я боюсь и дары приносящихъ Данаевъ"), съ большою силою бросаетъ чудовищу въ бокъ огромное копье. Пока народъ колеблется, недоумѣвая, что дѣлать съ конемъ, Дорійскіе пастухи тащатъ прямо къ царю какого-то добровольно предавшагося имъ юношу. Безоружный плѣнникъ произноситъ стоны отчаянія. На вопросы: кто онъ по происхожденію, съ чѣмъ идетъ и на что надѣется, неизвѣстный называетъ себя Арголійцемъ Синономъ, говоритъ, что убѣжалъ отъ своихъ соотечественниковъ, рѣшившихся принести его въ жертву для благополучнаго возвращенія въ отечество, и богами молитъ Пріама о пощадѣ. Пріамъ приказываетъ освободить узника и, обѣщая ему убѣжище въ своемъ государствѣ, распрашиваетъ о деревянномъ конѣ. Синонъ клятвою увѣряетъ, что сообщитъ всю правду. По его словамъ Греки построили коня въ честь богини Минервы, и нарочно подняли такъ высоко, чтобы троянцы не могли ввести его въ городъ,— иначе счастіе перешло бы на ихъ сторону. Если поэтому Трояне разрушатъ даръ Минервы, ихъ постигнетъ большая напасть; если же они своими руками ввезутъ его въ городъ, то въ будущемъ счастливо совершатъ большой военный походъ къ стѣнамъ Пелопейскимъ (въ Грецію). Какъ бы въ подтвержденіе словъ Синона, двѣ змѣи, приплывъ съ острова Тенедоса, умерщвляютъ двухъ дѣтей Лаокоонта и его самого, послѣ чего скрываются за круглымъ щитомъ у ногъ Минервы въ ея храмѣ. Всѣ видятъ въ этомъ наказаніе Лаоконту за его нечестивый поступокъ съ даромъ Минервы и рѣшаются ввезти коня въ храмъ богини. Разобравъ стѣну и сломавъ городскія пристройки, поддвигаютъ подъ ноги чудовища колеса и, накинувъ на шею веревки, дружно, при пѣніи мальчиками и дѣвами гимновъ, влекутъ его въ городъ, гдѣ и поставляютъ въ священномъ замкѣ. Съ наступленіемъ ночи, греческое войско вновь направляется къ берегамъ Трои. Синонъ выпускаетъ изъ коня

Digitized by Google

заключенныхъ. Тѣ впускаютъ въ городъ всѣхъ своихъ сотоварищей. Между тѣмъ тѣнь Гектора является во снѣ Энею и побуждаетъ его къ бѣгству изъ отечества. Пробужденный непонятнымъ шумомъ, Эней поднимается на крышу дома—узнать, что случилось. Пожаръ въ городѣ, крикъ мужей и завыванье трубъ—объясняютъ ему злокозненность Грековъ. Быстро, съ оружіемъ бросается онъ на помощь соотечественникамъ и вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами устремляется въ самое пламя битвы. Прежде всего они умерщвляютъ Андрогея и его спутниковъ. Нарядившись въ доспѣхи убитыхъ, храбрецы идутъ далѣе, безпощадно истребляя враговъ. Въ это время часть непріятельскаго войска влечетъ отъ храма Минервы Пріамову дочь Кассандру. Храбрецы кидаются на выручку несчастной, но вскорѣ почти всѣ погибаютъ. Крики въ царскихъ чертогахъ заставляютъ Энея поспѣшить во дворецъ Пріама. Потаеннымъ ходомъ герой пробирается на высшую часть дворцовой кровли и оттуда, вмѣстѣ съ другими, низвергаетъ стоявшую надъ краемъ высокую башню. Съ грохотомъ упадаетъ она на Грековъ, но мѣсто убитыхъ заступаютъ другіе. Пирръ, сынъ Ахиллеса, съ своимъ Скиросскимъ*) отрядомъ кидаютъ на крышу огонь и, сломавъ притворъ, врываются во дворецъ. Видя неизбѣжную гибель, Пріамъ, въ порывѣ отчаянія, схвативъ оружіе, несется на враговъ. Его останавливаетъ супруга Гекуба. Указавъ мужу на безполезность самообороны, она приглашаетъ его подъ защиту алтаря, усаживая на священномъ мѣстѣ. На глазахъ Пріама Пирръ убиваетъ его сына Полита. Отецъ приходитъ въ негодованіе; при этомъ царь слабою рукою бросаетъ въ Пирра копье. Разгоряченный Пирръ умерщвляетъ старика. Ужасный страхъ овладѣваетъ Энеемъ. Вдругъ онъ видитъ предъ собою Венеру. Напомнивъ сыну о крайне опасномъ положеніи его семейства, богиня объясняетъ ему, что разрушеніе Трои—дѣло боговъ, что этому непосредственно содѣйствуютъ Нептунъ, Юнона, даже Минерва и самъ отецъ Юпитеръ, и потому увѣщеваетъ Энея бѣжать, обѣщая ему свою помощь. Когда богиня скрылась въ темноту сгустившейся ночи, Эней увидалъ суровыя лица враждебныхъ Троѣ боговъ и весь городъ въ огнѣ. Ведомый божествомъ, пробирается онъ чрезъ пламя и непріятелей къ родительскому дому въ намѣреніи уйти съ своими въ горы, но Анхизъ положительно отказывается отъ бѣгства, рѣшаясь умереть на мѣстѣ. Разстроенный Эней снова хочетъ уйти въ битву. Креуза, обнявъ на порогѣ его ноги и простирая къ нему младенца Іула, умоляетъ мужа остаться дома. Является чудесное знаменье: голова Іула, начиная съ макушки, покрывается безвреднымъ огнемъ. Перепуганные родители отрясаютъ горящіе волосы, заливая священное пламя водою, а Анхизъ проситъ Юпитера послать предвѣщаніе; раздается слѣва ударъ грома и въ то же время яркая звѣзда скатывается съ неба, скрываясь въ Идейскомъ лѣсу—вблизи Трои и тѣмъ обозначая мѣсто первоначальнаго убѣжища. Теперь Анхизъ рѣшается на бѣгство. Приказавъ слугамъ различными пу-

*) Скиросъ—одинъ изъ Спорадскихъ острововъ.

Digitized by Google

тями сойтись на загородный холмъ къ ветхому храму Цереры, Эней, посадивъ на плечи отца, захватившаго съ собой святыни и пенатовъ, и правой рукой поддерживая сына, направляется вонъ изъ города, сопровождаемый сзади на далекомъ разстояніи супругой. Уже путники торопливо приближались къ городскимъ воротамъ, какъ вдругъ, почуявъ за собою погоню, бросились бѣжать. Тутъ Эней потерялъ супругу, о которой хватился только тогда, когда достигъ древней святыни Цереры. Сильно взволнованный, онъ снова спѣшитъ въ Трою, всюду отыскивая Креузу. Здѣсь видитъ онъ полное опустошеніе города и господство непріятелей. Тѣнь Креузы является Энею и предсказываетъ ему, что, послѣ долгаго плаванія по морю, онъ пристанетъ въ Италію къ берегамъ Тибра, гдѣ и найдетъ „отрадный пріютъ и царство съ супругой царевной.“ Эней возвращается къ своимъ; здѣсь онъ встрѣчаетъ многихъ троянцевъ, рѣшившихся раздѣлить съ нимъ судьбу; съ собравшимися бѣглецами герой удаляется въ горы.

Пѣснь 3-я. Построивъ флотъ, троянцы пускаются въ море. Прежде всего приплываютъ они во Ѳракію, гдѣ при устьи Гебра (Марицы) Эней основываетъ городъ Энось Во время жертвоприношенія Венерѣ и другимъ богамъ изъ средины сосѣдняго холма слышится голосъ, умоляющій пощадить могилу Полидора и скорѣе бѣжать изъ этой жестокой страны. Оказалось, что подъ грудою желѣзныхъ копій лежало не погребенное тѣло пріамова сына Полидора, вѣроломно убитаго Ѳракійскимъ Царемъ изъ—за золота. Совершивъ погребеніе Полидора, трояне плывутъ къ острову Делосу. Здѣсь Эней молитъ Делосскаго Аполлона указать бѣглецамъ изъ Трои то мѣсто, куда они должны стремиться. Изъ отверстаго подземелья доносится голосъ, называющій новымъ мѣстожительствомъ Дарданидовъ землю ихъ родоначальниковъ. Анхизъ объясняетъ, что подъ этою землею слѣдуетъ разумѣть островъ Критъ, откуда по преданію вышелъ первый царь Трои-Тевкръ *). Направляются въ Критъ. Въ Критѣ Эней строитъ городъ Пергамъ. Появляется страшная моровая язва, а сильная засуха выжигаетъ посѣвы и травы. Анхизъ предлагаетъ обратиться снова за совѣтомъ къ Делосскому Аполлону. Ночью священные лики взятыхъ изъ Трои божествъ сообщаютъ Энею, что Делій Аполлонъ имѣлъ въ виду не Критъ, а Италію, гдѣ первоначально жилъ Дарданъ—прародитель Троянцевъ (по мужской линіи), и что пріютъ надо искать въ Италіи. Оставивъ немногихъ въ Пергамѣ, троянцы удаляются изъ Крита. Ужасная буря прибиваетъ ихъ корабли къ островамъ Строфадскимъ—въ страну гарпій—крылатыхъ чудовищъ съ крючковатыми когтями на рукахъ и вѣчно блѣдными отъ постояннаго голода дѣвичьими лицами. Высадившись на берегъ, путешественники дважды и въ разныхъ мѣстахъ принимаются за пищу, но въ оба раза гарпіи вырываютъ у нихъ ѣду и оскверняютъ все своимъ прикосновеніемъ. Одна изъ гарпій—Целено убѣждаетъ Тро-

---

*) Тевкръ былъ родоначальникомъ Дарданидовъ по женской линіи: на его дочери былъ женатъ Дарданъ.

Digitized by Google

янцевъ плыть въ Италію, прибавляя, что, прежде чѣмъ они обнесутъ тамъ данный имъ городъ стѣнами, голодъ и неправда убійства принудятъ ихъ ѣсть свои столы. Путешественники снова вступаютъ въ море. Миновавъ острова Закинеъ (Занте),—Дулихій (Неохари), Саму (Кефалонію) и Итаку, въ Акціумѣ они приносятъ дары Зевсу и устрояютъ игры. Изъ Акціума направляются къ сѣверозападному прибрежью Эпира—въ Хаонію, гдѣ встрѣчаются съ Андромахой—женой Гектора и сыномъ Пріама—Эленомъ. Эленъ дружелюбно принимаетъ соотечественниковъ, и тѣ гостятъ у него нѣсколько дней. Передъ отъѣздомъ, какъ жрецъ Аполлона, Эленъ предсказываетъ, что ему—Энею предстоитъ еще продолжительное и трудное плаваніе около береговъ Сициліи и западной Италіи, что признакомъ, гдѣ онъ оснуетъ городъ, должна служить найденная подъ дубомъ на берегу отдаленной рѣки большая бѣлая свинья съ тридцатью бѣлыми подсосками, что предсказаніе гарпіи сбудется и что дальнѣйшія обстоятельства будутъ сообщены ему Кумской Сивиллой; въ ряду предсказаній Эленъ даетъ Энею и нѣсколько совѣтовъ: избѣгать ближайшихъ береговъ Италіи, какъ населенныхъ Греками, въ Пелорскомъ (Мессинскомъ) проливѣ держаться лѣвой стороны, чтобы миновать водоворотъ около Сциллы и Харибды, при жертвоприношеніяхъ употреблять пурпуровыя покрывала отъ дурного глаза и всячески почтить Юнону мольбами и дарами. Щедро одаренные Эленомъ и Андромахой, Эней и его спутники отправляются въ дальнѣйшій путь. Послѣ двухъ небольшихъ остановокъ въ Акракеранніи и въ портѣ Венеры—Калабріи (porto Radisco), приплываютъ въ землю Циклоповъ близъ Этны. Здѣсь встрѣчаютъ Ахеменида, который сообщаетъ имъ объ ослѣпленномъ Одиссеемъ Полифемѣ и прочихъ циклопахъ и совѣтуетъ поскорѣе удалиться изъ этой страны. Устрашенные видомъ появившагося Полифема и другими великанами, Троянцы, взявъ съ собою Ахеменида, поспѣшно покидаютъ мѣстожительство циклоповъ и, миновавъ водоворотъ между Сциллой и Харибдой, а также многія другія мѣстности, благополучно достигаютъ Дрепана (на с. з. оконечности Сициліи), гдѣ умираетъ Анхизъ; отсюда они и попадаютъ уже въ Карѳагенъ.

Пѣснь 4-я. Доблесть и наружный видъ чужеземца вызываютъ въ Дидонѣ сильное расположеніе къ нему. Со слезами, въ откровенной бесѣдѣ признается она сестрѣ Аннѣ въ своемъ чувствѣ къ Энею и та совѣтуетъ ей вступить въ бракъ съ троянскимъ героемъ. Настроеніемъ Дидоны пользуется Юнона. Желая отвлечь мысли Энея отъ Италіи, она уговаривается съ Венерой насчетъ его брака съ Карѳагенской царицей, что вскорѣ и приводитъ въ исполненіе. Молва объ этомъ доходитъ до Мавританскаго царя Іарба, напрасно домогавшагося руки Дидоны. Въ гнѣвѣ молитъ онъ Юпитера отмстить царицѣ. Тотъ посылаетъ къ Энею сына Меркурія съ повелѣніемъ оставить Карѳагенъ и плыть въ Италію. Призвавъ къ себѣ Мнестея, Сергеста и Клоанта, Эней приказываетъ имъ тайно приготовлять троянскій флотъ къ отплытію. О намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ Троянцевъ узнаетъ Дидона. Всячески проситъ она Энея отложить свои мысли, но герой твердо остается при своемъ рѣшеніи,

Digitized by Google

ссылаясь на изреченія Аполлона, постоянныя увѣщанія являющагося по ночамъ во снѣ Анхиза, будущую судьбу сына Асканія и на явленіе Меркурія. Такой отвѣтъ окончательно раздражаетъ Дидону: въ порывѣ сильнаго негодованія она называетъ Энея не сыномъ богини и потомкомъ Дардана, а порожденіемъ Кавказа и питомцемъ Гирканскихъ (прикаспійская страна) тигровъ, укоряетъ его въ безсердечіи, угрожаетъ ему карою боговъ и обѣщаетъ вѣчно его преслѣдовать, послѣ чего, обезсиленная и убитая горемъ, скрывается въ свой чертогъ, а Эней удаляется ко флоту, куда дружно собираются Троянцы, поспѣшно готовясь въ путь. Видя всеобщую ихъ спѣшность, Дидона прибѣгаетъ къ послѣднему средству: упрашиваетъ сестру Анну отправиться къ Энею съ просьбою хоть до попутнаго вѣтра отложить свой отъѣздъ, но неоднократныя попытки Анны остаются безуспѣшными. При такомъ положеніи дѣлъ, Дидона рѣшается умереть. Сообщивъ сестрѣ, что нашла средство при помощи Массильской жрицы избавиться отъ своихъ страданій, она, подъ предлогомъ истребленія всякихъ слѣдовъ присутствія Энея, проситъ Анну устроить позади атріума костеръ и сложить на него забытое троянскимъ вождемъ оружіе, одежды и брачное ложе. Когда костеръ былъ готовъ, царица сама убрала его вѣнками и похоронной листвой изъ темнаго кипариса, а на ложе сверхъ одеждъ и меча, оставленнаго Энеемъ, положила слѣпокъ (восковую маску) послѣдняго; вокругъ воздвигнуты были алтари, и жрица, распустивши волосы, совершала магическіе обряды. Съ священною мукою въ рукѣ, разувши одну ногу и распустивши одежду—(необходимыя условія при жертвоприношеніяхъ), Дидона близъ алтаря возноситъ предсмертное моленіе богамъ и созвѣздіямъ. Между тѣмъ Меркурій, явившись во снѣ Энею, снова побуждаетъ его къ немедленному бѣгству, и тотъ тотчасъ же покидаетъ Карѳагенъ. Рано утромъ увидавъ съ вышки дворца уходящій троянскій флотъ, Дидона въ ужасѣ проклинаетъ измѣнника. Затѣмъ, приказавъ позвать Анну со всѣмъ необходимымъ для жертвы, она бросается на приготовленное ложе и со словами отчаянія поражаетъ себя мечемъ въ грудь. Прибѣжавшая Анна съ воплемъ кидается на ступени костра, обнимая полуживую сестру и отирая кровь одеждой; но уже поздно: Дидона умираетъ послѣ долгихъ мученій.

Пѣснь 5-я. Страшная буря заставляетъ Энея пристать къ Дрепапуму въ Сициліи, гдѣ, по случаю годовщины смерти Анхиза, Троянцы совершаютъ на могилѣ покойнаго жертвоприношеніе, а на девятый день устрояютъ погребальныя игры. Первоначально размѣщаютъ дары—для святынь—треножники, зелень вѣнками, для побѣдителей—пальмы, оружіе, пурпуровыя одежды, деньги въ талантахъ серебра и золота. Звукъ трубы съ возвышенія возвѣщаетъ о началѣ игръ. Выплываютъ на состязаніе избранные изъ всего флота четыре корабля, предводительствуемые лучшими мужами. Далеко въ морѣ на скалѣ былъ поставленъ Энеемъ зеленый дубъ,—знакъ, до котораго должны плыть корабли и откуда они должны возвращаться. Въ багряницахъ и золотѣ сіяютъ вожди на кормахъ, остальная молодежь, увѣнчавшись тополевой листвой,

Digitized by Google

съ обнаженными плечами, залитая, для большей гибкости членовъ елеемъ, садится на скамьяхъ и, протянувъ руки на весла, съ волненіемъ ожидаетъ сигнала. По данному трубному звуку всѣ въ одно мгновеніе вскакиваютъ съ занятыхъ по жребію мѣстъ, и вотъ корабли, при громкомъ крикѣ и дружныхъ ударахъ веселъ, быстро направляются къ назначенной цѣли, стараясь обогнать другъ друга. Выбѣгаетъ изъ всѣхъ Химера Гіаса, за нею поспѣшаетъ Сцилла Клоанта,—остальныя два слѣдуютъ на равномъ разстояніи, чередуясь въ первенствѣ. Недалеко отъ назначеннаго утеса, по оплошности кормчаго Менета, Сцилла опережаетъ Химеру. Въ досадѣ, со слезами на щекахъ, Гіасъ самъ становится къ рулю. Тѣмъ временемъ Центавръ и Китъ пытаются обогнать Химеру. Выдвигается Центавръ, но попадаетъ на отмель; Китъ обгоняетъ соперника, минуетъ Химеру и спѣшитъ за Сциллой. Клоантъ взываетъ о помощи къ богамъ морей, обѣщая имъ тутъ же на берегу принести въ жертву бѣлаго быка и вино. Хоръ Нереидъ, братъ Нерея Форкъ и богъ гаваней Портунъ подгоняютъ Сциллу, и она первая вступаетъ въ гавань. Подозвавши всѣхъ, Эней объявляетъ по обычаю чрезъ глашатая побѣдителемъ Клоанта и увѣнчиваетъ его зеленымъ лавромъ, а въ дары кораблямъ назначаетъ по три быка, вино и по большому таланту серебра; предводители получаютъ награды особо: побѣдитель—золотую хламиду съ затканными изображеніями, украшенную вокругъ двойными извивами пурпура; слѣдующій за нимъ—панцырь изъ колецъ сученой въ три нитки золотой проволоки; третій—пару мѣдныхъ лоханей съ двумя же серебряными превосходнаго чекана чарами (жертвенные сосуды) и наконецъ послѣдній Сергестъ—рабыню Фолою съ двумя грудными мальчиками, искусную въ рукодѣліяхъ. Въ подобномъ порядкѣ происходятъ состязаніе въ бѣганьи, кулачный бой, стрѣльба изъ лука и въ заключеніе, такъ называемый, Троянскій турниръ, состоящій въ конныхъ воинскихъ упражненіяхъ мальчиковъ, въ родѣ нынѣшнихъ военныхъ маневръ. Пока Трояне совершаютъ упомянутыя игры, Юнона посылаетъ Ириду къ Троянкамъ, оплакивавшимъ на пустынномъ взморьѣ потерю Анхиза и горько жаловавшимся на свое долгое скитанье въ моряхъ. Въ образѣ Троянки Берои Ирида старается убѣдить собравшихся сжечь корабли, чтобы тѣмъ прекратить дальнѣйшее плаваніе; при этомъ богиня первою бросаетъ огонь. Всѣ приходятъ въ недоумѣніе. Вскорѣ однако онѣ убѣждаются, что предъ ними какое-то высшее небесное существо и, пораженныя чудомъ, съ крикомъ, въ бѣшенствѣ зажигаютъ корабли. Узнавъ о случившемся, Троянцы бросаются тушить пламя, но пожаръ продолжаетъ свое дѣло. Въ отчаяніи Эней взываетъ о помощи къ Зевесу. Страшная гроза съ проливнымъ дождемъ прекращаетъ пожаръ, въ которомъ погибаютъ лишь четыре корабля изъ всего флота. Потрясенный несчастіемъ, троянскій предводитель недоумѣваетъ, что дѣлать. Старикъ Навтъ совѣтуетъ ему оставить въ Сициліи людей съ погибшихъ кораблей, а также усталыхъ и слабыхъ, устроивъ для нихъ городъ Ацесту (позднѣе Segesto). Явившаяся ночью тѣнь Анхиза подкрѣпляетъ совѣтъ Навта и вмѣстѣ сообщаетъ, что ему—Энею предстоитъ въ Италіи война съ грубымъ

Digitized by Google

и жестокимъ народомъ, но что предварительно, при помощи Сивиллы, онъ долженъ повидаться съ отцемъ въ подземныхъ жилищахъ, чтобы тамъ узнать отъ него судьбу своего рода. Слѣдуя даннымъ внушеніямъ, Эней основываетъ въ Сициліи колонію, послѣ чего, подъ покровительствомъ Нептуна, котораго упросила Венера, благополучно плыветъ въ Италію.

Пѣснь 6-я. Троянскій флотъ пристаетъ къ берегамъ Эвбейскихъ Кумъ, откуда Эней немедленно отправляется въ храмъ Аполлона. Здѣсь Троянцы узнаютъ отъ Сивиллы или Деифобы, жрицы Аполлона и Тривіи или Гекаты, что насталъ конецъ ихъ странствованію по морямъ, что теперь они войдутъ въ Лаціумъ, гдѣ, однако, ожидаютъ ихъ ужасныя войны, изъ которыхъ Троянскій предводитель всетаки выйдетъ побѣдителемъ. По просьбѣ Энея, Сивилла соглашается дать ему возможность повидаться въ преисподней съ Анхизомъ, но предварительно въ Авернскомъ лѣсу, гдѣ находится входъ въ подземныя жилища, герой долженъ сорвать скрытую въ дремучей долинѣ и доступную только избраннымъ судьбою золотую вѣтвь, чтобы потомъ принести ее въ даръ Прозерпинѣ, а также похоронить скончавшагося въ его отсутствіе товарища. Возвратясь ко флоту, Троянскій вождь на берегу моря видитъ утонувшаго трубача Мизена. Согласно приказанію жрицы, Трояне спѣшатъ устроить погребальный костеръ, для чего отправляются въ лѣсъ. Здѣсь Эней, при помощи двухъ голубокъ, посвященныхъ Венерѣ, находитъ таинственную золотую вѣтку, которую и относитъ въ жилище Сивиллы. Тѣмъ временемъ Троянцы совершаютъ погребеніе Мизена. Сначала воздвигаютъ огромный костеръ изъ сосенъ и дуба, покрываютъ его темной зеленью, впереди ставятъ плачевные кипарисы, а верхъ украшаютъ блестящимъ оружіемъ; затѣмъ одни, приготовивъ въ мѣдныхъ сосудахъ горячую воду, омываютъ ею трупъ, натираютъ его душистою мазью, оплакавъ, возлагаютъ на ложе и сверху пурпуровыя одежды и такой же покровъ,—другіе, отвернувшись и держа внизу факелъ, на погребальныхъ носилкахъ относятъ одръ съ трупомъ на костеръ, туда же возлагаютъ яства (погребальныя жертвы), ладонъ и кружки съ вылитымъ масломъ и все это сожигаютъ; остатки и пепелъ смываютъ виномъ, а кости Кориней скрываетъ въ мѣдномъ сосудѣ; въ заключеніе онъ трижды кропитъ присутствующихъ очистительною водою при посредствѣ оливковой вѣтви и произноситъ послѣднее слово (ilicet—ступай, кончено). Надъ могилой подъ высокой горой Эней насыпаетъ огромный курганъ и полагаетъ оружіе, весло и трубу покойнаго. Покончивъ съ печальнымъ обрядомъ, троянскій герой направляется къ Авернской пещерѣ; здѣсь сперва онъ выставляетъ у алтаря четырехъ черноспинныхъ быковъ; Сивилла выливаетъ на ихъ лбы вино и, срѣзавъ верхнюю шерсть между рогами, возлагаетъ ее на священный огонь, громко призывая Гекату. Троянцы рѣжутъ животныхъ и теплую кровь ихъ собираютъ въ чаши, а самъ предводитель приноситъ въ жертву Землѣ черную ярку, неплодную корову Прозерпинѣ и цѣликомъ мясо быковъ Плутону, поливая сверху густымъ оливковымъ масломъ горящіе туки. При лучахъ восходящаго солнца застонала земля, стали двигаться

Digitized by Google

вершины лѣса, и раздался во мглѣ вой псовъ предъ приходомъ богини. Деифоба удаляетъ всѣхъ прочихъ изъ рощи, а Энею приказываетъ слѣдовать за нею съ обнаженнымъ мечемъ въ пещеру. Они входятъ въ преисподнюю, гдѣ видятъ у Ахеронта души умершихъ и перевозчика Харона. Харонъ перевозитъ Энея и жрицу чрезъ рѣку, и тѣ, миновавъ стражу Цербера, вступаютъ въ царство Миноса, состоящее изъ пяти отдѣловъ: въ первомъ находятся малолѣтнія дѣти, во второмъ—несправедливо приговоренные къ смерти, въ третьемъ—самоубійцы, въ четвертомъ—жертвы любви и въ пятомъ—тѣни героевъ. Изъ царства Миноса ведутъ двѣ дороги—одна изъ нихъ въ Тартаръ, другая—въ Элизій. Жрица, по просьбѣ Энея, разсказываетъ ему о мученіяхъ въ Тартарѣ, послѣ чего, поднесши въ даръ золотую вѣтвь Прозерпинѣ, они входятъ въ Элизій, гдѣ добродѣтельные—наслаждаются разнаго рода блаженствомъ. Между другими Эней находитъ Анхиза, который объясняетъ ему различные переходы и жилища душъ послѣ смерти и показываетъ рядъ потомковъ: Ромула, какъ основателя Рима, Цезаря Августа—втораго основателя государства, группу римскихъ царей, группу древнихъ—республиканцевъ, Цезаря и Помпея, новую группу знаменитыхъ Римлянъ, опредѣленіе Рима и наконецъ Марцелла; упомянувъ о наступающихъ войнахъ, Лаврентійскомъ народѣ, городѣ царя Латина (Лаврентѣ) и указавъ способъ къ избѣжанію и перенесенію труда, Анхизъ отпускаетъ сына и Сивиллу изъ преисподней чрезъ костяныя врата. Эней возвращается къ своимъ кораблямъ и прибрежнымъ путемъ проѣзжаетъ въ пристань Кайеты (городъ въ Лаціумѣ съ отличною гаванью).

Пѣснь 7-я. Въ Кайетѣ умираетъ мамка Энея Кайета, сообщившая свое имя данной мѣстности. Похоронивъ покойную, Эней направляется далѣе и, миновавъ островъ Цирцею, достигаетъ устьевъ Тибра, откуда по тѣнистой рѣкѣ восходитъ въ область Лаврентовъ. Въ то время въ Лаціумѣ царилъ престарѣлый Латинъ, потомокъ Сатурна. У него была единственная дочь, наслѣдница, за которую сваталось много жениховъ и между ними успѣшнѣе другихъ славный предками красивѣйшій Турнъ, которому вполнѣ сочувствовала и мать невѣсты. Браку препятствовали только чудеса боговъ и провѣщаніе оракула Фавна, объявившаго Латину, что не слѣдуетъ выдавать Лавинію за Латинскихъ жениховъ, такъ какъ придутъ чуждые зятья, которые кровію вознесутъ до звѣздъ имя Латина, и потомки которыхъ покорятъ всю землю между двумя океанами (Индійскимъ и Атлантическимъ). Молва о такомъ предсказаніи шла далеко по городамъ Италіи, когда Трояне прибыли въ Лаврентское царство. Высадившись на берегъ, путешественники прежде всего приготовляютъ пищу, употребивъ въ видѣ блюдъ или тарелокъ полбяные хлѣбы. Когда все другое было уничтожено и неудовлетворенный голодъ принудилъ обѣдавшихъ припяться за предложенные хлѣбы, Іулъ воскликнулъ: „Горе, мы даже столы поѣдаемъ!“ Эти слова вызываютъ въ Энеѣ воспоминаніе о нѣкогда бывшемъ ему пророчествѣ, и онъ въ восторгѣ привѣтствуетъ землю, какъ новое отечество, объявляя присутствующимъ, что съ слѣдующаго же ранняго утра необхо-

Digitized by Google

димо приступить къ развѣдыванію мѣстности. Отъ радости Трояне наперерывъ спѣшатъ возобновить пиръ, а на другой день, при лучахъ едва восходящаго солнца, идутъ врознь развѣдывать страну. Послѣ первыхъ и необходимыхъ справокъ, Эней отправляетъ сто избранныхъ ораторовъ къ Латину просить о мирѣ, снабдивъ ихъ дарами для царя и въ знакъ мира вѣтвями оливы—съ бѣлыми повязками. Латинъ торжественно принимаетъ посольство. На его вопросы о цѣли и причинахъ прибытія Троянъ къ Италійскому берегу и на предложеніе принять гостепріимство у Латиновъ, одинъ изъ пословъ—Иліоней отвѣчаетъ, что Трояне пристали къ берегамъ Италіи по совѣту и душевному изволенію, что самъ царь Эней прислалъ пословъ къ порогамъ Латина, что, спасшись изъ общественнаго троянскаго погрома и переплывъ много морей, они просятъ теперь малаго пристанища для отчихъ боговъ (пенатовъ) и воды и воздуха, что, принявъ къ себѣ Тевкровъ, Латиняне не будутъ досадовать на свой поступокъ; при этомъ Иліоней съ клятвою увѣряетъ, что многіе народы и племена приглашали къ себѣ Троянцевъ, но что только воля Дардана и Аполлона побудила ихъ искать себѣ пріюта у береговъ Тибра; въ заключеніе посолъ передаетъ царю дары: золотую чашу, изъ которой Анхизъ совершалъ возліянія на жертвенники, порфиру, скипетръ и тіару Пріама и иліонской работы одежды. Латинъ принимаетъ подарки и не только соглашается исполнить просьбу Троянъ, но и выражаетъ желаніе выдать свою дочь за Энея, ссылаясь на предсказаніе оракула и знаменія съ неба; съ своей стороны онъ даритъ каждому послу коня, покрытаго пурпурнымъ шитымъ ковромъ, въ золотой сбруѣ, а Энею—пару, запряженную въ колесницу. Верхами посольство возвращается въ станъ съ извѣстіемъ о мирѣ, и Трояне начинаютъ строить дома. Видя это, Юнона, въ порывѣ страшнаго негодованія, рѣшается возбудить ожесточенную войну между новыми друзьями, для чего убѣждаетъ свирѣпѣйшую изъ фурій Аллекто „миръ заключенный порвать, посѣять брани причины.“ Та, устремившись къ порогу Аматы, жены Латина, бросаетъ изъ своихъ синеватыхъ волосъ на ея грудь одну змѣю, которая наполняетъ насчастную неистовствомъ. Сослезами умоляетъ царица мужа не выдавать дочь за Энея, но устроить бракъ съ Турномъ; когда же всѣ убѣжденія и доводы оказались напрасными, Амата устрояетъ вмѣстѣ съ другими матерями торжественную оргію въ честь Вакха (Вакханаліи): „однѣ оставляютъ дома, распускаютъ по вѣтру волосы и открываютъ шеи, другія наполняютъ воздухъ страшнымъ воемъ и, одѣтыя въ шкуры, несутъ копья, покрытыя виноградными вѣтвями“. Сама царица держитъ пылающій факелъ и поетъ брачныя пѣсни въ честь дочери съ Турномъ. Процессія направляется въ лѣса и пустыни. Произведя разногласіе въ семействѣ Латина, Аллекто, въ образѣ старухи Колибы—жрицы Юноны, ночью является Турну и отъ имени богини совѣтуетъ ему истребить троянскихъ вождей, сжечь ихъ корабли, а въ случаѣ отказа Латина выдать за него дочь—обратить свое оружіе и противъ царя Лаврентовъ; когда Турнъ съ насмѣшкою отвергаетъ предложеніе вѣщей, разгнѣванная Аллекто принимаетъ свой страшный видъ и, какъ безпощадная фурія, приносящая

Digitized by Google

войны и смерть, вонзаетъ подъ сердце юноши дымящійся мрачнымъ пламенемъ факелъ. Турнъ просыпается отъ страха. Воспламеняемый страстію къ битвамъ и гнѣвомъ, онъ объявляетъ вождямъ походъ противъ Латина, какъ нарушителя мира, и противъ пришельцевъ — сѣ цѣлію изгнать ихъ изъ Италіи. Рутулы наперерывъ стекаются къ своему государю. Теперь Аллекто на адскихъ крыльяхъ несется къ Тевкрамъ. Увидавъ на охотѣ Іула, она касается знакомымъ запахомъ чутья его собакъ, и тѣ поднимаютъ ручнаго оленя, принадлежащаго пастуху Латина Тирру, а Асканій ранитъ его стрѣлою изъ лука. Животное убѣгаетъ въ стойло, гдѣ наполняетъ весь домъ сильнымъ стономъ. Сильвія и отецъ ея Тирръ взываютъ о помощи къ грубымъ поселянамъ, которые скоро сходятся, вооруженные чѣмъ ни попало; въ то же время Аллекто съ крыши высокаго стойла пастушескимъ сигналомъ изъ криваго рога собираетъ отовсюду вооруженныхъ необузданныхъ земледѣльцевъ. Трояне также снѣшатъ изъ лагеря на подмогу къ Іулу. Происходитъ бой. Бросивъ такимъ образомъ и здѣсь сѣмена раздора, Аллекто по воздуху поднимается на небо къ Юнонѣ съ извѣстіемъ о происшедшемъ и съ предложеніемъ, если то нужно, вовлечь въ войну и сосѣдніе города, но царица богиня, отославъ фурію въ преисподнюю, сама даетъ направленіе войнѣ. Вся толпа пастуховъ устремляется въ городъ, умоляя боговъ и призывая въ свидѣтели Латина. Является Турнъ и своими упреками въ измѣнѣ Рутуламъ удвояетъ волненіе. Тогда сыновья женъ, принявшихъ участіе въ вакханаліяхъ, обступивъ царскій дворецъ, требуютъ немедленной войны съ Троянцами. Напрасно царь противится этому, напрасно угрожаетъ несчастіемъ мятежникамъ: безумствующіе остаются при своемъ, настаивая, чтобы онъ по обычаю открылъ ворота храма Януса и тѣмъ объявилъ войну пришельцамъ. Когда же Латинъ положительно отказался исполнить печальное требованіе, Юнона, спустившись съ неба, отворяетъ ворота войны. Многочисленныя племена со всѣхъ частей Италіи спѣшатъ соединиться противъ Троянъ.

Пѣснь 8-я. Турнъ посылаетъ къ Діомеду просить помощи противъ Энея. Между тѣмъ Эней сильно тревожится предстоящей войною. Потокъ Тиберинъ, явившись ночью во снѣ, убѣждаетъ его быть спокойнымъ, побуждаетъ заключить союзъ съ Аркадскими выходцами, а также торопитъ мольбами и обѣтами покорить гнѣвъ и угрозы Юноны. На слѣдующее утро Эней оснащаетъ два двухвесельныхъ судна и выдаетъ своимъ товарищамъ оружіе. Внезапно въ рощѣ, на зеленомъ берегу попадается бѣлая свинья съ такими же подсосками. Принеся ее вмѣстѣ съ поросятами въ жертву Юнонѣ, предводитель троянскій съ отобранными мужами плыветъ вверхъ по гладкой поверхности Тибра въ Аркадское царство Эвандра. Они застаютъ царя съ сыномъ Палантомъ и лучшими гражданами отправляющимъ въ городской рощѣ годовой праздникъ въ честь Геркулеса. Эней сообщаетъ Палланту, а потомъ его отцу о цѣли своего прибытія. Эвандръ съ радостію соглашается помочь троянцамъ и приглашаетъ гостей раздѣлить съ новыми союзниками праздничный пиръ. За столомъ онъ разсказываетъ Энею, что совершаемый праздникъ установленъ въ память Геркулеса, кото-

Digitized by Google

рый задушилъ причинявшаго постоянныя убійства сосѣднимъ жителямъ Вулканова сына полузвѣря Кока. Празднество заканчивается воспѣваніемъ жрецами Салійцами на два хора подвиговъ Геркулеса. Возвращаясь въ городъ, Эвандръ передаетъ Энею преданія о первоначальномъ заселеніи Италіи Фавнами и нимфами—покровителями мѣстностей—и Аборигенами, о золотомъ вѣкѣ Сатурна, о послѣдовавшихъ болѣе смутныхъ временахъ, говоритъ о своемъ прибытіи въ Лаціумъ и знакомитъ гостя съ окрестностями; онъ совѣтуетъ также Энею обратиться за помощію къ могущественнымъ Тирренцамъ, а съ своей стороны даетъ ему четыреста всадниковъ подъ предводительствомъ сына Палланта. Троянскій вождь отсылаетъ часть своей дружины съ извѣстіемъ обо всемъ къ Асканію, съ остальными же храбрецами и подаренными всадниками отправляется къ предводителю Этрусскова Тархону, державшему лагерь близъ города Церы или Агиллы въ Этруріи (нынѣ Cacina). Здѣсь Венера вручаетъ сыну выкованное Вулканомъ оружіе: шлемъ, мечъ, кольчугу, наголенники, копье и щитъ. Эней любуется военными доспѣхами, особенно щитомъ, на которомъ въ цѣломъ рядѣ картинъ изображено будущее Римскаго народа: питаніе волчицей Ромула и Рема, похищеніе Сабинокъ и затѣмъ примиреніе между народомъ Ромула и куретами Тація, казнь, исполненная Тулломъ Гостиліемъ надъ албанскимъ полководцемъ Меттомъ Фуффенціемъ за измѣну, осада Рима Порсеною, защита Коклесомъ моста, пляшущіе Саліи, обнаженные Луперки, Фламины, сцены изъ подземнаго царства—положеніе въ немъ преступнаго Катилины и добродѣтельнаго Катона Утическаго и наконецъ—въ серединѣ щита—Акціумская битва и тріумфъ Цезаря Августа.

Пѣснь 9-я. Въ отсутствіе Энея, побуждаемый по порученію Юноны Иридой, Турнъ пытается зажечь троянскіе корабли, но мать боговъ Цибела превращаетъ ихъ въ морскихъ нимфъ, которыя уплываютъ въ море. Отважный Турнъ окружаетъ станъ Тевкровъ. Осажденные сторожатъ укрѣпленіе, поочередно смѣняя другъ друга. Одинъ изъ стражей—Нисъ задумываетъ чрезъ непріятельскій станъ проникнуть къ Энею съ извѣстіемъ обо всемъ происшедшемъ. Свое намѣреніе онъ сообщаетъ ближайшему другу—юношѣ Эвріалу. Эвріалъ твердо рѣшается итти вмѣстѣ съ другомъ. Передавъ охрану воротъ слѣдующей смѣнѣ, они отыскиваютъ Асканія, Нисъ раскрываетъ планъ задуманнаго дѣла, на что встрѣчаетъ полное одобреніе. Напутствуемые единодушными благожеланіями старцевъ и юношей, герои отправляются къ воротамъ. Перейдя рвы, они вступаютъ во вражескій станъ, гдѣ убиваютъ многихъ. Передъ разсвѣтомъ вѣстники выбираются на просторъ, но тутъ, неожиданно замѣченные отрядомъ всадниковъ, одинъ за другимъ погибаютъ. Турнъ побуждаетъ мужей къ оружію, и каждый заставляетъ свой отрядъ итти въ битву, всячески вызывая въ немъ ярость; съ тою же цѣлію—воспламенить гнѣвъ въ войскѣ—съ большимъ крикомъ посятъ наткнутыя на поднятыя копья головы Ниса и Эвріала. Съ своей стороны и троянцы готовятся къ оборонѣ. Звукъ мѣдной трубы въ непріятельскомъ станѣ и затѣмъ крикъ возвѣщаютъ

Digitized by Google

о началѣ дѣла. Построившись черепахой *), Вольски дружно нападаютъ на укрѣпленіе. Осажденные даютъ имъ мужественный отпоръ, поражая ихъ всякаго рода оружіемъ. Тогда Рутулы пытаются прогнать Троянцевъ съ укрѣпленій стрѣлами. Сильный бой возгорается въ разныхъ мѣстахъ и съ обѣихъ сторонъ падаютъ многіе. Асканій совершаетъ первый военный подвигъ, убивая стрѣлою хвастливаго Нумана, зятя Турна. Наблюдавшій за всѣмъ съ облаковъ Аполлонъ, подойдя къ Асканію въ образѣ старика—оруженосца Бутеса, совѣтуетъ ему воздержаться отъ дальнѣйшаго участія въ сраженіи, при чемъ среди рѣчи покидаетъ видъ смертнаго, исчезая изъ глазъ въ воздухѣ тонкомъ. Всѣ дарданскіе воеводы узнаютъ бога. Словами и повелѣніемъ Феба они удаляютъ жаднаго къ бою государя, а сами по-прежнему продолжаютъ жестокую битву. Пандаръ и Битій, содержащіе караулъ у городскихъ воротъ, отворяютъ ихъ и, полагаясь на свою силу, зовутъ враговъ за стѣны. Тѣ врываются, но вскорѣ отступаютъ съ значительной потерей. Тутъ же сосредоточиваются и Троянцы. Извѣщенный Турнъ спѣшитъ къ открытымъ воротамъ, гдѣ убиваетъ среди другихъ самого Битія. Пандаръ немедленно запираетъ ворота, немало своихъ оставивъ снаружи, а внутри—незамѣченнаго среди толпы Турна. При видѣ послѣдняго, Энеады приходятъ въ смущеніе. Пандаръ, пылая гнѣвомъ за смерть брата, съ ѣдкой насмѣшкой бросаетъ въ Турна копье. Юнона проноситъ ударъ мимо. Турнъ мечемъ умерщвляетъ Пандара и въ пылу страсти къ убійству, поддерживаемый Юноной, гонитъ обратившихся въ бѣгство Троянъ, поражая многихъ. Мнестей словами укора останавливаетъ бѣгство. Трояне густымъ строемъ напираютъ на Турна; уступая ихъ многочисленности и неподкрѣпляемый болѣе, согласно волѣ Зевса, Юноной, предводитель Рутуловъ, медленно отойдя къ Тибру, въ полномъ вооруженіи бросается въ рѣку и благополучно возвращается къ своимъ.

Пѣснь 10-я. Собравъ боговъ на совѣтъ, Юпитеръ предлагаетъ, въ ожиданіи предстоящей борьбы Карѳагена съ Римомъ, прекратить настоящую распрю. Среди боговъ возникаетъ разногласіе, вслѣдствіе чего Юпитеръ, рѣшившись предоставить все року, распускаетъ собраніе. Между тѣмъ троянскій лагерь подвергается новому нападенію. Эней спѣшитъ назадъ на тридцати корабляхъ съ многочисленными войсками союзниковъ. По срединѣ пути его окружаютъ превращенныя изъ кораблей по волѣ Цибелы нимфы. Предупрежденный одной изъ нихъ о положеніи дѣлъ, Троянскій царь приказываетъ своимъ слѣдить за сигналомъ и приготовиться къ битвѣ. Скоро показывается и троянскій лагерь. Стоя вверху на кормѣ, Эней выставляетъ лѣвою рукою свой блестящій щитъ, увидавъ который, Дарданиды поднимаютъ со стѣнъ страшный крикъ, усиливая отраженіе непріятеля. Царь и вожди Руту-

*) „Черепахой назывались цѣлымъ осаждающимъ строемъ поднятые надъ головою и между собою сплоченные щиты. На эти щиты взбирался новый строй, образуя новую черепаху, замѣнявшую осаждавшимъ лѣстницы“. (пер. Фет. ч. 2 стр. 83).

Digitized by Google

ловъ приходятъ въ недоумѣніе, пока наконецъ не замѣчаютъ приближающагося къ берегу флота. Отважный Турнъ рѣшается воспрепятствовать высадкѣ союзниковъ. Эней первый нападаетъ на Латиновъ, производя между ними ужасное опустошеніе; за нимъ слѣдуютъ другіе, и битва становится общей. Принужденные по неудобству мѣстности оставить коней, Аркадцы обращаются въ бѣгство. Палантъ умоляетъ ихъ не уступать врагамъ, при чемъ прямо пробивается въ густую толпу непріятелей, умерщвляя многихъ. Рѣчь и доблестный примѣръ предводителя воодушевляютъ воиновъ, и тѣ единодушно ополчаются за своимъ государемъ. Турнъ угрозами вызываетъ Палланта на поединокъ. Палантъ съ великою силой бросаетъ въ Турна копье, которымъ слегка ранитъ его въ плечо. Царь рутулійскій коньемъ же поражаетъ сына Эвандра и на глазахъ Аркадцевъ съ насмѣшкой снимаетъ съ убитаго тяжелый поясъ. Извѣщенный о смерти Палланта и о крайне затруднительномъ положеніи Тевкровъ, Эней съ большею силою разитъ непріятеля, ища вездѣ надменнаго новымъ убійствомъ Турна. Юнона, съ согласія Юпитера, удаляетъ Турна изъ битвы, выславъ противъ него сдѣланную изъ облака тѣнь Энея. Въ погонѣ за мнимымъ героемъ, предводитель Рутуловъ вскакиваетъ на случайно примкнутое къ краю высокой скалы судно, куда скрывается трепетный призракъ. Юнона срываетъ привязь и уноситъ отрѣшенный коралбь по морскому отливу. Корабль доставляетъ героя въ отечественный городъ Ардею—столицу Рутуловъ. Съ уходомъ Турна, въ сраженіи, по внушенію Юпитера, появляется пылкій Мезенцій, производя сильное убійство среди непріятелей. Противъ него выступаетъ Эней. Мезенцій пускаетъ копье въ противника, которое однако далеко отскакиваетъ отъ щита послѣдняго. Отвѣчая тѣмъ же, Эней тяжело ранитъ гордаго поединщика и разгоряченный нападаетъ на него съ обнаженнымъ мечемъ. На выручку къ отцу спѣшитъ Лавзъ. Подставивъ свой щитъ подъ занесенный уже мечъ, онъ замедляетъ ударъ. Латины осыпаютъ Энея градомъ стрѣлъ. Мезенцій успѣваетъ уйти изъ сраженія. Раздраженный Эней повергаетъ Лавза, но, изъ состраданія и уваженія къ доблестному подвигу убитаго, не снимаетъ съ него оружія и отдаетъ тѣло для погребенія. Трупъ сына приводитъ отца въ отчаяніе. Несмотря на препятствіе отъ глубокой раны, Мезенцій снова вступаетъ въ борьбу съ Энеемъ, трижды объѣзжая кругомъ его на конѣ и отовсюду бросая въ него стрѣлы. Троянскій герой сначала опрокидываетъ коня, а потомъ убиваетъ и самого всадника.

Пѣснь 11-я. Въ честь побѣды надъ Мезенціемъ Эней сооружаетъ трофей Марсу, украсивъ выставленный на холмѣ огромный дубъ съ обрубленными сучьями блестящимъ оруженіемъ покойнаго. Здѣсь же онъ дѣлаетъ распоряженіе быть готовыми къ дальнѣйшему походу въ городъ Латина. Отправивъ съ пышными проводами тѣло Палланта къ Эвандру, Троянскій вождь направляется въ свой лагерь. Приходятъ послы изъ Латинскаго города съ просьбою о выдачѣ убитыхъ для погребенія. Эней объявляетъ имъ о своемъ желаніи заключить миръ съ Латинскимъ народомъ, съ которымъ собственно онъ и не ведетъ войны, но съ царемъ, предпо-

Digitized by Google

чевшимъ его дружбѣ оружіе Турна, тогда какъ послѣдній долженъ былъ самъ отвѣчать за себя. Посольство единодушно обѣщаетъ содѣйствовать примиренію Энея съ Латиномъ, послѣ чего устанавливаютъ двѣнадцатидневное перемиріе. Эней и Тархонъ распоряжаются похоронами павшихъ въ сраженіи, сожигая ихъ трупы. Непріятели также хоронятъ своихъ,—частію предавая ихъ огню, частію зарывая въ землю, а иныхъ развозя по сосѣднимъ полямъ (селеніямъ) и отсылая въ городъ. Множество убитыхъ вызываетъ сильное негодованіе и разногласіе даже въ самой столицѣ Латина. Одни требуютъ, чтобы Турнъ, какъ главный и единственный виновникъ войны, самъ рѣшилъ все дѣло оружіемъ,—другіе—въ томъ числѣ и царица Амата—стоятъ за царя Рутуловъ. Среди такихъ волненій, какъ бы къ довершенію всѣхъ золъ, отправленные къ Діомеду послы съ просьбой о помощи возвращаются съ отвѣтомъ отказа. Въ отчаяніи Латинъ немедленно созываетъ большое собраніе, на которомъ предлагаетъ на обсужденіе свое мнѣніе: войти въ дружбу съ пришельцами, уступивъ имъ часть владѣній отъ Тибра до Сицилійской границы, а въ случаѣ ихъ желанія удалиться къ другому народу, предоставивъ имъ условленное согласно уговору число совсѣмъ готовыхъ къ отправленію кораблей; для передачи же этихъ условій и упроченія союза отправить къ нимъ сто пословъ изъ знатнаго рода съ вѣтвями мира и дарами золота, слоновой кости, царскаго трона и хламиды. По данному предложенію возникаетъ жаркій споръ. Между тѣмъ получается извѣстіе о приближеніи непріятеля къ городу. Тотчасъ всѣ войска призываются къ оружію. Часть изъ нихъ получаетъ приказаніе занять опредѣленныя мѣста для дѣйствія, другая—быть готовою явиться по первому требованію; роютъ передъ воротами рвы, доставляютъ для укрѣпленія камни и колья; на стѣнахъ собираются матроны и мальчики; царица, въ сопровожденіи дочери Лавиніи и толпы матерей, приноситъ дары въ храмъ Минервы, призывая богиню на помощь. Вооружившись, Турнъ посылаетъ Мессепа и предводительницу Вольсковъ Камиллу по ея же просьбѣ съ конницею навстрѣчу конному Тирренцамъ, а самъ въ лѣсистомъ ущельи устрояетъ засаду противъ остальнаго войска Энея. Діана поручаетъ нимфѣ Опіи наказать смертію того, кто нанесетъ гибельную рану Камиллѣ. Въ происшедшемъ конномъ сраженіи предводительница Вольсковъ оказываетъ чудеса храбрости. Ее убиваетъ Аррунтъ, выждавъ для этого удобное время, но скоро и самъ падаетъ отъ стрѣлы Опіи. Вслѣдствіе пораженія Камиллы, Рутулы убѣгаютъ къ городу, преслѣдуемые непріятелемъ. Около городскихъ воротъ завязывается страшная бойня. Извѣщенный о крайней опасности своихъ, Турнъ спѣшитъ къ нимъ на выручку, оставивъ засаду. Приближается и Эней съ войскомъ. Наступившая ночь заставляетъ обѣ стороны укрѣпиться въ лагеряхъ.

Пѣснь 12-я. Турнъ рѣшается на единоборство съ троянскимъ героемъ. Свое намѣреніе онъ сообщаетъ царю, прося его приготовить необходимую жертву и составить условіе въ томъ смыслѣ, что побѣдитель получитъ руку Лавиніи. Латинъ уговариваетъ Турна вовсе оставить свои небезопасныя стремленія, но тотъ настаиваетъ на своемъ.

Digitized by Google

Поручивъ Идмону передать троянскому предводителю предложеніе о поединкѣ, Турнъ готовится къ предстоящему сраженію. Эней охотно принимаетъ сдѣланный ему вызовъ. Раннимъ утромъ Рутулы и Тевкры отмѣряютъ у городскихъ стѣнъ боевое поле, посреди устрояютъ очаги изъ дерна и приносятъ воды и огня. Войска тѣхъ и другихъ въ полномъ вооруженіи, занявъ по данному знаку опредѣленныя мѣста, втыкаютъ копья въ землю и опускаютъ щиты; безоружный людъ изъ любопытства тѣснится на башняхъ, крышахъ домовъ, высокихъ воротахъ. Наблюдавшая за всѣмъ этимъ Юнона побуждаетъ Ютурну—сестру Турна—нимфу рѣкъ и озеръ исхитить брата у смерти, или же возбудить войну и уничтожить заключенный договоръ. Латинъ и Турнъ выѣзжаютъ на мѣсто поединка; приходитъ и Эней съ сыномъ. Жрецъ подводитъ къ алтарямъ молодую свинью и ниразу нестриженную овцу. Латинъ и Эней, обратя глаза къ восходящему солнцу, бросаютъ крупно смолотую смѣшанную съ солью ячменную муку, мѣтятъ мечемъ темя животныхъ и совершаютъ изъ чашъ возліяніе на жертвенники. Сначала произноситъ клятву Эней. Призвавъ въ свидѣтели Солнце, Землю, Юпитера, Юнону, Марса, источники, рѣки и всѣ высшія силы эеира и моря, онъ даетъ обѣщаніе, что, если побѣда выпадетъ Турну, Іулъ съ Троянцами удалится къ Эвандру, и Энеады не будутъ тревожить войною Латинскія царства; если же онъ побѣдитъ Турна, оба народа—Италы и Тевкры пусть навсегда сдѣлаются равноправными, неподвластными другъ другу союзниками: имъ будутъ даны обряды и боги (троянскіе Пенаты и Веста). Латинъ по-прежнему останется при оружіи и должной власти, а для него—Энея Трояне выстроютъ новый городъ, которому Лавинія сообщитъ свое имя. Въ отвѣтъ на данную клятву Лаврентскій царь, глядя на небо и поднявъ правую руку къ звѣздамъ, съ своей стороны клянется Энею землею, моремъ, звѣздами, Аполлономъ и Діаной, Янусомъ, подземной силой боговъ, жилищемъ Диса, Юпитеромъ, огнемъ и святыней алтарей, что ничто никогда не нарушитъ этого мира и союза Италовъ. Клятвенныя обѣщанія обоихъ царей завершаются жертвоприношеніемъ. Въ войско Рутуловъ успѣваетъ однако проникнуть сомнѣніе въ благополучномъ для нихъ исходѣ поединка. Этимъ обстоятельствомъ спѣшитъ воспользоваться Ютурна. Въ образѣ Камерта, славившагося предками и личною храбростію, она проникаетъ въ ряды войска, разсѣевая кругомъ разные толки и убѣждая ихъ не выдавать своего предводителя; къ довершенію всего, богиня посылаетъ знаменіе: орелъ, преслѣдуя крикливую стаю прибрежныхъ птицъ, похищаетъ лебедя, но потомъ, гонимый ими, бросаетъ добычу въ рѣку и улетаетъ вглубь облаковъ. Птицегадатель Толумній побуждаетъ воиновъ защитить своего царя, говоря, что дерзкій пришлецъ пугаетъ ихъ войною, какъ безсильныхъ птицъ, но что онъ самъ убѣжитъ далеко черезъ море; при этомъ вѣщатель пускаетъ копье, которое сражаетъ одного изъ Аркадцевъ. Возгорается новый ожесточенный бой. Напрасно троянскій царь старается удержать своихъ; скоро онъ раненъ и удаляется изъ строя. Увидавъ уходящаго героя и смущенныхъ троянскихъ вождей, Турнъ снова принимаетъ самое дѣятельное участіе въ сраженіи, поражая многихъ. Врачъ Іавидъ

Digitized by Google

Япигъ, при помощи Венеры, исцѣляетъ раненаго царя Тевкровъ, и послѣдній опять возвращается въ поле битвы, ища вездѣ своего поединщика, котораго спасаетъ Ютурна, принявъ видъ возницы брата и такъ направляя его коней, что троянскій герой никакъ не можетъ догнать своего противника. Послѣ долгихъ и напрасныхъ попытокъ сразиться съ Турномъ, Эней въ досадѣ бросается въ толпу непріятелей, возбуждая убійство безъ всякой пощады; въ свою очередь и Рутульскій царь повергаетъ многихъ. Тогда предводитель Тевкровъ, вразумленный матерью Венерой, быстро подступаетъ съ войскомъ къ самому Лавренту. Граждане раздѣляются на двѣ партіи: одни требуютъ сдачи города, другіе продолжаютъ защищать его стѣны. Услыхавъ крики и стонъ осажденныхъ, Турнъ, все еще преслѣдующій бѣгущихъ въ разбродѣ непріятелей, въ недоумѣніи останавливаетъ лошадей. Ютурна совѣтуетъ ему продолжать дѣло тамъ, гдѣ побѣда открываетъ дорогу, но Турнъ, уличивъ сестру въ обманѣ, пѣшій устремляется къ городу, гдѣ удерживаетъ отъ битвы Рутуловъ и Латиновъ, объявляя, что ему одному слѣдуетъ рѣшить все оружіемъ. Поспѣшаетъ навстрѣчу врагу и царь троянскій. Начинается поединокъ. Оба противника, стремительно выбѣжавъ впередъ и бросивши издали копья, сходятся на мечахъ. Юпитеръ, держа кверху вѣсы съ уравненною стрѣлкою, полагаетъ на нихъ разные жребіи героевъ. Послѣ частыхъ взаимныхъ ударовъ, мечъ Турна ломается о доспѣхи Вулкана. Обезоруженный царь обращается въ бѣгство, прося себѣ отцовскій мечъ у Рутуловъ. Эней, угрожая тому, кто осмѣлится подойти къ Турну, смертію, а городу полнымъ разрушеніемъ, преслѣдуетъ бѣгущаго. Пять полныхъ круговъ завершаютъ они на бѣгу. Тутъ вождь троянскій, чтобы скорѣе покончить дѣло, пытается вырвать пущенное имъ въ началѣ битвы копье, крѣпко засѣвшее въ мягкомъ корнѣ дикой маслины. По молитвѣ Турна, всѣ старанія Энея остаются тщетными, а между тѣмъ Ютурна, опять въ образѣ возницы, возвращаетъ брату желанный мечъ. Возмущенная поступкомъ нимфы, Венера вырываетъ копье изъ глубокаго корня. Вооруженные соперники вторично становятся другъ передъ другомъ. Наконецъ Юпитеръ требуетъ, чтобы Юнона прекратила свои козни, и та уступаетъ волѣ супруга. Черезъ одну изъ фурій царь Олимпійскій даетъ понять Ютурнѣ свое рѣшеніе. Покоряясь владыкѣ, нимфа съ отчаяннымъ воплемъ скрывается въ глубокую рѣку, покидая брата. Эней съ насмѣшкою вызываетъ на бой своего поединщика. Турнъ бросаетъ въ Энея попавшійся подъ руку огромный камень, который однако вовсе не исполняетъ своего назначенія. Выбравъ удобную минуту, троянскій царь повергаетъ копьемъ растерявшагося врага на землю, и, увидавъ на плечахъ поверженнаго знакомую перевязь Палланта, на-смерть вонзаетъ мечъ въ грудь противнику.

Разборъ Энеиды и ея значеніе. Подобно произведеніямъ Гомера, предметомъ Энеиды, какъ видно изъ ея содержанія, и какъ уже замѣчено было выше, служитъ странствованіе троянскаго героя Энея послѣ разрушенія Трои Греками и его подвиги въ Италіи.

Digitized by Google

Въ силу этого вся поэма естественно распадается на двѣ части, изъ которыхъ первая, обнимающая шесть начальныхъ пѣсенъ, излагаетъ странствованія Энея и напоминаетъ Одиссею, вторая же, содержащая шесть остальныхъ книгъ, говоритъ о подвигахъ Энея въ Италіи и соотвѣтствуетъ Иліадѣ. При изложеніи приключеній, пережитыхъ троянскимъ царемъ на пути изъ Трои въ Италію, встрѣчается много мѣстъ, очевидно составленныхъ въ подражаніе Гомеру. Равнымъ образомъ и во второй части дѣятельность Энея и его спутниковъ во многомъ походитъ на соотвѣтствующіе подвиги подъ Троей героевъ Гомеровскихъ*). Въ самомъ расположеніи или планѣ матеріала въ общемъ замѣчается почти тотъ же порядокъ, что и въ поэмахъ Гомера. Преслѣдуемый Посейдономъ, Одиссей теряетъ въ морѣ весь свой флотъ и одинъ попадаетъ на берегъ острова Схеріи, откуда идетъ къ феакійскому царю Алкиною. У воротъ феакійскаго города онъ встрѣчаетъ подъ видомъ феакійской дѣвы Аѳину, которая даетъ ему необходимыя наставленія и незамѣтно проводитъ его въ царскій дворецъ. Алкиной радушно принимаетъ чужеземца и устрояетъ въ честь его пиръ, сопровождаемый пѣніемъ слѣпца Демодока подъ звуки лиры. По просьбѣ царя, Одиссей разсказываетъ ему о своихъ приключеніяхъ, начиная съ своего удаленія изъ Трои. Ненавидимый и гонимый Юноной, Эней претерпѣваетъ страшную бурю и съ разсѣянными кораблями пристаетъ въ Либійскую бухту, откуда направляется въ Карѳагенъ. На пути, въ образѣ дѣвы охотницы, является ему Венера, сообщаетъ необходимыя свѣдѣнія и, окруживъ туманнымъ покровомъ, даетъ возможность тайно пробраться въ храмъ Юноны, гдѣ онъ долженъ былъ увидаться съ Дидоной. Дидона ласково принимаетъ чужестранцевъ, устрояя для нихъ блестящее пиршество, которое сопровождается пѣніемъ Іопа подъ звуки золоченой цитры. По приглашенію царицы, Эней подробно излагаетъ свои странствованія, начиная свой разсказъ разоренiемъ Трои Греками. Вслѣдствіе удаленія Ахиллеса съ поля сраженія, Греки терпятъ страшное пораженіе со стороны Троянцевъ. Предводительствуемые Гекторомъ, послѣдніе оттѣсняютъ непріятелей въ ряды ихъ кораблей и даже зажигаютъ одинъ изъ нихъ, а самъ Гекторъ умерщвляетъ друга Ахиллесса Патрокла и овладѣваетъ оружіемъ убитаго. Смерть Патрокла раздражаетъ Ахиллеса, и онъ, вооружившись въ доспѣхи, приготовленные ему, по просьбѣ матери Ѳетиды, Гефестомъ, устремляется въ битву, производя всюду страшное опустошеніе и едва не убивая

*) Перечень параллельныхъ мѣстъ Энеиды съ Иліадой и Одиссеей см. во 2-мъ изд. Энеиды Нагуевскаго.

Digitized by Google

Гектора, котораго спасаетъ Аполлонъ. Вскорѣ однако оба противника вступаютъ въ рѣшительное единоборство, и Ахиллесъ убиваетъ Гектора. Пользуясь отсутствіемъ Энея, Латиняне со всѣхъ сторонъ окружаютъ лагерь Троянскій, а главный ихъ предводитель Турнъ Рутулійскій пытается зажечь троянскіе корабли и даже врывается въ станъ Тевкровъ. Въ происшедшемъ потомъ при высадкѣ Энея сраженіи Турнъ поражаетъ Палланта - новаго союзника и друга Энея, и снимаетъ съ умершаго тяжелый поясъ. Вѣсть объ ужасной судьбѣ Палланта крайне раздражаетъ царя Тевкровъ, и онъ, одѣтый въ оружіе, сдѣланное для него, по просьбѣ матери Венеры, Вулканомъ, съ большою силою разитъ непріятеля, вѣздѣ ища Турна, котораго отъ угрожающей опасности спасаетъ Юнона. Дѣло однако кончается поединкомъ соперниковъ, и Турнъ погибаетъ отъ руки Энея. Такимъ образомъ, по предмету, содержанію и плану Энеида стоитъ въ прямой зависимости отъ поэмъ Гомера; тѣмъ не менѣе ее далеко нельзя назвать копіею—точнымъ снимкомъ послѣднихъ. Предметъ поэмы—странствованія троянскаго героя Энея послѣ разрушенія Трои Греками и его подвиги въ Италіи—не выдуманъ поэтомъ въ подражаніе Гомеру, но въ общемъ заимствованъ изъ греко-римскихъ сказаній, общераспространенныхъ и общепринятыхъ въ то время, по которымъ Эней, послѣ паденія Трои, прибылъ въ Италію, гдѣ сдѣлался родоначальникомъ Римлянъ во главѣ съ родомъ императора Августа. Въ раскрытіи основнаго положенія мыслями частными и второстепенными всюду замѣчается стремленіе поэта по—возможности отстоять и сохранить за собою свободу поэтическаго творчества, при чемъ во второй части поэмы гораздо болѣе, чѣмъ въ первой. Такъ, при описаніи въ пятой книгѣ погребальныхъ игръ, составленномъ по образцу Иліады (пѣсн. XXIII и XXIV ст. 257 и сл.), находятся два совершенно самостоятельные отдѣла: гонка судовъ (ст. 104 и сл.) и троянскій турниръ (ст. 545 и сл.), вовсе не встрѣчающіеся у Гомера. При изображеніи войны Итальянскихъ племенъ съ троянскими выходцами, созданъ новый привлекательный образъ Камиллы (VII, 803-й и сл. XI, 482 и сл.) и пр. Но главная характерная черта Энеиды—это обыкновеніе ея автора вводить въ свой разсказъ пророчества о судьбахъ римскаго народа, уже совершившихся въ его время, литературный пріемъ, вовсе чуждый Гомеру. Изображая, напр. въ концѣ восьмой книги щитъ Энея, поэтъ рисуетъ на немъ будущіе подвиги Римлянъ и въ — особенности — Августа, своего современника. Что касается заимствованій изъ Иліады и Одиссеи, и имъ сообщенъ въ Энеидѣ національный, мѣстный оттѣнокъ съ приспособленіемъ ихъ къ римскому характеру, нравамъ и понятіямъ. Вслѣдствіе всего этого,

Digitized by Google

въ поэмѣ Виргилія нашли себѣ соотвѣтствующее мѣсто, какъ древнѣйшія, чисто миѳологическія преданія Рима, такъ и важнѣйшіе періоды Римской исторіи, ея главныя событія, наиболѣе выдающіяся имена и самыя характерныя подробности. Въ шестой книгѣ, напр. предъ нами выступаетъ цѣлый рядъ царей Альбы и Рима, указаны знаменитѣйшіе дѣятели республики и первые основатели монархіи, Цезарь и Августъ. Въ другихъ пѣсняхъ выводятся древнія племена, обитавшія въ Италіи въ старое время, указывается ихъ одежда, вооруженія, говорится о мѣстныхъ преданіяхъ и знаменитѣйшихъ герояхъ (VII, 623-й и сл. X, 163 и сл.), передаются сказанія о древнѣйшихъ предкахъ и родоначальникахъ старинныхъ фамилій, раскрываются религіозныя вѣрованія, церемоніи и установленія, рисуются картины быта частнаго и общественнаго, словомъ, всесторонне изображается жизнь Римлянъ, начиная съ отдаленнѣйшей, героической эпохи и кончая временемъ Августа, когда государство Римское достигло высшей степени своего могущества и славы. Такое содержаніе поэмы, въ связи съ высокими достоинствами языка, обогащеннаго значительнымъ запасомъ новыхъ словъ, выраженій и и неизвѣстныхъ дотолѣ оборотовъ, ставшихъ впослѣдствіи общеупотребительными, по крайней мѣрѣ въ средѣ поэтовъ, при изяществѣ, ясности и чистотѣ слога, далекаго отъ всего грубаго и неестественнаго, и при необыкновенной плавности и благозвучіи стиха, отличающагося полнымъ равновѣсіемъ между дактилями и спондеями и всюду запечатлѣннаго нѣжностію души, благородствомъ, возвышенностію и теплотою чувства,—сообщили Энеидѣ въ глазахъ Римлянъ самое важное, первенствующее мѣсто и надолго сдѣлали ее образцовымъ поэтическимъ произведеніемъ въ области эпоса, а имя Виргилія—синонимомъ поэзіи, „princeps carminum,“ главою римскихъ поэтовъ. Еще до появленія въ свѣтъ Энеиды, Проперцій привѣтствовалъ ее стихами, являющимися отголоскомъ ожиданій высшаго, образованнаго общества современниковъ Виргилія:

„Cedite, Romani scriptores, cedite, Graii:
Nescio quid majus nascitur Iliadae—
Дайте дорогу, писатели римскіе, дайте и Греки:
Что-то растетъ здѣсь, важнѣе самой Иліады“ (II, 34, 65).

Августъ, во время походовъ противъ воинственныхъ Кантабровъ въ Испаніи, письмами побуждалъ Виргилія ускорить обработку поэмы и умолялъ поэта прислать ему уже приготовленные ея отдѣлы. Преданіе говоритъ, что, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого, въ 731 году отъ основанія Рима Виргилій читалъ Августу 2 ю, 4-ю и 6-ю пѣсни Энеиды. По смерти поэта, не успѣвшаго

Digitized by Google

дать окончательную отдѣлку своей поэмѣ, послѣдняя была издана по приказанію Августа и тотчасъ же обратила на себя вниманіе людей образованныхъ. Писатели спѣшили выразить свое уваженіе къ великому творенію. Овидій называетъ Энеиду произведеніемъ, выше, славнѣе котораго ничего еще не произвела Латинская земля: „Quo nullum Latio clarius extat opus“ (Art, amat. III, 338). Сенека знаетъ Энеиду наизусть. Является цѣлый рядъ римскихъ поэтовъ, подражателей Виргилію. Какъ образецъ высоко — художественной поэзіи, Энеида немедленно входитъ въ кругъ школьнаго изученія и вскорѣ становится исходнымъ пунктомъ литературнаго образованія. По свидѣтельству Светонія (de gramm 16), уже Кв. Цецилій Эпиротъ, современникъ Августа, читалъ Виргилія въ своей школѣ, а Квинтиліанъ, смѣло сопоставляя Виргилія съ Гомеромъ, говоритъ: „Optime iustitutum est, ut ab Homero atque Virgilio lectio inciperet.“ Позднѣйшіе латинскіе писатели: Августинъ (De civ. Dei 1, 3), Орозій (1, 18), Макробій (Sat. 1, 24) и др. ясно свидѣтельствуютъ, что положеніе, занятое въ школахъ великимъ римскимъ эпикомъ, продолжалось во все время существованія литературной жизни въ древнемъ Западѣ. Изъ школъ стихи Виргилія незамѣтно проникли въ общество, гдѣ нашли себѣ самое широкое примѣненіе: ораторы почерпали въ нихъ поэтическія краски для своихъ рѣчей, свѣтскіе люди составляли изъ нихъ такъ называемыя „centones“ (стихотворенія, слагавшіяся изъ отдѣльныхъ стиховъ, взятыхъ изъ разныхъ мѣстъ), ихъ приводили въ повседневномъ разговорѣ, на предметахъ роскоши и произведеніяхъ искусства. Въ средніе вѣка стихотворенія Виргилія служили средствомъ для гаданій (sortes virgilianae), а имя поэта дало содержаніе множеству легендъ, гдѣ онъ является человѣкомъ сверхъестественныхъ знаній, волшебникомъ и чародѣемъ. Верха славы Виргилій достигъ у италіанскаго поэта Данте, который въ своемъ сочиненіи „Divina Commedia“ представилъ знаменитаго Римскаго эпика идеаломъ человѣческой мудрости.

Божественная комедія – Данте. Между поэмами средневѣковыми самое видное мѣсто занимаютъ—только что названная „Божественная комедія“ Данте (1265—1321) и „Rolando furioso—Неистовый Орландъ“, или „Роландъ“ Аріосто (1474—1533). Первая, составленная въ промежутокъ времени отъ 1300 (по другимъ 1302) до 1321 г., представляетъ странствованіе Данте—сначала въ аду и чистилищѣ въ сопровожденіи Виргилія, а затѣмъ, подъ руководствомъ Беатриче, въ раю. Сообразно съ этимъ, она распадается на три соотвѣтствующія части: Адъ, Чистилище и Рай, изъ которыхъ каждая обнимаетъ собою 33 пѣсни; пѣснь первая служитъ вступленіемъ. Содержаніе вступленія и первой части поэмы слѣдующее.

Digitized by Google

Вступленіе. Въ трудную минуту жизни, на поворотѣ нашихъ лѣтъ (въ 35-ти лѣтнемъ возрастѣ, считающемся за полвѣка человѣческаго существованія), Данте ночью сбивается съ дороги (уклоняется съ правильнаго жизненнаго пути) и въ дремотномъ состояніи (полусознательно) попадаетъ въ дремучій лѣсъ (поддается дурнымъ нравамъ и обычаямъ своихъ современниковъ). Въ сильномъ ужасѣ, при сознаніи своего положенія, онъ ищетъ прямого выхода и утромъ подходитъ къ подножію холма (идея добродѣтели), уже освѣщеннаго въ своей вершинѣ лучами восходящаго солнца (приходитъ къ мысли о необходимости жить добродѣтельно). Освободившись мало-по-малу отъ страха и отдохнувши отъ усталости, поэтъ начинаетъ восходить на холмъ (стремится къ добродѣтельной жизни), но три дикіе звѣря (господствующіе пороки Дантовскаго времени): легкая и быстрая пантера съ блестящею пестрою шерстью (изображеніе сладострастія, хитрости и лукавства), голодный левъ (олицетвореніе человѣческой гордости) и тощая волчица (воплощеніе алчности и скупости) одинъ за другимъ преграждаютъ ему дорогу. Подъ ежеминутно усиливающимся напоромъ неутомимой волчицы, Данте все болѣе и болѣе спускается внизъ, туда *гдѣ солнце молчитъ* (предается вновь порочной жизни),—какъ вдругъ видитъ предъ собою тѣнь поэта Виргилія (символъ высокой поэзіи, возвышающей и освобождающей душу отъ чувственныхъ земныхъ стремленій), котораго и умоляетъ о помощи противъ ужаснаго звѣря. Виргилій успокоиваетъ Данте, предсказывая гибель волчицы, и говоритъ, что для того, чтобы выдти изъ дикаго мѣста (достигнуть возможности праведно жить на свѣтѣ), ему необходимо сначала спуститься въ адъ—мѣсто вѣчныхъ страданій и мученій, затѣмъ подняться въ чистилище, гдѣ онъ и узнаетъ дорогу въ рай, т. е. необходимо идти къ добродѣтели путемъ созерцанія человѣческихъ судебъ за гробомъ. При этомъ Виргилій берется быть проводникомъ Данте до рая, куда, какъ язычникъ, онъ уже не смѣетъ войти, и гдѣ Данте, если пожелаетъ, найдетъ себѣ болѣе достойную вожатую. Послѣдній охотно соглашается на всѣ предложенія Виргилія и отправляется за нимъ. *Адъ.*—Послѣ небольшаго введенія, въ которомъ поэтъ, упомянувъ о наступленіи ночи, когда онъ приготовлялся перенести трудности тяжелаго пути, призываетъ музу свой вдохновительный геній—выразить словами всѣ его впечатлѣнія, идетъ изображеніе самаго странствованія по загробному міру. Рѣшившись идти за Виргиліемъ, Данте вскорѣ останавливается передъ ужасами предстоящаго путешествія и проситъ своего руководителя оставить задуманное предпріятіе. Виргилій обличаетъ Данте въ постыдномъ страхѣ и, чтобы ободрить и побудить поэта исполнить начатое дѣло, разсказываетъ ему, кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ посланъ сюда. На небѣ, подъ вліяніемъ блаженной дѣвы (божественнаго милосердія), святая Лучія (мученица сиракузская, или же Лучія Убольдини, а также наука, просвѣщеніе, прощеніе, милость, христіанская вѣра, благодать совершенная, божественное просвѣщеніе) подошла къ Беатричѣ (Беатриче или Биче—дочь важнаго гражданина Флоренціи Фолько Портинари—любимая женщина Данте, въ которой онъ видѣлъ олицетвореніе всего лучшаго,

Digitized by Google

возвышеннаго, идеальнаго; здѣсь символъ богословія, откровенія, божественной милости, сознанія Бога, любви), сидѣвшей рядомъ съ древнею Рахилью (символъ созерцанія), и внушила ей мысль спасти погибающаго Данте, что Беатриче и поручила ему — Виргилію. Разсказъ Виргилія возвращаетъ Данту прежнее мужество и рѣшимость, и оба поэта направляются въ путь по крутой, узкой и тѣсной дорогѣ. Они подходятъ ко вратамъ ада, на которыхъ Данте видитъ ужасающую надпись: „Здѣсь входъ въ страдальческую обитель, въ жилище вѣчной скорби, въ среду погибшаго народа. Правда руководила великимъ творцомъ этой обители: ее воздвигли божественная власть, верховный разумъ и первоначальная любовь. Все, что создано было прежде меня, все вѣчно, и я не имѣю конца во времени. Да оставитъ входящій сюда всякую надежду". Содержаніе надписи ужасаетъ Данте, но Виргилій успокоиваетъ его, и они вступаютъ въ преддверіе ада. „Вздохи, рыданія, вопли, всевозможные разговоры, жалобы отчаянія, дикіе, пронзительные возгласы гнѣва, хриплые голоса, рѣзкіе и глухіе крики, сопровождаемые неистовыми всплесками толпы, хлопаніями въ ладоши,—все это производило гулъ, суматоху въ вѣчно мрачномъ подземельѣ, обитатели котораго ежеминутно кружились взадъ и впередъ". На вопросъ Данте, что это за люди, Виргилій объясняетъ ему, что это презрѣнныя души, малодушныя существа, не заслужившія себѣ въ мірѣ ни славы, ни хулы, которыя лишены даже надежды когда либо умереть вторично, и которыхъ презираютъ и небо и адъ. „Взгляни и мимо!"—заключилъ Виргилій. Данте посмотрѣлъ и увидѣлъ неимовѣрно быстро несшееся знамя, а за нимъ великое множество людей. Они бѣгали голые, кусаемые осами и ядовитыми мухами; ихъ слезы смѣшивались съ ихъ же кровью и эту смѣсь у ногъ ихъ пожирали отвратительные черви. Продолжая итти далѣе, путники подходятъ къ широкой рѣкѣ страданій (Ахеронъ), на берегу которой толпятся души въ ожиданіи своей переправы. Вскорѣ подплываетъ въ лодкѣ перевозчикъ—сѣдой и грубый старикъ Харонъ и съ угрозою обращается къ толпѣ. Увидавъ среди умершихъ живаго Данте, онъ грубо гонитъ его прочь, но Виргилій строго останавливаетъ Харона. Между тѣмъ злосчастныя существа, проклиная все на свѣтѣ, съ отчаянными рыданіями спѣшатъ переправиться на другой берегъ рѣки, „и еще не успѣетъ пройти одна чреда, какъ вслѣдъ за ней является другая и ждетъ той же участи". Обратясь къ Данту, Виргилій поясняетъ ему, что всякій, кто умираетъ, разгнѣвавъ Господа, неминуемо долженъ погибнуть здѣсь, за то нѣтъ входа сюда ни для одной души праведной и вотъ причина такого негодованія на него Харона. Вдругъ поднимается сильное землетрясеніе, сопровождаемое огромнымъ ураганомъ, и Данте отъ страха падаетъ въ безчувственномъ состояніи. Страшный громъ заставляетъ его притти въ себя. Озираясь кругомъ, онъ замѣчаетъ, что находится уже на другомъ берегу рѣки страданій — у самаго входа въ мрачную долину. По приглашенію Виргилія, Данте, послѣ нѣкотораго колебанія, вступаетъ въ Лимбъ—первый кругъ подземнаго жилища. Здѣсь въ общемъ гулѣ онъ не слышитъ рыданій, а только самые тяжкіе вздохи, вызываемые тоскою по правдѣ безчисленнаго множества разнаго рода

Digitized by Google

людей. Виргилій говоритъ Данту, что всѣ находящіеся въ данномъ мѣстѣ духи принадлежатъ къ людямъ добродѣтельнымъ и только за то, что не удостоились св. крещенія, осуждены жить здѣсь „безъ всякой надежды въ горячемъ желаніи вѣчнаго блаженства". Чувство тоски овладѣваетъ Дантомъ, и онъ обращается къ своему руководителю съ вопросомъ, „избавился-ли когда-либо кто-нибудь изъ данной пропасти, въ силу-ли собственнаго достоинства, или заслугъ другаго лица, и достигъ-ли потомъ вѣчнаго блаженства?" На это Виргилій отвѣчаетъ, что однажды онъ видѣлъ здѣсь Владыку, увѣнчаннаго знаменіями побѣды, который взялъ съ собою отсюда и ввелъ въ царство вѣчнаго блаженства ветхозавѣтныхъ праведниковъ, но что до того времени ни одна бывшая здѣсь душа не получила прощенія. Подвигаясь впередъ, къ центру круга, Данте видитъ свѣтъ и вскорѣ встрѣчается съ древними первоклассными поэтами: Гораціемъ, Овидіемъ и Луканомъ съ Гомеромъ во главѣ. Всѣ вмѣстѣ—въ шестеромъ они подходятъ къ подножію великолѣпнаго замка, окруженнаго семью высокими стѣнами и живою струею игриваго ручья. Перейдя послѣдній, какъ по твердой землѣ, и пройдя чрезъ семь воротъ, поэты вступаютъ на блестящій свѣжею зеленью лугъ. Здѣсь, съ высокаго, свѣтлаго, открытаго мѣста, Данте ясно видитъ всѣхъ обитателей чуднаго замка: знаменитыхъ историческихъ людей, философовъ во главѣ съ Аристотелемъ и ученыхъ. Изъ Лимба Виргилій и Данте направляются во второй кругъ ада, менѣе обширный, гдѣ страданіями вызываются стоны. Здѣсь при входѣ они видятъ свирѣпаго адскаго судью Миноса, который постоянно разбираетъ грѣхи всѣхъ виновныхъ; онъ самъ допрашиваетъ подсудимыхъ, самъ постановляетъ приговоры и самъ же приводитъ ихъ въ исполненіе, „обматывая себя своимъ хвостомъ столько разъ, на сколько ступеней страдалецъ долженъ быть низвергнутъ" (намекъ на инквизицію—судъ современный поэту). Какъ и Харонъ, Миносъ съ яростію хочетъ остановить Данте, но Виргилій тотчасъ же усмиряетъ его. Путешественники подходятъ къ мѣсту, гдѣ получаютъ заслуженное возмездіе сластолюбцы, „предпочитающіе тѣлесныя наслажденія высшимъ указаніямъ разума. Адскій вихрь, никогда не прекращающійся, влечетъ за собою злосчастныхъ духовъ, не давая имъ покоя, теребитъ ихъ, рветъ и терзаетъ", и они съ крикомъ, жалобами и воплемъ бросаются въ разныя стороны. Виргилій указываетъ между ними Данту многихъ извѣстныхъ въ исторіи и миѳологіи лицъ, погибшихъ изъ-за любви: Семирамиду, Дидону, Ахилла и др. Тутъ же Данте встрѣчаетъ Франческу-да-Рамини—дочь правителя Равенны Гвидо-да-Полента, летающую вмѣстѣ съ любимымъ ею Паоло, которая, по просьбѣ поэта, сообщаетъ ему, какъ они оба за одинъ только поцѣлуй разомъ были убиты заставшимъ ихъ въ это мгновеніе ея мужемъ. Разсказъ Франчески и ужасныя рыданія Паоло такъ сильно подѣйствовали на Данта, что онъ лишился чувствъ и упалъ, какъ бездыханный трупъ. Очнувшись отъ обморока, поэтъ замѣчаетъ, что уже находится въ третьемъ кругу ада, въ области вѣчнаго дождя, мертвящаго своимъ холодомъ и подавляющаго своею тяжестью. „Крупный градъ, грязная жидкость и вмѣстѣ съ

Digitized by Google

нею снѣгъ низвергаются съ мрачной высоты, и принимающая ихъ земля издаетъ смрадный запахъ". Дикій Церберъ съ тремя рылами, съ налитыми кровью глазами, жирнымъ, чернымъ подбородкомъ, отвисшимъ чревомъ и лапами съ когтями, „царапаетъ грѣшниковъ, сдираетъ съ нихъ кожу и ежеминутно разрываетъ ихъ на четыре части". Увидавъ путниковъ, онъ ощетинился на нихъ, но Виргилій бросилъ ему въ пасть горсть взятой тутъ же земли, и Церберъ успокоился. Проходя по низвергнутымъ въ грязь губительнымъ дождемъ тѣнямъ, Данте вступаетъ въ разговоръ съ одною изъ нихъ именемъ Чіако (землякъ и современникъ Данте, кутила, шутъ и блюдолизъ, а также говорунъ и балагуръ), который сообщаетъ ему, что всѣ находящіеся въ данномъ мѣстѣ грѣшники терпятъ наказаніе за невоздержаніе, жадность, чревоугодіе, и, по просьбѣ поэта, передаетъ въ формѣ пророчества нѣкоторые факты изъ флорентійской исторіи. Видъ грѣшниковъ, жившихъ только для тѣлесныхъ наслажденій, наводитъ поэтовъ на глубокомысленный разговоръ о будущемъ состояніи этихъ душъ. По замѣчанію Виргилія, каждая изъ нихъ въ день страшнаго суда „узритъ свою печальную гробницу, воспріиметъ свою плоть и прежній свой образъ" и, согласно ученію Аристотеля, какъ болѣе совершенная, сдѣлается доступнѣе ощущенію блаженства и страданія. Разговаривая между собою, поэты приближаются къ четвертому кругу ада, находящемуся подъ охраною Плутуса—бога богатства. „Здѣсь чортъ Владыка? Гдѣ онъ? Сюда! сюда!"—зарычалъ Плутусъ, увидавъ идущихъ, но, усмиренный Виргиліемъ, тотчасъ же упалъ на землю, и путники безпрепятственно вступили на мѣсто страданія скупыхъ и расточителей. Злополучныя души, представители двухъ противоположныхъ смертныхъ грѣховъ, швыряютъ другъ въ друга обломками утесовъ, сталкиваются и отскакиваютъ другъ отъ друга и съ одной стороны расточители кричатъ: „зачѣмъ ты безплодно копишь богатство?—съ другой—скупые отвѣчаютъ: „зачѣмъ ты безплодно его расточаешь?" Между ними Данте видитъ и лицъ духовнаго званія—папъ и кардиналовъ вмѣстѣ съ ихъ сподвижниками. По словамъ Виргилія, скупые и расточители въ жизнь вѣчную войдутъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ, при чемъ первые—со сжатыми кулаками, вторые—безъ волосъ на головѣ; „замѣть, говоритъ Виргилій Данту, какъ ничтожны всѣ богатства, изъ-за которыхъ такъ хлопочетъ родъ человѣческій: всѣмъ золотомъ, находящимся подъ луною, нельзя выкупить ни минуты покоя." На вопросъ Данте—разъяснить подробнѣе данный намекъ на земное благополучіе, Виргилій излагаетъ средневѣковое ученіе о счастіи. „Вездѣсущій, безконечный въ своемъ всевѣдѣніи, создалъ небеса и далъ каждому изъ нихъ особаго ангела руководителя, именуемаго предопредѣленіемъ судьбы, провидѣніемъ: въ его рукахъ заключается и то, что называется счастіемъ. Подобно небесамъ, зависящимъ въ своихъ движеніяхъ отъ горнихъ силъ ангельскихъ, и всѣ земныя блага находятся подъ управленіемъ предопредѣленія судьбы, которое распредѣляетъ ихъ, ничѣмъ не стѣсняясь, отъ одного народа къ другому, изъ одной крови въ другую. Безсиленъ противъ него разумъ человѣческій со всѣмъ своимъ знаніемъ. Прови-

Digitized by Google

дѣніе не допускаетъ никакой отсрочки въ необходимомъ теченіи событій жизни человѣческой: оно дѣйствуетъ стремительно и въ исполненіи своей задачи находитъ свое наслажденіе". Поэты проходятъ мимо бушующаго источника съ мутной, гадливой водою, образующаго своимъ низверженіемъ у подошвы мрачныхъ утесовъ громадное болото—Стиксъ. Здѣсь они видятъ погруженныхъ въ смрадной тинѣ людей, мучащихся за свою злобу и зависть: „нагіе они борятся между собою не только руками, но грудью, головами, ногами, зубами разрываютъ одинъ другаго на части". Около Стикса стоитъ высокая сторожевая башня; на вершинѣ ея поэты еще издали замѣтили два сигнальные огонька, которымъ съ другой стороны болота чрезъ смрадный туманъ отвѣчалъ третій, едва доступный зрѣнію; то давалось знать перевозчику Флегіасу*), что онъ долженъ переправить на другой берегъ душу. Скоро показалась въ темнотѣ небольшая лодка, съ неимовѣрною быстротою мчавшаяся по мрачному болоту. Управлявшій ею Флегіасъ кричалъ изо всѣхъ силъ: „и такъ ты явилась сюда, преступная душа"; но Виргилій немедленно смирилъ ярость гребца, и оба путника, войдя въ лодку, направились на другой берегъ Стикса. На пути злобный Флорентіецъ Филиппъ Серебряный, прозванный такъ за то, что велѣлъ подковать серебромъ своего коня, ухватился обѣими руками за лодку Флегіаса, чтобы опрокинуть ее. Предусмотрительный Виргилій столкнулъ дерзкаго въ тину. Чрезъ нѣсколько времени пловцы пристали въ пятый кругъ ада къ самой столицѣ преисподней—городу Дите, окруженному рвами и крѣпостными стѣнами, казавшимися Данту желѣзными, съ башнями багроваго цвѣта, какъ-бы объятыми пламенемъ. Тысячи чертенятъ, толпясь у городского входа, съ угрозою преграждаютъ дорогу странникамъ и вытолкнувъ Виргилія, вступившаго было съ ними въ переговоръ, запираютъ предъ нимъ городскія ворота. Смущенный такимъ обстоятельствомъ, поэтъ руководитель теряетъ свое обычное спокойствіе и, призывая на помощь небесную силу, какъ-бы невольно поддается сомнѣнію. Сильный страхъ, граничащій съ отчаяніемъ, овладѣваетъ Дантомъ. Чтобы хоть нѣсколько успокоить себя, онъ спрашиваетъ у своего наставника, нисходилъ-ли въ городъ Дите кто-нибудь изъ обитателей Лимба. Виргилій разсказываетъ Данту, что онъ самъ однажды былъ здѣсь, очень хорошо знаетъ данную дорогу и потому тотъ можетъ быть спокоенъ. Въ это время на вершину одной башни вскакиваютъ три фуріи: Мегера (дурныя дѣйствія), Аллето (дурныя мысли) и Тизирона (дурные разговоры). Сопротивляясь входу поэтовъ въ городъ, онѣ зовутъ Медузу съ тѣмъ, чтобы она однимъ своимъ взглядомъ превратила въ камень Данте. Виргилій поворачиваетъ поэта спиною къ фуріямъ и, схвативъ за руки, закрываетъ ими его глаза. Вдругъ раздается страшный трескъ, подобный всесильному вихрю; является небесный посланникъ, предъ которымъ приниженные духи

*) Флегіасъ, царь Лапитовъ, одинъ изъ самыхъ первыхъ и страшныхъ разбойниковъ, окровавлявшихъ Грецію своими злодѣяніями.

Digitized by Google

обращаются въ бѣгство. Отгоняя лѣвою рукою отъ своего лица смрадные туманы, онъ подходитъ по водамъ Стикса къ городскимъ воротамъ. При одномъ прикосновеніи небольшой его тросточки, послѣднія мгновенно отворяются, и путники безпрепятственно вступаютъ въ адскую крѣпость. По обѣимъ сторонамъ ея они видятъ съ полуоткрытыми крышками объятыя сильнѣйшимъ огнемъ гробницы, изъ которыхъ слышатся ужасные вопли раскаляемыхъ пламенемъ еретиковъ. Еретики подобраны по своимъ ученіямъ и одни страдаютъ меньше, другіе—больше. Направляясь вправо, поэты проходятъ между раскаленными гробницами и высокими стѣнами по шестому кругу ада. Среди мучащихся еретиковъ Данте встрѣчаетъ соотечественниковъ — Фаринато делли - Уберти,—бывшаго при жизни начальникомъ Флорентинскихъ Гибелиновъ, невѣровавшаго въ безсмертіе души и существованіе Божества, который между прочимъ предсказываетъ поэту изгнаніе изъ отечества и говоритъ о способности умершихъ предвидѣть будущее, и атеиста—эпикурейца Кавальканте, который спрашиваетъ у Данте про судьбу своего сына, а его друга—философа Гвидо—Кавальканте. Отъ Фаринато-же Данте узнаетъ, что тутъ-же находится императоръ Фридрихъ II—постоянный врагъ папъ, слывшій въ свое время еретикомъ, и безбожникъ, врагъ папы и церкви—кардиналъ Оттавіяно - делли - Уберти. Призываемый Виргиліемъ слѣдовать далѣе, Данте прекращаетъ бесѣду съ Фаринато, направляясь за своимъ наставникомъ. Они идутъ влѣво глухою, едва замѣтною тропинкою по направленію къ долинѣ, издающей смрадный запахъ. На высокой скалѣ изъ груды камней, откуда начинается спускъ въ седьмой кругъ ада, путники, пораженные выходившимъ изъ глубины бездны смрадомъ, укрываются за высокой и обширной гробницею папы Анастасія, чтобы хоть сколько-нибудь пріучить свое обоняніе къ зловонію. Тѣмъ временемъ Виргилій объясняетъ Данту назначеніе трехъ остальныхъ круговъ ада, по которымъ имъ предстоитъ итти. Въ седьмомъ кругѣ наказываются виновные въ насиліи, а такъ какъ насиліе устремляется или противъ ближнихъ, или противъ самого себя, или противъ Бога, то и седьмой кругъ подраздѣляется на три одна другой меньшія по размѣру окружности. Въ первой содержатся убійцы и всѣ звѣроподобные злодѣи, во второй—самоубійцы и моты, въ третьей—безбожники, богохульники, содомиты и мздоимцы Въ восьмомъ кругѣ карается мошенничество противъ тѣхъ, кто намъ не вѣритъ: тамъ мучатся лицемѣры, льстецы, соблазнители, колдуны, виновники въ подлогахъ, воры, святокупцы, торгующіе развратомъ, взяточники - сановники и всѣ подобные мерзавцы. Наконецъ, въ девятомъ кругѣ—центрѣ ада, гдѣ страдаетъ самъ властелинъ преисподней—Люциферъ, наказываются обманывающіе тѣхъ, кто имѣетъ къ нимъ довѣріе,—измѣнники. Отсылая Данте за рѣшеніемъ его вопросовъ, зачѣмъ до сихъ поръ встрѣчавшіеся имъ грѣшники наказываются не въ данномъ мѣстѣ ада,—къ этикѣ Аристотеля и другаго—почему ростовщики оскорбляютъ Божество, къ Аристотелевой физикѣ и первой заповѣди Бога о трудѣ (Быт. гл. 2, ст. 15; гл. 3, ст. 19), Виргилій приглашаетъ его продолжать путь. Они подходятъ къ высокому съ

Digitized by Google

громадными развалинами утесу, откуда должны спускаться, чтобы вступить въ седьмой кругъ преисподней. На вершинѣ его ихъ встрѣчаетъ получеловѣкъ, полубыкъ Минотавръ, отъ ярости грызя самого себя. Отогнавъ прочь это чудовище, которое въ бѣшенствѣ начинаетъ метаться взадъ и впередъ, Виргилій торопитъ Данте итти внизъ. Поэты сходятъ по камнямъ, скатывающимся одинъ за другимъ подъ тяжестью живого человѣка. У подошвы скалы они замѣчаютъ бьющее горячимъ ключемъ крови озеро—первое отдѣленіе седьмого круга. Рой кентавровъ, быстро ходя вокругъ съ страшнымъ остервененіемъ, градомъ стрѣлъ поражаетъ каждаго грѣшника, осмѣливающагося подняться изъ крови выше того, на сколько позволяетъ ему совершенное имъ злодѣяніе. Кентавры сначала сопротивляются приближающимся путникамъ, но потомъ, по требованію Виргилія, одинъ изъ нихъ на своей спинѣ переправляетъ живого поэта черезъ кровавое озеро. Данте видитъ грѣшниковъ, погруженныхъ въ крови до глазъ, до горла, до плечъ и т. д. по уменьшающейся степени; между ними Кентавръ называетъ ему Александра Македонскаго, Діонисія Сиракузскаго и нѣкоторыхъ другихъ. На другой сторонѣ озера поэты вступаютъ въ глухую рощу—вторую окружность седьмого круга. Странная, безобразная порода деревьевъ покрываетъ это мѣсто: „нѣтъ на нихъ зеленыхъ листьевъ, а какіе-то темные, сумрачные; нѣтъ широкихъ раскидистыхъ вѣтвей, а какіе-то узловатые, корявые, свившіеся между собою сучья; нѣтъ плодовъ, а какія-то ядовитыя иглы. Отвратительныя гарпіи вьютъ здѣсь свои гнѣзда и издаютъ ужасныя завыванія“. На каждомъ шагу Данте слышитъ вопли и не видитъ никого, кому принадлежатъ они. Онъ останавливается въ ужасѣ. Виргилій приказываетъ перепуганному поэту сломить первую попавшуюся вѣтку. Данте исполняетъ волю своего руководителя, и вдругъ изъ ствола раненаго дерева вырываются жалобныя слова и кровь. Оказывается, что то одинъ изъ великихъ людей своего времени—Петръ Винейскій, тайный секретарь и ближайшій совѣтникъ императора Фридриха II-го. По просьбѣ Виргилія, Петръ Винейскій разсказываетъ о своемъ самоубійствѣ и объясняетъ участь другихъ самоубійцъ: душа каждаго самоубійцы, по выходѣ изъ тѣла, отсылается Миносомъ въ седьмой кругъ ада, гдѣ падаетъ въ данный лѣсъ и постепенно выростаетъ въ дикое дерево; гарпіи пожираютъ листья дерева, тѣмъ самымъ производя въ немъ нестерпимую боль, сопровождаемую воплемъ. Въ день всеобщаго воскресенія самоубійцы также возьмутъ свои тѣла, но не затѣмъ, чтобы облечься въ нихъ, а чтобы повѣсить ихъ въ этомъ мрачномъ лѣсу на предназначенномъ каждому деревѣ. Тутъ же поэты видятъ самоубійцъ-расточителей, преслѣдуемыхъ жадными собаками и разрываемыхъ ими въ клочки. Третье отдѣленіе седьмого круга, куда далѣе вступаютъ поэты, представляетъ собою знойную песчаную пустыню, окруженную страшнымъ лѣсомъ, окаймленнымъ со всѣхъ сторонъ мрачнымъ потокомъ. Безчисленныя толпы нагихъ рыдающихъ духовъ претерпѣваютъ наказанія по разрядамъ: „одни лежатъ навзничь, (богохульники), другіе сидятъ скорчившись (ростовщики), третьи безпрестанно бѣгаютъ (содомиты). Медленно по всему отлогому скату пу-

Digitized by Google

стыни падаетъ огненный дождь, удвояя мученія грѣшниковъ; злополучные страдальцы мечутъ взадъ и впередъ свои руки въ надеждѣ сколько-нибудь высвободиться изъ пожирающаго ихъ пламени.“ Среди нихъ Данте встрѣчаетъ гордаго богохульника Капанея, одного изъ семи царей, осаждавшихъ Ѳивы, который и въ мукахъ продолжаетъ упорствовать въ своей надменности, своего учителя Брунетто-Латини, который предсказываетъ поэту славу и несчастіе, и другихъ. Для переправы изъ седьмого круга въ восьмой Виргилій вызываетъ кровожаднаго звѣря Геріона---олицетвореніе лжи, имѣющаго лице честнаго человѣка, туловище змѣи и хвостъ скорпіона. Пока поэтъ руководитель уговариваетъ это чудовище перенести ихъ въ восьмой кругъ ада, Данте приближается къ толпѣ ростовщиковъ, сидящихъ недалеко отъ края пропасти на раскаленномъ пескѣ подъ огненнымъ дождемъ; у каждаго лихоимца виситъ на шеѣ съ особымъ знакомъ и особаго цвѣта кошелекъ, и каждый наслаждается его видомъ. Выслушавъ нѣсколько словъ одного изъ нихъ, поэтъ возвращается къ своему учителю, котораго застаетъ уже сидящимъ на спинѣ Геріона. Въ сильномъ ужасѣ садится онъ на чудовище въ объятія Виргилія, и они медленно спускаются въ бездну, къ подошвѣ скалы, въ такъ называемую „злую яму“. Въ самой серединѣ ея находится большой колодезь, а кругомъ его десять вертеповъ. „Вся мѣстность имѣетъ видъ замковъ, окруженныхъ высокими стѣнами и глубокими рвами“. Сойдя съ Геріона, поэты входятъ въ первую пропасть восьмого круга, гдѣ наказываются торгующіе развратомъ и обольстители. Нагіе, разставленные на двѣ шеренги, они несутся другъ другу навстрѣчу сквозь строй рогатыхъ чертей, которые немилосердно бьютъ ихъ сзади длинными прутьями. По первому же удару, грѣшники подскакиваютъ и стремглавъ мчатся впередъ, не ожидая второго или третьяго. Съ вершины утеса, на который потомъ поднимаются путники, они замѣчаютъ внизу людей, погруженныхъ въ гадкую, отвратительную грязь. Издавая жалкіе стоны, несчастные стараются избавиться отъ удушающаго ихъ смраднаго воздуха и сами себя раздираютъ руками; это льстецы, заключенные во второе отдѣленіе злой ямы. Въ третьемъ вертепѣ караются симониты или святокупцы, торгующіе духовными дарами. Они опрокинуты головами въ небольшія одинаковой величины круглыя углубленія, такъ что въ воздухѣ виднѣются только ихъ ноги; сильное пламя, перебѣгая по подошвамъ ногъ, вызываетъ во всемъ тѣлѣ страдальцевъ ужасныя содраганія и конвульсіи. Данте видитъ здѣсь папу Николая третьяго, который сообщаетъ ему, что такая же участь ожидаетъ и папъ Бонифація восьмого и Климента пятаго. Поэтъ разражается страшною, обличительною рѣчью противъ симоніи папъ и ихъ сподвижниковъ, послѣ чего путешественники удаляются въ четвертую долину восьмого круга. Тамъ предстаютъ предъ ними астрологи, кудесники, волшебники или колдуны. „Медленно ходятъ они по круглой, глубокой долинѣ, то молча, то тихо рыдая; ихъ лица крутымъ поворотомъ шеи повернуты въ сторону спины, и каждый, не имѣя возможности смотрѣть впередъ, долженъ ходить назадъ,“ въ прямую противо-

Digitized by Google

положность своей природѣ. Пораженный такимъ изувѣченіемъ образа человѣческаго, Данте начинаетъ плакать и рыдать, пока Виргилій не унимаетъ его, заставляя обратить вниманіе на нѣкоторыхъ извѣстныхъ въ этомъ родѣ грѣшниковъ. Скоро поэты оставляютъ четвертую долину злой ямы и переходятъ въ пятую, гдѣ въ кипящую не отъ огня, а по божественному распоряженію, густую смолу погружены взяточники сановники. На глазахъ Данте страшный черный діаволъ, съ видомъ дикаго звѣря, мчась стремглавъ по утесу съ раскрытыми крыльями, тащилъ на своихъ высокихъ и дебелыхъ плечахъ старшину города Лукки и, бросивъ его въ пропасть, съ тою же быстротою помчался назадъ за другими. Грѣшникъ погрязъ въ кипящую смолу, и вскорѣ наверху показалась его испачканная спина, но стоявшіе на стражѣ черти съ крикомъ принялись царапать его вилами, снова погружая въ бездну. По совѣту своего руководителя, Данте прячется за утесъ, между тѣмъ какъ самъ Виргилій входитъ въ сношеніе съ чертями относительно дальнѣйшаго пути. Одинъ изъ нихъ, по прозванію „Злой хвостъ," начальникъ всѣхъ остальныхъ, пропускаетъ поэтовъ и даже даетъ имъ въ провожатые до слѣдующаго отдѣленія десять чертей. Подъ охраною послѣднихъ путники идутъ около смолистаго болота. Горѣвшіе въ немъ грѣшники, въ надеждѣ сколько-нибудь облегчить свои страданія, высовывали на поверхность смолы свои спины и головы и опять скорѣе сверкающей мгновенно молніи прятались въ кипѣвшую бездну. На пути два чорта заводятъ драку изъ-за ускользнувшаго отъ нихъ обманомъ грѣшника, причемъ въ разгарѣ боя оба упадаютъ въ кипящую смолу и завязаютъ въ ней крыльями. Пока другіе бросаются на выручку товарищей, Виргилій и Данте, пользуясь ихъ общимъ смятеніемъ, незамѣтно уходятъ отъ опасныхъ путеводителей. Странники подходили уже къ шестому вертепу злой ямы, какъ вдругъ увидали позади себя гнавшихся за ними съ распущенными крыльями прежнихъ злодѣевъ. Схвативъ Данте на руки, какъ мать хватаетъ своего ребенка въ виду пожара, Виргилій поспѣшно ложится спиною на утесъ и стремительно спускается въ шестое отдѣленіе, куда бѣжавшіе за ними черти не имѣли уже доступа. Здѣсь поэты находятъ лицемѣровъ въ свинцовыхъ каскахъ и мантіяхъ, снаружи позолоченныхъ. Усталые, съ раскрашенными лицами, со слезами изъ очей, тихими шагами идутъ эти грѣшники кругомъ въ своихъ тяжелыхъ одѣяніяхъ. Два монаха изъ секты наслаждающихся обращаютъ на себя вниманіе Данте; одинъ изъ нихъ объясняетъ поэту сущность наказанія лицемѣровъ и сообщаетъ свѣдѣнія о себѣ и своемъ товарищѣ. Тутъ же подвергаются мученію Каіафа, Анна и другіе первосвященники и фарисеи, бывшіе виновниками смерти Спасителя; нагіе, пригвожденные къ землѣ кольями, они осуждены испытать на своемъ тѣлѣ тяжесть проходящимъ по нимъ лицемѣровъ. Распросивъ у собесѣдника дорогу въ слѣдующее отдѣленіе, путники покидаютъ шестую долину и, съ великимъ трудомъ, карабкаясь съ камня на камень, подходятъ къ седьмому вертепу, гдѣ заключены святотатцы. „Среди ужаснаго шипѣнія самыхъ разнообразныхъ свойствъ и размѣровъ змѣй бѣгаютъ въ этой пропасти нагіе и отчаянные люди,

Digitized by Google

не имѣющіе никакой надежды избавиться отъ муки;“ ихъ руки связаны за спиной змѣями, которыя, прорѣзывая ихъ бока и впиваясь во внутренность ихъ тѣла, хвостомъ и головою сплетались впереди. Данте встрѣчаетъ здѣсь святотатца Ванни Фуччи, признающагося въ кражѣ драгоцѣнныхъ вещей изъ церкви св. Іакова въ Пистоіѣ и предсказывающаго гибель партіи бѣлыхъ и изгнаніе самого Данте изъ Флоренціи, а также наблюдаетъ удивительное, невѣроятное превращеніе человѣка въ змѣю и змѣи въ человѣка. Въ гнѣвѣ поэтъ обращается съ укоризною къ родному городу, предсказывая ему бѣдствія, послѣ чего по множеству выдающихся камней путники взбираются на вершину утеса, откуда достигаютъ восьмой долины Злой ямы. Безчисленное множество отдѣльныхъ огней, изъ которыхъ въ каждомъ содержится особнякомъ одинъ только грѣшникъ, наполняетъ эту бездну, гдѣ страдаютъ люди за хитрые и коварные совѣты. Лишь въ одномъ огненномъ кострѣ заключены двое—Улисъ и Діомедъ, какъ вмѣстѣ злоупотреблявшіе на землѣ своимъ умомъ и коварствомъ. Улисъ разсказываетъ о своемъ послѣднемъ несчастномъ плаваніи по Атлантическому океану, гдѣ онъ будто-бы погибъ отъ дѣйствія урагана (намекъ на возможность открытія новой земли, что и сдѣлалъ Америго Виспучи). Другой страдалецъ Гвидо-де-Монтефельтро узнаетъ отъ Данте о политическомъ состояніи городовъ Романьи и сообщаетъ ему о себѣ и своей погибели за коварный совѣтъ папѣ Бонифацію VIII-му. Въ дальнѣйшемъ девятомъ отдѣленіи восьмого круга Данте находитъ сѣятелей раздоровъ: религіознаго, между государями, между друзьями, между народами и между самыми близкими родственниками. Представители каждаго вида сѣятелей раздоровъ, вступая въ разговоръ съ поэтомъ, обнаруживаютъ предъ нимъ свои ужасныя страданія, проявляющіяся въ различнаго рода тѣлесныхъ ранахъ и изувѣченіяхъ. Тутъ же Данте замѣчаетъ и своего двоюроднаго дѣда, который невольно приковываетъ вниманіе родственника къ несчастнымъ страдальцамъ, усиливая тѣмъ его состраданіе къ нимъ, но Виргилій торопитъ своего спутника, и они переходятъ въ послѣдній—десятый вертепъ злой ямы. Въ немъ несутъ наказаніе обманщики. Они раздѣлены на три группы: къ первой принадлежатъ алхимики, фальшивые монетчики и т. п. люди, придающіе своему труду ложное значеніе,—это подлогъ въ работѣ, за который грѣшники терпятъ страшныя болѣзни и жажду; ко второй—относятся люди, выдающіе себя за другихъ,—подлогъ личности; виновные въ такомъ преступленіи бросаются во всѣ стороны и кусаютъ всѣхъ, какъ бѣшеныя собаки; наконецъ третью группу составляютъ лжецы,—подлогъ въ словахъ, страдающіе тифомъ, дерущіеся и ссорящіеся съ другими. Данте разговариваетъ здѣсь съ извѣстными въ этомъ родѣ преступниками и до того увлекается дракою и ссорою двухъ грѣшниковъ, что вызываетъ рѣзкое замѣчаніе со стороны своего наставника о неприличіи подобнаго желанія—„видѣть мерзости и слушать рѣчи негодяевъ“. По выходѣ изъ мѣста мученія обманщиковъ, поэты встрѣчаютъ погруженныхъ до пояса въ колодцы великановъ, которыхъ Данте сначала принимаетъ за башни. По просьбѣ Виргилія,

Digitized by Google

одинъ изъ нихъ на своихъ рукахъ спускаетъ странниковъ на дно глубокой пропасти—въ девятый кругъ преисподней. Здѣсь содержатся измѣнники. Они распредѣлены по четыремъ концентрическимъ ярусамъ, изъ которыхъ каждый носитъ свое особое названіе. Въ первомъ, извѣстномъ подъ именемъ Кайна, находятся братоубійцы и вообще измѣнники роднымъ; во второмъ, названномъ Антенора по имени троянца Антенора, предавшаго Трою грекамъ, мучатся предатели отечества; въ третьемъ—Птоломея—отъ библейскаго Птоломея, предательски убившаго своего тестя и двухъ свойственниковъ, страдаютъ измѣнники своимъ друзьямъ и наконецъ въ четвертомъ—Джіудека—отъ имени предателя Іуды, караются предатели своихъ господъ и благодѣтелей. Всѣ измѣнники глубоко погружены во льдины Коцита и терпятъ невыносимый холодъ. Данте сталкивается здѣсь со многими изъ своихъ современниковъ. Въ Джіудекѣ—центрѣ земли заключенъ и самъ падшій ангелъ Дите, Люциферъ; онъ представляетъ собою безобразное чудовище неимовѣрныхъ размѣровъ, съ тремя разноцвѣтными лицами: багровымъ въ срединѣ, блѣдно-желтымъ направо и темнымъ налѣво, съ шестью крыльями—по-два подъ каждымъ лицомъ, покрытыми шерстью вмѣсто перьевъ; на половину своей груди онъ выходитъ изо льда, остальною же частью своего существа помѣщается между адомъ и чистилищемъ, служа единственною дорогою для выхода изъ мрачнаго жилища грѣшниковъ. Обливаясь изъ шести своихъ глазъ горькими слезами, каплящими на три подбородка вмѣстѣ съ кровавою слюною, этотъ царь ада движеніемъ своихъ крыльевъ производитъ три вѣтра, отъ которыхъ замерзаетъ рѣка Коцитъ со всѣми находящимися въ ней грѣшниками, а каждою пастью, снабженною клыками, и когтями рукъ теребитъ и пожираетъ одновременно трехъ самыхъ страшныхъ послѣ него преступниковъ—предателей; Іуду, Брута и Кассія. Ни живой, ни мертвый отъ страха, Данте, по желанію своего учителя, берется за его шею, а тотъ, улучивъ минуту, когда Люциферъ поднялъ вверхъ свои крылья, хватается за мохнатые члены чудовища и сначала между нимъ и льдинами спускается внизъ, до самаго центра земли, а потомъ, у бедра падшаго ангела повернувъ съ большимъ усиліемъ голову въ ту сторону, гдѣ были ноги послѣдняго, начинаетъ подниматься вверхъ, цѣпляясь за шерсть діавола. Этимъ способомъ поэты переходятъ въ другое полушаріе земли и, послѣ трехдневнаго странствованія по аду, въ первый разъ видятъ на небѣ звѣзды.

Разборъ „Божественной комедіи“ Данте и ея значеніе. Въ своемъ посвященіи „Рая“—третьей части „священной поэмы (*) Веронскому герцогу Кану-Гранде делла-Скала Данте называетъ

---

*) „Божественной“ поэма Данте впервые названа въ изданіи 1513 г. Самъ Данте именовалъ ее „священной“; комедіей поэтъ называетъ свое произведеніе согласно теоріи схоластиковъ, по которой комедія есть сочиненіе съ радостнымъ исходомъ, тогда какъ трагедія—съ окончаніемъ печальнымъ.

Digitized by Google

послѣднюю „Opus doctrinale“, задачу котораго составляетъ „освобожденіе людей отъ зла и приведеніе ихъ къ благополучію“. Еще ближе и яснѣе опредѣляетъ цѣль поэмы Веделе: „Въ зеркалѣ сверхчувственнаго міра и своихъ по немъ странствованій Дантъ показываетъ человѣчеству, какъ далеко оно заблудилось отъ предначертаній божіихъ, показываетъ ему всѣ пагубныя слѣдствія этого заблужденія, а вмѣстѣ и то, что отъ людей зависитъ снова обрѣсти утраченное счастіе, для чего онъ возвѣщаетъ имъ тотъ міропорядокъ, безъ котораго, по его мысли, они не могутъ достигнуть ни временнаго, ни вѣчнаго своего назначенія, и который страшно возмущенъ разрушеніемъ власти императорской и омірщеніемъ папской“. *) Уже отсюда съ достаточною опредѣленностію открывается глубокій и вмѣстѣ знаменательный смыслъ всего произведенія, вызвавшій значительное число самыхъ разнообразныхъ толкованій, доходящихъ иногда до полнаго противорѣчія между собою. Самъ Данте даетъ въ этомъ отношеніи слѣдующее весьма важное руководящее начало: „чтобы понять то, что я скажу, надобно знать, что смыслъ моей работы не всегда ясенъ, и можно сказать, что ее слѣдуетъ толковать различно: можно понимать мысль въ буквальномъ смыслѣ слова, и можно выводить его изъ самой сущности предметовъ, словами выражаемыхъ“, т. е. другими словами, все сочиненіе необходимо понимать двояко: буквально и аллегорически или иносказательно. Въ первомъ значеніи вся поэма представляетъ собою фантастическое странствованіе поэта по аду, чистилищу и раю для наглядnаго изображенія различнаго состоянія душъ въ мірѣ загробномъ, во второмъ—предметомъ поэмы служитъ человѣкъ, еще живущій на землѣ и своими свободными хорошими или дурными дѣйствіями заслуживающій себѣ награду или наказаніе отъ Бога. Соотвѣтственно величавой широтѣ и необыкновенной всеобъемлемости своей задачи, и самое содержаніе поэмы отличается въ высшей степени полнотою и чрезвычайною многосторонностію: миѳологія и исторія, философія и богословіе, астрономія и естествознаніе -- весь свѣтъ науки того времени, цѣлая современная поэту эпоха среднихъ вѣковъ со всѣми ея характерными признаками, животрепещущими государственными, общественными и частными запросами тогдашней жизни,—получили здѣсь свое истинное и совершенно поэтическое выраженіе.

„Въ божественную ту поэму Онъ цѣлый міръ, всю жизнь его занесъ,—
Занесъ на вѣкъ чертами огневыми: Такъ молнія чертитъ иной утесъ.“.**)

*) Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры М. Каррьера т. III стр. 584.

**) Ibid. p. 587.

Digitized by Google

Съ особенною силою очевидности отражается въ Божественной комедіи политическое состояніе Италіи: оно ближе всего касалось души поэта, такъ какъ онъ лично принималъ горячее участіе въ борьбѣ двухъ господствовавшихъ въ то время политическихъ партій и даже подвергся навсегда изгнанію изъ отечества. Данте строго и безпощадно караетъ своихъ враговъ и враговъ страстно любимой имъ родины, низводя ихъ въ различные круги своего ада: тамъ находятъ себѣ должное возмездіе и государи, и папы, и самые высшіе сановники. Со стороны внѣшней поэма изобилуетъ неменьшимъ богатствомъ и красотами: въ ней съ неподражаемымъ искусствомъ сливаются въ одно цѣлое всѣ элементы поэзіи, объективизмъ восполняется субъективизмомъ, языкъ является обильнѣйшимъ источникомъ италіанскяго слова, а слогъ дышитъ необычайнымъ разнообразіемъ и поразительною поэтическою краткостію: въ немъ „съ энергичною точностью, доходящею порой до лаконизма, соединяется самое пышное изящество, съ суровостью—тонкая иронія и кротчайшая нѣжность, съ подавляющею грандіозностью образовъ—полныя невыразимой прелести картины природы и щедро разсыпанныя поэтическія сравненія“ *). Поэтъ вноситъ въ свой разсказъ обыкновенно одну какую-либо черту, но за то на столько выдающуюся и мѣткую, что изображаемая картина цѣликомъ и сразу отпечатлѣвается въ душѣ читателя, и затрагиваемые предметы, какъ живые, возстаютъ въ его воображеніи. Строгая математическая, числовая соразмѣрность построенія, по которому все произведеніе распадается на три почти равныя части, содержащія въ себѣ ровное количество пѣсней (33) съ строфами изъ трехъ стиховъ, связующимися между собою тремя риѳмами, придаетъ поэмѣ въ цѣломъ замѣчательную стройность и вполнѣ художественную гармоничность. Взятыя вмѣстѣ внутреннія и внѣшнія достоинства священной поэмы справедливо ставятъ ее въ разрядъ исключительныхъ, геніальныхъ созданій словеснаго творчества. Удивительно-ли послѣ этого, если поэма Данте съ самаго своего появленія и до сихъ поръ пользовалась и пользуется достойнымъ вниманіемъ образованнаго общества? Уже съ двадцатыхъ годовъ четырнадцатаго столѣтія, вслѣдъ за кончиною поэта—появляется цѣлый рядъ толкованій къ его знаменитому произведенію, а спустя пятьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти, флорентійское правительство открываетъ даже оффиціальную должность толкователя Данте, на которую назначаетъ Боккачіо. На сколько общеизвѣстно было имя Данте среди его современниковъ, можно судить и по тому обсто-

*) Всеобщая исторія литературы Корша, т. 2, стр. 823.

Digitized by Google

ятельству, что даже необразованныя женщины, при встрѣчахъ съ нимъ на улицахъ, говаривали одна другой: „вотъ человѣкъ, который побывалъ во адѣ и вышелъ оттуда живымъ“. Впослѣдствіи извѣстность Данте возросла еще болѣе: въ XIV и XV-мъ столѣтіяхъ богословы объясняли его поэму въ храмахъ; въ Болоньѣ, Венеціи, Пизѣ и другихъ городахъ Италіи учреждены были для этого отдѣльныя каѳедры. Самые извѣстные музыканты, живописцы и скульпторы брали изъ поэмы многочисленные предметы для своихъ твореній. Въ настоящее время слава Данте нисколько не уменьшилась: его почитатели находятся теперь повсюду: во Франціи, Германіи, Англіи, Америкѣ, даже въ Турціи, не говоря конечно объ Италіи; образуются особыя общества для изученія священной поэмы, читаются ученыя лекціи, составляются нарочитыя частныя чтенія; число переводовъ поэмы возростаетъ все болѣе и болѣе: на одномъ англійскомъ языкѣ въ минувшее столѣтіе появилось по меньшей мѣрѣ восемнадцать переводовъ Божественной комедіи. Данте называютъ толкователемъ христіанства, поэтомъ самодержавнымъ, непогрѣшимымъ, вдохновеннымъ и чуть-ли не пророкомъ; его ставятъ наравнѣ съ Гомеромъ, а Божественную комедію именуютъ сестрою Одиссеи; и все это совершенно основательно и заслуженно. „Никогда, говоритъ новѣйшій историкъ итальянской литературы, не создавалось поэтическаго произведенія, болѣе глубокаго по смыслу и болѣе возвышеннаго по цѣли, какъ ни одно же подобное произведеніе не было плодомъ болѣе настойчиваго и серьезнаго труда и болѣе задушевнымъ выраженіемъ личности писателя во всей ея полнотѣ... Здѣсь все полно значенія: если эстетическое чувство не вездѣ бываетъ затронуто, то, наоборотъ, каждая мелочь представляетъ для насъ глубокій историческій интересъ; геній Данта требуетъ для сего полнаго его уразумѣнія. Поэтому здѣсь необходима научная работа, которая выяснила-бы безчисленныя связи поэмы съ отношеніями того времени и существовавшими тогда научными доктринами, также какъ, по мѣрѣ возможности, и сокровенный смыслъ ея аллегорій. Но Божественная комедія нуждается, болѣе всякаго инаго созданія поэзіи, также въ поэтическомъ комментаріи... Поэзію Данте нельзя сравнить съ широкой рѣкой, теченію которой мы спокойно могли бы отдаться; но она по своей исполненной энергіи сжатости, подобно лучу молніи, поражаетъ мгновенно нашъ умъ, чтобы тотчасъ же исчезнуть, если не успѣла воспламенить наше воображеніе и не запечатлѣла въ немъ неизгладимыя черты своихъ образовъ“*). За господствую-

*) Тамъ же стр. 824.

Digitized by Google

щій религіозно-нравственный характеръ своего содержанія Божественная комедія по всей справедливости должна быть причислена къ поэмамъ *поучительнымъ* или точнѣе *религіозно-нравоучительнымъ*. Такимъ же духомъ проникнуты двѣ другія поэмы, принадлежащія позднѣйшему времени, „Потерянный рай“ англійскаго поэта Мильтона († 1674) и „Мессіада“ испанца Клопштока († 1803).

Поэма романтическая.—„Неистовый Роландъ“ Аріоста. Въ глубокомысленнѣйшемъ твореніи геніальнаго итальянца главнымъ образомъ высказались теоретическія, религіозно-нравственныя воззрѣнія и убѣжденія среднихъ вѣковъ, но дѣйствительная жизнь тогдашняго общества заключала въ себѣ и другую столько же, если не болѣе, выдѣлявшуюся особенность—*рыцарство*. Сущность послѣдняго состояла въ ревностной защитѣ христіанства отъ всѣхъ враговъ его и въ не менѣе ревностномъ, часто доходившемъ до слѣпого обожанія, служеніи женщинѣ. Совершая во имя данныхъ побужденій, какъ у себя дома, такъ и въ различнаго рода походахъ и предпріятіяхъ всевозможные подвиги, сплошь и рядомъ поражавшіе своею необычайностію, рыцари тѣмъ самымъ давали богатѣйшій матеріалъ поэтическому творчеству. Отсюда возникла своеобразная *рыцарская* или иначе *романская, романтическая* поэзія, имѣвшая своимъ предметомъ *фантастическое* изображеніе геройскихъ приключеній рыцарства. Названіе *романской и романтической* она получила отъ того, что ея произведенія составлялись на новыхъ *романскихъ* языкахъ, образовавшихся изъ смѣшенія тевтонскихъ нарѣчій съ языкомъ латинскимъ. Наиболѣе распространеннымъ видомъ романскаго эпоса является *„романтическая поэма“*; самымъ лучшимъ образцомъ ея служитъ вышеупомянутый „Orlando furioso—Неистовый Роландъ“ итальянскаго же поэта Аріосто, написанный между 1505 и 1515 годами и вышедшій въ свѣтъ первымъ изданіемъ въ 1516-мъ году. Въ сорока шести пѣсняхъ поэмы содержится продолженіе соотвѣтствующаго неоконченнаго труда—„Orlando innamorato—Влюбленный Роландъ“—Боярдо (1430—1495), предшественника и соотечественника Аріосто.

Разсказъ начинается указаніемъ главнаго предмета всего сочиненія: „Я воспѣваю любовь, битвы, рыцарей, дамъ, похожденія и подвиги тѣхъ временъ, когда отважный Аграмантъ, увлекаемый пыломъ своей кипучей молодости, переплылъ море со своими маврами и обрушился на французское королевство; онъ хотѣлъ отмстить Карлу, императору Римскому, за смерть своего отца Трояна. Я повѣдаю также о знаменитомъ Роландѣ то, чего не сообщали намъ еще ни проза, ни поэзія и какъ этотъ герой, образецъ мудрости, ставъ жертвой несчастной любви, подвергся самому бѣшеному безумію“. Послѣ посвященія поэмы своему покровителю кардиналу Ипполиту д'Эсте, поэтъ сразу вводитъ читателей „in medias res“—въ средину происшествій. Давно

Digitized by Google

уже влюбленный въ прекрасную Анжелику Роландъ, наполнивъ Востокъ, Мидію и Татарію безсмертными побѣдами, вмѣстѣ съ своей возлюбленной возвращался на западъ. У подножія Пиренеевъ онъ застаетъ многочисленное и блестящее войско французовъ и германцевъ, собранное Карломъ Великимъ для борьбы съ Аграмантомъ и Марсилемъ. Въ Анжелику влюбляется двоюродный братъ Роланда Ринальдъ. Чтобы предотвратить ссору между соперниками, императоръ поручаетъ красавицу ихъ дядѣ герцогу Баварскому, который именемъ государя объявляетъ своимъ племянникамъ, что Анжелика будетъ отдана въ супружество тому изъ нихъ, кто въ предстоящемъ сраженіи убьетъ большее количество невѣрныхъ и совершитъ болѣе громкіе подвиги. Битва однако кончилась пораженіемъ христіанъ; самъ герцогъ былъ захваченъ въ плѣнъ, а Анжелика, воспользовавшись замѣшательствомъ, успѣла скрыться въ ближайшемъ лѣсу. Тамъ встрѣчаетъ ее Ринальдъ, разыскивавшій своего коня Боярдо. Рыцарь спѣшитъ завладѣть драгоцѣнной добычей, но случайно попавшійся сарацинъ Феррагусъ, охваченный такою же любовью, противодѣйствуетъ ему въ этомъ. Между противниками возгорается поединокъ, во время котораго Анжелика убѣгаетъ отъ обоихъ. Ринальдъ и Феррагусъ на одномъ конѣ пускаются вслѣдъ за нею, пока въ мѣстности, гдѣ дорога раздѣляется надвое, они не разстаются другъ съ другомъ. Между тѣмъ Анжелика располагается отдохнуть на берегу ручья. Вдругъ она замѣчаетъ какого-то всадника, который съ жалобнымъ стономъ начинаетъ оплакивать потерю любимой имъ дѣвушки; то былъ Сакрипантъ, король Черкесовъ, пылкій поклонникъ Анжелики. Тогда Анжелика приближается къ своему обожателю съ цѣлію взять его въ путеводители; между ними происходитъ нѣжная встрѣча, которую прерываетъ неожиданно появившаяся въ одеждѣ рыцаря сестра Ринальда Брадаманта, ищущая своего возлюбленнаго Рожера. Героиня сбрасываетъ Сакрипанта на землю, убивая его лошадь, и потомъ быстро исчезаетъ. Черкесскій король садится съ своей спутницей на ея коня и они ѣдутъ далѣе. Дорогою къ нимъ пристаетъ Ринальдъ, вступая въ бой съ Сакрипантомъ. Анжелика снова скрывается и прибѣгаетъ къ защитѣ встрѣчнаго отшельника, занимавшагося чернокнижіемъ. Чародѣй-пустынникъ отправляетъ къ борцамъ дьявола въ человѣческомъ образѣ, чтобы ложно извѣстить ихъ, что борьба ихъ напрасна, такъ какъ Роландъ завладѣлъ Анжеликой и направляется съ нею въ Парижъ. Обманутый Ринальдъ немедленно мчится въ Парижъ, гдѣ находитъ съ остатками разбитаго войска Карла Великаго, готовящагося къ отраженію непріятеля. Императоръ посылаетъ витязя въ Англію просить подкрѣпленія противъ Сарацинъ.

Въ поискахъ за Рожеромъ Брадаманта встрѣчаетъ майнцкаго графа Пинабеля, который сообщаетъ ей о похищеніи Рожера волшебникомъ на крылатомъ конѣ при содѣйствіи чудеснаго щита. Сопровождаемая графомъ, мужественная воительница спѣшитъ къ волшебному замку чародѣя. Во время пути коварный Пинабель обманомъ сталкиваетъ ее въ глубокую пещеру, гдѣ однако вмѣсто гибели Брадаманта, благодаря волшебнику Мерлину и волшебницѣ Мелиссѣ, видитъ вы-

Digitized by Google

сокую судьбу своихъ потомковъ и узнаетъ отъ Мелиссы средство спасти Рожера: оно заключалось въ таинственномъ кольцѣ, находившемся у колдуна Брюнеля. Брадаманта овладѣваетъ талисманомъ и, при помощи его, освобождаетъ своего любимца, но, по ухищреніямъ того же Атланта—похитителя Рожера, крылатый конь опять уноситъ на себѣ только-что освобожденнаго паладина.

Отправленный Карломъ въ Англію Ринальдъ, послѣ ужасной на морѣ бури, высаживается въ Шотландіи близъ Каледонскаго лѣса, славившагося похожденіями странствующихъ рыцарей. Въ ближайшемъ аббатствѣ онъ слышитъ отъ гостепріимныхъ монаховъ, что дочь ихъ короля—Жиневра обвиняется въ безнравственномъ поведеніи и неминуемо должна погибнуть на кострѣ, если на поединкѣ не будетъ доказана ея невинность. Великодушный герой устремляется на выручку несчастной. Мимоходомъ онъ избавляетъ отъ злоумышленниковъ служанку Жиневры, которая и раскрываетъ предъ нимъ всю правоту своей бывшей госпожи. Теперь, зная настоящую истину, Ринальдъ еще охотнѣе исполняетъ свое намѣреніе: онъ избавляетъ отъ смерти Жинерву, и король выдаетъ ее замужъ за любимаго ею Аріоданта, еще раньше Ринальда явившагося на защиту властительницы своего сердца.

Крылатый конь переноситъ Рожера на блаженный островъ волшебницы Альчины, увлекавшей къ себѣ самыхъ красивыхъ рыцарей и обращавшей ихъ, когда тѣ становились ей въ тягость, въ животныхъ и растенія. Напрасно Астольфъ, превращенный въ миртъ, предупреждаетъ юнаго героя объ угрожающей опасности: Рожеръ плѣняется красотой Альчины и, подъ вліяніемъ наслажденій, забываетъ все остальное. Мнимаго счастливца, равно какъ и другихъ очарованныхъ рыцарей освобождаетъ отъ злой старой колдуньи доброжелательная Мелисса, вручивъ ему чудодѣйственное кольцо. На нѣкоторое время Рожеръ находитъ убѣжище у сестры Альчины добродѣтельной Лоджистиллы, послѣ чего спасаетъ отъ морскаго чудовища Анжелику. Когда королева Катайская, не считая себя безопасной въ обществѣ своего избавителя, скрывается отъ него посредствомъ упомянутаго волшебнаго кольца, рыцарь, ища ее повсюду, вдругъ замѣчаетъ великана, который, послѣ борьбы, уноситъ на себѣ будто-бы побѣжденную имъ Брадаманту. Рожеръ гонится за чудовищемъ и попадаетъ вновь въ волшебный дворецъ Атланта. Подобнымъ обманомъ завлекаются туда же Роландъ, Сакрипантъ, Феррагусъ и др. Пользуясь чудеснымъ кольцомъ, къ нимъ пробирается и Анжелика. Роландъ, Феррагусъ и Сакрипантъ одновременно пускаются за нею въ погоню и такимъ образомъ покидаютъ дворецъ; тѣмъ не менѣе ни одинъ изъ нихъ не достигаетъ своей цѣли, такъ какъ Анжелика, вложивъ кольцо въ ротъ, становится для нихъ невидимой. Феррагусъ, овладѣвъ случайно шлемомъ Роланда, послѣ тщетныхъ попытокъ найти Анжелику, возвращается въ станъ язычниковъ; Роландъ около Парижа избиваетъ множество сарацинъ, а потомъ увозитъ съ собою изъ одной пещеры дочь Галиційскаго короля Изабеллу, умертвивъ захватившихъ ее разбойниковъ. Брадаманта, стараясь освободить Рожера, устремляется въ заколдованный дворецъ, гдѣ также становится плѣнницей Атланта.

Digitized by Google

Предводитель мавровъ Аграмантъ получаетъ извѣстіе, что идущіе на помощь христіанамъ англичане уже переплыли море. Чтобы предупредить опасное соединеніе непріятеля, въ военномъ совѣтѣ язычниковъ рѣшено тотчасъ же приступить къ осадѣ Парижа. Наканунѣ сраженія Карлъ устрояетъ торжественное богослуженіе. Снисходя къ молитвѣ императора и ходатайству блаженныхъ духовъ за всѣхъ вѣрныхъ, Господь посылаетъ архангела Михаила провести къ осажденнымъ скрытно отъ сарацинъ войско, набранное Ринальдомъ въ Англіи. Архангелу повелѣно взять съ собою Молчаніе, а также и Раздоръ, который долженъ вызвать междоусобіе среди осаждающихъ. Воля Всевышняго выполнена. Сарацины, тѣснимые свѣжими силами, приведенными Ринальдомъ, и ослабляемые Раздоромъ, обращаются въ бѣгство, и Карлъ Великій располагается лагеремъ внѣ Парижа. Въ этой битвѣ между другими падаетъ молодой сарацинскій герой Дардинель. Двое изъ его подданныхъ Медоръ и Клориданъ ночью уносятъ трупъ своего господина, чтобы предать его должному погребенію. На нихъ нападаютъ враги, убиваютъ Клоридана и жестоко ранятъ Медора. Истекающаго кровью юношу находитъ Анжелика, вылѣчиваетъ его и выходитъ за него замужъ. Молодые не одинъ мѣсяцъ наслаждаются взаимнымъ блаженствомъ въ скромной хижинѣ пастуха и сосѣднихъ окрестностяхъ, чертя въ различныхъ мѣстахъ и на разныхъ предметахъ мѣломъ, ножемъ, даже углемъ свои имена, а порой и стихи о своей любви; потомъ они удаляются въ Индію—отечество Анжелики, гдѣ Медоръ долженъ получить катайскую корону. Совершенно случайно въ недавнее убѣжище молодыхъ счастливцевъ заѣзжаетъ Роландъ. Видя повсюду ихъ надписи и убѣдившись отъ пастуха въ справедливости всего происшедшаго, онъ въ отчаяніи лишается разсудка. Несчастный разрываетъ свои одежды, бросаетъ оружіе, безъ разбору убиваетъ людей и животныхъ, словомъ, предается страшному бѣшенству; самъ онъ остается однако невредимымъ, такъ какъ Господь сдѣлалъ неуязвимымъ его тѣло. Слухъ объ опасномъ положеніи Аграманта собираетъ къ нему самыхъ могучихъ мусульманскихъ богатырей. Къ нимъ присоединяется и Рожеръ. Его освободилъ изъ-подъ власти Атланта англійскій герцогъ Астольфъ, разрушившій, при содѣйствіи полученныхъ имъ отъ Лоджистиллы таинственной книги противъ заклинаній и чудеснаго рога, своими звуками обращавшаго всѣхъ въ бѣгство, и самый волшебный дворецъ чародѣя. Уже счастіе готово было перейти на сторону язычниковъ, и разбитый Карлъ Великій снова заперся въ Парижѣ, какъ Раздоръ, настойчиво побуждаемый архангеломъ, поселяетъ среди невѣрныхъ еще большее разногласіе, дѣлая такимъ образомъ всѣ ихъ успѣхи безполезными. Къ тому же императоръ получаетъ сильное подкрѣпленіе отъ Ринальда, приведшаго на подмогу свѣжій отрядъ. Тогда Аграмантъ, вынужденный необходимостію, съ остатками войска отступаетъ къ Арлю.

Путешествуя на крылатомъ конѣ, Астольфъ посѣщаетъ эѳіопскаго царя Сенапа, котораго за гордость Господь наказалъ слѣпотою и уносящими у него пищу гарпіями. Звуками своего рога герцогъ про-

Digitized by Google

гоняетъ хищныхъ чудовищъ къ Коциту и проникаетъ въ мрачную область подземелья. Тамъ, въ густомъ черномъ дыму, онъ замѣчаетъ дочь могущественнаго Лидійскаго царя Лидію, которая объясняетъ паладину, что въ данномъ мѣстѣ караются всѣ вѣроломные мужчины и женщины, и разсказываетъ, какъ она обманула своего поклонника, за что и принуждена теперь выносить ужасныя страданія. Изъ ада на томъ же гиппогрифѣ принцъ поднимается до земного рая. Трое святыхъ—евангелистъ Іоаннъ, Энохъ и Илія, изъ которыхъ „никто не видалъ своего послѣдняго дня," съ добротою принимаютъ Астольфа. На колесницѣ, служившей нѣкогда для поднятія пророка Иліи, Апостолъ возноситъ рыцаря въ обширное царство луны. Тутъ между множествомъ разнообразныхъ предметовъ герцогъ видитъ большую склянку со здравымъ смысломъ Роланда, которую, по волѣ святого путеводителя, и береть съ собою для исцѣленія страдальца.

Увидавшись не надолго, по разрушеніи дворца Атланта, съ Рожеромъ, Брадаманта получаетъ потомъ извѣстіе, что ея возлюбленный пользуется особеннымъ расположеніемъ сарацинской богатырши Марфизы, которой съ своей стороны повидимому платитъ взаимностію. Мучимая ревностью, героиня съ волшебнымъ копьемъ, которому не можетъ противиться никакая сила, спѣшитъ въ станъ Аграманта и вызываетъ на бой Рожера. Выбивъ изъ сѣдла лишь прикосновеніемъ золотого копья одного за другимъ трехъ рыцарей, Брадаманта вступаетъ въ борьбу съ Марфизой, которая подвергается той же участи. Скоро находившіяся неподалеку войска христіанъ и мавровъ бросаются другъ противъ друга и возгарается кровавая битва. Брадаманта сталкивается съ Рожеромъ, но любовь мѣшаетъ имъ сразиться: они укрываются въ ближайшую кипарисовую рощу, куда вслѣдъ за ними поспѣшаетъ и Марфиза. Соперницы вторично схватываются между собою и увлекаютъ на то же Рожера; въ это время изъ сосѣдней могилы раздается звучный голосъ Атланта: умершій волшебникъ объявляетъ, что Марфиза—родная сестра Рожера. Все объясняется. Примиренныя — Брадаманта и Марфиза ѣдутъ въ лагерь Карла, гдѣ послѣдняя немедленно принимаетъ крещеніе, а Рожеръ, вѣрный своей клятвѣ, данной Аграманту, возвращается пока къ язычникамъ.

Прибывъ вторично въ Эѳіопію, Астольфъ травою, указанною ему евангелистомъ Іоанномъ, исцѣляетъ отъ слѣпоты Сенапо. Благодарный государь даетъ ему большое пѣхотное войско, чтобы помочь Карлу. По молитвѣ витязя, камни пустыни превращаются въ осѣдланныхъ коней, и онъ уже во главѣ сильной конницы вторгается во владѣнія Аграманта. Чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ императора, король мавровъ предлагаетъ ему покончить дѣло поединкомъ двухъ рыцарей. По выбору своихъ повелителей, выступаютъ Риналдъ отъ христіанъ и Рожеръ со стороны язычниковъ. Начинается страшное состязаніе, которое вскорѣ дѣлается всеобщимъ, такъ какъ Мелисса, съ цѣлію сохранить обоихъ поединщиковъ, внушаетъ Аграманту мысль нарушить договоръ. Потерпѣвъ полное пораженіе, Сарацины поспѣшно направляются въ Африку. Астольфъ на корабляхъ, образовавшихся изъ брошенныхъ имъ въ воду

Digitized by Google

листьевъ, собирается въ Провансъ, который онъ намѣренъ освободить отъ невѣрныхъ. Появляется неистовый Роландъ, гоня предъ собой тысячи бѣглецовъ. Герцогъ, при участіи другихъ рыцарей, вяжетъ безумца веревками, подноситъ къ его носу склянку съ его разумомъ, и къ графу тотчасъ же возвращается его разсудокъ, вмѣстѣ съ которымъ онъ чувствуетъ себя избавленнымъ и отъ своей роковой любви къ Анжеликѣ. На другой день чудесный флотъ подъ начальствомъ паладина Дудона поднимаетъ паруса къ Провансу, истребляетъ возвращавшіеся въ Африку корабли мавровъ и заставляетъ Аграманта спасаться бѣгствомъ. Столица мусульманъ Бизерта также окружена непріятелями во главѣ съ Астольфомъ, Роландомъ и другими героями и предана грабежу и пламени. Мавританскій вождь прибѣгаетъ къ послѣднему средству: высадившись на одномъ островѣ, онъ посылаетъ вызовъ Роланду; бой состоялся, и Аграмантъ палъ жертвою своего безразсудства.

Рожеръ, стараясь отыскать своего предводителя, пускается въ море по направленію къ Африкѣ. Буря принуждаетъ его покинуть корабль. Рыцарь вплавь пристаетъ къ острову, гдѣ въ благодарность за спасеніе немедленно принимаетъ крещеніе отъ отшельника. Сюда же нѣсколько позднѣе прибываютъ съ двумя другими витязями Роландъ и, чудесно исцѣленный отъ своей любви къ Анжеликѣ явившимся ему въ образѣ рыцаря Презрѣніемъ, Ринальдъ. Герои узнаютъ Рожера, а Ринальдъ обѣщаетъ ему руку своей сестры Брадаманты. Скоро всѣ вмѣстѣ они ѣдутъ въ Марсель къ Карлу Великому, куда одновременно принесенъ и Астольфъ своимъ гиппогрифомъ, который съ этихъ поръ получаетъ полную свободу. Императоръ торжественно встрѣчаетъ спасителей отечества. Радость Рожера омрачается печальною вѣстью, что отецъ его возлюбленной далъ согласіе выдать свою дочь за греческаго наслѣдника царевича Льва, сына императора Константина Копронима. Благодаря настойчивости самой Брадаманты и дѣятельному вмѣшательству Марфизы и Мелиссы, предполагавшійся бракъ разстраивается, и Рожеръ, ко всеобщему удовольствію, женится на Брадамантѣ. Великолѣпный свадебный пиръ прерывается гордымъ и сильнымъ сарациномъ Родомонтомъ, который дерзко вызываетъ Рожера на поединокъ. Неустрашимый и доблестный герой принимаетъ это надменное предложеніе и убиваетъ противника. Пораженіемъ Родомонта и заканчивается поэма.

Замѣчанія на поэму Аріоста и поэмы романтическія вообще. Двѣ господствующія мысли, какъ связующія нити, проникаютъ все сочиненіе, соединяя въ одно цѣлое чрезвычайно многочисленные его эпизоды: съ одной стороны—неистовство вслѣдствіе неудачной любви и исцѣленіе отъ него Роланда, съ другой—серьезная, завершающаяся бракомъ взаимная любовь Рожера и Брадаманты. Все остальное въ поэмѣ имѣетъ второстепенное значеніе и служитъ лишь роскошнымъ украшеніемъ данныхъ главныхъ происшествій. Въ основу разсказа, по примѣру древнихъ эпиковъ, положены народныя преданія о знаменитыхъ военныхъ походахъ Карла

Digitized by Google

Великаго и похожденіяхъ его рыцарей, частнѣе—баснословная война христіанъ съ сарацинами, раздѣляющая всѣхъ дѣйствующихъ лицъ на два враждебные другъ другу лагеря. На этой именно почвѣ международной непріязни поэтъ и развиваетъ свой замыселъ, не стѣсняясь въ его выполненіи никакими законами природы и человѣческаго духа; онъ даетъ полный просторъ своему пылкому воображенію и на каждомъ шагу съ неподражаемымъ искусствомъ истиннаго живописца рисуетъ предъ нами живыя картины одна другой причудливѣе, фантастичнѣе; его герои—рыцари—тѣ же древніе богатыри, обладающіе непомѣрною тѣлесною, а подчасъ и духовною силою, хотя и болѣе родственные всѣмъ людямъ. Изъ покорности своимъ государямъ или ради избранной дамы они совершаютъ изумительные подвиги, порой похожіе даже на сказочныя чудеса. Какъ и въ сказкахъ, рыцарямъ помогаютъ необыкновенныя диковинки въ родѣ чудеснаго кольца, напоминающаго шапку—невидимку, таинственнаго копья, опрокидывающаго каждаго однимъ прикосновеніемъ, волшебнаго рога, своимъ звукомъ обращающаго всѣхъ въ бѣгство, заколдованнаго щита, своимъ чудодѣйственнымъ свѣтомъ повергающаго всякаго на землю, крылатаго коня, носящаго по воздуху. Въ событіяхъ принимаютъ непосредственное участіе феи, чудовища, великаны и карлики, волшебники и волшебницы, злые и добрые духи,—словомъ, все невозможное становится здѣсь не только возможнымъ, но и какъ-бы дѣйствительнымъ. *Полная фантастичность какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ, близко граничащая съ міромъ сказочнымъ, составляетъ самую существенную особенность поэмъ романскаго эпоса.*

Въ раскрытіи главныхъ и побочныхъ обстоятельствъ, въ изображеніи дѣятельности рыцарей, въ передачѣ думъ, чувствованій и желаній героевъ уже ясно слышится сочувствіе или нерасположеніе излагаемому самого автора, а въ разнообразныхъ вступленіяхъ, какими обыкновенно начинается каждая отдѣльная пѣснь, отражаются и собственныя его воззрѣнія и убѣжденія; отсюда *личность поэта вездѣ выступаетъ замѣтно и субъективизмъ видимо борется и даже отчасти беретъ перевѣсъ надъ объективизмомъ;* это вторая характерная черта поэмы романтической, рѣзко отличающая ее отъ древней поэмы классической, гдѣ, какъ извѣстно, лицо составителя вовсе исчезаетъ за событіями и дѣйствіями самыхъ героевъ.

Наконецъ—*со стороны формы обычною принадлежностью романтической поэмы является мѣрная, стихотворная рѣчь.*

Значеніе поэмы Аріоста. Служа типическимъ примѣромъ поэмы рыцарской, „Неистовый Роландъ“ Аріоста получилъ широкое распространеніе у современниковъ и вполнѣ заслуженную славу у потом-

Digitized by Google

ства. Вскорѣ за своимъ выходомъ въ свѣтъ онъ вытѣснилъ пользовавшуюся дотолѣ большою извѣстностію поэму Боярдо—„Влюбленный Роландъ“ и вызвалъ десятки подражаній. Впослѣдствіи на разныхъ языкахъ было сдѣлано нѣсколько переводовъ поэмы; совершеннѣйшимъ изъ нихъ по полнотѣ и точности въ нашей отечественной литературѣ должно признать нестихотворный переводъ подъ редакціею В Р. Зотова—С.-Петербургъ 1892 г. со вступительною статьею о значеніи этого творенія и съ краткимъ обозначеніемъ содержанія въ началѣ каждой пѣсни. По формѣ и тону своего изложенія „Неистовый Роландъ“ является прямымъ предшественникомъ позднѣйшихъ поэмъ Байрона. Нашъ Пушкинъ въ своемъ фантастическомъ произведеніи „Русланъ и Людмила“ видимо подражалъ Аріосту. Наилучшую поэтическую характеристику италіанскаго поэта мы находимъ въ гётевскомъ Тассѣ. Леонора Санвитале желаетъ увѣнчать цвѣтами бюстъ Аріосто:

„Высокое чело маэстро Людовико
Украшу пышнымъ, свѣжимъ я вѣнкомъ;
Пусть тотъ, чьи никогда не отцвѣтаютъ шутки,
Получитъ также даръ расцвѣтшей вновь весны.“

Одобряя это, Антоніо говоритъ, что цвѣты идутъ къ поэту лучше лавровъ:

„Какъ полную сокровищъ грудь свою
Природа зеленью цвѣтистой одѣваетъ,
Такъ въ басню пеструю умѣлъ и онъ облечь
Все то, чѣмъ человѣкъ почтенъ и милъ бываетъ.
Души довольство, опытность и умъ,
И сила генія, и вкусъ, и смыслъ ко благу:
Къ тому что истиннымъ слыветъ у всѣхъ добромъ,—
Все въ пѣсняхъ у него сквозитъ, какъ кладъ духовный,
И вмѣстѣ выступаетъ налицо,
Покоясь въ тѣни деревъ прозрачныхъ,
Одѣтыхъ снѣжной свѣта пеленой,
Увитыхъ розами, чудесно окруженныхъ
Толпой амурчиковъ, волшебной ихъ игрой.
И тутъ же рядомъ ключъ шумитъ обильный,
Кипящій пестрою семьею дивныхъ рыбъ,
И птицы рѣдкія по воздуху летаютъ,
И стадъ невиданныхъ полны луга, лѣса.
А вонъ, тайкомъ глядитъ Лукавство изъ-за чаши;
Здѣсь Мудрость, въ облакѣ являясь золотомъ,
Подчасъ высокіе глаголы изрекаетъ:
А тамъ, какъ бы мечтамъ полнѣйшій давъ разгулъ,
Безумье тѣшится на лютнѣ звонко-стройной,—
Но что за мѣра тутъ и что за чудный тактъ!
Да, кто дерзнетъ съ такимъ поэтомъ состязаться,
Достоинъ тотъ вѣнка уже за смѣлый шагъ“.

Digitized by Google

Во всякомъ случаѣ поэма Аріоста болѣе привлекательна красотами отдѣльныхъ мѣстъ, нежели цѣлымъ содержаніемъ, лишеннымъ такъ необходимыхъ для каждаго сочиненія стройности, послѣдовательности и цѣлостности въ изображеніи затрогиваемаго предмета. Къ замѣчательнѣйшимъ по изяществу отдѣлки и яркости красокъ эпизодамъ принадлежатъ: картины битвъ (пѣсни 1, 2, 9, 14, 17 и 36), разсказъ о Жиневрѣ (пѣсни 4—6), открытіе Роландомъ невѣрности Анжелики и начало его неистовства (пѣснь 23), смерть Зербина (пѣснь 24) и связанное съ этимъ повѣствованіе о вѣрности Изабеллы до гроба (пѣснь 29), путешествіе Астольфа на луну (пѣснь 34).

Поэма ложно-классическая. Со второй половины XVI в. въ исторіи поэзіи замѣчается новое вѣяніе, вызванное великимъ историческимъ движеніемъ, такъ называемою эпохою возрожденія наукъ и искусствъ, когда началось увлеченіе древнегреческими и римскими произведеніями. Возникнувъ первоначально въ Италіи подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ образованныхъ грековъ, бѣжавшихъ туда изъ разореннаго отечества и унесшихъ вмѣстѣ съ собою и замѣчательные памятники греческой образованности, оно вскорѣ проникло во Францію и здѣсь въ вѣкъ Людовика XIV-го достигло высшей степени развитія, распространивъ свое вліяніе и на литературы другихъ странъ. Французскій писатель Буало († 1711) издалъ въ стихахъ даже особую теорію поэзіи „L'art poètique—искусство поэзіи," которая долгое время считалась настольною книгою для каждаго поэта. Сущность этой теоріи, передѣланной изъ сочиненія Горація „Ars poetica," въ свою очередь составленнаго по „Піитикѣ" Аристотеля, состояла въ указаніи для построенія поэтическихъ произведеній строго опредѣленныхъ правилъ, добытыхъ изъ разбора древне-греческихъ и римскихъ поэтовъ, произведенія которыхъ были приняты за классическія, т. е. перворазрядныя, образцовыя во всѣхъ отношеніяхъ (латинское classicus—римскій гражданинъ перваго разряда, класса, перворазрядный, образцовый по своему достоинству предметъ). Слѣдуя въ точности даннымъ первоисточникамъ и потому именуя и себя самихъ классиками, поэты новаго вѣянія ограничивались, однако, въ своихъ сочиненіяхъ рабскимъ подражаніемъ чисто внѣшнимъ пріемамъ и формамъ своихъ первообразовъ, совершенно упустивъ изъ виду ихъ внутреннюю, художественную сторону; отсюда фальшъ и неестественность являются у этого рода писателей на каждомъ шагу; за такую постановку дѣла разсматриваемое направленіе въ поэзіи получило въ минувшемъ столѣтіи названіе псевдо или ложноклассическаго, а его представители — ложноклассиковъ. Всестороннему вліянію ложноклассицизма неизбѣжно подверглась и

Digitized by Google

поэма въ своемъ историческомъ развитіи. По образцу Иліады и Одиссеи Гомера и Энеиды Виргилія образовался цѣлый рядъ ложноклассическихъ поэмъ, принадлежащихъ различнымъ народамъ. Такъ, у Италіанцевъ появилась поэма „Освобожденный Іерусалимъ“ Торквато-Тассо (XVI в.), въ которой разсказывается о взятіи Іерусалима крестоносцами во время перваго крестоваго похода; у Португальцевъ — „Лузіада“ Камоэнса (XVI в), повѣствующая о завоеваніяхъ Португальцевъ въ Индіи; у Французовъ — „Франсіада“ — Ронсара (XVI в.) и „Генріада“ Вольтера (XVIII в.), излагающая борьбу Генриха IV-го за престолъ со врагами отечества; у насъ „Россіада“ и „Владиміръ возрожденный“ — Хераскова (XVIII в.).

Содержаніе „Освобожденнаго Іерусалима“ — Торквато-Тассо. Торквато-Тассо начинаетъ свой „Освобожденный Іерусалимъ“ указаніемъ главнаго предмета поэмы и обращеніемъ къ Музѣ:

„Священнымъ бранямъ пѣсни гласъ Ты, Муза, мнѣ внуши, вдохни восторгъ высокій,
И подвигамъ героя, И свѣтъ на пѣснь мою пролей“!
Который гробъ Господень спасъ...

Шелъ уже шестой годъ съ тѣхъ поръ, какъ полки крестоносцевъ устремились на востокъ для освобожденія гроба Господня. Время близилось къ веснѣ. Озирая вселенную, Всевышній остановилъ свой кроткій взоръ на христіанскомъ воинствѣ и, призвавъ Архангела Гавріила, повелѣлъ ему отправиться къ военачальнику Годфреду и побудить его поспѣшить во главѣ всего войска къ освобожденію Іерусалима. На восходѣ солнца Годфредъ творилъ свою обычную молитву, какъ вдругъ предсталъ предъ нимъ небесный посланникъ и сообщилъ ему волю Творца. Воспламененный святою ревностію къ исполненію Божественнаго смотрѣнія, Годфредъ, поспѣшно собравъ прочихъ витязей, убѣждаетъ ихъ, не теряя времени, устремиться единодушно къ завоеванію Іерусалима. Слова героя поддерживаетъ пустынникъ Петръ, совѣтуя съ своей стороны избрать одного главнаго предводителя. Выборъ останавливается на Годфредѣ. Въ санѣ верховнаго вождя послѣдній дѣлаетъ смотръ вооруженному войску, а затѣмъ, принявъ всевозможныя мѣры предосторожности, немедленно выступаетъ въ походъ къ стѣнамъ священнаго города. Встревоженный извѣстіемъ о приближеніи непріятеля, іерусалимскій царь Аладинъ, въ видахъ воспрепятствовать врагамъ, опустошаетъ окрестности Іерусалима и укрѣпляетъ всячески свою столицу (пѣсня первая). Съ тою же цѣлію, по совѣту волшебника Исменя, онъ уноситъ въ свою божницу изъ одного христіанскаго храма икону Богоматери, но въ ту же ночь чудесный образъ незамѣтно исчезаетъ изъ языческаго капища. Подозрѣніе падаетъ на христіанъ. Разгнѣванный царь приказываетъ казнить ихъ безъ разбору. Чтобы спасти несчастныхъ, двое изъ христіанъ ни въ чемъ неповинные Олинтъ и Софронія поочередно называютъ себя виновниками похищенія. Уже готова была совершиться ихъ казнь, какъ явившаяся на помощь къ Аладину дѣва—воительница Клоринда испрашиваетъ имъ прощеніе;

Digitized by Google

царь подвергаетъ мнимыхъ преступниковъ и многихъ выдающихся христіанъ изгнанію изъ отечества. Часть изгнанныхъ пристаетъ къ воинству крестоносцевъ, которые въ это время остановились лагеремъ у Еммауса на одинъ день пути отъ Іерусалима. Вскорѣ сюда приходитъ посольство отъ египетскаго царя съ предложеніемъ союза на условіяхъ окончательнаго прекращенія войны въ Палестинѣ. Крестоносцы отвергаютъ предложенное условіе и, возмущенные надменнымъ поведеніемъ одного изъ пословъ, объявляютъ чрезъ нихъ египетскому владыкѣ войну (пѣснь вторая). Съ чувствомъ восторга и со слезами кротости и умиленія подходитъ крестоносное воинство ко святому городу. Войска невѣрныхъ, предупрежденныя сторожемъ, наблюдавшимъ съ высокой бойницы, стояли уже наготовѣ около городскихъ стѣнъ. Скоро завязалось сраженіе, въ которомъ отличились особеннымъ мужествомъ изъ лагеря христіанскаго Танкредъ и Ренальдъ, а изъ стана невѣрныхъ Клоринда, первая устремившаяся въ бой, и Аргантъ. Перевѣсъ однако склоняется на сторону христіанъ, и язычники укрываются за стѣнами города. Годфредъ располагаетъ войско въ долинѣ съ сѣверной стороны Іерусалима, уничтоживъ всякое сношеніе съ городомъ, и запасается изъ ближайшаго лѣса необходимымъ матеріаломъ для осадныхъ машинъ (пѣснь третья). Чтобы ослабить силы осаждающихъ, по дружному дѣйствію нечистыхъ духовъ, въ ряды христіанскихъ воиновъ является волшебница Армида подъ предлогомъ ходатайства о помощи противъ своего дяди, будто-бы незаконно завладѣвшаго ея наслѣдственнымъ престоломъ въ Дамаскѣ. Годфредъ сначала отказываетъ просительницѣ, но потомъ, внимая единодушнымъ мольбамъ прочихъ героевъ, соглашается исполнить ея просьбу. Поселившись среди христіанъ, хитрая волшебница красотою и коварствомъ успѣла очаровать многихъ витязей (пѣснь четвертая). Скоро между ними возгорается междуусобная вражда, окончившаяся смертью Жернанда и отъѣздомъ самаго сильнаго и храбраго Ренальда изъ союзническаго лагеря. Покидаютъ свой станъ и многіе другіе рыцари: десять изъ нихъ отправляются по жребію защищать права Армиды, иные же уходятъ самовольно и тайно, плѣненные ея искуснымъ обманомъ. Къ довершенію бѣдъ, получается извѣстіе о прибытіи враждебнаго египетскаго флота и о полномъ разграбленіи Арабами союзническаго провіантнаго каравана, а также объ ихъ угрожающихъ дѣйствіяхъ на будущее время, требующихъ значительной силы для своего уничтоженія. Въ войскѣ зарождается ропотъ. Годфредъ сильной рѣчью ободряетъ воиновъ, а самъ обдумываетъ средства вытти изъ затруднительнаго положенія (пѣснь пятая). Съ согласія главныхъ вождей, въ виду обѣихъ противныхъ сторонъ между Аргантомъ и Танкредомъ происходитъ поединокъ, въ которомъ герои наносятъ другъ другу значительныя раны. Дочь антіохійскаго тирана Эрминія, опасаясь за жизнь любимаго ею Танкреда, въ доспѣхахъ Клоринды проникаетъ въ ряды христіанъ, но, замѣченная передовыми отрядами, спасается бѣгствомъ (пѣснь шестая), укрываясь въ сосѣднемъ лѣсу у незнакомыхъ пастуховъ. Танкредъ, сильно неравнодушный къ Клориндѣ, узнавъ о ея мнимомъ присутствіи

Digitized by Google

въ христіанскомъ войскѣ, бросается, несмотря на свою болѣзнь, отыскивать по слѣдамъ героиню, сбивается съ пути и незамѣтно для себя попадаетъ въ качествѣ плѣнника въ волшебный замокъ Армиды. На шестой день послѣ перваго поединка Аргантъ, согласно тогда еще заключенному условію, снова выступаетъ въ бой. За отсутствіемъ Танкреда, на этотъ разъ по жребію выѣзжаетъ противъ него престарѣлый Раймондъ. Охраняемый нарочно посланнымъ для того съ неба ангеломъ, онъ готовъ былъ нанести противнику пораженіе, но Вельзевулъ обманомъ побуждаетъ искуснаго стрѣлка невѣрныхъ Орадина пустить стрѣлу въ Раймонда, и та ранитъ слегка героя. Возгорается общее ожесточенное сраженіе, въ которомъ принимаютъ участіе сами духи тьмы, и которое прекращается только съ наступленіемъ ночи (пѣснь седьмая). Среди крестоносцевъ распространяются одна за другой двѣ печальныя вѣсти—о совершенномъ истребленіи непріятелемъ шедшаго на помощь ополченія Датчанъ и о найденныхъ окровавленныхъ доспѣхахъ Ренальда и повидимому его обезглавленномъ трупѣ; въ войскѣ поднимается негодованіе, которое, усиливаемое злою фуріею Алекто, переходитъ въ открытое возмущеніе. Не теряя присутствія духа, Годфредъ спѣшитъ къ мятежникамъ и своимъ величіемъ и силою слова мгновенно прекращаетъ опасное волненіе (пѣснь восьмая). Ночью на христіанъ, слѣдуя коварному внушенію Алекто, неожиданно и одновременно нападаютъ многочисленныя полчища Арабовъ, предводительствуемыя султаномъ Солиманомъ, и отряды осажденныхъ во главѣ съ Аргантомъ и Клориндой. Завязывается сильный, отчаянный бой. Злые духи воспламеняютъ мужество невѣрныхъ. По повелѣнію Божію, архангелъ Михаилъ прогоняетъ въ адъ свирѣпыхъ помощниковъ, и христіане, при содѣйствіи внезапно появившихся рыцарей, когда-то увлеченныхъ Армидою, вновь одерживаютъ побѣду надъ супостатами; побѣжденные уходятъ въ городъ (пѣснь девятая). Солиманъ направляется съ поля битвы къ египетскому владыкѣ, но волшебникъ Исменъ убѣждаетъ его возвратиться въ Іерусалимъ и невидимо проводитъ во дворецъ Аладина, гдѣ въ то время шло совѣщаніе о текущихъ дѣлахъ. Появленіе храбраго героя и его неукротимая отвага ободряютъ Аладина, и онъ рѣшается продолжать войну съ непріятелемъ. Отдавъ послѣдній долгъ павшимъ въ сраженіи и объявивъ день осады города, Годфредъ приглашаетъ къ себѣ вмѣстѣ съ другими бывшихъ поклонниковъ Армиды. Отъ нихъ онъ узнаетъ, что Ренальдъ живъ и что именно онъ спасъ ихъ отъ плѣна, разбивъ сто ратниковъ, съ которыми злая волшебница послѣ издѣвательства надъ плѣнниками отправила ихъ въ даръ Египту. Обрадованные такимъ извѣстіемъ, поддержаннымъ вдохновенною рѣчью пустынника Петра, витязи расходятся по своимъ мѣстамъ (пѣснь десятая). Предъ началомъ рѣшительнаго нападенія на непріятеля, Годфредъ, по совѣту пустынника Петра, устрояетъ въ присутствіи всего войска и народа торжественное священнослуженіе. На слѣдующій день самымъ раннимъ утромъ христіане единодушно устремляются къ стѣнамъ города. Осажденные храбро встрѣчаютъ противниковъ. Съ обѣихъ сторонъ падаютъ многіе. Крестоносцы успѣваютъ однако проломить городскія

Digitized by Google

стѣны. Раненый Годфредъ удаляется въ свою палатку; тѣмъ временемъ невѣрные берутъ верхъ надъ осаждающими; только мужество Танкреда возвращаетъ опять преимущество послѣднимъ. Быстро исцѣленный, при невидимомъ содѣйствіи Ангела, врачемъ Эротимомъ, Годфредъ поспѣшно направляется въ бой; наступившая ночь прерываетъ сраженіе; христіане уносятъ раненыхъ въ станъ и при свѣтѣ огня исправляютъ поврежденную осадную башню (пѣснь одиннадцатая). Съ своей стороны и мусульмане заботятся о раненыхъ и задѣлываютъ проломы въ стѣнахъ города. Въ ту же ночь Клоринда съ Аргантомъ съ разрѣшенія Аладина проникаютъ въ непріятельскій лагерь и зажигаютъ главную бойницу; послѣдняя гибнетъ въ пламени. Отряды христіанъ преслѣдуютъ поджигателей, которые отступаютъ къ городу. Подъ прикрытіемъ боевой дружины Солимана, Аргантъ скрывается за городскими воротами; одна Клоринда, увлеченная пыломъ мести, остается внѣ города. Замѣченная, но не узнанная Танкредомъ, она вступаетъ съ нимъ въ бой; послѣ долгой взаимной борьбы герой смертельно ранитъ въ грудь противницу; умирая, Клоринда умоляетъ его совершить надъ нею святое крещеніе. Танкредъ исполняетъ ея желаніе и тутъ только узнаетъ, кто была его ужасная жертва. Въ отчаяніи онъ долго предается безумной скорби, пока сама Клоринда, явившись во снѣ страдальцу, не успокоиваетъ его. Аргантъ предъ народомъ даетъ торжественную клятву отмстить непремѣнною гибелью виновнику смерти Клоринды (пѣснь двѣнадцатая). Съ цѣлью воспрепятствовать христіанамъ устроить новую стѣнобитную машину, Исменъ очаровываетъ сосѣдній лѣсъ, откуда тѣ брали матеріалъ для своихъ осадныхъ орудій. Напрасно Годфредъ посылаетъ туда даже часть своего воинства, напрасно пытаются проникнуть въ таинственную сѣнь неустрашимый Алкастъ и самъ Танкредъ,—все кончается неудачею въ виду чудовищныхъ призраковъ и страшныхъ явленій. Наступившая сильная засуха усиливаетъ до крайности бѣдственное положеніе осаждающихъ; между ними поднимается сильный ропотъ, и многіе воины тайкомъ покидаютъ своего предводителя. Съ теплою, смиренною молитвою о помощи обращается Годфредъ къ Господу, и милосердный небесный Отецъ оживляетъ природу, посылая сильный, благотворный дождь на жаждущую землю; войско крестоносцевъ вновь ободряется духомъ и съ радостію пріемлетъ благіе дары небеснаго Владыки (пѣснь тринадцатая). По божественному внушенію, открытому въ сновидѣніи, Годфредъ рѣшается наконецъ возвратить въ бѣдствующій лагерь Ренальда. Два избранные рыцаря, согласно указанію пустынника Петра, направляются къ одному старцу, который сообщаетъ имъ, что Ренальдъ находится въ плѣну у коварной Армиды, обманомъ усыпившей героя и унесшей его въ волшебную страну, и что путь туда сопряженъ съ различнаго рода чудовищными препятствіями, при чемъ даетъ имъ необходимыя средства и наставленія для борьбы съ послѣднимъ (пѣснь четырнадцатая). При помощи неизвѣстной путеводительницы, рыцари переплываютъ моря и океанъ и пристаютъ къ одному изъ самыхъ отдаленныхъ острововъ. Здѣсь уже одни они поднимаются на высокую гору, прогоняя всевоз-

Digitized by Google

можныхъ встрѣчающихся чудовищъ таинственнымъ жезломъ старца; на самомъ верху горы путники видятъ двухъ плѣнительныхъ нимфъ, но, молча миновавъ ихъ, прямо направляются въ стоящій на берегу озера дворецъ (пѣснь пятнадцатая). Послѣдній имѣлъ видъ искусственно-запутаннаго лабиринта, въ срединѣ котораго красовался самый роскошный садъ. При руководствѣ полученной отъ старца книги, герои проникаютъ въ волшебный садъ и здѣсь незамѣчаемые видятъ Ренальда и Армиду. Когда волшебница оставила очарованнаго витязя, рыцари, подойдя къ Ренальду, даютъ ему возможность видѣть себя въ чудесномъ щитѣ, также взятомъ ими отъ старца. Какъ-бы пробужденный отъ сна, Ренальдъ спѣшитъ съ героями изъ замка къ ихъ стоявшей у берега лодкѣ. Здѣсь нагоняетъ его Армида, умоляя взять ее съ собою; Ренальдъ рѣшительно отказывается исполнить ея просьбу. Рыцари пускаются въ путь, оставивъ на берегу отъ злобы павшую въ обморокъ волшебницу. Придя въ себя, Армида рѣшается мстить до конца за оскорбленія, для чего поспѣшно удаляется сначала въ свой прежній замокъ, гдѣ когда-то держала въ плѣну провожавшихъ ее рыцарей и Танкреда, а затѣмъ къ—египетскому войску (пѣснь шестнадцатая). Съ высоко-поставленнаго на холмѣ богато-убраннаго трона осматривалъ египетскій калифъ свои и союзническія ополченія, когда прибыла къ нему вооруженная волшебница съ отрядомъ своихъ воиновъ. На послѣдовавшемъ затѣмъ пиру у верховнаго владыки она торжественно даетъ клятву отдать себя и все свое тому изъ полководцевъ, кто повергнетъ предъ нею голову Ренальда; всѣ вожди увѣряютъ клятвою свою готовность исполнить ея желаніе. Не дремлетъ и Ренальдъ съ своими путниками. Герои пристаютъ къ берегу, гдѣ опять встрѣчаютъ таинственнаго старца, который, воспламенивъ мужество Ренальда указаніемъ на знаменитыя дѣла его предковъ, изображенныя на огромномъ, дивномъ щитѣ, въ одну ночь доставляетъ ихъ на чудесной колесницѣ къ лагерю христіанъ (пѣснь семнадцатая). Повидавшись съ Годфредомъ и другими вождями и рыцарями и принесши, по наставленію пустынника Петра, покаяніе и молитву Господу, Ренальдъ отправляется въ заколдованный лѣсъ и тамъ уничтожаетъ всѣ чары волшебника. Христіане снова устрояютъ стѣнобитныя орудія. Вскорѣ Годфредъ узнаетъ о приближеніи египетскаго войска; чтобы предупредить соединеніе непріятелей, онъ быстро приступаетъ къ рѣшительной осадѣ города. Послѣ продолжительнаго и упорнаго сопротивленія, крестоносное воинство, невидимо поддерживаемое небесною силою, съ разныхъ сторонъ врывается въ крѣпость (пѣснь восемнадцатая). Танкредъ сходится съ Аргантомъ; противники уходятъ за городъ въ отдаленное мѣсто, гдѣ вступаютъ въ поединокъ другъ съ другомъ. Танкредъ убиваетъ Арганта, но и самъ отъ сильнаго утомленія падаетъ невдалекѣ замертво. Въ такомъ состояніи находитъ героя его оруженосецъ Вафринъ, возвращавшійся въ сопровожденіи Эрминіи изъ египетскаго лагеря, куда предъ началомъ послѣдняго приступа отправленъ былъ въ качествѣ соглядатая. Эрминія приводитъ въ сознаніе любимаго ею рыцаря, а подоспѣвшій случайно отрядъ

Digitized by Google

послѣдняго на рукахъ переноситъ своего предводителя въ городъ. Вафринъ немедленно передаетъ Годфреду въ присутствіи прочихъ вождей свои наблюденія надъ войскомъ египетскихъ союзниковъ, а также сообщаетъ о козняхъ Армиды и о составленномъ тамъ противъ него заговорѣ. Рѣшено дать отдыхъ войску, къ бойницѣ Давида, гдѣ заперлись Солиманъ и Аладинъ съ небольшою частью своего войска, приставить стражу, чтобы никто не могъ изъ нея выти, съ непріятелемъ сразиться въ полѣ и перемѣнить вооруженіе и одежду у Годфредовой охранной дружины (пѣснь девятнадцатая). Наконецъ появляются враждебные союзники. Годфредъ выводитъ изъ города и устрояетъ противъ нихъ свои войска. Завязывается послѣдній и рѣшительный бой. Христіане окончательно побѣждаютъ враговъ. Окруженный почтенными вождями, Годфредъ съ поля битвы направляется въ храмъ Спасителя и „тамъ, повѣсивъ мечъ, предъ Гробомъ ницъ падетъ и тако Богу силъ свершаетъ свой обѣтъ“ (пѣснь двадцатая).

Содержаніе „Россіады“ Хераскова. Въ Россіадѣ изображается завоеваніе Казани Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Въ самомъ началѣ поэмы указывается на главный предметъ ея и дѣлается обращеніе къ стихотворному духу и къ вѣчности:

„Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть Татаръ и гордость униженну,
Движенье ратное, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань.....
О ты, летающій превыше свѣтлыхъ звѣздъ,
Стихотворенья духъ! приди отъ горнихъ мѣстъ,
На слабое мое и темное творенье
Пролей твои лучи, искусство, озаренье!
Отверзи, вѣчность! мнѣ селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суета“..

Сѣверныя и восточныя окрайны Россіи терпятъ ужасныя притѣсненія отъ татаръ, которые, укоренясь въ Казани, неутомимо производятъ оттуда свои страшные набѣги и разоренія. Всѣ усилія Грознаго смирить хищниковъ оканчиваются неудачею. Возвратившись въ Москву, царь предается забавамъ и бездѣйствію, а раздраженные монголы съ большимъ ожесточеніемъ начинаютъ грабить даже отдаленные отъ нихъ предѣлы государства Русскаго. Льстецы—приближенные государя—всячески стараются скрыть отъ него дѣйствительное положеніе дѣлъ. Тогда самъ Господь чрезъ св. тверскаго князя Александра открываетъ Іоанну въ сновидѣніи свою волю и благословеніе на борьбу съ татарами. По совѣту Адашева, Грозный сначала отправляется на богомолье къ преподобному Сергію Радонежскому, а потомъ приказываетъ избранной думѣ собраться на совѣщаніе (пѣснь первая). Между боярами возникаетъ разногласіе: одни высказываются за войну, другіе—противъ нея; царь склоняется на сторону первыхъ и, несмотря на усиленныя мольбы царицы поручить главное начальство другому, рѣшается лично итти на непріятеля. Вѣсть объ измѣнѣ хана Алея ускоряетъ дѣло: немедленно объявляется походъ, сборнымъ мѣстомъ

Digitized by Google

для полковъ назначается Коломна и выстроенныя войска, окропленныя святою водою, выходятъ во главѣ съ государемъ изъ Москвы (пѣснь вторая). Смущенныя приближающеюся грозою разсѣянныя орды собираются въ свою столицу и всячески укрѣпляютъ ее. Казанская царица Сумбека, подъ предлогомъ спасенія отъ враговъ престола и царства, пытается устроить свое счастіе съ любимымъ ей таврическимъ княземъ Османомъ. Съ этою цѣлію она удаляетъ врага Османа старца Сеита на Каму вопросить духовъ объ исходѣ предстоящей борьбы съ Русскими, а сама тѣмъ временемъ объявляетъ народному собранію свою готовность выти замужъ, если ужъ того требуютъ обстоятельства. Вдругъ появляется изъ воды покрытая тиной и травой тѣнь мужа и предсказываетъ гибель казанцамъ; возвращается и Сеитъ съ печальнымъ предзнаменованіемъ, предлагая Сумбекѣ не увлекаться любовью, но для блага отечества избрать себѣ „въ супруга престола царскаго и пользы общей друга“. Выборъ народа падаетъ на князя Асталона. Сумбека отклоняетъ народное мнѣніе, имѣя въ виду Османа, которому и предлагаетъ себя и свое царство. Когда послѣдній рѣшительно отказывается исполнить ея желаніе, царица предается полному отчаянію. Вскорѣ однако, по внушенію внутренняго голоса, она идетъ за совѣтомъ на могилу своего мужа (пѣснь третья). Прахъ казанскихъ владыкъ покоился въ ближайшемъ мрачномъ лѣсу, полномъ всевозможныхъ призраковъ. Проникнувъ сюда ночью, Сумбека вызываетъ тѣнь покойнаго Сафгирея, которая совѣтуетъ ей выти за любящаго ее хана Алея, предсказываетъ скорую гибель Казанскаго царства и проситъ сжечь царскія гробницы и тѣмъ спасти ихъ отъ поруганія христіанъ. Царица исполняетъ просьбу мужа, и тѣни царей изъ зажженныхъ гробовъ устремляются въ адъ (пѣснь четвертая). Осматривая укрѣпленія Казани, Алей, вопреки наставленію явившагося ему закона бѣжать изъ страны невѣрныхъ, входитъ въ очарованный лѣсъ, гдѣ находитъ спящую Сумбеку. Пробужденная царица увлекаетъ его притворною любовью, и они оба на золотой колесницѣ торжественно вступаютъ въ Казань. Казанцы съ радостію признаютъ Алея своимъ царемъ, а тотъ готовится заключить миръ съ Москвою. Коварная Сумбека продолжаетъ однако любить Османа; въ свою очередь и Османъ, въ надеждѣ получить освобожденіе, оказываетъ ей мнимое расположеніе. Обманщики составляютъ между собою злой заговоръ противъ Алея, выжидая для его исполненія подходящаго случая; тѣмъ временемъ и Свіяжцы, подозрѣвая Алея въ измѣнѣ Москвѣ, доносятъ на него Московскому государю (пѣснь пятая). Русскіе отряды собирались въ Коломну и готовились уже къ выступленію подъ Казань, какъ вдругъ захваченный царскими гонцами татарскій перебѣжчикъ объявляетъ Грозному о нападеніи на русскіе предѣлы крымскаго хана Исканара со множествомъ татаръ. По внушенію Божественной Софіи, подтвержденному и единодушнымъ мнѣніемъ бояръ, царь отправляетъ на Исканара третью часть своего войска подъ предводительствомъ Курбскаго. Противники сходятся подъ Тулой. Татары терпятъ окончательное пораженіе, и побѣдитель вновь присоединяетъ свои побѣдоносные

Digitized by Google

полки къ остальному русскому воинству (пѣснь шестая). Начинается военный походъ: подъ начальствомъ Морозова по Окѣ и Волгѣ направляются внизъ суда съ оружіемъ и провіантомъ, остальное войско вмѣстѣ съ самимъ государемъ идетъ сухимъ путемъ. Сначала дѣло подвигается впередъ довольно успѣшно, но скоро различнаго рода невзгоды постигаютъ нашу армію: на Волгѣ поднимается страшная буря, угрожая плывущимъ неминуемою гибелью; опасность усиливается противодѣйствіемъ заволжскихъ татаръ, всячески старающихся воспрепятствовать судамъ пристать къ берегу; на сушѣ свирѣпствуютъ ужасные ураганы, а за ними настаютъ сильный зной и засуха съ ихъ обычными спутниками—жаждой и голодомъ, которые еще болѣе увеличиваются вслѣдствіе гибельныхъ опустошеній, произведенныхъ въ окрестностяхъ непріятелемъ. Между солдатами готово вспыхнуть волненіе; мудрый и мужественный Іоаннъ успѣваетъ во время прекратить его (пѣснь седьмая). Поражаемый такими бѣдствіями, онъ обращается съ теплою молитвою къ Господу, прося наказанія себѣ ради спасенія ни въ чемъ неповиннаго воинства. Царь засыпаетъ и видитъ во снѣ Магомета, который убѣждаетъ его принять магометанство, обѣщая ему за это громкую славу; въ негодованіи Грозный разитъ лжепророка, и безбожіе, перемѣнивъ принятый имъ образъ Магомета, предсказываетъ Іоанну печальную участь его позднѣйшаго царствованія. Въ ужасѣ государь встрепенулся и вотъ уже наяву передъ нимъ предсталъ одѣтый въ рубище Алей, приглашая его слѣдовать за собою въ лѣсъ къ ожидавшему его тамъ пустыннику. Іоаннъ повинуется Алею. Дорогою послѣдній разсказываетъ ему о своихъ приключеніяхъ въ Казани и о томъ, какъ онъ спасся изъ нея, благодаря преданнымъ ему людямъ. Скоро путники приходятъ къ пустыннику Вассіану. Старецъ, при помощи чудеснаго напитка, усыпляетъ Алея, а Грознаго возводитъ на гору добродѣтели, гдѣ сначала показываетъ ему наслаждающихся небеснымъ блаженствомъ отдаленнѣйшихъ и ближайшихъ его предковъ, а потомъ его собственное дальнѣйшее царствованіе, равно какъ и будущую судьбу Россіи и ея царей до Екатерины второй включительно; далѣе Іоаннъ не могъ проникнуть: „алтарь“ храма, гдѣ они читали таинственную, пророчественную книгу, „затрепеталъ, и мракъ надъ нимъ сгустился“ (пѣснь восьмая). Вмѣстѣ съ Алеемъ государь идетъ въ свой лагерь, гдѣ уже хватились и искали его. Всеобщая радость о возвращеніи царя, усиливаемая прекращеніемъ засухи, разлилась по всему русскому стану; къ довершенію ея, бунтовавшіе доселѣ Кокшайцы и Мордва присоединяются къ христіанскому войску, и союзники скоро вступаютъ въ Свіяжскъ, гдѣ встрѣчаются съ остальными русскими отрядами, плывшими по Окѣ и Волгѣ. Изъ Свіяжска Грозный отправляетъ въ Казань пословъ съ предложеніемъ мира. Въ это время въ Казани царило полное безначаліе. По удаленіи оттуда Алея, противъ котораго былъ составленъ заговоръ во главѣ съ Сумбекой, и котораго спасъ отъ неминуемой смерти Гирей, насильно выпроводивъ его за городъ, Казанцы, подстрекаемые Сагруномъ, стремившимся достигнуть престола хитростью, умертвивъ всѣхъ своихъ соперниковъ, готовы бы-

Digitized by Google

ли казнить Гирея; несчастнаго освобождаетъ отъ неизбѣжной гибели неожиданно явившійся на мѣсто казни Асталонъ. Саргунъ убѣждаетъ Османа наказать дерзкаго самоуправщика; Асталонъ убиваетъ Османа, но и самъ топетъ въ рѣкѣ Казанкѣ, увлекаемый въ нее своимъ конемъ, раненнымъ Сагруномъ, топя съ собою и виновника своей смерти. Хитрые казанцы изъявляютъ полную готовность быть русскими данниками, а залогомъ своей мнимой вѣрности шлютъ къ Іоанну царицу Сумбеку (пѣснь девятая). Грозный ласково принимаетъ плѣнницу, которая выражаетъ непреклонное желаніе принять вмѣстѣ съ прибывшимъ съ нею сыномъ крещеніе; въ то же время онъ узнаетъ отъ Гирея, что жители Казани рѣшились вести во что-бы-то-ни-стало войну съ Москвою, для чего пригласили къ себѣ на престолъ владѣтеля Каспійскихъ береговъ князя Едигера. Отправивъ заложниковъ въ свою столицу, Іоаннъ устремляется съ войскомъ къ Казани и окружаетъ крѣпость. Въ происшедшемъ первомъ сраженіи христіане одерживаютъ побѣду надъ мусульманами, захвативъ нѣсколькихъ плѣнниковъ; казанцы берутъ въ плѣнъ князя Палецкаго (пѣснь десятая), котораго потомъ освобождаетъ Гидромиръ подъ клятвою сразиться съ нимъ въ полѣ. Русскіе окружаютъ крѣпость стѣнобитнымъ орудіями и поспѣшаютъ подкопомъ. Возгорается новая битва, въ которой татары опять терпятъ пораженіе. Тогда изъ города появляются три витязя и надменно предлагаютъ покончить войну поединкомъ; съ согласія Грознаго выступаютъ противъ нихъ князья Курбскій, Мстиславскій и Палецкій, но скоро татары нарушаютъ условіе и бой становится всеобщимъ. На этотъ разъ непріятель сжигаетъ главную осадную машину и пересѣкаетъ приставленныя къ стѣнамъ лѣстницы, отражая такимъ образомъ осаждающихъ; тѣмъ не менѣе, послѣдніе снова берутъ перевѣсъ, и осажденные укрываются за стѣнами города. По приказанію царя, христіане погребаютъ павшихъ. Ночью поднимается сильная буря, отъ которой гибнутъ русскія суда съ нагруженными въ нихъ снарядами; тутъ же схватываютъ татарскаго соглядатая и съ угрозою прогоняютъ его обратно въ городъ. Татарскіе засадные отряды поминутно тревожатъ русское войско; по совѣту Хилкова, царь завлекаетъ ихъ къ своему лагерю и, окруживъ со всѣхъ сторонъ, подвергаетъ истребленію. Руководившій подкопомъ Розмыслъ подводитъ дѣло къ концу; отъ него русскіе узнаютъ о полномъ отчаяніи Казанцевъ. Четыре ихъ главныхъ защитника погибли въ междоусобной другъ съ другомъ борьбѣ. Уже Едигеръ склонялся къ сдачѣ крѣпости, какъ явившійся волшебникъ Нигринъ убѣдилъ его обождать немного, обѣщая полный успѣхъ при своемъ содѣйствіи (пѣснь одиннадцатая). На колесницѣ, влекомой четырьмя змѣями, чародѣй ѣдетъ въ пещеры Кавказскихъ снѣжныхъ горъ, откуда привозитъ въ Казань врученную ему Зимою окованную Стужу съ морозами и снѣгами, которыхъ и направляетъ со стѣнъ осажденнаго города на непріятеля. Наступаетъ страшный холодъ; выпадаетъ снѣгъ. Въ противодѣйствіе волшебнику христіане водружаютъ въ полѣ хоругвь, заключающую въ себѣ частицу животворящаго древа Господня, и зима исчезаетъ. По совѣту Адашева и Алея, Грозный пред-

Digitized by Google

лагаетъ осажденнымъ чрезъ ихъ плѣнника добровольную сдачу города, неминуемое паденіе котораго предсказывали различнаго рода знаменія: стонъ казанскихъ тѣней внѣ городскихъ стѣнъ; звонъ въ крѣпости колоколовъ церквей русскихъ; схожденіе на землю небесныхъ воителей по чудесной лѣстницѣ; багровое облако надъ городомъ. Татары бросаютъ со стѣнъ къ ногамъ русскаго царя стрѣлу съ запискою, гдѣ говорится, что они никогда не сдадутъ крѣпости, и готовятся дать полный отпоръ осаждающимъ. Теперь Грозный отдаетъ приказъ о рѣшительномъ приступѣ. Слѣдуетъ взрывъ городскихъ стѣнъ; русскіе врываются въ крѣпость и, послѣ долгой кровопролитной битвы, совершенно овладѣваютъ городомъ; Едигеръ рѣшается принять христіанство. Побѣда заканчивается благодарственною молитвою побѣдителей съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ по городскимъ улицамъ.

„Чело ко облакамъ Россія подняла,
Она съ тѣхъ дней цвѣсти во славѣ начала.
И есть ли кто сіе читающій твореньe,
Не будетъ уважать Казани покоренье,
Такъ слабо я дѣла Казанскія воспѣлъ;
Иль сердце хладное читатель мой имѣлъ.
Но Муза! общимъ будь вниманьемъ ободренна;
Екатерининымъ ты окомъ озаренна.“

Такъ заключаетъ авторъ свое произведеніе.

Особенности ложноклассической поэмы. Взятіе Іерусалима крестоносцами, изображенное въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“ Торквато-Тассо, и покореніе Казани Русскими, представленное въ „Россіадѣ“ Хераскова, принадлежатъ къ числу такихъ историческихъ явленій, которыя запечатлѣны характеромъ несомнѣнной важности для цѣлыхъ народовъ, принимавшихъ въ нихъ живое, дѣятельное участіе, и которыя поэтому имѣли и имѣютъ не личное, частное, но общенародное значеніе. То же самое должно сказать и относительно главнаго предмета каждой изъ остальныхъ ложноклассическихъ поэмъ. Слѣдовательно, *изображеніе историческихъ событій важныхъ, полныхъ широкаго,—общенароднаго интереса, составляетъ первую характеристическую черту поэмъ ложно-классическихъ, ставящую ихъ въ родственное отношеніе къ эпопеямъ классическимъ.*

Въ развитіи историческихъ происшествій при завоеваніи Іерусалима у Торквато-Тассо и Казани у Хераскова главными дѣйствующими лицами являются съ одной стороны, христіанскій Богъ и боги языческіе, небесное воинство и силы ада, съ другой,—одаренные неестественнымъ, нечеловѣческимъ могуществомъ богатыри герои, совершающіе чудеса храбрости (Танкердъ, Ренальдъ, Аргантъ, Солиманъ, Клоринда, Курбскій, Палецкій, Алей, Асталонъ, Гидромиръ и др.), а также волшебники и волшебницы (Исменъ, Армида, Сумбека, Нигринъ) съ ихъ небывалыми чародѣйствами (волшебный

Digitized by Google

замокъ Армиды, очарованный лѣсъ, путешествіе въ царство Зимы Нигрина и его дѣйствія по возвращеніи въ Казань и пр.). Все это придаетъ содержанію поэмъ весьма много невозможнаго, въ полномъ смѣслѣ вымышленнаго, во что, конечно, не вѣрятъ ни сами поэты, ни ихъ читатели, и что служитъ лишь прямымъ слѣдствіемъ подражанія поэмамъ классическимъ. *Чудесность, цѣликомъ граничащая съ фантастичностью, чудовищностью, второе отличительное свойство поэмы ложно-классической.*

Характеръ дѣйствующихъ лицъ, обстановка, при которой послѣднія совершаютъ свои героическіе подвиги, самые эти подвиги, а также весьма многія картины и сцены въ разсматриваемыхъ поэмахъ съ поразительной точностію воскрешаютъ соотвѣтствующія мѣста эпопей классическихъ. Готфредъ и Іоаннъ Грозный совмѣщаютъ въ себѣ мужество и доблесть Агамемнона и благочестіе Энея; пустынникъ Петръ обладаетъ благоразуміемъ Одиссея, Алей дружескою преданностію Патрокла и Палланта; Танкредъ и Курбскій своею неустрашимою храбростью, благородствомъ, стремленіемъ къ доброй славѣ и доступнымъ глубокой любви и страданію сердцемъ походитъ на Гектора; Ренальдъ, какъ и Ахиллесъ, отличается красотою, громадною силою, справедливостію, преданностію отечеству, неукротимымъ гнѣвомъ. Какъ по удаленіи Ахилла съ поля сраженія Троянцы наносятъ Грекамъ чувствительное пораженіе и проникаютъ до самыхъ ихъ кораблей, а Латиняне дѣлаютъ то же по отплытіи Энея, такъ и въ отсутствіе Ренальда осажденные мужественно отражаютъ всѣ нападенія христіанъ и даже угрожаютъ ихъ лагерю; только при содѣйствіи Ренальда Готфредъ смогъ завладѣть священнымъ городомъ, точно также какъ и Агамемнонъ успѣлъ проложить себѣ дорогу къ побѣдѣ надъ Троянцами лишь при помощи Ахиллеса послѣ окончательнаго съ нимъ примиренія. Танкредъ, Раймондъ, Курбскій, Палецкій и другіе витязи держатъ единоличный бой съ противниками, какъ и герои Гомера и Виргилія, при чемъ въ тѣхъ и другихъ поединкахъ часто принимаютъ участіе и силы невидимыя. Какъ Одиссея удерживаютъ у себя Калипсо и Цирцея, а Энея Дидона, такъ и Ренальда плѣняетъ Армида, а Алея Сумбека; Одиссея освобождаетъ изъ добровольнаго плѣна Эрмій, Энея—Меркурій, равнымъ образомъ Ренальдъ и Алей спасаются отъ хитрыхъ волшебницъ, благодаря другимъ рыцарямъ. Подобно Энею, сходившему въ адъ и тамъ узнавшему отъ Анхиза судьбу римскаго государства до императора Августа, и Ренальдъ видитъ на чудесномъ щитѣ старца знаменитыя дѣла своихъ предковъ, равно и Грозный, руководимый пустынникомъ Вассіаномъ, узнаетъ на горѣ пророчествъ судьбу своихъ предковъ и будущее Россіи

Digitized by Google

до императрицы Екатерины второй. Перечисленіе главныхъ вождей, участвовавшихъ при осадѣ Іерусалима и Казани напоминаетъ перечень въ Иліадѣ греческихъ кораблей, приплывшихъ подъ Трою, и героевъ Энеиды и т. п. *Доходящее до мельчайшихъ подробностей заимствованіе различныхъ мѣстъ изъ эпопей классическихъ съ прямою, беззастѣнчивою передѣлкою самаго содержанія классическаго героическаго эпоса представляетъ третью существенную особенность поэмы ложно-классической, сообщающую еще болѣе невѣроятности и чудовищной чудесности изображаемымъ въ ней историческимъ лицамъ и событіямъ.*

Оба писателя — Торквато-Тассо и Херасковъ, равно какъ и другіе поэты ложноклассики, опять-таки въ подражаніе Гомеру и Виргилію, на каждомъ шагу влагаютъ въ уста своихъ героевъ длинные монологи. Произносимые людьми, выдающимися по своему общественному положенію, эти монологи отличаются и соотвѣтствующимъ возвышеннымъ тономъ; отсюда, *отсутствіе простоты и естественности въ выраженіи, торжественный, напыщенный слогъ —четвертый характерный признакъ поэмы ложно-классической.*

Наконецъ, и по внѣшнимъ пріемамъ эпическаго творчества, и отчасти по размѣру стихосложенія, составу и названію — поэмы ложно-классическія самымъ близкимъ образомъ воспроизводятъ эпопеи классическія. По примѣру послѣднихъ онѣ начинаются, обыкновенно, вступленіемъ съ молитвеннымъ воззваніемъ къ Музѣ, вообще источнику вдохновенія и съ указаніемъ главнаго предмета пѣснопѣнія. За вступленіемъ открывается самое дѣйствіе, весьма часто съ средины изображаемаго событія. При каждомъ удобномъ случаѣ герои говорятъ длинныя рѣчи разнообразнаго содержанія, отчего излагаемыя происшествія представляются во всей своей полнотѣ и живости. Стихъ въ большинствѣ поэмъ или гекзаметръ или подходящій къ нему по своей серьезности и величавости александрійскій. Состоятъ онѣ изъ отдѣльныхъ пѣсней, число которыхъ равняется иногда двадцати четыремъ, какъ и въ эпопеяхъ Гомера, или двѣнадцати, какъ и въ Энеидѣ, и озаглавливаются по большей части съ окончаніемъ „ада“ и „ида“.

Изображеніе важныхъ, общенародныхъ историческихъ событій, чудесный фантастическій элементъ, беззастѣнчивая переработка на свой ладъ содержанія героическихъ, классическихъ поэмъ, торжественный, напыщенный слогъ и внѣшніе пріемы эпическаго творчества поэтовъ классиковъ—вотъ тѣ главныя и основныя правила, которыя неизмѣнно предъявлялись теоріею ложно-классической эпопеи къ поэмамъ этого пошиба, какъ необходимыя условія ихъ поэтическаго достоинства, добытыя изъ разбора образцовыхъ созданій Гомера и Виргилія. Но всѣ данныя требованія, касаясь исключи-

Digitized by Google

тельно внѣшней, случайной стороны поэтическихъ произведеній, нисколько не затрогивали ихъ красоты внутренной, художественной; напротивъ, своею мелочною условностію очи только стѣсняли поэтическое творчество, ставя для него слишкомъ узкіе, тѣсные, односторонніе предѣлы. Оттого-то строгое выполненіе законовъ теоріи ложно-классическаго эпоса привело поэтовъ ложно-классиковъ къ поразительной несообразности, заставивъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ разыгрывать неподходящія дѣйствія древнихъ грековъ и римлянъ, что далеко не соотвѣтствовало духу времени. Оттого-то во всѣхъ поэмахъ ложно-классическихъ такъ много отталкивающей лжи, наводящей скуку неестественности. Оттого-то, наконецъ, всѣ эти подражательныя творенія съ пресловутыми окончаніями на „ада“ и „ида“ навсегда отошли въ область исторіи, уступивъ по праву свое мѣсто жизненнымъ, полнымъ свободнаго творчества и художественнаго значенія поэмамъ новаго времени.

Поэма новаго времени. Родоначальникомъ поэмы новаго времени считается англійскій поэтъ Байронъ, дѣйствовавшій на литературномъ поприщѣ въ первой четверти минувшаго столѣтія (род. въ 1788 г. ум. въ 1824 г.); изъ его поэмъ замѣчательны: „Шильонскій узникъ,“ превосходно переведенная на русскій языкъ В. Жуковскимъ, „Гяуръ“ переведена А. Студицкимъ, „Абидосская невѣста“—переводъ И. Козлова, „Манфредъ“ — переводъ Д. Минаева, „Мазепа“ переведенъ Д. Михайловскимъ, „Корсаръ—Морской Разбойникъ“. У насъ первыми выдающимися въ этомъ родѣ опытами являются: „Кавказскій плѣнникъ, Братья разбойники, Бахчисарайскій фонтанъ, Цыганы, Полтава“—Пушкина; „Демонъ; Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова, Мцыри“ — Лермонтова. Для примѣра остановимся на „Шильонскомъ узникѣ“ Байрона и „Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“ – Лермонтова.

„Шильонскій узникъ.“

„Предисловіе. Замокъ Шильонъ, въ которомъ съ 1530 по 1537 годъ заключенъ былъ знаменитый Бониваръ, женевскій гражданинъ, мученикъ вѣры и патріотизма, находится между Клараномъ и Вильневомъ, у самыхъ восточныхъ береговъ озера Лемана. Изъ оконъ его видны, съ одной стороны, устье Роны, долина, ведущая къ Сенъ-Морицу и Мартиньи, снѣжныя Валлизскія горы и высокіе утесы Мальери, а съ другой—Монте, Шателяръ, Кларанъ, Веве, множество деревень и замковъ; передъ нимъ разстилается необъятная равнина водъ, ограниченная въ отдаленіи низкими, голубыми берегами, на которыхъ, какъ свѣтлыя точки, сіяютъ Лозанна, Моржъ и Ролль, а позади его па-

Digitized by Google

дает съ холма шумный потокъ. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ озеромъ, котораго глубина въ этомъ мѣстѣ простирается до 800 французскихъ футовъ. Можно подумать, что онъ выходитъ изъ воды, такъ какъ совсѣмъ не видно утеса, служащаго ему основаніемъ: гдѣ кончается поверхность озера, тамъ начинаются крѣпкія стѣны замка. Темница, въ которой страдалъ несчастный Бониваръ, до половины выдолблена въ гранитномъ утесѣ; своды ея, поддерживаемые семью колоннами, опираются на дикую, необтесанную скалу; на одной изъ колоннъ виситъ еще то кольцо, къ которому была прикрѣплена цѣпь Бонивара; на полу, у подошвы той же колонны, замѣтна впадина, вытоптанная ногами несчастнаго узника, который столько времени принужденъ былъ ходить на цѣпи своей все по одному мѣсту. Не подалеку отъ устья Роны, вливающейся въ Женевское озеро, не далеко отъ Вильнева, находится небольшой островокъ, единственный на всемъ пространствѣ Лемана: онъ не примѣтенъ, когда плывешь по озеру, но его можно легко различить изъ оконъ замка."

„Взгляните на меня: я сѣдъ;
Но не отъ хилости и лѣтъ,
Но страхъ внезапный въ ночь одну
До срока далъ мнѣ сѣдину.
Я сгорбленъ, лобъ наморщенъ мой,
Но не труды, не хладъ, не зной,
Тюрьма разрушила меня.
Лишенный сладостнаго дня,
Дыша безъ воздуха, въ цѣпяхъ,
Я медленно дряхлѣлъ и чахъ,
И жизнь казалась безъ конца.
Удѣлъ несчастнаго отца:
За вѣру смерть и стыдъ цѣпей,
Удѣломъ сталъ и сыновей.
Насъ было шесть; пяти ужъ нѣтъ.
Отецъ, страдалецъ съ юныхъ лѣтъ,
Погибшій старцемъ на кострѣ,
Два брата, павшіе во прѣ,
Отдавъ на жертву честь и кровь,
Спасли души своей любовь.
Три заживо схоронены
На днѣ тюремной глубины—
И двухъ сожрала глубина;
Лишь я, развалина одна,
Себѣ на горе уцѣлѣлъ,
Чтобъ ихъ оплакивать удѣлъ.
На лонѣ водъ стоитъ Шильонъ;
Тамъ, въ подземельѣ семь колоннъ
Покрыты влажнымъ мохомъ лѣтъ,
На нихъ печальный брежжетъ свѣтъ,
Лучъ ненарокомъ съ вышины
Упавшій въ трещину стѣны
И заронившійся во мглу,
И на сыромъ тюрьмы полу
Онъ свѣтитъ тускло-одинокъ,
Какъ надъ болотомъ огонекъ,
Во мракѣ вѣющій ночномъ.
Колонна каждая съ кольцомъ;
И цѣпи въ кольцахъ тѣхъ висятъ,
И тѣхъ цѣпей желѣзо—ядъ;
Мнѣ въ члены вгрызлося оно;
Не будетъ ввѣкъ истреблено
Клеймо, надавленное имъ.
И день тяжелъ глазамъ моимъ,
Отвыкнувшимъ съ столь давнихъ лѣтъ
Глядѣть на радующій свѣтъ;
И къ волѣ я душой остылъ
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ послѣдній былъ
Убитъ неволей предо мной,
И рядомъ съ мертвымъ я живой
Терзался на полу тюрьмы.
Цѣпями тѣми были мы
Къ колоннамъ тѣмъ пригвождены;
Хоть вмѣстѣ, но разлучены;
Мы шагу не могли ступить,
Въ глаза другъ друга различить:
Намъ блѣдный мракъ тюрьмы мѣшалъ,
Онъ намъ лицо чужое далъ—
И братъ сталъ брату незнакомъ.
Была услада намъ въ одномъ:
Другъ другу голосъ подавать,

Digitized by Google

Другъ другу сердце пробуждать
Иль былью славной старины,
Иль звучной пѣснію войны...
Но скоро то же и одно
Во мглѣ тюрьмы истощено;
Нашъ голосъ страшно одичалъ;
Онъ хриплымъ отголоскомъ сталъ
Глухой тюремныя стѣны;
Онъ не былъ звукомъ старины
Въ тѣ дни, подобно намъ самимъ,
Могучимъ, вольнымъ и живымъ.
Мечта-ль?.. но голосъ ихъ и мой
Всегда звучалъ мнѣ, какъ чужой.
Изъ насъ троихъ я старшій былъ;
Я жребій собственный забылъ,
Дыша заботою одной,
Чтобъ имъ не дать упасть душой.
Нашъ младшій братъ—любовь отца...
Увы! черты его лица
И глазъ умильная краса,
Лазоревыхъ, какъ небеса,
Напоминали нашу мать.
Онъ былъ мнѣ все, и увядать
При мнѣ былъ долженъ милый цвѣтъ,
Прекрасный, какъ тотъ дневной свѣтъ,
Который съ неба мнѣ свѣтилъ,
Въ которомъ я на волѣ жилъ.
Какъ утро, былъ онъ чистъ и живъ,
Умомъ младенчески-игривъ,
Безпечно веселъ самъ съ собой...
Но передъ горестью чужой
Изъ голубыхъ его очей
Бѣжали слезы, какъ ручей.
Другой былъ столь же чистъ душой;
Но духъ имѣлъ онъ боевой:
Могучъ и крѣпокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Радъ вызвать къ битвѣ цѣлый свѣтъ,
И въ первый рядъ на смерть готовъ...
Но безъ терпѣнья для оковъ.
И онъ отъ звука ихъ завялъ!
Я чувствовалъ, какъ погибалъ,
Какъ медленно въ печали гасъ
Нашъ братъ, незримый намъ, близъ насъ.
Онъ былъ стрѣлокъ, жилецъ холмовъ,
Гонитель вепрей и волковъ—
И гробъ тюрьма ему была:
Неволи сила не снесла.
Шильонъ Леманомъ окруженъ,
И водъ его со всѣхъ сторонъ
Неизмѣрима глубина;
Въ двойную волны и стѣна
Тюрьму совокупились тамъ;
Печальный сводъ, который намъ
Могилой заживо служилъ,
Изрытъ въ скалѣ подводной былъ,
И день и ночь была слышна
Въ него біющая волна
И шумъ надъ нашей головой
Струй, отшибаемыхъ стѣной.
Случалось, бурей до окна
Бывала взброшена волна,
И брызговъ дождь насъ окроплялъ;
Случалось, вихорь бушевалъ—
И содрагалася скала;
И съ жадностью душа ждала,
Что рухнетъ и задавитъ насъ:
Свободой былъ бы смертный часъ.
Середній братъ нашъ—я сказалъ—
Душой скорбѣлъ и увядалъ.
Унылъ, угрюмъ, ожесточенъ,
Отъ пищи отказался онъ:
Ѣда тюремная жестка;
Но для могучаго стрѣлка
Нужду переносить легко.
Намъ козъ альпійскихъ молоко
Смѣнила смрадная вода;
А хлѣбъ намъ былъ, какой всегда,
Съ тѣхъ поръ, какъ цѣпи созданы,
Слезами смачивать должны
Невольники въ своихъ цѣпяхъ.
Не отъ нужды скорбѣлъ и чахъ
Мой братъ: равно завялъ бы онъ,
Когда-бъ и нѣгой окруженъ
Безъ воли былъ... Зачѣмъ молчать?
Онъ умеръ... я-жь ему подать
Руки не могъ въ послѣдній часъ,
Не могъ закрыть потухшихъ глазъ;
Вотще я цѣпи грызъ и рвалъ—
Со мною рядомъ умиралъ
И умеръ братъ мой, одинокъ;
Я близко былъ и—былъ далекъ.
Я слышать могъ, какъ онъ дышалъ,
Какъ онъ дышать переставалъ,

Digitized by Google

Какъ вздрагивалъ въ цѣпяхъ своихъ
И какъ ужасно вдругъ затихъ
Во глубинѣ тюремной мглы...
Они, снявъ съ трупа кандалы,
Его безъ гроба погребли
Въ холодномъ лонѣ той земли,
На коей онъ невольникъ былъ.
Вотще я ихъ въ слезахъ молилъ,
Чтобъ брату тамъ могилу дать,
Гдѣ могъ бы дневной лучъ сіять;
То мысль безумная была,
Но душу мнѣ она зажгла:
Чтобъ воленъ былъ хоть въ гробѣ онъ.
„Въ темницѣ (мнилъ я) мертвыхъ сонъ
Не тихъ..“ Но былъ отвѣтъ слезамъ
Холодный смѣхъ; и братъ мой тамъ,
Въ сырой землѣ тюрьмы зарытъ,
И въ головахъ его виситъ
Пукъ имъ оставленныхъ цѣпей—
Убійцъ достойный мавзолей!
Но онъ нашъ милый, лучшій цвѣтъ,
Какъ ангелъ съ колыбельныхъ лѣтъ,
Сокровище семьи родной,
Онъ—образъ матери душой
И чистой прелестью лица,
Мечта любимая отца,
Онъ—для кого я жизнь щадилъ,
Чтобъ онъ бодрѣй въ неволѣ былъ,
Чтобъ послѣ могъ и волепъ быть...
Увы!... Онъ долго могъ сносить
Съ младенческою тишиной,
Съ терпѣньемъ яснымъ жребій свой.
Не я ему—онъ для меня
Подпорой былъ... Вдругъ день отъ дня
Сталъ упадать, ослабѣвалъ,
Грустилъ, молчалъ и молча вялъ.
О Боже! Боже! страшно зрѣть,
Какъ силится преодолѣть
Смерть человѣка... Я видалъ,
Какъ ратникъ въ битвѣ погибалъ;
Я видѣлъ, какъ пловецъ тонулъ
Съ доской, къ которой онъ прильнулъ
Съ надеждой гибнущей своей;
Я зрѣлъ, какъ издыхалъ злодѣй
Съ свирѣпой дикостью въ чертахъ,
Съ богохуленьемъ на устахъ,
Пока ихъ смерть не заперла:
Но тамъ былъ страхъ—здѣсь скорбь была,
Болѣзнь глубокая души,
Смиреннымъ ангеломъ въ тиши
Онъ гасъ, столь кротко—молчаливъ,
Столь безнадежно—терпѣливъ,
Столь грустно—томенъ, нѣжно—тихъ,
Безъ слезъ, лишь помня о своихъ
И обо мнѣ... увы! онъ гасъ,
Какъ радуга, плѣняя насъ,
Прекрасно гаснетъ въ небесахъ;
Ни вздоха скорби на устахъ,
Ни ропота на жребій свой;
Лишь слово изрѣдка со мной
О нашихъ прошлыхъ временахъ,
О лучшихъ будущаго дняхъ,
Объ упованьи... но, объятъ
Сей тратой, горшею изъ тратъ,
Я былъ въ свирѣпомъ забытьи.
Вотще, кончаясь, онъ свои
Терзанья смутныя скрывалъ...
Вдругъ рѣже, трепетнѣе сталъ
Дышать, и вдругъ умолкнулъ онъ...
Молчаньемъ страннымъ пробужденъ,
Я вслушиваюсь—тишина!
Кричу, какъ бѣшеный—стѣна
Откликнулась... и умеръ гулъ!
Я цѣпь отчаянно рванулъ
И вырвалъ... къ брату... брата нѣтъ!
Онъ на столбѣ—какъ вешній цвѣтъ,
Убитый хладомъ—предо мной
Висѣлъ съ поникшей головой.
Я руку тихую поднялъ;
Я чувствовалъ, какъ исчезалъ
Въ ней слѣдъ послѣдней теплоты,
И, мнилось, были отняты
Всѣ силы у души моей;
Все страшно вдругъ сперлося въ ней;
Я дико по тюрьмѣ бродилъ—
Но въ ней покой ужасный былъ;
Лишь вѣялъ отъ стѣны сырой
Какой-то холодъ гробовой;
И, взоръ на мертваго вперивъ,
Я зналъ лишь смутно, что я живъ.

Digitized by Google

О! сколько муки въ знаньи томъ,
Когда мы тутъ же узнаемъ,
Что милому уже не быть.
И мигъ сей могъ я пережить!
Не знаю, вѣра-ль то была,
Иль хладность къ жизни жизнь спасла?
Но что потомъ сбылось со мной—
Не помню... Свѣтъ казался тьмой,
Тьма—свѣтомъ; воздухъ исчезалъ;
Въ оцѣпенѣніи стоялъ,
Безъ памяти, безъ бытія,
Межъ камней хладнымъ камнемъ я,
И видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
Все блѣднымъ, темнымъ, тусклымъ мнѣ;
Все въ мутную слилося тѣнь;
То не были ни ночь, ни день,
Ни тяжкій свѣтъ тюрьмы моей,
Столь ненавистный для очей:
То было—тьма безъ темноты;
То было—бездна пустоты
Безъ протяженья и границъ;
То были образы безъ лицъ;
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ Промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизнь, ни смерть—какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и нѣмой.
Вдругъ лучъ внезапный посѣтилъ
Мой умъ.. то голосъ птички былъ.
Онъ умолкалъ, онъ снова пѣлъ,
И мнилось, съ неба онъ летѣлъ—
И былъ утѣшно-сладокъ онъ.
Имъ очарованъ, оживленъ,
Заслушавшись, забылся я;
Но не надолго... мысль моя
Стезей привычною пошла—
И я очнулся... И была
Опять передо мной тюрьма,
Молчанье то же, та же тьма;
Какъ прежде блѣдною струей
Прокрадывался лучъ дневной
Въ стѣнную скважину ко мнѣ...
Но тамъ же, въ свѣтѣ, на стѣнѣ
И мой пѣвецъ воздушный былъ:
Онъ трепеталъ, онъ шевелилъ
Своимъ лазоревымъ крыломъ;
Онъ озаренъ былъ яснымъ днемъ;
Онъ пѣлъ привѣтно надо мной...
Какъ много было въ пѣснѣ той!
И все то было про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобнаго не зрѣлъ;
Какъ я, казалось, онъ скорбѣлъ
О братѣ, и покинутъ былъ;
И онъ съ любовью навѣстилъ
Меня тогда, какъ ни однимъ
Ужъ сердцемъ не былъ я любимъ;
И въ сладость пѣснь его была:
Душа невольно ожила.
Но кто-жъонъ самъ былъ, мой пѣвецъ?
Свободный ли небесъ жилецъ,
Или, недавно изъ цѣпей,
По случаю къ тюрьмѣ моей,
Играя въ небѣ, залетѣлъ
И о свободѣ мнѣ пропѣлъ?
Скажу-ль?.. Мнѣ думалось порой,
Что у меня былъ не земной,
А райскій гость; что братскій духъ
Порадовать мой взоръ и слухъ
Примчался птичкою съ небесъ...
Но утѣшитель вдругъ исчезъ;
Онъ улетѣлъ въ сіянье дня...
Нѣтъ, нѣтъ, то не былъ братъ: меня
Покинуть такъ не могъ бы онъ,
Чтобъ я, съ нимъ дважды разлученъ,
Остался вовсе одинокъ,
Какъ трупъ межъ гробовыхъ досокъ.
Вдругъ новое въ судьбѣ моей:
Въ душѣ тюремныхъ сторожей
Какъ будто жалость путь нашла;
Дотолѣ ихъ душа была
Безчувственнѣй желѣзъ моихъ;
И что разжалобило ихъ?
Что милость вымолило мнѣ?
Не знаю... но опять къ стѣнѣ
Уже прикованъ не былъ я;
Оборванная цѣпь моя
На шеѣ билася моей;

Digitized by Google

И по тюрьмѣ я вмѣстѣ съ ней
Вдоль стѣнъ, кругомъ столбовъ
бродилъ,
Не смѣя братнихъ лишь могилъ
Дотронуться моей ногой,
Чтобы послѣднія земной
Святыни тамъ не оскорбить.
И мнѣ оковами прорыть
Ступени удалось въ стѣнѣ;
Но воля не входила мнѣ
И въ мысли... я былъ сирота,
Міръ сталъ чужой мнѣ, жизнь пуста,
Съ тюрьмой я жизнь сдружилъ мою:
Въ тюрьмѣ я всю свою семью,
Все, что знавалъ, все, что любилъ,
Невозвратимо схоронилъ,
И въ области веселой дня
Никто ужъ не жилъ для меня;
Безъ мѣста на пиру земномъ,
Я былъ бы лишній гость на немъ,
Какъ облако, при ясномъ днѣ
Потерянное въ вышинѣ,
И въ радостныхъ его лучахъ
Ненужное на небесахъ.
Но мнѣ хотѣлось бросить взоръ
На красоту знакомыхъ горъ,
На ихъ утесы, ихъ лѣса,
На близкія къ нимъ небеса,
Я ихъ увидѣлъ—и онѣ
Всѣ были тѣ-жъ: на вышинѣ
Вѣковъ созданіе—снѣга,
Подъ ними Альпы и луга,
И бездна озера у ногъ,
И Роны блещущій потокъ
Между зеленыхъ береговъ;
И слышенъ былъ мнѣ шумъ ручьевъ,
Бѣгущихъ, бьющихъ по скаламъ;
И по лазоревымъ водамъ
Сверкали ясны облака;
И быстрый парусъ челнока
Между небесъ и водъ летѣлъ;
И хижины веселыхъ селъ,
И кровы свѣтлыхъ городовъ
Сквозь паръ мелькали вдоль береговъ...
И я примѣтилъ островокъ:
Прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ
Въ пространствѣ былъ онъ голубомъ;
Цвѣли три дерева на немъ;
И горный воздухъ вѣялъ тамъ
По муравѣ и по цвѣтамъ,
И воды были тамъ живѣй,
И обвивалися нѣжнѣй
Кругомъ родныхъ береговъ онѣ
И видѣлъ я: къ моей стѣнѣ
Челнокъ съ пловцами приставалъ,
Гостилъ у брега, отплывалъ
И, при свободномъ вѣткѣ
Летя, скрывался въ далекѣ;
И въ облакахъ орелъ игралъ,
И никогда я не видалъ
Его столь быстрымъ: то къ окну
Спускался онъ, то въ вышину
Взлеталъ—за нимъ душа рвалась;
И слезы новыя изъ глазъ
Пошли, и новая печаль
Мнѣ сжала грудь... мнѣ стало жаль
Моихъ покинутыхъ цѣпей.
Когда-жъ на дно тюрьмы моей
Опять сойти я долженъ былъ—
Меня, казалось, обхватилъ
Холодный гробъ; казалось, вновь
Моя послѣдняя любовь,
Мой милый братъ передо мной
Былъ взятъ несытою землей;
Но какъ ни тяжко ныла грудь—
Чтобъ отъ страданья отдохнуть,
Мнѣ мракъ тюрьмы отрадой былъ.
День приходилъ—день уходилъ—
Шли годы—я ихъ не считалъ,
Я, мнилось, память потерялъ
О перемѣнахъ на земли.
И люди, наконецъ, пришли
Мнѣ волю бѣдную отдать.
За что, и какъ—о томъ узнать
И не помыслилъ я: давно
Считать привыкъ я за одно—
Безъ цѣпи-ль я, въ цѣпи-ль я былъ:
Я безнадежность полюбилъ;
И имъ я холодно внималъ,
Я равнодушно цѣпь снималъ,
И подземелье стало вдругъ
Мнѣ милой кровлей.... тамъ вокругъ,
Все однодомецъ было мой:
Паукъ темничный надо мной

Digitized by Google

Тамъ мирно ткалъ въ моемъ окнѣ;
За рѣзвой мышью при лунѣ
Я тамъ подсматривать любилъ;
Я къ цѣпи руку пріучилъ;
И... столь себѣ не вѣрны мы!...
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнулъ—
Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ".

В. Жуковскій.

„Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова."

„Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
Про твово любимаго опричника,
Да про смѣлаго купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслярный звонъ,
И причитывали, да присказывали.
Православный народъ ею тѣшился,
А бояринъ Матвѣй Ромодановскій
Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго;
А боярыня его бѣлолицая
Поднесла намъ на блюдѣ серебряномъ
Полотенце новое, шелкомъ шитое,
Угощали насъ три дня, три ночи,
И все слушали—не наслушались.

I.

Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
Не любуются имъ тучи синія:
То за трапезой сидитъ въ золотомъ вѣнцѣ,
Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Позади его стоятъ стольники,
Супротивъ его все бояре да князья,
По бокамъ его все опричники;
И пируетъ царь во славу Божію,
Въ удовольствіе свое и веселіе.
Улыбаясь, царь повелѣлъ тогда
Вина сладкаго, заморскаго
Нацѣдить въ свой золоченый ковшъ
И поднесть его опричникамъ.
—И всѣ пили, царя славили.
Лишь одинъ изъ нихъ, изъ опричниковъ,
Удалой боецъ, буйный молодецъ,
Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
Опустилъ онъ въ землю очи темныя,
Опустилъ головушку на широку грудь—
А въ груди его была дума крѣпкая.
Вотъ нахмурилъ царь брови черныя
И навелъ на него очи зоркія,
Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ
На младаго голубя сизокрылаго—
Да не поднялъ глазъ молодой боецъ.
—Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою,
И дубовый полъ на полчетверти
Онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ—
Да не вздрогнулъ и тутъ молодой боецъ.
—Вотъ промолвилъ царь слово грозное—
И очнулся тогда добрый молодецъ.
„Гей ты, вѣрный нашъ слуга Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ—звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью,
А которая въ тучку прячется—
Та стремглавъ на землю падаетъ...
Неприлично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушатися;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ

Digitized by Google

И семьею ты вскормленъ Малютиной!“
Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Царю грозному въ поясъ кланяясь:
Государь ты нашъ Иванъ Васильевичъ!
Не кори ты раба недостойнаго:
Сердца жаркаго не залить виномъ,
Думу черную не запотчивать!
А прогнѣвалъ я тебя—воля царская!
Прикажи казнить, рубить голову:
Тяготитъ она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится.
И сказалъ ему царь Иванъ Васильевичъ:
„Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленая?
Или конь захромалъ худо-кованный?
Или съ ногъ тебя сбилъ на кулачномъ бою,
На Москвѣ-рѣкѣ, сынъ купеческій?“
Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Покачавъ головою кудрявою:
—Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ;
Аргамакъ мой степной ходитъ весело;
Какъ стекло горитъ сабля вострая;
А на праздничный день, твоей милостью,
Мы не хуже другого нарядимся.
Какъ я сяду, поѣду на лихомъ конѣ
За Москву-рѣку покататися,
Кушачкомъ подтянуся шелковымъ,
Заломлю на бочекъ шапку бархатную,
Чернымъ соболемъ отороченную—
У воротъ стоятъ, у тесовыихъ
Красны дѣвушки, да молодушки,
И любуются, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядитъ, не любуется,
Полосатой фатой закрывается.
—На святой Руси, нашей матушкѣ
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно—что лебедушка,
Смотритъ сладко—какъ голубушка,
Молвитъ слово—соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитревной.
—Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостылили мнѣ кони легкіе,
Опостылили наряды парчевые,
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?....
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье басурманское;
И раздѣлятъ по себѣ злы татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельце бранное черкесское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сирыя дождикъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется...
И сказалъ, смѣясь, Иванъ Васильевичъ:
„Ну, мой вѣрный слуга! я твоей бѣдѣ,
Твоему горю пособить постараюся.
Вотъ возьми перстенекъ ты мой яхонтовый,

Digitized by Google

Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахѣ смышленой поклоняйся,
И пошли дары драгоцѣнные
Ты своей Аленѣ Дмитревнѣ:
Какъ полюбишься—празднуй свадебку,
Не полюбишься—не прогнѣвайся".
—Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ,
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
По закону нашему христіанскому...
Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

II.

За прилавкою сидитъ молодой купецъ,
Статный молодецъ Степанъ Парамоновичъ,
По прозванію Калашниковъ;
Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ.
Да недобрый день задался ему:
Ходятъ мимо баре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ.
Отзвонили вечерню во святыхъ церквахъ;
За Кремлемъ горитъ заря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо—
Гонитъ ихъ метелица, распѣваючи;
Опустѣлъ широкій гостинный дворъ.
Запираетъ Степанъ Парамоновичъ
Свою лавочку дверью дубовою,
Да замкомъ нѣмецкимъ со пружиною;
Злаго пса-ворчуна зубастаго
На желѣзную цѣпь привязываетъ.
И пошелъ онъ домой, призадумавшись,
Къ молодой хозяйкѣ за Москву-рѣку.
И приходитъ онъ въ свой высокій домъ,
И дивится Степанъ Парамоновичъ:
Не встрѣчаетъ его молода жена,
Не накрытъ дубовый столъ бѣлой скатертью,
А свѣча передъ образомъ еле теплится.
И кличетъ онъ старую работницу:
„Ты скажи, скажи, Еремѣевна,
А куда дѣвалася, затаилася
Въ такой поздній часъ Алена Дмитревна?
А что дѣтки мои любезныя—
Чай забѣгались, заигралися,
Спозаранку спать уложилися?"
—Господинъ ты мой, Степанъ Парамоновичъ!
Я скажу тебѣ диво дивное:
Что къ вечернѣ пошла Алена Дмитревна;
Вотъ ужъ попъ прошелъ съ молодой попадьей,
Засвѣтили свѣчи, сѣли ужинать—
А по сю пору твоя хозяюшка
Изъ приходской церкви не вернулася.
А что дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли,
Плачемъ плачутъ, все не унимаются.
И смутился тогда душой крѣпкою
Молодой купецъ Калашниковъ,
И онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу,—
А на улицѣ ночь темнехонька;
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаетъ слѣдъ человѣческій.
Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ—сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молода жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя расплетеныя
Снѣгомъ инеемъ пересыпаны;

Digitized by Google

Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя;
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.
„Ужъ ты гдѣ, жена, жена, шаталася,
На какомъ дворѣ, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одежа вся твоя изорвана?
Ужъ гуляла ты, пировала ты,
Чай, съ сынками все боярскими?..
Не на то предъ святыми иконами
Мы съ тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами мѣнялися!..
Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свѣту Божьяго ты не видѣла,
Мое имя честное не порочила“...
И услышавъ то, Алена Дмитревна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, какъ листочекъ осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
Въ ноги мужу повалилася.
„Государь ты мой, красно-солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои рѣчи—будто острый ножъ;
Отъ нихъ сердце разрывается,
Не боюсь смерти лютыя,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.
„Отъ вечерни я домой шла нонече
Вдоль по улицѣ одинешенька,
И послышалось мнѣ, будто снѣгъ хруститъ;
Оглянулася—человѣкъ бѣжитъ.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И онъ сильно схватилъ меня за руки
И сказалъ мнѣ такъ тихимъ шопотомъ:
—Что пужаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,
Я слуга царя, царя грознаго,
Прозываюся Кирибѣевичемъ,
А изъ славной семьи изъ Малютиной..
„Испугалася я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня цѣловать-ласкать,
И цѣлуя все приговаривалъ:
—Отвѣчай мнѣ, что тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу, я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня,
Хоть единый разъ на прощаніе!
И ласкалъ онъ меня, цѣловалъ меня:
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцѣлуи его окаянные..
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки;
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали....
„Какъ изъ рукъ его я рванулася
И домой стремглавъ бѣжать бросилась;
И остались въ рукахъ у разбойника
Мой узорный платокъ—твой подарочекъ,
И фата моя бухарская.
Опозорилъ меня, осрамилъ меня,
Меня честную, непорочную—
И что скажутъ злыя сосѣдушки?
И кому на глаза покажусь теперь?
Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
Злымъ охульникамъ въ поруганіе!
На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
У кого просить стану помощи?
На бѣломъ свѣтѣ я сиротинушка:
Родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,
Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка;
А мой старшій братъ, самъ ты вѣдаешь,
На чужой сторонушкѣ пропалъ безъ вѣсти;
А меньшой мой братъ—дитя малое,
Дитя малое, неразумное“...

Digitized by Google

Говорила такъ Алена Дмитревна,
Горючьми слезами заливаяся.
Посылаетъ Степанъ Парамоновичъ
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата поклонились,
И такое ему слово молвили:
„Ты повѣдай намъ, старшой нашъ братъ,
Что съ тобой случилось, приключилося,
Что послалъ ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь, морозную?“
—Я скажу вамъ, братцы любезные,
Что лиха бѣда со мною приключилася:
Опозорилъ семью нашу честную
Злой опричникъ царскій, Кирибѣевичъ:
А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому.
Ужъ какъ завтра будетъ кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на смерть биться, до послѣднихъ силъ;
А побьетъ онъ меня—выходите вы
За святую правду—матушку.
Не сробѣйте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свѣжѣй силою,
На васъ меньше грѣховъ накопилося,
Такъ авось Господь васъ помилуетъ!
И въ отвѣтъ ему братья молвили:
„Куда вѣтеръ дуетъ въ подпебесьи,
Туда мчатся и тучи послушныя;
Когда сизый орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются:
Ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь;
А ужъ мы тебя, родного, не выдадимъ!“
Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте,—дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

III.

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской, бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми;
Какъ красавица, глядя въ зеркало,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?
Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы московскіе
На Москву-рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ
Для охотницкаго бою, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
„Ой, ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?
Вы потѣшьте царя, нашего батюшку!
Выходите-ка на широкій кругъ;
Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ“!

Digitized by Google

И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную;
Подпершися въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника...
Трижды громкій кличъ прокликали—
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ, да другъ друга поталкиваютъ.
На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
„Присмирѣли, небось, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь для праздника,
Отпущу живаго съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя, нашего батюшку.“
Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны—
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю, да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально.
Супротивъ него онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ,
Да кудряву бороду поглаживаетъ.
И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
„А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого рода, племени,
Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было чѣмъ и похвастаться.“
Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
„А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго....
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный.
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!“
И услышалъ то, Кирибѣевичъ,
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ;
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...
Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается.
Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ во-первой купца Калашникова,
И ударилъ его посередъ груди,—
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева;
И погнулся крестъ, и вдавился въ грудь;
Какъ роса изъ-подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
„Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до-послѣднева!“
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со своею силою

Digitized by Google

И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ, со всего плеча.
И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.
И, увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалого купца
И привесть его предъ лице свое.
Какъ возговорилъ православный царь:
„Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
Вольной волею или нехотя,
Ты убилъ насмерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?“
—Я скажу тебѣ, православный царь:
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что—не скажу тебѣ;
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить—и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову,
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью...
„Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью“...
Какъ на площади народъ собирается;
Заунывный гудитъ-воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую;
По высокому мѣсту лобному,
Во рубахѣ красной съ яркой запонкой,
Со большимъ топоромъ, навостреннымъ,
Руки голыя потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалого бойца дожидается;
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Со родными братьями прощается:
„Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
Поцѣлуемтесь, да обнимимтесь
На послѣдее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Аленѣ Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви Божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную.“
И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, и позорною;
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.
Схоронили его за Москвой-рѣкой,
Во чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ тульской, рязанской, владимірской,

Digitized by Google

И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безыменной могилкою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится,
Пройдетъ молодецъ—пріосанится,
Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку.

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали—красно и кончайте;
Кождому правдою и честью воздайте.
Тороватому боярину—слава!
И красавицѣ-боярынѣ—слава!
И всему народу христіанскому—слава!"

Свойства поэмы новаго времени. Байронъ влагаетъ въ уста бывшаго шильонскаго узника (знаменитаго женевскаго гражданина Бонивара,—мученика вѣры и патріотизма) разсказъ о вынесенныхъ послѣднимъ, во время заключенія въ замкѣ Шильонѣ, ужасныхъ тѣлесныхъ и особенно душевныхъ мученіяхъ въ присутствіи двухъ постепенно угасавшихъ отъ неволи и умершихъ одинъ за другимъ сильно любимыхъ имъ младшимъ братьевъ. Страдальцы были прикрѣплены цѣпями къ различнымъ, находившимся въ сыромъ и мрачномъ подземельѣ, колоннамъ, такъ что не могли ни ступить шагу, ни различить другъ друга. Сначала ихъ единственною усладою было „другъ другу голосъ подавать... но скоро то же и одно во мглѣ тюрьмы истощено", и вотъ медленно увядаетъ привыкшій къ свободѣ, могучій и крѣпкій средній братъ:

„Онъ былъ стрѣлокъ, жилецъ холмовъ,
Гонитель вепрей и волковъ;"

за нимъ, послѣ долгой борьбы съ неумолимой, суровой судьбою, гибнетъ и младшій—

„Сокровище семьи родной,
Онъ образъ матери душой
И чистой прелестью лица,
Мечта любимая отца;
Какъ утро, былъ онъ чистъ и живъ:
Умомъ младенчески игривъ,
Безпечно веселъ самъ съ собой...
Но передъ горестью чужой
Изъ голубыхъ его очей
Бѣжали слезы, какъ ручей".

Невыносимо тяжело стало состояніе оставшагося въ живыхъ страдальца: въ отчаяніи онъ вырвалъ державшую его цѣпь, бросился къ умиравшему любимцу и вскорѣ впалъ въ страшное, томящее оцѣпенѣніе. Несчастный пришелъ въ себя, услыхавъ пѣніе птички, какъ-бы единственнаго существа, съ любовію, откликнувшаго на его горе, и опять началось для него обычное теченіе жизни; только теперь онъ свободно бродилъ по тюрьмѣ съ оборванной цѣпью на шеѣ, совершенно чуждый міру и равнодушный къ живой природѣ, которую могъ наблюдать, поднявшись къ стѣнной трещинѣ по сту-

Digitized by Google

пенямъ, нарочно выбитымъ имъ въ стѣнѣ оковами. Онъ до того сроднился съ своимъ положеніемъ, что считалъ темничный мракъ своею отрадою и даже при освобожденіи съ грустью вышелъ изъ своего невыносимаго прежде жилища.

Лермонтовъ въ своей пѣснѣ передаетъ вполнѣ согласное съ духомъ исторіи, хотя и вымышленное, обстоятельство смерти купца Калашникова, убившаго на кулачномъ бою за оскорбленіе своей жены любимаго царскаго опричника Кирибѣевича и за это подвергшагося смертной казни по приказанію Грознаго. Поэтъ самыми яркими красками рисуетъ жизнь тогдашняго русскаго общества: шумные придворные пиры, своеволіе опричниковъ, раздражительный характеръ государя, грубыя кулачныя потѣхи, патріархальную простоту и святость семейныхъ отношеній въ коренной, русской купеческой средѣ. Удалой царскій опричникъ Кирибѣевичъ влюбляется въ жену купца Калашникова—молодую красавицу Алену Дмитревну. На пиру во дворцѣ онъ откровенно признается государю въ этой страсти; Грозный готовъ помочь своему любимцу, но тутъ же узнаетъ отъ него, „что красавица въ церкви Божіей перевѣнчена“. Не останавливающійся ни предъ какими препятствіями опричникъ наноситъ однако публичное оскорбленіе Аленѣ Дмитревнѣ, когда та возвращалась домой отъ вечерни изъ храма Божьяго. Обиженный мужъ рѣшается вмѣстѣ съ двумя младшими братьями отмстить во что-бы-то-ни-стало за поруганную честь цѣлой семьи дерзкому своевольнику; на кулачномъ бою на Москвѣ—рѣкѣ онъ убилъ въ поединкѣ противника, но и самъ по гнѣву Грознаго сложилъ буйную головушку отъ руки палача жестокаго подъ ударомъ топора навостреннаго.

Оба случая—страданія въ заключеніи Шильонскаго узника и насильственная смерть купца Калашникова, поэтически переданные названными писателями, по своему характеру не принадлежатъ къ числу важныхъ, общенародныхъ историческихъ событій; тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ въ жизни своего лица имѣлъ роковое значеніе: заключеніе въ замкѣ Шильонѣ и вынесенныя тамъ тѣлесныя и особенно нравственныя мученія самымъ гибельнымъ образомъ отразились на Шильонскомъ узникѣ, сдѣлавъ его совершенно равнодушнымъ ко всему окружающему; столкновеніе же купца Калашникова съ своевольнымъ опричникомъ окончилось для обоихъ соперниковъ кровавою драмою — смертію. Такія происшествія въ судьбѣ частныхъ лицъ, хотя и лишенныя общенароднаго историческаго значенія, невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе каждаго, какъ своего рода событія, только событія частныя, личныя. Впрочемъ, вымышленное Лермонтовымъ обстоятельство смерти купца Калашникова нагляднѣе любого историческаго факта отражаетъ въ

Digitized by Google

себѣ суровый вѣкъ Грознаго, а въ Полтавѣ Пушкина прямо затрогивается уже цѣлое историческое явленіе: окончательная борьба подъ Полтавою Русскихъ со Шведами. Слѣдовательно, *предметомъ и содержаніемъ поэмы новаго времени, какъ и эпопеи классической, служитъ изображеніе замѣчательныхъ происшествій, только не исключительно общенародныхъ, историческихъ, но и общественныхъ и частныхъ, и дѣйствительныхъ и вымышленныхъ—это первое.*

Разсказъ объ ужасныхъ физическихъ и особенно нравственныхъ страданіяхъ Шильонскаго узника вложенъ Байрономъ въ уста самаго же страдальца. Естественно, что послѣдній на каждомъ шагу невольно выражаетъ всѣ тѣ страшныя впечатлѣнія и мучительныя чувствованія, какія пришлось пережить ему въ своемъ заключеніи. Отсюда личность разсказчика, а за нею самого поэта ярко выступаетъ предъ глазами читателя. То же самое, только въ различной мѣрѣ и степени—замѣчается и въ другихъ поэмахъ новаго времени. *Внесеніе лирическаго, субъективнаго элемента, иначе—отраженіе душевнаго настроенія поэта—второе свойство поэмы новаго времени, существенно отличающее ее отъ эпопеи классической.*

Итакъ, *подъ именемъ поэмы новаго времени разумѣется эпическое произведеніе, въ которомъ изображается какое-либо замѣчательное происшествіе, прерываемое по мѣстамъ выраженіемъ душевнаго настроенія поэта.*

Основная черта содержанія поэмы новаго времени—изображеніе различнаго рода важныхъ, замѣчательныхъ происшествій, служа отличительнымъ признакомъ этого вида поэмъ, въ то же время ставитъ ихъ въ нѣкоторое родство съ эпопеями классическими; но есть и еще нѣсколько данныхъ для подобнаго соотношенія между тѣми и другими поэмами. Сюда принадлежатъ: *во-первыхъ*, главныя дѣйствующія лица новыхъ поэмъ, возвышающіяся надъ уровнемъ обыкновенныхъ смертныхъ тѣми или иными свойствами, богатыя силами, только въ большинствѣ случаевъ не физическими—тѣлесными, чѣмъ прежде всего отличаются герои—богатыри поэмъ классическихъ, но преимущественно и главнымъ образомъ—духовными сильными страстями, твердою волею и пр., каковы Шильонскій узникъ и весьма многіе герои поэмъ Пушкина, Лермонтова; *во-вторыхъ*, глубокая, подобно поэмамъ классическимъ, національность или народность, т. е. выраженіе нравовъ и обычаевъ того народа или племени, среди котораго приходится дѣйствовать героямъ, что напр. такъ замѣтно въ пѣснѣ Лермонтова; *въ третьихъ*, простой, естественный и вмѣстѣ съ тѣмъ обладающій эпическою силою и изобразительностію слогъ, какъ въ той же поэмѣ Лермонтова, и наконецъ, *въ четвертыхъ*, истинная, какъ у Гомера и Виргилія, ху-

Digitized by Google

дожественность. Все это, рѣзко отличая поэмы новаго времени отъ подражательной поэмы ложноклассической, даетъ имъ вполнѣ заслуженное, законное основаніе называться такимъ именемъ.

Басня.

Происхожденіе басни. Басня на Востокѣ. Другою формою искусственнаго эпоса, создавшеюся на почвѣ чисто народной эпической поэзіи, является *басня* Какъ древнѣйшая поэма образовалась изъ отдѣльныхъ былинъ и историческихъ пѣсенъ, такъ и начальная басня возникла изъ обломковъ животныхъ сказокъ. Когда въ народѣ значительно ослабѣла непосредственная связь съ природой и старыя миѳическія воззрѣнія, вслѣдствіе постояннаго опыта, образованія и постороннихъ сосѣднихъ вліяній, мало-по-малу потеряли свою обычную свѣжесть, тогда сами собою стали забываться и постепенно измѣняться и прежніе разсказы изъ звѣринаго эпоса. Незамѣтно вкрадывались въ нихъ преднамѣренныя сужденія, затаенныя мысли, скрытыя наставленія и тому подобныя черты, совершенно чуждыя наивному народному творчеству. Наконецъ, въ рукахъ талантливыхъ писателей — моралистовъ, животныя обратились въ поэтическіе образы людей, дѣйствія и отношенія безсловесныхъ — въ наглядныя отображенія человѣческой жизни, и довольно обширныя по величинѣ сказки о животныхъ, естественно, перешли въ сравнительно короткія сказанія—басни. Началось это еще на отдаленномъ востокѣ—въ Индіи. Уже около V в. до Р. Хр. мудрецомъ Вишну-Сармою для сыновей одного индійскаго царя былъ составленъ сборникъ поучительныхъ разсказовъ о животныхъ, называемый „Панча—тантра," т. е. пять отдѣленій, пятокнижіе. Впослѣдствіи онъ былъ переведенъ на другіе азіатскіе и европейскіе языки и не разъ передѣлывался и издавался въ своемъ отечествѣ. Другимъ выдающимся собраніемъ индійскихъ басенъ признается „Гитопадеса", что значитъ *цѣлительный* или *врачъ-другъ, дружеское наставленіе.* Гитопадеса представляетъ позднѣйшую передѣлку Панча—тантры и содержитъ въ себѣ четыре книги правоучительныхъ басенъ, изложенныя наполовину прозой, вполовину стихами; книги носятъ слѣдующія заглавія: Митралабга—пріобрѣтеніе друзей, Сухрибгеда—разъединеніе друзей, Виграха-война и Сандги - миръ. Гитопадеса, какъ и Панча-тантра, переведена на азіатскіе и европейскіе языки. Вотъ для примѣра нѣсколько индійскихъ басенъ.—*Изъ Панча-тантры*:

„Кагла-Сарма и ракъ".

„Въ городѣ Сомапури жилъ браминъ Кагла-Сарма. Этотъ браминъ, живя въ глубокой бѣдности, вслѣдствіе счастливыхъ обстоятельствъ, дожилъ вдругъ до блистательнаго счастія. Тогда онъ отправился въ

Digitized by Google

паломничество къ Гангу, чтобы получить отпущеніе грѣховъ, омывшись въ водахъ священной рѣки. Онъ приготовилъ все для путешествія и отправился въ дорогу. Однажды, въ пустынѣ, близъ рѣки Сарасвати, онъ захотѣлъ совершить въ ней омовеніе. Когда онъ былъ въ водѣ, къ нему подплылъ ракъ и спросилъ его: куда онъ отправляется?— Къ Гангу, отвѣчалъ тотъ.— Мнѣ наскучило, сказалъ ракъ, жить въ этихъ неудобныхъ мѣстахъ. Окажи мнѣ, прошу тебя, важную услугу—перенеси меня въ какое-нибудь другое мѣсто, гдѣ бы мнѣ было лучше жить. Ты можешь быть увѣренъ, что не обяжешь неблагодарнаго. Удивленный этими послѣдними словами, браминъ спросилъ: какъ можетъ случиться, чтобы такое ничтожное существо, какъ ты, могло оказать какую-нибудь услугу человѣку, а тѣмъ болѣе брамину?—Тебѣ отвѣтитъ за меня слѣдующій примѣръ, отвѣчалъ ракъ:

Царь и слонъ.

Однажды, когда царь Адгилія-Варма былъ на охотѣ, онъ увидалъ огромнаго слона, испугавшаго его свиту. Царь приказалъ захватить этого слона. Для этого вырыли глубокую яму и покрыли ее древесными вѣтвями и листьями. Послѣ чего царская свита, окруживъ слона, не оставила ему другаго выхода, кромѣ того, который велъ къ ямѣ, куда онъ и упалъ, думая спастись бѣгствомъ. Царь, довольный успѣхомъ, приказалъ, чтобы слона оставили въ ямѣ до тѣхъ поръ, пока голодъ обезсилитъ его и сдѣлаетъ способнымъ къ укрощенію. И онъ возвратился во дворецъ со своею свитою. Черезъ два дня послѣ того, браминъ, прогуливавшійся по берегу рѣки Юшана, подошелъ къ ямѣ и увидѣлъ слона. Тотъ разсказалъ ему о своемъ несчастіи и просилъ помощи.—Я вижу одно только средство, отвѣчалъ браминъ: если ты когда-нибудь оказалъ кому-нибудь услугу, то призови его.—Я не помню, отвѣчалъ слонъ, чтобы оказалъ услугу кому-либо, кромѣ крысъ, и вотъ какимъ образомъ:

Слонъ и Крысы.

Въ Калинга-Дессѣ правилъ царь Суварна-Багу. Въ одинъ годъ въ царствѣ его появилось безчисленное множество крысъ, пожиравшихъ всѣ растенія и распространявшихъ всюду опустошеніе. Жители собрались и отправились къ царю умолять его найти какой-либо способъ освободить страну отъ этой язвы. Царь собралъ охотниковъ со всего царства, добылъ множество сѣтей и силковъ и отправился на охоту за крысами. Съ трудомъ и терпѣніемъ нашли средство выгнать ихъ всѣхъ изъ гнѣздъ; ихъ поймали и заперли живыми въ большихъ глиняныхъ сосудахъ, гдѣ онѣ должны были умереть съ голоду. Въ это время случай привелъ меня (говоритъ слонъ) къ этому мѣсту. Начальникъ захваченныхъ крысъ позвалъ меня и умолялъ сжалиться надъ нимъ и его товарищами. Я разбилъ сосуды и возвратилъ свободу крысамъ. Онѣ высказали мнѣ большую благодарность и обѣщали если я когда-нибудь буду въ затруднительномъ положеніи, сдѣлать для меня все, чтобъ быть мнѣ полезными.—Итакъ, сказалъ браминъ, если ты оказалъ крысамъ важную услугу, зови, въ свою очередь, къ себѣ

Digitized by Google

на помощь крысъ. Онъ сказалъ и, пожелавъ ему счастливаго успѣха, пошелъ своей дорогой. Слонъ, оставшись одинъ, призвалъ начальника крысъ. тотъ явился безъ замедленія, обѣщалъ ему помочь и ободрялъ слона, прося его не терять мужества. Потомъ онъ созвалъ крысъ со всего царства и заставилъ ихъ рыть землю вокругъ ямы. Слонъ, поднимаясь по мѣрѣ того, какъ яма наполнялась землею, вскорѣ былъ въ состояніи выйти оттуда и былъ обязанъ своимъ спасеніемъ крысамъ, которыхъ самъ спасъ прежде.

Убѣжденный этими двумя разсказами, браминъ взялъ рака съ собою и вскорѣ же имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости его словъ.

Воронъ, Змѣя, Браминъ и Ракъ.

Однажды браминъ, уставшій въ дорогѣ, уснулъ подъ деревомъ. Вблизи жила чудовищная змѣя, заключившая союзъ съ ворономъ. Всякій разъ, когда путешественникъ проходилъ по близости этого мѣста и засыпалъ въ тѣни какого-нибудь дерева, воронъ, сидѣвшій на-сторожѣ, предупреждалъ объ этомъ змѣю. Она тихо приползала и вливала свой ядъ въ тѣло несчастнаго, который тотчасъ же умиралъ. Воронъ и съ Кагла-Сармою поступилъ какъ съ другими: онъ отправился къ змѣѣ и далъ ей знать. Браминъ былъ ужаленъ и умеръ. Вся семья ворона собралась поклевать его, но когда воронъ сѣлъ на карманъ брамина, ракъ схватилъ его за шею и сжалъ такъ, что чуть не задушилъ. Воронъ проситъ пощады. Ракъ хочетъ отпустить его только съ тѣмъ, чтобы брамину была возвращена жизнь. Воронъ сзываетъ свою родню и разсказываетъ ей свои несчастія. Ракъ не выпускаетъ его. Родные ворона отправляются къ змѣѣ, которая, узнавъ о желаніи своего друга, приближается къ трупу и, приложивъ свою пасть къ тому мѣсту, гдѣ укусила его, высасываетъ весь ядъ, введенный въ тѣло брамина, — и возвращаетъ ему жизнь. Узнавъ обо всемъ, что было, браминъ благодаритъ рака, но проситъ отпустить ворона, котораго ракъ продолжаетъ душить. Поэтому ракъ разсказываетъ новую басню, въ доказательство того, что не надо щадить злыхъ, когда держишь ихъ въ своей власти.“

Изъ Гитопадесы: „Жилъ левъ, постоянно истреблявшій животныхъ; тѣ, чтобы уменьшить число жертвъ, рѣшили предложить ему посылать всякій день одного изъ нихъ въ пищу ему, если только онъ перестанетъ вести противъ нихъ кровавую войну, жертвы которой далеко превышаютъ его потребности. Левъ принялъ это предложеніе, и животныя въ точности исполняли данное ими обѣщаніе. Однажды пришла очередь быть съѣденнымъ старому и хитрому зайцу. Заяцъ тихими шагами отправляется ко льву, который, проголодавшись, говоритъ ему сердито: „Отчего ты пришелъ такъ поздно?“—Въ этомъ не моя вина, отвѣчаетъ заяцъ. Я былъ остановленъ на дорогѣ и задержанъ другимъ львомъ.—„Иди скорѣе и покажи мнѣ, гдѣ этотъ негодяй“, говоритъ левъ, желая насытиться чѣмъ-нибудь побольше зайца. Тотъ привелъ царя звѣрей къ глубокому колодцу, въ водѣ котораго левъ увидалъ свое изображеніе. Тотчасъ, въ гнѣвѣ, левъ бросается на своего соперника и, умирая въ колодцѣ, спасаетъ умнаго зайца, который долженъ былъ сдѣлаться его пищею.“

Digitized by Google

Ракъ, слонъ, крысы и всѣ остальныя неразумныя твари данныхъ произведеній, сохраняя, какъ и въ звѣриномъ эпосѣ, существенныя свойства своей природы, въ то же время выступаютъ для человѣка въ качествѣ живыхъ образцовъ, съ яснымъ намекомъ на то, какимъ образомъ долженъ поступать онъ при извѣсныхъ условіяхъ. Разсказы объ ихъ приключеніяхъ, составляющіе суть баснеинаго вымысла, чаще всего приводятся по поводу частныхъ случаевъ въ родѣ назидательныхъ происшествій для подтвержденія какого-либо положенія. Если послѣднее высказывается прямо или по крайней мѣрѣ достаточно ясно, то, обыкновенно, оно ставится впередъ и самого сказочнаго повѣствованія, дѣлая его лишь дальнѣйшимъ своимъ развитіемъ и такимъ образомъ, естественно сливаясь съ нимъ въ одно неразрывное цѣлое. Отсюда вся басня принимаетъ характеръ наглядиаго разъясненія выраженной въ началѣ мысли, форму фактическаго доказательства основной истины, которое авторъ заимствуетъ изъ міра безсловесныхъ существъ, заставляя ихъ говорить и дѣйствовать по-человѣчески Такимъ образомъ *восточная басня представляетъ собою вымышленный поэтическій разсказъ изъ жизни животныхъ, приводимый, обыкновенно, въ качествѣ осязательнаго довода, единичнаго примѣра для выясненія той или иной нравоучительной идеи; послѣдняя большею частію непосредственно полагается во главѣ баснеинаго вымысла, но иногда, содержась въ немъ до очевидности, только подразумѣвается.* Въ такомъ-то именно видѣ и оставалась басня до тѣхъ поръ, пока, перейдя съ востока въ другія страны, не пріобрѣла тамъ нѣкоторыя новыя черты. Въ этомъ отношеніи небольшой шагъ ступила она прежде всего у народовъ классическихъ — Грековъ и Римлянъ.

Басня у Грековъ и Римлянъ. Замѣчательнѣйшимъ греческимъ баснописцемъ признается Эзопъ (въ VI в. до Р. Хр.)—личность, подобно Гомеру, полумиѳическая, полуисторическая. Сборники басенъ, извѣстные подъ его именемъ, подвергались многократнымъ позднѣйшимъ переработкамъ и дошли до насъ уже не въ первоначальной своей основѣ. Всѣхъ басенъ Эзопа насчитываютъ до 650-ти; скорѣе всего онѣ составились въ разное время и потомъ въ пониманіи народа соединились около одного лица, отличавшагося изобрѣтеніемъ басенныхъ разсказовъ, а то и просто умѣньемъ передавать готовое. Эзопу удачно подражалъ римскій писатель Федръ (род. почти за 60 лѣтъ до Р. Хр., ум. въ концѣ царствованія Тиверія), оставившій намъ 120 басенъ въ пяти книгахъ подъ общимъ заглавіемъ: „Phaedri, Augusti liberti, Tabulae Aesopiae“— Эзоповы басни Федра, вольноотпущенника Августа. Федръ почерпалъ въ своемъ первоисточникѣ не только форму произведеній, но

Digitized by Google

часто и самое содержаніе, излагая его шестистопнымъ ямбомъ вмѣсто безыскуственной, немѣрной рѣчи подлинника. Остановимся, напр., хоть на слѣдующихъ твореніяхъ обоихъ поэтовъ.—

Изъ Эзопа:

„Левъ и Мышь."

„По тѣлу спавшаго Льва пробѣжала Мышь. Вскочилъ Левъ, поймалъ ее и хотѣлъ было съѣсть.

—„Оставь мнѣ жизнь", взмолилась она;—„за свое спасенье я окажу тебѣ большое благодѣяніе." Улыбнулся Левъ и отпустилъ ее. Вскорѣ признательной Мыши и въ самомъ дѣлѣ представился случай отблагодарить Льва. Охотники поймали его и привязали веревкой къ дереву. Услыхала Мышь жалобное рыканіе Льва, прибѣжала, перегрызла веревку и освободила его.—„Раньше ты смѣялся надо мной," промолвила она, „и думалъ, что я не съумѣю расквитаться съ тобою. Знай же теперь, что добро помнятъ и мыши."

Въ несчастіяхъ и самыя сильныя существа нуждаются въ помощи болѣе слабыхъ.

„Воронъ и Лисица."

„Удалось Ворону раздобыться кускомъ сыру, взлетѣлъ онъ на дерево, усѣлся тамъ и попался на глаза Лисицѣ. Задумала она перехитрить Ворона и говоритъ: „что за статный молодецъ ты, Воронъ. И цвѣтъ-то твоихъ перьевъ самый царственный. Будь только у тебя голосъ,—быть бы тебѣ владыкой всѣхъ пернатыхъ." Такъ говорила плутовка. Попался Воронъ на удочку. Рѣшился онъ доказать, что у него есть и голосъ, каркнулъ во все горло и выронилъ сыръ. Подняла Лисица свою добычу и говоритъ: „Голосъ-то, Воронъ, у тебя есть, а ума-то не бывало!"

Не вѣрь врагамъ—проку не выйдетъ.

„Л г у н ъ."

„Мальчикъ пасъ овецъ. Вдругъ онъ сталъ звать къ себѣ крестьянъ:—„Помогите, идетъ волкъ," кричалъ онъ, словно видѣлъ передъ собою вышедшаго на добычу волка. Мужики прибѣгали и убѣждались лишь въ томъ, что ихъ обманываютъ. Такъ надувалъ ихъ неразъ. Однажды и на самомъ дѣлѣ показался волкъ. „Сюда, идетъ волкъ," звалъ Лгунъ, но никто и не думалъ слушаться и бѣжать на помощь. Волку ничего не стоило перерѣзать до чиста беззащитное стадо.

Ложь одно только и приноситъ лжецу—ему не вѣрятъ, хотя онъ порой и говоритъ правду.

„Зима и Весна."

„Принялась Зима насмѣхаться и трунить надъ Весною. „Съ самаго твоего наступленія," говоритъ она, „рѣшительно никто не имѣетъ покоя: одинъ бродитъ по лугамъ и лѣсамъ, другой рветъ для своего удовольствія красавицы—лиліи или розы, любуется красотами природы

Digitized by Google

или отправляется подышать деревенскимъ воздухомъ; иной садится на корабль и пускается въ море. Но поднимутся бури—онъ прибываетъ, но уже на чужбину. А твои вѣтры и ливни? — Да на нихъ никто и не обращаетъ вниманія. А вотъ я сама себѣ хозяйка,—что хочу, то и дѣлаю: велю человѣку смотрѣть не на небо, а внизъ на землю, навожу на него страхъ и трепетъ и волей—неволей заставляю день—деньской сидѣть дома"...

—„Потому-то люди и рады избавиться отъ тебя," отвѣчаетъ Весна, „мое же имя у нихъ въ заслуженной чести. О, я оставляю въ ихъ сердцахъ самое пріятное воспоминаніе: они жалѣютъ, когда я прохожу, радуются, когда наступаю снова".

„Надежда."

„Собралъ Зевсъ въ сосудъ всѣ блага, накрылъ крышкой и поставилъ возлѣ человѣка. Не умѣлъ человѣкъ владѣть собою—захотѣлось ему узнать, что было въ сосудѣ, и онъ снялъ крышку. Вышли всѣ блага и поднялись высоко надъ землею. Одна Надежда осталась въ сосудѣ, который человѣкъ снова закрылъ крышкой. Какъ-бы трудно ни приходилось намъ въ жизни, Надежда служитъ намъ ручательствомъ, что мы можемъ достичь каждаго изъ покинувшихъ насъ благъ."

Изъ Федра:

„Собака, несущая чрезъ рѣку мясо".

„Теряетъ подѣломъ свое,
Кто домогается чужого.
Собака черезъ рѣку вплавь
Когда несла однажды мясо,
На зеркалѣ прозрачныхъ водъ
Замѣтила она свой образъ.
Считая, что другая тамъ
Иной уносится добыча,
Задумала отнять и ту,—
Однако алчность обманулась:
И ту, которую во рту
Держала, упустила пищу,
Тѣмъ менѣе присвоить ту
Смогла, которой добивалась."

„Лисица и Воронъ."

„Кто радъ, что льстивыми его словами хвалятъ,
Съ стыдомъ накажется раскаяніемъ позднимъ.
Когда, на деревѣ высокомъ помѣстившись,
Сыръ скраденный съ окна собрался Воронъ кушать,
Замѣтила его Лиса и такъ сказала:
„О, какъ прекрасенъ блескъ твоихъ, о Воронъ, перьевъ!
О, сколько носишь ты красы въ осанкѣ, видѣ!
Имѣй ты голосъ, не было-бы лучше птицы!"
А онъ, глупецъ, пока явить желаетъ голосъ,
Изъ клюва выпускаетъ сыръ, который быстро
Лукавая Лисица жадно подхватила,—
Тогда лишь всплакнула обманутая глупость."

„Сократъ къ друзьямъ."

Обычно дружбы имя, рѣдка же ея вѣрность.
Когда Сократъ себѣ закладку дома сдѣлалъ
(Сократа смерти я ничуть не избѣгаю,
Когда-бъ достигнуть могъ Сократовой я славы,
И зависти враговъ охотно уступаю,

Digitized by Google

Лишь только бы я могъ оправданъ быть по-смерти),
Не знаю, кто сказалъ, какъ то въ обыкновеньи:
„Такой ты славный мужъ, а домъ столь тѣсный строишь?“

О, если бы я могъ, Сократъ на то отвѣтилъ,
Друзьями вѣрными и этотъ домъ наполнить!“

„О людскихъ порокахъ.“

„Двѣ разныя сумы намъ даровалъ Юпитеръ:
Съ грѣхами нашими повѣсилъ за спиною,
Съ избыткомъ же чужихъ—впередъ, предъ нашей грудью.—

Вотъ почему своихъ мы золъ не можемъ видѣть,
А вмѣстѣ съ тѣмъ другихъ ошибки порицаемъ.“

„О шуткѣ и строгости.“

„Когда одинъ Аѳинянинъ увидѣлъ
Играющимъ въ толпѣ дѣтей Эзопа,
Онъ осмѣялъ его, какъ сумасброда.
Когда-жъ, способный болѣе смѣяться,
Чѣмъ быть осмѣяннымъ, старикъ замѣтилъ,
Спущенный лукъ поставилъ на дорогѣ:
„Ай ты, мудрецъ, узнай-ка, что я сдѣлалъ?“
Собрался людъ. Себя тотъ долго мучитъ,
Никакъ не можетъ разгадать вопроса

И надъ собою признаетъ побѣду.
Тогда сказалъ мудрецъ побѣдоносный:
„Разоришь скоро лукъ, когда ты будешь
Всегда держать его лишь напряженнымъ,
А если ослаблять его ты станешь,
Когда захочешь, будетъ онъ полезенъ.“
Такъ для ума порой потребенъ отдыхъ,
Чтобъ могъ онъ съ лучшей силой возвратиться.“

Рядомъ съ существами одушевленными, такъ замѣтно господствовавшими въ баснѣ восточной, въ предложенныхъ образцахъ дѣйствуютъ и предметы неодушевленные и даже отвлеченныя понятія. Слѣдовательно, кругъ басеннаго вымысла въ греко-римской литературѣ, сравнительно съ соотвѣтсвующими сочиненіями востока, значительно расширился. Самыя дѣйствующія лица: „Левъ и Мышь, Лисица и Воронъ, Лгунъ“, и др. въ своихъ вымышленныхъ похожденіяхъ не представляютъ только поучительныя явленія для человѣка, какъ у Индійцевъ, но цѣликомъ замѣняютъ собою опредѣленнаго сорта людей, отображая ихъ различныя частныя и общественныя отношенія. Вслѣдствіе этого, содержаніе басни теряетъ исключительное значеніе единичнаго случая, нагляднаго примѣра и, естественно, нисходитъ на степенъ обыкновенной аллегоріи. Главною и единственною цѣлью иносказанія служитъ выводимое изъ него и уже ясно выражаемое нравоученіе, которое выдѣляется въ совершенно особую, самостоятельную часть басни. Поставляемое

Digitized by Google

въ началѣ или концѣ ея, оно получаетъ очевидное преимущество предъ иносказательнымъ повѣствованіемъ, дѣлая послѣднее лишь случайнымъ предлогомъ для своего выраженія. Такимъ образомъ, *басня классическая является аллегорическимъ разсказомъ, полагающимъ свое существенное назначеніе въ томъ или другомъ добываемомъ путемъ вывода нравственномъ назиданіи.*

Басня у новыхъ христіанскихъ народовъ. Нравоучительное направленіе, сообщенное баснѣ Эзопомъ и особенно Федромъ, надолго оставалось за нею. Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и въ позднѣйшее время вплоть до Ляфонтэна, французкаго писателя, жившаго въ XVII ст. (1621—1695), и далѣе дидактизмъ (поученіе) почитался на столько необходимою и существенною принадлежностію этой формы поэзіи, что самый басенный разсказъ находился въ полной отъ него зависимости, являясь чѣмъ-то совершенно второстепеннымъ, какой-то побочной прибавкой, подчасъ даже плохо связанной съ выводимымъ изъ нея наставленіемъ. Послѣднему были усвоены и обширнѣйшіе размѣры, иногда превышавшіе самое вымышленное повѣствованіе. Выдающійся нѣмецкій баснописецъ XIV в. бернскій монахъ—проповѣдникъ Ульрихъ Бонеръ въ своемъ „Edelstein—драгоцѣнный камень" далъ именно такіе образчики басни. Въ нихъ мораль (нравоученіе) подтверждается различнаго рода пословицами, подобіями, сравненіями и, такимъ образомъ, видимо подавляетъ повѣствовательный басенный вымыселъ. Нерѣдко она прилагается къ разсказу чисто внѣшнимъ способомъ, представляя собою не вытекающее изъ него естественнымъ путемъ слѣдствіе, а произвольно придуманную натяжку. Въ баснѣ, напр. объ обезьянѣ, не смогшей раскусить орѣха, Бонеръ дѣлаетъ такой выводъ: „Кто посвящаетъ себя Богу, тотъ долженъ вынести много страданій. какъ не долженъ бояться дыму тотъ, кто хочетъ раздуть огонь", Насколько укоренился въ общественномъ мнѣніи приведенный взглядъ на басню, можно судить и по тому, что, уже значительно послѣ Ляфонтэна, знаменитый германскій ученый, философъ, критикъ и поэтъ Лессингъ (1724—1781), принявъ за образецъ Эзопа, утверждалъ, что главное въ баснѣ—нравоученіе, и остальное—дѣло постороннее; поэтому онъ опредѣлялъ ее, какъ „вымышленный разсказъ о животныхъ, въ которомъ наглядно выступаетъ общее нравоучительное положеніе". Свою теорію Лессингъ пытался оправдать и собственными произведеніями, но его басни, нарочито лишенныя къ тому же стихотворной рѣчи, скорѣе напоминаютъ научныя разсужденія, въ которыхъ устами звѣрей утонченно передаются остроумныя мысли автора.

Одностороннее пониманіе басни вызвало противъ себя неизбѣжное противодѣйствіе, которое и высказалось первоначально въ

Digitized by Google

произведеніяхъ Лафонтэна. Предъ нами двѣ басни этого писателя: „Воронъ и Лисица“ и „Дубъ и Трость“.

„Воронъ и Лисица.“

„Воронъ, усѣвшись на деревѣ, держалъ въ своемъ клювѣ сыръ. Лисица, привлеченная сырнымъ запахомъ, держала рѣчь къ нему почти что въ такихъ выраженіяхъ: „Ахъ! здравствуйте, господинъ Воронъ! Какъ вы милы! Какъ вы мнѣ кажетесь прекрасны! Безъ шутокъ, если вашъ голосъ соотвѣтствуетъ вашимъ перушкамъ, вы фениксъ въ ряду гостей этихъ деревьевъ. При сихъ словахъ Воронъ не слышитъ себя отъ радости и, чтобъ показать свой прекрасный голосъ, открываетъ свой широкій клювъ и роняетъ свою добычу. Лисица хватаетъ сыръ и говоритъ: „Мой добрый господинъ! научитесь, что всякій льстецъ живетъ на счетъ того, кто его слушаетъ: этотъ урокъ стоитъ сыра, безъ сомнѣнія“. Воронъ, пристыженный и сконфуженный, поклялся, но нѣсколько поздно, что его больше не обманутъ.“

„Дубъ и Трость.“

Съ Тростинкой Дубъ однажды въ рѣчь вошелъ.—„Поистинѣ, роптать ты въ правѣ на природу,“ сказалъ онъ: „воробей, и тотъ тебѣ тяжелъ. Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ рябью воду, ты зашатаешься, начнешь слабѣть, и такъ нагнешься сиротливо, что жалко на тебя смотрѣть. Межъ тѣмъ какъ, наравнѣ съ Кавказомъ, горделиво не только солнца я препятствую лучамъ, но, посмѣваясь и вихрямъ и грозамъ, стою и твердъ и прямъ, какъ будто-бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ: тебѣ все бурей—мнѣ все кажется зефиромъ. Хотя-бъ ужъ ты въ окружности росла, густою тѣнію вѣтвей моихъ покрытой—отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой; но вамъ въ удѣлъ природа отвела брега бурливаго Эолова владѣнья: конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья.“—

„Ты очень жалостливъ“, сказала Трость въ отвѣтъ: „однако не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ. Не за себя я вихрей опасаюсь; хоть я и гнусь, но не ломаюсь: такъ бури мало мнѣ вредятъ; едва-ль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ! То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость твою не одолѣла крѣпость, и отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица; но—подождемъ конца“! Едва лишь это Трость сказала, вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ и съ градомъ и съ дождемъ шумящій аквилонъ. Дубъ держится, — къ землѣ Тростиночка припала. Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ, взревѣлъ — и вырвалъ съ корнемъ вонъ того, кто небесамъ главой своей касался и въ области тѣней пятою упирался.“

Первое, что замѣтнѣе всего бросается здѣсь въ глаза читателю, это отсутствіе нравоученія, какъ особой, вполнѣ самостоятельной части сочиненія. Еще въ баснѣ „Воронъ и Лисица“ оно немного чувствуется въ заключительныхъ словахъ Лисицы, но и то скорѣе въ формѣ обычнаго мѣткаго изреченія, непосредственно вытекающаго изъ самого обстоятельства, чѣмъ въ видѣ нарочно

Digitized by Google

придуманнаго назиданія; въ баснѣ же „Дубъ и Трость“ нѣтъ и этого: авторъ предоставляетъ каждому сдѣлать выводъ по-своему и при томъ, какой вздумается. Напротивъ, все вниманіе поэта сосредоточивается на изображеніи передаваемыхъ происшествій; послѣднія излагаются съ особенными подробностями и наибольшимъ стараніемъ. Отсюда басенный вымыселъ получаетъ первенствующее положеніе, становясь всецѣло независимымъ и тѣмъ возводя басню на степень истинно-поэтическаго творенія. Впрочемъ, въ другихъ басняхъ Ляфонтэна встрѣчается и нравоученіе: только оно не считается у него обязательнымъ, какъ у классиковъ и средневѣковыхъ ихъ послѣдователей, не занимаетъ непремѣнно мѣсто въ концѣ или въ началѣ басни и не всегда выговаривается въ опредѣленныхъ словахъ автора: „Le conte fait passer la morale avec lui—басня ведетъ основную мысль не за собою, а съ собою“, говоритъ Ляфонтэнъ.

Выведенные предметы—Воронъ и Лисица, Дубъ и Трость надѣлены такими свойствами, какими обладаютъ они въ дѣйствительности. Воронъ отличается хищничествомъ, плотоядностью и вмѣстѣ глуповатостью; чтобы показать голосъ, онъ открываетъ свой широкій клювъ, проще—„каркаетъ“; Лисица чутка, хитра и изворотлива; Дубъ высокъ, тѣнистъ, твердъ на корню и крѣпокъ; Трость слаба, гибка, растетъ на открытой мѣстности. Съ другой стороны, тѣ же предметы, вступая въ небывалыя приключенія, ясно показываютъ, что они только замѣняютъ собою человѣка и что въ ихъ представленныхъ похожденіяхъ необходимо видѣть соотвѣтствующія взаимныя отношенія извѣстнаго сорта людей. Воронъ своими указанными въ баснѣ природными качествами и дѣйствіями напоминаетъ, такъ называемыхъ, „простофилей“, которые легко попадаются на удочку хитрецовъ въ родѣ Лисицы; Дубъ намекаетъ на сильныхъ и гордыхъ, которые однако вслѣдствіе самомнѣнія легче дѣлаются жертвою житейскихъ невзгодъ, чѣмъ повидимому слабыя, но податливыя и покорныя существа, какъ тростинка. Благодаря именно такой постановкѣ дѣла, басня пріобрѣтаетъ глубокознаменательное значеніе: ея дѣйствующія лица не являются уже пустыми аллегоріями, придуманными лишь для доказательства какой-либо нравоучительной истины, которыя поэтому не трудно перемѣнить на подходящія отвлеченныя понятія—глупость, хитрость, гордость покорность и т. п., но выступаютъ дѣйствительными предметами, каждое съ своими естественными особенностями; вмѣстѣ съ тѣмъ они отображаютъ то, что, обыкновенно, бываетъ въ человѣческомъ обществѣ; полное согласіе міра человѣческаго съ міромъ природы снова вступаетъ здѣсь въ свои законныя права,

Digitized by Google

какъ и въ древнемъ животномъ эпосѣ. Крайне мѣтко и весьма справедливо въ данномъ случаѣ выраженіе самого же Ляфонтэна, называвшаго свои басни „пространной, въ сто различныхъ дѣйствій комедіей, сценою которой служитъ міръ—

Une ample comédie à cent actes divers,
Et dont la scéne est l'univers".

Дѣйствительно, что видно и изъ приведенныхъ образцовъ, лица его басенъ походятъ на актеровъ, весьма искусно разыгрывающихъ свои роли, но какъ актеровъ и ихъ дѣйствія всякій считаетъ подставными личностями, такъ и на басни все же слѣдуетъ смотрѣть иносказательно: „Про взятки Климычу читаютъ, а онъ украдкою киваетъ на Петра" – вотъ ихъ прямой исходъ. Такимъ образомъ, *въ рукахъ Ляфонтэна басня становится истинно-поэтическимъ разсказомъ, въ которомъ аллегорически и при томъ вполнѣ правдоподобно изображаются различныя явленія человѣческой жизни.*

Русская басня. Басня, созданная Ляфонтэномъ, нашла себѣ достойныхъ продолжателей въ нашей словесности. Замѣчательнѣйшими русскими баснописцами признаются Хемницеръ (1745—1784), Дмитріевъ (1760—1837) и въ особенности Крыловъ (1768–1844). Послѣдній, во многомъ превосходя своихъ соотечественниковъ, стоитъ гораздо выше даже самого Ляфонтэна. Возьмите хоть слѣдующія его басни:

„Крестьянинъ и Работникъ."

„Когда у насъ бѣда надъ головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечъ бѣда долой,
То избавителю отъ насъ же часто худо:
Всѣ въ запуски его цѣнятъ;
И если онъ у насъ не виноватъ,
Такъ это чудо!

—

Старикъ-крестьянинъ съ Батракомъ
Шелъ, подъ-вечеръ, лѣскомъ
Домой, въ деревню, къ сѣнокосу,
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ,
И, гдѣ-бъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ,
Конецъ приходитъ старику.
„Степанушка родной, не выдай, милой!"
Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился Батраку.
Вотъ, новый Геркулесъ, со всей собравшись силой,
Что только было въ немъ,
Отнесъ пол-черепа медвѣдю топоромъ,
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой.
Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ;
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда, крестьянинъ всталъ,
И онъ же Батрака ругаетъ.
Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
„Помилуй, говоритъ: „за что?—„за что, болванъ!
Чему обрадовался съ-дуру?
Знай колетъ: всю испортилъ шкуру!"

„Листы и Корни.“

„Въ прекрасный лѣтній день,
Бросая по долинѣ тѣнь,
Листы на деревѣ съ зефирами
шептали;
Хвалились густотой, зеленостью
своей,
И вотъ какъ о себѣ зефирамъ тол-
ковали:
„Неправда-ли, что мы краса долины
всей?
Что нами дерево такъ пышно и
кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что-бъ было въ немъ безъ насъ?
Ну, право,
Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!
Не мы-ль отъ зноя пастуха
И странника въ тѣни прохладной
укрываемъ?
Не мы-ль отъ зноя иногда
Плясать сюда пастушекъ привле-
каемъ?
У насъ же раннею и позднею зарей
Насвистываетъ соловей,
Да вы, зефиры, сами
Почти не разстаетесь съ нами“.
—„Примолвить можно-бы спасибо
тутъ и намъ,“
Имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ земли
смиренно.
„Кто смѣетъ говорить столь нагло
и надменно?
Вы кто такіе тамъ,
Что дерзко такъ считаться съ нами
стали?“
Листы, по дереву шумя, залепетали.
—„Мы тѣ,
Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,
Питаемъ васъ. Уже-ль не узнаете?
Мы Корни дерева, на коемъ вы
цвѣтете.
Красуйтесь въ добрый часъ!
Да только помните ту разницу межъ
насъ:
Что съ новою весной листъ новый
народится;
А если корень изсушится,—
Не станетъ дерева, ни васъ“.

„Василекъ.“

„Въ глуши расцвѣтшій Василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до
половины,
И, голову склоня на стебелекъ,
Уныло ждалъ своей кончины;
Зефиру между тѣмъ онъ жалобно
шепталъ:
„Ахъ, еслибы скорѣе день насталъ,
И солнце красное поля здѣсь освѣ-
тило,
Быть можетъ, и меня оно бы ожи-
вило!“
—„Ужъ какъ ты простъ, мой
другъ!“
Ему сказалъ, вблизи копаясь, жукъ:
„Неужли солнышку лишь только
и заботы,
Чтобы смотрѣть, какъ ты растешь,
И вянешь ты, или цвѣтешь?
Повѣрь, что у него ни время, ни
охоты,
На это нѣтъ.
Когда бы ты леталъ, какъ я, да
зналъ бы свѣтъ,
То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля
и нивы
Имъ только и живутъ, имъ только
и счастливы:
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согрѣваетъ,
И удивительною красотой
Цвѣты душистые богато убираетъ;
Да только тѣ цвѣты
Совсѣмъ не то, что ты:
Они такой цѣны и красоты,
Что само время ихъ, жалѣя, косить,
А ты ни пышенъ, ни пахучъ:
Такъ солнца ты своей докукою не
мучь!
Повѣрь, что на тебя оно луча не
броситъ,
И добиваться ты пустаго перестань,

Digitized by Google

Молчи и вянь!“
Но солнышко взошло, природу освѣтило,
По царству Флорину разсыпало лучи,
И бѣдный Василекъ, завянувшій въ ночи,
Небеснымъ взоромъ оживило.
О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ Высокій санъ!
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!
Смотрите:
Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно
—Былинкѣ—ль, кедру-ли благотворитъ равно,
И радость по себѣ и счастье оставляетъ;
За то и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ,
Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,
И все его благословляетъ.“

„Волкъ на псарнѣ.“

„Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ,
Почуявъ сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ, и рвутся вонъ на драку;
Псари кричатъ: „Ахти, ребята, воръ!“
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
—„Огня!“ кричатъ: „огня!“—Пришли съ огнемъ.
Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ.
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ, наконецъ,
Ему расчесться за овецъ,—
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры,
И началъ такъ: „Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры:
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я, не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я“... „Послушай-ка, сосѣдъ“,
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
„Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой“,
И тутъ же выпустилъ на Волка гончихъ стаю“.

Обладая всѣми лучшими признаками басенъ Ляфонтэна, предложенныя произведенія Крылова сверхъ того отличаются въ высшей степени художественною отдѣлкою. Это наглядно обнаруживается, какъ въ ихъ содержаніи, такъ и въ изложеніи. Дѣйствующіе предметы ихъ надѣлены необыкновенною жизненностію, полнымъ соотвѣтствіемъ своимъ природнымъ особенностямъ, всецѣлымъ согласіемъ съ дѣйствительностію; въ нихъ, какъ въ правильномъ зеркалѣ, во весь свой естественный ростъ отражаются типическія

Digitized by Google

черты затрогиваемыхъ явленій изъ нашей жизни; сразу и безъ всякаго труда узнаете вы здѣсь что-то знакомое вамъ, а иногда и родственное. Этотъ крестьянинъ, жалостно молящій о помощи въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и потомъ бранящій своего же избавителя, когда бѣда уже миновалась, этотъ услужливый и безотвѣтный работникъ Степанъ, Листы, самодовольно величающіеся своею густотою и зеленью, скромные, но болѣе важные по своему значенію Корни и всѣ остальные выведенные предметы такъ и говорятъ во всеуслышаніе о русскихъ людяхъ извѣстнаго пошиба; выступая настоящими, живыми типами, они сначала и до конца остаются вѣрными самимъ себѣ. Но помимо строго-жизненной типичности изображаемыхъ характеровъ, самыя созданныя поэтомъ картины на столько вѣрны, цѣльны и законченны, что, при всей своей простотѣ, невольно увлекаютъ читателя своею занимательностію; онѣ до того образны и выпуклы, что положительно бьютъ въ глаза своею наглядностью. Приводимая авторомъ мораль, цѣликомъ основывающаяся на житейскомъ опытѣ и потому близкая по духу нашимъ народнымъ пословицамъ, такъ тѣсно примыкаетъ къ разсказу, что рѣшительно сливается съ нимъ въ одно стройное цѣлое; она ясна бываетъ и сама по себѣ, изъ представленнаго вымысла и оттого порою вовсе опускается. Художественности содержанія весьма много помогаетъ вполнѣ подходящее изложеніе. Такія слова, какъ: „батракъ, охота, докука, забіяка, въ запуски“ и др., а равно и цѣлыя выраженія: „Бѣда надъ головой, съ плечъ долой, и повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу, отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ, хвалить себя мы можемъ безъ грѣха, псы зялились въ хлѣвахъ“ и пр., принадлежа къ чисто народному русскому языку, сообщаютъ слогу чрезвычайную общепонятность и доходящую до осязательной видимости картинность. Старательно выработанный стихъ, блистая удивительною легкостію и музыкальностью, поражаетъ своими разнообразными переходами соотвѣтственно тому или другому тону рѣчи: то онъ спокоенъ и ровенъ, напр.

„Въ глуши расцвѣтшій Василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины“, и т. д.,

то быстръ и подвиженъ:

„Псари кричатъ; Ахти, ребята, воръ!“
И въ мигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
„Огня!“ кричатъ: „огня!“—Пришли съ огнемъ“,

то величавъ и медлителенъ:

„Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, всѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,

Digitized by Google

Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я..."

Наконецъ, необходимо еще замѣтить, что подобныя произведенія, какъ „Василекъ", въ которомъ подъ образомъ солнца представлена благотворительность Императрицы Маріи Ѳеодоровны, „Волкъ на Псарнѣ", гдѣ увѣковѣчено историческое событіе — стѣснительное положеніе Наполеона послѣ Бородинской битвы и его стремленіе вступить въ переговоры съ Кутузовымъ, указывая новые матеріалы для басни, значительно расширяютъ ея содержаніе.

Значеніе басни. Изображая въ краткой, простой и общедоступной формѣ всевозможныя стороны человѣческой жизни, басня, естественно, выступаетъ однимъ изъ наилучшихъ способовъ къ уясненію правильныхъ отношеній людей между собою. Здѣсь каждый безъ особеннаго усилія можетъ найти разумные, наглядные и точные отвѣты на многіе житейскіе запросы своей будничной, повседневной дѣятельности. Какъ народныя пословицы и поговорки „бьютъ", говоря по-просту, „не въ бровь, а прямо въ глазъ", такъ и басни мѣтко отчеканиваютъ характеризуемое ими явленіе. Поэтому-то отъ простолюдина до человѣка научно образованнаго, отъ малолѣтняго ребенка до дряхлаго старика—всѣ съ любовію читаютъ басни и охотно пользуются ими при случаѣ. Не обинуясь можно сказать о баснѣ вообще то, что замѣтилъ о Крыловскихъ басняхъ въ-частности нашъ поэтъ и писатель князь Вяземскій:

„Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ,
И слава эта—наша быль.
И не забудутъ этой были,
Пока по-русски говорятъ!
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ!"

И д и л л і я.

Греческая идиллія. Въ прямой противоположности съ поэмами по содержанію и характеру дѣйствующихъ лицъ находятся *идилліи* (греч. εἰδύλλιον—видикъ, картинка жизни), впервые достигшія художественной обработки у Сиракузянина Ѳеокрита, жившаго въ третьемъ вѣкѣ до Р. Хр. Выдающимися идилліями Ѳеокрита признаются—„Сиракузянки или праздникъ Адониса*); Рыбаки; Дѣтство Алкида"; первая прекрасно переведена на русскій языкъ Гнѣдичемъ—переводчикомъ Иліады, двѣ послѣднія—Меемъ.

*) Адонисъ — красивый пастушокъ, плѣнившій собою Венеру или Афродиту, дочь Зевса и Діаны, имѣвшую въ Италіи—на островѣ Кипрѣ нѣсколько храмовъ и священную рощу и потому называвшуюся еще Кипридой. Когда юноша погибъ на охотѣ отъ дикаго вепря, богиня пришла въ такое отчаяніе, что не могла оторваться отъ мертваго. Чтобы утѣшить страдалицу, боги опредѣлили Адонису ежегодно на весну и лѣто оставлять мрачное жилище „сладчайшей" Персефоны (Прозерпины) для свиданія съ Афродитой, въ чемъ олицетворялось оживленіе природы весною и лѣтомъ. Въ память такого благодѣтельнаго прихода Адониса въ Александріи и другихъ городахъ совершались великолѣпныя празднества, продолжавшіяся сряду два дня, при чемъ первый день посвящался трауру, а второй—торжеству.

Digitized by Google

„Сиракузяики или праздникъ Адониса.“

„Лица: **Горго, Праксиноя** (сиракузянки); **Эвноя, Эвтихида** (ихъ служанки); **Старуха; Незнакомецъ первый, Незнакомецъ второй.**

Горго. Дома, или нѣтъ Праксиноя?

Эвноя. Ахъ, Горго, какъ поздно ты!.. дома.

Праксиноя. Диво, что ты и пришла. Посмотри-ка ей креселъ, Эвноя, Брось и подушку.

Горго. Спасибо; ахъ какъ хорошо!

Праксиноя. Ну, сиди же.

Горго. Счастливы души безплотныя: я такъ насилу спаслася, Къ вамъ продираясь; такая толпа тамъ четверокъ, народу! Все сапоги, да хламиды, все лишь военные люди. Ну, да и путь—безъ конца! Далеко ты, мой другъ, поселилась.

Праксиноя. Это все онъ, дуралей: на краю мнѣ свѣта здѣсь нанялъ Нору, не домъ; и все для того, чтобъ съ тобою въ сосѣдствѣ Не была я; онъ во всемъ мнѣ перечитъ, злодѣй мой всегдашній!

Горго. Не говори, моя милая, этакихъ словъ ты про мужа, Въ слухъ при ребенкѣ: смотри, какъ глаза на тебя онъ уставилъ.

Праксиноя. (къ дитяти). Нѣтъ, мой Зопиріонъ, я говорю не про тятю, мой милый!

Горго (въ сторону). Зевсомъ клянуся, дитя понимаетъ. (Въ слухъ). Твой тятя прекрасенъ!

Праксиноя. Этотъ тятя вчера... (я вчерашнимъ всѣ дни называю): Въ рынокъ пошелъ, чтобы мнѣ притираній купить и селитры, Что же принесъ онъ мнѣ?.. соли!— въ тридцать локтей мужичина!

Горго. То же сдѣлалъ, точь въ точь, Діоклидъ мой, пагуба денегъ! Далъ семь драхмъ онъ за пять овчинокъ, ну шкуры собачьи, Старыхъ сумъ лоскутки, на заштопкѣ заштопка, ну гадость!— Но надѣвай же ты платье и плащъ твой съ застежками новый! Время, пойдемъ-ка въ палаты царя-богача, Птоломея, Видѣть Адониса праздникъ; я слышу, царица готовитъ Много прекраснаго.

Праксиноя. Дивно-ли? все у богатыхъ богато. Ты-жъ, что увидишь, разсказывать станешь тѣмъ, кто не видѣлъ.

Горго. Время однако отправиться: праднымъ всякій день праздникъ.

Праксиноя. Эвно, воды ключевой, и поставь по срединѣ; скорѣе-жъ! Ахъ ты, нѣженка! спать спокойно хотятъ ужъ и кошки. Двигайся-жъ, мигомъ воды! вода всего мнѣ нужнѣе. Какъ она держитъ кувшинъ! Но давай! безтолковая, тише На руки лей мнѣ! несчастная, ты мнѣ хитонъ обливаешь! Полно! Ну вотъ, какъ боги мнѣ дали, я такъ и умылась. Ключъ отъ шкатулки большой! поскорѣе сама принеси мнѣ.

Горго. Ахъ, Праксиноя, какъ пристало къ тебѣ это платье Съ частыми сборами! прелесть! А что оно стоитъ съ работой?

Праксиноя. Лучше не спрашивай: чистымъ сребромъ поболѣе мины, Или и двѣ; объ работѣ молчу; приложила всю душу.

Горго. Вышло за то по желанію.

Праксиноя. Да, твоя рѣчь справедлива. Плащъ мнѣ, Эвноя, и шляпу: приладь-же, смотри, хорошенько; Такъ-(Къ ребенку). А дитя не возьму я; тамъ бука, тамъ лошадь кусаетъ.... Плачь, сколько хочешь, да я не хочу, чтобы былъ ты калѣкой.

Digitized by Google

Горго. Идемъ.—Ну, возьми же дитя, забавляй его, няня;
Въ домъ позови собаку, и двери сѣнныя запри ты.—
Боги, какая толпа!.. неужели должны перейти мы
Эту бѣду? муравьи неисчетные, нѣтъ и конца имъ!
Сколько прекрасныхъ дѣлъ, Прометей, для народа ты сдѣлалъ
Послѣ того, какъ къ богамъ пріобщенъ твой родитель! Злодѣи
Путникамъ болѣ не страшны египетскимъ подлымъ коварствомъ:
Прежде какимъ шаловствамъ предавались искусники эти,
Всѣ на единую стать, негодяи, разбойники, воры...
Милая Горго... что съ нами будетъ? Воины сзади,
Конники царскіе скачутъ... Другъ мой, меня ты задавишь!..
Сталъ на дыбы его рыжій!... онъ дикъ совершенно, онъ бѣшенъ!...
Гдѣ ты, Эвноя? куда ты?... убьетъ этотъ конь человѣка!
Какъ хорошо я сдѣлала, дома оставивъ ребенка!

Горго. Ну, ободрись, Праксиноя, теперь позади мы всѣхъ конныхъ:
Строй ихъ пошелъ на площадь.

Праксиноя. Теперь я, мой другъ, оживаю.
Змѣя да лошади пуще всего я на свѣтѣ боюся
Съ самаго дѣтства. Пойдемъ, приближаются волны народа.

Горго. (къ старухѣ, идущей на встрѣчу).
Ты изъ дворца, моя матушка?

Старуха. Да, мои дѣти.

Горго. Легко-ли
Будетъ войти намъ?

Старуха. Съ попыткою въ Трою вошли аргивяне:
Да, мое дитятко, да, до всего съ попыткой доходятъ.

Горго. Слышишь? старуха уходитъ и словно оракулъ бормочетъ.

Праксиноя. Женщины знаютъ про все, и про свадьбу Зевеса съ Юноной.

Горго. Ахъ, Праксиноя, взгляни ты, какая толпа предъ дверями!

Праксиноя. Страшная! Дай ты мнѣ руку; а ты Эвтихиды, Эвноя,
Руку возьми и держися ея, чтобъ отъ насъ не отстала.
Надобно вмѣстѣ войти намъ; держись же насъ ты, Эвноя.
Ахъ, я несчастная... платье мое ужъ разорвано, Горго,
Точно разорвано! (Къ незнакомцу)
Ради Зевеса, да будешь ты счастливъ,
Добрый мой человѣкъ! я прошу— охраняй мое платье.

Незнакомецъ 1-й. Здѣсь я не властенъ, но буду стараться.

Праксиноя. Ужасная давка!
Лѣзутъ, какъ свиньи.

Незнакомецъ 1-й. Спокойтеся, женщины, мы на просторѣ.

Праксиноя. Годы и годы тебѣ благоденствовать, странникъ любезный!
Ты оказалъ намъ покровъ, человѣкъ добродушный и честный!..
Давятъ, Эвноя! впередъ, несчастная.. силой ломися;
Славно!—всѣ дома: какъ тотъ говоритъ, кто, жену молодую,
Введши въ свой домъ запираетъ.

Горго. Здѣсь остановимся прежде,
Здѣсь, Праксиноя, на эти мы ткани прежде посмотримъ:
Какъ онѣ тонки, прекрасны! твореніе божіе, скажешь.

Праксиноя. Дѣва Аѳина! какія работали ихъ мастерицы?
Кто живописецъ, чертившій прекрасные эти рисунки?
Точно, какъ будто стоятъ и какъ будто движутся люди!
Это живое, не тканое! Много ума въ человѣкѣ!
Самъ же—о, какъ онъ прекраснъ лежитъ на серебряномъ ложѣ,

Digitized by Google

Юный Адонисъ, первый лишь пухъ по ланитамъ разсыпанъ,
Многолюбезный Адонисъ, и въ самомъ Аидѣ любимый!
Незнакомецъ 2-й. Вы перестанете-ль, жалкія, вздоръ болтать безконечный?
Горлицы.... каждую рѣчь во весь ротъ распѣваютъ несносно!
Горго. Кто ты, другъ мой? и что тебѣ нужды, хоть мы и болтаемъ?
Слугамъ приказывай, ты сиракузянкамъ развѣ укащикъ?
Мы сиракузянки, да чтобы зналъ ты, коринѳянки родомъ,
Такъ какъ и Беллерофонъ *). Нашъ выговоръ пелопонесскій;
Но говорить по-дорически, чаю, дорiянкамъ можно.
Праксиноя. Нѣтъ, сохрани, о Сладчайшая, насъ отъ владыки другаго.
Есть онъ одинъ.—На тебя не смотрю и въ обиду не дамся
Даромъ....
Горго. Молчи, Праскиноя: выходитъ Адониса славить
Дѣва аргивская, та пѣснопѣвица, славная даромъ,
Коею Сперхисъ пѣвецъ побѣжденъ въ элегическихъ пѣсняхъ.
Нѣчто прекрасное, вѣрно, споетъ; вотъ она приступаетъ.
Аргивянка (поетъ). О, владычица Геліоса, ты, что Идалію любишь,
Холмный Эриксъ посѣщаешь, Киприда, играющa златомъ!
Вотъ каковаго Адониса съ мрачныхъ береговъ Ахерона,
Въ мѣсяцъ двѣнадцатый, вновь привели нѣжноногія Горы,
Тихія въ шествіи, дщери боговъ, но желанныя всѣмъ намъ,
Горы, всегда приносящія что-либо новаго смертнымъ.
Дщерь Діонеи, Киприда могучая— ты Беренисѣ,
Такъ человѣки гласятъ, даровала безсмертіе смертной,
Въ перси жены земнородной амврозію капая неба.
Днесь, въ благодарность тебѣ, многочтимая въ множествѣ храмовъ,
Дочь Беренисы, Еленѣ Аргивской подобная ликомъ,
Здѣсь Арсиноя Адониса всѣмъ угощаетъ прекраснымъ,
Собрано все вкругъ него, что древесныя вѣтви приносятъ,
Все передъ нимъ, что сады производятъ сладчайшаго, блещетъ
Въ серебряныхъ кошахъ, и Сиріи муро въ златыхъ алавастрахъ;
Здѣсь и снѣдомое все, что на противняхъ жены готовятъ,
Съ бѣлой мукою мѣшая цвѣты и душистыя травы,
И растворяя ихъ сладостнымъ медомъ, иль свѣтлымъ елеемъ;
Все, что летаетъ и ходитъ, ядомое, здѣсь передъ гостемъ;
Здѣсь и зеленыя кущи, покрытыя нѣжнымъ анеѳомъ,
Окрестъ устроены, сверху летаютъ малютки Эроты,
Словно младые пѣвцы—соловьи, по деревьямъ кудрявымъ
Силу ихъ крылъ испытуя, летаютъ съ вѣтки на вѣтку.
Злато, эбенъ и слоновая кость,— изъ васъ образованъ
Быстрый орелъ, виночерпца младаго Кроniду несущій.
Вотъ ковры пурпуровые: мягче сна ихъ поверхность,
Скажетъ про нихъ восхищенный милетянинъ или самосецъ.
Вотъ уготованы два одинаково-пышныя ложа:

*) Беллерофонъ—сынъ Коринѳскаго царя Главка, убившій чудовище Химеру.

Digitized by Google

Въ семъ почиваетъ Киприда, а въ томъ бѣлокурый Адонисъ,
Юный супругъ девятнадцатилѣтній; его поцѣлуи
Нѣжны, не колютъ: уста его пухомъ едва озлатились.
Радуйся, о Афродита, обрѣтшая паки супруга!
Завтра его, при росистой зарѣ, всенародно отсюда
На берегъ мы понесемъ, передъ пѣнныя волны морскія,
И, распустивши власы, хитоны до ногъ разрѣшивши,
Мы, съ обнаженными персями, звучно начнемъ пѣснопѣнье:
„Странствуешь ты, о Адонисъ, и къ намъ и отъ насъ къ Ахерону—
Доля, какой ни единый земной полубогъ не сподоблепъ:
Ни Агамемнонъ, ни грозный свирѣпствомъ герой Теламонидъ,
Ни изъ Гекубиныхъ многихъ сыновъ досточтимѣйшій Гекторъ,
Ни Патроклъ благородный, ни Пирръ, Иліона рушитель,
Ни древнѣйшіе оныхъ, Лапиеы или Девкалиды,
Ни Пелопиды, ни родоначальники грековъ пелазги.
Милостивъ будь намъ, Адонисъ, и въ будущемъ годѣ возрадуй.
Нынѣ пришелъ ты, Адонисъ, и паки придешь намъ любезенъ!“

Горго. Ахъ, Праскиноя, чудесное пѣнье! Аргивская дѣва
Счастлива даромъ, стократъ она счастлива голосомъ сладкимъ!
Время однако домой: Діоклидъ мой еще не обѣдалъ;
Мужъ у меня онъ презлой, а какъ голоденъ, съ нимъ не встрѣчайся.
Милый Адонисъ, прости! возвратися опять намъ на радость.“

„Рыбаки.“

„Любезный Діофантъ! повѣрь, одна нужда
Искусствомъ двигала отъ вѣка
И преклоняла человѣка
Подъ бремя тяжкое труда.
Работникъ отдыха отраднаго не знаетъ;
Ему въ ночи не спится отъ заботъ:
Едва сомкнетъ глаза, нужда его толкаетъ,
И онъ, испуганный, отъ ложа возстаетъ.
Въ убогой хижинѣ, подъ тростниковой кровлей,
Въ стѣнахъ, сплетенныхъ изъ листвы,
Лежали на одрахъ изъ высохшей травы
Два старыхъ рыбака, измученные ловлей....
Валялися вокругъ уснувшихъ рыбаковъ
Орудія тяжелыхъ ихъ трудовъ:
Лѣсы и удочки, и неводъ, и корзины,
И сѣти мокрыя, въ зеленыхъ нитяхъ тины,
И верши, гнутыя изъ прутьевъ ивняка,
И козій мѣхъ; надвинутая ловко,
Стояла на каткахъ ихъ лодка, а цыновка,
Одежды ихъ и два старинныхъ колпака
Имъ изголовіемъ служили.
Въ орудьяхъ ловли все богатство рыбаковъ:
Ни утвари, ни пса... Они удачный ловъ
Своимъ верховнымъ благомъ чтили,
И бѣдность имъ была любезнѣе всего;
Сосѣда не было у нихъ ни одного;
За то со всѣхъ сторонъ ихъ море окружало
И въ хижину волной гремучею плескало.
Едва-ли полнебесъ промчались бѣгуны

Digitized by Google

Селениной блестящей колесницы,
Когда у рыбаковъ раскрылися рѣсницы
И съ вѣждъ слетѣли сны.
Пробуждены заботою поденной,
Они ведутъ нехитрый разговоръ,
Подсказанный природой благосклонной.

Асфаліонъ. Другъ! мы съ тобой слыхали съ давнихъ поръ,
Что лѣтомъ день длиннѣй, а ночь всегда короче,
Что Зевсъ возвелъ на нихъ всемилостивы очи...
Обманывали насъ—ты что ни говори:
Я видѣлъ сотни сновъ, а нѣтъ еще зари.
Иль заблуждаюсь я? Иль что же значитъ это?

Ольписъ. Асфаліонъ! не нужно укорять
Непроизвольную пору любви и лѣта....
И какъ не хочешь ты понять?
Ночь для тебя длинна затѣмъ лишь, что заботой
Всѣ ночи у тебя, мой другъ, удлинены...

Асфаліонъ. Умѣешь-ли отгадывать ты сны?
Сегоднешній я разскажу съ охотой...
У насъ съ тобою общій ловъ—
И сны должны быть общими, пріятель!...
Ты смысломъ одаренъ, а здравый смыслъ для сновъ—
Прямой истолкователь.
При томъ же намъ досугъ; забившися въ постель,
Безъ дѣла и безъ сна лежимъ мы, а досель
Еще небесная лампада не погасла...
По крайней-мѣрѣ тамъ всегда довольно масла...

Ольписъ. Ну, что же, разскажи подробнѣе твой сонъ...

Асфаліонъ. Вчера, трудомъ обычнымъ утомленъ,
Я послѣ ужина заснулъ,—совсѣмъ усталой...
Ты помнишь, мы съ тобой поужинали мало
И поздно. Снилось мнѣ: я на скалѣ сижу
И взоровъ съ поплавка упорно не свожу...
Вдругъ рыба грузная приманку ухватила.
Собакѣ снится хлѣбъ, а рыба рыбаку...
Моя не вдругъ сдалась желѣзному крючку:
Хотя всю воду кровь холодная багрила,
Но гнулася уда, и я съ большимъ трудомъ
Добычу тяжкую удерживалъ крючкомъ...
Водя ее въ кругахъ: „Укусишь, такъ больнѣе
Тебя я укушу!“ со зла я говорилъ...
Побилася она и замерла... Вольнѣе
Я натянулъ лѣсу и бой оконченъ былъ.
И что же увидалъ я? рыбу золотую...
Да, рыбу, всю изъ золота литую!..
Какъ испугался я! Быть можетъ, мною взятъ
Любимецъ самого Нептуна, или кладъ
Лазурноокой Амфитриты?..
И съ удочки я снялъ ее слегка,
Чтобъ не были нечаянно отбиты
Пылинки золота зазубриной крючка,
И бережно, съ обычною сноровкой,
Добычу на берегъ я вытащилъ веревкой.
Потомъ я поклялся—про море позабыть
И съ золотомъ моимъ на сушѣ царски жить;
Но въ тожъ мгновенье пробудился.
Другъ, разувѣрь меня .. я клялся, я божился...

Ольписъ. Асфаліонъ, себя напрасно не тревожь—
Ни клятвы не давалъ, ни золотой ты рыбы

Digitized by Google

Не изловилъ: твой сонъ—обманъ изЗа рыбами—не мнимыми—живыми;
ложь. Но бойся: съ голода ты можешь
Вставай—и на берегъ, на каменныя умереть
глыбы Съ твоими снами золотыми."
Спѣши скорѣе: тамъ закинешь въ Мей.
море

Сиракузянки Горго и Праксиноя, пріѣхавшія съ своими семействами въ Александрію на торжество въ честь Адониса, въ день праздника приходятъ одна къ другой. Собираясь во дворецъ Птоломея Филадельфа, гдѣ супругой этого государя было устроено великолѣпное празднество любимцу Венеры, онѣ ведутъ между собою самый простой, обыденный разговоръ о злобѣ дня: многочисленной толпѣ тѣснящагося по улицамъ народа, неудобствѣ занятыхъ ими квартиръ, странностяхъ своихъ мужьевъ, красотѣ и дорогозизнѣ сдѣланныхъ одною изъ нихъ нарядовъ; ту же бесѣду продолжаютъ онѣ и на пути во дворецъ, восхваляя благодѣянія Птоломея къ народу. Скачущіе царскіе всадники приводятъ женщинъ въ замѣшательство, при чемъ Праксиноя наивно говоритъ, что она съ дѣтства пуще всего боится змѣя да лошади; дорогою же Горго обмѣнивается рѣчью съ какой-то шедшей навстрѣчу старухой, а Праксиноя, уже предъ входными дверями, въ ужасѣ видитъ свое платье разорваннымъ и, обращаясь къ первому попавшемуся незнакомцу, именемъ Зевса умоляетъ его охранять ея платье. Наконецъ обѣ женщины вмѣстѣ съ сопровождавшими ихъ двумя служанками съ усиліемъ отъ страшной давки входятъ во дворецъ. Здѣсь онѣ вслухъ любуются тонкими тканями и сдѣланными на нихъ узорами, вызывая тѣмъ рѣзкое замѣчаніе другого незнакомца: „Вы перестаните-ль, жалкія, вздоръ молоть безконечный?... Горлицы... каждую рѣчь во весь ротъ распѣваютъ несносно!", на что Горго не менѣе рѣзко между прочимъ отвѣчаетъ ему: „Слугамъ приказывай, ты сиракузянкамъ развѣ укащикъ?" Выслушавъ затѣмъ восторженную пѣснь Аргивской дѣвы Кипридѣ и Адонису, сиракузянки поспѣшаютъ обратно домой.

Въ простой, убогой хижинѣ, на одрахъ изъ высохшей травы спали ночью два бѣдные измученные ловлей рыбака, окруженные обычными орудіями рыболововъ. Проснувшись еще далеко до зари отъ поденной заботы, они заводятъ между собою нехитрую бесѣду. Асфаліонъ разсказываетъ Ольпису свой сонъ, прося товарища объяснить его. А снилось рыбаку, будто онъ поймалъ золотую рыбу, послѣ чего поклялся забыть про море и жить поцарски на сушѣ. Сновидѣніе было до того живо, что Асфаліонъ никакъ не могъ помириться съ дѣйствительностію. Ольписъ совѣтуетъ другу не тревожиться напрасно ложными ночными грезами, а поскорѣе при-

Digitized by Google

пяться за привычныя занятія, чтобы иначе съ золотыми снами не умереть съ голода.

Домашняя бесѣда сиракузянокъ предъ отправленіемъ во дворецъ Птоломея Филадельфа на праздникъ Адониса, ихъ наивный разговоръ дорогою между собою, со встрѣтившейся старухой и первымъ незнакомцемъ, своеобразная оцѣнка вслухъ всего видѣннаго и слышаннаго во дворцѣ, наконецъ, гимнъ дѣвы Аргивской Кипридѣ и Адонису — все это, какъ нельзя лучше, рисуетъ предъ читателемъ живую картину изъ быта древнихъ: ихъ простой образъ жизни — жилища, одежду, омовеніе, притиранія; семейные нравы — отношеніе между мужемъ и женою, взглядъ на воспитаніе дѣтей, положеніе прислуги; народные обычаи — свадебный обрядъ, общественное положеніе женщины, взаимную близость народа и царя, великолѣпіе народныхъ празднествъ. Сами сиракузянки, обладая сознаніемъ своего достоинства, глубокимъ пониманіемъ искусства, въ то же время ясно обнаруживаютъ простоту и естественность въ обращеніи, любовь къ народной рѣчи и пр. Еще большею безъ искусственностію, близостью къ природѣ отличается жизнь рыбаковъ. Скромная, даже убогая ихъ обстановка, довольство своимъ состояніемъ, изрѣдка нарушаемое какимъ-либо случайнымъ обстоятельствомъ въ родѣ сновидѣнія, вѣра въ послѣднія, самая бесѣда о продолжительности дня и ночи лѣтомъ—такъ и дышатъ полною наивностію, не говоря уже о характерахъ рыбаковъ. Таковы и всѣ остальныя произведенія Θеокрита. *Изображеніе* въ противоположность пышному, изнѣженному и роскошному Александрійскому двору, гдѣ приходилось проживать поэту, *неиспорченнаго, естественнаго быта людей, по своему образу жизни близко стоящихъ къ природѣ, какъ-то: простыхъ гражданъ, пастуховъ, земледѣльцевъ, рыбаковъ служитъ главною и существенною принадлежностію всѣхъ идиллій Θеокрита.*

Римская идиллія. По образцу греческихъ идиллій Θеокрита составлялъ свои „буколики“ (βουκολικά—отъ βοῦς—быкъ, βουκολεῖν—пасти свое стадо — стихотворенія, изображающія бытъ пастуховъ) римскій поэтъ Виргилій; отъ него сохранилось десять буколикъ, называемыхъ, обыкновенно, „эклогами“, т. е. отборными піесами (греч. ἐκλογή отъ ἐκλέγω выбираю, отбираю, избираю). Вотъ одна изъ такихъ эклогъ въ переводѣ Мерзлякова: **„Титиръ и Мелибей“.**

Мелибей. „Покоясь въ тѣни, подъ Отечества бѣгу! Подъ тѣнью безозыбкимъ сводомъ ивы, пасной
Пастухъ, слиѣаешь ты свирѣли Ты учишь пѣть лѣса о Деліи презвукъ игривый красной,
Со гласомъ сельскихъ музъ! Ты И рѣзвый гулъ вдали твердитъ ее
веселъ, другъ.... а я стократъ.
Оставилъ родину, любезные края,

Digitized by Google

Титиръ. О Мелибей, есть богъ, податель сихъ отрадъ.
И будетъ онъ мой богъ! Его алтарь священный—
Ягненокъ, съ матерью лишь только разлученный,
Здѣсь будетъ кровію своею омывать!
Взгляни на свѣтлый лугъ, къ чему другой искать?
Здѣсь стадо, здѣсь пою, здѣсь съ равными рѣзвлюся:
Ему обязанъ всѣмъ.
Мелибей. Безъ зависти дивлюся!
Куда ни обратись—гроза во всѣхъ мѣстахъ!
Смущаются поля!.... Я самъ, при сѣдинахъ,
И дряхлъ, и слабъ, влекусь за тощими овцами;
А эту чуть веду: бѣдняжка за кустами
Теперь лишь двухъ ягнятъ несчастно родила.
На нихъ-то вся моя надежда и была!
Какъ угадать бѣду! а молніи не даромъ
На дубы древніе спускалися съ пожаромъ,
Не даромъ вѣщій вранъ далъ голосъ надо мной....
Но, Титиръ, кто сей богъ, хранитель—геній твой?
Титиръ. Ахъ, какъ же я былъ простъ! послушай для забавы.
Я думалъ: городъ сей, о коемъ столько славы,
Что Римомъ всѣ зовутъ, похожъ на нашъ родной,
Куда гоняли мы ягнятъ своихъ весной.
Такъ равнымъ матери козленокъ мнѣ казался;
Такъ малое съ большимъ равнять я пріучался.
Нѣтъ!—Римъ среди градовъ такъ высится главой,
Какъ горный кипарисъ надъ низкою травой.
Мелибей. Чтожъ въ Римъ тебя влекло, скажи мнѣ?
Титиръ. Что?—свобода!
Хоть поздно (такъ какъ Фебъ, въ туманные дни года),
Свобода на меня воззрѣла наконецъ.
Я молодъ былъ, лѣнивъ, отъ всѣхъ трудовъ бѣглецъ;
Едва, едва мои ланиты опушались;
Воззрѣла наконецъ—и бѣды всѣ скончались!
Забытый Лилою, а Деліей любимъ,
Я началъ помышлять, какъ жить добромъ своимъ;
А прежде, признаюсь, когда владѣлъ я Лилой,
Не думалъ объ овцахъ, ни о свободѣ милой:
Хоть часто въ городъ я водилъ своихъ ягнятъ,
Хоть сыромъ, молокомъ всегда бывалъ богатъ,
Но пользы...
Мелибей. Такъ, теперь открылось предо мною,
Кто былъ, о Делія, тоски твоей виною,
По комъ, печальная, стонала ты въ слезахъ,
Кому ты берегла плоды на деревахъ!...
Такъ, Титиръ, ты любимъ! Тебя, пастухъ счастливый,
И рѣки ждали здѣсь и дубы молчаливы,
И ближней рощи гулъ всегда къ тебѣ взывалъ!
Титиръ. Что дѣлать! я въ цѣпяхъ неволи злой стенялъ!
Здѣсь не было боговъ страдальцу въ утѣшенье;
Но въ Римѣ, Мелибей, мой богъ, мое спасенье!
Но въ Римѣ видѣлъ я того, кому отъ насъ
Курятся алтари въ году двѣнадцать разъ.

Digitized by Google

Со взоромъ кротости онъ внялъ мое моленье:
Не бойся, мнѣ вѣщалъ, съ тобой твое владѣнье!
Здѣсь скотъ свой разводи, сюда гоняй стада.
Мелибей. И такъ твои поля съ тобою навсегда,
О счастливый пастухъ! скажи, чего же болѣ?
Когда луга другихъ, забыты по неволѣ,
Лишь камень кажутъ намъ, лишь терномъ поросли:
Все вкругъ тебя цвѣтетъ! и вредный плодъ земли
Не будетъ пищею ягнятъ новорожденныхъ;
Ни язва не придетъ отъ стадъ къ нимъ зараженныхъ;
Жестокій брани кликъ не возгремитъ въ твой слухъ;
Не придетъ злобный врагъ, о счастливый пастухъ!
На красныхъ берегахъ спокойныхъ рѣкъ родимыхъ,
Близъ крова милаго, въ тѣни деревъ любимыхъ—
Тамъ радости твои! шагъ ступишь— и лѣсокъ!
Здѣсь перелетный рой, спускаясь на лужокъ,
Жужжаніемъ къ тебѣ сонъ сладкій призываетъ,
Здѣсь пѣсни нѣжныя садовникъ напѣваетъ,
И голуби твои, утѣха юныхъ дней,
Воркуютъ о любви надъ хижиной твоей.
Титиръ. Пусть прежде робка лань, забывъ долины мирны,
Для паствы воспаритъ въ обители эѳирны;
Пусть прежде, измѣнивъ родительскимъ полямъ
И странствуя по всѣмъ вселенныя концамъ,
Пьетъ Германъ Тигровы, а Парѳъ Арарски воды;
Пусть прежде премѣнятъ жилище всѣ народы:
Не измѣнюсь—ему вся жизнь посвящена.
Мелибей. А намъ, изгнанникамъ, гдѣ смерть намъ суждена?
Мы, сирые, влечемъ тяжело бремя горя
Иль въ Ливію, иль въ Киприъ; пройдемъ равнины моря—
Въ безвѣстный, новый міръ—въ британскіе лѣса!...
Ахъ! если нѣкогда позволятъ небеса
Еще хоть разъ одинъ увидѣть лѣсъ знакомой
И бѣдну хижину, покрытую соломой:
Что, что тогда найду на нивѣ я родной?
Колосьевъ нѣсколько, подавленныхъ травой!
Какъ! лучшія поля, трудовъ, раченья трата,
Должны добычей быть пришельца— супостата?
Добычей варвара и жатва и плоды?...
О мщеніе боговъ, гражданскія вражды!
Теперь трудись, нашъ братъ, при холодѣ, при зноѣ!
Теперь-то, Мелибей, разсаживай въ покоѣ
Свой добрый виноградъ, хранимый для дѣтей!....
Ступайте козы, вы, отрада лучшихъ дней,
Счастливый прежде скотъ! ступайте... нѣтъ! ужъ болѣ,
Сидя въ прохладѣ древъ, въ безпечности на волѣ,
Не буду видѣть васъ, любуясь издали,
Висящихъ на краю тѣнистыя скалы!
Прости, цвѣтущій край! вы, пѣсенки, простите!
Что, козы бѣдныя, что томно вы глядите?

Digitized by Google

Нѣтъ! вы не будете уже въ глазахъ моихъ
Ощипывать листы кусточковъ молодыхъ!
Титиръ. Постой, куда спѣшишь? я плачу самъ съ тобою!
Чѣмъ бѣдному помочь? останься здѣсь со мною!
Всѣмъ радъ, что Богъ послалъ. Есть яблоки у насъ,
Каштаны, добрый сыръ; теперь покоя часъ!
Смотри: уже туманъ въ дали сталъ подниматься,
И тѣни, съ горъ склонясь, длиннѣе становятся".

Пастухъ Мелибей, изгнанный изъ отеческихъ владѣній, вмѣстѣ съ своимъ стадомъ отправляется пріискивать новое пастбище. Дорогою онъ встрѣчаетъ другого пастуха Титира, наслаждающагося на свѣтломъ лугу подъ тѣнью ивы полнымъ счастіемъ. На вопросъ Мелибея, какъ достигъ онъ такого благополучія, Титиръ разсказываетъ свое прошлое, ссылаясь на Римъ, какъ на источникъ своего настоящаго благосостоянія:

„Но въ Римѣ, Мелибей, мой богъ, мое спасенье!
Но въ Римѣ видѣлъ я того, кому отъ насъ
Курятся алтари въ году двѣнадцать разъ.
Со взоромъ кротости онъ внялъ мое моленье:
Не бойся, мнѣ вѣщалъ, съ тобой твое владѣнье!
Здѣсь скотъ свой разводи, сюда гоняй стада".

Мелибей подъ живымъ впечатлѣніемъ отъ этого разсказа сравниваетъ свою жалкую участь съ счастливымъ состояніемъ товарища и въ отчаяніи готовъ продолжить свой путь, но до слезъ растроганный Титиръ оставляетъ у себя несчастнаго.

Въ образѣ пастуха Титира, удержавшаго за собою собственное достояніе, благодаря покровителю въ Римѣ, Виргилій вывелъ самого себя, намекая на то обстоятельство изъ своей жизни, когда онъ, при содѣйствіи Октавія Августа, успѣлъ возвратить свои земли, предназначенныя ветеранамъ послѣдняго, тогда какъ остальные соотечественники поэта, лишенные недвижимой собственности, принуждены были, какъ Мелибей, скитаться по свѣту, отыскивая себѣ новое мѣстожительство. Уже одно это, ясно показывая, что данное произведеніе представляетъ простую аллегорію, достаточно свидѣтельствуетъ о его искусственности, но отсюда вытекаютъ и другія его особенности: какъ подставныя лица, замѣняющія собою настоящихъ горожанъ, Мелибей и Титиръ вездѣ обнаруживаютъ неестественность своего положенія. Они знаютъ тонкости римской образованности, произносятъ длинные, чисто ораторскіе монологи, переполняютъ свою рѣчь отборными, изящными фразами образованныхъ людей вѣка Августа. Такою же иносказательностію и неестественностію проникнуты и всѣ вообще эклоги Виргилія; кромѣ того, римскій поэтъ часто заимствуетъ у Ѳеокрита не только

Digitized by Google

отдѣльныя выраженія и мѣста, но даже цѣлые отрывки. Единственное достоинство буколикъ Виргилія—формальная, внѣшняя сторона: онѣ отличаются прелестію стиховъ и живыми картинами природы.

Ложноклассическая идиллія. Въ періодъ господства ложноклассицизма идиллія получила совершенно превратное толкованіе. Буало указывалъ для нея четыре необходимые признака—simplicité, douceur, naïveté, élègance, т. е. простоту, пріятность, наивность и изящность. Другіе французскіе писатели—Фонтенель, Жоффре, Бональ требовали отъ нея облагораживанія природы. Представителями ложноклассической идилліи были: во Франціи—госпожа Дезульеръ, въ Германіи—Геснеръ, у насъ въ Россіи въ половинѣ XVIII столѣтія — Сумароковъ, Княжнинъ и въ XIX-мъ—Владиміръ Панаевъ. Образцами такого рода идиллій могутъ служить: „Штицы"—Дезульеръ въ переводѣ Мерзлякова и „Палемонъ" Вл. Панаева.

„П т и ц ы".

„Весна нисходитъ къ намъ, и зимній мракъ исчезъ!
Свѣтлѣютъ небеса, цвѣтутъ луга и горы,
Шумитъ зеленый лѣсъ;
Расторглись на рѣкахъ хрустальные затворы;
Зима не можетъ удержать
Во влажныхъ храминахъ горюющихъ Наядъ!
Пастушки, пастухи на ближній холмъ выходятъ,
Играютъ, прыгаютъ, подъ шумомъ голосовъ;
Или, уединясь, попарно въ рощѣ бродятъ.
Стада оставили свой зимній, теплый кровъ,
Несчетны птичекъ вереницы,
Разсѣясь тамъ и здѣсь, въ честь новыя царицы,
Стремятся разбудить гулъ спящій по лѣсамъ!
Какой всесильный богъ прогналъ морозы, бури,
Облекъ небесный сводъ въ блистаніе лазури,
И отдалъ прелести лугамъ?
Малютка—богъ творитъ такія превращенья!
Веселая весна
Ему красой одолжена;
Ему за радость всѣ обязаны творенья!
Все жертва смерти безъ него;
Амуръ—душа всего!
Онъ ужасы зимы жестокой побѣждаетъ;
Онъ сердце хладное живитъ и согрѣваетъ!
Холодность мертвая въ сердцахъ
Есть тоже, что зима въ поляхъ!
Увы! напрасно намъ природа повторяетъ
Съ весною каждой вновь пріятный сей урокъ:
Отъ колыбели насъ срѣтаетъ
Иль предразсудокъ, иль порокъ!
Счастливъ, кто ихъ не зналъ! плѣненные мечтами,
Мы учимся—чему? природѣ быть врагами;
Смѣясь ея святой, блаженной простотѣ,
Мы любимъ болѣе, въ постыдной слѣпотѣ,

Digitized by Google

Быть жертвой прихотей, людьми изобрѣтенныхъ,
Творимъ себѣ свой плѣнъ, рабы рабовъ презрѣнныхъ!
Гдѣ первый нашъ законъ? гдѣ первый образъ нашъ?
О, птички милыя, завиденъ жребій вашъ!
Вы вздумали любить, и любите свободно!
Наскучило вамъ здѣсь: летите въ добрый часъ!
Природа ваша мать: живете, какъ угодно!
Нѣтъ добродѣтелей, пороковъ нѣтъ для васъ.
Весь вѣкъ довольны вы одеждою одною;
Не слыхано въ лѣсахъ, чтобъ филинъ возблисталъ
Павлина красотою,
Чтобъ воронъ соловья напѣвы повторялъ!
Ахъ, искренность сія не наше достоянье!
Пристойность строгая, права, образованье,
Все требуетъ отъ насъ печальнѣйшихъ услугъ!
Что лести низкой хуже?
Но лги—и будешь правъ, но льсти—и будешь другъ!
Природа съ нами будто вчужѣ!
Или... признаемся, краснѣя отъ стыда!
Отмщая праведно за наши къ ней измѣны,
Намъ пищи не даетъ безъ горя и труда!
Все, все противу насъ: стихійны перемѣны,
Огонь, земля, вода! Скрывайся непогодъ,
Одежду приготовь, посѣй, сбери плодъ нивы,
И послѣ трепещи за сей-же самый плодъ!
Ахъ, птички, вы счастливы!
Для васъ готово все: ни сѣять, ни хранить!
Осталось лишь летать, пѣть пѣсни и любить!
Одни силки для васъ покоя возмущенье!
Ахъ! страшенъ тайный врагъ!
Но вамъ безпечность — другъ; а намъ товарищъ—страхъ!
Для васъ—мученій мигъ; вся наша жизнь—мученье!
Летите поскорѣй, малютки, поскорѣй!
Страшитеся ловца! или страшитесь болѣ
Вы легковѣрности своей.
Ахъ, горько, горько жить въ неволѣ!“

„Палемонъ“.

„Прекраснѣйшимъ утромъ, зимою,
Сидѣлъ Палемонъ въ шалашѣ подъ окномъ—
Дрова, запасены порою,
Пылали въ горнушкѣ трескучимъ огнемъ.—
Онъ стужи въ теплѣ не боялся,
Съ улыбкою въ поле свой взоръ простиралъ,
Картиной зимы любовался
И въ мысляхъ возврата весны не желалъ.
„О сколь ты, природа прекрасна!
Ничто не измѣнитъ твоей красоты:
Гроза-ли пылаетъ ужасно,
Ревутъ-ли Бореи, цвѣтутъ-ли цвѣты--
Всегда ты, во всемъ совершенна!
Какъ блещетъ равнина, сквозь легкій туманъ
Дрожащимъ лучемъ озаренна!
Какой безпредѣльный снѣговъ океанъ!..
Тамъ дубы стоятъ обнаженны;
На вѣтвяхъ ихъ иней пушистый нависъ;

Digitized by Google

Тамъ ели мелькаютъ зелены;
Мѣстами чернѣетъ густой кипарисъ.
Поля и луга опустѣли;
Не видно на паствахъ гуляющихъ стадъ;
Замолкли пастушьи свирѣли,
И пѣвчія птички, нахохлясь, сидятъ.
Одинъ лишь снигирь краснобокой,
Чирикая, скачетъ по гибкимъ кустамъ;
Лишь слышенъ глухой и далекой
Стукъ сильныхъ ударовъ цѣпа по гумнамъ;
Лишь изрѣдка снѣжной равниной
Съ дровами лѣнивый протащится волъ".—
Старикъ помѣшалъ хворостиной
Въ горнушкѣ и снова къ окну подошелъ.—
„Зима и моя наступила:
Разсыпался иней на черныхъ кудряхъ;
Оставила прежняя сила;
Погаснулъ румянецъ, игравшій въ щекахъ!
Но ахъ! сожалѣть-ли о красной
Дней юныхъ, промчавшейся быстро, веснѣ?
Кто младость провелъ не напрасно,
Тотъ съ ней потерялъ заблужденья однѣ.
Кто былъ добродѣтели вѣренъ,
Полезенъ семейству и ближнимъ своимъ,
Тотъ долженъ быть твердо увѣренъ,
Что вѣчно пребудетъ минувшее съ нимъ!
Когда я о немъ вспоминаю,
Мнѣ кажется, будто какого-нибудь
Стариннаго друга встрѣчаю,
Иль вижу цвѣтами усыпанный путь!
Къ тому-же на что помѣняюсь
Любовью всеобщей моихъ земляковъ,
Которой теперь наслаждаюсь,
Достигнувши честно сѣдыхъ волосовъ?
Что можетъ иное сравниться
Съ отрадой примѣрныхъ дѣтей воспитать,
Счастливомъ успѣхомъ гордиться,
Награду въ невинныхъ ихъ взорахъ читать?—
Подобно, какъ снова весною
Природа получитъ свою красоту,
Такъ жизнью моей молодою
Я въ миломъ Даметѣ моемъ расцвѣту!"

Дезульеръ начинаетъ свое сочиненіе изображеніемъ весны, употребляя для этого почти на каждомъ шагу совсѣмъ неподходящіе поэтическіе образы: на рѣкахъ расторгаются какіе-то „хрустальные затворы, во влажныхъ храминахъ зима не можетъ удержать никогда небывалыхъ горюющихъ Наядъ", пастушки, пастухи занимаются совсѣмъ не своимъ дѣломъ: вмѣсто того, чтобы пасти стада, они, какъ праздные кавалеры и дамы, или рѣзвятся на ближнемъ холмѣ подъ шумомъ голосовъ, или, уединясь, чинно гуляютъ парами въ рощѣ; вереницы птичекъ будятъ „гулъ спящій по лѣсамъ"; всѣ весеннія превращенія въ природѣ и тваряхъ производятся малюткой — богомъ Амуромъ. За этою своеобразною картиною весны слѣдуетъ крайне странное воззрѣніе на жизнь людей и сопоставленіе ея съ жизнію птицъ; послѣдняя признается вполнѣ счастливою какъ безусловно свободная отъ добродѣтелей и пороковъ, горя и труда, тогда какъ у людей все: приличіе, правя, образованіе, трудъ, заботы—иль предразсудокъ, иль порокъ,—

Digitized by Google

короче—лишеніе свободы. Выводъ понятенъ: онъ и выражается въ заключительномъ стихѣ: „Ахъ, горько, горько жить въ неволѣ!“, т. е. не въ первобытномъ, такъ сказать, не въ птичьемъ состояніи. Панаевъ заставляетъ простого сельскаго старика съ вымышленнымъ именемъ Палемона произносить хитрую рѣчь въ похвалу совершенству природы, указывая на ея красоту въ окружающихъ явленіяхъ зимы; тутъ выступаютъ передъ вами и Бореи, и кипарисъ, и нахохлившіяся пѣвчія птички, снигирь чирикаетъ; по снѣжной равнинѣ тащится съ дровами лѣнивый волъ, но этого мало: Палемонъ искусно сравниваетъсъ зимою свою старость и высказываетъ возвышенное понятіе о человѣческомъ долгѣ, примѣняя его къ жизни людей вообще и къ своему прошлому — въ частности; такъ и чувствуешь во всемъ этомъ отталкивающую ложь, приторную неестественность! *Искусственныя картины облагороженной природы, небывалое и невозможное на землѣ блаженство людей, совершенно чуждыя затрогиваемому быту понятія, убѣжденія, занятія и даже обстановка* (мужики и мужички являются подчасъ въ театральныхъ платьяхъ; пастухи и пастушки носятъ соломенныя шляпы съ голубыми и розовыми лентами, башмаки съ высокими красными каблуками, натираются пудрою, завиваютъ волосы въ локоны), *несоотвѣтствующій дѣйствующимъ лицамъ высокій, напыщенный языкъ, употребленіе классическихъ и вымышленныхъ именъ, словомъ,— крайняя изысканность и полный разладъ съ дѣйствительностію— таковъ характеръ ложноклассическихъ идиллій или, такъ называемыхъ, пасторалей* (pastorales, отъ pastor—пастухъ, произведенія, имѣющія своимъ предметомъ жизнь пастуховъ).

Новѣйшая идиллія. Со второй половины XVIII столѣтія идиллическая поэзія снова возвращается къ первоначальному, правильному направленію Англійскій поэтъ Георгъ Краббъ (1754—1830) своими сочиненіями „Деревня, Приходскіе списки, Мѣстечко“ нанесъ самый рѣшительный ударъ ложноклассической идилліи. Въ началѣ перваго изъ названныхъ произведеній поэтъ прямо заявляетъ: „пѣсня моя будетъ имѣть цѣлью изображеніе сельской жизля, съ ея трудами и заботами, съ бытомъ крестьянина въ годы его юности и старости, съ его удачами и бѣдами, съ концомъ его труднаго поприща; ибо я намѣренъ воспѣвать *истинную, дѣйствительную жизнь бѣднаго человѣка,* и муза моя не умѣетъ пѣть другого рода пѣсенъ“. „Деревня“ и представляетъ собою рядъ неприкрашенныхъ картинъ изъ простого, деревенскаго быта. „Приходскіе списки“, по мѣткому выраженію критика Джеффри, „имѣютъ цѣлію изображеніе сельскихъ нравовъ и обычаевъ. Послѣ, вступительной рѣчи и общихъ разсужденій о своемъ предметѣ, высокопочтенный поэтъ, не скрывая своего духовнаго званія, дѣ-

Digitized by Google

лаетъ обзоръ всѣхъ замѣчательныхъ браковъ, крестинъ и похоронъ въ его приходѣ за послѣдній годъ. При этомъ онъ описываетъ намъ физіономію и приключенія своихъ героевъ, вмѣстѣ съ приличными предмету замѣтками и размышленіями. Сочиненіе состоитъ изъ ряда портретовъ, списанныхъ въ самые важные и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самые обычные моменты жизни человѣческой, снятыхъ съ оригиналовъ изъ простого и средняго общественнаго класса. Выборъ ихъ показываетъ намъ замѣчательную способность замысла, а исполненіе великую силу колорита и безпредѣльную истину рисунка" (Сочиненія А. В. Дружинина, т. IV, стр. 424). „Мѣстечко" въ видѣ писемъ содержитъ въ себѣ поэтическое описаніе крошечнаго, небогатаго городка, съ его занятіями, торговлей, жителями, ихъ забавами, общественными увеселеніями и проч. Истинный взглядъ на идиллію развивали и современные Краббу германскіе поэты: Фоссъ, Броннеръ и Гебель, выводя въ своихъ идиллическихъ произведеніяхъ не однихъ пастуховъ, но всѣ сословія, по образу жизни близко стоящія къ природѣ. У насъ первымъ идиллистомъ въ новомъ духѣ былъ Гнѣдичъ, написавшій прекрасную самостоятельную идиллію „Рыбаки". Въ предисловіи къ вышеприведенному переводу идилліи Ѳеокрита „Сиракузянки или праздникъ Адониса" Гнѣдичъ ясно выражаетъ свое воззрѣніе на этотъ видъ эпической поэзіи: „До сихъ поръ, говоритъ онъ, одни поэты германскіе, намъ современные, хорошо поняли Ѳеокрита: Фоссъ, Броннеръ, Гебель произвели идилліи истинно народныя; плѣнительныя картины оныхъ переносятъ читателя къ сладостной жизни въ нѣдрахъ природы.... поэты поняли, что родъ поэзіи идиллической, болѣе нежели всякій другой, требуетъ содержаній народныхъ, отечественныхъ; что не одни пастухи, но *всѣ состоянія людей, по роду жизни близкихъ къ природѣ, могутъ быть предметами сей поэзіи* .. Гдѣ, если не въ Россіи, болѣе состояній людей, которыхъ нравы, обычаи, жизнь, такъ просты, такъ близки къ природѣ?... У нашихъ простолюдиновъ развѣ нѣтъ своей вѣры, повѣрій, нравовъ, костюмовъ, своего быта домашняго и своей русской природы? Наши многообрядныя свадьбы, наши хороводы, разныя игрища, праздники сельскіе, даже церковные—живыя идилліи народныя, ожидающія своихъ поэтовъ". Изъ другихъ новыхъ русскихъ идилликовъ замѣчательны: Жуковскій—переводчикъ идиллій Гебеля, Мей—переводчикъ идиллій Ѳеокрита, Дельвигъ, Гоголь, А. Плещеевъ, А. Майковъ, Григоровичъ. Остановимся на лучшемъ произведеніи Дельвига: „Отставной солдатъ" и на идилліи Плещеева: „Бабушка и внучекъ."

„Отставной солдатъ."

„Солдатъ. Нѣтъ, не звѣзда мнѣ изъ лѣсу свѣтила; Какъ звѣздочка, манилъ меня часъ цѣлый

Огонь вашъ, братцы! Кашицу себѣ
Для ужина варите? Хлѣбъ да соль!
Пастухи. Спасибо, служба! Хлѣба
кушать.
Солдатъ. Быть такъ,
Благодарю васъ. Я усталъ порядкомъ!
Ну, костыли мои, вамъ роздыхъ!
рядомъ
Я на траву васъ положу, и подлѣ
Присяду самъ. Да, верстъ пятнадцать
Ушелъ я въ вечеръ.
Первый пастухъ. А идешь откуда?
Солдатъ. А изъ Литвы, изъ вилен-
ской больницы.
Вотъ какъ изъ матушки Россіи ладно
Мы выгнали гостей незванныхъ, я
На первой пограничной перестрѣлкѣ,
Бѣда такая, безъ ноги остался!
Товарищи меня стащили въ Вильну;
Съ годъ лѣкаря и тѣмъ и семъ лѣчили
И вотъ какимъ злодѣи отпустили.
Теперь на костыляхъ бреду кой-какъ
На родину, за Курскъ, къ женѣ и
сестрамъ.
Второй пастухъ. На, руку; обо-
прись! да не сюда,
А на тулупъ раскинутый ложися!
Солдатъ. Спасибо, другъ, Господь
тебѣ заплатитъ.
Ахъ, братцы, что за рай земной у
васъ
Подъ Курскомъ! Въ этотъ вечеръ
словно чудомъ
Помолодѣлъ я, въ волю надышав-
шись
Тепломъ и запахомъ цѣлебнымъ!
Легко мнѣ въ воздухѣ родномъ,
какъ рыбкѣ
Въ рѣкѣ студеной! Въ царствахъ
многихъ былъ я,
Попробовалъ вездѣ весны и лѣта,
Въ иныхъ краяхъ земля благоухаетъ,
Какъ въ свѣтлый праздникъ ручка
генеральши:
И дорого, и чудно, да не мило,
Не такъ, какъ тутъ! Здѣсь цѣлымъ
тѣломъ дышишь,
Здѣсь всѣ составчики въ себя впи-
ваютъ
Простой, но сладкій, теплый воз-
духъ, словомъ,
И спать не хочется! игралъ-бы все
До солнышка въ дѣвичьемъ хороводѣ.
Третій пастухъ. И мы-бъ, землякъ,
играть не отказались,
Да лихъ нельзя! Село далеко, ста-
до-жъ
Покинуть безъ присмотра, поло-
жившись
Лишь на собакъ, опасно, самъ ты
знаешь.
Какъ быть! но вотъ и кашица поспѣла.
Перекрестися, примемся за ужинъ.
А послѣ, если къ сну тебя не клонитъ,
То разскажи намъ (говоришь ты
складно)
Про старое житье-бытье:
Я чай, вездѣ бывалъ ты, все видалъ—
И домовыхъ, и водяныхъ, и лѣшихъ,
И маленькихъ людей, живущихъ
тамъ,
Гдѣ край земли сошелся съ краемъ
неба;
Гдѣ можно въ облако любое вбить
Крючекъ иль гвоздь и свой кафтанъ
повѣсить.
Солдатъ. Вздоръ мелешь, малый!
уши вянутъ! полно!
Старухи врутъ вамъ, грѣясь на печи,
А вы имъ вѣрите! Какіе черти
Крещеному солдату захотятъ
Представиться! Да нынѣ-жъ человѣкъ
Лукавѣй бѣса. Нѣтъ, другое чудо
Я видѣлъ, и не въ ночь до пѣтуховъ,
Но днемъ оно предъ нами совер-
шилось!
Вы слышали-ль, какъ заступился
Богъ
За православную державу нашу,
Какъ сжалился Онъ надъ Москвой
горящей,
Надъ бѣдною землею, не посѣвомъ,
А вражьими ватагами покрытой,
И раннюю зиму послалъ намъ въ
помощь,

Digitized by Google

Зиму съ морозами, какіе только
Въ Николинъ день, да около Крещенья
Трещатъ и за щеки и уши щиплютъ?
Свѣжо намъ стало, а французамъ туго!
И жалко и смѣшно ихъ даже вспомнить!
Окутались отъ стужи, чѣмъ могли:
Кто шитой душегрѣйкой, кто лохмотьемъ,
Кто ризою поповской, кто рогожей;
Убрались всѣ, какъ святочныя хари,
И ну бѣжать скорѣе изъ Москвы!
Не далеко ушли-же. По дорогѣ
Морозъ схватилъ ихъ и заставилъ ждать
Дня суднаго на мѣстѣ преступленья—
У Божьей церкви, ими осквернённой,
Въ разграбленномъ амбарѣ, у села,
Сожженнаго ихъ буйствомъ! Мы, бывало,
Окончивъ трудный переходъ, сидимъ,
Какъ здѣсь, вокругъ огня и варимъ щи,
А около лежатъ, какъ это стадо,
Замерзлые французы. Какъ лежатъ!
Когда-бъ не лица ихъ и не молчанье,
Подумалъ бы, живые на бивакѣ
Комедію ломаютъ. Тотъ уткнулся
Въ костеръ горящій головой; тотъ лошадь
Взвалилъ, какъ шубу, на себя; другой
Ея копыто гложетъ; тѣ-жъ, какъ братья,
Обнялись крѣпко и другъ въ друга зубы
Вонзили, какъ враги!

Пастухи. Ухъ! страшно, страшно!

Солдатъ. А между тѣмъ курьерскій колокольчикъ,
Вотъ какъ теперь, и тамъ гремитъ, и тамъ
Прозвякнетъ на морозѣ: отовсюду
Везутъ извѣстья о побѣдахъ въ Питеръ
И въ обгорѣлую Москву.

1-й Пастухъ. Э, братцы,
Смотрите, вонъ и къ намъ телѣжка скачетъ,
И офицеръ про что-то ямщику
Кричитъ; ямщикъ ужъ держитъ лошадей:
Не спросятъ-ли о чемъ насъ?

Солдатъ. Помоги
Мнѣ встать: солдату вытянуться надо....

Офицеръ (подъѣхавъ). Огня, ребята, закурить мнѣ трубку!

Солдатъ. Въ минуту, ваше благородье!

Офицеръ. Ба!
Товарищъ, ты какъ здѣсь?

Солдатъ. Къ женѣ и сестрамъ
Домой тащуся, ваше благородье.
За рану въ чистую уволенъ.

Офицеръ. Съ Богомъ!
Снеси-жъ къ своимъ хорошее извѣстье:
Мы кончили войну въ столицѣ вражьей;
Въ Парижѣ Русскіе отмстили честно
Пожаръ Московскій. Ну, прости, товарищъ!

Солдатъ. Прощенья просимъ, ваше благородье!
(Офицеръ уѣзжаетъ).
Благословеніе Господне съ нами
Отнынѣ и—во вѣки буди! Вотъ какъ
Господь утѣшилъ матушку—Россію!
Молитесь, братцы! Божьи чудеса
Не совершаются-ль предъ нами явно?“

„Бабушка и внучекъ.“

„Подъ окномъ чулокъ старушка
Вяжетъ въ комнаткѣ уютной
И въ очки свои большіе
Смотритъ въ уголъ поминутно.

Digitized by Google

А въ углу кудрявый мальчикъ,
Молча, къ стѣнкѣ прислонился;
На лицѣ его забота,
Взглядъ на что-то устремился;
—„Что сидишь все дома, внучекъ?
Шелъ бы въ садъ, копалъ бы грядки,
Или крикнулъ бы сестренку,
Поигралъ бы съ ней въ лошадки.
Кабы силы, да здоровье,
И сама бы съ вами, дѣтки,
Побрела я на лужайку;
Дни такіе стали рѣдки.
Ужъ трава желтѣетъ въ полѣ,
Листья падаютъ сухіе;
Скоро птички щебетуньи
Улетятъ въ края чужіе!
Присмирѣлъ ты что-то, Ваня,
Все стоишь, сложивши ручки;
Посмотри, какъ свѣтитъ солнце:
Ни одной на небѣ тучки!
Что за тишь! не клонитъ вѣтеръ
Ни былинки, ни цвѣточка!
Не дождешься ты такого
Благодатнаго денечка!“—
Подошелъ къ старушкѣ внучекъ
И головкою курчавой
Къ ней припалъ; глаза большіе
На нее глядятъ лукаво...
—„Знать, гостинцу захотѣлось?
Винныхъ ягодъ, винограда?
Ну, пойди, возьми въ комодѣ,“—
„Нѣтъ, гостинца мнѣ не надо!“
—„Ужъ чего-нибудь да хочешь...
Или, можетъ, напраказилъ?
Можетъ самъ, когда спала я,
Ты въ комодъ безъ спросу лазилъ?
Можетъ вытащилъ закладку
Ты изъ святцевъ для потѣхи?
Ну, постой же... За проказы
Будетъ внучку на орѣхи!“—
„Нѣтъ! въ комодъ я твой не лазилъ;
Не таскалъ твоей закладки“.
—„Такъ, пожалуй, не задулъ-ли
Передъ образомъ лампадки?“—
„Нѣтъ, бабуся, не шалилъ я;
А вчера меня цѣлуя,
Ты сказала: „Будешь умникъ—
Все тогда тебѣ куплю я“...
—Ишь, вѣдь, память-то какая!
Чтожь купить тебѣ? лошадку,
Оловянную посуду,
Или грабли, да лопатку?“—
„Нѣтъ! ужъ мнѣ ты покупала
И лошадку и посуду.
Сумку мнѣ купи, бабуся!
Въ школу съ ней ходить я буду.“
—„Ай да Ваня! хочетъ въ школу,
За букварь, да за указку.
Гдѣ тебѣ! Садись-ка лучше,
Разскажу тебѣ я сказку...“—
„Ужъ и такъ мнѣ сказокъ много
Ты, бабуся, говорила;
Если знаешь, разскажи мнѣ
Лучше то, что вправду было.
Шелъ вчера я мимо школы,
Сколько тамъ дѣтей, родная!
Какъ разсказывалъ учитель,
Долго слушалъ у окна я.
Слушалъ я—какія земли
Есть за дальними морями...
Города, лѣса какіе
Съ злыми, страшными звѣрями.
Онъ разсказывалъ: гдѣ жарко,
Гдѣ всегда стоятъ морозы;
Отчего дожди, туманы,
Отчего бываютъ грозы...
И еще—какъ люди жили
Прежде насъ и чѣмъ питались;
Какъ они не знали Бога
И болванамъ покланялись.
Рисовали тоже дѣти;
Много я глядѣлъ тетрадокъ,
Кто глаза, кто носъ выводитъ,
А кто домикъ, да лошадокъ.
А какъ кончилось ученье,
Стали хоромъ пѣть. Въ окошко
И меня втащилъ учитель,
Говоритъ: „пой съ нами, крошка!
Да проси, чтобъ присылали
Въ школу къ намъ тебя родные;
Всѣ вы скажете спасибо
Ей,—какъ будете большіе.“
Отпусти меня! Бабусю
Я за это расцѣлую

Digitized by Google

И какихъ тебѣ картинокъ
Распрекрасныхъ нарисую!“
И впились въ лицо старушки
Глазки бойкіе ребенка;
И морщинистую шею
Обвила его рученка.
На глазахъ старушки слезы:
—„Это Божіе внушенье!
Будь по твоему, голубчикъ,
Знаю я, что свѣтъ—ученье.
Бѣгай въ школу, Ваня! Только
Спеси тамъ не набирайся;
Какъ обучишься наукамъ,
Темнымъ людомъ не гнушайся!“
Чуть со стула рѣзвый мальчикъ
Не стащилъ ее. Пустился
Вонъ изъ комнаты и мигомъ
Ужъ въ саду онъ очутился.
И ужъ русая головка
Въ темной зелени мелькаетъ...
А старушка то смѣется,
То слезинки утираетъ“.

Къ пастухамъ, варившимъ на кострѣ къ ужину кашицу, подходитъ на костыляхъ отставной солдатъ. Послѣ обычныхъ, простонародныхъ взаимныхъ привѣтствій: „хлѣбъ да соль! Спасибо, служба! Хлѣба кушать. Быть такъ, благодарю васъ“.... и начальнаго разговора: „А идешь откуда? А изъ Литвы“.... усталый служивый помѣщается на разостланномъ для него тулупѣ, рядомъ съ новыми знакомцами и начинаетъ по-своему хвалить наступившій вечеръ. Одинъ изъ пастуховъ проситъ солдата разсказать имъ послѣ ужина, если ему не хочется спать, „про старое житье-бытье,“ наивно прибавляя:

„Я чай, вездѣ бывалъ ты, все видалъ—
И домовыхъ, и водяныхъ, и лѣшихъ,
И маленькихъ людей, живущихъ тамъ,
Гдѣ край земли сошелся съ краемъ неба;
Гдѣ можно въ облако любое вбить
Крючекъ иль гвоздь и свой кафтанъ повѣсить“.

Солдатъ не менѣе своеобразно замѣчаетъ любопытному:

„Вздоръ мелешь, малый! Уши вянутъ! Полно!
Старухи врутъ вамъ, грѣясь на печи,
А вы имъ вѣрите! Какіе черти
Крещеному солдату захотятъ
Представиться! Да нынѣ-жъ человѣкъ
Лукавѣй бѣса“...

и затѣмъ передаетъ совершенно правдивый разсказъ о бѣгствѣ французовъ изъ Москвы и о побѣдѣ надъ ними русскихъ, чего онъ былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ. Въ это время подъѣзжаетъ офицеръ. Солдатъ отдаетъ военную честь начальнику и, узнавъ отъ него, что русскіе покончили войну съ французами въ Парижѣ, по отъѣздѣ офицера, съ радостію произноситъ:

„Благословеніе Господне съ нами
Отнынѣ и вовѣки буди! Вотъ какъ
Господь утѣшилъ матушку-Россію!
Молитесь, братцы! Божьи чудеса
Не совершаются-ль предъ нами явно?“

Въ небольшой, но жизненной картинкѣ здѣсь выступаетъ передъ нами русскій простолюдинъ со всѣми его отличительными свойствами: нетребовательностію, гостепріимствомъ, услужливостію, исполнительностію, религіозностью, переполненною суевѣріемъ, про-

Digitized by Google

стотою въ обращеніи, своеобразнымъ складомъ рѣчи; русскій солдатъ также надѣленъ вполнѣ свойственными ему чертами: словоохотливостію, любовью поразсказать все имъ видѣнное, сильнымъ патріотизмомъ, строгою выдержанностію, глубокою набожностію; поэтому все сочиненіе является живымъ и наглядным воспроизведеніемъ простонароднаго русскаго быта, полнымъ совершенной искренности и безупречной правдивости.

Идиллія А. Плещеева: „Бабушка и внучекъ" затрогиваетъ своимъ содержаніемъ міръ дѣтскій. Бабушка, видя непонятную озабоченность своего маленькаго внучка, поочередно то посылаетъ его играть въ садъ, то предлагаетъ ему гостинца, то спрашиваетъ, не напроказилъ ли тотъ чего-нибудь, какихъ купить ему игрушекъ, хочетъ разсказать ему сказку. Внучекъ отказывается отъ всего и проситъ только купить ему сумку, да отпустить его въ школу, разсказывая при этомъ, что онъ слышалъ и видѣлъ тамъ наканунѣ. Старушка съ радостью соглашается исполнить желаніе милаго Вани, и рѣзвый мальчикъ мигомъ пускается въ садъ. Здѣсь опять все просто и естественно: рѣчь бабушки дышитъ любовью и задушевностію; поведеніе внучка полно дѣтской наивности; его разсказъ про школьныя занятія проникнутъ неподдѣльнымъ правдоподобіемъ.

Такимъ образомъ, изъ историческаго развитія идилліи ясно открываются слѣдующія ея особенности: *во-первыхъ,* въ противоположность поэмѣ, обнимающей своимъ содержаніемъ или широкія, общенародныя, историческія событія, или частныя, но полныя глубокаго общественнаго интереса, происшествія, идиллія имѣетъ дѣло съ какимъ-либо единичнымъ, второстепеннымъ случаемъ изъ будничной жизни человѣка, важнымъ только для самого участника и небольшого круга его семьи, сосѣдей, друзей и знакомыхъ, какъ, напримѣръ, домашняя, дружеская бесѣда, семейные праздники—бракъ, крестины, обычныя человѣческія невзгоды—смерть, похороны, и т. п., *во-вторыхъ,* тогда какъ дѣйствующія лица поэмы—существа съ высшими тѣлесными или нравственными силами,—герои—богатыри, дѣйствующія лица идилліи—обыкновенные смертные и при томъ ведущіе безыскусственный, близкій къ природѣ образъ жизни, съ незатѣйливыми стремленіями, ограниченными желаніями, довольные своимъ положеніемъ, часто даже наивные, словомъ, отличающіеся простотой быта и нравовъ, каковы: простые граждане, рыбаки, пастухи, солдаты, старики, дѣти, сельскіе учители и пр., *въ-третьихъ,* преобладающею формою изложенія идилліи является діалогъ. Слѣдовательно, *идилліею называется небольшое эпическое произведеніе, представляющее, по большей части въ формѣ діалога, частный видикъ, отдѣльную картинку изъ повседневной жизни людей, отличающихся простотой быта и нравовъ.*

Digitized by Google

Романъ.

Происхожденіе романа. Романы греческіе. Начиная съ послѣдняго столѣтія до Р. Хр. въ греческой литературѣ александрійскаго періода замѣчается весьма важное по своимъ послѣдствіямъ явленіе: существовавшіе до тѣхъ поръ отдѣльно стихотворные эротическіе или любовные разсказы и полныя всевозможныхъ диковинокъ и чудесъ фантастическія сказанія о путешествіяхъ въ отдаленныя страны мало-по-малу соединяются въ одно цѣлое и въ рукахъ риторовъ-софистовъ пріобрѣтаютъ новую, своеобразную обработку; возникаютъ особаго рода вымышленныя повѣствованія, отличительную особенность которыхъ составляютъ—со стороны содержанія—изображеніе сильной взаимной любви двухъ молодыхъ существъ и различныхъ приключеній, переживаемыхъ ими во время раздѣльнаго странствованія по волѣ злосчастной судьбы въ далекихъ земляхъ съ неизмѣннымъ благополучнымъ окончаніемъ всѣхъ невзгодъ, а со стороны формы—прозаическое, нестихотворное изложеніе и напыщенный, витіеватый языкъ. Такія словесныя произведенія, называвшіяся въ то время „драмами, драматиками, драматическими разсказами“ въ отличіе отъ исторіи, послужили предвозвѣстниками и первыми опытами того вида литературнаго творчества, который получилъ впослѣдствіи названіе романа и который представляетъ теперь господствующую форму художественнаго эпоса. Извѣстныя въ настоящее время подъ именемъ „греческаго романа“, они особенно процвѣтали отъ второго до шестого столѣтій нашей эры. Наиболѣе полнымъ и совершеннѣйшимъ изъ нихъ признается романъ Геліодора—„Αἰθιοπικά—Эѳіопскіе разсказы“ въ десяти книгахъ, принадлежащій концу четвертаго вѣка по Р. Хр. Вотъ его содержаніе.

„Когда только-что разсвѣло и солнце освѣтило возвышенности, на горѣ, господствующей надъ такъ-называемымъ, гераклейскимъ устьемъ Нила, показались люди въ вооруженіи морскихъ разбойниковъ. Они пріостановились, стали всматриваться въ лежавшее у ногъ ихъ море, и, не замѣтивъ въ открытомъ морѣ никакого судна, которое обѣщало бы добычу, обратили взоры на ближайшій берегъ. Берегъ представлялъ слѣдующее зрѣлище: купеческое судно безъ матросовъ и съ богатымъ грузомъ было прикрѣплено къ берегу канатами. Объ этомъ можно было догадаться издали, потому что тяжесть груза поднимала воду до третьяго корабельнаго обхвата. Весь берегъ былъ покрытъ свѣжими, совершенно бездыханными или полумертвыми людьми, у которыхъ еще содрагались нѣкоторыя части тѣла—знакъ, что борьба только что окончилась. Впрочемъ, нѣкоторые признаки указывали не на честную борьбу; на берегу скорѣе виднѣлись жалкіе остатки злосчастнаго пира, окончившагося битвой: столы, еще покрытые явствами, или оставшіеся въ рукахъ у распростертыхъ на землѣ людей, которые употребляли ихъ какъ оружіе,

Digitized by Google

потому что къ бою пришлось готовиться внезапно; затѣмъ столы, прикрывавшіе тѣхъ, кто, вѣроятно, хотѣлъ укрыться подъ ними; сосуды, частью опрокинутые, частью выпавшіе изъ рукъ людей, которые держали ихъ, чтобы пить, или употребляли ихъ вмѣсто камней: внезапно наступившая бѣда дала новое примѣненіе предметамъ и научила пользоваться чашами, какъ оружіемъ. Одинъ лежалъ, раненный топоромъ, другой — пришибленный камнемъ, пойманнымъ въ бурунѣ, третій — разможенный полѣномъ, четвертый — опаленный головней, словомъ, каждый былъ убитъ особымъ образомъ, но большинство погибло отъ лука и стрѣлы. И въ самомъ дѣлѣ, божество допустило безконечно разнообразное зрѣлище на маломъ пространствѣ, перемѣшавъ вино и кровь, битву и пиръ, убійство и веселье, угощенье и смертный ударъ, и это то зрѣлище представило оно египетскимъ разбойникамъ. Чтобы разглядѣть его, они легли на горѣ и не знали, что предпринять по отношенію къ нему: убитые были передъ ихъ глазами, но побѣдителей нигдѣ не было замѣтно: они видѣли блестящую побѣду и нетронутую добычу, безлюдный, но не ограбленный корабль, точно онъ оберегаемъ многими и стоитъ покойно на якорѣ. Они не понимали, въ чемъ дѣло; однако нажива и добыча соблазнили ихъ: они признали себя побѣдителями и пошли за добычей.

„Когда уже только небольшое разстояніе отдѣляло ихъ отъ корабля и павшихъ людей, имъ представилось зрѣлище еще болѣе странное, чѣмъ то, что они видѣли прежде. На скалѣ сидѣла необыкновенной красоты дѣвушка, которую можно было принять за богиню: видно было, что она глубоко страдаетъ въ своемъ настоящемъ положеніи, но все существо ея, тѣмъ не менѣе, дышало благороднымъ мужествомъ. Голова была увѣнчана лавромъ, на плечѣ висѣлъ колчанъ, на небрежно опущенной лѣвой рукѣ держался лукъ; опершись локтемъ правой руки на правое колѣно, дѣвушка подпирала пальцами свои щеки и смотрѣла внизъ, заботливо вглядываясь въ лежавшаго юношу, голова котораго была приподнята ею. Онъ былъ израненъ и, повидимому, мало-по малу пробуждался отъ глубокаго, почти смертнаго сна, но и теперь сіялъ мужественной красотой, и щека его, окрашенная стекавшею съ нея кровью, блестѣла тѣмъ болѣе ослѣпительной бѣлизной. Истощеніе закрыло ему глаза, но взглядъ дѣвушки привлекалъ ихъ, и онъ долженъ былъ видѣть только потому, что видѣлъ ее. Набравшись воздуха и глубоко вздохнувъ, онъ сказалъ ей тихимъ голосомъ: „Въ самомъ-ли дѣлѣ ты уцѣлѣла для меня, моя радость, или битва унесла и тебя? Можешь-ли ты и по смерти не разлучаться со мною, со мной ли твой духъ *)?“—„Въ тебѣ моя жизнь и моя смерть,“ отвѣчала дѣвушка. „Видишь ли это?“ (Она указала на мечъ, лежавшій у ней на колѣняхъ). „Твое дыханіе не позволяло мнѣ доселѣ воспользоваться имъ.“ И съ этими словами дѣвушка быстро поднялась съ утеса. Раз-

*) Греки думали, что души умершихъ блуждаютъ по землѣ и могутъ являться людямъ до погребенія, окончательно переселяющаго ихъ въ преисподнюю.

Digitized by Google

бойники на горѣ, пораженные ея видомъ, какъ молніей, попрятались отъ удивленія и страха подъ кусты. Выпрямившись, она показалась имъ еще величественнѣе и божественнѣе; стрѣлы зазвенѣли при ея движеніи, вышитая золотомъ одежда блестѣла на солнцѣ, волосы подъ лавровымъ вѣнкомъ развѣвались какъ у вакханки, покрывая большую часть спины. Это повергло ихъ въ ужасъ, но еще больше страшила ихъ неизвѣстность того, что случилось. Одни принимали ее за богиню, за Артемиду или туземную Изиду, другіе—за жрицу, повергнутую въ неистовство однимъ изъ боговъ и совершившую всѣ тѣ убійства, которыя они теперь видѣли. Таковы были ихъ догадки, но истины они еще не знали. Дѣвушка вдругъ бросилась на юношу, крѣпко обвила его руками, плакала, цѣловала и ласкала его, стонала и точно не вѣрила тому, что держитъ его въ своихъ объятіяхъ. Увидавъ это, египтяне пришли къ другимъ догадкамъ. Какъ могла это дѣлать богиня? Могло ли божество такъ страстно цѣловать трупъ человѣка? Они ободряли другъ друга быть смѣлѣе и подойти ближе, чтобъ узнать истину. И вотъ они поднимаются съ мѣстъ, сбѣгаютъ внизъ и застаютъ дѣвушку еще занятую ранами юноши. Они остановились позади ея, у нихъ не доставало духу ни что-нибудь сказать, ни что-нибудь сдѣлать. Шорохъ и тѣнь отъ нихъ были замѣчены дѣвушкой; она подняла глаза и опять опустила ихъ на землю; необыкновенный цвѣтъ лицъ и разбойническій видъ этихъ вооруженныхъ людей ни мало не испугалъ ее; она опять отдалась вся уходу за лежавшимъ передъ нею юношей. Такъ презираютъ открытая привязаность и чистая любовь все мучительное и пріятное, приходящее извнѣ, побуждая душу видѣть одинъ только любимый предметъ и думать только о немъ одномъ.

„Когда же разбойники прошли мимо, стали противъ нея и, повидимому, намѣревались что-то предпринять, дѣвушка подняла свои глаза. Увидѣвъ черныя, дико смотрѣвшія фигуры, она сказала: „Если вы—тѣни павшихъ, то напрасно безпокоите насъ: большинство изъ васъ собственными руками убили другъ друга; тѣ, кто погибъ отъ насъ, потерпѣли въ силу самообороны и понесли кару за дерзкое покушеніе противъ чистоты и цѣломудрія. Если-же вы—живые люди, то ваше ремесло, вѣроятно, разбойничье, и вы пришли во-время. Избавьте насъ отъ окружающаго бѣдствія, убейте насъ и положите конецъ нашей горестной жизни.“ Такъ она говорила въ трагическомъ тонѣ.“

Пока разбойники, приставивъ къ влюбленной четѣ стражу, занимаются разграбленіемъ груза, появляются другіе болѣе многочисленные и своимъ приближеніемъ обращаютъ ихъ въ бѣгство. Атаманъ вновь прибывшей разбойничьей шайки Тіамій, завладѣвъ добычей, уводитъ молодыхъ плѣнниковъ въ свой притонъ, гдѣ поручаетъ ихъ надзору ранѣе захваченнаго въ плѣнъ молодого грека. Ночью Хариклея и Теагенъ, (такъ звали вновь взятыхъ плѣнниковъ), скорбятъ о своемъ положеніи. Грекъ—Кнемонъ разсказываетъ имъ свое прошлое. Сынъ аѳинянина Аристиппа онъ подвергся изгнанію изъ отечества, по происканъ мачихи Деменеты, послѣ того, какъ послѣдняя напрасно старалась возбудить въ немъ незаконное къ себѣ расположеніе. Юноша

Digitized by Google

направился въ Эгину къ родственникамъ своей покойной матери. Здѣсь онъ вскорѣ получилъ извѣстіе отъ сверстника Харія, что Демепета покончила жизнь самоубійствомъ, а Аристиппъ, узнавъ о ея бывшемъ коварствѣ, хлопочетъ теперь о разрѣшеніи сыну возвратиться въ Аѳины. Разсказчикъ и слушатели плачутъ,—каждый о своемъ горѣ. Успокоенные слезами Теагенъ и Хариклея засыпаютъ, получивъ обѣщаніе отъ Кнемона со временемъ разсказать имъ и о томъ, какъ попалъ онъ въ руки разбойниковъ. Въ ту же ночь атаманъ видитъ загадочный сонъ: снится ему, будто онъ на своей родинѣ Мемфисѣ въ храмѣ Изиды; при входѣ въ святилище его встрѣчаетъ сама богиня и, вручая ему Хариклею, говоритъ: „Передаю тебѣ эту дѣвушку, Тіамій; она въ твоихъ рукахъ, но ты не будешь обладать ею; напротивъ, ты будешь несправедливъ и убьешь чужеземку, но она не будетъ убита“. Истолковавъ сновидѣніе въ свою пользу, Тіамій изъ всей добычи требуетъ себѣ одну Хариклею, желая сдѣлать ее своею женою. Показывая видъ, что согласна вытти замужъ за атамана, плѣнница искусно отсрочиваетъ свою свадьбу. Въ это время на шайку Тіамія нападаютъ прежніе разбойники. Скрывъ Хариклею въ подземелье, атаманъ спѣшитъ въ битву, но потомъ, отчаявшись въ побѣдѣ, возвращается въ подземелье и тамъ, слѣдуя сновидѣнію, убиваетъ женщину, заговорившую съ нимъ по-гречески, принимая ее за свою невѣсту. Въ бою Тіамій попадаетъ въ плѣнъ, а его товарищи частію побиты, частію разсѣяны. Побѣдители сожигаютъ жилища своихъ противниковъ и, забравъ добычу, спѣшатъ возвратиться домой (книга первая).

Кнемонъ и Теагенъ проникаютъ въ подземелье, гдѣ находятъ убитую Тіаміемъ по ошибкѣ бывшую служанку Кнемона Тизбу; сюда же приходитъ и раненный оруженосецъ Тіамія Термутъ, скрывшій въ пещеру передъ послѣдней битвой недавно взятую имъ въ плѣнъ Тизбу. Послѣ необходимаго отдыха страдальцы придумываютъ средство избавиться отъ разбойника. Рѣшено, Кнемону итти съ Термутомъ на поиски атамана и при первой возможности бѣжать отъ своего спутника въ большое селеніе Хеммисъ, куда тѣмъ временемъ должны укрыться и Теагенъ съ Хариклеей. Въ Хеммисѣ Кнемонъ встрѣчаетъ старца Каласприса, который приглашаетъ его въ домъ своего гостепріимнаго хозяина Навзикла. Дочь отсутствующаго Навзикла радушно принимаетъ странника. Каласприсъ разсказываетъ гостю про свою жизнь. Мемфисскій пророкъ—онъ, плѣненный красотой ѳракійской гетеры Родопиды, чтобы избѣжать соблазна, покинулъ родину и прибылъ въ Дельфы. Здѣсь сошелся онъ съ жрецомъ пиѳійскаго Аполлона Харикломъ, потерявшимъ жену и единственную дочь и теперь воспитывавшимъ пріемыша, ввѣреннаго ему въ Египтѣ посланникомъ эѳіопскаго царя при персидскомъ сатрапѣ еще семилѣтнею дѣвочкою, подкинутою ея матерью и снабженною нѣкоторыми примѣтами. По имени своей умершей дочери Хариклъ назвалъ ее Хариклеей. Завѣтнымъ желаніемъ жреца было устроить бракъ воспитанницы съ сыномъ своей сестры, но Хариклея, какъ жрица Артемиды, рѣшительно отказывалась отъ какого-бы-то-ни-было замужества. Ха-

Digitized by Google

риклъ просилъ Каласприса помочь ему убѣдить питомицу. Въ наступившій вскорѣ пиѳійскій праздникъ въ Дельфы прибылъ во главѣ пятидесяти ѳессалійскихъ всадниковъ красивый юноша Теагенъ. При торжественномъ жертвоприношеніи Пиѳія изрекла ему слѣдующее никѣмъ неугаданное тогда пророчество: „Воззрите, дельфійцы, на нее, которой имя начинается граціей и кончается славой [1]), воззрите и на него, потомка боговъ [2]). Покинувъ мой храмъ, бороздя морскія волны, они достигнутъ земли, почернѣвшей отъ солнца [3]). Тамъ найдутъ они высокую награду за свою добродѣтель и украсятъ свѣтлое чело блестящимъ вѣнцомъ (книга вторая).

Вмѣстѣ съ своими спутниками ѳессалійскій вождь принимаетъ живое участіе въ праздничной процессіи и приковываетъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Съ появленіемъ зари, изъ храма Артемиды показалась прекрасная и умная Хариклея. „Она ѣхала въ колесницѣ, везомой бѣлыми быками, одѣтая въ длинное, пурпурное платье, лучеобразно вытканное золотомъ. Грудь ея была обрамлена поясомъ, изготовитель котораго вложилъ въ него все свое искусство и, не сдѣлавъ прежде ничего столь совершеннаго, не могъ бы исполнить ничего подобнаго и послѣ. То были двѣ змѣи, хвосты которыхъ художникъ перевилъ на спинѣ дѣвушки; головы приходились подъ грудью и, образуя узелъ, висѣли по обѣ стороны какъ кисти узла. Можно было подумать, что эти змѣи не только кажутся ползущими, но дѣйствительно ползутъ; взглядъ ихъ не представлялъ ничего страннаго и ужасающаго; онѣ нѣжились въ томленіи и дремотѣ, точно усыпленныя прелестною грудью дѣвушки.... Ярко-свѣтлые волоса ея не были ни вполнѣ подвязаны, ни вполнѣ свободно распущены: назади они висѣли свободно, покрывая плеча и спину, спереди и на головѣ они были увѣнчаны нѣжными лавровыми вѣтками, не позволявшими вѣтру некрасиво развѣвать ихъ въ разныя стороны. Дѣвушка держала въ лѣвой рукѣ позолоченный лукъ, колчанъ висѣлъ у ней на правомъ плечѣ, въ правой рукѣ былъ зажженный свѣтильникъ, но глазъ ея блестѣлъ ярче этого свѣтильника“....

„Когда процессія расположилась вокругъ могилы Неоптолема, и юноши трижды объѣхали ее на коняхъ, женщины запѣли жалобную пѣснь, мужчины—боевую. Потомъ, какъ бы по данному знаку и однимъ ударомъ, были принесены въ жертву быки, бараны, козы. На алтарь необыкновенной величины наложили множество дровъ, а на дрова—употребительныя части жертвенныхъ животныхъ, и обратились къ жрецу пиѳійскаго бога съ просьбой начать возліяніе и зажечь алтарь. Хариклъ отвѣчалъ, что дѣйствительно, возліяніе должно быть совершено имъ, но что алтарь долженъ зажечь вождь процессіи и взять для этого свѣтильникъ изъ рукъ жрицы. Того требуетъ отечественный

---

[1]) Имя Хариклея происходитъ отъ словъ χάρις—грація, и κλέος—слава.

[2]) Теагенъ считалъ себя потомкомъ Ахилла, слѣдовательно—богини Ѳетиды.

[3]) Т. е. Эѳіопіи.

Digitized by Google

обычай. Съ этими словами онъ совершилъ возліяніе. И когда Теагенъ принялъ огонь изъ рукъ дѣвушки, тогда мы убѣдились на дѣлѣ, что душа есть нѣчто божественное и посылается съ неба. Въ то самое мгновеніе, когда встрѣтились взгляды юной четы, они полюбили другъ друга... Сначала они стояли неподвижно, какъ бы пораженные внезапнымъ смущеніемъ; она передала, онъ принялъ свѣтильникъ медленно; они долго смотрѣли другъ на друга, какъ будто припоминая, потомъ слегка улыбнулись, но только украдкой и такъ, что это можно было замѣтить лишь по менѣе серьезному выраженію лицъ. Затѣмъ оба покраснѣли, какъ бы стыдясь случившагося, и такъ какъ страсть, вѣроятно, проникала имъ въ сердце, оба опять поблѣднѣли. Короче, видъ ихъ въ нѣсколько мгновеній измѣнился много разъ, цвѣтъ лица и взоръ, обличая движенія души, мѣнялись на всѣ лады. Ничего этого, конечно, не замѣтила толпа, занятая другими вещами и мыслями. Хариклъ также ничего не замѣтилъ, потому что произносилъ обычныя молитвы и возглашенія. Я одинъ наблюдалъ за юной четой: уже тогда, когда оракуломъ было дано прорицаніе Теагену при его жертвоприношеніи, содержавшіяся въ немъ имена навели меня на догадки о будущемъ, хотя я и не могъ объяснить себѣ точно все остальное въ этомъ прорицаніи.

„Когда Теагенъ какъ-бы съ усиліемъ оторвался, наконецъ, отъ дѣвушки, подложилъ огонь и зажегъ жертвенникъ, церемонія кончилась; ѳессалійцы принялись за пиръ, остальная толпа разошлась по домамъ. Хариклея облеклась въ бѣлый плащъ и поспѣшила съ немногими знакомыми въ свое жилище внутри храмовой ограды. Она даже не жила у своего предполагаемаго отца, чтобы оградить строгимъ отчужденіемъ святость своего званія“.

Влюбленные томятся другъ по другѣ. Въ ту же ночь Каласирисъ получаетъ отъ Аполлона и Артемиды повелѣніе увезти молодую чету въ Египетъ и оттуда направить ее, „куда и какъ будетъ угодно это богамъ“. Съ разсвѣтомъ, къ нему приходитъ Теагенъ и, признаваясь въ своихъ чувствахъ къ Хариклеѣ, со слезами проситъ мемфисскаго жреца быть его спасителемъ. Каласирисъ успокоиваетъ юношу, обѣщая ему полное свое содѣйствіе. На происшедшихъ потомъ пиѳійскихъ играхъ Теагенъ, побѣдивъ въ бѣгѣ соперника, получаетъ изъ рукъ Хариклеи пальмовую вѣтвь. Эта вторичная встрѣча съ любимымъ человѣкомъ только усилила страданія дѣвушки. Отецъ ея Хариклъ обращается за совѣтомъ къ Каласирису; послѣдній устрояетъ дѣло такъ, что убѣждаетъ Хариклею бѣжать съ нимъ и Теагеномъ въ Египетъ, объясвивъ ей по таинственнымъ письмамъ на ткани, въ которой та нѣкогда была вручена Харикду, что она дочь ѳіопскаго царя Гидаспа и была подкинута своею матерью Персиной изъ боязни быть заподозрѣнной со стороны своего мужа въ невѣрности, такъ какъ дѣвочка родилась бѣлокурой. При помощи соотечественниковъ, Теагенъ ночью похищаетъ Хариклею изъ дома Харикла и вмѣстѣ съ нею и Каласирисомъ отплываетъ на финикійскомъ кораблѣ, а дельфійцы спѣшатъ въ погоню за уходящими изъ города ѳессалійцами (книги третья и четвертая).

Digitized by Google

Къ бесѣдующимъ Каласпрису и Кнемону входитъ Навзиклъ съ извѣстіемъ, что нашелъ „лучшую Тизбу"; то была Хариклея. Вмѣстѣ съ Теагеномъ она была захвачена персидскимъ отрядомъ, отыскивавшимъ Тизбу для Навзикла. Пораженный ея красотою, Навзиклъ прекратилъ дальнѣйшіе поиски, выдавъ Хариклею за разыскиваемую имъ Тизбу, а Теагена удержалъ у себя начальникъ отряда съ цѣлію переслать плѣнника въ Вавилонъ, гдѣ, какъ красивый юноша, онъ могъ пригодиться на службу за царскимъ столомъ. Назвавъ себя отцемъ Хариклеи, Каласприсъ выкупаетъ ее у Навзикла. На состоявшемся по этому поводу послѣ жертвоприношенія пиру, мнимый отецъ Хариклеи разсказываетъ, по просьбѣ Навзикла, о своихъ приключеніяхъ по удаленіи изъ Дельфовъ на финикійскомъ кораблѣ. Во время плаванія на нихъ напалъ съ своею шайкою атаманъ морскихъ разбойниковъ Трахинъ, неравнодушный къ Хариклеѣ и слѣдившій за нею отъ самыхъ Дельфовъ. Приказавъ финикійцамъ подъ угрозою смерти спасаться на лодкахъ, онъ оставилъ на захваченномъ кораблѣ любимую имъ дѣвушку, да по ея желанію, Теагена и Каласприса. Поднявшаяся вскорѣ сильная буря пригнала разбитый корабль Трахина къ устью Нила. Здѣсь атаманъ задумалъ устроить, послѣ благодарственной жертвы Посейдону за спасеніе, брачный пиръ по случаю своего союза съ Хариклеей. Чтобы воспрепятствовать послѣднему, Каласприсъ возстановляетъ противъ Трахина его товарища Пелора. Происходитъ разногласіе: всѣ разбойники раздѣлаются на двѣ партіи, и предполагавшійся свадебный праздникъ обращается въ ужасное побоище. Пелоръ убиваетъ Трахина, но и самъ, пораженный Теагеномъ, обращается въ бѣгство. Каласприсъ, наблюдавшій это зрѣлище съ сосѣдняго холма, видитъ, какъ другіе разбойники спускаются на оставленную погибшими добычу. Считая свое дѣло исполненнымъ, онъ удаляется въ Хеммисъ. Этимъ и заканчиваетъ свой разсказъ Каласприсъ. Навзиклъ даетъ обѣщаніе старцу выручить Теагена (книга пятая).

На слѣдующее утро Навзиклъ, Каласприсъ и Кнемонъ идутъ къ начальнику персидскаго отряда Митрану. Дорогою они узнаютъ, что Митранъ этою ночью выступилъ противъ разбойниковъ въ селеніе Бесса, которые, подъ начальствомъ Тіамія, похитили у него греческаго юношу. Путники возвращаются домой. Хариклея въ страшномъ горѣ. Каласприсъ и Кнемонъ утѣшаютъ ее. Навзиклъ выдаетъ за Кнемона свою дочь Навзиклею. Свадьба только усиливаетъ страданія Хариклеи, которая теперь лишается и подруги. Каласприсъ открываетъ Хариклеѣ, что атаманъ Тіамій, захватившій Теагена, сынъ его. Въ одеждѣ нищихъ они отправляются къ Тіамію для освобожденія Теагена. Около Бессы имъ попадается множество труповъ. Одна старуха объясняетъ имъ, что это побитые разбойниками вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ Митраномъ персы. Каласприсъ и Хариклея рѣшаются провести ночь на полѣ битвы и видятъ ужасное зрѣлище; старуха оживляетъ силою волшебства на короткое время своего павшаго сына, который предсказываетъ ей смерть отъ меча, а свидѣтелямъ ея волшебныхъ истязаній счастливое будущее: „верховный жрецъ примиритъ двоихъ враж-

Digitized by Google

дующихъ сыновей своихъ, дѣвушка же, послѣ долгихъ превратностей, соединится, наконецъ, съ своимъ возлюбленнымъ въ истинно царской долѣ". Часть предсказаній исполняется тутъ же: старуха умираетъ, наткнувшись на торчавшій между трупами обломокъ копья (книга шестая).

Переодѣтые нищіе подходятъ къ Мемфису. По удаленіи изъ Мемфиса Каласприса, старшій сынъ его Тіамій долженъ былъ наслѣдовать званіе верховнаго жреца, но, по проискамъ брата, принужденъ былъ бѣжать изъ отечества и сдѣлался атаманомъ разбойниковъ. Теперь, домогаясь законнаго наслѣдства, онъ осадилъ Мемфисъ. За отсутствіемъ сатрапа Орондата, его жена Арзака рѣшаетъ покончить дѣло поединкомъ между братьями. Каласприсъ примиряетъ сыновей, прекращая ихъ поединокъ, и торжественно возстановляетъ Тіамія въ его правахъ, послѣ чего умираетъ, поручивъ дѣтямъ заботиться о Теагенѣ и Хариклеѣ. Между тѣмъ къ Теагену чувствуетъ сильную страсть Арзака, а къ Хариклеѣ—одинъ изъ приближенныхъ Арзаки—Ахеменъ. Чтобы спасти любимую дѣвушку отъ насильственнаго союза съ Ахеменомъ, Теагенъ показываетъ видъ Арзакѣ, что готовъ исполнить ея волю, если Хариклея не будетъ отдана Ахемену. Предположенный было бракъ Ахемена съ Хариклеей разстраивается, и вотъ послѣдній, съ цѣлью отмстить за нарушеніе даннаго ему Арзакой обѣщанія, спѣшитъ къ Орондату, собиравшему тогда около Великихъ Ѳивъ свое войско противъ Эѳіоповъ (книга седьмая).

Причиною готовившейся войны былъ споръ изъ-за города Филы на Нилѣ, который присвоивали себѣ обѣ стороны и которымъ успѣли завладѣть эѳіопы, изгнавъ изъ него египетскій гарнизонъ. Извѣщенный Ахеменомъ о томъ, что творилось въ Мемфисѣ, Орондатъ посылаетъ туда вѣрнѣйшаго слугу Багоя въ сопровожденіи пятидесяти всадниковъ съ повелѣніемъ во что-бы-то-ни-стало доставить къ нему Теагена и Хариклею. Несчастный юноша, по приказанію Арзаки, которой онъ рѣшительно отказалъ въ своемъ сочувствіи, въ это время былъ подвергаемъ въ мрачномъ заключеніи голоду и истязаніямъ. Чтобы избавиться отъ ненавистной соперницы—Хариклеи, Арзака рѣшается отравить ее; по ошибкѣ ядъ попадаетъ въ чашу кормилицы Арзаки—Цибелы, и та, умирая, объявляетъ, что ее отравила Хариклея. Дѣвушку присуждаютъ къ сожженію, но, какъ ни въ чемъ неповинная, она остается невредимою посреди пламени. Тогда Арзака обвиняетъ Хариклею въ чародѣйствѣ и до новаго слѣдствія помѣщаетъ ее вмѣстѣ съ Теагеномъ. Отсюда-то беретъ ихъ Багой безъ вѣдома Арзаки и мчится съ ними къ Орондату. Узнавъ объ этомъ, Арзака, во избѣжаніе ожидающей ее казни, кончаетъ жизнь самоубійствомъ—чрезъ повѣшаніе. Дорогою Багоя, Теагена и Хариклею берутъ въ плѣнъ эѳіопы и провожаютъ ихъ въ царскій лагерь (книга восьмая).

Царь эѳіопскій Гидаспъ назначаетъ плѣнныхъ Теагена и Хариклею, какъ первую военную добычу, въ жертву богамъ. Орондатъ терпитъ пораженіе; Ахеменъ, изъ боязни подвергнуться карѣ за взведенныя имъ на Арзаку обвиненія, которыя, по исчезновеніи Теагена и Хариклеи,

Digitized by Google

уже не могли быть доказаны, пытается убить своего вождя; онъ успѣваетъ только ранить Орондата, падая мертвымъ, отъ стрѣлы эѳіопа желавшаго захватить сатрапа живымъ. Завладѣвъ добычей, Гидаспъ призываетъ Теагена и Хариклею и спрашиваетъ у нихъ объ ихъ происхожденіи. Теагенъ отвѣчаетъ, что они братъ и сестра и при томъ эллины. На дальнѣйшій вопросъ царя Хариклея заявляетъ, что назоветъ своихъ родителей только у жертвеннаго алтаря. Гидаспъ поручаетъ надзоръ за дѣвушкой Багою, назначаетъ для благодарственной жертвы изъ числа плѣнныхъ еще по десяти красивѣйшихъ юношей и дѣвушекъ и отпускаетъ Орондата, выразивъ желаніе жить въ мирѣ съ персидскимъ царемъ и возвратиться въ Мерое (книга девятая).

Согласно полученнымъ извѣстіямъ отъ царя, въ городѣ Мерое все приготовлено для жертвоприношенія. Передъ началомъ церемоніи Хариклея доказываетъ свое царское происхожденіе. Гидаспъ и Персина признаютъ въ ней свою дочь, и народъ удерживаетъ царя, уже готоваго принести ее въ жертву. Хариклея умоляетъ пощадить Тагена, который тутъ-же оказываетъ чудеса храбрости, укрощая назначеннаго въ жертву быка и побѣждая въ единоборствѣ великана. Просьба Хариклеи не можетъ быть выполнена, и царь предлагаетъ Теагену выразить свое послѣднее предсмертное желаніе. Теагенъ проситъ, чтобы его закланіе было совершено царскою дочерью, но получаетъ отъ Гидаспа отвѣтъ, что это не во власти царя. Юношу ведутъ къ алтарю. Въ это время получается отъ Орондата письмо, въ которомъ онъ проситъ Гидаспа возвратить Хариклею ея отцу, находящемуся въ числѣ другихъ персидскихъ пословъ,—то былъ Хариклъ. Царь позволяетъ старику взять свою дочь изъ предназначенныхъ въ жертву десяти дѣвушекъ, но Хариклъ не находитъ ея между ними. Увидавъ Теагена, онъ бросается на него, какъ на похитителя своей дочери. Царь требуетъ разъяснить подробнѣе дѣло, и Хариклъ разсказываетъ о похищеніи Хариклеи Теагенъ подтверждаетъ разсказъ Харикла и на требованіе Гидаспа возвратить похищенную дѣвушку заявляетъ, что она теперь не въ его власти, а во власти царя, что она признанная отнынѣ царская дочь. Все уясняется. Жертвы человѣческія отмѣняются навсегда, и царь всенародно соединяетъ Хариклею съ Теагеномъ, послѣ чего дворъ торжественно направляется въ городъ при свѣтѣ факеловъ, звукахъ флейтъ, пляскѣ и радостныхъ кликахъ народа. „Такъ кончилась, говоритъ въ заключеніе авторъ, эѳіопская повѣсть о Теагенѣ и Хариклеѣ, составленная финикійцемъ изъ Эмезы и изъ рода Геліоса, Геліодоромъ, сыномъ Ѳеодосія“ (книга десятая).

Все сочиненіе, отъ начала и до конца, представляетъ собою поэтическій разсказъ о судьбѣ, главнымъ образомъ, двухъ вымышленныхъ личностей—Хариклеи и Теагена; на нихъ авторъ останавливаетъ свое преимущественное вниманіе, выводя другія дѣйствующія лица лишь для уясненія созданной его воображеніемъ исторіи героевъ. Весь интересъ повѣствованія сосредоточивается на сильной взаимной любви Хариклеи и Теагена. Чувство это не

Digitized by Google

зарождается у нихъ какъ-нибудь незамѣтно, не развивается постепенно, оно является какъ-бы готовымъ, возникаетъ вдругъ, внезапно и при томъ тогда, когда они менѣе всего ожидаютъ его. Вполнѣ увѣренные въ своей всецѣлой свободѣ отъ любви, не допуская даже возможности когда-либо подчиниться послѣдней, молодые люди, при первой же случайной встрѣчѣ, безповоротно и уже навсегда начинаютъ чувствовать взаимное влеченіе; какая-то необыкновенная красота ихъ вызываетъ у нихъ такое другъ къ другу расположеніе, а высочайшая нравственная чистота поддерживаетъ его и усиливаетъ. Съ этихъ поръ любящіе исключительно живутъ одинъ для другого, и весь міръ, все остальное теряетъ для нихъ положительно всякое значеніе. Неодолимый злой рокъ препятствуетъ однако юной четѣ наслаждаться сразу, безъ всякой заслуги съ ея стороны полнымъ счастіемъ: Хариклея и Теагенъ совершенно незаслуженно должны вынести еще всевозможныя бѣдствія и огорченія, такъ сказать, выстрадать свое будущее счастіе и вотъ они переживаютъ цѣлый рядъ самыхъ ужасныхъ приключеній и треволненій, не разъ рискуя самою жизнію и всегда спасаясь какою то невидимою, чудесною силою. Во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ своей многострадальческой жизни, при самыхъ сильныхъ искушеніяхъ, они всетаки остаются вполнѣ вѣрными другъ другу и этимъ только увеличиваютъ и безъ того свое искреннее взаимное расположеніе. Наконецъ, послѣ разнообразныхъ случайностей, послѣ многочисленныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданій, судьба становится благосклонною къ своей жертвѣ, и немилосердно гонимые ею вступаютъ въ законный союзъ и достигаютъ полнаго, по справедливости заслуженнаго благополучія. Таковъ въ общемъ характеръ „Эѳіопскихъ разсказовъ“ Геліодора, но таковы же, какъ уже сказано выше, и всѣ другія греческія поэтическія произведенія этого рода.

Романы рыцарскіе. Происхожденіемъ слова „романъ“ мы обязаны среднимъ вѣкамъ. Первоначально это названіе имѣло очень широкій смыслъ: романомъ обозначали и языкъ народовъ романскихъ, образовавшійся изъ смѣшенія латинскаго преимущественно съ германскимъ, и всякое литературное произведеніе, составленное на этомъ языкѣ. Впослѣдствіи, уже во времена Данте, подъ именемъ романа стали разумѣть прозаическія, нестихотворныя передѣлки старинныхъ романтическихъ поэмъ, съ примѣсью различныхъ книжныхъ вліяній. Такъ образовались романы рыцарскіе, появившіеся прежде всего во Франціи и оттуда перешедшіе въ Испанію и другія государства. Самымъ распространеннымъ изъ такихъ произведеній въ XIV—XV вѣкахъ въ Европѣ, особенно въ

Digitized by Google

Испаніи, является романъ неизвѣстнаго сочинителя: „Исторія Амадиса Галльскаго (точнѣе—Гаэльскаго, т. е. Валлійскаго)." Содержаніе ея слѣдующее:

„Періонъ, король Гаулы, пріѣхалъ ко двору Бретанскому; полюбивъ принцессу Элизену и возбудивъ любовь ея къ себѣ, онъ принужденъ былъ, не завершивъ любви своей бракомъ, уѣхать на родину. Когда у принцессы родился сынъ, она изъ стыда спустила его въ корзинѣ въ море. Одинъ рыцарь спасъ ребенка и воспиталъ его подъ именемъ „Мальчика моря"; это и былъ герой Амадисъ. Онъ попалъ еще отрокомъ ко двору короля Шотландіи, гдѣ проживала и дочь англійскаго короля Лизарта, принцесса Оріана, къ которой мальчикъ моря былъ приставленъ пажемъ. Молодые люди полюбили другъ друга, и Амадисъ, добившись посвященія въ рыцари, начинаетъ длинный рядъ подвиговъ, чтобы стать достойнымъ дамы своего сердца. Между прочимъ онъ отправляется помогать Періону, который уже давно былъ женатъ на Элизенѣ и имѣлъ отъ нея другаго сына—Галоара. Этотъ Галоаръ былъ похищенъ великаномъ, и въ то время, какъ родители оплакивали его судьбу, имъ неожиданно былъ возвращенъ ихъ первенецъ, котораго они узнали по кольцу. Романъ наполненъ нескончаемыми и, конечно, всегда побѣдоносными битвами двухъ братьевъ съ рыцарями, варварами и великанами и ихъ разнообразными фантастическими приключеніями, въ которыхъ дѣятельное участіе принимаютъ волшебники. Между прочимъ, отчаявшись въ возможности заслужить любовь Оріаны, Амадисъ удаляется отъ всѣхъ подвиговъ въ пустыню и принимаетъ имя „Мрачнаго Красавца". Онъ выходитъ оттуда, чтобы побѣдить 100 рыцарей, которые напали на Лизуарта. Принужденный покинуть дворъ послѣдняго, Амадисъ странствуетъ по Германіи и Турціи и одерживаетъ рядъ самыхъ изумительныхъ побѣдъ. Онъ поспѣваетъ какъ разъ во время, чтобы вырвать Оріану изъ рукъ Римлянъ, которымъ отдалъ ее Лизуартъ, чтобы отвезти въ замужество за брата императора. Засѣвъ на Твердомъ островѣ, Амадисъ начинаетъ войну съ Лизуартомъ, но потомъ прерываетъ ее, чтобы подать ему помощь противъ новыхъ враговъ. Тронутый его великодушіемъ и твердостію, Лизуартъ соглашается на его бракъ съ Оріаной. Романъ оканчивается тѣмъ, что Оріана разрушаетъ чары Твердаго острова и проникаетъ въ чудодѣйственную комнату, куда могла войти только прекраснѣйшая и вѣрнѣйшая женщина въ мірѣ". *)

Любовь Амадиса къ Оріанѣ и цѣлый рядъ совершенныхъ имъ во имя этой любви фантастическихъ подвиговъ для достиженія прочнаго, законнаго союза съ избранной дамой своего сердца—вотъ основная мысль всего сочиненія—„Исторія Амадиса Галльскаго". Та же идея любви съ вытекающими изъ нея самыми разнообразными, небывалыми похожденіями рыцарей служитъ суще-

*) Всеобщая исторія литературы В. Ѳ. Корша т. 3, ч. 1, стр. 405—106.

Digitized by Google

ственнымъ предметомъ и всѣхъ вообще романовъ рыцарскихъ. Неразвитое умственно общество, при естественномъ стремленіи поддержать постепенно вымиравшіе идеалы рыцарства, находило въ такихъ произведеніяхъ богатую пищу для воображенія и чувства, а простой, общепонятный слогъ, чуждый стихотворной искусственности, дѣлалъ ихъ общедоступными и придавалъ содержанію ихъ характеръ пріятной для читателя вѣроятности, большаго правдоподобія. Въ силу этого, различныя творенія въ духѣ Амадиса Галльскаго нашли себѣ всеобщее сочувствіе и съ невѣроятной быстротой успѣли облетѣть всю западную Европу: всѣ отъ мала до велика читали ихъ и перечитывали, часто въ ущербъ своимъ обычнымъ занятіямъ; въ богатыхъ домахъ изъ нихъ составлялись довольно обширныя библіотеки, словомъ, увлеченіе рыцарскими романами сдѣлалось какою-то злобою дня, общественною заразою. Противъ такого положенія дѣла принуждено было принять мѣры само правительство: особымъ декретомъ Карла V въ 1543-мъ году воспрещалось печатаніе и чтеніе романовъ рыцарскихъ, но видно удобнѣе всего поражать противника его же собственнымъ оружіемъ и только Сервантесу (1547—1616) своимъ знаменитымъ произведеніемъ— „Донъ-Кихотъ“ всецѣло удалось достигнуть того, съ чѣмъ боролась напрасно даже власть государственная.

Романы сатирическіе. Содержаніе —„Донъ-Кихота“. Бѣдный дворянинъ деревни Ламанша, начитавшись рыцарскихъ романовъ, на пятидесятомъ году своей жизни пришелъ къ мысли, что „ничто не будетъ столь прекрасно, не принесетъ ему столько чести, а его отечеству столько славы, какъ если онъ воскреситъ странствующее рыцарство, отправясь самъ верхомъ, въ вооруженіи паладиновъ, искать приключеній, наказывать преступленіе и исправлять несправедливость.“ Съ этою цѣлію онъ достаетъ и приводитъ въ порядокъ старые, покрытые ржавчиной рыцарскіе доспѣхи, придумываетъ для своей тощей лошаденки, по его мнѣнію, „величественное, благозвучное и многозначущее имя“ Россинанта, себѣ даетъ наименованіе Донъ-Кихота Ламанчскаго и выбираетъ дамою своего сердца сосѣдку — крестьянку, называя ее Дульцинеею Тобозскою. Не откладывая своего великаго предпріятія, новый герой, облачившись въ рыцарскіе доспѣхи, раннимъ утромъ тайно отъ всѣхъ выѣзжаетъ чрезъ заднія ворота въ чистое поле. Вскорѣ онъ припоминаетъ, что еще не посвященъ въ рыцари, безъ чего ему нельзя и сражаться, и рѣшается принять посвященіе отъ перваго встрѣчнаго. Къ вечеру Донъ-Кихотъ подъѣзжаетъ къ гостиницѣ, которую принимаетъ за укрѣпленный замокъ, а ея хозяина—за рыцаря—губернатора крѣпости. По просьбѣ пріѣзжаго, послѣдній совершаетъ надъ нимъ обрядъ посвященія, при чемъ посвящаемый, стоя по обычаю на ночной стражѣ около своего же оружія, наноситъ сильные удары двумъ погонщикамъ скота, осмѣлившимся, чтобы напоить своихъ лошаковъ, снять охраняемое оружіе съ корыта, на которомъ оно

Digitized by Google

было положено. Только заступничество хозяина спасло витязя отъ угрожавшей ему погибели, потому что товарищи раненыхъ готовы были побить его камнями. На слѣдующее утро вновь посвященный рацарь направляется домой, чтобы, согласно совѣту содержателя гостиницы, запастись деньгами, бѣльемъ и взять себѣ оруженосца. Дорогою онъ освобождаетъ пастуха мальчика отъ побоевъ хозяина — крестьянина, но едва отъѣзжаетъ отъ нихъ на значительное разстояніе, какъ несчастный пастухъ подвергается вторичному, болѣе сильному наказанію. Затѣмъ Донъ-Кихотъ встрѣчаетъ купцовъ изъ Толедо: считая ихъ рыцарями, онъ требуетъ отъ нихъ признанія, „что никакая красавица въ свѣтѣ не равняется съ Ламанчскою императрицею, несравненною Дульцинеею Тобозскою.“ На замѣчаніе одного изъ купцовъ, что они предубѣждены въ пользу его дамы, хотя бы она была коса, крива, хрома и горбата, оскорбленный рыцарь исполняется гнѣва и устремляется на хулителя; въ это время Россинантъ спотыкается, и Донъ-Кихотъ падаетъ на землю. Дѣлая напрасныя усилія подняться, онъ кричитъ удаляющимся купцамъ: „не бѣжите, трусы! Это отъ коня моего, а иначе вы были бы наказаны“. Тогда одинъ изъ купеческихъ слугъ ломаетъ объ Донъ-Кихота его же копье. Избитаго рыцаря, бредящаго рыцарскими романами, находитъ возвращавшійся съ мельницы сосѣдъ крестьянинъ и, посадивъ на своего осла, привозитъ его домой. Тамъ уже всѣ были въ тревогѣ: ключница и племянница пропавшаго разсказывали его друзьямъ — священнику и цирюльнику, какъ господинъ одной и дядя другой зачитывался проклятыми сочиненіями. Священникъ рѣшается произвести судъ надъ всѣми этими книгами, въ чемъ еще болѣе укрѣпляютъ его бредни возвратившагося Донъ-Кихота. Свое рѣшеніе онъ приводитъ въ исполненіе на другой же день, разбирая библіотеку Донъ-Кихота и однѣ изъ книгъ оставляя для себя и цирюльника, а другія—въ значительномъ большинствѣ, выбрасывая за окно для сожженія. Чтобы уничтожить всякій слѣдъ существованія библіотеки, задѣлываютъ дверь комнаты, въ которой помѣщалась она, а Донъ-Кихоту объявляютъ, что въ его отсутствіе книги и самый кабинетъ его похищены волшебникомъ. Двѣ недѣли проживаетъ рыцарь дома, ничѣмъ не обнаруживая своего намѣренія — пуститься въ новыя странствованія, а самъ тѣмъ временемъ подготовляетъ для этого все необходимое: обѣщаніемъ огромныхъ выгодъ, въ родѣ обладанія островомъ, склоняетъ онъ простоватаго сосѣда—крестьянина Санчо-Пансо сдѣлаться его оруженосцемъ, достаетъ деньги, съ большимъ убыткомъ продавъ одно и заложивъ другое, беретъ у одного изъ друзей щитъ, чинитъ шлемъ, запасается бѣльемъ; наконецъ, въ одинъ прекрасный, условленный заранѣе вечеръ, сопровождаемый Санчо-Пансо на ослѣ, Донъ-Кихотъ вторично и опять тайкомъ покидаетъ свой домъ. Первымъ его подвигомъ на этотъ разъ является борьба съ вѣтряными мельницами, которыя онъ, вопреки разувѣренію своего оруженосца, принимаетъ за великановъ. Рыцарь со всего размаха вонзаетъ свое копье въ крыло ближайшей мельницы, но подувшій въ это мгновеніе вѣтерь такъ сильно повернулъ мельничныя крылья, что

Digitized by Google

копье Донъ-Кихота разбилось въ дребезги, и самъ онъ вмѣстѣ съ Россинантомъ повалился на землю. Санчо-Пансо спѣшитъ поднять своего господина и помогаетъ ему взобраться на коня; между тѣмъ тотъ продолжаетъ увѣрять, что все это продѣлка волшебника Фрестона, похитившаго кабинетъ съ книгами и теперь преобразившаго великановъ въ вѣтряныя мельницы. На слѣдующій день путешественники встрѣчаютъ двухъ ѣдущихъ на мулахъ монаховъ, а за ними невдалекѣ — окруженную всадниками карету и въ ней дамъ. Донъ-Кихоту тотчасъ приходитъ въ голову, что это волшебники увозятъ похищенную принцессу. Нисколько не слушая своего оруженосца, указывавшаго ему на очевидную дѣйствительность, онъ обращаетъ въ бѣгство монаховъ и поражаетъ одного изъ всадниковъ, который впопыхахъ спѣшитъ защититься отъ его удара выхваченной изъ кареты подушкой. Только подъ условіемъ немедленнаго заявленія о его храбрости Дульцинеѣ Тобозо, Донъ-Кихотъ отпускаетъ встрѣченную имъ компанію, которая, чтобы отдѣлаться отъ сумасшедшаго, охотно соглашается на его требованія. Продолжая свой путь, искатели приключеній попадаютъ на ночь въ пастушій пріютъ. Одинъ изъ пастуховъ разсказываетъ Донъ-Кихоту про безнадежную любовь пастуха Хризостома къ жестокой пастушкѣ Марселлѣ, окончившуюся смертью влюбленнаго. Утромъ вмѣстѣ съ пастухами рыцарь и его оруженосецъ ѣдутъ на похороны несчастнаго Хризостома, гдѣ встрѣчаютъ и Марселлу, которая впрочемъ скоро исчезаетъ въ сосѣднемъ лѣсу. Желая предложить красивой пастушкѣ свои услуги, Донъ-Кихотъ, по окончаніи погребенія, немедленно устремляется отыскивать скрывшуюся красавицу, но вскорѣ сталкивается съ погонщиками табуна, которые до того бьютъ рыцаря и его оруженосца, что послѣдніе едва добираются потомъ въ ближайшую корчму. Здѣсь постигаетъ ихъ та же участь: по винѣ служанки Мориторны, они выносятъ тяжкіе побои отъ ночевавшаго въ корчмѣ погонщика муловъ, а потомъ отъ самого хозяина и полицейскаго. Избитые странники покидаютъ корчму, ничего не заплативъ, по рыцарскому обычаю, трактирщику. Дорогою имъ попадаются два стада овецъ. Считая ихъ за враждебныя одна другой арміи, Донъ-Кихотъ, не обращая вниманія на слова оруженосца, старавшагося раскрыть предъ нимъ истину, нападаетъ на мнимое войско и убиваетъ нѣсколько овецъ. Пастухи поражаютъ наконецъ камнями сумасброднаго витязя, который, по удаленіи стадъ, объявляетъ своему спутнику, что все это новая продѣлка того же злобнаго волшебника, обратившаго войска въ стадо овецъ. Ночью путники встрѣчаютъ похоронную процессію. Стремительнымъ нападеніемъ Донъ-Кихотъ обращаетъ въ бѣгство монаховъ, а Санчо-Пансо тѣмъ временемъ завладѣваетъ бывшей при нихъ провизіей; тутъ же оруженосецъ даетъ своему господину названіе *рыцаря печальнаго образа.* Остальную часть ночи искатели приключеній проводятъ подъ каштановыми деревьями, невдалекѣ отъ валяльныхъ мельницъ, гулъ которыхъ за темнотою все время не даетъ имъ покоя: одному кажется онъ вызывомъ на новые, еще небывалые подвиги, побуждающимъ приступить къ немедленному ихъ выполненію, на дру-

Digitized by Google

гаго наводитъ необычайный ужасъ, заставляющій всячески удерживать перваго отъ его намѣренія. Съ наступленіемъ утра, загадка разрѣшается. Путешественники ѣдутъ далѣе, несмотря на начинавшій накрапывать дождь. Вотъ ѣдетъ навстрѣчу цирюльникъ, прикрывши отъ дождя голову взятымъ съ собою для своихъ цѣлей мѣднымъ тазомъ. Донъ-Кихотъ немедленно нападаетъ на всадника и, отнявъ у него тазъ, надѣваетъ на себя, въ полной увѣренности, что это золотой рыцарскій шлемъ, а Санчо-Пансо облекаетъ своего осла въ сбрую, снятую имъ съ осла цирюльника. Довольные случившимся, они продолжаютъ путь, строя фантастическіе планы на счетъ предстоящаго имъ счастія—одному царствовать, другому—быть въ этомъ царствѣ знатнымъ господиномъ. Встрѣчается партія каторжниковъ. Донъ-Кихотъ освобождаетъ ихъ отъ конвоя, но преступники тутъ-же бьютъ камнями своего покровителя и его оруженосца и потомъ до-чиста ихъ обкрадываютъ. Въ сосѣднихъ горахъ одинъ изъ тѣхъ же каторжниковъ уводитъ у Санчо осла. Тамъ же путешественники встрѣчаютъ скитальца Карденіо, который передаетъ имъ исторію своей несчастной любви. Прерванный замѣчаніями Донъ-Кихота по поводу рыцарскихъ романовъ, онъ въ обычномъ припадкѣ умопомѣшательства бьетъ рыцаря и его оруженосца, послѣ чего съ удивительнымъ хладнокровіемъ уходитъ въ горы. Рыцарь печальнаго образа пускается отыскивать злополучнаго безумца, съ цѣлію услышать отъ него конецъ разсказа. Дорогою ему приходитъ на мысль—подражать страданіямъ Амадиса и неистовствамъ Ролапда, а Санчо отправить съ извѣстіемъ обо всемъ этомъ къ Дульцинеѣ. Намѣреніе быстро приводится въ исполненіе, и оруженосецъ, приладясь на Россинанта, покидаетъ на-время своего господина. Около извѣстной уже корчмы, гдѣ когда-то искателямъ приключеній пришлось вынести много ударовъ по винѣ Мориторны, Санчо видится съ друзьями Донъ-Кихота—священникомъ и цирюльникомъ, которые, узнавъ отъ оруженосца обо всемъ случившемся съ его рыцаремъ, рѣшаются, переодѣвшись—одинъ въ платье дамы, другой—ея оруженосца, хитростью возвратить домой своего друга, побудивъ его оказать помощь мнимой дамѣ противъ ея измѣнника—рыцаря. Въ сопровожденіи Санчо-Пансо они направляются къ Донъ-Кихоту. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ рыцарь печальнаго образа уже разыгрывалъ роль Амадиса, Санчо-Пансо оставляетъ своихъ спутниковъ, чтобы попытаться склонить своего господина возвратиться домой, сказавъ ему, будто этого требуетъ его Дульцинея. Тѣмъ временемъ священникъ и цирюльникъ, случайно увидавъ Карденіо, выслушиваютъ отъ него повѣсть, какъ вслѣдствіе измѣны любимой имъ Лусинды, согласившейся выйти замужъ за его мнимаго друга донъ-Фернанда, онъ добровольно обрекъ себя всевозможнымъ невзгодамъ въ этихъ горахъ. Слова Карденіо дополняются разсказомъ случайно замѣченной въ этомъ же мѣстѣ Доротеи, которая объясняетъ, какъ она, обманутая тѣмъ же другомъ Карденіо, скрылась въ горы, и какъ измѣнникъ ея оставилъ домъ Лусинды, когда разъяснилось, что та рѣшилась выйти за него замужъ по принужденію родителей, будучи невѣстой Карденіо. Все стало понятно для Доротеи и Карденіо. Въ

Digitized by Google

надеждѣ достигнуть своего прежняго счастія, они покидаютъ пустыню, но предварительно Доротея, принявъ роль Микомиконской принцессы, умоляетъ Донъ-Кихота помочь ей вновь завладѣть несправедливо отнятымъ у нея царствомъ. Рыцарь печальнаго образа даетъ свое полное согласіе на это, и всѣ путники ѣдутъ по направленію къ мѣстожительству Донъ-Кихота. На пути Санчо отнимаетъ своего осла у попавшагося имъ навстрѣчу похитителя каторжника. Въ бесѣдѣ съ спутниками священникъ объявляетъ, что не будь рыцарскихъ книгъ, Донъ-Кихота „всякій призналъ-бы за человѣка высокаго и просвѣщеннаго ума". Отъѣхавъ отъ другихъ на небольшое разстояніе, Донъ-Кихотъ разспрашиваетъ Санчо про его посѣщеніе Дульцинеи Тобозской, которую оруженосецъ представляетъ самой простой женщиной, но рыцарь все видитъ въ превратномъ, наилучшемъ свѣтѣ. Появляется освобожденный нѣкогда Донъ-Кихотомъ мальчикъ—пастухъ и разсказываетъ, какимъ ужаснымъ бѣдствіямъ подвергся онъ, благодаря непрошенной помощи со стороны рыцаря; на прощанье мальчикъ, умоляя своего покровителя никогда не вступаться за него, призываетъ проклятіе на Донъ-Кихота и всѣхъ рыцарей, послѣ чего пускается бѣжать, оставивъ рыцаря сконфуженнымъ, а всю компанію въ едва сдерживаемомъ смѣхѣ. На другой день путешественники останавливаются для отдыха въ знакомой уже корчмѣ. Донъ-Кихотъ идетъ спать въ отведенную ему на чердакѣ коморку, а священникъ, по поводу прежнихъ продѣлокъ рыцаря въ корчмѣ, заводитъ съ хозяиномъ бесѣду о вредномъ вліяніи на народъ рыцарскихъ романовъ. Хозяинъ и его домашніе оказываются сами любителями подобнаго чтенія и даже имѣютъ у себя нѣсколько такихъ книгъ. Между послѣдними священникъ находитъ рукопись подъ заглавіемъ—„Повѣсть Безразсудно-Любопытный," которую и читаетъ вслухъ по общему желанію. Въ повѣсти говорилось, какъ нѣкто Ансельмъ, желая испытать расположеніе своей молодой жены Камиллы, склонилъ своего преданнѣйшаго друга Лотара сдѣлаться хотя на короткое время ея мнимымъ поклонникомъ, и какъ послѣдній, противъ воли и сверхъ всякаго ожиданія, до того увлекся Камиллой, что и на самомъ дѣлѣ сталъ виновникомъ ея измѣны и скоропостижной смерти ея безразсудно-любопытнаго мужа; самъ Лотаръ палъ потомъ въ одной битвѣ, а Камилла въ раскаяніи и слезахъ умерла въ монастырѣ. По окончаніи чтенія, которое впрочемъ однажды было прервано неистовствомъ Донъ-Кихота, во снѣ сражавшагося со врагомъ принцессы Микомиконской, въ корчму прибыли неизвѣстные замаскированные путешественники, насильно везшіе съ собою такую-же замаскированную даму. То были Донъ-Фернандъ со спутниками и Лусинда. Когда дѣло разъяснилось, Донъ-Фернандъ возвратилъ Лусинду ея законному обладателю Карденіо, а самъ взялъ свою первую невѣсту Доротею. Всѣ плакали, радуясь такой неожиданной счастливой развязкѣ, а Доротея и Донъ-Фернандъ при всѣхъ разсказали неизвѣстнымъ другъ другу послѣднія обстоятельства своего прошлаго. Узнавъ отъ священника о странномъ помѣшательствѣ Донъ-Кихота, Донъ-Фернандъ охотно предоставляетъ

Digitized by Google

Доротеѣ разыграть роль принцессы Микомиконъ до самаго возвращенія полоумнаго рыцаря на родину. Въ корчмѣ появляется новый проѣзжій съ дамою. За общимъ столомъ Донъ-Кихотъ произноситъ длинную рѣчь о преимуществѣ воина съ оружіемъ въ рукахъ предъ другими общественными дѣятелями, а по окончаніи обѣда вновь, прибывшій путешественникъ по просьбѣ всѣхъ разсказываетъ свое прошлое. Будучи старшимъ изъ трехъ братьевъ, онъ избралъ для себя военную службу, попалъ въ плѣнъ къ Туркамъ, жилъ въ качествѣ плѣнника въ Константинополѣ, потомъ въ Алжирѣ, откуда спасся при содѣйствіи сопровождающей его мавританки, которая, воспитанная подъ вліяніемъ рабыни христіанки, рѣшилась, покинувъ отечество, принять христіанскую вѣру и стать его женою; съ нею-то, еще не крещенною, онъ и спѣшитъ теперь домой, ничего не зная о судьбѣ своего отца и братьевъ и боясь въ краю родномъ не найти никого, кто-бы удостоилъ даже узнать его. Опасенія плѣника разсѣеваются въ тотъ же вечеръ: въ корчмѣ проѣздомъ останавливается на ночь незнакомецъ съ дочерью, *оказавшійся* его младшимъ братомъ, отъ котораго онъ и узнаетъ про него самого, отца и средняго брата. Выяснилось, что всѣ они живутъ очень богато и довольно счастливо. Ночью Донъ-Кихотъ становится на стражу около корчмы, воображая ее замкомъ. На зарѣ вдругъ раздается чудный голосъ ночевавшаго въ корчмѣ погонщика муловъ. Клара, дочь меньшаго брата плѣнника, узнаетъ въ поющемъ любимаго ею человѣка и сообщаетъ свою тайну Доротеѣ, которая успокоиваетъ дѣвушку, обѣщая, съ наступленіемъ дня, уладить ея дѣло. Мариторна и дочь трактирщика тайно подшучиваютъ надъ Донъ-Кихотомъ, привязавъ его руку чрезъ отверстіе на сѣновалѣ къ дверному засову недоуздкомъ осла Санчо. Только съ прибытіемъ въ корчму четверыхъ новыхъ всадниковъ, рыцарю удается освободиться, благодаря Мариторнѣ же, отъ овладѣвшихъ имъ, по его мнѣнію, чаръ. Вновь прибывшіе всадники отыскивали мнимаго погонщика дона-Луи, тайно ушедшаго отъ отца за любимой имъ дѣвушкой Кларой. Дѣло скоро объяснилось, и три изъ нихъ рѣшились возвратиться назадъ и извѣстить обо всемъ отца юноши, а четвертый—сопровождать дона-Луи въ Андалузію къ брату дона-Фернанда. Тутъ же, въ корчмѣ Санчо ссорится изъ-за вьючнаго сѣдла съ ограбленнымъ имъ когда-то цирюльникомъ, а Донъ-Кихотъ со стрѣльцами, которые хотѣли задержать его, согласно имѣвшемуся у нихъ предписанію, за самовольное освобожденіе каторжниковъ; все однако улаживается полнымъ примиреніемъ. По общему рѣшенію, Донъ-Кихота помѣщаютъ связаннымъ въ устроенную для него деревянную клѣтку, и въ такомъ положеніи, въ сопровожденіи своего оруженосца, священника и цирюльника, странствующій рыцарь, считая себя очарованнымъ, пріѣзжаетъ наконецъ на родину; этимъ и оканчивается первая часть романа. Во второй части изображаются подобныя указаннымъ приключенія Донъ-Кихота и Санчо-Пансо во время третьяго ихъ выѣзда, послѣ чего герой снова возвращается домой, гдѣ и умираетъ, раскаявшись въ своемъ прежнемъ неразуміи.

Замѣчанія на романъ Сервантеса „Донъ-Кихотъ“. Во всемъ произведеніи—два главныхъ дѣйствующихъ лица: благородный ла-

Digitized by Google

манчскій дворянинъ Донъ — Кихотъ и его оруженосецъ простоватый крестьянинъ Санчо-Пансо. Оба они представляютъ совершенную противоположность другъ другу. Донъ-Кихотъ — безсмертный типъ странствующаго рыцаря, геніальная пародія на героевъ въ духѣ Амадиса Галльскаго. Подобно всѣмъ людямъ этого рода, онъ наяву и во снѣ поминутно бредитъ самыми невозможными подвигами во имя избранной имъ дамы сердца для собственной чести и славы отечества. Подъ всецѣлымъ вліяніемъ своего односторонняго, фальшиваго душевнаго настроенія, рыцарь печальнаго образа рѣшительно не въ состояніи понимать надлежашимъ образомъ окружающую его дѣйствительность: послѣдняя получаетъ въ его глазахъ лишь ту окраску и то значеніе, какіе придаетъ ей его разстроенное чтеніемъ рыцарскихъ книгъ воображеніе. Отсюда, предметы обыкновенные кажутся ему въ своеобразномъ, превратномъ свѣтѣ: постоялые дворы — замками, мирно ѣдущіе на мулахъ монахи — чародѣями, стадо овецъ — огромной арміей и т. п., отсюда же цѣлый рядъ въ высшей степени смѣшныхъ, уродливыхъ, ни съ чѣмъ несообразныхъ похожденій, въ родѣ, напр., нападенія на вѣтреныя мельницы, освобожденія каторжниковъ, попытки сразиться со львами и пр. Крайне нелѣпое положеніе, въ каковое ставитъ себя Донъ-Кихотъ въ силу своихъ извращенныхъ понятій о мірѣ дѣйствительномъ, становится еще болѣе ощутительнымъ при столкновеніи рыцаря съ своимъ оруженосцемъ. Санчо-Пансо это воплощеніе простого здраваго разсудка, видящаго, понимающаго и объясняющаго все происходящее въ настоящемъ, истинномъ смыслѣ; это, можно сказать, олицетвореніе самой дѣйствительности въ ея незатѣйливомъ, но глубоко-разумномъ существованіи, выведенное съ тою ближайшею, геніально задуманною цѣлію, чтобы нагляднѣе показать, къ чему приводитъ человѣка стремленіе руководиться въ жизни разъ навсегда отжившими идеалами. Сводя вмѣстѣ представителя окончательно вымиравшаго странствующаго рыцарства съ носителемъ новой, возрождавшейся жизни, Сервантесъ тѣмъ самымъ легко далъ понять современному ему обществу всю непригодность такъ распространенныхъ среди него романовъ рыцарскихъ, все противорѣчіе ихъ потребностямъ новой эпохи. Различнаго же рода приключенія и встрѣчи странствующихъ рыцаря и оруженосца, въ связи съ второстепенными эпизодичными лицами и искусно вплетенными вставочными разсказами, наглядно рисуя полную и всестороннюю картину Испаніи конца XVI и начала XVII в., чуждую всякой сверхъестественности, чудесности и таинственности, тѣмъ самымъ до очевидности показывали, какимъ строго жизненнымъ содержаніемъ должны были отличаться романы

Digitized by Google

позднѣйшіе. Но помимо такого чисто временнаго назначенія, Донъ-Кихотъ и Санчо-Пансо совмѣщаютъ въ себѣ и непреходящія стороны человѣческаго бытія: непоколебимое желаніе всячески содѣйствовать благу и преуспѣянію человѣчества, глубокій патріотизмъ, прямота, гуманность и великодушіе, полная честность и безкорыстіе, искренняя любовь ко всему прекрасному и доброму и призрѣніе ко всему низменному и злому, постоянная вѣрность своимъ возвышеннымъ убѣжденіямъ и ежеминутная готовность ради нихъ на всякое самопожертвованіе — вотъ существенныя черты характера Донъ-Кихота, дѣлающія его въ данномъ отношеніи личностью идеальною, каковыя всегда были, есть и будутъ среди людей и которыя такъ близки и дороги каждому порядочному человѣку; напротивъ, своекорыстныя во всемъ надежды Санчо-Пансо, его задушевныя мечты только о матеріальныхъ, житейскихъ выгодахъ, тупое непониманіе и даже полное равнодушіе къ высокимъ порывамъ души своего господина ставятъ его въ разрядъ обыкновенныхъ смертныхъ, живущихъ и дышащихъ исключительно злобою дня, которыми такъ богато человѣчество за все время своего существованія, и которыхъ принято называть эгоистами, реалистами, завзятыми матеріалистами. Страшныя душевныя и тѣлесныя испытанія, выстраданныя Донъ-Кихотомъ въ силу своихъ несоотвѣтствовавшихъ дѣйствительности воззрѣній, прямо указываютъ на ту мучительную, подчасъ совсѣмъ непосильную борьбу, какую неминуемо предстоитъ вести человѣку идеи съ самимъ собою и непонимающимъ его міромъ, и гдѣ иногда приходится жертвовать даже самою жизнію, а въ неотступномъ слѣдованіи разсчетливаго оруженосца за своимъ самоотверженнымъ героемъ ясно слышится глубокомысленный намекъ на тѣсное, неразрывное единеніе между духовными—высшими и матеріальными — низшими основами человѣческой жизни, въ силу чего человѣческое общество часто полусознательно, но всегда и вездѣ неизбѣжно идетъ покорно, какъ Санчо-Пансо за Донъ-Кихотомъ, по слѣдамъ своихъ руководителей, передовыхъ дѣятелей, людей мысли, волей неволей выдерживая вмѣстѣ съ ними всѣ историческія невзгоды, терпѣливо перенося всѣ постигающіе ихъ удары рока. Здѣсь уже ярко просвѣчиваетъ дальнѣйшая, міровая идея разсматриваемаго произведенія, сообщающая ему вѣчно-юный, никогда неувядающій интересъ.

Благодаря всѣмъ указаннымъ достоинствамъ, знаменитый романъ Сервантеса, при первомъ же появленіи въ свѣтъ (первая часть его была издана въ 1605 г., вторая—въ 1615-мъ), былъ принятъ съ необычайнымъ восторгомъ и еще при жизни автора (Сервантесъ умеръ въ 1616 году) разошелся въ количествѣ тридцати тысячъ

Digitized by Google

экземпляровъ, — явленіе неслыханное для того времени. До какой степени простиралось увлеченіе превосходнымъ сочиненіемъ Сервантеса въ Испаніи, свидѣтельствуетъ слѣдующій анекдотъ. Испанскій король Филиппъ III-й увидалъ однажды съ балкона своего дворца студента, который читалъ книгу на берегу Мансанареса. Студентъ такъ размахивалъ руками, прыгалъ, ударялъ себя въ лобъ и хохоталъ, что государь, немного посмотрѣвъ на него, сказалъ, обратясь къ придворнымъ: „этотъ студентъ или помѣшался, или читаетъ Донъ-Кихота". Спустя нѣсколько минутъ, королю было донесено, что студентъ, дѣйствительно, читалъ Донъ-Кихота.

Такъ-то наконецъ были поняты западно-европейцами крайняя несообразность, нелѣпость и устарѣлость романовъ рыцарскихъ; послѣдніе мало-по-малу и отошли съ этихъ поръ въ область исторіи. Теперь на смѣну имъ прочное мѣсто въ литературѣ, а въ обществѣ широкое распространеніе получаютъ такія произведенія, которыя, подобно Донъ-Кихоту, при глубинѣ основной мысли, яркими красками изображаютъ тѣ или другія отрицательныя стороны современной жизни. За основной тонъ содержанія—осмѣяніе общественныхъ пороковъ и недостатковъ—романы этого рода, высокимъ образцомъ которыхъ является тотъ же Донъ-Кихотъ Сервантеса, принято называть *сатирическими, комическими, юмористическими.*

Романы семейные или нравоучительные. Въ XVII и XVIII-мъ в. во Франціи и особенно Англіи, подъ вліяніемъ упадка нравственности въ высшихъ классахъ населенія и возвышенія средняго городского сословія съ его прочными, непоколебимыми основами частной, домашней жизни, постепенно слагается новый типъ романа, по своимъ существеннымъ особенностямъ близко подходящій къ нынѣшнему. Наилучшими его выразителями выступаютъ два англійскихъ писателя: Ричардсонъ (1689—1761) съ своимъ замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ „Кларисса Гарловъ" (1748 г.) и Гольдсмитъ (1728—1774) съ общераспространеннымъ—„Векфильдскимъ священникомъ" (1766 г.).

Восьмитомный романъ Ричардсона, изложенный въ формѣ переписки между дѣйствующими лицами, носитъ весьма характерное заглавіе: „Кларисса, или исторія молодой дѣвушки, заключающая въ себѣ важнѣйшія отношенія семейной жизни и въ особенности показывающая тѣ несчастія, которыя происходятъ, когда родители и дѣти непредусмотрительны въ дѣлахъ брака." Недалеко отъ Лондона проживаетъ богатое семейство средняго круга, состоящее изъ двухъ стариковъ, ихъ сына Джемса, двухъ дочерей—миссъ Арабеллы и миссъ Клариссы и двухъ дядей. Отецъ Гарловъ и оба дяди исключительно заняты дѣлами торговли; добрая, но слабохарактерная мать всецѣло поглощена хозяйствомъ; избалованный Джемсъ привыкъ повелѣвать всѣмъ домомъ, а

Digitized by Google

старшая дочь Арабелла отличается желчнымъ, завистливымъ и ожесточеннымъ характеромъ. Въ семьѣ царитъ одно видимое, внѣшнее спокойствіе, напускное единодушіе, и только шестнадцатилѣтняя красавица Клери, добродѣтельная, набожная, любящая, гордая сознаніемъ своего достоинства и въ то же время снисходительная къ недостаткамъ другихъ, съумѣла сдѣлаться добрымъ ангеломъ всѣхъ своихъ домашнихъ и первой любимицей цѣлаго околодка. Въ домѣ Гарловъ часто припятъ, какъ женихъ, молодой полковникъ графъ Робертъ Ловеласъ, человѣкъ изъ высшаго свѣта, первый красавецъ въ Англіи, богатый, ловкій, обязательный, рыцарскій, но сомнительной нравственности и съ необузданными страстями. Онъ показываетъ видъ, что расположенъ къ старшей дочери, всецѣло къ нему неравнодушной, и дѣлаетъ ей предложеніе, а самъ одновременно ухаживаетъ за младшей, которая однако ему не сочувствуетъ. Отказъ Арабеллы, возмущенной двусмысленнымъ поведеніемъ своего поклонника и ожидавшей дальнѣйшихъ его настояній, легко принимается послѣднимъ, который умоляетъ только объ одномъ: позволить ему быть другомъ. Все это окончательно раздражаетъ Арабеллу, и она вмѣстѣ съ Джемсомъ, возненавидѣвшимъ Клери за то, что оба дяди оставляютъ ей по духовной свои имѣнія, обвиняютъ сестру предъ родителями въ сердечной слабости къ Ловеласу. Подозрѣнія всѣхъ членовъ семейства повидимому оправдываются постояннымъ несогласіемъ Клери на всѣ представляющіяся ей блестящія партіи. На этотъ разъ за нее сватается и также безуспѣшно толстый, некрасивый богачъ Сольмсъ. Клариссу всячески принуждаютъ выдти за столь выгоднаго, хотя и ненавистнаго ей господина. Бѣдная дѣвушка путемъ переписки повѣряетъ свое горе любимой подругѣ— молодой, живой и пылкой дѣвицѣ миссъ Аннѣ Гоу, питающей къ ней самую горячую дружбу, и время-отъ-времени получаетъ почтительныя посланія отъ поселившагося вблизи Ловеласа, предлагающаго ей убѣжище у своихъ знатныхъ родственниковъ, въ случаѣ необходимости избавиться отъ нежелаемаго брака, и нисколько не скрывающаго отъ нея своей любви, но обѣщающагося до тѣхъ поръ не разсчитывать на взаимность, пока Клери будетъ располагать собою вполнѣ самостоятельно. Письма Ловеласа у Клери отобраны, и жизнь ея часъ-отъ-часу становится невыносимѣе: прислуга грубитъ и дерзитъ ей безнаказанно, къ матери ее не допускаютъ, даже запрещаютъ выходить изъ своей комнаты. Не находя другого исхода такому крайне бѣдственному положенію, несчастная страдалица, покинувъ тайно родной пріютъ, въ страхѣ сердца слѣпо довѣряется своему единственному защитнику. Они уѣзжаютъ въ Лондонъ, гдѣ невинная и неопытная Клери поселяется у мнимыхъ аристократическихъ родственниковъ Ловеласа, на самомъ же дѣлѣ попадаетъ въ позорное захолустье британской столицы, куда, безъ ея вѣдома, помѣщаетъ ее покровитель ея, въ надеждѣ, что никому не придетъ и въ голову отыскивать здѣсь его жертву. Чтобы удалить даже всякую возможность какого-бы-то-ни-было подозрѣнія со стороны Клери, Ловеласъ придаетъ гнусному вертепу самую благовидную наружность: хозяйка и двѣ ея, такъ называемыя, племянницы держатъ

Digitized by Google

себя съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, домочадцы отлично одѣты и ходятъ по стрункѣ, на стѣнахъ—скромныя картины, въ роскошныхъ шкафахъ — высоконравственныя книги; двери для посѣтителей закрыты, словомъ,—во всемъ царитъ образцовое приличіе. Похититель употребляетъ все свое искусство увлечь Клери, но онъ далекъ отъ мысли жениться на ней; это никогда не входило въ планъ его дѣйствій, и слабый намекъ миссъ Анны Гоу въ письмѣ къ своей подругѣ на необходимость при данныхъ обстоятельствахъ устроить свой бракъ съ Ловеласомъ только еще болѣе наполняетъ его душу звѣрскимъ желаніемъ во что-бы-то-ни-стало побѣдить добродѣтель Клариссы. Послѣ долгихъ напрасныхъ усилій, неутомимый злодѣй прибѣгаетъ къ послѣднему, насильственному средству — опіуму и такимъ возмутительно-безнравственнымъ способомъ достигаетъ наконецъ своей отвратительной цѣли. Въ высшей степени тяжела и трогательна дальнѣйшая судьба неповинной преступницы: глубоко оскорбленная въ самыхъ святыхъ своихъ чувствахъ, въ своемъ женскомъ достоинствѣ, Кларисса, великая и благородная въ самомъ страшномъ бѣдствіи, съ ужасомъ отвергаетъ теперь уже искреннія предложенія раскаявшагося соблазнителя и отъ чистаго сердца готоваго на всѣ жертвы, лишь бы только смыть постыдное пятно съ своей совѣсти, убѣгаетъ незамѣтно изъ дома безчестія и, послѣ многихъ нестерпимо-мучительныхъ бѣдъ и лишеній, укрывается у одного честнаго купца Шмита въ отдаленномъ углу Лондона. Несвоевременно спохватилось въ своей громадной, неисправимой ошибкѣ неразумное семейство Гарловъ; поздно сознаlъ свой мерзкій, безчеловѣчный поступокъ развратный соблазнитель: съ тихой покорностью своей участи, съ твердой вѣрою и прощеніемъ обидъ раньше времени отошла въ вѣчность такъ незаслуженно измученная, идеально-добродѣтельная женщина, оставивъ въ наслѣдство своимъ гонителямъ одни ничѣмъ неотразимые укоры совѣсти. Ловеласъ умираетъ на поединкѣ отъ шпаги полковника Мордена, двоюроднаго брата и всегда искренняго, преданнаго друга Клариссы, явившагося достойнымъ мстителемъ ея невольнаго позора и несчастія.

Въ богатомъ селеніи, у большой дороги мирно пріютилось семейство пастора: самъ Примрозъ, человѣкъ набожный, высоконравственный и добродѣтельный, его жена простая, любящая женщина, старшая дочь Оливія—мечтательная красавица, младшая Софья—кроткая и болѣе близкая къ дѣйствительной жизни, сынъ Джорджъ—беззаботный и своеобразный юноша, другой—Моисей—добрѣйшее и простодушное существо, и двое маленькихъ ребятишекъ. Джорджъ удачно заводитъ сватовство съ богачемъ—сосѣдомъ, но однажды священникъ, строгій ревнитель единобрачія, вступаетъ съ своимъ будущимъ родственникомъ по поводу его рѣшенія жениться въ третій или четвертый разъ въ горячій споръ, и дѣло доходитъ до того, что предполагавшійся бракъ молодыхъ людей разстраивается. Одна бѣда за собою ведетъ множество другихъ: получается извѣстіе, что банкиръ, у котораго хранился весь капиталъ Примроза, бѣжалъ за границу. Подкрѣпляемая примѣромъ отца, семья бодро и весело переноситъ этотъ ударъ. Джорджа отпра-

Digitized by Google

вляютъ въ Лондонъ искать себѣ счастія, а всѣ остальные поселяются въ бѣдной деревушкѣ, въ некрасивомъ и маленькомъ домикѣ. Въ новомъ мѣстожительствѣ часто посѣщаютъ священника владѣлецъ даннаго участка земли Торнгилль, богатый, знатный и очаровательный, но далеко не такъ нравственный молодой человѣкъ, относящійся съ особеннымъ вниманіемъ къ Оливіи, и умный, суровый въ сужденіи о людяхъ, нѣсколько рѣзкій въ разговорахъ, безпечный путешественникъ Борчелль, возбудившій къ себѣ расположеніе со стороны Софьи при первомъ же знакомствѣ — еще во время переѣзда ея съ родными изъ прежняго жилища, когда ему, между прочимъ, удалось спасти ее изъ воды, куда она упала съ лошади при переправѣ въ бродъ. Борчелль не любитъ Торнгилля, не встрѣчается съ нимъ у пастора и всегда съ несдержанною горячностью оспариваетъ лестные о немъ отзывы мечтающей уже о блестящемъ замужествѣ для Оливіи жены Примрозъ, чѣмъ и роняетъ себя въ глазахъ послѣдней. За то старикъ отецъ всей душой привязывается къ Борчеллю. Спустя нѣсколько времени, къ Торнгиллю пріѣзжаютъ изъ Лондона двѣ, по его словамъ, важныя дамы. Довѣрчивыя Оливія и Софья дружатся съ ними и получаютъ предложеніе занять очень выгодныя мѣста у двухъ ихъ знакомыхъ аристократокъ. Всѣ Примрозъ въ восторгѣ. Вдругъ обѣ покровительницы оставляютъ замокъ Торнгилля, не повидавшись и не простившись съ своими подругами и даже отказавшись отъ своихъ обѣщаній подъ предлогомъ, что объ Оливіи и Софіи дурно говорятъ въ околодкѣ. Подозрѣніе и мнимая улика — въ видѣ забытаго Борчеллемъ у Примрозъ чернового письма на имя обѣихъ дамъ съ вѣжливымъ, но неточно выраженнымъ совѣтомъ „не вводить разврата и стыда въ честныя и благородныя семейства“ даютъ поводъ обвинить въ злостной клеветѣ Борчелля, тѣмъ болѣе, что онъ съ явнымъ недовольствомъ относился къ услужливымъ особамъ, и вотъ его съ безчестіемъ выгоняютъ изъ дома. Торнгилль торжествуетъ: онъ легко опутываетъ долгомъ родителей Примрозъ, окончательно очаровываетъ Оливію и наконецъ искусно похищаетъ ее, ловко сваливъ всю вину на того же Борчелля. Съ истинно-христіанскимъ мужествомъ переноситъ это ужасное испытаніе священникъ. Недолго думая, онъ идетъ по окреснымъ городамъ и селамъ отыскивать погибшую дочь свою. Среди странствующихъ актеровъ старикъ встрѣчаетъ неполучившаго ни въ чемъ удачи Джорджа и сообщаетъ ему про свое горе. Хитрый Торнгилль и тутъ предлагаетъ свои услуги: онъ пріискиваетъ Джорджу мѣсто офицера въ Индіи, даетъ взаймы пастору необходимыя на покупку чина деньги, и чрезъ нѣсколько дней отецъ снова разстается съ своимъ сыномъ. Продолжая свои поиски, Примрозъ на одномъ постояломъ дворѣ случайно по голосу узнаетъ въ бѣдной, больной женщинѣ свою несчастную Оливію, которая и раскрываетъ предъ нимъ все коварство Торнгилля. Обрадованные и совершенно примирившіеся между собой отецъ и дочь спѣшатъ домой, но едва они приближаются къ мѣсту своего жительства, какъ страшное пламя охватываетъ ихъ домъ, и онъ сгораетъ дотла. Во время пожара пасторъ сильно вредитъ себѣ руку, спасая изъ огня дѣтей. Между

Digitized by Google

измѣникомъ Оливіи и отцемъ ея теперь устанавливаются натянутыя отношенія. Происходитъ ссора. Мстительный Торнгилль подвергаетъ своего несостоятельнаго должника тюремному заключенію. Въ грязномъ, запущенномъ пріютѣ праздности и порока самоотверженный страдалецъ находитъ себѣ широкое поле дѣятельности: онъ изъявляетъ желаніе говорить ежедневно преступникамъ по маленькой рѣчи, и эти чисто христіанскія бесѣды, встрѣченныя сначала злыми насмѣшками, въ концѣ концевъ увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ. Неумолимая, суровая судьба не оставляетъ однако и здѣсь свою злополучную жертву: почти въ одинъ и тотъ же день умираетъ не простившись съ отцемъ изнуренная тяжкой болѣзнью Оливія, а Софья въ глазахъ матери насильно увозится въ каретѣ какимъ-то незнакомцемъ; только письмо Джорджа, извѣщающее, что полкъ ихъ не ѣдетъ въ Индію, и что самъ онъ проводитъ жизнь весело и пользуется успѣхомъ въ обществѣ, наполняетъ какимъ-то дѣтскимъ восторгомъ оставшуюся бѣдную семью, но вскорѣ и этотъ слабый лучъ отрады потухаетъ: недавній счастливецъ Джорджъ за нанесенную имъ смертельную рану одному изъ четырехъ людей, старавшихся, по приказанію Торнгилля, представить его на судъ за сдѣланный имъ вызовъ обольстителю своей сестры, попадаетъ въ качествѣ убійцы въ одну темницу съ отцемъ. Чаша страданій престарѣлаго священника переполнена; итти далѣе почти некуда, и вотъ въ его жизни начинается поворотъ къ совершенно противоположному. Борчелль, оказавшійся Уилльямомъ Торнгиллемъ—богатымъ, вліятельнымъ лицомъ и вмѣстѣ дядей коварнаго поклонника Оливіи, избавляетъ Софью отъ ея похитителя, возвращаетъ ее отцу и потомъ становится ея женихомъ; племянникъ Торнгилль — виновникъ и послѣдняго приключенія съ Софьей—попадаетъ въ полную власть своего дяди и стараго пастора; даже Оливія, которая къ тому-же и не умерла, сохраняетъ при себѣ и титулъ, и честь, и состояніе: она тайно была обвѣнчана съ Торнгиллемъ младшимъ и, слѣдовательно, не обольщена имъ только. Такъ-то счастливо разрѣшается мастерски сплетенный узелъ всевозможныхъ бѣдъ и несчастій, выпавшихъ на долю Векфильдскаго священника.

Изъ представленнаго краткаго пересказа обоихъ сочиненій ясно видно, что существенную особенность ихъ содержанія составляетъ живое изображеніе частной, семейной жизни современнаго писателямъ англійскаго общества съ ея будничными, повседневными радостями и невзгодами. Типическими представителями этой жизни являются съ одной стороны люди высшаго круга—каковы Ловеласъ и оба Торнгилли, съ другой—обыкновенные смертные изъ средняго класса—семейства Гарловъ и Примрозъ. На сколько первые, за самымъ небольшимъ исключеніемъ, отличаются легкомысленнымъ отношеніемъ ко всему святому, возвышенному и прекрасному, на столько послѣдніе въ значительномъ большинствѣ проникнуты строгимъ сознаніемъ своихъ обязанностей,

Digitized by Google

хотя иногда понимаютъ и толкуютъ ихъ односторонне и неправильно. Характерныя свойства тѣхъ и другихъ рѣзко выдѣляются при взаимномъ столкновеніи, и отсюда-то рождаются тѣ веселыя и печальныя семейныя картины, которыя съ истиннымъ художествомъ нарисованы въ данныхъ произведеніяхъ и которыми, дѣйствительно, была полна внутренняя англійская исторія восемнадцатаго столѣтія. Мельчайшія подробности, ярко оттѣняющія не только каждый поступокъ, но и малѣйшее душевное движеніе выведенныхъ личностей, сообщаютъ имъ черты глубоко-жизненныхъ поэтическихъ характеровъ, а читателю даютъ полную возможность шагъ за шагомъ слѣдить безъ всякаго напряженія за постепеннымъ ходомъ затрогиваемыхъ происшествій и, перенося его незамѣтно въ область романическихъ событій, тѣмъ самымъ усиливаютъ для него впечатлѣніе убѣдительнѣйшей истинности: ему невольно кажется, что все, разсказываемое поэтами, совершается предъ его глазами, и даже самъ онъ какъ-бы принимаетъ во всемъ непосредственное участіе. Такая неотразимая жизненность разсматриваемыхъ твореній дѣлаетъ ихъ своего рода эпопеями,—эпопеями частной, домашней жизни, гдѣ на первый планъ выдвигаются личные интересы человѣка, его простыя изо-дня-въ-день заботы и волненія,его постоянная, часто однообразная, обыденная дѣятельность. Вотъ почему Ричардсонъ и Гольдсмитъ по всей справедливости занимаютъ первое мѣсто въ ряду основателей новоевропейскаго романа—романа *семейнаго*, который, за господствующее стремленіе авторовъ—прославлять добродѣтель и карать порокъ, давать наставленія и полезные совѣты, вообще—усовершенствовать нравы, принято еще называть *нравоучительнымъ*или точнѣе *поучительнымъ*.

Романы историческіе. Въ первой четверти минувшаго XIX-го столѣтія подъ перомъ англійскаго поэта и писателя Вальтеръ Скотта (1771—1832) содержаніе романовъ принимаетъ новый элементъ - *историческій*. Наиболѣе выдающимися въ этомъ родѣ произведеніями знаменитаго романиста признаются „Айвено“ (1819 г.) и „Квентинъ Дюрвардъ“(1823 г.).

I. Айвено, сынъ зажиточнаго дворянина Седрика Саксонца, былъ лишенъ своимъ отцомъ всѣхъ наслѣдственныхъ правъ и удаленъ изъ дому за то, что не желалъ содѣйствовать его завѣтному стремленію къ возстановленію государственной независимости покоренныхъ норманами англосаксовъ. Послѣ неудачнаго крестоваго похода въ Палестину въ войскѣ англійскаго короля Ричарда Львиное сердце, захваченнаго въ плѣнъ, по проискамъ брата, вѣроломнымъ герцогомъ австрійскимъ, молодой саксонецъ возвращается на родину. Въ одеждѣ странника онъ проникаетъ въ жилище своего родителя, гдѣ встрѣчается съ взаимно любимою имъ прекрасною дѣвушкою Роэною, дальнею родственницею и воспитанницею Седрика, которая однако не

Digitized by Google

узнаетъ его. Вслѣдъ затѣмъ на блестящемъ турнирѣ въ Ашби въ присутствіи принца Іоанна, всячески старавшагося завладѣть престоломъ плѣнника брата, Айвено подъ названіемъ „рыцаря Лишеннаго Наслѣдства“, при содѣйствіи неизвѣстнаго „Чернаго рыцаря“, одерживаетъ полную побѣду надъ всѣми могущественными своими противниками. По законамъ турнира храбрый побѣдитель удостоивается золотого вѣнца изъ рукъ Роэны, самимъ же имъ избранной „Царицею любви и красоты“, но тутъ же, вслѣдствіе глубокаго обморока отъ сильной раны, становится извѣстнымъ его настоящее имя. Происходитъ всеобщій переполохъ, который возрастаетъ еще болѣе, когда принцъ Іоаннъ получаетъ письмо отъ своего сообщника французскаго государя Филиппа съ увѣдомленіемъ объ освобожденіи короля Ричарда. Раненнаго юношу спѣшитъ перенести въ Іоркъ незадолго предъ тѣмъ облагодѣтельствованный имъ богатый еврей Исаакъ, дочь котораго Ревека рѣшается сама лѣчить его. Дорогою, когда путешественники уже пристали къ возвращавшемуся изъ Ашби семейству Седрика, на нихъ напали своевольные приверженцы Іоанна и почти всѣхъ увлекли въ ближайшій укрѣпленный замокъ Торквильстонъ (Мидльгамъ). Заключенныхъ спасаютъ отъ серьезной опасности ихъ сторонники во главѣ съ Чернымъ рыцаремъ, разрушая до основанія Торквильстонъ. Исчезаетъ одна Ревека, которую враги за успѣшное лѣченіе больныхъ объявляютъ чародѣйкою и приговариваютъ къ сожженію. Отъ неминуемой смерти несчастную избавляетъ Айвено, успѣвшій, при содѣйствіи Чернаго рыцаря, оказавшагося англійскимъ королемъ Ричардомъ Львиное сердце, примириться съ своимъ отцомъ. Вскорѣ Ричардъ снова вступаетъ на свой престолъ, разсыпая благодѣянія своимъ вѣрнымъ подданнымъ. Айвено женится на Роэнѣ, уничтожая тѣмъ самымъ племенную вражду между побѣжденными и побѣдителями изъ-за престолонаслѣдія и связаннаго съ нимъ права господства, а Ревека съ Исаакомъ добровольно покидаютъ Англію.

II. Квентинъ Дюрвардъ, молодой шотландецъ изъ бѣдныхъ дворянъ, пріѣзжаетъ во Францію поискать счастія. Недалеко отъ замка Дюплесси, отстоявшаго на два часа пути отъ города Тура и бывшаго любимымъ мѣстопребываніемъ французскаго короля Людовика XI-го, онъ случайно знакомится съ двумя французами. Одинъ изъ нихъ, назвавшійся дядей Петромъ, угощаетъ юношу въ сосѣдней „гостиницѣ лилій“ роскошнымъ завтракомъ и совѣтуетъ ему поступить на службу къ Людовику XI-му. Тутъ же Дюрвардъ встрѣчается съ таинственной незнакомкой—дѣвушкой лѣтъ пятнадцати, обратившей на себя его вниманіе, о которой однако онъ ничего не могъ узнать положительнаго. По уходѣ дяди Петра, является въ гостиницу родной дядя Квентина Людовикъ Лесли, служившій въ знаменитой гвардіи шотландскихъ стрѣлковъ, охранявшихъ Людовика XI-го. Лесли, прозванный за страшный рубецъ на лицѣ отъ когда-то полученной имъ раны Людовикомъ Разрубленное-Лице, точно также предлагаетъ племяннику мѣсто при французскомъ дворѣ, выставляя французскаго короля, какъ щедраго и добраго государя и самаго мудраго политика. Квентинъ продолжаетъ

Digitized by Google

колебаться; угрожающая опасность смерти за неосторожное, своевольное освобожденіе повѣшаннаго по распоряженію высшей власти цыгана побуждаетъ его наконецъ къ рѣшительному шагу. Въ качествѣ щитоносца своего дяди онъ въ слѣдующее утро отправляется на дежурство въ залу аудіенцій, гдѣ, къ величайшему своему ужасу, въ лицѣ короля Франціи узнаетъ своего недавняго знакомца—дядю Петра. Король въ сопровожденіи двора собирался охотиться, но былъ на нѣкоторое время задержанъ неожиданнымъ прибытіемъ бургундскаго посла графа Кревкера съ настойчивымъ требованіемъ отъ имени бургундскаго герцога Карла Смѣлаго прекращенія всѣхъ возникшихъ недоразумѣній между Франціей и Бургундіей и выдачи укрывшихся подъ защиту французскаго правительства графинь Изабеллы де-Круа и ея родственницы Гамелины ихъ ленному господину тому же Карлу бургундскому. Дѣло готово было принять опасный исходъ, еслибы Людовикъ XI-й не убѣдилъ посланника помедлить нѣсколько окончательнымъ рѣшеніемъ. На охотѣ юному тѣлохранителю удалось спасти своего государя отъ устремившагося на него разъяреннаго кабана. Вслѣдъ затѣмъ, по секретному приказанію короля, Квентинъ присутствовалъ при скромномъ обѣдѣ Людовика XI-го съ кардиналомъ Ла-Балю и графомъ Кревкеромъ и при уединенномъ свиданіи королевской дочери принцессы Іоанны съ Гамелиной и Изабеллой. Въ послѣдней юноша тотчасъ же призналъ заинтересовавшую его въ гостиницѣ незнакомку. Вскорѣ на его долю выпалъ жребій быть проводникомъ обѣихъ графинь. Вынуждаемый государственными соображеніями воздержаться отъ войны съ сильнымъ Бургундскимъ герцогомъ и въ то же время желая ослабить его могущество, Людовикъ XI-й составилъ хитрый замыселъ выдать богатую и знатную Изабеллу за Вильгельма де-ла-Марка, тайнаго друга Франціи и открытаго врага Бургундіи. Квентину было поручено доставить обѣихъ дамъ переодѣтыми къ литтихскому епископу Людовику Бурбону. Дорогою путешественники выдержали нападеніе Людовика, герцога Орлеанскаго, задумавшаго похитить Изабеллу, а шотландскій стрѣлокъ имѣлъ случай убѣдиться въ коварныхъ намѣреніяхъ короля. Пришлось немного отступить отъ предписаннаго въ Дюплесси направленія, благодаря чему путешествіе закончилось благополучно. Пребываніе графинь подъ защитою радушно принявшаго ихъ литтихскаго епископа, какъ и расчитывалъ Людовикъ XI-й, было непрочно и даже чрезчуръ непродолжительно: тайно подстрекаемые французскими приверженцами, литтихцы возстали противъ своего государя Карла Смѣлаго и, соединившись съ мятежными войсками Вильгельма де-ла-Марка, завладѣли замкомъ епископа. Людовикъ Бурбонъ, сторонникъ бургундскаго герцога, былъ убитъ, Гамелина досталась Вильгельму де-ла-Марку, Изабелла же вмѣстѣ съ Дюрвардомъ успѣли бѣжать и отдаться покровительству попавшагося имъ навстрѣчу графа Кревкера. Услыхавъ отъ шотландца о происшествіяхъ въ Литтихѣ, Кревкеръ поспѣшилъ съ извѣстіемъ о томъ къ своему повелителю, который, сосредоточивъ свои силы вокругъ укрѣпленнаго города Перонны, готовился къ немедленному вторженію во

Digitized by Google

Францію. Недалеко отъ крѣпости графъ узналъ, что самъ французскій король находится въ Перонпѣ. Оказалось, что дальновидный Людовикъ XI-й, всегда предпочитая войнѣ мудрую политику, рѣшился, по совѣту кардинала Ла-балю и астролога Марціуса Галеотти, лично свидѣться съ своимъ противникомъ и при томъ съ незначительною своею свитою и въ самомъ центрѣ непріятельскаго лагеря, чтобы, устраня такимъ образомъ всякое подозрѣніе, тѣмъ легче добиться болѣе выгоднаго перемирія. Свиданіе обоихъ государей отличалось видимымъ дружелюбіемъ, пока полученныя вѣсти отъ Кревкера не сообщили всему противоположнаго оборота: вспыльчивый и впечатлительный герцогъ объявилъ короля своимъ плѣнникомъ и заключилъ его въ крѣпкую темницу. Только благодаря своему мужеству, да искусному привлеченію на свою сторону важнѣйшихъ бургундскихъ сановниковъ и показанію Квентина и Изабеллы, Людовикъ избавился отъ неминуемой гибели. Король и герцогъ снова примирились между собою, условившись, наказать сообща злодѣя де-ла Марка и непокорныхъ литтихцевъ; рука Изабеллы была обѣщана тому изъ храбрецовъ, который, имѣя за собою дворянское происхожденіе съ безпорочнымъ именемъ и поведеніемъ, отмститъ Вильгельму де-ла-Марку за смерть епископа. Въ происшедшемъ потомъ сраженіи при Литтихѣ эта честь, къ обоюдной радости молодыхъ людей, досталась мужественному Квентину Дюрварду.

Ричардъ Львиное сердце, король англійскій, братъ его принцъ Іоаннъ, Людовикъ XI, король французскій, Карлъ Смѣлый, герцогъ бургундскій, и многія другія дѣйствующія лица обоихъ произведеній относятся къ личностямъ чисто историческимъ. Ихъ характеры, равно какъ и обстановка, при которой происходитъ ихъ дѣятельность, въ общемъ запечатлѣны чертами, строго соотвѣтствующими дѣйствительности: Ричардъ Львиное сердце проводитъ время въ странствованіи, ища для себя приключеній; принцъ Іоаннъ, побуждаемый ненасытнымъ властолюбіемъ, всѣми силами стремится захватить себѣ престолъ брата; Людовикъ XI-й во всемъ руководствуется исключительно своими хитрыми, умными и дальновидными государственными предначертаніями; Карлъ Смѣлый, при величайшей вспыльчивости, отличается доходящею до безразсудства отважностью и пр. Самыя событія—племенная непріязнь англосаксовъ съ норманами и взаимная вражда Карла Смѣлаго съ Людовикомъ XI-мъ, около которыхъ сосредоточиваются всѣ остальныя происшествія, принадлежатъ къ фактамъ историческимъ. Словомъ, въ основѣ обоихъ данныхъ сочиненій лежитъ настоящая быль, дѣйствительная исторія, почему подобные романы и называются *историческими*. Наилучшими историческими романами въ нашей русской литературѣ признаются—„Юрій Милославскій“—Загоскина, „Ледяной домъ“—Ложечникова, „Капитанская дочка“—Пушкина, „Князь Серебряный“—графа Алексѣя Толстого, „Война и миръ„—графа Льва Тостого и др.

Digitized by Google

Романы бытовые. Англійскимъ же писателямъ Теккерею (1811—1863) и Диккенсу (1812–1870) обязаны своимъ основаніемъ и современные намъ общераспространенные романы. Замѣчательнѣйшіе романы перваго: „Базаръ житейской суеты“ и „Исторія Пендениса“ и втораго: „Замогильныя записки Пиквикинскаго клуба“, „Оливеръ Твистъ“, „Торговый домъ Домби и Сынъ“. У насъ достойными въ этомъ родѣ образцами считаются: „Евгеній Онѣгинъ“—Пушкина, „Герой нашего времени“—Лермонтова, „Обыкновенная исторія“, „Обломовъ“ и „Обрывъ“ –Гончарова, „Рудинъ, Наканунѣ, Дворянское гнѣздо“—Тургенева и др.

Евгеній Онѣгинъ (романъ начатъ въ 1823 году и оконченъ въ 1831 г.), молодой и богатый русскій баричъ, получивши поверхностное свѣтское воспитаніе, предается всѣмъ удовольствіямъ *большого свѣта*: съ утра несутъ къ нему приглашенія на балы; вставъ за-полдень, онъ ѣдетъ гулять на бульваръ; подъ-вечеръ обѣдаетъ въ модномъ ресторанѣ и отправляется въ театръ; не дождавшись конца представленія, спѣшитъ онъ къ себѣ, часа три одѣвается въ своемъ кабинетѣ, скачетъ въ ямской каретѣ на балъ и только къ утру возвращается оттуда домой и ложится спать—„И завтра тоже, что вчера.“ Однообразная, пустая жизнь скоро однако надоѣдаетъ Онѣгину: имъ овладѣваетъ сильная, безпредметная тоска. Подъ вліяніемъ такого настроенія, Евгеній отказывается отъ бурныхъ наслажденій, запирается у себя дома, берется сначала за перо, а потомъ — за чтеніе книгъ, но, неподготовленный воспитаніемъ къ упорному труду, бросаетъ все это, не зная, что дѣлать съ собою отъ скуки. Вдругъ приходитъ извѣстіе отъ дяди, который, находясь при смерти, приглашаетъ племянника въ деревню. Онѣгинъ быстро оставляетъ столицу. Заставъ своего родственника уже умершимъ и похоронивъ его, онъ становится обладателемъ имущества покойнаго (гл. 1-я). Для развлеченія себя новый хозяинъ усердно принимается за сельскія занятія, замѣняя на первый разъ барщину оброкомъ, но и тутъ онъ оказывается неспособнымъ: деревенское хозяйство недолго занимаетъ его; прежняя хандра снова возвращается къ нему; онъ ссорится со всѣми сосѣдями—помѣщиками и лишь сближается съ однимъ изъ нихъ—образованнымъ и неопытнымъ юношею Ленскимъ, только что возвратившимся изъ—за границы, гдѣ онъ учился въ Геттингенскомъ университетѣ. Ленскій часто посѣщаетъ сосѣднее семейство Ларинныхъ, въ которомъ двѣ взрослыя дочери—Татьяна и Ольга, и влюбляется въ младшую—Ольгу (гл. 2-я). Скучающій, разочарованный Онѣгинъ отъ нечего дѣлать проситъ своего друга познакомить его съ Ларинными. Ленскій исполняетъ эту просьбу, и старшая Ларина — Татьяна находитъ во вновь пріѣзжемъ полное воплощеніе своего, составленнаго по книгамъ, идеала. Мечтательная дѣвушка шлетъ Онѣгину самое откровенное письмо о своихъ чувствахъ. Онѣгинъ самъ пріѣзжаетъ къ Ларинымъ и находитъ Татьяну въ саду (гл. 3-я). Чистосердечно, хотя нѣсколько и тономъ наставника, признается онъ ей, что не считаетъ себя созданнымъ для блаженства семейной жизни, и

Digitized by Google

совѣтуетъ на будущее время быть въ подобныхъ случаяхъ, какъ можно, осторожнѣе. „Сквозь слезъ не видя ничего, едва дыша, безъ возраженій“, Татьяна выслушиваетъ Онѣгина и еще сильнѣе къ нему привязывается. Вынуждаемая необходимостію скрывать въ глубинѣ сердца свое расположеніе, она день-ото-дня увядаетъ. Между тѣмъ Ленскій и Ольга, какъ женихъ и невѣста, упиваются взаимнымъ счастіемъ. По временамъ Ленскій навѣщаетъ Онѣгина, который ведетъ самую лѣнивую, безтолковую жизнь. Въ одно изъ свиданій друзья сговариваются ѣхать къ Ларинымъ на именины Татьяны (гл. 4-я). Слѣдуетъ превосходное изображеніе русской зимы и святочныхъ гаданій Татьяны. Въ назначенный день Онѣгинъ вмѣстѣ съ Ленскимъ является въ домъ Лариныхъ, гдѣ, сверхъ ожиданія, застаетъ шумное общество. Негодуя на друга, увѣрявшаго, будто у Лариныхъ соберется только „своя семья“, онъ рѣшается отмстить ему, для чего на балу оказываетъ Ольгѣ особенное вниманіе. Ленскій возмущенъ. Терзаемый ревностію, онъ поспѣшно оставляетъ балъ, съ твердымъ рѣшеніемъ вызвать Онѣгина на дуэль (гл. 5-я). Дуэль состоялась, и юный поэтъ палъ преждевременною жертвою своей безразсудной горячности (гл. 6-я). Неглубокая по душѣ Ольга вскорѣ забываетъ свою печаль, выходитъ замужъ за улана и уѣзжаетъ съ нимъ въ полкъ. Татьяна остается одна. Старое чувство возрастаетъ въ ней съ большею силою. Она заглядываетъ въ покинутую Онѣгинымъ послѣ дуэли деревню, проникаетъ въ его кабинетъ, читаетъ найденныя тамъ книги, всматривается внимательно въ попадающіяся на ихъ страницахъ замѣтки Онѣгина и для нея мало-по-малу уясняется характеръ послѣдняго:

„Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Чтожъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ.
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?..
Ужъ не пародія ли онъ?“

Страшно безпокоясь о здоровьѣ дочери и догадываясь о причинѣ ея тяжелой грусти, мать везетъ ее зимою въ Москву „на ярмарку невѣстъ“. Впечатлѣніе Москвы, новыя знакомства мало привлекаютъ Татьяну: она все также грустна и необщительна; мысли ея стремятся на родину, гдѣ такъ много осталось дорогихъ для нея по воспоминанію предметовъ, а въ то же время на ней сосредоточиваетъ свое вниманіе „какой-то важный генералъ“ (гл. 7-я). Пропутешествовавъ довольно долго безъ всякой цѣли за границей и наскучивъ этимъ, Евгеній возвращается въ Петербургъ и здѣсь на раутѣ (вечеръ безъ танцевъ) снова и совершенно случайно встрѣчается съ Татьяной. Вмѣсто простенькой, застѣнчивой деревенской барышни, предъ нимъ гордая и знатная великосвѣтская княгиня. Теперь, въ свою очередь, Онѣгинъ безъ ума отъ Татьяны; онъ всюду преслѣдуетъ княгиню, всячески старается чѣмъ-нибудь услужить ей, страдаетъ, шлетъ ей страстныя письма, не получая на нихъ никакого отвѣта, наконецъ, лично признается ей въ своей страсти. Вполнѣ вѣрная своему долгу, Татьяна кротко и съ достоинствомъ выговариваетъ Онѣгину за прошлое и, не-

Digitized by Google

смотря на свою любовь къ нему, рѣшительно проситъ его оставить ее въ покоѣ: „она ушла“... И, какъ пораженный громомъ, Онѣгинъ принужденъ былъ покориться горькой для него участи (гл. 8-я).

Евгеній Онѣгинъ, Владиміръ Ленскій, Татьяна и Ольга Ларины, главныя дѣйствующія лица даннаго произведенія, представляютъ собою правдивые, высокохудожественные типы молодыхъ русскихъ дворянъ двадцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія. Онѣгинъ и Ленскій оба получили по тому времени модное свѣтское образованіе на европейскій ладъ, хотя и при различныхъ условіяхъ и съ неодинаковымъ оттѣнкомъ. Евгеній, какъ дѣлало большинство людей его круга, учился дома, подъ руководствомъ гувернера — француза и, за исключеніемъ изящныхъ внѣшнихъ манеръ, которыя усвоилъ въ совершенствѣ, все остальное зналъ „понемногу и какъ нибудь.“ Владиміръ, слѣдуя меньшинству, закончилъ свое обученіе за границей, въ нѣмецкомъ университетѣ, гдѣ пріобрѣлъ лишь умѣнье красно и горячо разговаривать, да пѣть въ стихахъ „темно и вяло разлуку и печаль, и нѣчто, и туманну даль, и романтическія розы.“ Слѣдствія вышли совершенно однообразны и вовсе неутѣшительны: и тотъ и другой вынесли изъ воспитанія самую слабую, совсѣмъ ничтожную подготовку къ обыденной, будничной жизни. Ранняя смерть помѣшала Ленскому показать себя на дѣлѣ, за то Онѣгинъ высказался весь въ своей дальнѣйшей дѣятельности. Пропитанный слегка кое-какими просвѣтительными мысленками, попавшими къ намъ съ запада, онъ уже не въ силахъ былъ довольствоваться окружавшею его пустою обстановкою и невольно искалъ для себя чего-то болѣе важнаго, занимательнаго; но, съ другой стороны, съ малолѣтства избалованный, непріученный ни къ чему серьезному и при томъ еще хорошо обезпеченный, во всемъ и всегда хотѣлъ имѣть исключительно одни только наслажденія и никакъ не могъ понять, что главное-то, существенное назначеніе человѣка—не полученіе удовольствій, а выполненіе всевозможныхъ трудовъ и обязанностей—семейныхъ и общественныхъ. Отсюда, онъ быстро переходитъ отъ одного предпріятія къ другому, пока наконецъ, не найдя для себя ни въ чемъ удовлетворенія, во всемъ и во всѣхъ разочаровывается. Такимъ скучающимъ и празднымъ, рѣшительно незнающимъ на что и неумѣющимъ какъ направить свои богатыя природныя силы, настойчиво требовавшія извѣстнаго примѣненія, и остается Онѣгинъ до конца: онъ просто является злополучною жертвою своего вѣка, какимъ то добровольнымъ мученикомъ, у котораго исковерканный нелѣпымъ развитіемъ внутренній, душевный міръ находится въ полномъ разладѣ съ настоящими жизненными потребностями.

Сестры Ларины—Татьяна и Ольга—простыя деревенскія барышни—дворянки средней руки. Ольга—дѣвушка самая заурядная, съ

Digitized by Google

веселымъ, простодушнымъ нравомъ и привлекательной наружностью. Неглубокая по душѣ, она на все смотритъ поверхностно и даже такой важнѣйшій вопросъ, какъ замужество, у нея рѣшается очень легко и быстро; поэтому-то она, лишившись своего жениха—Ленскаго, вскорѣ же плѣняется первымъ подвернувшимся—уланомъ и выходитъ за него замужъ. Совсѣмъ иное—Татьяна. Молчаливая и нелюдимая, съ пытливымъ умомъ и воспріимчивымъ чувствомъ, хотя и не такъ красивая, какъ Ольга, она сразу останавливаетъ на себѣ вниманіе своею природною даровитостью. Неправильное воспитаніе и здѣсь наложило свои замѣтные слѣды: Татьяна плохо владѣла отечественнымъ языкомъ, не читала русскихъ журналовъ, говорила и писалала по-французски и весьма рано начала увлекаться чувствительными иностранными романами. Послѣднее не обошлось даромъ для юной читательницы: мало-по-малу въ головѣ ея возникъ свѣтлый, очаровательный образъ человѣка лучшаго, совершеннаго, и обычное общество сосѣдей ей болѣе не нравилось. Встрѣтивъ случайно Онѣгина, впечатлительная мечтательница ошибочно приняла его за воплощеніе своего книжнаго идеала и со всею довѣрчивостью и полнотою молодого дѣвическаго сердца глубоко привязалась къ нему. Ни холодный, напыщенный отвѣтъ Евгенія на откровенное, признательное письмо, ни самый бракъ съ генераломъ, заключенный по желанію матери, не въ состояніи были теперь даже ослабить эту первую привязанность: Татьяна вавсегда оказалась вѣрной своему искреннему расположенію. Столько же постоянной выступаетъ она и въ исполненіи разъ принятаго на себя долга жены, когда, вышедши замужъ, съ достоинствомъ отклоняетъ всѣ ухаживанія Онѣгина, несмотря на свою всецѣлую любовь къ нему:

„Я вышла замужъ. Вы должны, Но я другому отдана
Я васъ прошу, меня оставить.... И буду вѣкъ ему вѣрна.“
Я васъ люблю (къ чему лукавить?)...

Такъ и слышится здѣсь чисто русская женщина съ мощнымъ, благороднымъ характеромъ, съ выработанными самостоятельно высоконравственными убѣжденіями, которая, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, многое сможетъ сдѣлать и въ домашнемъ, семейномъ кругу, и внѣ дома—въ жизни общественной.

Рядомъ съ превосходно очерченными типами молодежи въ романѣ затрогивается и старое дворянское поколѣніе. Представителями его являются старики Ларины, ихъ деревенскіе знакомые и московскіе родственники, дядя и отецъ Онѣгина. Все это люди малообразованные, съ отсталыми, превратными понятіями, съ патріархальнымъ, устарѣлымъ отношеніемъ къ дѣйствительности.

Digitized by Google

Мужчины изрѣдка заглядываютъ въ придворные календари, тѣшатся псовою охотою, бранятся иль играютъ въ дурачки съ ключницами, бездѣльничаютъ, сплетничаютъ, да иногда наживаютъ долги и незаконныхъ дѣтей. Женщины предаются мечтательности въ духѣ чувствительныхъ романовъ Ричардсона, вступаютъ въ бракъ по указанію родителей, послѣ всевозможныхъ семейныхъ треволненій мирятся съ своею долею, забираютъ супруговъ въ руки, втягиваются въ домашнее хозяйство и становятся наконецъ у себя полновластными госпожами, самодурно и грубо обращаясь съ дворней и заводя подчасъ друзей, въ родѣ мосье Финмушъ. Свято соблюдаются у нихъ старинные русскіе обычаи: говѣютъ въ годъ два раза, во время святокъ гадаютъ, на масляницѣ пекутъ блины, по субботамъ ходятъ въ баню, любятъ круглыя качели, хороводъ, пьютъ квасъ „и за столомъ всегда гостямъ разносятъ блюда по чинамъ“. Если присоединить ко всему этому халатность въ воспитаніи дѣтей, которое ввѣрялось невѣжественнымъ иностранцамъ, а то и просто дворовымъ людямъ, и еще постоянныя хлопоты о мелочномъ, пошломъ самолюбіи, побуждавшемъ неотступно слѣдовать напускному свѣтскому тону, то широкая картина дворянскаго быта начала прошлаго столѣтія выдвинется предъ нами во всю свою естественную величину. Отсюда, романы, типически представляющіе бытъ того или иного современнаго поэту общества, и принято называть *бытовыми, нравоописательными, современными*.

Приведенный вкратцѣ историческій очеркъ развитія романовъ, указывая на постепенное ихъ усовершенствованіе, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ полнѣйшую возможность опредѣлить и отличительные ихъ признаки. Начавшись напыщеннымъ разсказомъ о какой-то необыкновенной взаимной любви двухъ фантастическихъ личностей, этотъ видъ литературнаго творчества мало-по-малу перешелъ къ изображенію вообще *личной* жизни людей, съ ея повторяющимися изо-дня въ день приключеніями. Здѣсь, слѣдовательно, получаетъ свое мѣсто не исключительно одна любовь, какъ привыкли думать очень многіе, (которая впрочемъ, согласно дѣйствительному положенію вещей, всегда имѣетъ преимущественное значеніе), но и *все то, что приходится переживать человѣку часто съ самаго дѣтства и до смерти* или по крайней мѣрѣ до того момента, когда онъ перестаетъ итти впередъ духовно и ожидать отъ него чего-либо новаго становится излишнимъ. Поэтому романы справедливо можно назвать своего рода біографіями, только біографіями поэтическими.

Въ повѣствованіи о дѣятельности героевъ поэтъ-романистъ прежде всего имѣетъ въ виду ту цѣль, чтобы, путемъ болѣе или менѣе подробной передачи ихъ думъ, чувствъ, желаній, рѣчей и поступковъ, *съ надлежащею обстоятельностію раскрыть предъ чи-*

Digitized by Google

тателемъ ихъ душу, выяснивъ по возможности и тѣ причины, по которымъ у нихъ сложился именно такой, а не иной характеръ. Въ этомъ смыслѣ романы напоминаютъ собою характеристики.

Такъ какъ главныя дѣйствующія лица романовъ, обыкновенно, являются настоящими жизненными типами, съ другой стороны, они неминуемо живутъ при извѣстныхъ условіяхъ и вращаются въ кругу своихъ обычныхъ друзей и знакомыхъ, то *въ романахъ живо отражается, и при томъ въ чертахъ типическихъ, и само общество съ его внѣшнею обстановкою.* Подмѣтить характерныя, существенныя свойства общественныхъ отношеній затрогиваемой эпохи, уловить и представить въ живыхъ, наглядныхъ образахъ основной смыслъ ея—вотъ дальнѣйшая и важнѣйшая задача каждаго истиннаго художника — романиста. Потому-то романы, воспроизводя въ единой, цѣльной и оживленой картинѣ *частную жизнь* людей опредѣленнаго времени, тѣмъ самымъ замѣняютъ и даже дополняютъ исторію.

Такимъ образомъ, *подъ именемъ романовъ разумѣются эпическія произведенія, съ художественною полнотою и законченностію изображающія повседневную жизнь отдѣльныхъ личностей — типовъ, въ связи съ типической же обрисовкой окружающаго ихъ общества.*

Условія художественности романа. Изъ составленнаго исторически опредѣленія романовъ съ непосредственною очевидностію вытекаютъ и главнѣйшія требованія относительно ихъ художественности. Сюда принадлежатъ: 1) *полнота и законченность въ изображеніи дѣятельности героевъ,* т. е. чтобы жизнь обрисовывалась не какъ-нибудь — несвязно, отрывочно и по частямъ, но со строгой послѣдовательностію, во всемъ своемъ объемѣ и широтѣ; 2) *глубокій, основательный психологическій анализъ* всего душевнаго строя и выходящихъ изъ него внѣшнихъ поступковъ дѣйствующихъ лицъ, который всецѣло объяснялъ бы ихъ духовную природу, а также и причины такого, а не иного ихъ міровоззрѣнія; 3) *типичность выводимыхъ характеровъ и окружающей ихъ обстановки* и наконецъ, въ 4) *поэтическая истинность* или полное соотвѣтствіе всего содержанія нравамъ и обычаямъ народа, его умственному складу и нравственнымъ убѣжденіямъ, его религіознымъ вѣрованіямъ, семейному, общественному и государственному порядку, затрогиваемымъ событіямъ, словомъ,—духу изображаемаго времени.

Значеніе романовъ. Кругъ предметовъ, входящихъ въ область романовъ, весьма обширенъ и чрезвычайно разнообразенъ: здѣсь находятъ соотвѣтствующее изображеніе и событія государственныя, историческія (романы историческіе), и явленія быта общественнаго

Digitized by Google

(романы бытовые), и частныя, семейныя отношенія (романы семейные), и различныя уклоненія человѣческихъ обществъ отъ надлежащаго благоповеденія (романы юмористическіе и сатирическіе). Все это, выражаясь съ художественною полнотою въ типическихъ образахъ, наглядно рисуетъ передъ читателемъ широкую картину прошедшаго и настоящаго. По ней-то, какъ наяву, знакомится онъ со многими дотолѣ непонятными, а то и вовсе неизвѣстными для него серьезными запросами жизни частной и общественной; въ ней же, какъ въ чистомъ, правильномъ зеркалѣ, иногда отражается предъ нимъ и его собственная природа съ ея достоинствами и недостатками. И становится подчасъ совѣстно за себя и за другихъ, и рождается благородное стремленіе къ самоисправленію и сердечное соревнованіе о благѣ ближняго. Вотъ гдѣ кроется глубокая причина могущественнаго воспитательнаго вліянія романовъ на человѣческія общества. Тутъ же коренится и основаніе многочисленныхъ перемѣнъ, исторически слагавшихся подъ впечатлѣніемъ романовъ. Такъ, „Донъ-Кихотъ“ Сервантеса положилъ конецъ твореніямъ въ духѣ Амадиса Галльскаго; историческіе романы Вальтеръ-Скотта вызвали у англичанъ сильную любовъ къ прошедшему своего отечества и положили начало новому взгляду на исторію, которая съ этихъ поръ сдѣлалась произведеніемъ искусства, стала касаться на ряду съ событіями государственными — войной и миромъ—и частной, домашней жизни людей; „Хижина дяди Тома“— американской писательницы Бичеръ-Стоу помогла освобожденію негровъ — невольниковъ въ Америкѣ; сочиненія Диккенса и Теккерея много способствовали улучшенію школъ, пріютовъ, судопроизводства и пр.

Повѣсть. Разсказъ. Двѣ другія формы художественнаго эпоса, вполнѣ родственныя роману и также общераспространенныя теперь, хотя и болѣе мелкія по объему, носятъ названія *повѣсти и разсказа или очерка*. Входя иногда въ составъ самыхъ романовъ, то какъ вставочные отдѣлы о постороннихъ предметахъ, какова, напр., „Повѣсть Безразсудно Любопытный“ въ „Донъ-Кихотѣ,“ то въ качествѣ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ эпизодовъ, какъ „Сонъ Обломова“ въ романѣ Гончарова „Обломовъ,“ они всеже въ огромномъ большинствѣ существуютъ совершенно особнякомъ, въ видѣ цѣльныхъ, законченныхъ произведеній. Таковы еще знаменитыя средневѣковыя новеллы (novello—по-русски новинка, повѣсть, разсказъ), изъ которыхъ лучшими считается „Декамероне“—италіанскаго поэта Боккачіо († 1375), состоящій изъ ста очерчковъ различнаго содержанія, „разсказанныхъ въ теченіе десяти дней (откуда и самое названіе — δέκα — десять, ἡμέρα — день) семью дамами и

Digitized by Google

тремя молодыми людьми" (русскій переводъ Александра Веселовскаго, два тома, Москва 1891, 1892 г.г.); таковы же и у насъ повѣсти Пушкина, Гоголя, разсказы Тургенева, Льва Толстого и др. Такъ, въ небольшомъ произведеніи — „Старосвѣтскіе помѣщики" Гоголь въ лицѣ Аѳанасія Ивановича съ его супругою Пульхеріей Ивановной кратко, но типически и мѣтко изображаетъ „тѣхъ уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи, обыкновенно, называютъ старосвѣтскими." Для этого авторъ сначала въ общихъ чертахъ знакомитъ читателя съ обыденною жизнію Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны, а затѣмъ разсказываетъ обстоятельства ихъ смерти, свидѣтельствующія объ ихъ крайней малоразвитости и происходившемъ отсюда суевѣріи. Въ сочиненіи „Бѣжинъ лугъ" Тургеневъ поэтически передаетъ частный случай изъ своихъ охотническихъ приключеній, какъ ему однажды пришлось провести лѣтнюю іюльскую ночь въ „ночномъ" у пылавшихъ костровъ въ обществѣ деревенскихъ мальчиковъ и незамѣтно для нихъ выслушать ихъ откровенную, простодушную бесѣду, полную простонародныхъ повѣрій въ лѣшихъ, водяныхъ, русалокъ и пр. Слѣдовательно, *повѣстью и разсказомъ или очеркомъ называются сравнительно мелкія по объему эпическія произведенія, типически рисующія одно (разсказъ) или нѣсколько (повѣсть) чѣмъ либо замѣчательныхъ происшествій изъ частной жизни отдѣльныхъ людей.* Условія художественности и значеніе данныхъ формъ эпоса тѣ же, что и романовъ, къ которымъ онѣ и относятся, какъ отдѣльныя былины къ эпопеѣ, или пѣсни къ цѣлой поэмѣ.

Баллада.

Происхожденіе баллады. Образцы балладъ. Въ средніе вѣка, въ эпоху процвѣтанія романской или рыцарской поэзіи, образовался новый видъ эпоса—*баллада.* Первоначально такъ назывались вообще народныя пѣсни смѣшаннаго эпико-лирическаго характера, сопровождавшіяся музыкой и *пляской;* отсюда произошло и самое названіе — баллада (англійское ballad, французское — ballade, италіанское — ballata, отъ средневѣковаго латинскаго глагола ballare однозвучнаго и однозначущаго съ греческимъ βαλλίζειν — *плясать).* Провансальскіе народные поэты - трубадуры въ XII, XIII и XIV в. сообщили балладѣ новое народное содержаніе, примѣнивъ ее къ изображенію современнаго имъ рыцарскаго быта; съ этихъ поръ въ балладахъ начали воспѣвать всевозможныя *приключенія рыцарей.* Существенная особенность средневѣковья: стремленіе къ чудесному и фантастическому—нашла въ послѣдняго рода сочиненіяхъ свое полное выраженіе: привидѣнія, предчувствія, зловѣщіе сны, появленіе духовъ, чудовищъ, таинственная обстановка —лѣсъ, кладбище,

Digitized by Google

скала надъ моремъ, пустыня при ночномъ лунномъ освѣщеніи,— все, что давало богатую пищу воображенію, вносилось, какъ необходимый элементъ, въ рыцарскія пѣсни народными поэтами. Съ такимъ направленіемъ средневѣковыя баллады—*баллады въ собственномъ смыслѣ* существовали до возникновенія ложноклассицизма, когда онѣ, какъ произведенія строго-національныя и при томъ не имѣвшія для себя образцовъ въ поэзіи классической, были совершенно забыты. Только въ концѣ XVIII-го столѣтія лучшіе германскіе поэты: Бюргеръ, Уландъ, Шиллеръ, Гете, разочарованные въ ложноклассицизмѣ, вновь обратились къ воспроизведенію народныхъ преданій и вѣрованій и, воскресивъ балладу, придали ей художественную обработку, чѣмъ окончательно включили ее въ область художественнаго эпоса. Таковы, напр. переведенныя Жуковскимъ стихотворенія: „Лѣсной царь“ Гете и „Графъ Габсбургскій“ Шиллера.

„Лѣсной Царь.“

„Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка припикъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.
„Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?“
—Родимый, Лѣсной Царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой.—
„О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.“
„Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ!
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи;
Изъ золота слиты чертоги мои.“
—Родимый, Лѣсной Царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ.—
„—О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.“

„Ко мнѣ, мой младенецъ! въ дубравѣ моей
Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять.“
—Родимый, Лѣсной Царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей.—
„О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.“
„Дитя, я плѣнился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой.“
—Родимый, Лѣсной Царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать.—
Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ....
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.“

Поэтъ рисуетъ волшебную картину мрачной ночи съ ея своеобразнымъ вліяніемъ на слабаго, больного младенца. Тогда какъ

Digitized by Google

здоровому, развитому путнику всѣ явленія ночной природы представляются въ ихъ настоящемъ, дѣйствительномъ видѣ, возбужденное воображеніе неопытнаго малютки всюду находитъ дѣйствіе какой-то чудесной, сверхъ-естественной силы; послѣдняя олицетворяется въ живомъ образѣ Лѣсного Царя, всячески старающагося похитить у запоздалаго всадника его сына. Черты, которыми авторъ отъ лица испуганнаго ребенка надѣляетъ злого духа, цѣликомъ взяты изъ нѣмецкихъ народныхъ повѣрій: Лѣсной Царь является „въ темной коронѣ, съ густой бородой"; въ его странѣ—„цвѣты бирюзовы, жемчужны струи"; живетъ же онъ въ слитыхъ изъ золота чертогахъ; у него есть прекрасныя дочери, имѣющія обыкновеніе играть и летать при мѣсяцѣ; Лѣсной Царь любитъ уносить въ свое царство красивыхъ дѣтей. *Подъ фантастическимъ изображеніемъ Лѣсного Царя, заимствованнымъ изъ народныхъ повѣрій, Гете проводитъ мысль о поражающемъ и подавляющемъ воздѣйствіи таинственныхъ силъ природы на склонную къ чудесному неопытную душу неразвитаго человѣка.*

„Графъ Габсбургскій."

„Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ;
Въ старинныхъ чертогахъ, на пирѣ
Рудольфъ, императоръ избранный, сидѣлъ
Въ сіяньи вѣнца и въ порфирѣ.
Тамъ кушанья рейнскій фальцграфъ разносилъ,
Богемецъ напитки въ бокалы цѣдилъ;
И семь избирателей, чиномъ
Устроенный древле свершая обрядъ,
Блистали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестятъ,
Предъ новымъ своимъ властелиномъ.
Кругомъ возвышался богатый балконъ,
Ликующимъ полный народомъ;
И клики, со всѣхъ прилетая сторонъ,
Подъ древнимъ сливалися сводомъ.
Былъ конченъ раздоръ; перестала война;
Безцарственны, грозны прошли времена;
Судья надъ землею былъ снова;
И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота
Могущимъ во власть безъ покрова.
И кесарь, наполнивъ бокалъ золотой,
Съ привѣтливымъ взоромъ вѣщаетъ:
„Прекрасенъ мой пиръ; все пируетъ со мной;
Все царскій мой духъ восхищаетъ...
Но гдѣ-жь утѣшитель, плѣнитель сердецъ?
Придетъ ли мнѣ душу растрогать пѣвецъ
Игрой и благимъ поученьемъ?
Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцарь простой;
Ставъ кесаремъ, брошу-ль обычай святой
Пиры услаждать пѣснопѣньемъ?"
И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей
Выходитъ, одѣтый таларомъ,
Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,
Младымъ преисполненный жаромъ.
„Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ,
Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,

Digitized by Google

О всемъ, что святого есть въ мірѣ,
Что душу волнуетъ, что сердце манитъ...
О чемъ-же властитель воспѣть повелитъ
Пѣвцу на торжественномъ пирѣ?"
—Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой,
(Пѣвцу отвѣчаетъ властитель);
Онъ высшую силу призналъ надъ собой;
Минута ему повелитель;
По воздуху вихорь свободно шумитъ:
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?
Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
Такъ пѣснь зарождаетъ души глубина,
И темное чувство, изъ дивнаго сна
При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ.—
И смѣло ударилъ пѣвецъ по струнамъ,
И голосъ пріятный раздался:
„На статномъ конѣ, по горамъ, по полямъ,
За серною рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самъ-другъ
Изъ чащи лѣсной на сіяющій лугъ,
И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
Вдругъ слышатъ они: колокольчикъ гремитъ;
Идетъ изъ кустовъ пономарь и звонитъ;
И слѣдомъ священникъ съ дарами.
„И набожный графъ, умиленный душой,
Колѣна свои преклоняетъ,
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
Предъ Тѣмъ, что живитъ и спасаетъ.
Но лугомъ стремился кипучій ручей;
Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;
И спутнику пастырь дары отдаетъ;
И обувь снимаетъ, и смѣло идетъ
Съ священною ношею—въ воду.
„Куда?" изумившійся графъ вопросилъ.
—Въ село: умирающій нищій
Ждетъ въ мукахъ, чтобъ пастырь его разрѣшилъ,
И алчетъ небесныя пищи.
Недавно лежалъ черезъ этотъ потокъ
Сплетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ мостокъ—
Его разбросало водою;
Чтобъ душу святой благодатью спасти,
Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
Спѣшу обнаженной стопою.—
И пастырю витязь коня уступилъ,
И подалъ ногѣ его стремя,
Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ
Страдальцу грѣховное бремя,
И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,
И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ.
Священникъ же, требу святую
Свершивши, при первомъ мерцаніи дня
Является къ графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.
„Дерзну ли помыслить я, графъ возгласилъ,
Почтительно взоры склонивши,
Чтобъ конь сей ничтожной забавѣ служилъ,
Спасителю-Богу служивши?
Когда ты, отецъ, не пріемлешь коня,
Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
Отнынѣ Тому, чье даянье
Всѣ блага земныя, и сила, и честь,—
Кому не помедлю на жертву принесть
И силу, и честь, и дыханье".
—Да будетъ же Вышній Господь надъ тобой
Своей благодатью святою;

Digitized by Google

Тебя да почтитъ Онъ въ сей жизни и въ той,
Какъ днесь Онъ почтенъ былъ тобою;
Гельвеція славой сіяетъ твоей;
И шесть расцвѣтаютъ тебѣ дочерей,
Богатыхъ дарами природы:
Да будетъ же (молвилъ пророчески онъ)
Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ;
Да славятся въ роды и роды!"
Задумавшись, голову кесарь склонилъ:

Минувшее въ немъ оживилось.
Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устремилъ—
И таинство словъ объяснилось:
Онъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ собой;
И слезы свои отъ толпы золотой
Порфирой закрылъ въ умиленьѣ...
Все смолкло, на кесаря очи поднявъ,
И всякъ догадался, кто набожный графъ,
И сердцемъ почтилъ Провидѣнье".

Въ основѣ баллады „Графъ Габсбургскій" лежитъ соотвѣтствующее средневѣковое преданіе о знатномъ и могущественномъ Габсбургскомъ графѣ Рудольфѣ, избранномъ въ 1273 году въ императоры, прозаически изложенное у Чуди въ его „chronicon helveticum" подъ 1266-мъ годомъ. Въ трогательномъ поэтическомъ разсказѣ, дышащемъ полною, искреннею религіозностію и неподдѣльною торжественностію, граничащими, особенно въ заключительныхъ—пророческихъ словахъ пѣвца-пастыря, съ истинною христіанскою чудесностію, Шиллеръ выразилъ высокую идею *о великомъ значеніи и могуществѣ пѣнія и вообще поэзіи,* призванной достойно прославлять и награждать заслуживающія вниманія, благодарности, похвалы и вѣчной памяти благія дѣянія людей. Благочестивый подвигъ графа, оказавшаго высочайшее благоговѣніе къ Спасителю и всему, что напоминаетъ Его, нашелъ себѣ должную оцѣнку и увѣковѣченіе въ восторженной пѣснѣ благодарнаго священника.

Кромѣ преданій и повѣрій отечественныхъ, названные нѣмецкіе поэты касались въ своихъ балладахъ и глубокой старины классической; въ подобномъ родѣ составлено, напр. переведенное на русскій языкъ Жуковскимъ произведеніе Шиллера—„Ивиковы журавли."

„Ивиковы журавли."

„На Посидоновъ [1]) пиръ веселый,
Куда стекались чада Гелы [2])
Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шелъ Ивикъ, скромный другъ боговъ.
Ему съ крылатою мечтою

---

[1]) Посидонъ—Нептунъ. Повсюду въ Греціи, особенно въ приморскихъ городахъ и гаваняхъ, Посидону воздавалось самое ревностное и многообразное почитаніе. Въ честь его были построены прекрасные храмы въ Ѳессаліи, въ Аѳинахъ, на Истмѣ и др. мѣстахъ. Въ Истмѣ два раза въ каждую Олимпіаду осенью праздновались блистательныя игры, устроенныя Тезеемъ (однимъ изъ героевъ греческихъ) въ честь Посидона. Эти игры были знамениты не менѣе Олимпійскихъ. [2]) Гела—Греція. Гела

Digitized by Google

Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ;
И съ лирой, съ легкою клюкою,
Шелъ, вдохновенный, къ Истму онъ.
Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринѳъ [3]) и горы,
Сліянны съ синевой небесъ.
Онъ входитъ въ Посидоновъ лѣсъ...
Все тихо: листъ не колыхнется;
Лишь журавлей по вышинѣ
Шумящая станица вьется
Въ страны полуденны къ веснѣ.
„О спутники, вашъ рой крылатый,
Досель мой вѣрный провожатый,
Будь добрымъ знаменіемъ мнѣ!
Сказавъ: „прости!“ родной странѣ,
Чужаго брега посѣтитель,
Ищу пріюта, какъ и вы;
Да отвратитъ Зевесъ—Хранитель
Бѣду отъ странничей главы.“
И съ твердой вѣрою въ Зевеса
Онъ въ глубину вступаетъ лѣса;
Идетъ заглохшею тропой..
И зритъ—убійцъ передъ собой.
Готовъ сразиться онъ съ врагами;
Но часъ судьбы его приспѣлъ:
Знакомый съ лирными струнами,
Напрячь онъ лука не умѣлъ.
Къ богамъ и къ людямъ онъ взываетъ....
Лишь эхо стоны повторяетъ,—
Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ,
„И такъ погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,
Истлѣю здѣсь безъ погребенья
И не оплаканъ отъ друзей;
И симъ врагамъ не будетъ мщенья
Ни отъ боговъ, ни отъ людей.“
И онъ боролся ужъ съ кончиной...
Вдругъ... шумъ отъ стаи журавлиной...
Онъ слышитъ (взоръ уже угасъ)
Ихъ жалобно-стенящій гласъ.
„Вы, журавли подъ небесами,
Я васъ въ свидѣтели зову!
Да грянетъ, привлеченный вами,
Зевесовъ громъ на ихъ главу!“
И трупъ узрѣли обнаженный:
Рукой убійцы искаженны
Черты прекраснаго лица.
Коринѳскій другъ узналъ пѣвца.
„И ты-ль недвижимъ предо мною?
И па главу твою, пѣвецъ,
Я мнилъ торжественной рукою
Сосновый положить вѣнецъ.“
И внемлютъ гости Посидона,
Что палъ наперсникъ Аполлона...
Вся Грецiя поражена!
Для всѣхъ сердецъ печаль одна,
И, съ дикимъ ревомъ изступленья,
Притановъ [4]) окружилъ народъ,
И вопитъ: „Старцы, мщенья, мщенья!
Злодѣямъ казнь, ихъ сгибни родъ!“
Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому примѣтно
Лице врага въ толпѣ несмѣтной
Притекшихъ въ Посидоновъ храмъ?
Они ругаются богамъ;
И кто-жъ—разбойникъ-ли презрѣнный,
Иль тайный врагъ ударъ нанесъ?
Лишь Геліосъ [5]) то зрѣлъ священный,
Все озаряющій съ небесъ.
Съ подъятой, можетъ быть, главою,
Между шумящею толпою,
Злодѣй сокрытъ въ сей самый часъ,
И хладно внемлетъ скорби гласъ;
Иль въ капищѣ, склонивъ колѣни,
Жметъ ладонъ гнусною рукой;
Или тѣснится на ступени
Амфитеатра за толпой,
Гдѣ, устремивъ на сцену взоры,
(Чуть могутъ ихъ сдержать подпоры)
Пришедъ изъ ближнихъ, дальнихъ странъ,
Шумя, какъ смутный океанъ,

была дочь правнука Девкаліона. Она, плывя на златорунномъ баранкѣ, утонула на томъ мѣстѣ, гдѣ море сжимается между Европой и Азіей. Въ воспоминаніе погибшей названо это мѣсто Геллеспонтомъ. [3]) Верхняя часть Коринѳа, крѣпость въ Коринѳѣ. [4]) Пританы—избранные люди въ городѣ—судьи. [5]) Геліосъ—солнце.

Digitized by Google

Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы;
И движутся, какъ въ бурю лѣсъ,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небесъ.
И кто сочтетъ разноплеменныхъ,
Симъ торжествомъ соединенныхъ?
Пришли отвсюду: отъ Аѳинъ,
Отъ древней Спарты, отъ Микинъ,
Съ предѣловъ Азіи далекой,
Съ Эгейскихъ водъ, съ Ѳракійскихъ горъ...
И сѣли въ тишинѣ глубокой;
И тихо выступаетъ хоръ.
По древнему обряду, важно,
Походкой мѣрной и протяжной,
Священнымъ страхомъ окруженъ,
Обходитъ вкругъ театра опъ.
Не шествуютъ такъ перстн чада;
Не здѣсь ихъ колыбель была;
Ихъ стана дивная громада
Предѣлъ земного перешла.
Идутъ съ поникшими главами
И движутъ тощими руками
Свѣщи, отъ коихъ темный свѣтъ;
И въ ихъ ланитахъ крови нѣтъ;
Ихъ мертвы лица, очи впалы;
И свитыя межъ ихъ власовъ
Эхидны движутъ съ свистомъ жалы,
Являя страшный рядъ зубовъ.
И стали вдругъ, сверкая взоромъ;
И гимнъ запѣли дикимъ хоромъ,
Въ сердца вонзающій боязнь;
И въ немъ преступникъ слышитъ: казнь!
Гроза души, ума смутитель,
Эринній [6]) страшный хоръ гремитъ;
И, цѣпенѣя, внемлетъ зритель;
И лира, онѣмѣвъ, молчитъ:
„Блаженъ, кто незнакомъ съ виною,
Кто чистъ младенчески душою!
Мы не дерзнемъ ему во слѣдъ:
Ему чужда дорога бѣдъ....
Но вамъ, убійцы, горе, горе!
Какъ тѣнь, за вами всюду мы,
Съ грозою мщенія во взорѣ,
Ужасныя созданья тьмы.
„Не мните скрыться—мы съ крылами:
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну,—мы за вами;
И, спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ.
Вамъ покаянье не защита;
Вашъ стонъ, вашъ плачъ—веселье намъ;
Терзать васъ будемъ до Коцита [7]),
Но не покинемъ васъ и тамъ".
И пѣснь ужасныхъ замолчала;
И надъ внимавшими лежала,
Богинь присутствіемъ полна,
Какъ надъ могилой, тишина.
И тихой, мѣрною стопою
Онѣ обратно потекли,
Склонивъ главы, рука съ рукою,
И скрылись медленно вдали.
И зритель—зьблемый сомнѣньемъ
Межъ истиной и заблужденьемъ—
Со страхомъ мнитъ о Силѣ той,
Которая, во мглѣ густой
Скрываяся, неизбѣжима,
Вьетъ нити роковыхъ сѣтей,
Во глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей.
И все, и все еще въ молчаньѣ...
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:
Парѳеній, слышишь?... Крикъ вдали:
То Ивиковы журавли!..."
И небо вдругъ покрылось тьмою;

---

[6]) Эриннін — духи злобы, адскія фурін. Эти существа, опоясанныя змѣями и со змѣями вмѣсто волосъ на головѣ, съ горящими факелами въ рукахъ, находились при входѣ въ подземное царство и терзали тѣхъ умершихъ, которые надѣлали въ жизни много зла и не примирились съ богами. Этотъ миѳъ олицетворяетъ терзанія нечистой совѣсти.

[7]) Коцитъ—одна изъ адскихъ рѣкъ.

Digitized by Google

И воздухъ весь отъ крылъ шумитъ;
И видятъ... черной полосою
Станица журавлей летитъ.
„Что? Ивикъ!“ Все поколебалось!
И имя Ивика помчалось
Изъ устъ въ уста... шумитъ народъ,
Какъ бурная пучина водъ.
„Нашъ добрый Ивикъ! нашъ сраженный
Врагомъ незнаемымъ поэтъ!...
Что, что въ семъ словѣ сокровенно?
И что сихъ журавлей полетъ?“
И всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье,
Какъ будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: „убійца тутъ!
То Эвменидъ [8]) ужасныхъ судъ;
Отмщенье за пѣвца готово;
Себѣ-преступникъ измѣнилъ...
Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово,
И тотъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ!“
И блѣденъ, трепетенъ, смятенный,
Незапной рѣчью обличенный,
Исторгнутъ изъ толпы злодѣй:
Передъ сѣдалище судей
Онъ привлеченъ съ своимъ клеветомъ;
Смущенный видъ, склоненный взоръ,
И тщетный плачъ — былъ ихъ отвѣтомъ;
И смерть—была ихъ приговоръ“.

Въ мастерскомъ, истинно-художественномъ изображеніи авторъ излагаетъ древнегреческое народное преданіе о насильственной смерти пѣвца Ивика отъ разбойниковъ во время путешествія на Истмійскія игры и о чудесномъ открытіи убійцъ при помощи журавлей, сохранившееся у нѣсколькихъ древнихъ писателей: Свиды, Антипатра Сидонія, Плутарха. Дополненное фантастическимъ вымысломъ поэта въ представленіи хора Эринній съ ихъ ужасной пѣсней и сильнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ ею на зрителей и при появленіи журавлей послужившимъ средствомъ къ обнаруженію преступниковъ, оно сообщаетъ всему сочиненію характеръ чудесности, сверхъестественности и вмѣстѣ съ тѣмъ ярко отражаетъ основную мысль произведенія *о высоконравственномъ вліяніи поэзіи, театра, вообще искусства на душу человѣка.*

Примѣръ балладниковъ нѣмецкихъ не замедлилъ найти себѣ мѣсто и въ русской литературѣ; первымъ и самымъ виднымъ представителемъ ея въ этомъ отношеніи былъ Жуковскій (1783—1852); лучшая изъ его самостоятельныхъ балладъ—„Свѣтлана.“

„Свѣтлана.“

„Разъ въ Крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачекъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи, подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
Серги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ
И падъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.
Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана;
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.

---

[8]) Эвмениды—Эринніи.

Digitized by Google

„Что, подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко!
Слушай пѣсни круговой,
Вынь себѣ колечко.
Пой красавица: „кузнецъ,
„Скуй мнѣ златъ и повъ вѣнецъ,
„Скуй кольцо златое:
„Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
„Обручаться тѣмъ кольцомъ
„При святомъ налоѣ!“
—Какъ могу, подружки, пѣть!
Милый другъ далеко!
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался—вѣсти нѣтъ:
Онъ ко мнѣ не пишетъ,
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,
Имъ лишь сердце дышитъ.
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью:
Утоли печаль мою,
Ангелъ—утѣшитель!
Вотъ въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою,
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчею;
Два прибора на столѣ.
„Загадай, Свѣтлана!
Въ чистомъ зеркала стеклѣ,
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой:
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою;
Упадетъ съ дверей запоръ;
Сядетъ опъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою.“
Вотъ красавица одна
Къ зеркалу садится;
Съ тайной робостью она
Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ; кругомъ
Мертвое молчанье;
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть лѣтъ сіянье...
Робость въ ней волнуетъ грудь;
Страшно ей назадъ взглянуть;
Страхъ туманитъ очи...
Съ трескомъ вспыхнулъ огонекъ;
Крикнулъ жалобно сверчекъ,
Вѣстникъ полуночи.
Подпершися локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышитъ.
Вотъ—легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами
Кто-то, чудилось, блеститъ
Яркими глазами,
Занялся отъ страха духъ;
Вдругъ, въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, легкій шопотъ:
„Я съ тобой, моя краса!
Укротились небеса;
Твой услышанъ ропотъ!“
Оглянулась—милый къ ней
Простираетъ руки.
„Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки!
Ѣдемъ! попъ ужъ въ церкви ждетъ
Съ дьякономъ, дьячками;
Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ;
Храмъ блеститъ свѣчами!“
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ.
Идутъ на широкій дворъ,
Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ сани ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелковы.
Сѣли—кони съ мѣста въ разъ;
Пышутъ дымъ ноздрями;
Отъ копытъ ихъ поднялась
Вьюга надъ санями.
Скачутъ—пусто все вокругъ,
Степь въ очахъ Свѣтланы;
На лунѣ туманный кругъ,
Чуть блестятъ поляны.
Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
„Что ты смолкнулъ, милый?“
Ни полслова ей въ отвѣтъ:
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
Блѣденъ и унылый.

Digitized by Google

Кони мчатся по буграмъ,
Топчутъ снѣгъ глубокій;
Вотъ въ сторонкѣ Божій храмъ
Виденъ одинокій;
Двери вихорь отворилъ;
Тьма людей во храмѣ;
Яркій свѣтъ паникадилъ
Тускнетъ въ ѳиміамѣ;
На срединѣ черный гробъ;
И гласитъ протяжно попъ:
„Буди взятъ могилой!“
Пуще дѣвица дрожитъ;
Кони мимо; другъ молчитъ,
Блѣденъ и унылый;
Вдругъ мятелица кругомъ;
Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями.
Воронъ каркаетъ: печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
Воздымая гривы;
Брезжетъ въ полѣ огонекъ;
Виденъ мирный уголокъ—
Хижинка подъ снѣгомъ;
Кони борзые быстрѣй,
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.
Вотъ примчалися—и вмигъ
Изъ очей пропали;
Кони, сани и жинихъ
Будто не бывали.
Одинокая въ потьмахъ,
Брошена отъ друга,
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ;
Вкругъ мятель и вьюга;
Возвратиться—слѣду нѣтъ.
Виденъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
Вотъ перекрестилась,
Въ дверь съ молитвою стучитъ,
Дверь шатнулася, скрипитъ;
Тихо растворилась.
Чтожъ? Въ избушкѣ гробъ накрытъ
Бѣлою запоной;
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;
Свѣчка предъ иконой.
Ахъ, Свѣтлана! что съ тобой?
Въ чью пришла обитель?
Страшенъ хижины пустой
Безотвѣтный житель.
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ;
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась;
Со крестомъ своимъ въ рукѣ,
Подъ святыми въ уголкѣ
Робко притаилась.
Все утихло—вьюги нѣтъ,
Слабо свѣчка тлится:
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится;
Все въ глубокомъ, мертвомъ снѣ;
Страшное молчанье!...
Чу, Свѣтлана! въ тишинѣ
Легкое журчанье!
Вотъ глядитъ: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ,
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
Объялъ ихъ крылами.
Смолкло все опять кругомъ.
Вотъ Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится;
Сорвался покровъ; мертвецъ—
(Ликъ мрачнѣе ночи)
Виденъ весь: на лбу вѣнецъ,
Затворены очи.
Вдругъ въ устахъ сомкнутыхъ стонъ;
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы.
Что же дѣвица? дрожитъ,
Гибель близко.... не не спитъ
Голубочекъ бѣлый.
Встрепенулся, развернулъ
Легкія онъ крылы;
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ...
Всей лишенный силы,
Простонавъ, заскрежеталъ
Страшно онъ зубами
И на дѣву засверкалъ
Грозными очами....
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ

Digitized by Google

Смерть изобразилась!
Глядь, Свѣтлана—о Творецъ!
Милый другъ ея—мертвецъ!
Ахъ!—и пробудилась.
Гдѣ-жъ? У зеркала, одна
Посреди свѣтлицы;
Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучъ денницы;
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ.... Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сновидѣньемъ.
„Ахъ! ужасный, грозный сонъ!
Не добро вѣщаетъ онъ—
Горькую судьбину!
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей—
Радость иль кручину?“
Сѣла—тяжко ноетъ грудь—
Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
Виденъ сквозь тумана;
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
Паръ алѣетъ тонкій....
Чу! въ дали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкій;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ, какъ будто на крылахъ,
Санки—кони рьяны;
Ближе.... вотъ ужъ у воротъ....
Статный гость на дворъ идетъ....
Кто? женихъ Свѣтланы!
Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
Прорицатель муки?
Другъ съ тобой: все тотъ же онъ
Въ опытѣ разлуки;
Тажъ любовь въ его очахъ,
Тѣжъ пріятны взоры,
Тѣжъ на сладостныхъ устахъ
Милы разговоры.
Отворяйся-жъ, Божій храмъ;
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты;
Соберитесь старъ и младъ,
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ
Пойте: многи лѣты!
Улыбнись, моя краса,
На мою балладу!
Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу.
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу и славы:
Слава—насъ учили—дымъ;
Свѣтъ—судья лукавый.
Вотъ баллады толкъ моей:
„Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье.
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ;
Счастье—пробужденье.“
О, не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана!
Будь, Создатель, ей покровъ!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
Къ ней да не коснется;
Въ ней душа—какъ ясный день;
Ахъ! да пронесется
Мимо—бѣдствія рука!
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣтла!
Будь веселость, какъ была,
Дней ея подруга!“

Поэтъ художественною кистью рисуетъ предъ читателемъ святочныя гаданья русскихъ дѣвушекъ и волшебный сонъ одной изъ нихъ—Свѣтланы. Картина мрачнаго, ночного сновидѣнія, съ рядомъ страшныхъ, захватывающихъ душу призраковъ завершается для Свѣтланы неожиданнымъ и радостнымъ возвращеніемъ ея жениха. Эта рѣзкая противоположность между сновидѣніемъ и дѣйствительностію самымъ наглядным образомъ выдѣляетъ основную мысль сочиненія, которая и высказывается въ заключительномъ отдѣлѣ словами:

Digitized by Google

„Лучшій другъ намъ въ жизни сей Здѣсь несчастье—лживый сонъ;
Вѣра въ Провидѣнье. Счастье—пробужденье,“—
Благъ Зиждителя законъ:

или иначе,—говоря русской пословицей: „Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.“

Изъ другихъ русскихъ балладъ особенно замѣчательны: „Утопленникъ, Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ, Бѣсы“—Пушкина и „Воздушный корабль, Два великана, Споръ“—Лермонтова.

„Утопленникъ.“

„Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
„Тятя! тятя! наши сѣти
Притащили мертвеца.“
—Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ:
Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!
Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь;
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь....
Гдѣ-жъ мертвецъ?—„Вонъ, тятя,
э—вотъ!“
Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый виденъ на пескѣ.
Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ—
Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ....
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ,
И отъ берега крутова
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.
Долго мертвый межъ волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой;
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.

„Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите-жъ, не болтайте,
А не то поколочу.“
Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка;
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика;
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На палатяхъ мужъ лежитъ;
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.
„Кто тамъ?“—Эй, впусти, хозяинъ!
„Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чортъ занесъ тебя сюда!
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно.“
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.
Изъ-за тучъ луна катится—
Что-же? голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.
И мужикъ окно захлопнулъ,
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ.
„Чтобъ ты лопнулъ!“
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролетъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Digitized by Google

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ."

Простонародное повѣрье, что душа непогребеннаго человѣка не имѣетъ успокоенія, и что къ тому, кто не похоронитъ найденнаго мертвеца, будетъ являться неуспокоенный духъ послѣдняго, нашло себѣ художественное выраженіе въ фантастическомъ образѣ утопленника, случайно пойманнаго сѣтьми рыбака, но не удостоеннаго имъ христіанскаго погребенія и потому ежегодно „въ урочный день" являвшагося къ нему какъ-бы „за могилой и крестомъ." Главная мысль баллады: нарушеніе христіанскаго долга неминуемо сопровождается наказаніемъ,—если не внѣшнимъ, то по крайней мѣрѣ внутреннимъ—угрызеніемъ совѣсти.

Приведенные образцы достаточно показываютъ, что характеристическимъ признакомъ новѣйшей баллады, подобно балладѣ рыцарской, служитъ преобладаніе въ ея содержаніи фантастическаго вымысла, элемента чудесности, сверхъестественности, необычайности; вмѣстѣ съ тѣмъ подъ фантастическими образами баллады всегда выражается какая-либо серьезная, жизненная идея поэта. Слѣдовательно, *балладою называется такое эпическое произведеніе, въ которомъ, подъ фантастическимъ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ народныхъ преданій и повѣрій, или же созданнымъ при помощи воображенія поэта, проводится какая-либо важная, жизненная идея автора.*

Фантастическій характеръ содержанія баллады ставитъ ее въ близкое соотношеніе со сказкою, но тогда какъ въ первой—элементъ чудесности является только преобладающимъ, въ послѣдней—онъ господствуетъ сначала и до конца; сказка затрогиваетъ общія стороны народной жизни и потому имѣетъ самое широкое значеніе, баллада касается частныхъ фактовъ и тѣмъ способствуетъ болѣе наглядному уясненію строго—опредѣленнаго смысла жизненныхъ явленій; отсюда,—сказка носитъ въ себѣ много чертъ празднаго вымысла, баллада отличается неподдѣльнымъ, художественнымъ правдоподобіемъ.

Digitized by Google

Оглавленіе.

Теорія поэзіи.

	Стр.
Понятіе о поэзіи на основаніи разбора стихотвореній: Кольцова—„Что ты спишь, мужичокъ?“ и Пушкина—„Туча.“	1.
Понятіе объ искусствѣ. Искусства механическія и изящныя. Мѣсто поэзіи въ ряду изящныхъ искусствъ . . .	3.
Поэтическій вымыселъ естественный и фантастическій и его значеніе въ области поэзіи.	5.
Идеальный элементъ поэтическихъ произведеній и отношеніе его къ міру дѣйствительному	6.
Художественные образы.	9.
Художественные идеалы и ихъ значеніе (Петръ Великій по сочиненію Пушкина „Полтава“).	10.
Художественные типы и ихъ значеніе (типъ лѣтописца по 5-ой сценѣ Бориса Годунова—Пушкина)	11.
Художественные характеры (характеръ Шибанова по сочиненію А. Толстого „Василій Шибановъ“). . . .	14.
Элементы поэтическихъ произведеній. Понятіе объ эпическомъ и лирическомъ элементахъ поэзіи на основаніи разбора стихотворенія Пушкина „Осень“	20.
Понятіе о драматическомъ элементѣ поэзіи на основаніи разбора отрывка изъ „Полтавы“ Пушкина—„Кочубей въ темницѣ“.	25.
Разнообразное соединеніе элементовъ поэзіи въ сочиненіяхъ. Раздѣленіе поэтическихъ произведеній по преобладанію въ нихъ того или другого элемента на три рода: эпосъ, лирику и драму	28.
	30.

Поэзія эпическая.

	Стр.
Понятіе объ эпосѣ на основаніи разбора сочиненія Лермонтова „Бородино“ . .	31.
Эпосъ народный. . .	34.
Сказки (Марья Моревна; Морозко).	35.
Значеніе сказокъ . .	45.
Животный эпосъ . .	—
Героическія пѣсни—былины (Вольга Святославичъ, Илья Муромецъ и Поганое Идолище)	46.
Отличіе былинъ отъ сказокъ	51.
Значеніе былинъ . .	52.
Историческія пѣсни (Щелканъ Дудентьевичъ. Взятіе Казанскаго царства) . . .	55.
Отношеніе историческихъ пѣсенъ къ былинамъ и ихъ значеніе	57.
Легенды	58.
Понятіе о духовныхъ стихахъ (стихъ о Егоріи Храбромъ).	59.

Digitized by Google

Стр.

Мелкіе виды народнаго эпоса. Заклятія или заговоры и наговоры . . . . . 65.
Загадки . . . . . 67.
Пословицы, поговорки и присловья или присказки . . 69.
Общія свойства народной эпической поэзіи . . . . 74.
Эпосъ искусственный. Классическая поэма или эпопея. Содержаніе Иліады и Одиссеи Гомера . . . . . 76.
Понятіе объ эпопеѣ . . 86.
Свойства Гомеровскаго эпоса (Гекторъ и Андромаха. Пиръ у Феакійскаго царя Алкиноя) 87.
Значеніе поэмъ Гомера . 95.
Содержаніе Энеиды Виргилія 97.
Разборъ поэмы Виргилія и ея значеніе . . . 113.
Содержаніе „Божественной комедіи“ Данте и ея значеніе. 117.
Разборъ „Божественной комедіи“ Данте . . 128.
Поэма романтическая. Содержаніе „Неистоваго Роланда“ Аріосто . . . 132.
Замѣчанія на поэму Аріоста и поэмы романтическія вообще 137.
Значеніе поэмы Аріосто 138.
Поэма ложноклассическая 140.
Содержаніе „Освобожденнаго Іерусалима“ Торквато-Тассо 141.
Содержаніе „Россіады“ Хераскова . . . . 146.
Особенности ложноклассической поэмы . . . . 150.
Поэма новаго времени („Шильонскій узникъ“ Байрона и „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“ Лермонтова) . . . 153.

Стр.

Свойства поэмы новаго времени . . . . . 166.
Басня. Происхожденіе басни. 169.
Басня на Востокѣ. . . 169.
Басня у Грековъ и Римлянъ 172.
Басня у новыхъ христіанскихъ народовъ . . . . 176.
Русская басня . . . 179.
Значеніе басни . . . 183.
Идиллія. Греческая идиллія („Сиракузянки“; „Рыбаки“ — Ѳеокрита . . . . 183.
Римская идиллія („Титиръ и Мелибей“—Виргилія) . 190.
Ложноклассическая идиллія („Птицы“ — Дезульеръ. „Палемонъ“ Вл. Панаева) . 194.
Новѣйшая идиллія („Отставной солдатъ“ — Дельвига. „Бабушка и внучекъ“—Плещеева) 197.
Романъ. Происхожденіе романа. Романы греческіе („Эѳіопскіе разсказы“ Геліодора) . 204.
Романы рыцарскіе („Исторія Амадиса Галльскаго“) . 213.
Романы сатирическіе („Донъ Кихотъ“—Сервантеса) . 215.
Романы семейные или нравоучительные („Кларисса Гарловъ“—Ричардсона. „Векфильдскій священникъ“—Гольдсмита) 223.
Романы историческіе („Айвено“; „Квентинъ Дюрвардъ„—Вальтеръ-Скотта) . . . 228.
Романы бытовые („Евгеній Онѣгинъ“—Пушкина) . 232.
Условія художественности романа . . . . . 237.
Значеніе романовъ . . 237.
Повѣсть. Разсказъ . . 238.
Баллада. Возникновеніе баллады. Образцы балладъ . 239.

Digitized by Google

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строк.	Напечатано:	Должно быть:
19	сн. 11	типовъ	типомъ
35	св. 6—7	за висимость отъ нихъ, люди признаютъ ихъ своими богами	
43	сн. 19	зозданіи	созданіи
61	сн. 18	Государыни	Государыня
66	св. 10—11	выдающія сяособенности	выдающіяся особенности
71	св. 12	пѣжно	нѣжно
79	св. 24	поругапію	поруганію
87	св. 2	возникали	возникли
88	сн. 2	страшны	страшный
90	св. 20	кривоногихъ	криворогихъ
115	св. 11	вѣздѣ	вездѣ
116	св. 19	и	
147	св. 6	ей	ею
149	св. 2	Саргунъ	Сагрунъ
151	св. 18	страданію	состраданію
—	—	походитъ	походятъ
172	св. 11	впередъ и	впереди
176	сн. 10	и	а
197	сн. 14	Мѣстѣчко	Мѣстечко
198	св. 10		
220	сн. 19	отци	отца

Digitized by Google

ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ

СЪ ПРИСОЕДИНЕНІЕМЪ ОБРАЗЦОВЪ.

(Опытъ аналитико-историческаго курса.)

Составилъ

примѣнительно къ программамъ среднихъ учебныхъ заведеній

М. Соколовъ.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ—

ТЕОРІЯ ПОЭЗІИ ЛИРИЧЕСКОЙ.

Изданіе второе, исправленное.

Тула.
Типографія И. Д. Фортунатова насл:.
1904.

Digitized by Google

Дозволено цензурою. Москва, 29 мая 1904 года.

Digitized by Google

Лирическая поэзія.

Назначеніе лирической поэзіи. Поэзія лирическая, иначе лирика, въ общемъ смыслѣ обнимаетъ собою поэтическія произведенія съ элементомъ лирическимъ. Болѣе частныя ея особенности съ достаточною полнотою и обстоятельностію вытекаютъ, напр. изъ разбора образцовыхъ сочиненій: „Ко гробу Кутузова“ Пушкина и „Когда волнуется желтѣющая нива“ Лермонтова.

Ко гробу Кутузова.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ. Однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ,
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай!“ Ты всталъ и—спасъ.“

„Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;
Когда студеной ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ:
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога!..“

Стихотвореніе „Ко гробу Кутузова“ распадается на три части. Въ первой—коротко, но живописно изображается мѣсто, гдѣ находится поэтъ, и окружающая его обстановка: громадный храмъ и въ немъ святая гробница, мертвая тишина, таинственный полумракъ, золотистый отблескъ горящихъ лампадъ на большихъ гранитныхъ колоннахъ и цѣломъ рядѣ висящихъ на нихъ знаменъ.

Digitized by Google

Внѣшнія условія, естественно, наводятъ на соотвѣтствующія думы, и вотъ Пушкинъ, съ поникшею главой (обыкновенное положеніе задумавшагося человѣка) во второй части переносится мыслію къ тому, кто покоится въ находящейся предъ нимъ могилѣ. Онъ припоминаетъ знаменитую блестящими подвигами жизнь погребеннаго и сообразно этому надѣляетъ послѣдняго вполнѣ вѣрными исторіи, крупными и мѣткими чертами: предъ нимъ могильнымъ сномъ спитъ „властелинъ и идолъ сѣверныхъ дружинъ", т. е. полновластный любимецъ всего русскаго войска, посѣдѣвшій на вѣрной службѣ оберегатель русской страны, „смиритель всѣхъ ея враговъ", послѣдній, завершившій собою выдающихся полководцевъ екатерининскаго царствованія. Воспоминаніе о славномъ прошломъ покойника пробуждаетъ въ душѣ Пушкина патріотическое чувство восторга, которое онъ и выражаетъ въ третьей части своего творенія. Поэтъ переноситъ это чувство на гробъ Кутузова и до того проникается своимъ восторженнымъ настроеніемъ, что какъ-бы вновь слышитъ „народной вѣры гласъ", призывающій побѣдоноснаго вождя ко спасенію отечества въ тяжкую годину двѣнадцатаго года, и какъ-бы опять видитъ предъ собою самое избавленіе: „Иди, спасай! Ты всталъ и—спасъ". Лермонтовъ въ немногихъ стихахъ, которые можно озаглавить„—Среди природы", наглядно представляетъ благотворное вліяніе сельской природы на душу человѣка. Волнующаяся желтѣющая нива, шумъ свѣжаго лѣса, при звукѣ вѣтерка скрывающаяся въ тѣни зеленаго листка малиновая слива, обрызганный душистою росой привѣтливо кивающій изъ-подъ куста своей головкой серебристый ландышъ, играющій по оврагу и погружающій мысль въ какую-то поэтическую мечтательность студеный ключъ,— все это самымъ благодѣтельнымъ образомъ отражается на душевномъ строѣ человѣка: даруетъ внутреннее умиротвореніе—„смиряется души тревога", вызываетъ свѣтлый взглядъ и довольство—„расходятся морщины на челѣ", даетъ возможность постигнуть земное счастіе—„и счастье я могу постигнуть на землѣ" и рождаетъ высшую степень блаженства—созерцаніе въ небесахъ Бога—„и въ небесахъ я вижу Бога". Такимъ образомъ, оба поэта въ своихъ художественныхъ созданіяхъ воплотили тѣ думы и чувства, какія пришлось имъ пережить при созерцаніи затронутыхъ ими внѣшнихъ предметовъ. Отсюда, *прямымъ и существеннымъ назначеніемъ лирической поэзіи является изображеніе думъ, чувствъ, стремленій и желаній,—короче внутренняго душевнаго міра поэта.*

Отличіе лирики отъ эпоса. По своему основному признаку лирика совершенно противоположна эпосу; взаимное ихъ отношеніе можно выразить такъ: на сколько эпосъ касается міра объ-

Digitized by Google

ективнаго—внѣшняго, на столько лирика представляетъ міръ субъективный—внутренній. Такъ какъ предметъ лирической поэзіи субъективный—внутренній міръ поэта, то личность послѣдняго въ лирическихъ произведеніяхъ неминуемо выступаетъ на первое мѣсто, между тѣмъ въ сочиненіяхъ эпическихъ самъ авторъ скрывается за изображаемыми имъ событіями. Поэтому лирику называютъ поэзіею субъективною, тогда какъ эпосъ—поэзіею объективною. Наконецъ, въ отношеніи формы или внѣшней стороны—въ лирикѣ преобладаетъ *описаніе,* тогда какъ *въ эпосѣ* господствуетъ разсказъ.

Условія художественности лирическихъ произведеній. Патріотическое чувство восторга при видѣ могилы спасителя отечества, переданное Пушкинымъ въ произведеніи „Ко гробу Кутузова", и умиротворяющее воздѣйствіе на человѣка живительной природы, выраженное въ стихотвореніи „Когда волнуется желтѣющая нива" Лермонтова, одинаково свойственны и понятны не только самимъ поэтамъ, но и всякому другому, осмысленно читающему ихъ названныя творенія. Каждый читатель, поражаемый величавымъ образомъ героя-освободителя или увлекаемый наглядно изображенными картинами полной жизни природы, невольно вынесетъ то же или подобное чувство восторга, переживетъ тѣ же или похожія на нихъ отрадно-успокоительныя впечатлѣнія, какія выпали и на долю самихъ творцовъ-писателей Пушкина и Лермонтова. Совсѣмъ иное было-бы, если-бы поэтъ-лирикъ вздумалъ передать въ своемъ сочиненіи душевное настроеніе, исключительно ему одному принадлежащее, напр. свое негодованіе на какого-либо знакомаго ему человѣка, грусть по затерянной имъ вещи, радость при находкѣ ея и т. п., мы поняли бы автора, можетъ быть, даже посочувствовали бы ему, но далеко не прониклись бы духомъ его созданія, и послѣднее миновалось бы для насъ почти безслѣдно. Изъ этого непосредственно вытекаетъ, что *не каждая мысль, воспоминаніе, не всякое впечатлѣніе, чувство, стремленіе и желаніе достойны стать предметомъ лирики, но лишь такія, которыя доступны всѣмъ людямъ, имѣютъ значеніе общечеловѣческое.* Какъ патріотическій восторгъ Пушкина при созерцаніи гробницы Кутузова, такъ и отрадно-мирное настроеніе Лермонтова подъ вліяніемъ животворной природы принадлежатъ, съ другой стороны, къ возвышеннѣйшимъ, благороднѣйшимъ порывамъ человѣческаго духа и вполнѣ чужды всего оскорбительно-пошлаго, низкаго и грубаго. *Изображеніе внутренняго душевнаго міра въ его соотвѣтствіи высокимъ идеаламъ истины, добра и красоты, или нравственная чистота содержанія—вторая необходимая принадлежность истинно-художественнаго лирическаго произведенія.—*

Digitized by Google

„И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что *чувства добрыя я лирой пробуждалъ*,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ",

говоритъ тотъ же Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи „Памятникъ". Вотъ почему голосъ лирическаго поэта долженъ гнушаться всего чувственнаго, мелочного, отвратительнаго и грязнаго и только звучать неувядаемою и родною всему человѣчеству глубоко-нравственною пѣснею. Само собою разумѣется, что пѣсня эта, какъ и въ приведенныхъ образцахъ, неминуемо должна быть проникнута совершенною искренностію, неподдѣльною чистосердечностію; въ противномъ случаѣ, сочиненіе выйдетъ холоднымъ, бездушнымъ и, понятно, не произведетъ на читателя надлежащаго дѣйствія.—

„Надо сильну вѣтру море взволновать,
Чтобъ оно въ волненьи выбросило перлъ.
Надо сильну чувству душу потрясти,
Чтобъ она въ волненьи выразила мысль." (Жадовская).

„*Нѣтъ, сердца не предашь сердцамъ,*
Когда изъ сердца не исходитъ". (Гете).

Искренность и глубина выражаемаго душевнаго настроенія— третья отличительная черта всякаго истинно-поэтическаго лирическаго творенія.

Что касается, наконецъ, внѣшняго выраженія или формы, въ этомъ отношеніи оба разсматриваемыя произведенія, съ одной стороны, содержатъ въ себѣ множество живописныхъ словъ и фигуральныхъ оборотовъ рѣчи, вызванныхъ усиленною дѣятельностію воображенія и чувства, съ другой—обладаютъ высшею степенью музыкальности—стихотворнымъ размѣромъ, свободно сложившимся подъ тѣмъ же напряженнымъ душевнымъ состояніемъ. *Живописность и особенно музыкальность рѣчи—послѣднее и преимущественное свойство лирики,* потому что каждое собственно лирическое сочиненіе неизбѣжно создается подъ живымъ и непосредственнымъ воздѣйствіемъ возбужденнаго чувства и воображенія. Въ стихотвореніи „Осень" Пушкинъ такъ изображаетъ вдохновенное лирическое творчество:

„И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ и звучитъ и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ.
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.
И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѳмы легкія на встрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо—къ бумагѣ,
Минута—и стихи свободно потекутъ".

Digitized by Google

Или еще слова Лермонтова о томъ же предметѣ:

„Бываетъ время,
Когда заботъ спадаетъ бремя
Для вдохновеннаго труда,
Когда и умъ, и сердце полны,
И рѣчи, дружныя, какъ волны,
Журча, одна во слѣдъ другой,
Несутся вольной чередой.
Выходитъ чудное свѣтило—
Въ душѣ, проснувшейся едва,
На мысли, дышущія силой,
Какъ жемчугъ, нижутся слова".

Указанное обстоятельство ставитъ лирику въ близкую, родственную связь съ другимъ изящнымъ искусствомъ—музыкой, въ которой точно также, какъ и въ лирическихъ твореніяхъ, выражается внутренній, душевный міръ человѣка. Оттого-то въ древности лирическія произведенія прямо пѣлись подъ игру на особомъ музыкальномъ инструментѣ—лирѣ (греч. λύρα), откуда произошли и самыя названія—„лира, лирическій"; оттого-то и теперь очень многіе лирическіе стихи полагаются на музыку; оттого-то и всякое лирическое стихотвореніе, переданное прозой, теряетъ свою силу и, наоборотъ, соединенное съ музыкой и пѣніемъ, производитъ несравненно бо́льшее впечатлѣніе.

Итакъ, общечеловѣческое значеніе, нравственная чистота, искренность и глубина содержанія и музыкальность и живописность выраженія—таковы главнѣйшія условія художественности лирики. Слѣдовательно, *лирическими сочиненіями въ собственномъ, полномъ смыслѣ называются такія поэтическія произведенія, которыя въ формѣ описанія, музыкально и живописно изображаютъ душевное настроеніе поэта, запечатлѣнное глубиною и искренностію, нравственною чистотою и общечеловѣческимъ значеніемъ.*

Лирика народная.

Происхожденіе лирической поэзіи. Пѣсня, какъ общая форма народной лирики. Пѣсни миѳическія или обрядныя и бытовыя, семейныя. Особенности народной пѣсни. Подобно эпосу, и поэзія лирическая возникла первоначально въ народѣ, въ самую отдаленную пору его жизни. Поставленный въ неизбѣжную зависимость отъ всего окружающаго, народъ, естественно, переживалъ различныя душевныя состоянія: то испытывалъ онъ чувства благоговѣнія, довольства и радости, когда внѣшнія обстоятельства во всемъ улыбались ему, то предавался грусти и горести, когда на пути своемъ встрѣчалъ тревоги и бѣдствія, то, наконецъ, приходилъ въ ужасъ и негодованіе, когда неблагопріятныя жизненныя условія нарушали его благополучіе. Все это нашло для себя соотвѣт-

Digitized by Google

ствующій откликъ въ безыскусственныхъ лирическихъ произведеніяхъ, гдѣ и отразились просто и незатѣйливо всѣ завѣтныя думы, всѣ задушевныя народныя желанія и чувствованія. Обыкновенно, въ избыткѣ чувства, народъ передавалъ свое внутреннее настроеніе посредствомъ *пѣнія*, сплошь и рядомъ сопровождая послѣднее какою либо музыкой. Вслѣдствіе этого пѣсня является первою и единственною формой народной лирики и при томъ на столько полною и общею, что и всѣ виды искусственной лирической поэзіи получили въ ней свое первоначальное основаніе. Но, обладая многостороннимъ содержаніемъ, народная лирическая пѣсня сверхъ того запечатлѣна и особыми, своеобразными пріемами творчества. Существенныя ея особенности въ томъ и другомъ отношеніяхъ легче всего прослѣдить на разборѣ, напр. слѣдующихъ образцовъ:

1. А мы просо сѣяли, сѣяли;
Ой Дидъ, Ладо, сѣяли, сѣяли!
2. А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ;
Ой Дидъ, Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ!
1. А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать?
Ой Дидъ, Ладо, вытоптать, вытоптать!
2. А мы коней выпустимъ, выпустимъ;
Ой Дидъ, Ладо, выпустимъ, выпустимъ!
1. А мы коней переймемъ, переймемъ;
Ой Дидъ, Ладо, переймемъ, переймемъ!
2. А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?
Ой Дидъ, Ладо, перенять, перенять!
1. Шелковымъ поводомъ, поводомъ;
Ой Дидъ, Ладо, поводомъ, поводомъ!
2. А мы коней выкупимъ, выкупимъ;
Ой Дидъ, Ладо, выкупимъ, выкупимъ!
1. А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?
Ой Дидъ, Ладо, выкупить, выкупить!
2. А мы дадимъ сто рублей, сто рублей;
Ой Дидъ, Ладо, сто рублей, сто рублей!
1. Не надо намъ тысячи, тысячи;
Ой Дидъ, Ладо, тысячи, тысячи!
2. А что же вамъ надобно, надобно?
Ой Дидъ, Ладо, надобно, надобно!
1. Намъ надобно дѣвицу, дѣвицу;
Ой Дидъ, Ладо, дѣвицу, дѣвицу!
2. А нашего полку убыло, убыло;
Ой Дидъ, Ладо, убыло, убыло!
1. А нашего полку прибыло, прибыло;
Ой Дидъ, Ладо, прибыло, прибыло!

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на сей землѣ,
Слава!
Чтобъ нашему Государю не старѣться,
Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Слава!

Digitized by Google

Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,
Слава!
Чтобы правда была на Руси,
Слава!
Краше солнца свѣтла,
Слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Слава!
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ,
Слава!

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй-тоска въ ретиво сердце;
Не сходить туману съ синя моря,
Ужъ не выдти кручинѣ изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блеститъ далече во чистомъ полѣ,
Курится огонечекъ малешенекъ;
У огонечка разостланъ шелковой коверъ,
На коврикѣ лежитъ удалъ добрый молодецъ,
Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецкую кровь, горячую.
Подлѣ молодца стоитъ тутъ его добрый конь,
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сыру землю,
Будто словно хочетъ вымолвить своему хозяину:
Ты вставай, вставай, удалъ добрый молодецъ!
Ты садись на меня, своего слугу,
Отвезу я добра молодца на родиму сторону,
Къ отцу, матери родимой, къ роду племени,
Къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ!
Какъ вздохнетъ тутъ удалъ добрый молодецъ;
Подымалась у удалова его крѣпка грудь,
Опустились у молодца бѣлы руки,
Растворилась его рана смертельная,
Пролилась ручьемъ кровь горючая;
Тутъ промолвилъ добрый молодецъ своему коню:
„Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь вѣрная!
Ты товарищъ въ полѣ ратномъ,
Добрый пайщикъ службы царской,
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое;
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла.“

Ахъ, ты поле мое, поле чистое!
Ты раздолье мое, широкое!
Ахъ, ты всѣмъ, поле, изукрашено,
Ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками, василечками;
Ты однимъ поле обезчещено:
Что посреди тебя, поля чистаго,
Выросталъ тутъ частъ ракитовъ кустъ;
Что на кустикѣ, на ракитовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизъ орелъ,
Въ когтяхъ держитъ черна ворона;
Онъ точитъ кровь на сыру землю.
Подъ кустикомъ, подъ ракитовымъ,
Что лежитъ убитъ добрый молодецъ,
Избитъ, израненъ, исколотъ весь.
Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,
Увивается тутъ родная матушка;
Она плачетъ—какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ—какъ ручей течетъ,
Молода жена плачетъ—какъ роса падетъ:
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ!“

Digitized by Google

Въ хороводной пѣснѣ „А мы просо сѣяли, сѣяли“ поющіе раздѣляются на два враждующіе между собою „полка“, изъ которыхъ одинъ стремится уничтожить дѣйствія другого. Соперничество оканчивается взаимнымъ примиреніемъ ссорящихся путемъ особаго выкупа, на который употребляется дѣвица. Такое содержаніе пѣсни указываетъ на древнѣйшій обычай нашихъ предковъ—похищать себѣ женъ, о чемъ слѣдующимъ образомъ говорится и въ лѣтописи: „Дреговляне живяху звѣринскимъ образомъ, живуще скотски, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвицы. И Родимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь.... браки не бываху у нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища и плясанье и на вся бѣсовская игрища и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто совѣщашеся.“ Слова припѣва:—„Ой Дидъ“=Дѣдъ и „Ладо“=милый, свѣтлый намекаютъ на почитаніе славянами главнаго источника плодородія Дажъ—бога или солнца, внуками котораго именуются всѣ вообще русскіе въ старинномъ памятникѣ „Слово о полку Игоревѣ.“ Наконецъ, круглая форма хоровода и его кругообразное вращеніе самымъ наружнымъ своимъ видомъ напоминаютъ то же солнце и его кажущееся движеніе, а сѣяніе проса—земледѣльческій бытъ славянина, вполнѣ зависѣвшій отъ того или иного дѣйствія солнечнаго свѣта. Такимъ образомъ, вся пѣсня заключаетъ въ себѣ ясный намекъ на старый земледѣльческій праздникъ славянъ въ честь солнца и на происходившее въ это время умыканіе женъ. Подобнымъ же *миѳическимъ* оттѣнкомъ проникнута и другая пѣсня: „Слава Богу на небѣ, слава!“ Существующее до сихъ поръ обыкновеніе пѣть ее предъ началомъ гаданья надъ блюдомъ или чашей съ водой, куда кладутся кольца, перстни и серги гадающихъ, употребленіе при этомъ вмѣстѣ съ водою хлѣба, соли и углей—необходимыхъ предметовъ языческихъ жертвоприношеній и самыя заключительныя слова: „А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ, хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ“ даютъ понять, что встарину она соединялась съ гаданьемъ о предстоявшемъ урожаѣ, при чемъ совершался особый религіозный обрядъ—жертвоприношеніе. *Пѣсни, носящія въ себѣ слѣды миѳическихъ вѣрованій и первобытныхъ религіозныхъ обрядовъ народа, принято вообще называть миѳическими или обрядными.* Совсѣмъ иное представляютъ два другія упомянутыя произведенія. Въ первомъ изъ нихъ: „Ужъ какъ палъ туманъ на сине море“ картинно изображается печальная участь смертельно раненаго воина, одиноко заканчивающаго свою жизнь въ чистомъ полѣ, вдали отъ своей семьи. Небольшой курящійся огонекъ, разостланный близъ него

Digitized by Google

шелковый коверъ, на которомъ, прижимая платкомъ смертную рану, лежитъ удалый молодецъ, стоящій тутъ же добрый конь, которому умирающій передаетъ предсмертное порученіе, а также и самое порученіе,—все это наглядно рисуетъ *отличительныя свойства народнаго быта,* обыденныя явленія народной жизни. Такова же и другая пѣсня: „Ахъ, ты поле мое, поле чистое!“, только въ ней съ большею подробностію выступаютъ семейныя отношенія добраго молодца: неодинаковая любовь къ нему самыхъ близкихъ людей—жены, сестры и матери. *Пѣсни, воспроизводящія чувства народа, вызванныя его бытомъ и въ частности условіями семейными, называются бытовыми, семейными.*

Все начало послѣдней пѣсни—„Ахъ, ты поле мое, поле чистое!“ посвящено живописному обращенію къ полю, какъ къ живому, чувствующему и понимающему существу. Такого рода фигуральныя выраженія сплошь и рядомъ встрѣчаются въ народныхъ лирическихъ твореніяхъ, а потому *обращеніе къ природѣ составляетъ существенную ихъ особенность.* Съ другой стороны, въ этой же пѣснѣ для обрисовки мрачной картины выведенъ орелъ, который, сидя на единственномъ ракитовомъ кустѣ, терзаетъ ворона. Напоминая своими хищными дѣйствіями надъ ворономъ отношеніе къ убитому молодцу непріятелей, онъ является простымъ символомъ (греч. σύμβολον—знакъ, признакъ, внѣшнее выраженіе), видимымъ подобіемъ, поэтическимъ образомъ всякаго заклятаго, жестокаго врага. Такихъ символовъ очень много въ народной лирикѣ; такъ: кукушка обозначаетъ тоскующую женщину, ласточка—любящую мать, гнѣздо ласточки—семью, лебедь бѣлая—дѣвицу, змѣя подколодная—горе, туманъ—тоску, былинушка въ полѣ—скитальца-горемыку, березка, рябинушка—грусть, разливъ рѣки—разставанье и т. п. *Частое употребленіе символовъ или символизмъ—вторая выдающаяся черта народной лирики.*

Итакъ, *именемъ лирической народной пѣсни обозначаются безыскусственныя поэтическія произведенія, отражающія душевное состояніе народа подъ вліяніемъ миѳическихъ вѣрованій, религіозныхъ обрядовъ, общественныхъ и семейныхъ отношеній, въ большинствѣ проникнутыя фигуральными обращеніями къ природѣ и символизмамъ.*

Искусственная или художественная лирика.

Подражаніе народной пѣснѣ въ художественной поэзіи. Пѣсни художественныя или искусственныя. Какъ въ поэзіи эпической

Digitized by Google

разнообразныя формы народнаго эпоса дали начало эпосу искусственному, такъ и въ поэзіи лирической народная пѣсня легла въ основу различныхъ видовъ лирики художественной. Ближе другихъ и по содержанію и по внѣшней обработкѣ сюда примыкаютъ подражательныя искусственныя пѣсни. Замѣчательнѣйшими представителями послѣднихъ были: у Грековъ—Анакреонъ (554—469 до Р. Х), у Шотландцевъ—Робертъ Борнсъ (1759—1796), у Французовъ—Беранже (1780—1857), у Нѣмцевъ—Гейнрихъ Гейне (1799—1856) и у насъ—Нелединскій-Мелецкій (1751—1828), Дмитріевъ (1760—1837), Цыгановъ, Дельвигъ (†1831), Мерзляковъ (1778—1830) и особенно Кольцовъ (1809—1842). Остановимся на двухъ произведеніяхъ этого рода: „Тоска въ одиночествѣ"—Мерзлякова и на извѣстной уже намъ „Пѣснѣ пахаря"—Кольцова.

Тоска въ одиночествѣ.

„Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ,
Цвѣтетъ, растетъ высокій дубъ въ могучей красотѣ,
Высокій дубъ, развѣсистый, одинъ у всѣхъ въ глазахъ;
Одинъ, одинъ, бѣдняжечка, какъ рекрутъ на часахъ.
Взойдетъ-ли красно солнышко: кого подъ тѣнь принять?
Ударитъ-ли погодушка: кто будетъ защищать?
Ни сосенки кудрявыя, ни ивки близъ него,
Ни кустики зеленые не вьются вкругъ него.
Ахъ! скучно одинокому и деревцу рости.
Ахъ! горько, горько молодцу безъ друга жизнь вести!
Есть много сребра, золота: кого имъ подарить?
Есть много славы, почестей: но съ кѣмъ ихъ раздѣлить?
Встрѣчаюсь-ли съ знакомыми? поклонъ да былъ таковъ;
Встрѣчаюсь-ли съ пригожими? поклонъ да пару словъ;
Однихъ я самъ пугаюся, другой бѣжитъ меня;
Всѣ вѣрны, всѣ пріятели до чернаго лишь дня!
Гдѣ съ сердцемъ отдохнуть могу, когда гроза взойдетъ?
Другъ нѣжный спитъ въ сырой землѣ, на помощь не придетъ!
Ни роду нѣтъ, ни племени въ чужой мнѣ сторонѣ,
Не ластится любезная подруженька ко мнѣ,
Не плачется отъ радости старикъ, смотря на насъ,
Не вьются вкругъ малюточки, тихохонько рѣзвясь!
Возьмите же все золото, всѣ почести назадъ;
Мнѣ родину, мнѣ милую, мнѣ милой дайте взглядъ."

Въ сочиненіи „Тоска въ одиночествѣ" Мерзляковъ изображаетъ тяжелое чувство тоски, возбуждаемое въ человѣкѣ совершеннымъ одиночествомъ, когда ни роду нѣтъ, ни племени въ чужой ему странѣ. Безотрадно такое состояніе, и невольно выры-

Digitized by Google

ваются грустныя слова: „возьмите же все золото, всѣ почести назадъ; мнѣ родину, мнѣ милую, мнѣ милой дайте взглядъ.“ Томительная тяжесть одинокой, безпріютной жизни часто слышится и въ народной лирикѣ; это замѣтно, напр. и въ одной изъ приведенныхъ выше пѣсенъ—„Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,“ гдѣ страданія умирающаго молодца усиливаются его печальнымъ положеніемъ въ чистомъ полѣ вдали отъ всѣхъ родныхъ и близкихъ ему людей. Еще болѣе народныхъ чертъ въ „Пѣснѣ пахаря“ Кольцова. Здѣсь уже прямо затрогиваются желанія и надежды простолюдина-крестьянина, весело пашущаго свою землю. *Выраженіе думъ, чувствованій, стремленій и желаній поэта, въ общемъ присущихъ его соотечественникамъ, короче,--народность содержанія— первая и самая главная особенность всякой искусственной лирической пѣсни.*

Чтобы живѣе передать весь ужасный гнетъ полнаго одиночества, Мерзляковъ представляетъ сначала высокій, развѣсистый дубъ, около котораго не видно ни одного деревца, а затѣмъ сравниваетъ съ нимъ горькую долю человѣка безъ роду, безъ племени. Равнымъ образомъ и Кольцовъ для большей наглядности заставляетъ крестьянина вести бесѣду съ своею Сивкою. Соотвѣтствуя вполнѣ дѣйствительности, эти поэтическіе образы въ то же время напоминаютъ символизмъ и обращенія къ природѣ, такъ обычные въ безыскусственной лирикѣ. Слѣдовательно, *и по внѣшнимъ пріемамъ, по способу построенія искусственная лирическая пѣсня близко соприкасается съ лирическою пѣснею народною.*

Говоря о дѣйствіи на людей одиночества, Мерзляковъ подвергаетъ вызываемое послѣднимъ тоскливое чувство нѣкотораго рода объясненію: онъ указываетъ, что одиночество не могутъ восполнить ни богатство, ни слава, ни даже знакомые, вѣрные лишь до чернаго дня, что только родина да любящіе родственники могли бы помочь на этотъ разъ человѣку, который охотно отдалъ-бы за такую помощь и золото и почести. То же самое, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, проглядываетъ и въ „Пѣснѣ пахаря“: въ ней Кольцовъ съ большею обстоятельностію и правдоподобіемъ показываетъ, какъ сначала, подъ впечатлѣніемъ прекраснаго весенняго утра, у трудолюбиваго пахаря зарождается веселое настроеніе, какъ оно, подогрѣваемое свѣтлыми мечтами о предстоящемъ благополучіи, постепенно потомъ увеличивается и какъ, наконецъ, переходитъ въ тихую, полную вѣры и надежды, молитву объ урожаѣ: „Уроди мнѣ, Боже, хлѣбъ—мое богатство!“ Въ обоихъ данныхъ случаяхъ замѣтно уже вліяніе поэтовъ на создаваемыя ими творенія, чего вовсе нѣтъ въ безыскусственной лирикѣ; оно сказывается

Digitized by Google

и въ самомъ построеніи стиха, который въ разсматриваемыхъ пѣсняхъ является литературнымъ тоническимъ. *Отраженіе въ содержаніи и формѣ личности составителя и проистекающая отсюда большая или меньшая степень искусственности въ томъ и другомъ отношеніяхъ — третье отличительное свойство подражательной пѣсни лирической;* на этомъ основаніи она получила и свое названіе — пѣсни *искусственной,* подобно тому, какъ за подражаніе пѣснѣ народной, называется пѣсней *подражательной.*

Такимъ образомъ, *подъ именемъ подражательной или искусственной лирической пѣсни разумѣются такія поэтическія произведенія, которыя, при общемъ сходствѣ съ народной лирикой по внутренней основѣ и внѣшнимъ пріемамъ творчества, вмѣстѣ съ тѣмъ въ подробностяхъ раскрытія содержанія и болѣе правильномъ построеніи стиха — обнаруживаютъ и значительную долю искусственности.*

Гимнъ.

На сколько пѣсня искусственная создалась на почвѣ народной лирической поэзіи вообще, на столько *гимнъ,* наидревнѣйшая форма лирики художественной, имѣлъ своимъ первообразомъ безыскусственную пѣсню *миѳическую* или *обрядную* въ частности. Слово гимнъ (отъ греч. ὑμνέω—славлю, ὕμνος - славословіе) собственно означаетъ пѣснь духовнаго содержанія, обыкновенно, исполнявшуюся хоромъ при богослуженіи. Таковы были у древнихъ грековъ пэаны (греч. παιάν—молитвенная пѣснь), посвященные Аполлону, и дыѳирамбы (греч. διθύραμβος—восторженная пѣснь), составленные въ честь Діониса, таковы священные псалмы у евреевъ, образовавшіе особую книгу Псалтирь—этотъ „ковчегъ священной лирики", таковы же и у насъ многочисленныя пѣснопѣнія церковныя. Въ дальнѣйшемъ, болѣе широкомъ смыслѣ гимномъ называется всякое лирическое произведеніе религіознаго характера. Наилучшими образцами сочиненій послѣдняго рода могутъ служить: „Утреннее и вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ"—Ломоносова, „Богъ"—Державина, „По прочтеніи псалма"—Хомякова, „Подражаніе псалму XIV" — Языкова, „Размышленіе по случаю грома"—Дмитріева, „Народный гимнъ"—Жуковскаго, „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ"—Хераскова и др.

Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ.

„Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли
И Божія дѣла открыло.
Мой духъ, съ веселіемъ внемли!
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель Самъ!

Digitized by Google

Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззрѣть;
Тогда-бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.
Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ:
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ;
Горящи тамъ дожди шумятъ.
Сія ужасная громада
Какъ искра предъ тобой одна;
О, коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты творить намъ повелѣлъ!
Отъ мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ
И взору нашему открылись
Исполнены Твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!
Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ Твой въ бездну проницаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Лiется радость твари всей.
Творецъ! покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи,—
И, что угодно предъ Тобою,
Всегда творити научи
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, безсмертный Царь.

Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь;
Открылась бездна звѣздъ полна,
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ—дна.
Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ:
Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мысльми утомленъ!
Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнцы тамъ горятъ;
Народы тамъ и кругъ вѣковъ;
Для общей славы Божества,
Тамъ равна сила естества.
Но гдѣ-жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце-ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты-ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!
О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малой вещи знакъ
Являетъ естества уставъ,—
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ:
Скажите, что насъ такъ мятетъ?
Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?
Тамъ споритъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой,
Иль тучныхъ водъ верхи горятъ;
Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,

Digitized by Google

И гладки волны бьютъ эфиръ.
Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите-жъ, сколь пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Не свѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите-жъ, коль великъ Творецъ?"

Б о г ъ.

„О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ—въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ: Богъ!
Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ,
Хотя и могъ бы умъ высокій,—
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ:
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.
Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ;
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ Себѣ Самомъ Ты основалъ.
Себя Собою составляя,
Собою изъ Себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ;
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есть, Ты будешь ввѣкъ!
Ты цѣпь существъ въ Себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь,
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный ясный день зимой
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ:
Такъ звѣзды въ безднахъ водъ Тобой.
Свѣтилъ возженныхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ,
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эфиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры—
Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ.
Какъ капля, въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія.
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобоя я?
Въ воздушномъ океанѣ оном,
Міры умноживъ милліономъ—
Стократъ другихъ міровъ, и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною,
А я передъ Тобой—ничто.
Ничто! Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто! но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда паренъемъ съ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ:
Я есмь—конечно есь и Ты.
Ты есь! природы чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есь—и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной;

Digitized by Google

Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.
Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества;
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь—я рабъ, я червь—я богъ!
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ произшелъ?—безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.
Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое.
Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей!
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить."

По прочтеніи псалма.

„Земля трепещетъ; по эѳиру
Катится громъ изъ края въ край.
То Божій гласъ; онъ судить міру:
„Израиль, Мой народъ, внимай!"
Израиль, ты Мнѣ строишь храмы;
И храмы золотомъ блестятъ,
И въ нихъ курятся ѳиміамы,
И день и ночь огни горятъ.
Къ чему Мнѣ вашихъ храмовъ своды,
Бездушный камень, прахъ земной?
Я создалъ землю, создалъ воды,
Я небо очертилъ рукой:
Хочу и словомъ расширяю
Предѣлъ безвѣстныхъ вамъ чудесъ,
И безконечность созидаю
За безконечностью небесъ.
Къ чему Мнѣ злато? въ глубь земную,
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ,
Я влилъ, какъ воду дождевую,
Огнемъ расплавленный маталлъ:
Онъ тамъ кипитъ и рвется, сжатый
Въ оковахъ темной глубины,
А ваши серебро и злато
Лишь всплескъ той пламенной волны.
Къ чему куренье? Предо Мною
Земля со всѣхъ своихъ концовъ
Кадитъ дыханьемъ подъ росою
Благоухающихъ цвѣтовъ.
Къ чему огни? Не Я-ль свѣтила
Зажегъ надъ вашей головой?
Не Я-ль, какъ искры изъ горнила,
Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?
Твой скуденъ даръ....Есть даръ безцѣнный,
Даръ, нужный Богу твоему:
Ты съ нимъ явись, и примиренный
Я всѣ дары твои приму:
Мнѣ нужно сердце чище злата,
И воля крѣпкая въ трудѣ;
Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
Нужна мнѣ правда на судѣ!"

Подражаніе псалму XIV.

„Кому, о Господи, доступны
Твои Сіонски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи дѣломудренны мечты;
Кто дѣлъ своихъ цѣною злата

Digitized by Google

Не взвѣшивалъ, не продавалъ,
Не ухищрялся противъ брата
И на врага не клеветалъ;
Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
Но сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со страхомъ покланялся,
Съ любовью плакалъ передъ Нимъ.
И святъ, о Боже, Твой избранникъ!
Мечемъ ли руку ополчитъ?
Велѣній Господа посланникъ—
Онъ исполина сокрушитъ!
Въ вѣнцѣ ли онъ? Его народы
Возлюбятъ правду; весь и градъ
Взыграютъ радостью свободы,
И нивы златомъ закипятъ!
Возьметъ-ли арфу? дивной силой
Духъ преисполнится его,
И, какъ орелъ ширококрылый,
Взлетитъ до неба Твоего!"

Размышленіе по случаю грома.

„Гремитъ!.. благоговѣй, сынъ персти!
Се Ветхій Деньми съ небеси
Изъ кроткой, благотворной длани
Перуны сѣетъ по земли!
Всесильный! съ трепетомъ младенца
Цѣлую я священный край
Твоей молніецвѣтной ризы
И—исчезаю предъ Тобой!
Что человѣкъ? Паритъ-ли къ солнцу,
Смиренно-ль идетъ по землѣ:
Увы! тамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ.
Подъ мракомъ въ океанѣ жизни
Пловецъ на утлой ладіи,
Отдавши руль слѣпому року,
Онъ спитъ—и мчится на скалу!
Ты дхнешь—и двигнешь океаны,
Речешь—и вспять они текутъ:
А мы?.. одной волной подъяты,
Одной волной поглощены!
Вся наша жизнь, о Безначальный!
Предъ тайной вѣчностью Твоей—
Едва минутное мечтанье,
Лучъ блѣдный утренней зари."

Народный гимнъ.

„Боже! царя храни!
Славному долгіе дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю,
Все ниспошли.
Державную,
Русь православную,
Боже, храни!
Царство ей стройное,
Въ силѣ спокойное!
Все жъ недостойное
Прочь отжени!
Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храни!
Воинамъ мстителямъ,
Чести спасителямъ,
Миротворителямъ—
Долгіе дни!
Мирныхъ воителей,
Правды блюстителей,
Боже, храни!
Жизнь ихъ примѣрную,
Нелицемѣрную,
Доблестямъ вѣрную,
Ты помяни!
О Провидѣніе!
Благословеніе
Намъ ниспошли!
Къ благу стремленіе,
Въ счастьѣ смиреніе,
Въ скорби терпѣніе
Дай на земли!
Будь намъ заступникомъ,
Вѣрнымъ сопутникомъ
Насъ провожай!
Свѣтлопрелестная,
Жизнь поднебесная,
Сердцу извѣстная,
Сердцу сіяй!"

Digitized by Google

Гимнъ.

„Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ,
Не можетъ изъяснить языкъ;
Великъ Онъ въ небесахъ на тронѣ,
Въ былинкахъ на землѣ великъ.
Вездѣ, Господь, вездѣ Ты славенъ,
Въ нощи, во дни сіяньемъ равенъ.
Тебя твой Агнецъ златорунной
Въ себѣ изображаетъ намъ;
Псалтирью мы десятиструнной
Тебѣ приносимъ ѳиміамъ.
Прими отъ насъ благодаренье,
Какъ благовонное куренье.
Ты солнцемъ смертныхъ освѣщаешь,
Ты любишь, Боже, насъ, какъ чадъ;
Ты насъ трапезой насыщаешь,
И зиждешь намъ въ Сіонѣ градъ;
Ты грѣшныхъ, Боже, посѣщаешь,
И плотію Твоей питаешь.
О, Боже, во Твое селенье
Да внидутъ наши голоса,
И взыдетъ наше умиленье
Къ Тебѣ, какъ утренняя роса!
Тебѣ въ сердцахъ алтарь поставимъ,
Тебя, Господь, поемъ и славимъ."

Въ стихотвореніяхъ-„Утреннее и вечернее размышленія о Божіемъ величествѣ" Ломоносовъ поэтически излагаетъ возвышенныя мысли и глубокое, искреннее чувство благоговѣнія и удивленія, пробужденныя въ немъ созерцаніемъ въ величественныхъ явленіяхъ природы (картины утра, ночи, сѣвернаго сіянія) могущества и премудрости Творца. Въ глубокомысленномъ созданіи Державина „Богъ" художественно изображены вѣчность, безконечность, всемогущество, премудрость, благость и другія свойства Божія, а также ничтожество предъ неизмѣримымъ божественнымъ величіемъ всего существующаго и особенно ограниченнаго и слабаго человѣка, который однако, отражая въ себѣ образъ и подобіе Божества, тѣмъ самымъ высоко поднимается надъ прочими тварями и, сознавая свое происхожденіе отъ Бога и родство со всѣмъ божественнымъ, свое преимущественное положеніе во вселенной и свое безсмертіе, уже перестаетъ быть ничтожествомъ. Превосходныя творенія—„По прочтеніи псалма"—Хомякова и „Подражаніе псалму XIV"—Языкова полны мыслей богодухновеннаго писанія. „Размышленіе по случаю грома"—Дмитріева дышетъ младенческимъ трепетомъ и неподдѣльнымъ смиреніемъ истиннаго христіанина передъ всесильнымъ Господомъ. „Народный гимнъ" Жуковскаго представляетъ теплую молитву любящаго сына за Царя и отечество. Произведеніе „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ" Хераскова проникнуто сердечнымъ, умилительнымъ прославленіемъ и благодареніемъ всеблагаго Промыслителя за Его любовь и благодѣянія людямъ. Такимъ образомъ, *существенною и вмѣстѣ отличительною принадлежностію гимна*, какъ особаго вида искусственной лирики, *служитъ изображеніе религіознаго настроенія, вызваннаго въ поэтѣ соотвѣтствующимъ возвышеннымъ предметомъ или явленіемъ.*

Digitized by Google

Три остальныя крупныя формы художественной лирики—элегія, сатира и ода своимъ основнымъ характеромъ напоминаютъ народную пѣсню бытовую или семейную. Какъ и въ послѣдней, въ нихъ изображаются: то грустныя думы и тяжелыя, печальныя чувствованія автора—элегія, то его негодованіе на пороки и недостатки современнаго ему общества—сатира, то, наконецъ, веселое, вызвышенное, восторженное настроеніе поэта—ода. Въ этомъ смыслѣ бытовыя или семейныя пѣсни народа являются непосредственными предшественницами, прямыми провозвѣстницами всѣхъ упомянутыхъ видовъ искусственной лирической поэзіи.

Элегія.

Начало и характеръ элегіи у Грековъ. Элегія получила свое начало въ древней Греціи въ VII-мъ в. до Р. Хр Съ этого времени въ греческой искусственной поэзіи замѣчается крупное видоизмѣненіе: полновластно господствовавшій дотолѣ эпосъ мало-по-малу уступаетъ мѣсто лирикѣ, и обычный эпическій стихъ гекзаметръ начинаетъ соединяться съ пентаметромъ—стихомъ пятистопнымъ (πέντε-пять и μέτρον-мѣра, стопа); возникаетъ строфа въ два неравные стиха или двустишіе, состоящее изъ гекзаметра и пентаметра, которая обозначается именемъ „ἐλεγεῖον отъ ἔλεγος въ смыслѣ пентаметра. Всякое лирическое произведеніе, изложенное элегическими двустишіями, и называлось „ἐλεγεία“—элегіей. „Ἐλεγεία, ἐλεγεῖον, ἔλεγος“ обыкновенно производятъ отъ ἐλέγειν=ἔ ἔ λέγειν – говорить увы, воздыхать, такъ какъ преобладающимъ оттѣнкомъ въ элегіяхъ выступаютъ—грусть, тоска, жалоба. Выдающимися греческими элегиками, сочиненія которыхъ впрочемъ уцѣлѣли до насъ по большей части въ отрывкахъ, были: Тиртэй (въ VII в. до Р. Хр), Солонъ (въ концѣ VII и въ первой половинѣ VI ст. до Р. Хр.), Ѳеогнисъ изъ Мегары (во второй половинѣ VI ст. до Р. Хр.), Мимнермъ (современникъ Солона), Симонидъ изъ Хіоса (въ V в. до Р. Хр.). Вотъ образчики ихъ элегій.—

Изъ-Тиртэя:

1.

„Славно вѣдь жизнь потерять, средь воиновъ доблестныхъ павши,—
Храброму мужу въ бою изъ-за отчизны своей;
Градъ же родной и цвѣтущія нивы покинувъ, быть нищимъ—
Это, напротивъ, удѣлъ всѣхъ тяжелѣйшій другихъ!
Съ матерью милой, съ отцомъ-старикомъ на чужбинѣ блуждаетъ,
Съ малыми дѣтками трусъ и съ молодою женой.
Будетъ онъ жить ненавистнымъ средь тѣхъ, у кого пріютится,
Тяжкой гонимый нуждой и роковой нищетой.

Digitized by Google

Родъ онъ позоритъ и видъ свой цвѣтущій стыдомъ покрываетъ;
Бѣды, безчестье—летятъ всюду за нимъ по слѣдамъ.
Если же, въ правду, ни теплой заботы не встрѣтитъ скиталецъ,
Ни уваженья, стыда иль состраданья въ нуждѣ,—
Будемъ за родину храбро стоять и, дѣтей защищая,
Ляжемъ костьми, не щадя жизни въ отважномъ бою!
Юноши, бейтесь же, стоя рядами, не будьте примѣромъ
Бѣгства постыднаго иль трусости жалкой другимъ,
Но сохраняйте въ груди всегда духъ удалой и могучій
И не жалѣйте души, выйдя съ врагами на бой!
Не покидайте старѣйшихъ, у коихъ ужъ слабы колѣна,
И не бѣгите, предавъ старцевъ на жертву врагамъ:
Страшный позоръ вамъ, когда среди воиновъ первыхъ упавшій
Старецъ лежитъ, впереди юныхъ лѣтами бойцовъ,
Старецъ съ главою уже убѣленной, съ сѣдой бородою,
Полной отваги еще, духъ испуская въ пыли.....
Стыдно и страшно глядѣть глазу на этотъ позоръ!....
А юношѣ все вѣдь пристойно,
Если онъ доблестный цвѣтъ юности нѣжной хранитъ:
Видомъ онъ—дивенъ мужамъ, пока живъ, и плѣнителенъ женамъ:
Если-жъ падетъ средь бойцовъ,—чудной сіяетъ красой!
Пусть же, широко шагнувъ, стоитъ каждый на мѣстѣ, ногами
Въ землю сильнѣй упершись, губы зубами прижавъ!

2.

Такъ какъ вы всѣ необорнаго въ битвахъ Геракла потомки,—
Будьте бодры: еще Зевсъ не отвратился отъ насъ!
Вражескихъ полчищъ огромныхъ не бойтесь, не вѣдайте страха,
Каждый пусть держитъ свой щитъ прямо межъ первыхъ бойцовъ,
Жизнь ненавистной считая и мрачныхъ посланницъ кончины—
Столько же милыми, сколь милы намъ солнца лучи!—
Вы вѣдь искусны въ ужасныхъ дѣлахъ многослезнаго Марса;
Вѣдома вамъ хорошо ярость тяжелой войны.
Юноши, часто видали вы и бѣглецовъ, и гонящихъ;
Зрѣлищемъ тѣмъ и другимъ вдоволь насытились вы!
Тѣ вѣдь, которые, крѣпко ставъ другъ подлѣ друга, дерзаютъ
Въ бой рукопашный вступать, между переднихъ бойцовъ,
Въ меньшемъ числѣ погибаютъ, а сзади стоящихъ—спасаютъ;
Трусовъ же жалкихъ на вѣкъ гибнетъ вся доблесть тотчасъ.
Нѣтъ никого, кто бы могъ до конца разсказать всѣ мученья,
Что достаются въ удѣлъ трусу, стяжавшему стыдъ:
Трудно вѣдь честному воину сзади ударъ нанесть въ спину
Мужа, бѣгущаго вспять съ поля кровавой войны.
Стыдъ и позоръ возбуждаетъ мертвецъ, среди праха лежащій,
Въ спину пронзенный насквозь, сзади, копья остріемъ.
Пусть же, широко шагнувъ, стоитъ каждый на мѣстѣ, ногами
Въ землю сильнѣй упершись, губы зубами прижавъ,
Бедра и голени снизу и грудь свою, вмѣстѣ съ плечами,

Digitized by Google

Выпуклымъ кругомъ щита крѣпкаго мѣдью прикрывъ;
Правой рукою онъ пусть потрясаетъ могучую пику,
Грозный колебля султанъ шлема поверхъ головы;
Пусть, среди подвиговъ мощныхъ, онъ учится ратному дѣлу
И со щитомъ не стоитъ внѣ пролетающихъ стрѣлъ,
Но пусть идетъ въ рукопашную схватку и, длинною пикой
Или мечемъ нанося раны, врага поразитъ!
Ногу съ ногою поставивъ и щитъ о щитъ опирая,
Грозный султанъ—объ султанъ, шлемъ—объ товарища шлемъ,
Плотно сомкнувшись грудь съ грудью, пусть борется каждый съ врагами,
Стиснувъ рукою копье или меча рукоять.
Вы же, гимнеты, то тамъ, то здѣсь подъ щиты припадая,
Вдругъ осыпайте врага градомъ огромныхъ камней
Или мечите на нихъ гладкіе дротики, стоя поближе
Къ воинамъ тѣмъ, что идутъ во всеоружьи на бой!

3.

Я не считаю ни памяти, ни уваженья достойнымъ
Мужа за ногъ быстроту или за силу въ борьбѣ,
Хоть бы онъ даже былъ равенъ киклопамъ и ростомъ, и силой,
Или ѳракійскій Борей въ бѣгѣ ему уступалъ;
Хоть бы онъ даже былъ видомъ прелестнѣй красавца-Тиоона,
Или богатствомъ своимъ Мида съ Киниромъ затмилъ;
Хоть бы и царственнѣй былъ Тантала сына, Пелопа,
Или Адрастовъ языкъ сладкорѣчивый имѣлъ;
Хоть бы онъ всякую славу стяжалъ, кромѣ доблестной силы,—
Ибо не выказалъ онъ храбрость свою на войнѣ—
Если не будетъ онъ смѣло стоять въ виду сѣчи кровавой
И устремляться впередъ въ бой рукопашный съ врагомъ:
Это вотъ доблесть, этотъ вотъ подвигъ для юнаго мужа
Лучше, прекраснѣе всѣхъ прочихъ похвалъ средь людей.
Общее благо народу всему и родимому граду
Мужъ тотъ даетъ, что стоитъ, въ битвѣ, межъ первыхъ бойцовъ,
Крѣпости полный,—о бѣгствѣ постыдномъ и думать забудетъ,
Жизнь и могучій свой духъ выставивъ смѣло на рискъ,—
И ободряетъ словами отважными въ строѣ сосѣда.
Вотъ какой мужъ на войнѣ доблестью славенъ всегда!
Сразу бѣжать принуждаетъ онъ грозныя вражьи фаланги,
Въ мигъ усмиряетъ одинъ бурную сѣчи волну!
Если онъ жизни лишится, средь воиновъ доблестныхъ павши,
Городъ, народъ и отца доброю славой покрывъ,
Многія раны спереди въ грудь получивши сквозь панцырь
Или сквозь выпуклый щитъ, всюду пробитый копьемъ,—
Плачутъ по немъ одинаково юные люди и старцы;
Градъ весь родной удрученъ тяжкою скорбью по немъ.
Славится всюду могила его средь народа, и дѣти,
Дѣти дѣтей и весь родъ славой покрыты на вѣкъ.
И никогда его добрая слава и имя не гибнетъ:

Digitized by Google

Въ царствѣ подземномъ живя, будетъ безсмертенъ тотъ мужъ,
Коего сгубитъ ужасный Арей среди подвиговъ ратныхъ,
Въ храбромъ бою за дѣтей и за родную страну.
Если жъ удастся ему избѣжать усыпляющей смерти
И, побѣдивши враговъ, ратную славу стяжать,
Старцы его уважаютъ и юноши, и, наслажденій
Полную чашу испивъ, въ мрачный Аидъ онъ идетъ.
Тихо старѣясь, онъ славится между согражданъ; никто не дерзаетъ
Чести иль праву его сколько нибудь повредить.
Всюду въ собраньяхъ общественныхъ юноши, сверстники, старцы,
Всѣ, другъ предъ другомъ, спѣшатъ мѣсто ему уступить.
Этой то именно доблести высшихъ предѣловъ достигнуть
Всякъ да стремится душой, не избѣгая войны!"

В. Л.

Вызванныя ближайшимъ образомъ второю Мессенскою войною (680 г. до Р. Хр.), данныя элегіи имѣютъ своею цѣлію пробудить въ Спартанцахъ любовь къ отечеству, воодушевить ихъ къ мужественной, геройской борьбѣ съ непріятелемъ; сообразно съ этимъ поэтъ рисуетъ преимущества храбраго передъ трусливымъ и побуждаетъ воиновъ къ надлежащему исполненію своихъ гражданскихъ обязанностей. Элегіи съ подобнымъ политическимъ содержаніемъ именовались *героическими*.

Изъ Солона: „Нашъ городъ, по рѣшенію Зевеса и волѣ вѣчныхъ боговъ, не погибнетъ; Паллада Аѳина, Зевесова мудрая дочь, его защищаетъ. Но граждане, падкіе до выгоды, по неразумію, хотятъ повредить могущественному городу, и глубокую рану принесли ему высокомѣріе и жадность народныхъ предводителей; потому что вскорѣ впалъ онъ въ рабство, которое возбудило раздоръ и междоусобную войну, погубило многихъ гражданъ, многихъ заставило оставить отечество и проникло даже въ семейство. Потому, я считалъ долгомъ указать Аѳинянамъ, сколько бѣдствій городу приноситъ беззаконность. При законности, напротивъ, все въ порядкѣ: она преслѣдуетъ зло, сравниваетъ шероховатое, подавляетъ гордость и высокомѣріе, уничтожаетъ всѣ сѣмена бѣдствій, кривое выпрямляетъ, умѣряетъ партіи и раздоръ. При ней все приходитъ въ благоразумный порядокъ".

„Богатство, дарованное богами, остается и растетъ; преступленія не приносятъ человѣку пользы, потому что Зевесъ видитъ конецъ всего. Съ такою же быстротою, какъ весенній вѣтеръ разгоняетъ облака, приближается и месть бога; но не всегда онъ тотчасъ наказываетъ: одинъ страдаетъ раньше, другой позже, и если даже наказаніе его не постигаетъ, то дѣти и внуки безвинно должны терпѣть за вину его".

Въ первомъ изъ приведенныхъ отрывковъ знаменитый аѳинскій законодатель указываетъ своимъ согражданамъ на тѣ великія бѣдствія, которыя постигли ихъ родной городъ, благодаря высокомѣрію и хищничеству народныхъ предводителей. Глубоко сожа-

Digitized by Google

лѣя объ этомъ, онъ поставляетъ на видъ соотечественникамъ, къ какимъ благопріятнымъ слѣдствіямъ приводитъ наоборотъ соблюденіе законности. Во второй элегіи мудрецъ говоритъ о безполезности для человѣка преступленій, которыя рано или поздно, но неизбѣжно подвергаются божественному правосудію.

Изъ Ѳеогниса Мегарскаго: „Благой Зевсъ, въ изумленіи поклоняюсь тебѣ, ибо ты повелѣваешь всѣми существами и обладаешь всею подобающею тебѣ честью и могуществомъ. Ты вѣдаешь всѣ мысли и сердце каждаго смертнаго, и власть твоя, о царь! выше всякой власти въ мірѣ. Но какъ можешь ты, сынъ Сатурна, ставить наравнѣ преступника и справедливаго человѣка? Какъ можетъ умъ твой относиться безразлично къ мудрости и къ покушеніямъ тѣхъ смертныхъ, которые не страшатся совершать преступныя дѣла? Нѣтъ, божество не дало намъ никакого правила для нашихъ дѣйствій, никакого вѣрнаго пути къ благосклонности боговъ. Злодѣи пользуются благоденствіемъ, несмущаемымъ никакою печалью; а тѣмъ, кто предохраняетъ свою душу отъ зла, кто любитъ справедливость, выпадаетъ на долю бѣдность, мать отчаянія, бѣдность, побуждающая сердца людей къ преступленію... Въ бѣдности раскрывается и развратный человѣкъ, и человѣкъ истинно добродѣтельный, когда они борятся съ нуждою. Одинъ замышляетъ преступныя дѣла, и справедливость не коренится въ его сердцѣ. Душа другого, напротивъ, не даетъ управлять собою ни несчастію, ни счастію. Дерзать на добро, переносить зло,—таковъ долгъ добродѣтельнаго человѣка."

„Въ справедливости заключены всѣ добродѣтели;
Кто справедливъ, о Кирнъ, тотъ, повѣрь, и благороденъ.
У человѣка ничего нѣтъ лучше здраваго смысла,
Но за то и ничего хуже безсмыслія.
Кирнъ, не дозволяй себѣ никогда слишкомъ заносчиваго слова:
Вѣдь ни одинъ человѣкъ не знаетъ, что въ теченіе сутокъ приключится смертнымъ.
На глазъ опытныхъ людей, въ огнѣ оказывается содержанье серебра и золота,
А въ винѣ обнаруживается вся внутренность человѣка."

Въ формѣ отдѣльныхъ болѣе или менѣе полныхъ изреченій или гномовъ (греч. γνώμη—сужденіе, мысль, мнѣніе, пословица, поговорка) Ѳеогнисъ излагаетъ житейскія истины, даетъ полезные совѣты и наставленія, стараясь водворить добро и уничтожить зло. Элегіи, проникнутыя такимъ нравоучительнымъ характеромъ, назывались *дидактическими*.

Изъ Миннерма: 1. „Что такое жизнь и наслажденіе безъ золотой Афродиты? Лучше умереть, чѣмъ не находить болѣе удовольствія въ золотыхъ дарахъ ея. Скоро проходитъ молодость и настаетъ бѣдственная старость; мы теряемъ красоту и являются злыя заботы, и даже лучъ солнца болѣе насъ не радуетъ. Мальчики насъ избѣгаютъ, дѣвушки насмѣхаются. Такъ тягостно сотворилъ Богъ старость".

Digitized by Google

2.

„Словно какъ нѣжные листья, обильной цвѣтами весною,
Разростаются вмигъ солнечныхъ силой лучей:
Такъ наслаждаемся мы цвѣтущей зрѣлой порою
Очень недолгій лишь срокъ, чужды, какъ боги, скорбей,
Счастью не зная цѣны. А подлѣ—черныя керы:
Старости поздней одна страшной грозитъ тяготой,
Самою смертью—другая. Даръ юности гибнетъ въ той мѣрѣ,
Какъ по землѣ мчится свѣтъ солнечный быстрой волной.
Послѣ-жъ того, какъ конецъ цвѣтущей порѣ той настанетъ,
Лучше скорѣй умереть: жить ужъ не стоитъ труда.
Сколько вѣдь ждетъ насъ потомъ огорченій!—Тутъ, посмотришь, заглянетъ
Въ домъ одному, съ нищетой, плодъ разоренья—нужда;
Горько другому—при мысли въ Аидъ преисподній явиться,
Послѣ себя на землѣ, здѣсь, не оставивъ дѣтей;
Съ жизнь уносящей болѣзнью иному придется сдружиться:
Бѣдствій вѣдь никого Зевсъ не лишитъ изъ людей“.

М. Окиншевичъ.

Провозглашая любовь единственнымъ счастіемъ, главнѣйшею цѣлію всей жизни, Мимнермъ скорбитъ о скоротечности юности и изображаетъ старость источникомъ всѣхъ бѣдствій, когда „смерть можно предпочесть жизни.“ Элегіи, посвященныя любви съ ея горемъ и радостями, извѣстны подъ именемъ *эротическихъ*.

Изъ Симонида Хіосскаго: „На землѣ нѣтъ ничего незыблемаго. Хіосецъ (Гомеръ) высказалъ прекрасную мысль: поколѣнія людей тоже, что поколѣнія листьевъ. Какъ мало смертныхъ, воспринявшихъ эти слова своимъ слухомъ, запечатлѣли ихъ въ своей душѣ! Оттого что надежда живетъ въ каждомъ изъ насъ, надежда, естественно расцвѣтающая въ сердцѣ юношей. Пока смертный обладаетъ прелестнымъ цвѣткомъ юности, умъ его легокъ и рождаетъ множество несбыточныхъ мечтаній. Онъ не страшится ни старости, ни смерти, и, когда здоровъ, не помышляетъ о болѣзни. Безумны тѣ, кто думаетъ такъ, кто не знаетъ, какъ кротковременны для смертныхъ и молодость, и жизнь! Но ты, кому это неизвѣстно, направляйся къ предѣлу жизни, мужественно стараясь дать твоей душѣ насладиться благами добродѣтели.“

Весь отрывокъ дышитъ сильною, искреннею грустью о непрочности всего земнаго, о кратковременности для смертныхъ и молодости, и жизни; лучшее на землѣ для человѣка—наслажденіе благами добродѣтели. Симонидъ особенно прославился *похоронными* элегіями; его элегія въ честь павшихъ при Марафонѣ, въ которой оплакана смерть героевъ, была признана совершеннѣйшею изъ всѣхъ, сложенныхъ по этому поводу его соперниками.

Такимъ образомъ, греческая элегія представляетъ двѣ выдающіяся особенности: во-первыхъ,—со стороны формы—соединеніе гекзаметра съ пентаметромъ въ такъ называемые дистихи или дву-

Digitized by Google

стишія (δίστιχον · δίς—два и στίχος—стихъ) и во—вторыхъ,—въ отношеніи содержанія большое разнообразіе и многосторонность; печальный, грустный тонъ ея, едва замѣтный у древнѣйшихъ элегиковъ, постепенно разростается, такъ что у позднѣйшихъ писателей становится весьма ощутительнымъ. Съ характеромъ стихотворенія, запечатлѣннаго чувствомъ тоски, скорби, грусти, элегія отъ грековъ переходитъ въ искусственную поэзію Римлянъ.

Римская элегія. Замѣчательнѣйшими римскими элегиками выступаютъ Валерій Катуллъ (87—55 до Р. Хр.), Альбій Тибуллъ (54—19 до Р. Хр.), Секстъ Проперцій (48—15 до Р. Хр.) и Овидій Назонъ (23—17 по Р. Хр.). Изъ ста шестнадцати стихотвореній Катулла весьма многія составлены въ духѣ эротическихъ элегій, при чемъ главнымъ образомъ выражается любовь поэта къ Лезбіи или Клодіи. Тибуллу, важнѣйшему римскому элегику, принадлежатъ шестнадцать элегій въ двухъ книгахъ, изъ которыхъ первая—въ десять элегій—на половину посвящена любви Тибулла къ Деліи—Планіи и вторая—въ шесть элегій—имѣетъ господствующей темой его любовь къ Немезидѣ. Проперцій оставилъ послѣ себя четыре книги элегій, гдѣ преимущественно говоритъ о своей любви къ Циптіи—Гостіи. Послѣдняя элегія четвертой книги—„Корнелія къ Павлу“ еще въ древности была признана образцовою и получила названіе „Царицы элегій.“ Овидій—плодовитѣйшій изъ латинскихъ элегиковъ—особенно извѣстенъ своими сочиненіями: „Amores; Tristia“ и „Epistolae ex Ponto.“ Первое—въ трехъ книгахъ—содержитъ въ себѣ сорокъ девять элегій, въ которыхъ поэтъ чаще всего касается своихъ любовныхъ отношеній къ неизвѣстной намъ женщинѣ, выводимой подъ вымышленнымъ именемъ Коринны. „Tristia—скорби“ въ пяти книгахъ числомъ пятьдесятъ—и „Epistolae ex Ponto—посланія съ Понта“ четыре книги въ количествѣ сорока шести—знакомятъ насъ съ жизнію автора, неожиданно сосланнаго Августомъ въ городъ Томы—на сѣверо-западномъ берегу Чернаго моря, на мѣстѣ нынѣшняго Кюстенджи. Наилучшій, болѣе близкій къ смыслу и размѣру подлинника переводъ латинскихъ элегиковъ на русскій языкъ сдѣланъ Фетомъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ этого рода литературныхъ произведеній.

Изъ Катулла—„**Къ самому себѣ.**“ (*).

„Если отрада въ томъ есть, о дѣлахъ своихъ добрыхъ припомнить,
Для человѣка, коль онъ чистымъ считаетъ себя,

*) Поэтъ говоритъ: „ты съ своей стороны, Катуллъ, можешь съ спокойной совѣстью вспоминать о погибшей любви и собственной вѣрности (1—8). Лезбія тебѣ воздала зломъ (9). Поэтому мужайся (—12); это трудно (—14), но необходимо (—16). Помогите и вы мнѣ, о боги, въ столь заслуженномъ освобожденіи (—20) отъ мучительной любви (—22)! Не о ея исправленіи прошу я (—24), а только о собственномъ освобожденіи (26)!

Digitized by Google

Такъ какъ вѣрность храня, ни въ какомъ онъ союзѣ облыжно
Не призывалъ божества, чтобы людей обмануть,
Много отрады, Катуллъ, благочестіемъ долгимъ сготовилъ
Ты изъ этой себѣ неблагодарной любви.
Ибо то доброе все, что люди кому-нибудь могутъ
Сдѣлать, иль только сказать, сдѣлалъ ты все и сказалъ,
Неблагодарной душѣ ты все это ввѣрилъ напрасно.
Ежели такъ, то чего жь дальше крушиться тебѣ?
Что жь не окрѣпнешь душей и оттуда назадъ не вернешься,
А, противъ воли боговъ, хочешь несчастнымъ ты быть?
Трудно отъ долгой любви внезапно тебѣ отрѣшиться.
Трудно; но должно тебѣ какъ нибудь въ этомъ успѣть,
Въ этомъ спасенье одномъ, и съ этимъ ты справиться долженъ:
Такъ поступи и теперь, можешь ли ты или нѣтъ.
Боги, ежели есть у васъ состраданье, коль помощь
Вы подавали инымъ даже и въ смерти самой,
То на меня оглянитесь, и, если я въ жизни былъ чистымъ,
Вырвите эту чуму, эту погибель мою.
Горе мнѣ! Словно какое въ меня онѣмѣнье прокравшись,
Всякую радость мою выгнало вонъ изъ груди.
Я не о томъ ужъ прошу, чтобъ меня она тоже любила
Или, чтобъ быть,—чѣмъ нельзя,—честной рѣшилась она:
Самъ о здоровьи молю, чтобъ сбросить болѣзнь мнѣ лихую.
Боги, я этого жду за благочестье свое."

Изъ Тибулла. (*)

„Безъ меня вы, Мессала! Эгейской волною пойдете,
О еслибъ самъ ты и дворъ твой обо мнѣ вспомянулъ!
Держитъ больнаго меня Феакія въ землѣ незнакомой [3])
Жадныя руки свои, черная смерть, удержи!
Удержи ихъ, прошу, смерть мрачная! Матери нѣтъ здѣсь,
Чтобъ сгорѣвшія ей кости въ одежду собрать,
Нѣтъ и сестры, Ассирійскихъ налить благовоній на пепелъ,
И предъ могилой моей плакать, власы распустя;
Дѣли нѣтъ, что когда изъ столицы меня отпускала,
Мнѣ говорятъ, передъ тѣмъ всѣхъ вопрошала боговъ.
Трижды она вынимала у мальчика жребій священный [11])

---

*) Уступая настойчивому желанію своего покровителя Мессалы и иныхъ друзей, Тибуллъ отправился въ восточный походъ, грустя по оставленной возлюбленной. На пути, сильно заболѣвъ, въ Корфу, онъ вынужденъ былъ тамъ остаться. Все это высказано въ настоящей элегіи, которая ярко освѣщаетъ задушевную жизнь поэта.

3) Феакія, Согсуга (Корфу). 11) Жребіи судьбы были таблички, исписанныя загадочными изреченіями, положенныя въ урну; и гадающій, для большей вѣрности, самъ вынималъ таблички до трехъ разъ. Во время Тибулла, гаданіе было въ Римѣ распространено и мальчики, съ подобными урнами, сидѣли на перекресткахъ и у дверей храмовъ.

Digitized by Google

И изъ трехъ подавалъ мальчикъ ей все по добру:
Всѣ обѣщали возвратъ; но ничѣмъ съ нея страхъ не снимался,
Чтобъ безъ рыданій она путь нашъ могла отвергать.
Самъ утѣшитель то я, когда приказанья ужъ отдалъ,
Все томясь до конца позднихъ препятствій искалъ.
Или боялся я птицъ, или предвѣщаніемъ грознымъ
День Сатурна святой выѣздъ задерживалъ мнѣ. [18])
О, какъ часто, совсѣмъ пускаяся въ путь, находилъ я
Знакомъ печальнымъ, что я ногу зашибъ въ воротахъ! [20])
Пусть не дерзаетъ никто уходить противъ воли Амура,
Или пусть знаетъ, что онъ богу идетъ вопреки.
Что-жь нынѣ, Делія, мнѣ отъ твоей Изиды за польза, [23])
Или отъ мѣди, что ты столько рукою трясла! [24])
Нынѣ, богиня! Ты мнѣ помоги,—что можешь лѣчить ты,
Много объ этомъ картинъ въ храмахъ вѣщаютъ твоихъ,
Чтобъ моя Делія въ тѣ, по обѣтамъ завѣтныя, ночи
Возсѣдала въ холстѣ передъ святыми дверьми [30])
И, волоса распустя, тебя въ день дважды должна бы
Славить, замѣтна одна между Фаросской толпой, [32])
Мнѣ же да будетъ дано привѣтствовать отчихъ Пенатовъ
И ежемѣсячно жечь ладонъ предъ Ларомъ роднымъ.
Какъ жилось хорошо въ Сатурново царство, покуда
Дальнимъ повсюду путямъ не раскрывалась земля!
Не нисходила еще сосна на лазурныя волны [37])
И, распустя паруса, не предавалась вѣтрамъ,
И бродящій пловецъ, ища въ земляхъ неизвѣстныхъ
Выгоды, не загружалъ чуждымъ товаромъ челна.
Въ тѣ времена еще волъ могучій въ ярмо не впрягался,
И удилъ не жевалъ ртомъ покорившимся конь.
Не было двери въ домахъ и не былъ поставленъ средь поля
Камень, чтобы означать грань неизмѣнную нивъ.

---

18) День, посвященный Сатурну (суббота), былъ назначенъ днемъ выѣзда. 20) Въ городскихъ воротахъ. Зашибить ногу въ началѣ пути считалось дурнымъ знакомъ. 23) Культъ Египетской Изиды широко распространялся въ Римѣ, не взирая даже на полицейскія мѣры. Изида считалась исцѣлительницей недуговъ, и больной поэтъ спрашиваетъ Делію, почему ея Изида ему не помогаетъ. 24) Подъ *мѣдью* разумѣется здѣсь металлическій инструментъ, употреблявшійся при богослуженіи Изидѣ. Это была мѣдная пластанка, снабженная ручкой и окруженная подвижными мѣдными палочками, которыя при сотрясеніи извлекали изъ дощечки пріятные звуки. Потрясать подобнымъ систромъ значило служить Изидѣ. 30) Въ холстѣ, какъ того требовалъ египетскій обрядъ, считавшій одежду изъ шерсти животныхъ нечистою, такъ что Ювеналъ прямо говоритъ о жрецахъ и жрицахъ Изиды (Сат. 6, 533): „Кто окруженный толпой въ холщевомъ и толпою плѣшивой“. 32) Толпу эту Тибуллъ по египетскому острову Фаросу, близъ Александріи, прямо называетъ Фаросской 37) Сосна какъ матеріалъ корабля.

Digitized by Google

Меду сами дубы давали и встрѣчныя овцы
Къ беззаботнымъ несли прямо сосцы съ молокомъ.
Ни преступленій, ни войнъ, ни гнѣва не знали; съ искусствомъ
Немилосердымъ мечей злобный кузнецъ не ковалъ.
Нынѣ подъ властью Зевеса убійства и раны всечасно,
Нынѣ моря, нынѣ въ смерть тысяча быстрыхъ путей.
О помилуй отецъ! Хоть боюсь я, мнѣ страшны не клятвы
Лживыя и не хулы противъ священныхъ боговъ.
Если-жь урочные я успѣлъ уже годы исполнить,
Пусть на останкахъ моихъ надписью камень гласитъ:
„Здѣсь почиваетъ Тибуллъ, свирѣпой похищенный смертью,
Какъ за Мессаллою онъ шелъ по землѣ и моремъ".
Но какъ нѣжному я всегда былъ послушонъ Амуру,
То и въ Элизій меня лично Венера сведетъ.
Вѣчные тутъ хороводы и пѣсни и, всюду порхая,
Птицы изъ крошечныхъ горлъ нѣжнымъ напѣвомъ звучатъ,
Дикое поле само приноситъ корицу, и нивы
Всѣ благосклонной земли въ розахъ душистыхъ цвѣтутъ;
Юношей сонмы притомъ съ дѣвицами нѣжными вмѣстѣ
Игры ведутъ, и всегда сѣетъ раздоры Амуръ.
Тамъ пребываетъ, кого влюбленнаго смерть похищаетъ,
И замѣтны вѣнкомъ миртовымъ кудри его.
А преступныхъ обитель лежитъ, покрыта глубокимъ
Мракомъ ночи; вокругъ черныя рѣки шумятъ;
Тизифона власы—о ужасъ!—увивши змѣями [69])
Злыми, грозна, и бѣжитъ врозь нечестивцевъ толпа;
Тутъ змѣями, свои назадъ обратившими пасти,
Черный Церберъ, шипя, въ мѣдныхъ лежитъ воротахъ [72]).
Здѣсь, Юнону въ соблазнъ дерзнувшаго звать, Иксіона [73])
Члены преступные всѣ быстро вертитъ колесо,
И по землѣ распростертый на девяти десятинахъ
Титій утробой своей черной питаетъ тутъ птицъ [76]).
Тамъ и Танталъ и вкругъ его озеро; но лишь сберется [77])
Вотъ, вотъ пить онъ, волна жажды томящей бѣжитъ,
И Даная семья, оскорбившая святость Венеры [79]),

---

69) Тизифона, какъ фурія, здѣсь представительница двухъ своихъ сестеръ Алекто и Мегеры. 72) Крѣпкія и мѣдныя ворота ада вдобавокъ охраняетъ Церберъ, чтобы нечестивые не могли убѣжать. 73) Первымъ является на колесѣ пытки Иксіонъ, дерзнувшій обнять Юнону; 76) Затѣмъ Титій, наказуемый за такую же дерзость противъ Латоны. (Горац. III, Од. 4, 77):

„И печень Титія наврядъ
„Оставятъ коршуны въ покоѣ".

(Смотри Одис. Жук. XI, 576). 77) Одис. Жук. XI, 582. 79) Пятьдесятъ Данаидъ, убившихъ въ первую ночь, по приказанію отца своего, Египетскаго царя Бела, своихъ жениховъ и осужденныхъ въ Тартарѣ наливать бездонную бочку.

Digitized by Google

Въ бочки пустыя во вѣкъ воду Летейскую льетъ.
Пусть тамъ будутъ всѣ тѣ, что любви моей помѣшали
И пожелали, чтобъ я долго служилъ на войнѣ,
Ты-жъ оставайся вѣрна, я прошу, и стыдливости чистой
Стражемъ пускай при тебѣ вѣчно старуха сидитъ.
Сказки тебѣ пусть она говоритъ и, придвинувъ лампаду,
Изъ намыки большой долгія нити прядетъ,
А близъ нея служанка, засѣвъ за тяжелымъ урокомъ,
Сномъ понемногу томясь, дѣло упуститъ свое.
Тутъ появился бъ я вдругъ, чтобъ никто не докладывалъ прежде,
А показалось бы, что съ неба я посланъ тебѣ.
Тутъ ты, какой ни на есть, въ волосахъ безпорядочно длинныхъ,
Мнѣ навстрѣчу бѣги, Делія!—хоть босикомъ.
Этого только прошу, чтобъ день этотъ свѣтлый Аврора,
Возсіявъ, принесла намъ на румяныхъ коняхъ.“

Изъ Проперція: „Корнелія къ Павлу“ *).

„Павлъ, перестань отягчать слезами мою ты могилу,
Вскрыть никакою мольбой черныхъ дверей не дано.
Разъ какъ только вступилъ погребенный въ подземное царство,
Неумолимая сталь всѣ запираетъ пути.
Пусть мольбы твои богъ и услышитъ во мрачномъ чертогѣ,
Все-таки слезы твои выпьетъ тотъ берегъ глухой.
Трогаютъ вышнихъ мольбы; но приметъ лишь деньги паромщикъ,
Тѣни съ костровъ за собой блѣдная дверь заключитъ.
Такъ-то печальныя трубы звучали, какъ голову снизу
Мнѣ, поджигая, съ одра факелъ враждебный совлекъ.
Чѣмъ мнѣ тутъ помогло супружество съ Павломъ, чѣмъ предковъ
Колесницы? Или славы залоги моей?
Были ли Парки ко мнѣ, Корнеліи, мепѣе злобны?
Вотъ же я то, что пятью пальцами можно поднять.

---

*) Корнелія, дочь консулара Сципіона и Скрибоніи, второй супруги Августа. II. Корнелія была въ 738 отъ осн. Р. похищена смертью у супруга своего, бывшаго консула и цензора Л. Эмилія Павла Лепида. Несравненное стихотвореніе это, представляющее рѣчь Корнеліи, произносимую передъ судейскимъ кресломъ подземнаго царства, отчасти съ обращеніемъ къ подземнымъ судьямъ и окружающимъ ихъ свидѣтелямъ, отчасти къ покинутому супругу и осиротѣвшимъ дѣтямъ, по справедливости называется „царицею элегій“, ибо ни одно изо всѣхъ, дошедшихъ до насъ древнихъ стихотвореній этого рода, не выставляетъ женской добродѣтели и душевнаго благородства съ такою возвышенностью и такъ трогательно, какъ эта элегія, которую нельзя читать безъ душевнаго волненія. 5. Богъ—Плутонъ. 7. Паромщикъ—Харонъ. 8. Блѣдная дверь, вмѣсто смертная. Блѣдно-желтый цвѣтъ мертвеца. 10. Надо подразумѣвать, что деревянный одръ, принесшій тѣло, поставленъ на костеръ, и факелъ, поджигая его, заставляетъ вмѣстѣ покатиться и голову покойницы. 14. Прахъ мой легко поднять одною рукою.

Digitized by Google

Клятыя ночи, и вы, озера съ теченьемъ лѣнивымъ,
Вся и волна, что кругомъ ноги объемлетъ мои,
Хоть преждевременно я вступила сюда невиновна,
Тѣни моей да воздастъ судъ благосклонный отецъ.
Если-жъ близъ урны судьей Эакъ тутъ какой возсѣдаетъ,
Жребій сперва получа, кости пусть судитъ мои.
Пусть возсѣдаетъ и братъ къ миносскому креслу поближе,
И со вниманьемъ большимъ хоръ предстоитъ Эвменидъ.
Грузъ свой оставь ты, Сизифъ; уймись колесо Иксіона;
Влаги обманчивой пусть Танталъ успѣетъ схватить.
Пусть сегодня Церберъ ни на чьи не кидается тѣни,
И съ негремящимъ замкомъ цѣпь распростерта лежитъ.
Буду сама за себя говорить: коль солгу, въ наказанье
Скорбная урна сестеръ пусть мнѣ плеча тяготитъ.
Ежели слава кого украшала трофеями предковъ,
Нумантійскихъ дѣдовъ Африка мнѣ назоветъ.
Имъ подстать и еще толпа материнскихъ Либоновъ,
И поддержанъ своимъ каждый отличіемъ домъ.
Тутъ какъ претекста уже уступила факеламъ брачнымъ,
И ужъ повязкой иной волосъ былъ влажный увитъ:
Павлъ, я съ ложемъ твоимъ сочеталась, чтобъ такъ лишь разстаться.
Пусть этотъ камень гласитъ: мужъ у меня былъ одинъ.
Прахомъ предковъ клянусь, предъ которымъ ты, Римъ, преклоняйся,
Африка, павъ къ ихъ ногамъ, съ бритой лежитъ головой;
Тѣмъ, кто Персея, на видъ подражавшаго предку Ахиллу,
И Ахилломъ своимъ чванный ихъ домъ сокрушилъ,
Что не смягчала никакъ для себя я закона цензуры,
И ни единымъ пятномъ ларъ не стыдила у насъ.
Не повредила такимъ Корнелія пышнымъ трофеямъ,
Нѣтъ, и въ великой семьѣ я образцовой была.

---

15. Клятыя ночи—подземнаго царства, ненавистныя для живыхъ. 18. Отецъ, самъ Плутонъ. 21. Миносъ, равно какъ и Эакъ—имена подземныхъ судей, а подъ словомъ братъ разумѣется Радамантъ, братъ Миноса, тоже подземный судья. 23. Сизифъ, вскатывающій камень на гору, долженъ, подобно другимъ адскимъ страдальцамъ, прервать свои мученія на время самозащиты Корнеліи. 28. Урна сестеръ—Данаидъ. 30) Сципіонъ Африканскій Младшій, разрушитель Нуманціи, города въ Испаніи, былъ въ числѣ предковъ Корнеліи. 31) Прозваніе Либоновъ было дополнительнымъ въ одномъ изъ славнѣйшихъ и почетнѣйшихъ въ Римѣ родовъ Скрибоніевъ, отъ котораго Корнелія происходила по матери. 33) Римскія дѣвы знатнаго рода до дня бракосочетанія носили такъ-называемую претексту, платье, окаймленное пурпуромъ. 34) Повязкой иной, то-есть, брачною вмѣсто дѣвственною. 35) Чтобъ такъ лишь, то-есть, не иначе какъ разлученная смертью. 38) Между трофеями предковъ Корнеліи находилась и побѣжденная Африка, олицетворенная въ образѣ женщины съ обритыми волосами и въ оковахъ, какъ это можно еще поднесь видѣть на древнихъ монетахъ и каменныхъ барельефахъ. 39) Персей, послѣдній царь македонскій, произво-

Digitized by Google

Жизнь не мѣнялась моя: вся она до конца безупречна,
Прожили въ славѣ добра между двухъ факеловъ мы.
Мнѣ природа дала по крови прямые законы:
Чтобъ изъ-за страха судьи лучшей я быть не могла.
Какъ бы строго меня ни судили таблички изъ урны,
Хуже не стать ни одной, что просидѣла со мной.
Ни тебѣ, что смогла канатомъ снять съ мѣста Цибелу,
Клавдія, рѣдкая ты жрица богини въ зубцахъ;
Ни тебѣ, для кого, какъ Веста огонь свой спросила,
Бѣлое вдругъ полотно вновь оживило очагъ.
Милой твоей головы я, Скрибонія мать, не срамила.
Что жь ты желала-бъ во мнѣ кромѣ судьбы измѣнить?
Материнскими я и согражданъ слезами хвалима,
Цезаря вздохи моимъ лучшей защитой костямъ.
Онъ вопіетъ, что была его дочери кровной достойна
Жизнью сестра; и при всѣхъ слезы у бога текли.
Все же почетную я себѣ заслужила одежду,
Не изъ безплоднаго я дома изъята судьбой.
Ты, мой Лепидъ, и ты, Павлъ, моя и по смерти отрада,
Даже смежились мои очи на вашей груди.
Дважды видѣла я на курульномъ креслѣ и брата;
Только онъ консуломъ сталъ, тутъ умчало сестру.
Дочь, ты была рождена образцомъ цензуры отцовской,

дившій свой родъ отъ Ахилла, старался видомъ отваги подражать своему предку, но, побѣжденный Л. Эмиліемъ Павломъ, палъ послѣднимъ представителемъ всего царскаго дома, гордившагося происхожденіемъ отъ Ахилла. Вотъ этимъ-то Л. Эмиліемъ Павломъ и клянется Корнелія, которая въ родствѣ не только съ нимъ по мужу своему, но и съ самимъ Сципіономъ Африканскимъ Старшимъ, у котораго супруга была изъ рода Эмиліевъ, говоря, что, будучи замужемъ за цензоромъ, она поведеніемъ своимъ не давала повода къ смягченію законовъ цензуры нравовъ. 46) Между двухъ факеловъ, брачнымъ и смертнымъ. 51) Весталка Клавдія Квинта, дочь Аппія Клавдія Слѣпого, навлекла на себя подозрѣніе въ нарушеніи законовъ непорочности и должна была въ качествѣ жрицы Весты быть подвергнута смертной казни. Она доказала свою невинность тѣмъ, что корабль, на которомъ во вторую пуническую войну была привезена статуя Цибелы изъ Фригіи и который никакими усиліями не могъ быть стронутъ съ мѣста противъ теченія Тибра, смогла одна стронуть и благополучно привести въ Римъ за привязанный къ нему ея поясъ. 52) Рѣдкая ты жрица богиня въ зубцахъ. Такъ рѣшились мы перевести слова turritae deae, собственно-башненосной богини, то-есть въ вѣнкѣ изъ башенныхъ зубцовъ. 53) Ни тебѣ (подразумѣвается: хуже не стать), Весталка Эмилія, родственница Корнеліи, допустила, что огонь Весты потухъ. Она бросила свое покрывало на священный алтарь, и пламя снова вспыхнуло. 59) Его дочери кровной—Юліи. 61) Толкователи говорятъ о почетной одеждѣ, выдававшейся плодовитымъ женщинамъ. 63) Лепидъ и Павлъ—сыновья Корнеліи кромѣ дочери, поминаемой въ ст. 67. 65) Украшенное рѣзьбой изъ слоновой кости курульное кресло было принадлежностью трехъ высшихъ государственныхъ сановниковъ: консула, претора и

Digitized by Google

Мнѣ подражая, держись мужа на вѣкъ одного.
Поддержите свой родъ потомствомъ; отвязывать рада
Я челнокъ, чтобы золъ не умножала судьба.
Женскаго высшая въ томъ состоитъ награда тріумфа,
Если свободно молва хвалитъ потухшій костеръ.
Нынѣ тебѣ, какъ залогъ я общій, дѣтей поручаю.
Эта забота о нихъ дышетъ и въ пеплѣ моемъ.
Матери долгъ исполняй ты, отецъ; всю мнѣ дорогую
Эту толпу выносить шеѣ придется твоей.
Плачущихъ станешь ли ихъ цѣловать, поцѣлуй и за матерь.
Сталъ отнынѣ весь домъ бременемъ нынѣ твоимъ.
Если сгрустнется тебѣ, когда ихъ при этомъ не будетъ,
Только войдутъ, обними, щеки отерши, цѣлуй.
Будетъ съ тебя и ночей, чтобъ, Павлъ, обо мнѣ сокрушаться,
Чтобъ въ сновидѣніяхъ ты часто мой ликъ признавалъ.
И когда говорить ты начнешь съ моимъ призракомъ тайно,
Какъ бы отвѣтовъ моихъ каждому слову ты жди.
Если однако же дверь перемѣнитъ напротивъ постелю,
И на ложе мое мачиха робко придетъ,
Дѣти, сносите тогда и хвалите бракъ вы отцовскій,
Вашей плѣнясь добротой, руку она вамъ подастъ,
И не хвалите вы мать чрезмѣрно: сравненная съ первой,
Приметъ въ обиду себѣ вольное слово она.
Если-жь останется онъ, мою лишь тѣнь вспоминая,
И на столько еще прахъ мой онъ будетъ цѣнить,
То научитесь сейчасъ облегчать грядущую старость,
Чтобъ ко вдовцу у заботъ не было вовсе путей.
Что у меня отнято, пусть къ вашимъ прибавится годамъ,
Изъ-за дѣтей моихъ пусть Павлъ будетъ старости радъ.
Пусть хорошо ему жить; какъ мать, я утраты не знала.
Вся ватага пошла слѣдомъ моихъ похоронъ.
Я защитила себя! Въ слезахъ вы, свидѣтели, встаньте,
Какъ благодарна за жизнь плату земля воздаетъ!
Нравы и въ небо введутъ: пусть буду я стоить заслугой,
Чтобы вознесся мой духъ къ предкамъ своимъ въ торжествѣ".

Изъ „Tristia" Овидія:

III.

„Какъ начнетъ возникать печальнѣйшій образъ той ночи,
Что послѣднимъ моимъ срокомъ въ столицѣ была,

эдила. 70) Я охотно вступаю въ челнъ Харона, отправляясь на тотъ свѣтъ, чтобъ избавиться отъ новыхъ несчастій въ жизни, о которыхъ Корнелія говоритъ вскользь, не желая упрекать Августа въ расторженіи брака съ матерью Корнеліи Скрибоніей. 85) Брачная постель стояла въ атріумѣ противъ двери. Перемѣнить постель значитъ вступить въ новый бракъ. 99) Присутствующіе на судѣ вставали при произнесеніи приговора. 100) Земля похвальнымъ отзывомъ награждаетъ благочестивую жизнь и

Digitized by Google

Какъ представляю я ночь, въ коей милаго столько оставилъ,
То и понынѣ изъ глазъ слезы текутъ у меня.
Ужъ приближался и день, въ который приказывалъ Цезарь
Отъ границы отбыть крайней Авзоніи мнѣ.
Времени не было и присутствія духа собраться.
Долгою медленностью грудь цѣпенѣла моя.
Не было ни рабовъ, ни спутниковъ брать я не думалъ,
Ни подходящихъ одеждъ ссыльному или казны.
Остолбенѣлъ я, какъ тотъ, что, огнемъ пораженный Зевеса,
Живъ и жизни своей самъ не способенъ сознать.
Но какъ самая боль туманъ съ души удалила,
И мой смыслъ наконецъ здравымъ содѣлался вновь,
Заговорилъ напослѣдъ я печальнымъ друзьямъ предъ уходомъ,
Коихъ изъ многихъ уже стало одинъ да другой.
Плачущаго жена, еще плача сильнѣй, обнимала
Любящая, и лился дождь съ неповинныхъ ланитъ;
Дочь была вдалекѣ, къ берегамъ отлучившись Либійскимъ,
И о судьбинѣ моей вѣрнаго знать не могла.
На кого ни взгляни, только плачъ раздавался да вздохи,
И немолчный въ дому образъ предсталъ похоронъ.
Женщина, мужъ и рабы надъ моимъ погребеніемъ плачутъ,
И во всякомъ углу дома обиліе слезъ.
Ежели въ маломъ примѣръ приводить прилично съ большаго,
Трои это былъ видъ, какъ забирали ее.
Уже умолкли людей и собакъ голоса, и ночными
Управляла въ выси неба конями луна.
На нее посмотрѣвъ и затѣмъ Капитолій увидя,
Что вотще къ моему дому такъ близко стоялъ:
„Божества, я воззвалъ, живущія въ зданьяхъ сосѣднихъ,
Храмы которыхъ моимъ вѣкъ не увидѣть глазамъ,
Боги, мнѣ васъ покидать, которыхъ высокій Квирина
Городъ хранитъ, навсегда мой воспримите привѣтъ!
И хотя я берусь за щитъ послѣ раны и поздно,
Съ этого бѣгства межъ тѣмъ злобы сложите вы грузъ;
Мужу небесному вы скажите, въ какую ошибку
Впалъ я, чтобы вину онъ преступленьемъ не счелъ.
Чтобы извѣстное вамъ узналъ наказанье создатель,
Богомъ помилованъ, быть я не несчастнымъ могу“.
Эту мольбу возсылалъ я богамъ, а больше супруга,
И рыданія ей звукъ прерывали рѣчей.
Передъ ларами тожь распустя волоса она пала,
И потухшій очагъ съ дрожью лобзали уста;

сопоставлена съ небомъ, представляющимъ дальнѣйшую награду. III, 19, дочь Овидія вѣроятно, отъ второй супруги, уѣхала съ супругомъ въ Африку. 33) Ромулъ по смерти своей сталъ почитаемъ подъ именемъ Квирина. 37) Мужу небесному, Августу. 44) И,

Digitized by Google

Много къ пенатамъ она отвернувшимся словъ расточила
Тѣхъ, что оплаканному мужу помочь не могли.
Уже и ночь, торопясь, отрицала возможность задержки,
Съ полюса прочь своего сшелъ Парразійскій медвѣдь.
Что жь я могъ дѣлать? Я былъ любовью къ отчизнѣ задержанъ;
Эта жь указной была ссылки послѣдняя ночь.
О! какъ часто твердилъ торопящемуся: „что ты гонишь?
Хоть куда ты спѣшишь или откуда взгляни!“
О! какъ часто я лгалъ предъ собою, что вѣрно намѣтилъ
Часъ, предназначенному благопріятный пути.
Трижды ступалъ на порогъ, и трижды меня отзывала
И замедлялась сама, сердцу покорна, нога.
Часто сказавши прости, говорилъ я многое снова,
И какъ бы уходя на послѣдяхъ цѣловалъ.
Часто приказывалъ тожь и себя обманывалъ самъ же,
Какъ на залоги глядѣлъ милые взорамъ моимъ.
И наконецъ: „что спѣшу? вѣдь въ Скиѳію шлютъ, я воскликнулъ:
Римъ покидать надлежитъ; медлить законно вдвойнѣ.
Заживо самъ я живой супруги лишаюсь навѣки,
Дома и въ вѣрномъ дому членовъ столь сладостныхъ мнѣ,
И товарищей, что любилъ я съ чувствами брата,
О вы сердца, что ко мнѣ вѣрность Тезея влекла!
Обниму васъ, пока возможно, и снова быть можетъ
Будетъ нельзя; каждый часъ, что мнѣ дается,—барышъ.“
Медлить нельзя, я слова прерываю неконченной рѣчи,
Все обнимая, что такъ близко душѣ для меня.
Я пока говорилъ, и мы плакали, въ небѣ высокомъ
Ярко сіяя взошелъ Люциферъ мнѣ роковой.
Отрываюся я, какъ бы члены свои оставляя,
И казалось, что часть тѣла рвалась отъ него.
Меттъ подобно страдалъ, когда, отвратясь другъ отъ друга,
За предательство мстить начали кони ему.
Тутъ у моихъ наконецъ поднялись восклицанья и вздохи,
И въ обнаженную грудь руки забили въ тоскѣ.
Вотъ и супруга, прильнувъ къ плечамъ уходящаго, эти
Грустныя рѣчи къ моимъ такъ примѣшала слезамъ:
„Вырванъ не можешь ты быть; мы вмѣстѣ отправимся, вмѣстѣ
Я за тобой, и женой ссыльнаго ссыльной мнѣ быть.

потухшій очагъ; изгнанникамъ на родинѣ отказывалось въ огнѣ и водѣ. 48) Парразійскій медвѣдь, Большая Медвѣдица. 66) Тезей, коего дружба съ Пиритоемъ вошла въ пословицу. 72) Люциферъ—утренняя звѣзда. 75) Меттъ или Меттій Фуффетій, предводитель Албанцевъ, былъ въ качествѣ союзника призванъ на помощь Тулломъ Гостиліемъ противъ Фиденцевъ, но перешелъ на сторону врага. Тѣмъ не менѣе Туллъ побѣдилъ и, взявши Меттія въ плѣнъ, приказалъ привязать его руки и ноги къ двумъ врозь обращеннымъ колесницамъ и такимъ образомъ разорвать его.

Digitized by Google

И для меня этотъ путь и меня край свѣта воспримetъ;
Бременемъ малымъ вступлю я на бѣгущій корабль.
Цезаря гнѣвъ уходить тебѣ велитъ изъ отчизны,
Преданность—мнѣ; и моимъ Цезаремъ преданность будь."
Такъ убѣждала она, какъ убѣждала и прежде,
И опустила едва руки, нуждѣ покорясь.
Я выхожу, или то погребеніе было безъ трупа,
Неопрятный спустивъ космы на сумрачный ликъ.
Та же безъ чувствъ, говорятъ, отъ горя не взвидѣвши свѣта,
Полуживой посреди дома повернулася ницъ;
Только очнулась она въ волосахъ испачканныхъ грязнымъ
Прахомъ и подняла хладные члены съ земли,
То, говорятъ, о себѣ, то о сирыхъ стонала пенатахъ,
Имя исторгнутаго мужа взывая не разъ,
И не меньше она стонала, какъ если бъ дочерній
Трупъ увидала и мой на возведенномъ кострѣ,
И порывалась она умереть и въ смерти забыться,
Но не погибла межь тѣмъ, изъ сожалѣнья ко мнѣ.
Да живетъ! и вдали—если такъ судьба повелѣла—
Да живетъ, мнѣ своей помощью жизнь облегчать".

Изъ „Epistolae ex Ponto:"

„Здорово, добрый другъ! здорово, консулъ новый!
Я знаю, въ пурпурѣ, и съ консульскимъ жезломъ,
И въ сонмѣ ликторовъ, покинулъ ты свой домъ,
И въ храмъ Юпитера течешь теперь, готовый
Пролить предъ алтаремъ дымящуюся кровь..,
Увѣренъ, что купилъ народную любовь,
Взираешь ты, какъ чернь бросается толпами
На жареныхъ быковъ съ злаченными рогами...
Но если вдругъ тебѣ твой рабъ письмо вручитъ,
Начертанное здѣсь изгнанника рукою,—
Какъ встрѣтишь ты его? чѣмъ взоръ твой заблеститъ?
Кивнешь ли вѣстнику привѣтно головою,
Иль кинешь гнѣвный взоръ дрожащему рабу?
Что-бъ ни было, ты все стоишь передо мною,
Какъ прежній добрый другъ—и я кляну судьбу,
Стократъ ее кляну, что разлученъ съ тобою,
Что нѣтъ на торжествѣ твоемъ моихъ даровъ,
Что мнѣ не суждено съ сверкающимъ фалерномъ
Подняться со скамьи, и голосомъ невѣрнымъ,
Отъ чувства полноты, прочесть тебѣ стиховъ!
Увы! мнѣ самый стихъ латинскій измѣняетъ!
Ужъ мысль моя двойной одеждой щеголяетъ...
Уже Авзоніи блестящіе цвѣты
Блѣднѣютъ предо мной, а мирная долина,
Пустынные брега шумящаго Эвксина

Digitized by Google

Да быта скиѳскаго суровыя черты
Мнѣ кажутся вѣнцомъ высокой красоты!
А пѣсни дикарей!... Межъ скиѳовъ, въ ихъ пустынѣ,
Я самъ сталъ полу-скиѳъ. Повѣришь ли, я нынѣ
Ихъ дикимъ языкомъ владѣю какъ своимъ!
Я пріучилъ его къ себѣ какъ звѣря. Имъ
Я властвую: въ ярмо онъ выю преклоняетъ,
Я правлю, онъ звучитъ и мѣрный стихъ слагаетъ.
Пойми меня, мой другъ, пойми! Мой грубый стихъ
Не втунѣ ужъ звучитъ среди пустынь нагихъ,
А принятъ, повторенъ и понятъ человѣкомъ!
И скиѳы дикіе, подобно древнимъ грекамъ,
Съ улыбкою зовутъ меня своимъ пѣвцомъ!
Поэму я сложилъ ихъ варварскимъ стихомъ;
Для нихъ впервые я воспѣлъ величье Рима,
И все, съ чѣмъ мысль моя во-вѣкъ неразлучима...
О дивномъ Августѣ звучала пѣснь моя...
Я пѣлъ Германика, имъ Друза славилъ я;
И пѣлъ, какъ, побѣдивъ батавовъ и тевтоновъ,
Они вступали въ Римъ, и плѣнные цари,
Окованные, шли средь римскихъ легіоновъ,
И сыпались цвѣты, дымились алтари,
И Августъ ихъ встрѣчалъ, подобный полубогу,
И слезы лилъ тайкомъ на праздничную тогу....
Еще не кончилъ я, а эти дикари
Сверкали взорами, колчаны потрясали
И, изумленные, въ восторгѣ повторяли:
„Ты славишь Августа—зачѣмъ же ты не съ нимъ?“
То скиѳы говорятъ,—а вотъ семь лѣтъ ужъ нынѣ,
Какъ, всѣми позабытъ, томлюся я въ пустынѣ“...

А. Майковъ.

Со стороны построенія стиха, представляющаго соединеніе гекзаметра съ пентаметромъ въ элегическія двустишія, данные образцы, равно какъ и вообще римскія элегіи, вполнѣ соотвѣтствуютъ таковымъ же сочиненіямъ греческимъ, но по содержанію, болѣе всего направленному къ изображенію любви со всевозможными ея послѣдствіями, и по тоскливому, грустному тону, проникающему съ начала и до конца почти каждое подобное стихотвореніе, они значительно отступаютъ отъ своихъ разнообразныхъ въ этомъ отношеніи греческихъ предшественницъ. Слѣдовательно, *сущность римской элегіи состоитъ въ воспроизведеніи элегическимъ размѣромъ грустнаго настроенія поэта, вызваннаго въ послѣднемъ большею частію чувствомъ любви.*

Ложно-классическая элегія. Характеръ жалобнаго любовнаго стихотворенія, сообщенный элегіи римскими поэтами, надолго

Digitized by Google

утвердился за нею. Гораздо позднѣе— въ XVII вѣкѣ французскій теоретикъ Буало́ въ своемъ знаменитомъ „L'art poëtique“ возвелъ его даже на степень обязательнаго закона. Сюда относятся слѣдующіе стихи этого писателя:

„Плачевная элегія, во длинныхъ платьяхъ траура,
При волосахъ распущенныхъ, стонъ надъ гробницей вѣдаетъ.
Она рисуетъ любящихъ веселье и кручинушку;
Ласкаетъ нѣжно, гнѣваетъ, грозитъ, смиряетъ милую;
Но, хорошо чтобъ выразить причуды тѣ счастливыя,
Немного чтобъ поэтомъ быть, сперва влюбиться слѣдуетъ.“

Элегія у новыхъ поэтовъ. Только въ новѣйшее время подъ перомъ такихъ геніальныхъ и талантливыхъ поэтовъ, каковы Грей (1716—1772) въ Англіи, Гёте (1749—1832) въ Германіи, Жуковскій, Пушкинъ, Козловъ, Лермонтовъ въ Россіи, элегія снова получила истинное направленіе. Таковы, напр. слѣдующія стихотворенія:

„Опять ты здѣсь, мой благодатный Геній“.
(Гёте).

„Опять ты здѣсь, мой благодатный Геній,
Воздушная подруга юныхъ дней;
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній
Тѣснишься ты, Мечта, въ душѣ моей.
Приди жъ, о другъ! дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнію повѣй,
Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкаго вкусить воспоминанья.
Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала—
И много милыхъ тѣней возстаетъ;
И то, чѣмъ жизнь столь нѣкогда плѣняла,
Что рокъ, отнявъ, назадъ не отдаетъ,
То все опять душа моя узнала;
Проснулась скорбь, и жалоба зоветъ
Сопутниковъ, съ пути сошедшихъ прежде
И здѣсь вотще повѣрившихъ надеждѣ.
Къ нимъ не дойдутъ послѣдней пѣсни звуки;
Разсѣянъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ простертыя къ нимъ руки;
Прекрасный сонъ ихъ жизни улетѣлъ.
Другихъ умчалъ могущій Духъ разлуки:
Счастливый край, ихъ знавшій, опустѣлъ;
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра—
Не имъ поетъ задумчивая лира.
И снова въ томномъ сердцѣ воскресаетъ
Стремленье въ оный таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ генія полетъ;

Digitized by Google

И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ:
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ;
Отжившее, какъ прежде, оживленнымъ".

Жуковскій.

„Сельское кладбище".

(Грей).

„Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ, задумавшись, въ шалашъ спокойный свой.
Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сонъ;
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ.
Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ сводомъ
Той башни, сѣтуетъ, внимаема луной,
На возмутившаго полуночнымъ приходомъ
Ея безмолвнаго владычества покой.
Подъ кровомъ черныхъ сосенъ и вязовъ наклоненныхъ,
Которые окрестъ, развѣсившись, стоятъ,
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ
Навѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спятъ.
Денницы тихій гласъ, дня юнаго дыханье,
Ни крики пѣтуха, ни звучный гулъ роговъ,
Ни ранней ласточки на кровлѣ щебетанье—
Ничто не вызоветъ почившихъ изъ гробовъ.
На дымномъ очагѣ трескучій огнь, сверкая,
Ихъ въ зимни вечера не будетъ веселить,
И дѣти рѣзвыя, встрѣчать ихъ выбѣгая,
Не будутъ съ жадностью лобзаній ихъ ловить.
Какъ часто ихъ серпы златую ниву жали,
И плугъ ихъ побѣждалъ упорныя поля!
Какъ часто ихъ сѣкиръ дубравы трепетали,
И потомъ ихъ лица кропилася земля!
Пускай рабы суетъ ихъ жребій унижаютъ,
Смѣяся въ слѣпотѣ полезнымъ ихъ трудамъ,
Пускай съ холодностью презрѣнія внимаютъ
Таящимся во тьмѣ убогаго дѣламъ:
На всѣхъ ярится смерть—царя, любимца славы,
Всѣхъ ищетъ грозная... и нѣкогда найдетъ;
Всемощныя судьбы незыблемы уставы:
И путь величія ко гробу насъ ведетъ.
А вы, наперсники фортуны ослѣпленны,
Напрасно спящихъ здѣсь спѣшите презирать
За то, что гробы ихъ не пышны и забвенны,
Что лесть имъ алтарей не мыслитъ воздвигать.

Digitized by Google

Вотще надъ мертвыми, истлѣвшими костями
Трофеи зиждутся, надгробія блестятъ,
Вотще гласъ почестей гремитъ передъ гробами—
Угасшій пепелъ нашъ они не воспалятъ.
Уже-ль смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратитъ?
Не слаще мертвыхъ сонъ подъ мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть ихъ бременитъ.
Ахъ! можетъ быть, подъ сей могилою таится
Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшаго любить,
И гробожитель—червь въ сухой главѣ гнѣздится,
Рожденной быть въ вѣнцѣ, иль мыслями парить!
Но просвѣщенья храмъ, воздвигнутый вѣками,
Угрюмою судьбой для нихъ былъ затворенъ,
Ихъ рокъ обременилъ убожества цѣпями,
Ихъ геній строгою нуждою умерщвленъ.
Какъ часто рѣдкій перлъ, волнами сокровенный,
Въ бездонной пропасти сіяетъ красотой;
Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой.
Быть можетъ, пылью сей покрытъ Гампденъ надменный,
Защитникъ согражданъ, тиранства смѣлый врагъ;
Иль кровію гражданъ Кромвель не обагренный,
Или Мильтонъ нѣмой, безъ славы скрытый въ прахъ.
Отечество хранить державною рукою,
Сражаться съ бурей бѣдъ, фортуну презирать,
Дары обилія на смертныхъ лить рѣкою,
Въ слезахъ признательныхъ дѣла свои читать—
Того имъ не далъ Рокъ; но вмѣстѣ преступленьямъ
Онъ съ доблестями ихъ кругъ тѣсный положилъ;
Бѣжать стезей убійствъ ко славѣ, наслажденьямъ;
И быть жестокими къ страдальцамъ запретилъ;
Таить въ душѣ своей гласъ совѣсти и чести,
Румянецъ робкія стыдливости терять,
И, раболѣпствуя, на жертвенникахъ лести
Дары небесныхъ Музъ гордынѣ посвящать.
Скрываясь отъ мірскихъ погибельныхъ смятеній,
Безъ страха и надеждъ, въ долинѣ жизни сей,
Не зная горести, не зная наслажденій,
Они безпечно шли тропинкою своей.
И здѣсь спокойно спятъ подъ сѣнью гробовою—
И скромный памятникъ, въ пріютѣ соснъ густыхъ,
Съ непышной надписью и рѣзьбою простою,
Прохожаго зоветъ вздохнуть надъ прахомъ ихъ.
Любовь на камнѣ семъ ихъ память сохранила,
Ихъ лѣта, имена потщившись начертать;
Окрестъ библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

Digitized by Google

И кто съ сей жизнію безъ горя разставался?
Кто прахъ свой по себѣ забвенью предавалъ?
Кто въ часъ послѣдній свой симъ міромъ не плѣнялся,
И взора томнаго назадъ не обращалъ?
Ахъ! нѣжная душа, природу покидая,
Надѣется друзьямъ оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навѣки угасая,
Еще стремятся къ нимъ съ послѣднею слезой;
Ихъ сердце милый гласъ въ могилѣ нашей слышитъ;
Нашъ камень гробовой для нихъ одушевленъ;
Для нихъ нашъ мертвый прахъ въ холодной урнѣ дышитъ,
Еще огнемъ любви для нихъ воспламененъ.
А ты, почившихъ другъ, пѣвецъ уединенный,
И твой ударитъ часъ послѣдній, роковой;
И къ гробу твоему, мечтой сопровожденный,
Чувствительный придетъ услышать жребій твой.
Быть можетъ, селянинъ съ почтенной сѣдиною
Такъ будетъ о тебѣ пришельцу говорить:
„Онъ часто по утрамъ встрѣчался здѣсь со мною,
Когда спѣшилъ на холмъ зарю предупредить.
„Тамъ въ полдень онъ сидѣлъ подъ дремлющею ивой,
Поднявшей изъ земли косматый корень свой;
Тамъ часто, въ горести безпечной, молчаливой,
Лежалъ, задумавшись, надъ свѣтлою рѣкой;
„Нерѣдко къ вечеру, скитаясь межъ кустами—
Когда мы съ поля шли, и въ рощѣ соловей
Свисталъ вечерню пѣснь—онъ томными очами
Уныло слѣдовалъ за тихою зарей.
„Прискорбный, сумрачный, съ главою наклоненной,
Онъ часто уходилъ въ дубраву слезы лить,
Какъ странникъ, родины, друзей, всего лишенной,
Которому ничѣмъ души не усладить.
„Взошла заря—но онъ съ зарею не являлся,
Ни къ ивѣ, ни на холмъ, ни въ лѣсъ не приходилъ;
Опять заря взошла—нигдѣ онъ не встрѣчался;
Мой взоръ его искалъ—искалъ—не находилъ.
„На утро пѣніе мы слышимъ гробовое..
Несчастнаго несутъ въ могилу положить.
Приближься, прочитай надгробіе простое,
Чтобъ память добраго слезой благословить“.
Здѣсь пепелъ юноши безвременно сокрыли;
Что слава, счастіе, не зналъ онъ въ мірѣ семъ;
Но Музы отъ него лица не отвратили,
И меланхоліи печать была на немъ.
Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою,
Чувствительнымъ Творецъ награду положилъ.
Дарилъ несчастныхъ онъ—чѣмъ только могъ—слезою;
Въ награду отъ Творца онъ друга получилъ.

Digitized by Google

Прохожій, помолись надъ этою могилой;
Онъ въ ней нашелъ пріютъ отъ всѣхъ земныхъ тревогъ;
Здѣсь все оставилъ онъ, что въ немъ грѣховно было,
Съ надеждою, что живъ его Спаситель—Богъ".

Жуковскій.

„Теонъ и Эсхинъ".

„Эсхинъ возвращался къ Пенатамъ своимъ,
Къ берегамъ благовоннымъ Алфея;
Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ—
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгало.
И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ—
Лишь сердце они изнурили:
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ; увяла душа;
Въ ней скука смѣнила надежду.
Ужъ взорамъ его тихоструйный Алфей
Въ цвѣтущихъ брегахъ открывался;
Предъ нимъ оживились минувшіе дни,
Давно улетѣвшая младость...
Все тѣ жъ берега, и поля, и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но гдѣ жъ озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ надежда?
Жилища Теонова ищетъ Эсхинъ.
Теонъ, при домашнихъ Пенатахъ,
Въ желаніяхъ скромный, безъ пышныхъ надеждъ,
Остался на брегѣ Алфея.
Близъ мѣста, гдѣ въ море втекаетъ Алфей,
Подъ сѣнью оливъ и платановъ,
Смиренную хижину видитъ Эсхинъ—
То было жилище Теона.
Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ,
И тихое море горѣло;
На хижину сыпался розовый блескъ,
И мирты окрестны алѣли.
Изъ бѣлаго мрамора гробъ не вдали,
Обсаженный миртами, зрѣлся;
Душистыя розы и гибкій ясминъ
Вѣтвями надъ нимъ сплетались
На прагѣ сидѣлъ въ размышленьи Теонъ,
Смотря на багряное море—
Вдругъ видитъ Эсхина; и вмигъ узнаетъ
Сопутника юныя жизни.
„Да благостно взглянетъ хранитель—Зевесъ
На мирный возвратъ твой къ Пенатамъ!"
Съ блистающимъ радостью взоромъ Теонъ
Сказалъ, обнимая Эсхина.

Digitized by Google

И взглядъ на него любопытный вперилъ—
Лице его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотритъ Эсхинъ—
Взоръ друга прискорбенъ, но ясенъ.
„—Когда я съ тобой разлучался, Теонъ,
Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опытъ иное мнѣ въ жизни явилъ:
Надежда—лукавый предатель.
Скажи, о Теонъ, твой задумчивый взглядъ
Не ту же ль судьбу возвѣщаетъ?
Уже ль и тебя посѣтила печаль
При мирныхъ домашнихъ Пенатахъ?—“
Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ....
„Эсхинъ, вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь—
Но съ нею печаль не разлучна.
„О! нѣтъ, не ропщу на Зевесовъ законъ:
И жизнь и вселенна прекрасны.
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.
„Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей—
„Вотъ счастье! о другъ мой, оно не мечта.
Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ;
Любовью моя освѣтилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.
„При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной, возвышенной цѣли.
„Увы! я любилъ.... и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоемъ столь живое,
На вѣки ль исчезло? И прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?
„О! нѣтъ: никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ:
Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна.
„И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды:
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее намъ возвратится?
„Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ....
Ахъ! свѣтъ, гдѣ она предо мною цвѣла—
Онъ тотъ же: все ею онъ полонъ.

Digitized by Google

„По той же дорогѣ стремлюся одинъ
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ—
Сихъ узъ не разрушитъ могила.
„Сей мыслью высокой украшена жизнь;
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье.
„Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни;
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіяньемъ Авроры.
„Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что я человѣкъ,
Всегда возвышаюсь душею.
„А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...
О другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ.
„Сей гробъ затворенная къ счастію дверь;
Отворится... жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.
„О другъ мой, искавъ измѣняющихъ благъ,
Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои—
Ты жизнь презирать научился.
„Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и свѣтъ;
Дай руку: близъ вѣрнаго друга
Съ природой и жизнью опять примирись;
О! вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна.
„Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ;
Все въ жизни къ великому средство;
И горесть, и радость—все къ цѣли одной:
Хвала жизнедавцу—Зевесу!“

Жуковскій.

„Опять на родинѣ.“

„... Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо,

Digitized by Google

И, кажется, вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны...
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко;
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. По берегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...
На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ, одна поодаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собой
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась:
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
Попрежнему все пусто.
Здравствуй, племя
Молодое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,

Digitized by Google

Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ..." *Пушкинъ.*

„Вечерній звонъ."

„Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ,
И какъ я, съ нимъ навѣкъ простясь,
Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ!
Уже не зрѣть мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ, молодыхъ!
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ:
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.
Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!
Напѣвъ унылый надо мной
Въ долинѣ вѣтеръ разнесетъ;
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ,
И ужъ не я, а будетъ онъ
Въ раздумьи пѣть вечерній звонъ!" *Козловъ.*

„П а р у с ъ."

„Бѣлѣетъ парусъ одинокой
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?
Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы! онъ счастія не ищетъ,
И не отъ счастія бѣжитъ.
Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!" *Лермонтовъ.*

„А н г е л ъ."

„По небу полуночи Ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.
Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.
Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли."
Лермонтовъ.

Digitized by Google

„Выхожу одинъ я на дорогу".

„Выхожу одинъ я на дорогу:
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.
Въ небесахъ торжественно и чудно,
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно?
Жду ль чего? жалѣю ли о чемъ?
Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
Я ищу свободы и покоя,
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть...
Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы
Я бъ желалъ на вѣки тамъ заснуть,—
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ вздымалась тихо грудь;
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ". *Лермонтовъ.*

Не стѣсняясь строго опредѣленнымъ стихотворнымъ размѣромъ, какъ элегіи писателей классическихъ, приведенные образцы не ограничиваются, вопреки римскимъ и особенно послѣдующимъ элегическимъ твореніямъ, и почти исключительнымъ изображеніемъ любви, съ ея мимолетными радостями и болѣе частыми и продолжительными невзгодами; напротивъ, соотвѣтственно элегіямъ древнегреческимъ, содержаніе ихъ отличается значительной многосторонностью. Единственною связующею нитью, ставящею ихъ въ тѣсное родство между собою, служитъ печальный, грустный тонъ, проникающій и всякое вообще подобное сочиненіе. Слѣдовательно, *подъ именемъ элегіи въ позднѣйшемъ значеніи разумѣются такія лирическія произведенія, которыя, при разнообразіи стихотворной формы и содержанія, запечатлѣны печальнымъ, грустнымъ характеромъ.*

Сатира.

Происхожденіе сатиры у Грековъ. Въ седьмомъ вѣкѣ до Р. Хр., одновременно съ элегическими двустишіями, въ греческой художественной лирикѣ появляется новый стихотворный размѣръ—*ямбическій*. Составлявшіяся имъ лирическія произведенія загрогивали своимъ содержаніемъ различнаго рода непривлекательныя стороны окружавшей поэта дѣйствительности. Отсюда и самыя названія - ямбъ, ямбическій (греч. „ἰάπτω"—шлю, бросаю,

Digitized by Google

стрѣляю; „ἴαμβος“—стихъ—выстрѣлъ, разящій стихъ). Родоначальникомъ греческаго ямба признается Архилохъ, съ острова Пароса. Другимъ современнымъ ему ямбографомъ былъ Симонидъ, съ острова Аморга. Отъ сочиненій этихъ писателей уцѣлѣло очень немногое и то въ отрывочномъ видѣ. Вотъ, напр., два отрывка изъ ямбовъ Архилоха:

„Свойства острова Тазоса“.

„Вотъ какъ хребетъ осла,
Стоитъ наполненный весь дикимъ лѣсомъ онъ:
Вѣдь ни красива, ни любезна, ни мила
Ничѣмъ, какъ около Сириса [1]), мѣстность та.
Что у богатаго Гигеса [2]), мнѣ ничто;
Нѣтъ зависти во мнѣ; не изумляюсь я
Дѣламъ боговъ; не требую тиранніи
Большой: все это далеко отъ глазъ моихъ“.

Симонидъ Аморгскій особенно извѣстенъ своимъ ямбическимъ стихотвореніемъ—„Женскіе типы“, гдѣ онъ насмѣшливо изображаетъ происхожденіе женскихъ характеровъ. По его словамъ, женщина неряшливая происходитъ отъ свиньи, хитрая—отъ лисицы, сварливая—отъ собаки, глупая и лѣнивая—отъ земли, непостоянная—отъ моря, упрямая и чувственная—отъ осла, развратная—отъ куницы, пристрастная къ украшеніямъ—отъ лошади, безобразная и злая—отъ обезьяны, добродѣтельная и домовитая—отъ пчелы. Поэтъ относится сочувственно только къ женщинамъ послѣдняго рода, выражаясь о нихъ слѣдующимъ образомъ:

„Ту отъ пчелы (т. е. богъ создалъ нѣкоторыхъ женщинъ отъ пчелы); счастливъ имѣющій ее:
Единственно лишь къ ней не пристаетъ позоръ,
И отъ нея цвѣтетъ и богатѣетъ жизнь;
Старѣетъ съ мужемъ любящимъ, любя его,
Рождая славную, прекрасную семью;
Среди всѣхъ женщинъ выдѣляется она,
Вокругъ нея—божественная красота;
Она не видитъ удовольствія сидѣть
Средь женъ, гдѣ говорятъ развратныя слова.
Такого рода женщинъ превосходнѣйшихъ
И многоумнѣйшихъ Зевесъ даритъ мужьямъ“.

Ямбическія произведенія Архилоха и Симонида, проникнутыя насмѣшливымъ изображеніемъ пороковъ и недостатковъ современной поэтамъ дѣйствительности, послужили провозвѣстниками но-

---

1) Сирисъ—рѣка въ Луканіи. 2) Гигесъ—лидійскій царь, современникъ Архилоха.

Digitized by Google

ваго вида искусственной лирики — *сатиры*, достигшей у Римлянъ полной художественности и получившей у нихъ самое свое названіе.

Сатира у Римлянъ. Именемъ „satira“, точнѣе „satura“, отъ прилагательнаго „satur“ — сытый, насыщенный, римляне первоначально обозначали родъ пищи, приготовленный изъ разныхъ матеріаловъ — подобно нынѣшнему винегрету; отсюда, блюдо, наполненное всякими первородными плодами, посвященными богамъ Вакху и Церерѣ, именовалось у нихъ „laux satura“. Въ дальнѣйшемъ и уже, конечно, переносномъ смыслѣ сатирами стали называть собраніе мелкихъ литературныхъ упражненій, не имѣвшихъ между собою ничего общаго по предметамъ и при томъ написанныхъ смѣшанными стихотворными размѣрами, или даже стихами вмѣстѣ съ прозою. Въ данномъ значеніи сатира нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствуетъ нашему слову „смѣсь“, обыкновенно прилагаемому къ собраннымъ въ одно цѣлое, хотя и разнохарактернымъ по содержанію сочиненіямъ. Наконецъ, за сто слишкомъ лѣтъ до Р. Хр. подъ сатирами начали понимать уже особый видъ словесныхъ произведеній, насмѣшливо затрогивавшихъ различныя странности и пороки людей. Такой характеръ сообщилъ сатирѣ Луцилій (148—103 до Р. Хр.), который поэтому и считается ея изобрѣтателемъ —„inventor.“ Сатиры Луцилія дошли до насъ въ отрывкахъ; лучшимъ изъ нихъ, объясняющимъ общее направленіе сатирическихъ твореній этого писателя, является слѣдующій:

„Нынѣ отъ утра до ночи, въ праздникъ-ли то, или въ будни,
Цѣлые дни, какъ народъ, точно также и важный сенаторъ,
Шляются вмѣстѣ по форуму, и никуда не уходятъ.
Всѣ предаются заботѣ одной и одному искусству:
Рѣчь осторожно вести и сражаться другъ съ другомъ коварствомъ,
Въ лести поспорить, хорошаго роль разыграть человѣка,
Строить засады, какъ если-бы были враги всѣ другъ другу“.

Чисто художественной обработки римская сатира, какъ отдѣльная форма лирики, достигла подъ перомъ трехъ замѣчательныхъ писателей: Горація (65—8 до Р. Хр.), Персія (34—62 по Р. Хр.) и Ювенала (57—137 по Р. Хр.). Горацій оставилъ послѣ себя восемнадцать сатиръ въ двухъ книгахъ, гдѣ мастерски изображаетъ человѣческія страсти и ихъ смѣшныя стороны; въ шести сатирахъ Персія на первое мѣсто выступаютъ нравственныя назиданія современникамъ; что же касается раздѣленныхъ на пять книгъ шестнадцати сатиръ Ювенала, общее ихъ содержаніе мѣтко опредѣляетъ самъ поэтъ, говоря:

„Съ той поры, какъ во время дождей, поднимавшихъ пучину,
На гору всплылъ въ кораблѣ Девкальонъ и себѣ испросилъ изреченій,
. . . . . .

Digitized by Google

Все, что волнуетъ людей, желаніе, страхъ, гнѣвъ, наслажденье,
Радости всѣ и тревоги—вотъ книжки моей содержанье".

Ближайшему ознакомленію съ главнѣйшими особенностями римской сатиры лучше всего могутъ помочь, напр., слѣдующіе образцы:

Изъ Горація—„**Противъ любостяжанія**„
(Книги 1-й сатира 1-я).

„Что за причина тому, Меценатъ, что, какую бы долю
Намъ ни послала судьба и какую-бъ ни выбрали сами,
Рѣдкій доволенъ и всякій завидуетъ долѣ другаго?
„Счастливъ купецъ!" говоритъ отягчаемый лѣтами воинъ,
Чувствуя, съ многихъ трудовъ, у себя какъ разбитые члены.
Если же буря бросаетъ корабль, мореходецъ взываетъ:
„Лучше быть воиномъ! что имъ! лишь кинутся въ битву съ врагами,
Часъ не пройдетъ—иль скорая смерть, или радость побѣды!"
Опытный въ правѣ законникъ, слыша чѣмъ свѣтъ, что стучится
Въ двери къ нему довѣритель, хвалитъ удѣлъ земледѣльца.
Житель же сельскій, для тяжбы оставить село принужденный,
Вызванный въ городъ, считаетъ однихъ горожанъ за счастливцевъ.
Этихъ примѣровъ такъ много, что ихъ перечесть не успѣлъ бы
Даже и Фабій болтунъ *).—Итакъ, чтобъ тебѣ не наскучить,
Слушай, къ чему я веду. Пусть бы кто изъ боговъ вдругъ сказалъ имъ:
„Вотъ я исполню сейчасъ все, чего вы желали! Ты, воинъ,
Будешь купцомъ; ты ученый дѣлецъ—земледѣльцемъ! Ступайте,
Роли свои промѣнявъ, ты туда, ты сюда! Что же вы стали?"
Нѣтъ, не хотятъ.—А вѣдь счастье желанное онъ имъ дозволилъ.
Послѣ этого какъ не надуть и Юпитеру губы!
Какъ же во гнѣвѣ ему не сказать, что впередъ онъ не будетъ
Столь благосклоненъ!—Но полно! шутку оставлю; не съ тѣмъ я
Началъ, чтобъ мнѣ, какъ забавнику, только смѣшить. Не мѣшаетъ
Правду сказать и шутя, какъ привѣтливый школьный учитель
Лакомство дѣтямъ даетъ, чтобы азбукѣ лучше учились;
Но—мы въ сторону шутку: поищемъ чего поважнѣе.
Тотъ, кто ворочаетъ землю тяжелой сохою, и этотъ
Лживый шинкарь, и солдатъ, и морякъ, преплывающій смѣло
Бездны сердитыхъ морей—всѣ труды безъ роптанія сносятъ
Съ тѣмъ, чтобъ, запасъ накопивши, подъ старость пожить на покоѣ.
„Такъ—для примѣра они говорятъ—муравей работящій,
Даромъ что малъ, а что сможетъ, ухватитъ и къ кучѣ прибавитъ!
Думаетъ тоже о будущемъ онъ, и нужду предвидитъ."

---

*) „Фабій болтунъ".—Кто былъ онъ, достовѣрно неизвѣстно. По болѣе правдоподобному мнѣнію, здѣсь упоминается Фабій Нарбонскій, приверженецъ Помпея, написавшій нѣсколько книгъ о стоической секгѣ.

Digitized by Google

—Да! но лишь годъ, наступающій вновь, Водолей опечалитъ [1]),
Онъ изъ норы ни на шагъ, наслаждаясь разумно запасомъ,
Собраннымъ прежде; а ты?—А тебя вѣдь ни знойное лѣто,
Ни зима, ни огонь, ни моря, ни желѣзо не могутъ
Отъ твоихъ барышей оторвать: никакихъ нѣтъ препятствій!
Только и въ мысляхъ одно, чтобы не былъ другой кто богаче.
Что же въ томъ пользы тебѣ, что украдкой отъ всѣхъ зарываешь
Въ землю ты кучи сребра или злата тяжелыя груды?...
„Стоитъ почать, говоришь ты, дойдешь до послѣдняго асса!“ [2])
Ну, а ежели ихъ не почать, что за польза отъ кучи?
Пусть у тебя на гумнѣ намолотятъ сто тысячъ мѣръ хлѣба:
Твой вѣдь желудокъ не больше вмѣститъ моего; такъ какъ еслибъ
Ты, межъ рабами, сѣть съ хлѣбами несъ на плечахъ—ты, однако,
Больше другаго, который не несъ, ничего не получишь!
Что же за нужда тому, кто живетъ въ предѣлахъ природы,
Сто ли вспахалъ десятинъ онъ, иль тысячу?—„Такъ, да пріятнѣй
Брать изъ кучи большой!“—Повѣрь, все равно, что изъ малой,
Толькобъ я могъ и изъ малой взять столько же, сколько мнѣ нужно!
Чтожъ ты огромныя житницы хвалишь свои? чѣмъ ихъ хуже
Хлѣбные наши мѣшки?... Ну, такъ еслибъ тебѣ довелася
Нужда въ кувшинѣ воды, иль въ стаканѣ одномъ, ты сказалъ бы:
„Лучше въ большой я рѣкѣ зачерпну, чѣмъ въ источникѣ этомъ.“
Вотъ отъ того и бываетъ съ людьми ненасытными: если
Лишнихъ богатствъ захотятъ, то Авфидъ [3]) разъяренной волною
Съ берегомъ вмѣстѣ и ихъ оторветъ и потопитъ въ пучинѣ!
Если жъ кто малаго хочетъ, что нужно, тотъ и не въ тинѣ
Черпаетъ воду себѣ, да и жизни въ волнахъ не погубитъ.
Многіе люди, онакожъ, влекомые жадностью ложной,
Скажутъ: „богатство не лишнее; насъ по богатству вѣдь цѣнятъ!“
Съ этими что толковать! Пусть ихъ алчность презрѣнная мучитъ!
Такъ, говорятъ, аоинянинъ одинъ, и скупой и богатый,
Рѣчи людскія привыкъ презирать, говоря о гражданахъ:
„Пусть ихъ освищутъ меня; но за то я въ ладоши
Хлопаю дома себѣ, какъ хочу, на сундукъ свой любуясь!“
—Танталъ [4]) сидѣлъ же по горло въ водѣ: а вода утекала
Дальше и дальше отъ устъ!.. но чему ты смѣешься? Лишь имя
Стоитъ тебѣ измѣнить, не твоя ли исторія это?..
Спишь на мѣшкахъ ты своихъ, наваленныхъ всюду, несчастный,

---

1) „Водолей опечалитъ“.—Знакъ зодіака, въ который вступаетъ солнце въ январѣ. Такъ какъ январь сопровождается въ Италіи дождями, то и приписывали ихъ Водолею. 2) Ассъ, монетная единица, равнявшаяся фунту и раздѣлявшаяся на 12 частей, но дошедшихъ ко времени Цицерона до стоимости 3/4 нашей копѣйки. Скупой боится тронуть кучу, чтобы не свести ее на нѣтъ. 3. „Авфидъ.“—Рѣка въ Апуліи, впадающая въ Адріатическое море. 4. „Танталъ—Сынъ Юпитера и нимфы Плуто, низверженный въ тартаръ и осужденный, стоя въ одной адской рѣкѣ, страдать жаждою за то, что

Digitized by Google

Ихъ осужденный беречь, какъ святыню; любуешься ими,
Точно картиной какой! А знаешь ли деньгамъ ты цѣну?
Знаешь ли, деньги на что? Чтобъ купить овощей, или хлѣба,
Или бутылку вина, безъ чего обойтись невозможно.
Или пріятно тебѣ, полумертвому съ страха, беречь ихъ
Денно и нощно, боясь и воровъ, и пожара, и даже
Собственныхъ въ домѣ рабовъ, чтобъ они, обокравъ, не бѣжали?
Нѣтъ! я желалъ бы—быть благами этого рода бѣднѣе!
Если когда лихорадки ознобъ ты почувствуешь въ тѣлѣ,
Или другою болѣзнію будешь къ постелѣ приковапъ,
Кто за тобою будетъ ходить и готовить лѣкарства?...
Кто врача умолять, чтобы спасъ отъ болѣзни и снова
Дѣтямъ, роднымъ возвратилъ? Ни супруга, ни сынъ не желаютъ;
А сосѣди твои и знакомые, слуги, служанки,
Всѣ ненавидятъ тебя!—Ты дивишься? Чему же?—Ты деньги
Въ мірѣ всему предпочелъ, и знаковъ любви ты не стоишь!
Если ты хочешь родныхъ, безъ труда твоего и заботы
Данныхъ природой тебѣ, и друзей удержать за собою:
Тщетно, несчастный, теряешь свой трудъ; какъ осла, не пріучишь
Быть послушнымъ уздѣ и скакать по Марсову полю!
Полно копить! Ты довольно богатъ; не страшна уже бѣдность!
Время тебѣ отдохнуть отъ заботъ; что желалъ—ты имѣешь!
Вспомни Умидія горькій примѣръ; то не длинная повѣсть.
Такъ онъ богатъ былъ, что деньги считалъ уже хлѣбною мѣрой;
Такъ онъ былъ скупъ, что съ рабами носилъ одинаково платье,
И—до послѣдняго дня—разоренья и смерти голодной
Все онъ боялся! Но вотъ, отпущенная имъ же на волю,
Видно храбрѣйшая всѣхъ Тиндаридъ [1]), не задумавшись, разомъ
Въ руки топоръ ухвативъ, пополамъ богача раздвоила!
„Чтожъ ты совѣтуешь мнѣ?... Неужели, чтобъ жилъ я, какъ Меній,
Или какой Номентанъ!“ [2])—Ошибаешься! Что за сравненье
Крайностей, вовсе несходныхъ ни въ чемъ! Запрещая быть скрягой,
Вовсе не требую я, чтобъ безумный ты былъ расточитель!
Межъ Танаиса и тестя Визельева есть середина! [3])
Мѣра должна быть во всемъ, и всему, наконецъ, есть предѣлы,
Дальше и ближе которыхъ не можетъ добра быть на свѣтѣ!
Я возвращаюсь къ тому же, чѣмъ началъ: подобно скупому,
Рѣдкій доволенъ судьбою, считая счастливцемъ другаго!
Если коза у сосѣда съ паствы придетъ съ отягченнымъ

подалъ богамъ за ужиномъ члены своего сына Пелопса. 1. „Тиндариды.“—Внучки Тиндара: Клитемнестра и Елена, убившія своихъ супруговъ—первая Агамемнона, вторая Деифоба. Подъ именемъ Тиндаридъ разумѣются всѣ женщины, имъ подобныя по рѣшительности, силѣ и преступленію. 2. „Меній и Номентанъ“.—извѣстные расточители. 3. „Межъ Танаиса и тестя Визельева есть середина“.—Смыслъ тотъ, что между двумя людьми, изъ которыхъ одинъ страдалъ недостаткомъ, а другой излишествомъ, должна

Digitized by Google

Вымемъ—густымъ молокомъ, и отъ этого съ зависти сохнутъ!
А никто не сравняетъ себя съ бѣднякомъ: все съ богатымъ!
Но вѣдь какъ ни гонись за богатымъ, все встрѣтишь богаче!
Такъ на бѣгу колесницу несутъ быстроногіе кони,
Слѣдомъ возница другой погоняетъ своихъ имъ въ догонку,
Силится ихъ обогнать, презирая далеко отставшихъ!
Отъ того-то мы рѣдко найдемъ, кто сказалъ бы, что прожилъ
Счастливо вѣкъ свой и, кончивъ свой путь, выходилъ бы изъ міра,
Точно какъ гость благодарный, насытясь, выходитъ изъ пира.
Но довольно: пора замолчать, чтобы ты не подумалъ,
Будто таблички укралъ у подслѣпаго я у Криспина!“ [4]).

М. Дмитріевъ.

„О благородствѣ“

(Книги I-й сатира VI-я).

Нѣтъ никого, Меценатъ, между Лидянъ [1]), въ Этруріи жившихъ,
Кровью тебя благороднѣй: вождемъ легіоновъ великихъ
Нѣкогда былъ у тебя по отцу и по матери предокъ.
Но, какъ обычай у многихъ, ты съ гордостью носу не вздернешь,
Встрѣтивъ людей, по рожденью ничтожныхъ, какимъ предъ тобою
Я, напримѣръ, сына раба, отпущеннаго только на волю.
Ты разбирать не захочешь, какого кто роду, лишь былъ бы
Всякъ благороденъ по сердцу,—и въ этомъ ты правъ, потому что
Прежде ужъ Туллія, сына рабыни, вѣнчаннаго царствомъ,
Жило немало людей, хоть и вовсе незнатныхъ, но честныхъ,
Доброю славой достигнувшихъ почестей важныхъ при жизни.
Левинъ, напротивъ, потомокъ Валеріевъ,—рода, что съ трона
Свергнулъ Тарквинія Гордаго, даже и асса не стоитъ.
Такъ оцѣнилъ и народъ, который, какъ знаешь, безъ смысла
Часто даетъ недостойнымъ почетъ, передъ именемъ громкимъ
Въ прахъ изгибаться готовъ, и нѣмѣетъ въ тупомъ удивленьи
Отъ родословныхъ картинъ и титуловъ. Что же намъ дѣлать,
Такъ далеко и во всемъ отъ толпы отдаленнымъ? Пускай бы
Вздумалъ народъ отличить и возвысить Левина больше,
Чѣмъ благороднаго Денія, еслибъ онъ снова явился;
Пусть цензоръ Аппій [2]) меня изъ сената изгонитъ за то, что
Не былъ отецъ мой свободно рожденнымъ. И дѣло! Зачѣмъ бы
Въ шкурѣ природной своей не сидѣть мнѣ спокойно? Но слава,
Слава, увы! приковавши къ своей колесницѣ блестящей,
Всѣхъ за собою влечетъ, и незнатныхъ и знатныхъ по роду.

быть середина. 4. „Криспинъ.“ – Жалкій стихотворецъ, ставившій себѣ въ достоинство, что скоро куетъ стихи.

1) Первые переселенцы въ Этрурію были по преданію Лидійцы, и потому родъ Мецената не уступаетъ тѣмъ Римскимъ, которые вели свое происхожденіе отъ Энея.
2) Аппій Клавдій Пульхеръ цензоръ извѣстный своей разборчивостью—вмѣсто всякаго

Digitized by Google

Что помогло тебѣ, Тиллій [3]), когда ты оставленный клавусъ [4])
Снова надѣлъ и трибуномъ назвался? Умножилась зависть:
Будь же безвѣстнымъ и частнымъ лицомъ, ты ее бы избѣгнулъ.
Такъ ужъ ведется: едва кто, безумный, покроетъ колѣна
Черною кожей [5]), и клавусъ широкій на грудь свою спуститъ,
Онъ отовсюду ужъ слышитъ: „кто это? кто его предки?“
Точно, какъ если бы кто одержимъ былъ болѣзнію Барра [6]),
То есть, желалъ бы красавцемъ прослыть и расхаживалъ всюду,
Чтобы дѣвицы подробно узнали: каковъ онъ собою.
Также и тотъ, кто, принявши высокую должность, клянется
Печься о градѣ, о храмахъ боговъ, объ Италіи цѣлой [7]),
Всѣмъ своимъ ближнимъ приноситъ заботу распрашивать: „кто онъ?
Кто былъ отецъ его? Можетъ, по матери низкаго рода!“
Сынъ Діонизія, Сиры или Дамы! [8]). Бросать ты дерзаешь
Гражданъ съ Тарпейской скалы, или Кадму [9]) на судъ посылать ихъ?
—„Что же? товарищъ мой, Новій [10]), такъ цѣлой ступенью спустился:
Былъ ужъ отецъ мой въ томъ званьи, котораго нынѣ достигъ онъ.“—
Такъ! а по этому ты и забралъ себѣ въ голову, будто
Павелъ ужъ ты, или Мессала! За то вѣдь, какъ слѣдуетъ разомъ
Три похоронныхъ процессіи, двѣсти повозокъ на площадь,
Такъ загорланитъ твой Новій, что трубъ и роговъ не услышишь.
Это вѣдь тоже не шутка! Теперь я къ себѣ обращаюсь,
Сынъ я раба, получившаго волю, и всѣ меня колятъ,
Сыномъ раба называя: теперь, потому что я близкій
Твой, Меценатъ, собесѣдникъ, а прежде—что, бывши трибуномъ,
Римскимъ владѣлъ легіономъ, хоть то и другое различно.
Правъ, можетъ быть, кто завидуетъ въ почести мнѣ, но неправо
Дружбѣ съ тобою завидовать: чуждый заразы тщеславья,
Ты лишь достойныхъ себѣ избираешь, и то осторожно.
Я не могу себѣ въ счастье вмѣнить, что по случаю только

строгаго цензора. 3) Тиллій, изгнанный Цезаремъ изъ Сената, снова пріобрѣлъ сенаторское достоинство, ставъ Трибуномъ. 4) Клавусъ означалъ пурпурную полосу на туникѣ и былъ принадлежностью Римскихъ всадниковъ и сенаторовъ. Всадники носили узкую полосу, сенаторы—широкую. Клавусъ, первоначально бывшій украшеніемъ однихъ патриціевъ, во времена имперіи уже раздавался всѣмъ по произволу Цезарей. При Августѣ этого преимущества можно было достигнуть, получивъ званіе военнаго трибуна. Вѣроятно также, что кандидаты на сенаторскія мѣста надѣвали клавусъ, но должны были оставлять его въ случаѣ неудачи. Такъ можно судить по словамъ сатиры: „что помогло тебѣ, Тиллій, когда ты вновь надѣлъ оставленный клавусъ“. Тиллій уже принадлежалъ къ числу честолюбцевъ новаго вѣка. 5) Патриціи и сенаторы отличались отъ другихъ также тѣмъ, что носили родъ ботфортъ, дѣланныхъ изъ черной Самосской кожи. 6) Барръ—лицо намъ неизвѣстное. Горацій описываетъ пустаго щеголя своего времени. 7) Здѣсь, вѣроятно, намекъ на самую форму присяги. 8) Сынъ Діонизія, Сиры или Дамы—обыкновенныя имена рабовъ въ Римѣ. 9) Кадмъ—неизвѣстный намъ уголовный судья. 10) Новій—человѣкъ новый.

Digitized by Google

Сталъ тебѣ другомъ: судьба не была тутъ нисколько подмогой.
Кто я таковъ, уже прежде сказалъ несравненный Виргилій,
Послѣ и Варій тебѣ. Задыхаясь отъ робости, помню,
Я предъ тобою предсталъ, молчаливый: еще не давала
Мнѣ языка развязать застѣнчивость дѣтская. Скромно
Все я по правдѣ тебѣ разсказалъ: я не выдумалъ, будто
Былъ очень славнымъ отецъ мой и самъ на конѣ Сатурейскомъ [11])
Села свои объѣзжаю. Ты, по обычаю, кратко
Мнѣ отвѣчалъ. Я ушелъ, и потомъ черезъ мѣсяцевъ девять
Снова ты призвалъ меня, и въ число друзей твоихъ принялъ.
Да, я хвалюсь, что пришелся тебѣ по душѣ: различаешь
Ты благородныхъ отъ низкихъ не знатностью предковъ, а чистымъ
Сердцемъ и самою жизнью. Скажу же я: если, быть можетъ,
Кромѣ немногихъ простительныхъ слабостей нашей природы,
(Такъ и въ прекраснѣйшемъ тѣлѣ найдутся родимыя пятна),
Прямо иду въ остальномъ и никто справедливо не можетъ
Въ скупости гнусной иль въ грязномъ развратѣ мнѣ сдѣлать упрека,
Если душой не пороченъ (пускай ужъ себя выхваляю),
Если друзьямъ еще дорогъ,—всему мой отецъ былъ причиной.
Малымъ достаткомъ владѣя, не думалъ онъ сына отправить
Къ Флавію [12]) въ школу, куда величавые юноши ходятъ,
Сотниковъ важныхъ потомки, съ доскою и сумкой подъ мышкой [13]),
Чтобы высчитывать, сколько придется процентовъ на мѣсяцъ.
Въ Римъ онъ рѣшился везти меня, чтобы наукамъ, которымъ
Учатъ дѣтей своихъ всадникъ, сенаторъ, и я научился.
Еслибъ одежду мою и меня провожавшую свиту
Кто изъ народа увидѣлъ тогда, то сказалъ бы, что это
Я расточаю наслѣдство богатое предковъ.
Самъ онъ, помимо всѣхъ воспитателей, бдительнымъ стражемъ
Былъ для меня, и чего же еще? Сохранить въ моемъ сердцѣ
Стыдъ онъ успѣлъ—красоту добродѣтели, стыдъ передъ всякимъ—
Мало поступкомъ худымъ, но даже попрекомъ въ проступкѣ.
Онъ не боялся, что могутъ его осудить, если послѣ
Буду простымъ я глашатаемъ, или, какъ онъ, при таможнѣ
Малымъ слугою, и я не пожалуюсь вѣрно за это.
Вся, напротивъ, ему похвала и признательность сердца.
Нѣтъ! я не буду краснѣть за такого отца, если только
Каплю разсудка имѣю; подобно другимъ, не скажу я,
Что не моя ужъ вина, отчего благородныхъ и славныхъ
Нѣтъ у меня между предками: такъ защищаться не стану.
Всѣ мои мысли и рѣчи на это совсѣмъ не похожи.
Если бы даже природа велѣла въ извѣстные сроки,

---

11) Сатуръ или Сатурей городъ и округъ близъ Тарента, отличавшійся конными заводами.
12) Флавій, учитель городской школы въ Венузіи. 13) Разлинеянныя дощечки, по которымъ разставлялись камешки или шарики, представляли подобіе нашихъ счетовъ.

Digitized by Google

Снова начавши оконченный вѣкъ, выбирать по желанью
Новыхъ для большаго блеску родителей, пусть кому надо
Новыхъ желаетъ себѣ; но моими довольный, я все же
Не взялъ бы предковъ высокихъ по сану, по знакамъ отличья.
Глупый во мнѣньи толпы, можетъ, буду въ твоемъ я разумнымъ,
Что непривычной мнѣ ноши поднять не желаю на плеча.
Нужно мнѣ было бы жить на открытую ногу, и много
Разныхъ знакомствъ заводить и таскать непомѣрную свиту,
Чтобъ одному ужъ не ѣхать ни странствовать, ни на прогулку.
Нужно бы множество слугъ содержать, лошадей, колесницы.
Нынѣ же смѣло могу я поѣхать на маленькомъ мулѣ,
Только самъ-другъ съ чемоданомъ дорожнымъ, пожалуй, къ Таренту.
Этого мнѣ въ преступленье никто не поставитъ, какъ, можетъ,
Тиллій тебѣ, когда, на возвратномъ пути изъ Тибура,
Пять только слугъ за тобою, за преторомъ, слѣдуютъ скромно,
Съ виннымъ сосудомъ въ рукахъ и, конечно, большая
Выгода въ этомъ моя предъ тобой, знаменитый сенаторъ,
Какъ и въ сравненьи съ другими. Куда меня страсть не потянетъ,
Я отправляюсь одинъ: разузнаю подробно на рынкѣ
Цѣну муки и капусты: бываю и въ циркѣ, пріютѣ
Разныхъ плутягъ; а послѣ домой возвращаюсь.
Вотъ и пирей, и горохъ ужъ готовы, и блюдо съ блинками.
Трое рабовъ ужъ хлопочутъ объ ужинѣ: вмѣстѣ съ ціаѳомъ [14]),
Два лишь бокала стоятъ на столѣ изъ бѣлаго камня.
Тутъ же сосудъ полоскательный, старый кувшинчикъ, да чашка—
Все посуда Кампанская .. Послѣ въ постель я ложуся,
Вовсе о томъ не заботясь, что завтра, чуть свѣтъ, ужъ съ поклономъ
Къ Марзію должно идти, и какъ самъ ободранный Марзій,
Жалко при взглядѣ на Новія младшаго корчить гримасу,
Сплю до девятаго; послѣ опять, гдѣ попало, шатаюсь,
Или читаю, пишу, что по сердцу; мажуся масломъ,
Только у лампъ не краду его, грязному Наттѣ подобно.
Послѣ, какъ солнце пригрѣетъ сильнѣй, утомленный игрою
Въ мячикъ, съ поля иду я купаться. Обѣдаю скромно;
Ѣмъ, сколько нужно, чтобъ на день себя обезпечить, не больше;
Дома потомъ забавляюсь. Вотъ жизнь беззаботная смертныхъ
Тѣхъ, что не знаютъ тяжелыхъ, мучительныхъ грезъ честолюбья!
Думаю, такъ проживу я гораздо пріятнѣе, чѣмъ еслибъ
Квесторы были отецъ мой, и дѣдъ мой, и дядя."

В. Водовозовъ.

„Встрѣча."
(Книга 1-я, сатира IX-я).

Шелъ по священной дорогѣ [1]) я какъ то, по старой привычкѣ
И не помню, о вздорѣ какомъ погруженный въ раздумье.

---

14) Ціаѳъ—ковшечекъ, заключавшій въ себѣ не болѣе глотка и служившій для смѣшенія вина съ водою. 1) Священная дорога, via sacra, шла отъ улицы Каринъ,

Digitized by Google

Вдругъ подбѣжалъ ко мнѣ нѣкто, по имени мнѣ лишь извѣстный,
И говоритъ, взявъ за руку: „какъ поживаешь, дрожайшій?“
Да пока, говорю, хорошо, да и ты тоже здравствуй.—
Какъ присталъ онъ,—„иль нужно что?“ Я говорю.—Онъ на это:
„Долженъ бы знать ты меня, вѣдь я изъ ученыхъ“.—Тѣмъ больше
Дорогъ ты мнѣ,—говорю.—Напасти избѣгнуть желая,
То я шагу прибавлю, то стану на мѣстѣ, то въ ухо,
Самъ не вѣдаю что, слугѣ шепчу, а меня ужь
Потомъ обливаетъ до пятъ. О, Баланъ [11]), ты грубостью счастливъ,
Я говорю про себя; а тотъ обо всемъ то болтаетъ:
Улицы хвалитъ и городъ. А какъ ему ничего я
Не отвѣчаю: „уйти, восклицаетъ онъ,—вижу я больно
Ты желаешь, но это напрасно; тебя не пущу я.
Я пойду за тобой, куда тебѣ путь“.—Что-жь кружиться
Станешь? хочу навѣстить я тебѣ незнакомаго вовсе.
Онъ далеко за Тибромъ лежитъ [18]), подъ цезарскимъ садомъ.
„Дѣлать мнѣ нечего; я не лѣнивъ, и пойду за тобою“.
Ушки я опустилъ, какъ осликъ, смутившійся духомъ
Подъ неподъемною ношей спинѣ. А тотъ восклицаетъ:
„Если я знаю себя, то ни Вискъ [22]) тебѣ другомъ, ни Варій
Лучшимъ не будетъ, чѣмъ я; кто-жь можетъ скорѣе и больше
Противъ меня стиховъ написать? кто плясать такъ пріятно
Можетъ? И самъ Гермогенъ [25]) моимъ позавидуетъ пѣснямъ“.
Мѣсто тутъ было мнѣ вставить словцо: Есть мать и родные
Люди, которымъ ты дорогъ вполнѣ?—„У меня никого нѣтъ.
Всѣхъ схоронилъ“.—Счастливцы, подумалъ я,—я лишь остался,
Такъ кончай ужь; знать мнѣ предстоитъ тотъ жребій плачевный,
Что у Сабельской [30]) старухи мнѣ мальчику выпалъ изъ урны:
„Этого не изведетъ ни вражескій мечъ, ни отрава,
Ни воспаленье въ боку, ни кашель, ни даже подагра,
А болтунъ за то изведетъ его; долженъ рѣчистыхъ,
Если будетъ уменъ, избѣгать, какъ станетъ онъ взрослымъ.“
Такъ подошли ко храму мы Весты. Четвертая часть ужь
Дня миновала; и долженъ на судъ онъ явиться былъ тотъ часъ,
Если-жь не сдѣлаетъ этого, то онъ свой искъ потеряетъ.
(Нахалъ) „Если ты любишь меня, войди на минутку.“ (Горац.)
Пропасть мнѣ,

гдѣ находились дома Цицерона и Помпея, черезъ Форумъ въ Капитолій. 11) Горацій завидуетъ неотесанному Балану, говорившему людямъ въ лицо свое о нихъ мнѣніе. 18) Больной. Сады на правомъберегу Тибра, завѣщанные Юліемъ Цезаремъ народу для публичнаго гулянья. 22) Виски, были два брата сенаторскаго достоинства, сыновья Римскаго всадника Вибія Виски, котораго очень уважалъ Августъ. Оба они отличались своими дарованіями въ литературѣ. Горацій упоминаетъ о нихъ въ сатирѣ 10 въ числѣ людей, которыхъ одобреніе почитаетъ для себя лестнымъ. 25) Гермогенъ Тигеллій — пѣвецъ. 30) Уличные прорицатели, гадальщики были большею частью Сабельцы, Сабинцы. У такой старухи мальчикъ Горацій вынулъ изъ урны табличку,

Digitized by Google

Если способенъ стоять я, иль въ искахъ я что понимаю,
И ухожу, куда знаешь.—Теперь, говоритъ, я въ раздумьи:
„Бросить тебя или дѣло?“ (Гор.) Меня, дорогой.—„Ни за что же,“
Тотъ сказалъ и пустился впередъ. Съ побѣдителемъ спорить
Трудно,—я слѣдомъ за нимъ. „Каковъ Меценатъ то съ тобою?“
Началъ онъ вновь. (Гор.)—Онъ не многимъ доступенъ, и съ здравымъ сужденьемъ.—
(Нах.) „Вѣдь искуснѣй никто не правилъ счастьемъ. Большой бы
„Былъ у тебя помощникъ, на роли вторыя способный,—
„Только введи ты меня къ нему. Пропади я на мѣстѣ,
„Если ты всѣхъ не свернешь“.—(Гор.) Не на эту всѣ стать тамъ живемъ мы,
Какъ полагаешь ты. Чище нѣтъ дома и дальше отъ всякихъ
Козней подобныхъ; меня не тревожитъ ни мало: найдется-ль
Кто тамъ богаче меня, иль ученѣй, у каждаго есть тамъ
Мѣсто свое. (Нах.) „Чудесенъ разсказъ твой, едва вѣроятно!“
— (Гор.) А межъ тѣмъ это такъ. (Нах.) „Разжигаешь во мнѣ ты желанье
Сблизиться съ нимъ“. (Гор.) Постарайся только; своимъ ты искусствомъ
Препобѣдишь; онъ можетъ податься, хоть первымъ и труденъ
Доступъ къ всему. (Нах.) „За себя уже постою: подкуплю я
Слугъ всѣхъ подарками; если сегодня не буду я принятъ,
Все-жъ не отстану никакъ; а выберу время, встрѣчаться
Стану на перекресткахъ, пойду провожать. Вѣдь же смертнымъ
Жизнь безъ великихъ трудовъ ничего не даетъ“. Къ этой рѣчи
Вижу идетъ дорогой мой Фускъ [61]) Аристій, который
Знаетъ отлично его. Мы стали.—„Откуда идешь ты?“
— Ты куда?—вопрошаетъ онъ и отвѣчаетъ. Я дергать
Сталъ его, жму неупрямыя руки, киваю, вращаю
Всюду глаза, чтобъ меня онъ спасъ. Но, шутникъ не у мѣста,
Тотъ притворно смѣется: вся желчь во мнѣ закипѣла.
— Ты, говорю, хотѣлъ не знаю о чемъ то сказать мнѣ
Наединѣ.—(Арист.) „Я помню. Но въ болѣ удобное время
Это скажу; тридцатая нынѣ суббота [69]): иль хочешь
Гадить куцымъ ты Іудеямъ!“—Я чуждъ предразсудковъ,
Я отвѣтилъ. (Арист.) „Но я слабѣй, одинъ я изъ многихъ.
„Извини; передамъ въ другой разъ я тебѣ“.—Что за день мнѣ
Выдался черный! Предатель ушелъ и меня онъ оставилъ
Подъ ножемъ. На счастье противникъ того намъ на встрѣчу.
„Ты куда, негодяй?“ во весь свой голосъ кричитъ онъ,
„Не угодно-ль въ свидѣтели стать?“ Я съ радостью, ухо

предсказавшую ему гибель отъ болтуна. 61) Аристій Фускъ—искренній другъ Горація и литературный судья. 69) Тридцатая суббота—праздникъ Еврейскихъ кучекъ (15 октября), извѣстный Грекамъ и Римлянамъ. 75) По закону двѣнадцати таблицъ истецъ имѣлъ право, въ случаѣ неявки отвѣтчика на судъ, взять свидѣтеля и привести

Digitized by Google

Подставляю. Въ судъ тащитъ его онъ; крикъ справа и слѣва,
Отовсюду сбѣжались. Такъ былъ я спасенъ Аполлономъ“[78]).

Фетъ.

Изъ Персія: „Сатира пятая“.

(Объ истинной свободѣ).

Это обычай пѣвцовъ голосовъ просить себѣ сотню,
Сотню устъ и желать языковъ для пѣнія сотню,
Повѣсть слагается ли, чтобы трагикъ вопилъ ее грустный,
Или о ранѣ, какъ парэъ изъ бедра извлекаетъ желѣзо.
„Это на что? или что за куски ты громоздкой пѣсни
Вводишь, что въ пору затѣмъ на сотни горлъ опираться?
. . . . . .
Вѣдь не дующимъ же, какъ плавится масса въ горнилѣ,
Мѣхомъ ты вѣтеръ тѣснишь, не тихимъ ворчаніемъ хрипло
Невѣсть что про себя, глупецъ, ты каркаешь важно
И шлепкомъ осадить не сбираешься щекъ ты раздутыхъ.
Мѣткій придать оборотъ искусенъ ты словомъ народнымъ,
Въ сдержанной рѣчи округлъ, умѣешь поблекшіе нравы
Зацѣпить и вину уколоть самобытной игрою.
Тутъ находи, что сказать, ...
. . . . . и довольствуйся пищей плебейской“.
Я же на то и не бью, чтобы ребяческимъ вздоромъ
Листъ у меня распухалъ, лишь вѣсу способный дать дыму.
Тайно скажу: предъ тобой я теперь, по внушенью Камены,
Грудь желаю раскрыть и частью, какою владѣешь
Ты души у меня, Корнутъ, показать тебѣ, милый
Другъ мой, отрадно: вѣдь ты распознать ударяя искусенъ,

ответчика насильно; при согласіи перваго встрѣчнаго стать въ этомъ случаѣ свидѣтелемъ, истецъ слегка щипалъ его за ухо, со словами: „Помни, что ты мой свидѣтель“; поэтому слѣдуетъ „я ухо подставляю“. 78) Защитникомъ поэтовъ. I) Голосовъ просить себѣ сотню. Желаніе, весьма часто встрѣчающееся у поэтовъ, начиная съ Гомера (Ил. II, 489): „Еслибы десять имѣлъ языкниковъ я и десять гортаней“.. 3) Повѣсть слагается ли—въ трагической или эпической формѣ. 4) Парэъ, какъ обращикъ самаго грознаго противника. 5) Смыслъ: на что тебѣ, скромному сатирику, сотню голосовъ? Или же ты въ самомъ дѣлѣ берешься за громоздкое пѣснопѣніе, которому нужно сотни горлъ? 10) Смыслъ: вѣдь не желаешь же ты, испуская безсодержательную рѣчь, уподобиться кузнечному мѣху. 18) И довольствуйся пищей плебейской—будничнымъ содержаніемъ. 19) „Я же на то и не бью,“ говоритъ Персій своему собесѣднику, „чтобы увеличивать объемъ безсодержательнаго писанія.“ 21) Камены,—первоначально вдохновительныя лѣсныя нимфы древне-италіанскаго культа, позднѣе отожествлены латинскими поэтами съ греческими музами. 23) Корнутъ представляется знатокомъ, умѣющимъ по одному звуку распознать полный горшокъ отъ безсодержательной обо-

Digitized by Google

Гдѣ тугое звенитъ, гдѣ пестрыхъ реченій покрышка.
Къ этому сто голосовъ испрашивать я бы рѣшился,
Чтобы, на сколько тебя въ извивахъ души впечатлѣлъ я
Высказать ясно я могъ и то все выразить словомъ,
Что таится въ тиши низрекаемо въ сердцѣ.
Какъ боязливо впервой я хранительный пурпуръ оставилъ,
И препоясаннымъ въ даръ я ларамъ буллу повѣсилъ;
Какъ провожатыхъ привѣтъ и тоги подолъ уже бѣлый
Дозволяли глазамъ по всей разбѣгаться Субурѣ;
Гдѣ такъ сомнителенъ путь и въ невѣдѣньи жизни ошибка
По развѣтвленнымъ путямъ пугливыя души уводитъ.
Я пріютился къ тебѣ: и нѣжные годы пріемлешь
Ты, Корнутъ, какъ Сократъ на груди; тутъ ловко и тихо
Приложенное правило сгладило нрава неровность,
И укрощается разумомъ духъ и старается сдаться,
И подъ твоимъ онъ перстомъ получаетъ обликъ изящный.
Помню вѣдь я, какъ съ тобою мы долгіе дни проводили,
И съ тобой за столомъ коротали мы съ вечера ночи;
Дѣло одно и покой сообща дѣлили мы оба,
. . . . . .
Не сомнѣвайся и въ томъ, что обоихъ въ надежномъ союзѣ
Наши сочувственны дни и одной предводимы звѣздою:
. . . . . .
Тысячи видовъ людей и пестро потребленье предметовъ;
Каждому нужно свое, не живется съ единымъ желаньемъ.
Тотъ въ промѣнъ за товаръ италійскій подъ солнцемъ восточнымъ
Перецъ морщьявый беретъ и зерна бѣлесаго тмина,
Этотъ вотъ сытъ предпочтетъ въ освѣжительномъ снѣ утучняться;
Марсову полю тотъ радъ, тотъ въ кости игрой разорился;
. . . . . .

лочки цвѣтистой рѣчи. 30) Признательный Персій описываетъ воспитательное на него вліяніе Корнута. Хранительный пурпуръ: когда изъ отроческихъ лѣтъ поступилъ въ юношескія. Пурпуръ здѣсь вмѣсто ребяческой бѣлой тоги, обшитой пурпурною каймою (toga praetexta). 31) Лары названы препоясанными, потому что по большей части они были одѣты по габински со вздернутою подъ поясъ тогою, какъ изображалась Діана и оправлялись охотники и путники. Буллу; у богатыхъ золотой и серебряный, а у бѣдныхъ кожаный медальонъ вѣшался какъ спасительный амулетъ мальчикамъ на шею, а въ день совершеннолѣтія посвящался ими ларамъ, подобно тому какъ куклы посвящались дѣвицами Венерѣ. 32) Какъ провожатыхъ привѣтъ, какъ строгій надзоръ провожатыхъ, окружавшихъ мальчика, вдругъ превратился въ привѣтъ, когда онъ надѣлъ окончательно бѣлую мужскую тогу (toga virilis). 33) Субура—одна изъ самыхъ оживленныхъ и шумныхъ улицъ Рима. 52) Пестро потребленье предметовъ, то есть, различны не самые предметы и не ихъ назначенія, а образы ихъ употребленія, вслѣдствіе чего одинъ и тотъ же предметъ служитъ различнымъ потребностямъ. 55) Бѣлесаго тмина. Высокій сортъ этой пряности (cuminum sativum) считался производя-

Digitized by Google

Ты же любишь блѣднѣть, надъ страницами сидя ночными,
Ибо, уча молодежь, въ очищенный слухъ ей влагаешь
Ты Клеанта посѣвъ: и старый, и малый ищите
Вѣрную цѣль для души и напутствія бѣднымъ сѣдинамъ!
„Завтра возьмусь“.—„Но вѣдь тожь будетъ завтра“.—„Не важное дѣло,
День-то ты дашь мнѣ одинъ?“—Но свѣтъ лишь явится новый,
Уже вчерашнимъ питается завтра; вотъ новое завтра
Годы погонитъ впередъ, и будетъ все дальше немножко.
Ибо хотя близъ тебя, хотя подъ дышломъ единымъ
Все же вертящуюся преслѣдуешь шину напрасно,
Ежели заднимъ бѣжишь колесомъ на оси лишь второй ты.
Нужно свободы не той, которой всякій Велинскій
Публій добился и смогъ прогорклой муки по табличкѣ
Взять. Для правды, увы! безплодны тѣ, коихъ въ квириты
Ставитъ одинъ поворотъ! Вотъ конюхъ Дама, не стоитъ
Трынки, подслѣпый, дрянной и лгунъ ради рѣзки ничтожной:
Но повернулъ лишь его господинъ, онъ въ мигъ поворота
Выйдетъ Маркъ-Дама: о, о! при ручательствѣ Марка откажешь
Денегъ повѣрить? Иль ты передъ Маркомъ судьею блѣднѣешь?
Маркъ такъ сказалъ: такъ и есть; скрѣпи вотъ, Маркъ, ты таблицы.
Вотъ свобода вполнѣ, какую намъ шляпы даруютъ!—
Кто же свободнѣй того, кто жизнь проводитъ въ состояньи,
Какъ захотѣлъ? Какъ хочу, могу я жить: не свободнѣй
Развѣ я Брута?—Твое заключеніе ложно, сказалъ тутъ
Стоикъ, который промылъ забористымъ уксусомъ уши:

щимъ при частомъ употребленіи блѣдность лица. 64) Клеантъ изъ Асса въ Иидіи, ученикъ и послѣдователь Зенона и учитель Хризиппа, былъ однимъ изъ выдающихся наставниковъ и опорою стоиковъ. 66—72) Смыслъ: ты, лѣнивецъ, откладывающій постоянно на завтрашній день начало своего усовершенствованія, никогда его не достигнешь, подобно заднему колесу, тщетно догоняющему переднее. 73) Велинскій Публій, то есть, человѣкъ принадлежащій къ Велинской трибѣ. 74) Прогорклой муки. Въ Римѣ для раздачи бѣднѣйшимъ гражданамъ муки по удешевленной цѣнѣ существовали магазины, откуда нуждающійся гражданинъ могъ получить свою дачу согнившей муки по табличкѣ. На такое преимущество свободнаго гражданина здѣсь указывается, а ниже (79, 80, 81) указываются и на другія. 76) Ставитъ одинъ поворотъ; при освобожденіи раба при помощи хлыста или жезла (festuca, vindicta, rude) преторъ произносилъ знаменитыя слова: „aio te liberum more Quiritium,“—послѣ чего поворачивалъ его кругомъ, а прежній господинъ въ видимый знакъ прекращенія господскаго произвола наносилъ ударъ ему въ лице. Дама, одно изъ употребительнѣйшихъ именъ рабовъ. 79—81) Маркъ Дама—ручается; является судьею, скрѣпляетъ своею печатью бумаги. Бывшій рабъ Марка, Дама, сталъ, какъ мы сказали (пр. 73), Маркомъ Дамою. Ставши римскимъ гражданиномъ, онъ можетъ исполнять все вышесказанное и скрѣплять своею печатью завѣщанія. 82) Право появляться съ покрытою шляпою головою. 85) Л. Юнія Брута старшаго, изгнавшаго Тарквинія Гордаго и основавшаго республику. 86) Забо-

Digitized by Google

Прочее радъ я принять; но могу, какъ хочу, это выкинь.—
Какъ свободенъ отшелъ уже я отъ преторской палки,
То почему мнѣ нельзя, чего бъ не велѣла мнѣ воля,
За исключеньемъ того, что Мазурій въ главѣ запрещаетъ?—
Слушай, но гнѣвъ свой уйми и носъ въ морщинахъ насмѣшки,
Какъ я съ легкихъ твоихъ рвать старыя глупости стану.
Дѣло не претора вѣдь глупцамъ подавать наставленья
Тонкія и объяснять управленіе быстрою жизнью:
Ты на самбукѣ скорѣй рабочаго дылду обучишь.
Здравый противится смыслъ и тайно шушукаетъ въ ухо,
Дѣлать не должно того, что, дѣлая, самъ же и портишь.
Общій законъ у людей и природа тому прекословятъ,
Чтобы незнанье безсильное дѣлъ запрещенныхъ касалось.
Хочешь чемерку мѣшать, а стрѣлки на точкѣ извѣстной
Ты не умѣешь держать: то суть запрещаетъ лѣченья:
Если попроситъ себѣ корабля въ сапожищахъ оратай,
Съ Люциферомъ незнакомъ, Мелицертъ воскликнетъ, что въ мірѣ
Стыдъ весь погибъ. На ногѣ прожить прямой получилъ ли
Ты искусство, и видъ распознать ты ловокъ ли правды,
Не зазвенѣло бы какъ обманчиво золото съ мѣдью?
То чему слѣдовать долгъ, чего опасаться напротивъ,
Мѣломъ первое ты отмѣтилъ ли, это вотъ углемъ?
Скромны-ль желанья твои? При скудности милъ ли съ друзьями?

ристымъ уксусомъ уши, то-есть, очистилъ и изощрилъ свой критическій слухъ. 88) На замѣчаніе мудреца касательно тщеты выраженія: могу какъ хочу,—вольноотпущенный спрашиваетъ со свойственною ему грубостью пониманія, почему онъ не можетъ поступать, какъ хочетъ, за исключеніемъ запрещеннаго въ трехъ книжкахъ Мазурія Сабина, знаменитаго юриста временъ Тиверія. Книги эти о правахъ и обязанностяхъ римскаго гражданина по простотѣ и ясности изложенія были весьма популярны. 91) На это стоикъ, приглашая вольноотпущеннаго ко вниманію, совѣтуетъ ему насмѣшливо не задирать носа, въ то время какъ мудрецъ своимъ поученіемъ будетъ снимать съ его души застарѣлые предразсудки. 95) Пословица вродѣ: ὄνος πρὸς λύραν, asinus ad lyram оселъ у лиры. 100) Чемерку—здѣсь вообще вмѣсто лѣкарства. Въ древности врачи, за отсутствіемъ аптекъ, приготовляли лѣкарство сами. На точкѣ извѣстной—безмѣна, гдѣ извѣстный вѣсъ отмѣченъ. 101) Суть лѣченья требуетъ опредѣленнаго вѣса лѣкарства, а ты желаешь врачевать, не умѣя взвѣшивать. 103) Утренняя звѣзда Люцеферъ здѣсь вообще вмѣсто звѣзднаго неба, знакомство съ которымъ для кормчаго необходимо. Ино, супруга Ѳиванскаго царя Атаманта, бросилась преслѣдуемая безумнымъ супругомъ вмѣстѣ съ юнымъ сыномъ своимъ Мелицертомъ въ море. Оба по просьбѣ Венеры приняты Нептуномъ въ число морскихъ божествъ и были почитаемы: Ино у грековъ подъ именемъ Левкотои, а у римлянъ какъ Mater Matuta; а Мелицертъ у первыхъ какъ Палемонъ, а у послѣднихъ какъ Портумнъ. Мелицертъ здѣсь вмѣсто всякаго другаго морскаго божества. 104) На ногѣ; отсюда стоикъ дѣлаетъ научаемому вопросы, на которые только утвердительные отвѣты представляютъ условія истинной свободы. 108) Мѣломъ.... углемъ. Поговорочно, согласно

Digitized by Google

Ты, какъ запрешь закрома, ихъ вдругъ открываешь ли снова?
Можешь ли мимо пройдти ты въ грязь засѣвшей монеты
И при этомъ слюны не глотать изъ желанья корысти?
Это мое, я могу, коль скажешь по правдѣ, то будь ты
И свободенъ и мудръ у преторовъ и предъ Зевесомъ.
Если же ты, какъ и былъ недавно, изъ нашего жъ тѣста,
Старую шкурку свою сберегъ и при лоскѣ наружномъ
Хитрую все же хранишь въ испорченной груди лисицу,
Что я выше призналъ, отниму, подтяну и веревку:
Разумъ тебѣ не принесъ ничего; палецъ вытянешь, грѣшенъ,
А на что ужъ пустякъ? Но и ладонъ ничей не умолитъ,
Чтобъ прилипла къ глупцу разсудка хоть самая малость.
Этого не совмѣстить; и если ты пентюхъ взаправду,
То и трехъ ты колѣнъ не пройдешь, какъ сатиръ за Ваѳилломъ.
Я свободенъ.—Гдѣ взялъ это ты, рабъ столькихъ вліяній?
Иль господинъ для тебя лишь тотъ, что лозою отпущенъ?
„Малый, ступай и скребокъ снеси ты въ баню Криспина“.
Если раздастся: „Что сталъ, негодяй?“ жестокое рабство
Не подгоняетъ тебя, и ничто извнѣ не приходитъ
Нервы будить; но когда въ серединѣ печени хворой
Произойдутъ господа, ужель безнаказаннѣй выйдешь
Тѣхъ, коихъ шлютъ ко скребку и кнутъ, и страхъ господина?
Утромъ, лѣнивецъ, храпишь.—„Встань“, крикнетъ алчность, живѣе
„Встань!“—Не встаешь; да встань, повторяетъ.—Не хочется.—
Встань же.
Дѣлать-то что?—Хочешь знать? Вывози-ка ты рыбу изъ Понта,
Паклю, эбенъ, касторей и ладонъ и Коссъ мягковатый;

обычаю отмѣчать благопріятное мѣломъ, а неблагопріятное—углемъ. 110) Для вспомоществованія неимущимъ. 115) Говорящій не кичится собственною нравственною высотой и причисляетъ себя къ людямъ самой обычной закваски. 118) Большинство толкователей считаютъ этотъ образъ заимствованнымъ у ребяческой игры, въ которой два лагеря натягиваютъ и опускаютъ два противоположныхъ конца веревки. 119) Человѣкъ порочный, грѣшный, чтобы ни сдѣлалъ, все выйдетъ грѣховнымъ, хотя бы такая безразличная вещь какъ вытягиваніе пальца. 123) Какъ сатиръ за Ваѳилломъ. Ваѳиллъ вольноотпущенникъ и любимецъ Мецената, знаменитый танцовщикъ въ пантомимахъ при Августѣ, коего главными ролями, вѣроятно, были пляски сатира. 125) Смыслъ: ужели только формально вольноотпущенный можетъ тебѣ какъ рабу приказывать? 126) Публичныя бани, посѣщаемыя въ Римѣ преимущественно среднимъ и бѣднымъ классами (такъ какъ у знати были домашнія бани), назывались именами своихъ учредителей. Такъ и здѣсь баня носитъ названіе Криспина, упоминаемаго Ювеналомъ (1, 27; IV, 1). Онъ былъ египетскій рабъ изъ Канопа и, получивши свободу при Неронѣ, при богатствѣ дослужился до magister equitum. Мѣдный скребокъ—для соскребанія пота и елея. 129) Въ серединѣ печени хворой; печень считалась у древнихъ мѣстопребываніемъ страстей. Развѣ голоса страстей, возникающихъ въ душѣ, не такіе же господа? 135) Касторей—бобровая струя. Коссъ мягковатый; надо здѣсь

Digitized by Google

Перецъ сперва ты сними съ истощеннаго жаждой верблюда;
Вымѣняй что; разбожусь.—Но Юпитеръ услышитъ.—Эхъ, глупый!
Будь доволенъ считать и, пальцемъ вертя по солонкѣ,
Вѣкъ проводить, коль жить съ Юпитеромъ только намѣренъ!
Ужъ на рабовъ, подсучась, бутыль ты вьючишь да кожи:
Поскорѣй на корабль! Ничто не мѣшаетъ Эгейской
Влаги килемъ бороздить: когда бъ сластолюбіе раньше
Ловко не стало твердить: Куда жъ ты, безумецъ? Куда ты?
Что затѣваешь? Въ груди горячей твоей закипаетъ
Мощная желчь, что залить не въ силахъ и урна цикуты?
Тыль черезъ море шагнешь? Прислонясь къ витому канату,
Станешь ли ѣсть на скамьѣ, и красненькимъ будетъ Вейенскимъ,
Запахъ смолы получа, отзываться плохая кубышка?
Хочешь чего? Чтобы здѣсь добывавшія деньги лишь скромно
Пять приносили въ поту одиннадцать роста скупому?
Генія ты ублажи, насытимся сладостью! Наше
Вотъ, что живешь ты; золой и тѣнью и сказкою станешь.
Помня о смерти, живи! Проносится часъ, какъ и слово.
Ахъ, что съ тобой? Два крючка тебя въ двѣ стороны тянутъ.
За однимъ ли пойдешь иль другимъ? Придется колеблясь
Часомъ служить господамъ и часомъ опять обѣгать ихъ.
Также коль разъ устоялъ, отказавшись настойчивой власти
Слушаться, не говори: уже я расторгнулъ оковы;
Ибо съ усиліемъ рветъ и собака привязь; однако
Какъ побѣжитъ, волочитъ часть длинную цѣпи на шеѣ.

. . . . . .

Властенъ ли самъ надъ собой искатель, котораго въ бѣломъ
Честолюбіе мучитъ? Не спи и побольше гороху
Черни драчливой давай, чтобъ наши Флораліи помнить,
Грѣясь, могли старики; чего жь красивѣй? Но только
Ирода дни подойдутъ и на окошкѣ прилитомъ

подразумѣвать бѣлое и нѣжное вино съ острова Косса. 137) Алчность, заставляющая торговца лживо божиться, поясняетъ ему, что отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ. 138) Цальцемъ вертя по солонкѣ—пустой. 147) Красненькимъ Вейенскимъ. Въ области древняго этрусскаго города Вей выдѣлывалось красноватое и весьма плохое вино, которое пили матросы и, по свидѣтельству Горація (Сат. II, 3, 143) и Марціала (I, 104, 9),—пирующіе скупцы. 151) Генія ты ублажи:—собственнаго, то есть, доставь самому себѣ отраду. 176) До крайности смѣлое выраженіе: Cretata ambitio—намѣченное честолюбіе въ смыслѣ появленія искателей передъ знатными покровителями въ блестящей бѣлой тогѣ, откуда и самое названіе кандидата мы рѣшились перевести ближе къ дѣйствительному смыслу. 178) Честолюбецъ въ весенній праздникъ Флоралій нарочно угощаетъ чернь дешевымъ лакомствомъ: горохомъ, о каковомъ угощеніи со временемъ будутъ даже вспоминать на солнцѣ грѣющіеся старики (говорится иронически). 180) По мѣрѣ охлажденія къ національному культу, римляне все болѣе увлекались чужеземными, а именно іудействомъ и поклоненіемъ Изидѣ и Кибелѣ.

Digitized by Google

Жирный дымъ испускать начнутъ размѣщенныя лампы
Подъ фіалками всѣ и, на блюдѣ раскинувшись красномъ,
Хвостъ тунца поплыветъ и виномъ запѣнится чаша,
Губы молчкомъ шевелишь предъ субботой обрѣзанныхъ блѣдный.
Тутъ-то лемуры въ ночи и съ яйцомъ, что треснуло, бѣды,
Галлы огромные тутъ и съ систромъ раскосая жрица
Пучащихъ тѣло боговъ въ тебя посылаютъ, коль только
Ты по закону съ утра не сжуешь чесноку трехъ головокъ.
Это скажи посреди неуклюжихъ ты центуріоновъ,
Расхохочется вдоволь надолго Вульфенній огромный,
И сто грековъ продастъ за сотню мельчайшей монеты".

А. А. Фетъ.

Изъ Ювенала:—**Сатира 1-я** [1]).

„Вѣчно ль я слушатель только? Ужель никогда не отмщу я,
Столько истерзанный разъ Тезеидой охрипшаго Корда? [2])
Такъ безнаказанно будетъ читать мнѣ комедіи этотъ,
Тотъ все элегіи? День безнаказанно отнялъ огромный
Телефъ [3]) или, при поляхъ уже полныхъ послѣдней страницы,

Іудейскія празднества обозначены днями Ирода. 182) На блюдѣ красномъ, какъ вообще вся посуда, приготовлявшаяся въ Ареціумѣ въ Этруріи. Вся обстановка религіознаго шабаша внушаетъ малодушному суевѣрный страхъ. 185) Лемуры, у римлянъ то же, что наши привидѣнія. Въ числѣ гаданій было такое: за положеннымъ въ жаръ яйцомъ наблюдали, начнетъ ли оно выкипать сверху или снизу, но совершенный его разрывъ предвѣщалъ бѣду. 186) Галлами назывались искалѣченные жрецы Кибелы. Во Фригіи на горѣ Идѣ почитали Кибелу подъ именемъ великой матери или матери боговъ. Въ Римѣ съ 204 года до Р. Х. ей посвященъ былъ храмъ на Палатинскомъ холмѣ. Раскосая жрица—египетской богини Изиды. Систръ—мѣдная трещетка культа Изиды. Раскосая—постоянный эпитетъ жрицы Изиды, такъ какъ, по видимому, въ эту должность избирались старыя и безобразныя женщины. 188) Жевать чеснокъ, служившій вмѣстѣ съ лукомъ обычною пищею египтянъ, заставляетъ суевѣрныхъ жрица Изиды въ искупленіе какого либо религіознаго проступка. 189) Это скажи, то-есть, коснись болѣе тонкаго обсужденія свободы человѣка. Неуклюжихъ центуріоновъ—военныхъ сотниковъ, вышедшихъ изъ самыхъ низкихъ народныхъ слоевъ, и потому являющихся представителями неотесанности. 190) Гейнрихъ предполагаетъ, что Вульфенній есть латинизированное нѣмецкое имя Вульфъ какого-нибудь здоровеннаго парня изъ германской гвардіи, каковая при Римскихъ императорахъ состояла со времени Тиверія и передана здѣсь центуріонамъ, какъ представителямъ разряда людей, презирающихъ все высшее и благородное. 191) Ювеналъ жалуется на всякаго рода греческихъ проходимцевъ, которыхъ народъ вообще обзывалъ гречатами (graecula). Подъ это же презрительное имя попадали въ устахъ какого-нибудь Вульфенція и греческіе философы стоики, за которыхъ онъ не дастъ ни копѣйки. 1) Прилагаемыя къ данной сатирѣ примѣчанія заимствованы частію у Фета, частію у Андрея Адольфа. 2) Тезеида, какъ Энеида, Ахиллеида и т. д., поэма о Тезеѣ неизвѣстнаго поэта Корда, котораго не должно смѣшивать съ историкомъ того же имени. 3) Царь Мизійскій Телефъ, раненый копьемъ Ахил-

Digitized by Google

Даже изнанку занявшій Орестъ [4]), но къ концу не пришедши? [5])
Домъ свой такъ никому не знакомъ, какъ знакома мнѣ роща
Марса [6]) и гротъ Вулкана въ сосѣдствѣ утесовъ Эола [7]).
Что у Вѣтровъ творится [8]), какія Эакъ [9]) истязаетъ
Тѣни, откуда иной [10]) увозитъ золото шкуры
Краденой, сколь колоссальные ясени Монихъ метаетъ [11]),—
Вѣчно платаны [12]) Фронтона [13]) кричатъ и расшатанный мраморъ,
И надорвались уже столбы отъ усиленныхъ чтеній.
Можешь ты ждать того жъ отъ великихъ и малыхъ поэтовъ.
Такъ вѣдь и я изъ-подъ розги отдергивалъ руку [14]); я также
Суллѣ совѣтъ подавалъ [15])—глубоко простымъ гражданиномъ
Спать; снисходительность глупая—столько повсюду встрѣчая
Вѣщихъ поэтовъ, беречь обреченную сгинуть бумагу.
Но почему предпочелъ я на поприщѣ томъ подвизаться,
Гдѣ направлялъ коней великій питомецъ Аврунки [16]),
Я объясню, коль есть время у васъ и терпѣнье послушать.
. . . . . .
Если патриціевъ всѣхъ одинъ вызываетъ богатствомъ

лосса, долженъ былъ получить исцѣленіе отъ прикосновенія того же копья. Тему эту Энній обработалъ по Эврипиду, а Акцій по Эсхилу. 4) Орестъ — сынъ Агамемнона, испытавшій много невзгодъ. 5) Сочиненіе объ Орестѣ такъ пространно, что, хотя послѣдній листъ и поля и даже на оборотѣ листа все исписано, но конца всетаки нѣтъ. 6) Роща Марса въ Колхидѣ, гдѣ драконъ стерегъ золотое руно. 7) Гротъ Вулкана— это островъ, называвшійся въ древности Гіера, нынѣ Volcano, къ сѣверу отъ Сициліи, первый изъ Липарскихъ острововъ; на одномъ изъ нихъ, по преданію, было мѣсто пребыванія Эола, царя вѣтровъ; отсюда-то Липарскіе острова назывались Эоловыми; здѣсь они названы утесами Эола, ибо были скалисты. Всѣ эти острова вулканическаго происхожденія; по преданію, на островѣ Гіерѣ находилась въ глубинѣ земли мастерская Вулкана, бога огня, гдѣ онъ ковалъ оружіе для Энея. 8) Что у Вѣтровъ творится — обозначаютъ описанія бурь, воздвигаемыхъ вѣтрами на гибель героямъ, странствующимъ по морямъ, 9) Эакъ — судья подземнаго міра. 10) Иной — Язонъ, предводитель аргонавтовъ, похитившій золотое руно, съ презрѣніемъ названное здѣсь „золотомъ краденой шкуры.“ 11) Монихъ — одинъ изъ кентавровъ, приглашенныхъ лапиѳами на свадьбу Пиріѳоя. Преданіе разсказываетъ, что кентавры вздумали произвести на свадьбѣ похищеніе лапиѳянокъ; въ завязавшейся борьбѣ противъ кентавровъ выступилъ Кеней, бывшій прежде дѣвицей, но Нептуномъ превращенный въ юношу и одаренный свойствомъ не погибнуть отъ меча. Монихъ, зная это, поразилъ его стволомъ огромнаго ясеня и лишилъ жизни. 12) Платанъ—восточный кленъ—въ древности очень любимое за свою красоту и обильную тѣнь дерево. 13) Богатый домовладѣлецъ Фронтонъ, обсадившій переднюю часть дома платанами, предоставлялъ свою мраморную залу поэтамъ, потрясавшимъ стѣны и колонны своими чтеніями. 14) Розга, изъ-подъ которой поэтъ отдергивалъ руку, обозначаетъ низшую школу грамматика, гдѣ она царила, какъ традиціонное педагогическое средство. 15) Суллѣ совѣтъ подавалъ, т. е. въ качествѣ ученика-ритора произносилъ рѣчь на тему въ родѣ: размышленія Суллы о томъ, оставаться ли ему диктаторомъ или нѣтъ. 16) Великій питомецъ Аврунки — Луцилій, родившійся въ Кампанскомъ

Digitized by Google

Тотъ, кто мнѣ юношѣ стригъ тяжелую бороду съ трескомъ [17]);
Если одинъ изъ нильскихъ плебеевъ, рабъ изъ Канопа [18]),
Если Криспинъ [19]), свой тирійскій плащъ поправляя плечами,
Лѣтнее золото все прохлаждаетъ на пальцахъ вспотѣвшихъ
И выносить не можетъ тяжести большихъ каменьевъ: [20])
Трудно сатиры тогда не писать. Кто къ порочному Риму
Столь равнодушенъ, на столько желѣзный, чтобъ воздержаться,
Если Маѳонъ адвокатъ приближается въ новыхъ носилкахъ,
Полныхъ самимъ [21]); вслѣдъ-на важнаго друга доносчикъ [22]), готовый
Быстро похитить все, что отъ съѣденной знати осталось,
Тотъ, кого Масса боится, кого ублажаютъ дарами
Каръ и дрожащій Латинъ [23]), ...
. . . . . .
Что говорить, какимъ гнѣвомъ пылаетъ изсохшая печень,
Если кліентовъ толпою народъ тѣснитъ здѣсь грабитель,
Ввергшій въ развратъ сироту, а тамъ осужденный рѣшеньемъ
Тщетнымъ суда—что чести потеря, коль въ цѣлости деньги?—
Марій, изгнанникъ, съ восьми ужъ кутитъ, наслаждаясь, хоть боги
Гнѣвны, а ты, одержавши побѣду, провинція, плачешь! [24])

городѣ Суэссѣ Аврункской. 17) Тотъ вѣроятно Циннамъ, который, по свидѣтельству Марціала—VII, 64 изъ брадобрѣевъ по милости госпожи попалъ во всадники. На подобныхъ выскочекъ Римъ смотрѣлъ недружелюбно. 18) Канопъ—Египетскій городъ при устьяхъ Нила. 19) Криспинъ, выведенный въ люди Домиціаномъ, разыгрываетъ знатнаго щеголя. 20) Криспинъ носитъ на пальцахъ лѣтнее золото, т. е. лѣтнія золотыя кольца, ибо роскошь создала нелѣпую моду лѣтомъ носить кольца полегче, съ драгоцѣнными камнями, красиво играющими на солнцѣ; зимою, вѣроятно, носили другія кольца, которыя лѣтомъ были слишкомъ тяжелы для Криспина, какъ иронически замѣчаетъ сатирикъ. 21) Маѳонъ—одинъ изъ бѣдныхъ адвокатовъ. Онъ заказалъ себѣ новыя носилки, за которыя, быть можетъ, не заплатилъ, и, важно въ нихъ развалившись, показывается въ многолюдномъ мѣстѣ. Онъ одинъ наполнилъ носилки, не вслѣдствіе своей толщины, а вслѣдствіе напускной важности съ цѣлью пустить пыль въ глаза своимъ довѣрчивымъ кліентамъ. Носилки (lecticae) напоминали собою наши диваны и были такъ просторны, что на нихъ свободно можно было спать, растянувшись, какъ на постели, даже читать и писать. Иногда онѣ дѣлались закрытыми и тогда съ окнами; въ такихъ носилкахъ обыкновенно помѣщались двое. Вообще, носилки замѣняли въ Римѣ наши экипажи, такъ какъ конное и муловое движеніе въ городѣ запрещалось. Каждый болѣе или менѣе состоятельный человѣкъ имѣлъ свои носилки и собственныхъ одѣтыхъ въ ливрею носильщиковъ, числомъ которыхъ между прочимъ опредѣлялось состояніе ихъ владѣльца. Болѣе бѣдныхъ носили два носильщика, а болѣе богатыхъ—четыре, шесть, даже восемь; по ихъ числу и носилки назывались tetraphora, hexaphora и octophora. Въ носильщики брались обыкновенно высокаго роста здоровые и широкоплечіе рабы изъ Азіи, главнымъ образомъ либурны изъ Иллиріи; впослѣдствіи и германцы. 22) Можно предполагать, что непоименованный здѣсь доносчикъ знаменитый при Домиціанѣ М. Аквилій Регулъ. 23) Актеръ Латинъ, бывшій въ великой милости у Домиціана. 24) Марій Прискъ ограбилъ Африку, какъ нѣкогда

Digitized by Google

Этого ль мнѣ не считать венузійской достойнымъ лампады? [25])
Этимъ ли мнѣ не заняться? . . . . . .
. . . . . .
Развѣ не хочется средь перекрестка наполнить таблички
Книжки объемистой [26]), коль на шести уже шеяхъ несется,
Видный съ обѣихъ сторонъ на носилкахъ почти незакрытыхъ,
Сильно собой Мецената небрежнаго напоминая,
Для завѣщаній подложныхъ свидѣтель, что блескъ и богатство
Маленькой писчей дощечкой стяжалъ и влажной печатью? [27])
Это вотъ важная дама, что легкимъ калесскимъ готовясь
Жажду супруга толить, подбавляетъ отравы отъ жабы,
И наставляетъ неопытныхъ родственницъ лучше Лукусты [28]),
Какъ хоронить, при толкахъ толпы, почернѣвшихъ супруговъ.
Сдѣлай что—либо, что стоитъ тюрьмы и утесовъ Гіара [29]),
Если чѣмъ-либо быть хочешь: честность хвалима—и зябнетъ [30]).
Только злодѣйствами парки, дворцы и столы [31]) наживаютъ,

Верресъ Сицилію, и обвиненный Плинніемъ во взяточничествѣ, осужденъ былъ на изгнаніе. Провинціи мало радости, что она на судѣ одержала верхъ, когда ей приходится голодать въ то время, какъ изгнанный Марій пьетъ цѣлый день на награбленныя деньги. 25) Подобные факты поневолѣ наталкиваютъ на сатиру и дѣлаютъ невозможными сюжеты миѳологическіе, далекіе отъ дѣйствительной жизни. Сатира обозначена тутъ Венузійской лампадой, причемъ Венузійской значитъ Горацієвой, ибо Горацій былъ уроженецъ города Венузія, лежавшаго на границѣ Апулін и Луканіи. Лампада, обыкновенный у древнихъ писателей символъ литературнаго труда, свидѣтель тяжелаго ночнаго труда писателя. Здѣсь подъ словами Венузійская лампада разумѣется не только Горацієва сатира, но все направленіе, данное Луциліемъ. 26) Ювеналъ ведетъ читателя на перекрестокъ, т. е. въ многолюдную толпу, и показываетъ ему явныхъ преступниковъ, свободно, даже съ чувствомъ гордости разгуливающихъ среди народа. Преступники взяты самые характерные, дѣло которыхъ совершалось невозбранно при свѣтѣ дня и служило для нихъ источникомъ обогащенія. Таблички книжки, въ подлинникѣ cerae,—навощенныя таблички, т. е. липовыя дощечки, покрытыя слоемъ краснаго воска, на которыхъ писали при помощи острой палочки, стила; иногда нѣсколько дощечекъ складывались вмѣстѣ въ одну книжку, и тогда каждая дощечка была снабжена деревянной рамкой, чтобы онѣ не слипались. Книжки дѣлались изъ двухъ, трехъ, даже пяти дощечекъ (diptychi, triplices, quintuplices cerae). Смыслъ стиха 63-го таковъ: любое мѣсто, гдѣ только сходятся люди, даетъ столько матеріала для сатиры, что можно исписать объемистую записную книжку. 27) И влажной печатью—ничтожными клочками бумаги съ фальшивой записью и поддѣльными печатями. 28) Лукуста – извѣстная приготовительница ядовъ, оказавшая услуги Агриппинѣ и Нерону 29) Гіаръ—нынѣ Calairo одинъ изъ Цикладскихъ острововъ въ Эгейскомъ морѣ, служившій во времена Ювенала мѣстомъ ссылки преступниковъ. 30) Слова „Честность хвалима—и зябнетъ“ имѣютъ значеніе поговорки: честность всѣ хвалятъ, но въ жизни ее никто не осуществляетъ, ибо она ничего не даетъ. 31) Столы – роскошно и художественно сдѣланные столы, цѣнившіеся у древнихъ очень дорого, иногда до 50

Digitized by Google

Старое также сребро и козла, что стоитъ на бокалѣ [32]).

. . . . . .

Если откажетъ природа, то негодованіе сложитъ
Стихъ, какой только можетъ, какъ мой или какъ Клувіена [33]).
Съ той поры, какъ во время дождей, поднимавшихъ пучину,
Въ суднѣ всплылъ на гору Девкаліонъ [34]) и спросилъ изреченій,
И понемногу дыханьемъ согрѣлися мягкіе камни,

. . . . . .

Все, что ни дѣлаютъ люди, желанье, страхъ, гнѣвъ, наслажденье,
Радости всѣ и тревоги—вотъ книжки моей содержанье.
Да и когда былъ обильнѣй запасъ пороковъ? Когда же
Жадности такъ разверзалася бездна? Когда же имѣла
Ярость такую игра? Вѣдь теперь съ кошелькомъ ужъ не ходятъ
Къ риску игорныхъ столовъ, но, сундукъ поставивъ, играютъ.
Что за сраженія можешь увидѣть ты тамъ, при кассирѣ
Оруженосцѣ! [35]) Простая ли глупость сто тысячъ сестерцій [36])
Такъ потерять, не давая рабу продрогшему платья?
Кто же изъ предковъ такъ много дворцовъ воздвигалъ, кто обѣдалъ
Въ семь перемѣнъ одиноко? А нынѣ на первомъ порогѣ
Жалкую ставятъ подачку [37]), чтобъ въ тогахъ толпа [38]) расхищала.
Онъ однако же смотритъ сначала въ лицо и дрожитъ, чтобъ
Ты подставнымъ не пришелъ, подъ именемъ требуя ложнымъ.
Если признаютъ, получишь. Велитъ онъ глашатаю кликать
Даже потомковъ Троянъ: и они обиваютъ пороги
Такъ же, какъ мы.—„Дай претору, дай же потомъ и трибуну!“—
Но тутъ отпущенникъ—первый. „Я прежде пришелъ“, говоритъ онъ:
„Что мнѣ бояться и смѣло свое не отстаивать мѣсто,
Хоть у Евфрата рожденъ я, въ чемъ женскія въ ухѣ окошки

тысячъ рублей и болѣе. 32) На бокалѣ—мастерское изображеніе рельефа на кубкѣ. 33) Клувіенъ—неизвѣстный, плохой стихотворецъ. 34) Девкаліонъ,—сынъ Прометея, спасшійся во время потопа съ своею женою Пиррою въ кораблѣ, приставшемъ къ горѣ Парнассу. Тамъ, по преданію, Девкаліонъ вышелъ изъ корабля и обратился къ Ѳемидѣ, имѣвшей тутъ же свой храмъ, съ вопросомъ, какъ ему, при его преклонныхъ лѣтахъ, возстановить на землѣ родъ человѣческій. Онъ получилъ отвѣтъ, что для этой цѣли онъ съ женою Пиррой должны бросать назадъ за себя кости своей великой матери. Въ костяхъ онѣ признали камни, и изъ камней, бросаемыхъ Девкаліономъ, произошли мужчины, а изъ камней, бросаемыхъ Пиррой,—женщины. 35) Рабъ кассиръ, который тутъ же у игральнаго стола производилъ расчетъ и велъ все счетоводство. 36) Сестерцій — около 5000 рублей сер. 37) Sportulae—собственно корзиночка съ остатками отъ трапезы, вручавшаяся патрономъ приходившему кліенту. Но во времена богатства такая подачка изъ натуральной превратилась въ денежную, возбуждая съ одной стороны жадность кліентовъ, получавшихъ подачку у дверей многихъ патроновъ, а съ другой скупость, такъ какъ при императорахъ кліенты уже не могли приносить прежней пользы патрону. 38) „Въ тогахъ толпа“, т. е. толпа гражданъ, а не рабовъ и чуже-

Digitized by Google

Изобличили бъ меня, если бъ я отрицалъ. Но пять лавокъ
Мнѣ вѣдь четыреста тысячъ даютъ. Что пурпуръ широкій
Лучшаго дастъ, когда ужъ Корвинъ [39]) въ лаврентинской деревнѣ
Самъ караулитъ наемныхъ овецъ, а я больше имѣю,
Чѣмъ и Палласъ и Лицины [40])?"—Такъ пусть ожидаютъ трибуны,
Пусть побѣждаетъ богатство, пусть выше священнаго сана
Тотъ, кто недавно съ бѣлыми прибылъ въ нашъ городъ ногами [41]),
Такъ какъ межъ нами величье богатства священнѣй величій
Всякихъ боговъ, хотя ты, роковой Капиталъ, еще въ храмѣ
Не обитаешь, еще алтарей не воздвигли мы деньгамъ,
Какъ почитаютъ и Вѣрность, и Миръ, и Побѣду и Доблесть,
Также Согласье, что всѣмъ изъ гнѣзда на привѣты стрекочетъ [42]).
Но ужъ когда наивысшій санъ въ концѣ года считаетъ,
Что подачка даетъ, какъ она умножаетъ доходы,—
Что же тѣмъ дѣлать кліентамъ, у коихъ и платье, и обувь,
Хлѣбъ и дымъ дома [43]) отсюда? Вотъ цѣлой толпою носилки
Лѣзутъ за сотней квадрантовъ [44]), и слѣдомъ за мужемъ больная
Или тяжелая ходитъ жена отъ дома до дома.
Этотъ, ужъ зная пріемъ, для жены, хоть и нѣтъ ея, проситъ,
Вмѣсто жены представляя пустое, закрытое кресло.
„Галла моя", говоритъ: „отпусти поскорѣе! Ты медлишь?
Высунь же голову, Галла! Не безпокой, почиваетъ".—[45])

земцевъ, которымъ спортула была недоступна. 39) Корвинъ—какой-то захудалый потомокъ знаменитаго рода Валеріевъ, прославленнаго между прочимъ извѣстнымъ диктаторомъ въ Самнитскихъ войнахъ Маркомъ Валеріемъ Корвомъ и хорошимъ ораторомъ и другомъ Августа, Мессалой Корвиномъ. 40) Палласъ, камердинеръ императ. Клавдія, составилъ себѣ состояніе около 15 милліоновъ руб. сер. Лицинъ, рабъ Цезаря, вывезенный изъ Галліи. Ставши прокуроромъ на родинѣ, онъ нажилъ громадное богатство. Здѣсь множествен. число только указываетъ на подобныхъ ему людей. 41) Рабамъ, выставляемымъ на продажу, для видимости, бѣлили мѣломъ ноги. 42) Храмъ Согласія былъ построенъ еще Камилломъ въ 367-мъ году до Р. Х. на склонѣ Капитолія въ ознаменованіе прекращенія борьбы между патриціями и плебеями. На крышѣ этого храма аистъ свилъ себѣ гнѣздо и, возвращаясь къ птенцамъ, по привычкѣ стрекоталъ своимъ клювомъ. Благочестивый римлянинъ, проходя мимо, благоговѣйно привѣтствовалъ святыню и, какъ бы въ отвѣтъ на свое привѣтствіе, слышалъ часто стрекотаніе аиста. Ювеналъ здѣсь юмористически отождествляетъ божество Согласія съ аистомъ. Въ Римѣ было еще нѣсколько храмовъ Согласія. 43) Дымъ дома—бѣдная, дымная комната гдѣ нибудь на чердакѣ. 44) Сто квадрантовъ—около 40 коп. 45) Пробравшись сквозь толпу къ казначею, онъ тономъ, недопускающимъ сомнѣнія, говоритъ: „Это моя жена Галла; давай поскорѣй и насъ не задерживай." Но казначей, которому, вѣроятно, не разъ приходилось дѣлаться жертвою обмана, съ недовѣріемъ смотритъ на закрытыя носилки. Тогда просящій рѣшается взять свое смѣлостью. „Что же ты мѣшкаешь, точно не вѣришь?" говоритъ онъ казначею.—„Ну-ка, Галла, высунь голову! покажись!" обращается онъ къ носилкамъ, но, не получивъ никакого отвѣта, проситъ казначея ея не бозъ покоить: „Не тревожь ея: она заснула." Обманъ удается, какъ нельзя лучше, и мужъ

Digitized by Google

Самый день раздѣляется [46]) славнымъ порядкомъ занятій:
Прежде подачка, тамъ—форумъ [47]) и опытный въ правѣ Аполлонъ, [48])
И тріумфальныя статуи, между которыхъ дерзнули,
Надпись имѣть египтянинъ одинъ и начальникъ арабовъ [49]),
. . . . . .
Старые, сильно уставши, уходятъ отъ сѣней кліенты
И разстаются съ мечами, хоть дольше всего ожидаютъ
Люди обѣда; купить надо бѣднымъ и дровъ и капусты.
Лучшее тою порой изъ лѣсовъ и морей поглощаетъ
Ихъ покровитель, лишь самъ на пустыхъ разлегшись подушкахъ;
Ибо при столькихъ изящныхъ столахъ, и просторныхъ, и древнихъ,
Лишь за единымъ столомъ все наслѣдіе предковъ съѣдаютъ.
Ужъ паразитовъ не будетъ. Но кто перенесъ бы такую
Роскоши скупость? Какая же глотка, что цѣлыхъ кабановъ
Ставитъ передъ собою,—животныхъ, рожденныхъ для пира!
Но наказанье какъ тутъ, когда ты одѣянье снимаешь,
Полный ѣдою, и въ баню сырого приносишь павлина.
Смерти отсюда внезапныя, безъ завѣщанія старость—
И, что не грустною новостью всѣ облетаетъ обѣды,
Тянется шествіе къ злобѣ друзей [50]) при кликахъ народа.
Болѣе нечего будетъ потомству ко нравамъ прибавить
Нашимъ: такія жъ дѣла и желанія будутъ у внуковъ.
Всякій порокъ на стремнинѣ стоитъ; владѣй парусами.

получаетъ еще долю своей жены. 46) Раздѣляется—у богатаго патрона. 47) Форумъ—мѣсто общественныхъ собраній, гдѣ происходила торговля и разбирались тяжбы. 48) Статуя Аполлона на форумѣ до того наслушалась судоговореній, что Аполлонъ сталъ ученымъ юристомъ. 49) Арабовъ—Августъ украсилъ свой форумъ двумя роскошными портиками, т. е. галереями съ колоннадой, и въ промежуткахъ между колоннами велѣлъ воздвигать статуи знаменитыхъ тріумфаторовъ (Свет. Авг. 31) съ подобающими надписями на пьедесталѣ. Число статуй со временемъ увеличивалось, и рядомъ съ людьми, достигшими этого почета потомъ и кровью, какъ выражается Плиній младшій (Письма II, 7), удостоивалось статуи очень много такихъ лицъ, которыя, по словамъ того же Плинія, никогда не были въ бою, никогда не видѣли лагеря и звуки трубъ слышали только на зрѣлищахъ. Такими именно героями и были упоминаемыя Ювеналомъ лица: какой-то призрѣнный египтянинъ (въ родѣ Криспина) и начальникъ (шейхъ) арабовъ, добившіеся почести только благодаря своему богатству. Начальникъ арабовъ—въ подлинникѣ Arabarches; это слово греческаго происхожденія, и при переводѣ мы придерживались этимологическаго значенія, хотя, по нѣкоторымъ даннымъ, подъ этимъ словомъ можно понимать какое-то довольно важное должностное лицо по сбору податей въ Египтѣ. Откупщики податей (publicani) наживали себѣ огромныя состоянія и, при всемъ своемъ могуществѣ, пользовались презрѣніемъ у всѣхъ честныхъ людей. 50) Къ злобѣ друзей не получившихъ ожидаемаго наслѣдства.

Digitized by Google

Все распускай полотно! Но, быть можетъ, ты скажешь: „Откуда
Равный талантъ матеріалу? откуда у прежнихъ поэтовъ
Та откровенность писать, что бъ имъ ни хотѣлось при мысли
Разгоряченной?—Чье не дерзаю я вымолвить имя?
Важность какая, прощаетъ иль нѣтъ мои Муцій намеки [51])!—
Выставь теперь Тигеллина [52])—и въ факелѣ томъ ты засвѣтишь,
Въ коемъ тѣ стоя горятъ, что дымятся съ пронзенною грудью,
И широкую ты борозду средь арены проводишь.“—[53])
Значитъ, кто далъ тремъ дядямъ отравы [54]), можетъ кататься
Тотъ на висячихъ подушкахъ, меня презирая оттуда?—
„Если онъ встрѣтится, ты положи себѣ палецъ на губы:
Будетъ доносчикомъ тотъ, кто слово лишь вымолвитъ: вотъ онъ!
Но безопасно ты можешь Энея съ отважнымъ Рутуломъ
Въ битву сводить, никому не обидна смерть Ахиллеса,
Также исканія Гила, который ушелъ за сосудомъ [55]).

---

51) „Намеки.—Въ примѣръ возможной въ прежнее время откровенности Ювеналъ приводитъ въ свободной передачѣ гордыя слова Луцилія: „Чье не дерзаю я вымолвить имя? Что за важность прощаетъ иль нѣтъ моимъ Муцій намекамъ“. Муцій—это Публій Муцій Сцевола, консулъ въ 133-мъ году до Р. Х., предметъ нападокъ Луцилія. 52) Тигеллина—Софоній Тигеллинъ—начальникъ преторіанцевъ при Неронѣ, любимецъ этого императора и участникъ во всѣхъ его распутныхъ затѣяхъ; онъ отличался необыкновенной кровожадностью и мстительностію, и жертвами этого человѣка пало много лучшихъ людей Рима. Послѣ низверженія Гальбы Тигеллинъ былъ приговоренъ къ смерти, но предпочелъ окончить жизнь самоубійствомъ. (Тацитъ, Ист. I, 72). Такъ какъ здѣсь Ювеналъ говоритъ о времени Домиціана, то невозможно допустить, чтобъ онъ имѣлъ въ виду самого Тигеллина, уже умершаго; вѣроятно, тутъ или разумѣется какое-либо всѣмъ извѣстное тогда лицо, приближенное къ Домиціану, которое Ювеналъ не хочетъ назвать изъ страха отвѣтственности, или имя Тигеллина употреблено въ нарицательномъ смыслѣ: сильный міръ сего. 53) Проводишь—Описывается двоякаго рода казнь: 1) сожженіе живымъ въ такъ называемомъ факелѣ Нерона и 2) обреченіе на борьбу съ дикими звѣрями на аренѣ амфитеатра. Факелы Нерона намъ извѣстны изъ знаменитаго мѣста Тацита (Лѣтопись XV, 44), гдѣ описывается казнь христіанъ, мнимыхъ виновниковъ пожара Рима. Ихъ обертывали въ ткань изъ Египетскаго папируса, облитую воскомъ, привязывали къ высокому столбу и, пригвоздивъ ихъ къ нему сквозь грудь, чтобъ держались прямо, поджигали этихъ несчастныхъ; срв. Сенека, Письмо XIV, 5. Такіе живые факелы освѣщали ночью сады императора. Другая казнь видна по ея послѣдствіямъ: растерзанный звѣрями трупъ обреченнаго на казнь служители крючьями стаскиваютъ съ арены въ такъ называемую раздѣвальню (spoliarium), при чемъ трупъ оставляетъ широкій слѣдъ на пескѣ арены. 54) Отравы—намекъ на упомянутаго выше Тигеллина, отравившаго трехъ своихъ дядей и присвоившаго себѣ ихъ состояніе по подложному завѣщанію. 55) За сосудомъ—Гилъ, любимецъ Геркулеса, сопровождавшій его въ походѣ Аргонавтовъ, былъ юноша столь необыкновенной красоты, что, отправившись разъ во время стоянки на Мизійскомъ берегу съ кувшиномъ за водой, былъ похищенъ нимфами. Долго искалъ Геркулесъ своего любимца; тѣмъ временемъ Аргонавты поѣхали дальше и оставили героя одного на негостe-

Digitized by Google

Только взмахнетъ, какъ голымъ мечомъ, горячій Луцилій,
Слушатель краской пылаетъ, у коего холодно сердце
Отъ злодѣяній, и потъ отъ тайной вины выступаетъ.
Злоба отсюда и слезы. Такъ прежде ты это обдумай,
Другъ, до трубы; кто шлемъ ужъ надѣлъ [56]), тому каяться поздно
Въ битвѣ".—Попробую, что противъ тѣхъ дозволяется, коихъ
Кости дорога Фламиньева, какъ и Латинская, кроетъ" [57]).

Андрей Адольфъ.

„Древній Римъ".

(III сатира I-й книги).

„Когда среди холмовъ разслабленнаго Рима
Одинъ слѣпой развратъ все давитъ несдержимо,
Когда опоры нѣтъ для честнаго труда,
И такъ податлива на подкупы нужда,—
Уйдемъ мы въ тѣ мѣста, гдѣ биться перестало
Крыло разбитое изгнанника Дедала [1]).
Пока я бодръ еще подъ серебромъ сѣдинъ,
Пока я безъ клюки брести могу одинъ,
И у Лахезы [2]) есть еще остатокъ пряжи—
Бѣгу изъ города корысти и продажи.
И гордый, вѣчный Римъ пусть слышитъ только гулъ
Однихъ откупщиковъ, на откупъ взявшихъ храмы,
Канавы грязныя, гноящіяся ямы,
И трупы горожанъ, и темные гроба,
И торгъ свободою забитаго раба,
Сносившаго отъ нихъ съ терпѣніемъ удары;
Пусть наводняютъ Римъ канатные фигляры,
Флейтисты, плясуны народныхъ площадей;
Толпа воровъ, убійцъ, наемщиковъ-судей,
Которые купить мѣста свои успѣли,
Хотя вчера еще ходили въ чужомъ тѣлѣ....
Что-жъ дѣлать въ Римѣ мнѣ? Ко лжи я не привыкъ.

пріимномъ берегу. Гилъ, который ушелъ за сосудомъ,—комическое выраженіе вм. Гилъ, утонувшій въ рѣкѣ съ своимъ кувшиномъ. Слова Виргилія въ Георгикахъ III, 6: „Кто не воспѣвалъ юноши Гила?" доказываютъ, что еще во времена Виргилія миѳъ о Гилѣ былъ избитой темой. 56) Надѣлъ—Надѣть шлемъ было знакомъ начала битвы; на походѣ римскій солдатъ несъ свой шлемъ на ремнѣ, перекинувъ его черезъ правое плечо. 57) Кроетъ—т. е. попробую, какъ далеко можетъ простираться изобличеніе пороковъ лицъ умершихъ. 1) Дедалъ—миѳологическій герой, изобрѣтатель топора и другихъ орудій, строитель лабиринта на островѣ Критѣ, куда за убійство онъ былъ посаженъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Икаромъ. Желая освободиться, Дедалъ сдѣлалъ себѣ и сыну крылья, но Икаръ подлетѣлъ слишкомъ близко къ солнцу, воскъ растаялъ, и онъ утонулъ; Дедалъ спасся на островъ Сицилію. О Сициліи и говоритъ теперь Ювеналъ. 2) Лахеза—одна изъ Паркъ, а именно та, которая прядетъ нить жизни.

Digitized by Google

Бездарнаго пѣвца не хвалитъ мой языкъ;
Не въ силахъ я кадить богатому болвану:
Я сыну богача предсказывать не стану,
Какъ магъ всезнающій, какъ наглый звѣздочетъ,
Когда отецъ его отъ дряхлости умретъ.
Бросаю съ ужасомъ проклятыя мѣста,
Гдѣ правду давитъ ложь, гдѣ честность—сирота,
Гдѣ сна покойнаго, правъ голоса лишенный,
Сталъ безполезенъ я, какъ нищій прокаженный....
Въ толпѣ предателей Римлянинъ здѣсь привыкъ
Знать много страшныхъ тайнъ—и подавлять свой крикъ,
Привыкъ ихъ хоронить, какъ кладъ хоронитъ скряга;
Но всѣ сокровища, добытыя изъ Тага,
Все золото земли, спася отъ нищеты,
Здѣсь не спасутъ тебя отъ черной клеветы,
Отъ злой безсонницы, отъ вѣчнаго испуга,
Отъ зависти враговъ и отъ доносовъ друга.
Квириты! [3]) Римъ ли здѣсь, иль Грецiя сама?
Да и одна ль она, Ахейская чума,
Явилась тучею роднаго горизонта?
Изъ дальней Сирiи, отъ береговъ Оронта
Намъ завѣщалъ изнѣженный востокъ
И нравы, и языкъ, и самый свой порокъ.
О, Ромулъ! ты своихъ потомковъ оцѣни:
Какъ гладiаторы раскрашены они,
И куклы цезарскихъ капризовъ и забавы—
Всѣ носятъ на себѣ значки минутной славы [4]).
Кому-жъ, кому-жъ теперь пріютомъ Римъ нашъ сталъ?
Со всѣхъ концовъ земли, отъ Самоса, изъ Траллъ,
Изъ Алабандъ [5]) сюда ворвались, словно рѣки,
Для козней и интригъ пронырливые Греки.
Забудемъ ли мы ихъ? они къ намъ занесли
Таланты всѣхъ людей, пороки всей земли.
Грекъ—это все: онъ риторъ, врачъ-обманщикъ,
Ученый и авгуръ, фигляръ, поэтъ и банщикъ.
За деньги онъ готовъ идти на чудеса,
Скажите: полѣзай сейчасъ на небеса!
Голодный, жадный Грекъ, лишь изъ-за корки хлѣба,
Не долго думая, полѣзетъ и на небо [6])....
О мнѣ-ль сносить, какъ пришлецовъ здѣсь чтутъ,
Какъ на пирахъ Римлянъ сидитъ Аѳинскій шутъ,

---

3) Квириты—почетное названiе Римлянъ. 4) Побѣдители на играхъ пользовались въ то время спортулою (пайкомъ) отъ двора цезарей и носили на шеѣ значки за свои побѣды въ циркѣ, и объ этихъ-то значкахъ и упоминается въ сатирѣ. 5) Траллы и Алабанды—города въ Карiи, въ Малой Азiи. 6) Намекъ не на Дедала, но на одного Грека, вре-

Digitized by Google

Потворствуя страстямъ и льстя неутомимо.
Прислушайтесь къ словамъ Аѳинскаго льстеца:
Онъ превозноситъ умъ ничтожнаго глупца,
Клянется въ красотѣ богатаго урода,
И чахлымъ старикамъ, у гробоваго входа
Влачащимъ жизнь свою усталую едва,
Съ обидной наглостью бросаетъ онъ слова:
„О, вы сильны еще, въ васъ вижу силы тѣ я,
Сильны, какъ Геркулесъ, стеревшій въ прахъ Антея". [7])
Смотрите наконецъ, какъ Грекъ мѣняетъ видъ:
Послѣдій самый Грекъ рожденъ комедіантомъ.
Смѣяться началъ ты,—тѣмъ смѣхомъ зараженъ,
Схватившись за животъ, уже хохочетъ онъ;
Ты плачешь,—плачетъ онъ и корчится отъ муки;
Ты подошелъ къ огню, отъ стужи грѣя руки—
Онъ, завернувшись въ плащъ, зубъ на зубъ не сведетъ;
Ты скажешь: „жарко мнѣ!"—Грекъ обтираетъ потъ,
И рукоплещетъ онъ, сгибаясь отъ поклона,
При каждой мерзости надутаго патрона".

Д. Минаевъ.

Съ полнымъ соотвѣтствіемъ дѣйствительности Горацій, Персій и Ювеналъ рисуютъ въ приведенныхъ сочиненіяхъ господствовавшіе пороки современнаго имъ римскаго общества: неудержимое влеченіе къ наживѣ, суетное тщеславіе знатностью рода помимо личныхъ заслугъ, наглое честолюбіе, безграничное своеволіе при отсутствіи истинной свободы, безразсудное стремленіе блеснуть мнимыми дарами природы, поразительную роскошь богачей при таковой же нищетѣ народа, совершенную безнаказанность и даже выгоду всевозможныхъ преступленій и проч. Выводя все это и подобное наружу, поэты тутъ же отражаютъ и свое душевное настроеніе, при чемъ, естественно, передаютъ его различнымъ образомъ. Горацій смотритъ на людскія заблужденія и глупости какъ-бы сквозь смѣхъ, видимо не столько возмущаясь, сколько забавляясь ими; поэтому его сатиры носятъ ясный отпечатокъ игривой, остроумной шутки, гдѣ сатирикъ, „не поражая общественнаго зла острымъ ножемъ гнѣва, но укалывая его тонкимъ остріемъ ироніи", старается лишь „ridendo dicere verum—смѣясь, высказывать правду". Персій глубоко скорбитъ о нравственномъ паденіи современниковъ; не находя другихъ средствъ для успѣшной борьбы съ окружающею мерзостью, онъ просто противопоста-

---

менъ Нерона, который пробовалъ летать въ Римѣ. 7) Антей миѳологическій гигантъ, сынъ Нептуна и земли. Геркулесъ три раза побѣждалъ его, но мать Антея всегда возвращала сыну прежнія силы. Наконецъ Геркулесъ задушилъ его въ своихъ объятіяхъ.

Digitized by Google

вляетъ ей возвышенные примѣры добродѣтели, вполнѣ вѣря, что послѣдніе окажутъ наконецъ свое благотворное дѣйствіе на читателей; скорбный, грустный тонъ—отличительная черта сатиры Персія. Ювеналъ уже прямо нападаетъ на крайнюю развращенность соотечественниковъ; не щадя ни сильныхъ, ѣдкихъ словъ, ни рѣзкихъ, яркихъ красокъ для ея изображенія, онъ открыто заявляетъ, что „гнѣвомъ горитъ его изсохшая печень“ и что одно негодованіе въ состояніи сдѣлать человѣка поэтомъ, если-бы у него и не было природнаго дарованія: „si natura negat, facit indignatio versum“. Бурнымъ, пламеннымъ негодованіемъ, крѣпкимъ, грознымъ обличеніемъ и проникнуты всѣ сатиры Ювенала—этого „бича порока и порочныхъ,“ по мѣткому выраженію Жуковскаго. Въ отношеніи построенія стиха сатирическія творенія разсматриваемыхъ писателей наоборотъ совершенно одинаковы: они всѣ написаны гекзаметромъ, который, подобно греческому ямбу, и служитъ такимъ образомъ единственнымъ стихотворнымъ размѣромъ позднѣйшей чисто-художественной римской сатиры.

Сатира у новыхъ поэтовъ. Съ характеромъ вполнѣ самостоятельнаго лирическаго произведенія, запечатлѣннаго художественностію содержанія и формы, сатира отъ римлянъ перешла къ новымъ европейскимъ народамъ, для которыхъ и осталась первообразомъ. У насъ ею началась даже новая поэзія. Первый нашъ свѣтскій писатель XVIII в. кн. Антіохъ Кантемиръ былъ именно сатирикомъ. Изъ девяти его сатиръ наилучшею выступаетъ первая, носящая двоякое заглавіе: „Къ уму своему“, такъ какъ начинается обращеніемъ автора къ своему уму и представляетъ разговоръ между ними, и „На хулящихъ ученіе“, потому что содержитъ осмѣяніе хулящихъ ученіе или противниковъ науки и вообще просвѣщенія. Изъ другихъ русскихъ сатиръ особенною извѣстностію пользуются: „Чужой толкъ“—Дмитріева, названная такъ потому, что въ ней авторъ собственныя разсужденія влагаетъ въ уста постороннихъ, придуманныхъ имъ лицъ, и „Дума“—Лермонтова.

„Къ уму своему“ [1]).

1. „Уме недозрѣлый плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ летящи дни вѣка проводити
Можно, и славу достать, хоть творцемъ не слыти [2]).

---

1) Всѣ нижеслѣдующія примѣчанія находятся въ „Собраніи сочиненій Кантемира.“ Сатира сія есть первый опытъ стихотворца въ семъ родѣ стиховъ; писана въ концѣ 1729 года, въ двадесятое лѣто его возраста. 2) Ст. 4. Творцемъ не слыти

Digitized by Google

Ведутъ къ ней не трудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали
Девять сестеръ. Многи на немъ силу потеряли [3])
Не дошедъ; нужно на немъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится,
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна мармарами саду;
Овцу не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду [4]).
Правда, въ нашемъ молодомъ Монархѣ надежда [5])
Всходитъ музамъ немала; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его. Аполлинъ славы въ немъ защиту
Своей не слабу почулъ, чтяща свою свиту
Видѣлъ его самого, и во всемъ обильно [6])
Тщится множить жителей Парнасскихъ онъ сильно [7]):
Но та бѣда, многіе въ Царѣ похваляютъ
За страхъ то, что въ подданномъ дерзко осуждаютъ.
Расколы и ереси науки суть дѣти,
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти,
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ.
Критонъ съ четками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ [8]),
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь къ церкви соблазну Библію честь стали;

Творецъ, тоже, что сочинитель или издатель книги, съ Латинскаго Авторъ. 3) Ст. 7 и 8 Девять сестеръ, Музы, изобрѣтательницы наукъ, Юпитера и Памяти дочери. Имена ихъ: Кліо, Уранія, Евтерпе, Эрато, Θалія, Мельпомена, Терпсихора, Калліопа и Полимнія. Обыкновенно имя музъ стихотворцы за самыя науки употребляютъ. Босы сирѣчь убогіе, для того, что рѣдко ученые люди богаты. 4) Ст. 14. Человѣкъ чрезъ науки не разбогатѣетъ. 5) Ст. 15. Въ нашемъ молодомъ Монархѣ. О Петрѣ Второмъ говоритъ, который вступилъ тогда въ пятое на десять лѣто своего возраста. 6) Ст. 18 и 19. Чтяща свою свиту, видѣлъ его самого. Въ Аполлиновой свитѣ находятся Музы. Петръ II собою показалъ образъ почитанія наукъ. Прежде нежели обремененъ былъ правленіемъ государства, самъ обучался приличнымъ такой высочайшей Особѣ наукамъ. По прибытіи своемъ въ Москву, Его Величество изволилъ подтвердить привилегіи надлежащія до Академіи Наукъ, учредивъ притомъ порядочные и постоянные доходы профессорамъ и прочимъ служителямъ. 7) Ст. 20. Подъ именемъ Парнасскихъ жителей разумѣются ученые люди. Симъ стихомъ стихотворецъ изъявляетъ великодушіе Монарха къ учителямъ, которые на иждивеніи Его Величества тщатся распространить науки, и пріумножить ученыхъ людей. 8) Ст 26. Вымышленнымъ именемъ Критона означается притворнаго богочтенія человѣкъ, невѣжда и суевѣрный, который наружности закона

Digitized by Google

Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ;
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишню чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали.
Сильванъ другую вину наукамъ находитъ [9]):
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ паводитъ:
Живали мы прежъ сего, не зная Латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи, должноль о томъ тужить дворянину:
Доводъ, порядокъ въ словахъ, подлыхъ (т. е. не дворянъ) то есть дѣло [10]),
Знатнымъ полно (т. е. довольно) подтверждать, иль отрицать смѣло.
Съ ума сошелъ, кто души силу и предѣлы [11])
Испытаетъ; кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать перемѣну [12])
Иль причину; глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни, иль въ ящикъ
Хотя грошъ? могу ль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ? какъ прибавитъ воду
Въ мой прудъ? какъ бочекъ число съ виннаго заводу?
Не умнѣе, кто глаза, полонъ безпокойства,
Коптитъ, печась при огнѣ, чтобъ вызнать рудъ свойства [13]);
Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе злата, серебра, мѣди.
Травъ, болѣзней знаніе, голы все то враки;
Глава-ль болитъ? тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Дать хощешь. Слабѣемъ ли, кровь тихо чрезмѣру
Течетъ; если спѣшно—жаръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло

существу его предпочитаетъ для своей корысти. 9) Ст. 41. Сильванъ другую вину... Подъ именемъ Сильвана означенъ старинный скупой дворянинъ, который объ одномъ своемъ помѣстьѣ радѣетъ, охуждая то, что къ умноженію его доходовъ не служитъ. 10) Ст. 49. Доводъ, порядокъ въ словахъ. Тому учитъ Риторика, а наипаче Логика, то есть, чтобъ право о всякомъ дѣлѣ разсуждать, и то другому ясными доказать доводами. 11) Ст. 51. Въ семъ стихѣ о Метафизикѣ говорится, которая разсуждаетъ о сущемъ вообще и о свойствахъ души и духовъ. 12) Ст. 53. Физика испытываетъ составъ міра и причину или различіе всѣхъ вещей въ мірѣ. 13) Ст. 60. Слово руда значитъ

Digitized by Google

Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло [14]).
А пока въ баснях̀ъ такихъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу,
Ни къ стати за однимъ ночь пятномъ не спать цѣлу? [15])
За любопытсвомъ однимъ лишиться покою,
Ища, солнце-ль движется, или мы съ землею?
Въ часовникѣ можно честь на всякій день года
Число мѣсяца, и часъ солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ [16]);
Сколько копѣекъ въ рублѣ безъ Алгебры счислимъ.
Сильванъ одно знаніе слично (отлично, весьма) людямъ хвалитъ,
Что учитъ множить доходъ и расходы малить;
Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карманъ не толстѣетъ,
Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ.
Румяный, трожды рыгнувъ, Лука подпѣваетъ [17]):
Наука содружество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу, Божія тварь стали [18]),
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запруся
Въ чуланъ; для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся? [19])
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она недолга, на что коротати,
Крушиться надъ книгою, и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Вино даръ Божественный, много въ немъ провору;
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,

металлъ, каково есть золото, серебро, мѣдь, желѣзо и прочая. 14) Ст. 68. Внутрь никто видѣлъ живо тѣло. То есть, хотя анатомики и знаютъ тѣла составъ и состояніе; однако нельзя потому разсудить о поврежденіи, которое въ живомъ человѣкѣ случается, потому что никто не видалъ, каково есть движеніе внутреннихъ частей человѣка. 15) Ст. 72. За однимъ пятномъ. Въ солнцѣ и планетахъ астрономы пятна съ любопытствомъ примѣчаютъ, признавая по онымъ время, въ которое они около своего центра вертятся. При соединеніи двухъ планетъ случается то, что нижняя пятномъ кажется въ высшей планетѣ. Въ лунѣ усматриваются подвижныя пятна, которыя чаятельно суть тѣни ея высокихъ горъ. 16) Ст. 77. Въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ. Четверть есть часть земли или пашни въ 20 сажень ширины и 80 длины. Евклидъ былъ славный математикъ Александрійскій, гдѣ во время Птоломея Лага Математикѣ обучалъ за 300 лѣтъ до Р. Х. Трудовъ его у насъ между прочимъ остались элементы, содержащіе въ 15 книгахъ основаніе всей Геометріи. 17) Ст. 83. Румяный трожды рыгнувъ, Лука. Лука пьяница съ вина румяный, и съ вина часто рыгая, говоритъ и проч. 18) Ст. 85. Къ сообществу Божія тварь стали. Богъ насъ создалъ для сообщества. 19) Ст. 88. Для

Digitized by Google

Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаетъ,
Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ,
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость отводитъ.
. . . . . .
Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки;
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу,
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.
Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ [20])
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ,
Что не въ чемъ завертѣть завитыя кудри;
Не смѣнитъ на Сенеку отъ фунтъ доброй пудры. [21])
Предъ Егоромъ двухъ денегъ Виргилій не стоитъ [22]),
Рексу, не Цицерону, похвала достоитъ (достойно) [23]).
Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звенятъ мнѣ въ уши;
Вотъ для чего я, уме, пѣмѣе быть клуши (галки)
Совѣтую. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ
Къ трудамъ хвала; безъ того сердце унываетъ [24]).
Сколько-жъ больше вмѣсто хвалъ да хулы терпѣти!
Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти,
Нежли не славить попу святую недѣлю,
Нежли купцу пиво пить не въ три пуда хмѣлю [25]).
Знаю, что можешь, уме, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонравному добродѣтель славить,
Что щоголь, скупецъ, ханжа, и такимъ подобны
Науку должны хулить,—да рѣчи ихъ злобны.
Умнымъ людямъ не уставъ, плюнуть на нихъ можно;
Изряденъ, хваленъ твой судъ; такъ бы то быть должно [26]),
Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова умными владѣютъ.
А къ тому-жъ не только тѣхъ науки имѣютъ
Недрузей, которыхъ я, краткости радѣя,

мертвыхъ друзей, то есть, для книгъ. 20) Ст. 107 Медоръ. Щеголь тѣмъ именемъ означенъ. 21) Ст. 110. Сенека былъ философъ секты Стоической, учитель Нерона, императора Римскаго, отъ котораго убитъ лѣта Христова 65: сего Сенеки есть многія, и почти лучшія изъ древнихъ, нравоучительныя книги. 22) Ст. 111. Предъ Егоромъ Виргилій. Егоръ былъ славный сапожникъ въ Москвѣ, умеръ 1729. 23) Ст 112. Рексу, не Цицерону, Рексъ былъ славный портной въ Москвѣ, родомъ Нѣмчинъ. 24) Ст. 115 и 116. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ къ трудамъ хвала. Всѣхъ нашихъ дѣйствій есть двѣ побуждающія причины, польза и похвала; не обыкли люди или рѣдко слѣдуютъ добродѣтели, для того, что она сама собою красна. 25) Ст. 120. Нежели купцу. Извѣстно, что купцы наши по большой части великіе охотники до крѣпкаго пива, котораго часто и въ 5 пудъ хмѣлю варю варятъ. 26) Ст. 126. Твой судъ. Твое разсужденіе.

Digitized by Google

Исчелъ, иль, правду сказать, могъ исчесть смѣлѣя.
Полно-ль того? Райскихъ вратъ ключари святые [27]),
И имъ же Ѳемисъ вѣски ввѣрила златые [28]),
Мало любятъ, чуть не всѣ, истинну украсу [29]).
Епископомъ хочешь быть? уберися въ рясу,
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата [30])
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата [31]),
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою [32]),
Клюку пышно повели везти предъ тобою [33]),
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву [34]):
Долженъ архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣйно отцемъ называти.
Что въ наукѣ? что съ нее пользы Церкви будетъ?
Иной, пиша проповѣдь, выпись позабудетъ [35]).
Отъ чего доходамъ вредъ; а въ нихъ Церкви права
Лучшія основаны, и вся ея слава.
Хочешь ли судьею стать? вздѣнь парикъ съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Если-жъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы,
Плюнь ему въ рожу, скажи, что вретъ околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подъячимъ должно лѣзть на бумажны горы [36]),
А судьѣ довольно знать крѣпить приговоры.
Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы одна раздѣляла,

---

27) Ст. 131. Церковные пастыри, Епископы. 28) Ст. 132. То есть судьи. Ѳемисъ—богиня правосудія, дочь земли и Неба, изображается съ вѣсками въ рукахъ. 29) Ст. 133. Истинною прикрасою называетъ стихотворецъ науку, предъ которою невѣжество есть нелѣпо и безобразно. 30) Ст. 135. Риза полосата обыкновенно мантіею называется. 31. Ст. 136. Архіереи, сверхъ рясы, а въ священнослуженіи сверхъ сакоса повѣшенну имѣютъ на шеѣ цѣпочку золотую или серебряную, на которой виситъ образъ на финифти написанный Спасителя или Богоматери. Обыкновенно цѣпочку сію съ образомъ панагіею называютъ отъ Греческаго слова παναγῖα, пресвятая, которое прилагательное обыкновенно Богородицѣ придается. 32) Ст. 137. Широкую бороду и по брюху распростертую невѣжи священническому чину за особливое украшеніе приписываютъ. Дмитрій, Митрополитъ Ростовскій (писатель Житія святыхъ), цѣлую книгу сочинилъ противъ суевѣрія простыхъ людей о бородѣ, которая напечатана въ Москвѣ въ 1714 году. 33) Ст. 138. Клюку предъ тобою, то есть патерицу. Когда Архіерей выѣзжаетъ со двора, то одинъ изъ его вершниковъ везетъ патерицу епископскую, въ знакъ его церковной власти. 34) Ст. 140. Разумѣется, руку. 35) Ст. 144. Выпись есть письмо приказное, которымъ судья засвидѣтельствуетъ, что товаръ чистъ, и что съ него въ государственную казну пошлина взята, или подтверждаетъ владѣніе земли, деревни, двора, и проч. 36) Ст.

Digitized by Google

Будучи способъ одна къ вышнему восходу [37]).
Златой вѣкъ до нашего не дотянулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство, мудрость одолѣло,
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.
Подъ митрой гордится то (вмѣсто „оно"), въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе корабельной службы.
Всѣ кричатъ: никакой плодъ не видимъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ [38]),
Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты,
Тому ужъ и въ самыя молодыя лѣты,
Всякая высша степень, изда ужъ не велика;
Седьми мудрецовъ себя достойнымъ мнитъ лика.
Нѣтъ правды въ людяхъ, кричитъ безмозглый церковникъ (дьячекъ):
Еще не Епископъ я, а знаю Часовникъ,
Псалтырь и послапія бѣгло честь умѣю,
Въ Златоустѣ не запнусь, хоть не разумѣю [39]).
Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ,
Когда ужъ имя свое подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ,
Смысля дѣло набѣло списать письмомъ яснымъ [40]).
Обидно себѣ быть, мнитъ, въ незнати старѣти,
Кому въ родѣ седьмь бояръ [41]) случилось имѣти
И двѣ тысячи дворовъ за собой считаетъ,
Хотя впрочемъ ни читать, ни писать не знаетъ.
Таковы слыша слова, и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучай въ незнатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,

---

155. То есть перебирать или читать множество книгъ. 37) Ст. 157 до 160. Не дошло къ намъ то время, когда отъ одной мудрости ожидать должно было человѣку своего награжденія и повышенія въ знатные чины. 38) Ст. 172. Дудочка значитъ косую флейту, которая была въ великомъ употребленіи въ то время, когда Сатира сія написана, и почти всѣ молодые люди на ней играть обучались. 39) Ст. 180. Въ Златоустѣ не запнусь. Въ Златоустовомъ толкованіи на Евангеліе, которое переведено съ Греческаго весьма неясно. 40) Ст. 184. Письмомъ яснымъ. Наши подъячіе, когда пишутъ, объ одномъ только тщатся, чтобъ письмо ихъ было чотко и красиво; чтоже до правописанія касается, такъ мало о томъ стараются, что и за лишнее оное почитаютъ, и для того, если желаешь какой книги не разумѣть, отдай ее подъячему переписать. 41) Ст. 186. Седьмь бояръ. Извѣстно, что боярскій чинъ бывалъ въ великомъ почтеніи; почему знать должно, что благороднымъ звать себя можетъ тотъ, изъ чьего роду семеро честь

Digitized by Google

Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.
Коли что дала ти знать Мудрость Всеблагая [42]),
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую."

А. Кантемиръ.

Чужой толкъ.

„Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой именной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку, Рамлеру и ихъ собратьи равнымъ
И столько жъ, какъ они, во пѣснопѣньи славнымъ?
Какъ думаешь?.. Вчера случилось мнѣ сличать
И ихъ и нашу пѣснь; въ ихъ... нечего читать:
Листочекъ, много три, а любо, какъ читаешь!
Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ рѣзвясь, а не четыре дни:
То какъ бы намъ не быть еще и ихъ счастливѣй,
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь:
Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу,
И иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной!
И подлинно ужъ весь приложитъ разумъ свой!
Ужъ прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода;
Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ!
Судите жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ!
Къ тому жъ и въ правилахъ: сперва прочтешь вступленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье—
Точь въ точь, какъ говорятъ учены по церквамъ!
Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
Возьму ли, напримѣръ, я оды на побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли шведы,
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
Гдѣ было, какъ, когда, короче я скажу:
Въ стихахъ реляція! прекрасно!.. а зѣваю!

боярскую имѣли. 42) Ст. 193. Мудрость Всеблагая, то есть Богъ, который не только Премудръ, но самая Премудрость, къ тому-жъ и Всеблагій.

Digitized by Google

Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздникъ иль на что подобное тому:
Тутъ то найдешь, чего бъ не хитрому уму
Не выдумать и ввѣкъ: зари багряны персты!
И райскій кринъ, и Фебъ, и небеса отверсты!
Такъ громко, высоко!.. а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ!"
Такъ дѣдовскихъ временъ съ любезной простотою
Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ со мною.
Я, будучи и самъ товарищъ тѣхъ пѣвцовъ,
Которыхъ дѣйствію дивился онъ стиховъ,
Смутился и не зналъ, какъ отвѣчать мнѣ должно;
Но, къ счастью—ежели назвать то счастьемъ можно,
Чтобъ слышать и себѣ ужасный приговоръ—
Какой-то Аристархъ съ нимъ началъ разговоръ:
„На это, онъ сказалъ, есть многія причины:
Не обѣщаюсь ихъ открыть и половины,
А нѣкоторыя охотно объявлю.
Я самъ языкъ боговъ, поэзію, люблю,
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ также мало;
Однакожъ здѣсь, въ Москвѣ, толкался я, бывало,
Межъ нашихъ Пиндаровъ и всѣхъ ихъ замѣчалъ:
Большая часть изъ нихъ лейбъ-гвардіи капралъ,
Ассесоръ, офицеръ, какой-нибудь подъячій,
Иль изъ кунсткамеры антикъ въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ—народъ все нужный, должностной;
Такъ часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, въ три дни риѳму лишь прибрать едва успѣетъ,
За тѣмъ, что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ.
Лишь только мысль къ нему счастливая придетъ,
Вдругъ било шесть часовъ! уже карета ждетъ,—
Пора въ театръ, а тамъ на балъ, а тамъ къ Ліону,
А тутъ и ночь... когда жъ заѣхать къ Аполлону?
Назавтра, лишь глаза откроетъ, ужъ билетъ:
На пробу въ пять часовъ... куда же! въ модный свѣтъ,
Гдѣ лирикъ нашъ и самъ взялъ арлекина ролю.
До оды ль тутъ? тверди, скачи два раза къ Кролю;
Потомъ опять домой: здѣсь хольця да рядись,
А тамъ въ спектакль, и такъ со днемъ опять простись.
Къ тому жъ у древнихъ цѣль была, у насъ другая.
Горацій, напримѣръ, восторгомъ грудь питая,
Чего желалъ? о! онъ—онъ бралъ не свысока:
Въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ иль изъ миртъ, чтобъ Делія сказала:
Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна стала!
А нашихъ многихъ цѣль—награда перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ,

Digitized by Google

Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подъ часъ мѣсяцослова;
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный всякій листъ быть кажется святымъ.
Судя жъ, сколь разные и тѣхъ, и нашихъ виды,
Навѣрно льзя сказать, не дѣлая обиды
Ретивымъ господамъ, питомцамъ русскихъ музъ,
Что долженъ быть у нихъ и особливый вкусъ,
И въ сочиненіи лирической поэмы
Другіе способы, особые пріемы;
Какіе же они—сказать вамъ не могу,
А только объявлю и право не солгу,
Какъ думалъ о стихахъ одинъ стихотворитель,
Котораго трудовъ Меркурій нашъ, и Зритель,
И книжный магазинъ, и лавочки полны:
„Мы съ риѳмами на свѣтъ, онъ мыслилъ, рождены;
Такъ не смѣшно ли намъ, поэтамъ, согласиться
На взморье въ хижину, какъ Демосѳенъ, забиться,
Читать, да думать все, и то, что вздумалъ самъ,
Разсказывать однѣмъ шумящимъ лишь волнамъ?
Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье:
Онъ не учась ученъ, какъ придетъ въ восхищенье;
Науки будутъ—все науки, а не даръ;
Потребный же запасъ: отвага, риѳмы, жаръ“.
И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
Что Рымникскій Алкидъ поляковъ разгромилъ,
Иль Ферзенъ ихъ вождя Костюшку полонилъ,—
Онъ тотчасъ за перо и разомъ вывелъ: ода!
Потомъ, въ одинъ присѣстъ: такого дня и года!
„Тутъ какъ?... пою!... иль нѣтъ, ужъ это старина!
Не лучше ль: даждь мнѣ, Фебъ?... Иль такъ: не ты одна
Попала подъ пяту, о чалмоносна Порта!
Но что же мнѣ прибрать къ ней въ риѳму, кромѣ чорта?
Нѣтъ, нѣтъ! не хорошо; я лучше поброжу
И воздухомъ себя открытымъ освѣжу“.
Пошелъ, и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
„Начало никогда пѣвцевъ не устрашаетъ;
Что хочешь, то мели! Вотъ штука, какъ хвалить
Героя-то придетъ! Не знаю съ кѣмъ сравнить:
Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ Орловымъ?
Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ! а съ новымъ—
Неловко что-то все,—да просто напишу:
Ликуй, герой! ликуй, герой ты! возглашу.
Изрядно! Тутъ же что? Тутъ надобенъ восторгъ!
Скажу: кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?
Я вижу молній блескъ! я слышу съ горня свѣта

Digitized by Google

И то, и то... А тамъ?... Извѣстно: многи лѣта!
Брависсимо! и планъ, и мысли, все ужъ есть,
Да здравствуетъ поэтъ! осталося присѣсть
Да только написать, да и печатать смѣло!"
Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ—и въ шляпѣ дѣло,
И оду ужъ его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ.
Вотъ какъ пиндарилъ онъ и всѣ ему подобны,
Едва ли вывѣски надписывать способны!
Желалъ бы я, чтобъ Фебъ хотя во снѣ имъ рекъ:
„Кто въ громкій славою Екатерининъ вѣкъ
Хвалой ему сердецъ другихъ не восхищаетъ
И лиры сладкою слезой не орошаетъ,
Тотъ брось ее, разбей и знай: онъ не поэтъ".
Да вѣдаетъ же всякъ по одамъ мой клевретъ,
Какъ дерзостный языкъ безславилъ насъ, ничтожилъ,
Какъ лириковъ цѣнилъ! Воспрянемъ! Марсій ожилъ!
Товарищи! къ столу, за перья! отомстимъ!
Надуемся, напремъ, ударимъ, поразимъ!
Напишемъ на него предлинную сатиру
И оправдаемъ тѣмъ россійску громку лиру."

Дмитріевъ.

Дума.

„Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно;
Межъ тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцевъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы,
Передъ опасностью позорно малодушны...
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!
Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.

Digitized by Google

Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства—
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ."

Лермонтовъ.

Подъ благовиднымъ предлогомъ откровенной бесѣды съ своимъ умомъ о мнимой непригодности для жизни занятій науками, Кантемиръ изображаетъ современное ему русское общество, зараженное грубымъ невѣжествомъ. Выставляя въ лицѣ различныхъ типовъ тогдашніе взгляды на образованіе, онъ открыто смѣется надъ врагами послѣдняго и вмѣстѣ чистосердечно высказываетъ свою любовь и глубокое уваженіе къ истинному просвѣщенію. Подобнымъ образомъ и Дмитріевъ, выводя въ „Чужомъ толкѣ" непризванныхъ, бездарныхъ стихотворцевъ, спокойно и съ большимъ остроуміемъ осмѣиваетъ какъ ихъ самихъ, такъ и слагаемыя ими безсодержательныя творенія, а Лермонтовъ въ своей „Думѣ" рисуетъ яркую картину пустой жизни современнаго ему поколѣнія, сурово бичуя его за эту пустоту и безсодержательность. Въ дѣлѣ построенія стиха названные писатели идутъ уже по различнымъ путямъ: стихъ Кантемира—силлабическій, стихъ же Дмитріева и Лермонтова—литературный—тоническій, въ частности ямбическій. Это показываетъ, что новѣйшая сатира, удержавъ черты классической со стороны содержанія, въ построеніи стиха пріобрѣла полную свободу, уничтоживъ обязательность ямба и гекзаметра и предоставивъ поэту пользоваться тѣмъ или инымъ стихотворнымъ размѣромъ по своему личному усмотрѣнію.

Итакъ, *подъ именемъ сатиры, какъ особаго вида художествен-*

Digitized by Google

ной лирики, слѣдуетъ разумѣть такія произведенія, въ которыхъ изображаются чувства смѣха, презрѣнія, негодованія поэта по поводу общественныхъ недостатковъ, въ связи съ общимъ указаніемъ самыхъ пороковъ и предразсудковъ общества.

Въ сатирахъ римскихъ классическихъ преимущественно, а въ позднѣйшихъ — у новыхъ народовъ исключительно затрогиваются заблужденія и странности не одного какого-либо опредѣленнаго человѣка, но извѣстнаго разряда людей или даже цѣлаго общества. Отсюда вытекаетъ необходимое для каждаго истиннаго сатирика правило: касаться въ своихъ сочиненіяхъ лишь общественныхъ уклоненій отъ правильной, разумной жизни и избѣгать ясныхъ намековъ, тѣмъ болѣе прямыхъ указаній на чьи-либо слабости единичныя, личныя. При несоблюденіи этого требованія, сатира обращается въ *пасквиль*—предосудительную, оскорбительную насмѣшку надъ личностью (франц. pasquille-f. насмѣшка, шутка) и, какъ такая, не только не достигаетъ своего существеннаго назначенія—врачеванія общественныхъ недуговъ, но недостойна литературы и даже въ лицѣ своего составителя подлежитъ гражданскому суду.

Ода.

Характеръ греческой оды. Послѣдній и самый крупный видъ художественной лирики составляютъ оды; онѣ появились сначала въ Греціи, гдѣ этимъ именемъ обозначались всѣ вообще собственно лирическія произведенія, сопровождавшіяся обыкновенно пѣніемъ, музыкой и даже пляской. Отсюда и самое названіе—ода—греч. ᾠδή—пѣсня. Какъ такія, греческія оды имѣли многихъ представителей, изъ которыхъ особенно выдѣляются: Алкей изъ г. Мителены на о. Лесбосѣ (VII в. до Р. Хр.), Стезихоръ изъ Гимеры въ Сициліи (630—550 до Р. Хр.), Симонидъ изъ Юлисы въ Кеосѣ (556—469 до Р. Хр.), Вакхилидъ, соотечественникъ и племянникъ Симонида, и Пиндаръ изъ беотійскаго селенія—Киноскефалы—близъ Ѳивъ (522—441 до Р. Хр.). Отъ сочиненій данныхъ писателей, за исключеніемъ нѣкоторыхъ твореній Пиндара, уцѣлѣли самые скудные остатки. Вотъ наиболѣе важные изъ нихъ въ русскомъ переводѣ.—

Изъ Алкея:

„Лишаетъ насъ смысла возстанье вѣтровъ:
То съ этого бока бушуетъ волна,
То съ бока другого, а мы среди волнъ
Несемся на суднѣ смоленомъ,

Digitized by Google

Жестоко страдая отъ бури большой.
Вода наполняетъ все дно корабля;
Просвѣчивать парусъ давно уже сталъ,—
Такъ крѣпко онъ весь изорвался....
Но вотъ выше прежнихъ несется волна;
Не мало труда она намъ принесетъ,
Пока нашъ корабль проберется".

А. Иноземцовъ.

Изъ Стезихора:

„Геліосъ, Гиперіонидъ, взошелъ въ золотой сосудъ, чтобы, переправясь чрезъ океанъ, вступить въ глубины священной, мрачной ночи къ матери и юношественной супругѣ и милымъ дѣтямъ И онъ, сынъ Зевса, ступалъ ногами по осѣненной лаврами рощѣ" [1]).

Изъ Симонида Кеосскаго:

Въ честь побѣдителя на играхъ ѳессалійца Скопаса.

„Трудно, конечно, сдѣлаться истинно хорошимъ человѣкомъ, безупречнымъ во всѣхъ отношеніяхъ... Но я не раздѣляю мысли Питтака, хотя и высказанной мудрымъ смертнымъ. Нельзя быть добродѣтельнымъ, говоритъ Питтакъ. Только божество имѣетъ къ тому возможность; что же касается человѣка, ему невозможно не быть злымъ, когда онъ удрученъ неодолимымъ несчастіемъ. Хорошъ тотъ человѣкъ, который хорошо поступаетъ, золъ—тотъ, кто поступаетъ дурно; всѣхъ добродѣтельнѣе бываютъ обыкновенно тѣ, кого любятъ боги. Мнѣ достаточно, если человѣкъ не золъ, не совсѣмъ неспособенъ, если у него есть смыслъ и онъ держится справедливости, этой опоры гражданскихъ обществъ. Я не стану осуждать его, потому что не склоненъ къ осужденію... Вотъ почему я не стану искать того, что существовать не можетъ, не удѣлю части моей жизни тщетной и несбыточной надеждѣ найти среди насъ, питающихся плодами широкогрудой земли, такого человѣка, у котораго нѣтъ никакихъ недостатковъ. Если я когда-нибудь встрѣчу такого, то повѣдаю вамъ. Но я охотно хвалю и люблю всякаго, кто не дѣлаетъ ничего постыднаго. И сами боги не борятся противъ необходимости" [2]).

Изъ пѣсни въ честь ѳермопильскаго героя Леонида.

„Какъ славенъ удѣлъ павшихъ въ Ѳермопилахъ! Какая прекрасная смерть! Ихъ могила — алтарь. Вмѣсто слезъ, мы даемъ имъ вѣчную память. Самый родъ ихъ смерти служитъ ихъ хвалою. Ни ржавчина, ни разрушительное время никогда не изгладятъ этой эпитафіи храбрыхъ. Земля, гдѣ покоются ихъ кости, хранитъ въ своихъ нѣдрахъ славу Греціи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Леонидъ, царь Спарты, оставившій по себѣ лучшій памятникъ доблести, неувядающую славу" [2]).

---

[1]) Исторія греческой поэзіи д-ра Эдуарда Мунка въ переводѣ Николая Соколова, стр. 126. [2]) См. Всеобщая исторія литературы В. Ѳ. Корша, т. I, ч. 2. стр. 917.

Digitized by Google

Изъ Вакхилида *)**

М и р ъ.

„Мира богиня великая смертнымъ даруетъ
Богатство и пѣсенъ цвѣты сладкозвучныхъ.
Въ честь олимпійцамъ,
На чудномъ треножникѣ,
На золотистомъ огнѣ,
Жгутъ лядвеи острозубаго вепря
И славнорунныхъ овецъ.
Флейты, пиры и веселыя игры
Юношей снова займутъ;
Черный паукъ оснуетъ паутину
Между застежекъ щитовъ,
Пики и копья, и мечъ обоюду разящій
Ржавчина скоро покроетъ и съѣстъ;
Мѣднаго рога не слышно пронзительныхъ звуковъ.
Звонкой не слышно трубы;
Сладостный сонъ, подкрѣпляющій душу,
Нашихъ рѣсницъ не бѣжитъ.
Клики веселья окрестность теперь оглашаютъ,
Отроковъ гимны звучатъ.“

„Честный приходитъ къ хозяину гость и стоитъ на порогѣ;
Тою порою готовится скромная трапеза въ домѣ.
Рѣчью такою встрѣчаетъ хозяинъ пришедшаго гостя:
„Честные съ честными любятъ дѣлиться бесѣдой....
Нѣтъ у насъ цѣлыхъ быковъ угостить дорогого намъ гостя,
Нѣтъ ни амфоръ золотыхъ, ни ковровъ нѣтъ пурпурныхъ;
Мы только можемъ ему предложить свою теплую душу,
Сладкую музыку, Вакха напитокъ прохладный и вкусный
Въ нашихъ простыхъ беотійскихъ сосудахъ“... И гость благодарный,
Брашенъ касаясь свободной рукою, привѣтныя рѣчи
Молвитъ хозяину, сытныя снѣди вкушаетъ....“

Щербина.

Въ образѣ корабля, носимаго изъ стороны въ сторону страшною бурею и уже готоваго погибнуть отъ сильнаго напора бушующихъ волнъ, Алкей изображаетъ печальное состояніе государства, обуреваемаго вождемъ народа Мирсилемъ, старавшимся захватить власть надъ Митиленой. Подъ прозрачнымъ покровомъ аллегоріи поэтъ ясно высказываетъ свое нерасположеніе къ Мирсилю и тѣмъ весьма замѣтно выдвигаетъ на видъ свою личность. Строго-субъективный, личный отпечатокъ ярко просвѣчиваетъ по-

---

***) Исторія Всемірной Литературы Вл. Зотова, т. I, стр. 449.

Digitized by Google

чти во всѣхъ чисто лирическихъ твореніяхъ малоазійскихъ эолійцевъ, достойными и наилучшими образцами которыхъ и служатъ пѣсни Алкея. Съ другой стороны, какъ отраженія мыслей, чувствъ и желаній автора, эолійскія оды обыкновенно назначались для пѣнія однимъ лицёмъ подъ игру на лирѣ и слагались или безъ всякаго разграниченія на отдѣлы, или съ раздѣленіемъ на краткія и однообразныя строфы, состоявшія большею частію, какъ у Алкея, изъ четырехъ постоянно повторяющихся одномѣрныхъ стиховъ. По основному свойству своего содержанія онѣ примыкаютъ къ свѣтской поэзіи. Совсѣмъ иное въ одахъ Стезихора, который считается выразителемъ дорійской лирики. Діонисій Галикарнасскій ставитъ его на ряду съ Симонидомъ и Пиндаромъ, которыхъ онъ еще превосходитъ въ величавости предмета, а Квинтиліанъ говоритъ: „онъ пѣлъ могучимъ духомъ величайшія войны и славнѣйшихъ вождей, и лира его преодолѣла даже трудности эпической поэмы; то, что онъ часто выходитъ изъ береговъ и переступаетъ мѣру, есть недостатокъ, происходящій отъ его особенной полноты“. Приведенный выше небольшой отрывокъ изъ пѣсенъ Стезихора показываетъ, что дорійскія оды въ противоположность эолійскимъ отличались бо́льшею объективностію и были пропитнуты духомъ религіозности; онѣ посвящались прославленію боговъ, героевъ и знаменитыхъ гражданъ, исполнялись цѣлыми хорами въ сопровожденіи музыки и танцевъ при пирахъ и всенародныхъ празднествахъ и́, естественно, выходили обширнѣе одъ эолическихъ. Первоначально онѣ состояли изъ строфъ и антистрофъ—противострофъ, которыя поперемѣнно пѣлись хоромъ при движеніи въ одну—строфа и въ другую—обратную—противострофа стороны, что повторялось до конца самой пѣсни, но Стезихоръ прибавилъ къ нимъ еще эподы (греч. ἐπῳδός ἐπῳδή—воспѣтый послѣ чего нибудь, припѣвъ, заключительный стихъ), слѣдовавшіе всякій разъ за противострофой и выполнявшіеся хоромъ по окончаніи послѣдней, когда, возвратившись на свое прежнее мѣсто, поющіе останавливались какъ-бы для отдыха до начала новой строфы. Строфы и антистрофы слагались изъ равнаго числа стиховъ одной мѣры, эподы были короче и составлялись инымъ размѣромъ. Нововведеніе Стезихора вошло у греческихъ лириковъ во всеобщее употребленіе. Два остальные писателя: Симонидъ Кеосскій и его родственникъ и подражатель Вакхилидъ въ своихъ поэтическихъ созданіяхъ выступаютъ уже на общенародную почву; особенно въ сочиненіяхъ Симонида греческая ода замѣтно освобождается отъ узкаго и односторонняго направленія пѣсни эолійской или дорійской и становится въ одинаковой мѣрѣ до-

Digitized by Google

стояніемъ всѣхъ грековъ. Симонидъ былъ общепризнаннымъ пѣвцомъ блестящихъ подвиговъ Персидской войны и въ своихъ хвалебныхъ одахъ, въ родѣ выше помѣщенной о Леонидѣ, прославилъ истинныхъ героевъ Греціи. Ему же принадлежитъ художественная обработка эпиникій (греч. ἐπινίκιον, т. е. μέλος—побѣдная пѣснь) или торжественныхъ одъ въ честь побѣдителей на общественныхъ играхъ, самымъ значительнымъ остаткомъ которыхъ является выше указанный отрывокъ о θессалійцѣ Скопасѣ и которыя были доведены до своего окончательнаго развитія Пиндаромъ.

Эпиникіи Пиндара—единственныя произведенія чистопѣсенной древнегреческой лирики, дошедшія до насъ въ своемъ полномъ видѣ. Въ количествѣ сорока четырехъ онѣ, обыкновенно, раздѣляются на олимпійскія, пиѳійскія, немейскія и истмійскія, соотвѣтственно тѣмъ общенароднымъ празднествамъ, на которыхъ прославились воспѣваемые ими побѣдители. Таковы, напр., Первая Олимпійская ода Гіерону Сиракузскому и третья Олимпійская ода Θерону Агригентскому.

Первая Олимпійская ода Пиндара.

Гіерону Сиракузскому, одержавшему побѣду на ристалищѣ [1]).

I Строфа.

„Вода въ стихіяхъ.... перва власть [2]).
Въ сіяніи сокровищъ гордыхъ,

---

1) „Пиндаръ воспѣлъ сію оду въ честь Гіерона, царя Сиракузскаго, брата Геленова, который первый установилъ образъ правленія самодержавнаго въ Сиракузахъ. Гіеронъ, желая привлечь къ себѣ Грековъ, не любившихъ его, какъ тиранна, старался покровительствовать наукамъ и художествамъ.—При дворѣ его жили главнѣйшіе того времени стихотворцы: Пиндаръ, Симонидъ, Вакхилидъ, которые много способствовали къ умягченію и образованію его характера, отъ природы жестокаго и недовѣрчиваго. Ода сочинена вскорѣ послѣ восшествія Гіерона на престолъ. „Эліанъ повѣствуетъ, что Гіеронъ въ началѣ своего царствованія, въ продолженіе 73 Олимпіады, явился въ Пизѣ съ великолѣпною свитою. Θемистоклъ, предсѣдательствующій на играхъ, какъ Амфитріонъ Аѳинскій, воспретилъ ему участвовать въ оныхъ за то, что онъ не помогалъ Грекамъ въ войнѣ Персидской, оконченной славнымъ сраженіемъ при Саламинахъ. Съ того времени царь Сиракузскій и другіе государи никогда не отваживались лично оспаривать первенства на играхъ Олимпійскихъ, Пиѳійскихъ, Немейскихъ и Истмійскихъ. Они посылали туда своихъ вассаловъ и коней. Такимъ образомъ, Пиндаръ, прославляя Гіероново правосудіе, его привязанность къ наукамъ и искусствамъ, прославлялъ вмѣстѣ и его коня, называемаго въ одѣ побѣдоносцемъ. Ода содержитъ: 1) похвалу Гіерона, 2) похвалу коня, доставившаго ему побѣду на играхъ Олимпійскихъ, 3) исторію Тантала и Пелопса, которыхъ Гіеронъ былъ потомкомъ, оканчивается обѣтами пѣснопѣвца, посвятившаго звучную лиру славѣ своего героя. 2) Древніе почитали воду началомъ всѣхъ вещей.—

Digitized by Google

Какъ звѣзды въ нощь самогорящи
Пылаетъ злата блескъ.—
Что краше юный день ведущаго свѣтила,
Когда потокомъ яркихъ стрѣлъ
Пронзаетъ, гонитъ тѣни блѣдны
Пустынь эфирныхъ за предѣлъ?—
Что велелѣпнѣе, Еллада, ты являешь
Блестящихъ Олимпійскихъ игръ?—
Здѣсь родясь, далеко—слышный,
Сынъ вѣнчаннаго пѣвца,
Гимнъ Эольскій всходитъ пышный [3])
Въ Лоно Кронія отца (т. е. Юпитера).—
Здѣсь родясь, грядетъ, нельстивый,
Гіерона онъ въ чертогъ....
Гіеронъ—мой полубогъ,
Храбрый, доблестный, правдивый!...

I. Антистрофа.

Онъ мощнымъ скиптромъ осѣнилъ
Поля Тринакріи [4]) златыя,
Стадообильныя, благія;
Великій духъ его, полнъ силъ,
Пьетъ сладость, нектаръ пьетъ всѣхъ доблестей вѣнчанныхъ.
Ему цвѣты младыхъ харитъ,
Ему цвѣты отъ музъ избранныхъ,
Когда его священный храмъ
Гостепріимные пиры свои откроетъ
Восторга полнымъ мудрецамъ!...
Гдѣ моя златая лира?
Духъ мой, Муза, окрыли!
Ты, пѣвица славы, мира!....
Вознесемся отъ земли!...
Вихремъ въ слѣдъ коню побѣды!
Се, онъ пламенный летитъ!
Берегъ радостный дрожитъ,
И незримы ловитъ слѣды!...

Пиндаръ начинаетъ свою пѣсню прославленіемъ игръ Олимпійскихъ. Онъ говоритъ: вода превосходнѣе стихій; злато блистательнѣе всѣхъ сокровищъ; солнце великолѣпнѣе другихъ свѣтилъ небесныхъ; игры Олимпійскія превосходнѣе другихъ игръ, въ Греціи совершаемыхъ. 3) Пиндаръ представляетъ гимнъ свой, такъ, какъ Гомеръ представлялъ молитвы—въ человѣческомъ видѣ. Онъ течетъ въ объятія Зевеса; онъ прославляетъ сего бога, которому Геркулесъ, учредитель игръ Олимпійскихъ, посвятилъ алтарь на мѣстѣ подвиговъ.—Послѣ Зевеса, гимнъ обращается къ Гіерону побѣдителю. 4) Сицилія.

Digitized by Google

I. Е п о д ъ.

Летитъ—и пышный храмъ побѣды отверзаетъ
Владыкѣ Сиракузъ, великому въ царяхъ;
Его, его хвала высокая блистаетъ
На славныхъ именемъ Пелопса берегахъ [5]).
Сынъ Тантала! отсель честей твоихъ начало!
Преданія гласятъ: здѣсь чудо возсіяло,
Когда—позорная трапеза для боговъ [6])—
Ты ожилъ, воспріявъ слоновой рамо кости....
Се гласъ молвы пустой, се вымыслъ черной злости!
Воображенье.... льстецъ умовъ!
Зракъ истины во облакѣ скрываетъ;
Оно противъ боговъ въ неистовствѣ дерзаетъ!

II. С т р о ф а.

Такъ!—сильны прелести словесъ,
Ума затѣйливы стремленья,
И невозможному возможность,
Даруютъ какъ глаголъ небесъ!
Но время строгое рветъ мрежи паутины....
Нѣтъ мѣста смертнаго мечтамъ
Къ великимъ таинствамъ судьбины:
Она непостижима намъ!
Непосвященный, прочь! пророкъ, во срамъ невѣждамъ,
Я, Пелопсъ, о тебѣ реку:
Олимпійскіе затворы
На златыхъ гремятъ пятахъ;
Силъ небесныхъ свѣтлы хоры
Ниспускаются въ заряхъ;
Танталъ пиръ имъ устрояетъ,
Ты былъ пиршества красой!....

---

5) Т. е. въ Элидѣ.—Пелопсъ, вступивъ на престолъ послѣ отца своего Тантала и взявъ за себя дочь Иномея, оставилъ отечественную землю и основалъ Колонію въ Элидѣ; со временемъ овладѣлъ онъ всѣмъ полуостровомъ, который отъ его имени сталъ называться Пелопонесомъ. 6) Баснословіе говоритъ, что Танталъ, будучи приглашенъ богами на великолѣпное пиршество, рѣшился возблагодарить ихъ подобнымъ образомъ. Желая посвятить имъ въ пищу самое драгоцѣнное, онъ поставилъ на столъ изготовленное тѣло своего сына. Боги отвергнули сію пищу съ ужасомъ и негодованіемъ. Одна Церера по неосторожности съѣла плечо молодаго Пелопса. Безсмертные соединяютъ разсѣченные члены и оживляютъ ихъ. Плечо, неосторожно скушенное Церерою, замѣняется плечомъ изъ слоновой кости, которое принесла Клото, одна изъ Паркъ. Послѣ того Пелопсъ пользовался особенною благосклонностію Нептуна. Пиндаръ хочетъ сказать, сколь сильно дѣйствуетъ на насъ чудесное. Самыя нелѣпыя басни, пріятно разсказанныя, получаютъ право истины. Пѣснопѣвецъ учитъ насъ говорить о богахъ

Digitized by Google

Богъ плѣняется тобой,
Богъ любовь къ тебѣ питаетъ.

II. Антистрофа.

И се! пословъ крылатыхъ сонмъ,
Слетяся легкой вереницей,
Тебя въ цвѣтахъ и багряницѣ
Возноситъ быстро въ Зевсовъ домъ!
Наслѣдникъ и любви, и славы Ганимеда,
Ты воспріялъ его чреду!... [7])
Ахъ! тщетно взоръ твой боязливой
Искалъ родительскихъ полей,
Гдѣ нѣжился, таясь, вѣкъ дѣтства торопливой!
Ахъ, тщетно матерней тоски
Рабы услужливы—стремились
Тебя отдать ея слезамъ!...
И несется вѣсть ужасна
Въ стыдъ Танталу, въ стыдъ богамъ,
Что рукой отца несчастна
Ты растерзанъ по частямъ;
Что тебя въ водѣ кипучей
Столъ трапезный воспріялъ....
Сонмъ боговъ облекся тучей,
И Олимпъ гремя стоналъ!.

II. Е п о д ъ.

Не потерпи, Зевесъ, столь страшнаго хуленья!
Я чистъ отъ клеветы, послушенъ я богамъ.
Пелопса прадѣды небесъ благотворенья
Вкушали искони!—И Танталъ, Танталъ самъ,
Причастникъ радостей Олимпа ненавѣтныхъ!
Но смертный малъ и слабъ для радостей безсмертныхъ [8])!
Скала великая Зевесовой рукою
Надъ вѣроломною нависла вдругъ главою,
И, трепеща надъ ней—грозитъ.
Корысть услады ждетъ; питается лишь прахомъ.
Отъ черныя души покой бѣжитъ со страхомъ!

прилично ихъ величію и разсказываетъ другую исторію Тантала и Пелопса. 7) Ганимедъ, правнукъ Дардана, перваго основателя Трои, былъ за красоту свою похищенъ на горѣ Идѣ Юпитеромъ, превратившимся въ орла, и унесенъ имъ въ жилищѣ боговъ. Здѣсь Ганимедъ жилъ въ обществѣ безсмертныхъ и его занятіемъ было подавать нектаръ во время стола. 8) Танталъ у древнихъ вообще значилъ скупаго, который собираетъ сокровища и наслаждается ими. Боги, желая оказать ему свое благоволеніе, посѣтили его чертоги; но, не могши питаться земною пищею, принесли съ собою амброзію и нектаръ. Танталъ похитилъ часть сихъ снѣдей небесныхъ, какъ послѣ

Digitized by Google

III. Строфа.

Дряхлѣютъ въ мукахъ злаго дни!
Четверта жертва горней кары [9]),
Онъ въ трепетъ тартаръ вводитъ ярый....
И тѣни смотрятъ издали,
Не смѣвъ приближиться, какъ синій дымъ тумана,
Что стелется среди полей,
Окрестъ горящаго Вулкана!
О, алчность!—онъ похитить смѣлъ
Небесъ сокровище высоко,
Сей нектаръ, сей безсмертія залогъ!...
Богъ сильный, богъ ревнивъ, богъ злобнымъ мститъ далеко,—
И страждетъ Пелопсъ за отца!
Но ниспадшему съ эѳирныхъ,
Рдянопламенныхъ высотъ,
Въ тихихъ тѣняхъ рощей мирныхъ
Добрый геній предстаетъ:
„Ты красою лѣтъ блистаешь,
Духомъ крѣпокъ и рукой!
Ты возлюбишь ли покой?...“
Въ полѣ битвъ меня познаешь.

III. Антистрофа.

Рекъ Пелопсъ,—въ поле битвъ течетъ
Пожать любви цвѣты златыя!
Прекрасная Гипподамія,
Оставь свой дѣвственный чертогъ!
Желанный часъ насталъ [10]); женихъ передъ вратами!
Единъ въ полунощи герой
На берегъ шествуетъ росистой;
Единъ, въ тиши лѣсовъ, полей,
Къ тяжко—трясущему трезубцемъ
Воззвалъ смирителю морей!..
Какъ облако возсталъ богъ грозный надъ водами,
И слухъ молящему отверзъ:
„Если для тебя любезно
Вспоминаніе любви,
Кою, отрокъ безмятежной,

будетъ сказано. Юпитеръ, въ наказаніе, повѣсилъ надъ нимъ огромную скалу, готовую ежеминутно упасть на его голову. 9) Иксіонъ, Сизифъ, Тиційподверглись мщенію неба. Тантал былъ четвертый преступникъ, раздражившій Юпитера. 10) Иномей, царь Пизы, или Олимпіи, отецъ Гипподаміи, обѣщалъ ее въ замужество тому, который побѣдитъ его въ управленіи колесницами. Оракулъ открылъ ему, что получивши руку Гипподаміи будетъ причиною его смерти. Для избѣжанія сего Иномей поражалъ копь-

Digitized by Google

Я питалъ къ тебѣ:
Днесь.... въ награду мнѣ желанну,
Дай крылатыхъ ты коней!
Дай мнѣ мечъ твой, въ казнь тиранну;
Да погибнетъ Иномей!..."

III. Е п о д ъ.

„Туда, туда стремлюсь, любовью воспаленный!
Тамъ неприступный лавръ тринадцати вождей,
Отвсюду трупами несчастныхъ огражденный,
Процвѣлъ,—готовый даръ отважности моей!
Кто смерти избѣжитъ?—ничтожный въ страхѣ таетъ
Напасти предъ лицемъ, когда война пылаетъ.
Онъ въ дряхлой старости лѣнивой смерти ждетъ,
Неоглашаемый любезною хвалою!
Гряду и не страшусь .. любовь грядетъ со мною!"
Изрекъ... Посейдонъ знакъ даетъ;
Гремитъ далеко звукъ отъ колесницъ блестящихъ,
Дымится пыль столбомъ во слѣдъ коней летящихъ!

IV. С т р о ф а.

И возсіялъ побѣды зракъ!..
Палъ хитрый Иномей,—и Дѣва [11])—
Невѣста юноши царева;
И шесть героевъ, шесть сыновъ,
Плодъ нѣжныя любви, текли отца слѣдами!...
Не зрите-ль горный оный холмъ,
Повелѣвающій высокими брегами?...
Здѣсь, здѣсь алтарь его и домъ [12])!...
Здѣсь свѣтлый присно духъ героя,
Оставя тѣней мракъ, по временамъ
Витаетъ, окруженъ великими друзьями,
И осклабляется играмъ:
Здѣсь, гдѣ легкость стопъ крылатыхъ,
Гдѣ искусство, крѣпость силъ,
Вводятъ въ храмъ побѣдъ богатыхъ,

емъ своимъ всѣхъ тѣхъ, которые, приближаясь къ метѣ Гипподрома, упреждали его. Тринадцать героевъ были жертвою такой ужасной осторожности. 11) Гипподамія, полюбивъ Пелопса, подкупила Мелита, возницу отца своего, который худымъ управленіемъ колесницы доставилъ побѣду ея другу. Иномей хотѣлъ поразить своего соперника; но въ ту минуту, отъ бѣшенства коней, колесница его сокрушилась и онъ погибъ самою мучительною смертію. Такимъ образомъ исполнилось предвѣщаніе оракула. 12) Память Пелопса ежегодно празднована была въ Пелопонесѣ. Памятникъ Пелопсу находился въ Пизѣ, или Олимпіи, гдѣ производились Олимпійскія игры. Онъ воздвигнутъ былъ по срединѣ самаго ристалища. Изъ дѣтей Пелопсовыхъ извѣстны особливо Атрей и Тіестъ.

Digitized by Google

Кои Кроній освятилъ!
Здѣсь утѣхъ обитель ясныхъ;
Здѣсь для доблести вѣнецъ;
Здѣсь надеждъ, желаній красныхъ,
И начало и конецъ!

IV. Антистрофа.

И мнѣ ввѣряетъ право честь
Вѣнчать отнынѣ Гіерона
Цвѣтами пѣсней Еолійскихъ;
Цвѣтами, кои неба дщерь,
Весна, разсыпала на холмы Геликона,
Въ забаву нѣжную для музъ,
Въ отраду грацій благодарныхъ,
Изъ розъ свивающихъ вѣнцы
Заслугѣ, красотѣ, добротамъ лучезарнымъ!
О, Гіеронъ! они твои!
Да предходитъ добрый Геній
На стезѣ тебя побѣдъ,
На путяхъ благотвореній!
Другъ твой—доблесть; слава—свѣтъ.
Съ ними шествуй и... позднѣе
Возвращайся въ небеса!
Возблистай еще свѣтлѣе,
Дай узрѣть намъ чудеса!

IV. Еподъ.

Такъ!—скоро Кронія цвѣтущій холмъ, священной,
Подвигнутъ струнъ моихъ волшебствомъ, оживетъ:
Какъ слѣдомъ колесницъ, вкругъ меты возвышенной,
Стукъ ярый прогремитъ и слава процвѣтетъ!
На сей великій день готовлю новы стрѣлы [13]):
Сей день и для меня пребудетъ незабвенъ!
Судьба назначила всѣмъ разные удѣлы:
Санъ царственный вождя—предъ всѣми вознесенъ!
Будь вѣренъ самъ себѣ, Фемиды другъ избранный!
Мужайся!.. соверши благимъ богамъ обѣтъ!...
И счастливый пѣвецъ, тобою осіянный,
Чрезъ тучи зависти лучи свои прольетъ!"

А. Мерзляковъ.

---

13) Обыкновенная метафора Пиндара, когда говоритъ онъ о парении своихъ гимновъ. Онъ намѣренъ еще воспѣть Гіерона, когда онъ одержитъ побѣду на колесницахъ.

Digitized by Google

Третья Олимпійская ода [1]).

Строфа 1.

„Лиры властители, гимны! [2])
Какого намъ бога, какого героя,
Мужа какого воспѣть?
Пизу-ль, священную Зевсу?
Брани добычу назначилъ Ираклъ
Игръ Олимпійскихъ наградой [3]).
Мы-жъ за четверку побѣдныхъ коней
Нынѣ Ѳерона прославимъ,
Честнаго гостя, столбъ Агригента,
Предковъ прославленныхъ цвѣтъ,
Градоправителя мудраго [4]).

Антистрофа I.

Много душой пострадавъ,
Они на священной рѣкѣ поселились [5])
И стали Сициліи окомъ.
Слѣдомъ и счастье пришло,
Доблестямъ явнымъ въ награду
Принесши богатство и честь.
Сынъ Реи, Кроніонъ, властитель Олимпа,

---

1) Ода эта прославляетъ Ѳерона, правителя сицилійскаго города Агригента, одержавшаго побѣду колесницею на Олимпійскихъ играхъ. Пиндаръ разсказываетъ о бѣдствіяхъ предковъ Ѳерона и распространяется по этому случаю о непостоянствѣ человѣческаго счастія вообще. Онъ черезъ всю оду проводитъ ту мысль, что люди доблестные, какова-бы ни была ихъ судьба, могутъ всегда надѣяться, что получатъ за свою доблесть награду, если не въ здѣшней жизни, то въ будущей. Такимъ образомъ здѣсь съ одной стороны упоминается о предкахъ и подвигахъ Ѳерона, а съ другой—находимъ разсужденія о томъ, какъ судьба человѣческая часто сверхъ ожиданія измѣняется къ лучшему и какова жизнь людей добрыхъ на томъ свѣтѣ; и то, и другое переплетено довольно искусно вмѣстѣ. 2) Гимны названы властелинами лиры, потому что музыка, сопровождавшая пѣснь, у древнихъ занимала второстепенное мѣсто, совершенно подчиняясь стихотворному размѣру. 3) Пиза, городъ въ Элидѣ, поклонявшійся Зевесу. По преданію, Олимпійскія игры учреждены были Геркулесомъ Идійскимъ, однимъ изъ пяти дактиловъ горы Иды, древнихъ жрецовъ, воспитавшихъ Зевеса. Еще въ золотой вѣкъ Крона, Рея, мать Зевеса, призвала ихъ изъ Крита въ Элиду, гдѣ уже находился храмъ ея сына. Такъ какъ всѣхъ ихъ было пять братьевъ, то Геркулесъ и назначилъ въ каждые пять лѣтъ повторяться играмъ. Съ представленіемъ о дактилахъ (сходныхъ съ Куретами Карибантами) соединилось понятіе о древнѣйшихъ религіозныхъ таинствахъ, перешедшихъ съ востока въ Грецію. 4) Ѳеронъ былъ сынъ Эпезидама и происходилъ отъ Кадма и Ѳерсандра, сына Полиника и Эдипова внука. Правитель Агригента и Имеры, онъ славился своей доблестью наравнѣ съ Гіерономъ Сиракузскимъ, съ которымъ находился въ родствѣ. Ѳеронъ былъ однимъ изъ самыхъ почетныхъ гостей въ Олимпіи. 5) Агригентъ стоялъ при рѣкѣ того-же имени, которая, какъ и всѣ пред-

Digitized by Google

Побѣдныхъ наградъ и потоковъ Алфея [6]),
Съ улыбкою пѣснь нашу встрѣтивъ, даруй
И позднимъ ихъ внукамъ
Отцовскимъ наслѣдствомъ счастливо владѣть.

Эподъ I.

Тому, что свершилось,
Законно-ли, нѣтъ-ли,
И время, всеобщій отецъ,
Не можетъ другаго назначить исхода;
Но пусть со счастливой судьбою
Приходитъ забвеніе бѣдъ,
И злобное горе, смирясь,
Умретъ передъ радостью свѣтлой.

Строфа 2.

Если ужъ воля боговъ
Высшее благо пошлетъ.
Царственнымъ Кадма пришлось дочерямъ [7])
Много страдать, говорятъ;
Пала однако тяжелая скорбь,
Встрѣтившись съ лучшимъ добромъ.
Нынѣ живетъ на Олимпѣ
Громомъ удара сраженная
Ѳивянка длинноволосая.
Вѣчно Палладѣ любезна она,
Зевсу отцу еще больше; ее
Любитъ и юноша, богъ плющеносный.

Антистрофа 2.

Слышно, что тамъ въ глубокихъ водахъ,
Межъ дочерями морскими Нерея,
На вѣчное время блаженная жизнь
Назначена Ино.
Смертный конецъ не угаданъ никѣмъ изъ людей!
Не можемъ мы знать,
Окончимъ-ли солнцемъ рожденный
Спокойно и радостно день

меты природы, считалась священною. Этотъ городъ былъ колоніей Родоса. 6) Кроніонъ, сынъ Крона, т. е. Зевесъ, котораго славнѣйшій храмъ, извѣстный статуей Фидія, находился въ Олимпіи, у береговъ Алфея. 7) Подъ дочерями Кадма разумѣются здѣсь Семела и Ино, о которыхъ говорится дальше. Семела лишилась жизни, бывъ возлюбленною Зевеса, когда богъ, по ея настоянію, явился ей въ своемъ громоносномъ видѣ. Ино, дочь Кадма и Гармоніи, бросилась съ сыномъ въ море, преслѣдуемая своимъ супругомъ Аѳамасомъ, на котораго Гера (Юнона) изъ ревности навела бѣшенство. И Семела, и Ино кончили жизнь свою бѣдственно, но по смерти удостоились общенія съ

Digitized by Google

Въ довольствѣ, ничѣмъ не смущенномъ.
Со счастьемъ иль съ горемъ,
Различныя льются струи
Къ намъ отовсюду.

Эподъ 2.

Подобно и Мойра [8]), хранившая жизнь
Ѳероновыхъ предковъ, была не всегда
Равно благосклонною къ нимъ.
Со счастіемъ, даромъ боговъ,
Порой посылала бѣду:
Сынъ Лая, рокомъ ведомый,
При встрѣчѣ отца умертвилъ,
И тѣмъ исполняется старый оракулъ Пиѳона [9]).

Строфа 3.

Быстрая видитъ Эринія
Зло и взаимнымъ убійствомъ
Губитъ воинственный родъ.
Палъ Полиникъ и остался Ѳерсандръ,
Цвѣтъ Адрастидовъ и дому опора,
Въ играхъ и въ битвахъ равно
Чтимый средь юношей храбрыхъ.
Отрасль изъ корня того-же,
Эпезидамова сына
Пѣсней хвалебной и звуками лиры
Нынѣ прилично прославить.

Антистрофа 3.

Принялъ награду въ Олимпіи онъ,
Въ Пиѳонѣ, на Истмѣ ему
Съ братомъ равно знаменитымъ
Тѣ-же Хариты доставили славу
Двѣнадцать разъ четвернею
Арену кругомъ обскакать.
Удача избавитъ того отъ печали,
Кто силу въ борьбѣ испытуетъ [10]).
Избытокъ, украшенный доблестью,
Кстати повсюду поможетъ,
Питая заботу глубокую въ сердцѣ.

Эподъ 3.

Онъ всѣмъ свѣтило желанное,

богами. 8) Мойра была богиня судьбы (Парка). 9) Мы уже указали, въ какомъ родствѣ находился Ѳеронъ съ домомъ Лая, который весь погибъ, исключая Ѳерсандра сына Полиника и Аргіи, дочери Адраста. 10) Извѣстно, какими почестями пользовались побѣдители на играхъ. Они получали вѣнокъ оливы; но эта незначительная на-

Digitized by Google

Онъ мужа истинный блескъ.
Его кто имѣетъ, тотъ знаетъ грядущее,
Что скорая мзда малодушныхъ людей
Постигнетъ за всѣ преступленья,
Совершенныя въ здѣшней обители Зевса:
Есть нѣкто, судящій въ подземномъ жилищѣ
Рѣшеньемъ, нещаднымъ, какъ рокъ.

Строфа 4.

Свѣтитъ и ночью равно,
Свѣтитъ и днемъ неизмѣнно
Вѣчное солнце для добрыхъ,
Вѣкъ ихъ проходитъ легко.
Въ жизни другой ужъ не нужно
Имъ ни земли, ни пучины морской
Силою рукъ бороздить.
Жизнь безпечально ведутъ
Въ чтимомъ богами кругу
Правду любившіе люди;
Злые-жъ несутъ
Взору ужасную муку.

Антистрофа 4.

Кто трижды отвагу имѣлъ
Отъ всякой неправды свою
Душу сберечь, тотъ нашелъ
Путь Зевсовъ къ обители Крона.
Островъ блаженныхъ
Тамъ вѣтерки океана
Кругомъ обвѣваютъ.
Тамъ златомъ пылаютъ цвѣты,
Обильно рождаясь
Изъ водъ, изъ земли, отъ блестящихъ деревьевъ,
Вѣтвями, вѣнками
Сплетаясь вокругъ.

Эподъ 4.

Такъ праведенъ судъ Радаманта.
Онъ вѣрный совѣтникъ у Крона отца,
Супруга Реи, всѣхъ выше
Имѣющей тронъ свой на небѣ.
Пелей и Кадмъ въ ихъ числѣ;
Къ нимъ мать привела и Ахилла,
Склонивши Зевесово сердце мольбою.

Строфа 5.

Трои незыблемый столбъ онъ низвергъ,

града доставляла имъ множество выгодъ въ жизни: ихъ всюду встрѣчали съ тріумфомъ и осыпали подарками.

Digitized by Google

Гектора, грознаго въ битвѣ;
Смерти онъ предалъ и Кикна,
И сына Эосъ, Эѳіопа.
Много въ колчанѣ моемъ
Есть быстрыхъ стрѣлъ подъ рукою,
Людямъ разумнымъ звучащихъ [11]).
Толпѣ поясненія нужны:
Мудрый ужъ многое знаетъ съ рожденья;
Неучъ-же праздно болтливый,
Какъ воронъ, каркать готовъ
На птицу священную Зевса.

Антистрофа 5.

Направь-же лукъ твой на цѣль.
Смѣло, живѣе! Куда устремишь
Славныя стрѣлы свои,
Пустивъ отъ души дружелюбной?
Направить-ли ихъ въ Агригентъ?
Я подтверждаю отъ чистаго сердца
Клятвеннымъ словомъ:
Въ столѣтье еще ни одинъ
Городъ на свѣтъ не родилъ
Для друзей благодѣтеля мужа
Щедрѣй, благороднѣй Ѳерона.

Эподъ 5.

Но злоба встаетъ на хвалу.
Не вѣдая правды, безумцы
Хотятъ заглушить, иль позоромъ
Славное дѣло покрыть.
Но счету песокъ недоступенъ—
Кто-жъ могъ-бы сказать, сколько сдѣлалъ
Ѳеронъ добра для другихъ?"

В. Водовозовъ.

Поэтъ восхваляетъ Гіерона Сиракузскаго и Ѳерона Агригентскаго за одержанныя ими побѣды на Олимпійскихъ состязаніяхъ. Олимпійскія и подобныя имъ игры были въ Греціи въ полномъ смыслѣ праздниками народными, а отличавшіеся на нихъ дѣятели—народными героями. Понятно, тѣ и другіе вызывали къ себѣ всеобщее сочувствіе и удивленіе. Послѣднія прежде всего и легли въ основу эпиникій Пиндара. Отсюда *возвышенное, патріотическое чувство восторга,* какъ предъ самыми играми, такъ особенно

11) Поэтъ хочетъ этимъ сказать, что у него еще много есть примѣровъ на различнаго рода доблести; но довольно и приведенныхъ выше, чтобы люди разумные могли понять цѣль его словъ.

Digitized by Google

предъ подвигами героевъ-побѣдителей *составляетъ первую существенную принадлежность побѣдныхъ пѣсней Пиндара.*

Прославляя Гіерона и Ѳерона, Пиндаръ уносится воображеніемъ ко временамъ давно минувшимъ, къ предкамъ этихъ личностей, воспоминая самыя отдаленныя, чисто миѳическія преданія о Танталѣ и Пелопсѣ и судьбѣ дома Лая. Миѳологическія сказанія лежали въ основѣ религіозныхъ вѣрованій древняго грека; съ другой стороны, и самая обстановка празднествъ, при которыхъ исполнялись эпиникіи, сопровождавшаяся жертвоприношеніями и иными этого рода обрядами, невольно располагала къ соотвѣтствующему настроенію, а потому *чувство религіозное* и при томъ неподдѣльное, искреннее чувство—*вторая выдающаяся черта эпиникій Пиндара.*

Разсказы изъ отечественной миѳологіи и исторіи запечатлѣны у Пиндара неизбѣжнымъ характеромъ эпическимъ и служатъ видимыми отступленіями отъ главнаго предмета хвалебныхъ пѣсней или, какъ принято говорить, эпизодами (греч. τὸ ἐπεισόδιον—вставка); но эти уклоненія, кажущіяся на первый взглядъ совершенно посторонними и лишними, на самомъ дѣлѣ стоятъ въ неразрывной связи съ остальнымъ содержаніемъ, образуя собою лишь подробное его раскрытіе. *Стройное соединеніе въ одно цѣлое элементовъ эпическаго и лирическаго—третье отличительное свойство оды Пиндара.*

Торжественную пѣснь Гіерону Пиндаръ начинаетъ восхваленіемъ игръ Олимпійскихъ, послѣ чего прямо переходитъ къ эолійскому гимну, затѣмъ къ самому Гіерону, къ лирѣ, къ музѣ и т. д., представляя цѣлый рядъ быстро смѣняющихся картинъ. Такіе же неожиданные переходы отъ одного предмета къ другому господствуютъ и въ одѣ Ѳерону Агригентскому, равно какъ и въ остальныхъ эпиникіяхъ Пиндара. Это *четвертая характеристическая особенность произведеній Пиндара,* извѣстная подъ именемъ *„лирическаго безпорядка“* Лирическій безпорядокъ былъ у беотійскаго поэта явленіемъ вполнѣ естественнымъ: онъ вызывался скорою смѣной впечатлѣній, которыя приходилось переживать лирику, какъ очевидцу воспѣваемаго событія. Въ живомъ, непосредственномъ воздѣйствіи затрогиваемыхъ современныхъ происшествій на душу автора кроется причина и замѣчательной изобразительности слога Пиндара, что опять-таки является замѣтнымъ, но уже внѣшнимъ отличіемъ твореній этого писателя. Наконецъ, со стороны состава—большинство эпиникій Пиндара совмѣщаютъ въ себѣ строфы, антистрофы и эподы, хотя есть между ними сочиненія и безъ эподовъ.

Digitized by Google

Въ эпиникіяхъ Пиндара греческая ода достигла своего высшаго совершенства, соединивъ въ себѣ все лучшее, что было выработано эолійской и дорійской лирикой, и такимъ образомъ сдѣлавшись въ полнѣйшемъ смыслѣ общенароднымъ достояніемъ цѣлой Греціи. Здѣсь-то именно и коренится основаніе громкой славы Пиндара среди современниковъ и постояннаго глубокаго уваженія къ его созданіямъ въ исторіи. Правители: Гіеронъ Сиракузскій, Ѳеронъ агригентскій, Аркезилай киренскій, Алеинтъ македонскій, ѳессалійскіе Алевады и Скопады, свободные города, богатые и знатные роды—всѣ дорожили посѣщеніемъ великаго Киноскефальскаго лирика и щедро вознаграждали его творенія. Аѳиняне даровали ему званіе проксена—гостя Аѳинъ и воздвигли въ честь его статую; Ѳивяне начертали на стѣнѣ храма Юпитера Аммонскаго въ Ѳивахъ одно изъ его произведеній, а на его домѣ—надпись: „Жилище Пиндара, пѣвца, не сожигайте!“; Родосцы золотыми буквами изобразили пѣснь, въ которой поэтъ прославилъ ихъ островъ. У одного только Плутарха приводится девяносто цитатъ изъ Пиндара. Платонъ также съ особеннымъ почтеніемъ и часто ссылается на Пиндара, а Аполлоній Родосскій просто упивается миѳологіею Пиндара. Не менѣе высоко цѣнили греческаго лирика и Римляне. Поэтъ Стацій мѣтко именуетъ его царемъ лирическаго сонма (Sylv. IV, 7), а Квинтиліанъ ставитъ его между новыми великими лириками выше всѣхъ „по величавости мыслей и чувствованій и обильнѣйшей полнотѣ идей и словъ.“ Горацій въ одѣ „Къ Антонію“ (кн. IV, од. 2) такъ характеризуетъ этого Гомера лирики:

„Съ Пиндаромъ кто состязаться дерзаетъ,
Тотъ и крылами, и долей печальной
Сходенъ съ Икаромъ, давшимъ прозванье
Влагѣ кристальной.
Горнымъ потокомъ, который дождями
Изъ береговъ всѣхъ повынесло снова,
Бурно вскипаетъ бездонно—глубоко
Пиндара слово.
Грянетъ ли онъ въ диѳирамбѣ отважномъ,
Лавръ подобаетъ ему Аполлона:
Рѣчь его новая мчится въ размѣрахъ
Чуждыхъ закона.
Или боговъ и царей воспѣваетъ,
Или героевъ выводитъ примѣры,
Тѣхъ, что сгубили Центавровъ и страшный
Пламень Химеры [1]);
Тѣхъ ли, что съ пальмой элисской [2]) стяжали

1) Центавры, дѣти Иксіона, побѣждены Геркулесомъ и Пиѳеемъ. Побѣдитель огненной Химеры Беллерофонтъ. 2) Элисъ въ Пелопонезѣ, гдѣ совершались олимпійскія

Digitized by Google

Славу, борда ли, коня-ль именуетъ—
Болѣе лестной, чѣмъ сто изваяній,
Пѣснью даруетъ.
Съ слезной невѣстой ли плачетъ надъ павшимъ
Юношей, или до звѣздъ выхваляетъ
Вѣка златаго обычай—онъ темный
Оркъ побѣждаетъ [3]).
Лебедь дирцейскій [4]), когда онъ несется
Подъ облаками, Антоній! струею
Воздуха поднять могучей".... *А. Фетъ.*

Приведенныхъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы судить, какъ сильно должны были вліять оды Пиндара на дальнѣйшую судьбу этого вида лирики.

Римская ода Горація. Прямымъ преемникомъ и вмѣстѣ достойнымъ представителемъ классической оды въ литературѣ римской выступаетъ уже извѣстный намъ Горацій, который самъ открыто и неоднократно заявляетъ свою наслѣдственную связь съ одописцами греческими, называя свои лирическія творенія „aeolium, lesbium carmen – эолійскою, лесбосскою пѣснію." (Кн. I. од. 26, ст. 11; 32, ст. 4; кн. III, од. 30, ст. 13; кн. IV, од. 3, ст. 12; 6, 35). Горацій оставилъ послѣ себя четыре книги одъ; лучшими изъ нихъ признаются книги вторая и особенно третья. Вотъ нѣсколько образцовъ.—

Изъ первой книги:

О д а 1. *)

Къ Меценату. [1])

О, Меценатъ, царей древнѣйшихъ порожденье,
Мое сокровище, оплотъ и украшенье!
Иному радостно, что олимпійскій прахъ [3]),
Не трогая меты, на жаркихъ колесахъ
Онъ можетъ подымать, и пальмою надменной
Возвышенъ до боговъ, властителей вселенной;
Тому, коль вѣтренной квиритскою толпой
Онъ предлагается для почести тройной;
Другому, коль собрать онъ въ житницы успѣетъ

игры. Горацій говоритъ здѣсь объ эпиникіяхъ. 3) Оркъ считаетъ все преходящее своимъ достояніемъ, но поэтъ, силою пѣсенъ даруя безсмертіе, побѣждаетъ его. 4) Дирцейскій источникъ, протекающій близъ Ѳивъ.

*) Од. 1. Эта ода написана въ 732 г. отъ о. Р. (22 г. до Р. Х.), когда Горацій поднесъ Меценату три первыя книги одъ. 1) „Меценатъ"—К. Цинлій Меценатъ, другъ римскаго императора Августа, покровитель искусствъ, подарившій Горацію виллу въ Сабиніи. 3) Во время Горація знатные Римляне посѣщали олимпійскія игры, стараясь

Digitized by Google

Все то, что на поляхъ ливійскихъ [10]) ни созрѣетъ.
Взлюбившаго бразды отеческихъ полей
Сокровищами всѣхъ пергамскихъ богачей [12])
Не увлечешь во вѣкъ, чтобъ въ страхѣ непогоды
Онъ путь проборождилъ кормиломъ черезъ воды.
Купецъ, испуганный свирѣпостью вѣтровъ,
Намъ выхваляетъ миръ родимыхъ береговъ
И городскихъ полей, но скоро суетится
У сломленныхъ снастей: онъ бѣдности боится.
Иному весело за чашей круговой
Массійскаго вина, безпечно день—денской
Лежать раскинувшись подъ вишней наклоненной,
Иль у священныхъ водъ Наяды полусонной.
Премногимъ нравится шумъ лагерный и зыкъ
Роговъ и трубъ, войны неистовый языкъ,
Противный матерямъ [25])... Подъ хладной тучей снѣжной
Охотникъ о женѣ не вспоминаетъ нѣжной,
Коль псами вѣрными лань слѣдомъ поднята,
Иль бѣшеный кабанъ прорвался въ тенета.
Меня-жь—зеленый плющъ, искуснаго награда,
Равняетъ божествамъ, меня лѣсовъ прохлада,
Да между легкихъ Нимфъ Сатировъ хороводъ
Возноситъ надъ толпой, пока передаетъ
Эвтерпа флейту мнѣ, меня не отвергаетъ,
И Полигимнія Лесбоса пѣснь слагаетъ.
Коль ты меня почтешь лирическимъ пѣвцомъ,
Я вознесусь до звѣздъ торжественнымъ челомъ".

Ода XIV *).

Къ республикѣ.

„Корабль, морской волной влечетъ тебя опять!
О, что же медлишь ты? Старайся портъ занять.
Ужель не видишь ты, что силою ненастій
Бока обнажены, и перебиты снасти
Порывами вѣтровъ, что реи ужь давно
На мачтѣ стонутъ всѣ, и все сокрушено?
Канаты лопнули и остовъ килемъ старымъ
Не въ силахъ болѣе бороться съ моремъ ярымъ!
Ни славнымъ именемъ, ни родомъ издавна,

пріобрѣсть на нихъ вѣнецъ побѣды. 10) Ливія—часть Африки между Эѳіопіей и Атлантическимъ океаномъ, употреблена вмѣсто цѣлой Африки. 12) Аттала, завѣщавшаго Риму несмѣтныя сокровища. 25) Напоминающій опасности, которымъ сыновья подвергаются на войнѣ.

*) Од. XIV. Кирхнеръ относитъ эту оду ко времени смутъ 722 года, предшествовавшихъ акціумской битвѣ. Уже Алкей сравниваетъ государство съ кораблемъ.

Digitized by Google

10. Дочь гордая лѣсовъ, понтійская сосна, [10])
Боговъ защитниковъ въ бѣдахъ не умолила:
Бъ Богахъ защиты нѣтъ и лопнули вѣтрила.
Пловецъ, испуганный кипящею волной,
Не вѣритъ кораблю съ расписанной кормой [14]).
15. Ты-жь берегися бурь сѣдаго океана,
Коль не желаешь быть игралищемъ оркана.
Недавно по тебѣ проникнутъ горемъ весь,
И сердцемъ преданный судьбѣ твоей поднесь,
Я говорю: страшись, бѣги морскаго тока,
20. У мраморныхъ цикладъ [20]) кипящаго глубоко". *А. Фетъ.*

Изъ второй книги:

Ода XVI.

Къ Помпею Гросфу.

„Проситъ боговъ о покоѣ застигнутый въ морѣ Эгейскомъ
Бурею странникъ, когда темныя тучи пойдутъ,
Скроется мѣсяцъ и вѣрные спутники—звѣзды не блещутъ.
Молитъ покоя себѣ грозный ѳракіецъ въ войнѣ;
Къ небу о томъ же взываетъ и мидянинъ съ пышнымъ колчаномъ;
Но ни алмазами, Гросфъ, ни драгоцѣннымъ ковромъ
Яркаго цвѣта, ни златомъ сердцу покоя не купишь.
Тщетно богатство и блескъ, консульскихъ ликторовъ строй;
Имъ не разсѣять летающихъ вѣчно надъ кровлей блестящей
Тяжкихъ, мучительныхъ сновъ и безконечныхъ заботъ.
Бѣдному любо: тому, у кого на столѣ нероскошномъ
Вмѣсто различныхъ богатствъ блещетъ солонка отца,
Сновъ благодатныхъ его не смущаютъ тяжелыя грезы,
Трепетъ невольный и страсть не утомляютъ его.
Жизнь коротка: для чего-жь мы надеждою долгою льстимся,
Быстрый свой вѣкъ позабывъ? Странъ благодатныхъ зачѣмъ
Ищемъ подъ солнцемъ чужимъ мы, стремяся въ далекія земли?
Кинувъ отчизну свою, развѣ покинемъ себя?
Слѣдуетъ съ нами забота, когда на корабль мы садимся,
Не оставляетъ она всадниковъ гордыхъ ряды,
Лани быстрѣе повсюду за ними несется,
Вѣтра, гонителя тучъ, вольнаго вѣтра быстрѣй.
Пусть же душа, настоящимъ довольная, будетъ покойна,
И не стремится узнать, что ее ждетъ впереди;
Пусть она горе нежданное свѣтлой встрѣчаетъ улыбкой,—
Другъ мой, вѣдь въ жизни земной прочнаго счастія нѣтъ.
Быстрая смерть унесла знаменитаго мужа Ахилла.

---

10) Берега Чернаго моря славились превосходнымъ корабельнымъ лѣсомъ. 14) Древніе расписывали корму кораблей, и Горацій намекаетъ на внѣшній блескъ Рима, на который въ опасности такъ же мало надежды, какъ на расписанную корму корабля. 20) Циклады—группа острововъ близъ Делоса; по причинѣ бурныхъ прибоевъ у бере-

Digitized by Google

Долгою страстью былъ также низвергнутъ Тифонъ.
Неумолимо потокомъ несется крылатое время,—
Дастъ мнѣ, быть можетъ, оно, въ чемъ отказало тебѣ.
Вкругъ тебя бродитъ съ мычаніемъ стадо коровъ сицилійскихъ,
Много, мой другъ, у тебя статныхъ коней, колесницъ,
Въ дважды окрашенной въ пурпуръ одеждѣ ты пышно наряженъ.
Мнѣ-жь небогатый удѣлъ скромная парка дала:
Бѣдное поле и духъ эолійской богини Камены,
Силу дала она мнѣ—мнѣнье толпы презирать". *Н. Кельша.*

Ода XVIII.

Корыстолюбцу.

„Въ жильѣ моемъ вдоль стѣнъ не блещетъ позолота,
Не вьется изъ кости узоръ;
Гиметскій [1]) архитравъ не прибавляетъ гнета
Столбамъ, изсѣченнымъ изъ горъ
Далекой Африки; въ Атталовы чертоги
Я не врывался, какъ пришлецъ [2]);
Кліентки не прядутъ мнѣ для пурпурной тоги
Руна пушистаго овецъ.
За то я сердцемъ чистъ, и въ немъ—даръ силы вышней—
Кипитъ поэзія ключемъ;
Я не прошу боговъ о милости излишней;
Бѣднякъ, но чтимый богачемъ,
У дружбы сильныхъ я не вымоляю дара:
Съ меня довольно и Сабинъ [3])!
День дню бѣжитъ во слѣдъ; луна опять изъ шара
Въ серпъ обращается... Но, сынъ
Корысти, въ гробъ скользя, еще ты мраморъ гордый
Пилишь на плиты; позабывъ
О смерти, строишь домъ; тебѣ ужъ мало твердой
Земли, и, кажется, въ заливъ,
Шумящій возлѣ Бай [4]), ты хочешь сдвинуть берегъ....
Да, алчный человѣкъ! Скажи,
Не ты ли на полѣ сосѣда, въ часъ сумерекъ,
Срывалъ священныя межи
И у кліентовъ мялъ снопы на бѣдныхъ пашняхъ?
Тобою изгнаны—гляди!
Мужъ и жена, въ слезахъ, несутъ боговъ домашнихъ
И чадъ, прижавшихся къ груди...

говъ ихъ, они выставлены Гораціемъ въ примѣръ опасности. 1) Гиметъ—гора въ Аттикѣ, славилась пчелами и мраморомъ. 2) Атталъ, Пергамскій царь, отказалъ свои богатства Римскому народу, но Аристоникъ объявилъ притязанія на это наслѣдство покуда наконецъ Римскій консулъ Перпенна не взялъ его въ плѣнъ и не отвезъ сокровищъ въ Римъ 3) Сабины—помѣстье Горація. 4) Баи—городъ въ Кампаніи, знаменитый

Digitized by Google

Но—вѣрно лишь одно богатому жилище:
Въ селеньяхъ Орковыхъ оно [5])!
О чемъ хлопочешь ты? И сынъ вельможъ, и нищій
Землей поглотятся равно.
За горсти золота не вывезъ Прометея
Изъ ада стражъ подземныхъ водъ [6]);
Тантала держитъ онъ, гдѣ узы, тяготѣя,
Легли на весь Танталовъ родъ,
И, званый или нѣтъ, въ положенное время
Снимаетъ съ бѣднаго тяжелой жизни бремя". *Крешевъ.*

Изъ третьей книги:

О д а II. *)

Къ римскому юношеству.

„Пусть юноша себя, окрѣпнувъ на войнѣ,
Стремится пріучить къ лишеньямъ ежечаснымъ;
Тогда онъ явится съ копьемъ и на конѣ
Для Парѳа грознаго противникомъ опаснымъ [4]);
Ни бой, ни жизнь полей его не устрашатъ.
Тогда съ враждебныхъ стѣнъ [6]) властителя супруга
И дѣва юная пускай за нимъ слѣдятъ
Очами полными смущенья и испуга!
И пусть вздохнутъ—увы! чтобъ царственный женихъ
Не растревожилъ льва рыкающаго встрѣчей,
Который носится межъ чуждыхъ и своихъ,
Алкая утолить свой гнѣвъ кровавой сѣчей.
Смерть за отечество отрадна и славна—
Бѣжавшій отъ нея въ бою не уцѣлѣетъ,
И вѣрно юношей изнѣженныхъ она
Колѣнъ трепещущихъ и спинъ не пожалѣетъ [16]).
А доблесть грязныхъ всѣхъ чуждается страстей,
Одною славою блистая благородной;
И внемля вѣтренной толпѣ, не сродно ей
Сѣкиру брать и класть по прихоти народной [20]).

купальнями. 5) Оркусъ—Римскій Плутонъ, богъ ада. 6) Стражъ подземныхъ водъ—Харонъ.

*) Од. II. Горацій въ этой одѣ указываетъ юношамъ на доблесть (virtus), которая вмѣщаетъ въ себѣ и перенесеніе воинскихъ трудовъ, и готовность умереть за отечество, и стремленіе къ славѣ высшей и единственной наградѣ подвига. 4) Грозный Парѳъ здѣсь вмѣсто всякаго иного врага, а, можетъ быть, и потому, что юноша долженъ стремиться возвратить утраченные Крассомъ значки. 6) Въ рѣшительныя минуты битвы женщины и дѣвы осажденныхъ выходили на стѣны башенъ и укрѣпленій смотрѣть на бой. Горацій желаетъ, чтобы въ числѣ прочихъ невѣста царевича слѣдила поперемѣнно за женихомъ и за храбрымъ римскимъ юношей, котораго онъ сравниваетъ со львомъ, боясь, чтобы они не встрѣтились. 16) Древніе старались у бѣгущихъ враговъ подрубить жилы подъ колѣнями (см. Энеид. IX, 763). 20) Горацій, какъ истый

Digitized by Google

Она избраннику, который не умретъ,
Путями новыми безсмертье отверзаетъ,
На сходбища съ толпой обычной не пойдетъ [23])
И въ небо отъ земли на крыльяхъ улетаетъ.
Молчанью тоже честь; того, что раздѣлилъ
Цереры таинства священныя съ толпою [26]),
Не допущу, чтобъ онъ подъ той же крышей былъ,
Иль лодку утлую отвязывалъ со мною.
Забвенью преданный, златаго дня Отецъ
Къ преступнымъ чистаго не рѣдко причисляетъ [30]),
А наказаніе, хоть поздно, наконецъ
Съ хромой своей ногой злодѣя настигаетъ".

Ода XXX. *)

Къ Мельпоменѣ.

„Воздвигъ я памятникъ вѣчнѣе мѣди прочной
И зданій царственныхъ превыше пирамидъ;
Его ни ѣдкій дождь, ни Аквилонъ полночный,
Ни рядъ безчисленный годовъ не истребитъ.
Нѣтъ, я не весь умру, и жизни лучшей долей
Избѣгну похоронъ, и славный мой вѣнецъ
Все будетъ зеленѣть, доколѣ въ Копитолій
Съ безмолвной дѣвою верховный ходитъ жрецъ [8]).
И скажутъ, что рожденъ, гдѣ Ауфидъ говорливый [9])
Стремительно бѣжитъ, гдѣ средь безводныхъ странъ
Съ престола Давнъ [11]) судилъ народъ трудолюбивый;
Что изъ ничтожества былъ славой я избранъ,
За то, что первый я на голосъ эолійскій [13])
Свелъ пѣснь Италіи. О, Мельпомена! свей
Заслугѣ гордой въ честь сама вѣнецъ дельфійскій
И лавромъ увѣнчай руно моихъ кудрей". *А. Фетъ.*

Римлянинъ, представляетъ доблесть осмысленной силой, непреклонной передъ народною прихотью,—вотъ почему она ищетъ для себя новые, толпѣ неизвѣстные пути къ безсмертію. 23) Юноша, исполненный прямой доблести, не можетъ быть ни хвастливъ, ни болтливъ. 26) Таинства Цереры весьма уважались и у Римлянъ, и у Грековъ, поэтому высказать ихъ непосвященнымъ считалось большимъ преступленіемъ. 30) Слѣдовательно, невинный можетъ погибнуть за то только, что сблизился съ злодѣемъ.

*) Ода эта заключаетъ, въ видѣ эпилога, три первыя книги, посвященныя Меценату. Здѣсь поэтъ говоритъ о важности своей заслуги и о своемъ безсмертіи. Этой одѣ подражали многіе поэты, начиная съ Проперція. Подражаніе Державина и Пушкина названы: Памятникъ. 8) Доколь будутъ приноситься жертвы Вестѣ и Юпитеру капитолійскому, слѣдовательно, по понятію Римлянъ, вѣчно. 9) Ауфидъ" —нынѣ Офанто, р. въ Апуліи, впадающая въ Адріатическое море. Берега этой рѣки—родина Горація. 11) Давнъ, первый царь Апуліи. Горацій и здѣсь земляковъ своихъ поставилъ на первомъ планѣ. 13) Горацій гордился тѣмъ, что первый началъ подражать эолійскимъ пѣвцамъ.

Digitized by Google

Изъ четвертой книги:

Ода V *)

Къ Цезарю Августу.

„Любимый сынъ боговъ и Рима лучшій стражъ,
Давно мы ждемъ тебя. Священному собранью
Отцовъ [3]) ты слово далъ быть во время! когда-жь
Вернешься ты по обѣщанью?
Пусть свѣтъ, о добрый вождь! надъ родиной взойдетъ!
Лишь только ликъ твой гдѣ народу возсіяетъ,
Какъ будто-бы весной пріятнѣй день пойдетъ
И ярче солнце запылаетъ.
Какъ мать по юношѣ, которому злой Нотъ [9]),
Волну карпатскую заставя возмутиться [10]),
Не дастъ изъ-за моря—давно сравнялся годъ—
Подъ кровъ любимый воротиться—
Бѣдняжка къ небесамъ обѣты шлетъ съ мольбой,
Отъ береговъ кривыхъ лица не отвращая,—
Такъ, Цезарь, ждетъ тебя всечасно край родной,
Любовью вѣрною пылая.
Затѣмъ, что бродитъ волъ покойно средь полей,
Обильные плоды Цереры край питаютъ,
И плаватель летитъ вдоль стихнувшихъ морей
И честь навѣты не пугаютъ.
Развратъ не сталъ домовъ почтенныхъ осквернять,
Порокъ преслѣдуемъ законами и мнѣньемъ,
И сходствомъ чадъ своихъ гордиться можетъ мать—
А кара рядомъ съ преступленьемъ.
Про Скиѳовъ и Парѳянъ и знать мы не хотимъ,
Суроваго никто Германца не боится:
Вѣдь Цезарь между насъ могучъ и невредимъ—
Такъ кто-жь Иберца устрашится [28])?
Всякъ въ виноградникѣ проводитъ день своемъ,
Къ сухому дереву побѣги лозъ склоняетъ [30])
И, отойдя къ вину, съ отрадой за столомъ
Тебя съ богами поминаетъ,
Съ молитвой предъ тобой сливаетъ онъ фіалъ [33]),
Твою божественность уподобляя Ларамъ:

---

*) Од. V. Въ 738 году Августъ отправился въ Галлію, гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ. Въ это время Римъ ожидалъ его съ величайшимъ нетерпѣніемъ; ему даже воздвигли жертвенникъ въ общественномъ собраніи (curia), слѣдовательно, сочиненіе этой оды должно отнести къ концу 740, или къ началу 741 года. 3) Отцовъ народа—патриціевъ. 9) „Нотъ"—Восхожденіе и захожденіе созвѣздія Гіадъ сопровождались дождями; южный же вѣтеръ Нотъ болѣе всѣхъ тревожилъ Адрій (Адріатическое море), потому что прочіе вѣтры слабѣютъ, пролетая по землямъ. 10) Островъ Карпатъ, нынѣ Scarpanto, между Критомъ (Кандіей) и Родосомъ, окруженъ бурнымъ моремъ. 28) Иберца—Испанца. 30) Лоза вьется около сухихъ деревьевъ. 33) Взывая къ тебѣ, онъ

Digitized by Google

Такъ точно древній Грекъ Кастора ублажалъ
И Геркулеса лучшимъ даромъ.
О добрый вождь! продли на долгіе года
Покой Геспериі, и въ трезвомъ мы и въ пьяномъ [38])
Сознаньи говоримъ, съ разсвѣтомъ и когда
Почіетъ Фебъ за океаномъ".

Ода XV *).

Похвала Августу.

„Уже я воспѣвать хотѣлъ коварный бой
И гибель городовъ, но лирный гласъ раздался,
И Фебъ вѣщалъ, чтобъ я съ тирренскою волной [3])
Подъ утлымъ парусомъ бороться не пускался.
Твой вѣкъ, о Цезарь! вновь обиліемъ плодовъ
Благословилъ труды оратаевъ счастливыхъ;
Зевесу нашему вернулъ его орловъ,
Сорвавши ихъ со стѣнъ Парѳинъ самолюбивыхъ,
И двери Януса Квирина затворилъ,
И обуздалъ и ввелъ въ границы духъ безчинной,
Рукою мощною пороки устрашилъ
И доблестію насъ обрадовалъ старинной.
Она-то имени латинскому дала
Почетъ, взлелѣяла великій духъ народа,
И славу римскую она-то разнесла
Отъ ложа Геспера до солнечнаго всхода.
Коль будетъ Цезарь насъ отъ бѣдствій охранять,
Ни мятежи гражданъ не повредятъ покою,
Ни гнѣвъ, который радъ всегда мечи ковать
И бѣднымъ городамъ опять грозить войною.
Ни тотъ, кто пьетъ Дунай въ высокихъ берегахъ,
Не смѣетъ нашего ослушаться закона,
Ни Гетъ, ни Серъ, ни Персъ, нашъ вѣроломный врагъ [23]),
Ни тотъ, кто родился у водъ далекихъ Дона.
А мы въ рабочіе и праздничные дни,
Лієя скромнаго присѣвши за дарами,
Средь нашихъ женъ, дѣтей и нашей всей родни;
Какъ должно, помолясь сперва передъ богами,
Всѣхъ нашихъ праотцевъ, героевъ воспоемъ
Лидійской флейтою и въ этой пѣснѣ громко [30])

исполняетъ обряды жертвоприношенія. 38) Геспериа — Италія.

*) Од XV. Посвятивъ четвертую книгу одъ, согласно желанію Августа, прославленію пасынковъ его, Горацій оканчиваетъ ее этимъ стихотвореніемъ, въ которомъ старается показать благотворное вліяніе на Римъ единодержавія Августа. Сочиненіе этой оды можно отнести ко времени около 742 года. 3) Древніе нерѣдко сравнивали поэтическій трудъ съ усиліемъ плавателя. 23) Индійцы и Серы, жившіе на самомъ отдаленномъ востокѣ, просили расположенія Августа. 30) Лидійской флейтою—

Digitized by Google

Анхиза стараго и Трою помянемъ,
Венеру и ея достойнаго потомка“ [32]). *А. Фетъ.*

Обращенія къ Меценату, къ республикѣ, къ Помпею Гросфу и проч., свидѣтельствуя о значительномъ разнообразіи и богатствѣ содержанія одъ Горація, въ то же время указываютъ и на ихъ глубоко-національный, чисто народный характеръ. Съ другой стороны, какъ составлявшіяся при иныхъ условіяхъ, когда поэту сплошь и рядомъ приходилось предварительно обдумывать свое произведеніе какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ, онѣ носятъ на себѣ ясный отпечатокъ подобной работы: вмѣсто живаго, непосредственнаго чувства, такъ замѣтно преобладающаго въ одахъ греческихъ, въ нихъ всюду выдвигается на первое мѣсто творческая мысль автора; послѣднее весьма ярко просвѣчиваетъ въ постоянномъ стремленіи къ нравственнымъ назиданіямъ и поучительности, въ строгой выдержанности изложенія, отличающагося особенною связностію и послѣдовательностію, и въ художественной обработкѣ слога, запечатлѣннаго изящными оборотами и выраженіями. Въ отношеніи внѣшняго состава и построенія въ одахъ Горація, назначавшихся въ огромномъ большинствѣ для чтенія, а не для пѣнія, нѣтъ уже греческаго дѣленія на строфы, антистрофы и эподы: самый стихъ, распадающійся обыкновенно на четырехстрочныя строфы, для большаго благозвучія снабжается цезурой, при чемъ, примѣнительно къ свойствамъ латинскаго языка, вездѣ, гдѣ только возможно, хорей замѣняется спондеемъ.

Всѣ эти качества, сообщая одамъ Горація нѣкотораго рода искусственность, наглядно отличаютъ ихъ отъ болѣе простой и естественной оды греческой; тѣмъ не менѣе за свои названныя достоинства разсматриваемыя творенія римскаго лирика всегда пользовались заслуженнымъ вниманіемъ; на нихъ-то главнымъ образомъ и основывается слава великаго римскаго поэта. Въ данномъ случаѣ характерно мнѣніе Квинтиліана, которое смѣло можно принять за отголосокъ всей древности.— „Lyricorum Horatius fere solus legi dignus, говоритъ знаменитый римскій критикъ (X, I, 96), nam et insurgit aliquando, et plenus est jucunditatis et gratiae, et variis figuris et verbis felicissime audax—изъ лириковъ Горацій почти одинъ только достоинъ чтенія, потому что онъ и воодушевляетъ иногда, и полонъ пріятности и изящества, и весьма счастливо смѣлъ различными оборотами и выраженіями.“ Оттого-то оды Горація и уцѣлѣли до нашего времени вполнѣ и во множествѣ списковъ.

Гомеровой. 32) Анхиза, Венеру и Энея, какъ прародителей іуліанскаго рода, къ которому Августъ принадлежалъ по усыновленію.

Digitized by Google

Ода ложноклассическая. Въ XVII и XVIII в. ода получила направленіе ложноклассическое. Предъ нами произведеніе Ломоносова:

„На день восшествія на Всероссійскій Престолъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года.“ *)

I.
Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Твое богатство по земли.

II.
Великое свѣтило миру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя.
Ты кромѣ Той всего превыше;
Но духъ ея Зефира тише
И зракъ пріятнѣе Рая.

III.
Когда на тронъ Она вступила,
Какъ Вышній подалъ Ей вѣнецъ,
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя пріявъ облобызала:
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ щастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.

IV.
Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ.
О коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!

---

*) Текстъ оды и нѣкоторыя примѣчанія къ нему взяты изъ сочиненій М. В. Ломоносова по изданію Императорской Академіи наукъ, томъ первый. Санктпетербургъ. 1891.

Digitized by Google

Когда Ты Крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ Собою
Добротъ Твоихъ прекрасный ликъ!

V. Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія Твоихъ похвалъ:
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ пловца способный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ;
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ,
Лѣтитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.

VI. Молчите пламенные звуки
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы наглы вихри не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай вселенна:
Се хощетъ Лира восхищенна
Гласить велики имена.

VII. Ужасный чудными дѣлами
Зиждитель мира искони,
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію Человѣка,
Каковъ неслыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства Онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россію варварствомъ попранну
Съ Собой возвысилъ до небесъ.

VIII. Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чюдился,
Взирая на Россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна
Сомнѣнная Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?

IX. Тогда божественны науки,
Чрезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россію простирали руки,
Къ сему Монарху говоря:

Digitized by Google

Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ Россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ Себѣ ихъ призываетъ;
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды. (*)

X. Но ахъ! жестокая судьбина!
Бессмертія достойный Мужъ,
Блаженства нашего Причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Впушивъ рыданій нашихъ слухъ,
Верьхи Парнасски восстенали,
И Музы воплемъ провождали,
Въ небесну дверь пресвѣтлый Духъ.

XI. Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ шатался путь,
И токмо шествуя желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина
Отрада по Петрѣ едина
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ естьлибъ жизнь Ея продлилась,
Давнобъ Секвана постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой **).

XII. Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнассъ?
О коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики,
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова Дщерь
Щедроты Отчи превышаетъ,
Довольство Музъ усугубляетъ,
И къ щастью отверзаетъ дверь.

XIII. Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,

---

*) Ст. 81—90. Относится къ учрежденію Академіи наукъ, и здѣсь выражена мысль Петра Великаго, руководившая имъ при основаніи Академіи наукъ. Онъ призывалъ иностранныхъ ученыхъ потрудиться на пользу Россіи и содѣйствовать распространенію образованія въ русскомъ народѣ **) Ст. 109—110, Секвана (Sequana)—Сена (Seine) постыдилась бы передъ Невой, то есть Парижская Академія наукъ могла бы позавидовать Петербургской.

Digitized by Google

И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники ему подвластны
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.

XIV. Сія Тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ,
Пространная Твоя держава
О какъ Тебѣ благодаритъ!
Воззри на горы превысоки,
Воззри въ поля Твои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью Твоей цвѣтетъ.

XV. Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ щастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія;
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.
Сіе злату очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой восставленныхъ наукъ *).

XVI. Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми борей крилами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистою водой
Какъ Нилъ народы напаяетъ
И breги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю широтой.

XVII. Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса.

---

*) Ст. 148—150. Мерзляковъ: „Надобно замѣтить, что горное дѣло, по крайней мѣрѣ въ разсужденіи драгоцѣнныхъ металловъ, тогда только начиналось. И такъ стихъ: и камни почувствуютъ силу—имѣетъ здѣсь свое особенное достоинство для настоящаго времени оды.“

Digitized by Google

165. Гдѣ въ роскошѣ прохладныхъ тѣней
На пасствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не устрашалъ,
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ,
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
170. Поющихъ птицъ не разгонялъ.

XVIII. Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ бѣгъ свой простирать! *)
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
175. Мы даръ Твой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедротъ Твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
180. Въ Твою державу отъ Манжуръ **)

XIX. Се мрачной вѣчности запону
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ!
185. Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ.
Тамъ влажная стезя бѣлѣетъ
На востокъ пловущихъ кораблей:
Колумбъ Россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
190. Сказать о щедрости Твоей.

XX. Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ Океанъ;
Небесной синевой одѣянъ
Павлина посрамляетъ вранъ.
195. Тамъ тучи разныхъ птицъ лѣтаютъ,
Что пестротою превышаютъ

---

*) Ст. 171—172. Въ Регламентѣ Академіи наукъ говорится: „Государству не можетъ быть инако, яко къ пользѣ и славѣ, ежели будутъ такіе въ немъ люди, которые знаютъ теченіе тѣлъ небесныхъ и времени, мореплаваніе, географію всего свѣта и своего государства.... Всѣ государствы, а наипаче Россійское, имѣютъ случай ктому, чтобъ примѣчанія и новыя изобрѣтенія дѣлать въ травахъ, деревахъ, камняхъ, соляхъ, рудахъ, однимъ словомъ во всемъ томъ, что внутрь и на поверхности земли находится“ и т. д. **) Ст. 177—180. Въ половинѣ семнадцатаго столѣтія Амуръ занятъ русскими. Въ 1650 году „нѣкоторой промышленной человѣкъ, уроженецъ города Соли Вычегодской, именемъ Ерофей Хабаровъ“ отправился „съ охочими людьми на Амуръ рѣку“. Вскорѣ по занятіи Амура послали въ Москву ясакъ и „для опыта нѣсколько хлѣба, какой родился на Амурѣ“. Съ 1650 по 1689 годъ продолжалась русская колонизація на Амурѣ. Но въ 1689 году заключенъ Нерчинскій трактатъ, по которому вся рѣчная область Амура перешла во власть китайцевъ или „манжуровъ“.

Digitized by Google

Одежду нѣжныя весны,
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ,
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.

XXI. И се Минерва ударяетъ
Въ верьхи Рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи Твоемъ.
Плугонъ въ рассѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Которой тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Свирѣпой отвращаетъ взоръ.

XXII. О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать *)

XXIII. Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ щастливой жизни украшаютъ,
Въ нещастной случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуютъ вездѣ,
Среди народовъ и пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,

---

*) Ст. 211–220. Эта строфа относится къ студентамъ Академическаго университета, цѣль котораго состояла въ приготовленіи русскихъ молодыхъ людей къ ученой и учебной дѣятельности. Они должны были замѣнить со временемъ тѣхъ ученыхъ, которые по необходимости призваны были изъ чужихъ странъ. „Россія—говорится въ Регламѣ—не можетъ еще тѣмъ довольствоваться, чтобъ только имѣть людей ученыхъ, которые уже плоды науками своими приносятъ, но чтобы всегда на ихъ мѣста заблаговременно наставлять въ наукахъ молодыхъ людей, а особливо что учрежденіе Академическое впредь должно состоять изъ природныхъ Россійскихъ: того ради къ Академіи другая ея часть присоединяется—университетъ.“ Къ питомцамъ этого университета и обращается Ломоносовъ, говоря, что отечество надѣется увидѣть въ нихъ такихъ же достойныхъ служителей науки, какими были даровитѣйшіе изъ ихъ наставниковъ, призванные „отъ странъ чужихъ.“

Digitized by Google

230. Въ покоѣ сладки и въ трудѣ *).
XXIV. Тебѣ, о милости Источникъ,
О Ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
235. Завидя нашему покою
Противъ Тебя возстать войною;
Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ безпреткновенну
И жизнь твою благословенну
240. Съ числомъ щедротъ Твоихъ сравнитъ".

Поэтъ начинаетъ свое стихотвореніе прославленіемъ тишины, водворившейся въ Россіи со вступленіемъ на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, удѣляя на это *четыре начальныя строфы,* которыя и *образуютъ* собою *приступъ. Отдѣлы пятый и шестой* содержатъ указаніе главнаго предмета оды и *составляютъ предложеніе; оно заканчивается упоминаніемъ о лирѣ и пѣніи*: „Се хощетъ Лира восхищенна гласить велики имена." *Строфы седьмая и по одиннадцатую включительно представляютъ два эпизода,* или вставочныхъ разсказа, постороннихъ основной темѣ: одинъ о дѣятельности Петра Великаго, другой—о Екатеринѣ первой; *связью между ними служитъ лирическій безпорядокъ,* т. е. быстрый, неожиданный переходъ—„Но ахъ жестокая судьбина!" *Съ двѣнадцатаго по двадцать третій отдѣлъ включительно* говорится о великомъ, плодотворномъ значеніи мирнаго царствованія Елисаветы для развитія и процвѣтанія наукъ—*изложеніе. Строфа двадцать четвертая*—обращеніе автора къ Елисаветѣ съ выраженіемъ твердой надежды на Божественное заступничество и благоволеніе *является заключеніемъ. При изображеніи дѣлъ Петра, Екатерины и Елисаветы допущено* крайне преувеличенное, *чрезмѣрное восхваленіе:* вопреки дѣйствительности, Петръ выступаетъ государемъ, возвысившимъ Россію до небесъ, кроткая Екатерина—способною поставить русское государство выше Франціи, боже-

*) Ст. 221—230. Цицеронъ въ рѣчи за поэта Архія говоритъ, что занятія науками даютъ человѣку благороднѣйшее наслажденіе и служатъ лучшимъ способомъ для успокоенія духа отъ житейскихъ треволненій: „Quod si non hic tantus fructus ostenderetur, et si ex his studiis delectatio sola peteretur, tamen, ut opinor, hanc animi remissionem humanissimam et liberalissimam indicaretis. Nam ceterae neque temporum sunt, neque aetatum omnium, neque locorum: haec studia adulescentiam alunt, senectutem oblectant, secundas res ornant, adversis perfugium ac solacium praebent, delectant domi, non impediunt foris, pernoctant nobiscum, peregrinantur, rusticantur. (Pro Archia poeta, c. VII)".

Digitized by Google

ственная Елисавета—превышающею своего отца въ заботливости о просвѣщеніи. *Въ дѣйствіе введены греко-римскія языческія божества*—Марсъ, Нептунъ, Музы, Борей, Минерва, Плутонъ; *часто слышится* поддѣльный, *условный восторгъ*, выражающійся въ употребленіи громкихъ оборотовъ рѣчи, восторженныхъ обращеній, восклицаній и т. п. чисто искусственныхъ пріемовъ при отсутствіи истиннаго вдохновенія. *Условный восторгъ, введеніе въ дѣйствіе греко-римскихъ миѳологическихъ божествъ, чрезмѣрное восхваленіе героевъ, лирическій безпорядокъ, эпизоды, упоминаніе о лирѣ и пѣніи и дѣленіе на приступъ, предложеніе, изложеніе и заключеніе* таковы существенныя особенности разсматриваемаго сочиненія Ломоносова; всѣ онѣ *были добыты ложноклассическою теоріею изъ разбора эпиникій Пиндара и вмѣнены въ обязательную принадлежность каждой торжественной оды* Вотъ, наприм., что пишетъ относительно оды первый и важнѣйшій законодатель ложноклассицизма Буало во второй пѣснѣ своего знаменитаго „L'art poétique:"

„Съ большимъ блескомъ и силой неменьшею ода,
Горделиво паря наравнѣ съ небесами,
Разговоры въ стихахъ своихъ держитъ съ богами.
Борцамъ въ Пизѣ она отворяетъ заставу,
Воспѣваетъ героя ристалища славу,
Къ Симоису Ахилла въ крови направляетъ,
Иль Ескота подъ власть короля покоряетъ.
Иногда, какъ пчела, что усердно летаетъ
И съ прибрежныхъ цвѣтовъ себѣ медъ собираетъ:
Намъ рисуетъ она пиры, пляски, веселье;.....
Пылкій слогъ ея часто бываетъ негладокъ:
Въ ней искусствомъ прекрасный слыветъ безпорядокъ."

Положенія Буало, дополненныя впослѣдствіи другими упомянутыми подробностями, подчинивъ оду строгимъ внѣшнимъ предписаніямъ, всёже не сдѣлали ее классической. Пиндаръ, имѣя предъ глазами блестящіе подвиги побѣдителей, переживалъ искренній восторгъ; движимый послѣднимъ, онъ, естественно, отступалъ отъ обычнаго, послѣдовательнаго теченія мыслей и вносилъ въ свои созданія лирическій безпорядокъ и эпизоды; признавая существованіе многихъ божествъ и ихъ непосредственное участіе въ дѣлахъ человѣческихъ, онъ чистосердечно обращался къ нимъ съ мольбою о вдохновеніи и въ своихъ пѣсняхъ выводилъ ихъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ вмѣстѣ съ прославляемыми героями; передавая свои творенія посредствомъ пѣнія и сопровождая его игрою на лирѣ, онъ законно говорилъ объ этомъ и въ самыхъ произведеніяхъ. Ничего подобнаго не было у поэтовъ-подражателей: они держали въ рукахъ перо, а не лиру, писали, а не пѣли

Digitized by Google

свои сочиненія; они не вѣровали въ языческихъ боговъ, не испытывали истиннаго воодушевленія и, находясь вдали отъ восхваляемаго, удалясь отъ людей и зачастую „надъ парою стиховъ просиживая ночь," всячески старались лишь выполнить требованія теоріи. Отсюда оды ихъ, представляя по внѣшности точный снимокъ эпиникій Пиндара, въ сущности потеряли всякую простоту и естественность, перестали соотвѣтствовать дѣйствительности, стали ложными и несообразными. Создаваемыя по однимъ и тѣмъ же правиламъ, лишенныя зиждительнаго духа, онѣ сдѣлались скучными и однообразными, скоро надоѣли обществу и заслужили справедливый приговоръ нашего сатирика:

„И оду ужъ его (одописца ложноклассика) тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ,".....

послѣ чего и отошли навсегда въ исторію, передавъ свои права полнымъ жизни и художественнаго достоинства одамъ новаго времени.

Ода новаго времени. Прекрасными образцами новѣйшей оды могутъ служить, напр, два произведенія Пушкина: „Наполеонъ"—, написанное въ 1821-мъ году—по поводу кончины великаго полководца на островѣ Св. Елены, и „Клеветникамъ Россіи,"—составленное въ 1831-мъ году—по случаю польскаго мятежа.—

„Наполеонъ."

„Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ;
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.
О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Ночій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила....
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.
Давно-ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державной
Ты на земныя племена.
. . . . . .
Тогда въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его [1]) надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзко вѣровалъ душой....
Тебя плѣнило самовластье
Разочарованной красой.
И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Едва рожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.
И Франція, добыча славы,

[1]) Французскаго народа.

Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой,
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.
Сбылось! Въ величіи постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ!
Тильзитъ! При звукѣ семъ обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ Россъ—
Тильзитъ надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ,
Но скучный миръ, но хладъ покоя
Счастливца душу волновалъ.
Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца Русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара,
Но поздно Русскихъ разгадалъ...
Россія, бранная царица,
Воспомни древнія права!
Померкни солнце Аустерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война—по гробъ нашъ договоръ.
Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣгутъ Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.
И все, какъ буря, закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Во слѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ.
И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ:
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!
Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,
Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ, иногда, въ своей пустынѣ,
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.
Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!... Онъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ".

„Клеветникамъ Россіи".

„О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, илъ вѣрный Россъ?
Славянскіе-ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ?—вотъ вопросъ.
Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;

Digitized by Google

Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда!
Для васъ безмолвны Кремль и Прага,
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага—
И ненавидите вы насъ....
За что-жъ? отвѣтствуйте: за то-ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, предъ кѣмъ дрожали вы?
За то-ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?
Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте-жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ".

Смерть Наполеона, наполнившаго всю Европу шумомъ своего побѣдоноснаго оружія и усмиреннаго Россіей, вызвала въ душѣ Пушкина глубокое и искреннее чувство любви къ отечеству, при воспоминаніи славныхъ подвиговъ 1812-го года, а также сострадание къ почившему и примиреніе съ нимъ за его страдальческую участь въ изгнаніи. Подъ вліяніемъ этихъ душевныхъ движеній, поэтъ въ нѣсколькихъ правдивыхъ и яркихъ чертахъ воспроизвелъ величавый образъ знаменитаго завоевателя и указалъ его истинное историческое значеніе. Въ другомъ стихотвореніи —„Клеветникамъ Россіи" Пушкинъ выразилъ благородное негодованіе на несправедливыя и наглыя выходки противъ Россіи западноевропейскихъ народныхъ ораторовъ и твердое убѣжденіе въ неизбѣжномъ торжествѣ Русскихъ надъ Поляками, къ чему ведетъ все прошлое и настоящее могущественнаго Русскаго государства и чему поэтому не могутъ воспрепятствовать никакія усилія нашихъ коварныхъ недруговъ. Въ обоихъ сочиненіяхъ нѣтъ и тѣни искусственныхъ пріемовъ оды ложноклассической; за то по глубинѣ и искренности чувства и по силѣ его выраженія они прямо напоминаютъ оды классическія; не именуясь болѣе одами, всѣ подобныя творенія, за важность затрогиваемыхъ ими вопросовъ и величіе и истинность проводимыхъ мыслей при ихъ рѣшеніи, вполнѣ справедливо могутъ быть названы *лирическими думами*

Такимъ образомъ, *въ одахъ выражается сильное, овладѣвающее всѣмъ человѣкомъ одушевленіе, возбужденное какимъ-либо высокимъ предметомъ или явленіемъ.*

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Назначеніе лирической поэзіи („Ко гробу Кутузова"—Пушкина. „Когда волнуется желтѣющая нива"—Лермонтова) . . 3.

Отличіе лирики отъ эпоса . . . . . 4.

Условія художественности лирическихъ произведеній. . 5.

Происхожденіе лирической поэзіи. Пѣсня, какъ общая форма народной лирики. Пѣсни миѳическія или обрядныя и бытовыя, семейныя. Особенности народной пѣсни („А мы просо сѣяли, сѣяли... Слава Богу на небѣ... Ужъ какъ палъ туманъ на сине море... Ахъ ты поле мое, поле чистое"...) . . . 7.

Подражаніе народной пѣснѣ въ художественной поэзіи. Пѣсня искусственная или художественная („Тоска въ одиночествѣ"—Мерзлякова. „Пѣсня пахаря"—Кольцова) . . . . . 11.

Гимнъ („Утреннее и вечернее размышленія о Божіемъ величествѣ"—Ломоносова. „Богъ"—Державина. „По прочтеніи псалма"—Хомякова. „Подражаніе псалму XIV"—Языкова. „Размышленіе по случаю грома"—Дмитріева. „Народный гимнъ"—Жуковскаго. „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ"—Хераскова) . 14.

Элегія. Начало и характеръ элегіи у Грековъ (Изъ элегій: Тиртея, Солона, Ѳеогниса Мегарскаго, Мимнерма и Симонида Хіосскаго) . . . . . 20.

Римская элегія (Изъ Катулла—„Къ самому себѣ". Изъ Тибулла—„Безъ меня вы, Мессала! Эгейской волною пойдете". Изъ Проперція—„Корнелія къ Павлу". Изъ Овидія—„Какъ начнетъ возникать печальнѣйшій образъ той ночи... Здорово, добрый другъ!") . . . . . 26.

Ложно-классическая элегія . . . . . 37.

Элегія у новыхъ поэтовъ („Опять ты здѣсь, мой благодатный Геній". „Сельское кладбище". „Теосъ и Эсхинъ"—Жуковскаго. „Опять на родинѣ"—Пушкина. „Вечерній звонъ"—Козлова „Парусъ. Ангелъ. Выхожу одинъ я на дорогу"—Лермонтова) . 38.

Сатира. Происхожденіе и характеръ сатиры у Грековъ („Свойства острова Тазоса. Что у богатаго Гигеса"—Архилоха. „Женскіе типы"—Симонида Аморгскаго). . . . . 47.

Сатира у Римлянъ („Противъ любостяжанія. О благородствѣ. Встрѣча"—Горація. „Объ истинной свободѣ"—Персія. Изъ Ювенала—сатира первая; „Древній Римъ"—III-я сат. 1-й кн.) . 49

Сатира у новыхъ поэтовъ („Къ уму своему"—Кантемира. „Чужой толкъ"—Дмитріева. „Дума"—Лермонтова) . . . 76.

Ода. Характеръ греческой оды (Изъ одъ—Алкея, Стезихора, Симонида Кеосскаго, Вакхилида. Первая и третья Олимпійскія оды Пиндара). Значеніе поэтическихъ твореній Пиндара . . 88.

Digitized by Google

стр.

Римская ода Горація („Къ Меценату. Къ республикѣ. Къ Помпею Гросфу. Корыстолюбцу. Къ римскому юношеству. Къ Мельпоменѣ. Къ цезарю Августу. Похвала Августу)“ . . 106.

Ода ложно-классическая („На день восшествія на Всероссійскій Престолъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года“—Ломоносова) . . . . 115.

Ода новаго времени („Наполеонъ. Клеветникамъ Россіи“ Пушкина) . . . . . 123.

Замѣченныя опечатки.

Страница	Строка	Напечатано:	Должно быть:
9	сп. 18	словно	слово
16	сн. 22	Тобоя	Тобою
17	св. 16	произшелъ	происшелъ
54	сн. 6	отличились	отличались
70	сн. 2—1	бозъ покоить	безпокоить
95	сн. 6	жилищѣ	жилище
96	сн. 2	получивши	получившій

Digitized by Google

15-
000786
0866353
БУК

Министерство культуры СССР

РАЗРЕШЕНО
К ВЫВОЗУ ИЗ СССР

14 | УПОЛНОМОЧЕННЫЙ

Digitized by Google

PN 584 .S6 1904 C.1
Teoriia slovesnosti :
Stanford University Libraries
3 6105 036 502 800

DATE DUE

Digitized by Google

Digitized by Google